

Г. Л. Никаноров

При любом повороте исторических событий имя Ленина будет возвышаться над пигмеями-клеветниками, как бы ни тужились они его принизить.

НАДРЫВ

Правда и ложь
отечественной истории

XX века

*Судьба Романовых
Гражданская война
Трагедия 30-х годов
Переворот 1991 года
Православная
церковь
ЛЕНИН
СТАЛИН*

URSS

Г. Л. Никаноров

НАДРЫВ

**Правда и ложь
отечественной истории
XX века**

Под редакцией и с предисловием
А. И. Колганова

Издание третье

**URSS
МОСКВА**

Никаноров Георгий Львович

Надрыв: Правда и ложь отечественной истории XX века / Под ред.

А. И. Колганова. Изд. 3-е. — М.: КомКнига, 2010. — 536 с.

В настоящей книге автор ставит себе задачу, от которой, за немногими исключениями, уклоняются профессиональные историки и журналисты, — защитить имя В. И. Ленина от потока клеветнических нападок. Этот поток, гласно и негласно поощряемый политической атмосферой в стране, продолжается уже несколько лет и служит идеологическим оружием для тех, кто хочет удержать за собой захваченные экономические и политические привилегии. Антисоциалистическая тенденция, которая восторжествовала в нашей стране, во многом проводилась руками тех же самых людей, которые извращали идеалы социализма, прикрываясь именем Ленина. Теперь это прикрытие стало им не нужно, более того, всякое напоминание о подлинных ленинских идеях и делах стало для них опасно. И они принялись втоптать это имя в грязь со всем усердием, на какое их может подвигнуть их нечистая совесть.

Г. Л. Никаноров сосредоточил в своей книге немалое число фактов, разоблачающих клеветнические нападки на первого руководителя Советского государства и раскрывающих действительную правду истории, демонстрирующих нам подлинного, а не карикатурного Ленина (однако не закрывая при этом глаза на его слабости и ошибки). При любом повороте исторических событий, считает автор, имя Ленина будет возвышаться над пигмеями-клеветниками, как бы ни тужились они его принизить.

Книга рассчитана на всех тех, кому не безразлична правда истории, по какую бы сторону идеологических баррикад они ни стояли.

Издательство «КомКнига». 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 33,5. Зак. № 3736.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-484-01260-2

© КомКнига, 2006, 2010

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора	4
Глава I	
<i>Правда и ложь о судьбе Романовых .....</i>	6
Глава II	
<i>Романовы: к подоплеке краха царского самодержавия.....</i>	51
Глава III	
<i>Гражданская война: ожесточенность и человечность .....</i>	89
Глава IV	
<i>Правда и ложь о Ленине.....</i>	136
Глава V	
<i>Крестьянство и социализм: трагедия 30-х годов .....</i>	212
Глава VI	
<i>«Клевета все потрясает и колеблет шар земной...» .....</i>	244
Глава VII	
<i>Историческая ложь и переворот 1991 года .....</i>	284
Глава VIII	
<i>Поэзия и правда народной жизни .....</i>	310
Глава IX	
<i>Православная церковь: реалии и мифы .....</i>	402
Глава X	
<i>Ленинизм и сталинизм.....</i>	458

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Я взялся редактировать текст Георгия Львовича Никанорова, потому что был убежден в необходимости поддержать то дело, за которое он взялся — защитить имя В. И. Ленина от мутного потока грязных клеветнических нападок. Этот поток, гласно и негласно поощряемый нынешними властями, продолжается уже не менее 15 лет и служит идеологическим оружием для тех, кто хочет удержать за собой захваченные несправедливыми путями экономические и политические привилегии.

Георгий Львович проделал обширную работу, отслеживая многочисленные лживые выпады против Ленина в наших средствах массовой информации, и стремясь противопоставить этой лжи проверенные исторические факты и свидетельства. Я же видел свою задачу в том, чтобы улучшить этот текст с литературной стороны, поскольку он был создан человеком, не имеющим опыта журналистской или литературной работы. Задача, за которую я взялся, оказалась довольно сложной.

С самых первых строк было очевидно, что каждая фраза, написанная Георгием Львовичем, пронизана болью его души, — искренней болью человека того поколения, которое отстояло нашу Родину в Отечественной войне, которое надеялось на то, что удастся в конце концов отсечь негативные стороны советской системы и добиться торжества ленинских идеалов социализма. Однако события повернулись таким образом, что восторжествовала антисоциалистическая тенденция, которую во многом проводили те же самые люди, которые извращали идеалы социализма, прикрываясь именем Ленина. Теперь это прикрытие стало им не нужно, более того, всякое напоминание о подлинных ленинских идеях и делах стало для них опасно. И они принялись втоптывать это имя в грязь со всем усердием, на какое их может подвигнуть их нечистая совесть.

Искреннее и глубоко эмоциональное отношение Георгия Львовича к своей задаче может произвести на равнодушного человека, не способного понять природу этих эмоций, не самое лучшее впечатление. С чисто литературной точки зрения текст, пожалуй, перегружен эмоциональными эпитетами, изобилует неологизмами, призванными подчеркнуть, выпятить те чувства, которые испытывает автор. Нередко эмоции начинают преобладать над аргументами. Очень часто Георгий Львович прибегает к повторам одних и тех же мыслей, видимо, надеясь таким образом прочнее закрепить их в памяти читателей. Качество текста, безусловно, от этого страдает, и затрудняет восприятие аргументов теми, кто не готов безоговорочно принять сторону автора.

Тем не менее я счел себя не вправе глубоко вторгаться в своеобразный авторский стиль, создавая со всех сторон приглаженный и литературно выверенный текст. Я ограничил свою функцию тем, что исправил ошибки, наиболее неудачные обороты, по возможности сократил число эпитетов, употребляемых в одной фразе, и убрал самые очевидные повторы.

Георгий Львович заканчивал свою работу, будучи уже тяжело больным. Ему не удалось выстроить стройную логическую структуру книги. Если одни из его глав носят название

чески определенный характер, то ряд других представляют собой довольно хаотично выстроенные отклики на публикации в российских средствах массовой информации, глубоко задевавшие Георгия Львовича своим бесцерленно клеветническим характером. В этом отношении я тоже не стал ничего менять.

И еще одно замечание. Думаю, что немалое число людей, разделяющих отношение Г. Л. Никанорова к Ленину, будут весьма раздражены той резко негативной позицией, которую Георгий Львович занял по отношению к кумиру многих из тех, кто почитает себя коммунистами — к Иосифу Сталину. Георгий Львович сам признавал это, но не в его правилах было уклоняться от исторической правды, нравится она кому-нибудь, или нет. И недаром многие антикоммунисты, возводя хулу на Ленина, в тоже время возвеличивают Сталина. Они уже в открытую одобряют его террор против ленинской гвардии, одновременно стараюсь исподтишка представить его преступления как прямое следствие ленинской политики.

В конечном итоге мы имеем свидетельство позиции глубоко неравнодушного человека, решившего исполнить долг, от которого, за небольшими приятными исключениями¹, уклонились профессиональные историки и журналисты. Он исполнил его как сумел, сосредоточив в своей книге немалое число фактов, раскрывающих подлинное положение вещей, демонстрирующих нам подлинного, а не карикатурного Ленина. К сожалению, временами Г. Л. Никаноров не сумел избежать идеализации своего героя, частенько прибегая к весьма возвышенным похвалам, от которых сам Владимир Ильич, пожалуй, не был бы в восторге. Однако и это можно понять — в условиях, когда Ленина поливают потоками грязи, трудно не качнуться в противоположную сторону.

А профессиональным клеветникам, антигероям этой книги, можно напомнить — им не избежать суда истории. И в лучшем случае их ждет полное забвение, как ненужный хлам, выкинутый на свалку за ненадобностью. При любом повороте событий имя Ленина будет возвышаться над этими пигмеями, как бы ни тужились они его принизить.

А. И. Колганов

31.05.2006

---

¹ Среди исключений можно назвать великолепно выполненную работу по восстановлению подлинной биографии В. И. Ленина, сделанную В. Т. Логиновым (*Владимир Ленин. Выбор пути: Биография*. М.: Республика, 2005, и ее продолжение, изданное в 2006 г.), и разоблачение мифа о «немецком золоте» (*Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота»*. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002; *Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского*. СПб., 1994, 2001).

ГЛАВА I

Правда и ложь о судьбе Романовых

1

Можно не сомневаться: 90-е годы XX века войдут в нашу историю как одна из самых роковых и позорных её страниц с расплатой, которая может оказаться фатальной. Причём, помимо всего иного, и потому, что стали временем не просто коррупционно-воровски-бандитского обогащения гигантского масштаба, чреватого гибелью все новых миллионов соотечественников. А творится это на руинах разваливаемой страны, подорванных основ её экономики, научно-интеллектуального потенциала, культуры, народного здравоохранения, просвещения и вообще всего из наиважнейшего, целеустремленно доводимого до своего рода коматозного состояния! А раз так, в качестве одного из результатов вполне «закономерны» сотни и сотни миллиардов долларов, «уплывающие» в иностранные банки!

Разумеется, все это требует оупляющего «прикрытия» абсолютно бессовестной нацеленности. И вот как раз в данной связи криминально капитализаторским главным лжереформаторам особенно выгодной и «удобной» просто не могла не стать одна из теперь особо популяризируемых семейных драм 1918 года. Срабатывает это весьма результативно прежде всего благодаря «появлению» прямо-таки безграничных спекулятивных возможностей в ходе фальсификаторских разглагольствований о том, чья «вина» и каков ее «отзвук» в нашей истории по случаю исчезновения якобы «благодетельного» самодержавия... В частности, можно заметить, как по мере укрепления позиций Ельцина, (в том числе в связи с давно невиданным ростом смертности, в том числе и младенческой) нарастал шквал все более бессовестной лжи, в том числе и в ходе разыгрывания т. н. «детской карты». В сущности, изо дня в день «матерела» жажда необратимо обмануть народ и «по этой части»!

Особенно симптоматично усиление давления деморализующего, оглупляющего пропагандистского пресса, предрешающего поведение не только газетно-телевизионных при-служников ныне властвующих «новых» хозяев России, но и авторов школьных учебников по истории — людей, возможно, изначально не всегда самых недобросовестных, но всё же, видимо, непоправимо надломленных, то есть по сути дела готовых действовать по «принципу», сформулированному в стародавние времена — «Чего изволите?» А это означает, что ложь не только печаталась гигантскими тиражами, провозглашалась с телеэкрана, будучи обращенной к десяткам и сотням миллионов людей, но и «методично», напористо давно начала прямо-таки вбиваться в совсем уж беззащитные ученические головы с помощью беспардонно фальсификаторски нацеленных мнимо «учебных» текстов.

Уже в первые же ельцинские месяцы школьники начали получать учебники, запрограммированные на сокрытие того, что юный поэт Владимир Маяковский гениально предвидел в 1915 году: «И я: обсмеянный у сегодняшнего племени // Как длинный скабресный анекдот // Вижу идущее через горы времени // Чего не видит никто. // Где взгляд людей

обрывается куцый // Главой голодных орд // В терновом венце революций // Грядет... год» (Царская цензура, естественно, не дала назвать предполагаемый им год...). Зато в наши дни любой щедро оплачиваемый лжец может даже внушать, будто революция была «сделана» В. И. Лениным по указанию властителей Германии на их деньги!

Судьбе царской семьи в одном из учебников посвящена была только следующая фраза: «В июле 1918 г. в Екатеринбурге были расстреляны Николай II и члены царской семьи, в том числе дети царя». («История Отечества», 1992 г. С. 204) Авторы пока еще стеснялись прямо предъявить ленинскому центру ответственность за это преступление, не появилась еще и фотография царской семьи, соответствующим образом настраивающая школьников. Но через считанные месяцы ложь стала всеохватывающей в учебнике для пятиклассников «Рассказы по родной истории», рекомендованном Главным управлением общего среднего образования Министерства образования РФ и вышедшем из печати в 1993 году, без намека на документальную обоснованность, провозглашалось до того невиданное в учебниках нижеследующее бессовестнейшее обвинение.

«По распоряжению из Москвы летом 1918 года бывший царь, его жена, дети, а также находящиеся при них врач, повар и горничная, всего одиннадцать человек, были расстреляны в подвале дома, где они жили в последнее время. Так трагично (страшно) закончилась жизнь последнего царя» (С. 175). А на странице 174-й — помещен красочный групповой портрет царской семьи. Ставшее обязательным использование по отношению к несчастным, но уже взрослым девушкам термина «дети царя» помогает возникновению в лишенном честной исторической и общемировоззренческой информации массовом сознании ослепляющего чувства ничем неоправданной ненависти именно по отношению к В. И. Ленину, делавшему все ради предотвращения гибели и этой семьи, и вообще как можно большего количества соотечественников. Отвлекая внимание от на деле действительно страшных натур современности, с «помощью» нищеты, голода, болезней, всемерно поощряемой преступности и т. п., душегубствующих даже по отношению к малышам дней текущих. От кого конкретно? Как раз от тех, кто дорвался до фактически бесконтрольной власти ради невиданного преступного самообогащения с конца 1991 года...

В 1994 году десятиклассникам был адресован новый учебник: «Отечественная история. XX век» (Часть I). Он тоже был рекомендован Министерством образования РФ, а спонсором внедрявшейся с той поры программы «Обновление гуманитарного образования в России» выступил американский предприниматель-мультимиллионер Джордж Сорос. В отношении расстрела царской семьи: «Расстрел осуществлен по решению Уральского Совета и, вероятно, по согласованию с Москвой» (С. 219). Судя по всему, и здесь под давлением «новоявленного» идеологического «пресса», утверждается заведомая неправда о мнимой причастности «Москвы» (то есть ленинского руководящего центра) к убийству без намека даже на подобие обоснованности. В конце учебника помещен довольно большой блок «исторических» фотографий, открываемый самой «броской» из них, где изображена царская семья. Однако среди сравнительно крупных фотографий руководителей белого движения, среди множества такого же размера фотографий Сталина с его приближенными, германскими «коллегами» по переговорам конца 30-х годов и т. д. вдруг затерялось маленькое фото В. И. Ленина...

Свой извращающий все и вся учебник издал в 1994 г. и главный редактор журнала «Гипотеза», преподаватель истории в «Школе молодого преподавателя» при МГУ В. Я. Хуторской. В его «Истории России Советской (1917–1993 гг.)», как и в других, совсем уж бесчестно-конъюнктурных изданиях, с наиболее обнаженным бесстыдством утверждается,

будто «по распоряжению Ленина и Свердлова в ночь с 16 на 17 июля 1918 года царь, его семья и слуги были расстреляны».

Вот таким способом явление, которое, безусловно, вполне можно квалифицировать в качестве своего рода идеологического мародерства, стараниями главных капитализаторов вот уже немало лет внедряется в нашу повседневность. Агитпроповские функционеры дня сегодняшнего плоды собственной, хуже, чем заурядно грязной фантазии, непрерывно повторяемые и варьируемые, подчас дословно перенимаемые друг у друга, небезуспешно «укладывают» и в наши дни во множество голов тех, кого они с разнuzданным бесстыдством лишили честной информации. Наиболее результативно в самом деморализующем смысле орудуют все ключевые должностные лица, в руках которых находятся телевидение и вся крупнотиражная пресса. Кто и как направляет любого из них, догадаться проще простого, «исходя» из назначения или изгнания их на протяжении более чем полутора десятка лет. Особенно насухо обнажить во всех и такого рода черных деяниях роль Бориса Ельцина и его подручных!

Именно такими властью имущими делалось немало лет и пока делается все во имя того, чтобы до предела мифологизировать мировосприятие гигантского большинства наших сограждан, в сущности, одурманив их в полном соответствии с беспредельно зловещими тоталитарными «нормативами». Вот, к примеру, и вроде бы не глупая дама с высшим образованием, с апломбом утверждает, что В. И. Ленин был якобы не только ужаснейшим убийцей, но и чудовищем из чудовищ, ибо, как ей поведали с телеэкрана, он в своей квартире держал заспиртованную голову последнего императора и с наслаждением рассматривал ее, чуть ли не каждодневно, о чём в очередной раз поведало НТВ 19 ноября 1997 г. в передаче, начатой в 22 часа. Делалось совсем не по себе, когда причисливший себя к профессиональным историкам (в своё время один из самых влиятельных руководителей пропагандистского ведомства ЦК, первый заместитель начальника главного Политуправления Советской армии) Д. Волкогонов, десятки лет без устали прославлявший ленинские идеи, не только полностью солидаризировался с откровенно клеветнической «работой» о В. И. Ленине литератора Солоухина, но и во всём, чуть ли не до деталей, в собственных «изысканиях» орудовал в русле его аморальнейше фальсификаторских откровений!

Появление двухтомника Волкогонова «Ленин» было явлением более чем примечательным в предельно негативном плане, ибо на почти тысяче страниц ни одна крупномасштабная проблема не оказалась раскрытой хоть сколько-нибудь объективно и добросовестно. Что уж вспоминать о подневольных авторах учебников, «выданных на-гора», особенно начиная с 1993 года, а также о тьме тьмущей «просто» продажно-торгашеских литераторов, режиссеров и им подобных, наштамповавших огромное количество бесчестнейших радио и телепередач, фильмов, книжек, статей! Тем более — если своего рода рекордсменом на таком сверхнеопрятном фоне стал многолетний «политический» особо доверенный генерал — один из влиятельнейших номенклатурных идеологов наивысшего ранга, мгновенно переkrасившийся из «борца» за социализм в поборника царистско-буржуинских «ценностей», ставший главным «историком» времен Ельцина, особо приближенным к его «телу», и одним из палачей октября 1993 года, угоджавших именованному себя «царем Борисом»...

Практически все основополагающее в нашем прошлом «подано» здесь в полном соответствии с логикой сталинского «Краткого курса», лишь изменились на диаметрально противоположные «знаки», скажем, перед такими историческими личностями, как величайший, спасительно благородный лидер нашей Родины В. И. Ленин и последний император Н. А. Романов. Просто поразительно: как мог Волкогонов плоды своей или чьей-то непри-

стойной выдумки (а, попросту говоря — заведомой лжи) выдавать именно за научную истину. Для этого, оказывается, ему было вполне достаточно «окололитературно» сочинить: «Свердлов то и дело поправляя пенсне, читает, что по постановлению Екатеринбургского областного Совета в ночь с 16 на 17 июля, ввиду раскрытия ЧК большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи, расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место». (Д. Волкогонов, «Ленин». Политический портрет. Т. 1. С. 365)

На следующей же странице Волкогонов наигранно патетически возмущался тем, что ранее ЦК РКП(б) считал необходимым «предание царя суду (не уточнили: а за что? За то, что он российский император? Или за то, что хотел сохранять в спокойствии великое государство?)». А на с. 367 без намека на факты и документы провозглашается, будто (к тому же заблаговременно) «Ленин знал, что расстреляна вся семья царя.» Прямо-таки не было предела цинизму сановно-номенклатурного автора (ранее «верного» и особо влиятельного партийца из числа руководителей высшего ранга), до предела напиговавшего свой двухтомник заведомой фальшью и подтасовками. В числе прочего, Волкогонов делал все, чтобы, помимо всего остального аналогичного, утаить ту истину, что царь (при всем его неприятии социал-демократами, эсерами, анархистами) был отстранен от власти отнюдь не революционерами и тем более не В. И. Лениным, находившемся в многолетней эмиграции, а своими соратниками по монархическому «верованию». Случайно ли Николай подписал одно из писем жене «Твой бедный, маленький, безвольный Ники»?

Какова истинная цена типичных «информационных» ухищрений, в основе которых — своекорыстная жажда внушить народу, почти полностью лишенному в подавляющем большинстве исторической правды, будто В. И. Ленин лично стремился к трагедии в Екатеринбурге июля 1918 года? А чего стоят волкогоновские «аргументы», будто «чекисты прекрасно понимали, насколько они рисковали бы, ликвидируя Романовых без приказа из Москвы. Приказ же этот был дан Свердловым, выполнявшим устное указание Ленина!» Все это непрестанно во всей своей ельциноидной и прочей преступнейшей лживости из год в год, из месяца в месяц нескончаемо тиражируется, в сущности, буквально выволакивается на телеэкран, на газетно-журнальные страницы, хотя с точки зрения интересов истины всему этому шквалу заведомо злонамеренной неправды не просто грош цена: оценивать это давно необходимо хотя бы по статье Уголовного кодекса о клевете.

Бесчестие таких, как Волкогонов, поистине беспредельно. Подумать только: немало лет один из главных в вооруженных силах идеологов и пропагандистов ЦК КПСС опустился до соучастия в создании на редкость клеветнического мифа, будто без согласия В. И. Ленина в самые бесконтрольно тяжкие годы «ни один волос не мог упасть ни с одной головы!» Остается поражаться тому, как изощренно лицемерно на протяжении многих десятилетий своей несправедливой жизни вплоть до старости Д. Волкогонов (как Ельцин и прочие, им подобные) изображал из себя «честного» коммуниста! В действительности Владимир Ильич никогда лично не решал вопросов о чьей-либо судьбе, стремясь лишь спасти (тем более невинно обреченных) во всех случаях, когда ему представлялась возможность. Так же поступали и его истинные последователи.

Особенно грешно, к примеру, «забывать» о том, как давний партиз-ленинец В. В. Яковлев буквально бился как рыба об лед, выполняя установку главы Советской России о недопустимости ликвидации кого-либо из Романовых, но это оказалось непосильным не только для него лично, но и для Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова и даже для Председателя Совнаркома В. И. Ленина. В то же время революционный матрос Задорожный в Крыму не допустил гибели Романовых, раздав даже оружие мужчинам из числа царских родственни-

ков в самый критический момент! Почему? Да потому, что, как достойный партиец, он посчитал необходимым, во что бы то ни стало выполнить директиву ленинского центра, требовавшей не расстреля Романовых, а защиты их от расправы, как и любых ни в чем не повинных граждан!..

Между прочим, в ночь на 27 мая 2003 года по ОРТ было рассказано об одном из сообщений матери последнего царя, подтверждавшей, что матрос Задорожный отказался выдать ее хотевшим расстрелять вдовствующую императрицу и многих других из Романовых. Симптоматично и то, что после захвата Крыма германскими оккупантами решено было расстрелять коммуниста Задорожного. Но Романовы упросили немцев не делать этого... Яковлев, конечно, заслуживает не меньшего уважения, чем Задорожный, ибо его неудача предreshалась, прежде всего, крайне неблагоприятным соотношением сил в Уральском регионе.

Мог ли, в частности, тот же Волкогонов не знать, насколько решительно Владимир Ильич поддерживал Алексея Максимовича Горького в его неустанной борьбе за спасение жизней множества людей, включая и родственников царя? Нет! Просто криминальным капитализаторам непременно нужна ложь любой степени бесстыдства, любой степени дезориентации основной массы сограждан. И только во имя улаживания собственного своекорыстия, вплоть до преступнейшего самообогащения, даже если оно будет «покой» на миллионах трупов...

Как же хочется подобным «новым» властителям утаить от народа, например, то, как благодаря В. И. Ленину была спасена жизнь великого князя Гавриила Константиновича Романова, сначала скрытого в квартире А. М. Горького, а затем отпущенного из Советской страны. А также и того, как решительно руководитель Советского правительства поддерживал Алексея Максимовича, настаивавшего на освобождении великих князей Николая Михайловича и Павла Александровича, вероломно расстрелянных в ночь накануне освобождения, предreshенного письменным распоряжением В. И. Ленина, врученным А. М. Горькому.

О степени низкопробности разглагольствований о том, будто все зависело от В. И. Ленина, который якобы «ликвидировал», но не спасал Романовых, свидетельствует помимо всего остального, и следующая более чем симптоматичная «деталь». В том же Екатеринбурге, где была самовольно расстреляна семья Николая Романова, и тоже в 1918 году был убит двоюродный брат В. И. Ленина В. А. Ардашев. Летом 1918 года Владимир Ильич в специальной телеграмме выразил беспокойство и о других своих родственниках, тоже арестованных именно в Екатеринбурге, а не в Перми, как ему ранее сообщалось. В конце концов, если в отношении двоюродного брата «выяснилось», что его будто бы убили при попытке к бегству на пути в тюрьму, то в отношении других родственников Уралоблсовдеп не очень вразумительно ответил, что арестован дядя Ленина — Ардашев, а его «племянники» бежали... Такова реакция на просьбу Владимира Ильича: «Прошу расследовать и сообщить мне причины обыска и ареста Ардашевых, особенно детей...» Телеграмма получена в Екатеринбурге 02.07.1918 года...

Так ли уж трудно понять, какова истинная цена разглагольствований столпов лагеря ельцинOIDных прихватизаторов о мнимой всевластности В. И. Ленина, якобы не желавшего спасать Романовых? Между прочим, спасение своих родственников (тоже неудачное) было гораздо менее трудной задачей, чем освобождение царской семьи и ее приближенных. К сожалению, бесконечно многое в тот исторический период предreshалось стихией противостояния гигантских людских масс, причем масс вооруженных, страшно трудно контролируемых, не говоря уже о недостаточной компетентности немалого числа лидеров регионального уровня.

Обвинять В. И. Ленина в антиромановском экстремизме и тем более — в жестокости, то же самое, что обвинять наиболее заметную величину в белом лагере А. И. Деникина в особо патологической кровожадности. Да еще на «основе» поведения имевшихся в рядах белого воинства негодяев ультраподоночного типа. Например, таких, которые отрубили руки и ноги всем членам большой крестьянской семьи вплоть до грудного младенца! Только потому, что один молодой парень из нее служил в Красной Армии.

Конечно, принадлежность к числу главных руководителей воинства, нацеленного на уничтожение Советской России и многих миллионов ее активных сторонников, исключала подлинную гуманность замыслов и действий А. И. Деникина. Именно он подписал, например, постановление особого совещания при Главнокомандующем войсками юга России, где предусматривалась смертная казнь для всех работников советских учреждений. (См. статью Феликса Белелюбского в журнале «Коммунист» № 3 за 2003 г. С. 12–14) Но, будучи реакционно антидемократическим лидером, Деникин все же не был полностью лишен способности понимать, что «перебор» в смысле жестокости и мстительности особенно махровых элементов «белого» лагеря вообще и его воинства в особенности, чреват для всего «белого» дела катастрофически необратимыми результатами... Между прочим, имел место факт, когда А. И. Деникин оказался тем белогвардейским лидером, который в приказном порядке попытался обуздать особо чудовищные проявления «белой» бесчеловечности, понимая, что зоологическая классовая ненависть — один из главных факторов грядущего краха антиленинского лагеря. И даже требовал в одной из своих директив не допускать помещичьего «сведения счетов» с крестьянами, получившими от Советской власти «чужую» землю.

Однако у Деникина ничего не получилось даже в смысле весьма робких попыток обуздания стихии ненависти, а вот Ленину в основном это удалось, и потому стало одним из факторов грядущей победы над иностранными и белогвардейскими армиями. А что уж говорить о ныне особенно восхваляемом А. В. Колчаке, о котором не только его российские буржуазно-демократические оппоненты той поры, но даже его союзники из Чехословацкого корпуса отзывались резко отрицательно, утверждая, что он возглавляет страшно бесчеловечный режим, осуществляющий жесточайшее уничтожение множества соотечественников. Стали обычными подчас поголовные порки, массовые расстрелы, тысячи «работавших» виселицы, изуверские пытки, сожжение заживо...

В начале XXI века всем бы давно пора понять и признать, что нередко вообще любые сколько-нибудь добрые побуждения в разгар войны с иностранными агрессорами и их «белыми» сателлитами были в опаснейшей степени подавлены эгоцентричными эмоциями и конъюнктурными расчетами не только в душах некоторых простоватых псевдореволюционеров, но и у очень многих исключительно влиятельных «наивысочайше» руководящих функционеров белого движения (причем в неизмеримо большей и в норме совершенно неконтролируемой степени). Расплата за это была тяжелейшей, нередко ужасной. В годы мучительного военного противостояния опаснейшему вторжению извне и ему подчиненной «белой» внутрироссийской реакции, им вооружаемой и направляемой, просто не могло не происходить очень и очень многое совершенно неоправданно жестокое. Что же касается лично В. И. Ленина и таких как он, то, как говорилось выше, им приверженность нормам гуманности была присуща (вопреки всей теперешней пропагандистской стряпне) применительно к любому человеку, в том числе и тогда, когда дело касалось и многочисленных членов недавно властвовавшей в России династии.

Итак, В. И. Ленин делал все, что было в его силах для предотвращения гибели, тем более ни в чем неповинных людей, причем не было и в помине ничего похожего на его личную неприязнь к кому бы то ни было из Романовых, да еще только вследствие не зави-

сящей от них принадлежности по рождению к царскому «дому»! О полной неожиданности для главы Советского правительства того, что натворили в Екатеринбурге местные руководители, неопровержимо свидетельствуют в частности, факты, приведенные в «Московских новостях» (№ 28, 11.07.93.) Поначалу 17.07.1918 г. Ленину была направлена (в сущности, преступно «лукавая») телеграмма о расстреле последнего императора по приговору президиума Уралоблсовета и о сохранении жизни его жены и детей, якобы эвакуированных из Екатеринбурга. И, видимо, после достаточно долгих и тревожных раздумий председатель президиума исполкома Уралоблсовета Белобородов соблаговолит намекнуть, что сложность обстановки в связи с наступлением сил контрреволюции может привести к тому, что семью царя может «постигнуть та же участь» при эвакуации. Есть все основания согласиться с предположением, что Белобородов направил «поясняющую» телеграмму лишь потому, что опасался угрожающих ему лично санкций из центра за самовольный расстрел да еще попытку злостного обмана...

Известно также, что один из главных виновников екатеринбургского преступления Ф. Голощекин в начале июля 1918 года ездил в Москву в надежде получить санкцию на расстрел царя, но последовал твердый отказ, причем Ленин категорически настаивал на переводе царской семьи в безопасное место. Участник расстрела М. Медведев (Кудрин) свидетельствовал: «Вечером 16 июля 1918 года в здании Уральской областной чрезвычайной комиссии ...заседал в неполном составе областной Совет Урала. (...) Сообщение о поездке в Москву к Я. М. Свердлову делал Филипп Голощёкин. Санкции Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета на расстрел семьи Романовых Голощёкину получить не удалось. Свердлов советовался с В. И. Лениным, который высказался за привоз царской семьи в Москву и открытый суд над Николаем II...» («Московский комсомолец», 15 января 1998 г. С. 2). Из протокола № 159 заседания Совнаркома от 18 июля 1918 года: «Слушали: «Внеочередное заявление Председателя ЦИК тов. Свердлова о казни бывшего царя — Николая II по приговору Екатеринбургского Совдепа и состоявшемся утверждении этого приговора Президиумом ЦИК. Постановили: Принять к сведению» («Труд», 22 апреля 1998 года. С. 8).

Уральские руководящие экстремисты, опасаясь ответственности за самоуправство, срочно направили 19 июля Юровского и Никулина в Москву, причем одновременно с ценностями, дневниками и фотографиями, доставили подметные, заранее заготовленные письма, сочиненные с помощью Белобородова и Радзинского. Написанные по-французски от имени вымышленного офицера царской армии, эти письма были сначала подброшены семье императора, а затем изъяты при обыске для того, чтобы впоследствии служить доказательством существования некоей монархической организации, якобы способной спасти царскую семью. Впоследствии данная провокация была признана Радзинским — одним из главных ее соучастников. Так ли уж трудно во всем этом разобраться? Конечно, нет: просто новым «хозяевам» нашей страны и их главным пропагандистам особенно выгодно вероломно-клеветнически подставить именно В. И. Ленина!

Только глубоко бесчестными, в сущности — преступными поспешными действиями можно объяснить стремление скрыть правду. Заместитель Юровского, Григорий Никулин, в своих воспоминаниях ведь тоже утверждал, что решение об уничтожении царской семьи «Уралоблсовет принял совершенно самостоятельно на свой страх и риск». Еще более убедительным представляется то, что составитель изданного в США сборника «Письма царской семьи из заточения» Е. Алферов привел фотокопию оформленного на официальном бланке с печатями «весьма секретного протокола» заседания уральских органов власти с решением об уничтожении царской семьи. Тем более недостойным является стремление игнорировать показания трех телеграфистов с екатеринбургского почтамта, данные следствен-

ной комиссии, образованной по приказу Колчака. Они привели слова В. И. Ленина, адресованные тогдашнему командующему Сев-Урало-Сибирского фронта Рейнгольду Берзину по прямому проводу: «Взять под охрану царскую семью и не допускать каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае собственной жизнью».

Есть более чем достаточные основания полагать, что такая категоричность В. И. Ленина, думается, прежде всего предопределялась сугубо гуманными соображениями, характерными для истинно цивилизованного человека. В то же время многое в позиции В. И. Ленина по отношению к семейству Романовых предreshалось также актуальнейшими политическими соображениями: возможно, даже бегство царя и его близких представлялось ему меньшим злом с точки зрения интересов Советской России, чем трагический исход. По всем данным, тем более недопустимым он считал, к сожалению, не исключенное в тот период бессудное убийство царя, да еще вместе с семьей, врачом и прислугой. Между прочим, появление последнего императора в белом «стане» могло резко осложнить положение ряда ключевых фигур этого движения, да и, конечно, не укрепило бы их авторитет в народном сознании. Да еще пока сохранялись в памяти миллионов «художества» последней царской четы, особенно начиная с 9 января 1905 года...

Местническое своеволие в Екатеринбурге и ряде других мест, будучи свидетельством наличия опаснейших поползновений тех элементов, которые готовы были по-своему использовать чистые революционно обновленческие, по-настоящему благотворные идеалы, обошлось крайне дорого. А в перспективе, начиная с 30-х годов — и вообще самым уродующим, самым пагубным образом это «прорвалось» в нашем обществе пусть постепенно, но довольно скоро после смерти В. И. Ленина по мере того, как все больше укреплялось опаснейшее для нашего общества сталинское единовластие. А вот в контрреволюционном лагере это сработало по сути дела мгновенно и обошлось нашему народу мучительно дорого уже тогда. Непримиимо агрессивным элементам Антанты и в других интервенционистских державах, и, конечно, в рядах белого движения, мертвый последний император естественно, давал широчайшие возможности для всё более массового и бесконтрольного душегубства. В то же время здравствующий Николай Романов даже в качестве просто «знамени белого движения» им совершенно не подходил, как и их иностранным вдохновителям и покровителям. Преступление региональной, фактически бесконтрольно заправлявшей тогда Уралом группировки, особенно уверенно чувствовавшей себя в Екатеринбурге, многократно активизировало и дало возможность резко усилить и ожесточить антисоветские силы вообще и промонархически «зацикленные» — в особенности.

Именно здесь кроется один из своего рода импульсов антинародного, органически антиленинского «включения» дополнительных разрушительных, предельно дезориентирующих и разлагающих факторов почти на целое столетие вперед, как и необъятно резкого возрастания количества жертв в тот исторический момент. Преступление в Екатеринбурге не могло решить ни одной из наисложнейших проблем того времени хотя бы потому, что именно оно, как ничто другое, если можно так выразиться, цементировало, многократно укрепляло ряды сил, и по ту и по эту сторону баррикад, противостоящих созидательному, человеческому, по-настоящему социалистическому обновлению общества. Ожидающий объективного, обстоятельного, честного суда, непопулярный как никто другой из его предшественников за весь более чем трехсотлетний период романовской династии, царь, находящийся под арестом в Москве, не представлял бы опасности для Советской России и, наоборот, мог очень серьезно помешать активизации и консолидации сил иностранной интервенции и различных течений белого движения. А вот его трагическая гибель не могла не воздействовать диаметрально противоположным образом, за что пришлось расплачи-

ваться необъятно дорого отнюдь не только в годы военного противостояния. Потому и нужен он был самым агрессивным чужеземным и наиболее темным контрреволюционным, корыстно антинародным силам в самой России именно мертвым, а не живым.

Сомнений нет: тяжкой бедой нашей «обернулось» то, что В. И. Ленину и его соратникам в тот исторический момент так и не удалось предотвратить данную трагедию. Хуже всего то, что это крайне зловещим, во многом — не только духовно одурманивающим, но и социально разлагающим образом «аукнулось» как никогда в конце XX — начале XXI века. Помимо прочего, по той простой причине, что во всю используется в грязно корыстнейших целях элементами, дорвавшимися до власти в конце 1991 года, разумеется, с тяжчайшими последствиями для всех честных тружеников России, для всей их гигантской массы, да и вообще для всех народов нашей страны, нашей недавно еще великой державы. Предотвратить же беды нынешние, как и все пагубное, что имело место, начиная со сталинского тиранического властвования, можно было, только не допуская антиленинских извращений тех уже довольно давних десятилетий, предрешивших со временем (в самом конце XX века) особенно опасное для нашего общества бесчеловечно хапужное торжество ельциноидно-антинародных погубителей всего доброго, честного, прогрессивного, но «обожаящих» все царистски-эксплуаторски-регрессивное.

В данной связи исключительно симптоматично мнение одного из влиятельных белогвардейцев первого этапа гражданской войны полковника А. И. Степанова, вполне сочувственно приводящего слова одного из своих собеседников: «Царская семья, как равно и монархические принципы, так заплёваны и загажены, что вряд ли встретят какой-нибудь отклик среди народа... Поэтому, как это ни тяжело и ни больно признать, монархические лозунги, если вы их выдвинете, потерпят полное фиаско. Мой совет вам вести решительную борьбу под флагом восстановления поправленных прав ... Учредительного собрания». Как признавался полковник Степанов, «долго думать не приходилось ... пришлось по конъюнктурным соображениям обратиться к знамени учредилки» (Степанов А. И. Сибирская операция. — Белое дело. Т. 1. Белград, 1926. С. 85).

Можно не сомневаться: и все мыслящие лидеры белого движения понимали, что авторитет царя в связи со страшными бедами войны, начавшейся в 1914 году, воспоминаниями об унижайнейших поражениях времен русско-японской войны, трагедии на Ходынском поле, позоре распутищины и т. д. был подорван непоправимо. Особенно же убийственной для всех Романовых была память о кровавой расправе над безоружными, полными наивной веры в царя массами столичных жителей, всенародно воспринятой в качестве «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 года. Не случайно такой сравнительно, пожалуй, наиболее здравомыслящий и менее регрессивный руководитель белого движения, как генерал А. И. Деникин, отмечал, что народ не простил этого злодеяния царю. А чего стоили совсем уж произвольные расправы, породившие многотысячные жертвы столыпинско-царских военно-полевых судов и прочее тому подобное!

Лишь кое-кто из теперешних, к сожалению, весьма влиятельных т. н. «сильных личностей», направляющих «идеологический поток», разумеется, с помощью разбитных функционеров-пропагандистов, объявляет трагедию «Кровавого воскресенья» кто — «мелочевой», кто — вполне «естественной» и «оправданной» реакцией «божьего помазанника» на претензии «взбунтовавшейся черни». Вот мы и докатились до того, что даже в день столетия Кровавого воскресенья решено было не упоминать об этом с телеэкранов ни единым словом! А почему бы не уродовать историческую память и сознание народа, если кое-кому это так выгодно... В этот слаженный «хор» органически входили и входят голоса, восхвалявшие такого правителя, как Б. Ельцин, и даже призывавшие его проявлять самодержав-

ную жестокость и непреклонность по отношению к якобы «недостойной» основной массе сограждан, мечтающей о реформах в интересах народа, а не халуг!

Вопреки домыслам и клевете, второй десяток лет всемерно поощряемым на редкость преступно господствующей с начала 90-х годов «командой», факты неопровержимо свидетельствуют, что В. И. Ленин не только не был хотя бы в малейшей степени причастным к убийству царской семьи, но и поручил Я. М. Свердлову не допустить такого исхода, причем последний, безусловно, старался выполнить установку главы Советского правительства. Наиболее недвусмысленно это проявилось в назначении чрезвычайным комиссаром лично известного Я. Свердлову В. Яковлева, настолько преданного идее законности и справедливости, недопущения никаких эксцессов по отношению к царю и его близким, что иные псевдоревOLUTIONеры-антиленинцы предъявляли ему обвинение в предательстве, в том, что он ставленник врагов Советской России, которому они поручили спасти последнего царя якобы во имя достижения антинародно-контрреволюционных целей.

В действительности Яковлев — член партии с 1905 года, убеждённый и решительный участник революционного движения, ставший даже поначалу чересчур азартным боевиком, которому пришлось уехать за границу, жить и работать во Франции, затем в Бельгии, и лишь после Февральской революции он смог вернуться в Россию. В. В. Яковлев (настоящее имя Константин Мячин) — активный участник Октябрьского восстания, делегат 2-го съезда Советов. 27 октября был назначен комиссаром на центральную телеграфную станцию Петроградским Военно-революционным комитетом, был известен В. И. Ленину, который 8 ноября 1917 года записал себе для памяти: «5.30 — телефон Яковлева — комиссара» (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5, М., 1974. С. 43). Впоследствии после возвращения в Москву Яковлев был назначен главкомом войсками Уральско-Оренбургского фронта, действовавшего против Дутова, затем командармом и комиссаром 2-й армии Восточного фронта (в её состав входили соединения, действовавшие на уфимском и оренбургском направлениях) («Известия», 1918 г., 19 мая).

Пользовавшийся вполне естественным доверием ленинского центра, безукоризненно честный революционер-партиец, который с органическим неприятием реагировал на экстремистки кровавадные устремления псевдоревOLUTIONеров, твёрдо и самоотверженно стремился выполнить решение большевистского ЦК от 19 мая 1918 года «Не предпринимать пока ничего по отношению к Николаю». И, конечно, недвусмысленную директиву, в соответствии с которой в протоколе заседания комитета красногвардейского отряда особого назначения, записано 22 апреля 1918 года следующее: «Жизнь пленных гарантируется головами всех, кто не сумеет уберечь, и всех, кто сделает покушение на жизнь семьи бывшего царя или попытку ее увоза или перевода без распоряжения т. Яковлева». Легко себе представить, о чем это свидетельствовало в условиях, когда руководство Советской России (особенно в связи с подписанием Брестского мира) громкогласно обвинялось во всех смертных грехах не только левыми эсерами, анархистами, но и определенной частью членов большевистской партии. Причем в качестве факта «измены» указывалось и на бережное отношение Советского правительства к царской семье, невзирая на все громче звучащие и все шире распространявшиеся требования казни бывшего императора.

О стремлении В. И. Ленина обезопасить царскую семью свидетельствуют и слова тогдашнего председателя Тюменского губисполкома Н. Немцова о том, что Яковлев, явившись к нему, предъявил подписанный В. И. Лениным мандат на «изъятие Николая Романова из Тобольска и доставку его в Москву.» («Последний переезд полковника Романова. Из воспоминаний Н. Немцова» — «Красная нива», 1928. № 27 (1 июля). Косвенно это подтверждается и непосредственно «царскими» записями. После посещения дома, в котором нахо-

дилось семейство Романовых Яковлевым, Николай записал в дневнике: «После завтрака Яковлев пришёл с Кобылинским (приближенным царя — Г. Н.) и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря куда» («Дневник Николая Романова» — «Красный архив», 1928. Т. 2 (27). С. 125). Гораздо более конкретны строки из дневника его жены: «12 (25) апреля, четверг. После ленча пришёл комиссар Яковлев ... Он объявил приказ своего правительства (большевики), что он должен увезти нас (куда?)». Однако у Романовых и их приближённых наличествовала уверенность в переезде в Москву. 25 апреля Александра Фёдоровна в своей записи о встрече с Яковлевым выразила твёрдое предположение, куда их повезут, они всё же уверены, что в Москву. (ЦГАОР, ф. 640 (Александры Фёдоровны), оп. 1, д. 332). Яковлев сообщил полковнику Кобылинскому, что сначала отвезёт бывшего царя, а затем вернётся за остальными, указав соответствующий срок. Кобылинский просчитал дни и пришёл к выводу, что срок соответствует времени, необходимому Яковлеву для поездки в Москву и обратно, о чём и побеседовал с Николаем и Александрой ... Быстро и чётко решить проблему переезда царской семьи в полном составе оказалось невозможным из-за тяжёлой болезни сына Алексея.

Время шло, ситуация менялась и план переезда в Москву оказался сорванным. Даже невзирая на то, что Яковлев предъявил Кобылинскому документы, напечатанные на бланке с грифом «Российская Федеративная Советская Республика» за подписью Я. М. Свердлова и В. А. Аванесова. Согласно им предписывалось беспрекословно выполнять все требования чрезвычайного комиссара, которому дано поручение особой важности. Отказ от подчинения Яковлеву был чреват тяжкими последствиями вплоть до расстрела ... (См. «Историк и современник». Т. 5. Берлин, 1924. С. 194).

То, что резкое ухудшение состояния здоровья и без того крайне болезненного подростка Алексея, исключило своевременный перевод царской семьи в Москву, вполне объяснимо. А вот крайняя пассивность множества активных монархистов, начиная с лета 1917 года и вплоть до лета 1918, когда не так уж сложно было увезти царскую семью, представляется более чем странной. Почему никто так и не воспользовался вполне реальными возможностями такого рода? Именно об этом упоминал воспитатель наследника П. Жильяр («Император Николай 11 и его семья», Вена, 1921. С. 196.). А дочь царского врача Е. С. Боткина, Т. Мельник-Боткина даже свидетельствовала о том, что солдаты одного из взводов отряда особого назначения сообщили полковнику Кобылинскому, что в своё дежурство они «дадут их величествам безопасно уехать» (Мельник-Боткина Т. «Воспоминания о царской семье и её жизни до и после революции», Белград, 1921. С. 46).

Монархисты того и последующего времени многократно корили друг друга за фактический отказ от спасения царской семьи, которое было вполне осуществимым в том числе, конечно, и, когда во главе России находилось Временное правительство. Нынешние же «авторитеты», заполонившие собой (по «собственному желанию» правителя 90-х годов) прессу и телеэкран, помалкивают об этом и тем более — о «пассивности», к примеру, британского руководства, включая членов королевской семьи — довольно близких родственников последнего царя. С апреля по июнь 1917 г. продолжался очередной этап переговоров между Временным правительством и правительством Британской империи о предоставлении убежища царской семье. По свидетельству бывшего министра иностранных дел Терещенко, а также Керенского и Милюкова, был задуман визит британского крейсера, который должен был в Мурманске взять на борт семейство Романовых. Через датского посла была подтверждена гарантия от угрозы со стороны германских подводных лодок. Ни о какой их атаке на крейсер с царской семьёй не могло быть и речи. Но из Англии «в конце июня или начале июля ... получился окончательный отказ» («Последние новости», Париж, 1932,

21 июня; «Последние новости» (Париж) 1936, 16 февраля (Беседа с А. Ф. Керенским); «Воля России» (Прага, 1921, 16 сентября.) Таковы лишь некоторые из многих фактов ...

Всё же очень и очень многое свидетельствует в пользу уверенности в том, что и бывший император, и самые близкие, самые родные ему люди из всех живущих на белом свете, совершенно не были нужны как раз тем, кто, казалось бы, как никто другой должен был пойти на всё ради их спасения. Ведь можно же было сохранить царскую семью в полном здравии! Конечно, нет данных для уверенности в том, что основная масса искренних монархистов действовала сознательно во имя рокового финала семьи Романовых и утверждать нечто подобное было бы явно несправедливо. Однако, думается, в подсознании ключевых фигур данного лагеря, включая главных зарубежных покровителей российских реакционеров высшего ранга вплоть до властвовавших кое-где вне России (прежде всего включая Англию) родственников Романовых действительно происходило нечто «необъяснимое».

Вероятно, у кое-кого из них созрела в душе кровавая заинтересованность в роковом исходе, вполне возможном в безмерно запутанных и нередко почти бесконтрольных условиях лета 1918 года. Почему? Да потому, что трагическая гибель бывшего царя и самых близких ему людей в обстановке ещё необузданной в 1918 году стихийно-жестокой сумятицы могла быть использована именно против Советской России. Реакционеров-корыстолюбцев и тогда, и властвующих в наши дни совершенно не интересовало то, что террористические срывы 1918 года не имели ничего общего с революционно-социалистическими идеалами и свершениями. Но, тем не менее, это был фактор, который и тогда, и теперь крайне зловещим образом срабатывал и срабатывает именно против прогресса и социальной справедливости. На радость самым корыстным, самым бесчеловечным элементам. Разумеется, екатеринбургское как и все прочие аналогичные по сути своей — органически контрреволюционные жестокие преступления, уже в первые (после 1917) годы воздействовали на обстановку в стране предельно нездоровым образом, порождая бесчисленное множество «дополнительных» абсолютно ничем не оправданных жертв.

Это оказывало уродующее влияние на обстановку в Советской России, видимо, в не меньшей степени чем то, о чём писал Уинстон Черчилль, признавая, что «советских людей они (иностранцы интервенционистские войска — Г. Н.) убивали, как только те попадались им на глаза; на русской земле они оставались в качестве завоевателей». Вполне закономерно и то, что командовавшие иностранными войсками в соответствии с указаниями своих политических лидеров всемерно поощряли не кого-то, а именно наиболее разнузданных в крайней бесчеловечности, ужасающе кровожадных и особо предательских по отношению к своей Родине таких своих подручных, как Краснов, Семёнов, Булак-Балахович и прочих им подобных ...

«Полуптно», независимо от гуманных побуждений А. Ф. Керенского, В. И. Ленина и кого бы то ни было, близился роковой финал. Наибольшую опасность для Н. А. Романова и его семьи представляла Уральская руководящая группировка, в тот момент практически независимая от указаний центра, опиравшаяся на множество по сути партизанских и полупартизанских частей, противостоять которым было в сущности невозможно невзирая на чрезвычайные полномочия Яковлева и отряд, им возглавляемый, задачей которого было недопущение самоуправления по отношению к царской семье. Не случайно бывший император говорил, что хотел бы отправиться куда угодно, но только не на Урал, где, как ему известно, настроены «резко против него». Чуть ли не «самостоянно» действовавшие Уральские руководители жаждали установить свой полный контроль над бывшим царем и всеми, кто был рядом с ним. В. Яковлев же должен был сохранить их всех живыми, вывезя из Тобольска, куда они были отправлены еще при Временном правительстве!..

Выполнить поручение В. И. Ленина даже при наличии чрезвычайных полномочий и прав комиссару Яковлеву было трудно настолько, что можно было бы квалифицировать преграды на его пути в качестве непреодолимых. Начиная почти с первого дня выполнения им своей миссии, уральское руководство не ограничивалось «надзором» за каждым шагом Яковлева, стремившегося передать Романовых отнюдь не в руки тех, кто распорядился тогда в Екатеринбурге во многом совершенно бесконтрольно, действуя иной раз с редчайшим своеволием. Скажем, на выезде из Тобольска «царского обоза» в конце апреля 1918 г., вроде бы внешне всё обстояло благополучно. Охрана осуществлялась кавалеристами и пехотинцами с пулемётами. В «Известиях Тобольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» сообщалось: «В ночь с 25-го на 26-е ... был увезён комиссаром тов. Яковлевым бывший царь Николай Романов, с ним пожелала ехать бывшая царица и дочь Мария ... Отъезд был обставлен хорошо. и всё обошлось без лишнего шума. Комиссар тов. Яковлев имел самые широкие полномочия из Москвы от Совнаркома ...» («Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920)». Сборник документов и материалов. Свердловск, 1967. С. 169).

Однако, вопреки «самым широким полномочиям», данным комиссару Яковлеву Совнаркомом, главой которого был В. И. Ленин, местное руководство на Урале и подчинённые ему воинские части уже тогда вели себя крайне своевольно. Впереди отряда Яковлева двигался отряд Заславского, непосредственно подчинённый уральскому руководству, а «замыкал» сопровождение отряд, которым командовал Брусяцкий. Кое-кто явно подумывал о том, чтобы «отбить» у Яковлева семейство Романовых и тот даже оказался вынужденным временно арестовать одного из «уральцев». Впрочем до стрельбы дело не дошло ... Своего рода бескровное, но жёстко непримиримое тактическое противостояние продолжалось и когда царскую семью перемещали по железной дороге. Однажды Яковлев даже заявил: «Достоверно известно, что уральцы готовили взрыв поезда, поэтому я вынужден ехать в другую сторону.» (Авдеев А. Д. «Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге» — «Красная новь», 1928. № 5. С. 196). Дошло до того, что вслед за поездом Яковлева с царской семьёй из Екатеринбурга был направлен специальный поезд ... Борьба была очень напряжённой. Настолько, что уже 30 апреля 1918 года Яковлев открыто и гневно осуждал «партизанские действия уральцев», утверждая, что «у него не было другого намерения, кроме как сохранить бывшего царя по директиве ВЦИК» (Авдеев А. Д. Там же, с 199).

Обстановка была предельно тяжкая и сложная: командир одного из уральских отрядов даже заявлял, что «Вот сюда приехал комиссар Яковлев и хочет увезти Романова в Москву, а потом у них, кажется, решено отправить его за границу. А нам предстоит такая задача: во что бы то ни стало доставить его в Екатеринбург». Добравшись до Тюмени, Яковлев вынужден был сообщить Свердлову, что уральцы, не доверяя ему, готовы совершить нападение на его отряд и покончить с Романовыми, а, следовательно, безумие везти царскую семью в Екатеринбург. Свердлов спросил Яковлева, не слишком ли тот нервничает, не преувеличивает ли опасность, но в связи с отрицательным ответом последнего приказал: «Поезжай в Омск, по приезде телеграфируй... Дальнейшие указания дам в Омск. Двигай». Однако попытка Яковлева оградить Романовых от смертельной опасности, выполнив приказ Я. М. Свердлова о переводе царской семьи в Омск, а не в Екатеринбург, была сорвана уральскими руководителями, твердо решившими во что бы то ни стало пленников захватить и уничтожить.

Уральский областной Совет был охвачен непримиримо мстительными эмоциями, Яковлев был объявлен изменником революции и намечено было под угрозой расстрела остановить поезд, шедший в Омск, и направить в Екатеринбург. В случае неподчинения решено

было уничтожить состав, разумеется, вместе с пассажирами, причем попытка центрального руководства из Москвы обуздать зарвавшихся местных-руководящих экстремистов, заканчивается тем, что последовал выпад против Свердлова и даже Ленина. В телеграмме ультимативного содержания, направленной центральному руководству, было заявлено: «Областной совет... констатирует, что президиум ЦИК предпринял ответственное решение, не уведомив предварительно областного совета, совершил тем самым акт, явно дискредитирующий облсовет... Единственным выходом из создавшегося положения считаем отдачу вами распоряжения о возвращении Яковлева в Екатеринбург. Ваш ответ и вся история обсуждается на предстоящей областной партконференции». Такой текст означал бескомпромиссность на грани открытого неповиновения центру с тягчайшими последствиями.

Во избежание кровопролития, далекий от лжеревOLUTIONIONНОЙ озлобленности абсолютно лояльный по отношению к Ленину, председатель Омского облсовета В. Косарев 29 апреля направил телеграмму, в которой назвал обвинение В. Яковлева в измене «результатом преступного недоразумения», а в следующей призвал «уральских работников не делать сепаратных выступлений и в данном случае точно выполнять заказ Москвы». Но ни омский руководитель, ни Я. М. Свердлов и даже сам В. И. Ленин не имели в тех условиях сколько-нибудь реальной возможности с шансами на реальный успех противостоять своеволию тех, кто держал в своих руках Уральский регион. Пришлось, вследствие этого, надеяться на благополучный исход, получив от председателя Уралоблсовета А. Белобородова твердые гарантии безопасности царской семьи. Не имея реальных рычагов административного и военного воздействия на тамошних руководителей, Свердлов, во избежание дальнейшего обострения ситуации, которая в любой момент могла полностью выйти из-под контроля, распорядился направить злосчастный поезд снова в Тюмень, а оттуда в Екатеринбург...

Отчаявшийся В. Яковлев, понимая, чем это грозит, телеграфировал Свердлову, пытаясь, видимо, убедить его в рискованности попыток договориться с «уральцами» и в отсутствии шансов «вытащить» впоследствии царскую семью из Екатеринбурга: «Итак, мы предупреждаем вас в последний раз и снимаем с себя всякую моральную ответственность». Однако, в тот момент, к сожалению, ничто не могло помешать уральским экстремистам выиграть ту схватку с центральным руководством, явно неискренне пообещав сохранить в неприкосновенности Н. А. Романова и его близких, а на деле лишь выжидая удобного момента для расправы. Не случайно несколько лет спустя бывший председатель Уралоблсовета Белобородов признал: «Мы считали, что, пожалуй, нет даже необходимости доставлять Николая в Екатеринбург; что если представятся благоприятные условия во время его перевода, он должен быть расстрелян в дороге...» Вот так. Думается, все ясно.

Разве так уж трудно понять, кто дорвался до беспомощных пленников и вцепился в них «мертвой хваткой»? Псевдореволюционные экстремисты примитивнейшего типа, пагубно влияли на ход событий везде, где в их руках оказывались рычаги региональной власти. (К счастью, в досталинские времена в центральных инстанциях это было невозможно). Вот и «уральцев» захлестнули мстительные эмоции, они были неспособны разумно и хладнокровно оценивать реалии той поры (в условиях своей бесконтрольности 1918 года...). Потому и начались «игры» по поводу мнимо существующих материалов, якобы свидетельствующих о наличии плана бегства царской семьи. А когда стало известно о приближении чехословацких отрядов и соединений белогвардейской Сибирской армии к Екатеринбургу, повод представился и бессудный смертный приговор был приведён в исполнение их подчинёнными отнюдь не только по отношению к царю и царице, но и к совсем уж безгрешным другим пленникам!

Во сколько ничем не оправданных, численно резко возросших жертв обошлась в роковые годы военного противостояния слепая взаимная ожесточенность и экстремистская

одержимость в соответствии со страшной логикой «кровь за кровь, смерть за смерть», исключительно трудно поддававшаяся действенному контролю, да и просто ограничению со стороны цивилизованных лидеров по обе стороны баррикад? Подсчитать невозможно. Как и количество десятилетиями продолжавших страшно болеть душевных ран. До конца дней, к примеру, самый близкий автору этих строк человек переживал казнь юных коммунистов, анархистов, эсеров, как и других «нежелательных элементов» (вследствие их революционных убеждений), последовавшую в момент, когда деникинцы ворвались в Курск. В этом городе в 1917 году возник очень популярный молодежный клуб, где в сущности еще мальчишки и девочки разных мировоззренческих ориентиров, регулярно встречались, страстно спорили, обменивались информацией, ломали голову над вопросами вроде того, кто и как сумеет спасти Россию и весь мир от бездны несчастий и несправедливостей. Только за это повешены были, разумеется, лишь те, (почти дети) кто был настроен революционно да и просто антиреакционно ...

Спасена была от подобной участи (в тот момент очень активная сторонница идей Петра Кропоткина, хотя и совсем «зелененькая» девочка-анархистка) только потому, что опекавшая тогда молодежный политический клуб пожилая революционерка-политкавторжанка не без труда убедила ее сесть в последний эшелон. Кто же не послушался и остался в Курске, оказались на виселице... Упомянутая опытная революционерка Яковлева в оценке тогдашней ситуации была близка к умонастроениям чрезвычайного комиссара, делавшего на Урале и в Сибири все возможное для спасения царской семьи. Попутно стоит отметить, что ужасно «объективные» лжедемократические средства массовой информации и прежде всего телевидение, ни единым по-настоящему добросовестным словом не упоминают о прямо-таки неисчислимых жертвах белого террора во всей его чудовищно необъятной и бесконтрольной жестокости, «утрамбовывая» в память циничнейшим образом обманываемых многих десятков миллионов людей лишь предельно искаженную «информацию» только о спровоцированном иностранными агрессорами и их белогвардейскими сателлитами красном терроре. Разумеется, жульнически скрывая, что он был невольным, самым вынужденным из всех других методов спасения гибнущей Родины, но с трагически неизбежными массивными ответными ударами...

2 Помимо иного аналогичного, в средствах массовой дезинформации нередко упоминается о гибели не только царской семьи, но и родного брата Николая II Михаила и нескольких других жертв их числа Романовых. Но ни слова не говорится о том, какую роль в этом играла всё ещё в 1918 году подчас совершенно не поддававшаяся контролю из Москвы стихия иной раз чуть ли не безумной ненависти к Романовым кое-кого из «сильных» на тот момент личностей регионального уровня. Как и о том, к примеру, что ленинское руководство приняло решение предоставить возможность покинуть страну племяннику последнего царя, малолетнему сыну Михаила Романова и его вдове. Вероятно, в огромной степени потому, что этот человек не посчитал возможным принять корону, предложенную ему отрекшимся от престола полностью изолированным, казавшимся недееспособным старшим братом Николаем. (Тем более В. И. Ленин не мог не ценить то, что М. А. Романов решительно отвергал призывы по-корниловски дорваться до власти).

Ужасно, но подобная прониколаевская пропаганда для множества обманутых людей ныне становится все более привычной, а то и само собой разумеющейся при оценке данной проблематики. Прямо-таки как о чуде вспоминаешь о сверхнеожиданном: ещё несколько лет тому назад впервые (вероятно, по какому-то недоразумению) на телеэкране появился объективно настроенный, добросовестный человек из числа Романовых, а отнюдь не

один из множества, все чаще мелькающих легковесно-примитивных наших сограждан, фальсификаторски превозносящих до небес самодержавно-монархические «прелести» и восторгающихся собственным будто бы «благородным» происхождением. И вдруг перед нами предстал, видимо, как минимум, в повседневном человеческом смысле вполне порядочный князь Николай Романов. И рассказал он нечто по нынешним временам не просто далекое от официальной политикански-псевдоисторической моды, но и органически с ней несовместимое. В семье этого, производящего, безусловно, приличное впечатление человека, до сих пор сохраняется благодарная память о революционном матросе Задорожном, прикрепленном в то наисложнейшее время к весьма многочисленной «ветви» еще совсем недавно царствовавшей династии. Перед этим убежденным партийцем была поставлена задача ограждения родственников последнего императора от кого угодно из жаждавших «извести под корень» весь род Романовых.

Как дисциплинированный революционер и совестливый человек, он поразительно успешно для той ситуации справился со своей миссией. В отличие от чрезвычайного комиссара В. Яковлева, в распоряжении которого хотя и находился специальный красногвардейский отряд (но, к сожалению, слишком малочисленный по сравнению со многими тысячами уральских бойцов, готовых выполнить любой приказ Уралоблсовета), Задорожный, тоже оказавшись в крайне сложной ситуации, успешно спас доверенных ему Романовых. (Разумеется, В. Яковлев заслуживает не меньшего уважения, тем более что предотвратил екатеринбургскую трагедию оказался не в состоянии даже Ленин, невзирая на все предпринимавшиеся им усилия.) Судя по рассказу ныне здравствующего князя Николая Романова, опекавший его родителей и других родственников революционер, был человеком не только отважным, но и на редкость нестереотипным, что проявилось в критической ситуации, когда он, дабы исключить роковой исход порученного ему дела, вел себя на редкость достойно и умело, спасая от гибели весьма многих из числа членов бывшей династии Романовых, приковылавшей к себе особенно пристальное и предельно недоброе внимание местных экстремистов вследствие родственных связей с крайне непопулярным последним царем.

Особенно симптоматичным в той, уже сравнительно «отдаленной» передаче было то, что в своем телевизионном выступлении князь Николай Романов, проживающий, как ныне принято выражаться, в дальнем зарубежье, посчитал себя обязанным по сути дела призвать к подлинно объективной, полностью свободной от мстительности (и охаивающей корысти) оценке трагических страниц нашего общего прошлого. То есть не сталкивать миллионы и миллионы людей с пути по-настоящему человеческого, не допускающего чего-либо похожего на беспринципно-агрессивное сведение счетов, полностью исключив насаждение одурманивающих «рефлексов». Видимо, он имел в виду нечто, характерное для иных из особенно страшных годов во времена бесконтрольного господства Сталина. Остаётся недоумевать: до чего же много сейчас развелось бывших и «новоявленных» ловко перекрасившихся руководителей, подталкивающих наше общество именно в крайне нездоровом направлении под «демократическими», «патриотическими» и прочими лозунгами!

25 марта 1999 года по НТВ «промелькнул» фильм Е. Киселёва «Правнук императора», главным персонажем которого стал упомянутый князь Николай Романов — ныне, возможно, особо объективный, а также довольно авторитетный среди многочисленных потомков некогда царствовавшей в России династии. На этот раз он имел возможность сообщить немало дополнительной информации. В частности, и уверенность в том, что сознательный и безукоризненно дисциплинированный революционер Задорожный выполнил бы и приказ о расстреле Романовых. Последствия были бы особенно тяжкими. (В Крыму тогда находилось, возможно, более половины родственников последнего императора, включая его мать.)

Однако подобного приказа из ленинского центра не только не поступало, а, наоборот, вовсе не отменялась директива охранять Романовых и не допускать ничего похожего на расправу с ними. Естественно, это дало возможность Задорожному вести себя соответствующим образом, то есть безукоризненно во всех отношениях. Тем более, когда стало известно, что экстремисты-псевдореволюционеры из числа очень влиятельных в Ялтинском совете, стремятся расправиться со всеми Романовыми, находившимися в их «зоне досягаемости» и были намерены направить два грузовика, переполненных вооруженными людьми, готовыми выполнить любой приказ своего местного руководства вплоть до самого жестокого.

Задорожный, имея директиву из Москвы о недопустимости расправы, тем более — с ни в чём неповинными людьми, действовал твёрдо, решительно, рассчитав всё до деталей. Он не только (что было совершенно необычно в тех условиях) роздал личное оружие Романовым — мужчинам, но и по-военному чётко расположил имевшиеся в его распоряжении пулемёты. Всё это «вразумило» местных любителей самовольных расправ и предредило спасение находившихся в Крыму казавшихся обречёнными весьма и весьма многих Романовых. А когда в том регионе начали распоряжаться иностранные интервенты и белогвардейцы, прибыл, наконец, летом 1919 года броненосец «Мальборо», посланный, наконец, королём Англии (с непоправимым, во многом, опозданием). Так была спасена от гибели основная и численно наиболее многочисленная часть Романовых. Мучили ли того короля угрызения совести из-за того, что он отказался ранее в 1917–1918 годах выполнить обещание принять все необходимые меры для вывоза из революционной России царской семьи? Трудно сказать ...

Остается лишь поражаться тому, какова степень десятилетиями затаённого своекорыстно-агрессивного бесчестия индивидов, с конца 1991 года бесконтрольно властвующих и поразительно цинично извращающих себе в угоду правду истории! Еще недавно номенклатурно преуспевающих мнимых «поборников» спасительных для человечества социалистических идеалов, а теперь жаждущих дикого, грязного, губительного для миллионов, но зато «сказочно» быстро и сверхщедро обогащающего их капитализма! И посему, не моргнув глазом мгновенно по-ельцински изменивших свои «убеждения» на диаметрально противоположные! Не перестаешь удивляться и тому, как много развелось бессовестно втирающих в массовое сознание теперешнее свое плотоядное, загребуще бесчеловечное «кредо». Ох, и многим претупно нацеленным натурам для достижения своих целей просто необходимо непоправимо растоптать историческую правду о редчайшем величии и гуманности В. И. Ленина, о последнем крайне заблудшем и пагубном для страны императоре Н. А. Романове и вообще обо всем принципиально значимом.

Потому-то Ельцин и его приближенные совсем уж без зазрения совести систематически провозглашали и провозглашают с начала 90-х годов нечто не просто заурядно лживое, а разлагающе преступное с точки зрения интересов духовного и нравственного здоровья нашего общества. А значит, помимо всего прочего невыносимо зловещего, им особенно пригодились приемчики, всесторонне обкатанные с 30-х годов. Например, еще тогда общепринято было изображать чудовищами из чудовищ отнюдь не только белогвардейских антиподов, включая сравнительно далеко не наихудших, но и практически всех до единого ближайших и наиболее дееспособных последователей В. И. Ленина, объявив их вредителями, диверсантами, убийцами, фашистскими шпионами и т. п.

Вот и в наши дни многие орудуют также грязно. А ведь что касается ситуации, сложившейся к моменту финала трагедии царской семьи, то она была в чём-то уникальной по своей роковой неуправляемости. Все факты неопровержимо свидетельствуют о том, что летом 1918 года В. И. Ленин еще не был, к величайшему сожалению, в состоянии доста-

точно эффективно обуздывать псевдореволюционных экстремистов даже в центральных губерниях, хотя их действия иной раз были на грани безумного ожесточения и мстительности. Даже отвлекаясь от элементарно человеческих соображений, которыми не могли не руководствоваться В. И. Ленин и его истинные соратники, подавляющее большинство которых было наиболее мыслящей и цивилизованной частью партийно-государственного руководства, с точки зрения интересов успеха революции они вообще не могли быть заинтересованы в преступлении (в том числе и против ленинской России), свершившемся в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Объективно оно было столь же провокационным и неизмеримо более опасным для интересов преобразования и оздоровления общества, как, к примеру, убийство эсерами германского посла Мирбаха, происшедшее незадолго до этого и тоже, конечно, вопреки воле и желанию В. И. Ленина.

Ужасная акция в подвале дома Ипатьева, видимо, все же не расчётливо, а неосознанно, но от этого не менее разрушительно, была нацелена против ленинского курса. Помимо всех других соображений, это было особенно опасно для Советской России, ибо еще раз могло поставить ее под удар германских войск в момент, когда Красная Армия находилась только на первом этапе своего формирования и обретения достаточной для спасения нашей Родины степени боеспособности. Как говорится, вздохнуть посвободнее в этом смысле можно было только после свержения династии Гогенцоллернов в ходе ноябрьской революции 1918 года в Германии. Екатеринбургская драма, происшедшая в июле, могла обойтись особенно дорого и потому, что не только в заведомо промонархических кругах германской верхушки, но и в сознании определенной весьма значительной части населения Германии, семья Романовых воспринималась в качестве, как принято было выражаться, немецкой по крови, т. е. не только последняя императрица, но и почти все, ей предшествовавшие, «рекрутировались» из числа немецких принцесс. Хотя мать последнего императора была датчанкой, не только его жена, но и дети многими из власть имущих в Германии воспринимались как люди далеко не чуждые. Кое-кто в Германии подсчитал, что у последнего императора была лишь одна сто двадцать восьмая часть «русской крови»...

К счастью, в тот момент, когда прогремели выстрелы в подвале ипатьевского дома, германская империя была уже обессилена настолько, что не могла нанести мощный удар. Расплатиться за гибель даже очень известных личностей, в жилах которых текла в основном «немецкая» кровь, оказалось невозможным прежде всего потому, что надо было готовиться к отражению ставшего для Германии фатальным англо-французского наступления, в огромной степени усиленного совсем недавно вступившими в войну сотнями тысяч неизмученных смертельно опасными окопными буднями, еще полных сил и энтузиазма американских солдат. Если можно так выразиться, в отсутствие своего счастья, помогло чужое несчастье, для гигантского большинства россиян в тот момент неожиданное. Что касается В. И. Ленина, то он, безусловно, предвидел поражение в войне и революцию в Германии, подписывая мучительно тяжкие (в основном по вине левых эсеров и левых коммунистов) условия Брестского мира с империалистически-монархической Германией. Возможно, даже до деталей вычислил Владимир Ильич и перспективу сравнительно быстрого крушения агрессивного-хищного оппонента по переговорам в Брест-Литовске и наличия вскоре представившегося шанса покончить с навязанными им грабительскими условиями того мира, который пришлось подписать под угрозой национальной катастрофы.

Стоит также отметить, что даже после низложения германского императора в ходе революции ноября 1918 года, фактор, о котором шла речь, не терял своего значения. В том числе и вследствие активной заинтересованности в судьбе российского императора и его семьи, проявлявшейся британским королевским «домом», да и вообще некоторыми влия-

тельными кругами Англии. Впрочем — не только с точки зрения учета ряда актуальнейших и многозначимых внешнеполитических факторов, но и исходя из внутри российской ситуации, доставленная, скажем, в Москву в целостности и сохранности, семья последнего императора, могла бы стать не последним по значимости рычагом ослабления военного противостояния, пусть трудных, но переговоров, склоняющих к смягчению взаимной ожесточенности.

Вряд ли есть основания для сомнений: то, что творило местное руководство в Екатеринбурге было на руку только экстремистски необузданным силам и по ту, и по эту сторону баррикад, тем, кто был настроен агрессивно-непримиримо и находился в твердой уверенности, что разрешение противоречий «кровью и железом» — единственно возможный путь достижения желанной цели. Владимир Ильич Ленин был решающей и спасительной величиной революционного лагеря, возглавлявшей силы, противостоявшие псевдореволюционной кровожадности в Советской России. Но «краунд» лета 1918 года в том, что имело отношение к его попыткам спасти семью последнего царя и ряда других его родственников, он все же проиграл. Это очень дорого обошлось не только погибшим в те уже достаточно отдаленные времена членам царской семьи, но и несчетному множеству «красных» и «белых» их современников (далеко не царского происхождения), да и последующим поколениям...

Почему же трагедия последнего царя и некоторых его родственников, а также других близких ему людей стала неотвратимой? Отнюдь не только вследствие временной неподконтрольности ленинскому центру руководящих экстремистов Уральского региона. Неизмеримо более многозначимым и решающим фактором, предreshившим екатеринбургскую и ряд других трагедий подобного же рода, было то, что Николай II и его родственники были нужны ключевым фигурам белого движения именно мертвыми, а отнюдь не живыми и здоровыми, да еще претендующими на главную роль в антисоветском лагере. Не менее антигуманной и в сущности особо зловещей была позиция лидеров ведущих империалистических держав, для которых безнадежно обанкротившийся и скомпрометированный последний царь России мог стать лишь дополнительной «обузой» и «головной болью». Тем более, что, заправляя в белом движении, они жаждали разорвать и растащить «по кускам» огромную державу, оставив от ее бескрайних просторов полуколонизальный «обрубок». В этом деле Николай II, быть может, и не был бы им «удобным партнером».

Ненужность Николая Александровича даже его властвовавшим в ряде стран «венценосным» родственникам, проявилась уже вскоре после революции. «Попытки спасения жизни членов дома Романовых предпринимались и испанской королевской семьей. В октябре 1917 года король Альфонс XIII и испанское правительство пытались добиться взаимопонимания в Лондоне для подписания соответствующего соглашения с Временным правительством об организации выезда царя и его семьи через Финляндию и Швецию. С этой целью испанский король лично обращался к королю Англии Георгу Пятому, племяннику Марии Федоровны (вдовствующей императрицы, матери Николая II, который, следовательно, был двоюродным братом английского монарха... — Г. Н.). А также к королевским особам Швеции и Норвегии, однако его обращение успеха не имело». («Родина», лето 1997 г. № 8. С. 53)

Практически все «доказательства» мнимой виновности ленинского руководящего центра в горькой судьбе последнего императора и его близких, бесчестнейшие уголовно-капитализаторские «авторитеты» черпают у следователя Соколова, по поручению Колчака занимавшегося делом царской семьи. (Между прочим, А. В. Колчак, видимо, очень опасался обвинений в том, что он в сущности не сделал ничего серьезного ради вполне возможного спасения царя и его близких, а поэтому следователь имел в данной связи вполне определенный «заказ» по «сваливанию» ответственности за случившееся на В. И. Ленина и его соратников). В связи с этим многое бы можно было понять, получив точную информацию о

подоплёке недоверчивого отношения к Соколову матери царя, которая отказалась с ним встретиться, и о том, почему этому следователю не удалось привлечь на свою сторону и наиболее авторитетного тогда из Романовых великого князя Николая Николаевича (дядю последнего императора), тоже не пожелавшего его принять. Стоило бы также выяснить причину очень ранней и загадочной смерти Соколова в 1924 г.

Впрочем, было бы грешно не выразить удовлетворения хотя бы тем, что правда признается и таким современным юристом, как старший прокурор-криминалист генеральной прокуратуры России В. Н. Соловьев. По его мнению, из новых документов ясно, что замысел о ликвидации всей семьи Николая 11 принадлежал екатеринбургским руководителям. Об этом, в частности, свидетельствует запись беседы по прямому проводу Якова Свердловва с военным комиссаром Уральской области Ф. Голощекиным, являющаяся серьезным аргументом «в пользу того, что непосредственное решение о расстреле царской семьи было принято в Екатеринбурге». (См. «Вечерняя Москва», 9 августа 1997 г. С. 5).

Весьма показательны и многие, многое иное. Можно не сомневаться, что любой бесконтрольно властвующий политикан 30-х, 40-х или 90-х годов XX века, в тех условиях, вполне возможно «не помешал бы» (в отличие от В. И. Ленина и его соратников) погубить беспомощную женщину и ребенка — вдову и сына великого князя Михаила Романова. А вот в разгар военного противостояния силам иностранной агрессии и белогвардейщины, когда все «висело буквально на волоске» и страна находилась под угрозой чужеземной колонизации, ныне преступно и своекорыстно объявляемые «жестокими» влиятельнейшие из руководителей государства во главе с В. И. Лениным, просто не могли не предоставить им возможность покинуть Советскую Россию. Сообщение Российского Телеграфного Агентства (РОСТА) от 21 октября 1918 года: «Как нам сообщают, в Киев приехала жена бывшего великого князя Михаила Александровича графиня Брасова... Она была арестована в Петрограде. Впоследствии после ряда хлопот друзей ей удалось выехать из пределов России...» И вдова, и ее сын благополучно жили в эмиграции многие годы спустя и после смерти основателя и первого руководителя советского общества.

Все больше поражает отсутствие даже подобия совестиливости у тех, кто заправляет всем, что прodelьвалось с конца 1991 года ельцинским идеологически-пропагандистским ведомством. В ходе «раскручиваемого» далеко не первый год клеветнического «игрища», нацеленного, прежде всего, против В. И. Ленина, «новые» властители, начиная с 90-х годов, их телевизионные, газетные и прочие подручные не гнушаются фактически «идейным» блокированием даже с бесчеловечно отпетыми, дремуче-невежественными убийцами давно минувших дней! Само собой разумеется, в 90-е годы соответствующим образом, т. е. с циничнейшей бессовестностью используется и трагедия, связанная с судьбой младшего брата последнего царя, Михаила Александровича Романова. При этом, как водится, со штампованной фальсификаторской подлостью истинным ленинцем изображается даже инициатор и главный виновник убийства ближайшего из родственников последнего царя, на которого тот попытался возложить «бремя самодержавной власти» в ходе Февральской революции. Речь в данном случае идет о Гаврииле Мясникове, исключенном из партии и преданном суду в ленинские времена, но сумевшем сбежать и немало лет спокойно прожить в Париже.

С 90-х годов XX века чуть ли не само собой разумеющимся «объяснением» причины гибели брата царя Михаила является то, которое «помещено» в тогдашнем ельцинском офицозе — «Российской газете», 09.10.99. на с. 31. Разумеется, эти строки, как водится в условиях завершающего десятилетия XX века, ничего общего с правдой истории не имеют: «Июньской ночью 1918 года Михаила Александровича чекисты вытащили из постели, вы-

толкали на улицу и увезли за город, в лес, где и убили... Наутро объявили, что Михаил Романов похищен белогвардейцами. Даже организовали их «поиск»...» Вот так: душегубствующих беспредельщиков объявляли настоящими «чекистами». В надежде, что читатели придут к выводу, будто те орудовали по приказу Ф. Э. Дзержинского, который якобы выполнял «пожелание» В. И. Ленина! И ведь находится немало наивных людей, верящих даже таким разнузданно лживым и бесстыднейше лицемерным измышлениям!

Утверждать или просто «намекать», будто тогдашнее советское руководство во главе с В. И. Лениным, а не жестокие невежды примитивно экстремистского типа вроде Мясникова, относились к М. А. Романову, а также к его близким с ненавистью, могут лишь те из власть и богатство имущих, кто окончательно потерял честь и совесть. Репутация брата царя, сразу же отказавшегося от предложенного ему престола (при наличии положительного к нему отношения правящих кругов и прежде всего — военного руководства, видимо, в полном составе), но не пожелавшего при помощи насилия утвердиться на троне, была вполне приличной. Прежде всего по этой причине, когда М. А. Романов обратился к особо доверенному, исключительно близкому ленинскому соратнику — управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой выдать ему документ, подтверждающий, что бывший великий князь и ближайший родственник последнего царя, не является врагом Советской власти, последовала вполне доброжелательная реакция. Ему был выдан удостоверяющий это мандат на бланке Совета народных комиссаров.

Лояльное отношение руководства новой России к наиболее «весомому» представителю недавно властвовавшего «дома Романовых», проявлялось не только в выдаче ему принципиально очень важного документа авторитетнейшего органа власти того времени. Столь же закономерно поэтому и то, что жена М. А. Романова, графиня Наталия Сергеевна Брасова, получила возможность выехать в наименее трудное время вместе с детьми из Перми, чтобы впоследствии в течение долгих лет провести жизнь в эмиграции. Положительное отношение к бывшему великому князю простиралось настолько далеко, что была удовлетворена его просьба о снятии с него надзора со стороны ЧК.

Были ли у руководства Советской России основания относиться к М. А. Романову с необычным по тем временам доверием? Да. Ибо информация о его совестливой жизненной позиции была достаточно убедительной. К тому же трудно было отказать ему в чуткости и прозорливости. Даже если В. И. Ленин и другие наиболее цивилизованные из лидеров Советской власти не имели представления о письме этого человека царствовавшему тогда своему старшему брату, проявлявшему и в самые роковые моменты поразительную ограниченность, духовную инертность на грани полной утраты чувства реальности. Остается только предполагать, насколько мучительно переживал Михаил Романов из-за аномальной готовности последнего царя чуть ли не тиражировать одни и те же ошибки, издавна для него характерные...

Вот и, видимо, последняя попытка великого князя Михаила Александровича предотвратить фатальный исход, потерпела крах, ибо Николай II не смог и на этот раз всерьез задуматься над содержанием более чем грустного, но пророческого письма младшего брата. «...Я глубоко встревожен и взволнован всем тем, что происходит вокруг нас. Перемена в настроении самых благонамеренных людей — поразительна; решительно со всех сторон я замечаю образ мыслей, внушающий мне серьезные опасения не только за тебя и за судьбу нашей семьи, но даже за целостность государственного строя... Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для нас всех и для России...» Однако император остался верен себе, совершая один «ошибочный шаг» за другим! Чего стоило, к примеру, «отстра-

нение» IV-й Государственной Думы, крайне реакционной, в составе которой монархисты были подавляющим большинством! Только потому, что с ее трибуны произносились мимо «крамольные» речи, «нежелательные» для царя и особенно — царицы, готовой даже вешать иных и сравнительно «благонамеренных» депутатов (вроде Керенского)! Как будто император сознательно стремился к самоизоляции и среди «верхов»...

Как ни странно, но последний самодержец даже в феврале 1917 года по-прежнему по сути дела «сникал» перед Александрой Федоровной, принимая всерьез прямо-таки болезненно неумные откровения царицы, направлявшей ему просто самоубийственные для династии послания! «Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова и против них вызвали казаков. Хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба — просто для того, чтобы создать возбуждение — и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная они все, вероятно, сидели по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо себя вести. Худших речей не печатают... Я надеюсь, что Керенского из Думы повесят за его ужасную речь — это необходимо (военный закон, военное время) и это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость... Все беды от этой зевающей публики». И эту духовно немощную, безмерно ограниченную в своем властолюбии и, возможно, болезненную в своей эгоцентричности чету, распоряжавшуюся в огромной стране самым пагубным образом, вот уже второй десяток лет «новые» хозяева России и ключевые фигуры их пропагандистской obsługi изображали и изображают мудрыми, добрыми кристально чистыми правителями «счастливой» России, якобы свергнутыми и загубленными мимо «жестоким» В. И. Лениным. Находившимся к тому же в многолетней (вплоть до отречения последнего царя) эмиграции... И мало того: бездушные процаристски капитализаторские элементы, дорвавшиеся до бесконтрольной власти и несметных богатств, за считанные годы загубившие голодом, болезнями, преступностью, коррупцией и т. п. миллионы сограждан и их детей, как раз В. И. Ленина, не только спасшего народ от роковых бед, от вымирания, но и сделавшего все возможное даже для спасения и крайне грешных из Романовых от самосуда, обвиняют в антидинастическом и даже социальном геноциде! То есть как раз того лидера, который в наитягчайших условиях не губил, а спасал миллионы соотечественников!

И ведь, как ни грустно, ныне удается даже у многих добросовестных и бескорыстных (а потому пытающихся в условиях теперешнего фальсификаторского безвременья приблизиться к объективной оценке минувшего и ныне происходящего) сограждан посеять сомнения даже в добром отношении В. И. Ленина к убитому по воле Г. Мясникова брату последнего царя и членам его семьи... А почему бы и нет, раз есть «установочка» по преступному шельмованию в первую очередь, как никого другого, величайшего руководителя нашей страны, особенно хищно и вероломно надломленной именно в конце XX века!! Раз бессовестным и бесчеловечным заправилам — «прихвизаторам» это выгодно, то «так тому и быть». Вплоть до популяризации утверждения, появившегося на страницах одной из крупнотиражных газет, будто «убийство Михаила Романова открывало серию беспримерных по жестокости расправ над членами царской фамилии» в результате имевшего место «кошмара октябрьского переворота» (в свое время «авторитетно» удостоверенного лично Ельциным в ходе выступления перед американскими конгрессменами). Конечно, публичное, унижительное для нашей страны отречение этого недавнего расчеловеченного «пробивного» и изворотливого номенклатурного аппаратчика, пролезшего по служебной лестнице аж до уровня Политбюро ЦК КПСС, более чем приятно зарубежным толстосумам, но это было лишь началом, которое приказано было непрерывно «развивать».

Потому-то, естественно, в ряду множества других, аналогичных, и появляется очередная публикация «Ленин был очень доволен...» Само собой разумеется, расчелливым клеветникам крайне выгодно «не уточнять», благодаря кому члены семьи М. А. Романова, как и подавляющее большинство других царских родственников, получили возможность покинуть Россию, где им угрожала смертельная опасность. Однако почему бы не совершить очередную гнусность, обвинив в «злодейском» отношении к родному брату царя не кого-либо, а персонально В. И. Ленина? Ведь это так легко и выгодно вследствие полного отсутствия у нынешних «власть имущих» и их «обслуги» элементарной чести и порядочности! Вот и «сгодился» крайне примитивный, в сущности — бесчеловечно темный псевдореволюционер, способный своевольничать вплоть до самого разнузданного разрыва с нормами гуманности. А потому и имевший основания (как минимум — в подсознании) ненавидеть Владимира Ильича и противостоять ему во всем наиважнейшем. Как можно внушать миллионам одурманяемых ельциноидами соотечественников, будто не иначе как «ленинцем» был тот, кто доказал свою способность на вероломство и жестокость «без конца и без края»? Как могла в таком «ключе» нацеливаться и статья, опубликованная в «Московской правде» 14.05.96.?

Сделано это было, чтобы придать видимость чуть ли не документальной «точности» того, что утверждал преступный главный убийца М. Романова Мясников. Симптоматично и то, что много лет спустя после того, что он ухитрился натворить летом 1918 года вопреки гуманистическим установкам ленинского центра, он рассчитывал заслужить благоволение Сталина. Настолько, что, видимо, надеялся вернуться в СССР в качестве положительного персонажа нашей исторической драмы, хотя как раз в условиях действия ленинских норм, ему пришлось бежать из страны. Возможно, как раз в период все более «матеревшего» сталинского всевластья он надеялся (после пережитых «невзгод» в ленинские времена) «с почетом» восстановиться и в партии. Пока Мясников вел переговоры о своем возвращении, находясь во Франции, с ним держались очень «завлекающе», предупредительно, быть может и «по-доброму» всепрощающе, а когда вернулся, то посадили и расстреляли. (Либо «слишком много знал», либо — потому, что он был просто «не нужен хозяину»...)

Упомянутая статья, как и много других аналогичных, опубликована лжедемократами-капитализаторами только для того, чтобы внести очередную «лепту» в тотально оглуляющий, деморализующий огромные массы, преступно лишенные честной информации, крупнейший социально опаснейший обман XX века. В том числе и для того, чтобы сотни миллионов людей поверили властвующим клеветникам, будто В. И. Ленин якобы не стремился предотвратить убийства Романовых в районе Мотовилихи под Пермью, в Алапаевске и, конечно, в Екатеринбурге. Остается только удивляться тому, как в статье, посвященной убийству М. А. Романова, наряду с клеветническими обвинениями, сообщаются почему-то и факты, опровергающие «публицистическую» грязь. Однако разобраться в этой мешанине некоторых фактов и преступно лживых выводов смогут далеко не все, точнее — правда может стать достоянием лишь очень и очень немногих. Тех, кто не откажется (и при этом сумеет) проделать достаточно сложную работу по отделению правды фактов от низменно лживой их интерпретации и аналогичных выводов...

В данной связи важно понять и то, что исключительно влиятельный в тот момент в Перми Мясников вел себя по отношению к, безусловно, вполне приличному человеку, каковым, был младший брат царя, как преступный инициатор и организатор злодейского акта, совершенного без ведома и вопреки ленинскому центру. Самовольный арест и расстрел Михаила Романова до поры до времени был скрыт с помощью лживой версии о его бегстве с помощью «неизвестных похитителей», о необходимости организовать поиски и т. п. Хотя

на деле совершено было, пожалуй, чуть ли не осмысленно криминальное убийство великого князя, вместе с последовавшим за ним по собственной воле и на свою погибель секретарем Джонсоном, которого прикончили в стиле уголовников, убирающих свидетелей.

Сам Мясников утверждал, что, дескать, «в Кремле совершают ошибку», которую надо исправить руками полностью доверявших ему подручных, если не полукриминальной, то уж точно дремуче невежественной разновидности. Впоследствии Мясников совсем не случайно нес заведомую ахиною, оправдывая убийство: «Михаил и его приближенные — это штаб, главный штаб, от которого зависит ход, а может быть, и исход войны. Имея этот штаб в руках, не уничтожить его, значит помочь врагу бить нас... Надо привести в исполнение приговор истории». Разумеется, такие, как Мясников не имели ничего общего с ленинской концепцией преобразования общества на основе подлинного прогресса и гуманности. Далеко не случайно прежде всего как личность весьма сомнительная, он еще при жизни В. И. Ленина был исключен из партии и даже оказался в тюрьме, а затем — в ссылке, что побудило его к бегству и жизни в эмиграции в течение многих лет. Политикански-бессовестное использование «откровений» таких индивидов во имя растапывания правды истории, вполне закономерно для тех, кто в сущности бесконтрольно властвует с 1992 года.

Разумеется, Гавриил Мясников — страшный человек. И все же он невольно сделал однажды нечто общественно полезное. Свою саморазоблачающую рукопись «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова» он направил Сталину, придя к выводу, что тот (в отличие от В. И. Ленина) является по-своему родственной ему натурой, способной понять и высоко оценить его поведение. Здесь он проиграл все, в том числе — и собственную жизнь. Однако, когда в 1935 году, руководствуясь отнюдь не добрыми побуждениями, он вдруг раскрылся, то обнажилась правда (к сожалению, опубликованная лишь шесть десятилетий спустя) о чудовищно клеветнической низости обвинения В. И. Ленина в заговоре, да еще якобы запланированном физическом уничтожении царя и вообще всех Романовых. И вот теперь (при желании) можно опровергнуть все это и в результате откровений Г. Мясникова, обвинявшего ленинское руководство в фактическом попустительстве Михаилу Романову. «Они хотят устроить побег (...) И если он не убежал до сих пор, то только потому, что он ленивый дурак!» И далее Мясников раскрывает всю глубину своих противоречий с теми, кто руководил Советской Россией из Кремля. «Он будет убит, это ясно, но ясно это мне и моим товарищам, кому я доверяю свою тайну, но для всех он бежал. И хорошо. А как отнесутся к этому Свердлов и Ленин? А как бы они ни отнеслись, для меня безразлично. Я знаю свой долг, я его выполню, а потом на мне пусть хоть выпястятся.» («Общая газета», 23–29 мая 1996 г. С. 16)

Мало того: Мясникова одолевают «попытки» отнюдь не только на оскорбительную ругань, адресованную своей жертве, разумеется, абсолютно ничем не обоснованную, ничего не содержащую, кроме примитивно утробной ненависти («тупица», «пакость» и т. п.), но и на неприязненные, хотя и затаенные выпады против В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. Если Михаила Романова Мясников совершенно не знал и лишь один раз мельком повидал его перед убийством, самолично им организованным, то о главе Советского правительства и председателе ВЦИК он должен был иметь достаточно основательное представление. Однако ничего, кроме раздражения, не пробуждают у него их телеграммы с требованиями предоставить брату бывшего царя полнейшую свободу, что он объясняет себе лишь «играми в гуманизм», вредными для рабочего класса. Поэтому Мясников с легкой душой расправляется со своей жертвой и его секретарем, распространяя тут же лживую информацию об их бегстве. Руководителям же Советской России, по мнению Мясникова, придется лишь

оправдываться, доказывая свою непричастность к преступлению: «Ленин и Свердлов могут козырнуть — «Вот приказы, вот телеграфные распоряжения...» (См. «Вечерняя Москва», 29 июня 1996 г.)

Особенно общественно опасным было то, что Мясников не без оснований надеялся, что расправа с М. А. Романовым «...послужит сигналом к уничтожению всех Романовых, которые еще живы и находятся в руках Советской власти. Ну и пусть... Надо привести в исполнение приговор истории. И колебаниям нет и не должно быть места». (Там же) «Коллеблющиеся» В. И. Ленин и Я. М. Свердлов, а на самом деле — нормальные люди, противостоявшие душегубству, в тот исторический момент еще не имели возможности повсеместно пресечь в сущности контрреволюционную необузданность темных, а то и заведомо скверных элементов, примазавшихся к великим и благородным идеалам. А упоение радостью от своего палаческого торжества Мясников весьма «прозрачно» скрывает с помощью показной скромности и лицемерия: «Свершилось... Мое участие, конечно, историческая случайность, но конец дома Романовых — это не случайность, а исторически закономерное явление». Скорее всего Мясников так и не понял, что конец «дома Романовых» — это ликвидация монархической формы правления в России, а отнюдь не убийство беззащитных людей, имевших право на жизнь, как и все, тем более — далеко не преступные сограждане...

Помимо всего прочего, злодеяние Мясникова и его подручных, вероятно, стало своего рода вдохновляющим сигналом и для екатеринбургских руководящих экстремистов, вскоре после расстрела М. А. Романова около Перми, также разделавшихся с бывшим императором и самыми близкими к нему людьми. С каким-то болезненно аномальным самодовольством Мясников утверждал: «На стороне Ленина и Свердлова только авторитет, а на моей — авторитет правды и мой авторитет». До чего же легко «возвысить» свой, существующий лишь в собственной фантазии «авторитет» над реальным величием действительно крупнейшего, уникально спасительного лидера всей (не только нашей) многовековой истории! Но, пожалуй, особенно показательно то, как Мясников подбирал подручных для реализации своего черного замысла: «Нужно людей, умеющих молчать... и верящих мне больше, чем себе, и готовых на все, что я скажу, что надо в интересах революции». (См. там же)

Поразительно, но здесь у этого жестокого, нравственно-этически неполноценного человека, проявляется прямо-таки нерасторжимая, чуть ли не генетическая взаимосвязь и с нечаевщиной, и с однотипными «убеждениями» Сталина! Ведь одной из главнейших черт, отличающих бесчеловечных псевдореволюционеров от В. И. Ленина, затаившимся антиподом которого был, к примеру, Сталин (во многом определяющем из наиважнейшего, как никто другой) являлся «принцип» в сущности рабской преданности «хозяину», причем любое требование (вплоть до самого преступного) подлежало неременному выполнению. В бесчисленном множестве случаев именно так решал Сталин кадровые вопросы, в результате чего даже в Политбюро оказывались страшные, а то и аномальные сверхпреступники не только упрощенно ежовоподобного типа...

Но что до этой, как и любой другой правды истории, лжедемократическим пропагандистам! Кто бы ни вытворял что-либо ужасное — все это они «отводят» от истинных виновников, а все ужасное из ими содеянного — «приписывают» они именно В. И. Ленину, который их стараниями аморальнейшей нацеленности объявляется жестоким, принесшим России, как не постыдился заявить Ельцин, «много бед». «Ленин — это определеннейший стиль жизни, определеннейшая программа построения коммунистического общества, смысл которой можно выразить двумя словами — террор и насилие.» И далее в том же духе вплоть до наиподлейших разглагольствований, будто Мясников из того же «ряды», что

и Ленин, а также «что Ленин, что Мясников — один черт», что человеку, с такими «играми познакомившемуся, руки с мылом вымыть хочется» и т. п. (См.: «Вечерняя Москва», 29 июня 1996 г.)

Ну до чего же было выгодно властвующе-загрбевающим корыстолюбцам 90-х годов, как обычно, беспредельно преступным образом лгавшим народу, полностью растоптать правду, неоправимо оклеветав В. И. Ленина! И это о величайшем в своей спасительной человечности руководителе страны нашей и властителей иных стран, «мелькавших» во всемирной истории! Вот и жаждали идеологические прихлебатели капитализаторского, бесчеловечнейше-грабительского режима низвести единственного из находившихся на вершине власти уникального по масштабу лидера-созидателя и гуманиста (далеко не только в XX веке) до «уровня» Г. Мясникова — убогого убийцы. Того самого, которому померещилось, будто мыслящий и порядочный брат бывшего царя Михаил Александрович, «может стать флагом, символом для сопротивляющейся буржуазии», а раз так, то «предполагаемый символ следует уничтожить!» И это тоже «взваливают» на того, кто, в отличие от «царя Бориса», десяток лет властвовавшего погубителя нашей Родины и миллионов ее граждан конца XX века, свершил потрясающее много из наилучшего, спасал, а не сживал людей со света, облагораживал общество, а не разлагал, возрождал страну, а не разваливал...

Между прочим, прошло почти два десятка лет после убийства брата царя, а Мясников и к концу 30-х годов так и не понял, что он натворил, видимо, до последнего дня своей жизни упиваясь тем, что вот жил Михаил Романов, но «исчез» благодаря ему, мнимому «борцу за идею». Его саморазоблачительная рукопись «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова» должна была стать своего рода вызовом, не столько монархистам-эмигрантам, сколько тем, кто олицетворял Советскую власть в ленинские времена, и у которых она не могла не вызвать отвращения. Но вот в довольно скором времени после смерти Владимира Ильича, кое-что и в сознании, безусловно, приличных и даже весьма достойных людей, вроде тогдашнего главы профсоюзов, очень многое начало меняться отнюдь не к лучшему. В этом плане представляется достаточно симптоматичной предпринятая весной 1925 года попытка как-то смягчить отношение к Мясникову, не только освободив его от наказания, но и назначив «для исправления» директором совхоза. Вроде бы и сам Сталин против этого не возражал. Пусть в 1925 году даже этого было еще «недостаточно», но все же, все же...

В июне того года председатель ВЦСПС Михаил Томский обращается к Феликсу Дзержинскому: «Товарищ Дзержинский. Посылаю Вам копию обращения ко мне Полозова, моей записки Сталину и отзыва Сталина, Бухарина, Рыкова и предложение Зиновьева. Ваше мнение, мне кажется, является решающим. Я подхожу к вопросу чисто политически — более внимательное отношение к Ганьке (партийная кличка Мясникова. — Г. Н.) несомненно произведет хорошее впечатление в некоторых слоях партии. Жду ответа. М. Томский». Ответ пришел только через полгода. И не от самого Дзержинского, а от его секретаря Герсона: «Тов. Томский. Тов. Дзержинский возвращает Вам прилагаемую переписку (согласно Вашей просьбе). Тов. Дзержинский одновременно просит сообщить Вам, что он возражает против Вашего предложения по отношению к Мясникову». («Вечерняя Москва», 29 июня 1996 г.)

Почему Феликс Эдмундович решительно возразил против облегчения участи Мясникова? Вряд ли можно исключить и то, что циничнейшая жестокость Мясникова оставляла у него впечатление чего-то зловеще неисправимого. Убийцу брата царя пришлось оставить в заключении и лишь впоследствии (после смерти Ф. Э. Дзержинского) заменили это ссылкой, откуда Мясников бежал из СССР. Видимо, во всем этом, включая прежде всего про-

явившуюся по отношению к данной личности суровость Феликса Дзержинского, была своя вполне оправданная логика. Не было ли в свое время руководителю ВЧК известно немало и иного, особо недостойного о поведении и бесчеловечной сути Гавриила Мясникова?

Чего стоило хотя бы то, что Мясников планировал убийство намного более крупное, причем жертвами должны были стать все жившие в той же гостинице люди, близкие к великому князю Михаилу. Но это не удалось ему вследствие причин, явно не зависевших от него. В 1935 году Мясников писал об этом своем желании совершить еще более крупное злодеяние. «Что делать с ними? (...) Выходит так, что не Михаила одного я убиваю, а Михаила, Джонсона, «двенадцать апостолов» и 2-х женщин, какие-то княжны и графини, и, несомненно, жандармский полковник Знамеровский. Выходит, семнадцать человек. Многовато. Но иначе не выйдет.» И дальше Мясников уточняет: «Да, может быть, что я физически не убью ни одного из них, но надо быть лично готовым к тому, чтобы убить всех их физически. И быть готовым к ответственности, как будто всех 17 человек убил я лично сам (...) Готов ли я к этому? Без колебаний». («Общая газета», 23–29 мая 1996 г. № 20. С. 16)

Между прочим, бездушно-лживое поведение Мясникова по отношению прежде всего к Михаилу Романову во многом смыкается с антиисторической сталинской «логикой» 30-х годов, проявлявшейся, помимо остального, и в насаждении органического неприятия всех Романовых и их огульного обругивания. Парадоксально, но это сочеталось, например, с оправданием и своего рода возвеличиванием самой омерзительной, грязно изуверской природы на престоле, каковой был Иван Грозный! Тот самый, которого было бы неизмеримо правильней именовать кровожадно растленным, как никого из самых скверных царей.

Наша историческая наука должна, наконец, стать объективной в оценке закономерностей, явлений и личностей! В этом смысле недопустимо восторгаться хотя бы каким-либо одним гадким властолюбцем — душегубом из душегубов, но и забывать, например, что и Романовы тоже были, как и все, весьма разными. Вряд ли, скажем, во всем была права и такая наблюдательная и на редкость одаренная личность, как знаменитая Коко Шанель. Стоит помнить, что крупнейшая законодательница моды имела возможность контактировать в основном с довольно специфическими в своей ограниченности Романовыми, а иной раз приходилось наблюдать явную деморализационную расслабленность некоторой части великих князей из этого «клана».

По ее словам «Все эти великие князья были похожи друг на друга: прекрасное лицо, которое ничего не выражало, зеленые глаза, тонкие руки... Они пьют, чтобы избавиться от страха. Эти русские величавы, красивы, великолепны. Но за всем этим ничего нет, только пустота и водка». («Вечерняя Москва», 10.01.2001 г. С. 3) Но ведь тот же младший брат последнего императора, Михаил Александрович Романов, был, думается, человеком совсем иного типа, не говоря уже о единственном за три сотни лет прогрессивно человеческом реформаторе на троне Александре III! А разве не был достойнейшей личностью, например, Николай Михайлович Романов? Ведь данный великий князь был не только добротным, серьезным (тем более по тем временам) историком и порядочным человеком, но и пытался в благотворном для страны прогрессивном духе повлиять на последнего царя. Но неудачно.

Судьба исключала возможность контактов Коко Шанель с лучшими из Романовых. Кстати сказать, в данной связи тягчайшие беды народов России в огромной, подчас решительней степени предрешались тем, что кто-то лучший из Романовых мог оказаться на троне только «по случаю» не просто редчайшего, а уникального, единственного в своем роде исключения! В чем дело? Прежде всего в том, что ныне беспринципно слащаво (как и

в 30-е годы) восхваляемый Петр I с его во многом пагубными деяниями, на века предрешил беспредельно многое из крайне нездорового и антинародно бесчеловечного.

Ведь его внешне эффектные и очень успешные реформы предрешали наличие основы ужасающей прочности столетиями парализующего России самодержавно-крепостнического, а затем пропомещичьи-полукрепостнического Тоталитаризма регрессивнейшего типа. Того самого, который был органически враждебен всему светлому, доброму и умному. Потому-то и на троне оказывались востребованными прежде всего зловещие индивиды вроде лицемерно-растленной узурпаторши типа ныне восторженно превозносимой Екатерины II, тиранически застойного и палачески-палочного Николая I, предпоследнего царя примитивнейшего ультрареакционера Александра III, и последнего до грани патологии регрессивно-инертно ограниченного Николая II.

Необходимо, наконец, официальное и повсеместное признание правды: что касается лично В. И. Ленина и лучших из его последователей, то им приверженность нормам гуманности была присуща (вопреки всей теперешней пропагандистской стряпне) применительно к любому человеку, в том числе и тогда, когда дело касалось и многочисленных членов недавно властвовавшей в России династии. Типичным проявлением подлинной человечности такого рода было, как и многое аналогичное, доброе отношение к жене и маленькому мальчику — сыну брата царя, Михаила, загубленного натурами, объявлявшими себя, конечно, не слепо озлобленными убийцами, а истинными революционерами. Происходило такое в основном именно в 1918 году, летом, когда обстановка в ряде регионов была особенно трудноуправляемой, а иной раз — неконтролируемой по отношению к немалому числу человеческих жизней. В этом смысле в тот момент судьба вдовы и малолетнего сына Михаила Романова могла легко оказаться аналогичной судьбе главы семьи. И у каждого достойного и по-настоящему благородного человека, включая, конечно, В. И. Ленина, были все основания встревожиться, ибо родной племянник последнего царя, Георгий мог привлекать к себе особый «интерес». Ведь его отцу Николай II документально оформил передачу престола (правда, тот числился императором лишь один день и тут же подписал отречение, заявив, что мог бы согласиться на это только при условии доверия к нему со стороны большинства сограждан...)

А тем временем современные корыстно властвующие «авторитеты» и их пропагандистская обслуга даже обнажено преступного антиленинца, примитивно озлобленного, но расчетливого убийцу в теперешние дремуче капитализаторские годы подлейшим образом стремятся изобразить натурой, якобы орудовавшей в соответствии с «пожеланиями» основателя Советской России и единственного по-настоящему великого в своей человечности и спасительной созидательности руководителя за всю многовековую нашу историю! Чего же в связи с этим удивляться и тому, что в полном соответствии с логикой навета о мнимой виновности В. И. Ленина в гибели Михаила Романова «изобретен», по случаю дня рождения — наследника престола, и некий мнимый «ленинец», дескать, будто бы выполнявший волю главы Советской страны, якобы растапывая сапожищами несчастного Алексея. Такова типично преступнейшая ложь, провозглашаемая по нормам самой грязной клеветы теперешнего криминально-капитализаторского времени! Возможно, этот особенно мерзкий трюк, рассчитанный на обман десятков миллионов наших сограждан, лишь случайный срыв тележурналиста, «ни с того, ни с сего» располагавшего тогда «со всеми удобствами» в «исторических» телепередачах РТР? Ничего подобного! Не далее, как еще 17.05.95 он же провозглашал то же самое. То же добивание мнимыми «ударами сапогом в лицо» беззащитного подростка звучало так же и «оснащалось» тем же портретом внешне звероподобного типа без тени обоснованности и тем более — ссылки на исторические документы. А

какова цена «обобщающе» наигрязнейшей клеветнической «информации», будто это было началом массовых убийств младенцев из дворянских и буржуазных семей?!

Или соучастники подобных акций историческими фактами, документами, объективными свидетельствами докажут свою правоту, или они должны привлекаться к строжайшей ответственности в соответствии с правовыми нормами. Если же будет доказана злостность и их, и «высочайших» вдохновителей этого черного дела, то, как минимум, до конца их дней ни один порядочный человек не должен подавать им руки. Клевета должна быть наказуема хотя бы так, ибо в действительности, вряд ли среди всех ответственных политических величин той наисложнейшей поры да и текущего исторического этапа был человек, которому в большей степени, чем В. И. Ленину, были ненавистны кровавые эксцессы, да еще такие, жертвами которых оказывались дети. Только преступные элементы из числа «новых» заправил могут утверждать, будто в ленинские времена могла быть желанна ключевым фигурам расправа хотя бы с одним ребенком или подростком, в том числе и «по случаю» его принадлежности к династии Романовых, или к иной аристократической или буржуазной семье! За любой доказанный факт подобного деяния, тем более — по отношению к детям, при Ленине полагалась суровая кара, а сойти с рук нечто подобное могло только после того, как власть Сталина стала совершенно бесконтрольной в 30-е годы.

Стоит все же предположить, что для такого лидера белого лагеря, как А. И. Деникин, возможно, зоологическая кровожадность была все же неприемлема, как и для В. И. Ленина, ибо в личном плане и он принадлежал, видимо, к числу нормальных людей. Разница была прежде всего в том, что постепенно, но В. И. Ленину удалось установить достаточно результативный и жесткий контроль над сложнейшей ситуацией периода иностранного вторжения и предрешенной им гражданской войны. Пусть не мгновенно, но с максимально возможной быстротой Владимир Ильич решительно покончил со стихией антиромановских, антиаристократических, антиофицерских, и прочих подобных эксцессов, которые чуть было не захлестнули в непоправимо опасной степени нашу страну еще в 1918 году. А вот руководителям белого движения в сфере своей компетентности на подконтрольной им территории сделать в этом смысле что-либо по-настоящему разумное и реально сдерживающее было не по силам, что и стало одним из решающих факторов, предопределивших их изоляцию от основной массы сограждан и абсолютно неизбежное окончательное поражение.

В числе прочего, предрешавшего многое из наиважнейшего в «белом» движении, оказалось и жестко непримиримое «выдавливание» из числа ключевых руководящих фигур А. И. Деникина, завершившееся снятием его с поста наиболее влиятельного руководителя антисоветского воинства. Дело доходило даже до покушений вплоть до убийства кое-кого из наиболее близких к нему высших должностных лиц, что стало одной из иллюстраций полнейшей бесперспективности попыток хоть что-то изменить здесь к лучшему по части заурядного благоразумия, способного сделать хоть что-то, привлекающее симпатии численно сколько-нибудь значимой части населения страны.

3 Уже немало лет властвующие в России промонархически-капитализаторские заправилы, касаясь прошлого, не только уклоняются от ответов на элементарные вопросы, а грязнейшим образом извращают все наиважнейшее! Вплоть до нескончаемого провозглашения лжи о якобы «спасительности» и ничем незаменимой «благодетельности» самодержавно-монархических и столь же бесчеловечно антинародных буржуазных якобы «исконно русских основ»! В числе многих других заслуживает внимания и следующий факт: почему, к примеру, Временное правительство еще до возглавленной В. И. Лениным Вели-

кой Октябрьской революции по собственной инициативе отменило монархию и провозгласило 15 сентября 1917 года Россию республикой? Уж не потому ли, что осознано полное банкротство романовской династии и что семья последнего самодержца была отвергнута его достоящему близким родственником английским королем, по требованию собственного правительства «вдруг» отказавшимся выполнить обещание приютить Романовых в пределах могущественнейшей тогда Британской империи.

Не как-нибудь, а лично обратился он в правительство с согласием об отмене предложения о предоставлении царю политического убежища в Великобритании, сделанного вскоре после отречения русского императора от престола! Британский МИД долго отрицал факт отказа от данного обещания, спасительного для царской семьи, и признал его только в 30-х годах. (См. «Труд», 27.09.99.) Конечно, агентство Рейтер справедливо осуждает Георга V, но все же главное здесь то, что численно необъятные многомиллионные массы социально наиболее активных и, безусловно, мыслящих «подданных» решительно отвергали Николая II и вообще монархические «порядки», с чем не могло не считаться руководство британской империи. Поистине невозможно подсчитать свидетельства подобного рода. Включая и вспоминая наших сограждан из числа тех совсем старых людей, уцелевших в порядке редчайшего исключения даже в самые бесшабашно гибельные сталинские и по-иному, но очень бесчеловечные ельцинские времена, вопреки целеустремленному сжиганию их со света.

К примеру, Евгения Михайловна Подшивалова, на вопрос, помнит ли она революцию, отвечала: «Конечно, мне тогда было 9 лет. Вся деревня кричала «Долой царя!» Как-то на митинге одна женщина оседлала красную, без хвоста лошадь и под красным флагом повела нас через речку в Курниково — там жила какая-то барыня. Мы собрались у ее усадьбы и кричали: «Долой Николая!». При царе-бабушке мы жили плохо. Хлеб ели с вижкой, в лаптях ходили. Деревня была большая, но бедная. Крыши соломенные, света не было, керосина тоже. В избах жгли лучины. Зажили мы при Ленине, он крестьян не обижал.» («Московский комсомолец», 2 октября 1996 года. С. 2)

Мнение крестьянки преклонного возраста в чем-то важнейшем полностью совпадает с тем, что переживали весьма много десятилетий тому назад в период необратимого краха царизма даже наиболее мыслящие из родственников последнего императора. Далеко не случайно один из них на бланке с великокняжеской короной написал в начале марта 1917 года: «Относительно прав наших и, в частности, моего, на престолonasледие, я, горячо любя свою Родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича. Великий князь Кирилл Владимирович.» («Труд», 29.08.96.)

А вот современный писатель, Борис Васильев, награжденный Ельциным орденом и объявляющий о своем глубоком к нему уважении, вполне в «духе» таких, как он, пропагандирует в основном то, что соответствует интересам данного режима, утверждая будто после Октября 1917-го года якобы было изуродовано и уничтожено все лучшее и ценное, причем страшно пострадало далеко не только многомиллионное крестьянство. Причем Васильев тут же «уточняет», будто «большевики и Советская Власть совершили величайшие преступления перед собственным народом». «Они истребили дворянство и старую интеллигенцию, уничтожили церковь, отняли у крестьянства землю. Отсутствие собственности — основа безнравственности. В городе восторжествовал обыватель, в деревне — люмпен. Новые хозяева России получили то, что хотели, — гигантскую безнравственную люмпенизированную массу. Бери ее голыми руками и делай с ней что хочешь» («Труд», 22 мая 1999 г. С. 2.)

В данном конкретном случае Б. Васильев не обвиняет В. И. Ленина в гибели семьи и родственников последнего царя, возможно, полагая, что данная пропагандистски одурманивающая задача решена и надо предъявлять обвинения намного беззастенчивее и бесшабашнее. Не пришел ли он к выводу, что теперь актуальна ложь еще более крупномасштабная? Трудно сказать. Во всяком случае этот человек стремился то ли осмысленно, то ли подсознательно абсолютно во всем идти по стопам, а кое в чем и «обгонять» Ельцина. Ведь тот еще в 1992 году «сорвал» аплодисменты американских конгрессменов, заявив, что все, происходившее в нашей стране с 1917 года, было «сплошным кошмаром». При всей своей примитивности тогдашний правитель лгал как обычно совершенно бездоказательно, но вполне расчетливо. Но как же может до аналогичного уровня опускаться тот, кто вовсе не глуп и не бездарен от природы! В чем здесь дело?

Неужели Б. Васильев действительно не имеет представления о самом элементарном? Хуже чем странно звучат в его устах фразы, свидетельствующие о полном разрыве даже с подобием правды истории. Ведь пусть в порядке редчайшего исключения, но и на страницы кондово-«демократической» прессы вдруг каким-то чудом «проскальзывает», хотя и лишь несколько, но вполне здоровых слов! «Ведь Октябрьская революция произошла не из-за того, что Ленин на броневик взобрался... И не от того, что по мнению поменявших социальную-сексуальную ориентацию фельетонистов, большевики были козлами, а счастливый народ был ими одурочен. Все гораздо глубже. Накануне февральско-октябрьской революции создалась удручающая ситуация. Как теперь выражаются, и в верхние эшелоны власти, и в средние, и в «сержантские» прекратился доступ свежей талантливой крови, которая необходима в ситуации окружающей Россию. Ну а сужение кровеносных сосудов, как известно, приводит к инфаркту. Поэтому сословные барьеры должны были неизбежно рухнуть». («Вечерняя Москва», 31 марта 1998 г. С. 3). В том числе и потому, что последний царь был совершенно не в состоянии хоть маломальски дельно решать поистине огнедышащие проблемы страны. И прежде всего — аграрно-крестьянскую, от подхода к решению которой зависело наиважнейшее далеко не только в его личной судьбе. Почему же такие явно не глупые люди, как Б. Васильев, даже почти сотню лет спустя, блуждают «в трех соснах»?

Старенькая крестьянка отдает должное Октябрю 1917 года, честно подтверждая, что «зажили мы при Ленине», в то время, как «при царе-батюшке мы жили плохо»? Как может Васильев «не знать» этого, а также того, что сразу же после разгрома войск иностранного вторжения и их белогвардейских сателлитов, при ленинском нэпе крестьяне были «вольными хозяевами на вольной земле»? Именно по этой причине начался никогда, ни до революции, ни после сталинской коллективизации невиданный расцвет сельского хозяйства! Никогда, ни до революции, ни после вероломно подготовленного и преступно восторжествовавшего сталинского антисоциалистического переворота, народ не питался так прилично и полезно для здоровья, как благодаря ленинскому курсу. Земля же была отнята у крестьянства не при Ленине, а через считанные годы после его смерти.

Столь же далек от истины Васильев в каждом своем слове из вышеприведенных. Кошунственно и утверждение, будто была уничтожена церковь. Целеустремленное уничтожение множества храмов, десятков тысяч священнослужителей началось только одновременно со сталинской коллективизацией и «ликвидацией кулачества как класса». И беды интеллигенции, спасенной В. И. Лениным, А. В. Луначарским, А. М. Горьким и их соратниками, благодаря чему имел место в 20-е годы невиданный расцвет образования, здравоохранения, науки и культуры, — тоже начались только по мере подрыва ленинских норм в условиях узурпации Сталиным бесконтрольно тиранической власти.

Быть может, кому-либо покажется совсем уж неожиданным, но здесь же таится очень многое из предрешившего непримиримый раскол российского офицерского корпуса, от чего в огромной степени зависел ход нашей истории отнюдь не только в ближайшие годы после 1917-го. Скажем, в Германии после ликвидации монархии в ходе революции конца 1918 года, офицерство в большинстве своем было почти монолитно регрессивным и антинародным (что, помимо всего прочего, предрешило грядущее торжество гитлеровщины). Именно оно сыграло решающую роль в том, что было буквально потоплено в крови движение масс за лучшее будущее своей страны и в Берлине, и в Баварии, и в других местах в самые первые послевоенные годы. А вот в среде российского офицерства было множество тех, кто всей душой сочувствовал своему исстрадавшемуся народу и особенно крестьянству, в среде которого десятки миллионов были в невыносимо униженном и бедственном положении. Свою роль сыграло и вооруженное «до зубов» иностранное вторжение, буквально рвавшее на куски страну, резко ослабленную за два последних царствования, начиная с момента гибели Александра II — единственного на троне за 300 лет романовской династии великого реформатора-прогрессиста гуманистической ориентации.

Потому и выстояла Советская власть: ведь на ее сторону перешло много, очень много тысяч кадровых офицеров. В том числе родом из потомственных дворян (по мнению Б. Васильева, якобы уничтоженных, по его терминологии — «истребленных» после прихода к власти В. И. Ленина и его последователей). Тех самых, кто имел очень серьезные знания и ценнейший боевой опыт. А раз так, то Красная Армия получила первоклассный комсостав, в решающей степени сделавший неизбежными все ее военные триумфы в смертельной, годами продолжавшейся гигантской по масштабу схватке с иностранными агрессорами и белогвардейцами. В данной связи было бы грешно не вспомнить Михаила Михайловича Зощенко, отнюдь не только потому, что он был одним из талантливейших и честнейших наших писателей. Сразу после Великой Отечественной войны этот чистый, благородный человек (в полном соответствии с «гениальными» сталинскими указаниями) был оболган с разнузданной клеветнической наглостью. Дошло до того, что его обвиняли не просто в отчуждении от своего народа, а в презрительно-бездушном к нему отношении и даже обзывали «хулиганом» и «подонком литературы!» Мало того: изображали «тыловой крысой», забитившейся только о собственной выгоде. И это о совсем молодом, в свое время, отважном офицере периода первой мировой войны, награжденном за храбрость и самопожертвование многими орденами, раненом на полях сражений, отравленном газами, уже тогда из-за этого освобожденном от воинской службы, но добровольно воевавшим в Красной Армии!

20-летний Михаил Зощенко, пережив страшно многое в окопах Первой мировой войны, встретил Февральскую революцию командиром батальона, Октябрьская революция вынудила юного офицера-дворянина сделать решающий выбор на всю дальнейшую жизнь. Даже будучи «в чистую» освобожденным из воинских рядов из-за ранения и отравления газом, он посчитал себя обязанным вернуться в действующую армию, но командовал он не солдатами белой воинской части, а красноармейцами Первого Образцового полка Деревенской Бедноты, деля с ними фронтовые будни. Что же побудило боевого офицера добровольно попроситься на службу в ряды РККА, то есть выступить вместе с крестьянами и другими трудящимися против привычной ему дворянско-помещичьей и иной среды, чуждой Октябрьской революции?

Более, чем что-либо иное, побудило М. М. Зощенко к этому не революционная агитация, а страшная крестьянская бедность, темнота, нищета... Его сестра жила в имении мужа, погибшего на войне, работая конторщицей в недавно созданном совхозе. В этой (Смоленской губернии), куда заехал к старшей сестре будущий писатель, конечно, тоже весьма

многое не могло не влиять на его чуткую, добрую душу, включая и такое, что невозможно было забыть до конца дней. «По дороге в деревню мы встретили большую группу крестьян. Все они были в лаптях и нищенски одеты. (...) Возле деревни произошла еще одна встреча с крестьянами. Видимо, шла семья. Впереди шествовала девчоночка лет семи. За ней — родители. И рядом плелся старик, шаркая по пыли рваными валенками. Родители же и девчоночка были в лаптях и в каком-то тряпье. Эта крестьянская семья поклонилась нам еще более подобострастно.»

Страшным контрастом крестьянской бедности и придавленности были недавние помещики, господствовавшие над ними из поколения в поколение, а после Октября 1917 года их приютили в своих избах именно те, кто был столь долго им подвластен. Об этом Михаил Зощенко поведал в одной из своих публикаций, названной: «Как я пошел сражаться за советскую власть». «Грузная хозяйка полулежала на диване с томиком Блока в руках. Рядом в кресле сидел облезлого вида господин с длинными повисшими усами. Он был в высоких русских сапогах, но в смокинге, в петлице которого красовалась белая астра. Хозяйка с преувеличенной радостью встретила нас. Тотчас велено было подавать к столу. За обедом меня расспрашивали о петроградских новостях. (...) Под негромкую музыку хозяйка принялась рассказывать нам о скором и неминуемом крахе большевиков. Ее сведения на этот счет были весьма обширные. (...) — Всю жизнь, господа, меня сопровождали удачи! И я уверена, что мне вскоре вернут мое имение! Тасуя карты, она мечтательно заговорила: — Вот вернут мою усадьбу... Я приглашу двух-трех жандармов и в их присутствии немного попорю тех мужиков, которые нынче работают на моей земле...»

Только лишь попорете? — спросил облезлый помещик, приглаживая свои длинные усы. — Э, нет, добрейшая Ольга Павловна, порка в данном случае неубедительна! Нескольких мужиков (знаю кого) я своей властью попросту вздерну на деревьях моего сада. И поверьте мне — государство станет благодарить меня за то, что я утихомирю свой район. Я бросил карты. Встал. И, запинаясь от волнения, сказал: — Это подло и низко так говорить. И не менее подло, что вы довели своих крестьян до такого унижительного состояния. Но это, как я вижу, не мешает вам музицировать и нежно любить цветы, стихи и собак! Хозяйка, растерявшись, надменно заахала. Помещик с длинными усами, сдержав ярость, сказал мне издевательским тоном: — Да будет вам известно, ваше благородие, что я гуманнейший человек. Помимо того у меня высшее образование (...) Не дослушав помещика, я вышел из комнаты, буркнув в дверях: «Прощайте...» Волнение душило меня.

Я долго ходил по деревенской улице. Потом неожиданно зашел в какую-то избу. Большая крестьянская семья, собравшись вокруг стола, хлебала какое-то варево из общей миски. Нет, не бедность и нищета поразили меня в этой избе. Меня снова поразили поясные поклоны, смиренные опущенные взоры и раблепные слова. Я обошел еще несколько изб. Всюду лежала чугунная тень прошлой жизни. Всюду еще таился страшный мир. Что же в таком случае было раньше? Недавно? Что же было всего шестьдесят лет назад — когда на базарах продавали крестьян? Смутное представление у меня было в ту пору о советской власти. Буржуазная печать в 1917 году на все голоса кричала, что большевики сметут с лица земли культуру и цивилизацию. Эта буржуазная пропаганда туманила некоторые головы молодежи моей среды и вызывала недоверие к новой власти.

И вот, шагая по деревенской улице, я вдруг отчетливо, но все же робко подумал: «Нет, это правильная власть, если она хочет уничтожить вековое рабство. Правильная власть для страны, где притаились господа, которые ждут не дождутся, чтобы снова надеть хомут на шею русского мужика». Эти мысли несколько успокоили меня, и я вернулся домой. Сестра уже поджидала меня. Она, не сердясь, но с усмешкой сказала: — Теперь, Минька,

вряд ли кто-нибудь пригласит тебя в гости. Правда, я им сказала, что ты нервный, контуженный. Но так и не смогла сменить их гнев на милость. Впрочем, наплевать на них. Мы будем играть в преферанс у одного знакомого агронома. Я извинился перед сестрой за свою несдержанность и тут же сказал ей, что завтра с первым парходом я уезжаю в Смоленск и оттуда в Петроград. Сестра стала просить меня, чтобы я остался. (...)

По приезде в Петроград я пошел в Главный штаб и подал заявление о моем желании вступить в Красную Армию. Начальник штаба долго листал мои документы. И я ожидал, что он скажет мне что-нибудь о моем дворянском происхождении, либо прочтет какое-нибудь поучение.

Но он ничего не сказал. Он только спросил меня: — А на какую должность вы рассчитываете? По вашим бумагам я вижу, что вы были на фронте адъютантом Мингрельского полка, а перед этим командовали ротой и батальоном. Я ответил, что возьму любую должность, но мне не хотелось бы торчать в казармах, я предпочел бы действующую армию. Начальник штаба сказал: — На этих днях мы отправляем на фронт Первый Образцовый полк Деревенской Бедноты. Полк уже укомплектован, но там нет адъютанта. Если желаете, мы дадим вам это назначение. Я согласился. Я порадовался, что вместе с деревенской беднотой буду сражаться против власти помещиков. Через несколько дней вместе с полком я прибыл в Ямбург, чтобы занять позиции против белогвардейских отрядов Булак-Балаховича». («Правда», 10.08.95. С. 4)

Решающий выбор, сделанный совсем молодым, но глубоко мыслящим, благородно чувствующим, по-настоящему человечно относящимся к страшно обездоленному подавляющему большинству сограждан, бывшим царским офицером-фронтовиком Михаилом Зоценко — явление отнюдь не случайное и не «проходное». Это была микроскопически малая, но типичная деталь, неопровержимо свидетельствующая в ряду бесчисленного множества аналогичных, о явлении, безусловно, исключительной, по-своему эпохальной, значимости. А именно: о глубочайшем размежевании, а по сути дела непримиримом расколе, со множеством внутрикорпоративных, личных, а иной раз и внутрисемейных драм в среде российского офицерского корпуса. Приходилось твердо решать, с кем, против кого и ради чего сражаться. Причем все это в колоссальной степени усугублялось и обострялось иностранным вторжением: войска мощнейших держав той поры буквально терзали нашу родину.

Процесс размежевания в основном шел по двум направлениям. Идти ли вместе с гигантским большинством (в основном крестьянского) населения, страшно придавленного, доведенного до предела нищеты дореволюционным царским режимом, ради его спасения от вековых бед, признав правоту В. И. Ленина, спасая одновременно Отчизну от распада и колонизации иностранными агрессорами? Такое решение принимали в первую очередь натуры жертвенные, подчас на грани полного самоотречения, вроде юного Михаила Зоценко, то есть наиболее последовательные поборники доброго отношения к подавляющему большинству сограждан. (В том числе и из среды истинных интеллигентов с офицерскими погонами на плечах.) Однако большинство бывших офицеров, служащих в Красной Армии, было поначалу все же, по-видимому, из тех, кто, стиснув зубы, не приемля многое из происходившего после Октября 1917-го, все же не видели другого выхода. Ведь на их глазах и по-человечески далеко не худшие из лидеров белого движения, не говоря уже о чудовищах типа Краснова, Семенова, Булак-Балаховича и им подобных, с фатальной неотвратимостью оказывались марионетками в руках германских, японских, английских, французских и иных расчленителей и погубителей их многострадальной Отчизны!

Конечно, и в рядах белого движения было немало субъективно честных людей, в том числе и офицеров, полных благих побуждений, но все же главное там предreshали те, кто

просто стремился вернуть «собственные» земли, отданные Советской властью пострадавшему от малоземелья, а, значит, и беспросветной нужды, крестьянству. Причем именно с «помощью» зарубежных «доброхотов» — покровителей, их вооружавших и нацеливавших против родного народа, направляя одновременно в Россию и свои войска с заведомо хищническими, преступными, гибельными для Родины и ее многомиллионной массы тружеников-патриотов целями... К счастью, очень многие из бывших офицеров откликнулись на призыв В. И. Ленина встать на защиту своей страны, причем этот призыв был решительно поддержан значительной частью бывших царских военачальников, наиболее яркой и крупной величиной среди которых был знаменитый и наиболее талантливый из дореволюционных военных руководителей Алексей Алексеевич Брусилов. Вместе со значительной группой своих бывших коллег-генералов он призвал офицерство забыть все обиды и невзгоды ради спасения Родины, идти для достижения этой цели до конца вместе со своим народом и Советской властью.

Колоссальную и ничем не заменимую роль ради спасения офицерского корпуса (в том числе, как и А. А. Брусилов, дворянского происхождения) и во имя самосохранения, возрождения, величия нашей страны сыграло то, что В. И. Ленину вместе с истинными его соратниками удалось пресечь антиофицерский, антидворянский и т. п. террор, и тем самым — оградить российское офицерство от мстительно озлобленных и просто темных псевдореволюционеров-экстремистов, из числа которых многие самозвано причисляли себя к числу тех, кто будто бы действительно олицетворял Советскую власть. Известно, например, что вскоре после Февральской революции ожесточенно темная часть матросов «одним махом» перебила многих офицеров во главе с адмиралами Виреном и Бутаковым. Кстати, как только большевики еще до Октябрьской революции стали наиболее влиятельной руководящей силой такого органа, как Центробалт, определяющим образом влиявшего на матросские массы, что-либо подобное упомянутой трагедии в Кронштадте стало маловероятным, а затем и совершенно невозможным. Сразу же после прихода к власти, В. И. Ленин вместе со своими последователями, сумел твердо и решительно не только пресечь страшные антиофицерские эксцессы, но и начать массовое привлечение тех, кого стали называть дореволюционными, но крайне нужными стране военными специалистами на командные посты в РККА, вплоть до наивысших.

Конечно, могли происходить и, к сожалению, происходили единичные антиофицерские срывы, причем наиболее влиятельным «специалистом» по этой части был Сталин, состряпавший в Царицыне так называемое дело Алексева, приказавший расстрелять преступно оклеветанных бывших офицеров, но и ему лишь с большим трудом с помощью обмана удалось избежать суровой ответственности. Впоследствии, вплоть до наступления поры своего бесконтрольного торжества в 30-е годы, он вынужден был держаться осторожно и сдержанно, пока еще действовали ленинские нормы... Начиная с конца 1918 года, к счастью, во все большей степени преобладала ленинская концепция военного строительства, важнейшей составной частью которой было массовое включение бывших царских офицеров в число командиров РККА, вплоть до назначения командующими армиями, фронтами и даже главнокомандующими Красной Армии в целом (ими в разгар военного противостояния были по большей части только выходцы из этой среды). Ход событий все более впечатляюще давал возможность десяткам и десяткам тысяч бывших офицеров, многим генералам и адмиралам правильно оценить роль В. И. Ленина и Советской власти, что стало одним из решающих факторов спасения великой страны от распада и гибели. Ведь без знаний, боевого опыта, командно-штабного профессионализма «военспецов» победа над интервентами и белогвардейцами была бы невозможна.

Офицерская среда была расколота и по сравнительно не самой первостепенной в те времена проблеме, причем размежевание внешне не было заметно, хотя и затрагивало обычно «глубинные струны» множество офицерских душ, ибо дело касалось непосредственно последнего самодержца. В этом плане все руководство дореволюционных вооруженных сил и просто мыслящие военные высшего ранга, включая многих непреклонных контрреволюционеров-монархистов, были, как правило, едины на беду последнему императору. В большинстве своем если и лично не знакомые с ним, то наблюдавшие его действия с достаточно близкого расстояния, они были уверены в полной недееспособности и непоправимой скомпрометированности этого человека в качестве главы государства, ведущего огромную страну не только к гигантскому «разлому», но и к перспективе общего краха.

Здесь, а не где-либо кроется первооснова подписания Николаем II отречения от престола. Это могло произойти прежде всего только при активном участии влиятельнейших величин высшего военного руководства. В чем-то типичной фигурой среди высшего генералитета в «горячие денечки» Февраля 1917 года был генерал Алексеев, причем вполне закономерно тот человек, кто непосредственно, годами сталкивался с крайней степенью реальной духовной, профессионально-командной, государственно-державной беспомощностью Николая. В наибольшей степени именно этим с горечью в течение долгого времени вынуждены были «любоваться» и все командующие фронтами, включая самого авторитетного из Романовых великого князя Николая Николаевича. Только поэтому они были единодушно и решительно настроены в пользу отречения от престола последнего «помазанника божия». Разумеется, не по причине своего мнимого «предательства», а вследствие его полной неспособности действовать успешно в соответствии с учетом сложных реалий тогдашнего социально-политического российского бытия. Еще более жестко оценивали деятельность царя, в душе исключавшие будущее без монархии, влиятельнейшие политики весьма консервативной ориентации Шульгин, Гучков, Родзянко и другие. Именно от них непосредственно исходило требование отречения Николая II в пользу юного наследника Алексея, естественно, ничем не скомпрометированного. Военное руководство России их поддержало, а царь вынужден был подчиниться. Неожиданным было лишь то, что разобитый недавний «хозяин русской» отменил обязательство передать престол сыну-подростку, что давало последний и единственный шанс сохранения династии и дореволюционного «порядка вещей» в относительно приличной разновидности.

Ныне, как никогда прежде, есть все основания для уверенности, что практически все, происходившее накануне и в ходе Февральской буржуазно-демократической революции в России, таило в себе подоплеку того, что позднее бывший царь и близкие к нему люди окажутся нужными главам империалистических держав, вторгшихся в нашу страну, и целиком зависимым от них лидерам белогвардейщины именно трагически погибшими в полном составе, а отнюдь не живыми! В то же время было бы неправильно полагать, что среди офицеров не было таких, которые сохраняли верность монарху, нередко отнюдь не по причине вульгарной корысти, а вследствие наивности или полнейшей неосведомленности, «питавшей» их личные иллюзии относительно Николая II. Некоторые были даже готовы совершенно безоглядно рискнуть собственной жизнью в попытках его освобождения. Пожалуй, типичным был в этом плане капитан лейб-гвардии Петроградского полка, Павел Булыгин. Как ни странно, но в чем-то закономерным было и то, что этому человеку больше всего мешали осуществить свои замыслы именно монархисты, причем из числа наиболее влиятельных.

П. Булыгин был непримиримо яростным антиподом таких своих человеческих и интеллигентных коллег — бывших офицеров, как Михаил Зоценко. Его совершенно не огорчала

нищета, прямо-таки задавленность нуждой многомиллионных крестьянских масс. Добрые чувства пробудил в нем только тот старый крестьянин, который назвал его «ваше превосходительство», догадавшись, что имеет дело с офицером, но скрыл это от своего сына-коммуниста, дал хлеба на дорогу и посоветовал поскорее уйти как можно дальше. Как раз вовремя: ведь был он непреклонным и жестоким участником корниловского т. н. ледяного похода, люто ненавидел народ, поддерживавший Советскую власть, и готов был на все ради восстановления власти царя и помещиков, меньше всего думая о бедствиях народных из поколения в поколение. Степень его эгоцентризма была в сущности безграничной!

В то же время было бы грешно отрицать наличие у него смелости и решительности, готовности на все ради торжества своих очень простеньких убеждений, не выходящих за примитивно монархические рамки. Сугубо же личный комфорт, видимо, мало что значил для этого человека. Казалось бы, монархические лидеры должны были бы буквально косями лечь, во всем поддерживая офицера, жаждущего освободить царя, и действительно на словах все были полностью на его стороне. Но отнюдь не на деле. Правда, В. В. Шульгин, к которому обратился Булыгин, не только одобрил его замысел, но и дал рекомендательные письма, с которыми тот с трудом пробрался в Москву, где обратился в Центр национального монархического союза и вроде бы нашел поддержку. Но впоследствии капитан с горечью вспоминал: «После этого разговора меня не подпускали к делу около девяти недель. Время тянулось чудовищно медленно... Затем появилось ложное сообщение о расстреле в качестве «пробного шара» ...с целью узнать, как «русский народ» воспримет новость об убийстве своего императора. «Русский народ» не сказал ничего». Позднее Булыгин выехал в Петербург, где предложил группе монархистов, связанных с немцами, предпринять спасительную для бывшего царя попытку в Екатеринбурге. Они ответили: «Еще рано...» А императорская семья была убита...» (См. «Независимая газета», 23 июля 1997 г. С. 5) Так действовали самые влиятельные монархисты, разумеется, на беду и последнему самодержцу, и близким его.

Стремилась же, разумеется, не на словах, а на деле, действительно спасти от гибели Романовых (и спасли многих из них), отнюдь не наиболее влиятельные и имевшие для этого огромные возможности монархисты! А главные их антиподы, прежде всего в лице Владимира Ильича Ленина и таких его соратников, как Алексей Максимович Горький. Лживые измышления буквально заполнили «демократические», монархические, националистически-расистские, полуфашистские и иные средства массовой информации настолько, что прямо-таки как чудо воспринимается каждое проявление совестливости. Как ни странно, но дожили мы и до того, что чем-то необъяснимо чистым, светлым начинает казаться появление на страницах одной из центральных газет элементарно приличной, то есть вовсе не лживой публикации. В которой, естественно, может встретиться и нечто спорное в оценке великих и благородных деятелей нашего прошлого, но где нет цинично бессовестного их шельмования в соответствии с негласной, но исключительно жесткой директивой ельцинского идеологически-пропагандистского центра. В этом плане очень необычен материал «Трагедия Горького глазами эмигрантов», появившийся в «Известиях» 14.08.97., где чем-то невероятным по нынешним временам предстает стремление проявить объективное и добросовестное отношение к Алексею Максимовичу, которого ельциноиды, начиная с 1992 года, буквально растаптывают и обливают грязью. Но вдруг в почти официозном печатном органе появляется статья, в которой аргументировано говорится о том, насколько гуманным и прогрессивным человеком был великий писатель!

Достаточно необычным здесь является фрагмент именно для теперешнего «текущего момента», когда речь идет о том, что А. М. Горький поразительно по-доброму отно-

сил ся не только к людям вообще, но и к судьбе членов бывшей династии Романовых. Особенно же «странным» на грани сенсационности является тут возможно впервые за долгие годы «проскользнувшее» на известинской полосе почти признание, что так же человечно проявил себя в данной связи и Владимир Ильич Ленин! В частности, без решающего участия, по просьбе А. М. Горького, главы первого Советского правительства, было бы невозможно в тех свертыхжких условиях спасти от гибели великого князя Гавриила Константиновича Романова, освободив его из тюрьмы, сначала скрыв его в квартире Алексея Максимовича, а затем отпустив из Советской России. И это тот самый В. И. Ленин, которого идеологические, как и прочие лакеи бесчеловечных капитализаторов, процаристских апологетов и прочих подобных элементов в полном соответствии с руководящими установками этой публики смеют без зазрения совести изображать жестоким человеком, жаждущим якобы «истребить» всех Романовых, да еще без единого исключения, в том числе подростков и детей!!

Всегда ли и во всем ли добрые побуждения Владимира Ильича реализовывались безукоризненно успешно? К сожалению, далеко не так часто, как хотелось бы. Если, скажем, после убийства группой матросов, ворвавшихся в госпиталь, членов ЦК партии кадетов Шингарева и Кокошкина, в основном успешно удалось принять меры по обузданию сил, жаждавших бессудной кары лидеров антисоветских партий, министров свергнутого Временного правительства и других деятелей аналогичного уровня, то спасти членов династии Романовых оказалось намного сложнее. Многим из них удавалось помочь, но отнюдь не всем. Скажем, вполне достойным великим князьям Николаю Михайловичу (известному историку) и Павлу Александровичу, арестованным в Петрограде, так и не удалось спасти жизнь. Хотя А. М. Горький, ходатайствовавший об их спасении был решительно поддержан В. И. Лениным, вручившим писателю письменное распоряжение о немедленном освобождении великих князей. Но, как свидетельствовал Федор Шалапин в своей книге «Маска и душа», кто-то из московских чекистов, узнал об этом и сообщил данную информацию коллегам по телефону «...и петербургские чекисты поспешили ночью расстрелять людей, которых наутро ждало освобождение... Горький буквально заболел от ужаса». Между прочим, видимо, примерно также позднее было сорвано спасение поэта Николая Гумилева.

Все же есть какая-то закономерность в том, что великий певец, видевший многое несуровое, болезненно озлобленное, подчас беспросветно темное в поведении делавших революцию масс, в отличие от теперешних мнимых демократов, а на деле бездушных корыстолюбцев-капитализаторов, включая недавних «верных» лжекоммунистических функционеров типа Ельцина и ему подобных, просто не мог лгать и тем более клеветать. Вспоминая о В. И. Ленине, отзываясь о нем с безукоризненной добросовестностью и объективностью, не только когда он стремился спасать людей, но и проявлял понимание совсем не простых «деталей»... Светлое и мудрое величие В. И. Ленина проявлялось во всем — от спасения миллионов жизней, а также и отдельных людей (в том числе и из враждебного лагеря) до таких «мелочей», от которых в условиях непосильных перегрузок можно было бы и «отвлечься»... К примеру, Шалапин решительно выступил против популистской идеи раздать декорации, сценические костюмы и т. д. в качестве помощи неимущим. Певец вспоминал: «И эти сокровища начнут растаскивать по провинциям и районам, и пойдут они по рукам людей, которым они решительно ни на что не нужны, ни они, ни их история. Но бороться «буржую» с коммунистами нелегко. Резон некоммуниста не имел права даже называться резонансом... Тогда я с управляющим театром, мне сочувствующим, решил съездить в Москву и поговорить об этом деле с самим Лениным... В Кремле, в палате, которая в прошлом называлась, кажется, Судебной, я подымался по бесчисленным лестницам, охранявшимся вооруженными солдатами... Я вошел

в совершенно простую комнату, разделенную на две части, большую и меньшую. Стоял большой письменный стол. На нем лежали бумаги, бумаги. У стола стояло кресло. Это был сухой и трезвый рабочий кабинет. /.../ Ленин. Поздоровались. Очень любезно пригласил сесть и спросил, в чем дело. И вот я как можно внятнее начал рассусоливать очень простой, в сущности, вопрос. Не успел я сказать несколько фраз, как мой план рассусоливания был немедленно расстроен Владимиром Ильичом.

Он коротко сказал: — Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Я все отлично понимаю. Тут я понял, что имею дело с человеком, который привык понимать с двух слов, и что разжевывать дел ему не надо. Он меня сразу покори́л и стал мне симпатичен. «Это, пожалуй, вождь», — подумал я. А Ленин продолжил: — Поезжайте в Петроград, не говорите никому ни слова, а я употреблю влияние, если оно есть, на то, чтобы ваши резонные опасения были приняты во внимание в вашу сторону.

Я поблагодарил и откланялся. Должно быть, влияние было, потому что все костюмы и декорации остались на месте и никто их больше не пытался трогать. Я был счастлив. Очень мне было жалко, если бы эта приятная театральная вековая пыль была бы выбита невежественными палками, выдернутыми из обтертых метел... А в это самое время в театр приходили какие-другие передовые политики, коммунисты, бывшие буафоры, делали кислые лица и говорили, что вообще это искусство, которое разводят оперные актеры, — искусство буржуазное и пролетариату не нужно. Так, зря получают пайки актеры...»

В нечеловечески наисложнейших условиях В. И. Ленину удавалось решать и множество задач, связанных с необходимостью во что бы то ни стало спасти великую нашу культуру, наше потрясающее литературное, театральное и иное классическое наследие. И это лишь не самая сложная часть спасительных для нашей Отчизны свершений, во многом подорванных спустя считанные годы после кончины величайшего лидера-созидателя за все века нашей истории.

Трагически погибшие великие поэты наши, Владимир Маяковский и Сергей Есенин, были лишь в числе первых жертв набравшего все более зловещий размах антиленинского, а, значит, и антисоциалистического сталинского переворота. Помимо всего остального, можно, в частности, не сомневаться и в том, что предрешенный антисоциалистическими «новациями» 30-х годов, мучительно переживаемый Ф. И. Шаляпиным его разрыв с Родиной был бы полностью исключен, если бы не случился страшно ранний уход из жизни Владимира Ильича Ленина, катастрофически опасный не только для нашего народа, но и для всего человечества. Между прочим, не исключено и то, что ленинское наследие, и прежде всего — его концепцию развития общества, можно было бы возродить сравнительно успешно как раз вскоре после смерти Сталина, но, к сожалению, верхушка партийного и иного аппарата была так изуродована им при жизни, что отдельные благие порывы Н. С. Хрущева были обречены на провал...

Казалось бы, трудно было подорвать (иной раз кажется — совершенно непоправимо) все доброе и потенциально позитивное, что радикально по тем временам улучшило жизнь народа за десяток лет после марта 1953 года. Вопреки ошибкам и даже тяжким срывам, которые тоже имели место. Но ведь кое-что сравнительно приличное сохранялось и вопреки опасно инерционным неосталинистским порокам, особенно дурно влиявшим на общество в течение почти двух застойных десятилетий. Как же благотворно повлияло бы умное, честное и бескорыстное реформирование нашей тогда весьма перспективной страны! Но нет: за считанные годы, начиная с конца 1991 года, было изуродовано, изгажено, разрушено страшно многое из того, что надо было хранить как зеницу ока. Разорены, обездолены десятки и десятки миллионов наших соотечественников, убиты голодом, болезнями, пре-

ступностью, безнравственностью, наркоманией, алкоголизмом и т. п. уже многие миллионы из них! Чего стоит хотя бы то, что в расхваливаемом ныне «оазисе» мнимого благополучия Москве за несколько лет в 60 раз выросло количество венерических заболеваний, причем только официально зарегистрировано около 150 тысяч случаев (См. «Московский комсомолец», 29.11.97.)

А главный виновник развала и всех наших бед властвовавший с преступнейшей бесчеловечностью, лживостью, лицемерием, хапужной ненасытностью вместе с себе подобными десяток лет продолжал свое черное дело, не только купаясь в невиданной роскоши за счет гигантской массы загубленных им и такими, как он, но и шельмуя своим грязным словоблудием даже такую крупнейшую (из когда-либо находившихся на вершине власти) в своей благотворности за долгие тысячелетия величину, как Владимир Ильич Ленин! Не как-нибудь, а с упоением был им уничтожен не только скромный кабинет его в Кремле (такая драгоценная реликвия!), но и сооружена была здесь же одна из многих невиданно, по сути дела — безумно дорогостоящих ельцинских резиденций. Разумеется, вместо того, чтобы потратить хотя бы эти сотни миллионов долларов (из миллиардов, растраниженных и разворованных ему подобными) для спасения пусть лишь частицы из необъятной массы гибнущих по его собственной вине соотечественников!..

Именно во всем подобном ужасающе бесчеловечном, таится подоплека необузданно грязной жажды «во веки веков» растоптать правду истории. Разумеется, в первую очередь утаив от народов (не только нашей страны) полнейшее отсутствие жестокости, властолюбия, корысти и всего прочего аналогичного этому у Владимира Ильича Ленина. Именно данная первооснова его личности порождала и не осуществившееся стремление спасти царскую семью. Этим же объясняется и то, что удалось в основном успешно оградить от гибели подавляющее большинство дальних и ряд близких родственников последнего императора. Это, конечно, «полагается» утаить навсегда, ибо, наряду с необъятным множеством других фактов, неопровержимо свидетельствует о подлинно человеческой, по настоящему благородной сущности первого руководителя Советской России. А также тех работников советских, партийных и иных органов центрального и регионального уровня, кто в отличие от так называемых «уральцев» и «пермяков» были по настоящему солидарны с ленинскими, по определяющей сути безукоризненно человеческими ориентирами.

Только оголтело бесстыжие заправилы могли и могут буквально вкочлачивать в массовое сознание грязнейшую клевету, будто на 90 % безукоризненно цивилизованное высшее руководство Советской России во главе с В. И. Лениным могло хоть на секунду посчитать справедливым расстрел всех здравствовавших тогда очень многих Романовых, ибо за исключением царя и царицы никто из них не соучаствовал в общественно наиболее опасных, преступно антинародных, тем более — кровавых деяниях. Мало того: кое-кто из прямых потомков прежних царей даже сочувствовал тому, что задумал и сделал В. И. Ленин! Например, Артемий — старший сын великого князя Николая Константиновича Романова (внука императора Николая I) в годы гражданской войны служил в Красной Армии, участвовал в подавлении дутовского мятежа, но во фронтовых условиях заболел сыпным тифом, был отпущен из воинских рядов и скончался в 1919 году. (А до революции этот человек окончил Пажеский корпус, служил в гвардии, затем вышел в отставку, в 1914 году снова был признан в царскую армию в связи с началом первой мировой войны, причем уже тогда проявлял себя личностью прогрессивной и по-толстовски гуманной...) (См. «Труд», 1 февраля 2000 года.)

К глубочайшему сожалению, В. И. Ленину и нравственно-этически близким к нему его последователям удалось уберечь от экстремистского самосуда отнюдь не всех сограждан,

включая и ряд членов семьи Романовых, в тот роковой период нашей истории. Восстановить распотанную наигрязнейшей корыстью более чем последних 15 лет историческую правду (изуродованную до неузнаваемости) жизненно необходимо во избежание губельно непоправимых последствий для нашей страны, а в чем-то, возможно, и всего рода людского.

4 Уже немало лет не прекращается абсолютно аморальная шумиха, изображающая Б. Ельцина добрейшим и совестливым «по воле всевышнего» спасителем россиян! Разумеется, при этом всемерно поощряется распространение чудовищного подлой клеветы, будто бы не новейшие обитатели Кремля с 90-х годов XX века, а В. И. Ленин был жестоким человеком! Таким образом, вполне закономерно и то, что всеохватывающий фальсификаторский «накат», оскверняющий все лучшее в нашем прошлом, включает в себя и аморальнейшее использование так называемой «детской карты». Вследствие отсутствия даже намека на недоброе отношение Владимира Ильича хотя бы к одному-единственному ребенку и поистине необъятной массе фактов, свидетельствующих о диаметрально противоположном, президент, любивший «именоваться» царем и его приближенные решили «сыграть» привычным для себя способом, разумеется, абсолютно непристойным. Тем более, что по сути дела коррупционно-криминальные и прочие акции Ельцина и компании, как и других промонархических и вкупе с ними, конечно, криминально-капитализаторских «гигантов», нацеленные против детей и вообще всех беззащитных, систематически обходятся нам уже немало лет ежегодно в десятки, а то и в сотни тысяч жизней тех, кто должен был жить и жить! Не говоря уже об охотно добываемых миллионами старичках и старушках, а вместе с ними и самых обездоленных сограждан всех трудоспособных возрастов...

Вот и решено было в полном соответствии с логикой полнейшего бесчестия раскрутить в интересах ельцинского режима некоторые локальные срывы лета 1918 года. Особенно — в связи с предполагаемой гибелью сына-подростка последнего царя и несчастных, но уже взрослых девушек... Мало того: нередко происшедшее в Екатеринбурге в доме Ипатьева становится «трамплином» для ещё более разнузданной и грязнейшей клеветы, согласно которой якобы после «этого» начались бесчисленные расстрелы «детей из буржуазных и офицерских семей», чего не было и не могло происходить, тем более при соучастии центральных руководящих инстанций Советской России! (См. «Труд», 19.08.97. С. 4) Разумеется, ныне по сей день делается все, чтобы скрыть от народа, в большинстве своем обманутого средствами массовой дезинформации, ту правду, что екатеринбургская трагедия (как и другие с нею сходные) стала возможной только потому, что в 1918 году В. И. Ленину еще особенно трудно было (и потому далеко не всегда удавалось) обуздывать местных экстремистов (в том числе и в Уральском регионе). И это, конечно, с 1992 года во всю использовалось в своих интересах «руководящими и направляющими» грабительски-буржуазными элементами, способными на страшно многое из самого скверного, не говоря уже о стремлении к всеобщему оглуплению и деморализации.

Из выступления Станислава Говорухина в Госдуме 21 апреля 1999 года: «И вот президент сказал: «Не допустим похода в Останкино». Тот поход закончился расстрелом безоружных людей. Я там был, и я всё видел. Я снял фильм. К сожалению, до сих пор не могу из-за того, что у нас «свобода слова», донести его до миллионов телезрителей. «Час негодяев» он называется. Я видел, как расстреливали подростков и женщин. А в это время дикторы телевидения с экранов говорили: «Бои идут на втором этаже Останкино». В это время на экране были только негодяи. Вы хотите, чтобы это повторилось?... Там они расстреливали людей, сегодня расстреливают души. Они фальсифицируют историю. Какая

может быть любовь к Отечеству у молодого человека, не знающего своей истории?... Если их послушать, получается, что жизнь их отцов и дедов — это сплошная цепь преступлений и ошибок. Они отучают молодых от труда, убеждая в том, что можно выиграть машину или слиток золота, угадав слово. И ведущий на этом безнравственном телевизионном говорит девушке: «А ты укуси, укуси этот слиток, лизни его». Весь народ просит: «Остановите это телевизионное безумие». А мы ничего не можем сделать».

Станислав Говорухин уж здесь-то тысячекратно прав в каждом слове своем. Режим, возникший в конце 1991 года, пагубен практически во всё. Телеэкраны и наиболее крупнотиражные печатные органы, как никогда за последние, примерно, более чем полвека, переполнены клеветнически-разлагающим непотребством. Показывать и печатать вот уже много лет хоть что-то, похожее на элементарно совестливое раскрытие минувшего, особенно если речь идёт о чём-то связанном с В. И. Лениным, как правило, невозможно. А если и удаётся, то в порядке редчайшего исключения на грани чуда.

Чтобы облегчить «прорыв», обогащающий хуже чем сомнительное меньшинство, как раз наиболее выгодно залить грязью прежде всего того, кто входит в число считанных самых спасительных и крупнейших по доброте величин всей многотысячелетней всемирной истории. (Далеко не случайны слова великого ученого и на редкость достойного человека Альберта Эйнштейна, адресованные В. И. Ленину: «Люди, подобные ему, хранят и обновляют совесть человечества»). Назойливая идеализация последнего царя Николая Романова, роковым образом завершившего свой жизненный путь, используется как мало что иное корыстно пропагандистски как раз теми, кто теперь второй десяток лет творит одно из самых черных дел в истории, растапывая силы человечности и прогресса! Именно для этого им так важно непоправимо оклеветать как никого другого Владимира Ильича Ленина — лучшего, наиболее прогрессивного руководителя за все века не только российской истории!

По-настоящему здоровое развитие нашей Родины, благодатное для всего народа, а не для очередного хищного, грязного и бездушного привилегированного меньшинства, возможно только на основе безукоризненно точной правды. Никого, в том числе, конечно, и ушедших в небытие государственных деятелей, совершенно недопустимо не только бесчестить со становящейся ныне, как и в 30–40-е годы, все более заурядной корыстно-разнузданной лживостью, но и осыпать тошнотворно-слащавыми похвалами, ничего общего с правдой истории не имеющими. Ведь в результате, сплошь и рядом кое у кого возникает желание изобразить не только подлинных виновников расстрела бывшего монарха, а чуть ли не всех россиян, преступными по отношению к якобы идеально безгрешному, но неоцененному самодержцу. Разумеется, не обычному, а «несравненному» по своим (ныне «изобретенным») высочайшим духовным и нравственным качествам, денно и нощно будто бы только и думавшему о благе каждого из своих подданных... Только это, а не что-либо элементарно совестливое порывались и порываются «вбить» в массовое сознание ельцинонидные «околонаучно-литературные» и прочие абсолютно все извращающие подручные. Конечно, «параллельно» всячески оскверняя все, связанное с поисками правды, добра, справедливости...

Именно такие просто не могут не осквернять все спасительное из задуманного и свершенного великим и благородным лидером Советской России. Ведь они как раз из тех, кто в самом конце XX века фактически убил отнюдь не только миллионы преступно ограбленных и обездоленных ветеранов войны и труда. Еще страшнее то, что лишь по их вине были столь же бесчеловечно загублены тоже гигантские массы детей и подростков. Из 36 миллионов юных, пока живущих — 14 миллионов постоянно недоедают, а 3 миллиона —

беспризорничают. Сколько миллионов из них не доживет даже до совершеннолетия? Россия нашего времени нарушает сразу 15 положений Конвенции о правах ребенка (См.: «Московская правда», 25 июля 1999 г. С. 1). Таковы данные Комитета Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи. Чего-либо подобного не происходило и в самые тяжелые периоды прошлого нашей страны, тем более — в мирные годы. Как же на редкость бесчеловечным, корыстнейшим ничтожеством, дорвавшимся на костях миллионов до власти и невиданной роскоши, не втаптывать в грязь крупнейшую за все века далеко не только нашей истории спасительно-созидательную величину! Они просто не могут без бешеной злобы относиться к главному своему антиподу.

По фальсификаторской сути уже многолетняя вакханалия вполне сходна с абсолютно бесчестной «информационно»-пропагандистской «логикой», с тягчайшими последствиями насаждавшейся в 30-е годы. К сожалению, далеко не только в Германии времён восторжествовавшей гитлеровской своры ... Ох, и многое было предрешиено к худшему и разнузданно бесчестной, крайне корыстной бесчеловечной сущностью до поры до времени вынужденного сдерживать свою чудовищную жестокость вплоть до самого конца 20-х годов бесконтрольного властителя 30-х и иных антиленински запрограммированных годов! Бесконечно многое изменившего к худшему отнюдь не только в истории СССР... И опять, как и в те зловеще антиленинские подзабытые годы мы оказываемся страной с «непредсказуемым прошлым». Лишь плюсы и минусы поменялись местами, а пострадали и в ту эпоху, (и посмертно в наши дни) — истинные поборники человечности, прогресса и общественного блага!

Для самого бесстыдного извращения и прямо-таки растаптывания истины непрерывно, с растлевающей изощренностью используется любой «повод». Не в какой-либо иной и тем более — не в обычный будничнейший день, а именно 23 февраля 2001 года (бывший день Советской Армии), на десятки миллионов телезрителей была «обрушена» типично заурядная по своей «идейной» сути передача «Глас народа». Для участия в ней, разумеется, как «положено» на лжедемократическом телевидении, не был приглашен ни один из наиболее компетентных и чуждых антинародно-реакционнейшего бесстыдства историков-профессионалов. Зато сделано было все, чтобы как обычно циничнейше дезориентирующим образом вновь «цвели и пахли» с конца 1991 года располагающиеся со всеми удобствами на телеэкране и во всех аналогично нацеленных, тоже всеразлагающих и одурманивающих печатных органах, липовые «знатоки» всего минувшего и ныне происходящего.

В тот день из их числа очередным хуже чем сомнительным «центром внимания» были сделаны такие десяток лет сверхпреуспевающие индивидуальности, как недавний влиятельнейший заместитель министра образования Асмолов и другие ему подобные, всемерно в той же степени «стимулируемые» персоны. Орудующие примерно так же, как бывший пародист Александр Иванов, пропагандистский «почерк» которого был на редкость упрощенным, точнее — до непотребства обнаженным. К примеру, он прямо-таки балаганно актерски и поразительно бесстыдно признавался в своей давней «пещерной ненависти», как ни к кому другому, именно по отношению к В. И. Ленину и социалистической концепции общественного развития, провозглашая, что этот Лидер и Человек был ужаснее, чем даже Гитлер и Чикатило. Это поощрялось настолько щедро, что он имел возможность соорудить себе «сверхприятную» резиденцию в почти неприступно дорогостоящем регионе так называемого дальнего зарубежья...

Разумеется, и в тот вечер телеэкран был полностью в распоряжении таких профессионалов «от журналистики» и «науки», кто, руководствуясь лишь привычно беззастенчивой корыстью, все свои усилия нацеливает на то, чтобы оградить процаристски-

капитализаторских временщиков (тех, кто бесконтрольно распоряжается в России с конца 1991 года на беду нашу беспредельную) даже от моральной ответственности за все, что с особо грязной бесстыжестью натворили Ельцин, его ставленники, «серые кардиналы», а также же их последыши. В том числе — за развал великой страны, беспрецедентный во всемирной истории подрыв ее экономики, крайнее ослабление обороноспособности, доведение до давно невиданного нищенского прозябания многих десятков миллионов честных тружеников. И, конечно, за на редкость мерзостное обогащение коррупционного, бандитски необузданного и иного воря, и полностью сомкнувшихся с этой «публикой» взяточников из числа сановных коррупционеров, прочих подобных элементов, за вымирание миллионов из числа наиболее ограбленных и беззащитных соотечественников, включая сотни тысяч их детей!

«Виновниками» же во всем этом самозванные псевдоисторики упомянутой разновидности объявляют «чохом» всех истинных сторонников социализма, причем прежде всего — Владимира Ильича Ленина и его массами погибавших во времена преступнейшего сталинского террора, но не переродившихся последователей. А также тех, кто все же стремился честно управлять нашей страной в доельцинские времена, и когда, несмотря на грубейшие ошибки и срывы, жилось все же вплоть до конца 1991 года легче и надежнее. Положение тогда было сложное, жизненно необходимым было по-ленински человеческое, честное, мудрое реформирование, но до власти дорвались по сути дела криминально антисоциалистические перерожденцы во главе с Ельциным, предавшие и изуродовавшие все наилучшее в нашем обществе ради хапужнейше беспрецедентного самообогащения. Итог известен.

Всемерно популяризовавшийся (не только в «Гласе народа» 23 февраля 2001 года) Асмолов в качестве одного из самых «весомых» функционеров «образовательного» ведомства, на протяжении ряда лет играл роль просто уникальную по фактически оглупляющей и растлевающей массовое юное сознание результативности. Срабатывало это, естественно, наиболее вредоносным образом в системе гуманитарно-мировоззренческого цикла вообще, а в сфере преподавания истории — в особенности. И вот такой «деятель» без зазрения совести заявил в ходе так называемого «Гласа народа», что не только не стыдится, а гордится изданными при его активнейшем руководящем соучастии учебниками, якобы возрождающими «правду» истории, хотя в действительности ее растапывающими, а значит — уродующими духовный потенциал общества.

Те «новые» учебники, с содержанием которых мне довелось познакомиться, просто ужасны по своей дезориентирующей, во многом — прямо-таки оболванивающей подростково-молодежное сознание сущности. В определенном смысле это по-своему «перекликается» с откровениями «Краткого курса истории ВКП(б)», на страницах которого все ведущие многолетние соратники и последователи В. И. Ленина, буквально «вырезанные» в 30-е годы, объявлялись фашистскими убийцами, диверсантами, шпионами, вредителями... Но ведь и ельцинский «агитпроп», восторгаясь не только Колчаком, но и такими совсем уже открыто сверхбесчеловечно-предательскими чудовищами, как Краснов, Семенов, Булак-Балахович, и им подобными, годами подлейшим образом шельмует известнейших сподвижников В. И. Ленина, а его самого изображает жестоким «врагом» народа! Как же ненавистны ельциноидным «постсоветским» властителям те, кто, в отличие от них, спасал, а не губил Родину и многие миллионы людей!

Грустно это констатировать, но объявленный ныне святым и пропагандируемый в качестве светлой, благородной, бесконечно доброй личности и мудрого, прекрасного властителя счастливой России последний самодержец Николай сделал все, что было в его силах, для сохранения максимума из того парализующего и бечеловечного, что столетиями было страшной бедой и «специфического» рода проклятьем бытия гигантского

большинства населения Родины нашей! А ведь Николай II должен бы стать главным из тех, кому надо было бы реализовать прогрессивные замыслы деда своего Александра II ради блага страны и большинства ее граждан! Он же должен был всей душой уяснить то, за что А. Н. Радищев гневно клеймил преступно своекорыстный, разлагающий режим растленной Екатерины II, за что декабристы выступили против Николая I, олицетворявшего всей натурой своей реакционно порочнейшую систему властвования, за что Л. Н. Толстой и другие великие поборники демократического и социального оздоровления общества решительно критиковали предпоследнего и последнего из царей! Будь последний царь интеллектуально, мировоззренчески, морально-этически по-настоящему крупной величиной — его судьба и прежде всего — судьба его близких была бы не роковой, а скорее всего гарантированно если не счастливой, то по крайней мере — неизменно менее несчастной и уж, конечно, не столь трагичной...

Нет, далеко не случайно, по-настоящему заслуженно причисленный к лику святых единственный праведный из православных патриархов XX века, дал высочайшую оценку не последнему монарху дореволюционной России, а Владимиру Ильичу Ленину. Через считанные дни после гибели под страшными ударами мучительнейшей болезни спасительного для человечества лидера, Патриарх Тихон произнес в его адрес немало добрых слов. И, в частности, глава Русской Православной Церкви той поры сообщил, что имеет о Владимире Ильиче Ленине сведения, как о человеке *добрейшей, поистине христианской души...*

Но вопреки всему, включая и вышеотмеченное, полтора десятка лет тому назад дожили мы до того, что, скажем, не только по всем телевизионным «каналам», но даже в учебниках, непосредственно адресуемых нашим детям и внукам, для них в основном предназначена только все извращающая ложь. И прежде всего, когда речь велась и ведется о важнейшем из происходившего в XX веке! Сомнений нет: ни одна сколько-нибудь серьезная проблема нашего прошлого не затрагивается хоть сколько-нибудь честно, прогрессивно, научно обоснованно в тех «исторических» учебниках, которыми открыто похваляется один из их «крестных отцов»! Естественно, особенно лживо «рассматривается», и также пропагандируется все, имеющее отношение к такой очень серьезной проблеме, как «Революция и судьба Романовых». Той, которая тоже до предела политикански извращена преступнейшими властителями, делающими все, чтобы она никогда не была честно и совестливо доведена до сознания нашего народа.

ГЛАВА II

Романовы: к подоплеке краха царского самодержавия

1 Уже полтора десятка лет творится страшно многое в надежде отбросить уровень понимания истории далеко за пределы гуманного, прогрессивного, элементарно цивилизованного типа мировосприятия. Для этого людей лишают честной информации, обманывая их, причем с самого нежного возраста, аморально-корыстным образом. Делается просто не по себе, когда, руководствуясь только материально-карьерными отворотными расчетами именно в такой роли выступает известный режиссер или человек, обладающий качествами способного литератора, а также одаренного чтеца-популяризатора... Но как раз наличие таких способностей делает роль, которую играют они в жизни общества, социально особенно пагубной!

Ведь как ни грустно, но свои профессиональные данные и «блатмейстерские» возможности кое-кто из них бессовестно использует в угоду явно наиболее бездушным и регрессивным силам современности! Тем самым, которые кровно заинтересованы в необратимом торжестве извращения массового сознания. Суть его сводится к возвеличиванию из числа царей и иных властвующих персон только бесчестно-своекорыстных, часто — жесточайше-бесчеловечных, а в «руководящем» смысле сплошь и рядом — неприлично бездарных! Разумеется, параллельно не может не происходить аморальное охаивание или замалчивание лучших из лучших персонажей нашей и всемирной истории — личностей наиболее светлых, благородных, мудрых и стремившихся только к благу людскому. По меньшей мере (если пока не очень просто оклеветать с открытой разнузданностью) происходит изощренное изъятие их из системы образования, «обрубание» наиболее ценного и благородного из их произведений и принятие других лжеинформационных мер по части удаления как раз всего того, что заслуживает вечной признательности.

Казалось бы, уж А. С. Пушкину и в самые черные годы из последнего более, чем десятка лет, «везло», как мало кому другому из великих людей нашего прошлого. По юбилейному и иному обилию формальных похвал, на него обрушиваемых, он, возможно, опережает всех достойных персонажей минувшего, хотя и далеко «отстает» от иных в лучшем случае малопочтенных самодержцев, а подчас и таких, что хуже некуда! В то же время комплименты, ему адресуемые, так «цензурируются», что прямо-таки вытравливается из реального образа гениального поэта и прогрессивно-гуманистически настроенного человека очень многое из самого существенного.

В частности, с конца 1991 года мне ни разу не доводилось слышать с телеэкрана или увидеть на страницах чуть ли не все в России заполонившей периодики так называемых

«просветителей» хапужно-капитализаторского типа многих строк А. С. Пушкина, отражающих важнейшее в его мировоззрении и вообще наилучшие стороны этой на редкость светлой и доброй личности. Например: «Любимцы ветреной судьбы // Тираны мира, трепещите! // А вы — мужайтесь и внемлите, // Восстаньте падшие рабы...». Или: «Товарищ, верь: взойдет она, // Звезда пленительною счастьем, // Россия вспрынет ото сна // И на обломках самовластья // Напишут наши имена!»

Вполне закономерно, что такие строки, как и множество других, люто ненавистны «новым» хозяевам страны. Ведь они так жаждут, чтобы их, как встарь, величали «царями» и «вашими высокопревосходительствами». Или по меньшей мере — «господами». То есть теми, кто жаждет именно *господствовать* над так называемыми «низями», а в сущности, над соотечественниками, которых так хочется узурпаторам власти и богатств низвести до рабского или хотя бы до полурабского состояния!

Не так уж трудно понять, кому на радость и своекорыстное самоублажение орудует пропагандистски-дезинформационная обслуга и ради чего шельмуются все поборники народного спасения от вековечных бед. А Владимир Ильич Ленин — как никто другой, ибо он по сей день особенно опасен для тех, кто, ограбив гигантские массы честных тружеников, изуверски противостоит даже подобию народного благополучия! А раз так, то политикански-пропагандистские ельциноиды из года в год превозносят прямо-таки «до небес» даже самых чудовищно-отвратных «царствующих особ», придававших крепостничеству невиданно бесчеловечную модификацию...

В этом смысле особенно повезло, возможно, самой растленно зловещей фигуре на российском троне XVIII века — Екатерине II. Именно ее уже второй десяток лет «за все про все» чуть ли не ежедневно далеко не только натуры явно убогого «интеллектуального» уровня, объявляют не иначе как «Великой!» В этом смысле самого пристально внимания заслуживает и Эд. Радзинский. Действует этот человек не заурядно-штампованно, а завлекательно-артистично. И старается при этом внушить людям уверенность, будто он основывается только на неопровержимых исторических документах, содержащих, как говорится, «правду, только правду и ничего, кроме правды».

На деле же этот человек работает (как и многие другие), на прежних и теперешних захребетников, орудующих только ради увековечивания собственной власти и беспредельного приумножения «прихваченного» у ограбленного народа богатства. Как это получается у Радзинского практически? Никакого «перенапряжения»! Никакой объективной комплексно-аналитической работы с фактами и серьезными документами, действительно отражающими масштабные исторические реалии! От этого человека ничего подобного никто из «властей предрежащих» не требует. Оказывается более чем достаточным субъективистки-произвольное скольжение, извращающее былое с ныне обязательным рвением, переиначивая его на потребу стародавним и теперешним хищно загребущим «потребителям» ими награбленного на трупах и руинах...

Э. Радзинский заведомо не склонен уделять серьезное внимание многомиллионным массам загубленного в минувшие и теперешние времена многострадального человеческого «материала». И в то же время, описывая многих и разных заметных людей, он особенно охотно выпячивает, подчас особенно «завлекающее», и самых недостойных, а то и ужаснейших из них. А вот В. И. Ленину, наилучшему и благороднейшему руководителю за все века, он не соизволяет уделить хоть сколько-нибудь честное внимание. Ему гораздо интереснее, скажем Сталин...

Чего стоит, к примеру, увлечение Радзинского многостраничными писаниями самой Екатерины II, органически чуждой и зоологически беспощадной к «этому» народу, заинте-

ресованной не только во «втирании очков» общественности (особенно западной), но и в необузданно грязном шельмовании всех тех, кто мог помешать ей упиваться душегубски узурпированной властью и решать «дамские проблемы»... Эд. Радзинский по каким-то сугубо «проекатерининским» соображениям не стесняется довольно осторожно и не бесшабашно, но все же иронизировать над родным внуком Петра I, несчастным Петром III. Тем, кто при всех своих слабостях и заблуждениях, даже при самом негативном варианте, был бы по крайней мере «меньшим злом», чем его хищно-бесчеловечная супруга, иностранная принцесса, дорвавшаяся до статуса самодержавной властительницы России. Причем, упоминая о некоторых ее «грешках», Радзинский очень и очень снисходителен и чуть ли не любитесь на редкость нечистоплотными ее «художествами»...

Петр III все же, видимо, искренне надеялся улучшить обстановку в стране, попытаться даже покончить с наводившей ужас так называемой «тайной канцелярией», с всюду свирепствовавшими тогда изуверскими пытками и прочим тому подобным. Зато царица, ныне рекламируемая в качестве великой и гуманной, во всю пользовалась услугами такого палачествующего чудовища, как С. И. Шешковский! Между прочим, остается только гадать, почему Радзинский дал понять будто Екатерина II «не имела возможности» сохранить жизнь свергнутому мужу, обуздав своих кровожадных подручных Орловых! Тем более странно то, как любимец теперешних «телебогов» ухитрился «не заметить» самого ужасного из содеянного императрицей — доведение крепостного права до фактически рабовладельческих «норм»! Когда же Александр Николаевич Радищев попытался противостоять этому, он был объявлен «бунтовщиком, пуще Пугачева». И последовала жесточайшая расправа! Да и не только с ним.

А как может современный писатель с дипломом историка помалкивать о том, как Екатерина II лишила несчетные сотни тысяч крестьян сравнительно менее ужасного тогда статуса «государственных», сбросив их в бездну крепостнического рабства! Чего стоила ныне тоже «забытая» раздача ею множества таких и иных крестьян в полную собственность своим нескончаемым фаворитам, коими она себя убажала до глубокой старости! Не говоря уже о дарении им множества драгоценных камней, сотен тысяч золотых рублей и иных сокровищ за счет, разумеется, истрадавшего, вымирающего «собственного» народа...

Телепередача «Ночной полет» 31 июля 2001 года тоже вовсе не была чем-то единственным в своем роде на фоне того, что второй десяток лет творится в средствах лжедемократической массовой дезинформации. Телеведущий Андрей Максимов вместе с Инной Чуриковой, помимо взаимных комплиментов, большую, «принципиальную» часть отведенного им телевремени, посвятили рекламному восхвалению фильма Г. Панфилова и И. Чуриковой «Романовы — венценосная семья» — буквально пронизанного процаристской конъюнктурщиной, в надежде на непоправимую мировоззренческую и антидуховно-деморализующую деградацию прежде всего юных поколений.

Участники данного телевизионного «шоу» прямо-таки наперегонки состязались в исторически недобросовестном возвеличивании последней царствовавшей четы. К примеру, Максимов чуть ли не со слезой в голосе старался внушить людям, будто давно не было и, возможно, уже не будет властителя, который бы так хорошо относился к стране и к народу своему, как это было характерно для последнего из царствовавших Романовых. Чурикова же, полностью с этим соглашаясь, не постеснялась адресовать множество ласковых, хвалебных слов царице Александре Федоровне, уверенно считавшей себя «хозяйкой земли русской» на горе основной массе тех, кто, в отличие от нее, населял испокон веков землю предков своих.

Между прочим, ее в течение всей своей жизни резко осуждала мать царя, вдовствующая императрица Мария Федоровна и многие другие из Романовых, считая ее прямо-таки злым гением династии. Прежде всего из-за того, что именно супруга последнего самодержца на протяжении многих лет особенно дурно влияла на него, упрекая за мнимую мягкость по отношению к «подданным». Требуя без усталы предельной беспощадности, предлагая, например, повесить даже А. Ф. Керенского за одну из его речей в предреволюционной Государственной Думе, в очередной раз царем же бездумно, но в данном случае на окончательную и поправимую беду себе и своим близким, разогнанной.

Разумеется, слова махровой неправды, обрушенные на нас с телеэкрана А. Максимовым и компанией, не являются их личным «открытием». Данная функционально пропагандистская категория особо преуспевающих наших сограждан лишь повторяет то, что давно приказано вколачивать в массовое сознание. И потому звучало годы и годы назад, в том числе и на «низовом» уровне... В «верхах» же по части промонархической вакханалии «первую скрипку» играл самолично Ельцин с присущим ему вульгарным себялюбием. Мало того, что он сам себя именовал «царем Борисом» и побуждал свою особо бесстыжую обслугу провозглашать то же самое: не обошелся он даже от совсем уж карикатурно непристойного приравнивания «себя любимого» аж к самому Петру I. Естественно, на первой полосе одной из «демократических» газет, находящейся на содержании у Березовского появилась публикация под заголовком: «Так было при Петре Первом, так будет и при Борисе Первом!»

В тексте же данной статьи не могли не «мелькнуть» что-то вроде бы «расшифровывающие» строки о том, что тем самым Ельцин, выступая в Орле, «подчеркнул свое не только политическое, но и идеологическое первенство, прямо сравнив себя с Петром Первым и неожиданно назвав себя Борисом Первым.» («Независимая газета», 19 сентября 1997 г. С. 1) Чего уж удивляться тому, как еще годами ранее, когда еще «не выдвинутый из ближнего круга» сравнительно мыслящий функционер попытался слегка возразить ему кое в чем, то Ельцин рявкнул: «Иди и делай то, что царь тебе велит!» Такова степень духовно-мировоззренческого, морально-этического убожества на грани аномалии того, кто, невзирая на свою крайнюю до неприличия духовную ограниченность и фактически совсем уж убогую «образованность», в течение долгих десятилетий вплоть до пенсионного «рубежа» делал успешнейшую партократически-номенклатурную карьеру и пролез даже до «уровня» Политбюро ЦК КПСС...

Ельцин в этом «плане» вполне типичен, выделяясь в основном лишь несчастным даже в среде наиболе махровых номенклатурных перерожденцев, крайним невежественно оголтелым бесстыдством. Видимо, как раз оно немало лет обеспечивало ему отнюдь не малочисленную изолированно натасканную «базу» из наиболее «пробивных» псевдоинтеллигентов, работающих на дремуче малоинтеллектуального «царя Бориса» и, конечно, на самих себя, беспредельно беззастенчивым образом насаждая совсем уж оголтело реакционные симпатии вплоть до самых бесчеловечных, иной раз даже с фашистским оттенком. При наличии многомиллиардной финансовой «подпитки» все это срабатывает именно в их пользу!

Почему, скажем, Никита Михалков имел возможность в условиях почти загубленного творчества честных, прогрессивно мыслящих, подчас редчайше одаренных наших кинематографистов, легко и просто «сотворить» претенциозно ремесленный, ультрареакционный, духовно хуже чем сомнительный фильм «Сибирский цирюльник»? Тот самый, где он не устыдился не только «абстрактно» восхищаться самодержавно-царистскими «прелестями», но и самолично с тошнотворно-приторной слащавостью претенциозно «изобразить» предпоследнего царя Александра III — одного из тех властвовавших Романовых, кто особенно

дурно повлиял на судьбу России! Чего стоило хотя бы безмозгло-дуболомное поведение данного самодержца по отношению к весьма ценному реформаторскому наследию своего отца Александра II и наиболее мыслящих из его выдвинутых соратников, начавших успешную работу по спасению российского общества от пагубнейшего многовекового самодержавно-крепостнического «обруча».

Вполне закономерно, что ради такого «благого» деяния Н. Михалков прежде всего благодаря своему проельцински-монархическому антинародному «кредо» и получил от режима «царя Бориса» весьма большую по нынешним временам многомиллионную сумму в долларах («изъятую» в том числе и у вымирающей нашей бедноты)... Помимо прочего, им получено многократно больше, чем погибающим без серьезной государственной поддержки союзом кинематографистов в целом, кое-кто из членов которого тоже вымирал от нищеты, голода, отсутствия денег хотя бы на минимально сносное питание, лечение и т. д. «Пламенного» же монархиста на протяжении немалого числа лет некая «неведомая» сила нацеливала не на возрождение отечественного кинематографа, а на восхваление, по его мнению, «незаменимого» для России царизма со всеми его «извечно нетленными» монархическими якобы «преимуществами» и «ценностями»!

С беспредельным рекламным рвением немало лет проявляется особо асоциальное продвижение по совсем уж малопочтенной, пагубной для общества «колее»! Чего стоила, к примеру, точнее — могла бы стоить, его, (помимо всего прочего, и материально крайне дорогостоящая), идея о помпезно-замедленном перемещении царских останков «от Екатеринбурга до Санкт-Петербурга, чтобы все жители России могли причаститься этой святыни» («Независимая газета», 21.11.1997 г. С. 6). Между прочим, тогда даже патриарх выражал сомнение в принадлежности царской семье того, что раскопали в безвестной могиле. «Версия о сожжении царской фамилии, которая подтверждается отсутствием царских останков царевича и одной из великих княжен, по мнению Алексея, должна быть также проработана, чтобы прекратить всякие разговоры о «лжеостанках» царской фамилии» (См. там же). Впрочем — в скором времени и патриарх почему-то почти «отключился» от вполне резонных сомнений...

Для Михалкова же, как и для любого напористо-одержимого при всей своей некомпетентности фальсификатора истории, никакие факты, «неудобные» ему версии и сомнения ровным счетом ничего не значат. Главное — провернуть очередную КОЕ-КОМУ выгодную, но социально-порочную процаристскую акцию. (Возможно, даже при участии на всем протяжении тысяч километров вплоть до Петербурга при ловко «организованном» молитвенном поклонении «останкам», своего рода военного эскорта, предназначенного и для «охраны!»). Михалков даже не постеснялся заявить: «Охраняют же человека в трусах с олимпийским факелом! Неужели мы не сможем сохранить и останки царя!» (См. там же)

Думается, есть все основания для уверенности в том, что далеко не случайна и михалковская фраза: «Вседозволенность в России всегда приводила к хаосу и анархии» (Там же). Обожаемый Михалковым ельцинский режим немало лет подталкивал страну именно в этом направлении, а намек на «нужду» в его гораздо большей властной жесткости мог бы «вдохновить» Ельцина и компанию даже на создание ситуации в стране еще более злоеущей пагубной, чем «сооруженная» после начала октября 1993 года. Хотелось бы верить, что Н. Михалков сам не ведал, когда творил нечто ужасное, не единожды делая все ему по-сильное, упорно «подталкивая» нашу Родину именно в пагубном направлении. В том числе порываясь сделать, возможно, пожизненным персонально ельцинское владение. Просто невозможно поверить, что мог мечтать Н. Михалков, предполагая, чтобы Борис Ельцин стал на многие годы постоянным правящим регентом при юном претенденте на российский престол. А этого претендента, кстати, правильнее считать Гогенцоллерном, а отнюдь не

представителем династии Романовых. В этом уверен и здравомыслящий князь Николай Романович Романов, о чем было сообщено с телеэкрана 21.04.2002 г.

Столь же не случайно Н. Михалков адресовал свое агрессивное неприятие всем тем, кто «смеет» отрицательно оценивать Ельцина: «Люди опьянены ощущением безнаказанности, вседозволенности. Когда в кайф написать мерзость о президенте... Но ты же мразь, выбирал этого главу государства, не хотел другого!» («Комсомольская правда», 24 июля 1998 г.) Михалков «забыл» даже то, что десятки миллионов людей голосовали вопреки таким, как он, именно против Ельцина вполне осознанно и целеустремленно!!

Можно не сомневаться: как раз подобное политически и нравственно на редкость непристойное и пагубное стимулирование «вдохновляло» и побуждало из года в год Ельцина, всех его подручных по части черных дел, пропагандистски-идеологических прихлебателей и прочих, им подобных, лгать и лицемерить с особо беспредельной непорядочностью. Не стесняясь даже слабенького, непоправимо реакционного, по ряду данных, вероятно, неосознанно, но жестокого Николая II (принесшего вследствие этого много несчастий далеко не только себе и своим близким), объявлять «великим предком» ныне здравствующих многочисленных «потомков царской династии» Романовых... (См. «Независимая газета», 18 июля 1998 года № 129. С. 1). Подумать только: и такое пропагандируют иные ельциноиды!

С наиболее ярким бесстыдством на «похоронах» царских останков проявил себя именно Б. Ельцин, буквально растаптывавший, как обычно, все, связанное с подлинной правдой, имеющей отношение к минувшему и ныне происходящему в нашей стране. Чего стоят, например, его слова, ставшие подзаголовком передовицы помпезно рекламного типа «Россия проводила в последний путь своего последнего императора!» (Между прочим, в данной публикации признается, что даже сверххлябный по отношению к ельцинскому режиму патриарх отказался участвовать в данной церемонии...)

Каковы же ельцинские слова из упомянутого подзаголовка? «Предавая земле останки невинно убиенных, мы хотим искупить грехи своих предков». В тексте публикации содержатся и фразы Ельцина «разъясняющие», почему «расправа в Екатеринбурге стала, по его мнению, одной из самых постыдных страниц нашей истории». Судя по всему, данный расстрел пробуждает в ельцинской душе такую агрессивность, какая совершенно несопоставима с тем, что он когда-либо ощущал «по случаю» неисчислимого количества тысяч казней у «расстрельных стенок» и на виселицах дореволюционного и очень долгого более раннего времени. По каким-то «странным» причинам ужасы особенно приятных ему «годов» своего властвования, он легко и непринужденно «исключает» из своей совести! Причем, конечно, его совершенно не мучает она даже из-за сотен погибших по его вине (в том числе подростков и даже детей) в начале октября 1993 года, убитых в полном соответствии с его собственными приказами и распоряжениями!

Вдохновляет Ельцина на критический лад лишь расстрел июля 1918 года в доме Ипатьева (снесенного по его же указанию) нескольких членов несчастной, крайне невезучей (в числе множества других) семьи. При этом надо быть чудовищно бессовестным извращенцем истины, чтобы разглагольствовать про некую обязанность «искупить грехи своих предков» с помощью показушного, но сверхвосторженно рекламируемого захоронения. Ведь виновны не все наши предки вообще, а вполне конкретные, до безумия озлобленные экстремисты екатеринбургского региона, орудовавшие вопреки установкам ленинского центра. Точно также в грядущем потомки не должны винить всех нас, «своих предков», а обвинять конкретно Ельцина и его особо доверенных приближенных и за злодейскую, вероломно спровоцированную и «раскрученную» бойню в Москве октября 1993 года, и за преступнейшую войну в Чечне, и за все прочее, не менее ужасное.

Именно сокрытию этого, как и всего прочего поразительно скверного, служат лицемернейшие разглагольствования Ельцина по поводу екатеринбургского расстрела июля 1918 года: «Его последствия сказываются и поныне... Я склоняю голову перед жертвами безжалостного смертоубийства. Строя новую Россию, мы должны опираться на ее исторический опыт... Любые попытки изменить жизнь путем насилия обречены... Давайте помянем тех, кто стал безвинными жертвами ненависти и насилия. Пусть земля будет им пухом». («Независимая газета», 18 июля 1998 г.) Подумать только! Об «историческом опыте» с апломбом витийствует Ельцин, который лишен даже подобия исторического мышления, то есть способности элементарно пристойного познания закономерностей жизни общества, а, значит, и хоть мало-мальски сносного понимания минувшего и ныне происходящего! Ведь сей недавний президент дремуче невежественен, даже ограничиваясь лишь сферой сугубо семейных царских срывов и невзгод. Хуже того: о человечности, о неприемлемости насилия чуть ли не со слезой бормочет главный виновник гибели миллионов наших сограждан вплоть до малышей только что появившихся на свет, не когда-то давно, а в последнее десятилетие XX века!

Будь у Ельцина хоть капля совести и элементарного понимания истории пусть лишь на детски-школярском уровне, он, к примеру, выразил бы по крайней мере не меньшее сочувствие, чем членам несчастной семьи, погибшим в Екатеринбурге, очень и очень многим (в том числе и детским) ни в чем неповинным жертвам бойни 9 января 1905 года, прозванной в народе Кровавым воскресеньем. Далеко не случайно даже известнейший из белогвардейских лидеров (и, видимо, самый объективно мыслящий из них) генерал А. И. Деникин признавал, что это массовое убийство (кстати далеко не единственное) народ так и не простил последнему царю. К сожалению, и это не могло не стать одним из факторов, помешавших В. И. Ленину предотвратить трагедию июля 1918 года в Екатеринбурге!

Но что Ельцину и ему подобным до всего этого по-настоящему исторически достоверного! Тем более нет ни малейших оснований надеяться на угрызения совести у подобных натур в связи с собственной ужасной виной, приведшей к подрыву нашей великой державы и гибели неисчислимых масс наших соотечественников. В определенной, считающейся интеллигентно-творческой среде, как ни странно, встречается немало лиц, возможно, неосознанно, но активно помогавших Ельцину даже в этом плане. В их числе немало лет весьма, особенно безуспешно по части дезориентации массового сознания как мало кто почему-то проявлял себя далеко не бездарный Никита Михалков, дремуче занявшийся «переиначиванием» наиважнейшего в нашем и без того многострадальном, но безмерно извращаемом ныне прошлом...

В частности, выступая после Ельцина на «юбилейных похоронах» июля 1998 года, он вновь провозглашал такое, хуже, чем просто «странное», что прямо-таки неприлично для человека, профессионально, конечно, далеко не безнадёжного и духовно уж тем более вовсе не принадлежащего к числу «богом обиженных». Но все же этот человек, не краснея, заявил: «На мой взгляд, на это столетие пришлось три пика: победа в Великой Отечественной войне, полет Юрия Гагарина в космос и похороны последнего российского императора! Это акция покаяния, это похороны гражданской войны, это акция примирения, ощущения единства и мира. Что же касается политической элиты, то она в 1917 году предала императора, а спустя 80 лет — его останки» (Там же).

Неужто Никита Михалков и впрямь не отдает себе отчета в степени своей некомпетентности по крайней мере в сфере тех сугубо исторических сюжетов, куда он вторгается с какой-то чуть ли не болезненной самонадеянностью?

Царствовавшая чета была непоправимо скомпроментирована далеко не только в связи с распутинщиной: долгие годы бесконтрольного властвования царя и царицы привели к

тому, что назрел революционный взрыв непреодолимой силы. Потому-то и было потребовано именно монархистами, из числа самых влиятельных, отречение от престола последнего самодержца в пользу царевича Алексея при регентстве ничем не скомпрометированного реально мыслящего брата царя Михаила Александровича. «Виновыны» в этом были прежде всего наиболее думающие и активные политики заведомо правых воззрений типа Гучкова, Шульгина и Родзянко, авторитет которых среди влиятельнейших кругов и персональных величин предреволюционной России был особенно велик. Далеко не случайно замысел именно этих деятелей был поддержан ключевой фигурой царской ставки Верховного главнокомандующего генералом Алексеевым и всеми без исключения командующими фронтами. В том числе и единственным из Романовых (самым авторитетным из них), кому был доверен столь ответственный пост, — великим князем Николаем Николаевичем — дядей Николая II, с мнением которого особенно трудно было не считаться.

Самодержец всем этим был не просто раздражен, а смертельно обижен, но все же согласился на отречение, видимо, основательно поразмыслив над столь малоприятным для него предложением тех, кое-кто из которых прямо-таки умолял его непременно отречься от престола ради блага России. Однако в последний момент по каким-то в сущности иррациональным соображениям, Николай вдруг объявил о передаче трона не оптимальной (вследствие младенческой безгрешности и потому сравнительной приемлемости для неискушенного народного массового сознания) кандидатуре (причем внешне на редкость приятного подростка Алексея), а брату Михаилу. Ему, разумно оценивавшему обстановку в стране, не оставалось ничего другого, кроме того, как через считанные часы официально отказаться от престола, заявив, что нельзя брать власть (да еще в тогдашних условиях) помимо общенародного волеизъявления. Вот так последний царь предрешил как необратимый крах монархии в целом, так и роковые последствия для себя лично и для своих близких.

Остается лишь гадать, как ужасно принципиальный монархист Никита Михалков ухитрился не разобраться толком далеко не только во всем вышеотмеченном! Такова же цена его «открытия» так называемых «трех пиков» XX века и всех других околоисторических его откровений. Как можно одним из трех «пиков» за сотню лет изображать почти карикатурное захоронение, в сущности неизвестных остатков от того, что кто-то закопал чуть ли не сотню лет назад в тягчайшие времена! И дело вовсе не в том, что таких безвестных погребений было тогда вовсе не так уж мало, а в том, что «свежая» беспринципнейшая затея 1998 года нужна была самым черным элементам современности для сокрытия собственных чудовищных преступлений и заурядно грязных делишек.

Чего стоит, к примеру, «туфта» будто интервенционистское вторжение иностранных агрессоров и гражданская война были предрешены екатеринбургским расстрелом июля 1918 года! Даже промонархически-капитализаторские невежды дней текущих не могут не знать, что германское, а затем англо-франко-японо-американское вторжение, инспирировало активизацию особо темных антинародных сил, вооружая внутри страны всех корыстных в основе своей ненавистников Советской России ради развязывания гражданской войны. И ведь интервенция началась гораздо ранее екатеринбургской трагедии, так и не «всколыхнувшей» не только основную, но и сколько-нибудь заметную массу населения. А порождено было все самое ужасное в то время — в первую очередь хищно-плотоядными империалистическими интересами ведущих и наиболее мощных держав той поры, и продолжалось, пока Красная Армия не разгромила непрошенных «доброхотов». Без выброшенной (далеко не только Михалковым) из истории спасительной Великой революции Октября 1917 года, и прежде всего — ленинского стиля и интеллектуального уровня руководства, деградация и крушение нашей Родины стали бы фактом еще тогда.

Тем более странно: неужели Никита Михалков действительно не в состоянии уяснить, насколько непорядочно объявлять величайшим событием XX века политикански-спекулятивную похоронную затею, в которой отказались участвовать очень и очень многие, включая даже патриарха Алексия и кое-кого из ныне влиятельных потомков Романовых? Как можно столь бесстыдно извращать и растаптывать все важнейшее из имеющего отношение к правде о минувшем и ныне происходящем? Как может этот, от природы отнюдь не глупый и вовсе не бездарный человек, утверждать, будто эта крайне корыстная вульгарно пропагандистская акция является «акцией покаяния», «похоронами гражданской войны», «акцией примирения, ощущением единства и мира» (см. «Независимая газета», 18 июля 1998 года. С. 2). В данной связи может возникнуть даже вопрос, чем и почему руководствовался человек, которому «привиделось» такое...?

И тот же Михалков не стыдится провозглашать, будто затеваемые Ельциным и такими, как он, очковтирательски-помпезные акции типа захоронения «царских» останков и в сущности нескончаемого ритуального поклонения им, дадут России «шанс прекратить гражданскую войну и стать единой нацией»! Какое непристойнейшее лицемерие! Все те, включая режиссера, предлагавшего еще на многие годы продлить пребывание Ельцина на вершине власти, кто всемерно «подпирал» режим, пагубный для нашего общества, частично каким-то, чуть ли не полубезумным образом, создавали предпосылки для вполне реального, а не выдуманного развязывания гражданской войны, подрывая даже подобие национального единства! Прежде всего помогая (и себя «не забывая»...) тем, которые ограбили и обездолили почти всех честных тружеников нашей страны, со злодейской гнусностью невиданно обогатив самых грязных и хищных «прихвизаторов» общенародного достояния.

Ельцин и прочие ему подобные, растапывая с редкой даже по нынешним временам преступностью все великое и человеческое, включая спасительную ленинскую концепцию развития общества и, конечно, с научной точностью обоснованную оценку ныне восхваляемого николаевского режима. Вполне закономерно: в своей процарской всемерно поощряемой (не только долларами) апологетике, такие элементы, дорвавшись до власти и несметных богатств, отвергают и скрывают от народа и мнение крупнейших величин нашей политики и культуры! Ведь они руководствуются только необузданной жадной навсегда закрепить за собой беспрецедентные материальные, «служебные» и прочие, в том числе — воровски-бандитские привилегии.

Естественно, ельциноидные политики и пропагандисты стремятся утаить от народа, к примеру, и такое свидетельство совестливого, гуманнейшего, на редкость мудрого писателя В. Г. Короленко, не способного, в отличие от иных современных «творческих интеллигентов» скрывать, что при ныне ими превозносимых царе и царице, виселицы и расстрелы стали в России «бытовым явлением». Как же таким «идеологам», их покровителям и «спонсорам» не отбрасывать от массового сознания поистине праведные, им написанные строки! В том числе следующие: «Виселица опять принялась за работу, и еще никогда, быть может со времени Грозного, Россия не видела такого количества смертных казней. До своего «обновления» старая Россия знала хронические голодовки и повальные болезни. Теперь к этим привычным явлениям наша своеобразная конституция прибавила новое. Среди обычных рубрик смертности (от голода, тифа, дифтерита, скарлатины, холеры, чумы) нужно отвести место новой графе «виселицы».

А как таким, нынешним провозглашаемым кристально «честными», да еще любящими народ капитализаторами, не забравать мнение об уродстве их мировоззрения и гибельности для Родины властвования таких ее «хозяев» как предпоследнего и последнего самодержцев? Конечно, они прежде всего отбрасывают мнение крупнейших величин нашего

прошлого, крупнейших творцов прогрессивной общественной мысли — Льва Николаевича Толстого и Владимира Ильича Ленина!! Тем более, что неприемлемым оказывается даже на редкость объективный анализ ситуации в России в условиях николаевского режима и его оценка, сделанные самым компетентным, в сущности единственным по-настоящему дееспособным из числа высших царских сановников конца XIX-го и начала XX века, реально пытавшихся спасти династию.

Имеется в виду гневно осуждавший последнего самодержца, ныне объявленного святым, бывший лучший министр финансов, а затем — на краткий срок назначенный главой царского правительства граф С. Ю. Витте: «Не будучи в состоянии уничтожить 17 октября 1905 года — (день подписания царем «смягчающего» режим Манифеста. — Г. Н.) постоянно его коверкал и коверкал в направлении политического распутства... И начали казнить направо и налево, прямо по усмотрению администрации, смертельные казни обратили в убийство правительственными властями. Казнят через пять, шесть лет после совершения преступления, казнят и за политическое убийство, и за ограбление винной лавки на пять рублей, женщин, мужчин, взрослых и несовершеннолетних, и эта вакханалия смертных казней существует и поныне... Это тянется уже шестой год, и после того, как Столыпин объявил об «успокоении», его за такие действия укокошили...»

Праота и революционных антиподов пагубнейшего самодержавия, и его умеренно либеральных критиков (далеко не только С. Ю. Витте) проявлялась практически во всем! В том числе и относительно зловещей роли П. А. Столыпина, теперь тоже дружно восхваляемого за жесткость и монархо-расистами, и всей лжедемократической пропагандистской «толщей»... Нет, далеко не случайно Петра Столыпина многие в народе считали «обер-вешателем». Хотя при нем, сочетавшем немало лет посты председателя Совета министров и бурно карающего министра внутренних дел, даже решительно оппозиционных (социал-демократических) депутатов Думы на виселицу все же не решались отправлять. Это считалось не совсем приличным. Предпочтительней казалось «сажать», лишив депутатской неприкосновенности, провокационно стряпая судебные процессы, бесконечно далекие от норм даже царского Манифеста 17 октября 1905 г., да и вообще от чего-либо, напоминающего мало-мальски приличные нормы законности, не говоря уже об элементарной человечности.

Итак, депутатов Думы все же не вешали. Предпочитали судить и «размещать» в тюрьмах, на каторге, в ссылках в соответствии с приписываемой тому же Столыпину циничной установкой, перефразирующей народную поговорку для звучания в чиновничьих кабинетах: «Дальше едешь — тише будешь»... К обычным же гражданам, не имевшим депутатских мандатов, отношение было иное, просто потрясающее своей душегубски-кровожадной сущностью. Особенно после третьемюньского переворота (3 июня 1907 года), знаменовавшего опаснейший и для романовской династии переход к открытой диктатуре-вакханалии кровавого, разнузданно антинародного террора. Число только «законно» казненных при последнем царе выросло в сущности тысячекратно в начале XX века!!

По весьма заниженным официальным данным в 1906 году к смертной казни был приговорено 450 человек, в 1907-м — 1056, в 1908-м — 1741. Но ведь помимо официально «оформленных» жертв были многие тысячи простых рабочих и крестьян, студентов, в первую очередь, тысячами повешенных и расстрелянных по приговорам военно-полевых так называемых судов и карательных экспедиций, что большей частью всерьез не фиксировалось. Это были вообще фактически бессудные массовые убийства! И ведь хватает совести у ельциноидов и прочих, им подобных, превозносить царские «порядки», зная об огромнейшем количестве политзаключенных, многие из которых подвергались ужасающей сред-

невековой казни «через повешение»! Но в то же время из года в год они клеветуют на В. И. Ленина, еще до начала по-настоящему мирного периода нашей истории, стремившиеся полностью исключить расстрел по политическим мотивам!!!

Как можно, помимо всего иного, как раз в современных условиях утаивать от народа то, что при таком руководителе страны, как В. И. Ленин, да ещё в мирных подконтрольных ему условиях, в столице были исключены, в противоположность царским и ельцинским временам, массовые убийства! Вроде тех, которые творились 9 января 1905-го или в начале октября 1993 года.

2 Допустимо ли и в дни текущие отказываться от честного ответа хотя бы на такой вопрос: полубезумное кровопролитие 9 января 1905 года — «случайность» или закономерное следствие политических и иных уродств того режима? Есть всё же своя аморальнейшая «логика» в том, что как раз при Ельцине объявлен святым царь, виновный в смерти только за один день сотен и сотен безвинно погибших и искалеченных. Ведь не только священник Г. Гапон заблаговременно обращался к «верхам», объясняя цели мирной демонстрации, а и те, бесспорно положительные личности во главе с А. М. Горьким, кому в результате «кутёчки информации» стало известно о готовящемся злодеянии! Почему игнорировались и молча отвергались все обращения, не выходявшие за «дозволенные» рамки, в связи с чем оказались напрасными все попытки предотвратить страшное бедствие, чреватое необратимыми последствиями? Случайно ли в народе все шире распространялось прозвище «Николай кровавый»?

Как можно было довести до конца реализацию задуманного черного замысла, как мог император не принять элементарно необходимых мер гуманного, по-человечески достойного характера? Почему даже самые жестокие непосредственные руководители акции «по наведению порядка в столице» не были привлечены к ответственности? Случайно ли то, что вся осведомленная и мыслящая часть общества, да и вообще большая часть населения страны, возложила вину за случившееся на того, кто именовал себя хозяином земли русской? Чем объяснить, что не только была «расстреляна вера народа в царя», но и непоправимо был скомпрометирован в общественном сознании режим в целом, при котором были возможны эксцессы подобной направленности и абсолютно недопустимой в маломальски цивилизованной стране жестокости и безответственности?

Почему же в наши дни «по части» уродования исторической памяти нашего народа не случайно, а с аморальнейшей расчетливостью творится черт знает что, разумеется, при полной безнаказанности? Чего стоит то, что в столетнюю годовщину Кровавого воскресенья с телеэкрана не прозвучало об этом ни одного честного, совестливого слова, да и вообще не было упомянуто ничего из трагически зловещего. Зато экраны были чуть ли не без «просветов» переполнены пустопорожне неопрятными, в том числе и т. н. «эротическими» зрелищами! Лишь несколько дней спустя в ночь на 25 января 2005 года на I канале было «выдано» немало слов заведомо фальсификаторской направленности! Дескать, царь Николай ни в чём не был виноват, а страшная бойня была спровоцирована то ли якобы революционерами-террористами, то ли провокаторами из охранно-полицейского ведомства. Тут же почему-то завели разговор, что священник Гапон стал «отработанным материалом», а потому эсеры удушили его, заподозрив в желании раздобыть деньги в полиции. Самым же главным «открытием» авторов была информация о том, будто руководство Японии, опасаясь поражения в войне с Россией, затратило 30 миллионов долларов и тем предредило бойню 9 января и другие революционные «вспышки», подорвавшие царскую Россию...

Вот так ныне «изобретается» что угодно — лишь бы, запутав наших современников, возвысить последнего царя, до неузнаваемости «перекроив» правду истории на радость «новым» хозяевам России. Заодно подводится хуже чем непристойная основа для оправдания глубоко непорядочного теперешнего решения о причислении последнего царя с царицей к лику святых, в сочетании с клеветническим осквернением всего связанного с лучшим государственным руководителем за все века нашей истории.

А о чем свидетельствовали тысячи и тысячи виселиц, обрывавших жизни множества тех, кто стремился к обновлению и оздоровлению России? Есть ли основания полагать, что невозможность (незвизрая на предельное старание) обелить «венценосного» виновника мученической гибели множества россиян отнюдь не только 9-го января, должна была иметь самые тяжкие и непредсказуемые последствия? Причем не только для императора лично и для трехсотлетней династии Романовых, но и для всей истории XX века, ибо кровь порождает новые потоки крови, а жестокость — очередную жестокость. Не с этим ли в первую очередь была связана массовая, нередко не поддававшаяся контролю ярость, приведшая в 1918 году к гибели значительного числа ни в чем невиновных порядочных аристократов и ряда великих князей, ни в чем скверном не замешанных (но не пожелавших или просто устыдившихся скрыться)? Не была ли эта кровь страшным «откликом» на кровь тех огромных масс несчастных «рядовых» людей, кто погиб, ничем тяжким не погрешив против властителя?

Почему в сугубо фальсификаторском направлении нацелена практически вся мощнейшая пропагандистская машина, буквально «вколачивающая» в массовое сознание промонархические, а заодно и пробуржуазные бесчеловечные пристрастия, симпатии и иллюзии? Как можно, к примеру, лакейски-заискивающе вести себя во время визита английской королевы, изображая Виндзорскую династию не просто образцом для подражания, но и вообще чем-то недостижимо наилучшим чуть ли не во всей всемирной истории? «Забывая», например, даже о том, как английский король предал своего двоюродного брата (последнего российского императора) и его семью, отказавшись по весьма сомнительным соображениям принять уже тогда почти обреченных родственников в Англии. Ведь знал же британский монарх, что стихия ненависти (практически чуть ли не всенародной) к последнему царю нарастает с каждым днем не благодаря, а вопреки желаниям и расчетам В. И. Ленина! Ибо свежа была память не только о позоре поражений (особенно в ходе русско-японской войны), Ленском расстреле, разлагающем маразме распутинщины, но и о детях, женщинах, стариках и столь же мирно настроенных мужчинах, загубленных в ходе расправы 9 января 1905 года, о годах свирепствовавших военно-полевых судах, иной раз в течение 2–3-х минут отправлявших на расстрел или на виселицу каждого из тысяч тех, кто кому-то мог лишь показаться опасным или просто «нежелательным» для власть имущих.

В наше время в сущности аморально и даже преступно не стремиться уяснить, чем так особо приятен ныне главным криминальным капитализаторам и их приближенным последний царь. Не потому ли, что почти столетие спустя, в еще более зловещей, растлевающей и губительной степени так «свежа» властвующая бездарность, жестокость, всепоглощающая корысть последнего десятилетия XX века, все еще безоглядно убажываемая за счет огромнейших масс обездоленных, ограбленных, и во множестве со свету сжитых... Узнаем ли когда-либо, сколько было расстреляно, живо сожжено или разорвано на куски снарядами, раздавлено гусеницами в октябре 1993 года, сколько миллионов было в общей сложности загублено Ельциным, его приближенными и прочими, хроническим голоданием, злодейски инспирированной страшной нищетой десятков миллионов, развалом здравоохранения, недоступностью лекарств, преступностью и т. п. мерзостью, целеустремленно насаждаемой?

Просто потрясает невежество, точнее — корыстное «непонимание» элементарного, характерное для столь многих «власть и богатство имущих», по сей день восторгающихся самодержавно-крепостническими и прочими ужасными «прелестями», отвергая без зазрения совести ту правду, которая была ясна еще, к примеру, декабристам и Александру Сергеевичу Пушкину! Как и все по-настоящему гуманные, широко мыслящие и наиболее самобытные величины нашей общественной жизни и культуры, в отличие от Ельцина и ему подобных, смыкаться с бесчеловечно-реакционной «трактовкой» исторического процесса они просто не могли. И потому А. С. Пушкин иронически писал об одном промонархическом произведении: «В его «Истории» изящность, простота, доказывают нам без всякого пристрастия необходимость самовластья и прелести кнута»...

Это все тем более было вне понимания последнего самодержца: он (не только на свое личное несчастье...) отнюдь не смягчил последствия того, что натворил 9 января 1905 года, но и стократно усугубил их, назначив главою своего правительства П. А. Столыпина, далеко не случайно прозванного в народе вешателем! В результате в годы инициированной царем столыпинской реакции были фактически бессудно повешены и расстреляны несчетные тысячи россиян, а террор самодержца вызвал аналогичную ответную террористическую реакцию, в наибольшей степени — эсеров, а также кое-кого из анархистов, и, конечно, все нараставшую ненависть в широчайших народных массах. Ведь при последнем царе тысячекратно возросло количество жертв не только по сравнению с временами его умного (и тем более совершенно не тяготевшего к душегубству) деда Александра II, но и примитивно жесткого, реакционного отца Александра III. Вероятно, просто не успевшего «развернуться» вследствие сравнительно не слишком долгого своего царствования...

Вот так крайне роковым отзвуком почти общенародной ненависти к Николаю II и стал злосчастный расстрел в ночь на 17 июля 1918 года, столь спекулятивно и аморально использующийся более 15 лет. Еще не одному поколению придется недоумевать: как можно было причислять к лику святых не Александра II, единственного результативно масштабно, в целом — по-настоящему прогрессивного и гуманного царя-реформатора на фоне любого другого из романовской более чем трехсотлетней династии, а одного из самых многогрешных перед своим народом последнего властителя Николая II.

Слецы по части тотальной пропагандистской аморальности вполне по-геббельсовски орудовали на телевидении даже 31 декабря за пару часов до 2000 года. Они, как водится, хотя бы слегка «иронично» и то не вспомнили ни одного из крупномасштабных душегубов минувших «годков», десятилетий, веков... Зато в полном соответствии со вкусами тех, кто не первый год распоряжается в России, отнюдь не только средствами массовой дезинформации, снова вспомнили о В. И. Ленине. И, конечно, только для того, чтобы еще раз ошельмовать именно его, не затрагивая ни единым честным словом никого из ужасающе зловещих, да и просто скверных, подчас до неприличия бездарных властвующих персонажей нашей многострадальной истории.

Вся эта публика закономерно восторгается всеми самодержцами вплоть до крайне аномальных. Включая последнего царя, не просто двигавшегося по пути реакции вслед за своим отцом Александром III, а продолжившим и превзошедшим начатое им черное дело. Он, к примеру, решил ввести в норму и добился своего даже по части массового использования средневековой смертной казни «через повешение» (давным-давно невиданной в таких масштабах во всех цивилизованных странах), которую сейчас пытаются представить якобы вполне «оправданной». Именно при Николае II огромная страна отличалась сооружением тысяч и тысяч виселиц. Однако ныне преуспевающие фальсификаторы непрерывно гнуснейшим образом клеветца на В. И. Ленина, именно последнего царя провозглашают

святым, культово возвеличивают, прославляют в средствах массовой дезинформации (особенно в электронных), сооружают памятники и вытворяют все прочее в том же духе, стремясь одурманить как можно большую часть наших соотечественников.

Осенью 1993 года пожилой, очень худой, крайне болезненного вида человек появился на одной из московских площадей с самодельным транспарантом: «Ельцин — хануга, лжец, лицемер и убийца!» Главным его оппонентом тогда оказалась очень энергичная, бодрая дама. По ее мнению, Ельцин — кристально чистый, безукоризненно порядочный и абсолютно бескорыстный человек. Он лишь жаждет с поистине христианской жертвенностью и с самыми благими побуждениями возродить благоденствующую царскую Россию, «которую мы потеряли». Столь же «благородными» целями якобы руководствуются Гайдар, Чубайс и другие... В то же время «в отличие от Бориса Ельцина, желающего всем нам только добра», погубителем всего лучшего является именно Ленин: он де посмел ниспровергнуть «законную власть», умнейшего и наидобрейшего последнего из Романовых, «хозяина земли русской». А затем якобы только и думал о том, как бы убить всех его родных и близких, включая малых детей. И, конечно, немало лет спустя после своей смерти не кто-то, а именно он якобы предрешил миллионы жертв Сталина и его «ежовоподобных» выдвигенцев...

Было совершенно невозможно ни в чем, даже заведомо бесспорном переубедить ту непреклонную, апологетически твердокаменную поклонницу ельцинского режима. Даже в том, что последнего царя отречение от престола вынудили подписать влиятельнейшие политические и военные лидеры-монархисты, а не кто-то другой! Николай II послушался их на свою беду лишь в том, что «отдал» трон не юному сыну Алексею, а своему младшему брату Михаилу, что и предредило крушение монархии окончательно и бесповоротно... Вот эти строки из царского отречения: «Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского».

Для вышеупомянутой защитницы царистско-ельциноидных «добродетелей» оказалось неожиданным даже то, что В. И. Ленин не мог участвовать в свержении последнего царя, да и в Февральской революции 1917 года вообще, по той простой причине, что он находился в многолетней вынужденной эмиграции (в основном в Швейцарии)... Общемировоззренческая, духовная и иная деградация постигла с конца 1991 года далеко не только единиц, вроде данной «идейно» очень активной дамы, но и целые компактные группы, а кое в чем и весьма влиятельные верхушечные социальные пласты. Включая и многих из тех «ответственнейших» должностных лиц, политическое и историческое «неведение» которых совершенно противопоказано при выполнении ими служебных (не говоря уже об элементарно гражданских...) обязанностей.

Свидетельствует о многом человек, далеко не во всем бывший безукоризненно близким к истине, когда стремился познать историческое прошлое, но честно и бескорыстно реагирующий на происходящее в общественной жизни дней текущих. Поэтому грешно и несправедливо «демократически» отбрасывать его мнение, каким бы резким оно не показалось: «Я с 93-го года не являюсь членом Союза кинематографистов. В 93-м году в газете «Известия» было опубликовано мое заявление, после расстрела парламента 3–4 октября. Я сказал, что выхожу из этого подлого Союза, который извинялся перед властью... Вспомните эти ночные шабаши. Когда собирались эти люди. Когда Нонна Мордюкова говорила: «Борис Николаевич, мы вас так любим! Вы этих депутатов там, да вы их...». Вот после этого я написал заявление, сказал: «Пошли вы на хрен, я больше никогда не буду в вашем поганом Союзе». И не состою в нем» («Московский комсомолец», 19 августа 2001 года. С. 8).

Это строки из интервью со Станиславом Говорухиным, не только широко известным, но и далеко не заурядным кинорежиссером, возглавляющим студию имени Сергея Бондарчука на «Мосфильме». Безусловно, заслуживает пристального внимания и все, сказанное им относительно состояния дел в современной кинематографии. В частности, и мнение о Московском международном кинофестивале: «В том виде, в котором он существует сегодня, он мне не нужен. Я помню первые Московские международные фестивали, где «все звезды в гости к нам». Мы были студентами ВГИКа в 65-м году. Я помню, как мы туда продирались, я до сих пор не понимаю, но каждый вечер... вокруг — Джина Лоллобриджида, Лючия Бозе, Софи Лорен, Марчелло Мastroяни, Микельанджело Антониони, Феллини. Ну кого только не было! И все ехали охотно. А сейчас платят бабки какой-нибудь звезде, привозят ее, и вокруг нее крутятся все... Это так унижительно... Ужас какой-то... Я уже не говорю, что там нет ни одного российского фильма» (Там же. С. 9).

А, быть может, не так уж и плохо, что на данном фестивале не «возникла» сомнительнейше «отборная» продукция лжедемократических преуспевающих «гигантов»? Тех, что порождают с поразительным бесстыдством крайне бесчестные выдумки о прямо-таки неземных, ныне шустро изобретаемых и с тошнотворной назойливостью пропагандируемых, невиданных «венценосных» царских добродетелях «их величеств». А также — параллельно «пускаемые в оборот» политиканские органические недобросовестные поделки вроде фильма «Телец». Не говоря уже о множестве по-голливудски разнузданных, кровожадных околорасследовательных поделках. Суть этого — бесчеловечность, способная, возможно, окончательно восторжествовать, прежде всего, благодаря тотальному извращению исторической правды, начало которому было положено в самом конце 1991 года в результате внешне не очень заметного, но преступного переворота.

Незадолго до ужасного дня 9 января 1905 года группа высококультурных, безукоризненно порядочных людей во главе с Алексеем Максимовичем Горьким, до которых дошла соответствующая информация, буквально заклинала через министра внутренних дел не допустить готовящуюся расправу над шестью рабочих, пытавшихся обратиться с мольбой к царю об улучшении своей невыносимой доли. Однако столичные мостовые, прежде всего по вине Николая II, были залиты кровью (в том числе и детской) тех тружеников, которые под промонархическими и иными верноподданическими лозунгами надеялись мирно спастись от бед, их терзающих.

Кто был прав: тот, кто пулями решил «пресечь крамолу» или его оппоненты? Из петиции, адресованной императору теми, кто надеялся мирно разрешить острейшие внутрироссийские противоречия:

«...Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе, ведь только ему известны его истинные нужды. Не отталкивай, государь, его помощи, прими ее, повели немедленно призвать представителей земли Русской от всех классов, от всех сословий; пусть тут будет и крестьянин, и священник, и капиталист, и учитель; пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания — а для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условиях всеобщей тайны и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба, это главный и единственный пластырь для наших ран, без которого наши раны будут вечно сочиться и поведут нас близко к смерти.

I. Меры против народной нищеты:

1. Передача земли народу... дешевый кредит.
2. Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

II. Меры против невежества и бесправия русского народа:

1. Немедленное возвращение всех пострадавших за политические, религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки...
2. Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, совести в деле религии.
3. Ответственность министров перед народом и гарантии законности управления.
4. Равенство перед законом: всех без исключения.
5. Отделение церкви от государства.»

В статье В. И. Ленина «План петербургского сражения» говорится: «Странно на первый взгляд говорить о сражении, когда безоружные рабочие мирно шли подавать петицию. Это была бойня. Но правительство рассчитывало именно на сражение и действовало по задуманному плану. Оно с военной точки зрения обсуждало защиту Петербурга и Зимнего дворца. Оно приняло все военные меры. Оно убрало все гражданские власти и отдало полуторамиллионную столицу в полное распоряжение жаждущим народной крови генералам с великим князем Владимиром во главе...»

Казалось бы, главного виновника преступнейшей бойни должны были бы до конца дней мучить кошмары за содеянное, а значит, угрызения совести вроде бы не могли не побуждать двигаться по пути прогрессивно-гуманистического оздоровления России. Но не тут-то было: вплоть до своего отстранения от власти последний царь делал все для регрессивнейшей стагнации страны и все более массового антиромановского ожесточения, что исключало предотвращение революционных событий. Примерно через полтора года после Кровавого воскресенья — своего бесчеловечного «триумфа», Николай II 22 июля 1906 г. учинил разгон I Государственной Думы, которую он «терпел» всего 72 дня. А ведь в этом органе была лишь в сущности крохотная «горстка» из 18 депутатов-антимонархистов социал-демократической направленности, причем в тот момент еще не сторонников немедленного решительно революционного отстранения царя Николая Романова.

Крупнейшей фракцией в I Думе были кадеты, лидер которых П. Н. Милюков провозглашал, что «Мы не партия оппозиции по отношению к его Величеству, а партия оппозиции Его Величества». Критические замечания кадетов нацелены были не на уничтожение монархии, а на ее укрепление с помощью обновляющего и оздоравливающего реформирования России. Причем кадетов среди депутатов тогда было 179 — наибольшее количество, и потому они могли задавать там «тон». Однако и данный состав Думы не устраивал царя лично и всю высшую придворную часть царских приближенных. Не считаясь с мнением серьезно мыслящих считанных единиц типа графа С. Ю. Витте, Думу решено было «пустить в распыл». Почему? Главным образом потому, что даже кадетские депутаты посчитали необходимым ради предотвращения революционного взрыва неодолимой силы хоть немного облегчить вековечные крестьянские страдания и муки, нередко ведущие к их вымиранию в неисчислимом множестве (по меньшей мере — сотнями тысяч) в так называемые голодные, особо неурожайные годы. Во имя, прежде всего, предотвращения грядущей революции, они, в отличие от царя и его подручных, считали необходимым решить, наконец, проблему гибельного крестьянского малоземелья. Сделать это можно было только передав сельским труженикам (выкупив за счет бюджета у дворян) хотя бы мало-мальски значимую часть помещичьих земель. Это, как, видимо, ничто другое, взбеленило царя и клику его особо «надежных» царедворцев, порешивших, будто Дума «подрывает основы». Подумать только: так воспринимался царем почти поголовно отнюдь не антимонархический

депутатский «корпус», в котором среди кадетов было немало мыслящих, образованных дворян, тоже понимавших необходимость такого решения аграрного вопроса.

Есть ли основание полагать, что весь последующий ход истории предопределялся тем, что лишь В. И. Ленину суждено было неизмеримо глубже и точнее, чем кому-либо, помимо многого другого из важнейшего, проанализировать крестьянско-аграрную проблематику? Как надо понимать нижеприводимые положения, разработанные им до деталей еще в ноябре-декабре 1907 года?

«Десять с половиной миллионов крестьянских дворов в Европейской России имеют 75 миллионов десятин земли. Тридцать тысяч преимущественно благородных, а частью также чумазых лендлордов имеют в среднем свыше 500 дес. каждый, всего 70 млн. дес. Таков основной фон картины. Таковы основные условия преобладания крепостников-помещиков в земледельческом строе России, а следовательно, в русском государстве вообще и во всей русской жизни. Крепостниками являются владельцы латифундий в экономическом значении этого слова: основа их землевладения создана историей крепостного права...»

«Революционный путь действительного свержения старого порядка неизбежно требует, как своей экономической основы, уничтожения всех старых форм землевладения вместе со всеми старыми политическими учреждениями России. Опыт первого периода русской революции окончательно доказал, что победоносной она может быть только как крестьянская аграрная революция и что эта последняя не может выполнить своей исторической миссии без национализации земли».

«Для того, чтобы построить действительно свободное фермерское хозяйство в России, необходимо «разгородить» все земли, и помещичьи, и надельные. Необходимо разбить все средневековое землевладение, сравнять все и всяческие земли перед свободными хозяевами на свободной земле. Необходимо облегчить в максимально возможной степени обмен земель, расселение, округление участков, создание свободных новых товариществ на месте заржавевшей тягловой общины. Необходимо «очистить» всю землю от всего средневековогохлама». (Разве не преступно отрицать поразительную актуальность ленинского анализа не только для времен НЭПа, загубленного Сталиным и его последышами, начиная со времени сплошной коллективизации, но и вплоть до дня сегодняшнего? — Г. Н.)

«Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальную особенность этой революции. Сущность этого вопроса составляет борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а, следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее».

«И пусть не думают, что как раз данный исторический момент, когда воют и ревут черносотенные зубры в третьей Думе, когда разгул контрреволюции дошел до крайних пределов, когда реакция вершит свой дикий акт политической мести над революционерами вообще, а с.-д. депутатами второй Думы в частности, — пусть не думают, что этот момент «не подходит» для «широких» аграрных программ... Нет, чем больше свирепствует реакция, тем больше в сущности задерживает она неизбежного экономического развития, тем успешнее готовит более широкий подъем демократического движения. И периодами временного затишья в массовом действии мы должны воспользоваться, чтобы критически изучить опыт великой революции, проверить его, очистить от шлаков, передать его массам как руководство для грядущей борьбы». (Из работы В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов»).

Правильно ли полагать, будто безопасна для преступно подорванного ельцинщиной нашего общества проявляющаяся во многих печатных органах, в телевизионных передачах

и прочих средствах «демократической» массовой дезинформации, в выступлениях многих теперешних политических и «культурных» деятелей (легко и быстро «перекрасившихся») жажда извратить правду о Ленине, буквально растоптать, залить его грязью, руководствуясь самыми своекорыстными вожделениями? Разве не подталкивает это (не только наше общество) к роковой пропасти общечеловеческой деградации, распада и междоусобиц с необратимо скверными, непоправимо антинародными последствиями?

Как можно помимо многого иного, утаивать (тем более — от наших детей и внуков) абсолютно бесспорные, хотя и вероломно скрываемые ныне от большинства населения факты, документы, свидетельства и т. д.? Разве не грешно, к примеру, и далее игнорировать содержание нижеследующей сравнительно недавней публикации «Январские залпы 1905 года звучат в памяти нашей семьи!» Или, быть может, чужая боль не в счет и «по случаю» сравнительно недавних злодеяний (в том числе и конца XX века), «перекликающихся» со столь же преступно-кровавой бойней почти столетней давности, о главном виновнике которой «приказано» ныне отзываться лишь восторженно? Как об «истинно святой», наидобрейшей и умнейшей личности...

Итак: «Этой фотографии 89 лет. Сделана она в Санкт-Петербурге в конце 1904 года незадолго до печально знаменитого «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 года. Мальчик на стуле — мой отец. Девочка — его сестра. Рядом с ней сидит мать этих детей, моя бабушка. В тот роковой день она шла вместе со всеми. Крохотного сына несла на руках, девочку вела за руку. Когда раздались оружейные залпы, она была смертельно ранена и в тот же день в больнице умерла. Много людей было тогда убито и ранено. Дети оказались в приюте. Его учредила мать царя Николая II Мария Федоровна для детей, оставшихся сиротами после «Кровавого воскресенья». В приюте брат и сестра прожили 12 лет. После февральской революции 1917 года, когда приют распался, отцу довелось испытать всю горечь беспризорщины. Сестру он потерял... Мы с моей сестрой чтим память нашей «исторической» бабушки, так никогда и не ставшей нам бабушкой. Не сохранилось даже ее имя. Отец по чьим-то рассказам помнил только, что оно на букву «А». Анна, Анастасия, Агриппина?

Сейчас, когда так много говорят о трагической гибели царской семьи, я вместе со всеми осуждаю ту жестокость, с которой она была убита и вообще это убийство. То январское событие как бы кануло в Лету. Когда года два назад я ходила по комнатам «Коттедж Александрия» я восхищалась царским домом, вкусами его обитателей и только когда вышла, подумала, что это же тот самый царь, по милости которого мы с сестрой остались без бабушки и отец на всю жизнь без матери, без родных. И вот на какую перекличку дат я обратила внимание. Когда царь отдавал тот страшный приказ стрелять по безоружным людям и по детям, у него самого был маленький сын, одногодок отца. Отцу 9 января было 8 месяцев, а царевичу Алексею — 5. Умер мой отец в день рождения Алексея — 12 августа и даже князя Романова хоронили 29 мая — в день рождения отца. Так еще до сих пор ауканутся те далекие январские залпы, и хотя нет у меня ни ненависти, ни чувства мести, нет и умиления перед именем царя, день рождения которого собираются всенародно отмечать в этом году и даже канонизировать его как святого. Мы, как всегда, отметим в январе день памяти нашей бабушки... И еще: если эта заметка будет опубликована, пусть отцовская фамилия, что в скобках, останется. В Москве и Ленинграде много Горюновых. А вдруг и еще в чьем-нибудь альбоме хранится такая фотография. Аврора Хоревская (Горюнова). Минск». (Подчеркнуто мною. — Г. Н.) («Известия» 18.05.93 г.).

Факт остается фактом: годами и десятилетиями с конца XIX века и вплоть до 1917 года в общеисторической перспективе не только самое недостойное и жестокое, но и все чаще унижающее национальное самосознание до невыносимо оскорбительной степени все теснее

связывалось именно с личностью Николая II. Чего стоили «венценосной чете» и ряду ее родственников, «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., многие тысячи повешенных и расстрелянных фактически без суда в годы столыпинской реакции, Ленский расстрел, постыдная ваханалия распутищины, позорившая царскую семью! И все остальное из самого тяжкого и недостойного, происходившего тогда по какой-то странной в чём-то, быть может, болезненной ослепленности и интеллектуальной инертности императора. И в то же время — ведь многое из самого скверного предотвратить было вовсе не слишком непосильно...

Данный самоубийственно-разрушительный фактор срабатывал в сознании большинства населения страны с такой неодолимой силой, что никто из сколько-нибудь серьезных лидеров белого движения, не ставил своей официально провозглашенной целью реставрацию традиционной самодержавной формы правления, да еще с непоправимо скомпрометированным Николаем Романовым на привычном троне. В частности, весьма показательным было то, что авторитетнейший генерал Алексеев, войдя, наряду с генералом Корниловым и атаманом войска Донского Калединым в триумvirат, руководивший только что созданной контрреволюционной Добровольческой армией, категорически отказался «поднять монархический флаг» (хотя и не отрекался официально от монархических убеждений) вопреки оказывавшемуся на него сильному давлению. И вовсе не вследствие своих «прохладных» отношений с Корниловым, которого он (вполне объективно) не считал хоть сколько-нибудь крупным полководцем и, возможно, в основном по этой причине решил не участвовать в возглавленном тем путче лета 1917 года. Впрочем — скорее всего потому, что большинство населения России было настроено резко антимонархически, а значит — антикорниловски.

Проявлялось это не только в том эпохально переломном году, но и впоследствии особенно по «свежим следам». Тем более, когда надо было спастись Отчизну от гибели вследствие хищно агрессивного вторжения войск мощнейших стран той поры, правители которых «попутно» вооружили до зубов и снарядили крайне опасные для нашей Родины белогвардейские армии. К счастью, были совершенно правы миллионы красноармейцев, их командиры и комиссары, жертвенно сражавшиеся ради спасения Советской России. Их массовый героизм был непреодолимой преградой на пути самых черных сил того периода российской и всемирной истории.

Великая правда наших отцов, дедов и прадедов, разгромивших все полчища сил реакции, корысти и бесчеловечности, орудовавшие на территории нашей Родины, проявлялась и в словах песен, под звуки которых они, как им представлялось, шли «в последний смертный бой». Тысячекратно правы были наши предки, провозглашая: «Не нужны нам златые кумиры, ненавистен нам царский чертог!». Безусловно, вещая правда содержалась и в строках «Интернационала», и в других песенных словах, включая следующие: «Белая гвардия, черный барон снова готовят нам царский трон. Но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!» И ведь действительно, именно благодаря ленинскому типу руководства страной была, наконец, прервана полоса (длиною более чем в сотню лет) поражений России во всех войнах с действительно серьезными противниками. Чего стоили, к примеру, унижайшие для нашей страны результаты Крымской и Русско-японской войн...

Странно, но по сей день все еще по-прежнему находится немало тех (в том числе и лиц, «удостаиваемых» включения в категорию принадлежащих к интеллектуально-творческой элите), кто нахраписто и удивительно некомпетентно, склонен возвеличивать всех самодержцев, включая самых бездарных и жестокосердных!

Но что до правды истории корыстолюбцам, изображающим из себя кто демократов, кто истово православных, кто — «правоверных» монархистов... А ведь давно была заметна их корыстно бессовестная суть! Еще годы и годы тому назад была опубликована по-своему пря-

мо-таки пророческая заметка «Скоро верующие будут молиться на Николая II», в которой содержалось нечто весьма симптоматичное. В частности: «Как сообщили «МК» в Отделе внешних церковных сношений Московского патриарха и в Комиссии по канонизации РПЦ, вопрос возможного признания святым последнего российского императора станет основной темой заседания (...) В пользу того, что Николай II все-таки будет рекомендовано канонизировать, говорит несколько фактов. Такое предложение уже однажды обсуждалось на заседании Архиерейского Собора, но тогда члены Собора приняли решение продолжить работу по сбору соответствующих материалов... Комиссия по канонизации, скорее всего, пришла к положительному решению. (...) Если положительное решение о канонизации Николая II примут, его останки будут считаться святыми мощами, станут писать иконы, на которых император будет изображаться со святым нимбом вокруг головы, в его честь начнут совершать церковные службы и обращаться к нему с молитвой». («Московский комсомолец», 11 октября 1996 года)

Что мы имеем «по этой части» на сегодняшний день? Решение о причислении к лику святых последнего царя официально было обнародовано лишь в августе 2000 года. Однако задолго до этого началась в храмах продажа икон с ликом Николая II, обрамленным нимбом святости, на которых есть текст, обрушиваемый на массу верующих во имя пробуждения в их неискушенных по части исторической правды душах, сугубо промонархически-регрессивных рефлексивных! Так и провозглашалась уже немало лет заведомая неправда в качестве кистины в последней инстанции: «В день отречения государь писал: «Кругом измена, и трусость, и обман». Великий грех совершил народ перед Богом, отступив от Помазанника Божия, от данной перед Богом присяги на верность Царю. Народ молчал, и поистине мы должны сказать ныне: «Кровь его на нас и на наших детях» (Мф. 27, 25)». Эти строки кощунственны, ибо запрограммированы на закабаление и этическое уродование страшно многих душ.

Один из по-настоящему мыслящих и честных служителей церкви в доверительном разговоре еще тогда вынужден был признать, что такое не может твориться помимо воли и желания патриарха. Если это соответствует реальному состоянию дел и «расстановке сил» в руководящих кругах российского православия, то такова одна из опаснейших для общества реалий современности. Отказ от противостояния ей означал бы, возможно, малозаметное, но поощрение сползания к окончательному торжеству тех, кто ныне олицетворяет собой все самое регрессивно вредоносное и бесчеловечное в России и в современном мире. Потому-то и надо бы действовать диаметрально противоположным образом!..

Должно же, наконец, подавляющее большинство наших соотечественников знать хотя бы мнение самого умного и дееспособного из высших сановников двух последних царствований, каковым, безусловно, был многолетний блистательный министр финансов, а затем и глава правительства, граф Сергей Юльевич Витте. Ведь далеко не случайно в своих мемуарах он вынужден был высказать немало горьких слов еще за годы и годы до крушения монархии в России. В том числе и о реакционнейших по своей пагубной сути «шатаниях то в одну, то в другую сторону» Николая II. Причем С. Ю. Витте вынужден был констатировать: «В общем же направление было не в сторону прогресса, а в сторону регресса». На горе не только себе самому и своим близким...

Ведь уже давным-давно ясной ясного: практически вся «мудрость» десятилетий последнего царствования сводилась в сущности к словам молодого царя в его первой же тронной речи с характерным для всего последующего угрожающим лейтмотивом: «Послаблений не будет никаких!». А далее не могли не следовать страшная трагедия на Ходынке, позорище унижайнейших поражений в ходе Русско-японской войны, преступно-самоубийственная бойня 9 января 1905 года, чудовищно бесчеловечные военно-полевые суды со многими тысячами в сущности злодейски повешенных и расстрелянных в ходе

подчас трехминутных «судебных» процессов, душегубское безобразие Ленского расстрела, злоупотребства распутинщины, органически сросшейся с режимом Николая II и прочего столь же потерпимого. Особенно роковым образом связанного с аграрно-крестьянской и национальной политикой, а также с подходом к «решению» рабочего вопроса...

Воистину, нет предела бесчестию с начала 90-х годов! Потому-то исключительно можно получить точный ответ и на следующий вопрос: неужто и глава российской церковной иерархии решил полностью сомкнуться с наиболее реакционными поползновениями и навсегда покончить с правдой истории и прогрессивными, человеческими тенденциями в развитии нашего общества? Случайно ли патриарх, к примеру, поддержал стремление тех, кто подорвал и надломил нашу Отчизну, погубил миллионы соотечественников, объявив о необходимости «очистить» Красную площадь от Мавзолея? И возможное соучастие в особо разнузданной посмертной расправе и осквернении памяти о В. И. Ленине, сочетается с совсем уж непорядочной, глубоко антинаучной идеализацией любого злодея, как и любой бездарности на троне вопреки даже намеку на правду истории...

Так ли уж трудно понять, чем объясняется многолетнее стремление внушить верующим, будто последний самодержец заслуживает истового поклонения, вопреки всему привнесенному им крайне нездоровому и жестокому, и благодаря пожеланиям ныне «сильных» натур из числа уже немало лет бесконтрольно властвующих? Может ли такое твориться независимо от планов и симпатий патриархата дней текущих? Вряд ли! Как и сверхнепорядочное, а в сущности — бесстыдно демонстративное забвение слов святейшего патриарха Тихона, после трудного и отнюдь не кратковременного поиска истины давшего высочайшую оценку первому руководителю Советской России! Ведь далеко не случайно и не по причине робости, ему не свойственной, он заявил в связи с кончиной В. И. Ленина, что Владимир Ильич был человеком добрейшей, поистине христианской души!

3 Шквал тотального обмана воздействует на массовую аудиторию в смысле псевдопонимания своей истории почти всеохватывающе с самого нежного возраста. К примеру, далеко не случайно, а вполне закономерно даже кое-кто из совсем крохотных малышей из числа опрошенных в детсадишке на вопрос о Ленине отвечал: «Это кто мертвый лежит в Кремле и его никак не похоронят», «Злой, кто людей убивал», да и просто «злой дедушка». А первоклассница Катя утверждала: «Ленин замучил дедушку моего дедушки. Он как Кощей Бессмертный, его чучело лежит на лобном месте на Красной площади». («Аргументы и факты». № 21, май 1999 г. С. 74)

В одной из газет из числа особо популярных, именно в день рождения В. И. Ленина появилась симптоматичная констатация с привлечением мнений тоже очень юной «массовки» из статьи «Лысый из музолея»: «Накануне очередного «бездея» Ильича я отправился в одну из московских школ и попросил 10–11 летних написать работу на тему: «Кто такой Ленин»... Вот некоторые цитаты: (...) — Ленин был предводитель коммунистов. По его приказу убили всю семью Романовых. В том числе и царя. И он сделал революцию в 17-м году и убил много народа. Он лежит в музолее. Он умер от старости. (Руслан К.) (...) — Ленин это его псевдоним. Настоящая фамилия Ульянов. В 1917 году устроил переворот в Петербурге. Сверг царскую власть... (Сергея Ж.) (...) Его считали хорошим до недавнего времени. Сейчас его хотят убрать и похоронить. Потому что поняли, что он плохой... (Миша А.) Ленин правил Москвой и был садистом... Ленин запретил ходить в церковь и молиться. Ленин был очень злым человеком. (Кирилл М.) (...) — Он был коммунистом. Он мог казнить любого, кто скажет о нем плохо, неправильно напишет его имя и т. д. (Олег О.) (...) Девятиклассники мало чем отличаются от своих младших товарищей...» («Московский

комсомолец», 22 апреля 1999 г. С. 2) Что ж, инициаторы распространения беспредельно дремучего невежества могут быть удовлетворены последствиями собственных духовно парализующих, а заодно и деморализующих деяний!

Вышеприведенное — лишь кое-что из типических деталей гигантского пропагандистского «наката». А одна из главных его несущих конструкций — извращение правды о судьбе царской семьи и других членов т. н. «дома Романовых». И вот по данному блоку фальсификаторского беспредела удалось обмануть особенно необъятные массы, далеко не только школярски-младенческой (а потому наиболее легковверной) аудитории. Как ни странно, но большое количество вроде бы зрелых и даже как будто прилично образованных людей (вплоть до тех, кто удостоен научных «степеней известных»), поразительно легко усваивают заведомо клеветническую ахинею, нацеленную, как на ни кого другого, конечно, на В. И. Ленина. И реагируют на нее иной раз примерно так же, как и малыши-несмышлениши из числа детсадовцев и первоклашек!!!

Суть этой клеветы сводится к бесстыдному подлогу. Вот-де властвовала на радость россиянам династия Романовых, и все до единого цари, выходявшие из ее недр, были распрекрасными, то есть добрыми, чистыми, умными, любимыми народом личностями. Но появился «ужасный» Ленин и все это «благоепие» рухнуло. Мало того: настырно «вдалбливается» в массовое сознание отвратительная ложь, будто руководитель Советской России только и жаждал навредить народу, и ради достижения своей ужасной цели якобы мечтал непременно убить всех Романовых вплоть до малых детей.

Именно этому он уделял, дескать, чуть ли не все свое внимание, и когда стал председателем Совнаркома... Ничего нет клеветнически грязнее и дальше от истины! На основе же подобных фальсификаторских «откровений» выносятся и такой «приговор»: неужто Ленину было мало того, что якобы в результате его усилий был свергнут добродетельнейший царь-батюшка Николай II, думавший (вместе со своей столь же доброй, мудрой, безобидной для всех женой) только о народном благе! А раз Ленин, дескать, стремился лишь к тому, чтобы убить как можно больше народу, включая даже детей, то «пришлось принять меры». Потому-то он и был осужден «честным», «добрым» и «мудрым» Ельциным, провозгласившим, будто первый глава Советского правительства «принес очень много бед»!

Как бы то ни было, но первый, предельно значимый импульс для отстранения Николая II и последующего необратимого уничтожения самодержавно-монархических порядков, исходил отнюдь не от самых непреклонных борцов против царизма, почти поголовно находившихся в тюрьмах, на каторге, в эмиграции и т. д., а потому не имевших в тот исторический момент действенных рычагов власти и влияния. Потому-то немалой значимости антидинастическую роль невольно пришлось сыграть непреклонным монархистам! И сделали они это при решающем содействии всех до единого командующих фронтами, ключевых фигур Ставки Верховного главнокомандующего (которым царь назначил самого себя) и вообще многих весьма и весьма влиятельных деятелей дореволюционной России, в конце концов уяснивших, что Николай II губит дореволюционные «порядки» и мало того — подрывает остатки жизнеспособности тогдашнего общества и монархических «идеалов»... Помимо всего прочего, абсолютная непригодность последней царской четы для чего-либо путного стала ясна, даже, возможно, для большинства всего многочисленного «клана» Романовых. Среди них было немало и тех, кто пытался образумить царя, удержать его от фактически самоубийственных срывов на грани болезненной патологии в процессе принятия важнейших решений общероссийской значимости.

Весьма симптоматичным в этом смысле был «конституционный манифест» великого князя Павла Александровича Романова, подготовленный за считанные дни до краха само-

державного режима. В этом участвовал целый ряд великих князей из числа близких родственников царя, рассчитывавших совместно с главой Думы Родзянко уберечь монархию, введя конституционный строй и создав правительство «общественного доверия». Однако и на краю бездны ничто не могло вразумить ни царя, ни тем более — царицу. Александра Федоровна, без малейших сомнений еще 2 марта (крах был уже неотвратим) писала мужу-самодержцу: «Павел, получивший от меня страшнейшую головомойку... старается теперь работать изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом, он составил идиотский манифест относительно конституции после войны...» (Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.—Л., 1927 г. С. 227). Уже начались массовые демонстрации в Петрограде, а царица успокаивала Николая II заверениями, что теперь «не похоже на 5-й (имелся в виду 1905 год — Г. Н.), потому что все обожают тебя и только хотят хлеба» (См. там же. С. 221). Такова практически полная атрофия способности нормально оценивать ситуацию даже непосредственно в столице, не говоря уже о процессах, происходивших на бескрайних просторах России в целом.

А ведь сама же в письмах, отправленных мужу в Ставку еще 24 февраля, вынуждена была упомянуть впервые о «беспорядках» в Петрограде! Она просто не могла не продолжать «обработку» царя в привычном и очень желательном ей духе, а тот даже у «последней черты» продолжал принимать всерьез многократно доводимые до него почти безумные «откровения» своей благоверной! Включая и очередное, точно совпадающее со всеми прежними: «Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что нужно русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту — дай им теперь почувствовать порой твой кулак. Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: «нам нужен кнут!..» Они еще боятся тебя и должны бояться еще больше, так что, где бы ты ни был, их должен охватывать все тот же трепет...» (Там же. С. 209).

Ныне должно быть понятно всем: подобные, в сущности болезненно аномальные, но непомерно многое значившие тогда слова и действия ныне превозносимых, как они себя называли, «хозяев земли русской», безусловно, не могли не предрешить развал страны. Да при том, привели их же к катастрофе, ибо они сами невольны и, конечно, неосмысленно делали все, чтобы dokonать страстно любимые ими дореволюционные «порядки». Одним из наиболее ярких и радикальных даже внутри династических кризисных проявлений (через считанные месяцы после соучастия родственников царя в убийстве любимца властвующей четы Григория Распутина) были действия великого князя Кирилла Владимировича Романова во время Февральской революции 17 года (того самого великого князя, чьи потомки ныне претендуют на «российский престол...»). Чего стоит хотя бы то, что этот близкий родственник императора с красным бантом на мундире прибыл к председателю Думы Родзянко, как бы приветствуя разгорающуюся революцию! Причём прибыл не один, а возглавляя вверенный его командованию гвардейский экипаж — крупное воинское соединение, соответствующим образом воздействуя на чувства и настроения личного состава.

Но что до всего этого номенклатурным ренегатам и иного типа любителям власти и роскоши, властвовавшим, а многое и разваливавшим на просторах недавно еще великой Родины нашей, особенно в течение 90-х годов XX века! И они охотно «сливаются в экстазе» с бесчеловечным ворьем, а, одновременно, — с самыми бесстыжими фальсификаторами истории. Вот и докатились до выделения многих миллионов долларов из доведенной до предела обнищания страны для производства и беззастенчивого восхваления мировоззренчески и этически на редкость недобросовестных фильмов, телепередач и прочего, с особой слащавостью и предельной непорядочностью рекламирующих даже любую реакционную личность, беспредельно дурно влиявшую на судьбу Родины и народа нашего.

Все эти «игры» много лет ведутся в «русле» аплодисментов корыстнейших элементов российского и международного «уровней» по случаю омерзительно клеветнического утверждения Ельцина, будто все в нашей стране, начиная с 1917 года, было «сплошным кошмаром». Вот и Е. Гайдар 13 апреля 1999 года в ходе его очередного регулярно планируемого саморекламирования по РТР, не ограничился пылким протестом против импичмента даже в связи со всем скверным и бесчеловечным, сотворенным Ельциным. Этого ему показалось мало, и Гайдар просто не мог не «погрузиться» в историю в очередной раз, как водится, привычно бессовестно заявив, будто все, происходившее после 1917 года, было ужасным «путем авантюр» с якобы тячайшими последствиями для дней текущих! Когда именно с конца 1991 года преступно властвующие временщики разваливали и гноили все в сферах их корыстного пагубного влияния...

Неопровержимые факты свидетельствуют об отсутствии «царственной» заботы о стране. Тем более не было самоотречения ради народного блага (как это с тошнотворной назойливостью вдалбливается в массовое сознание наших дней) не только у царицы, но и у ещё более чтимого лжедемократами, монархистами и им подобными последнего самодержца из рода Романовых. Даже когда все в «собственной» стране начало рушиться и разваливаться, Николай II сохранял поразительное спокойствие, невозмутимость и беспощадную твердость, переходящие нередко в осознанную жестокость. Поначалу он пусть нежно, но почти урезонивал свою жену: «Ты пишешь о том, чтобы быть твердым повелителем, это совершенно верно. Будь уверена, я этого не забываю, но вовсе не нужно ежеминутно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место». (Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 213)

Первые вести о «беспорядках» в Петрограде были получены в Ставке еще 24–25 февраля. Когда же возникло впечатление о том, что ничего не ладится у военного министра генерала Беляева, министра внутренних дел Протопопова, командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова, царь потребовал уже вечером 25-го: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки...». Императрице же в Царское село он сообщил: «Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын (глава правительства. — Г. Н.) не потерял голову!» (Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 224).

Уже 27 февраля царя уведомили о телеграммах председателя Государственной думы Родзянко, предпринявшего с помощью ряда влиятельнейших сановников дореволюционной поры попытку прямо-таки пробить броню царской самоуверенности и ограниченности. Глава Думы открыто заявлял, что власть «находится в полном параличе» и в сущности заклинал самодержца перестать упрямяться и обеспечить «безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения... Промедление — смерти подобно» (Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... — «Красный архив», 1927 г. № 2(21). С. 6).

Этот призыв к царю был поддержан даже премьер-министром Голицыным, судя по всему с удовлетворением передавшим бы свой пост тому, кто имел шансы спасти почти рухнувшую дореволюционную Россию. Это одобрялось также родным братом царя, Михаилом Александровичем Романовым, которому через считанные дни обанкротившийся царь сам же попытается вручить престол.

И все же еще 27 февраля 1917 года, согласившись с идеей о «правительстве, пользующемся доверием всего населения» можно было попытаться не допустить финала, абсолютно непоправимого для тогдашних верхов. В данной связи было бы совершенно не-

правильно изображать последнего царя вообще органически неспособным понять элементарное. А ведь в первую революцию последний царь достаточно точно оценивал ситуацию в письме к матери: «Представлялся один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу. Другой путь — предоставление гражданских прав населению: свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того проводить всякий законопроект через Государственную думу — это в сущности и есть конституция» (Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) — «Красный архив», 1927 г. Т. 3 (22). С. 167,168).

Сделав тогда поначалу некоторые уступки, Николай II руками назначенного им на ключевые посты беспощадного, пропомещичьи «зацикленного» Петра Столыпина, как ему казалось, «раздавил крамолу», хотя в действительности подготовил этим всесокрушающий революционный взрыв 1917 года. «Порешив» и в новых обстоятельствах повторить тот свой опыт периода первой революции, залитой кровью народной, Николай II подписал (отнюдь не только самому себе, но и монархии) сначала политический, а затем и иной окончательный приговор. Хотя и ключевая фигура его ставки, начальник штаба генерал Алексеев тоже рекомендовал царю принять всерьез предложения и Родзянко, и родного брата царя Михаила Романова и главы правительства Голицына! Не тут-то было...

Николай, объявляемый ныне сверхположительным, умным и найдобрейшим героем нашей истории, сделал в 1917-м году теперь уже совершенно безумную ставку на вооруженное подавление очередной, им же неосознанно спровоцированной революции! Готовому на самоотречение ради спасения режима председателю Совета министров Голицыну, царь телеграфировал: «Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми» (Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... — «Красный архив», 1927 г. Т. 2 (21). С. 13). Генерал Алексеев вновь отправился к царю «умолять изменить решение», но снова вынужден был констатировать, «что государь решения не меняет». Это подтверждал генерал-квартирмейстер Ставки А. С. Лукомский, не имевший, разумеется, ни малейших побуждений «возводить напраслину» на последнего императора. (См.: Лукомский А. Из воспоминаний. — В кн. Февральская революция. Мемуары. Сост. С. А. Алексеев. М.-Л., 1925. С. 209).

О том, какова истинная сущность самодержца, о котором царица писала как о натуре, постоянно проявляющей по отношению к народу «любовь и доброту» и не дающему «почувствовать» свой кулак (что «утрамбовывает» в массовое сознание сегодняшняя пропагандистская машина), свидетельствует и Александр Блок. А он был не только гениальным поэтом, но и глубоким, объективнейшим свидетелем происходившего, имевшим доступ к важнейшим документальным материалам в качестве сотрудника Чрезвычайной следственной комиссии, созданной при Временном правительстве. В частности, А. Блок подтверждал то, что 27 февраля в 6 часов вечера председатель Совета министров Н. О. Голицын телеграфировал в Ставку, сообщая, что правительство не в состоянии справиться с положением, просил распустить его и поручить лицу, пользующемуся большим доверием, составить новое министерство. (Блок А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 74). Тогда же и военный министр генерал Беляев телеграфировал, что «погасить мятеж» не удастся.

«Доброму» же, «деликатному», способному «любить», а не показывать «кулак» царю все нипочем! Он полностью нацелен на очередное кровавое «выяснение отношений» с народом! А раз так, то самодержец не ограничился директивой генералу Хабалову «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки...» от 25 февраля, когда все же скоро стала ясна ее невыполнимость имевшимися в Петрограде кроваво-карательными ресурсами. Потому-то Николай II вместо того, чтобы прислушаться к мнению мыслящих советников, включая и близ-

ких родственников, решил «принять меры по собственному разумению» (привычно «зубодробительные» и как нередко бывало прежде — беспощадно репрессивные).

Тогдашний властитель тут же приказал назначить генерал-адъютанта Н. И. Иванова (ещё в 1905 г. зарекомендовавшего себя в качестве непреклонного карателя) командующим Петроградским военным округом «с чрезвычайными полномочиями». В его распоряжение по указанию Ставки с Северного и Западного фронтов направлялись по два пехотных, по два кавалерийских полка и по одной пулеметной команде. А 28 февраля утром генерал Алексеев потребовал от командования Юго-западного фронта подготовить к отправке на Петроград еще три полка. (Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... — «Красный архив» 1927. Т. 2 (21). С. 24). Днем 28 февраля Николай II записал в дневнике: «Лег спать в 3 1/4, т. к. долго разговаривал с Н. И. Ивановым, которого посылаю водворить порядок» (Дневник Николая Романова. «Красный архив», 1927. Т. 1 (20). С. 136).

Сделано было все, чтобы крупномасштабная карательная операция по жесточайшему «обузданию» сотен и сотен тысяч политически наиболее активных петроградцев и революционно настроенных солдат столичного гарнизона, как предполагалось, должна была непременно завершиться очередным (в ряду всех прежних) кровавым триумфом самодержца. В частности, известно, что каждому солдату Георгиевского батальона, непосредственно сопровождавшего генерала Иванова, было выдано по 120 патронов... По прямому проводу Ставка требовала, скажем, от начальника штаба Северного фронта генерала Данилова направить на Петроград части «из самых прочных, надежных» во главе с генералами из числа наиболее «надежных, распорядительных и смелых». Ключевая величина Ставки генерал Алексеев, непосредственно подчинявшийся царю как Верховному главнокомандующему, давал детальные указания о направлении движения частей, обязанных выполнять сугубо карательные функции, об их снабжении средствами связи и т. д., исходя из установки о том, что «обстоятельства требуют скорого прибытия войск» (Февральская революция с 1917 г. Документы Ставки... — «Красный архив», 1927. Т. 2 (21). С. 10). Через несколько часов генерал Данилов доложил о выполнении приказа, сообщил номера полков и фамилии заслуживающих доверия генералов, готовых вести полки на Петроград. Столь же конкретные директивы были даны командующим других фронтов и подлежали столь же неуколепительному выполнению. И в роковые для него дни февраля 1917 г. последний самодержец не сомневался в своей способности сохранить свой статус «хозяина земли русской», а высший комсостав Ставки и фронтов еще подчинялся ему, твердо жаждущему огнем и мечом раздавить так называемую «крамолу».

Как и более чем за десяток лет до 1917-го (в годы первой русской революции) намечалось множество жертв не только в период армейского штурма революционного Петрограда, а и в ходе фактически своевольных расстрелов и еще тысяч, направленных на виселицы... Об этом свидетельствует и документ, наделявший назначенного царем на роль главного карателя генерал-адъютанта Иванова правом «предания гражданских лиц военно-полевому суду». Причем распоряжения данного генерала «о суждении гражданских лиц в военно-полевом суде могут быть делаемы как по отношению к отдельным делам, так и по отношению к целым категориям дел...» (Александр Блок. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 84—85) Однако на этот раз «право» убивать людей в великом множестве на «законном» основании в соответствии с «пожеланием» того, кто уже более полтора десятка лет объявляется ныне ангельски добрым, оказалось совершенно невыполнимым.

Столица не была залита кровью, чтобы и на этот раз оказать непоправимо парализующее влияние на массы. Но это произошло отнюдь не вследствие ныне изобретенной и всемерно пропагандируемой царской «милости» к своим подданным, которых он вдруг

пожалел и, любя, не решился их убивать, и потому якобы вскоре отрекся от престола, заботясь отнюдь не о себе. А в действительности уже 27 февраля 1917 г. генерал Хабалов во исполнение царского приказа решил сформировать ударное карательное соединение, насчитывавшее более 1000 человек пехоты и кавалерии с 12 пулеметами, во главе со зловеще беспощадным полковником Кутеповым, готовым на крайнюю степень жестокости и массовости расправ, в чем он самолично признавался. Разумеется, и действовал он соответствующим образом, расстреливая петроградцев на Литейном проспекте, на Сергеевской улице, в районе Орудийного завода и в других местах.

Казалось бы, только эта тысяча отборных солдат во главе беспощадным монархистом-карателем Кутеповым, могла добиться очень и очень многого из крайне ужасного во всеподавляющей результативности. Но не тут-то было: революционные массы, готовые на смерть в борьбе с опостылевшим царским самодержавием, буквально топили карателей в своей массе, нередко ужасающе окровавленной. Даже Кутепов вынужден был признать: «...Было уже темно и весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая хлынула со всех переулков... Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может. Я вошел в дом, приказав закрыть двери» (Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934. С. 169).

Все важнейшее было предрешено тогда на «добротой царя-батюшки», а тем, что гигантские людские массы на своем собственном трагическом опыте с горечью убедились в уродстве антинародного режима, олицетворяемого последним царем и еще более скомпрометированной в народном сознании царицей. Потому-то (в отличие от 1905-го) в 1917 году невозможно было найти достаточное число армейских соединений, готовых залить кровью и завалить горами трупов родную страну ради самодержавной четы Романовых. Потому-то в первую очередь и опрокинулась «залитая кровью и грязью телега романовской династии».

Эти слова В. И. Ленина с безукоризненной точностью отражали правду истории той поры. Не потому ли режим, властвующий с 90-х годов XX века в нашей стране, изо дня в день шельмует как никого другого, прежде всего Владимира Ильича, приписывая ему даже жестокость по отношению к Романовым, изначально абсолютно невыносимую для такого человека. Он лишь твёрдо и открыто утверждал, что самодержавие губит нашу страну, и потому подвергал решительному осуждению все связанное с тем, что творилось по вине Николая II и влекло для народа особо тяжкие последствия. По существу же В. И. Ленин здесь был полностью близок, например, к тому, что утверждал Л. Н. Толстой в своих клеймящих письмах, адресованных последнему царю и П. Столыпину. Ведь и гениальный писатель, будучи великим борцом за спасение от страшных бед народа своего, провидчески предсказывал грядущие роковые последствия их дремучей бездушности и реакционности.

Фальсификаторская одержимость властвующих элементов из числа новоявленных «хозяев России» проявлялась и теперь проявляется отнюдь не только в бессовестном отбрасывании критики самодержавных, эксплуататорских, на редкость бесчеловечных основ дореволюционной России (в том числе и той, что содержится в ныне корыстно скрываемых от массовой аудитории социально-политических творениях таких гигантских фигур нашей истории, как Лев Николаевич Толстой). Теперь нередко обрушиваются и на деятелей нашего инного плана, вплоть до предьявления обвинений в мнимом предательстве убежденным монархистам типа В. Шульгина, А. Гучкова, и поддержавших их высших руководителей дореволюционных вооруженных сил. И все это — только потому, что они заставили Николая II отречься от престола.

Почему так случилось? Да потому, что в февральские дни 1917 г. в революционной обстановке обнажилось такое неприятие царя и царицы, такая страшная бездна отвраще-

ния к ним, в сочетании с готовностью к массовому самопожертвованию в ходе противостояния полиции и войскам, что лишь уход Николая давал надежду сохранить хоть что-то от прежних «порядков».

Так было в действительности. Такова и эта правда, тоже, естественно, ненавистная теперешним хозяевам нашей страны. Но особенно выгодно этой публике «приписывание» всего тяжкого и трагичного из обрушившегося на определенную часть Романовых, прежде всего вследствие нездоровых сторон природы последнего царя и его жены, именно Владимиру Ильичу Ленину. Хотя как раз по его личной вине никто персонально не пострадал, включая и Романовых (тем более тех, кто не был виновен ни в чем предсудительном). К сожалению, В. И. Ленину далеко не всегда удавалось предотвращать иной раз поистине страшные эксцессы, становившиеся неизбежными вследствие иностранного вторжения и предрешенного им крайнего ожесточения внутривнутриполитического вооруженного противостояния. Но что до этого современным извратителям правды истории, коли так выгодно осквернять изо дня в день память о В. И. Ленине? Тут уж современным погубителям нашей Родины годятся любые измышления.

Вполне закономерно то, что уже второй десяток лет всемерно поощряется клевета любой степени низости! Невероятно, но сходит с рук даже взаимоисключающая ложь. В то время, как, например, 29.01.96 по НТВ в памяти миллионов телезрителей вновь закрепляли подлый вымысел одного из литераторов о «заспиритованной» царской голове (да еще якобы хранившейся в квартире у В. И. Ленина), в печати и на других каналах ТВ многократно появлялись фотографии и многословные разглагольствования об останках царской семьи. И тут же демонстрировался череп, извлеченный во время раскопок под Екатеринбургом и, как нас заверяли, тоже являющийся неотъемлемой частью того, что осталось от Николая II!

Столь же закономерна и еще более омерзительная клевета о том, что В. И. Ленин, в действительности стремившийся спасти царскую семью и других родственников царя от гибели, якобы лично приказал убить не только взрослых, но и подростка Алексея, факт смерти которого в Екатеринбурге лета 1918 г. не только не установлен, а до сих пор все чаще опровергается. Современные официозные пропагандисты в соответствии с «высочайшими» ельциноидными установками все еще без зазрения совести докатываются и до криминально клеветнических «откровений» поразительно непристойных разновидностей.

На самом деле приведенные мной факты и документы (ныне с постыднейшим усердием скрываемые) в основном были доступны и изучены историками совсем не столь уж давнего времени. Лишать этих фактов и их аналитического рассмотрения все новые поколения — значит, извращать наиважнейшее в нашем прошлом, превращая наших детей и внуков, по сути дела, в непоправимо духовно парализованных «манкуртов», с тягчайшими последствиями для народов нашей страны и одновременно для всемирной цивилизации в целом.

Только ради личной, групповой, корпоративной корысти, а значит — наихудшего для перспектив развития общества итога, каждодневно в народное сознание вколачиваются «откровения» либо дремуче невежественных, либо — фальсификаторски бессовестно нацеленных натур. К примеру, вроде следующего: «Николай II доказал лучшие качества, отказавшись дать приказ на усмирение толпы жлобов и шуруников, сплассавшихся от фронта в тыловом петроградском военном округе, примкнувших к революционному народу. Достаточно было одной гвардейской дивизии, 2–3 тысяч жертв, введения военного положения на территории империи, запрета на деятельность Госдумы и монархия, а вместе с ней и Россия были бы спасены» («Новые известия», 22 мая 1999 г.). А чего стоит и такой «перл»: Россия «после предательства высшего генералитета в марте 1917-го оказалась отброшена, навсегда, навсегда на обочину мировой цивилизации» (См. там же).

Да не был российский генералитет антимонархически предательским! Он был просто бессильным спасти монарха, вследствие своей ограниченности и слепой уверенности в «вечности» своего самодержавного господства, подорвавшего и российские вооружённые силы, и дореволюционные порядки в целом! Не был последний царь «ужасно» добреньким: и Думу себе же на беду «отбросил» в очередной раз, и приказ на беспощадное «усмирение толпы» отдал, и войска (отнюдь не единственную гвардейскую дивизию) направил, в надежде на то, что те зальют кровью столицу ради благоденствия самого императора и его приближённых! Но беда самодержца предreshалась, прежде всего, тем, что преданные монархии генералы были бессильны заставить солдат-фронтовиков, брошенных на Петроград, убивать себе подобных (нередко только что оправившихся от ранений) недавних фронтовиков из частей (включая гвардейские) столичного гарнизона. Которые, конечно, как тысячи и тысячи рабочих Петрограда, восставших против царизма и всего пагубного для России, им олицетворяемого, не были «толпой жлобов и шкурников, спасавшихся от фронта».

Может ли мыслящая часть членов редколлегии данной газеты всего этого не знать? Нет. Просто люди выполняют оглуляющий социальный заказ. А разве по недомыслию действуют, скажем, старые «Известия», давая возможность Е. Гайдари, походя, без намёка на честный научный анализ, а, следовательно, и на хоть мало-мальски приличную аргументацию, разглагольствовать про общество, якобы «кизуродованное революцией» (См. «Известия», 8 мая 1999 г.). Таковы ныне «убеждения» бывшего ответственного выдвигенца партноменклатуры, многим заправлявшего в газете «Правда» и журнале «Коммунист».

Подумать только: ныне, разумеется, из года в год беспардонно расхваливаемая последняя императрица, глупейшим образом ускоряя приближение революционного взрыва, без тени сомнения требовала от Николая II-го: «Россия, славу Богу, неконституционная страна, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться...». И эта примитивно злобная беспардонность, это презрение обывательски наипошлейшего уровня было адресовано тем сторонникам дореволюционных «основ» из числа членов Думы и даже ультрамонархического Государственного Совета, которые стремились изменить обстановку в стране к лучшему (в том числе и ради сохранения на вершине власти династии Романовых, буквально «висевшей на волоске»...). А нежно любимая промонархическими натурами дней текущей царица (от «большого» ума) была истинных и далеко не глупых монархистов почти вековой давности буквально «сапогом в душу!» И продолжая свое откровение, заявляла: «Никому не нужно их мнение — пусть они лучше всего займутся канализацией»...

А что делает ее супруг-самодержец? Вместо того, чтобы по-умному хотя бы отмолчаться, воспринимает подобные фразы как директиву, подлежащую неукоснительному выполнению! В конце концов, за считанные дни до полного краха своего режима, Николай II, не долго думая, взял и «отбросил» IV Государственную думу! Чего же удивляться тому, что это стало мощным ускорителем необратимо катастрофических (для династии) последствий — в еще большей степени, чем позор дружбы царской четы с Г. Распутиным, убитым ультрамонархистами за считанные месяцы до ликвидации монархии в феврале 1917 года. Возвеличивать таких людей, бездарно, необузданно, себялюбиво распорядившихся в России с тягчайшими для народа последствиями, и одновременно шельмовать ее спасителей — трудно представить что-либо еще более дурное и вредоносное с точки зрения воздействия на общественное сознание, а значит, и на судьбу сотен миллионов людей.

Сомнений нет: очень многое из происходившего в связи с Февральской революцией 1917 г., заслуживает дополнительного, по возможности, детального рассмотрения. В том числе и потому, что именно в данной связи возникла версия (ныне вновь гальванизируемая) о будто бы несомненном корыстном «отступничестве» дореволюционных верхов по

отношению к царю. А параллельно — столь же далёкая от истины — о мнимом нежелании последнего самодержца бороться за удержание своей личной бесконтрольной власти, и обрекать на смерть множество людей только во имя достижения этой цели. В действительности ни царь, ни тем более — царица по-настоящему никого не жалели, кроме себя и своих близких. Именно Николай II длительное время, вплоть до кануна своего краха, отвергал советы и просьбы прекратить своевольное выдвигание на ответственные посты заведомо ничтожных, ни на что путное непригодных людей, и назначить, наконец, пользующегося доверием Думы полноправного главу правительства России, подбирающего полноценных министров. Вместо этого царь взял, да и разогнал единственный мало-мальски представительный орган, где депутаты гытались давать советы, а иной раз осмеливались кое-что критиковать. А когда это лишь ускорило революционный взрыв, он (якобы наидобрейший да к тому же, дескать, готовый отречься от престола во избежание кровопролития) решил действовать ещё бесшабашней. Приказал крупным воинским соединениям наступать на Петроград в надежде, что отборные части с трёх фронтов, громоздя горы трупов, «обуздают» всех недовольных, в очередной раз «раздавив крамолу» ...

Однако расчёт царя на особо крупномасштабное кровавое подавление рабочих и солдат Петрограда оказался построенным «на песке». Данное обстоятельство, а отнюдь не «доброта» Николая II предредило крах и его лично и романовской династии в целом со всеми общесоциальными и соответствующими моменту личными последствиями. В считанные дни и часы выяснилось, что солдаты передовых эшелонов, пулями и штыками которых он надеялся оградить свое самовластие на очередном историческом этапе противостояния собственному народу, начали массами переходить на сторону революционно настроенных частей и в огромном большинстве своём сочувствовали всей душой настроенному непримиримо «антиниколаевски» населению столицы.

Видимо, только в состоянии крайнего отчаяния и растерянности последний император обвинил в трусости и измене дореволюционные верхи, хотя они делали все от них зависевшее, пытались спасти, а не предать монархию. Именно об этом неопровержимо свидетельствуют факты и документы, разумеется, в наши дни тоже «забытые». Чего стоит хотя бы то, что лично самому Николаю II пришлось не только резко останавливать дальнейшую отправку к Петрограду частей Северного, Западного и Юго-Западного фронтов, но и срочно возвращать ранее доставленные к столице части в места их прежней дислокации. Ибо в ином случае всеохватывающий крах дореволюционной России был бы неизбежен уже в тот же момент. Тогда-то (лишь утром 2 марта 1917 г.) царь и начал вроде бы реалистически реагировать на события, что проявилось в его непоправимо запоздавшей «уступке», отразившейся в строках телеграммы на имя генерала Алексеева, фактически руководившего Ставкой Верховного главнокомандующего. Тогда Николай II наконец-таки согласился с многократно направлявшимися ему предложениями создать правительство, пользующееся «доверием населения» и наделённое правом самостоятельно принимать ответственные решения. И даже уведомил: «можно объявить представленный манифест ...» (Февральская революция 1917 г. Документы Ставки ... — «Красный архив», 1927. Т. 2 (21). С. 62). Но, как обычно, «в пустой след» ...

Самодержец спохватился, но поздно: шли к концу последние сутки его бесконтрольного и бесславного властвования. Командующий Северным фронтом генерал Рузский, лучше царя разбиравшийся в обстановке, всё же был потрясён, когда в ответ на сообщение о том, что составлен долгожданный манифест об «ответственном правительстве», Родзянко заявил, что в создавшихся условиях это уже никого не удовлетворит: «Настала одна из страшнейших революций..., династический вопрос поставлен ребром» (Там же. С. 56).

Только в этот момент, когда стало ясно, что вооружённое подавление революции невозможно, мнимо трусоватое и чуть ли не расчетливо предательское (по мнению царя) высшее военное руководство во главе с генералом Алексеевым и всеми командующими фронтами, поддержало временный комитет Государственной думы, от имени которого непреклонные монархисты Гучков и Шульгин должны были добиться от царя скорейшего отречения от престола. Император и в эти решающие дни и часы так и не смог объективно оценить происходившее в России в тот момент: он и в своём дневнике объявил революцию и свою личную трагедию не результатом своего курса, а следствием мнимой «измены», имевшей место лишь в его собственной фантазии. На самом деле не были и не могли быть изменниками далеко не прогрессивные из наиболее влиятельных думских политиков-монархистов, как и все высшие руководители дореволюционных вооружённых сил, а также некоторые наиболее откровенные из числа самых умных членов династии Романовых.

Первооснова царского банкротства — в политической и человеческой индивидуальности Николая II и его супруги, что влекло их по пути в сущности самоубийственного сползания в пропасть небытия. Отстранение царствовавших супругов от вершины власти представлялось ключевым фигурам предреволюционного режима единственной возможностью сохранить контроль над страной. Они считали вполне достаточным заменить царя кем-то менее одиозным, а в идеале — элементарно работоспособным. Никакой «измены в верхах» не было и быть не могло. Наоборот: царя-банкрота, вскоре ими же отстранённого, те же «заговорщики» готовы были поддерживать прямо-таки «до упора», пока оставались последние шансы.

Это бросалось в глаза и В. И. Ленину, еще находившемуся в эмиграции. В своих «Письмах из далека» он не случайно писал, что «...горстка помещиков и капиталистов, с Гучковыми и Милюковыми во главе, хочет обмануть волю и стремление громадного большинства, заключить сделку с падающей монархией, поддержать, спасти её: назначьте Львова и Гучкова, ваше величество, и мы будем с монархией против народа. Вот весь смысл, вся суть политики нового правительства!» (Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 24). Не удивительно, что и высший генералитет, уяснив, что самодержец фактически подрывает основы дореволюционной России, без малейшего удовольствия предрешил его устранение от престола. Тем более, что в глубине души каждого из наиболее здравомыслящих генералов не первый год зрело недовольство «распутинской» политикой бесконтрольно властвовавшей в России супружеской четы. Остаётся удивляться лишь тому, как долго и верноподданнически влиятельнейшие фигуры той поры буквально умоляли самодержца образумиться!

Параллельно тот же фактический руководитель Ставки генерал Алексеев делал все, чтобы удержать репрессивно запрограммированного царем генерала Иванова от смертельно опасных в тот момент карательных деяний. Он призвал его отнестись повнимательнее к званию Думского комитета, в котором шла речь «о незыблемости монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства... Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу...» (Февральская революция 1917 года. Документы Ставки ... — «Красный архив», 1927. Т. 2 (21). С. 31).

Тогда же в ночь на 1 марта 1917 г. генерал Алексеев в телеграмме, адресованной царю, заклинал его «ради спасения России и династии поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту это единственное спасение» (Там же, с 39–40). Так же пытались повлиять на царя и другие высшие военные руководители, включая самого прославленного и талантливого генерала той поры А. А. Брусилова и великого князя Николая Николаевича — единственного командующего фронтом из числа Романовых. А разве не показательно мнение великого князя Сергея Ми-

хайловича Романова, уведомлявшего Николая II о том, что он полностью согласен с генералом Алексеевым? И кое-что конкретизировал, полагая, что во главе правительства, заслуживающего доверия, должен находиться крайне неприятный царской чете своей открытостью в критической оценке предреволюционной ситуации Родзянко. (См. там же. С. 42).

Кто бы и что бы ни пытался внушить царю, для него же насущнейшее, он самоубийственно долго, действуя упорно и последовательно, отвергал любые попытки такого рода, вплоть до момента, когда режим начал разваливаться у него на глазах. И только поздно вечером 1 марта царь «дрогнул», согласившись, наконец, с идеей «ответственного министерства» и даже начал сдерживать им же нацеленного генерала Иванова, готового на все, потребовав: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать» (Там же. С. 53). Предлагалось, наконец, занять осторожную позицию, уклоняясь от карательных деяний. Но было уже поздно. Вынужденное и уже запоздало бесполезное (вследствие кардинально изменившейся ситуации) отступление, ничего и никого спасти уже не могло. Мало того: когда стало известно, что последний император будет заменён, реакция на заводах, фабриках и в частях столичного гарнизона оказалась не восторженной, а гневной. Господствующее мнение — долой не того или иного губящего родную страну царя, а монархию вообще.

Николай Романов, видимо, оказался в духовно парализованном состоянии, да и попросту говоря, вряд ли изначально отличался способностью к критическому самоанализу, а значит, признанию того, что решающим фактором катастрофы, постигшей его и близких к нему людей, стало органическое неприятие революционно настроенными массами всего, с ним лично связанного. Возможно, он и был первым, кто ухватился в качестве слабенького утешения за подозрение, будто самое худшее предreshалось предреволюционными верхами, то есть «отрёкшимися» от него крупнейшими политиками-монархистами. Особенно же его потрясла позиция влиятельнейших военных руководителей. Потому-то и последовала ныне широчайшим образом рекламируемая и назойливо повторяемая запись в царском дневнике, сделанная поздно вечером 2 марта 1917 года: «В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость и обман» (Дневник Николая Романова. — «Красный архив», 1927. Т. 1 (20). С. 137). Видимо, далеко не случайно годы спустя по рукам белоэмигрантов prošлась брошюра под названием «Генерал-адъютанты — изменники», хотя как раз они делали всё ради спасения монархии.

В условиях теперешнего «околоисторического» тотального вранья необходимо напоминать вновь и вновь как можно чаще: решающим фактором поразительно скорого отстранения последнего императора, наряду с массовыми демонстрациями трудящихся в Петрограде, была уверенность ключевых фигур дореволюционного режима в его полной недееспособности. Именно поэтому председатель Государственной думы М. Родзянко обратился к фактическому руководителю ставки Верховного командования генерал-адъютанту М. В. Алексееву с просьбой во что бы то ни стало добиться от Николая II отречения от престола в пользу его наследника Алексея. Генерал поддержал Родзянко не только сам, но и в соответствии с его циркулярной депешей командующие фронтами прямо рекомендовали царю отречься от престола ради единства страны (См. «Российская газета», 15.08.97.) Николай Второй был изолирован практически полностью, и потому, невзирая на свое крайнее нежелание, вынужден был подписать отречение от престола.

Налиествовала ли в качестве спасительной для царя реальности объективно существовавшая возможность, сосредоточив достаточное число наиболее отсталых в политическом смысле частей и специально сформированных офицерских подразделений, потопить в крови массовое движение рабочих и солдат Петрограда в феврале 1917 года? Такой вариант крайне маловероятен, но если бы что-то подобное случилось, это означало бы

воистину Пиррову победу, чреватую неотвратимым и скорым крушением тогдашнего строя, возможно, уже в один из весенних месяцев. Прежде всего потому, что удержать на троне царя, потерявшего даже подобие морального авторитета в глазах многомиллионной массы вооруженных фронтовиков, было абсолютно невозможно. И это прекрасно понимали опытные политические и военные руководители, включая самых убежденных монархистов. Потому-то они и добились отречения Николая Романова, чуть ли не в буквальном смысле взяв его за горло, в надежде спасти династию и монархическую форму правления (конституционного типа) с менее одиозной, а желателно — более или менее популярной фигурой из той же семьи в качестве ничем не запятнанного и приемлемого для большинства населения нового главы государства.

Итак, горький финал февраля 1917 года, как и ещё более роковой — июля 1918 года, для Н. А. Романова был предрешен не ленинским или более ранним — «придворным» столь же мнимым «предательством», и не «ангельской добротой» царя, якобы не склонного к террору, а предшествующими десятилетиями бездарного правления. Сохранить на вершине власти последнего царя и при этом удержать страну от всеокрушающей волны негодования социально наиболее активной и политически просвещенной части соотечественников, включавших миллионы и миллионы рабочих, крестьян, интеллигентов и вооруженных, пострадавших в окопах солдат-фронтовиков, было невозможно. Главным образом потому, что Николай Второй был начисто лишен качеств прогрессивного реформатора, которым был наделен его дед, Александр Второй, в результате чего несчастный внук десятилетиями, точнее — более шестнадцати первых лет XX-го века, был главной, самой труднопреодолимой преградой на пути своевременного обновления России. Не где-либо, а здесь находился центр трагедии и династии в целом, и самого Николая, и множества бед всех народов нашей страны.

Между прочим, достаточно объективно характеризует и обнажает качества последнего императора компетентное мнение такой наблюдательной и осведомленной личности, как А. Ф. Керенский. В августе 1920 года бывший глава Временного правительства следующим образом характеризовал последнюю царскую чету:

«Он был человек, очень ушедший в себя, скрытный, недоверчивый к людям и бесконечно их презиравший; человек ограниченный, не интеллигентный, но с каким-то чутьем жизни и людей. Он не ценил и не любил ничего и никого, кроме сына и, быть может, дочерей. В нем поражало полное равнодушие ко всему внешнему, претворившееся в какой-то болезненный автоматизм. Когда я взглядывался больше в Его лицо, то оно мне стало казаться маской. Из-за этой улыбки, из-за этих чарующих глаз выглядывало что-то мертвящее, безнадежное, какое-то последнее одиночество, последняя опустошенность. Он действительно мог быть и был мистиком. Он искал общения с небом, так как на земле все ему опостытело, было безразлично.

Всмотревшись в эту живую маску, понял я, почему так легко выпала власть из его рук... В нем не было воли к власти. Он без всякой драмы в душе ушел в частную жизнь. «Как я рад, — говорил Николай II старухе Нарышкиной, — что больше не надо этих скучных, противных бумаг. Буду читать, гулять, буду с детьми». Эти слова не были рисовкой со стороны Николая II, ибо действительно в заключении Николай был большей частью в благодушном настроении, во всяком случае, спокоен. Тяжелое бремя власти свалилось с плеч, и стало свободнее, легче. Вот и все.

А рядом мучилась, страдала без власти, не могла оторваться от вчерашнего дня, не могла примириться с многим больная, истеричная, такая вся земная, сильная и гордая женщина. Она подавляла всех кругом своим томлением, тоской, ненавистью, непримиримостью. Такие, как Она, никогда ничего не забывают, никогда ничего не прощают. Такой был Он, и

такая была Она...» (Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX вв. VIII. Соколов Н. А. Предварительное следствие. 1919–1922 гг. М., 1998. Ф. 243.).

При всей, пожалуй, недостаточной точности некоторых фраз Керенского, здесь налицо мнение мыслящего и весьма объективного свидетеля, понимавшего, что перед ним слабый, несчастный властитель, органически неспособный на что-то плодотворно серьезное, а потому допускающий систематически грубейшие ошибки и срывы, чреватые тяжчайшими последствиями для многих миллионов жителей огромной страны, хозяином которой он себя считал и упорствовал в этом своем заблуждении. Стоило это страшно многих бед и катаклизмов, нередко очень жестокого типа. И вот такую супружескую чету у нас на глазах причислили к лику святых без сколько-нибудь серьезных оснований! В то же время уже второй десяток лет преступнейшим образом ключевые фигуры из числа ельциноидов предрешают отвратнейшее шельмование крупнейшей, творчески созидательной, уникально человеческой величины всей нашей многовековой истории, каковой, безусловно, был первый руководитель Советского правительства!

4 Вполне закономерно то, что за бандитски-коррупционно «рукотворные» муки огромного большинства нашего народа в нормальных условиях пришлось бы нести суровую ответственность, но виновникам, руководствующимся лишь наипрязнейшей корыстью, это совсем ни к чему. Потому-то они просто не могут не отвергать все доброе, светлое, мудрое, всю возвеличивая лишь грязно своекорыстное и злобно реакционное. А раз так, то они не только пускали в пропагандистский оборот словосочетание «царь Борис», но и всемерно из года в год расхваливали всех царей-самодержцев, включая самых бездарных, ультрареакционных и даже патологически кровожадных. Однажды Ельцин не постыдился похвалить кое-что из «практики» Ивана Грозного, пробормотав что-то невразумительное о его тетради, с помощью которой, дескать, велся учет «подходящих» людей и на этой «основе» решались кадровые проблемы!

Как говорится, из той же среды исходит и восхваление двух последних самодержцев, чуть было не загубивших нашу Родину. Здесь, а не где-либо, таятся «корешки» помпезных дорогостоящих мероприятий в связи с открытием памятников Николаю II, захоронением царских останков и всего прочего в том же духе. А чего стоит выделение миллионов долларов для создания и рекламирования глубоко непорядочных, фальсификаторских фильмов режиссера А. Сокурова, а попутно, к примеру, также исторически хуже, чем сомнительного фильма Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник»!

Эти огромные средства, как полагаются ныне, были угроблены ради непоправимой дезориентации, фактического оглупления и морального «осколпления» в первую очередь, огромных масс подростков и молодых людей! Разумеется, и за счет отторжения от активного творчества немалой части наиболее добросовестных и талантливых профессионалов, причастных к вырождающейся нашей кинематографии...

Дожили мы даже до того, что ныне торжествует жажда переполнить текст школьного антиисторического учебника «откровениями» чуть ли не всеохватывающе директивного характера о якобы преступности революции и абсолютной необходимости «сохранения основ самодержавной монархии», да еще как основы «потенциала развития страны без тоталитаризма, насилия, репрессий»!

Ведь в полном соответствии с первоосновой капитализаторски-бесчеловечной низости, осуществляется духовное и нравственное извращение десятков миллионов наших отнюдь не только юных сограждан, расплата за которое в перспективе не может не иметь катастрофически непоправимых последствий. В числе многого иного, нельзя не обратить внимания на фак-

тическое сокрытие от них колоссальной значимости всемирно известных статей Льва Николаевича Толстого, без знакомства с содержанием и изучением которых невозможно понять важнейшее в нашем прошлом. Нельзя стать мировоззренчески и нравственно полноценным членом общества без глубокого понимания хотя бы статей Л. Н. Толстого «Исповедь», «Работы нашего времени», «Одумайтесь!», «Не могу молчать», «Пора понять» и многого еще, вытравленного далеко не только из школьных программ.

Чтобы уяснить, почему так ненавистны эти произведения гениального писателя и благороднейшего правдолюбца, стоит познакомиться по крайней мере с некоторыми фрагментами, отражающими страшную правду об истинной сущности самодержавно-помещичьего режима с «примесью» дикого и полудикого капитализма. Режим, годами, десятилетиями, столетиями оказывавшего самое скверное влияние на практически все происходившее в тогдашней России. Потому-то этот истинный аристократ (в отличие от нынешних, бурно «прорезавшихся» дворянчиков духовно убогого и этически неполноценного типа) не мог быть корыстно равнодушным к бедам многострадального народа своего.

Итак, «Не могу молчать». 31 мая 1908 г. Ясная Поляна:

«Двенадцать человек из тех самых людей, трудами которых мы живем, тех самых, которых мы всеми силами развращали и развращаем, начиная от яда водки и до той ужасной лжи веры, в которую мы не верим, но которую стараемся всеми силами внушить им, — двенадцать таких людей задушены веревками теми самими людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают и которые развращали и развращают их. Двенадцать мужей, отцов, сыновей, тех людей, на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь, схватили, посадили в тюрьмы, заковали в ножные кандалы. Потом связали им за спиной руки, чтобы они не могли хвататься за веревку, на которой их будут вешать, и привели под виселицы...

И вот, один за другим, живые люди сталкиваются с выдернутых из-под их ног скамеек и своей тяжестью сразу затягивают на своей шее петли и мучительно задыхаются. (...) И делается это не один раз и не над этими только 12-ю несчастными, обманутыми людьми из лучшего сословия русского народа, но делается это не по увлечению, чувству, заглушающему ум, а... по требованию ума, расчета, заглушающего чувство. (...)

Ведь все, что делается теперь в России, делается во имя общего блага, во имя обеспечения и спокойствия жизни людей, живущих в России. А если это так, то все это делается и для меня... Для меня, стало быть, и нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого — пользования той землей, на которой он родился; для меня это полмиллиона оторванных от доброй жизни мужиков, одетых в мундиры и обучаемых убийству, для меня это лживое так называемое духовенство, на главной обязанности которого лежит извращение и скрывание истинного христианства. Для меня все эти высылки людей из места в место, для меня эти сотни тысяч голодных, блуждающих по России рабочих, для меня эти сотни тысяч несчастных, мрущих от тифа, от чинги в недостающих для всех крепостях и тюрьмах. Для меня страдания матерей, жен, отцов, изгнанных, запертых, повешенных. Для меня эти шпионы, подкупы, для меня эти убивающие городовые, получающие награду за убийство. Для меня закапывание десятков, сотен расстреливаемых, для меня эта ужасная работа... теперь уже не так гнушающихся этим делом людей-палачей. Для меня эти виселицы с висящими на них женщинами и детьми, мужиками; для меня это страшное озлобление людей друг против друга. (...) Нельзя так жить. Я, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не буду».

«Пора понять». 6 декабря 1909 года:

«Государство, основанное на расчете и скрепленное страхом, представляет из себя сооружение и гадкое, и непрочное», — говорит где-то Аммиель. С этим нельзя не согласить-

ся вообще и можно это понимать разумом, но, кроме этого понимания, можно еще испытывать всем существом своим чувство отвращения и ужаса перед таким сооружением, когда живешь в нем, и вся гадость и непрочность этого сооружения ничем не прикрыта. (...) Насколько становилась жесточе, грубее и бесконтрольнее власть правительства, настолько усиливалось и уяснялось в народе сознание безумия, невозможности продолжения такого состояния. И оба явления: и безудержный деспотизм власти, и сознание незаконности этой власти, усиливаясь с каждым днем и часом, дошли в последнее время до высшей степени (...) Крестьяне знают, что все попытки освобождения их от земельного рабства, все всегда разбивались об закоснелость царского правительства...

Сознание ненужной, бессмысленной и вредной царской власти стало теперь более или менее очевидно, ясно огромному большинству народа. Трудно предвидеть, какие будут последствия: этого сознания, но последствия эти и непременно губительные для правительства, не могут не быть... Может быть и то, что опять вспыхнет революция, которая опять будет задавлена, так как средства борющихся слишком неравномерны. Но неизбежно то, что сознание ненужности и преступности правительства будет делаться всё яснее и яснее людям русского народа и сделается, наконец, то, что огромное большинство... не будет уже в состоянии повиноваться правительству и исполнять те его безнравственные требования, которыми оно держится. (...)

Такое отношение к тому, что называется русским правительством, уже живёт теперь в сознании большинства русских людей, а продолжись ещё некоторое время безумная, бесчеловечная и грубо жестокая деятельность этого правительства и то, что теперь только в сознании, неизбежно перейдёт и в дело. А перейдёт сознание в дело, то есть перестанут большинство людей, повинувшись правительству, участвовать в его преступлениях, и само собой без борьбы падёт то ужасное, отжившее русское правительственное устройство, существование которого уже давно не соответствует нравственным требованиям людей нашего мира».

Вот так, почти за десятилетие до крушения ныне превозносимой очередными корыстолюбцами российской монархии и рокового финала самого Николая Романова, Лев Николаевич гениально предупредил обо всем этом последнего царя. Мало того: этот не только гениальный писатель, но и великий исследователь закономерностей, тенденций и фактов общественного развития, призывал последнего самодержца не верить придворным и прочим лжецам хотя бы ради собственного самосохранения. И потому открыто провозглашал, иронически называя властителя Чингиз-ханом: «Правда, есть и у несчастного Чингиз-хана люди, которые уверяют его в преданности к нему всего народа, в твердости той веры в бога и рядом в царя, которая когда-то была в народе. Но, к несчастью, люди эти, сами не веря тому, в чем они уверяют царя, своей наглой ложью только отводят ему глаза от его действительного положения. Так что, веря им, несчастный Чингиз-хан, продолжая свою грубую деятельность, этой самой деятельностью насилия и разрушает вконец последние основы, на которых могла бы держаться его власть.» (Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 16. Издательство «Художественная литература», 1964. С. 575)

Весь ход нашей дальнейшей истории с потрясающей точностью подтвердил правильность основополагающих оценок и прогнозов нашего человечнейшего и бескорыстнейшего гения-провидца. Отсюда и завуалированная ненависть ельциноидов к нему и особенно к его комплексному анализу дореволюционных реалий России. Подобные «рефлексы» издавна не могли не обходиться тяжело, бесконечно дорого нашему обществу еще во времена, последовавшие после кончины В. И. Ленина и начавшегося объективно предательского, настоящему антисоветского подрыва его концепции гуманистически-прогрессивного социа-

листического преобразования жизни народов нашей страны и человечества в целом. Особенно зловеще это сработало в 30-е, 40-е и 90-е годы XX века. Лев Толстой тоже не «вписывался», конечно, ранее в то, что творилось в наиболее черные десятилетия, не «вписывается», конечно, и во все то, что натворили, начиная с 90-х годов XX века самые бесстыжие из властвующих, включая тайком и публично сжигающих свои партбилеты, с помощью которых еще недавно они дорывались до чинов, власти и привилегий.

Почему? Да потому, что он гневно клеймил, по сути дела с научно безукоризненной обоснованностью, все, враждебное общенародному благу, все, порождаемое лично властолюбивой устремленностью натур тиранически-оголтелых разновидностей, все, продиктованное групповой и классовой хапужно-грабительской корыстью, необузданной жадой роскоши и самообогащения, всегда оборачивающейся гибелью миллионов самых беспомощных (в первую очередь — детей, вплоть до грудных младенцев). Бешеная ненависть к противостоящему и в наши дни новейшим ельциноидным злодеяниям В. И. Ленину — спасительной значимости гуманисту гигантского масштаба, не может ныне не проявляться и вообще ко всему чистому, светлому, благородному в нашем великом и многотрадном прошлом. Не могло не проявиться это и в циничном «забвении» важнейших текстов, вышедших из-под пера Л. Н. Толстого.

Но особенно непристойно антитолстовские «рефлексy» издавна обнажились и по сей день обнажаются в конкретных политиканских деяниях. Чего стоило, скажем, беспринципнейшее осуждение Льва Николаевича церковными иерархами царских времен и чего стоит еще более позорный отказ нынешнего патриарха и его окружения отменить этот акт, признав его совершенно неправомерным и противостоящим истинно человеческим побуждениям Иисуса Христа. Ведь Лев Толстой осуждал не его, а тех церковников, кто, руководствуясь своей корыстью, вел себя антинародно, прислуживая царскому режиму.

А чего стоит в условиях нынешних церковных реалий недавно реализовавшаяся многолетняя тяга верхов причислить к лику святых последнего самодержца, погубившего себя, своих близких и еще в начале XX века чуть было не развалившего великую Родину нашу! Хотя явно не подходит к Николаю II и его супруге «Венец святости» — так озаглавлена статья в газете «Труд-7». Совсем не случайно здесь отмечено: «Особую ценность представляют публикации и обращения... в церковные инстанции, содержащие свидетельства о чудесах и благодатной помощи по молитвам к царственным мученикам». Вот так оказывается возможным по отношению к царской чете «прославление в лике святых страстотерпцев, подобных святым князьям Борису и Глебу, Андрею Боголюбскому, Михаилу Тверскому, царевичу Дмитрию». («Труд-7», 10 августа 2000 г.)

По-своему любопытна и расчетлива оговорочка: «Комиссия в своем подходе к этой теме стремится к тому, чтобы предстоящее прославление царственных мучеников было свободно от всякой политической и иной конъюнктурности. В связи с этим представляется необходимым особым образом подчеркнуть, что канонизация монарха никоим образом не связана с монархической идеологией и тем более не обозначает «канонизации» монархической формы правления, к которой можно, конечно, относиться по-разному... Явное лукавство прямо-таки «захлестывает» практически все, связанное с включением в «повестку дня Юбилейного Архиерейского Собора» рассматриваемого вопроса о канонизации царской семьи». (Там же)

По нашей Отчизне вот уже второй десяток лет проходит все еще не обузданная давно невиданная страшная беда, обнажившая во многом реализованную жажду надорвать и развалить великую страну, унесшая миллионы жизней ни в чем неповинных людей, убитых голодом, болезнями, преступностью и всем прочим, омерзительно скверным, порожденным преступными капитализаторскими временщиками. Поминать надо бы не только одного,

видимо, тяжко пострадавшего царевича, а отнюдь не в меньшей степени загубленные в наше время сотни и сотни тысяч младенцев ясельного возраста, детей-детсадовцев, школьников всех «ступеней», их сверстников-беспризорников, истерзанных и загубленных ужасами грязнейше-бесчеловечной, корыстнейшей и пагубнейшей реальности, «возрожденной» Ельциным и прочими процаристски-капитализаторскими элементами... Хватить играть «в бирюльки» промонархического и прочего антинародного толка, в том числе — всего лишь «дозволяя» относиться к царским «прелестям» по-разному!

Лев Николаевич Толстой, злобно и несправедливо осужденный церковными иерархами столетней давности в полном соответствии с «настроением» царя и царицы и еще более непотребным образом «нереабилитированный» их современными коллегами, по сравнению с этой публикой, «лобызавшейся» с главным погубителем страны, обожавшим кличку «царь Борис», был тысячекратно прав в своем органическом неприятии дореволюционного режима, олицетворявшегося последним из царствовавших Романовых.

Он так глубоко и всесторонне обосновал свою преданность общенародным интересам честных тружеников и естественное отторжение от их угнетателей, от паразитов всех «мастей» и властителей, самозвано именовавших себя хозяевами земли русской! Настолько праведно искал и нашел истину Лев Николаевич, что «Венец святости» именно ему соответствует, причем в неизмеримо большей степени, чем бесчисленному множеству его давних и теперешних антиподов вместе взятых. Как же важно восстановить правду и по данному «узлу» поистине огнедышащей проблематики! Ведь, как и во всем из наиважнейшего, здесь ныне извращено практически все и именно по желанию главных ельциноидов, которым не может не быть ненавистным все «малопривлекательное» для любого цинично бесчеловечного «потребителя» власти, привилегий и столь же подло «приватизированных» богатств современной России...

Как бы хотелось кое-кому «вычеркнуть» из прошлого и настоящего все, что мешает им «до упора» реализовывать свои грязно-хватательные, а значит и заведомо душегубские рефлексы! С каким упоением демонстрируется в наши дни неодолимая, до поры до времени, в первую очередь, вследствие монополизации темными силами телевидения, других средств массовой дезинформации, жажда белоснежное объявлять черным и наоборот! В угоду тем «распропагандированным» ельциноидам, «предтеч» которых из числа наиболее откровенных стремился навечно припечатать наш (не только поэтический) гений почти двухвековой давности...

Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господна!

О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

ГЛАВА III

Гражданская война: ожесточенность и человечность

1 Мучительно горько видеть юнцов, в «убеждениях» которых органически сочетаются симпатии к т. н. белым антиподам Советской России, воевавшим против своего народа вместе с иностранными армиями вторжения, восхищение царскими порядками, лозунгами «Бог, Царь, Россия!» — с явно фашистскими, зоологическими прогитлеровскими «влечениями». Их деяния вовсе не ограничиваются воплями «Хайль Гитлер!», «Зиг Хайль!» и тому подобными: по случаю дня рождения Гитлера: они не раз докатывались и до громных деяний вплоть до душегубских! Вот и в 2002 году по случаю приближения этой «священной» для них даты, они взяли и убили внешне им нежелательного человека! Пришлось для предотвращения еще худшего мобилизовать для патрулирования многие тысячи работников не только в милицейской форме... Но власти «не замечают» по сей день, что профашистское и прочее уродство — прежде всего результат дегенерации всей информационно «образовательной» системы!

Наряду с «обнаженно простенькой» клеветой, самым растлевающим образом срывает изощренно-фальсификаторская подтасовка фактов, произвольно выдергиваемых из объективно всеобъемлющей их совокупности (включая нескончаемое «обмусоливание» выгодных корыстнейшим мифотворцам деталей прошлого и замалчивания необъятной массы тех, сплошь и рядом основополагающих реалий и закономерностей, которые им, а прежде всего — всевластным их хозяевам не выгодны...). Творится такое из года в год, из месяца в месяц, изо дня в день. Типичным иллюстрациям подобного рода поистине нет числа. Коснемся лишь некоторых из них (из категории достаточно заурядных).

К примеру, далеко не случайно руководитель антисоветского восстания в Тамбовской губернии в 1920–1921 годах А. С. Антонов и его последователи изображаются в средствах массовой информации несправедливо пострадавшими в борьбе за «правое» дело против якобы антинародно настроенных командиров и бойцов Красной Армии. Вот и в школьном учебнике, изданном в 1996 г. для старшеклассников, история, как водится, тоже заведомо расчетливо искажается, а юные наши сограждане подвергаются соответствующей «обработке»! Им без зазрения совести внушается, что правы во всем были «взбунтовавшиеся» против Советской власти, а не те, кто им противостоял. Особо охотно от учеников скрывается, что прекращение восстания было предпринято политическими средствами, то есть ленинским эзпом. Здесь концентрируется внимание только на суровых мерах, применявшихся в ходе боев, как было твердо уверено огромное большинство красных бойцов, только против самых непримиримых и необузданно жестоких элементов (из числа натур, остер-

веневших так, что хуже и быть не могло, но в то же время поощряемых так называемым «крестьянским вожаком»).

Очень многих именно ужасающая жестокость кривых антоновцев, с которыми приходилось вести борьбу, побуждала применять меры отнюдь не ангельски добрые. В условиях идеологического тоталитаризма, ныне даже в школьных учебниках стало невозможно не утаивать правду об иных «деяниях» зоологически антисоветских элементов той поры, о которых с ужасом вынужден был поведать Алексей Максимович Горький еще в 1922 году, что тогда было опубликовано в Берлине. «...В Тамбовской губернии коммунистов пригвождали железнодорожными костылями в левую руку и в левую ногу к деревьям на высоте метра над землю и наблюдали, как эти — нарочито неправильно распятые люди — мучаются» («Московская правда», 31 августа 1999 г. С. 5). Конечно, непримиримых врагов — тем более потерявших облик людской — карали очень сурово, вплоть до расстрела, причем абсолютная безошибочность в обстановке тяжелейшего и жесточайшего военного противостояния была достижима, к величайшему сожалению, далеко не всегда. Однако если бы кто-то из красных бойцов совершил что-либо подобное такому «распятию», то ему бы уж наверняка был гарантирован расстрел. А вот в частях белой армии сколько-нибудь решительные меры против «собственных» изуверов были практически полностью исключены. И это стало одним из решающих факторов дегенерации и окончательного краха так называемого «белого дела».

В то же время в Красной Армии, хотя и бывали срывы, в целом обстановка была совершенно иной: политический и командный состав, остальные коммунисты преодолевали ожесточенность в своих рядах, деля все возможное ради умиротворения в душах тех, кто еще недавно был непримирим. Об этом свидетельствуют и стенограммы одной из партийных конференций частей 3-го боевого участка Особой армии по подавлению крестьянского восстания под главенством Антонова.

Июль 1921 г. Из выступления начальника политотдела 3-го боевого участка Галузо:

«...Тут вполне правильно говорилось: кто злостно, злобно идет с мечом против нас — мы тоже обнажаем свой меч. А кто по неведению, неразвитию поддался контрреволюционной вражеской агитации, но потом осознал, что он заблудился в своих ошибках — разве такого мы должны уничтожить? Ни в коем случае! Уничтожить деклассированные остатки бандитов — это другое дело. А кто из нас живет без тех или иных ошибок и заблуждений! И все же слова: гуманность, гуманитарность — вот что по-настоящему должно быть написано на нашем знамени! [...] Крестьянский класс — в высшей степени консервативный класс, уклад его жизни организовывался много веков, он как бы окостенел. И этот уклад противоречит, противится даже самым лучшим, самым полезным мероприятиям нашей Партии...».

А вот фрагмент из выступления одного из сотрудников политотдела Полозкова: «Теперь перед нами стоит сложный вопрос: создать такую почву, чтобы сочувствия этому бандитизму не было среди крестьянства. Вы должны держать себя так, чтобы крестьяне не могли видеть в вас таких же последователей, как Антонов. Вам необходимо будет разъяснять всем красноармейцам: вы должны быть самыми лояльными, не допускать, чтобы у крестьянина можно было взять что-нибудь без разрешения. Это правило нужно будет раз навсегда сохранить. Нужно показывать личным примером. Вы должны оказывать самую широкую помощь в смысле обработки полей, так как лошадей теперь гораздо меньше, чем до империалистической войны».

Из выступлений рядовых участников конференции:

«Машков: ...Разберемтесь, что получилось? Получилось в центре России, почти у самого ее сердца — Москвы, огромная продолжительная опухоль. Что делать в таком деле, как поступать? Вот тут и нужна сильная больничная операция, иначе легко может зараза

пойти дальше и погибнуть весь организм, все тело. Но когда операция сделана, надо отнестись к больному поаккуратней, чтоб он скорее поправился. Сейчас, можно сказать, операция двигается к концу. Наши моторные самодвижущие части сыграли спасительное дело, как ножик у доктора, который режет руки и ноги. И теперь нужны не расстрелы, а успокаивание заболевших этой заразой. Вот я так считаю.

(...)

Рычков:

Товарищи! Такую отповедь мы слышали не раз и не два, дескать, у нас у самих недоставка продуктов, а вы там разных гадов подкармливаете.

Голоса:

— Правильно!

— Что там с ними копать, в расход — и точка!

Рычков:

Это вполне неверное заблуждение, слышали мы такое многократно. В расход пустить — недолго, патронов у нас не в пример бандитам, хватит. А вот обратить своих недавних законренных врагов в хороших, крепких друзей — вот что нам надо. Конечно, если б сюда попали какие-нибудь бароны и другие богатеи, то они скоро не досчитались (бы) своих голов. Тоже, если ярый бандит-убийца не поддается политпросвещению, норовит свое, то с ним недолга песенка. Но к тем, кто попадал по ошибке и сильно раскаивается, — подход к таким абсолютно другой. Недаром же по приказу свыше отпустили вчера по домам целый эшелон. И мы же слышали сегодня из доклада кавполка: ученые шкрабы рассуждают точно так же, как темные бандиты. Не надо думать, что они — бандиты — где-то стакались со шкрабами. Нет, те сами по себе, а эти сами по себе, дошли своим умом и ученые, и темные, и сами же осмеивают себя и говорят: куда там Тамбову, не говоря уже о Козлове или Кирсанове, осилить Москву и Петроград! И Антонову с его дружками не повалить Ильича и Давыдыча. Бандиты — бывшие — так рассуждают, что у нас глаза Степаныч наш запорошил, теперь же мы прояснились целиком и полностью. Завел нас Степаныч — это значит они так зовут Антонова — завел в леса дремучие, топи да овраги, отсюда ни носа, ни з...ы не вытащишь, хоть ложись и караул кричи. (Смех в зале.) Жизненки наши на волоске висят.

[Из зала]:

Слохватились!

Рычков:

Говорят: пришло нам, видать, всем скопом вернуться тихо-мирно по домам, блюсти советские приказы, а нет — так помирать. Смех смехом, а нам приходится отстаивать этих заблудших граждан от наших же товарищей, которые любят всякое дело решать сразу одним наскоком.

Захаров:

Тов[арищ] Рычков, вы забываете, что мы приехали сюда разговаривать оружием, а не языком — на полях сражений пустые разговоры недопустимы!

Рычков:

Я опять же слышу знакомую ошибочную речь. Товарищ! Кто же собирается на поле сражения вести какие-то разговоры? Никто! Тут, ясное дело, не до каких разговоров. Но когда враг сдался или поранен и находится у нас в плену — в лагере, тут дело абсолютно другое. Лежачего не бьют!

Голос из зала:

— Они и лежачего бьют.

— Пленных или раненых прикладами добивают, а то и прямо руками душат.

Рычков:

Это всем известны их бандитские жестокости. Но что же, мы что ль должны с них пример взять? Нет: одних уничтожать, других — кто поддается — перевоспитывать, перетягивать на свою сторону — вот к каким мыслям в лагерной обстановке мы пришли. И результаты получаются абсолютно правильные. Вот они так теперь говорят: наш Степаныч с братом Федькой² заговорили, задолбили нам в голову, что де советская власть обижает крестьян и ничего им взамен не дает. А теперь мы поняли: откуда же ей самой взять, раз заводы остановились: с неба что ль товары нам свалятся? И это не дело — друг другу пощады не давать, убивать, жечь, ломать, что под руку попадет! Хоть убей, говорят, я другими глазами теперь все вижу. И вот, товарищи, я скажу теперь так: вот если теперь мы отпустим таких, будут они навсегда самыми крепкими, абсолютно верными советской России гражданами! Уж кто раз оступился и ногу сломал, уж другой раз на этом месте не оступится, а будет идти тихо-мирно, трудиться до пота. (...)

Курдюмов: «...У нас попов не трогали, но проверяли ихнюю работу в церквах, как, правильно ли служат. И на одного такого — молодого — наткнулись. Нашелся такой, прямо в собственной церкви натравлял публику супротив нас, думал никого нет, а того не заметил — наши в толпе, в сторонке притулились. А поп прямо в шапке, а все без шапок, какие бабы — в платках, а он вышел на сцену и стал кричать зычно на всю церкву: «Вы — овцы, а ихняя власть безбожная, а ее поддерживает, знать, сатана, надо за это все это повалить и разбить красные полки». И еще чего плохое болтал — не знаю, я не был. Товарищи по дороге рассказали в чем дело. В общем и целом, наши не вытерпели и прямо наскоком на него. Схватили: «Ты чего это? Ты такой-сякой, длинноволосый, зачем, почему такое одурманиваешь?»

Слова политрука Голикова: «Мы в ответе перед будущей жизнью, которая зовется историей, вот-то и оно-то! В ответе перед нашими будущими ребятами, у кого есть, а у кого еще нет, а еще и перед внучатами даже — вот за эти за свои сейчасные поступки и дела. И мы с самого начала должны принять сильные меры, чтобы все осталось хорошим после нас, чтобы нам, лежа в гробах, не ворочаться и не краснеть перед будущими потомствами. Вот в чем истинная суть скорой чистки, которая будет произведена вскорости везде и повсюду. Это — железная метла, выметающая всякий накопившийся мусор за эти быстро пролетевшие четыре полных года. Наша партия велика, народищу у нас по селам и городам видимо-невидимо. От самого Петрограда — гордости нашей и колыбели, до еще занятого японскими интервентами Дальнего Востока, от Архангельска до Крыма и Кавказа — массы трудящихся, партийных и покуда беспартийных большевиков рука в руку вытягивают из тины нашу Республику на путь прогресса и расцвета. И у нас очень почетная задача — укреплять новые порядки и подавлять посягания эсеров-бандитов — это наша почетная задача, она сейчас близится к успешному концу. И вот на нашей конференции мы должны не только отчитаться о своих делах, делах своих частей, не только рассказать, что мы видели, слышали и узнали сами. Мы должны поделиться опытом не далеко везде успешным, чтоб где еще не прошибиться, и окончательно, раз навсегда, закрыть страдания на этих горьких, трагических событиях, где участниками нам здесь суждено [быть]...» (Из публикации истории Михаила Георгиевича Николаева: Государственный исторический заповедник «Горки Ленинские». Музейный сборник. Вып. 9. М., 2002 год)

Но правда как раз о самом важном ныне подлежащем полнейшему извращению. Чего стоит, скажем, и то, что уже немало лет в средствах массовой информации, в школьных учебниках и т. д. с монотонной, а то и «художественно» броской регулярностью повествует-

² «Федькой» ошибочно назван брат А. С. Антонова — Дмитрий.

ся об убийстве находившихся в Мариинской больнице депутатов Учредительного собрания из состава руководства кадетской партии Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. Причем делается все ради создания в умах многих миллионов наших современников гнуснейшего в своей сверхлживости стереотипа о мнимой жажде В. И. Ленина расправляться с противостоящими ему оппонентами. Утаивается же та правда, что Владимир Ильич категорически требовал не допускать в том числе, безусловно, и по отношению к депутатам Учредительного собрания, не принадлежавших к числу сторонников Советской власти, ничего похожего на репрессии, что и было выполнено. И впоследствии не пострадал ни один из бывших депутатов, идейно противостоявших В. И. Ленину и его последователям, но отказавшихся участвовать в вооруженной борьбе против Советской России и тем более — в белом терроре. Разве не бесчестно «помалкивать» об этом, а также о том, что Шингарев и Кокошкин пали жертвами не ЧК, а анархизирующей толпы, ворвавшейся в больницу, причем главные виновники по требованию В. И. Ленина были привлечены к судебной ответственности?

А какова цена того, что одной из самых прямо-таки культово возвеличиваемых ныне фигур (вплоть до возведения памятников) из числа белых лидеров, является А. В. Колчак, провозглашенный по воле главарей стран Антанты Верховным правителем России! Пропаганда 90-х и последующих годов, олицетворяемая «карманным» телевидением и прессой и т. п., второй десяток лет наделяет этого адмирала всеми мыслимыми и немислимыми добродетелями (включая, якобы, доброжелательное его отношение к Учредительному собранию и его депутатам). При этом, конечно, умалчивается, что в ходе переворота, приведшего А. В. Колчака к диктаторски бесконтрольной власти, были уничтожены все органы и «ассоциации» на Урале и в Сибири, созданные антиленински настроенными депутатами Учредительного собрания, которых мнимо «жестокосердно-коварная» Советская власть не только не расстреливала, но «почему-то» так и не помешала в большом количестве перебраться к Колчаку («под крылышко» иностранных интервентов и белогвардейцев).

Между тем, непрерывное, в том числе и в учебниках, упоминание факта стихийно-популярного убийства двух весьма известных и влиятельных членов партии кадетов помогает скрыть ту правду, что после роспуска Учредительного собрания В. И. Ленин, решительно осудив все связанное с данной трагедией, сделал все возможное и посильное, чтобы не допустить других аналогичных эксцессов. В то время, как при властвовании ныне прославляемого Колчака, помимо всего прочего, творились отнюдь не случайные злодеяния белогвардейских убийц, жертвами которых стало немалое число даже жестко антиленински одержимых «учредилковцев». Самое «необычное» в данной связи то, что кроваво-террористическая необузданность такого рода усиливалась по мере ухудшения положения новой России и ужесточения натиска на нее войск империалистических агрессоров, жаждавших (по выражению У. Черчилля) «удушить ее в колыбели». Именно это имел в виду лидер Советской России, когда говорил: «Как раз в июле 1918 года тучи, казалось бы, самые грозные, и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики» (Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 30).

Выстоять все же удалось, но сколько крови сумели пролить те, кому так хотелось «скрутить» основную массу населения нашей Родины, как правило, твердо поддерживающую Советскую власть! Симптоматично же здесь то, что «вырубали» при каждом удобном случае не только поголовно тех, кто активно противостоял им, но и многих ненавистников того, что олицетворяла Советская Россия! Среди фатально пострадавших было много и оказавшихся в «белых» руках бывших депутатов Учредительного собрания, которых якобы «ценил» даже Колчак, обещая со временем «дозволить» новые выборы, но только после захвата Москвы и всей страны. А пока сторонники новоявленного властителя старались

угробить как можно больше эсеров, меньшевиков, а иной раз и кадетов, хотя им в этом пытались препятствовать (не всегда безуспешно), их союзники из чехословацкого корпуса. Но в наши дни принято восторгаться именно антантовскими и белогвардейскими палачами, убившими многие сотни тысяч наших дедов и отцов — тех, кто защищал от распада и колонизации Родину и мечтал осуществить благороднейшие идеалы, ради всемирного торжества человечности и справедливости.

Есть, разумеется, своя логика у ключевых фигур антигуманного режима, прославляющих реакционных душегубов минувших времен, одновременно с низменной расчетливостью обливающих грязью истинных поборников правды и добра. И как никого другого — В. И. Ленина, преступнейшим образом обвиняя его в гибели царя Николая Романова и ряда особо близких его родственников, двух бывших депутатов Учредительного собрания и вообще кого угодно из тех, кого стремился, но не смог спасти глава первого Советского правительства. Разумеется, при этом обеляются и восхваляются иностранные и белогвардейские жесточайшие погубители неисчислимого множества ни в чем не повинных людей. И «попутно» утаивается, скольких не только сторонников В. И. Ленина, но и его противников было репрессировано и угроблено совсем уж озверевшими колчаковцами и прочими подобными элементами.

Например, 21 сентября 1918 года был опубликован Указ Колчака о роспуске Сибирской областной думы, созданной по инициативе бывших депутатов Учредительного собрания, а когда ее члены не подчинились, были арестованы ее председатель Якушев, а также прибывшие в Омск министры Временного Сибирского правительства Шатилов, Крутовский и Новоселов. А 23 сентября по пути в тюрьму был убит Новоселов, причем убийц и не подумали привлечь к ответственности. Этот человек был не большевиком, которых эти карательные органы колчаковского режима терзали и убивали в бесчисленном множестве поголовно, а эсером-антиленинцем крайне непримиримой разновидности. Очередной жертвой из числа эсеров стал и Моисеенко, прибывший в Омск с Урала, привезя с собой кассу съезда Учредительного собрания — 3 миллиона рублей. Он намеревался выехать в Екатеринбург, но 24 октября 1918 года был схвачен группой военных, а через несколько дней его тело, изуродованное чудовищными пытками, было обнаружено в Иртыше... По ряду свидетельств такое творилось руками членов палачески настроенной монархической организации, в состав которой входили деятели «Союза русского народа» и особо зловецкие настроенные генералы вроде Розанова, Дутова, Семенова, Красильникова, Калмыкова и им подобных. Данная организация ставила своей целью физическое уничтожение и членов Учредительного собрания (См.: Раков Д. Ф. В застенках Колчака. Париж, 1920. С. 19–20).

Вскоре в результате монархическо-офицерского заговора в Архангельске было свергнуто правительство эсера Н. В. Чайковского, начались аресты его коллег, но они были все же выпущены из такого места заключения, как Соловки. Спасло их вмешательство иностранных «консультантов», считавших, видимо, что белогвардейцы напрасно увеличивают количество своих врагов себе на беду. Когда же пришло время переворота, приведшего к диктаторской власти Колчака, то дело не ограничилось уничтожением Директории — антисоветского органа, властвовавшего в регионе до Колчака: начались аресты недавних союзников, которые чуть было не были «зарезаны, как бараны», как выразился один из английских полковников. Эсерам из числа членов Директории повезло, так как они отреклись от претензий на власть и согласились уехать из России, а потому получили возможность освободиться из-под ареста.

19 ноября 1918 года белогвардейские офицеры арестовали два десятка эсеровских лидеров — «учредилонцев» во главе с В. Черновым. Их спасло вмешательство чехословаков, явно не желавших, чтобы очередной кровавый эксцесс слишком уж сильно повредил

«белой» репутации, а в первую очередь, видимо, из-за того, что и чехословаков тоже могли оценить как соучастников белогвардейских злодеяний, в том числе и патологически изуверского типа. И все же более тридцати членов Учредительного собрания, находившихся в Уфе и Челябинске, были арестованы в начале декабря и отправлены в Омск. Кое-кто из эсеров понял, что Колчак и близкие к нему крайне реакционные монархисты губят страну и даже посчитали необходимым поддержать ленинцев в их борьбе против иностранных интервентов и их белогвардейских подручных.

Однако большинство влиятельных эсеров отвергало сотрудничество с коммунистами. Мало того: когда восставшие против колчаковщины большевики освободили из тюрьмы всех политических заключенных, включая эсеров (это произошло 22 декабря 1918 года), те совершили поистине самоубийственную глупость с фатальными для себя последствиями. Начальник Омского гарнизона генерал Бржезевский обещал сохранить жизнь освобождённым большевиками политзаключённым, если они добровольно вернуться в тюрьму. Неприкосновенность им обещали и колчаковские министры Михайлов и Старынкевич. На это «клюнули» меньшевики и эсеры (тем более что восстание в Омске было подавлено), решив, что стоит вернуться в свои камеры. Но их уже в ночь на 23 декабря разбудили офицеры. А на утро на берегу Иртыша были найдены обезображенные трупы эсеров Фомина, Брудерера, Девятова, Сырова, Барсова, меньшевиков Маевского, Кирееенко, Ландау и других. Всего же, по намного заниженным официальным данным, было убито и расстреляно по приговорам военно-полевых судов более 400 человек (см. Гинс Г. К. «Сибирь, союзники и Колчак», Харбин, 1921. Т. 2. С. 96). Все подобное, разумеется, «намертво» скрывается от наших современников...

Принципиально важно признать, что еще задолго до установления всевластия такой лакействующей прояпонской креатуры открыто палаческого типа, как Семенов, режим Колчака (ныне всемерно расхваливаемого) с первых дней своего существования был на редкость агрессивен бесчеловечным и потому обреченным на саморазрушение и крах. Именно об этом неопровержимо свидетельствуют и люди, бесконечно далекие от всего, связанного с ленинской концепцией человеческого обновления России.

Из письма Д. Ф. Ракова, члена ЦК партии эсеров и члена Учредительного собрания, арестованного в Омске в ночь на 18 ноября 1918 г. в момент колчаковского переворота:

«Тюрьма рассчитана на 250 человек, а в мое время там сидело больше тысячи... В первый день моего пребывания в тюрьме из нашего пересыльного коридора вынесли 19 человек, заболевших тифом. В подвальном этаже всегда лежало трупов 30–40: тюремная администрация просто не успевала хоронить умирающих. Главное население тюрьмы — большевистские комиссары всех родов и видов, красногвардейцы, солдаты, офицеры, — все за прифронтовым военно-полевым судом, все люди, ждущие смертных приговоров. Атмосфера напряжена до крайности. Особенно удручающее впечатление производили солдаты, арестованные за участие в большевистском восстании 22 декабря. Все это молодые сибирские крестьянские парни, никакого отношения ни к большевикам, ни к большевизму не имеющие.

Тюремная обстановка, близость неминуемой смерти сделала из них ходячих мертвецов с темными землистыми лицами. Вся эта масса все-таки ждет спасения от новых большевистских восстаний... Вы представляете, в какой атмосфере пришлось нам сидеть. К смертной казни приговаривали пачками по 30–50 человек, расстреливали по 5–10 за день. Некоторым по месяцу, по два приходилось ждать исполнения приговора. Смертная казнь стала для тюремных обитателей столь обычным явлением, что тюрьма спала, когда уводили осужденных на казнь».

Колчаковщина пробудила гневное неприятие даже у эсеров, многие из которых знали об уничтожении не только сторонников советской власти, но и антисоветски настроенных их

товарищей-партийцев. Потому-то критика адмирала, виновного и в этом, с их стороны, была вполне логичной. Но особенно показательна позиция немалого числа сторонников дореволюционных «ценностей» из числа тех, кто по своему менталитету должны были бы не критиковать Колчака, а «до упора» поддерживать его режим. Однако курс т. н. «верховного правителя России» был фактически настолько саморазрушительным и самоубийственным, что не могли молчать и те, кто за него должен бы «стоять насмерть».

«Из дневника барона А. Будберга (1919 г.)

29 мая. Восстания в близком и глубоком тылу разрастаются; весна и листва дают огромные преимущества повстанческим бандам; средств противодействия у нас нет, так как все годное притянуло фронт, а те импровизированные части, которые посылаются в тыл, способны только на то, чтобы поднимать новые восстания. Обобрать тыл, ставка учинила огромный и, быть может, непоправимый промах, ибо без спокойного тыла нам никогда не выиграть...

17 июня. ...По сведениям приезжающих с фронта строевых офицеров, высшие и низшие штабы переполнены законными и незаконными женами, племянницами с детьми, о которых начальники заботятся больше, чем о подведомственных им частях... За последнее время грабёж населения вошел в обычай и вызывает глухую ненависть самых спокойных кругов населения... Общая апатия, чувство безнаказанности родили и развили формальное исполнение своих обязанностей, лишь бы не попасть под ответ...

17 июля. ...Теперь же, на нашу невыгоду, красноармейцам на фронте отдан строжайший приказ не трогать население и за все взятое платить по установленной таксе. Адмирал несколько раз отдавал такие же приказы и распоряжения, но у нас все это остается писаной бумагой и кимвалом бряцающим, а у красных подкрепляется немедленным расстрелом виновных.

9 августа. Вчера состоялась публичная лекция полковника Котомина, бежавшего из Красной армии; присутствующие не поняли горечи лектора, указавшего на то, что в комиссарской армии много больше порядка и дисциплины, чем у нас, и произвели грандиозный скандал с попыткой избить лектора, одного из идейных работников нашего национального центра; особенно обиделись, когда К. отметил, что в Красной армии пьяный офицер невозможен, ибо его сейчас же застрелит любой комиссар или коммунист; у нас же в Петропавловске идет такое пьянство, что совестно за русскую армию.

26 августа. Неприятно смотреть на висящую в моем кабинете огромную карту, на которую заведующий сводками офицер наносит красными точками пункты и районы восстаний в нашем тылу; эта сыпь делается все гуще и гуще, а вместе с тем все слабее становится надежда справиться с этой болезнью».

Сомнений нет: неопровержимым свидетельством истинной подоплеки краха не только лично адмирала А. В. Колчака, его режима, но и в конечном итоге всего белого движения, являются документы, исходившие вовсе не от его противников, а от тех, кто был с ним в одном лагере, включая ближайших соратников, которые поддерживали то, что адмирал, в частности, декларировал в своем дневнике. В нем есть строки о воине, который «смотрит на нашего «революционного демократа» или товарища... и думает, можно ли применить к этой гадости клинок». По его мнению, этот воин «просто поставит в грязную демократическую лужу свой тяжелый, окованный солдатский сапог, и лужа брызнет, разлетится в стороны и немедленно высохнет».

Кончилось же это все тем, что чехословацкие союзники Колчака взяли и передали его тем, кто заведомо был не в состоянии сохранить ему жизнь. После всего того, что творилось (как кое-кому «видится» в наши дни — якобы лишь под номинальным руководством адмирала, официально провозглашенного «Верховным Правителем России»), в условиях жесто-

ченнейшего военного противостояния советской власти также и японским войскам, приговор Иркутского военно-революционного комитета, вероятно, просто не мог не быть беспощадным. А чешский генерал Гайда, прощаясь с Колчаком навсегда, заметил: «Да, ваше высокопревосходительство, уметь управлять кораблем, это еще не значит уметь управлять всей Россией!»

Сожжение заживо в паровозной топке героя борьбы с колчаковцами и их японскими «опелунами» Сергея Лазо и его товарищей, было достаточно типичным для особо ужасных индивидов, совершенно безнаказанно орудовавших в рядах белогвардейцев, что ныне тоже, конечно, скрывается от телезрителей, читателей и особенно усердно — от школьников. А чего стоят, к примеру, такие совершенно озверевшие от слепой классовой ненависти и бесконтрольности некоторые из подчиненных А. И. Деникина, которые тоже терзали ужасающим образом население захваченных регионов, не гнушаясь расправами даже с детьми? Ведь только нелюди из нелюдей, чудовища из чудовищ могли докатиться до того, что отрубили руки и ноги всем членам большой семьи одного из красных бойцов, включая грудного младенца, злорадно оставив эти несчастные «обрубки» победоносно наступающим частям Красной Армии.

Делается все, чтобы в учебниках, предназначенных для подростков и старшеклассников не содержалось ничего объективного и конкретного об ужасающей жестокости «белых героев». Наоборот: все это «переключается» большей частью именно на красных бойцов, командиров и комиссаров без намека на документальную обоснованность! О сожжении заживо героических, кристально чистых патриотов-ленинцев — ни слова, невзирая на точнейшую фиксацию реальности такого изуверства! Но даже называя имена сожженных С. Лазо, А. Луцкого, В. Сибирцева — руководителей большевиков того края, тут же выдумываются «факты» о якобы сожжении белых офицеров без упоминания их имен, места трагедии и вообще всего, на чем «основываются» подобные утверждения, как правило, заведомо клеветнического характера. (См. «Отечественная история. XX век». Учебник для X класса средней школы. Часть I. 1994 г. С. 213). Надо, наконец, потребовать, чтобы каждое обвинение в жестокости (тем более — изуверской) было безукоризненно точно обосновано. Нельзя и далее мириться с такого рода аморальнейшими злоупотреблениями иных «ученых», литераторов, режиссеров и тем более — авторов учебника.

Видимо, есть все основания, например, для уверенности в том, что в жесточайших эксцессах лично А. И. Деникин не мог быть заинтересован, но его попытки изменить ситуацию к лучшему терпели крах. Возможно, это была не столько вина, сколько беда данного лидера белого движения, потерпевшего поражение и в своем стремлении покончить хотя бы с самыми ужасными проявлениями подобной мерзости. Бесчинства, нередко — сверхужасающие, но при этом не поддававшиеся контролю со стороны не только данного лидера, систематически и все чаще происходившие во многих частях и соединениях «белого» воинства с роковыми для него последствиями, были повседневной реальностью, предreshившей бесконечно многое в ту наисложнейшее мучительную пору.

2 При оценке реалий той поры, думается, очень показательно и то, что даже кумир ультрареакционеров всех мастей П. Врангель, сыгравший более, чем заметную роль в ходе отстранения от руководства чуть ли не «либерального» А. Деникина, тоже столкнулся с попытками заговорщиков свергнуть и арестовать его вместе с рядом его приближенных главным образом за то, что этот почти безоглядно пропомещичий по своим симпатиям генерал пытался преодолеть политическую изоляцию своего режима с помощью некоторых уступок крестьянству в решении земельного вопроса.

Заговор против Врангеля все же удался предотвратить, а вот Деникину и его ближайшим соратникам стало совсем худо и после их отъезда из России. Опасаясь преследо-

ваний самых агрессивных белогвардейцев-монархистов, им пришлось тайно покинуть Феодосию и сделать своей «резиденцией» русское посольство в Константинополе. Но и на турецкой территории их тоже не оставили в покое. Бывший начальник деникинского штаба генерал Романовский был убит в вестибюле посольства. Человек в белогвардейской офицерской форме окликнул генерала и, когда тот обернулся, дважды выстрелил ему в лицо. Это убийство было по-своему типичным для атмосферы белого движения.

Экстремистские черносотенно-монархические организации и в дальнейшем вносили свой по сути дела саморазрушительный вклад в антисоветскую борьбу. К примеру, в 1922 году было произведено покушение на жизнь многолетнего бессменного лидера партии кадетов П. Н. Милюкова, прибывшего из Парижа в Берлин для чтения лекций. Во время одного из его выступлений в него несколько раз выстрелил террорист с криком: «За царя и Россию!». Милюкова спасло то, что он был сбит с ног бросившимися к нему на помощь людьми. При этом выстрелами второго террориста был убит один из кадетских лидеров В. Д. Набоков.

Серьезным, по-настоящему честным историкам еще предстоит объективно, непредвзято вскрыть причины того, почему лично вроде бы не тяготевшие к фактически самоубийственной для «белого стана» жестокости антисоветские лидеры (например, тот же А. И. Деникин), непримиримо противостоявшие В. И. Ленину, постоянно оказывались, в отличие от него, фатально неудачливыми и в сугубо человеческом плане. В том числе и когда пытались обуздать нередко патологически-палаческих типов различных уровней в своих собственных рядах. Хотя именно это, возможно, в решающей степени компрометировало и подрывало то, что по воле и желанию криминально капитализаторских властителей 90-х и последующих годов принято теперь именовать «кристально белым» движением, якобы «спасительным» для России...

По ряду данных вряд ли исключено и то, что, возможно, и А. В. Колчак говорил правду накануне своей гибели, утверждая, что он был бессилен обуздать явление, названное им атаманщиной. Формально ему подчиненные воинские соединения, непосредственно возглавлявшиеся атаманом Семеновым и ему подобными, возможно, все же вопреки его планам и расчетам, так свирепствовали, что поначалу довольно инертно настроенная основная масса населения Сибири буквально заполыхала антиколчаковскими и просоветскими восстаниями. В первую очередь из-за кровожадной, в чем-то даже оголтело уголовной сущности именно Семенова — его будущего преемника. Того самого атаманствующего «новоиспеченного» Колчаком генерала, пользовавшегося всесторонней поддержкой японских правителей, надеявшихся с его помощью отхватить у нашей страны огромную часть нашего Дальнего Востока, а, быть может, и Сибири...

Пора, наконец, всем понять и признать наличие ужасной подоплёки того, почему режим, начиная с 90-х годов XX века, руководствуясь лишь вульгарнейшей корыстью, не допускал появления (тем более — в школьных учебниках) правды о пагубной жестокости Колчака и его приближённых, как и всех, им подобных, не только по отношению к ленинцам, спасавшим страну, но и к их антисоветски настроенным политическим оппонентам, пытавшимся «поладить» с белогвардейцами, включая бывших членов Учредительного собрания. В чем же дело? Да в том прежде всего, что лжедемократами, лжепатриотами, монархистами, расистами, полуфашистами и т. п. натурами поощряются и нежно любимы все палачи нашего народа даже той, довольно давно минувшей поры. А раз так, то почему бы, скажем, не скрыть и подоплеку безнаказанности виновных и в изуверской бесчеловечности по отношению к «ручным» эсеро-меньшевистским арестантам? Поручик Барташевский, например, показал: «Адмирал Колчак был осведомлен... и военным властям было отдано приказание скрыть всех нас...» («Омские события при Колчаке», — «Красный архив» 1924. Т. 7. С. 232). Палачи в конечном итоге получили повышение по службе!

Вполне закономерны, вопреки всей страшной правде о сущности режима Колчака, симпатии к таким, как он, Ельцина и ему подобных, поощрявших даже сооружение соответствующих памятников. В чем дело? В том, что процаристским, воровски капитализаторским и прочим любителям власти и богатств зоологически ненавистны не только светлые человеческие идеалы, но и все противостоявшее антинародным силам, среди главарей которых были и зоологически предательские, растленно кровожадные чудовища типа Семенова. Того самого, на фоне которого и реакционно беспощадный Колчак «выглядел» не так отвратно, хотя все определяющее в его режиме зависело именно от таких омерзительных личностей, как его упомянутый выдвигенец...

Что же касается ведущих руководителей Советской власти, то они были органически чужды по отношению к чему-либо похожему на что-то подобное. Наиболее заметные и одаренные лидеры Советской власти вообще отвергали бессудные расправы. Как свидетельствовал председатель Реввоенсовета 5-й Армии И. Н. Смирнов, он получил «от Владимира Ильича шифрованную телеграмму, относительно Колчака, в которой он решительно приказывал Колчака не расстреливать» (Смирнов И. Конец борьбы. Перемирие с чехословаками — в книге: Борьба за Урал и Сибирь. С. 310). В связи с этим в Иркутск было направлено требование: «революционный совет 5-й Армии приказал Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи советской власти российской республике» (Цит. по: «Военно-исторический журнал», 1964. № 4. С. 126–127).

Ситуация в районе Иркутска радикально изменилась к худшему. Особенно после предъявления генералом Войцеховским ультиматума о выдаче Колчака, послешный расстрел которого военно-революционный комитет посчитал неизбежным, как вследствие резкой активизации белых войск, так и реальной угрозы контрреволюционного восстания в самом городе. А в целом, роковой финал Колчака был предрешен тем, что он вольно или невольно стал олицетворением самых зловещих сил международной и внутренней реакции, залившей Россию кровью и отбрасывавшей все, пусть лишь внешне, но мало-мальски прогрессивное...

Тысячекратно прав был тот, кто сыграл решающую роль в борьбе за спасение и возрождение Отчины: «Мы знали, что там организовано было правительство, и для начала туда были посланы прекрасные знамена, которые изготовляли эсер Чернов и меньшевик Майский, и на них были лозунги — «Учредительное собрание», «Свобода торговли» — чего хочешь... Что же вышло из этой власти? — вышло вместо Учредительного собрания колчаковская диктатура — самая бешеная, хуже всякой царской» (В. И. Ленин ПСС. Т. 39. С. 127). Еще ранее Владимир Ильич вполне объективно констатировал, что вспыхнуло восстание в Сибири, в котором участвуют не только рабочие и крестьяне, включая и самых зажиточных, но и интеллигенция (См. там же. Т. 39. С. 87).

Существуют веские основания для уверенности: крах (отнюдь не только свой собственный) предрешил лично адмирал А. В. Колчак. Даже иностранные покровители понимали, что его ультрареакционная одержимость означает неизбежный провал (в том числе и из-за отказа от подобия хотя бы чисто показного «демократизма» и готовности пусть сугубо декларативно, но все же провозглашать «прогрессистски-добрые побуждения».) Колчак в своей повседневной деятельности орудовал противоположным образом, буквально «плодя» сотни тысяч и миллионы тех, кто его ненавидел и презирал.

Об этом свидетельствуют и слова адмирала, адресованные группе генералов. Один из них (М. А. Иностранцев) поведал: «Колчак, саркастически улыбаясь, заявил: вы ведь знаете, что западные государства, во главе, конечно, с Вильсоном, вздумали меня испове-

довать на ту тему, какой я демократ? Но я им ответил... Во первых, я им ответил, что Учредительное собрание, или, вернее, земский собор, я собрать намерен, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена... А до этого о всяком словоговорении не может быть и речи. Во вторых, ответил им, что избранное при Керенском Учредительное собрание за такоево не признаю и собираться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгону, а тех, кто не будет повиноваться, то и повешу!.. Наконец, при выборе в настоящее Учредительное Собрание, пропущу в него лишь государственно-здоровые элементы... Вот какой я демократ!» (Иностранцев М. А. Первое поручение адмирала Колчака — Белое дело. Т. 1, Берлин, 1926. С. 108).

Можно ли утверждать, что Колчак не был заинтересован в ограничении кровожадно-изуверской жестокости ряда своих приближенных, «отличавшихся» массовыми расстрелами и иными казнями, вполне сопоставимыми с ужасами средневековья? Вряд ли. Хотя бы потому, что подобные злодеяния подрывали, изолировали, предельно ослабляли его режим в целом. Неужто он не понимал, что не где-то, а здесь первооснова грядущего краха?

Хотелось бы верить, что, несмотря на свои тягчайшие срывы и корпоративно-сословную узколюбость мировосприятия, он (во всяком случае в официальных «реляциях») все же не был подобен звероподобно палаческим нелюдям типа Семёнова, Калмыкова, Унгерна, Булак-Балаховича и прочим элементам аналогичного типа. (Кстати, они, как правило, не были генералами дореволюционного времени, а, к примеру, тот же атаман Семёнов, стал аж генерал-лейтенантом только благодаря своим иностранным «опекунам» и лично Колчаку...). Сомнений быть не должно: крушение всех сил внутренней контрреволюции оказалось в равной степени неизбежным независимо от индивидуальных качеств и способностей тех, кто возглавлял белое движение, прежде всего потому, что никто из них, включая даже самых благо-разумных и вовсе не жестокосердных, не был в состоянии совершить хоть что-либо серьезное в созидательном смысле. Почему? Да из-за своей непреодолимой зависимости от сил, до умопомрачения ожесточенных утратой дореволюционных привилегий и богатств.

Мы уже, видимо, никогда не узнаем, почему А. В. Колчак не предпринял ничего сколько-нибудь существенного для обуздания наиболее кровожадных из числа своих подчиненных. Хотя злодеяния их были в числе решающих факторов, приведших и к его личной трагедии. Возможно, стремясь предотвратить подобное развитие событий, руководство чехословацкого корпуса — главного союзника Колчака непосредственно на территории России — вполне официально выразило свое крайнее возмущение чудовищной жестокостью тех, кто олицетворял режим, возникший после его прихода к практически бесконтрольной диктаторской власти.

Однако, вопреки всем фактам, свидетельствам, документам буржуазно лжедемократический «агитпроп» на протяжении более 15 последних лет не прекращает стонания о, дескать, ни в чем не повинном А. В. Колчаке, загубленном якобы именно руководителями Советской России. До чего же хочется пропагандистской обслуге, бесконтрольно господствующей прежде всего на телевидении, навсегда утаить правду и о том, кто предрешил смерть адмирала! Наиболее цинично проявляется жажда скрыть то, что в измученной стране тогда ни один руководитель, включая В. И. Ленина, просто не имел возможности спасти жизнь Колчаку. Максимум того, что можно было сделать — это попытаться уберечь его от «шемякина суда», исключив произвольное сведение счетов, скоропалительность расследования его дела и нарушения норм судопроизводства.

Не допустить же фатального приговора было по всей вероятности совершенно невозможно. Тем более — после того, как не пожелали охранять его иностранные покровители, имевшие все возможности для вывоза адмирала из России. А ведь они прекрасно понимали, что на него, как высшего руководителя белогвардейских сил, ложилась ответст-

венность за палаческий беспредел его подручных! Помиловать Колчака — означало бы вызвать гнев многих миллионов пострадавших, причем с крайне пагубными последствиями для нашего общества той поры. Как можно было бы амнистировать того, кто вольно или неволью привел к гибели бесчисленных масс расстрелянных, повешенных, а иной раз даже заживо сожженных?

Даже весьма многих Романовых спасти было трудно, но еще возможно, что и было сделано в максимально возможной степени. В. И. Ленин и его истинные соратники использовали все шансы такого рода. Связанные с этим гуманные действия не афишировались, ибо в стране было великое множество тех, в чьей памяти сохранялась мучительная душевная боль о страшных потерях, о бесчисленных жертвах царского режима. Потому-то стремление уберечь ни в чем не повинное большинство Романовых могло духовно травмировать немалую часть населения и даже антисоветски повлиять на определенную часть сограждан той поры.

Задумываясь о судьбе и личной трагедии адмирала Колчака, грешно отрицать ту правду, что спасти его жизнь было легче легкого. Но только не кому-либо, а как раз его иностранным покровителям и «друзьям», которые сдали его на смерть, руководствуясь глубоко замаскированными соображениями, связанными с собственной выгодой. Лишь они могли заставить Колчака 4 января 1920 года издать указ об утверждении Деникина в качестве Верховного правителя русского государства, как и о передаче всей полноты власти на восточной части российской территории палачествуемому Г. М. Семёнову. А кто, кроме иностранных «доброжелателей», мог «убедить» обанкротившегося адмирала распустить свою охрану и передать себя под опеку чехословацких военнослужащих уже на следующий день (5 января) и разместиться не где-либо, а в поезде своих союзников, выполнявших охранные функции хуже, чем своеобразно?

Помимо прочего, это проявилось и в том, что «вдруг» 15 января на станции Иннокентьевской около Иркутска чехословацкий контингент передал А. В. Колчака и председателя совета министров его правительства В. В. Пепеляева местной власти — то есть в распоряжение эсеро-меньшевистского Политического центра. Мало того, что этот орган был совершенно неавторитетен в массах, но и по своим властным ресурсам был фактически «нулевой» величиной. К тому же его состав не мог не относиться к Колчаку если не с открытой ненавистью, то с затаённой неприязнью из-за жесточайших убийств, жертвами которых практически (если не официально) по вине бывшего верховного правителя пали весьма многие из их товарищей. В результате еще задолго до вступления регулярных частей Красной армии и восстановления в полной мере Советской власти эсеро-меньшевистский Политический центр уже 21 января уступил власть в Иркутске большевистскому Революционному комитету, а заодно в его руки был «бережно» передан и Колчак! Причем это произошло за много дней до окончательного военного триумфа Красной Армии в том регионе.

Власть ревкома была еще непрочной, находившиеся поблизости крупные белогвардейские соединения сохраняли высокую степень боеспособности и в любой момент могли «взять за горло» и потому приходилось торопиться. Шестого февраля иркутский ревком приговорил Колчака и Пепеляева к расстрелу, и утром следующего дня приговор был приведен в исполнение. Разве не симптоматична нижеисследуемая реальная конкретика нашей истории? Последние чехословацкие эшелоны отбыли из Иркутска лишь в ночь с 1 на 2 марта, а регулярные части Красной армии вступили в город только 5 марта! (см. «В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг.», Москва, РОССПЭН, 1999. С. 330. Работа издана Российским государственным архивом социально-политической истории).

Итак, суд над Колчаком и его расстрел в Иркутске производились в непосредственном соседстве с эшелонами чехословацкого контингента, имевшего возможность выручить

Колчака, но действия которого целиком определялись его мощнейшими покровителями, включая Верховного главнокомандующего союзными войсками в Сибири французского генерала М. Жанена. Видимо, кто-то и из числа лютых врагов Советской власти очень неприязненно относился к Колчаку. Настолько, что спокойненько, а быть может, и с удовольствием наблюдал за тем, как фактически обреченный ими на смерть недавний Верховный правитель завершал свой жизненный путь. А ведь вроде бы не похоже на то, что у кого-то из руководителей Антанты были основания относиться к А. В. Колчаку с такой же затаенной неприязнью, как у членов эсеро-меньшевистского Политического центра.

Однако решающим фактором неотвратимости краха и личной беды А. В. Колчака было его поразительное политическое и морально-этическое бесплодие. Это наиболее злое проявилось в его примитивно агрессивной и необузданной тяге к упрощенно террористическому псевдорешению наисложнейших проблем, смертельно опасно для миллионов людей и Родины в целом.

Стремление действовать именно так, вместо разработки и осуществления хотя бы мало-мальски общественно-этически серьезного, политическое элементарно интеллектуального курса, привело к последствиям, о которых, в частности, поведал адмиралу Колчаку по прямому проводу глава его собственного правительства П. Вологодский: «Все слои населения до самых умеренных возмущены произволом, царящим во всех областях жизни, и бессилием правительства положить конец своеволию отдельных военных начальников. Все указывают на полную расходимость слов с делом». В те времена верить только обещаниям было не принято, а следовательно, неизбежность полного поражения была вполне предсказуемой.

Вот о чем вынуждены были поведать в своем меморандуме руководители чехословацких союзников Колчака: «Охраняя железную дорогу и поддерживая в стране порядок, войско наше вынуждено сохранять то состояние полного произвола и беззаконности, которые здесь воцарились. Под защитой чехословацких штыков местные военные русские органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избивание русских мирных граждан целыми сотнями, расстрел без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности составляют обычное явление...» (Цит. по: Гинс Г. К. «Сибирь, союзники и Колчак». Харбин, 1921. Т. 2. С. 441–442).

Глава антисоветских сил, сосредоточенных в южной части страны, А. И. Деникин в плане политической рассудительности, по меньшей мере — элементарной осторожности, по-видимому, все же отличался от сибирского властителя. Во всяком случае, он более или менее реалистически оценивал последствия мстительности своих влиятельных подчиненных, руководивших его воинством. Совсем не случайно А. И. Деникин стремился предотвратить наиболее опасные для белого движения эксцессы такого рода. В частности, в июне 1919 года он адресовал командующим армиями телеграмму: «по дошедшим сведениям, вслед за войсками при наступлении, в очищенные от большевиков места являются владельцы, насильственно восстанавливающие, нередко при прямой поддержке воинских команд, свои нарушенные в разное время права, прибегают при этом к действиям, имеющим характер сведения личных счетов и мести...» (Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 150). Но и здесь ничего не менялось к лучшему ни в малейшей степени. В том же 1919 году А. И. Деникина уведомяли, что местная администрация «придаёт всей своей деятельности характер защиты интересов одного немногочисленного и непопулярного в широких кругах класса, а именно крупных землевладельцев» (Там же. С. 158–159).

Пропомещичьи и пробуржуазные реалии белогвардейского лагеря, ненависть его лидеров к рабочему классу и крестьянству делали тылы Деникина ненадежными, превращали

их в «кипящий котёл». Миллионы людей, придавленных «белым реваншем», признали правоту ленинских слов о том, что «Колчак и Деникин несут восстановление порядков хуже, чем царские, восстанавливающие рабство рабочих и крестьян, порки, грабежи, надругательства...» (Ленин. Т. 39. С. 48). Основной «костяк» белого движения своим поведением такой направленности привел к тому, что миллионы городских и сельских пролетариев, а также крестьян-середняков были готовы стоять за Советскую власть. Мало того, людские массы, включая большинство интеллигенции, поначалу отчужденные от нее, постепенно поняли, что на фоне беспредела жестокости большинства белых лидеров она является, по крайней мере, наименьшим злом в условиях трагического военного противостояния, а со времени введения ленинского НЭПа эта власть вообще воспринималась как безусловно спасительное благо.

Что же касается времени пика вооруженной схватки гигантского масштаба, то беспощадность «белого лебединого стана» не знала удержу ни в чем, причем не обязательно только по отношению к сознательным и решительным защитникам Советской власти. Одной из «первых ласточек» такого рода был расстрел 29 июля 1919 года полковника Рябцева К. И., выпускника академии Генерального штаба, находившегося на военной службе с 1900 года, участника русско-японской и Первой мировой войн. Почему каратели из Добровольческой армии сразу после захвата Харькова арестовали, а затем и прикончили этого человека? Быть может, Рябцев служил или был готов служить в Красной армии? Ничего подобного: он был непримиримым врагом Октябрьской революции, причем действовал с редкой беспощадностью уже в тот исторический момент, будучи командующим войсками Московского военного округа. По его вине были расстреляны очень многие предательски захваченные безоружными революционно настроенными солдатами кремлевского гарнизона. Он же несет ответственность за то, что улицы Москвы были обильно залиты кровью, в том числе и подчинявшихся его приказам юнкеров. Их мертвые юные лица потрясли Александра Вертинского:

Я не знаю, зачем и кому это нужно?
Кто послал их на смерть недожащей рукой?
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой.

Ленинцы не приговаривали к расстрелу главного виновника этой трагедии, а антисоветские «коллеги» обвинили его в недостаточно активной борьбе с большевиками в октябре 1917-го (!) и нежелании активно поддержать корниловскую авантюру, за что и казнили Рябцева. Бесчисленные (в том числе и абсолютно бесконтрольные, «стихийно-бессудные») расстрелы на основании подобных «доказательств» мнимой вины, вскоре стали чем-то само собой разумеющимся во многих частях и соединениях антисоветского воинства, что лишь приближало окончательное поражение белых армий. А разве не из той же категории судьба ряда лидеров кубанского казачества, «виновных» главным образом лишь в стремлении добиться хотя бы подобия автономии в белом движении? Они тоже были готовы непримиримо сражаться против Советской власти! Однако, это, к примеру, не помешало офицерам убить председателя кубанской Рады И. С. Рябовола и повесить другого казачье-го лидера Н. Калабухова.

Весьма и весьма показательно и то, что не только эсерам и меньшевикам, но и кадетам открыто угрожал расправой СГОР (Союз государственного объединения России — влиятельнейшая промонархическая ассоциация) со страниц своего печатного органа — газеты «Великая Россия». Один из лидеров СГОРа Н. Н. Чебышев в статье «Неужели мы забудем?» в номере от 16(29) октября 1919 года писал: «Прибредут поседевшие от разочарований мечта-

тели, приветствовавшие слезами умиления февральский переворот, надеявшиеся заморозить разнузданную ими стихию декларациями, написанными хорошим слогом...». Здесь же выносятся и «приговор»: «Следует прощать врагов, когда они повешены».

Страшно даже подумать о том, что ожидало бы нашу страну в случае победы над Советской властью любого из белых лидеров. Об этом можно догадываться по высказываниям одного из влиятельнейших и наиглавнейших из них — генерала Л. Г. Корнилова: «В этих боях вам придется быть беспощадными... и я даю вам приказ: пленных не брать. Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом беру на себя» (Марковцы в боях и походах за Россию. Кн. 1. С. 78). Здесь откровенно обнажены ультрапалаческая бесчеловечность и примитивнейшая реакционность, смертельно опасные для нашей Родины. (Тем более странно, что эта страшная историческая фигура ныне вызывает симпатии у иных политиканов, не только промонархически полуфашистской, но и будто бы демократической «популяции», что отражается самым nepотpeбным образом даже в школьных учебниках!).

Это не могло не подрывать самые основы белогвардейского лагеря, изолируя его от гигантского большинства населения страны. Активный участник корниловского так называемого Ледяного похода Р. Гуль не мог без горечи вспоминать о массовых расстрелах пленных, добывании раненых, страшных гололовных порках, когда «плети были в крови». Как раз в таких условиях нередко на передний план выходили «самые трусы в бою, самые звери после боя» (Ледяной поход. С. 68–69, 85). Ситуация катастрофически ухудшалась там, где подобные натуры дорывались до первых ролей...

Казалось бы, командный состав армий иностранного вторжения должен был понимать обреченность подобного курса и оказывать хотя бы подобие сдерживающего влияния на наиболее свирепых из своих «подопечных». Однако в норме ничего эффективного в этом плане не предпринималось. Ведь, скажем, ставленник Германии генерал-клятвопреступник П. Краснов, только с помощью своих «опекунов» смог снарядить огромные воинские контингенты и стать виновником гибели бесчисленных масс наших соотечественников той поры.

Почему же германские шефы ухитрились «не заметить», что необузданная кровожадность Краснова и его подручных порождает немощь всего «белого дела»? Как можно было поощрять и самые человеконенавистнические деяния красовцев? «Рабочие арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать». «Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня». Исполнение этих и других изверских приказов подручных Краснова предредило провал его попыток развернуть наступление и на северном направлении, и на царичинском, а в итоге — полное поражение.

Помимо зверствующих лидеров и их подручных, немалый вред белому движению приносили и заурядные корыстолюбцы. Такой компетентный наблюдатель, как французский генерал Жанен, свидетельствует о колчаковских реалиях в своем дневнике той поры: «...давление оказывают на правительство группы министров во главе с Михайловым, Гинцем, Тальбергом; эта группа служит ширмой для синдиката спекулянтов и финансистов... Этот синдикат имеет чисто реакционную... тенденцию. В нем, как и среди офицеров, наряду с монархистами и людьми, озлобленными потерями, причиненными революцией, встречаются также и барышники» (Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника. — в кн.: Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930. С. 128). Честолюбие, корыстолюбие, женолюбие слепят многих и заставляют забывать главное — спасение Родины. В угаре борьбы в средствах не стесняются: сплетни, провокации, ругань, возведение самых гнусных обвинений и распространение самых подлых слухов в полном ходу. Возникла подчас уверенность, что Колчак был «пленен ставочной и омской камарильей» (См. Будберг А. Дневник белогвардейца. С. 125).

Из записок штабс-капитана Константина Цимбалова, умершего в 1930 году и завещавшего их семье своего командира полка Никитина в армии генерала Врангеля: 1920 год. «26.VI. Нас перебрасывают на соединении с корпусом в район севернее Мелитополя. Яркие солнечные дни... Жгучая степь Таврии. Движемся по ночам с невероятной быстротой. С грустью покидаем места, где пролило столько крови...

Вспоминается прошлый год, и столько горя, грусти поднимается из глубины души. Неужели же нельзя было в прошлом году идти без поджогов, грабежей — без ошибок, сгубивших святое дело генерала Корнилова, Маркова, Деникина, обливаемых теперь ушатами грязи крымской камарильей. Когда, наконец, прекратится все это, разве сверху не видно, что подобные взгляды растлевающе действуют на отношение к власти низов, деморализуют армию, поднимают бурю и негодование в наших сердцах! И этим пользуются люди с грязными руками. Они сгубили нас в прошлом и, возможно... боюсь писать... сгубят и в будущем!

2.VII. Михайловка. Из тыла идут недобрые вести. Спекуляция возросла до невероятных размеров, охватила все общество, наделение крестьян землей не проводится в жизнь — население о земельном законе даже не слышало. Пропаганда наших идей отсутствует... Кровь ежедневно льется во имя спасения родины, а кто-то в тылу руководит работой на руку большевикам. Проклятый, преступный тыл — олять мы задыхаемся от его смрада. Ужас за будущее тревожит душу. Неужели правительство слепо? Промедление смерти подобно. Чему же тогда подобно бездействие власти? Забвение в боях... Успокоение может дать лишь смерть... Можно сойти с ума!!!

11.VII. Сегодня ночью мы выступаем, впереди появились новые части противника — интернациональные части красных. Идем по заснувшим деревням и хуторам. Противника нет. Но разведка наша уже нащупала его — красные в Щербаковке.

27.VII. В 14 час. 20 мин. я ранен в бою под дер. Эрастовка шрапнелью в правую стопу. Без стопа я перенес все, без наркоза.

7.VIII. Джанкой. Боли в ноге усилились. Ночью в темноте на раненую ногу наступил санитар. Валяемся на полу товарного вагона на жидкой соломенной подстилке. Вагон бросает из стороны в сторону, толчки невероятные — везут тяжелораненых. В вагоне — сплошная вой. Когда приедем и куда? Скоро ли кончится эта обыкновенная история?

28.VIII. Завтра еду домой, в полк. Рана еще не зажила, гноится, но разве это важно, когда едешь к своим, к себе? Авьсь заживет же когда-либо. Больше быть здесь не могу — все надоело и опротивело, все больше и больше убеждаюсь в негодности нашего тыла, боюсь катастрофы, и если бы не стоял во главе армии генерал Врангель, то я бы сказал, что это «начало конца».

8.IX. Вчера взят Александровск (Запорожье). Захвачены эшелоны на станции. Идет грабеж имущества и ценностей у комиссаров и из вагонов. Командир корпуса грабит со всеми, Новороссийск повторяется... Бедная Россия! Неужели и в этом году ты не дождешься освобождения?.. Здесь все в грязи: не только руки — мысли и те грязны!

Припоминаю историю полковника Д. — появление у него бриллиантового кольца, колец из платины, золотых зубов — 86 шт., зубокабинета и ящиков с хирургическими инструментами — все это результаты «работы» в Таврии. Имущество казенных, обвиняемых «в коммунизме»... Выкрутился. С помощью холуйствующих дружков свалил на «кобылку», настроив грязный донос. Впрочем, все знают, как Д. нечист на руку. И жесток.

Захватили мальчишек-коммунистов и по приказу Д. повели одного из них на расстрел. Мальчишка смеялся и пел: «Вставай, проклятьем заклеименный...»

2.XI. Пароход «Херсон». Вчера с болью в душе смотрел на скрывающийся вдали Севастополь. Что-то болезненно обрывалось внутри... Нет под ногами родной земли. Идем в

изгнание. Но с верой, что вернусь когда-то на родину победителем. За себя я еще постою... Опять проклятые, истеричные вопли сверху: «На правый борт!» Духота, грязь, вши — вечные спутники.

11.XI. Порт Галлиполи. Из огня попали в полымья. Дома, разрушенные во время турецкого погрома, но одного окна, нет света, сыро, холодно. Люди все ночь бегают вдоль улицы, спать ночью нет возможности — днем дремлют, греясь на солнечной стороне. Нас, голодных людей, обкрадывают и здесь. Мы не получаем и трети французского пайка! (...)

1921. 20.I. Перехожу в своей истории полка к борьбе за каменноугольный район, когда я принимал активное участие в борьбе с красными — самому тяжелому периоду, богатому впечатлениями, кровавыми эпизодами и жертвами.

Перед отъездом на фронт был проездом в Новороссийске — «к счастью, дождь». В середине января 1919 года в яркий, теплый день приехал с братом в Екатеринодар. На вокзале масса публики, вооруженных казаков, на стенах воззвания формирующихся частей, громадные плакаты «Освага»... Впервые видел 22-летнего полковника-летчика. У громадной витрины «Освага» с линией фронта в числе многих я долго рассматривал карту, гадая, где мне придется воевать... Всего два года прошло с тех пор, и как все изменилось, к чему мы пришли. Галлиполи, изгнание!

Когда-то в мои годы у человека еще не было прошлого, а теперь у меня осталось только прошлое.

Перед обедом сегодня были похороны двух офицеров-дроздовцев... Первый умер от болезни, второй убит на дуэли... За что убит? Чтобы внести в жизнь своей жены красивую фразу: «Мой первый муж убит на дуэли!» Ложное представление о чести, когда она давно уворована...

1.II. Заходил после 19 ч. поручик Бунин — вспоминали вместе лазарет в Евпатории, вспоминали бои... Ужасы гражданской войны — расстрел генералом Туркулом 120 красноармейцев в возрасте 17–19 лет по обвинению их в коммунизме: под пулеметами заставили выдавать из толпы пленных коммунистов, детей избивали перед расстрелом дубинками, деревянными молотками... Размозжив кости черепа и лица, достреливали в канаве. И это на глазах населения, пленных и своих солдат.

Стремление к власти, кружащей голову, грызня из-за костей родины, дележ шкуры не убитого медведя и мародерство, преступления высшего начальства — стгли верхи. Покатилась армия к морю, полились невинная кровь и слезы, понесли проклятия вдогонку нам, ухидившим. Так было и, не дай Бог, еще будет! (...)

Два года назад 4 февраля (ст. стиля) я прибыл в туманное зимнее утро в Енакиево... Грязь стояла непролазная, еле добрался до штабдива, откуда был направлен в 1-й офицерский полк генерала Маркова. Фронт меня несказанно удивил — так все просто: ухает артиллерия, базар торгует, как всегда, на площади перед Петровским заводом болтаются на виселице «очередные» большевики.

Сдал на почте письмо-открытку и наконец нашел штаб полка... Я получил освобождение на трое суток. Отдыхал с дороги, писал письма среди веселого смеха молодежи, играл с маленькой дочерью хозяйки.

15.V. Перед ужином получена информационная сводка штакара с приказом Кутелова № 289 — о расстреле старшего унтер-офицера Бориса Копла за агитацию к распылению армии, за родственные связи с советскими деятелями и за службу в симферопольском Чeka в 1919 году... Когда вспомнили...

Все истолковывается как «агитация за распыление армии и разрушение организации». Страшна и беспощадна т. наз. «организация» и ее заплечных дел мастера.

26.V. Лагерь опустел — ушло у нас 118 чел., у дроздовцев — 600. Тает армия, уходит все молодое, здоровое, надеющееся на свою силу. Осталось все старое, фанатики идеи.

2.VII. Утро принесло с собою новости — сводку штакара с приказами и приговор военно-полевого суда по делу полковника Щеглова, приговоренного к смертной казни. Его расстреляли за то, что «он, полковник Щеглов, 27.VI. в палатке № 4 эвакопункта, находясь среди прочих, состоящих там на излечении офицеров и солдат, умышленно распространял заведомо ложные слухи, явно порочащие и подрывающие авторитет и доверие к высшим военным начальникам, вел разговоры, возбуждающие сомнение и убивающие веру в дело нашей армии, и восхвалял Красную Армию...» и т. д. Приказ № 431 гласит о приведении приговора в исполнение 30.VI. Полковнику Щеглову 47 лет; острослов, эрудит. Председательствовал в суде ген. Пешня — одно это имя говорит о смертном приговоре. «Наши вожди!» Горе родине и ее сынам, гибнущим от руки людей «вечернего времени»!

Сегодня обнаружили труп покончившего с собой поручика Петрова. Он говорил: «Я в лагерях только до 1 июля», слово сдержал и ушел из лагерей лучший офицер... умер в день годовщины смерти его жены... Одни стреляются, другие расстреливают, Родина гибнет!

3.VII. Бушует с раннего утра норд-ост, разыгрался и удержу ему нет — палатка скрипит, мечется, ерзает, пытаюсь сорваться с веревок и улететь, куда глаза глядят. Рвутся веревки, сгнившие за зиму, и все время ординарец Суптеля выбегает (насколько ему позволяет тучность).

Кругом недовольство настоящим положением вещей: бессудные расстрелы, казни по суду, усиленный шпионаж — он проникает в самые сокровенные уголки личной жизни, вечный страх за личное благополучие, нельзя ручаться ни за брата, ни за жену, которые могут оказаться на службе в контрразведке. Бесшабашное воровство в интенданствах и хозорганах корпуса — все хозяины стремятся скопить про черный день и рвут последнее с воина — «кобылки». Аресты и расправы приняли массовый характер по самым незначительным поводам. Настоящая охота за ведьмами... Положение таково, что напоминает момент перед взрывом общего негодования 1917 года.

За время войны нервы притупились, огрубели души, примелькались и свои, и чужие страдания, кровь стала водичей. Но теперь взгляды на вещи изменяются — состояние безумия проходит, и масса «кобылки» заговорила о возмездии за каждую каплю человеческой крови, невинно пролитой... Казнь Щеглова произвела потрясающее впечатление — произошел колоссальный сдвиг в сознании.

5.VIII. Подполковник Степанов и подполковник Зварич принесли двух огромных крабов и сейчас их истязают. Зварич бьет их карандашом по глазам, крабы в бессильной злобе подпрыгивают, впиваются в дерево и вновь беспомощно распластываются на столе, пытаюсь удрать. Вокруг враги... Мой голос против жестокосердия — капля в море. В Галлиполи рассказывают, как группа инспектирующих офицеров ловит кошек и, перебив им ноги, пускает. Полное озверение людей, притупление «буржуазных чувств»!

6.VIII. Живешь ощущениями, вызывающими воспоминания: в затычках дыма вдруг переносишься в далекие годы студенчества, в смолистом запахе вдруг почувдится сосновый бор в Черемушной на берегу Донца, в запахе мыла вдруг увидишь себя ребенком в ванне... Везде и всюду обонятельные и вкусовые галлюцинации. Во сне, вернее, перед сном, в полузабытье — зрительные... Ушел весь в прошлое, им живу... Пачка писем, локон волос и тьма воспоминаний — все, что осталось от жизни!

Утром по нашему лагерю разнеслась весть о побеге нескольких солдат из учебной команды, где людям прививают патриотизм постановкой под ружье на полуденном солнышке.

Приходили в роты полковые дети — продукт гражданской войны, выкидыши родины, они приходят, как домой, ближе роты у них никого нет. (...)

10.VIII. Вчера долго не спали, говорили об общем обнищании, истощении, слабости и апатии к жизни. Вспомнили случай с одним из солдат марковского дивизиона, покушавшимся на самоубийство топором. Как он говорил: «Дошел до точки, жить нет смысла, нет цели». Здоровый, рослый молодой человек, нанесший себе четыре раны в голову, все же выжил и... не теряет надежды покончить с собою. Смерть у него — цель жизни! (...)

Все мы «бывшие люди», все с более или менее ярким прошлым... Будущее же наше, по крайней мере, ближайшее, — неприглядно... Тяжело и обидно за море пролитой впускую крови, за неисчислимое количество жертв, принесенных во имя лжи!

18.VIII. Из полкового театра доносится душу раздирающий визг — ставят сценку «Инквизиция в XIV»... Припомнились случаи, леденящие душу своей ординарностью и простотой.

Село Проходное. Захвачено много пленных. Группа перепившихся офицеров решила учинить над красными расправу. Вызвали 13 чел. красных с простыми, открытыми русскими лицами — «мобилизованных» крестьян, вывели за околицу деревни, раздели догола, выстроили в одну шеренгу и, угрожая револьверами, заставляли говорить, кто коммунист. Обезумевшие спросонья тыкали на первого стоящего в строю, думая, что сами будут помилованы. Подполковник Арин или прапорщик Кавуновский приказывали стать бедняге на колени и читать молитву «Отче наш». При словах «Да будет воля твоя» эти господа всаживали пулю в упор в голову. Хрип, стон, хлопанье крови... Зловещая тишина ночи. Спасся один из шеренги, рискнув бежать. Поднялась беспорядочная стрельба, человек был спасен.

Те же «офицеры», с позволения сказать, задержали перебежчика в селе Самойловка. Истязали его всю ночь, избивая чем попало, пытая всеми способами, это при попытке перейти в армию, шедшую спасать родину! Закопали, окончательно не добив...

Полковник Рябухин, командир запасного батальона, помешанный на коммунизме, всюду искал сторонников этого учения среди вверенных ему солдат. «За что воюет Доб-рармия?» — спрашивал он солдат, и тот, кто отвечал: «За Учредительное собрание», уже считался коммунистом. (...)

8.IX. Болит душа, навязчивые идеи не дают покоя. Думаю о покинутой родине, о близких людях, часа нет, чтобы не вспомнил любимую... Приснился даже сон, будто у нее на руках мой сын, мой ребенок... Боюсь сойти с ума. Иногда ловлю себя на попытках говорить с собою...

Все дни работаю над историей полка — подлость и предательство прошлых дней проходят перед глазами: все залито кровью молодежи, интеллигенции, офицерства — «и все они умерли, умерли...».

24.IX. Пришел на память поручик Семеновко с его списком казненных и описанием их последних минут перед казнью — страшны странички «синодиков» этого садиста — патриота своих тысяч десятин земли. Его родина — деньги, каждый покусившийся на них — враг Отечества и подлежит смерти. Сегодня он вызван в штакор «друзьями». Ужасны люди, имеющие там друзей. Эти друзья — «уши и глаза», основа строя и благоденствия вождей, их недаром командируют в Прагу как «студентов», все насыщено ими, всюду рыщут они в поисках врагов и измены... «существующему порядку в условиях войны».

26.IX. Пришел полковник Сагайдачный, принес приказ по полку... И вдруг у читавшего его вслух перехватило, сдавило горло — новая казнь, новый кошмар... Расстрелян поручик корниловского артиллерийского дивизиона Успенский Василий — за попытки распыления армии, вхождение в сговор с представителями иностранной державы и выдачу им сведений о численности и вооружении корпуса, сообщение фамилий лиц органа политической борьбы...

Смертная казнь через расстрел приведена в исполнение по приговору военно-полевого суда. Мотивировка — «во время гражданской войны с большевиками, а потому и на основании...»

Ложь, насилие, безмерные преступления — вот атмосфера, в которой живут несколько тысяч русских граждан-добровольцев, патриотов, сердце готово разорваться от боли. Тулик... Пришли туда, откуда нет возврата.

27.IX. Весь вечер приходили и уходили новые и новые лица, пораженные вестью о новой казни. Возмущению нет конца. Негодяи, мерзавцы, предатели... Голова идет кругом. Крестный путь от Орла до Новороссийска, по Крыму и до Галлиполи — всюду гирлянды повешенных по главным улицам городов, станциям железных дорог, расстрелянные по степям и деревням, передвижная виселица на железнодорожной площадке-платформе на ст. Джанкой — менялось время года, метель сменялась зноем, оставались те же лица, та же система, с ними и с нею мы здесь, в Галлиполи.

28.IX. Сегодня закончилась регистрация студентов-первокурсников. Зарегистрировался подполковник Никитин.

Ходят слухи об аресте 20 офицеров контрразведкой штакара за агитацию распыления армии, арестованным грозит военно-полевой суд и участь казненного полковника Щеглова. «Море» уходит, «корабли» нервничают и усиливают террор. Особенно, говорят, старается начальник контрразведки, поручик, появившийся всюду то в студенческом, то в штатском, то в военном одеянии, — все видит, все слышит. Жизнь невыносимо тяжело, отказываешься понимать происходящее вокруг. Неужели люди, ушедшие от большевиков и сидящие «до конца», могут быть заподозрены в неблагоденности?! Нет! Идет сведение счетов со свободомыслящими, ищущими путей спасения родины не одними патентованными штаком средствами... Суды, казни, умирание армии добровольцев, стремление создавать последышей ландскнехтов...

Уйти в науку, в беспредельную даль, забыть все и забыться, бежать от «патента» на патриотизм» («Рабочая трибуна», 09.11.1991. С. 3).

О многом, предрешавшем крах антисоветских, абсолютно непримиримых участников рокового военного противостояния той поры, свидетельствуют наиболее добросовестные никем не «вымученные» по сути дела документальные данные. Например, погибшего в 1919 году 38-летнего М. Дроздовского, возглавившего в 1918-м отряд из 800 яростно ожесточенных противников Советской России, соединившихся с армией Деникина. По его словам: «Кругом враги... Мы, как водою остров, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Отгрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист.

Кормился отряд как хотел от жителей даром — в карательных целях за приверженность к большевизму.

И так весь путь отряда — встречается и провожается благословениями и восторгам одних, проклятиями и ужасом других и тупым безразличием массы.

К вечеру были переопрошены все пленные и ликвидированы.

А в общем, страшная вещь гражданская война, какое озверение вносит в нравы, какую смертельно злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упование убийством, которое не чуждо многим из добровольцев».

А вот строки генерала А. Шкуро, который восторгается деяниями своих подчиненных, хоть у нормального человека эти издевательства не должны вызывать добрых чувств. «Казачи взялись за плетки и, отодрав хорошенько несколько матросов, поставили перепуганных игроков на колени и заставили пропеть «Боже, царя храни», при этом они «поощряли» плетками тех, кто пел, по их мнению, фальшиво или без достаточного воодушевления».

(Цит. по «Московская правда», 15.10.1996 г. С. 6.)

А. И. Деникин, в отличие от особо зловещих белогвардейских лидеров, все же пытался в пределах своих возможностей хоть немного оздоровить обстановку в белогвардейском лагере, расширить его социальную базу, но это оказалось совершенно невозможно. Влиятельнейшие члены кадетской партии, всей душой поддерживавшие Деникина, тем не менее вынуждены были дать белому движению юга России негативную оценку, отмечая «дурную администрацию на местах, общее воровство и спекуляцию сверху донизу, слишком правую и слишком военную идеологию руководящих людей, слишком помещичье решение аграрного вопроса...». Как и в колчаковской «епархии»: «насилие, порки, грабежи, пьянство, безнаказанность явных преступников...». Стремление А. И. Деникина хоть что-то приблизить к относительной норме во взаимоотношениях с населением лишь озлобляло главарей наиболее «весомых» реакционно-антинародных сил, жаждавших его отстранения, что вскоре и произошло, хотя и в достаточно «дипломатичной» форме. Открыто выступивший против своего предшественника, генерал П. Н. Врангель вскоре тоже оказался бессильным улучшить ситуацию в рядах белогвардейцев и был просто обречен на окончательное и бесславное поражение. Корни политического, этического и нравственного распада белого движения лежат в непреодолимости в его рамках озлобления наиболее мощных антисоветских сил против большинства населения страны. Их крайняя жестокость распространялась нередко и на непримиримо ожесточенных ненавистников советской власти из рядов своего же движения. При этом жизненный финал даже кое-кого из некогда весьма влиятельных деятелей белого движения иной раз оказывался роковым или в «оптимальном» случае — совсем малоприятным, а то и жалким.

3 Попытки противостоять оглуляющему уродованию мировосприятия широчайших людских масс власть и богатство «имущими», в лучшем случае встречают ответ, что данная проблематика слишком сложна и потому нет смысла даже просто читать вами написанное и тем более публиковать что-либо подобное. Тем временем телевизоры и печатные (в том числе, конечно, и газетные) страницы в течение 15 лет систематически переполнялись и ныне переполняются абсолютно бездоказательными клеветнически-издевательскими выпадами, адресованными В. И. Ленину и всем лучшим деятелям минувших веков. А нескончаемые восторги предназначаются последнему царю, вообще всем его даже самым ужасным и «просто» бездарным предкам. Столь же безостановочно выражается одобрение подчас кровожаднейшим из «белых» вождей почти вековой давности...

Продельвается все это поразительно беззастенчиво, с беспредельным цинизмом! Причем чем антинаучней — тем бесшабашней и наглее... Вот, к примеру, на одной из страниц привлекает внимание кем-то сфотографированный скульптурный портрет В. И. Ленина, но, разумеется, не как надо бы, а с «пристроенной» шляпкой типа клоунского колпака! И тут же строчки, переполненные восторгом в связи с тем, что принято решение, исключаящее «...из федерального списка памятников истории и культуры монументы основоположникам марксизма-ленинизма... Теперь Ильичи сделают «шаг вперед, два шага назад» в ведение местных управлений культуры. И чтобы согнать очередного бородатого Маркса-Энгельса-Ленина с пьедестала, достаточно будет решения местной Думы». (См. «Комсомольская правда», 1 декабря 1996 года. С. 2)

Вполне закономерно по телевидению 11 сентября 2000 года в передаче «Криминальная Россия» в 22 часа 15 минут началось многословно-монотонное, в чем-то рекламное расписывание деяний и внешности патологически гнусного негодяя-убийцы, да к тому же расчленителя трупов Муханкина. И тут же десятки миллионов телезрителей были «уведомлены», что ему была «присвоена» кличка «Ленин»! Вся более чем десятилетняя пропаган-

дистская стряпня, конечно, не проходит и не может пройти бесследно для сознания и мировоззрения очень многих вполне нормальных, далеко не преступных по своим данным, но наивных и дезориентированных людей, особенно из числа самых юных наших сограждан.

Из заметки «Звонарь схватился с Ильичем»: «По-своему решил разобраться с бюстом вождя мирового пролетариата житель села Покровка Новосергиевского района. Поздно вечером, будучи навеселе, он шел через сквер, где установлен бюст Ленина, и решил его убрать с постамента при помощи подручных средств. В результате памятник был изрядно изуродован... Протрезвев, он стал уверять, что является принципиальным противником вождя большевиков... Кстати, злоумышленник — звонарь местной церкви». Оренбург. («Труд», 25.08.2000 г.) Все же можно не сомневаться, этот бедолага гораздо менее виновен, чем сбивающие с толку таких, как он, те широко известные и модные представители «творческой элиты», которые без зазрения совести внушают согражданам, будто В. И. Ленин был убийцей, да еще более ужасным, чем Гитлер и Чикатило! Как это провозглашал бывший пародист Александр Иванов...

Что особенно охотно используется ныне в спекулятивно-фальсификаторских целях? Несколько ленинских записок неофициального характера, причем написанных обычно в моменты, когда мучительно тяжелое состояние его здоровья мешало выработать стилистически адекватные формулировки в той или иной ситуации (подчас чуть ли не безвыходной), в которой оказывалась Советская Россия... Разумеется, нынешние «новые» политики, идеологи, пропагандисты лгут, утверждая, будто подобные документы ранее им были совершенно неизвестны. В действительности непримиримо резкие, иной раз — предельно угрожающие фразы, вырвавшиеся из-под пера Ленина в моменты, когда страна висела буквально на волоске, оказываясь на грани распада под ударами вооруженных сил ведущих империалистических стран, сомкнувшихся с силами внутренней реакции, весьма широко популяризировались на «потребу дня», особенно начиная с 30-х годов. В наши дни акценты меняются лишь формально, но история «делается» столь же своекорыстно и бесчестно.

Чего ради, скажем, в недавно изданном учебнике истории для старшеклассников содержатся строки из офицерского дневника, написанные летом 1917 года и отражающие чуть ли не фатальную личную трагедию? «Мне и офицерам остается только спастись, так как приехал из Петербурга солдат 5-й роты, ленинец. В 16 часов будет митинг. Уже решено: меня, Морозко и Егорова повесить». Поневоле кажется, что главная цель — извращение до неузнаваемости правды истории и пробуждение на этой основе слепой ненависти к Октябрьской революции и прежде всего — к Ленину. Вот и оставляют авторы без комментариев определение «ленинец», данное заурядному, ослепленному классовой ненавистью экстремисту из числа солдат безвестной 5-й роты.

Да, начиная, со времени Февральской революции, армию и флот нередко прямо-таки «захлестывали» подобные эксцессы, порожденные никем сознательно не направляемой и неконтролируемой стихией взаимной классовой ненависти. Однако великой заслугой В. И. Ленина как раз и было обуздание этой стихии при первой возможности, то есть вскоре после победы Великой Октябрьской революции. Именно это обусловило возможность фактического блока между почти половиной дореволюционного офицерского корпуса и теми, кто олицетворял Советскую власть во главе с В. И. Лениным. Это, кстати, и было одним из решающих факторов спасения России от распада и полукolonиальной дегенерации, спасения, достигнутого ценой пусть дорогостоящей, но победы над теми, кто уже начал делить великую страну на «сферы влияния», успев истерзать ее почти непоправимо.

В последние годы иногда если и цитируются, то лишь планы фашистских «стратегов» по уничтожению нашей Родины, но совсем не слышно упоминаний о том, что и у Англии,

Франции и США в 1918–1920 г., существовали четко обговоренные планы расчленения России: Крым и другие южные области отходили в «сферу влияния» Франции, Закавказье и Средняя Азия — Англии, и т. д. Кое-кто готов был использовать против наших соотечественников той поры даже химическое оружие! На Парижскую мирную конференцию американская делегация, например, привезла карту «Предполагаемые границы России», на которой вне пределов будущих российских границ оставались Карелия и Кольский полуостров, Прибалтика, Украина, значительная часть Белоруссии, Закавказье, Сибирь, Средняя Азия. И это, несомненно, так и было бы, в случае неспособности В. И. Ленина консолидировать в решающий и наисложнейший исторический период все патриотические силы для того, чтобы обеспечить само дальнейшее существование нашего общества.

Заранее предвижу возражения такого рода: не надо было Ленину противостоять самодержавной и прочей дореволюционной дегенерации, что якобы ослабило страну. В действительности ситуация была диаметрально противоположной, причем прежде всего именно благодаря действию роковых факторов вырождения и распада властных структур, за что более чем кто-либо ответственны первую очередь два последних царя. Именно благодаря этому острейшее гражданское противоборство в России тех лет было неизбежно, и если бы ленинцы не взяли постепенно под контроль стихийное в своей страстной непримиримости движение народных масс, направленное против тогдашних «власть имущих», скорее всего произошло бы непоправимое. Преобладание на бескрайних просторах России тенденции ослепления классово-местью непременно могло бы привести к ужасающе тяжким последствиям.

Не случайно великий русский философ (и нередкий оппонент В. И. Ленина) Николай Бердяев писал: «Разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что Февральская революция свергла монархию в России, монархия сама пала, ее никто не защищал... Большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла довершить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое». Грустно, но ныне, как никогда, без зазрения совести отбрасывается и прямо-таки растаптывается мнение всех крупнейших величин российского и международного масштаба об уникально спасительной роли В. И. Ленина. Вот и в день 130-й годовщины со дня его рождения телевидение не могло не адресовать ему клеветническую гнусность о его мнимо антироссийских целях! А ведь даже великий князь Александр Михайлович Романов, причем будучи в эмиграции, решительно провозгласил (что было для него далеко небезопасно): «На страже русских национальных интересов стоял никто иной, как интернационалист Ленин!» (См. «Советская Россия», 29 июля 1999 г.)

В данной связи вполне закономерно и более чем оправданно также мнение ныне здравствующего князя Николая Романовича Романова (кстати, стремящегося проявлять себя в качестве объективного историка). В ходе передачи «Глас народа», посвященной в основном значению Октября 1917 г. (в середине ноября 1999 г.) Е. Киселев спросил его: «По какому пути пошла бы Россия, если бы не произошла данная революция?». Н. Р. Романов ответил твердо и совершенно недвусмысленно. По его словам, большевики не могли не взять власть, иного варианта нельзя себе представить. В октябре 1917 года правительство Керенского было очень слабо и он не понимает, как можно даже думать, что кто-то, кроме большевиков мог бы взять власть. В то время только большевики имели силу, больше никто... Думается, что к словам князя стоит добавить несколько слов и о том, что вообще это был тогда единственный шанс спасения российской государственности. В ином случае был неизбежен ее фатальный крах под «прессом» иностранной агрессии и сверхреакционеров из числа белогвардейских лидеров.

Следовательно, помимо многого иного, к примеру, вполне закономерно во второй половине 1919 г. в Красную Армию добровольцами вступило более 900 тысяч человек. Организовать же их в мощную боевую силу оказалось возможным, главным образом, потому, что большая часть российского офицерства далеко не всегда активно, но всё же поддерживала Советскую власть и встала в ряды Красной армии, защищавшей отечество. Впрочем — что до этого клеветникам, изображающим ныне В. И. Ленина в качестве террориста, будто бы заинтересованного чуть ли не в поголовном уничтожении всех «классовых врагов» и бывших офицеров царской армии в первую очередь... Что им до того, что в рядах Красной армии служило большинство строевых офицеров и много генералов, а также основная масса бывших военных чиновников и военных врачей. Что им до бережного и поощрительного отношения В. И. Ленина и его соратников (в первую очередь М. В. Фрунзе и Л. Д. Троцкого) к бывшим царским офицерам! Между прочим, и после победоносного завершения военного противостояния именно из их числа в 1923 году было 82 % командиров стрелковых полков, 83 % командиров дивизий и корпусов, 54 % командующих войсками военных округов... Самый победоносный генерал дореволюционной российской армии, А. А. Брусилов признал, что революция была в России необходимостью, а большевики оказались правы, в том числе прежде всего и потому, что «сохранили целостность России». Не приходится удивляться тому, что к концу военного противостояния силам внешней и внутренней контрреволюции Красная Армия насчитывала 5,5 млн. бойцов, из которых рабочие составляли более 700 тысяч, а крестьяне — более четырех миллионов. Здесь же подоплека того, что ее победы в огромной степени обеспечивали многие десятки тысяч представителей дореволюционного офицерского корпуса и немало генералов, включая и самого А. А. Брусилова.

Успехи В. И. Ленина и его истинных соратников в военном строительстве не могли не признать даже самые непримиримые из их политических антиподов. Не случайно, к примеру, наиболее солидная и влиятельная из британских газет «Таймс» признавала: «Во всем мире армии разлагаются, но есть только одна страна, где армия строится, и эта страна — Россия». Другое дело, что впоследствии все это было в огромной степени подорвано сталинским режимом, в результате чего стала возможной чуть ли не фатальная катастрофа лета и осени 1941 года.

Примеров лжи, передергивания фактов, сокрытия истины во всем, что касается В. И. Ленина, сегодня, увы, бесчисленное множество. Тщательно скрывается, скажем, то, что покушение Ф. Каплан на него было далеко не единственным, что немало месяцев и в самый разгар начавшегося белого террора он до предела медлил с принятием крупномасштабных и по-настоящему жестких ответных мер и пошел на это, только когда пришел к выводу, что гибель Советской власти, как и распад, расчленение России, в ином случае окажутся неизбежными. Относительно же с предельной бессовестностью приписываемой ему «демократически»-партократическими и иными оборотнями мстительности, то почему бы новоявленным ревнителям подобной «идейной чистоты» не обнародовать столь же широко, как и повседневному клевету, обрушиваемую на В. И. Ленина, документы, неопровержимо свидетельствующие о диаметрально противоположном? Например, о том, как он отнесся к офицерам-террористам, чуть не пристрелившим его 1 января 1918 года? Между прочим, в тот момент гибель В. И. Ленина скорее всего оказалась бы неизбежной, не будь рядом швейцарского социал-демократа Фрица Платтена, проявившего не только редкую отвагу, но и исключительно точную реакцию, прикрывшего собой главу Совнаркома и принявшего на себя одну из пуль, ему предназначенных... Каково же было решение В. И. Ленина? Уж не потребовал ли он расстрела действительно тяжко виновных? (На этом, в частности, настаивал даже отнюдь не отличавшийся жестокостью В. Д. Бонч-Бруевич.)

Ничего подобного! Его резолюция была следующей: «Дело прекратить. Освободить. Послать на фронт».

Вспомним П. Н. Краснова, будущего на редкость бесчеловечного атамана войска Донского, яростного контрреволюционера, взятого в плен почти сразу же после победы Октябрьской революции, которого победители-ленинцы отпустили под честное генеральское слово не участвовать в борьбе против новой России... Но уже в мае 1918 года этот прощенный молодой Советской властью генерал стал (при помощи германского командования, вооружившего и снарядившего большую казачью армию) во главе беспредельно кровавого антисоветского восстания. А как, например, проявил себя В. И. Ленин после самого крупного и тягчайшего по своим последствиям террористического акта в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 года, когда в результате точно рассчитанного взрыва погибло руководство Московского комитета партии в почти полном составе? (Кстати, взрыв прогремел тогда главным образом потому, что террористам было известно о запланированном участии в том заседании Владимира Ильича, которого там не было лишь по счастливой случайности...)

В те дни даже такой совершенно не экстремистский, по натуре, совсем не жестокий деятель, как Л. Б. Каменев, на другой день после взрыва в Леонтьевском переулке угрожающе писал, что «белогвардейцы», совершившие «гнусное преступление», «понесут страшное наказание». Что же касается обычных, попросту реагирующих людей, то не только Москву, но и чуть ли не всю страну захлестнул шквал возмущения и негодования, в качестве заложников было арестовано множество людей, в порядке внесудебных репрессий могли быть расстреляны тысячи, а быть может, и десятки тысяч из них по формально классовой принадлежности. Так вот, такого рода угроза была на следующий день пресечена твердо, непреклонно, решительно и в целом достаточно эффективно. Именно главой Советской России! Что же касается грозно непримиримых, а то и крайне гневных ленинских слов, то практически они, как правило, всегда так и оставались словами, главной, а чаще всего и единственной целью которых было предостережение наиболее жестоких и опасных врагов Советской власти о неизбежности дорогостоящей для них расплаты в случаях продолжения и тем более — усиления антинародного террора...

В роковом кровавом месиве времен иностранного военного нашествия и порожденной им ожесточенной вооруженной внутривнутриполитической борьбы с белогвардейскими армиями, конечно, не могло не быть множества ситуаций, вырвавшихся из-под контроля ленинского центра с самыми тяжкими последствиями, но удивляться надо не тому, что это имело место, а тому, насколько часто удавалось предотвращать самое худшее. Из представителей самой заметной, яркой и наиболее талантливой части российской духовной элиты при жизни Ленина был подозрительно поспешно расстрелян по решению петроградской ЧК только поэт Николай Гумилев. Это случилось так быстро, что А. М. Горький (чьи бесчисленные обращения к В. И. Ленину с целью спасения от голода и репрессии множества представителей интеллигенции, как и в случае с Гумилевым, никогда не отвергались и ответы на них всегда были благотворными) просто не успел принять необходимых мер. Глава той антисоветской организации, профессор Таганцев, выдал всех ее членов, включая и Н. Гумилева, реакция же оказалась почти мгновенной... Однако это не прошло незамеченным и, думается, далеко не случайно вскоре после этой трагедии все органы ВЧК снизу доверху были лишены (в том числе и по инициативе Ф. Э. Дзержинского) права не только приводить в исполнение, но и выносить приговоры, тем более — к высшей, исключительной мере наказания — к расстрелу...

Таким на деле был В. И. Ленин. Характеризуемый в качестве террориста на основании нескольких фраз, вырванных из исторического, политического, нравственного контекста ре-

шающих лет рокового противостояния, когда Родина наша, вследствие массированного вмешательства извне, оказалась на краю пропасти — расчленения, распада и деградации. Именно в тот исторический момент В. И. Ленин пришел к выводу, что осторожно сдержанная, мягкая реакция на шквал смерти и разрушения, обрушенный на страну ведущими державами Антанты и ее белогвардейскими сателлитами была просто губительна для страны (белые армии финансировались и вооружались именно зарубежными «доброхотами» и без такой опеки белогвардейские лидеры вообще не смогли бы вести реальную борьбу). Вынужденная реакция не могла не оказаться предельно решительной, непреклонной, а отсюда — резкие, иной раз просто страшные слова, вырывавшиеся у В. И. Ленина в самые критические моменты, нередко усугубляемые крайне болезненным его состоянием. Слова, которые так легко просто жульнически «выдернуть» ныне и так же бесчестно использовать!..

Но нельзя же было В. И. Ленину и его соратникам игнорировать факты ужасающей жестокости! Например, 9 мая 1919 года в Александров-Гае белые убили всех сдавшихся красноармейцев (96 человек), раненых засыпали землей в общей яме. Всего было расстреляно лишь в одном селе 675 человек... Реакция на множество подобных эксцессов не могла не быть соответствующей особенно, в условиях местной «конкретики»... Тем более, что вмешательство могущественнейших держав тогдашнего мира, направленное на подрыв России путем всемерного форсирования взаимоуничтожающей смертельной схватки, включало даже подобие крупномасштабного компромисса, ставшего возможным лишь в результате победоносного для Советской России завершения военного противостояния. Только после этого Советское государство смогло начать всеохватывающую гуманизацию общества, преступно прерванную Сталиным в конце 20-х годов через считанные годы после безвременной кончины Владимира Ильича Ленина.

Что же касается ситуации, сложившейся к лету 1918 года, то тогдашний военный и морской министр Великобритании Уинстон Черчилль, как откровенный враг, но честный человек, не мог не признать: «Находились ли союзники в войне с Россией? Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза: на русской земле они оставались в качестве завоевателей; они снабжали оружием врагов Советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению Советского правительства и строили планы этого падения». Разумеется, и по эту сторону баррикад не могли не попадаться необузданно жестокие натуры. Однако, чаще всего успешное пресечение их деяний было непреклонным, в основном твердо, решительно, совершенно бескомпромиссно осуществляемым политическим курсом. Без чего спасение нашей Отчизны, тем более в тот исторический период, было бы невозможным.

При всей, иной раз совершенно неоправданной непримиримости, многого из происшедшего в самые первые (сплошь военные) годы Советской власти, вплоть до начала нэпа и мирного строительства, здесь общая направленность хода событий была принципиально иной, чем в белом так называемом «лебедином стане». С горечью вспоминая о всех ошибках, неудачах и срывах — нередко тяжелейших, несправедливо забывая, что всеохватывающая гарантия от всего этого в условиях роковой ожесточеннейшей схватки, навязанной превосходящими силами наиболее могучей в тогдашнем мире коалицией держав, была поначалу невозможна. Свою роль играло и, видимо, многое, связанное с периодически болезненным ослаблением В. И. Ленина в последние годы жизни. Срабатывала, возможно, и его в чем-то надрывная вера в абсолютную порядочность чуть ли не всех до единого давних участников революционного движения. К примеру, когда В. И. Ленину сообщили о «царицынских художествах» Сталина, он реагировал возмущенно, в сущности — гневно, а оправдаться тому удалось лишь с помощью Ворошилова, вручившего якобы документаль-

ные доказательства мнимой виновности расстрелянных по приказу Сталина честно служивших в Красной Армии бывших царских офицеров. Ведь лишь сейчас мы имеем точную информацию о том, как в 30-е годы добывались «нужные» признания и иные «неопровержимые» документы обвинения, а тогда, в условиях формирования советской законности, связанной еще с неподорванными традициями истинно революционной морали, подавляющему большинству партийно-государственных руководителей вплоть до главы Совнаркома просто не могло прийти в голову, что деятель в ранге члена правительства и члена военного совета фронта, способен на любую степень интриганской изощренности, вероломства и чудовищной жестокости.

Парадоксально, но факт: в общем итоге произошло слияние вроде бы несовместимых, но мощных факторов. С одной стороны, болезнь, а затем и ранняя смерть лидера, наиболее мощно олицетворявшего основы прогресса и человечности открыла шлягбаум перед грядущим в 30-е годы торжеством жесточайшей сталинской тирании, расчетливо использовавшей псевдосоциалистическую фразеологию. Помогло же этому, вероятно, то, что в народном сознании как бы зафиксировалось сравнительно недавнее вторжение в Россию сначала германских, а затем британских, французских, американских, японских и других войск. Оно означало многократное увеличение наших потерь и соответствующее усиление нарастающего шквала взаимной внутрироссийской ожесточенности, причем иные из зарубежных «доброхотов» делали все возможное для разжигания пожара взаимного истребления. Именно это, вероятно, более, чем что-либо иное помогло впоследствии Сталину покончить с ленинскими по-настоящему человеческими нормами общественной жизни, партийного и государственного строительства.

Глубоко мыслящие, объективные, на деле совестливые люди (в отличие от нынешних, ужасно «храбрых» борцов за «демократическую», монархическую и прочую хуже чем малопрстойную идейную «чистоту») умели понять это и в наисложнейших условиях более чем восьмидесятилетней давности, когда это было особенно трудно. К их числу принадлежал и патриарх Тихон, на протяжении ряда лет после 1917-го во многом — резкий оппонент В. И. Ленина, через считанные дни после его смерти недвусмысленно и твердо заявивший: «Идейно мы с Владимиром Ильичом Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нем как о человеке добрейшей и поистине христианской души». Безусловно, заслуживает специального анализа и подоплека высокой оценки Ленина в рядах высших «эшелонов» тогдашнего православия, да и множеством рядовых российских священнослужителей...

Сейчас совершенно «немодно» говорить и о том, что все, связанное с ленинской новой экономической политикой, означало как ликвидацию голода и поразительный подъем сельскохозяйственного производства, так и расцвет общества практически во всех отношениях. Расцвет, на нашу общую беду (особенно начиная со времен инициированной «хозяйном» так называемой сплошной коллективизации и ликвидации «кулачества») обрубленный преступным торжеством сталинщины.

Ещё одно наблюдение не забывается многие годы. Газета «Куранты» цитировала какого-то якобы «прогрессивного» мыслителя, который сделал окончательный и не подлежащий обжалованию вывод: «В мавзолее восковая фигура. Но если дело обстоит именно так, то и сами разговоры о похоронах вождя — абсурд». Громогласно читавшая это в полупустом трамвае дама заявила: «А чего ради хоронить эту мерзость? Вышвырнуть, растоптать — и дело с концом...». Вот так машина массового обольщения и растления творит своё чёрное дело!

Однажды, один из моих, вроде бы довольно осведомленных собеседников выразил удивление: «и чего это нынешние ельциноидные власть имущие и их «творчески-интеллигентная» обслуга непрерывно делают гадости только В. И. Ленину»? Пришлось объяснять, что

гениальная созидательность и человечность этого величайшего лидера наиболее опасны для них и вообще для всех «хватательно-прихватизаторских» и прочих подобных элементов. Потому-то и костерят они В. И. Ленина как никого другого, концентрируя на нем всю, или почти всю свою зоологическую ненависть. Однако это вовсе не означает, будто для них приемлем хоть один из наиболее мудрых, гуманных и благородных персонажей нашей многовековой истории. Совсем наоборот! Потому-то по возможности негромко, но последовательно из года в год осуществляется безмолвно-изошренное «выдавливание» из нашего необъятного прошлого (а, следовательно, и из теперешнего массового сознания) всех лучших и достойнейших человеческих величин. Хотя и не так остервенело обнажено, как по отношению к наикрупнейшей из них, каковой является В. И. Ленин.

Отвергается практически все мудрое, доброе, чистое, светлое, включая Александра Николаевича Радищева, всех истерзанных тюрьмой, каторгой и, конечно, повешенных декабристов, Николая Гавриловича Чернышевского и многих других достойнейших величин нашей сложнейшей, перенасыщенной трагизмом истории. А также менее отдаленных от нас по времени таких гигантов литературы, общественной мысли, подлинной человечности, как, например, Лев Николаевич Толстой, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, Алексей Максимович Горький, Александр Блок, Владимир Маяковский и множество менее известных, но настроенных также мудро и по-доброму прогрессивно наших соотечественников редчайшего ума, благородства и нравственной чистоты.

4 Наиболее темным силам современности удалось добиться страшного многого, используя (с 30-х годов до деталей разработанную) методику духовного растления изо дня в день с конца 1991 года. В частности, однажды, как говорится, «с пылу с жару», по горячим следам, автору этих строк довелось услышать в очередной раз чуть ли не подетски наивный лепет от вроде бы совсем не глупых от природы юных соотечественников. Речь зашла о показанном именно в день выборов (19 декабря 1999 года) по РТР фильме «Террор» — типичной, абсолютно бесчестной «демократической» агитке. Естественно, далеко не случайно ее «выдали в массы» именно в этот день в связи с очередными выборами, дабы избиратели голосовали так, как выгодно «власть и богатство имущим»...

Во имя имитации объективности в объявленном документальном фильме прозвучала непривычно добропорядочная скороговорочка о том, что жестокие люди были не только среди красных, но попадались также и среди белых... Мало того: было даже сказано, что цифра о мнимом расстреле десятков тысяч белых офицеров после разгрома Врангеля заведомая неправда! Однако почти весь фильм был переполнен в основе своей фальсификаторской «фактурой», нацеленной на пробуждение слепой ненависти к сторонникам Ленина, воевавшим за спасение нашей страны от иностранных агрессоров и их белогвардейских ставленников, расчетливо или неосознанно ставших их сателлитами.

Мои юные оппоненты проявили полнейшую неосведомленность в элементарных фактах истории, но что особенно меня потрясло — они ухитрились не понять, насколько беспредельна фальшь зоологически злобных, расчетливо невежественных разглагольствований Валерии Новодворской, дважды в ходе сравнительно недолгого фильма получившей возможность довольно многословно «изрекать» заведомую ахинею. Разумеется, как обычно, от данного пропагандистского «авторитета» не требовалось даже подобия документальной обоснованности. При этом, разумеется, местными сотрудниками к телевизору именно в подобных ситуациях не допускаются (возможно, под угрозой немедленного изгнания с работы) честные и квалифицированные историки, способные продемонстрировать, насколько беспредельна клеветническая одержимость Новодворской и ей подобных. Подумать только! Из года в год

«со всеми удобствами» располагающаяся регулярно на любом «удобном» ей телеканале (бессовестнейшим образом изуродованного главного «источника» обмана огромных людских масс) упомянутая особа может «выдавать» все, что ей вздумается. Вот и 19 декабря 1999 г. Новодворская вещала именно то, что позарез нужно по-ельцински властвующим погубителям любых идеалов человечности, правды и справедливости.

Что Новодворская изрекала в тот день в качестве абсолютной истины? Обычную «премудрость» заведомо оболванивающей нацеленности. Любимица буржуински-«демократического» истеблишмента, выполняя соответствующий социальный заказ, громогласно вещала, как ныне непременно полагается, будто Ульянов-Ленин «приказывал беспощадно уничтожать офицеров и даже дворянских жен и детей!» Естественно, по ее словам, выполняли такие приказы некие его подручные-психопаты, ибо, дескать, нормальные люди на это не были способны. Помимо прочего, данная «лейб-пропагандистка» заявила, что сторонниками и соратниками В. И. Ленина якобы могли быть в лучшем случае лишь прохиндеи и бездельники, среди которых заправляли особо ужасные преступники, которые де поголовно убивали всех умных, честных, достойных людей, дабы в стране оставалось в живых только все самое глупое и скверное. И эта по-фашистски нацеленная наигрязнейшая ложь преступно «вдавливается» во множество ныне особо беззащитных, в первую очередь — совсем юных душ!

Об истинном же характере «убеждений» В. Новодворской, необузданно грязно клеветущей именно на подлинно человеческих в своем величии лидеров, свидетельствует ее агрессивнейшие проявления симпатии к современным душегубски-хапужным властителям ренегатски-номенклатурной «выделки»! «Безжалостное и неумолимое разрушение всего прежнего бытия, промышленности... моделей поведения, душ, судеб, понятий о добре и зле... Мы должны привыкнуть к мысли о том, что люди будут стреляться, топиться, сходить с ума. Я благодарна ЕЛЬЦИНУ... Пойдем против народа. Мы ему ничем не обязаны... Мы здесь не на цивилизованном Западе. Мы блуждаем в хищной мгле и очень важно научиться стрелять первыми, убивать» («Правда столицы», сентябрь 2003 г. Специальный выпуск. С. 3).

Невероятно, но в наши времена, на редкость всепагубные, до такой же степени непотребства в «познании» нашей истории нередко докатываются и иные «остепененные», т. е. официальные ученые-гуманитарии! Вполне по-новодворски, если не по форме, то по глубинной сути, орудовал, например, и Андрей Зубов — доктор исторических наук. Он не стеснялся восхищаться, в частности, поведением тех, кто в ходе антисоветского восстания в Ярославле орудовал на редкость бесчеловечным образом. Конечно, А. Зубов не сказал читателям ни единого слова правды о том, что вытворяли сторонники дореволюционных порядков в захваченном ими и залитом кровью Ярославле.

Странно, но данный «ученый» настроен не только на возвеличивание тех, кто во имя торжества сил реакции и мракобесия совершал чудовищные преступления. Он видит нечто будто бы позитивное в самом страшном из творившегося в ходе начавшегося «в июле 1918 года антибольшевистского восстания под руководством полковника Перхурова (действовавшего в полном соответствии с установками эсера Бориса Савинкова. — Г. Н.)... Россия как бы вновь возникла там, откуда удавалось изгнать большевиков, и исчезала сразу же вместе с приходом красных армий. (...) В стремлении к всецелому обновлению жизни сама жизнь человеческая переставала что-либо значить, она оказывалась лишь помехой в реализации громадьи социальных задач. В своих воспоминаниях о Гражданской войне архиепископ Василий (Кривошеин) воспроизводит характерный диалог, свидетелем которого он был. «Конвоир матрос... разговаривает с молодым крестьянином, отпирившим нам сарай. «Это чье имение?» — «Волжиных» — «А что, вы их убили?» — «Нет», — отвечает крестьянин. «Напрасно... их надо всех убивать. И вместе со всеми детьми».

Вот так А. Зубов, вместо честного анализа реальной совокупности фактов, выдерживает то, что ему выгодно, включающее несколько простеньких, совершенно бездоказательных фраз, содержащих «откровения», как правило, патологических, а то и непоправимо аномальных натур, бесконечно далеких от Советской власти и, разумеется, решительно осуждаемых ею. То есть данный историк опускается до уровня предельно невежественных фальсификаторов прошлого и ныне происходящего. А на подобной «основе» вполне по-новодворски выносит свой шаблонно несправедливый вердикт, шельмуящий все, что «не соответствует» интересам властвующих индивидов из числа особо дурно руководящих с 1991 года Россией!.. Как раз об этом свидетельствует и на редкость кощунственный подзаголовок этой статьи Зубова, опубликованной в «Независимой газете» (8 декабря 1999 г. С. 8): «Коммунистический переворот как причина смерти государства и общества в России».

Но ведь непосредственно на глазах историка Зубова именно в течение 90-х годов, как никогда прежде, подрывалось все, что можно считать основами нашего государства и общества! Нет, далеко не случайно испокон веков народ квалифицировал подобные приемчики как перекалывание вины с большой головы на здоровую. С конца 1991 года не было и нет ни единой сферы российского бытия, где бы не шли процессы распада и разложения, о чем неопровержимо свидетельствуют изо дня в день бесчисленные «картинки» и «слепки» с того, что творили и творят «ельциноиды» всех уровней. А новодворские, зубовы и прочие, им подобные, «в упор не видят», как нынешние «монархо-капитализаторы» далеко обошли и социально самых опасных, а также сверхбездарных из когда-либо орудовавших погубителей, как выражается Зубов, «государства и общества»! Неужто иным псевдотворческим интеллигентам совсем уж «незаметно», как, благодаря им, ни на один день, ни на один час не прекращает функционировать «инструментарий» практически всеохватывающей миропозренческой, духовной и морально-этической дегенерации?

Нельзя не поражаться тому, насколько беспрепятственно «многослойная» пропагандистская машина колоссальных асоциальных потенций (от лжедемократов до разнузданно оголтелых монархистов, полуфашистов и прочих подобных элементов), к сожалению, с огромнейшим пропагандистским эффектом творит свое черное дело. Цель — непоправимое одурманивание народа и прежде всего — самой юной и потому особенно наивной многомиллионной части наших сограждан. В числе всего остального из подлежащего абсолютному извращению, делается все, чтобы изобразить подавляющее большинство наших соотечественников 1917-го и последующих годов «плебеями», якобы уничтожающими все светлое, умное, чистое, благородное. Частенько «низы» и их руководителей именуют «торжествующими хамами» и, как кое-кто выражается — «красной сволочью».

В категорию так оцениваемых наших отцов и дедов, вместе с самой отважной и жертвенной частью основной массы граждан, спасших Родину от распада и гибели под ударами армий мощнейших капиталистических держав той поры и их «белых» сателлитов, современные законодатели идеологической моды включают и значительную часть бывших царских офицеров. Как раз тех, кто сыграл всемирно-исторической значимости спасительную роль, вступив в ряды Красной Армии и в огромной степени своими знаниями военных профессионалов и исключительно ценным боевым опытом, обеспечив ее военные триумфы в тяжелейшей схватке с нацеленными на уничтожение нашей Отчизны силами всемирной корысти.

На редкость непристойно и то, что не стыдятся властвующие лжедемократы из года в год «выталкивать», к примеру, из истории даже единственного крупномасштабно победоносного российского полководца периода первой мировой войны Алексея Алексеевича Брусилова! Только за то, что невзирая на свое аристократическое происхождение, он признал величайшую в своей созидательности ленинскую правоту, предотвратившую деграда-

цию и окончательное крушение нашего общества еще в те достаточно отдаленные времена, когда все буквально висело «на волоске». «Революция была русской необходимостью. Большевики во многом оказались правы. Они с корнем вырвали русскую прогнившую аристократию, лишили фабрикантов и помещиков их богатств, накопленных в течение многих лет за счет русского народа. Большевики, наконец, сохранили целостность России». Таково было ненавистное почти доканавшим Родину лжедемократам-ельциноидам мнение прославленного командующего Юго-Западного фронта, а затем и Верховного Главнокомандующего вооруженных сил дореволюционной России.

В соответствии с подобной пропагандистской логикой вполне можно объявить «красной сволочью» и Артемия Романова — потомка «по прямой линии» одного из самодержцев. За что? А за то, что человек из рода великих князей, пусть не близкий, но родственник царя, имея возможность вместе с самыми антинародно необузданными белогвардейцами, примкнуть, скажем, к германо-турецким, а позднее — к британским или иным антантовским агрессорам, счел своим долгом вступить в ряды Красной Армии, созданной под руководством В. И. Ленина для спасения гибнущей России. А значит — для отражения смертельно опасных для народов великой страны ударов «извне» и «изнутри» наносимых огромными, щедро вооруженными воинскими контингентами...

Между прочим, в ходе одурманивания в первую очередь многих миллионов наших самых юных и сравнительно молодых соотечественников, к сожалению, весьма «удачно» уже немало лет используются и эстрадно-«попсовые» рычаги воздействия на неисчислимы массы тех, чье духовное, морально-этическое и прежде всего — мировоззренческое формирование второе десятилетие подрывается и уродуется с гнуснейшей целеустремленностью. Простейший пример: чего ради, скажем, годами всемерно популяризируется песенка о бывших царских офицерах, в своем классовом ослеплении, не понимая «что к чему», жаждавших (вместе со своими иностранными «опекунами», растаскивавшими «по кускам» нашу страну) развалить и уничтожить Советскую Россию?

Над этим вопросом, безусловно, стоит призадуматься. Главное словосочетание в этом произведении следующее: «Кто берег свои нервы — не сберег свою честь!» Суть его в кощунственном обвинении многих десятков тысяч дореволюционных офицеров, служивших в Красной Армии ради спасения Родины от иностранных и белогвардейских войск, губивших неисчислимые массы наших соотечественников. Как же можно укорять их за то, что они якобы берегли свои нервы! А вот будто бы честь свою сберегли лишь те, кто оказывался под командованием иной раз обнажено предательского, изуверского в своей жестокости то ли, к примеру, «новоиспеченного» Колчаком генерала, то ли атамана, то ли еще кого-то. Именно такие натуры как бы символизировали собой появление опаснейшего для России пласта негодяев. Каковыми были фактически подмявшие под себя в конце концов белое движение его «выдвиженцы» типа Краснова, Булак-Балаховича, Семенова и им подобные, лишь ускорившие своей кровожадностью и необузданной корыстью крах «белой» идеи...

Далеко не случайно одно из самых модных, напористо рекламируемое вокально-инструментальное музыкальное «шоу», расчетливо дезориентирующе названо «Господа офицеры!», хотя даже в годы ельцинского безвременья наш офицерский корпус отверг в массе своей такое навязываемое терминологически реакционное «новшество», предпочитая, чтобы сохранилось словосочетание «товарищи офицеры!». Между прочим, с ним мы, 16–17-летние мальчишки (кто добровольно, а кто — по очередному призыву вступившие в ряды советских вооруженных сил) познакомились еще осенью 1943 года. Мы тогда не сразу поняли, почему перед торжественным маршем 7 ноября сначала прозвучала команда «Смирно!», а затем — «Товарищи офицеры!», относившаяся к нашим командирам, начиная

с юных лейтенантов и вплоть до старшего командного состава, начавших готовить нас к грядущему отбытию в действующую армию.

Кое у кого из нас, которых некоторых из старослужащих сержантов по привычке еще называли красноармейцами (хотя недавно было принято решение именовать нашу армию не Красной, а Советской...), возникли «странные» вопросы. Особенно у тех немногих, кто знал, что в царской армии, наряду с командой «Смирно!», подлежавшей мгновенному исполнению «низшими чинами», существовало обращение «Господа офицеры!», в соответствии с которым «высшие чины» тоже принимали аналогичную «стойку». Один из наиболее эрудированных офицеров нашего подразделения тактично и старательно внушал «что к чему». По его мнению, ключевым словом в условиях буржуазно-помещичьего эксплуататорского строя было именно «господа», означающего господство над страдавшими массами нещадно угнетаемых тружеников. И это, конечно, не могло не проявляться в царской армии.

В то же время тогда нам разъяснялось, что вооруженные силы справедливого социалистического общества — плоть от плоти трудового народа, свергнувшего господ в Октябре 1917 года, и потому наши командиры не господа, а товарищи. Ныне же в условиях хамски торжествующих антинародных «прихвизаторов» остается успокаивать себя тем, что пока это не стало повсеместным, то есть еще не все удастся новоявленной капитализаторски-псевдоаристократической своре по части «скромной» жадности внедрить столь желанный им термин «господа». А разве не пора певцу устыдиться подыгрывать своим бессовестно расчетливым заказчиком, называя свое «шоу» «Господа офицеры» на потребу погубителям своей Родины и многих десятков миллионов обездоленных с 1992 года соотечественников? Потому-то нас все еще утешает то, что пока (в том числе и в боевой обстановке на Северном Кавказе) обращается, скажем, боец-десантник к командиру корпуса не «господин генерал» и не «Ваше превосходительство», а «товарищ генерал»...

Видимо, кое-кому трудновато, но необходимо, наконец, понять, что подобными акциями иные «ученые мужи» и «люди искусства» помогают современным «господам-хозяевам» внушать обманутым людским массам, будто красные бойцы, командиры и «комиссары в пыльных шлемах» были плохи даже на фоне ныне прославляемых изуверов из числа «белых» прислужников войск иностранного вторжения! Далеко не случайно средства массовой дезинформации в 90-х годах XX века систематически докатывались до прославления даже по-уголовному растленного палаческого сброда только потому, что те жаждали погубить Советскую Россию! Зато тех, кто спас Отчизну от распада и крушения, жертвенно сражаясь с иностранными и «своими» ее ненавистниками, изображают не только скверными, темными, но и трусоватыми! Да и вообще теми, кто заслуживает лишь презрения.

Вполне закономерно: для заправляющих и роскошествующих с 1992 года в нашей многострадальной стране, а значит и в лжедемократическом «информационно»-оглуляющем «поле» это является нормой, наряду со всем прочим, столь же непотребным, ведущей к достижению преступнейших целей. Об одном из аспектов данной проблематики, невзирая на некоторые свои заблуждения, вполне здраво высказался Станислав Говорухин: «Главная задача любого порядочного политика — остановить то, что происходит сейчас в стране. Происходит страшное — рождается какое-то волчье, дикое племя. Его научили не уважать старшее поколение... Они воспринимают только туземные ритмы, они ничего не читают. Если этот процесс не остановить, Россия погибнет». (Еженедельник «Ветеран», февраль 2000 г. № 8. С. 10) Параллельно С. Говорухин должен бы упомянуть и о формируемой бешеными темпами, в первую очередь, именно в юных душах, тупой вульгарнейшей корысти по веками обработанной буржуинской «колодке».

В условиях тотального одурманивания, включая вдалбливание в миллионы душ гнусности, что в норме вполне достойные из наших отцов, дедов и прадедов являются «красной сволочью», удивляет каждое честное слово. Особенно на страницах печатного органа, обычно не склонного к масштабному, по-настоящему глубокому, восстановлению правды истории. И все же стоит призадуматься над нижеследующими фрагментами. «Замирения, как известно, не получилось, германские дивизии безостановочно двигались вглубь России, оказавшейся в смертельной опасности. Трое добровольцев записались в армию, тогда это было главным принципом ее формирования — в Москве на таких условиях чуть ли не за два февральских дня 1918-го в отряды вступило около 20 тысяч человек». («Московская правда», 23 февраля 2000 г.)

В этих строках каждое слово — правда. Однако далеко не вся: в современных условиях даже при самых благих побуждениях автор вынужден осторожничать, кое-что всего лишь недоговаривая... Возможно, поэтому «не уточнено», что германские войска ринулись на Советскую Россию и спасти ее могла только жертвенная готовность сотен тысяч бойцов, способных погибнуть в схватке с многократно превосходящими силами агрессоров, но сбегать Родину и благородные идеалы спасительного обновления рода людского. Этим добровольцев принято тогда именовать сначала красногвардейцами, а затем красноармейцами, но в современной газете, считающейся демократической, об этом — ни единого слова... Таковы «правила игры», установленные властью предержавными с конца 1991 года!

И все же в этой статье основу составляет то, что принято именовать «правдой факта», сверхредкой в теперешние времена. Трое упомянутых бойцов-добровольцев Фома Снови́ков, Антон Губанов, Алексей Марьин были типичными выходцами из миллионов ныне проклинаемых «низов». Фома — рабочий-металлист, Антон — сторож в гимназии, Алексей — студент из бедных. «Они стали пулеметчиками и успешно действовали в составе латышских стрелков (тоже жертвенно спасавших ленинскую еще совсем юную Россию от германских агрессоров. — Г. Н.) в районе Пскова. Потом была борьба с чехословаками на линии Симбирск-Казань. У противника было почти тройное преимущество, броневики и никакой нужды в снарядах, деньгах, питании. У нас — редко-редко сухари, нет даже махорки. Зато есть приказ, сочиненный в духе времени: «...отряды максималистов тов. Алексеева, соединившись с железным батальоном, и командиру революционного латышского полка тов. Мильке и особому батальону слиться под общим командованием и отправиться на фронт для совместного общего действия с тов. Азиным.

Малоизвестный, надо сказать, сегодня примером храбрости, отваги и самопожертвования был Владимир Мартынович Азин. На Восточном фронте под ним убили трех лошадей, на Южном — четырех. Сам был пять раз ранен, лишился правой руки. И это под его командованием подружившиеся пулеметчики Фома Снови́ков, Антон Губанов и Алексей Марьин вместе с товарищами отбивали вражеские атаки, шли в наступление, обращали неприятеля в бегство. Как сложилась их жизнь дальше, неизвестно, только знаю, что в октябре 1919-го вновь они были под Псковом, где английские танки перерезали железную дорогу. Возможно, там и сложили головы, защищая свое Отечество» («Московская правда», 23.02.2000. Из статьи Э. Шляхтиной)

В данной связи не мешает вспомнить, что Владимир Азин, в отличие от других известнейших героев периода иностранной интервенции и гражданской войны, например, типа Михаила Васильевича Фрунзе, не был многоопытным большевиком-подпольщиком с дореволюционным партийным стажем. Вопрос о своей партийности он решал в возрасте чуть более 20 лет и был принят в коммунистическую партию лишь в 1918 году. Несмотря на свой юный возраст, он проявил не только личную храбрость, но и на редкость ценные каче-

ства исключительно одаренного командира, ведущего в бой многие тысячи людей. В частности, командуя 2-й сводной дивизией, он успешно руководил взятием Сарапула, Воткинска и Ижевска. Под его же командованием 28-я стрелковая дивизия героически и успешно сражалась против войск Колчака, очень многое решив при взятии Кунгура, Красноуфимска и Екатеринбурга. С осени 1919 г. В. Азин воевал на Царицынском фронте, причем и после ранения остался на посту. Но 17 февраля 1920 года он был захвачен в плен и после ужасающих истязаний — убит. Таков был его последний бой...

Вот так якобы «не берегли» свою честь бесчисленные массы красных бойцов и командиров. Которых их антиподы минувших времен обзывали «красными хамами» и, если представлялась возможность — «благородно» истязали, вешали и сжигали заживо. Данная сторона правды-матушки о нашем прошлом буквально вытравливается, в том числе, разумеется, и из школьных учебников, во имя превращения в своего рода «манкуртов» наших детей и внуков. Это осторожно признается и в упомянутой статье, опубликованной 23 февраля: «Теперь эта дата значит как новый «куказной» праздник... и смысл его расплылся, размылся до неузнаваемости. (...) Имеет ли все это отношение к сегодняшней дате в календаре? Пожалуй, все-таки нет».

И далее: «Сегодня мы до того сумели ополшить все достойное, честное, самоотверженное, что даже и этих людей в пыльных шлемах и зеленых фуражках, впоследствии первыми встретивших фашистские орды 22 июня 1941 года и до последних сил державших их удар, как только могли, до последнего патрона, до последней гранаты, мы не стыдимся унижительно называть «погранцами»... Удивительны всякий раз пришепетывания вездущей дамы, все еще не уяснившей, что есть русский человек, что такое для него патриотизм... Впрочем, стоит ли удивляться, если той же политессой как-то было сказано и такое: чем меньше пожилых людей войдет в XXI век, тем лучше будет для нашей страны. Между тем не кто иной как эти самые нынешние пожилые защитили от фашистского рабства и Отечество, и мир от того же спасли» (Там же).

Крайне грустно это констатировать, но за уже многие ельциноидные годы мне впервые довелось увидеть на газетной полосе сравнительно крупнотиражного печатного органа (на телевидении это, видимо, по-прежнему полностью исключено) слово по-людски справедливое и человеческое в связи с праздником, который в свое время именовался днем Советской Армии. Зато на многомиллионные массы систематически обрушиваются (во имя окончательного их «отлучения» от исторической правды) нескончаемые сверххливые разглагольствования практически обо всем из наиважнейшего.

В том числе, разумеется, и о том, как якобы жестоки, неумны, беспросветно темны и вообще плохи были те (оказавшиеся в подавляющем большинстве) наши соотечественники, которые определяли самое главное и насущное в ленинские годы, последовавшие после 1917-го! И ведь фальсификаторы объявляют плебеями недоумочного типа неисчислимое количество именно тех, кто жертвенно, абсолютно бескорыстно боролся за достижение благороднейших целей во имя блага гигантского большинства честных тружеников далеко не только своей страны, отнюдь не «избалованной» мнимо благотворным царским прошлым.

Вполне закономерно и то, что халужно-бесчеловечные хулители всего лучшего из свершений достойнейшего человеческого «материала», порожденного в недрах необъятного людского «массива», издавна обживавшего бескрайние просторы нашей Родины, орудуют по-своему выборочно и весьма расчетливо. Им, скажем, не приходит в голову объявлять недоумками широко известных деятелей науки и культуры, популярных не в узко национальных, а международных «рамках». В том числе и когда они дают высочайшую оценку В. И. Ленину и олицетворяемой им концепции общественного развития. К примеру, не гля-

нут же великого Альберта Эйнштейна, заявившего, что такие лидеры, как В. И. Ленин обновляют совесть человечества...

Не решаются они критиковать и такого знаменитого писателя, как Бернард Шоу, еще в 1921 году посетившего Советскую Россию и впоследствии писавшего: «...Если будущее с Лениным, то мы все можем этому радоваться, если же мир пойдет старой тропой, то мне придется с грустью покинуть эту землю». А разве по «темноте» своей отдавал дань глубочайшего уважения революционным массам нашей страны, начавшим под руководством В. И. Ленина процесс невиданно облагораживающего созидания, человек уникальных данных ученого и общественного деятеля? Речь идет не о рабочем-коммунисте или бывшем царском офицере-патриоте, добровольно шедших на смерть ради спасения революционных завоеваний своего народа. Не кто-то, а именно лорд Бертран Рассел, который еще в 1920 году писал: «...Я верю, что коммунизм необходим для мира, и верю, что героизм России зажжет надеждой людские сердца». (Думается, это было бы вполне реально, если бы не восторжествовал антиленинский переворот, начало которому было положено в 30-е годы, а завершение — в 90-е годы XX века)!

А вот с изощренно лицемерной ловкостью сделавший партийно-номенклатурную карьеру Александр Яковлев, пролезший аж до членства в Политбюро, точно так же, как Ельцин, Волкогонов и прочие весьма преуспевавшие оборотни, с «опозданием» признается в своей давней и лютой ненависти к социалистическим идеалам вообще и ко всему, связанному с В. И. Лениным — в особенности. По его же голословному утверждению для царской России вовсе не были характерны несчастья, связанные с ее отсталостью, порождавшей нищету, темноту, эпидемии, голод и вымирание от всего этого многих миллионов людей. А ведь, к примеру, талантливый, безукоризненно честный писатель В. Мамин-Сибиряк в своем чуть ли не с натуры написанном романе «Хлеб» с колоссальной впечатляющей силой показал вымершие от голода деревни! И разве не столь же правдивы, скажем, гневные письма гениального и честнейшего Льва Толстого царю, Столыпину, как и его произведения, обнажившие страшные язвы дореволюционной России? Почему так же отражали страшную тогдашнюю действительность Чехов, Короленко, Горький и многие другие крупнейшие величины нашей литературной классики?

В. И. Ленин не только тоже отражал эту правду, но и вел нашу Отчизну по пути человечности и прогресса, что было надломлено сталинским единовластием и что жадуют доканать совершенно непоправимо ныне немало лет властвующие регрессивно-бесчеловечнейшие себялюбцы. Именно этому всемерно способствует по-геббельсовски бесстыдная ложь Яковлева. В том числе и в его очередной книге «Крестосев» (вышедшей из печати в издательстве «Вагриус». М., 2000) Циничная неправда исходит от этого человека практически во всем связанном и с проблематикой глобального масштаба, и с деталями, представляющимися ему сравнительно малозначимыми, используемыми для иллюстрации своих совершенно произвольных выводов. К примеру, вместо того, чтобы честно признать, что крах партии левых эсеров (на протяжении ряда месяцев после Октября 1917 года активно и недвусмысленно участвовавших в руководстве Советской Россией) напрямую был связан с мятежом во имя захвата всей власти в стране, Яковлев бесстыднейшим образом извращает все наиважнейшее. Он не только термин мятеж упоминает лишь в кавычках, но и опаснейшие для общества действия левозерковского руководства фактически отрицает, все сводя к «мелочевке», которая стала якобы лишь поводом для ликвидации в сущности достойной партии. Дескать, «в связи с убийством сотрудником ЧК Блюмкиным германского посла Мирбаха начались гонения и на партию левых социал-революционеров». Историк в ранге академика Яковлев при этом утаивает от читателей в массе своей лишенных элементарно объективной научно обоснованной информации, все главное и определяющее.

Ведь Блюмкин был лишь исполнителем директивы ЦК партии левых эсеров, стремившегося в своем большинстве, вероятно, неосознанно, но все же спровоцировать вторжение германских войск, смертельно опасное для нашей предельно ослабленной страны, ибо ее вооруженные силы были лишь на самом раннем этапе своего формирования. Протоистория левозсеровскому руководству, начавшему вооруженный захват власти, было очень трудно, особенно в Москве. Руководитель ВЧК Ф. Э. Держинский был захвачен восставшими, в числе которых был и его заместитель левый эсер Александрович... Но что до вышеотмеченного и всего остального Александру Яковлеву — расчетливо недобросовестному фальсификатору истории!

Такова же цена всему остальному в антиисторических откровениях наших дней бывшего главного идеолога КПСС. В том числе и его чудовищно клеветническому утверждению, будто В. И. Ленин «организовал» гражданскую войну и с того момента якобы задумал и предрешил семидесятилетний «самый страшный, самый кровавый» период во всей тысячелетней истории России. Все это ложь, начиная с сокрытия правды о том, что В. И. Ленин ради недопущения гибели огромных масс согласился с предложением президента США прекратить военное противостояние с белыми армиями, не отклоняя и тем более — не «отбрасывая» предложение решить проблему в ходе мирного «соревнования»... Отвергнуто же это было именно белогвардейскими лидерами из-за их неспособности получить поддержку большинства населения России. А чего стоит жажда А. Яковлева внушить обманутым им самим и ему подобными десяткам миллионам наших современников, будто В. И. Ленин и его соратники только и усердствовали в основном по части непрерывной войны с собственным народом! И ведь не «отсыхает язык» у того не очень давнего якобы «честного» руководящего партийца, когда он преступно взваливает не на вероломно всеизвращающих заправил-оборотней вину за многие миллионы жертв 30-х и иных особо зловещих по-сталински искалеченных годов, а именно на В. И. Ленина! Неужто не стыдно объявлять при этом коммунистами даже хитрейших приспособленцев-карьеристов отвратно халужного типа, включая самых корыстных и кровавых его антиподов?

Для великого поэта и гражданина Владимира Маяковского были характерны гениальные озарения отнюдь не только в сфере сугубо поэтической. Видимо, больше чем основную массу профессиональных политиков, его мучительно тревожило то, что погибший в 53 года Владимир Ильич не успел сформировать демократически-антидоталитарную структуру власти, жизненно необходимую для нового общественного строя. Как раз это дало возможность клявшимся ему в верности корыстным и жестоким антисоциалистическим перерожденцам во главе с будущим бесчеловечным диктатором орудовать с тягчайшими для нашего общества последствиями. Далеко не случайно Владимир Маяковский до последнего часа своей жизни вел, в первую очередь — средствами сатиры, непримиримую борьбу именно с такого рода угрозой. А разве случайными были его переживания, когда он пророчески писал вскоре после ухода В. И. Ленина в небытие, страдая от тяжких предчувствий: «Мы повернули истории бег. // Старье навсегда провожайте! // Коммунист и человек — не может быть кровожаден!» Эти строки вырвались из сердца поэта недалеко от дома, разрушенного в Екатеринбурге при Ельцине и где завершилась жизнь семьи бывшего царя. Причем написаны эти строки были более, чем за десятилетие до 1937 года!..

Как может тот же Александр Яковлев обвинять В. И. Ленина в организации, попросту говоря — развязывании гражданской войны! Помимо всего прочего, с особо целеустремленным вероломством утаивая правду о том, как глава Совнаркома ради предотвращения взаимного кровопролития и спасения миллионов людей принял предложение президента США Вудро Вильсона, с которым по некоторым данным готов был в основном согласиться

и английский премьер-министр Ллойд-Джордж! Сводилось это предложение к достижению соглашения о прекращении военных действий при сохранении контроля противоборствующими сторонами в своих «сферах влияния». Это вполне можно было воспринять и как поощрение надежды на решение основных проблем со временем в соответствии с «общенародным волеизъявлением». Военное противостояние белым армиям и их иностранным покровителям было далеко от своей роковой «вершины» и потому еще можно было сбегать жизни бесчисленных людских масс от смертных мук.

Безусловно, Владимир Ильич всей душой стремился именно к этому, но от него, к величайшему сожалению, зависело далеко не все. Надежда на менее трагический исход рухнула, когда все ведущие лидеры белогвардейских армий во главе с А. Колчаком яростно выступили против мирной инициативы президента США, авантюристически рассчитывая на победу в ходе войны на уничтожение против подавляющего большинства своих соотечественников. Ведь они понимали, что в условиях демократического и бескровного «выяснения отношений» у них нет ни малейших шансов достичь своих своекорыстно-реакционнейших целей. Главам иностранных интервенционистских держав «пришлось» с этим согласиться. С тяжчайшими последствиями прежде всего для народов нашей страны.

Владимир Ильич, как никто, понимал, насколько насущна и крайне сложна для успешного решения проблема обуздания взаимной жестокости, особо обостренной иностранным вторжением. К сожалению, это было особенно сложно в разгар навязанной извне Советской России смертельной схватки с теми, кто ради своей выгоды был нацелен на фактическое расчленение и чреватую совершенно непоправимыми последствиями колонизацию нашей Родины, на порабощение всей многомиллионной массы, проживавшей на ее необъятных просторах. Эти тяжчайшие обстоятельства вынудили В. И. Ленина сделать вывод: спасти гибнущую страну можно только с непреклонной твердостью, отвечая решительными ударами на удары мощных вооруженных орд ее погубителей. В то же время, например, такой авторитетный революционер, как лидер анархизма П. А. Кропоткин, был уверен, что социалистический идеал даже в такое опаснейшее для нашего народа время, несовместим с восстановлением смертной казни, с арестами подозреваемых и другими экстраординарными мерами. Однако глава Советского правительства был убежден, что, несмотря на подчас тяжелейшие издержки, другого выхода из губительной ситуации не было. Зато сразу же после победоносного завершения военного противостояния иностранным агрессорам и их белогвардейским сателлитам В. И. Ленин и П. А. Кропоткин практически тут же оказались единомышленниками на почве истинной гуманности.

Стоило, пусть не исчезнуть, а резко ослабеть военной опасности извне и, конечно, внутри страны, как общество наше тут же начало обновляться на основах человечности, уникальной во всем тогдашней мире, погрязшем в корысти, несправедливости, а, значит, — в страшных, убийственно-кровавых вооруженных «разборках», порабощении сотен миллионов людей, голоде, жесточайшей эксплуатации. В Советской России же вновь была отменена смертная казнь по политическим мотивам, проведена не только почти всеохватывающая амнистия политических заключенных, включая многих опаснейших противников Советской власти, но и сделаны первые радикальные шаги по пути превращения многострадальной, истерзанной самодержавным и помещичье-буржуазным тяжчайшим гнетом, страны в подлинно правовое государство. И осуществлялось это именно под руководством и при самом непосредственном участии В. И. Ленина.

Владимир Ильич делал все, что было в его слабеющих силах для облагораживающего человеческого оздоровления, то есть предельно трудного спасительно возрождающего обновления неисчислимого множества душ, крайне ожесточившихся в ходе мучительно тяжкого

противостояния иностранным интервенционистским войскам и армиям белогвардейских лидеров, стихийно, а иные — вполне осознанно «работавшим» в интересах заправил мощнейших империалистических держав. Но добиться этой цели было подчас непосильно трудно, и тогда имели место срывы с роковыми последствиями, несмотря на то, что уже в январе 1920 года предлагалось срочно запретить органам ВЧК судить и выносить приговоры, тем более — смертные. И все же экстремистски настроенным чекистам Петрограда удалось придать делу организации, возглавлявшейся профессором В. Н. Таганцевым, видимость деяний, смертельно опасных для Российской советской республики. Поначалу В. И. Ленин распорядился так пересмотреть это дело, что даже Таганцева приговорили лишь к двум годам принудительных работ. Но впоследствии инициаторам следствия удалось создать впечатление, что налицо «боевая организация». В частности, помогло этому и такое признание поэта Н. С. Гумилева: «Чувствую себя виновным по отношению к существующей в России власти в том, что в день Кронштадского восстания был готов принять участие в восстании, если бы оно перекинулось в Петроград и вел по этому поводу разговоры». Роковой исход предотвратить не удалось... Это был тяжкий срыв, но он был единственным в своем роде после того, как Владимир Ильич получил возможность начать обуздание беспощадности, ставшей характерной для иных не только заведомо агрессивного нездоровых натур...

Весьма полезно всем нам вновь вспомнить и данные о численности пенитенциарного населения (то есть заключенных), приводимые многолетним страдальцем наших тюрем и лагерей Ж. Росси в справочнике по Гулагу в двух частях, переизданном в 1991 году. В не самом тяжелом, не самом мучительном и кровавом в дореволюционные времена 1912 году количество заключенных было 183 тысячи, а при В. И. Ленине к 1924 году оно упало до 86 тысяч. После смерти В. И. Ленина к 1927 году оно вновь возросло до 200 тысяч (часть II. С. 449). А во второй половине 30-х годов счет пошел на миллионы!!!

О том, какая чудовищная пропасть к 1937 году разверзлась между тем, что было тогда «раскручено», с гигантскими невиданными в нашей и всемирной истории человечнейшими сдвигами ленинского этапа общественного развития, свидетельствует бесконечно многое, но все более ревностно скрываемое от основной массы нашего населения. Помимо всего прочего, не просто утаивается, а всемерно извращается властвующими капитализаторами и все, связанное с XX-м и XXII съездами КПСС.

Стоит вспомнить хотя бы несколько строк из стенограммы XX партийного съезда: «Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили «врагами», в действительности никакими врагами, шпионами, вредителями и т. п. не являлись, что они по существу всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения... Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно 98 человек, то есть 70 процентов (шум и возмущение в зале). Известно, что 80 % участников XVII съезда с правом решающего голоса вступили в партию в годы революционного подполья и гражданской войны, то есть до 1920 года включительно.

По социальному положению основную массу делегатов составляли рабочие (60 процентов делегатов с правом решающего голоса). Поэтому совершенно нелегально было, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, в котором большинство оказалось бы врагами партии». Это было возможно «только в результате того, что честные коммунисты были оклеветаны и обвинения к ним были фальсифицированы...» (См. «Известия ЦК КПСС», 1989 г. № 3. С. 127–128) И это лишь микроскопически малая частица общена-

родной беды, ставшей роковым следствием преступнейших антиленинских «новаций» 30-х годов, чуть было не приведших к реализации гитлеровских вожделений. Но это пагубное по своим последствиям преступнейшее злодеяние составляло лишь часть ужаснейшей общенародной трагедии.

Подумать только! Всего в бараках ГУЛАГа за колючей проволокой с 1930 по 1953 годы «оказалось» около 18 миллионов человек, включая многие миллионы по заведомо клеветническим, «подтверждаемым» чудовищными пытками политическим обвинениям! Официально по далеко не безукоризненно точным данным было приговорено к расстрелу 786 тысяч! А сколько же народу «просто» погибло под пытками, от нечеловеческих условий содержания в тюрьмах, лагерях, колониях, от непосильного труда, безобразного питания, приближавшего смерть от хронического голодания, соответствующего «медицинского» обслуживания и т. п.! Даже и в начале 30-х годов в недрах ГУЛАГа маялось «всего лишь» около 200 тысяч несчастных. Как же пришлось «постараться», чтобы в скором времени миллионы и миллионы наших сограждан были «охвачены» этой сталинской «благодатью»!

По масштабу политических репрессий такого рода сталинские деяния сопоставимы с самыми чудовищными «образцами» далеко не только XX-го века. Ничего даже отдаленно сравнимого с этим по гигантской массе жертв не было во всей нашей многовековой истории! Именно этот, на деле агрессивно антиленинский курс, нанес опаснейший по своим последствиям (возможно, фатальным в конечном итоге) удар, как по тому, что было объявлено реальным социализмом, так и тем более по изначальным истинно социалистическим идеалам, нормативам и свершениям. До чего же ужасны творящие черные дела пропагандистские «царьки», которые не без помощи то ли хитрецов, то ли скорее всего — неосознанно расчетливых простаков из числа объявляющих себя «крутыми» да еще «левыми» оппозиционерами, совместными усилиями дружно оскверняют все, имеющее отношение к В. И. Ленину. Особенно, когда лгут, объявляя, будто Ленин и Сталин «едино суть».

5 Степень мировоззренческой и морально-этической дегенерации «трущихся» в средствах массовой дезинформации пробуржуинских лжедемократов, новомодных монархистов и прочих подобных одурманивающих идеологических «гигантов» просто поражает! Дожили мы и до того, что считается вполне допустимым и очень желательным появление в центральных т. н. прорежимных органах публикаций, разнузданная лживость которых сопоставима лишь с их бескультурьем на грани непечатных откровений почти «заборного» типа. Вполне заурядно это было представлено, к примеру, в разглагольствованных хронически жаждущего дезориентировать как можно больше людей председателя так называемой партии «Демократическая Россия», все еще мелькающего в печати и на телеэкране Юлия Рыбакова.

На одной из газетных полос он высказался даже за создание на базе Мавзолея «памятника жертвам тоталитаризма». Просто потрясает прямо-таки патологическое бесчестие такого рода. Ведь невозможно представить за все века нашей трагической истории более антитоталитарную величину, чем Владимир Ильич Ленин! Хуже того: Рыбаков не постыдился объявить предателем (в полном соответствии с «нормами» конца 30-х годов), конечно, отнюдь не реально зловещие натуры, особо преуспевавшие в 90-е годы, нежно любимых им Ельцина, Гайдара, Чубайса или кого-то еще из теплой компании руководящих погубителей нашей Родины и миллионов наших соотечественников... Недолго думая, он взял и провозгласил с присущей ему беззастенчиво клеветнической одержимостью: «Сначала я был за то, чтобы его похоронить, но со временем пришел к убеждению, что земля русская не должна принимать предателя — пусть его мумия останется на виду как предостереже-

ние нам и следующим поколениям» («Известия», 18 июля 1997 г. № 133. С. 8). Разумеется, Рыбаков и не думает о том, чтобы хоть мало-мальски подтвердить фактами, аргументами, документальными обоснованиями свои измышления о В. И. Ленине. Потому и ограничивается, как водится у политиканствующих корыстолюбцев дней текущих, голословными обвинениями на грани кухонно-склочной ругани, прекрасно отдавая себе отчет в своей безнаказанности и щедром материальном поощрении такого рода низости.

Конечно, нет оснований сомневаться в беспредельной степени цинизма множества «откровений», появляющихся с 1992 года на страницах печати вполне определенной направленности, и самых скверных общественных последствиях этого. Однако особенно велика во всем разлагающем и оглупляющем роль телевидения, что, хотелось бы верить, действительно тревожит тех думских депутатов, включая сторонников социализма, которые считают себя реальной оппозицией ельциноидным извращениям в сфере идеологии. Иногда им даже удается добиться микроскопически малых уступок, что кое-кому кажется успешной защитой народных интересов. Однако обычно это почему-то не связано с решительным и умно обоснованным противостоянием даже самым клеветническим шквалам, обрушиваемым сегодня именно на В. И. Ленина, как ни на кого другого. Так, к примеру, в конце апреля 1997 года была развернута громогласная кампания протеста по случаю намеченной демонстрации по телевидению фильма, в котором Иисус Христос (ради его же прославления) показан преодолевающим в себе то, что принято считать «мирскими соблазнами». И это было объявлено угрозой его репутации, против чего, как было с большим шумом заявлено иными оппозиционными ораторами, и надо было бороться. Пасха, как кое-кому представлялось, отмечалась посему «как должно», так как демонстрацию фильма удалось ненадолго отложить. Затем сообщалось, что руководство КПРФ во всем этом, как тогда было сообщено — на редкость благом деянии, сыграло, как представляется почему-то, огромную положительную роль, «мобилизовав» коммунистическую фракцию, которая сыграла важнейшую роль во временной отмене показа «крамольного» фильма. Так была почти предотвращена «страшная», а на самом деле — мнимая попытка «опорочить» Иисуса Христа или по меньшей мере «принизить» его «истинную роль в истории рода людского и недостигаемость его нравственного облика» для простых смертных...

Испокон веков немалая часть людей стремится при любых собственных неудачах и срывах оправдывать, а то и, вопреки всему, возвеличивать себя в собственных глазах. Но особенно дорого обходятся такого рода попытки, когда при этом используется своего рода «двойная бухгалтерия». Коммунисты, тем более — особо влиятельные, ни в коем случае не имеют права ограничиваться «защитой чести и достоинства» лишь когда, скажем, дело касается Иисуса Христа! Они обязаны испытывать хотя бы отдаленно сопоставимое чувство горечи и душевной боли по случаю того, что тогда же в день рождения Владимира Ильича Ленина по РТР был в очередной раз вновь совершенно беспрепятственно продемонстрирован не в чем-то спорный, а омерзительно грязный в своей необузданной лживости, фильм «Комедия строгого режима», в котором нет ничего, кроме жажды изобразить чудовищем величайшего за все века нашей истории поборника разума, правды и добра.

Авторы фильма, выполняя обычный асоциальный заказ, шельмуют В. И. Ленина устами персонажей, отбывающих срок в колонии, и вытворяется это в самой разнузданной, так сказать, околорепортёрской форме вплоть до последнего фрагмента кинофильма. А, собственно, почему бы не поиздеваться над Человеком и величайшим лидером, если это так приятно властвующим спонсорам и так щедро оплачивается?

Вот и в упомянутом «художественном» фильме актеры, изображающие воров, бандитов, убийц и тому подобную публику, во всю «раздевают» В. И. Ленина и его сторонников.

Один из персонажей якобы читает В. И. Ленина и восклицает от его имени: «Надо как можно больше народу спровоцировать и тут же перестрелять!» Конечно, ничего подобного В. И. Ленин не говорил и не мог говорить! Так почему бы не затратить хотя бы частицу своего оппозиционного энтузиазма, нацеленного на возмеличивание церковно-религиозных, державнически-царистских, иных подобных в основном — мифических, во многом — регрессивных ценностей, на возрождение подлинной правды истории и привлечение к юридической ответственности «политикански-телевизионных» и прочих клеветников? Грустно: как раз в этом отношении за более, чем десяток последних лет не обнаружилось что-то хотя бы мало-мальски серьезное и по-настоящему принципиальное...

А тем временем щедро откармливаемые псевдодемократические, промонархические и прочие обманщики вытворяют все, что им вздумается! Из заметки в «Вечерней Москве» от 1 марта 1996 г., названной «Сыграть Ленина на саксофоне и с саксофоном...»: «Вот в одном из таких представлений с саксом в зубах и в кепочке Владимир Чекасин умудрился на сцене киноконцертного зала Центрального Дома художника пронести образ вождя из Швейцарии прямо в Шушенское. И хоть бы хны! В новом музыкальном «проекте»... Владимир, ростом схожий со своим тезкой, изображать первого Беса революции не будет, но тоже поозорничает вволю».

В день юбилея 22.04.96 поздно вечером (ближе к ночи) по НТВ старались дать понять, что В. И. Ленин вовсе и не русский человек... Разумеется, по ОРТ объявили «просто и мило», что ленинские идеи будто бы не иначе как безумные, принесшие все самые ужасные беды... А 08.05.96 в «Вечерней Москве» не постыдились на вкладыше напечатать статейку с подзаголовком «О ширинке Ильича, папироске Сталина и рихтовке наших извилин». В том же номере были расчетливо помещены «величальные» слова М. Жванецкого, адресованные Ельцину: «Борис Николаевич — это тот человек, который может выпить, сохраняя внутреннюю честность. Возле него находиться хочется».

25.05.96 в части передачи, посвященной восторженной популяризации Константина Райкина (передача «Аншлаг и К°»), тоже творилось кое-что хуже чем малопристойное, ставшее заурядной и почти повседневной реальностью. Продемонстрирован фрагмент из спектакля театра «Сатирикон», названный «Главный шоумен XX-го века». Из подобия гроба выскакивает вертлявый, соответствующим образом загримированный актер и начинает омерзительно пошлейшим образом кривляться, орудуя «под Ленина». И ведь никто не краснеет! Но все же в этом смысле наибольшего внимания заслуживает вышеупомянутый фильм «Комедия строгого режима», формально посвященный массовому побегу уголовников из зоны, причем этому способствовал приказ поставить с участием заключенных спектакль о Ленине. Само собой разумеется — главная и всеохватывающая цель не что-то «заурядное», а комплексное обливание грязью В. И. Ленина и его концепции общественного развития. Заключенные во всю самым издевательским образом показывают В. И. Ленина и его соратников, шиворот-навыорот «цитируют» то, что выдается за его произведения, в первую очередь, изображая его как кровожаднейшего убийцу, упивающегося своей властью.

К примеру, В. И. Ленин поручает «рабочему» Василию «проводить» одного из своих соратников, возражавшего против Октябрьского восстания; тот его, конечно, будто бы убивает, (в полном соответствии с «образцами» 30-х годов), а Ленин радуется этому, как ничему другому... Тут же провозглашаются якобы в качестве ленинских — афоризмы тех лет: «Надо арестовывать и убивать как можно больше!», «Нет человека — нет проблемы» и т. п. Как ныне положено, актер, изображающий Ленина, восхищается своим приближенным, якобы убившим его инакомыслящего соратника, возражавшего вождю! Конечно, ничего подобного В. И. Ленин не говорил и говорить не мог! Но ведь фальсификаторам и их

хозяевам, прихватизаторски обогатившимся и роскошествующим буквально на миллионах трупов ими же ограбленных и убитых нуждой, голодом, болезнями, как ничто иное выгодно «отныне и во веки веков» ошельмовать главного своего антипода.

Весь фильм — сплошные примитивно пошлые выдумки, как водится с 1992 года, абсолютно во всем клеветнические и низменно вульгарные. Все здесь нацелено на издевательство над В. И. Лениным, (вплоть до воровски шкодливого «чтения» придуманных авторами фильма «цитат»), на внушение десяткам миллионов телезрителей, что любой из содержащихся в заключении преступников, включая отпетых убийц и вплоть до самых махровых паханов — лучше, честнее, добропорядочнее, чем основатель и первый руководитель Советской страны. Невероятно, но факт: вчерашние «верные» главенствовавшие партийцы высшего ранга типа Ельцина сделали это основой своего преступно аморально-го, отнюдь не только информационно-пропагандистского курса!

В результате почти полного своего господства над телевидением и прессой властвующие «прихватизаторы» разнузданно бесчеловечного типа, совершенно безнаказанно и беспрепятственно делают все, чтобы самым мерзким образом поиздеваться над Человеком и Лидером, в отличие от них спасавшим, а не губившим свою родину и миллионы ее граждан. Но как объяснить поведение тех, которые объявляют себя коммунистами, но почему-то помалкивают, видя как прямо-таки растаптывается спасительная ленинская концепция общественного развития и вообще все с ним связанное? Почему многим (в том числе и вроде бы решительным противникам Ельцина) чуть ли не безразлично годами было и то, как в этом многократно показанном фильме Ленин изображается злорадным убийцей своих оппонентов, включая коммунистов-руководителей! Хотя ничего подобного творившемуся в период тиранически-душегубского беспредела 30-х годов не было и быть не могло при жизни Владимира Ильича! Сколько еще можно «не замечать» и таких подлейших фальсификаторских трюков, так и не организовав публикацию серьезно аргументированных статей и книг, опровергающих подобные по-гебельсовски грязные пропагандистские игрища? Безусловно, безнравственно вольно или невольно потакать им, ничем всерьез не противодействуя. Пассивность здесь совершенно неоправдана, а тем более — молчаливое забвение правды хотя бы на один день, что особенно недопустимо для наиболее влиятельных из тех, кто понимает суть установившегося режима, как пагубнейшего социального феномена конца XX века.

Духовно и нравственно разрушительные пропагандистски-информационные безобразия не прекращаются ни на один день. Помимо прочего, они затрагивают (нередко с расистским оттенком) предков В. И. Ленина. Вот и по случаю его очередного дня рождения был нанесен удар даже по его матери, Марии Александровне, в надежде изобразить ее на редкость безнравственной женщиной, все три сына которой были якобы от разных отцов! (См. «Комсомольская правда», 23 апреля 1997 г.). Вылавливать бесчисленные проявления всевозможной низости, прямо-таки заполонившей средства массовой информации, можно до бесконечности. Однако, в первую очередь, целесообразно до деталей уяснить, насколько фатальным может оказаться (не только для нашей Отчизны) всеохватывающее торжество лжи, ради окончательного «укоренения на веки вечные» сверхроскошествующих негодяев, их разнузданнейшей корысти и давно невиданной бесчеловечности!

Безусловно: одной из самых зловещих «новаций» нашего бытия с первых дней 1992 года является «вдруг» обнажившаяся преступная корысть целых пластов не только профессионально криминальных элементов, но и номенклатурных «столпов» различного уровня (вплоть до высшего аппаратно-партократического), а также многих из тех, кого ныне принято именовать элитарно творческими величинами высшего разряда, включая далеко

не всегда заслуженно, но всемерно прославляемых иных режиссеров, литераторов, актеров, «околонаучных» работников, преуспевающих поп-музыкантов и т. д.

А сколько еще натур подобного рода (не считая лиц, явно смыкающихся с уголовщиной), которые особо бурно обогащались, к примеру, в ходе выборов 1996 года, разъезжая по всей стране ради агитации в пользу Ельцина... Просто как о чуде узнаешь о том, что встречаются в этой среде расчетливо замалчиваемые: безукоризненно порядочные люди, у которых и в нынешней зловещей, надламывающей страшно многих обстановке, хватает мужества отказаться от шальных, во многом «дармовых» доходов. Юрий Шевчук: «Да, нам предлагали 90 тысяч долларов, чтобы мы агитировали за Ельцина, но мы отказались, хотя деньги были очень нужны...» («Труд-7», 07.02.97. С. 8). А сколько не только душевно подлых, но и просто крайне нуждающихся, удалось согнуть? И почему «вдруг» Юрий Шевчук надолго исчез с телеэкранов? Между прочим, никто не опроверг слов С. Говорухина о том, что кое-кому выдавалось аж по 400 тысяч долларов. И это тоже за счет великого множества «дополнительно» обрекавшихся на смерть благодаря продлению почти на 4 года существования тлетворнейшего ельцинского властвования!

Совсем не случайно всплыло очень много таких, кто оголтело подыгрывал Ельцину, жаждавшему и дальше продолжить посмертную расправу над В. И. Лениным, провозглашавшему свое «скромное» желание убрать Мавзолей с Красной площади и закопать подальше от Москвы останки того, кто (в отличие от таких, как он) спасал, а не губил великую страну и миллионы ее граждан. Причем все чаще и чаще пропагандистский цинизм по этой части, обрушиваемый на наше великое и трагическое прошлое, продолжал оставаться прямо-таки запредельным!

Вот и 30.07.97., к примеру, Арк. Арканов получил возможность поглотить основную часть передачи «Времечко». Для чего? Прежде всего для рекламирования своей книжицы, целиком посвященной шельмованию В. И. Ленина и всего, с ним связанного. А когда был задан ему вопрос о теперешней жизни и положении в России, Арканов, ни на мгновение не устыдившись, стал без зазрения совести похваливать ельцинский режим и «ввернул» полунарек, будто жизнь улучшается! Подумать только: страна развалена, произошло более чем двукратное падение промышленного и сельскохозяйственного производства, фактически поощряемая коррупция и преступность все чаще подчиняют необъятно многое в России своим интересам с тягчайшими последствиями. Миллионы самых несчастных с 1992 г. наших сограждан уже вымерли в лжереформаторские годы от голода, болезней и прочего из самого ужасного, вновь «возрожденного» впервые после ряда по крайней мере в этом смысле сравнительно благополучных десятилетий! А таких, как Арканов, все это устраивает и ничего плохого в 90-х годах, они «в упор не видят» и видеть не желают! Невероятно, но этот специалист по части юмора, вдруг вторгшийся в сферы истории и политологии, заметил кое-что из «недостатков» и только лишь в связи со «сложностями» в области «неформального секса». Но тут же бодро предсказал, что и здесь ситуация изменится к «лучшему», когда через считанные годы будет, наконец, легализована проституция и откроются... — конечно, не подорванные и в большом числе ликвидированные, начиная с конца 1991 года учреждения для спасения детей и подростков, а публичные дома.

Есть, безусловно, своя закономерность в том, что именно многие из бывших пробивных партаппаратчиков-оборотней, еще недавно истошно прославлявших первого руководителя послереволюционной России, всегда тоже «сверхсытно» живших в условиях сталинского и неосталинистского режимов, иных литераторов-приспособленцев, кое-кого из режиссеров (весьма преуспевавших) и иной, им подобной публики, люто ненавидит именно Владимира Ильича Ленина. А вот наиболее компетентная и совестливая часть сторонников

истинного социализма вместе с самыми мыслящими и прогрессивно-честными диссидентами, делает все возможное для противостояния этим, как правило, очень корыстным, а нередко и совершенно бесчеловечным элементам.

В данной связи очень важно по-доброму помянуть слишком рано ушедших из жизни академика А. Д. Сахарова, писателей В. Е. Максимова и А. Д. Синявского, общественного деятеля П. М. Абовина-Егидеса и других достойнейших людей. В отличие от номенклатурных партократов-оборотней типа Ельцина, не способных стремиться ни к чему, кроме сугубо шкурной выгоды и потому лакействовавших перед правителями застойного времени, они всеми силами, идя сплошь и рядом на тяжелые жертвы, противостояли им. Руководствовались же они только интересами прогресса и блага народного, вопреки неосталинистским и прочим извращениям, способствовавшим грядущему торжеству властвующих преступников 90-х годов XX века. Грешно не отдать должное и ныне здравствующим самостоятельно мыслящим интеллигентам-прогрессистам и гуманистам. В том числе, например, человеческой и безукоризненно порядочной М. В. Розановой, В. В. Белоцерковскому — публицисту и по-настоящему серьезному обществоведы.

Безусловно, исключительно разумны и нижеследующие его слова: «Получается красиво: человек, разрушивший последний приют последнего царя Российской Империи, хочет теперь разрушить и Мавзолей основателя Советского Союза! Сколько уже он разрушил, и все не может остановиться. Поражает и способность Ельцина провозгласить что-то благородное — и тут же нарушить собственный призыв. Например, провозгласить год мира и согласия — и объявить о намерении снести Мавзолей сразу вслед за принятием в Думе закона о Красной площади, не допускающего изменения ее облика, т. е. сознательно провоцировать Думу на конфликт, на войну. «Я знаю, коммунисты будут против, но я привык с ними воевать!» Но, конечно, главная цель затеваемой шумихи вокруг мавзолея и некрополя, как и похода против Думы — сугубо прагматическая: отвлечь внимание людей от бедственного положения, в которое завел их строй, созданный Ельциным и старо-новой номенклатурой...

Коротко по существу вопроса. Здесь я прежде всего должен повторить то, что уже было сказано в прессе, в частности Виталием Третьяковым в «Независимой газете», с чем я полностью согласен: «Разрушение Мавзолея, памятника истории и архитектурного шедевра — варварство, а ликвидация некрополя — глумление над прахом многих достойных людей. Да и прах недостойных, — это уже добавлю я, — как-то неблагородно вытряхивать. Вот когда они были живы и в силе, тогда и надо было с ними воевать! О Мавзолее же можно добавить, что это не только шедевр архитектуры, но и архитектурный центр площади, связывающий ее с современностью и даже с будущим. Если мавзолей будет разрушен, это исчезнет, и мы это сразу почувствуем. Сейчас мы привыкли к нему, ощущаем, но не осознаем его красоту, одновременно тихую и величественную, и его гениальную пропорциональность, гармоничность в контексте Кремля и площади»...

Нельзя превращать Красную площадь, как говорит Ельцин, в кладбище. Если нынешние хозяева Кремля хотят прекратить хоронить знаменитых людей в кремлевской стене или около нее, то это их дело, но пока что площадь как кладбище никем не воспринимается. Могилы и урны в стене отделены трибунами и елками, и гуляющие на площади люди не обращают на них никакого внимания, не замечают их, и концерты устраиваются, и молодежь веселится, отмечает свои события. Планировать разрушение мавзолея и некрополя, на мой взгляд, могут, главным образом, люди, которые раньше верой и правдой служили коммунистическому режиму и теперь стараются как можно глубже затоптать свое «красное» прошлое и продемонстрировать свой бескомпромиссный антикоммунизм.

На минуту отвлекусь от главной темы. Очень удивляются многие россияне, когда узнают о «левых» высказываниях моего великого единомышленника Папы Римского Иоанна Павла Второго, например, вроде его заявления (в 1991 г.) о том, что «капитализм не должен служить образцом для стран Восточной Европы после падения там коммунистических режимов». (Он и энциклику на эту тему в тот год издал!) «Ты жил на Западе, работал на «Свободе», — часто спрашивают меня знакомые, — объясни, как Папа мог такое сказать? Он, что — коммунист скрытый?» — «Потому и мог так сказать, — отвечаю я с оттяжкой, — что он никогда коммунистом не был!» Так вот и я никогда не был коммунистом, не состоял в КПСС, с молодости ненавидел этот режим, был диссидентом, и потому спокойно могу сказать не только то, что я против разрушения мавзолея (останки Ульянова-Ленина надо, вероятно, предать земле в самом мавзолее), но и против нынешнего очернения. Ленина, в чем опять же особенно усердствуют бывшие деятели компартии. Ведь именно переоценка Ленина с гения на злодея стоит за намерением снести мавзолей. Спокойно могу высказать мнение, что роль Ленина в истории (как и Октябрьской революции) рано или поздно будет вновь переоценена.

И я подозреваю, что Ельцин и его реформаторы ненавидят Ленина за то, что его реформа, НЭП, в отличие от их реформ, улучшила таки жизнь народа! Хотя началась она, не забудем, в totalmente разрушенной и распавшейся после двух войн и революций стране. На Западе из академической историографии я узнал, что к 1926 году, т. е. менее чем через 5 лет после начала реформы, благосостояние населения страны достигло такого уровня, какого не было в России ни до революции, ни после подавления НЭПа Сталиным. Особенно это касалось благосостояния крестьянства, которое тогда составляло 70 % населения и получило землю, свободу хозяйствования и рынок. Характерно, что эта статистика скрывалась как при «советчиках» (после ликвидации НЭПа), так скрывается и при антисоветчиках. Она не удобна и тем, и этим! (...)

Ведь что тут в конечном счете поражает: опять (как и при «застойном закате» старого режима) уровень образованности, так это мягко обозначим, наших руководителей опускается ниже уровня большинства граждан страны! И как низко пала элита нашей интеллигенции, неотреагировав немедленно, адекватно и публично на упомянутое выше высказывание Ельцина. (...) Аплодирует наша элита и идее «очищения» Красной площади. Почему бы, кстати, не переименовать ее в Белую площадь? Как это еще до сих пор бывшие партийные журналисты, члены и консультанты ЦК и обкомов КПСС не подсказали Ельцину такой идеи? Чистить, так чистить!..» («Независимая газета», 30 июля 1997 г. Подчеркнуто мною. — Г. Н.). До какой степени духовное и нравственное вырождение заправил подобного типа должно дойти, чтобы последовали, наконец, действенные меры, ведущие нашу Отчизну не в пропасть окончательной дегенерации и распада, а на путь возрождения?

Давным-давно пора признать, что во второй половине XX века по-настоящему реальным, действенным и самым последовательным защитником и поборником по-ленински истинных социалистических ценностей был Андрей Дмитриевич Сахаров. А вовсе не наиболее влиятельные руководители партии и страны брежневских времен, их теперешние ельциноидные последыши и тем более — не Сталин с его палачествующими выдвиженцами и подручными! Ведь письмо этого не только великого физика, но и на редкость крупного обществоведа, адресованное более тридцати лет тому назад (в 1968 году) тогдашнему руководству СССР, было наилучшей (тем более для той поры) защитой подлинно социалистических идеалов, интересов общечеловеческого прогресса и спасения нашей Родины. В том числе, конечно, от того, что сотворили с ней бесчеловечнейшие корыстолюбцы-временщики под «мудрым» водительством Ельциных, Гайдаров и прочих номенклатурных выкормышей, вдруг ставших гигантами «демократии»!..

Эх, если бы тогдашние правящие жлеленинцы были способны при «застое» в своем большинстве пробиться сквозь броню своих неосталинистских рефлексов и понять, насколько спасительной в наиважнейшем была права академика А. Д. Сахарова! Куда там... Вместо по-человечески умной, осмысленной реакции, последовали обрушенные на него полубезумные обвинения. Человека подвергли травле, а потом и опале, чтобы впоследствии пустить в дело «смягченные» репрессии! Подумать только: как что-то чудовищное изображались мысли Андрея Дмитриевича о приоритетности всеохватывающей гуманизации общественной жизни, о всемерном форсировании процесса мирного сосуществования, о необходимости всемерной активизации усилий по прекращению гонки вооружений ради создания все более ужасающих орудий смерти и разрушений, о правах человека, об интеллектуальной свободе и т. д.

А разве по истинной сути не паталогическим было озлобление сановных, во многом просто по-глупому властвовавших лжекоммунистических невежд в связи со структурно-институциональной концепцией А. Д. Сахарова? Ведь он, во избежание возможных деформаций и срывов, был убежден в целесообразности сохранения КПСС в качестве управляющей силы, но решительно настаивал на том, чтобы эти функции осуществлялись на глубочайшей научной основе, то есть на деле, сознательно и без претензий на монополизацию истины! Прежде всего заботясь об улучшении жизни трудящихся, а не о привилегиях «избранных». Как можно было ожесточиться против таких предложений, без реализации которых крах социалистической системы и ее морали стал неизбежен? К чему вела, помимо многого иного, и афганская авантюра, ранее, чем кем-либо осужденная А. Д. Сахаровым...

Ничего кроме агрессивно зловещего неприятия не вызвало и это у тех, кому по должности полагалось ни на один день не забывать (в числе всего остального) и слов В. И. Ленина, адресованных Сталину: «Озлобление в политике обычно играет самую худую роль!» До чего же дорого обошлось то, что высшие должностные лица застойного времени, от кого тогда зависело практически все, ухитрились не отдать должного и тому, что А. Д. Сахаров при всей кардинальности своего научного анализа реалий той поры и конкретных выводов полагал необходимым осмотрительное, постепенное осуществление своей позитивной программы, непременно сохраняя управляемость этого процесса. И, конечно, в обязательном порядке, не допуская потери лучшего, что дала (особенно в ленинские 20-е годы) практика подлинно социалистических человечнейших преобразований...

ГЛАВА IV

Правда и ложь о Ленине

«Ложь — религия рабов и хозяев».
Алексей Максимович Горький

1 Ко многому, крайне нездоровому, сплошь и рядом — на грани криминального предела, пора бы привыкнуть за последние более полутора десятков лет. Но очередное посмертное надругательство над В. И. Лениным, да еще в связи с 80-летием его мученической гибели, просто ужасает. Прежде всего — своей бесчеловечнейшей клеветнической наготой.

Ничто не мешает приписывать лучшему из государственных руководителей минувших веков свои собственные низменные вождения и наиболее пагубные пороки. Потому-то и приходится ныне «любоваться» на обложке крупнотиражного еженедельника «Аргументы и факты» (январь 2004 г. № 3) одним из типичных деяний такого рода. Под рубрикой «Тайны истории» был брошен во Владимира Ильича очередной ком грязи, являющийся пределом аморальности. В связи с 80-летием со дня страшной кончины Владимира Ильича здесь провозглашено: «Место Крупской заняли секретарши» и тут же половину обложки заполнил яркий и завлекающий внимание множество читателей преступный фотомонтаж, на котором изображен дряхлый, но блаженно улыбающийся руководиель Советской России в окружении группы роскошных раскрасавиц.

Тут же рекомендуется прочесть страницу 11-ю, причем эта публикация всерьез озглавлена «Ссора вождей». Сталин же в ней продемонстрирован не только «равным» Ленину, но и вроде бы совершенно правым в так называемой ссоре. Цель этой выдумки — скрыть правду истории за ныне «изобретенной» мнимой порочностью руководителя Советской России, извратить ленинскую принципиальную правоту в борьбе за отстранение Иосифа Сталина с решающего поста в партии и стране.

Владимир Ильич, вопреки своей ставшей непоправимой все более усугубляющейся физической немощи, успел сделать поразительно многое для предостережения от опаснейше усиливающейся угрозы преобладания бюрократически-паразитарных и антинародно-тоталитарных тенденций с точки зрения интересов торжества подлинно социалистических идеалов. Прежде всего, в связи со стремлением Сталина все больше сосредотачивать в своих руках, как утверждал Ленин, «необъятную власть», которой тот не сможет пользоваться должным образом. Потому он и настаивал на его отстранении с вершины власти, которая, как выяснилось, через считанные годы после гибели Владимира Ильича, становилась все более бесконтрольной и общественно пагубной.

К величайшему сожалению, большинство руководящего состава той поры было бесконечно далеко от провидческого уровня ленинской гениальности, за что все мы поплати-

лись тягчайшим образом, вплоть до торжества Ельцина и ему подобных. Вот и в упомянутой публикации все нацелено на шельмование величайшего в своей редкой нравственности, прогрессивности и гуманности государственного руководителя, ныне изображаемого в виде карикатурно растленного и жесточайшего политического обывателя, якобы обрекающего на давно невиданные беды и вымирание неисчислимыe людские массы, любящего только себя, власть и награбленные несметные богатства на костях миллионов ими загубленных. Теперешние своекорыстнейшие ничтожества просто не могут не клеветать на В. И. Ленина, изображая его по меньшей мере себе подобным.

Фальсификаторы истории при этом, конечно, отбрасывают все неопровержимые факты и документы, а «отталкиваются» от мнения трех почему-то анонимных «старых чекистов», которые ссылаются на официально нигде не зафиксированные слова Сталина. Суть же их сводится к тому, что В. И. Ленин — развратник, из-за чего у него якобы возник конфликт с женой Надеждой Константиновной Крупской. Сталин будто бы принципиально и добросовестно попытался разобраться в данной ситуации и принять «нужные» меры (которые в действительности привели к катастрофически непоправимому ухудшению состоянию здоровья В. И. Ленина). А вот Н. К. Крупская взяла и «поссорила» Ленина со Сталиным!

Вот так ныне ельциноиды «творят» историю, все извращая и уродуя! Из той же категории, к примеру, и «плоды фантазии» Владимира Жириновского, если можно так выразиться, приуроченные им к 80-летию со дня гибели В. И. Ленина. Как раз 22 января 2004 года, он, помимо всего прочего, столь же не имеющего ни малейшего отношения к истине, сверхбесчестно внушал многим миллионам телезрителям НТВ, будто по вине В. И. Ленина за несколько лет его пребывания в роли руководителя Советской России было якобы загублено 40 миллионов наших соотечественников той поры!

Воистину нет предела всеизвращающей толще лжеисторических «откровений» подобного рода! Отвлекаясь от совершенно фантастического «цифрового выражения» количества жертв рокового военного противостояния, нельзя отрицать, конечно, их тяжесть. Но главная непорядочность на грани особого рода уголовщины кроется здесь в сверххлживом выборе «виновника», ибо кровь всех страждущих и погибших не в руках Владимира Ильича, а главных его антиподов, о чем свидетельствует вся совокупность фактов, свидетельств, документов, о чем Жириновский не может не знать!

Ведь Владимир Ильич, которого обвиняет в жестокости данный поклонник всех бесчеловечнейших мерзостей (от царистско-крепостнических из числа весьма давних и вплоть до ужасающих гугаговских) был гуманистом редчайшей целеустремленности! После Октября 1917 года он на протяжении многих месяцев до последней возможности не допускал применения смертной казни (тем более — по обвинениям политического характера). Он же не разрешил расстрелять группу офицеров, чуть было не пристреливших его 1 января 1918 года во время одного из покушений лично против него. А когда они раскаялись в содеянном, вообще приказал их выпустить на волю.

Необходимость применения самых решительных ответных мер ради спасения Родины и многих миллионов ее граждан от гибели, стала неизбежной только в связи со стремлением мощнейших империалистических держав разделить нашу страну на т. н. «сферы влияния» в надежде разорвать ее на части и колонизировать наиболее «лакомые» ее регионы. Именно ради реализации подобных поползновений к нам вторглись иностранные войска, вооружившие и снабдившие всем необходимым ими же организованные белогвардейские армии, в результате чего гибель огромных людских масс оказалась непредотвратимой.

Конечно, мы потеряли не 40 миллионов, жульнически «изобретенных» Жириновским, а многократно меньшее количество, что тоже обошлось очень дорого, но только вопреки В. И. Ленину. Однако главное зло, «привносимое» такими клеветниками, — снятие преступнейшей вины с иностранных агрессоров и их белогвардейских сателлитов и подлое «возложение» ее на В. И. Ленина и возглавленных им защитников Советской России! Те, кто годами дают возможность Жириновскому и таким, как он издеваться над правдой истории, не допуская к телеэкрану честных и компетентных людей, способных этому противостоять, творят на редкость черное и злое дело.

Телеэкран и многие печатные органы переполнены явным политиканским сверхбезобразием. И в то же время «наглухо» скрывается, например, то, как В. И. Ленин реагировал на предложение президента США Вудро Вильсона заключить соглашение о прекращении военных действий на территории России. В. И. Ленин ответил согласием ради сбережения многих сотен тысяч жизней. Сорвано же это было по просьбе ныне расхваливаемого Колчака и других «белых» лидеров. Должна же, наконец, быть восстановлена справедливость в отношении всего минувшего. В том числе, естественно, и в связи с тем, как восемь десятилетий тому назад в январе 1924 года в возрасте 53-х лет в страшных муках после долгой почти все парализующей болезни скончался Владимир Ильич Ленин.

Сомнений нет: именно это событие, как никакое другое, пробудило тогда невиданную боль в душах гигантских людских масс. Причем кое-кто уже в то время предчувствовал неизбежность ужасающих последствий происшедшего. Так и случилось вследствие подрыва ленинской концепции общественного развития и разрушительно преступнейшего в сущности антисоциалистического переворота, от которого особо труднопоправимым, роковым образом пострадали не только народы СССР, но и огромная часть рода людского в целом.

Как ни «странно», но среди прочих цинично изолгавшихся, шельмующих, непрерывно клеветующих элементов, оскверняющих память о Владимире Ильиче, всеми силами «выдавливających» его из истории, самыми низкопробно бессовестными «оказываются» уже около полутора десятков лет как раз наши сограждане из числа «власть и богатство имущих!» Помимо многого иного, неопровержимо свидетельствуют об этом телевизионные передачи и целые сериалы, нескончаемые (в том числе на редкость «пухлые») публикации, подчас во множестве газетных и иных номеров.

В частности, очень симптоматично то, что именно в предъельцинские годы было заметно довольно действенное стремление определенной части руководящих структур КПСС изменить к лучшему состояние дел в сферах исторических исследований и даже исторического образования, систематически деформированного, начиная с 30-х годов и совершенно недостаточно «оздоравливаемого» после середины 50-х. Но стоило тому, кто вскоре стал сам себя именовать царем, с «серыми кардиналами» и иными поделчиками дорваться до бесконтрольной власти в конце 1991 года, как началось давно невиданное безобразие и в данной сфере вплоть до крайне труднопоправимого уродования сознания многомиллионных масс наших (в первую очередь — молодых) соотечественников!

Начинал Б. Ельцин карабкаться на вершину власти с восторженных оценок В. И. Ленина, требований возродить ленинские нормы, покончить с привилегиями за счет остро нуждающегося трудового народа и т. д. Но стоило ему добиться реализации собственных своекорыстных воцелений, как большинство честных тружеников было невиданно ограблено и доведено до ужасающей нищеты и вымирания. Тут уж человечно спасительные ленинские свершения оказались совершенно ни к чему, и уже через считанные месяцы с начала своего «триумфа» этот недавний «борец против привилегий» начал провозгла-

шать диаметрально противоположное. Лакейски изгибаясь перед конгрессменами США, он заявил, что после революции 1917 года якобы начался «СПЛОШНОЙ КОШМАР».

Тут же и далее «пошло-поехало»: Ельцин договорился до того, что не кто-то и, конечно, не он лично, а именно В. И. Ленин «принес много бед народу». И такая шкурно-загребущая бредятина хуже, чем сомнительной природы стала директивой, обязательной для исполнения! И, конечно, не только для открыто растленных, бесстыжих средств массовой дезинформации, но и для определяющих основное функционеров, то есть заправляющих всем в системе мировоззренческого, а прежде всего — исторического образования вплоть до дней текущих.

В этом плане меня не может не тревожить, точнее — не огорчать беспредельно, например, учебник «Россия и мир в XX веке. 11 класс», предназначенный для общеобразовательных учебных заведений. При этом отмечено: «Допущено Министерством образования Российской Федерации». Москва, «Просвещение», 2003 год. Можно утверждать с полной уверенностью: в этом тексте «представлено» все для того, чтобы изобразить ельциноидный режим в качестве явления, невзирая на некоторые якобы всего лишь «недочеты» и «объективные» трудности чем-то вполне удовлетворительным и даже — приличным! И это «творение» переиздается огромными тиражами уже 7-й раз!

Здесь же весьма почитительно «раскрывается» все главное, будто бы наличествовавшее в последнем царе и вообще в дореволюционном «порядке вещей» и, конечно, нет хотя бы подобия одобрительных оценок, относительно спасительной далеко не только для России Великой Октябрьской революции! При многословии о гражданской войне, очень уж почитительно и, конечно, непременно с большой буквы говорится о Белом движении, не касаясь того, что его ключевые фигуры фактически вольно или невольно помогали реализации замыслов иностранных агрессоров. Хуже того: вне «внимания» авторов остается правда о зловещей роли глав наиболее мощных империалистических государств, предрешивших колоссальные жертвы и вообще все особенно мучительное для нашей страны, для народов, проживавших на ее бескрайних просторах. Как же можно умалчивать о том, для чего они направляли к нам свои войска, вооружали и снаряжали белые армии, как и о том, что именно красные бойцы, командиры и комиссары спасли нашу Родину от гибели!

«Естественно», ни единого честного слова при этом не говорится о благотворно спасительной роли В. И. Ленина в период белогвардейски-иностранных «деяний» на территории нашей страны, как и вообще обо всем с ним связанном на протяжении всей жизни этого великого человека. Ни единого слова, позитивно оценивающего хоть что-то из им свершенного или задуманного, ни одного фрагмента из им написанного и колоссального многотомья опубликованного! Зато многословно и восторженно цитируются те, кто реакционен, корыстно узколобен, жесток и т. п.! Как будто В. И. Ленин жертвенно трудился, боролся и страдал только для того, чтобы помочь нынешним загребущим ничтожествам заклеить самого себя...

Ельциноиды в своем ужасном рвении насаждать все на редкость отвратное в ходе «воспитания» своих подчиненных авторов, докатываются просто до сверххлостыдного! Вот и появляются на страницах данного учебника портреты царя, членов его семьи, восторженно прославляемого Столыпина, Сталина, Троцкого, Черчилля, Рузвельта, даже Гитлера с Муссолини! Зато ни единого портрета В. И. Ленина, ни единого фрагмента, дающего возможность серьезно проанализировать хотя бы одно его произведение! И ведь не краснеют, угождая своим хозяевам, предпочитая оглуплять и в сущности деморализовывать миллионы сограждан!

Кто-то, видимо, так угрожающе провозгласил В. И. Ленину «Нет!», в тоже время позволя поместить в тексте фотографии даже самых страшных чудовищ из тех, кто властвовал не

только в нашей, но и в ряде других стран, на беду человечеству в веке минувшем, что перепугал и не самых неумных из авторов и редакторов, а также не самых регрессивных...

На память приходит и термин нашего гениального сатирика-прогрессиста Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина о патологическом «начальстволюбии» обывателей города Глухова, а также о кое-чем еще худшем. Чего стоят также строки убитого совершенно безнаказанно нашего не только поэтического гения Михаила Юрьевича Лермонтова: «Прощай немая Россия // Страна рабов, страна господ! // И вы мундиры голубые, // и ты послушный им народ!» А какова цена гнуснейших слов ныне подчас подхваливаемого изуверски жестокого и тупо реакционного царя Николая I по прозвищу «Палкин», когда он узнал об убийстве М. Ю. Лермонтова. А вообще-то издевающиеся над памятью о В. И. Ленине и других погибших гениев напоминают то животное, которое склонно лягать своим копытом мертвого льва...

Невероятно, но все это ныне вдалбливается в души миллионов наших детей и внуков, почти поголовно с самого нежного возраста! Можно не сомневаться: кое-кому очень приятно любоваться тем, как масса вымирают те из нас, кто видел, точно знал по меньшей мере то, что все наши части и соединения крушили гитлеровскую мерзость, сражаясь не под трехцветными, а красными знаменами, не с двуглавым орлом, а с таким ныне проклиняемым символом, как серп и молот! Столь же бессовестно вытравляется из народной памяти, разумеется, и то, что на всех наших знаменах был профиль В. И. Ленина, а не кого-то из царей. «Попутно» из нашей истории, выбрасывается то, что за сотню лет до 1917 года царистская символика, начиная, с царя Николая I, прозванного Палкиным, не была спасительной!

Не случайно все ельциноиды второй десяткой лет лгут «без конца и без края», утаивая, что до прихода к власти В. И. Ленина более ста лет царская Россия терпела унижайшие поражения в войнах со всеми серьезными противниками. Чего стоили, к примеру, оскорбляющие душу народную условия мира после Крымской войны и тем более — позорнейшие поражения в ходе русско-японской войны! Нет ни малейших сомнений: если бы кто-то «надумал» в 1941 году «восстановить», как при Ельцине, называвшим себя царем Борисом, царские знамена с двуглавым орлом, то погибли бы все народы нашей страны, а возможно, и вся мировая цивилизация!

12 октября 2003 года впервые за более чем десятком последних лет вдруг довелось в одной из телепрограмм услышать слова горькой правды по проблематике, которая ныне засекречивается, как мало что иное. При этом на телеэкране промелькнуло немалое число молодых людей, знание истории которыми находится не просто в пределах «нулевой отметки», а является резко отрицательной величиной в общесоциально опаснейшей степени. Для человека педагогически профессионального, лицезреть такое — значит ужаснуться вовсе не только степени дремучего невежества тех, кто в теперешних условиях вступает в самостоятельную жизнь, восторгаясь даже Гитлером!

Затем было сообщено о том, что Герой Советского Союза генерал армии Валентин Иванович Варенников посчитал своим долгом обратиться к президенту Российской Федерации в связи с целеустремленным развалом всей системы исторического образования в нашей стране.. Дошло дело даже до появления учебников, по сути дела американизированных до такой степени, что школьникам внушается, будто гитлеровщину и прочие фашистские ужасы сокрушила американская военная машина в качестве фактора первостепенного и решающего! А десятки миллионов героически сражавшихся и жертвенно павших наших бойцов, как намекают иные авторы учебников, были чем-то не первостепенным, а значит и не очень заслуживающим особого внимания.

В ходе той же телепередачи наш, а не чей-то министр образования вынужден был признать, что в современных условиях он не имеет права запретить использование в шко-

лах даже заведомо порочных учебников! Возможно, по этой причине этот порядочный человек был снят со своего поста. Но ведь это по сути дела то же самое, что и долгие годы непрекращающееся всемерное стимулирование в России наркомании, алкоголизма, аморальности, коррупции, взяточничества, преступности наиопаснейших разновидностей и тому подобно! В том же духе срабатывает и отказ от вручения соотечественникам (по желанию главных ельциноидов) советских орденов, а также уничтожение советских государственных символов в паспортах в сочетании с разнузданно вульгарным навязыванием царистского «эрзаца»...

В анализ проблематики такого рода решил включиться и весьма старый гражданин, прослуживший шесть лет в Советской армии на должностях рядового и сержантского состава с начала ноября 1943 года. Ныне же ему приходится видеть нечто ужасное и в общегосударственном масштабе и, если можно так выразится — на «микроуровне». Из наиболее вредоносного ему бросается в глаза то, как иные преподаватели истории не несут свет знаний юным согражданам, а фактически делают все возможное для стимулирования их мировоззренческой и морально-этической деградации, официально руководствуясь все извращающими текстами лжеисторических учебников. Насаждается же все из духовно и нравственно пагубнейшего отнюдь не случайно, не по наивному заблуждению, а корыстнейше расчетливо!

Сомнений нет: хищно-эксплуататорский режим, восторжествовавший в конце 1991 года, с первых дней практически полностью нацелен на стимуляцию всего бесчеловечного и грязно своекорыстного и в необъятной массе душ, и в повседневной общесоциальной ситуации в России. Те, кто дорвался до бесконтрольной власти и несметных богатств на костях многих миллионов ими загубленных, не могут не оправдывать в минувшем и ныне происходящем все самое бесчеловечное, духовно парализующее и нравственно разлагающее. А раз так, то непременно «надобно» осквернять все наиболее благородное и ценное ради выдавливания из народного сознания олицетворяющих все наиболее мудрое, доброе, чистое, бескорыстное и по-настоящему прогрессивное.

По нынешним же временам модно лишь все, диаметрально противоположное. К примеру, от Ивана Грозного (которого правильнее было бы именовать кровожадно-растлеленным) через, скажем, таких на редкость бесчеловечных властолюбцев-крепостников, как Екатерина II, Николай I и им подобные, дабы оправдать и возвеличить наихудших из заправил вплоть до такого социально опасного властителя, как «царь Борис» и его приближенные. Разумеется, не «помяная» критически главного, общественно наиболее пагубного ренегата, клявшегося лечь на рельсы, если жизнь народа не улучшится, а теперь спокойно роскошествующего до конца дней своих!

В то же время всем нам необходимо до деталей уяснить страшную правду о том, что для виновных во всем малопристойном и совсем уж скверном по части ограбления трудового народа и обогащения аппаратного и обычного вора, вплоть до дня нынешнего «распахнуты» все печатные и радиоэлектронные средства массовой информации!

Вот и в телепередаче «Свобода слова» (17.X.2003), к примеру, А. Чубайс, был включен в число главных ораторов, причем наиболее эффективным и выигрышным образом. Он, конечно, использовал это в полной мере, как обычно, возвеличивая преступнейшие деяния по фактическому насаждению «буржуинства на трупах», творившаяся и творящаяся второй десяток лет во имя отныне и «во веки веков» необратимого господства денежных «тузов» (точнее — мешков). Особенно горько сознавать, что и это принимается всерьез духовно парализованной, сбитой с толку особенно юной, а заодно и иной, совсем уж незрелой частью массовой аудитории. Ведь такие, как Чубайс, Гайдар, Зурабов и прочие им подобные, могут, как им вздумается, использовать в своих черных целях абсолютно бессовестно пре-

доставляемые им широчайшие возможности, разумеется, с баснословно обогащающей оплатой их «труда». И в то же время даже в школьных учебниках, например, во всю шельмуется все спасительнейшее, прогрессивное, гуманное для нашего общества!

В частности, симптоматично то, что даже по каналам телевидения, многое утаивающего и извращающего, мелькают факты (например, 29 января и 10 февраля 2004 года) об участившихся за годы «нового порядка» ужасающе изуверских пытках в т. н. правоохранительных структурах, легализованных фактически с ведома соответствующих инстанций. Такие теперешние «заурядности» вполне сопоставимы с гитлеровскими «образцами», а также антиленинскими «новшествами», безусловно, тоталитарного типа 1937-го и других подобных годов. Тех самых, когда считалось правильным, в соответствии с указаниями тогдашнего властителя, чудовищными пытками выбивать «нужные» признания у миллионов абсолютно ни в чем неповинных соотечественников...

А вот на сокрытие всех теперешних преступных безобразий, вполне сопоставимых с «кое-чем» из особенно невыносимого в прошлом, и теперь нацелены огромные финансовые и людские ресурсы. Помимо многого иного, в современных условиях особенно выгодно обыгрывание террористических сюжетов минувшего вкрявь и вкось, ибо помогает отвлечь внимание ныне бедствующим несчитанных масс, во множестве вымирающих по вине тех, для кого многомиллионное большинство честных тружеников лишь «материал» для властвования и самообогащения. Потому-то без зазрения совести всех лучших из лучших ныне объявляют никудышними и жестокими, в то же время столь же бессовестно восторгаясь реально злодействовавшими заправилами минувшего.

Вполне закономерно, к примеру, и то, что на телеканале «Культура» изображается крупнейшим «специалистом» по проблемам терроризма Виктор Правдюк, а раз так, то ему дали возможность развернуться во многих псевдонаучных сериях. Задача, поставленная перед данным тележурналистом прямо-таки «одноклеточно» примитивна в своем субъективистском произволе! Видимо, КОЕ-КЕМ недвусмысленно приказано апологетически оценивать, точнее — возвеличивать все самодержавно-бесчеловечное, крепостнически-парализующее, как и прочее самое скверное и недостойное в нашем многострадальном прошлом.

А раз так, то непременно полагается с любой степенью клеветнической низости осквернять все, этому противостоявшее за долгие века, и ныне мешающее роскошеству «новых» хозяев нашей страны. Во всем многословно ангажированном сериале В. Правдюка монотонно превозносятся царистские «порядки», как и те, кто их олицетворял, своекорыстно апологетически изображая их наилучшими. А вот их антиподов, пусть тяжко ошибавшихся в методах борьбы, да и вовсе непричастных к народовольческому и эсеровскому террору, на телеэкране ныне изображают сплошными прямо-таки исчадиями ада, лишенными даже подобия чего-то человеческого.

На фоне же опаснейших террористических эсеровских заблуждений и срывов, преступнейше лживым манером, чуть ли не тысячекратно более, ужасным изображается, конечно, В. И. Ленин, как никто решительно критиковавший эсеров за роковую тягу к террору! Более того: в этой полемике Владимир Ильич отдавал должное и парламентским, то есть твердо противотеррористическим методам политической борьбы. Но все это не мешает современным погубителям нашей страны даже В. И. Ленину изображать «террористом», начиная с дореволюционных лет!

Конечно, авторы упоминаемого телесериала ни единым словом не касаются, например, его заявления, сделанного на заседании III конференции РСДРП 23 июля 1907 г. Почему? Да потому, что там имеется решительное осуждение террора, как метода политической борьбы и утверждается, что в условиях России той поры «единственным методом

борьбы является научная пропаганда и Государственная Дума как агитационная трибуна» (Лонин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. Издательство «Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН)». Москва, 1999 г. С. 27).

Творцы данного телесериала предпочитают действовать совсем иначе, докатываясь подчас до по-детски нелепых странностей. Например, 22.X.2003 г. была воспроизведена огромная фотография со множеством позирующих. Но почему-то особо отметили двух крохотных девочек и сообщили, что когда они подросли, то стали участницами эсеровского террора и были повешены, и тут же специально привлекли внимание к совсем маленькому мальчику Володе Ульянову, надеясь «пристегнуть» к чему-то еще более террористически ужасному. Дескать множество повешенных царским режимом наивных юношей и девушек почти ничего не значили по сравнению с якобы особо зловещим В. И. Лениным, будто бы давно замыслившим, а со временем создавшим государство террористического типа. И это «протаскивалось» в каждой серии!

Вот и 23.X.2003 г. дело не ограничивалось осуждением эсеров-террористов и восторженно слащавым восхвалением всех, даже самых жестоких и до непристойности бездарных приближенных царя, изображаемых прямо-таки ангелочками, личностями безукоризненно благородными, отважными, совершенно чистыми. А тут же фальсификаторским образом утверждается, будто разногласия между В. И. Лениным и эсерами сводились лишь к тому, что его политические антиподы-террористы убивали единицы, а он якобы стремился убивать и убивал огромные людские массы, дабы соорудить невиданно ужасный террористический режим, уничтожающий миллионы!

Разумеется, ни малейших документальных и фактографических «обоснований» такого рода клеветнической низости нет и в помине. Так же как, к примеру, утверждения 24.X.2003 г. будто В. И. Ленин — фактический соучастник убийства Петра Столыпина, так как именно к этому будто бы он призывал, да еще якобы делал это чуть ли не каждодневно! И это все уголовно клеветнически сочетается с утверждениями; будто когда В. И. Ленин стал руководителем Советской России, он тут же «развернулся во всю»! Ведь это наигрязнейшая ложь, за которую надо бы отвечать по закону!

Сколько еще можно скрывать от современников из числа типично обманутых в теперешних условиях то, что ленинское неприятие террора проявилось даже в октябрьские дни 1917 г.! Ведь сделано было все возможное, чтобы не пострадал даже никто из тех, кто тогда с оружием в руках был по ту сторону баррикад! Да и вообще более полугодом после победы большевиков смертная казнь не применялась даже по отношению к опаснейшим прагам Советской власти, вплоть до генерала Краснова, освобожденного из плена под «честное» генеральское слово не выступать с оружием в руках против своего народа. Только безвыходность ситуации по вине иностранных агрессоров и их белогвардейских сателлитов (особенно такого типа, как упомянутый клятвopеступник) вынудила восстановить расстрел тех, кто губил страну, «возрождая» самое худшее из дореволюционных «порядков». Но сразу же после победоносного завершения военного противостояния сделано было все, чтобы полностью исключить смертную казнь по заведомо политически нацеленным обвинениям.

Одурманивающе парализующая ложь смертельно опасна для нашей Родины. Чего стоит, к примеру, то, что благодаря этому от большинства соотечественников все еще удастся скрывать страшную правду о безграничности возможностей властвующих ельциноидов буквально сживать со свету тех, кто наиболее «малоприятен» для их бесчеловечного режима, а значит «не очень удобен» для его благоденствия! Того самого, которое достигается коррупционно-аппаратными и обнаженно криминальными способами...

В этом смысле весьма симптоматичной была телепередача 28.X.2003 г. «Наша версия», повествовавшая о гибели честного и высококомпетентного генерала МВД. Сначала этого высокопоставленного руководящего работника Министерства внутренних дел уволили в ходе «чистки», а когда он начал работать на новом месте — последовало (по версии создателей данной телепередачи) его убийство. Хорошо знавший генерала, погибшего в 44 года, отважный журналист Юрий Щекочихин, начавший самостоятельное расследование, тоже вдруг «своевременно» умирает, как тут же сообщалось, при загадочных обстоятельствах...

Для нашего общества беспредельно опасно то, что любой гражданин, не только предпринимающий что-либо серьезное для его оздоровления, но и просто только ведущий себя добросовестно и смело, «исчезает» легко и заурядно. А ни одно из такого рода крупных дел не бывает завершенным с неприятными последствиями и для истинных виновников, и тем более — для «заказчиков», оставаясь непреодолимо «закрытым» без намека на честное расследование... Вследствие же смертельного риска для каждого человека, способного решительно бороться за торжество правды и справедливости, их число кардинально уменьшается с каждым годом! Разумеется, с тягчайшими последствиями для интересов как нашей государственности и улучшения жизни большинства населения, так и прогресса в общецивилизационном масштабе...

Очень и очень скверно то, что растет количество тех, кто весьма податлив в теперешних условиях даже на совершенно абсурдную, клеветнически беспредельную ложь. Иной раз среди них встречаются и люди, вовсе не «беспросветные» от природы. А ведь все мы непременно должны испытывать чувство отторжения на грани физиологической безразличности по отношению ко всему подобному, провозглашавшемуся на телеканале «Культура» В. Правдюком и компанией в последней декаде октября 2003 года! Но кто-то из наиболее влиятельных властвующих «величин» представляет из года в год таким натурам практически безграничные разлагающие возможности воздействия на массовую аудиторию! Нет ни малейших сомнений: президент Российской Федерации В. В. Путин просто обязан, наконец, принять самые решительные меры по обузданию наигрязнейшей пропагандистски-одурманивающей вакханалии во всем, связанном с прошлым и ныне происходящим! Иначе нечего и упоминать о желании возродить надорванную ельциноидами нашу Родину, что, как правило, оказывается лишь изощренным лицемерным способом стимуляции общесоциального и духовного распада...

Чего, помимо всего прочего, стоит в очередной раз выкрикнутая в сериале на канале «Культура» в октябре 2003 года чудовищно преступнейшая ложь, будто В. И. Ленин, как раз на следующий день после победы Великой Октябрьской революции принявший решительные меры по обузданию террористических эксцессов и отказу от смертной казни по политическим соображениям, тут же якобы начал, да еще массовое уничтожение не только «элиты», но и широчайших народных масс! Не устыдились даже от повторения омерзительнейшей лжи, будто В. И. Ленин был склонен к уничтожению 90 % населения нашей страны, якобы враждебного его замыслам!

И уж тем более «откровения» Правдюка были переполнены чьей-то «продукцией», основывающейся на шодливо-уголовном живописании ничем не обоснованных «деталей», будто бы повсеместно ставшими само собой разумеющимся сразу же после победы «переворота», возглавленного В. И. Лениным! Дескать, повсюду рыскали шайки солдат и матросов, каждая из которых возглавлялась «парой чекистов». Их целью было уничтожение как можно большего количества «чужеродных» элементов! Они вытворяли нечто чудовищное, врываясь в жилища истинных патриотов — в первую очередь — офицеров-фронтовиков, чуть ли не на глазах детей их тут же убивали и вообще творили все самое ужасное!

Вновь и вновь «раскручивается» клеветнический беспредел о мнимой вине главы советского правительства в связи с террористическими эксцессами, которые удалось все же пресечь именно В. И. Ленину. Делается же все, чтобы внушить ныне десяткам миллионам людей, будто вообще он якобы порывался лишь убивать, убивать, убивать... Так, «выдавая на публику» только такие «продукты» своей, в сущности криминально фальсификаторской фантазии, В. Правдюк и ему подобные без зазрения совести, например, скрывали и то, что самый опасный антиофицерский срыв темной, страшно ожесточенной части матросов на Балтике произошел только после Февральской революции, когда были убиты два адмирала и много офицеров. Столь же бессовестно скрывается та правда, что ленинцы в составе такого органа, как Центробалт, постепенно обуздали эту страшную стихию, а после победы в Октябре 1917 года вообще установили порядок, исключающий что-либо подобное.

«Естественно» даже тягчайшие террористические срывы в армейской и флотской среде, имевшие место, когда В. И. Ленин был далеко от России, будучи лишенным возможности вернуться как можно быстрее, тоже ему приписываются, как и выдуманная его ненависть к офицерству, якобы им обрекаемому на истребление, хотя именно он спас от этой участи большинство офицерского корпуса. Скрывается бессовестнейшим образом и то, что Владимир Ильич не допустил расстрела даже той группы офицеров, которая чуть было не сумела пристрелить его 1 января 1918 года. Руководитель Советской России предпочел подписать документ об их освобождении, узнав об их сожалении о содеянном и слове чести об отказе от террора против народа.

Таковы лишь крупницы правды, тоже неопровержимо свидетельствующие в бесчисленной массе аналогичных фактов о спасительности подлинно человеческого курса В. И. Ленина. Именно в этом направлении Владимир Ильич стремился (вплоть до последнего дня своей недолгой жизни) направить мечты, чаяния и действия широчайших народных масс, веривших ему! В частности, даже теряя последние силы, в сущности приближая свою кончину, становящуюся все более неотвратимой, он делал все ему посильное, спасая от страшной опасности членов ЦК компартии Грузии, ранее чем кто-либо выступивших против общественно опаснейших сторон натуры Сталина, вольно или невольно способного подорвать наиценнейшее...

Неисчислимы миллионы наших предшественников 1917-го и многих других годов, все дальше отходящие от нас в глубины минувшего и с агрессивной беззастенчивостью сталкиваемые в бездну забвения коррупционно-уголовными властителями России наших дней, были абсолютно правы во всем главном. В том числе и тогда, когда в песне посылали «всем злодеям проклятье». Кому? Тем, кто был виновен не только в ужасных злодеяниях, вроде проделанного 9 января 1905 года, но и в многотысячных жертвах столыпинских военно-полевых судов, тогда же орудовавших тысяч виселиц, прозванных в то время «столыпинскими галстуками». А также, конечно, ответственных за гигантские массы жертв физического и духовного вырождения, за миллионы смертей от голода, эпидемий, хронического, а то и врожденного истощения и всего прочего, делавшего среднюю продолжительность жизни в России самой короткой в Европе...

Пропаганда властей претерпевающих предательски наносит главные удары не по палачам и разрушителям преступнейшего типа, властвовавшим с 30-х годов XX-го века до его середины, не по «отличившимся» в годы 90-е, а по В. И. Ленину и его лучшим соратникам. Из года в год с бессовестнейшей целенаправленностью (в том числе и в учебниках) в головы миллионов школьников буквально вколачивается беспределная ложь. Именно в такой манере касаются и ленинского НЭПа, в сочетании с одобрением воровского безобразия ельцино-гайдаро-чубайсовского «экономического реформирования» бесчеловечного типа...

Просто поразительно: по отношению к новой экономической политике разработанной и внедренной под руководством В. И. Лениным, считается нормальным использованием даже в школьном учебнике политикански жаргонных словосочетаний. Например: «никакого единого плана... не существовало. Нэповские мероприятия вводились урывками, хаотично, не последовательно». Даже это беспрепятственно «вбивается» теперь в ученические головы своекорыстно бесчестными и «просто» бездарными натурами. А в то же время от ученической, читательской и зрительской аудитории с изощренной расчетливостью отбрасывается все совестливое и компетентное, включая мнение порядочных, знающих историков-профессионалов.

Например, школьникам почти совершенно недоступно, например, честное и разумное мнение историка М. Г. Николаева, имеющего точное представление о происходившем в 20-е годы XX века и в годы теперешние. «НЭП имел своей социальной целью улучшить материальное благосостояние подавляющего большинства трудящегося населения страны, с которым отождествляла себя власть. Современная «реформа» развивается в интересах узкой чиновно-олигархической прослойки за счет ущемления интересов огромной массы людей, занятых в производственной и непроизводственной сферах. Подробно сравнивать НЭП с периодом ельцинского и постельцинского реформирования значило бы далеко отклониться от темы нашего сообщения. Отметим хотя бы некоторые, бросающиеся в глаза отличия. НЭП начался с введения налога, охватившего основную массу трудового населения. При этом частнокапиталистические слои облагались прогрессивным налогом. В ельцинской России за налоги взялись только после нескольких лет свободы предпринимательской деятельности, после того, как уже были сколочены миллионные состояния. В эпоху НЭПа в аренду (не в частную собственность) отдавались неэффективно работающие заводы и фабрики, «поднять» которые у государства не было средств. Наоборот, в 1990-е годы наиболее доходные народнохозяйственные предприятия и чуть ли не целые отрасли (нефтяная, газовая, цветная металлургия и др.) попали полностью или частично в руки «олигархов». Основное внимание реформаторов эпохи НЭПа было привлечено к вопросам развития производства (сельскохозяйственного и промышленного), гайдаровского правительств — к предельно узко понимаемой финансовой стабилизации (монетаризм). Нэповская монополия внешней торговли «заменена» свободой внешней торговли, опора на собственную устойчивую валюту — повальной долларизацией экономики. Стартовые условия НЭПа (разрушенная войнами экономика, голод, отсутствие западной помощи) не идут ни в какое сравнение с периодом запуска ельцинских реформ (политическая поддержка Запада, продовольственная помощь, международные займы). Сравним также партмаксимум для членов партии (в том числе и руководящей прослойки) эпохи НЭПа и сказочные возможности обогащения нынешней госчиновной «элиты»; взяточничество (...) и степень влияния на современную политику (в том числе и экономическую) финансового капитала и криминалитета, массовое расхищение бюджетных и привлеченных средств в ельцинский период».

Крупницы исторической истины, если и мелькают в порядке редчайшего исключения, то обычно, как принято нынче выражаться, только на периферии информационно-образовательного «поля». И при этом они, конечно, предельно часто «намертво» заглушаются громоглашными воплями сверхщедро оплачиваемой фальсификаторски-пропагандистской мафии! Особенно одурманивающей обработке подвергаются сферы, от которых в наибольшей степени зависит процесс бесконтрольного властвования и воровски грабительского обогащения тех, кого вполне «устраивает» даже вымирание по их вине неисчислимых масс ограбленных соотечественников. Что же касается всего (в том числе и давно минувшего, то особенно охотно во всех нынешних бедах, во всех жертвах обвиняются луч-

ним из лучших, даже уникально спасительные лидеры, уж к нынешним-то мерзостям, сопереженным негодьями, властвующими с конца минувшего XX века, отношения тем более не импонице! Именно это более, чем что-либо, подлежит ныне сокрытию.

2 Не допустимо ничего вычеркивать из истории. В том числе непременно необходимо честно напоминать о задуманной с давно невиданным вероломством и свершенной Ельциным и его приближенными в начале октября 1993 года бойне в Москве, вплоть до расстрела парламента России из танковых орудий. На фоне тогда творившегося весьма и весьма примечательно по-настоящему зловещее групповое обращение к Б. Ельцину многих литераторов и иных особо прославляемых личностей, провозглашенных интеллектуалами «наивысшей пробы». В нем содержались и следующие строки: «Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября... Что тут говорить? Хватит говорить». А что делать надо, по мнению более чем сорока подписавших сей документ наиболее заметных выходцев из среды, ныне повсеместно и каждодневно причисляемых не иначе, как к «сливкам общества», «творческой элите» и т. п.?

Все проще простого: «Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с НАДУСТНЫМ УДИВЛЕНИЕМ УБЕДИЛИСЬ, ДОСТАТОЧНО ОКРЕПШЕЙ ДЕМОКРАТИИ?...» Особенно откровенно тогда самолично раскрылась Валерия Новодворская, по-своему отразив вполне адекватно «чаяния» своих очень влиятельных «собратьев по настрою», призывавших Ельцина к жесточайшей расправе: «Безжалостное и неумолимое разрушение всего прежнего бытия, традиций, промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, быта, стереотипов, моделей поведения, душ, судеб, понятий о добре и зле... Мы должны привыкнуть к мысли о том, что люди будут стремиться топиться, сходить с ума. Я БЛАГОДАРНА ЕЛЬЦИНУ... Пойдем против народа. Мы ему ничем не обязаны... Мы здесь не на цивилизованном Западе. Мы блуждаем в хищной мгле и очень важно научиться стрелять первыми, убивать».

А сколько еще обнажилось и по сей день обнажается подобных вывихов, в том числе вспоминаемых в качестве «разночтений» иной раз с явно фашистскими смысловыми оттенками! Да как можно спокойненько, а то и чуть ли не с олимпийским безразличием реагировать на подобные «идеологические» сверхбезобразия? И как можно терпеть из года в год нескончаемое господство хуже, чем непристойно зловещих натур в дезинформационно-лжеобразовательных сферах! Ведь дело не ограничивается их хроническим, бесстыдно самодовольным навязыванием своего «Я» десяткам миллионов уродуемых ими душ, изо дня в день вплоть до сегодняшнего! Именно перед ними, а не перед честными и высококомпетентными людьми, в первую очередь, буквально распахнуты телеэкраны и почти все печатные страницы!

Дожили мы и до того, что многим десяткам миллионов людей — вполне достойным нашим соотечественникам, фактически чуть ли не ломая их души «через колено», с отвратительной нахрапистостью навязывают трехцветные флаги, под которыми с гитлерогетбельсовского одобрения маршировали части их предательски-профашистских власовских и прочих прихвостней! И как можно «не замечать» того, что всем нам таким же «манером» буквально в руки втискиваются паспорта с царистски-провласовским символом — двуглавым орлом! Кое-кто даже поговаривает, будто разгром фашизма был результатом патриотизма, связанного с такой символикой, без чего наша страна непременно погибла бы, а якобы спасли ее именно такие традиционно царистские «идейные» ценности, хотя в действительности их «восстановление», не сейчас, а, например, в 1941 году, означало бы

еще тогда гибель не только народов СССР! До чего же все это чудовищно! Пока еще «венцом» подобной скверноты является бессовестнейшее уничтожение в 2004 году праздника, посвященного Октябрю 1917 года!

Разобраться в этом было бы не очень сложно при добросовестном анализе, например, и такой «детали», вспоминать о которой ныне официально не принято вследствие ее одиозности, компрометирующей стержневые основы режима, «создаваемого» на руинах расчётливо разваливаемого, беспредельно изуродованного нашего общества. С первых дней властвования «царя Бориса» всемерно поощрялось даже публичное сжигание собственных партийных билетов, как и все прочее предельно непристойное и особо деморализующее. Между прочим, кое-что в поведении заведомого греховодника вполне могло и растрогать. В том числе и за готовность проявлять что-то подобное элементарной саморазоблачительной откровенности. Возможно, всего лишь по какой-то необъяснимой наивности, к примеру, Марк Захаров однажды не постеснялся открыто восхищаться собственной беспринципностью: «Когда мне сказали — если хочешь получить театр, вступай в партию, я вступил. И через два месяца меня назначили главным режиссером — таковы были условия игры. Те, кто умел и хотел работать, очень часто должны были входить в номенклатуру». («Труд», 28.06.1996 г. С. 10)

Сколько же таких ловкачей должно было заполнить, начиная со времен сталинского террористически антиленинского, а значит — антисоциалистического всевластья, номенклатурные «ниши» вплоть до уровня ЦК и Политбюро, чтобы подорвать ленинскую концепцию общественного развития, а со временем — нанести, возможно, смертельный удар по СССР и великим свершениям спасительно человеческой направленности! Чтобы это удалось, ренегаты подобной нацеленности, должны были стать наимоощнейшей деморализующее-разлагающей силой. Запрограммировано же все это, как и гибель страшно многих миллионов достойных сограждан (включая огромную массу и тех, кого по сути дела по-сталински буквально сжили со свету и в годы торжествующей ельцинщины), начиная с 30-х годов.

Стало все это возможным лишь потому, что были положены «под сукно» наиважнейшие ленинские директивы! А прежде всего то, что допустимо принимать в партию и тем более — выдвигать на ответственные посты только на основе соблюдения высококоррупционно демократических норм, отбрасывая все шкурно-грязное, хапужно-своекорыстное, преступно-властолюбивое! И, конечно, как писал В. И. Ленин, «проверяя беспартийными работу партийцев», причем даже чистки партии от переродившихся и коррумпированных элементов на предприятиях и в учреждениях проводились на общих собраниях с непрерывным и полноправным участием беспартийных масс.

Владимир Ильич раньше и тверже, чем кто-либо, предостерегал от ловко «перекрасившихся» проходимцев, жаждущих «теплых местечек», от тех, кто, дорвавшись до них, будучи изощренными приспособленцами, становятся в «лучшем» случае комбюрократами. В худшем же — зловеще уголовными заправилами. Ненавистны были ему как никто иной, преуспевающие бюрократические элементы, стремящиеся только к власти и привилегиям! Как настойчиво предостерегал он от ликвидации партмаксимума, радикально обуздовавшего неуёмные аппетиты прохиндеев карьеристского, нередко — агрессивно бесчеловечного, то есть глубоко антисоциалистического типа! И как точно рассчитал Сталин выгоду свою и себе подобных, отменив партмаксимум при первой возможности! Так было покончено с установкой В. И. Ленина о зарплате партийных и всех прочих аппаратчиков, не превышающей заработка высококвалифицированных рабочих.

Совершенно не случайно, а более чем закономерно неустанно требовал В. И. Ленин и беспощадного сокращения численности чиновничьей «братии», изгнания лишних аппарат-

чиков из беспредельно разбухающих штатов. Крайне важным считал Владимир Ильич смещение с руководящих постов коммунистов, не желающих учиться управлению всерьез но имя общественного, а отнюдь не собственного корыстного блага! Как же все это важно и насущно! Именно здесь таится решающая подоплека зоологической ненависти теперешних капитализаторов и им подобных, именно к Владимиру Ильичу Ленину, как ни к кому иному.

Все это вполне закономерно отражается на стратегической направленности главной ударной силы пропагандистски-информационной машины, основой которой является телевидение. Симптоматично: оно по-своему сверхпочтительно отметило не только 50-ю, но даже и 51-ю годовщину со дня смерти Сталина, как будто это крупнейшая положительная величина нашего прошлого. А вот 80-ю годовщину со дня ухода из жизни В. И. Ленина данная главная пропагандистская структура режима «отмечала» совершенно иначе. Ни единой научно достоверной фразы, ничего по-настоящему объективного и положительного. Делалось все, чтобы не просто принизить, а преступно оклеветать крупнейшую руководящую величину (в самом положительном смысле) всей нашей многовековой истории.

Показательна в связи с данным событием была сплошная грязь и в еженедельнике «Аргументы и факты», и в телепередаче «К барьеру», где особенно отличался Жириновский. Даже на канале «Культура» в программе «Культурная революция», которую вел бывший министр культуры Швыдкой (4 марта 2004 года), творилось нечто непристойное. Вроде бы слово было предоставлено не только многим поклонникам Сталина, но и его критикам. Но самое показательное то, что последние невольно работали на Сталина, не проявив ничего, кроме простеньких эмоций, которые никого ни в чем не могли убедить. В течение всей передачи на телеэкране многозначительно гипнотизировал аудиторию лозунг «Сталин спас Россию» чуть ли не ежеминутно. И во всей передаче ни единого умного порядочного слова о спасительной роли В. И. Ленина! Для чего? Чтобы народ абсолютно не имел представления о величайших в своем благородстве свершениях Ленина и о подлинно зловещей роли Сталина.

16 марта 2004 года на телеканале «Россия» была продемонстрирована передача, посвященная Михаилу Суслову, «Суслов. Серый кардинал». Упомянута была практически в полном составе вся руководящая верхушка. Всех представили в качестве мелкотравчатых ничтожеств. В то же время Иосиф Сталин был представлен как единственная гигантская фигура по результатам своей деятельности, по своим редчайшим способностям и правящей мощи. О В. И. Ленине же, как действительно уникальной, крупнейшей спасительной величине всей нашей истории, ни единого слова. Разумеется, не промелькнуло и намек на отрицательной кадровой «селекции», организованной именно Сталиным, и самым зловещим образом срабатывавшей вследствие его тиранического кадрового алгоритма вплоть до проникновения на вершину власти т. н. «царя Бориса».

22 и 23 марта 2004 года на ТВ «Россия» появился сериал, возвышающий Сталина в глазах целеустремленно обманываемых многомиллионных масс. Вроде бы показывался ряд порочных сторон Сталина, но сочеталось это с расчетливым желанием внушить, что его крайне нездоровая сущность — «продукт» влияния В. И. Ленина и якобы нездоровых нравственных основ руководимой им партии. Делается все, чтобы скрыть, что дело обстояло диаметрально противоположным образом: в действительности Сталин органически не совместим с кристально чистой человеческой сутью Ленина, а также всех истинных его соратников и последователей. Потому-то он и уничтожал их с особо кровавой неукоснительностью как ни какую другую категорию своих жертв.

До чего же чудовищно стремление влиятельнейших, в том числе и аппаратных сил современности представить Сталина чуть ли не жертвой влияния В. И. Ленина и традиций созданной им партии. А ведь в действительности этот индивид целиком сформировался

под влиянием самодержавно-тоталитарных и помещичьи-буржуазных, по выражению А. М. Горького, «свинцовых мерзостей» тогдашней бесчеловечно эксплуататорской системы. И что любопытно: сериал обрублен на периоде, когда была возможность представить Сталина в чем-то нездоровой натурой, но по-своему чем-то «революционно-героической»! Почему же не показаны (вероятно, и не планировавшиеся) серии, обнажающие все чудовищное, что натворил этот властитель, дорвавшись до вершины бесконтрольной власти?

В какую дуду затрубили уголовно капитализаторские «гиганты мысли» и прочие загребуще-прихвизаторские «авторитеты» (как и их информационно-лжеобразовательная «обслуга»? В дуду только клеветнически одурманивающую. Именно в подобной обстановке и могли делать «блистательную» карьеру такие прокапитализаторские функционеры, в числе прочего даже объявившие превосходной жизнь трудового народа в условиях царской России! Например, далеко не случайно то, о чем Сванидзе сообщил в своем саморекламном выступлении: «Новая программа будет по-своему уникальной. Если в двух словах — это история России XX века. Предполагаем выпустить более ста серий» («Вечерняя Москва», 25 сентября 2003 г.).

В редакционном примечании отмечается, что образ данного автора «идеален для цикла исторических программ». Более чем характерно и то, что объявляются «великими современниками» и те, кому в этих сериях доверено «судить поступки своих предшественников», (в том числе и такие, хуже чем разрушительно однозначные фигуры, как «политики Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Александр Яковлев...»). И ведь не сгорают Николай Сванидзе от стыда, заявляя: «Я не согласен, что телевидение стало более ангажированным. Я всегда был в достаточной мере самостоятелен, всегда претендовал на большую долю независимости... Журналистская вольница сейчас не столь популярна, ее практически нет. Российское телевидение стало взрослее» (См. там же).

9 октября 2003 года отнюдь не простодушно наивный, а целеустремленно расчетливый Николай Сванидзе положил начало обнародованию своего широко рекламируемого, предназначенного для десятков миллионов телезрителей «эпохального труда», озаглавленного: «Исторические хроники». Судя по предварительным данным, Российское телевидение выделило на это, как утверждалось, множество часов для демонстрации серий, нужных для раскрытия ста главных персонажей нашей истории XX века. Разумеется, при этом не разъяснялось, почему решение этой задачи должно поручаться, безусловно, до предела ангажированному тележурналисту, а не добросовестному и глубоко компетентному историку-профессионалу.

Одна из «деталей»: Сванидзе, в частности, сообщил, что в то время, как Савва Морозов, вдохновленный идеями, якобы беспредельно «вредоносными», исходившими от В. И. Ленина, жертвовал ему колоссальные суммы, строптивая матушка данного фабриканта материально всемерно содействовала партии эсеров, боевики которой, жертвуя собой, беспощадно убили многих приближенных последнего царя. В числе перечисленных Сванидзе жертв эсеровского террора были министры внутренних дел, другие сановники. А особо им был выделен, отнюдь не в отрицательном смысле, дядя Николая II московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович — личность весьма пагубная.

Вполне «логично» при этом ни единым словом не упоминалось о том, почему руководство партии эсеров вынесло смертный приговор в числе многих других и этому персонажу нашей истории, и тем более — о том, что ныне как никто оболганный, оклеветанный В. И. Ленин категорически отвергал все, связанное с эсеровским террором. Почему партеркуководством эсеров был осужден именно этот родственник царя? Да потому что была распространена тогда уверенность в его резко отрицательном влиянии на царя, на положение

в стране и на массовое (в том числе и революционное) сознание. Несправедливо, конечно, одновременно с расхваливанием дяди царя, и «помалкивание» о том, почему гуманный, лично благородный Иван Каляев не отказался от выполнения директивы партийного руководства в отношении Сергея Александровича, ныне всемерно возвеличиваемого по желанию главных ельциноидов...

Николай Сванидзе предпочел, конечно, скрыть и то, почему очень многие юные граждане России той поры, в том числе и из дворянской среды, как, например, Мария Спиридонова, так ненавидели самодержавно-антинародный режим, что в далеко немалом количестве вступили в смертельную схватку с ним под эсеровскими знаменами, беззаветно отдавая свои жизни ради борьбы со страшным, парализующим нашу Родину злом. Промолчал он «попутно» и о том, чем руководствовалась вдова великого князя и другие придворные, стремясь спасти от виселицы Ивана Платоновича Каляева.

В чем здесь дело? А в том, что стало известно, как Иван Каляев отказался бросить бомбу в карету, где вместе с великим князем находились его жена и двое детей из числа близких родственников данной четы. Приговор был приведен в исполнение, лишь когда дядя царя был в карете без спутников. Репутация этого человека была беспредельно отрицательной и вследствие его редкого жестокосердия, и из-за его вины в страшной Ходынской трагедии, и из-за его на редкость скверного влияния на своего царствующего племянника, и из-за гневной реакции в связи с подозрением о его соучастии, «подготовительного плана», в преступнейшем злодеянии царского режима 9 января 1905 года.

Как говорится, здесь переплелось очень и очень многое. Но вдова убитого пришла в камеру смертника после того, как в результате долгих и активных хлопот влиятельных личностей появилась надежда сохранить ему жизнь. Однако чтобы спасти обреченного, необходима была его подпись под покаянным документом на имя императора. Но Иван Платонович Каляев категорически отказался спасать свою жизнь, да еще таким способом. Обреченный молодой человек просто не мог отречься от своих убеждений, предпочтя гибель на виселице. Это не было забыто, и в названии одной из улиц Москвы было увековечено имя И. П. Каляева, отнюдь не по злему умыслу, а вследствие массового уважения к личным качествам этого отважного и жертвенного борца против царизма.

Зато и прежде и после переворота конца 1991 года властвующие элементы (в отличие от честных и жертвенных борцов против антинародно-эксплуататорского режима) легко и просто, руководствуясь лишь шкурно своекорыстной выгодой, отреклись от своих номенклатурно якобы «социалистических», как они утверждали, «убеждений»! И, конечно, тут же по-ельцински начали крушить памятники, музеи, наименования, одновременно возвеличивая самых малопристойных и даже зловещих антигероев нашего прошлого. Именно по желанию таких натур «исчезло» и название улицы, посвященное И. П. Каляеву. Как и табличка, где он был назван отважным борцом против царизма.

Все же очень грустно, что такие вовсе не глупые от природы люди, как Николай Сванидзе, просто не могут не «соответствовать» вкусам, влечениям и желаниям «новых» хозяев России. Поэтому и 9.X.2003 г. он в частности, чуть ли не соловьем заливался, восхваляя дореволюционные «прелести» и необузданно клеймя тех, кто наиболее умно и последовательно им противостоял, в том числе и осуждая эксцессы эсеровского террора, руководствуясь идеалами справедливости, прогресса и блага народного. Не приходится также удивляться даже утверждению данного телеведущего, будто русские труженики были не просто хорошо обеспеченными, а чуть ли не блаженствовали в царско-помещичье-буржуазные «распрекрасные» времена! А пострадали тяжко, мучительно только из-за своей веры в якобы мнимую «правоту» революционных идеалов.

Разумеется, Н. Сванидзе не вспомнил и не единой строчки из тех песен, которые вдохновляли миллионы и миллионы рабочих, крестьян, служащих, студентов и, конечно, солдат, матросов на штурм дореволюционных «твердынь» ради ликвидации диктаторски-эксплуататорских «порядков». Например, таких: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног! // Не нужны нам золотые кумиры! // Ненавистен нам царский чертог!» Именно в ельцинские воровски-грабительские времена стало модно заниматься словоблудием, будто «чернь неразумная» не поняла своего дореволюционного «счастья», послушалась противников самодержавия, борцов против чудовищной эксплуатации и «опрокинула» не только «мудрого и доброго» царя-самодержца, агрессивно не желавшего и не способного в действительности хоть что-то изменить к лучшему в России.

Закономерно и то, что упомянутый далеко не дремуче невежественный автор телесериала обвинил в духовной немощи не только обычные народные массы, но и выдающихся наших соотечественников, в том числе и личностей исключительного масштаба. Н. Сванидзе, например, охотно рассуждал при этом о мнимых «заблуждениях» Алексея Максимовича Горького, Марии Федоровны Андреевой, Федора Михайловича Шалапина, Саввы Тимофеевича Морозова! По его мнению, главные общественно опасные «пороки» таких исключительно ярких, одаренных, широко и серьезно мыслящих личностей сводились к тому, что они, дескать, не сумели «правильно» понять В. И. Ленина и его общественно-политическую концепцию и даже оказывали его партии огромную (в том числе и далеко не только материальную) помощь. А кое-кто при этом поддерживал и личные дружеские отношения с таким талантливейшим последователем Владимира Ильича, как Леонид Борисович Красин, особенно много хорошего сделавший после Октября 1917 года.

В еще большей степени «гневаются» такие, как Сванидзе, в связи с тем, что, невзирая на свои нередкие споры с В. И. Лениным, Алексей Максимович Горький не только не пошел на разрыв с ним, а в своем очерке, ему посвященном, дал принципиально высочайшую оценку гениальному лидеру, благороднейшему человеку и первому и единственному достойному в истинном значении этого слова руководителю Советской страны! Конечно, не может Сванидзе «понять», как за прекрасной внешностью самой красивой актрисы России, талантливо выступавшей в ведущих ролях на сцене МХАТа, Марии Федоровны Андреевой, могла «таиться» революционерка, абсолютно преданная сторонница В. И. Ленина, член его партии с 1904 года!

Мало того: будучи знаменитой актрисой, блистая во многих ролях, т. е. делая очень многое исключительно полезное для нашего искусства, Мария Федоровна была активной участницей революционного движения, доставляя, например, в Россию ленинскую газету «Пролетарий», и, конечно, подвергалась преследованиям полиции. При Советской же власти эта замечательная женщина, скажем, во времена голода начала 20-х годов, изо всех своих сил, используя международные контакты, сделала очень и очень многое для спасения гибнущих сограждан.

Сванидзе не ограничился своим осуждением А. М. Горького за его нежелание пойти на разрыв с В. И. Лениным, за его высочайшую оценку этого Человека и Лидера, за нежелание его клеветнически «переиначить» историю. Он же 14.X.2003 г. упрекнул А. М. Горького и за добрые его слова о Ф. Э. Дзержинском (в письме Ганецкому). При этом Сванидзе предпочитает замалчивать то, что этот деятель действовал отнюдь не по-сталински, а диаметрально противоположным образом, и уж тем более после того, как Красная Армия победоносно завершила разгром главных сил иностранного вторжения и тех, до безумия ожесточенных, кто возглавлял белогвардейские армии.

Сванидзе, например, не может не помалкивать о том, насколько позитивна была роль Феликса Эдмундовича в процессе принятия мер по исключению смертной казни по т. н.

политическим делам. А как не стыдно утаивать то, что в качестве руководителя ВСНХ (Высшего совета народного хозяйства) данный деятель редкой одаренности и доброжелательности не только не репрессировал, а всемерно оберегал своих всех до единого профессионально компетентных сотрудников из числа бывших меньшевиков, эсеров, кадетов и членов других партий, противостоявших в свое время ленинскому общественно-политическому курсу.

В той же серии, показанной 14.X.2003 г., Сванидзе не устыдился внушать, будто В. И. Ленин, руководствуясь своим мнимым ожесточением против А. М. Горького, «выслал» его из Советской России, хотя Владимир Ильич руководствовался только желанием улучшить состояние здоровья великого писателя, замечательно благородного, на редкость доброго и светлого человека. Разумеется, Сванидзе тем самым, как обычно, скрывал ту истину, что желающий обречь Алексея Максимовича на гибель, прежде всего (как это и произошло в 30-е годы) должен был исключить его оптимальное лечение в зарубежье.

Интересно было бы уточнить, чем руководствуется Сванидзе «профилактически» недобросовестно оговариваясь, будто Сталин сумел сломить и парализовать А. М. Горького до такой степени в своих интересах, что убивать его у него не было ни малейших оснований! В действительности преступнейшее уничтожение всех главных соратников В. И. Ленина (включая особо ценимого Алексеем Максимовичем Н. И. Бухарина), аресты миллионов честных сограждан, невиданно незаконные жесточайшие убийства в иные годы многих сотен тысяч из них, столь же чудовищное все иное аналогичное, было бы при жизни А. М. Горького в желанных тирану масштабах «неудобно» — тем более, если бы он, как и при В. И. Ленине, имел возможность систематически выезжать за границу и подолгу укреплять там свое здоровье.

В тот же день 14 октября 2003 г. Сванидзе привычно дезориентировал десятки миллионов телезрителей, утверждая, будто В. И. Ленин «перехитрил» своих оппонентов на II-м съезде РСДРП, происходившем летом 1903 г. Дескать, он тогда взял и все испортил, получив большинство в ходе решающих голосований (отсюда название возглавленной им партии). «Развернется» же он сразу же после Октября 1917—го, якобы особо уменьшая число меньшевиков. Невероятно, но позволяет себе такие намеки (не опасаясь малоприятных последствий) человек, не принадлежащий к числу заведомо малограмотных, а то и до неприличия дремуче невежественных!

Да никто и никогда не назвал ни единой фамилии меньшевика, погибшего по вине В. И. Ленина в дореволюционные годы или тем более — времена после Октября 1917 г., когда Владимир Ильич возглавил Советскую Россию! Все обстояло диаметрально противоположным образом: безоглядно критиковавшим его меньшевикам, а также эсерам, суждено было (подчас после страшных мук) гибнуть в условиях белогвардейских «порядков», причем вовсе не в малом количестве! При советской же власти любой из незапятнанных соучастием в кровавых антинародных преступлениях мог спокойно жить и работать вплоть до конца 20-х годов!

Скажем, многолетний и страстный оппонент Владимира Ильича, Юлий Мартов не только годами входил официально в состав ВЦИКа, руководившего всеми органами Советской власти после победы Великой Октябрьской революции, но и систематически критиковал его вполне легально, жестко и бескомпромиссно. А когда уже после победоносного завершения войны за спасение нашей Родины от иностранных агрессоров и белогвардейцев, состояние здоровья Ю. Мартова резко ухудшилось, ему была предоставлена возможность покинуть ее в полном соответствии с его настроением. Разумеется, это не было чем-то исключительным, а вполне типичным при В. И. Ленине.

Другой очень влиятельный член меньшевистской партии Георгий Васильевич Чичерин после Октября 1917 года вскоре был назначен и много лет оставался исключительно

авторитетным наркомом иностранных дел в составе ленинского руководства. К величайшему сожалению, Г. В. Чичерин по мере усиления сталинского всевластия, во все большей и непоправимой степени терял свое влияние, пока не лишился его полностью. Единственное, чего не смогли лишить блистательного и компетентнейшего руководителя внешнеполитического ведомства, это работы над творчеством Моцарта...

Еще один весьма примечательный по значимости меньшевик — Иван Михайлович Майский, особенно непримиримо боровшийся против В. И. Ленина, все же прожил сравнительно удачную жизнь: после успешной дипломатической работы, он стал известным ученым и даже — действительным членом Академии наук СССР. Симптоматично, что и такой заметный меньшевик, как А. Я. Вышинский ни в малейшей степени не пострадал даже за то, что в один из дореволюционных критически опасных периодов жизни и борьбы В. И. Ленина, под документом об его аресте со смертельно опасной «перспективой» стояла подпись лично Андрея Януарьевича Вышинского.

При жизни В. И. Ленина этот человек, не подвергаясь ни малейшим невзгодам, более или менее терпимо работал, хотя и не на каких-либо слишком ответственных должностях. Зато именно во времена бесконтрольного властвования Иосифа Сталина, он достиг, орудуя ему в угоду сверхпреступнейшим образом, одного из «высочайших» палаческих постов. При этом он фактически опустил в сущности до чудовищно изуверского ежовского уровня, угодливо вытворяя самые черные «дела». Остается лишь утешать себя тем, что больше ни один из бывших меньшевиков не докатывался до чего-либо подобного, ни один из них не пал так низко. Вот таковы реальные факты в сопоставлении с намеком на то, что после победы в Октябре 1917 года В. И. Ленин якобы «уменьшал» число и меньшевиков. Большевики, как и другие миллионы жертв, пострадали от сталинской политики в 30-е годы, причем как раз не без «помощи» бывшего меньшевика Вышинского,

Нет ни одной стороны нашего бытия, где бы ни уродовали все и вся «столпы» пагубного антинародного режима, господствующего в нашей стране второй десяток лет. По части идеологически-пропагандистского и «образовательно»-дезинформационного влияния на широчайшие (особенно — беспомощные прежде всего по молодости лет) массы, не могло не использоваться и все, связанное со столыпинскими годами нашего прошлого. Следствие вполне конкретных регрессивно своекорыстнейших «стимулов» немало лет тому назад началось и поныне продолжается прямо-таки культовое возвеличивание именно Петра Столыпина, оставившего крайне тяжкий и на редкость бесчеловечный след в истории.

Однако, хотя во время рокового властвования данного высшего должностного лица, сочетавшего пост главы правительства с должностью министра внутренних дел, царский режим достиг одной из самых ужасных и преступнейше кровавых его вершин, с 1992 года «велено» фальсификаторски изображать П. Столыпина величайше благодетельным реформатором России и благороднейшим человеком, хотя факты свидетельствуют совсем об ином. Вот и Н. Сванидзе в очередной части своей «исторической хроники» (из числа многих показанных и во множестве грядущих) 18 декабря 2003 года вполне соответствовал хуже, чем сомнительным интересам и деяниям власть имущих.

Предварительно данная 11-я серия, конечно, всемерно рекламировалась, а особенно ее главный персонаж: «Фильм посвящен 1911 году и Петру Аркадьевичу Столыпину. Именно в этом году Россия потеряла самого великого премьер-реформатора» («Вечерняя Москва», 10 декабря 2003 г.). Здесь же телезрителей восторженно уведомляют о том, что «о судьбе его реформ размышляют» личности, представляемые в качестве авторитетных и, видимо, особо хорошо знающих историческую проблематику («Егор Гайдар, Анатолий Чубайс и Сергей Степашин»)!. При этом никого из популяризаторов такого рода «знатоков»

совершенно не смущает вся степень их пагубной неспособности к чему-либо настоящему общественно полезному! И тем более отсутствие у этих личностей чего-либо похожего хотя бы в минимальной степени на элементарную человечность и прогрессивно историческое мышление.

А ведь П. А. Столыпин вследствие своей агрессивной жадности идти на все, чтобы не доставить ни малейших «неудобств» реакционнейшим закомплексованным помещикам, державшим закабаленную основную массу крестьян в ужасающе нищенском состоянии, так обострил противоречия в стране, что последний царь охладел к нему, что было симптомом грядущей отставки! Мало того: царская немилость проявилась даже после убийства Столыпина завербованным царской охранкой эсэровским террористом. При этом, конечно, последний самодержец из династии Романовых, в отличие от праведного аналитика В. И. Ленина, не мог себе позволить открыто признать, что политика Пуришкевичей против мужика, до сих пор не создала ничего прочного, кроме... голодовки 30 миллионов!

Тем более всевластный Николай Романов не мог добросовестно констатировать, что столыпинская «неприкосновенность» даже одной-единственной помещичьей десятины из сотен, а то и тысяч других гектаров «законной» частновладельческой земли предreshала революционный взрыв гигантского масштаба! Ведь еще задолго до 1917 года (особенно, начиная с 1910-го) все чаще и чаще польхали подоженные не только помещичьи усадьбы, но и кулацкие хутора, угонялся и забивался скот (как господский, так и «мироведский»), шла потрава полей и т. п. Никаких воинских контингентов, посылавшихся во множество деревень для «усмирения», не хватало для «восстановления порядка» с помощью виселиц, ружей, нагаек, плетей и других подобных средств!

Между прочим, именно ради предотвращения революции, ведущей к непредотвратимому краху династии и всего стародавнего «порядка вещей» даже мыслящие кадетские специалисты по аграрному вопросу прямо-таки умоляли царя и Столыпина выкупить за высокую цену хоть часть необрабатываемой помещичьей земли для «умиротворения» крестьянской ожесточенности. Это становилось все более насущным после провала столыпинской «переселенческой» политики по принципу, провозглашенному без зазрения совести: «Дальше едешь — тише будешь!» Разумеется, такая перефразировка народной поговорки «Тише едешь — дальше будешь» только усугубляла крестьянское влечение к революционному способу облегчения своей доли...

Чего стоили только невзгоды тех, кому сулили «золотые горы», сотнями тысяч отправляя за Уральский хребет в товарных вагонах, на которых сплошь и рядом было бесстыдно написано «8 лошадей или 40 людей!» А потом им, вконец разоренным, приходилось возвращаться «по шпалам», нищенствуя, да еще видя гибель своих малых детей... И это тоже была цена за отказ Столыпина и увлеченного им царя Николая прислушаться к советам хотя бы явно интеллектуальных кадетов, от мнения которых нагло отмахивались, да еще «не обижали» тех черносотенцев, которые убивали без суда и следствия не только явно ненавистных революционеров, но и нежелательных «советчиков» даже из числа кадетов...

Вот таким был ныне превозносимый ельциноидами царско-столыпинский курс, суть которого, по образному выражению В. И. Ленина, сводилась к стремлению «в старые мехи плить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию». Как? Издавна проверенным способом, стократно, а то и тысячекратно увеличивая количество жертв по сравнению с самыми махровыми предшественниками последнего царя. Так по заведомо заниженным официальным данным в 1906 году на смертную казнь (через расстрел или повешение) было осуждено 450 человек, в 1907-м — 1058, 1908-м — 1741. «Естественно»,

невозможно узнать, какое множество тысяч было расстреляно и повешено по «сверхскоротечным» приговорам военно-полевых судов и карательных экспедиций, то есть фактически без суда!

Всего этого, конечно, в упор «не видят» ни Сванидзе, ни привлеченные им главные ельциноиды гайдари-чубайсовской «популяции». А порядочные люди той уже давней поры неопровержимо свидетельствовали об истинной сути режима, обожяемого нынешними властителями. В условиях столыпинского режима легче легкого было на основе бесчестных показаний агентов-provokаторов «организовывать» процессы против социал-демократических депутатов Государственной думы, разгонять этот орган один за другим, менять избирательную систему по собственному произволу, стряпать дела о т. н. «военных заговорах», разумеется, абсолютно липовые без единого исключения!

Н. Сванидзе столь многое извращает в своей ненависти к ленинской концепции общественного развития, что начинаешь удивляться, когда он вдруг дает объективную оценку ужасным сторонам личности ныне возвеличиваемого великого князя Сергея Александровича, добросовестно оценивает роль, пожалуй, наиболее умного из высших должностных лиц дореволюционной России С. Ю. Витте.

Тысячекратно чище и человечнее, чем среднестатистически корыстолюбивые любители богатства, роскоши и богатства наших дней, воспринимал правду и прежде всего — боль народную той поры еще совсем молодой, недавно перешагнувший 20-летний рубеж поэт Е. А. Придворов. (В советские времена обычно известный под псевдонимом Демьян Бедный.) Еще в 1908 году ему была знакома мучительная тоска, «навеваемая» поистине жуткой действительностью столыпинских лет, очень приятных таким нашим современникам, как Ельцин, Гайдар, Чубайс, и им подобным.

С тревогой жуткою привык встречать
я день
Под гнетом черного кошмара.
Я знаю: принесет мне утро бюллетень
О тех, над кем свершилась кара,
О тех, к кому была безжалостна судьба,
Чей рано пробил час урочный,
Кто дар последний взял от жизни —
два столба,
Вверху скрепленных плахой прочной.
Чем ближе ночь к концу, тем громче
сердца стук...
Слух ловит лязг цепей и ржавой двери
скрип...
Безумный вопль... шаги... смятенье...
И шум борьбы, и стон... и хрип,
животный хрип...
И тела тяжкое паденье!..
Бессильно бьется мысль... Мне душно...
Я в огне...
Спасите! В этот час в родной в моей
стране
Кого-то где-то злобно душат!..

Можно ли надеяться, что со временем Николай Сванидзе сможет вернуться на путь, приближающий его к безукоризненно честному раскрытию правды истории? Трудно сказать. Но все же было несправедливо не признать, что в последних сериях «Исторических хроник» при рассмотрении дореволюционного режима, а особенно — придворных и внутри-семейных романовских реальностей он попытался приблизиться к истине, отказываясь от беспринципно слащавой апологетики.

В частности, он не только в основном объективно положительно оценил роль С. Ю. Витте, но и, например, с редкой ныне опрятностью все же затронул, наконец, вопрос о порочности великого князя Сергея Александровича (теперь чуть ли не хором прославляемого) и в политическом, и в личном плане. А в 15-й серии, показанной 12 февраля 2004 г., он на редкость совестливо раскрыл органическое бесплодие и фатальную гибельность поведения последнего царя и царицы, фактически каждодневно приближавших и в сущности — провоцировавших неодолимый революционный взрыв колоссальной силы...

3 Ситуация на теперешнем пропагандистски лжеобразовательном «поле» совершенно беспросветна, о чем свидетельствует практически любой официальный и полуофициальный документ. Вот текст, вполне определенно нацеливающий учителей и огромнейшие массы школьников, по всем данным полностью соответствующий «настрою руководящих и направляющих» инстанций ельцинского времени. Назван он «Готовимся к единому государственному экзамену. История» Москва, 2003 год.

И здесь, конечно, все направлено на беззастенчиво нахрапистое отбрасывание и растаптывание умного, человечно добротного из сделанного и запланированного В. И. Лениным и лучшими из его соратников, и в сущности всего исторически наиболее прогрессивного. А раз так, то революционное ниспровержение прогнившего и бесчеловечного строя в России, как и вся прогрессивно гуманистическая концепция развития общества, изображается абсолютным злом!

Чего стоит хотя бы восхищение убого антинародными разнузданно реакционными словами последней особо одиозной царицы в связи с революционными событиями, предрешенными бездарно-бесчеловечными эксцессами царствования «завершившей» романовскую династию, возможно, болезненно эгоцентричной супружеской четы. Но что до этого и всего имеющего отношение к правде истории нынешним ее извратителям! Потому и восхищаются любой глупейше примитивной озлобленностью, проявляющейся даже в такой фразе из дневника императрицы: «Подлая чернь тоже была на стороне мятежников: она была пьяна, бросала камнями, кричала...» (С. 119)

Как ни горько это констатировать, но своего рода «первоисточником», нацеливающим на использование данного и других подобного типа «откровений» для одурманивания, в сущности — деморализующего оглушения миллионов школьников, является «высочайший» вполне официальный ведомственный документ! Издан он под директивным «грифом» Министерства образования Российской Федерации, а называется «Единый государственный экзамен!» Содержатся же здесь тестовые задания по истории в 10 вполне однотипных вариантах, да еще «плюс» к этому «эталонные верные ответы», содержащихся в тут же помещенной «Инструкции по проверке и оценке выполнения учащимися экзаменационной работы по истории»...

«Эталонные верные ответы к заданиям С1-С5 варианта I. С1. Страна не готова к социалистическим преобразованиям: экономика не готова, рабочий класс составляет меньшинство. С2. Пролетариат не готов взять власть, он составляет меньшинство, не опирается на все слои общества, что вызовет их столкновение. С3. Уместна как предупреждение о

необходимости союза пролетариата с различными слоями общества» (С. 57). И все прочее в том же «духе». Вот и пригодились для «обучения» старшекласников вышеприведенная фраза последней царицы (одна из заурядных, по-глупому озлобленных), которая, сама того не ведая, губила не только свою семью...

Само собой разумеется, в тексте, изданном под «крышей» Министерства образования РФ, сконцентрировано более чем достаточно озлобленно недобросовестных выкриков против новой власти недавних высших сановников и в то же время — заурядных реакционеров «рядового» масштаба. Например, меньшевика М. И. Скобелева, бывшего министра труда буржуазного Временного правительства, потерявшего власть после победы Октябрьской революции, нынешние лжеобразовательные столпы теперешнего режима, скажем, приветствуют, считая абсолютно правильными его утверждениями будто «Наши пророчества сбылись», а власть Советов — не власть пролетариата, а «против пролетариата»... (С. 28)

В головы школьников вдалбливается тезис о мнимой виновности руководства Советской России в развязывании гражданской войны, вплоть до приписыванию руководителю ВЦИК (направлявшему деятельность всех инстанций советской власти) Якову Михайловичу Свердлову призыва «разжечь гражданскую войну». Трудно выдумать что-либо еще более фальшивое и бесчестное!

Разумеется, здесь невозможно обнаружить ни одного объективного, элементарно совестливого слова хотя бы об одном из бесчисленной массы красных бойцов, командиров и тем более — комиссаров, еще тогда спасших нашу страну от почти неминуемой гибели. Зато Белое движение (в отличие от красного) восхищенно именуется ныне только с Большой буквы, Белые генералы называются только почтительно, а от учеников настойчиво требуется запоминать и воспроизводить, на какой территории «преимущественно их части боролись против Советской власти». И «естественно», словосочетание «Советская власть» в отличие от «Белого движения» пишется с маленькой буквы... (См. с. 28, 33, 53).

Особенно полезно в современных условиях понять то, как бесчестно теперешние наши властители руками своих столь же бесстыдных идеологических лакеев оскверняют наиценнейшее в нашем прошлом. Поражает и то, насколько легко в современных условиях достигается такая цель! Для этого не требуется ни природного ума, ни элементарной образованности, ни трудолюбия. Оказывается, можно обойтись и без открыто бесшабашной ругани, «всего лишь» почти полностью исключив и «просто» упоминание В. И. Ленина, а уж тем более что-либо похожее на его честное цитирование, не говоря уже тем более о советливом анализе его свершений и замыслов.

Чего ради совестливо и обстоятельно напоминать о В. И. Ленине, если с огромной выгодой для себя можно «играть», оглуляя старшекласников черт знает чем вроде нижеследующего? «Кто был Председателем Верховного Совета РСФСР в 1990–1991 г.?» Да еще предложить при этом выбрать из Б. Н. Ельцина, А. В. Руцкого, Р. И. Хасбулатова, М. С. Горбачева. Или: «Укажите фамилию политического деятеля, занявшего пост Генерального секретаря ЦК КПСС после смерти Л. И. Брежнева: 1) К. У. Черненко, 2) М. С. Горбачев, 3) Ю. В. Андропов, 4) А. А. Громыко». Или: «Из перечня государственных деятелей СССР выберите фамилии тех, кто был руководителем правительства в 1953–1985 гг.: а) Н. А. Булганин, б) А. А. Громыко, в) А. Н. Косыгин, г) Д. Устинов, д) Г. М. Маленков, е) Г. К. Жуков.» (См. с. 27, 32, 41)

Простейшее засорение голов миллионов наших детей и внуков вполне логично сочетается с фальсификаторской поддержкой всего вредоносно антиобщественного, вплоть до особо непристойно ельциноидного. К примеру: «Проводившаяся в России в начале 1990-х гг. правительством Е. Т. Гайдара экономическая политика называлась: 1) расширенное воспроизводство, 2) национализация собственности, 3) переход к рыночной экономике,

4) новая экономическая политика» (С. 32) Подумать только: для возвеличивания своекорыстно бездарных ничтожеств не устыдились даже воровски «подверстать» терминологию спасительного для нашей страны ленинского периода борьбы за светлое будущее!

А разве не то же украшательство «продуктов» антинародных деяний капитализаторского режима таится в более витиеватых, но столь же недобросовестных нижеследующих строках? «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется самостоятельными и независимыми законодательными, исполнительными и судебными органами. Этот принцип носит название: 1) Политическая стабилизация; 2) политический неконформизм; 3) государственный плюрализм; 4) разделение властей» (С. 42). И это о разваленной, надорванной стране, где многие миллионы людей с изуверской расчетливостью обрекаются на мучительнейшее вымирание! Как раз о такой, где вольготно живет прежде всего чиновникам коррупционного типа — взяточникам, казнокрадам и явным уголовникам, по сей день вывозящим из ограбленной России ежегодно миллиарды и миллиарды долларов, и тоже роскошествующих на трупах!

«Прочитайте отрывок из официального документа XIX века, укажите фамилию его автора. «Русский преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение перла из венца монахахова. Самодержавие составляет главное условие политического существования России... Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность». (С. 18) Даже в первой половине XIX века подобные словеса претенциозно реакционной направленности, уродующие мировосприятие огромных масс, воспринимались мыслящими и по-настоящему человечными людьми как нечто зловеще карикатурное! И это в наши дни реанимируется властвующими капитализаторами!

И такое творится вместо того, чтобы честно и открыто поведать правду о роковых аномалиях нашего прошлого и прежде всего — об ужасных бедах, обрушивавшихся на основную массу наших предков из поколения в поколение в условиях самодержавно-крепостнического режима. Того самого, попытки изменить к лучшему которое не раз были сорваны непоправимо регрессивной политикой царей, и не только двух последних из них. Наследствие этого все ограничивалось полукрепостнически-террористическими «заплатами», беспредельно обострявшими непримиримые противоречия. Атавистический, неизлечимо большой самодержавный антинародный режим не мог не довести противостояние народа и тех, кого «устраивала» династия Романовых, до последней черты.

Надо не одурманивать наших детей и внуков, а помогать до деталей уяснять правоту по крайней мере интеллектуальных противников революционного народа и его руководителей. Далеко не из-за «пьяной одури» они признавали в статье, опубликованной в сентябре 1917 г. в газете «Московские ведомости»: «Начинается последний акт всероссийской трагедии. Ясно, что сила перешла в руки крайне левого элемента революции. Правда, официально они не у власти. В руках их представителей нет ни одного министерского портфеля... Однако для всякого спокойного наблюдателя, умеющего беспристрастно разбираться в текущих событиях, ясно, что фактически по всей линии они торжествуют». Итак, главное тогда понимал не только В. И. Ленин и лучшие его соратники, но и наиболее умные из его антиподов, в отличие от теперешних его ненавистников, погрязших в бесчеловечном шлюстолюбии и необузданной тяге к обогащению.

А все-таки жаль, что новоявленные хищные, разнузданно плотоядные категории натур, властвующих над ними, способны культивировать в себе лишь хватательно-загребущую и столь же бездушную рефлексию! Они и в XXI веке не способны усвоить то, что граф И. Н. Дурново пытался разъяснить еще в 1914 году самодержавной чете, на общенародную

и на свою же беду мнившей себя «хозяевами земли русской». В числе самых умных из аристократов «высшего круга» он пытался вразумить тех, к кому принято было обращаться с письмами на «высочайшее имя». Но все впустую: царь с царицей, возможно, читали им адресуемое, но орудовали совсем наоборот... Из Памятной записки графа Дурново от 1914 года: «В побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая силой вещей, перекинется и в страну-победительницу. Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принцип бессознательного социализма».

А чего стоит на редкость парализующая духовное развитие направленность теперешнего дегенеративно-сановного «глубокомыслия», формулирующего нижеследующий вопрос школьникам! «Какой из приведенных рядов составляют даты начала царствования российских императоров: 1) 1812 г., 1872 г., 1914 г.; 2) 1801 г., 1825 г., 1855 г.; 3) 1803 г., 1868 г., 1906 г.; 4) 1825 г., 1848 г., 1917 г.?» (С. 37) Как же можно так «учить» старшеклассников!

На подобном «фоне» кое-кому может показаться меньшим злом даже беззастенчиво лукавое, отнюдь не единичное подыгрывание в данном руководящем документе тому пагубному, что начало твориться в нашей стране с конца 1991 года... Сколько же сверхдефицитных средств самым вредоносным образом растрачивается на издание неисчислимого множества не только псевдоучебных, но и все чаще заведомо пагубно лжеучебных страниц! Как можно, например, во всю оскверняя все, связанное с В. И. Лениным, в отношении Александра Второго, ограничиваться в основном лишь многократным напоминанием о факте его гибели! Ведь он был единственным за более, чем трехсотлетнюю династию Романовых, прогрессивно настроенным реформатором и именно этому необходимо уделить максимальное внимание, тем более в сравнении не только со многими ужасно регрессивными властителями этой династии, но и с ельцино-гайдари-чубайсовскими «реформаторами».

Есть своя скверная логика и в том, что в тексте т. н. «Единого государственного экзамена» с тестовыми заданиями по истории нашлось место для напоминания о руководящей деятельности будто реформаторского «предназначения», например, Екатерины II и Николая I. А ведь такие персоны были органически несовместимы ни с чем хоть чуточку человечным и прогрессивным, причем заслуживают «памяти» лишь в качестве натур зловеще жестоких и преступнейше корыстных! Как раз при них крепостничество достигло «вершины» мерзости, в сущности, рабовладельческой дегенерации! А в тексте, о котором приходится вести речь, не устыдились использовать термин «Золотой век русского дворянства»!

Но своего рода рекордной регрессивности, органической порочности на грани аморальной патологии сей документ, одобренный Министерством образования РФ, достиг при оценке личности царя Ивана Четвертого. Того самого, которого по наивности издавна начали называть Грозным, а надо бы — кровожадно-растленным. И которого со времен Иосифа Сталина решено было преступно, но при этом всячески возвеличивать вопреки минимальному подобию правды истории. И вот НЕКТО принял решение в нынешние времена в (ответственнейшем) «циркуляре», одобренном Министерством образования, около десятка раз весьма уважительно «помянуть» Ивана IV-го!

Никто из других персонажей истории России здесь не удостоился подобной «чести», включая не только лучших из лучших сограждан всех времен, но и тех, кому суждено было находиться на вершине власти. А ведь как раз этот царь Иван, упомянутый многократно чаще любого другого, был самым ужасным чудовищем из чудовищ, из числа оказывавшихся (в том числе дорвавшихся) до трона! Мало того: своей чудовищностью как властителя и как человека, он предрешил ставший чуть ли не фатальным надрыв России на грани губительной катастрофы в период Смутного времени! Не его надо «внедрять» в головы школь-

ников, да еще ни единым словом не напомнив, например, об отважно жертвенном митрополите Ф. Кольчеве, поднявшем голос против кроваво зловещего царя, а за это истерзанным и удушенным. Да и вообще надо, наконец, покончить с запрограммированным с 30-х годов сокрытием гигантски мерзких злодеяний негодяев, вскарабкивавшихся на вершину власти вплоть до предыдущего и ныне начавшегося века (и не только особо упомянутого царя — явного изувера).

4 Поначалу извращающие все наиважнейшее «открытия» в основном содержались в том, что исходило, например, от бывшего заместителя начальника Главного политического управления Советских вооруженных сил генерал-полковника Д. Волкогонова, литераторов типа В. Солоухина и иных подобных щедро поощряемых авторов, наиболее беззащитно соответствующих «новым» веяниям. Но таковыми были лишь «первые ласточки». Разумеется, почти мгновенно, прямо-таки на лету такого рода «открытия» в условиях ельцинского режима просто не могли не стать основой многих штампованно бесчестных учебников общественно крайне опасной направленности. Среди них, к примеру, в качестве ныне типичной иллюстрации заслуживает пристального внимания один из такого рода «кладезей мудрости», уже семикратно изданный для учеников 11 класса. На этих «учебных» страницах, предназначенных для детей и внуков многомиллионной массы наших сограждан, в обязательном порядке укладывается только то, что полностью соответствует интересам, а значит и симпатиям наиглавнейших властвующих «авторитетов», адекватно выражающих интересы и пожелания тех, кто грабительно-воровски жиреет на ими вызванных народных бедах.

А раз так, то далеко не случайно во всю рекламируются подобные учебники, содержащие псевдоисторические новшества, целеустремленно уродующие мировосприятие миллионов старшекласников, начинающих самостоятельную жизнь. Вот и оказывается, совершенно официально по мнению верхов, будто «Новый учебник «История России. XX век» создан якобы «с учетом современных образовательных стандартов, научных и общественных представлений; включает необходимый фактический и теоретический материал, фрагменты разнообразных исторических свидетельств и документов, и развернутый методический аппарат; включен в состав Федерального комплекта учебников...». А каковы реальные вульгарно корыстнейшие устремления, скрываемые таким набором хвалебных фраз?

Кое-что «проясняют» ключевые фразы из предисловия непосредственно к учебному тексту, начинающегося словами «Дорогие друзья! Конец XX века снова поставил вопрос о путях развития страны. Главное нам видится в том, что Россия исчерпала лимит на революции, которые ведут не к национальному согласию, а к катастрофе, гибели людей». Авторам и издателям данного, как и любого другого подобного учебника, очень выгодно внушать школьникам все заведомо малопристойное. Даже о мнимой благотельности для России ее «монархически-общинных традиций!» И далее: «Наиболее полно идеология данного духовного направления была изложена крупным русским правоведом, публицистом и государственным деятелем К. П. Победоносцевым!» (С. 29). (Второе, переработанное и дополненное издание учебника «История России. XX век» В. П. Островского и А. И. Уткина)

Вот так: в современных воровски-капитализаторских условиях все это в порядке вещей вопреки всем тем спасительным для нашего народа и подлинно прогрессивным для полиция Родины идеалам, которым были жертвенно преданы все лучшие, все понастоящему великие наши соотечественники, начиная с Александра Николаевича Радищева. Ведь далеко не случайны антицаристские убеждения и декабристов, и соответствующие строки Кондратия Рылеева: «Самовластительный злодей! Тебя, твой трон я ненавижу...»! Вполне закономерно и то, что подручный ныне тоже восхваляемого (невзирая на все его

политически ужасные и бездарные деяния) царя Николая I., прозванного в народе Палкиным, шеф жандармов А. Х Бенкендорф, действовал «касательно» всех лучших людей России, угождая своему повелителю.

Например, с «пришибевской» нацеленностью он приказал генерал-адъютанту С. С. Стрекалову и флигель-адъютанту С. Г. Строганову обследовать Московский и Санкт-Петербургский университеты для выявления «откуда, как из очага заразы, распространяются по стране запрещенные стихи Рылеева и Пушкина... О нашедшихся виновниках немедленно сообщить... а самому принять меры строгие к полному истреблению последствий!» И это лишь типичная, но крохотная частица бесчисленной массы реакционно парализующих, жестоко репрессивных, пагубных для общества реалий обожаемых ельциноидами царски-крепостнических времен.

Но все это вовсе не мешает авторам теперешних лжеисторических учебников и тем, кто направляет их действия с «уровня высшего государственного руководства», продолжать свое черное дело. Здесь, а не где-либо кроется первопричина появления в учебном тексте таких духовно, мировоззренчески и морально-этически уродующих строк, как ниже следующие. «Несмотря на отдельные недочеты и ошибки власти, имелись немалые шансы сохранить Российскую империю как целостное государственное образование при одновременном сохранении основ самодержавной монархии. Все недостатки реальной жизни можно было бы ликвидировать... точно выполняя монаршую волю» (С. 39). «Но этого не произошло. В 1905 г. Россия оказалась втянутой в водоворот революционных событий» (С. 41). Да как можно докатываться до возвеличивания «монаршей воли», скажем такого духовно примитивнейшего царя-ультрареакционера, как Александр III, органически несовместимого с чем-то прогрессивным, да и просто элементарно добрым!

В том же «духе» нацелены и последующие слащаво восторженные разглагольствования о мнимо благотворной тенденции «...на предотвращение революции, потрясений, катастрофы, сочетающей твердые принципы либерализации, свободы в экономике... и твердость принципов, консерватизма в неприятии идей разрушения государственности, забвения национальной истории, разного рода социальных и политических иллюзий (...) Тем не менее эти годы показали огромный потенциал развития, существовавший в стране... Несмотря на грандиозные перемены, происшедшие со времени 1907–1914 гг. они и сегодня показывают, что потенциал для развития страны без тоталитаризма, насилия, репрессий существовал» (С. 128). Да ведь и последний царь почти безумно шел по «стопам» своего отца, лишь усугубляя «тоталитаризм, насилие, репрессии», предвещая неотвратимость даже собственной и своих близких гибели!

И такой регрессивнейший, ультрареакционно-проэксплуататорский учебник из года в год переиздается огромными по нынешним временам тиражами! Вот и в 2002 году он вышел 7-м изданием (стереотипным) с очередной рекомендацией Министерства образования Российской Федерации: «Учебник по истории России от начала XX века до 2000 года. 11 класс. Москва. 2002 г. Книга создана на основе современной концепции исторического развития России в XX веке. Содержит необходимый фактический и теоретический материал, фрагменты исторических свидетельств и документов, обстоятельный методический аппарат, включающий вопросы и задания для самостоятельной работы учащихся».

Безусловно, есть своя страшная логика в симпатиях и антипатиях, а также в чудовищных деяниях виновников всех современных наших бед. Именно подобные «новоявленные» любители власти и роскоши кровно заинтересованы в шельмовании всего лучшего в нашем прошлом и оправдании всего самого ужасного, включая мучительную нищету низов «под гнетом власти роковой». Для них совершенно неприемлема мучительная душевная

боль, например, Антона Павловича Чехова, своими глазами видевшего ужасную правду дореволюционной самодержавной России, многократно отражавшуюся в его литературных произведениях, как и у других гениальных наших соотечественников, живших в условиях ныне восхваляемых самодержавно-антинародных времен.

Например: «И теперь, поживаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре. И что при них была точно такая же лютая бедность, голод; такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета — все эти ужасы были, есть и будут...». А вот теперешние процаристски—эксплуаторские хозяева России, восхваляющие все наисквернейшее в прошлом, вынуждают своих апологетов, включая авторов учебников, черное именовать чуть ли не белоснежным, и наоборот! А почему бы и нет, если такое бесстыдство как никогда выгодно в условиях криминально капитализаторского режима! Именно такая цена основополагающим «открытиям» дней текущих, сформулированным для школьников о полезности «...сохранения основ самодержавной монархии», о благодетельности для России «монархических традиций» и остального в том же духе!

Все это стало абсолютно необходимым для того, чтобы соорудить режим, обеспечивающий нравственно уродливым, загребущим элементом бесконтрольную власть и грабительски «раздобытые» богатства. Именно для увековечивания господства своего и себе подобных, «новые» хозяева страны насаждают преклонение даже перед самыми отвратными из царей, не говоря уже о «просто» крайне бездарных. Чего стоит, к примеру, подыгрывание даже Николаю I, на долгие десятилетия парализовавшему развитие России и проявлявшему не только омерзительные качества крепостника, но и палачествующего изувера!! Ведь нельзя без чувства предельно клеймящего осуждения относиться к тому, кто насаждал «порядки», раскрытые Львом Толстым — этим благороднейшим (далеко не только литературным) гением в рассказе «После бала»!

Насколько же чудовищна натура ныне подхваливаемого Николая I, того, кто, упиваясь властью, не ограничивал себя пришедшими из самых страшных времен средневековья виселицами, а бессудно казнил несчастных нигде в приличных странах невиданным образом, медленно и мучительно убивая ударами тысяч палок, превращая спины караемых в кровавое месиво вплоть до отделения человеческого «мяса» от костей! И ведь это кое-кто «не помнит» в XXI веке! На таком фоне наивные люди воспринимают как мелочь и то, что злобнейше мстительный царь отказал в расстреле тем офицерам, кто геройски сражался за Родину, радуясь возможности удавить их веревками! Вот так, орудуя по отношению к рядовому и офицерскому составу, Николай I и довел Россию под занавес своего царствования до позорища проигранной Крымской войны!

Сомнений нет: такое лжеисторическое «образование» может культивировать только уродливый режим! И только его ключевые фигуры смеют поощрять клеветническую гнусность по случаю очередного дня рождения В. И. Ленина. Подумать только: крупным шрифтом «изображают» заголовок на чуть ли не целую газетную полосу «Самый человечный недочеловек...» и на основании собственной выдумки утверждают, будто этот великий создатель-гуманист выплывал убийцам по 100 тысяч и нецензурно обзывал русских людей! (см. Московский комсомолец, 22 апреля 2003 года).

А чего стоит то, что в «учебных» текстах, подобных тому, о котором приходится вести речь, не может не ужасать жажда их авторов, извращая и растапывая все лучшее в нашем прошлом, возвеличивать все наихудшее. Чего стоит, к примеру, весьма немалое число восхищенных фраз, адресованных, возможно, палачески наиболее необузданному из самых «заметных» генералов дореволюционной поры. Имеется в виду Лавр Корнилов, пре-

возносимый в учебнике, предназначенном старшеклассникам, где расхваливаются вообще и все прочие апологеты уродовавшего Россию антинародного царского строя.

В том самом учебнике совершенно голословно оправдывается позорно провалившаяся затея, которую и А. Ф. Керенский квалифицировал в качестве «корниловского путча». Более того: здесь каждый поступок, каждое слово Л. Г. Корнилова изображается образцом чистоты и справедливости, а сам он якобы особо «отличался глубоким патриотизмом!» «Доказывается» же это штампованно убогими бесчестными фразочками вместо скольконибудь серьезных аргументов. Ему, дескать, была ненавистна лишь «нарастающая разруха и анархия», главными же виновниками происшедшего были «крайне левые радикалы», которые якобы «несли смертельную угрозу российскому государству!» Не больше и не меньше! (С. 139).

Разумеется, при этом сугубо фальсификаторски скрывается не только то, что Лавр Корнилов был виновником казней своих политических оппонентов, но и то, что его стараниями противостояние застойно-реакционных сил и сил прогрессивного оздоровления страны приобретало все более ожесточенный характер. Чего стоило хотя бы то, что, будучи одним из главных инициаторов внутрисословного вооруженного противостояния, данный антинародный лидер лагеря реакции и мракобесия требовал от своих подчиненных «пленных не брать», то есть тем самым обязывал вешать и расстреливать всех схваченных, да еще далеко не только непосредственно в ходе военных действий!

В то же время в этом типично антиисторическом учебнике так и не было проявлено даже подобия справедливости по отношению к всенародно прославленному, по-настоящему талантливому командующему Юго-Западным фронтом А. А. Брусилову, чьим именем был назван и прорыв, в ходе которого был нанесен единственный по-настоящему мощный удар по австро-германским войскам за все годы той войны. Предается бессовестнейшему забвению и то, что ни в ходе обычных военных будней царского времени, ни после назначения его Верховным главнокомандующим, А. А. Брусилов не проявлял даже подобия палаческой жестокости царско-столыпинского или корниловского типа. А раз так, то в условиях ельциноидного режима это «забвение» вполне закономерно и потому, что талантливейший из всех дореволюционных генералов не счел допустимым пойти на разрыв со своими народом, сомкнувшись с иностранными аггессорами и их белогвардейскими подручными, губящими нашу Родину. Тем более, что он заявлял, что В. И. Ленин и его последователи спасли ее от колонизации, распада и гибели.

Просто поразительно обилие страниц учебника «по исторической части», побуждающих вспоминать на редкость блистательную по глубинному смыслу и подтексту песенку Владимира Высоцкого о том, как кривда перехитрила правду, а затем надругалась над ней! Но в ходе сего «процесса» практически все наиболее непотребное систематически проявляется в реализации теперешней «руководяще-направляющей» жажды осквернить все, непосредственно связанное с замыслами и свершениями В. И. Ленина. Карл Маркс тоже ненавистен «играющим» Россией дней текущих, но его здесь вспомнили всего один раз, в основном лягнув лишь его русских последователей, «ведущих свою родословную от учения немецкого экономиста К. Маркса» (С. 33). Что же касается Владимира Ильича, то его всячески и непрерывно терзают на множестве страниц!

В учебнике резко осуждается, а то и яростно клеймится все, что провозглашалось В. И. Лениным и осуществлялось по его инициативе с самого начала XX века; ни в чем авторы и издатели не видят ничего умного, полезного, да и заурядно дельного. При этом восхваляются все не только «умеренные» оппоненты царского режима вроде кадетов и таких чуть ли не социал-демократических политиков, как Акимов, Мартынов, Кускова

(С. 33), но и явные махрово непристойные реакционеры, да практически все, кто, вопреки В. И. Ленину, жаждал сохранить пагубную «думскую монархию», которая якобы «давала шанс на спокойное, эволюционное развитие страны». Ленин же изображается главным и чуть ли не единственным «виновником» того, что этот «шанс использован не был» (С. 82).

Подумать только: в теперешнем учебнике считается недопустимым то, что в начале XX века «преобладали традиции, идущие от XIX века, когда на первое место выдвигалась общественная функция культуры». Совсем плохо якобы то, что романы Л. Толстого и И. Тургенева воспринимались «как форма общественно-политической борьбы. Популярной по-прежнему была поэтическая формула Н. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Быть гражданином означало — находиться во всесторонней оппозиции политическому и экономическому строю» (С. 34). Вот так, сотню лет спустя, клеймятся все, кто был оппозиционен по отношению к самодержавно-полукрепостническим «свинцовым мерзостям» тогдашнего «политического и экономического строя»! То же самое авторы и издатели учебника, многократно переизданного, осуждают в общественном мнении вековой давности, «присылавшем произведениям А. Чехова и И. Бунина, живописи И. Левитана, постановкам Московского художественного театра, руководимого К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко» якобы тоже нечто совсем недопустимое! (С. 34–35).

Дошло до того, что в тексте учебника клеймятся «умеренные либеральные оппозиционеры, фактически выдвигавшие лозунг «враг не слева» считая, что лево-радикальная опасность миновала, и главной задачей становится борьба с правительством, пусть даже и думскими методами». При этом осуждаются не только кадетские буржуазные деятели, которым малопривлекательны парализующие все и вся самодержавные «порядки» но и все в литературе и искусстве, чьи произведения «рассматривались обществом как выразители оппозиционных политических настроений. Так произошло с поэзией А. Блока и А. Белого, живописью М. Врубеля и начинавших свой путь художников-авангардистов, театральными постановками В. Мейерхольда» (С. 34).

Уж коли такие личности неприятны современным властителям, то как же им не поощрять «воспитание» с юных лет примитивно утробной ненависти к В. И. Ленину! Тому и получают в учебнике: «Ульянов-Ленин» настаивал на создании жестко организованной, с железной дисциплиной организации... «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию», писал он накануне II съезда в книге «Что делать?». Упоминается и еще один ленинский «криминал» в данной связи: «Большевики во главе с Лениным исходили из убеждения, что страна находится в условиях буржуазно-демократической революции, призванной свергнуть монархию и установить демократическую республику» (С. 70, 71). Зато подробно, почтительно, в сущности одобряюще цитируется «кредо» черносотенного громкого «Союза русского народа»! (ст. 78).

Чего стоит, скажем, нескончаемое лживо-лицемерное разыгрывание карты так называемого ничем не оправданного «революционного» террора! Типичные строки из текста учебника о происшедшем летом 1906 года: «12 августа террористы организовали взрыв на даче Столыпина на окраине Петербурга. Было убито 27 человек, ожидавших приема, среди искалеченных была его 14-летняя дочь. Столыпин чудом остался жив» (С. 59). С поистине провокационной изощренностью здесь, как и во множестве других аналогичных строк, не названа партийная принадлежность террористов. Почему не отмечено то, что они были эсерами? Только потому, что властвующие заказчики текста, обрушиваемого на поддески наивных школьников, жаждут, чтобы они подумали, что и в этой ужасной трагедии «виновны» В. И. Ленин и мнимые большевистские «убийцы», выполняющие в обычных мирных условиях якобы персонально его директивы!

Разумеется, в учебнике нет ни одного ленинского детально обоснованного текста, где говорится о принципиальной недопустимости и вредоносности подобных деяний! Отсутствуют и документы партии эсеров — единственной революционной партии начала XX века, руководство которой объявляло такой террор совершенно оправданным и абсолютно необходимым. Множество эсеров-боевиков было повешено за выполнение на практике данной директивной установки, но среди казненных по делам о подобных террористических актах не было ни одного подлинного ленинца. «Естественно» ныне и то, что в учебнике, предназначенном для неисчислимых масс наших школьников, ни слова не сказано и о том, что ожесточенный эсеровский террор все же был ответной реакцией на террор царского режима с его многотысячными жертвами, как официальными, так и теми, кого убивали террористы-черносотенцы, обожающие «батюшку-царя».

И об этом авторы, мировоззренчески деморализуя юных, хитренько помалкивают, зная как Ельцин и ему подобные обожают даже самых малопристойный царей и их кровавых прихлебателей, да и заурядно невежественных поклонников! А ведь вполне оправданным было бы уточнить и следующее: как суды и другие самодержавные аппаратные структуры действовали по отношению к черносотенным террористам и погромщикам? В том числе и к таким, которые убивали таких по-ленински отрицавших террор, как Николай Эрнстович Бауман, о котором в современных регрессивнейших учебниках тоже, конечно, стараются не вспоминать.

А разве не крайне бессовестно отрицать или замалчивать ту правду, что массовое душегубство 9 января 1905 года было актом зоологически агрессивного государственного терроризма? Как и того, что столыпинский террор с его чудовищно бесчеловечными и антиправовыми военно-полевыми судами был революционизирующим явлением того же порядка! Ведь далеко не случайно того, кто олицетворял все это в народе, прозвали Столыпиным — вешателем!

Казалось бы «творцы» учебника, предназначенного старшеклассникам, должны бы признать, что не В. И. Ленин и его соратники порождали страшные террористические эксцессы и массовые симпатии множества соотечественников, адресованные эсерам, пулями и бомбами убивавшим приближенных последнего самодержца, а органически антинародный, подчас полубезумный тип дореволюционного властвования. Ведь иной раз совсем юные, отнюдь не малообразованные девушки даже из дворянских семей, вроде Марии Спиридоновой, вступали в ряды активных эсеровских боевиков самой непримиримой разновидности! А когда нескольких из них удалось (включая М. Спиридонову) арестовать, осудить и направить в каторжную Сибирь, то в ходе этой «поездки» во многих местах на железнодорожных станциях их стремились восторженно приветствовать массы сочувствовавших, постоянно стимулируемых соответствующими деяниями царского режима.

Но вот ведь что не может не поражать: любая даже самая безмозгло жестокая «высочайшая» акция в «учебном» тексте не просто смягчается, но нередко трактуется совсем уж непристойно. Например, сравнительно немного было злодеяний, в той же степени стимулировавших новый подъем антицаристских забастовочных и иных протестных политических страстей, как Ленский расстрел, «попутно» увеличивавший количество террористов эсеровского и иного толка. Как же можно использовать да еще в данной связи в учебнике такие фразочки: «Несколько тысяч разъяренных людей стали фактически хозяевами полоня. Три с половиной десятка полицейских были не в силах исправить ситуацию, и на помощь были вызваны воинские части. В результате стычек погибло более 200 человек» (С. 94). Подумать только: не властвующие душегубы виновны, а те «разъяренные» низы, которые стали якобы «хозяевами». Мол, произошла не преступнейшая бойня несчастных

безоружных людей, а обуздание участников неких «стычек». Как можно пасть так низко в ходе на редкость беззащитного ренегатства!

А чего стоят рассуждения «по соседству» о том, как помешали преодолению «политических сложностей» в условиях в общем-то якобы «терпимого» самодержавного режима, возрожденные «после короткого перерыва традиционные народнически оппозиционные настроения в городской интеллигентной и полуинтеллигентной среде. Вновь стал возвращаться культ революционно-демократических критиков и публицистов XIX века: Белинско-го, Добролюбова, Чернышевского, молодежь заучивала строки Некрасова...» (С. 94).

Уж если такие пока еще не растоптанные открыто, исключительные по благороднейшей значимости величины нашей истории ныне «плохи», то уж продолжать шельмование В. И. Ленина, как своего главного антипода «сам бог велел». Кому? Современным властвующим капитализаторам, насаждающим в нашей стране все злобно бесчеловечное и хапужно грязное, а значит губящее наилучшее, мудрое, доброе!

Где таится первооснова корыстнейше запрограммированной одурманивающей игры? С одной стороны, учебник переполнен многословно-«крупноблочным» цитированием сплошь и рядом сомнительных фрагментов из произведений чуть ли не кого угодно, включая и омерзительно регрессивных в своей бесчеловечности натур. А с другой, многократнейше шельмуя В. И. Ленина, причем совершенно бездоказательно клеймя отдельные фразы и полужазы вырванные из контекста, некие «гиганты» мысли не допускают воспроизводства и честного научного анализа целостных фрагментов из множества томов (ныне во многих библиотеках уничтоженных), содержащих интеллектуально, мировоззренчески, морально-этически и нравственно наиченнейшие его творения!

5 Но все же рекомендуется иногда в современных условиях делать вид, будто кое-кто выдает хоть бесчестное, но все же объяснение ленинских триумфов. Странно, например, то, что кем-то принято решение не использовать в данном учебнике привычную за последние годы клеветническую штамповку, и отмечается все же: «Однако не немецкие деньги послужили главным условием последующих успехов Ленина» (С. 136). Казалось бы, данная фраза, возможно, все же свидетельствует о попытке хоть мало-мальски изобразить что-то сходное со сравнительно приличной аргументацией. Но не тут-то было, ибо главное в совсем ином: на почти 500 страницах нет ни единого слова, приближающего в целом к оценке В. И. Ленина как уникально творческой личности, отличающейся могучим созидательным интеллектом, способным решать насущнейшие задачи общественного бытия.

В том же направлении они орудуют и тогда, когда якобы научным образом «объясняют» все наисквернейше-кроважидное из происходившего в 30-е годы XX века тем, будто «революция пожирала своих детей и создателей!» Эта давняя крылатая фразочка не имеет ничего общего с честным анализом минувшего. В действительности в тот период дьявольски многое определялось антиленинскими поползновениями того, кому было очень приятно, когда его именовали «невиданно великим, высоконравственным и добрейшим вождем всех времен и народов...»

Сочетается же все это с криминальным, по сути дела, отбрасыванием всего наиболее насущного и великого в творческом и лично наиченнейшем наследии даже всемирно известных гигантов нашей культуры, включая, конечно, и ее социально-политические аспекты. И ведь не стыдятся параллельно напропалую цитировать и расхваливать антинародного ультрареакционера, о котором еще почти сотню лет тому назад гениальный поэт и умнейший человек Александр Блок писал — «Победоносцев над Россией простер свиные крыла...» — давая этому деятелю разоблачающе критическую оценку.

Как же «при всем при том» рассматривается и объясняется то, что чуть ли не со скрежетом зубовым именуется в качестве «успехов Ленина»? Разумеется, здесь нет ни полунамека пусть не на правоту, но хотя бы на духовную незаурядность великого человека, но зато во множестве политикански стереотипных фраз содержится клевета о мнимой беспринципности В. И. Ленина, якобы добивающегося своего лишь за счет примитивной тактической хитрости. Вот что без зазрения совести вколачивается в ученические головы: «Привлекательность программы Ленина, разработанной им в так называемых «Апрельских тезисах», состояла в ее простоте, которая импонировала части масс... Фактически Ленин не связывал себя, в отличие от Временного правительства, никакими конкретными обязательствами, проявляя качества изощренного политика» (С. 39).

А чего стоят в данной связи полунамеки, да и открыто бесстыдные выпады на грани разнузданной ругани, обвиняющие В. И. Ленина в якобы бесконтрольном властвовании, да еще в тиранических поползновениях и прочем подобном, будто бы способном в тех наиболее сложных условиях гарантировать «общее организационное единство большевистского руководства». И ведь в подобных учебниках печатается и такое, непоправимо дезориентирующее юное сознание: «Как правило, все подчинялись железной воле Ленина и его угрозам отлучить их от партии. В критические же моменты Ленин мог угрожать собственным выходом из партии, чего его соратники представить не могли, следуя за своим вождем» (С. 142–143). И ни слова о том, почему они за ним «следовали»!

И рядовые, и ведущие, наиболее влиятельные партийцы шли за своим великим лидером, «подчиняясь» только его потрясающе мудрому и светлому интеллекту, а также, конечно, его абсолютному в своей человечности бескорыстию! И уж, разумеется, не ныне выдуманным его «угрозам отлучить их от партии», что было полностью исключено даже тогда, когда в течение целого ряда лет он находился на вершине беспрецедентно огромной власти. И тем более в условиях, когда вопрос о создании Советской России еще не был решен! Невзирая на подчас острейшие разногласия со своими соратниками, Владимир Ильичу и в голову не могло прийти наказывать кого-либо хотя бы организационно, не говоря уже о предании суду пусть только одного из членов партии за политическую полемику с ним! Именно убеждение оппонентов умнейшими аргументами решало все важнейшие разногласия по самым насущным вопросам, исходя из подлинно народных интересов.

А когда, например, В. И. Ленин, спасая большинство членов ЦК от рокового заблуждения (в ходе борьбы за Брестский мир), способного погубить нашу страну, заявил о своей готовности выйти из состава высшего руководящего органа РКП(б) и отказаться от поста Председателя Советского правительства, он думал только о том, чтобы убедить противостоящее ему большинство, а отнюдь не «подчинить» его своей «железной воле». Если скажем, главные якобинцы Франции докатились до взаимного истребления в разгар революции и войны с реакционными феодальными державами, отправляя друг друга на гильотину вместо использования интеллектуальной безукоризненной аргументации, то В. И. Ленин не допустил ни разу хотя бы в порядке единственного такого рода исключения что-либо подобное!

Суждено ли было тогда кому-то тяжело поплатиться за свои действия? Безусловно, каждый (в том числе, конечно, и член партии) подлежал суровой ответственности, но только за то, о чем говорилось еще год спустя после победы Октябрьской революции в письме ЦК РКП(б) Ржевскому комитету партии от 21 октября 1918 года. «...Принадлежность к партии коммунистов вообще не является и не должна являться гарантией того, что член ее за действия противозаконные или позорящие честь коммуниста не должен быть арестовываемым» («Правда» 9 января 1986 г.). По словам В. И. Ленина — «Очистить партию надо от

мазуриков, от бюрократившихся от нечестных, от нетвердых коммунистов...». Как раз на это были направлены партийные чистки с непременным участием беспартийных масс.

Потому-то при жизни Владимира Ильича и в ситуациях подчас невыносимой сложности, просто не мог ни один честный человек не то, чтобы погибнуть, а сколько-нибудь серьезно пострадать при наличии точной информации и возможности лично разобраться в существе дела. Тем чудовищней было поведение Сталина, дорвавшегося до диктаторски бесконтрольной власти (да не в тягчайшие годы, а два десятка лет спустя после победы Великой Революции Октября 1917 года и последовавшего затем полного разгрома белогвардейских армий и изгнания «опекавших» их войск иностранного империалистического вторжения, нацеленного на расчленение и колонизацию нашей Родины...).

Ведь Иосиф Сталин с лакейски бесстыжей лживостью прославлявшийся тогда («по собственному хотению») в качестве гениальнейшего вождя всех времен и народов, а также честнейшего из людей, творил беспрецедентные по масштабу чудовищные деяния. А что самое ужасное — преступным образом посылал на гибель не только всех истинных ленинцев, противостоявших необъятно зловещей бесконтрольности, им олицетворявшейся, но и многих миллионов других честных и достойных наших соотечественников. Творилось же такое в условиях режима, созданного под его «мудро животворящим», как тогда выражались, «водительством», не в кризисных военных, а в мирных условиях!

Миллионы и миллионы выслеживались, арестовывались, допрашивались, пытались, шельмовались подлейше клеветническим образом, «признавались» черт знает в чем, вплоть до подготовки убийства «родного и любимого товарища Сталина», а затем те, кто не был угроблен пытками, расстреливались или гигантскими массами до смерти морились в лагерях, тюрьмах, «трудовых» колониях. Все это проделывалось, не предотвращая, а усиливая угрозу самому существованию нашей Отчизны и всем, кто обитал на ее бескрайних просторах! Вытворялось дьявольски многое на радость все более матерюющей гитлеровской своре. Так что далеко не революция «пожирала своих детей»! Эту функцию присвоил себе бесчеловечный тиран; органически чуждый по своей интеллектуальной и морально-этической сути ленинской концепции созидания истинно социалистического общества.

Воистину, перефразируя нашего гениального литературного классика, ныне «одна ложь сидит на другой и ложью погоняет» на бесчисленных страницах бесчестных якобы учебных текстов, предназначенных миллионам и миллионам наших школьников! Заурядная иллюстрация этого из бесчисленной массы аналогичных: «В середине сентября Ленин заявил о необходимости и возможности вооруженного захвата власти большевиками. Но его товарищи по руководству партией помнили неудачу июльского путча и не решились следовать указаниям своего вождя» (С. 141). Конечно, и эти фразы прямо-таки нашпигованы все переиначивающими лжеисторическими выкрутасами!

Суть их таится в стремлении внушить старшеклассникам, будто не два члена ЦК партии (Л. Каменев и Г. Зиновьев) решительно противостояли ленинскому курсу, а чуть ли не все «товарищи по руководству партией» не решались выполнять директиву «своего вождя». Мало того: они не склонны были признавать правоту В. И. Ленина потому, что «помнили неудачу июльского путча»! В действительности же в начале июля 1917 года В. И. Ленин делал все, исключаящее не только ныне выдуманный «путч», но и вообще любые авантюристические завихрения, в тот момент крайне опасные для партии и для вдохновляемых ею рабочих масс, и огромнейшего многомиллионного большинства крестьян в солдатских шинелях! Владимир Ильич никогда не был экстремистом, всегда разумно и по-настоящему человечно решал все проблемы, то есть при любых условиях предельно бережно сохранял жизни людей, причем далеко не только соратников — партийцев, а широчайших людских масс!

Разнузданно клеветническим, например, является утверждение, будто «нейтрализация» старой армии после Октября 1917 года, помимо призыва заключать соглашения с немцами о прекращении огня, предreshались «уничтожением Главковерха генерала Н. Н. Духонина» (С. 151). Данное словосочетание тоже должно «подтолкнуть» простейшим образом стареющих классников к уверенности, будто В. И. Ленин якобы был склонен к бессудным карам, да еще лично виновным в такого рода деяниях. В действительности в ставку последнего дореволюционного Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина был направлен один из ленинцев Николай Васильевич Крыленко. А одной из главных целей этого было предотвращение стихийных расправ в Ставке, ибо историческая ситуация в предреволюционные годы именно им способствовала.

Однако Н. В. Крыленко не имел возможности переубедить огромную толпу гневно настроенных солдат-фронтовиков, да и сил не было для того, чтобы установить контроль над их действиями. Причина сводилась к тому, что генерал Духонин на собственную погибель своевольно, наряду с генералом А. И. Деникиным и другими, освободил из-под ареста генерала Л. Г. Корнилова, репутация которого была необузданно палаческой в глазах неисчислимых солдатских масс. Потому-то и последовал яростно стихийный взрыв ненависти, исключивший в тот момент спасение жизни генерала Духонина. Как бы ни был яростно и убежден в своих выступлениях Н. В. Крыленко, стремясь выполнить установку В. И. Ленина, исключить кровавое сведение счетов, каким бы решительными ни было противодействие вооруженной охраны (даже если бы она намного многочисленнее оказалась в тот момент) ничто не могло помочь.

Генерал-лейтенант Н. Н. Духонин как будто сознательно делал неотвратимой собственную гибель! В сентябре 1917 года он сменил генерала М. В. Алексеева на посту начальника штаба верховного главнокомандующего, а 1 ноября 1917 года взял и принял на себя властные полномочия уже самого Верховного главнокомандующего. Для чего? Только для того, чтобы тут же не подчиниться жизненно необходимому для спасения нашей страны требованию о вступлении в переговоры с германским командованием! За это он был отстранен от должности. А перед сдачей Советскому Верховному командованию, демонстративно только по собственному сугубо личному «усмотрению» освободил арестованных летом и содержавшихся в г. Быхове главных виновников Корниловского путча, что стало последней каплей, переполнившей чашу терпения пострадавших и предельно разгневанных солдат-фронтовиков. Тогда и последовал стихийный взрыв, то есть убийство Н. Н. Духонина.

Было ли это результатом установки В. И. Ленина? Ни в малейшей степени! Несчетное множество фактов неопровержимо свидетельствует о диаметрально противоположных стремлениях и действиях В. И. Ленина. В данной связи было бы грешно не вспомнить, например, о судьбе такой несравнимо более крупной фигуры, чем Н. Н. Духонин, бывшем военном министре Временного правительства Александре Ивановиче Верховском (кстати говоря — потомке весьма заметного дворянского рода). Он был активным участником войн русско-японской и 1-й мировой, не только дослужившимся до генеральского звания, но в то же время был замешанным в поступках, за которые можно было и под расстрел угодить.

Чего стоит хотя бы то, что до назначения военным министром, командуя войсками Московского военного округа, А. И. Верховский руководил подавлением революционных выступлений солдат в Нижнем Новгороде и Твери. А 4 ноября 1917 года прибыл в Ставку и пытался вместе с эсерами и меньшевиками создать так называемое «демократическое антибольшевистское правительство». И позже в 1918 году он «отличился» тем, что был арестован ВЧК за участие в подпольной организации эсеров. Однако у ленинского руководства не могло и мысли появиться об «уничтожении» бывшего, но строптиво оппозиционно-

го военного министра дореволюционного правительства! Так что легко догадаться, почему столь лживо доводится до сведения старшекласников подоплека стихийно ожесточенного убийства фронтовика генерала Духонина, ответственность за что бессовестно взваливается на В. И. Ленина и его соратников.

Как стало нормальным при В. И. Ленине, с А. И. Верховским, как и со множеством других бывших царских генералов и старших офицеров была проделана серьезная разъяснительная работа, он был освобожден из под ареста, а в 1919 году начал службу в рядах Красной Армии. Многие годы он проработал на ответственных командных и штабных должностях, преподавал в Военной Академии РККА, служил в Генштабе и Академии Генштаба, имея звание комкора, а между прочим, еще при жизни В. И. Ленина, в 1922 году, А. И. Верховский был экспертом Советской делегации на международной Генуэзской конференции. Завершил же он свой жизненный путь в «добрые» сталинские времена...

Кое о чем исключительно серьезном, а также резко контрастным, свидетельствует и судьба последнего дореволюционного командующего войсками Московского военного округа Константина Рябцева, возглавившего силы контрреволюции в центре России. Невзирая на то, что данный многолетний кадровый военный был родом из крестьян и вроде бы не восторгался Корниловым, он несет ответственность за самую жестокую во время начала революции вероломную расправу с множеством предательски расстрелянных безоружными солдат гарнизона Кремля. Однако смещенный военно-революционным комитетом Рябцев получил возможность уехать в Харьков, где сотрудничал в меньшевистской газете. Когда же в конце июня 1919 года Харьков был занят белогвардейской Добровольческой армией, Рябцев был арестован и расстрелян! А в числе главных обвинений (наряду с отрицательным отношением к Корнилову) была его якобы недостаточная решительность в борьбе против сил революции в Москве. В частности, и в данном случае проявились ныне у нас «изобретенные» процаристски-капитализаторскими политиками мнимое «благородство» и «гуманность» белогвардейских замыслов и карательных деяний!

Особенно симптоматичны мысли и чувства, адресованные в школьных учебниках подчас ужасным натурам. К примеру, доверху переполняя страницы измышлениями о мнимой жестокости В. И. Ленина и истинных его последователей, ни словом не упоминается факт предательски кровавого деяния тех, чье поведение направлялось властвующими рефлексамися ненавидящих перемены к лучшему в стране и, конечно, в жизни широчайших народных масс. Включая, по меньшей мере, двух последних царей, П. Столыпина, К. Победоносцева, Лавра Корнилова и прочих столь же пагубно антинародных натур!

А вот о Михаиле Васильевиче Алексееве — генерале от инфантерии, начальнике штаба Верховного главнокомандующего при последнем царе — ныне ни единого слова. Почему? Думается не потому, что он родился в семье простого солдата — сверхсрочника, и сумел все же сделать карьеру знающего офицера, окончившего академию Генерального штаба, ставшего дельным профессором. А прежде всего вследствие отсутствия у него «подвигов» заведомо палаческого типа и его активной позитивной роли в связи с отречением Николая II, — именно он убедил в необходимости этого всех до единого командующих фронтов, включая дядю царя — великого князя Николая Николаевича Романова. Разумеется, генерал М. В. Алексеев так проявил себя, руководствуясь не соображениями личной выгоды, а пониманием того, что без отказа от престола последнего самодержца предотвратить революцию невозможно!

Зато авторы учебника, не жалея очень немало количества нежно ласкательных фраз, во всю возвеличивают именно генерала Лавра Корнилова, ни глубоким умом, ни воинским дарованием, ни тем более гуманными качествами явно не отличавшегося! Чего стоит, например, хотя бы то, что, будучи начальником 48-й пехотной дивизии, он не про-

явил не только достаточных способностей военачальника, но и действия возглавляемой им дивизии в ходе первой мировой войны были крайне неудачными. И уже через считанные месяцы после начала военных действий имели место катастрофические последствия, а в апреле 1915 года Корнилов угодил даже в плен.

Впоследствии ему удалось бежать, что обеспечило основу для его культового прославления вплоть до назначения на пост Верховного Главнокомандующего, хотя по части военного профессионализма он ничем серьезным и сколько-нибудь славным себя не проявил. Думается, действительно талантливый военачальник и очень умный человек, генерал Алексей Алексеевич Брусилов, был совершенно прав, отозвавшись о Л. Г. Корнилове как о человеке с сердцем льва и головой ягненка. Но даже провал его в ходе наступления в июне 1917 года не помешал карьере Лавра Корнилова скорее всего только потому, что его палаческие склонности проявились в том, что на радость реакционерам всех мастей и прочим антинародным элементам ему удалось добиться введения смертной казни на фронте. Пытался он ограничить и права солдатских комитетов, но неудачно, несмотря на все его усердие по этой части.

В целом, функционируя по логике «тащить и не пущать» он был обречен, особенно после того как двинул войска на Петроград, порываясь разгромить Советы рабочих и солдатских депутатов и установить в России лично им же олицетворяемую военную диктатуру. В результате последовало поражение и арест для содержания в комфортных условиях гимназии города Быхова, бегство и смерть в начале очень ему желанной гражданской войны. Цену Корнилову знали и лидеры «белого» движения. Наиболее мощный военный корабль белогвардейской эскадры, в свое время названный в память о предпоследнем царе, был переименован. Но не «во имя» Л. Г. Корнилова, а в честь генерала М. В. Алексева, предпрившего отстранение от власти последнего царя Николая II...

6

Всеизвращающе «учебная», как и не менее пагубная «информационная» повседневность криминально капитализируемой России особенно скверно влияет на все новые поколения юных, одно за другим вступающих во «взрослую» жизнь. Чего стоит, к примеру, «анализ» проблем террора почти вековой давности, содержащийся в том же школьном учебнике «История России. XX век», 11 класс! Здесь фактически отрицается вообще наличие целеустремленного белого террора! Даже жестокие акции имели место будто бы только из-за того, что «Ослабление воинской дисциплины сказывается на поведении многих белых частей...». Чуть больше слов в тексте учебника «уделялось» проблематике, связанной с действиями иностранных войск, хотя называются только немецкие, а отнюдь не т. н. «десанты» английские, французские, японские, американские. Хотя и они были карательно беспощадны в аналогичной степени!

В частности: «Особенно взрывную реакцию вызывали репрессии, проводимые как немецкими оккупационными войсками, так и десантами союзнических войск. (Всего лишь «десантами», да и вообще не опасных для России, а «союзнических» воинских контингентов... — Г. Н.) Но они были на чужой земле...» (См. с. 175). Однако тут же провозглашается основополагающая ложь, будто бы белый террор не считался «антибольшевистскими военными руководителями политикой настоящего и будущего» (Там же). Более того: хотя главари империалистических стран Антанты договорились между собой о разделе сфер влияния в будущей России и высадили свои войска на «Севере, Юге и Дальнем Востоке», будто бы не было их «участия в боевых действиях»! «Помощь же союзников финансами, вооружениями и обмундированием носила ограниченный характер и не могла оказать воздействия на ход боевых действий» (С. 157). То есть это были прямо-таки ангелочки...

И при этом утаивается все изуверски чудовищное в «белых» и иностранных империалистических реалиях, не ограничивающихся повседневно заурядными виселицами и докатывающих даже до сожжения пленных! А чего стоят такие «мелочи», как приказы приближенных Краснова — ныне тоже возвеличиваемого прислужника германских властителей вплоть до Гитлера! Например: «Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать», «Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня» Ничем не лучше был атаман Семенов и его подручные — прихвостни японских агрессоров. Именно эта «публика» заживо сожгла Сергея Лазо и его товарищей!

А как можно утверждать, будто помощь империалистических покровителей антисоветским армиям оружием, обмундированием и прочим была настолько малозначимой, что не могла влиять на ход боевых действий! Уинстон Черчилль был врагом Советской России, но не был лжецом вроде тех, кто ныне ведет «линию» на оглушение и деморализацию многих миллионов, в сущности — всех наших школьников. И поэтому он заявлял: «Если Петроград будет взят, то благодаря нашим военным поставкам и при помощи британского флота». Поставки иностранных союзников были настолько огромны, что армия генерала Юденича была фактически восстановлена и представляла для молодой Советской республики серьезнейшую опасность.

Колоссальная и многообразная помощь была оказана, причем в первую очередь, и Колчаку, давая возможность обеспечить оружием, боеприпасами и вообще всем необходимым сотни и сотни тысяч мобилизованных в ряды воинства, которому предназначалось увековечить власть признанного своими хозяевами Верховным правителем России. Это облегчалось и тем, что основная часть золотого запаса нашей страны оказалась в его руках и использовалась для щедрой расплаты за поставляемые вооружения и все прочее, «исходившее» от иностранных хозяев. Но и это не помогло из-за чудовищной бесчеловечности Колчака, Семенова и прочих, сочетавшейся с неспособностью властвовать честно и умно. В результате инертно нейтральная поначалу Сибирь и Дальний Восток буквально заполыхали антиколчаковскими, явно просоветскими восстаниями.

Отнюдь не меньше «перепадало» от агрессивности капиталистических «щедрот» генералу Деникину, возглавившему антинародные силы после адмирала Колчака. «Помощь» данному белогвардейскому лидеру была вовсе не малозначимой (как ныне утверждается), неспособной повлиять «на ход военных действий», а прямо-таки необъятно огромной. Об этом свидетельствует в частности, то что столица деникинских армий была перенесена аж в Ростов-на-Дону. 20 сентября 1919 года пал Курск, 6 октября Воронеж, 13-го — Орел, на всех парах готов был ринуться бронепоезд, названный «На Москву!», толстосумы гарантировали миллионный приз тому полку, который первым ворвется в столицу.

Однако и эти агрессивные замыслы потерпели крах и как обычно, не потому, что руководители стран Антанты якобы скупались и не давали в «достаточных» количествах оружие, финансовые и прочие ресурсы. Правды кроется в словах одного из наиболее мыслителей антиподов В. И. Ленина, многолетнего лидера партии кадетов П. Н. Милюкова, который в свое время заявлял, например, о том, что А. И. Деникин «не сумел связать себя с местным населением, которое... стало враждебным». Другие влиятельные члены кадетской партии — активные участники «белого» движения, конкретизировали подоплеку того, почему режим А. И. Деникина был обречен. Еще в конце 1919 г. Красной Армией был взят Орел, Воронеж, Курск, а к весне 1920 г. пришлось оставить Украину, и уже в марте 1920 г. остатки белогвардейских войск на английских кораблях были эвакуированы в Крым, а 4 апреля 1920 г. Деникин передал командование Врангелю...

Произошло это, как утверждали влиятельные, абсолютно непримиримые яростные противники Советской власти из числа кадетов, вполне закономерно. А именно: «Дурная администрация на местах, общее воровство и спекуляция сверху донизу, слишком правая и слишком военная идеология руководящих людей, слишком помещичье решение аграрного вопроса, слишком шульгинский национализм». «Насилие, порка, грабежи, пьянство, безнаказанность явных преступников!»... При В. И. Ленине все хоть чем-то сходное, да и гораздо менее страшное каралось самым решительным образом при наличии точно установленных фактов. Потому-то многомиллионная крестьянская толща вскоре тоже перешла на сторону Советской власти. В результате только во второй половине 1919 года в Красную Армию добровольно вступило 900 тысяч человек...

Вскоре численность вооруженных сил достигла около четырех с половиной миллионов бойцов, и расправиться с Советской Россией было невозможно в немалой степени и вследствие того, что признавал милитаристски влиятельнейший член британского кабинета министров Уинстон Черчилль. Его слова и по сей день неопровержимо свидетельствуют о лживости современных «нашенских» фальсификаторов, внушающих, будто иностранные агрессоры той поры количественно доставили особенно мало нужного, полезного для белогвардейских армий, да и вообще против красных слишком «недоброго» вроде бы не творили...

Уж он то знал, о чем вел речь: «Находились ли союзники в войне с Россией? Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза; на русской земле они оставались в качестве завоевателей; они снабжали оружием врагов Советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда». Было бы грешно не отдать должного в данной связи английскому премьер-министру Ллойд-Джорджу, обращавшемуся к У. Черчиллю: «Я убедительно прошу Вас не ввергать Англию в чисто сумасшедшее предприятие из-за ненависти к большевистским принципам. Дорогая агрессивная война против России будет служить делу укрепления большевизма в России и создания его у нас в Англии».

Таковы факты, неопровержимо свидетельствующие о бесчестии утверждающих, будто белогвардейские и иностранные ненавистники народов нашей страны, хотя подчас и допускали некоторые «срывы» из-за своей недисциплинированности и иных подобных чуть ли не «простительных» причин, но в целом они якобы были непричастны к террористическим политическим установкам и деяниям. Зато когда они рассуждают о руководителях Советской России, то нет предела их клеветнической необузданности в связи с так называемым Красным террором. Вплоть до лживости на грани патологии: чего стоит утверждение, будто расчетливо стимулируемая жестокость «красных» была направлена на некое «последовательное уничтожение» офицеров; казаков, зажиточного крестьянства, предпринимателей, священнослужителей и даже групп рабочих крупных промышленных центров (См. с. 173–174).

А какова цена итоговому «обоснованию» якобы имевшего место массового уничтожения гигантских людских пластов, вплоть до наигрязнейшей выдумки о создании неких концлагерей, где в голоде и холоде якобы содержались на свою погибель и крестьянские дети! Для чего же происходило будто бы имевшее место уничтожение миллионов несчастных, абсолютно ни в чем невинных? «Ответ» в учебнике на С. 174: «Таким образом, методы «красного террора» были нацелены не только на подавление и запугивание реального и потенциального противника, но и на «перевоспитание» трудящихся масс в целях установления новой трудовой дисциплины, ликвидирующей право на забастовки, выбор места работы, конфликты с администрацией». Но ведь как раз против подобных извращений выступал В. И. Ленин, и сделано было все, чтобы покончить с ними, например, в ходе дис-

куссии о профсоюзах! И этого удалось добиться, что сохранялось в течение всех ленинских и первых послеленинских лет!

Мало того: по сей день время от времени «реанимируется» ложь о каком-то якобы имевшем место ленинском антиофицерском терроре. Странно, но соучаствуют в подобной «липе», помимо прочих и те, кто знает, что в рядах Красной Армии сражалось практически лишь немногим меньше бывших дореволюционных офицеров, чем в т. н. белом воинстве! И ведь планировали все важнейшие операции РККА наиболее квалифицированные и осознанно патриотические настроенные представители дореволюционного офицерского корпуса включая, лучших из генералов! Чего стоит хотя бы то, что в рядах Красной Армии служила немалая часть штаба наиболее победоносного и талантливого из дореволюционных генералов А. А. Брусилова!

Разумеется, в теперешних условиях преступно скрывается уникально спасительная роль В. И. Ленина и при решении данной проблемы. И в учебнике об этом ни единого слова, а, как водится, в условиях капитализаторского режима, тем более «закономерно» отсутствуют и такие ленинские строки: «Как часто товарищи... возбуждали горячие протесты против того, что в строительстве Красной социалистической армии мы пользуемся старыми военными специалистами, царскими генералами и офицерами... Оказалось, что так только и можно было построить. Это дело не только военное, это задача стала перед нами во всех областях жизни и народного хозяйства» (Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 55).

Столь же одурманивающе нацелены и страницы авторов учебника, посвященные крестьянской проблематике. Утверждается, будто В. И. Ленин и его соратники и здесь ничего путного не предприняли. От них исходило лишь все зловеще жестокое: эти люди якобы «придумали» эту ужасную продразверстку, а вместе с ней все самое скверное и якобы кровожадное. Отказались же от этого и перешли к НЭПу только испугавшись мятежа в Крондштате и крестьянских восстаний на Тамбовщине. А ведь все обстояло диаметрально противоположным образом! Как раз об этом свидетельствуют исследования серьезных и честных историков, чье мнение вероломно скрывается от народа и кому тем более не предлагается работа над школьными учебниками!

Правда злонамеренно и систематически скрывается ныне от массового (особенно — юного) сознания, далеко не только в учебниках, где без зазрения совести утверждается и провозглашается только заведомая и преступнейшая ложь! В том числе: против крестьянского движения якобы нацеливалась только «исключительная жестокость» (См. с. 162) «Недовольство крестьян нарастало, возникали вооруженные очаги сопротивления... Но Ленин и его окружение считали все эти факты второстепенными. Военные успехи, сведения о волнениях в западной и Восточной Европе вновь оживляли в них страсть к мировой революции» (С. 159). Так и подтапливаются (не только юные) к восприятию выдумки о мнимом жестоком отношении В. И. Ленина к крестьянам.

В том же духе воздействуют и такие «открытия»: «Всякая революция рано или поздно приходит к самоисчерпанию... Несмотря на явный провал политики «военного коммунизма», Ленин до последнего упорствовал в ее проведении. Более того — на рубеже 1920 и 1921 гг. он решительно настаивал на ее усилении. Строились планы полной отмены денежной системы как таковой» (С. 188). Любую нелепость во всей подобной фальсификаторской необузданности можно в теперешних условиях выкрикивать вновь и вновь, конечно, зная, что уже в 1920 году был предрешен переход к НЭПу! А коли таковы условия, то столь же бесстыдно и громогласно можно лгать, будто только «с перепугу» В. И. Ленин и его соратники лишь в марте 1921 года «отключились» от политики военного коммунизма! И то лишь потому якобы, что его противники в Кронштадте «взяли власть в крепости и вы-

двинули политические и экономические требования!» Почему бы не восхищаться собственной безнаказанностью, зная, что вопрос о введении НЭПа был предрешен задолго до мятежа в Кронштадте? А вот правда, опубликованная, например, в 1994 году, в норме и по сей день недоступна соотечественникам!

«Продразверстка и иные компоненты будущей политики в деревне после Октября 1917 года вследствие аналогично тяжелейшего положения вводились еще при царском, а особенно при буржуазном Временном правительстве, но эти меры в дореволюционные годы оказались неэффективными. Имелась и «хлебармия», появившаяся еще в царское время. Однако слишком тесная связь с эгоистическими интересами крупных землевладельцев и торговцев, непоследовательность и нерешительность действий Временного правительства привели к тому, что хлебная монополия и передача хлеба в распоряжение государства осуществлены не были. (Хотя закон, подготовленный кадетом А. И. Шингаревым «О передаче хлеба в распоряжение государства» и был принят еще 25 марта 1917 года, более чем за полгода до победы Октябрьской революции... — Г. Н.) Провал заготовок из урожая 1917 г. стал очевидным сразу. Уже 20 августа Министерство продовольствия разослало на места директиву: «в случае нежелания сдавать хлеб должны быть применены меры принудительные, в том числе вооруженная сила».

И сила эта применялась, когда хлеб сдавать отказывались крестьяне особенно в прифронтовых губерниях. К осени 1917 г. продовольственный кризис охватил практически всю территорию Европейской России, включая фронт. В бедственном положении оказались огромные массы населения. Голод стал реальным и все более значимым фактором развития событий по стране в целом. Поэтому, как бы ни оценивать продовольственную политику первых лет Советской власти, как бы ни относиться к ее интерпретации в качестве социалистической (или хотя бы «военнокоммунистической»), нельзя не видеть, что она выростала из объективных обстоятельств времени, что ее основы и направления определились еще до Октября». («Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов 1994 г. С. 9).

О вынужденности, а значит и крайней нежелательности всего, связанного с политикой, в основе которой была продразверстка, о том, что она не имела ничего общего с подлинно социалистическими замыслами (с точки зрения наиболее мыслящих лидеров в составе ленинского руководящего ядра) свидетельствует очень и очень многое. Несколько запоздалое ведение НЭПа было не результатом интеллектуальной недееспособности, а наисложнейших условий, мешавших начать новый и оптимальный во всех отношениях курс во всех сферах экономики до завершения военного разгрома белогвардейских армий и изгнания наиболее крупных сил иностранного вторжения.

Именно это затрудняло, например, скорую реализацию наиболее ценных предложений Л. Д. Троцкого, содержавшихся в его обращении в ЦК РКП(б) от февраля 1920 года. Он еще тогда настаивал на замене продразверстки натуральным налогом. «Его записка «Основные вопросы продовольственной и земельной политики» начинались с принципиального вывода о «неэффективности продовольственной политики, построенной на отобрании излишков сверх потребительской нормы», ибо она «толкает крестьянина к обработке земли лишь в размерах потребности своей семьи». Троцкий предупреждал: «Продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата». Больше того, сохранение продразверстки «грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны».

Преодолеть процесс «хозяйственной деградации» предлагалось: 1) «заменить изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подходящий натуральный

налог), с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляла все же выгоду». И 2) «установив большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпаемого им хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам». Как известно, с этого и началась весной 1921 г. новая экономическая политика» (Там же. С. 13).

Если Лев Троцкий пришел к таким выводам во многом в результате практического знакомства с настроениями крестьянства и его положением на Урале, где в январе-феврале 1920 г. он побывал в качестве председателя Реввоенсовета Советской России, то Николай Бухарин весьма многое уяснил, участвуя в работе X губернской партконференции в Тамбове (28–30 января 1921 года). И местная конкретика, и выступления делегатов дали Н. И. Бухарину основания для очень серьезных выводов. Настолько, что сразу же после его возвращения в Москву в записях В. И. Ленина появилось следующее, предназначенное для заседания Политбюро ЦК РКП(б) на 2 февраля 1921 года: «Значит, завтра поставим 1) доклад Бухарина...» (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10, январь-июль 1921. М., 1979. С. 48–49).

Это, безусловно, не могло не иметь благотворных последствий. Уже 9 февраля 1921 года последовало обращение к тамбовскому крестьянству от имени губисполкома и губкома РКП(б), согласно которому фактически отменялась продразверстка, и сочеталось с разрешением местного торгового обмена продуктами сельского хозяйства. Особенно симптоматично же то, что сделано это было за месяц до X съезда партии, заменившего разверстку твердым продналогом и разрешившего свободу торговли, и почти за месяц до Кронштадского мятежа. Очень полезно помнить при этом, что еще 8 февраля 1921 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), а В. И. Ленин написал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян» (Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 333).

При решении данной наисложнейшей проблемы приходилось, к сожалению, отнюдь не легковесно реагировать и на особо тревожные факты, вроде нижеследующих. Из обобщающего доклада председателя инспекторской комиссии ПУРа по инспектированию состояния политической работы в тамбовской губернии Черных (3 июня 1921 г.): «Пользуясь слабостью и недальновидностью местной Советской власти и благоприятными условиями, бандиты произвели ряд налетов, в результате которых за десять месяцев их деятельности, по приблизительному подсчету, ими убито около 150 человек советских работников и коммунистов, разграблено более 50 совхозов. Разграблено и разрушено около 230 коллективных хозяйств, в общем убытки составляют около 1 миллиарда рублей». (С. 181) «С каждым днем становясь все наглее и предприимчивее, банды наконец, почувствовали себя хозяевами положения, терроризируя и загоняя местную Советскую власть в уездные центры и безнаказанно распространяя свое влияние по всей территории Кирсановского, Тамбовского, Козловского, Моршанского и Борисоглебского уездов». (С. 182)

Весьма немаловажен и еще один аспект данной стороны нашего прошлого. Осуществляя аналитическое рассмотрение аграрно-крестьянской проблематики той сложнейшей поры, наиболее осведомленные в ней профессионалы-историки серьезной квалификации во главе с профессором С. В. Даниловым, сочли необходимым раскрыть и степень несоответствия террористической, беспредельно жестокой необузданности А. С. Антонова и его приближенных важнейшим директивным установкам даже такой несовместимой с ленинским курсом партии, как ПСР (Эсеры). В частности, такая весьма примечательная среди тамбовских эсеров личность, как Ю. Н. Подбельский (брат советского наркома В. Н. Подбельского) охарактеризовал главное в действиях Антонова как «голую партизанщину без лозунгов, без идей, без программ».

«Поскольку сам А. С. Антонов именовал себя «независимым эсером», Тамбовский губком ПСР потребовал от него либо прекратить называться эсером, либо подчиниться тактике партии. Антонову было предложено отказаться от бессильной террористической борьбы и перебраться в другой район губернии для мирной политической борьбы. Антонов на словах подчинился этим указаниям, на деле продолжая прежнюю «независимую партизанскую тактику»... («Крестьянское восстание в тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов. 1994. С. 11–12).

Конечно, в учебнике нет ни единого слова, посвященного фактическому разрыву Антонова и его приближенных с установкам партии эсеров, членами которой они себя провозглашали. Практически все их «политические» убеждения сводились к призывам жестоко расправляться со своими «супротивниками». Современные же их поклонники, издающие «исторические» учебники, изображают их чуть ли не ангельски безгрешными. А вот сторонники советской власти предстают на их страницах чудовищами, якобы способными женщин и детей заключить «в зимнее время в концлагеря под открытым небом без пищи и тепла» и «целые села предавать огню» (С. 162) В подобных «педагогических» откровениях нет и быть не может и намек на честное рассмотрение проблематики, о которой идет речь.

Могли в рядах сторонников Советской власти, сражавшихся против антоновцев, попадаться натуры, способные на тячайшие срывы вплоть до произвольных расстрелов? Да. Но утаивать ту правду, что изуверски кровожадные стороны поведения таких, как Антонов, и соответствующее их влияние на многих участников антисоветского восстания, порождали иной раз ужасную ответную реакцию — предел непопядности, да еще примерно восемь десятков лет спустя после тогда происходившего и теперь довольно добротнo исследованного. Почему тамбовское, да и центральное эсеровское руководство пыталось установить контроль над антоновщиной и повлиять в сдерживающем смысле на ее руководителя? Отнюдь не для того, чтобы укрепить положение руководителей Советской Россиию.

Суть дела сводилась, видимо, к пониманию мыслящими эсерами стремления В. И. Ленина и наиболее одаренных его соратников решить крестьянскую проблему сугубо политическими методами, исключая военные и тем более — террористические. После триумфального разгрома т. н. белых армий и изгнания иностранных войск это становилось все более реальным и неизмеримо более достижимым. Ставка Антонова на кровожаднейшую жестокость, разнузданно полубезумный авантюризм и крайне примитивную демагогию была ставкой банкротства — тем более, когда разработка основных компонентов НЭПа была близка к своему полному завершению. Эсеровское руководство, по всем данным, не могло этого не понимать хотя бы в основных чертах. И того, например, как влияет на обстановку в обществе «изобретенная» в недрах антоновщины невиданно лютая казнь, когда человека рукой и ногой приколачивают к древесному стволу и так «зависнув», он мучительно медленно погибает! Узнав об этом, А. М. Горький не мог со страшной душевной болью не обнажить весь ужас такого рода «распятия» в иностранной прессе...

Значительно раньше, чем проявилось открытое послевоенное (прежде всего — крестьянское) требование отмены продразверстки, В. И. Ленин и наиболее одаренные его соратники начали разрабатывать именно НЭП, руководствуясь интересами гуманизации советского общества и стремлением в данной связи создать оптимальные условия для развития народного хозяйства ради кардинального улучшения условий жизни огромнейших остро нуждающихся масс населения страны.

Руководствуясь теми же соображениями, было осуществлено тогда В. И. Лениным вообще очень многое, в том числе и по пресечению якобы революционных террористических срывов и, конечно, по реализации норм законности и все более демократически трактуемых

основ правопорядка. Далеко не случайно, в частности, еще в 1920 году, когда еще продолжались тяжелые сражения в ряде регионов, Ф. Э. Дзержинский, по согласованию с В. И. Лениным, выступил с предложением об отмене смертной казни по политическим обвинениям.

Конечно, в тексте учебника отсутствует все сколько-нибудь научно обоснованное и честное обо всем определяющем в нашем прошлом. На почти пятистах страницах нет ничего не только положительного, но и хоть сколько-нибудь позитивного о революционно настроенном большинстве нашего народа, включая, разумеется, спасших нашу Родину от краха красных бойцов, командиров и тем более «комиссаров в пыльных шлемах», как и всех многих миллионов коммунистов и беспартийных сторонников ленинской концепции общественного развития. Совсем наоборот: в «учебнике» все они изображаются вольными или невольными виновниками торжества сталинского (на деле органически антиленинского) «тоталитарного режима» и всего ужаснейшего, с ним связанного, возникшего вопреки истинной концепции социалистического созидания. Выдумывается и будто бы обязательность страшной расплаты многих миллионов честных наших соотечественников в беспредельно преступные годы, периодов сначала «раскулачивания», а затем последующих сталинистских, в сущности — обнаженно антисоциалистических расправ с гигантскими массами достойных наших соотечественников, клеветнически объявляемых т. н. «врагами народа», особенно в годы так называемого «большого террора», символизировавшегося 1937-м годом!

7 До чего же утомительна, часто до отвращения неприятна затрата времени и сил на «вылавливание» и опровержение нескончаемых фальсификаторских «кривд», нацеленных только на корыстнейшее извращение правды, переполняющих каждый учебник и иной лжеисторический «труд» такого типа! Фактам подобного рода поистине нет числа! Чего стоит, к примеру, документально, разумеется, ничем не обоснованная бесстыдная ложь, согласно которой В. И. Ленин, которому «казалось, удастся все» в начале 1918 г. провозглашал, якобы заведомую чушь: «В эти месяцы в кругу близких соратников он не раз утверждал, что через несколько месяцев в России будет построен социализм» (С. 150). Ни больше и не меньше... Да ведь такое не «выдавал» ни один даже самый слабенький псевдомарксистский функционер той поры!

А какой озлобленной корыстью и ультрареакционностью прямо-таки разит от строк такой направленности: «Только когда волнения охватили рабочих крупных городов и часть флотских и армейских подразделений, советская власть пошла на уступки, отказавшись от наиболее жестоких и ненавистных завоеваний революции. В марте 1921 г. революцию в России можно считать завершённой» (С. 162). Тем самым продрозверстка совершенно лживо объявляется «завоеванием революции», в то время как она была вынужденно унаследована еще от царского, а затем от Временного правительства. Заявляя о завершении, по их мнению, революции, в марте 1921 г., авторы без зазрения совести прямо-таки выбрасывают из нашего прошлого происходившей тогда гигантской значимости X-й съезд партии со всей его уникально творческой, спасительной для нашего общества значимостью. Но такова уж своекорыстная сущность, поклонников царских и других антинародно-бесчеловечных «ценностей»!

Все тут нацелено на тотальное одурманивание сотен миллионов: ведь в действительности только полная победа над главными силами иностранного вторжения и их ставленниками, возглавлявшими белогвардейские армии (объективно антипатриотическими, то есть действовавшими губительно для нашей отчизны), и появилась возможность начать процесс мирного строительства! Надо докатиться до фальсификаторского беспредела, чтобы исключить появление в учебнике хотя бы нескольких строчек, неопровержимо свидетельст-

вующих о созидательных органически миролюбивых установках Владимира Ильича задолго до начала реализации нэпа. Содержались эти гениальные разработки, например, ещё за несколько лет до X съезда партии в работе «Очередные задачи Советской власти» (и не только в ней!), но все это можно было реализовать только начиная с 1921 года, когда были окончательно сорваны военные поползновения ненавистников Советской России.

Как же можно до такой степени преступно лгать, что ее руководители, будто бы «пиретрусив» по случаю выдуманных авторами якобы очень крупных рабочих волнений, пошли «на уступки», отказавшись от «наиболее жестоких и ненавистных завоеваний революции!» Worse того: все наиболее зловещее в лжесоциалистическом тоталитаризме «намертво» связывается теперь с человеческим характером убеждений В. И. Ленина и истинных его последователей! А коли так, то без зазрения совести провозглашается, будто «лишь размыывание в сознании политической элиты коммунистической идеологии могло привести к размыыванию тоталитарного режима...» «Безальтернативный переход к такому тоталитаризму занял немного больше 10 лет, начиная с 1921 г. За эти годы произошло несколько переворотов внутри коммунистического руководства. Но все они не затрагивали базисных идей партии коммунистов. С начала 30-х годов начинается и новый этап «приручения» масс к тоталитарной идеологии и практике» (С. 239).

Так фабрикуется главная общественно наиболее опасная ложь. Сердцевина ее таится в сокрытии того, что именно Сталиным был фактически возглавлен антисоциалистический, то есть страшно многое уродующий антиленинский переворот со всеми наитягчайшими последствиями — вплоть до грядущего антинародного «триумфа» ельцинщины — явления, смертельно опасного далеко не только для нашего народа. Для того, чтобы все это окончательно подорвало правду истории и уничтожило последние шансы спасения нашей страны и «требуется» скрыть органическую несовместимость Сталина с интеллектуальным и нравственно-этическим потенциалом В. И. Ленина, а также лучших из его соратников, в огромном большинстве палачески загубленных или «просто» отброшенных.

Одним из самых пагубных «новшеств» ныне предстает и то, что становится обязательным вколачивание в головы соотечественников лжеисторического мусора, будто все изумительные личности, отличавшиеся уникальными способностями и редчайшим благородством, не сделали ничего не только хорошего, но и путного. Чего стоит, например, «потихому» бессовестнейшее отношение авторов учебника и к ленинскому нарком просвещения Анатолию Васильевичу Луначарскому, как никто за все долгое время существования данного ведомства блистательно руководившему сферами образования, воспитания, культуры, в том числе — искусства, литературы, ряда важнейших отраслей науки. Именно таких, как он, на полтысяче страниц бесстыдно предают забвению! Хотя как один из своего рода лучей света в мрачных реалиях послеленинской поры, этот лидер уникально разносторонней одаренности, помимо всего остального, им свершаемого, например, продолжал спасать ценности минувших веков от дремучего невежества тех, кто готов был «ликвидировать их под корень» и в то же время изумительно умно, тонко, масштабно стремился подержать все по-новому светлое и незаурядно глубокое!

Как можно скрывать не просто элементарно порядочное, а наиважнейшее в действиях спасительно мудрых, тоже постоянно характерных для Анатолия Васильевича? Ведь, скажем, еще на заре Советской власти в ходе схватки с элементами, гнусно-палачески свирепствовавшими в обмане захваченном ими Кремле в Октябре 1917 года, А. В. Луначарский подал заявление об отставке, опасаясь того, что в ходе планировавшегося артобстрела могут пострадать храмы и другие памятники истории... Случайно ли, что, невзирая на минимальные финансовые ресурсы, именно при этом наркоме выделялись максимально возможные сред-

ства для восстановления ветшающих архитектурных памятников древней Руси? Далеко не случайно и то, что для «пресечения» этого, а также для того, чтобы легко, просто и совсем уж беспрепятственно взорвать Храм Христа-Спасителя, а затем в 30-е годы осуществить преступнейшее разрушение тысяч других ценнейших культовых и иных сооружений, Сталину захотелось срочно «убрать» и ленинского наркома Просвещения!

От того, что был «отброшен» с наркомовского поста человек, безусловно, талантливейший, энциклопедически образованный, наделенный широчайшей ориентацией, тяжело, во многих отношениях непоправимо, пострадали очень многие важнейшие отрасли нашего общественного бытия. Хотя вместо одного ведомства, великолепно работавшего, начали плодиться со множеством «руководящих и направляющих» кабинетов «новенькие» наркоматы, государственные комитеты, главные и прочие управления, со временем — в лучшем случае просто «заурядно» паразитирующие министерства как и все прочее, тому подобное, конечно, с тягчайшими общественно вредоносными последствиями!

А какова цена не громогласной, но тоже «по-тихому» социально опаснейшей расправы над Алексеем Максимовичем Горьким? Ведь авторы, издатели, как и руководяще вдохновляющие их функционеры, по нынешним временам возможно, всесильного «уровня», не могут не знать, что это величина благотворнейшего как российского, так и общечивилизационного международного масштаба! Да как можно на протяжении множества страниц учебника, переполненных восторженными оценками сплошь и рядом ужасающе негативных, точнее — нездоровых, крайне регрессивных натур, их многословным цитированием, бездоказательными рассуждениями об их «полезности» и т. п., не сказать хотя бы нескольких элементарно честных слов о великом, гуманистически прогрессивном, творчески наиредчайшем труженике!

Впрочем — что уж мечтать хотя бы о заурядно приличном поведении «столпов» режима и их пропагандистской службы, если в тексте «исторического» учебника об уникально крупных явлениях минувшего считают допустимым ограничиться лишь такой фразой: «М. Горький и В. Короленко порой выглядели скорее политическими деятелями, чем художниками слова». И это не самое малоприятное, как и штампованно расчетливое «помалкивание» о необъятном множестве лучших из лучших! Например, о ленинском наркоме продовольствия Александре Дмитриевиче Цюрупе — человеке, который был органически не склонен, как ныне общепринято среди ельциноидно-политиканских элементов, обогащаться и роскошествовать, используя ответственный пост, руководствуясь только низменными хапужными поползновениями! Распределяя все продовольствие Советской России в наитягчайших условиях, Александр Дмитриевич нередко доводил себя до голодных обмороков, будучи человеком редчайшей чистоты и щепетильности, а в результате, как принято было в то время выражаться, буквально сгорел на работе...

Вполне закономерно в условиях теперешнего аморальнейшего преступного лжеинформационного пропагандистского беспредела «выдавливание» из нашей истории ответственных руководящих деятелей ленинских лет, в том числе таких, как глава наркомата иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин и нарком народного здравоохранения Николай Александрович Семашко, тоже с огромной пользой для Советского общества выполнявший свои труднейшие обязанности. Такие (как и им подобные) на редкость одаренные, безукоризненно культурные, высокообразованные личности оказались крайне неприемлемыми для Сталина в качестве ответственных и влиятельных руководителей высшего ранга. Все остальное оставалось лишь агрессивно антиленински решаемым т. н. «вопросом техники»...

В 30-х годах было само собой разумеющимся объявлять фашистскими шпионами, террористами, диверсантами, вредителями и прочими «врагами» народа тех, кто в течение

многих лет, а то и ряда десятилетий участвовал непосредственно под руководством В. И. Ленина в тяжелой и крайне опасной борьбе против царизма и других разнузданных антинародных зол, блистательно трудился в 20-е гг.! И все это — в сочетании с массовыми преступными арестами по чудовищно клеветническим обвинениям, «признаниям», вымученными с помощью ставших повсеместно поощряемыми изуверских пыток и миллионами расстрелянных по приговорам «троек» и показушных процессов, загубленных в застенках, тюрьмах, доведенных до столь же мучительной кончины (в том числе — от истощения) в т. н. «трудовых» лагерях»!

Ряду ценнейших ленинских наркомов «посчастливилось» хотя бы в том отношении, что их миновала, по крайней мере «чаша сия», вполне заурядная, а то и обязательная для 1937—го и прочих подобных годов. А у скольких сотен тысяч ни в чем неповинных коммунистов-ленинцев судьба завершилась еще тысячекратно мучительнее! Они были обречены сгинуть под пытками или у расстрельной «стенки», да еще при этом будучи гнуснейшим образом опозоренными обвинениями в предательстве, жажде вернуть порочную капиталистическую систему и вообще все порождаемые ею ужасные безобразия! Каково было погибать честнейшим людям с клеймящее омерзительными обвинениями, изображавшими их фашистскими убийцами, диверсантами, шпионами и т. п. «публикой», наличествовавшей лишь в наигрязнейшей фантазии «распропагандной» натуры той страшной поры!

Давным-давно пора бы серьезнейшим образом призадуматься над тем, почему, чуть ли не сразу же после гибели В. И. Ленина, началось катастрофически опасное для социалистической концепции общественного развития и, конечно, для народов СССР, завершение судеб множества тех, по сравнению с которыми «устранявший» их Сталин в творчески интеллектуальном отношении был крайне незначительной, а иной раз и микроскопически малой величиной, в сущности беспредельно отрицательной, во многом — фатально зловещей, подчас — наипагубнейшей.

В этом смысле судьба Анатолия Васильевича Луначарского была типичной, хотя и не самой трагической несчастной. Немало познавательного об этом талантливом и кристально чистом человеке можно почерпнуть и из добросовестно компетентной статьи Ольги Голицынской. (См. «Московская правда», 02.10.1996 г.)

«Превосходный знаток произведений литературы и искусства, ценитель и почитатель театра, часто выступавший в роли театрального критика, входивший в состав художественных советов почти всех крупнейших театров Москвы и Ленинграда, поддерживавший работу многих советских кинорежиссеров, начавший одним из первых создавать сценарии для кино, друг и соратник Ленина, обладавший всеми перечисленными качествами в одинаковой мере полно... Анатолий Васильевич Луначарский родился 11 ноября 1875 года в Полтаве. Трехлетним ребенком он переезжает в Нижний Новгород и воспитывается под руководством своего родного отца А. И. Антонова, управляющего контрольной палатой (фамилия Луначарский — от первого мужа матери). Это был человек радикальных настроений, несмотря на крупный пост, который он занимал. От отца он получил первые уроки атеистического воспитания и революционно-демократической ориентации во взглядах на окружающее. После смерти отца Анатолия Васильевича (1885 г.) семья переезжает в Киев. Здесь, еще будучи юношей, участвует в седьмом классе киевской гимназии, Луначарский не только знакомится с нелегальной литературой, но штудирует первый том «Капитала», создает большую революционную организацию, постепенно охватившую все средние учебные заведения, включая женские гимназии.

В аттестате зрелости ввиду довольно явной политической неблагонадежности педагогический совет поставил Луначарскому «4» по поведению, что явилось серьезным пре-

пятствием для поступления в русский университет. Для продолжения образования он отправляется в Цюрих. «Занятия мои в Цюрихском университете, продолжавшиеся менее года, были очень плодотворны... — пишет он. — Я завалил себя книгами по философии, истории, социологии и сам составил себе программу, комбинируя философское отделение факультета естественных наук, его натуралистическое отделение и некоторые лекции юридического факультета и даже Цюрихского политехникума».

О неутомимой жажде деятельности этого человека можно судить по тому, как он, даже находясь в заключении по причине активного участия в революционной пропаганде, всегда находил возможность для самосовершенствования. Например, в мае-октябре 1899 года, находясь в одиночной камере Таганской тюрьмы, он прочитал целую библиотеку книг, написал множество стихотворений, рассказов, трактатов. Весной 1900 года в киевской Лукьяновской тюрьме он читает в подлиннике Шекспира и Бэкона, немецких философов и поэтов, много пишет. (...)

В мае 1917 года Луначарский с группой эмигрантов-социалистов возвращается в Россию. 26 октября (8 ноября) 1917 года на историческом заседании II Всероссийского съезда Советов в Смольном Луначарский, избранный в президиум съезда, оглашает написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам» о свержении Временного правительства и переходе всей власти к Советам. На этом же съезде Луначарский по предложению Ленина был назначен народным комиссаром просвещения. На этом посту он оставался в течение 12 лет.

Народный комиссариат просвещения в то время был всеобъемлющим органом культуры. В его ведении находились вопросы народного образования — от ликвидации неграмотности до высшей школы, печати, культурно-просветительной работы, профессионально-технического образования, науки и искусства. На протяжении всей своей жизни, и не только по долгу службы, Луначарский всячески помогал одаренной молодежи — молодым музыкантам, художникам, артистам, поэтам, изобретателям. Он добивался для них улучшения бытовых условий, возможности поездки за границу с целью совершенствования своего мастерства и т. д. В 1929 году он организовал специальный фонд помощи молодым дарованиям, средства которого пополнялись главным образом от платных лекций и литературных гонораров самого наркома. (...)

Как нарком просвещения, а с 1929 года — председатель Ученого комитета ЦИК СССР, А. В. Луначарский много сделал для организации научно-исследовательской работы в Советской стране, перестройки ее научных учреждений, в частности Академии наук. На праздновании 200-летия Академии наук Луначарский выступил перед известными учеными многих стран с речью о назначении науки. Его речь была подлинным гимном науке. Он начал ее по-русски, затем говорил по-немецки, по-французски, по-итальянски и закончил классической латынью. Одна из французских газет того времени писала, что Луначарский — самый образованный и самый культурный из всех министров народного просвещения Европы. Луначарский был одним из самых популярных лекторов Советской страны. Круг его тем был неисчерпаем, включал разнообразнейшие вопросы политики, философии, морали, быта, искусства, зарубежной жизни и т. д. (...)

Луначарский постоянно поддерживал связи с лучшими представителями западной интеллигенции. Начиная с 1925 года Анатолий Васильевич неоднократно выезжал в Германию, Францию, Швейцарию, побывал в Австрии, Италии, Англии, Голландии, Скандинавских странах, Греции, Турции. Луначарский достойно представлял советскую науку на нескольких международных научных конгрессах: по философии — в Оксфорде, по теории искусств — в Гамбурге, по истории — в Гааге. Анатолий Васильевич находился в дружеских

отношениях со многими выдающимися представителями западной культуры — Роменом Ролланом, Анри Барбюсом, Гербертом Уэллсом, Бернардом Шоу, Стефаном Цвейгом, Эптоном Синклером, Бертольдом Брехтом, вел с ними переписку, встречался во время своих зарубежных поездок, принимал их на советской земле, порой полемизировал с ними. По определению Романа Роллана, он был на Западе «всеми уважаемым послом советской мысли и искусства». (...)

Впоследствии, прикованный к постели, он продолжает живо интересоваться всем новым, что происходит в общественной жизни, что появляется в литературе и искусстве, изучает испанский язык, диктует свои статьи...

Необъятно дорого для интересов всех народов (не только СССР) обошлась агрессивная ненависть Сталина по отношению ко всем широчайше образованным и талантливым последователям В. И. Ленина. Она, как мало что иное, подрывала советское общество и по-настоящему социалистическую концепцию развития общества. Политическое, а затем и физическое уничтожение практически всех таких ленинцев имело роковые последствия. Грустно это констатировать, но все же сравнительно гораздо менее ужасными были даже годы, когда еще только появилось «право» всего лишь незаслуженно отстранять от работы, но пока не было возможности убивать, «попутно» оклеветав наигрязнейшим образом.

Разносторонне талантливого, трудившегося на ответственнейшем посту с октября 1917 года с беспредельной самоотдачей и уникальной результативностью, Анатолия Васильевича Луначарского Сталин отстранил в 1929 году. Но в то время, когда еще не были непорочно подорваны ленинские нормы и традиции нравственности, в том числе и при решении кадровых вопросов, члена Совета народных комиссаров, самоотверженного революционера-ленинца невозможно было тогда по-сталински заурядным «манером» объявить, скажем, фашистским агентом, а, ошельмовав, — угробить... Но зато уже оказалась «допустимой» склока в связи с тем, что поезд, на котором нарком должен был возвращаться из Ленинграда в Москву, был задержан на считанные минуты из-за его случайного опоздания!

Совершенно беспринципное «устранение» А. В. Луначарского с поста, где его руководящая деятельность была на редкость общественно полезной, конечно, не могло не отразиться на советской стране самым негативным образом. Его жизнь завершилась 26 декабря 1933 года. Была ли случайной болезнь, а затем и смерть этого замечательного человека и насколько «удобным» это оказалось для Сталина? Трудно сказать. Тем более в сравнении с более чем «своевременной» гибелью Михаила Васильевича Фрунзе на операционном столе от «передозировки» в связи с наркозом... Только ли этого не смогло выдержать сердце на редкость компетентного, редчайше одаренного военачальника и уникально результативного руководителя военного ведомства СССР? А ведь столь же «странной» была «необъяснимая» в своей неожиданности смерть Феликса Эдмундовича Дзержинского, который был постарше М. В. Фрунзе, но не смог дожить хотя бы до 50 лет! Стоит призадуматься и над «финалом» в связи с болезнью Георгия Васильевича Чичерина. Представляется ли он столь же загадочным, ибо смерть последовала в 1936 году, а «уход» его с поста наркома имел место еще в 1930 году, невзирая на плодотворнейшую его работу с 1918-го?

Думается, все же вряд ли есть основания полагать, что после замены Г. В. Чичерина на посту наркома иностранных дел М. М. Литвиновым — давним последователем В. И. Ленина, последовало катастрофическое ухудшение состояния дел в данном ведомстве. Это произошло главным образом с конца 30-х годов, после снятия М. И. Литвинова и назначения вместо него такого сталинского подручного, как В. М. Молотов. Удаление с поста наркома здравоохранения (параллельно с А. В. Луначарским и другими наркомками ленинского времени) Н. А. Семашко, возможно, не влекло все же самых тягчайших последствий. Симптоматично,

например, то, что впоследствии один из руководителей этого ведомства Г. Н. Каминский пожертвовал отважнейшим образом в 1937 году своей жизнью, выступив на июньском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) против преступнейшего кроважально-антисоциалистического курса, то есть против злодеяний, проводивших к гибели миллионов и миллионов достойных советских людей и подрывавших жизненные силы нашего общества.

В данной связи ни на один день нельзя забывать того, что фактическое убийство М. В. Фрунзе на операционном столе было использовано Сталиным для назначения на пост высшего руководителя наших вооруженных сил интеллектуально немощного, эгоцентричного, морально-этически нездорового, политически недееспособного К. Е. Ворошилова, имело ужаснейшие последствия, которые вполне могли сказаться непоправимо роковыми не только для народов нашей страны, но и для человечества. Почему? Прежде всего потому, что он с лакейской и в то же время палаческой безоглядностью соучаствовал во всех преступнейших (прежде всего — антиармейских) злодеяниях Сталина, вплоть до особо желанного гитлеровской своре чуть ли не поголовного убийства советского генералитета (прежде всего — наиболее компетентной его части высшего ранга фактически в почти сто-процентном составе), а также огромного большинства из числа ценнейших старших офицеров. Расплатились же мы за это сплошь и рядом абсолютно ничем не оправданной, во многом — чуть ли не гибельной для СССР потерей десятков миллионов наших сограждан и отнюдь не исключенным, потенциально возможным подрывом всемирной цивилизации...

Что же касается «загадочной» смерти Ф. Э. Дзержинского, то она означала утрату наиболее труднопреодолимой преграды на пути Сталина к захвату бесконтрольно-тиранической власти. А что общественно наиболее опасно — открыла дорогу продвижению «хозяином» Николая Ежова на посты секретаря ЦК ВКП(б), а затем и наркома внутренних дел в качестве главного палача, ревностно-паталогически руководившего гигантски «разбухавшими» органами убийства миллионов, выполняя все душегубские руководящие «установочки», подрывавшие и уродовавшие чудовищно многое из всего лучшего и доброго в Советском обществе! Что наиболее трудно понять — он проделывал это не с заурядной тупостью, а с болезненной аномальностью веря в полнейшую «непогрешимость» своего повелителя... Симптоматично и то, что Ежов вероятно, так и не понял, что Сталин использовал его и как безотказно порочного подручного главного убийцы, и в качестве своего рода «козла отпущения», на которого будет «хозяином» взвалена вся страшная вина перед народами СССР и всеми силами всемирного прогресса и гуманности за все чудовищно жестокое, кроваво-изуверское, корыстно грязнейшее 1937-го и иных особо зловещих годов...

Захват Сталиным (с использованием духовно неполноценных и нравственно легко уродуемых «шестерок», им же выдвинутых) полнейшего контроля над наркоматами Оборона и Внутренних дел, то есть над решающими, как ныне принято выражаться, «силовыми структурами», был общественно опасен как ничто другое и имел наитягчайшие, в ряде отношений — непоправимые последствия. А для этого именно Сталину нужна была будто бы «неожиданная», но первоочередная смерть исключительно достойных самостоятельно, нравственно безукоризненно, а значит по-настоящему принципиально мыслящих лидеров. Причем, конечно, не случайно, а намеренно заменяемых подставными духовно и морально-этически на редкость нездоровыми, а иной раз страшно аморальными «фигурантами». Потому-то так стодилась поразительно «своевременная» кое для кого сверххраняя кончина сначала М. В. Фрунзе, а вскоре вслед за ним и Ф. Э. Дзержинского по «медицинским» причинам...

Таковы лишь самые ранние, в сущности, по-своему «эмбриональные» проявления крайне тревожных антиобщественных тенденций, преодолимость которых стала фатальной почти сразу после ужасающе ранней гибели Владимира Ильича. Почти «незримо» они

стали «законными» и наиболее результативными около 8 десятилетий тому назад. Любопытно и то, что заведомо криминальные «приемчики», внедрявшиеся еще в те времена, нашли своих последователей и немало десятилетий спустя.

Над этим побуждает призадуматься и один из фрагментов телепередачи «Постскриптум» от 1 марта 2003 года. В ней упоминалось предположение о том, что смерть Сталина была результатом того, что врачи, от которых зависело успешное решение вопроса о его жизни и смерти, были схвачены, пытаемы по штампованно лживым обвинениям. Другие же медицинские работники были зависимы от кое-кого из тех, кто страшно боялся погибнуть по воле «хозяина». Диктатор на сей раз самолично «сработал» против себя самого: как обычно преступнейше клеветническим образом затеявая новое дело о так называемых врачах — «убийцах», он успел обречь на арест и истязания (в том числе и со смертельным исходом) ни в чем не виновных, но как «полагалось» тогда, оклеветанных врачей высочайшей квалификации, до того умело лечивших и самого руководителя партии и страны.

Результатом же стала смерть Сталина, решившего продолжать свои издавна привычные бесчеловечные «игры» в надежде на очередной провокационный эффект, выгодный ему в тот момент. Затем в ходе той телевизионной передачи было сообщено, что использование в подобных целях зависимых от властителя медицинских специалистов было для Сталина само собой разумеющимся. И не исключена возможность того, что это проявилось еще во время болезни и кое-кому страшно «удобной» смерти, а, возможно, и фактического убийства В. И. Ленина. Ведь в ином случае положение того, кто (по словам основателя Советской России) сосредоточил «необъятную власть», не будучи способным «осторожно ею пользоваться», могло резко ухудшиться... Думается, что многое, в том числе и связанное с «медицинской» гибелью М. В. Фрунзе и Ф. Э. Дзержинского, должно бы стимулировать соответствующие исследования. Если кто-то со спокойной расчетливостью в марте 1953 года использовал соответствующий опыт, то, возможно он был умелым учеником и последователем Сталина в весьма определенном смысле.

По-своему весьма показательна информация, содержащаяся и в телепередаче «Особая папка» 3 марта 2003 года. В ходе ее отмечалось, что все наиболее приближенные к Иосифу Сталину функционеры наивысшего ранга в течение примерно около двух суток (причем критических, когда жизнь их шефа висела прямо-таки «на волоске») так и не сочли нужным лично до деталей разобраться с помощью врачей экстра-класса в том, что же происходило в организме вождя, которого они вроде бы боготворили! Однако при этом «не забыли» распределить все ключевые рычаги власти и влияния именно между собой еще до момента окончательно официальной констатации факта смерти Сталина...

Есть серьезные основания отдать должное авторам телепередачи «Особая папка» (04.08.2003). Прежде всего в связи с тем, что в ходе ее наиболее открыто сообщалось о том, насколько грязна, разлагающая, общественно опасна была создаваемая Сталиным обстановка в руководстве партией и страной, исключавшая полноценное развитие СССР. К сожалению (кроме некоторых, теперь исключительно необычных, телепередач и публикаций), «механизм» массовой деградации и растления, о котором приходится вести речь, все еще в огромной степени «загружен» обязательными с начала 90-х годов извращениями, недоговоренностями, «неточностями», «умолчаниями» о наиважнейшем и что самое скверное — разнузданно клеветническим фальсификаторским беспределом. Нечистоплотная его направленность — чудовищное пропагандистское уродование всего, связанного с титаническим трудом и личностью В. И. Ленина и всех до единого наилучших его соратников и последователей, ни об одном из множества тысяч которых не «принято» говорить элементарно совестливо и мало-мальски честно!

Как водится в наши дни, как правило, не говорится ни одного честного и умного слова, посвященного попыткам Николая Ивановича Бухарина спасти нэп и все, связанное с ленинским курсом созидания подлинной социалистической, на деле прогрессивной экономики, от опаснейшего извращения, а в ряде отношений и от фактического подрыва того, что дало блистательно благотворные результаты при жизни Владимира Ильича и в первые годы после его кончины. Н. И. Бухарин тоже без зазрения совести вышвыривается из истории, хотя со второй половины 20-х годов он был в тогдашнем партийном и государственном руководстве наиболее талантливым исследователем и идеологом всего того, что проявлялось при рассмотрении практически всех проблем колоссальной значимости. Точно таким же «манером» ныне реагируют на решительно поддерживавших в составе Политбюро ЦК Н. И. Бухарина абсолютно честных и глубоко мыслящих ленинцев с давних пор, главу правительства того времени Алексея Ивановича Рыкова и руководителя советских профсоюзов Михаила Павловича Томского — тоже загубленных!

«Как велено», конечно, отторгают от массового сознания и наркома финансов ленинского этапа Григория Яковлевича Сокольникова — лучшего из наиболее приличных и дееспособных руководителя данного ведомства. Как Н. И. Бухарин и многие тысячи достойных ленинцев, этот великолепно проявивший свои редкие способности и благотворно созидательные качества руководитель тоже погиб в сталинских застенках. Разумеется, ольчиноидов это «не колышет», как и та замалчиваемая ими правда о том, что именно в бытность наркомом финансов Г. Я. Сокольникова единственный раз за, примерно, около 90 последних лет, наши рубли и червонцы оказались наиболее прочной валютой среди того, что было в денежном обращении наиболее преуспевавших тогда капиталистических стран. И как раз это в решающей степени во времена нэпа стимулировало очень и очень многое из наиболее ценного для общества.

Но уже к концу 20-х годов «руководящий и направляющий» курс в области экономической политики начал все более агрессивно меняться к худшему, по мере того, как исключительно одаренные глубоко мыслящие и безукоризненно порядочные соратники В. И. Ленина, включая Н. И. Бухарина, Председателя Совнаркома А. И. Рыкова, на редкость ценного для СССР наркома финансов Г. Я. Сокольникова и многие, очень многие другие руководители и специалисты экстракласса, все дальше отбрасывались Сталиным от влияния на ход событий в стране и в партии. Хотя еще около 10 лет (прежде, чем оказаться в лапах пыточных и палачествующих «специалистов») они еще старались сделать (и делали!) кое-что общественно на редкость полезное, но все же их творчески-профессиональная дееспособность была, возможно, необратимо подорвана еще задолго до дня их гибели.

И все же нельзя ни в коем случае забывать о том, что до 1937 и последующих годов очень и очень многие достойнейшие партийные и беспартийные сторонники ленинской концепции общественного развития и созидания в подлинно социалистической его сущности, еще могли творить огромной значимости разумные и добрые дела. Как раз здесь кроется первопричина спасительных свершений в процессе индустриализации СССР в 30-е годы, а отнюдь не в мнимой сталинской гениальности, якобы предрешившей «победу социализма и спасение нашей Родины». Если уж говорить о персональной роли, то после гибели С. М. Кирова и В. В. Куйбышева в этом смысле надо отдавать должное не Сталину, (как полагают не только иные премники Ельцина), а Григорию Константиновичу Орджоникидзе, возможно, как никому другому!! Именно этот человек в невыносимо тяжелых условиях 30-х годов совершил подвиг, результатом которого стало спасение нашей страны от почти предрешенной гибели.

Пока ситуация в ЦК ВКП(б) и Политбюро оставалась еще сравнительно терпимой, имелись достаточно серьезные возможности хотя бы нейтрализовать наиболее зловещие потен-

ции Сталина по крайней мере в том, что «касалось» тяжелой индустрии. Но после убийства Сергея Мироновича Кирова ситуация и здесь изменилась довольно резко. Члену Политбюро, наркому, несшему ответственность за все основное в тяжелой промышленности, Г. К. Орджоникидзе становилось все труднее спасать превосходные руководящие кадры (из числа старых партийцев-ленинцев и беспартийных специалистов) от Сталина и наиболее махровых из его выдвинутых. Кажется почти чудом то, что Г. К. Орджоникидзе удавалось годами обеспечивать в условиях все более матеревшей сталинщины сравнительно благополучную ситуацию в промышленности (в том числе и оборонной), ограждая от бед наиценнейшее.

Нарком Г. К. Орджоникидзе годами на наше общее счастье спасал кадры первоклассных руководителей (коммунистов и беспартийных). Он сумел даже на посту своего первого заместителя сохранять на редкость талантливого, но «малопривлекательного» самому Сталину Г. Л. Пятакова. Более того: даже в последние месяцы своей жизни Г. К. Орджоникидзе с редчайшей отвагой и самопожертвованием вступил в смертельно опасную для него схватку со Сталиным. Отказаться от этого он не мог себе позволить, хотя из-за своей простодушной рыцарственной доверчивости он с роковым опозданием понял, насколько общественно опасен Сталин и как прав был В. И. Ленин, настаивая на его отстранении с ведущего поста в руководстве партией и страной. И все же потрясающее, на грани чуда, общее везение наше безусловно, связано прежде всего с тем, что загубленные вместе с Орджоникидзе и другими лучшими членами ленинской партийной гвардии руководители индустриализации все же сумели даже в 30-е годы вырастить сравнительно дееспособные кадры технических специалистов и администраторов. Тех, которые смогли освоить к роковому 1941 году весьма многое не только для того, чтобы в тяжелейших условиях войны не допустить надлома важнейших отраслей производства, но и сохранить потенциал для грядущих свершений, особенно второй половины 50-х и начала 60-х годов.

8 До сих пор, хотя с конца 1991 года минуло уже много лет, так и не получило должной оценки то, что при нынешнем господстве криминального капитала главное в истории «раскрывается» в полном соответствии с клеветническими «образцами», содержащимися в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и в столь же уродливо лживых стенограммах изуверских процессов над большинством наиболее крупных истинных и самых одаренных последователей В. И. Ленина во второй половине 30-х годов. Впрочем — стоит припомнить аналогичную фальсификаторскую «методику» и несколько более ранних лет, о которой в свое время рассказал, например, доктор исторических наук Ю. И. Кораблев.

«Лишь недавно стало известно, что в воспоминаниях М. Горького о Ленине, которые впервые появились при жизни Владимира Ильича и которые он читал, начиная с 1931 года стали исключать высказанные Владимиром Ильичем следующие слова о Троцком «Да, да, — я знаю! Там что-то врут о моих отношениях к нему... Ударив кулаком по столу, он сказал: «А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть. У нас все есть!». (Русский современник, Петроград, 1923. С. 443).

Вместо этих слов в 1931 году были вписаны слова, которых не было в пяти предыдущих изданиях: «А все-таки он не наш. С нами, — а не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то... нехорошее, от Ласссая». Фраза «с нами, а не наш» с тех пор пошла гулять по различным статьям. Надо сказать, что воспоминаниям Горького о Ленине не повезло: они неоднократно препарировались, сокращались и дописывались в угоду Сталину, как и десятки других воспоминаний». (См.: «Реввоенсовет республики. 6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г.» Москва, 1991 г. С. 52).

А каково здесь, если можно так выразиться, направление главного удара? Изображение В. И. Ленина личностью не просто малопочтенной, а совершенно недостойной, недобросовестной и даже жестокой, хотя в действительности этот человек был не только гениально создателем, но и был наделен лучшими человеческими качествами. И как раз ради достижения данной преступной цели возрождается главный оглуляющий трюк 30-х годов. Суть его сводится к «вадваливанию» в массовое сознание лозунговых стереотипов: «Сталин — это Ленин сегодня!», «Ленин и Сталин — едино суть...» и т. п. А это порождает своего рода идеологический «эшафот», в условиях функционирования которого гибнут идеалы социализма. Как же так? Очень и очень просто: опаснейший и для народов нашей страны, и для человечества в целом антиленинский переворот 30-х годов XX века с его невиданной во всемирной истории кровожадностью, нацеленной против многих, страшно многих миллионов ни в чем невиновных наших же соотечественников, включая детей, сделал свое черное дело, возможно, с непоправимыми последствиями. В чем главная беда? В том, что произошел страшно трудно компенсируемый «перекос», если не в сознании миллиардов, то по меньшей мере — сотен миллионов политически наиболее активных людей.

Дошло даже до приписывания идеалам социалистического облагораживания ситуации во всем мире всего наиболее чудовищного, характерного для Сталина и ему подобных! И даже до беспрецедентной клеветнической грязи, уродующей мировосприятие многих сотен миллионов людей, согласно которой все зло исходило не от сталинского, возможно, паталогически болезненного уродства, а от якобы плохого влияния В. И. Ленина на всех самых отвратных, самых кровожадных и самых преступнейше себялюбивых властителей XX века, загубивших неисчислимы людские массы.

Вот и в учебнике, о котором приходится вести речь, и нацеленном только на тотальное извращение истории (кстати, еще в 1996 году «обрушенном» на старшекласников вторым изданием...) содержится весь набор свехрлживых, но щедро поощряемых штамповок, уродующих души миллионов юных! Ведь по сути дела иные псевдоисторические «профессионалы» опускаются до уровня уголовно-мошеннического беспредела, когда адресуют старшечкам своим «открытия», будто руководство Советской России осуществляло «государственную политику», фактически соответствующую нормам социального геноцида! Дескать, сущность «красного террора» якобы состояла в последовательном уничтожении колоссальных людских масс! «Полагалось» это проделывать по отношению к «предпринимательским слоям», офицерству, священнослужителям, «нерволюционной интеллигенции», «зажиточному крестьянству» и прочим, вплоть до «рабочих крупных промышленных центров, открыто осуждавших действия новой власти!» Причем делалось это не только ради «подавления и запугивания реального и потенциального противника, но и для «перевоспитание» трудящихся»...

А вот якобы «антибольшевистские военные руководители» не предпринимали ничего похожего на то, чтобы «объявить террор государственной политикой настоящего и будущего!» Симптоматично в данной связи и то, что в учебнике, как никто другой, возвеличивается и восхваляется даже генерал Лавр Корнилов — одна из самых беспощадно зловещих величин нашего прошлого, докатившийся до провозглашения своего требования подчиненным «пленных не брать». Конечно, в учебнике нет ни единого слова, о том, что ни один из советских лидеров не провозглашал ничего подобного, и что Корнилов в своей беспредельной ожесточенности был далеко не одинок в руководстве белогвардейским воинством. К сожалению, там было очень много таких, кому и виселицы, категорически запрещенные в Советской России, казались недостаточно «действенными...»

Разумеется, авторы учебника не приводят ни одной строки, опровергающей их «информацию» о мнимой гуманности главных врагов Советской России. Не приводятся ими,

конечно, страшные саморазоблачения не только Корнилова, но и, например, такого по своему типично популярного и очень влиятельного в беспредельно нездоровой и необузданно деморализованной части белогвардейской среды, как генерал М. Г. Дроздовский. Того самого, который докатился до призыва: «Око за око, зуб за зуб, а я бы сказал: два око за око, все зубы за зуб!» И ведь даже такое не оставалось «гласом вопиющего в пустыне»!

Хуже того: в бесчисленном множестве ситуаций и такой изуверский вопль тоже становился своего рода «руководством к действию»! Настолько, что даже командующий американскими экспедиционными войсками в Сибири генерал Гревс вынужден был констатировать относительно деяний опекаемых иностранными интервентами (а ныне кое-кем нежно любимых) белогвардейских «их благородий» и «превосходительств»: «Жестокости были такого рода, что они несомненно долго будут вспоминаться и пересказываться среди русского народа». Еще более конкретно и резко осуждающе оценивали действия войск Колчака и его приближенных руководители их чехословацких союзников.

Симптоматично в данной связи и то, что остро критическая оценка фактически самоубийственной жестокости «белых» главарей обычно не доходила до признания антипатриотического типа их финансовых и политических договоров с иностранными державами-покровительницами. Лишь с большим опозданием кое-кто из белогвардейских руководителей начинал признавать эту страшную правду. В частности, один из весьма приметных лидеров антисоветских сил на Востоке России, знавший очень многое об отношениях с «союзными державами», генерал Д. Л. Хорват с горечью признавал: «Все наши бывшие союзники преследовали в борьбе с большевиками собственные эгоистические цели. Но... сильная единая Россия никому кроме русских не нужна».

Россия рухнула — таково мнение авторов типично капитализаторского школьного учебника и тех, кто их направляет и всемерно поощряет, а виновниками всех бед, якобы с этим связанных, являются все революционеры и им сочувствующие! Нет, вовсе не гибельный самодержавно-полукрепостнический, а до того — омерзительно крепостнический (на грани рабовладельческого) режим, веками сковывавший и разлагавший общественную жизнь! Спасительной же властвующей натурой объявляется только Петр Столыпин, которого в народе прозвали вешателем! Авторы, конечно, не «припоминают» тысячи виселиц, «функционировавших» на бескрайних просторах России, о том, как созданные по воле Столыпина военно-полевые суды за считанные минуты без юридических «излишеств» в виде адвокатов и других участников нормального судопроизводства вершили множество средневековых казней, предпринявших грядущий крах нежно любимой им династии...

Разумеется, в данном лжеисторическом тексте нет ни единого критического слова о еще тогда появившихся «тройках», опыт которых подхватил и использовал Сталин в 30-е годы! Они при Столыпине использовались якобы лишь для расстрела революционеров-убийц и «иных насильников» (См. с. 79). Умалчивается и о том, что последний царь явно разочаровался в Столыпине, чья политика вела к обострению противоречий в стране. Авторы же восторгаются Столыпиным, считая его лучшим из дореволюционных правителей: «Но пока был жив Столыпин, власть не дрожала» (С. 79). А ведь это явно несправедливый упрек по адресу самодержца! Он вовсе не «дрожал», а себя же губил тем, что не смог отречься от саморазрушительных «заветов» своего отца и самых зловещих срывов Столыпина! Спасти же Николая II могло бы лишь компетентное продолжение курса его деда-Александра II, человека, безусловно умного и прогрессивно устремленного. Последнего же царя обвиняют лишь в мнимом «дрожании» и отсутствии столыпинской беспощадности...

А когда речь заходит о В. И. Ленине, то нет ничего похожего на хотя бы крохотное приближение к правде истории. Здесь налицо только преступнейшая тяга к клеветнической

низости, и издевательству надо всем, имеющим отношение к правде. Именно данный прогрессивно гуманистический лидер изображается человеком беспринципно-бездушным, даже жестоким и мало того — личностью сероватой и беспринципной, очень скверно влияющей на людей и общество в целом. Чего стоит хотя бы утверждение, будто все ужасное, происходившее с октября 1917-го по март 1921 года было «сплошным революционным кризисом!» (С. 129). А революционная тенденция якобы означает «разрушение государственности», «забвение национальной истории», а также «распространение» «разного рода социальных и политических иллюзий» (С. 128).

Такова же цена преступнейшей лжи, будто после Октября 1917 года ради «массового террора» нужен был «раскол страны, раскол народа», а террору «требовались как организаторы, так и исполнители!» И вот якобы не организация и объединение огромного большинства народа во имя отражения иностранных агрессивных войск и им прислуживающих белогвардейских армий, а «красный террор» «позволил большевистскому режиму закрепиться у власти...» и «выбивать своих наиболее активных противников...» (См. с. 175). Фальсифицируют все наиболее существенное и не стыдятся ни в малейшей степени, хотя разгромить иностранных и «белых» врагов Советской России с помощью репрессий, «загнав проявления недовольства «внутрь», было совершенно невозможно! Надо было осуществлять разумную и человечную политику, чтобы вооруженный почти поголовно народ выделил миллионы красных бойцов, руководимых командирами и комиссарами, готовых на «последний смертный бой», спасая Советскую, а не царскую родину! Попытки же «белых» генералов, включая «черного барона», адмирала Колчака и остальных привлечь на свою сторону сколько-нибудь крупное количество соотечественников постоянно терпели крах не потому, что трудящиеся боялись чекистов, а вследствие доверия к ленинскому курсу. В ином случае Советская власть была бы сметена за считанные месяцы, ибо держалась она на доверии народа, а не на штыках и пистолетах спецподразделений!

Далеко не случайно массы пели не «Боже, царя храни», а «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон, но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней» или: «Слушай, товарищ! Война началась: кончай свое дело, в поход собирайся! Смело мы в бой пойдем за власть Советов и как один умрем в борьбе за это!»... «Раскол страны, раскол народа» был нужен не руководителям Советской страны (как утверждают нынешние политиканствующие «гиганты мысли» и «загребуще умелые» мастера воровски «прихватизаторского» «дела»), а руководящим политическим и экономическим «сферам» наиболее мощных держав капиталистического мира и их белогвардейским сателлитам.

Потому-то В. И. Ленин и его соратники сразу после прихода к власти отменили смертную казнь и буквально до последней возможности стремились полностью исключить применение смертной казни по отношению к своим политическим противникам, хотя это крайне затрудняло преодоление огромнейших трудностей на пути укрепления новой власти. А вот главные лидеры капиталистического мира с поразительно поспешной и абсолютно бессознательной «скоростью» разделили наше Отечество на сферы своего влияния в надежде на неотвратимость последующей колонизации наиболее «лакомых» его регионов только на потребу собственной вульгарнейшей корысти!

К величайшему сожалению, Советская Россия, только начавшая самый первый этап своего существования и развития, уже в первые недели своего общественного и государственного бытия столкнулась с такой степенью хищно плотоядной агрессивности, для сравнительно безболезненного обуздания которой у нее еще не было соответствующей данной ситуации мощи. Что же касается лидеров ведущих империалистических держав той поры, то у них было более чем достаточно военных, финансовых, хозяйственно-экономических, дипло-

матических и иных резервов для деяний любой степени бесчеловечности и несправедности, которые они начали творить практически немедленно и совершенно бескомпромиссно.

Прежде всего ими было сделано все для разжигания гражданской войны в нашей стране, да еще в беспредельно разрушительном варианте, включая поистине необъятное количество жертв, причем без их решающего соучастия это было бы невозможно. Именно ради этого ключевым властвующим фигурам буржуазного мира и пригодились первые, а также последующие подчас весьма крупные успехи (нередко внешне эффективные, хотя и преходящие при всей тяжести их последствий). Свою зловещую роль во всем этом сначала играли войска германских, затем английских, французских, американских, японских и других правителей. Тех самых, которые, разумеется, при активнейшем соучастии белогвардейских армий, творили свои беспредельно черные дела. Огромные массы сограждан той поры это понимали и потому верили В. И. Ленину, и миллионы шли, как тогда считалось, «в последний смертный бой» с редчайшей жертвенностью и победили.

Но что до этой и любой иной правды корыстолюбцам, не стыдящимся разглагольствовать о мнимом «армейско-патриотическом движении белых» (С. 186), на деле же антипатриотическом во всей своей гибельной для Родины сущности! Ведь белогвардейщину, фактически служившую зарубежным агрессивно-плотоядным колонизаторам, жаждавшим не только попорвать, а если удастся, то и необратимо расчленить нашу страну, раздавили многомиллионные массы истинных патриотов под руководством тех, кто во главе с В. И. Лениным всей душой оберегал, спасал все лучшее и подлинно человеческое, а значит — по-настоящему прогрессивное в нашем обществе и во всем мире!

До чего же аморальны на грани уголовщины, буквально вколачивающие в юные головы, ложь, будто победу Советской власти предрешило «невиданное в истории организованное насилие», хотя ее триумфальное шествие по просторам огромнейшей страны в основном осуществлялось почти бескровно! По той простой причине, что дореволюционные «порядки» были совершенно неприемлемы для огромного большинства соотечественников. Количество жертв даже в Петрограде 25 Октября 1917 года можно было подсчитать на пальцах рук одного человека, а в результате была одержана победа всемирно-исторической значимости. А вот сотни жертв в ходе тогдашних событий в Москве в основном состояли из бойцов, предательски расстрелянных контрреволюционерами, захватившими их безоружными! Триумфальное же шествие Советской власти удалось временно приостановить лишь благодаря вторжению иностранных войск!

Как раз данное «обстоятельство» предрешило огромные потоки крови, роковые, возможно непоправимые последствия, чего удавалось изживать, лишь преодолевая колоссальные трудности. Но, разумеется, ничто не мешает нынешним корыстолюбиво-бесчестным фальсификаторам вновь и вновь лгать с беспредельным цинизмом. Согласно их утверждениям, ход истории якобы «показал»: «Революции делаются во имя иллюзий, но эти иллюзии быстро разрушаются, оборачиваются своей обратной стороной, причем, как правило, кровавой. Эти же революции в конечном итоге уничтожают своих создателей и их дело» (С. 186) Почему бы не обрушивать и эту ложь на юные головы, если это так выгодно самым черным силам современности?

Неужто «нашенским» хапужнейшим реакционерам свойственна уверенность, будто, например, девиз французских революционеров конца XVIII века «Свобода. Равенство и Братство» является «иллюзией»? Конечно, они не рискнут признать это открыто. Возможно, и потому, что даже самые консервативные из президентов Франции не могут позволить себе не возглавить общенациональное торжество в связи с каждой очередной годовщиной революции. Ведь огромное большинство французов понимает, что вопреки подчас тягчайшим сры-

нам, ликвидация феодально-королевского абсолютизма (который был сродни сохранявшемуся, более чем сотню лет спустя, самодержавию в России) открыла все же простор для прогрессивного развития, и не только своей страны. Президент, отрекающийся от этого, тут же станет политическим трупом...

9 Закономерно по нынешним временам и то, что иные литераторы, объявляющие себя историками, как, например, В. Солоухин, выделялись и выделяются каким-то особо восторженным и при этом приниженно раболепным отношением к британским, французским, германским, японским, американским и иным интервентам. Объявляемые спасителями-доброхотами, в действительности они лишь жаждали оккупировать, разграбить, «усмирить», а если получится, то и навсегда прихватить те регионы нашей страны, которые им представлялись особенно лакомыми! И вот их весьма модно представлять ныне чуть ли не в качестве ангелочков с белоснежными крылышками и ореолом «свято-сти»! Частенько даже утверждается, будто они и подумать не могли о чем-либо худом, заботясь только о «благе России». Вплоть до стремления «по-доброму» перевоспитать В. И. Ленина и его соратников ради возврата Советской страны не куда-либо, а именно на «благодетельный», даже «спасительный» курс!

Поистине беззастенчиво со страниц «Известий» сообщалось, будто некоему Быкову удалось найти более двухсот документов, которые однозначно свидетельствуют: «дипломаты всеми доступными им средствами пытались найти общий язык с советской властью и вернуть Россию на цивилизованный путь развития». Как ни странно, но ни одного из этих документов на страницах данного печатного органа так и не появилось... Почему? Скорее всего потому, что ничего действительно соответствующего подобным «откровениям» (в том числе и за короткий период, когда в Вологде находились иностранные посольства) Быкову или кому-либо из ему подобных обнаружить не удалось.

Ведь упомянутые мощнейшие державы того времени, а также хищники помельче, вовсе не порывались «вернуть Россию на цивилизованный путь развития», как совершенно голословно провозглашается со слов совсем уж низкопробных якобы историков! В действительности правители этих стран силами своих воинских контингентов преступно обрушились, как им казалось, на беспомощную «добычу» и по-колониаторски стремились разорвать на куски нашу Отчизну! Дипломаты же тех государств лишь активно соучаствовали по части форсирования развала и колонизации России, в лучшем случае обрубленной и до предела обескровленной на желанной им дореволюционно-монархической основе.

Тысячекратно прав был в своих оценках великий поэт и гражданин Владимир Маяковский:

В Новороссийск
 плывут из Марселя,
 из Дувра
 плывут к Архангельску.
 С песней,
 с виски,
 сыты по свински. (...)
 Плывут крейсера,
 снаряды соря.
 И
 миноносцы
 с минами носятся.

А
     поверх
         всех
 с пушками
         чудовищной длинноты
 сверх-
         дредноуты. (...)

Со всех концов
 блокады кольцо
 и пушки
         смотрят в лицо.
 — Красным не нравится?!
   Им
   голодно?!

Рыбкой
         наедитесь,
                                     пойдя на дно. —

А кому
         на суше
                             грабить охота,
 те
     с кораблей
                             сходили пехотой.
 — На море потопим,
 на суше
         потопаем. — (...)

Леди,
         спросите
                             у мерина сивого —
 он
     как Мурманск
                             разизнасиловал.

Спросите,
         как —
 Двина-река,
 кровью
         крашенная,
 трупы
         вытая,
 С кладью
         страшную
 шла
         в Ледовитый. (...)

На первую
         республику
                             рабочих и крестьян,

сверкая
     выстрелами,
                     штыками блестя,
 гнали
     армии,
             флоты катили
 богатые мира,
     и эти
             и те...
 Будьте вы прокляты,
                     прогневшие
                                     королевства и демократии,
 со своими
     подмоченными
                                     «фратернитэ» и «эгалитэ»!»

Хорошо! 1927 г.

Кто был прав? Ненавидимый ельциноидными властителями (так же, как и Алексей Максимович Горький) Владимир Владимирович Маяковский или теперешние лжецы их пропагандистского клана, способные на любую низость? Правоту великих, поистине титанических величин нашей культуры и общественной жизни подтверждали отнюдь не только признанные поборники гуманности и прогресса антикапиталистической ориентации. То, что нежно любимые «беловежскими» и прочими узурпаторами власти, богатств, роскоши и их службой иностранные империалистические громилы и поработители, ничего цивилизаторского, сколько-нибудь человеческого не предпринимали, находило иной раз совершенно неожиданное подтверждение. Причем из лагеря как раз тех, кто с яростной непримиримостью требовал, во что бы то ни стало, тогда же, используя самые жестокие средства, «задушить в колыбели» ленинскую Россию.

Самого пристального внимания должны заслуживать принципиальные строки из воспоминаний Уинстона Черчилля об истинной роли руководителей ведущих империалистических стран и ключевых фигур из тех, кто заправлял всем в так называемом «белом» движении. «По совету генерального штаба, начиная с июля месяца 1919 года, Англия оказывала Деникину главную помощь, и не менее 250 тысяч ружей, 200 пушек, 30 танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы через Дарданеллы и Черное море в Новороссийск. Несколько сотен британских армейских офицеров и добровольцев в качестве советников, инструкторов, хранителей складов и даже несколько авиаторов помогали организации деникинских армий... Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены и большевики установят свое господство на всем протяжении необъятной российской империи».

Далеко не случайно, точнее — вполне закономерно «белая» идея, как писал А. И. Деникин, «все более вырождалась в борьбу за реванш» свергнутых господствующих классов и жестокую мстительную расправу над своим народом вместе с «приглашенными» иностранными войсками, в действительности нацеленными на захват ряда богатых регионов России.

В данной связи в качестве одной из иллюстраций, автором которой является нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин заслуживает внимание его телеграмма по-

сланнику Норвегии, предназначенная для вручения правительству Великобритании, затрагивающая лишь одно из злодеяний иностранных агрессоров. «Притворная якобы неосведомленность великобританского посланника по вопросу о диких эксцессах, совершенных чехословаками, об их несчетных, вопиющих преступлениях может вызвать лишь усмешку презрения в виду многочисленных, разнообразных свидетельств, удостоверяющих совершение ими этих злодеяний. Тюрьмы, переполненные цветом рабочего класса, горы трупов рабочей молодежи, умерщвленной низкими агентами реакции, потоки крови на улицах городов и деревень — за все эти ужасы, которых было так много во всей области оккупации ослепленных чехословацких агентов английского и французского капитала, ответственность падает на их действительных исполнителей и авторов, английскую и французскую олигархию».

До чего же жаль, что ныне предаются забвению мудрые слова Александра Ивановича Герцена: «Полнее оценивая прошедшее, мы уясняем современное, глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего». Не грех бы понять и слова историка Василия Осиповича Ключевского: «Не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. История учит даже тех, кто у нее не учится: она их проучивает за невежество и пренебрежение».

К сожалению, современных погубителей великих идеалов и лучшего в нашей истории, она пока не проучила. К примеру, думается, совершенно прав Петр Владов: «Канал «Россия» начал показ документального цикла «Никита Михалков. Русский выбор». Известный кинорежиссер гуляет по историческим местам крымского побережья и сокрушается о горькой участи белогвардейцев, драпавших отсюда в 1920 году, когда Врангель был наголову разбит Красной Армией. (...) Преподнося «белое движение» как жертвенную борьбу русских патриотов за сохранение великой России, он как бы забывает о том, что главную роль здесь играли иностранные интервенты, мечтавшие под сурдинку борьбы с большевиками разорвать Россию на куски. На заседании Верховного совета Антанты под председательством Клемансо, состоявшимся в январе 1920 года, было принято решение об очередном агрессивном натиске на Советскую республику с территории Польши, Румынии и Финляндии. А на юге начать наступление должен был Врангель. Причем уже речь не шла о свержении Советской власти — надежды на это окончательно рухнули. Цель была — максимально сократить территорию Советской России, в частности, отделить от центра республики часть Украины, а также юг Белоруссии и самой России. (...) Но главное все-таки в другом. В том, о чем не двусмысленно высказался в своих мемуарах «Ледяной поход» видный белогвардеец Роман Гуль: «К белым народ не хотел идти: господа. Здесь сказался один из самых больших грехов старой России: ее сословность и связанный с ней страшный разрыв... — мужик не верил».

А уж когда Михалков заговаривает о стиле отношения Советской власти к творческой интеллигенции, которую она якобы игнорировала и унижала... Не семейство ли Михалковых на протяжении всех этих лет числилось в самой головке советской творческой элиты, пользуясь всеми сопутствующими этому положению благами? Политический пейзаж изменился, но Михалковы снова на плаву.

В «Четвертой прозе» Осипа Мандельштама есть уничтожающий пассаж о продажном писательстве, как о расе, везде и всюду близкой к власти, которая ей отводит место в желтых кварталах... «Писатель — это помесь попугая и попа. Он попка в самом высоком значении этого слова. Он говорит по-французски, если его хозяин француз, но проданный в Персию скажет по-персидски: «попка — дурак» или «попка хочет сахару». Попугай не имеет возраста, не знает дня и ночи. Если хозяину надоест, его накрывают черным платком, и это является для литературы суррогатом ночи». («Правда», 9–10 декабря 2003 года. С. 4)

Странно, но иногда и в современных печатных органах вдруг прорывается правда-матушка, обнажающая истинную цену «клика благолепия», напяливаемого на страшных анти-

подов В. И. Ленина и нашего народа, теми из лжедемократического истеблишмента, кто прямо-таки коленопреклоненно оценивает иностранных «благодетелей» чуть ли не девяностолетней давности. Разумеется, вопреки их зловеще плотоядной сущности, проявлявшейся отнюдь не только в жадности разделить как можно скорее нашу Родину на оккупационные зоны. А чтобы обеспечить свое господство здесь навечно, они пылко стремились убрать тех, кто им «мешал», с кроваваждной твердостью и решительностью! В частности, недавно был снят покров секретности с одной из акций, планировавшейся и почти осуществленной много десятков лет тому назад ключевыми фигурами британских спецслужб, причем чуть ли не согласованной с самим премьер-министром Англии. Об этом были поставлены в известность также правительства Франции и США. В ходе Всероссийского съезда Советов 15 агентов специального назначения должны были убить В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого с помощью завербованных охранников Съезда. Однако, возможно, чисто интуитивно что-то заподозривший Ф. Э. Дзержинский в последний момент заменил охрану особо надежным отрядом чекистов. Очередной заговор был сорван (см. «Новые Известия», 13.10.1998 г. С. 3).

Политические антиподы В. И. Ленина, вооруженные до зубов и «мудро» направляемые своими иноземными покровителями, вынуждены были волюно или невольно поощрять, точнее — «не замечать» все самое мерзкое и низменное в душах многих т. н. «сильных личностей» собственного «христолобивоого» воинства, тем самым обрекая себя на все большую изоляцию, а следовательно, и на поражение. Далеко не случайно такой принципиальный монархист и один из главных идеологов белого движения, как В. В. Шульгин, не признанным оказавшись в плену у красноармейцев, был поражен дисциплиной, организованностью и боеспособностью советских воинских частей. А впоследствии вынужден был признать, что белое движение, начатое почти святыми, затем оказалось в руках почти бандитов...

Генерал А. И. Деникин пытался обуздать хоть частично жестокою мстительностью по отношению к крестьянам за то, что они обрабатывали помещичью землю, полученную от Советской власти, а также не допускать грабежа населения и т. п., но все так и осталось благим пожеланием. Вот и пришлось ему с горечью вспоминать в «Очерках русской смуты»: когда в феврале 1919 года кубанские эшелоны текли на помощь Дону, то задержка их обуславливалась не только расстройством транспорта и желанием ограничить борьбу в пределах «защиты своих хат...». На попутных станциях останавливались перегруженные эшелоны и занимались отправкой в свои станицы «заводных лошадок и всякого барахла...».

«Я помню рассказ председателя Терского круга Губарева, который в перерыве сессии ушел в полк рядовым казаком, чтобы ознакомиться с подлинной боевой жизнью терской дивизии. — Конечно, посылать обмундирование не стоит. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске... И совсем уже похоронным звоном прозвучала вызывавшая на Дону ликование телеграмма ген. Мамонтова, возвращавшегося из тамбовского рейда: «Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей, на украшение церквей — дорогие иконы и церковную утварь...». Причем и это далеко не самый зловещий вариант...

До чего же часто по воле чужеземных лидеров вторжения дорывались до рычагов власти и кроваваждного влияния в белом движении именно наихудшие из высочек! К примеру, Унгерн до первой мировой войны дослужился лишь до чина казачьего сотника, а вот оказавшись в 1918 году в армии влиятельнейшего и самого ужасного из приближенных Колчака атамана Семенова, был произведен в генералы. Между прочим, самого Семенова — до 1917 года почти заурядного казачьего офицера — генералом сделал объявивший себя Верховным правителем России адмирал Колчак, которого им благодетельствованный впоследствии по сути дела

сверг, в сущности предрешив его передачу чехами советским органам... Семенов, Унгерн и им подобные на Дальнем Востоке преданно служили японским оккупантам, причем первый ухитрился орудовать против своей страны аж до 1945 года. Точно так же ныне восхваляемый атаман Краснов прислуживал германским правителям, даже вплоть до Гитлера!

Что из себя представляли подобные «спасители» дореволюционной «доброй» власти из числа тех, на кого делали ставку иностранные хозяева? Эти «цивилизаторы» совсем не случайно весьма охотно опирались на хуже, чем заурядно зловещих индивидов. «Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать». «Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня» — так властвовали опекаемые германскими оккупантами подручные атамана Краснова. А вот кое-что из приказа начальника Азиатской конной дивизии «новоиспеченного» генерал-лейтенанта Унгерна, приказывавшего уничтожать политических оппонентов вместе с семьями: «Старые основы правосудия изменились. Нет «правды и милости». Теперь должны существовать «правда и безжалостная суровость»... Ярости народной против руководителей, преданных слуг красных учений, не ставить преград... Мера наказания должна быть лишь одна — смертная казнь разных степеней». Орудовали эти подручные иностранных «доброжелателей» так, как было «приемлемо» их хозяевам. Скажем, Бакинским комиссарам довелось быть «просто» расстрелянными, а вот на дальнем Востоке схваченного Сергея Лазо вместе с товарищами истерзали пытками и сожгли заживо!

Вот так вершилось то, что упомянутый предприимчивый «историк», популяризируемый «Известиями», квалифицирует в качестве возврата России «на цивилизованный путь развития», о котором якобы мечтали руководители Японии, Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатов и других стран. Непотребство зарубежных и белогвардейских ненавистников Советской России, возглавлявшейся В. И. Лениным, которому вполне обоснованно доверяло подавляющее большинство населения страны, (надорванной и почти погубленной за почти четыре десятилетия двух последних царствований), не может способствовать появлению у нынешних политиканов и липовых «историков» действительно честной концепции и сколь-нибудь пристойной документальной базы. Потому-то в той известинской статье нет ничего, кроме бесчестных и голословных разглагольствований ныне вполне типичного мелкотравчатого фальсификатора, лишь беспардонно клеветующего и все извращающего.

А вот и Максим Соколов в статье «Пес возвращается на блевотину свою» («Известия», 04.12.1998 г.) объявил не иностранных агрессоров и их выдвинцев-прислужников источником всех зол, а Ф. Э. Дзержинского, возглавлявшего борьбу с контрреволюцией, целью чего было якобы уничтожение ни в чем неповинных людей. Так и обманывает, запутывая читателей: «А контрреволюция... — это вовсе не бандиты. Это чиновники старого режима, это офицеры и члены их семей, это студенты и гимназисты, этот профессора и члены небольшевистских партий, это епископы и священники, это крестьяне, это рядовая интеллигенция». Вот так: шло якобы уничтожение фактически всего населения России, а не борьба особенно с изуверствовавшими, губившими нашу Родину иностранными силами вторжения и их палачествовавшими ставленниками-убийцами!

Особенно же непристойна попытка реанимировать давным-давно опровергнутую клевету будто «Ленин в 1918 году действовал по указке германского генерального штаба, а Брестский мир, обернувшийся для России гигантскими материальными и политическими потерями, был следствием продажности большевистских лидеров» («Известия», 29.08.98 г. С. 5). И еще в том же абсолютно непристойном духе: «Судя по тому, как развивались события в 1918 году, Ленин оказался старательным исполнителем указаний германского генштаба. Русская армия была в конце концов развалена и заключен Брестский мир, в резуль-

тате которого Германия получила огромные территории бывшей Российской империи, а Советская Россия — гражданскую войну» (Там же). Здесь практически каждое слово — либо плод дремучего невежества, либо — сверхбессовестной фальсификаторской низости.

Называть страшно дорогостоящие во всех отношениях внутрироссийское военное противостояние гражданской войной и ставить это точку совершенно неправильно. А утверждать, что в результате Брестского мира германские правители вообще что-то «по-крупному» выиграли с точки зрения перспектив данной страны и тем более — получили «огромные территории бывшей Российской империи» — совсем уж «ни в какие ворота...» Ведь на самом деле, резко расширив ими оккупированную территорию и «связав» там огромные контингенты своих войск, которых и без того было совершенно недостаточно для успешного продолжения войны со странами Антанты, они лишь ускорили свой военный крах и крушение династии Гогенцоллернов в результате революции, вспыхнувшей в ноябре 1918 года. Произошло как раз то, что В. И. Ленин гениально предвидел и к чему стремился в ходе наисложнейших дипломатических контактов с правящей верхушкой агрессивного и смертельно опасного (не только для России) «разбухшего империалистического хищника», полного необузданной жадности порабощения и колонизации многих, очень многих народов.

Решающую роль в попытках развалить и загубить нашу страну после поражения Германии сыграли особо любезные сердцу теперешних капитализаторов правители прежде всего Англии, Франции, США, Японии и других, тоже жаждавших нажиться на планируемых главными хищниками руинах России. Именно появление на нашей земле их огромных оккупационных воинских контингентов дало возможность лидерам контрреволюции развязать то, что «принято» в современных условиях называть гражданской войной. И возникла она вовсе не потому, что В. И. Ленин посчитал возможным (в действительности — лишь спасая Отчизну) подписать Брестский мир, покончить с которым можно было уже через считанные месяцы, чего не понимал кайзер... И ведь сделано было это только вследствие того, что Красная Армия, способная сокрушать, а вскоре сокрушившая всех иностранных и «белых» погубителей России, еще не была создана как сила, безукоризненно организованная, умно направляемая и как вскоре выяснилось, непобедимая! Первые, по-настоящему крупные триумфы такого рода были достигнуты лишь в 1919 г. Причем одним из решающих факторов в этом плане было то, что многих наиболее компетентных и масштабно мыслящих бывших царских генералов и значительную часть дореволюционного офицерского корпуса, удалось привлечь на командные и штабные должности Красной Армии ради спасения Отчизны.

Как не стыдно поощрять и популяризировать столь низко павших фальсификаторов истории! Всеизвращающая ложь буквально «вдалбливается» в головы бесчисленного множества наших сограждан, с иезуитской расчетливостью лишаемых честной исторической информации. К примеру, разве не беспределом корыстнейшей низости является утверждение, будто по воле Ленина и его сторонников «русская армия была в конце концов развалена»? Да еще во имя заключения Брестского мира! Ведь на самом деле вооруженные силы страны десятилетиями фактически подрывались из-за недееспособности двух последних царей, и фатальной гнилости, а также в целом — преступной антинародности всего дореволюционного «порядка вещей»!

В действительности почти непоправимый надрыв военного базиса дореволюционного царского режима во многом предreshался почти вековым ходом предшествовавшей истории. Последним по-настоящему крупным триумфом российской армии царских времен можно считать лишь тот, который был связан с отражением нашествия огромной армии Наполеона Бонапарта. Все дальнейшие победы «христоролюбивого воинства» одерживались лишь над еще более отсталыми странами, да к тому же значительно меньшими по терри-

тории и количеству населения. Стоило же вступать в схватку с действительно серьезными конкурентами, то есть высокоразвитыми крупными странами, как поражение становилось неизбежным. Именно об этом неопровержимо свидетельствовали катастрофические результаты сначала Крымской, а впоследствии Русско-японской войны.

Еще наиболее последовательные декабристы-аристократы понимали, как дорого обойдется России отсталость, определяемая «консервацией» неограниченной царской власти и крепостного права. Однако господствующий класс дворян-помещиков в своем большинстве был органически неспособен понять их правоту, что во многом привело к конечному роковому исходу убогой судьбы в начале XX-го века. Лишь унижайший итог Крымской войны дал шанс для честных и потенциально спасительных перемен, которым воспользовался единственный крупный, прогрессивно настроенный реформатор на троне за всю более чем трехсотлетнюю историю романовской династии, каким, безусловно, был император Александр Второй. Именно выдвинутый им блистательнейший военный министр Д. А. Милютин делал очень многое для перспективы создания эффективной, по-настоящему мощной армии. Гибель Александра II сорвала полноценную реализацию военной реформы.

Но все же многолетнему военному министру времен Александра II удалось сделать немало разумного в пределах своей компетентности. В том числе и по части изживания того, о чем Дмитрий Алексеевич Милютин с горечью писал в одном из своих дневников: «Наши офицеры обучаются совершенно как попугаи, до производства их они содержатся в клетке и беспрестанно толкуют им «Попка — налево кругом!» и попка повторяет... «Попка, на караул!». Когда Попка достигает того, что твердо заучит все эти слова... ему надевают эполеты.» (см. «Вечерняя Москва», 10–11 октября 1998 г. С. 7) Но стоило взгромоздиться на трон ультрареакционному, страшно ограниченному, самоуверенно жестокому очередному царю Александру III, как было «обрублено» буквально все хоть мало-мальски ценное для интересов прогресса и блага России, запрограммированное его умным и чутким отцом и наиболее способными его сподвижниками.

Чего стоило хотя бы то, что в числе первых кадровых «новаций» Александра III был отправлен в отставку (вместе с другими деятелями, исключительно ценными для интересов прогресса и блага страны), возможно, самый прогрессивный за три века династии военный министр Д. А. Милютин. Безусловно, этим в немалой степени были «подготовлены» и Цусимская катастрофа, и другие унижайшие поражения в ходе Русско-японской войны. Хотя немало из крайне бездарного во всем, а не только в сугубо военной области, было совершено отцом Николая II-го, но все же на последнем самодержце, являвшемся преданным и совершенно недееспособным эпигоном Александра III-го, лежит непосредственная ответственность за все самое тяжкое и непоправимое для дореволюционной России. Прежде всего по причине органической неспособности вырваться за убогие в своей регрессивности рамки липовой «нерушимости» самодержавия и всего с этим связанного, из завещанного отцом! В результате даже самые верноподданнические «прожекты» отвергались самым безмозгло-самоубийственным манером для царского режима, а что особенно ужасно — для всего разумного и доброго для России в целом.

Великая страна была так надорвана гнильностью беспринципно восхваляемых в школьных учебниках царских «порядков» задолго до ныне шельмуемого Октября 1917-го (в действительности спасшего ее), что даже премьер-министр Англии Ллойд-Джорж резко укорял военное руководство союзников России за то, что оно «помогло» окончательно доконать к концу 1916 года военную машину Николая II, неспособного понять элементарное. Британский премьер писал: «Военные штабы цеплялись за свои проекты. Слепо упорствуя, они ни за что не соглашались отказаться от них и сердито уклонялись от рассмотрения какого-

либо другого плана. России доверили задачу, которую она уже не была в состоянии выполнить... Россия была окончательно разбита к концу 1916 года. И русские солдаты, как и русский народ, уже устали от войны. Продолжать войну означало продолжать бесполезную бойню» (См. «Независимая газета» 1 сентября 1998 г. С. 3). Таково, безусловно, очень квалифицированное, хотя и запоздалое признание абсолютной правоты В. И. Ленина и органической порочности курса не только последнего царя, властвовавшего в России, но и правящих элит его союзничков...

Предотвратить роковые последствия гибельной немощи пытались многие и из числа умных монархистов, но все пресекалось Николаем II и бездарно-корыстной кликой его приближенных. Однако имели место и «странности». К примеру, А. И. Гучков был не только лидером партии октябристов (крупного промышленно-торгового капитала, банкиров и сомкнувшейся с ними части аристократии), но и главой Думы на протяжении ряда лет, да к тому же непреклонным в своей специфической оппозиционности и кое в чем необычно мыслящим столпом режима (конечно, непреклонно враждебным революционным воззрениям). И он же за немало лет до 1917 года (в отличие от нынешних псевдоисториков, иных режиссеров и т. п. личностей, бездумно рассуждающих о мнимо безукоризненном состоянии царской армии) на опыте своего участия в Русско-японской войне четко уяснил, насколько дурно Николай II и его приближенные влияли на состояние вооруженных сил, ведя к их недееспособности на грани распада. За годы до Октябрьской революции Гучков не отмалчивался, а открыто требовал от царя принятия решительных мер позитивного плана, например, вплоть до лишения ряда великих князей из «клана» Романовых высших должностей в российском военном ведомстве! Но ничего к лучшему не менялось...

Первая мировая война, которую царь, как и русско-японскую, надеялся использовать для укрепления самодержавного режима и поднятия своего личного престижа, лишь предельно усилила процесс (не только армейского) ослабления, постепенно сползающего к развалу. А Гучков, как и кое-кто из других представителей тогдашних «верхов», все более убеждался, насколько нездоровым, ведущим к вполне прогнозируемому крушению дореволюционной России, было влияние царя в качестве Верховного Главнокомандующего, да еще находившегося под все усиливающимся влиянием царицы и Распутина. Но в отличие от остальных санных, вроде бы соображающих «что к чему» оппозиционеров, включая родственников императора, Гучков, несмотря на свои непреодолимо жесткие монархические убеждения, решился на подготовку заговора, нацеленного на отстранение от власти Николая II. Гучков пошел на такой шаг в первую очередь по причине крайне разрушительного воздействия царя на вооруженные силы, прежде всего по его вине терявшие боеспособность и действительно еще тогда оказавшиеся на грани распада. Однако Февральская революция опередила Гучкова и других заговорщиков. Как впоследствии совершенно точно констатировал В. И. Ленин, залитая кровью и грязью телега романовской династии опрокинулась сразу. Рабочие и солдаты Петрограда действовали решительно и без малейших колебаний. Гучкову лишь оставалось на короткий период занять кресло военного министра Временного правительства.

Впрочем, начавшийся развал царской армии, предотвратить который не мог уже никто, шел все более форсированными темпами. Его в полном бессилии оставалось лицезреть не только Гучкову, но и до деталей осознававшему сущность этого процесса знаменитому, самому талантливому из дореволюционного высшего генералитета и единственному победonosному из командующих фронтами, Алексею Алексеевичу Брусилову. Между прочим, фактический подрыв царских вооруженных сил задолго до Октябрьской революции бросался в глаза и будущему влиятельнейшему из т. н. белых генералов Антону Ивановичу Деникину. И уж тем более в наши дни совсем уж непристойно приписывать крах боеспособности...

собности царской армии Владимиру Ильичу Ленину и возглавленной им Великой Октябрьской революции. Все самое непоправимое произошло с российской дореволюционной армией не только задолго до того, как он возглавил страну, но и тогда, когда он находился в многолетней вынужденной эмиграции. Причем даже для него «в швейцарском далеке» победа Февральской революции 1917 года и решающее участие в этом не только огромных масс антимонархически настроенных солдат армии «царя-батюшки», уже начавшей распаться, но и особенно кое-кого из дореволюционных верхов, оказалось сравнительно неожиданным! А чего стоило то, что Николай II, приказавший, как встарь, потопить в крови революционный Петроград, не имел шансов найти хотя бы несколько боеспособных крупных воинских соединений, готовых выполнить его зубодробительные «пожелания», нацеленные на массовые убийства рабочих и солдат столицы России.

Самое губительно типичное в мировоззрении царя и царицы не было «книгой за семью печатями» для наиболее мыслящих наблюдателей и достаточно точно проявилось в 1916-м году в одном из писем Александры Федоровны, просто ужасном по своей направленности. Как мог Николай II не понимать, куда, в какую бездну сталкивает его жена все свое же семейство, не говоря уже обо всем ином! «Вспомни, за что меня ненавидят — это показывает, что правильно быть твердым и внушать страх и ты будь таким же, ты ведь мужчина, — только больше доверяйся нашему другу³ (вместо Трепова). Он живет для тебя и для России. И мы должны передать Беби крепкое государство и ради него не смеем быть слабыми, иначе у него будет еще более трудное царствование, так как придется исправлять наши ошибки и крепче натягивать вожжи, которые ты распустил... Как давно, уже целые годы, мне говорят то же самое — «Россия любит почувствовать хлыст» — это их природа — нежная любовь, а потом железная рука, чтобы карать и направлять». Какая страшная смесь полубезумных иллюзий, полубрезгливо-самодовольного высокомерия, адресуемого «хозяйкой земли русской», как она себя именovala, по отношению к «собственному» русскому народу, который надобно «карать и направлять железной рукой» тем более, что будто бы «Россия любит чувствовать хлыст»!

И вот это Николай II воспринимает как истину «в последней инстанции», с полнейшим высокомерием относясь к мнениям и предостережениям умнейших людей Отечества нашего, включая даже Льва Николаевича Толстого. Именно того национального гения, который до деталей раскрыл в своих письмах царю и Столыпину, преступно уродливую неполноценность самодержавно-террористического режима, обрекавшего на гибель миллионы самых обездоленных от голода, болезней, нищеты, темноты соотечественников, включая огромные массы расстрелянных и отправленных на виселицы особенно активных борцов за спасение Родины. От чего? Прежде всего — от социально-экономического, демографического вырождения и угрозы распада великой страны, предельно ослабленной прежде всего по вине таких регрессивно бездарных до ужаса трех из четырех последних царей: Николай I-Палкин, Александр III и «завершающий» — Николай II...

А какая клеветническая вакханалия все чаще прорывается в современные средства массовой информации в связи с подписанием условий Брестского мира! В. И. Ленин, как глава Советского правительства, вынужден был пойти на это лишь потому, что Красная Армия только начинала создаваться и еще пока не могла немедленно сокрушить иностранных и прочих врагов Советской России. Но В. И. Ленин с гениальной точностью предвидел не только ликвидацию «Бреста», но и революцию в Германии. Однако не им ныне нахраписто восторгается усиленно рекламируемый любой политикан или «просто» лжеисторик, а

³ Так они называли Распутина — Г. Н.

ого преступными врагами. Главное же сводилось к тому, что впервые за сотню лет крупные прагматичные державы, обрушившиеся на ленинскую Россию вместе со своими «белыми» сателлитами, одна за другой терпели фиаско и убирались восвояси.

Последними отступили японские войска вместе с частями своих прислужников. А В. И. Ленин, ныне систематически оболганный явно преступными властителями и их пропалагандистской «обслужкой», когда завершилось победно в 1922 году военное противостояние тем, кто рвал Россию на части, восторженно радовался освобождению Дальнего Востока. И провозглашал, что хотя далеко находится избавленный от японских оккупантов Владивосток, но город этот нашенький!! Можно не сомневаться: данный триумф был лишь своего рода завершающим «аккордом» главного ленинского этапа возрождения военной мощи нашей, многими десятилетиями царистки-антинародно парализуемой и надрываемой Отчизны!

10 Самого пристального внимания заслуживает и популяризируемая в лжеисторическом учебнике антинаучная выдумка, будто революции «уничтожают своих создателей и их дело». Теперешним хозяевам нашей Родины особенно выгодно скрывать то, что уничтожением такого рода «отличаются» именно открытые и замаскированные корыстолюбцы-оборотни. Весьма и весьма зловеще это проявилось в нашей стране сначала в 30-е годы, почти через два десятка лет после революции в ходе ловко замаскированного антиленинского переворота. А затем в 90-е годы XX-го века вообще была сооружена социально опаснейшая система открытого издевательства над правдой истории в целом. Этому во всю способствует тотальная деморализация, не ограничивающаяся «простейшим» спаиванием, насаждением наркомании и всемерным поощрением аморальности и опаснейших типов преступности!

Для сокрытия такого рода преступнейших деяний «как воздух» насущно уничтожение научной истории, а потому даже школьный учебник до краев переполнен клеветническими «открытиями» изодренно, а то и примитивно дуболомно одурманивающего типа. Чего стоит утверждение, будто не Сталин дошел до подрыва партийной и советской демократии ради установления собственной диктаторской власти, опирающейся на клику рабски преданных подручных ежовского и прочего подобного типа, а В. И. Ленин якобы тоже стремился идти в том же направлении!! «...Ленин добивается введения в партии так называемого «осадного положения», когда реальная власть сосредотачивается в руках чрезвычайно узкой группы партийных иерархов» (С. 189). Трудно придумать что-либо в еще большей степени лживое: ведь Владимир Ильич вел страну и партию в диаметрально противоположном, подлинно социалистическом и демократическом направлении!

Именно об этом свидетельствует все, о чем он писал десятилетиями, и все, что он сделал сразу же после победоносного завершения разгрома иностранных и белогвардейских армий в связи с появившейся возможностью мирного развития Советского общества. О том же свидетельствует и требование Владимира Ильича сместить Иосифа Сталина с ключевого поста, который тот стремился сделать центром бесконтрольно необъятной власти при отсутствии у него желания осторожно ею пользоваться. Так ли уж трудно понять также предельно резкий выпад В. И. Ленина против тех, кто во главе со Сталиным тяготел к методам Держиморды, в том числе и когда дело касается подхода к решению проблем межнационального характера?

В учебнике же и в этом плане нет ни единого мало-мальски серьезного слова, но зато провозглашается, будто В. И. Ленин дает чуть ли не политически уничтожающую оценку всем своим «ближайшим соратникам». Зато Сталин якобы является единственным, кому он будто бы «дает иную характеристику, останавливаясь лишь на чертах его личности... В

будущем это сыграло исключительно важную роль в возвышении Сталина и устранении его соперников» (С. 196). И здесь налицо своего рода страшная логика авторов учебника и их «вдохновителей», скрывающих, что В. И. Ленин не потребовал смещения никого из своих соратников, кроме Сталина, что является решающим в позиции лидера, гибнущего от болезни в страшных мучениях.

Такова же цена мнению авторов о том, будто В. И. Ленин ни в одном серьезном моменте со Сталиным «не расходился идейно!» Чего стоит в данной связи хотя бы прямо-таки убийственная критика Сталина по национальной проблематике — единственной, где тот числился «специалистом», и от чего В. И. Ленин буквально не оставил камня на камне. Остается поражаться в данной связи и тому, что тут же Ленину приписывается сталинская беспринципность: «В случае усиления кого-либо Ленин становился на сторону соперников. Тем самым сохранялась видимость партийного единства» (С. 196). Естественно, никаких фактов в подтверждение этой лживой выдумки не приводится, потому, что их просто не существует. Да неужто нет предела аморальности в душах нынешних антиленинских «авторитетов»? Сколько же еще они смогут столь же безнаказанно безобразничать!

Есть исключительно серьезные основания для уверенности в особой значимости дезориентирующей «установочки» школьного учебника: «Во второй половине 30-х гг. «красный террор» и «большой террор» слились в единый поток» (С. 226). Жажда преступнейшим образом осквернить все задуманное и свершенное В. И. Лениным, достигла здесь одной из своих вершин. Объединять «в единый поток» эти антагонистически непримиримые явления (к тому же разорванные во времени чуть ли не двумя десятилетиями и качественно несопоставимыми этапами общественного развития) — значит непоправимо уродовать духовный и нравственный потенциал вовсе не только юных соотечественников.

Так называемый «красный террор» — явление исторически кратчайшее и фатально вынужденное вооруженным противостоянием вторжению войск мощнейших капиталистических держав, и ужасным деяниям белогвардейских армий, ими до зубов вооруженных и оснащенных. Данный этап нашего прошлого, предопределенный смертельно опасными для России угрозами ее необратимого распада и колонизации, не мог полностью исключить подчас даже очень тяжкие срывы. (Тем более, когда Советское руководство под угрозой гибели страны, после многомесячного моратория на смертную казнь вынуждено было его отменить летом 1918 года). Произошло это именно после того, как страны Антанты развязали гигантского масштаба схватку не на жизнь, а на смерть, вовлекая в нее миллионы наших соотечественников!

Для прекращения того мучительного противостояния, а также в первую очередь — террористических «белых» и ответных «красных» эксцессов (что началось с осени 1918 года после убийства Урицкого, Володарского и крайне опасного ранения Ленина), спасительным мог стать прежде всего как можно более скорый и окончательный разгром белых армий и изгнание иностранных. А когда главные сражения завершились победоносно и Красная Армия действительно стала, как тогда пели, «всех сильнее», уже в 1920 году в соответствии с установками Владимира Ильича, началось качественно иное время. Причем даже руководитель ВЧК Ф. Э. Дзержинский тогда же в печати лично предложил отменить расстрелы по политическим мотивам, была объявлена широчайшая амнистия, распространявшаяся и на содержащихся в камерах смертников активнейших врагов Советской власти. Органы же ВЧК были лишены права не только приводить в исполнение, но и выносить смертные приговоры и был взят решительный курс на нормальное судопроизводство.

Симптоматично в весьма значительной степени и то, что даже после кончины В. И. Ленина, безобразия в судебно-правовой сфере, начавшиеся очень скоро после гибели главы

Советского правительства и таких наркомов, как М. В. Фрунзе и Ф. Э. Дзержинский, далеко не сразу приобрели сталинско-ежовский, беспредельно антиленинский, антисоциалистический масштаб. Кроваво-палаческие беспрецедентные злодеяния начались как своего рода антикрестьянский геноцид начала 30-х годов с многомиллионными жертвами, а продолжились в ходе сталинского так называемого «большого террора», нацеленного прежде всего против ленинской партийной гвардии, многих сотен тысяч истинных коммунистов и миллионов других честных советских людей. Как же хватает совести у «законодателей» теперешней антиобразовательной моды преступнейшим образом низводить гениального творца-созидателя и благороднейшего человека, каковым безусловно был В. И. Ленин, до предела бесчеловечнейшей низости того, кто немало лет спустя в мирных условиях проявил себя в качестве тирана, наиболее опаснейшего по количеству жесточайше загубленных жертв!

Сомнений нет: только ради достижения данной чудовищно разлагающей и оглупляющей цели дается «понять», будто после убийства С. М. Кирова, к которому Сталин был будто бы совершенно непричастен, он начал действовать якобы по-ленински, расправляясь с бывшими дворянами, священнослужителями, офицерами, торговцами, старой интеллигенцией! (См. с. 224). Как же можно так чудовищно глгть с такой растленной беспрецедентной гнусностью, да еще в тексте школьного учебника! Ведь именно этому всегда категорически противостоял как раз Владимир Ильич! Да еще тут же, на следующей странице, внушается, что затем вполне «логично» началось уничтожение «старых революционеров». «Революция пожирала своих детей и создателей» (С. 225).

Разумеется, при этом вероломно скрывается, что все это является не результатом революции, а прямым следствием антиленинского, антисоциалистического, в сущности — контрреволюционного переворота 30-х годов. Остается удивляться лишь тому, что каким-то чудом «проскользнула» оговорочка: «Отличие «большого террора» 1935–1938 гг. от «красного террора» состоит в том, что «красный террор» был направлен против тех, кто реально или потенциально сопротивлялся или мог сопротивляться...». Но далее тут же следует привычная ложь, фактически отбрасывающая даже намек на поиск чего-либо похожего на истину: «Продолжением «красного террора» была коллективизация и насильственное направление миллионов людей в ГУЛАГ для использования их в качестве бесплатной рабочей силы» (С. 226). Но ведь как раз такие сталинские «новации» и были основой подрыва всех ленинских норм и первопричиной крайне опасного ослабления всего лучшего, доброго, светлого в нашем обществе!

В данной связи более чем показательно то, что словоблудие о сталинском якобы продолжении т. н. «красного террора» в 30-е годы, начинает «усматривать» в сталинских методах нечто вроде бы рациональное и чуть ли не полезное! Оказывается, «большой террор» носил внутрисистемный характер и затронул десятки тысяч людей, возвращенных коммунистическим режимом и преданных ему. С помощью «большого террора» тоталитарный режим поддерживал страну в состоянии мобилизационной тревоги, создал всеобъемлющую систему контроля за поведением людей» (С. 226). Печатают такое и не краснеют от стыда за свою жажду оправдать наужаснейшее из вытворявшегося с 30-х годов по воле и желанию Сталина — самого преступного тирана за все минувшие века!

А чего стоит стремление «подтолкнуть» как можно большее количество наших современников к мнению, будто тираническое терроризирование 30-х годов чем-то якобы напоминает и нечто общественно позитивное! Вот и вещают, как говорится, «черным по белому»: «Номенклатура после выучки «большим террором» была хорошо дисциплинирована, понимая, что только ее умелое руководство всеми отраслями производства, всеми сферами жизни способно спасти ее от повторения массовых репрессий по отношению к ней. И

интеллигенция, и малоквалифицированные служащие, и номенклатура воспринимали продолжающиеся в своей среде аресты как привычные, закономерные. Выработалась психологическая модель приспособления к ним: оставшиеся вне репрессий, пережившие несколько волн репрессивных акций люди наряду с глубоко затаенным страхом стали испытывать чувство благодарности властям за то, что репрессии их не коснулись. Само это воспринималось как благодарность властей, признание благонадежности. Отсюда и возникновение у многих людей комплекса «единства партии и народа» (С. 229).

Есть своя аморальнейшая «логика» в одновременном использовании сверхлживых «открытий» противоположного типа. С одной стороны, сталинские суперзлодеяния «как будто» зло, а с другой — содержит особого рода позитивные компоненты! Чудовищно: страшная, губящая нашу страну сталинская резня якобы оказывала дисциплинирующее воздействие и была нацелена на стимуляцию номенклатуры «на умелое руководство всеми отраслями производства, всеми сферами жизни.», хотя последствия этого нигде невиданного террора против своего же народа были ужасающими, чуть было не погубившими нашу Родину! Воистину, перефразируя стародавнее утверждение, ставшее своего рода афоризмом: лживость без конца и края превращается в современных наших условиях в «последнее прибежище негодяев»...

Так и случилось к началу XXI века: В. И. Ленину приписывается вся антиленинская пагуба, чреватая зловещими последствиями гигантского масштаба. Чего стоят хотя бы некоторые фразы из доклада Сталина «О работе апрельского Объединенного Пленума ЦК и ЦКК», обнародованного после 13 апреля 1928 года. Еще тогда здесь содержалось многое из смертельно опасного для Советского общества и перспектив социалистического строительства. Не грех помнить, что это стало возможным вследствие фатального ослабления антисталинской оппозиции, возглавлявшейся Н. И. Бухариным. А раз так, то Иосиф Сталин получил возможность «вещать» многое, органически враждебное ленинской концепции социалистического созидания в нашей стране.

«...Есть люди, которые думают, что нэп означает не усиление борьбы с капиталистическими элементами, в том числе и с кулачеством, на предмет их преодоления, а прекращение борьбы с кулачеством и другими капиталистическими элементами. Ничего и говорить, что такие люди не имеют ничего общего с ленинизмом, ибо таким людям нет места и не может быть места в нашей партии (...).» Таков интеллектуально убогий и политически абсолютно беспринципный приговор так называемому «правому» уклону, возглавлявшемуся тремя членами Политбюро ЦК ВКП(б). В том числе, начиная с 1924 года не только самому одаренному теоретику партии, но и фактическому руководителю Коминтерна, а также главному редактору «Правды» — центрального органа ВКП(б) Бухарину, руководителю Правительства СССР — А. И. Рыкову, возглавлявшему Советские профсоюзы М. П. Томскому.

Трудно представить что-либо еще более пагубное для той поры в фразах Сталина: «...Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать товарищи, ни на одну минуту... Заготовительный кризис знаменовал собой первое серьезное в условиях нэпа выступление капиталистических элементов деревни против советской власти. Мы имеем шахтинское дело, которое уже ликвидируется... Шахтинское дело знаменует собой новое серьезное выступление международного капитала и его агентов в нашей стране против Советской власти. Это есть экономическая интервенция в наши внутренние дела. Нечего говорить, что эти и подобные им выступления, как по линии внутренней, так и по линии внешней могут и будут повторяться. Наша задача — иметь максимальную бдительность и быть начеку». Вот и все составляющие базиса антиленинского, уже тогда начавшегося в СССР переворота во всей его жесточайшей наготе и духовном бесплодии!

Помешать этому после гибели В. И. Ленина не смог никто из его истинных последователей, сначала изолированных «организационно», а вскоре и физически уничтоженных вместе с большинством наиболее компетентных и опытных партийных и беспартийных борборников подлинно социалистических идеалов. Вслед за бедами, обрушившимися на миллионы раскулаченных, подчас явно сживаемых со свету, последовали кровавожно наигрязнейшие клеветнические процессы, в ходе которых развернулась расправа над множеством честных, глубоко мыслящих профессионалов самых различных сфер политической научной и производственной деятельности.

Вслед за упомянутым Сталиным еще в 1928 году т. н. «шахтинским делом» и соответствующей «ликвидацией» последовали процессы аналогичного типа против им же испирированных (попросту говоря — выдуманных) т. н. «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Союзного бюро меньшевиков», столь же мнимых «вредителей» из числа микробиологов и т. д. Разумеется, ни таких партий, ни организаций и в помине не было, как и якобы входивших в их состав «ужасных врагов народа». Главное для него — создать такую атмосферу в СССР, которая сделает возможным возникновение под «водительством» Сталина ужаснейшего диктаторски-кровавого режима, гарантирующего безнаказанную расправу над кем угодно! Трудно придумать еще большую степень антиленинской дегенерации!

Между прочим, на первых порах, даже в начале 30-х годов было еще не очень близко к торжеству Сталина в самом желательном для него варианте. Выносились множество смертных приговоров по т. н. политическим делам, но в памяти народной еще сохранялись человеческие ориентиры ленинских и первых послеленинских лет, а потому, как правило, расстрел заменялся длительным тюремным заключением. Об этом свидетельствовало, например, то, что Сталин не сумел добиться от членов Политбюро согласия даже на расстрел Мартемьяна Никитича Рютина. Против этого выступили С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев, даже такие сталинские приближенные, как В. М. Молотов и Л. М. Каганович воздержались при голосовании по данному вопросу.

А ведь М. Н. Рютин настаивал на выполнении ленинского требования об отстранении Сталина с поста руководителя, «сосредоточившего в своих руках необъятную власть!» Он открыто утверждал: «Борьба с оппортунизмом оплошена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоятельно мыслящих членов партии. Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, а коллективное руководство — системой доверенных людей. Центральный Комитет стал совещательным органом при «непогрешимом» диктаторе...»

Еще в 1932 году не так-то просто было убивать всех, кого вздумается, даже в порядке чего-то «единично исключительного», а вот после убийства С. М. Кирова в конце 1934-го за считанные годы удалось «пробежать» от легализованных расправ (совершенно невысказанных в условиях соблюдения ленинских норм) с сотнями, а затем и тысячами ни в чем невиновных людей до уничтожения сотен тысяч и миллионов несчастных! Как? С «помощью» легализованных пыток, внесудебных «троек», многомиллионных арестов, абсолютно противозаконных казней и т. п. Здесь, а не где-либо таится первооснова возникновения антиленинского режима, опаснейшего, исходя из интересов подлинного прогресса, человечности, общественного блага и социальной справедливости!

Разумеется, в 1937 году было истерзано и убито несчетное множество и тех сидевших и отбывших «положенный» срок, покончить с которым Сталин еще не мог во времена не столь ужасные в конце 20-х и начале 30-х годов (включая, конечно, М. Н. Рютин, который был на-чисто лишен шанса выйти живым из тюрьмы). Разумеется, трудно ожидать, что, зная об этом

и обо всем прочем изуверски аналогичном, капитализаторски аппаратные и иные спонсоры, вкуче с авторами таких, как упоминаемый лжеисторический учебник, вдруг признают факты: под «мудрым» руководством Сталина был «сооружен» режим агрессивно антиленинский, предопределяющий парализацию, а в конечном итоге — ельцинщину и крах всего, имеющего отношение к подлинно социалистическому созиданию. Они поступают как раз наоборот.

Для реализации же таких поползновений нет ничего более выгодного, чем изображение всего наиужаснейшего из навороченного Иосифом Сталиным, вполне «естественным» процессом развития того, что якобы замыслил и начал Владимир Ильич! Например, упоминаемая о сомнениях в отношении Сталина определенной части «старых революционеров», авторы учебника утверждают: «На самом же деле Сталин лишь доводил до логического конца и организационного совершенства ту коммунистическую доктрину, которую они пронесли через всю жизнь. Но ее реализация сделала ненужными тех, кто ее произвел на свет» (С. 198). Воистину нет предела лживости теперешних фальсификаторов!

Таким манером провозглашается «правота» суперпреступника по отношению к тем многим сотням тысяч истинных и наиболее компетентных последователей В. И. Ленина, которые во главе с ленинской партийной гвардией были оклеветаны сталинской кликой, истерзаны страшными пытками и убиты, будучи зарыты в огромных безвестных ямах и рвах с клеймом фашистских террористов, шпионов, диверсантов и иных так называемых «врагов» народа! В незрелых, лишенных честной исторической информации умах в данной связи вполне может возникнуть мстительная радость по случаю якобы заслуженной расплаты в пыточных камерах и у расстрельных стенок «виновников», как ныне провозглашают уголовные капитализаторы, якобы «катастрофы 1917 г.» (так утверждают и авторы учебника!).

Такова же цена и нижеследующего «откровения»: «Показательно, что даже в годы «большого террора» многие из деятелей партийной верхушки шли на смерть с убежденностью в правоте коммунистических идей... Все это означает, что лишь размывание в сознании политической элиты коммунистической идеологии могло привести к размыванию тоталитарного режима. Сам этот режим в «чистом» виде сложился к началу 30-х гг. ... Безальтернативный переход к такому тоталитаризму занял немного больше 10 лет, начиная с 1921 г. За эти годы произошло несколько переворотов внутри коммунистического руководства. Но все они не затрагивали базисных идей партии коммунистов» (С. 239).

Предел научно-нравственной дегенерации прежде всего проявляется в стремлении «намертво» привязать к Сталину даже В. И. Ленина. Проявляется это в жажде и ленинский общественно спасительный 1921 год, даже ряд последующих после гибели В. И. Ленина сравнительно приличных годов объявить торжеством тоталитаризма! А ведь именно ленинские годы были олицетворением антитоталитарного курса, фатально обреченного на подрыв только после мучительнейшей кончины Владимира Ильича! Его ненавистники дней текущих не стыдятся яростно фальсифицировать и клеймить даже все, имеющее отношение к нэпу! А ведь честное и творческое использование данного беспредельно ценного компонента ленинского наследия, не только дает блистательные результаты в современном Китае, но высоко оценивается даже его умные антиподами! Но современным хулителям В. И. Ленина все нипочем!

В ход идут и самые непристойные в своей лживости псевдоаргументы вплоть до дремуче анекдотических. Даже такие: «Несмотря на явный провал политики «военного коммунизма», Ленин до последнего упорствовал в ее проведении. Более того — на рубеже 1920 и 1921 гг. решительно настаивал на ее усилении» (С. 188). А ведь неопровержимые факты свидетельствуют о диаметрально противоположном! Авторы же продолжают свои нечистоплотные разглагольствования. По их утверждениям, В. И. Ленин ввел НЭП только «с перепугу» и потому «начал политику лавирования и уступок. Как в период Бреста Ленин шел на

любые маневры ради сохранения власти, так и теперь он наконец решился на новый шаг». А чего стоит намек на то, что В. И. Ленина не тревожила по-настоящему даже угроза голода: он всего лишь «цепко держал власть, сочетая самые различные методы» (См. там же)!

Дальше — больше: все извращающие фразочки «нанизываются» одна на другую! «Никакого единого плана новой экономической политики не существовало. Нэповские мероприятия вводились урывками, хаотично, непоследовательно» (С. 191). И это в ленинском социально-политическом и экономическом курсе, давшем спасительные общегосударственные результаты, сохранявшие свою по-настоящему великую ценность вплоть до начала реализации сталинского стремления «отбросить нэп». И тут же привычно клеветнически внушается, будто с нэпом решено было покончить еще при В. И. Ленине: «К концу 1922 г. отступление от военно-коммунистической политики исчерпало себя. Началась перегруппировка сил для продолжения политики военно-коммунистического типа» (С. 190).

Для «обоснования» же этого провозглашается, будто В. И. Ленин, введя нэп, одновременно «говорил, что нельзя отказываться от возможности возвращения к политике террора, укреплял централизаторские начала в своей партии, подавлял политическую оппозицию, он сохранял ее структуру...» (см. там же). Разумеется, ни одного ленинского слова, подтверждающего данные «учебные фразы», не приводится, ибо все, в том числе и последние статьи его и письмах, непримиримо им противоречит! Потому вновь и вновь в юные головы продолжают «вбивать» любую заведомо неправду, включая то, что будто бы «нэп был обречен, едва появившись на свет... А к осени 1927 г. сочетание внешних и внутренних факторов обрушили его, доказав обреченность рыночного социализма» (С. 193). Вот так: не Сталин «отбросил нэп» и все наиболее ценное, с ним связанное, а якобы выдуманные ныне «пороки» ленинского мировоззрения!

Именно в этих целях и выдвигаются «нужные цифирьки» и им соответствующие фразеологические «обрамления»! Одной из типичных иллюстраций подобного рода, пожалуй, заведомо уголовной разновидности, требующей оценки по статьям Уголовного Кодекса, является: «Якобы для борьбы с голодом и закупки продовольствия началось массовое изъятие церковных ценностей. Вожди большевиков решили использовать этот предлог для окончательного, по их мнению, разгрома церкви» (С. 188). В действительности только заведомо патологические личности, неумные на грани дегенеративности, могли стремиться (да еще таким способом, лишь усиливающим позиции церкви в массовом сознании) учинить окончательный ее разгром! Правда же сводится к тому, что изъятие церковных ценностей было лишь одним из способов добывания колоссальных средств для спасения от смерти многих миллионов голодающих Поволжья и других мест!

В отличие от еще более страшного голода начала 30-х годов, когда это скрывалось и хуже того — отвергалась даже вполне реальная зарубежная помощь продовольствием, В. И. Ленин действовал (в отличие от Сталина) диаметрально противоположным способом, думая только о спасении как можно большего количества гибнущих соотечественников. Именно ради этого использовались огромные средства международного движения, возглавленного знаменитым путешественником и полярным исследователем Фритьофом Нансеном, большая помощь американских благотворительных организаций и многое иное. Ценности, изымавшиеся из храмов, были в этом плане только одним из источников спасения миллионов страждущих и гибнущих!

Но что до этой правды теперешним фальсификаторам грязно корыстного типа! Они пускают в дело и совсем уж преступно-шулерский козырь: «В феврале 1922 г. проводится в жизнь Декрет о конфискации всех церковных ценностей. Ограбление церкви вызвало в стране вспышку волнений среди православных верующих... Патриарх Тихон заключен под

арест. Тысячи священнослужителей казнены» (С. 199). Такова в данной связи главная из одурманивающих фальшивок. До казней тысяч духовных лиц и разрушения тысяч храмов и молельных мест дело дошло только в 30-е годы! При В. И. Ленине, тем более в мирные годы, это было совершенно нельзимо!

Нельзя отрицать, что и в тех условиях кое-где имели место очень тяжелые эксцессы, причем не без подстрекательских поступков некоторых духовных лиц, тоже привлекавшихся к судебной ответственности. Но надо докатиться до предела бессовестности, чтобы лгать, будто в 1922 году были казнены тысячи священнослужителей! Такого тогда не происходило и происходить не могло, хотя В. И. Ленин, находясь в прединсультном, а тем более — в послепослеинсультном состоянии, контролировать общероссийскую и особо насущную ведомственную ситуацию должным образом уже не мог. В ходе судебных разбирательств тоже могли иметь место срывы, далеко не всегда поправимые, но обстановка в стране в целом была уникально здоровой, что не исключало крайне болезненных индивидуальных трагедий.

Под судом оказались, конечно, не тысячи, а считанные единицы духовных лиц, спасти которых от фатального приговора в условиях, когда Владимир Ильич был уже парализован или, как минимум, полупарализован, стало делом весьма и весьма трудным, а иной раз — невозможным при тогдашнем, исподволь усиливавшемся генеральном секретаре. Однако ситуация в обществе, вопреки ужасному состоянию здоровья В. И. Ленина была такова, что кое-что и тогда удавалось изменить к лучшему. Например, участнику революционного движения с 1887 г. (когда ему было 17 лет, а с 1921 по 1931 годы работавшему директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса, делегату с 7-го до 16-го съездов партии) Давиду Борисовичу Рязанову удалось спасти от расстрела ряд духовных лиц, за исключением четверых из тех, кто был приговорен в ходе суда в Петрограде. Его решительное и глубоко аргументированное выступление своей человечностью очень сильно повлияло на исход дела, хотя нескольких обреченных и ему не удалось спасти. Такова правда и о преступнейших строчках учебника, и чудовищно клеветнических утверждениях фальсификаторов, согласно которым в 1922 году при жизни В. И. Ленина была возможна казнь тысяч, а то и десятков тысяч священнослужителей!

11

Президент РФ обязан, наконец, принять решительные меры по обузданию пагубнейших безобразий в системе гуманитарно-мировоззренческого образования, средствах массовой информации, пропагандистских «подразделениях», в том числе и в составе президентского аппарата и иных властвующих структур. К величайшему сожалению, в условиях современных реалий остается лишь мечтать о том, чтобы В. В. Путин, наконец, открыто и честно, комплексно и научно аргументировано обосновал свое отношение к В. И. Ленину и Октябрьской революции, к идеалам подлинного социализма и вообще ко всему, с ними связанному. А ведь иначе нет шансов успешно покончить со всем преступным, душегубским, грязно всеразлагающим, и всем, «просто» дурно пахнущим, привнесенным в нашу жизнь ельцинщиной...

А пока все из наиболее отвратно гнилостного сохраняется в неприкосновенности. Это не может не сказываться в России как в большом, так и в малом предельно нездоровым образом. К примеру, автор этих строк обратился к В. В. Путину с просьбой срочно принять меры, не допускающие угрожающего навязывания (особенно старым и больным людям) «новых» паспортов с царской символикой и разрешить им дожить остаток дней с главным документом — с советским паспортом. Вместо принципиального ответа по существу последовала отписка, унижающая старика-инвалида. Извольте получить «новый паспорт гражданина Российской Федерации» с надламывающим (в «лучшем» случае — унижающим) мно-

гие души «символом», а бланк старого документа «после погашения (то есть уничтожения) его в установленном порядке» можете оставить у себя!

Но ведь суть дела в том, что данному человеку мучительно неприятно пользоваться паспортом с двуглавым орлом, как и вообще всем, что приятно чиновникам, чьи вкусы близки к вкусам тех, кто не склонен жертвенно противостоять гитлеровщине и ее прихлебателям, выслуживавшимся перед фашистским главарем и маршировавшим под трехцветным флагом, ныне объявленным знаменем России, а «тот самый» двуглавый орел объявлен ельциноидами главным символом нашей страны! Таков еще один способ надламывания душ и ускоренного приближения кончины «инакомыслящих», пытающихся противостоять промонархически дремучему, хапужно пробуржуинскому, в сущности органически антинародному режиму.

Потому-то в официозной прессе появляется обвинение принципиальных людей в лучшем случае в безалаберности! А одновременно сыплются угрозы лишить возможности получения пенсии, соцстраховки, возможности трудоустройства и т. д. Обещаны лишь милицейские проверки и крупные штрафы (если судить по материальному положению огромных масс ограбленных). Касается это и автора письма на имя В. В. Путина вполне понятно содержания и свидетельствующего отнюдь не о «безалаберности». Думается, не грешно привести полностью текст обращения данного гражданина к президенту нашей надломленной с 1991 года Родины!

***

Президенту РФ
Владимиру Владимировичу Путину
от инвалида II группы 1926 года рождения
Никанорова Георгия Львовича,
проживающего: 109316, г. Москва,
Волгоградский пр-т., д. 14, кв. 63

Убедительно прошу Вас принять срочные меры по пресечению ныне всемерно стимулируемого с помощью царистской и иной подобной символики «дополнительного» надрыва старших поколений, ускоренно выбрасываемых из числа живущих... Представьте себе, старика, серьёзно знающего по крайней мере историю XX века, которого ныне заставляют, по сути дела «взав за горло», чтобы он непременно получил паспорт с «новой», своевольно навязываемой царистской символикой в виде двуглавого орла (документальное подтверждение этого прилагаю).

Как на это вынуждены реагировать, к примеру, те, кто в 1943 году добровольно 16–17-ти лет вступал в воинский строй и помнит, как Красная Армия, все её воинские части с красными знаменами, на которых был профиль не последнего или иного царя, а В. И. Ленина, сломала хребет фашистскому чудовищу, смертельно опасному для мировой цивилизации и всего рода людского? Знает он и то, какова была роль прогитлеровских предателей, знамена которых были трехцветными, и которым очень приятен был в качестве символа двуглавый орел. Всем главным руководителям нашей страны нужно, наконец, прийти к пониманию того, как негативно влияет на здоровье таких сограждан паспорт — главный документ с символом, приятным гитлеровским подручным, включая бывшего генерала Власова.

Твёрдо убеждён, что необходимо срочно принять справедливое, элементарно человеческое решение: дать возможность хотя бы немощным старикам, знающим правду, дожить крохотный остаток жизни с «молоткастым, серпастым советским паспортом», как провозглашал великий поэт и кристально чистый человек Владимир Маяковский.

ГЛАВА V

Крестьянство и социализм: трагедия 30-х годов

1 Преступнейшее обогащение 90-х и последующих годов в результате захвата политикански бесчеловечными элементами решающих рычагов власти и влияния, все еще остается безнаказанным. Именно ради этого уже второй десяток лет само собой разумеющимся является фальсификаторское стремление к тому, чтобы, начиная со школьных лет, наши сограждане не имели шансов получить честные ответы на вопросы, без осмысленного постижения сути которых мировоззренческое ослепление становится неотвратимым. Пропагандистская же и иная обслуга, тоже «кормящаяся» и обогащающая на всем этом, конечно, не может не выполнять своих разлагающих функций.

Вот, к примеру, через день после 84 годовщины Октября 1917 года, в передаче «Свобода слова» «демократически» стереотипным образом проявила себя и Ирина Хакамада. Как водится, она объявила В. И. Ленина ненавистником русского крестьянства, якобы истреблявшим его чудовищно жестоким образом. И мало того — потребовала от всех сторонников социалистической концепции развития общества отречься от первого, единственного по-настоящему великого и наиболее человеческого руководителя страны.

Разумеется, эта дама и не подумала добросовестно ответить хотя бы на некоторые вопросы важнейшей значимости, включая и нижеследующие. Есть ли основания сомневаться в том, что именно разумная, гуманно нацеленная политика по отношению к крестьянству, начиная с Декрета о земле, была одной из первооснов мощи Советской России и создала потенциальную перспективу процветания нашей Родины? Можно ли отрицать, что именно ликвидация по-настоящему человеческой, точно выверенной и рассчитанной на решающие десятилетия ленинской политики по отношению к крестьянству и переход к карательно-тоталитарному курсу подавления тружеников земли нашей, их лучших надежд и чаяний, во многих отношениях означал, быть может, непоправимый подрыв прогрессивных компонентов общественного развития? Что означала инспирированная Сталиным чудовищно жестокая расправа очень часто с наиболее трудолюбивой, хозяйственно дееспособной частью крестьянства?

К чему сводятся важнейшие составные части той политической линии времен ленинского НЭПа, которая не только спасла Советскую Россию от голода и угрозы гибели, но и положила начало превращению ее в жизнеспособное, уникально перспективное и бурно прогрессирующее сообщество народов? Как все это было в огромной степени подорвано и чуть было не фатально загублено еще тогда? Можно ли отрицать, что Сталин, его подручные и последыши (включая, естественно, и ельциноидных бесчеловечнейших корыстолюбцев) практически во всем наиважнейшем (и не только по отношению к крестьянству) оказы-

вали пагубно уродующее влияние на общественное бытие и общественное сознание? И все это — вопреки сделанному и предначертанному В. И. Лениным!

Вот что он говорил. 26 октября /8 ноября/ 1917 года: «Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания, Октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и эсеров, которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и крестьянскому восстанию» (Из доклада о земле на Втором съезде Советов).

23 марта 1919 года. Из доклада о работе в деревне на VIII-м съезде РКП(б): «Надо избегать всего, что могло бы поощрить на практике отдельные злоупотребления. К нам присосались кое-где карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надуют нас, которые полезли к нам потому, что коммунисты теперь у власти, потому, что более честные «служивые» элементы не пошли к нам работать вследствие своих отсталых идей, а у карьеристов нет никаких идей, нет никакой честности. Эти люди, которые стремятся только выслужиться, пускают на местах в ход принуждение и думают, что это хорошо. А на деле это приводит иногда к тому, что крестьяне говорят: «Да здравствует Советская власть, но долой коммунию!»... Такие случаи не выдуманы, а взяты из живой жизни, из сообщений товарищей с мест... Крестьянину, который не только у нас, а и во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры, что «коммуния» лучше всего. Конечно, не выйдет никакого толку, если в деревне будут появляться скоропалительные люди».

Нет ни малейших оснований сомневаться: ни один из лжедемократов и прочих обнажено и скрыто бесчеловечнейших элементов, дорвавшихся до власти, а подчас и до несметных богатств, с конца 1991 года, честно ответить на такие вопросы кардинальной значимости не пожелают даже в порядке редчайшего исключения. Ведь все в их душах продиктовано лишь жадной сугубо шкурной выгоды!

Потому-то они не могут не шельмовать своего по сей день главного антипода — В. И. Ленина. Потому-то они изображают его кто — бездарно паталогическим погубителем нашей страны, а кто — вселенским «истокон» всего самого ужасного в прошлом и ныне происходящем. Мало того — иные из них порываются изобразить даже Гитлера не крупнейшим изувером всемирной истории, приказывавшим отправлять в газовые камеры десятки миллионов людей, вплоть до грудных младенцев, а чуть ли не жертвой чуждого, да еще марксистского «порочного» влияния и по-своему гениальной натурой! При этом не стесняются, подобно Гайдари, вопрошать: откуда у нас появляются «фашистские хари» некоторых парней, бойко марширующих и вопящих «Хайль Гитлер», вытворяя уже сейчас нередко и нечто омерзительно душегубское?

Разумеется, лжедемократы «не замечают» элементарного, включая и то, что из себя представляет «цветущий» с конца 1991 года режим, стимулирующий и такую на редкость чудовищную асоциальную дегенерацию. А чего стоит то, что вот уже более десятилетия делается ельциноидами все, что в их силах для того, чтобы как можно скорее, помимо миллионов других старцев, вымерли и все мои друзья-сверстники, вместе с которыми в конце 1943 года довелось встать в воинский строй 16–17-летними! Те самые, которые (в отличие от современных фашиствующих юнцов) понимали, как насущно наискорейшее уничтожение Гитлера и гитлеровщины...

Грустно это отмечать, но Ирина Хакамада в тот момент предстала типичной среди ельциноидных идеологически-пропагандистских столпов, люто ненавидящих именно

В. И. Ленина, и посему каждодневно втаптывающих в грязь его по-настоящему социалистическую концепцию общественного развития, в том числе и поистине спасительные аграрно-крестьянские ее компоненты, отброшенные через считанные годы после его безвременной кончины. Со всем подобным намертво связана жажда внушить без устали одурманяваемым многим десяткам миллионов людей, будто все ужаснейшее, начиная с 30-х и вплоть до начала 50-х, а затем — в течение всех 90-х годов XX века, было якобы предрешено именно В. И. Лениным и мнимо социалистическими «порядками». А ведь к их извращению в данный величайший лидер не имел и не мог иметь ни малейшего отношения.

Чего стоят в данной связи утверждения, например, будто подрыв сельского хозяйства и гибель вследствие этого от голода, нищеты и прочего наисквернейшего как в 30-е и иные сталинские, так и в «прекрасные» ельцинские годы — результат изобретенного ныне мнимого стремления использовать будто бы теоретическое наследие В. И. Ленина и якобы его же практические установки! Хотя в действительности все обстояло диаметрально противоположным образом, и все бесчеловечное, грязное, ужасно гибельное в XX веке, особенно начиная с 30-х годов — прямое следствие, прежде всего, антиленинских, а значит — антисоциалистических, расчетливых извращений очень часто — с утробно-корыстным подтекстом...

В то же время хотя бы частичное, но умное использование гениальных открытий В. И. Ленина всегда вело к благотворным результатам. Наиболее ярким проявлением этого в определенном смысле является во многом уникальный триумф Китайской народной республики, прежде всего в сфере конкретной экономики. Просто диву даешься, когда узнаешь о том, как талантливо и благотворно решены там тяжелейшие проблемы, беспредельно насущные для более, чем миллиардного населения, в огромной степени благодаря творческому использованию, прежде всего теоретических открытий и практического опыта ленинского НЭПа. Страна гигантского масштаба, тысячелетиями непрерывно страдавшая от острейшей нехватки продуктов питания и чуть ли не хронического, нередко многолетнего ежегодного вымирания от голода миллионов сограждан, наконец-то избавлена от этой вековой страшной беды!

Об одурманяющем неисчислимы людские массы политикански — пропагандистском беспределе свидетельствует далеко не только реалии успешно прогрессирующего Китая (один из «демократических» функционеров однажды пробормотал даже, будто социалистические успехи современного дальневосточного гиганта предрешены только какой-то особой, чуть ли не сугубо азиатской спецификой). На деле же (хотя кому-то из теперешних «авторитетов» это покажется странным) факты, подтверждающие спасительную эффективность подлинно социалистического (с 30-х годов отброшенного в нашей стране), ленински разумного отношения к данной сфере бытия, имелись в ряде отнюдь не дальневосточных стран, в том же сельскохозяйственном производстве, даже в годы, казалось бы, совсем уж беспросветно застойного безвременья.

Конечно, Л. И. Брежнев, изображаемый «демократическими» средствами массовой дезинформации в качестве чего-то чуть ли не дегенеративного, а то и ужасного, несмотря на все свои слабости, всю свою во многом крайнюю ограниченность, все свои ошибки и срывы, был, думается, если не абсолютно чужд, то все же весьма далек от зоологической бесчеловечности заправил ельцинской «популяции». В отличие от них он был вовсе не склонен подобно «новым» хозяевам России 90-х и последующих годов, корыстно осознанно обрекать на смертные муки и гибель миллионы сограждан вплоть до сотен тысяч малых детей из особо бедных семей.

Ни к чему похожему Брежнев не стремился и, конечно, сознательно орудовать в данном направлении никогда не намеревался. Именно об этом свидетельствует то, что даже в самые махровые застойные годы не происходило ничего похожего на вымирание миллионов людей, начавшегося сразу же после возникновения ельцинского режима. Однако нельзя не признать, что Брежнев и большинство высшего руководства застойной поры были людьми творчески бесплодными, как правило, ограниченными, неспособными хотя бы просто понять основы ленинской концепции по-настоящему социалистического созидания. Здесь, а не где-либо кроется первооснова всех наших ненормальностей, срывов, а впоследствии и уголовно капитализаторской обреченности.

Ведь внедренный с 30-х годов сталинский кадровый алгоритм, то есть система отбора и выдвижения руководящих кадров высшего уровня (особенно после физического уничтожения огромного большинства коммунистов-ленинцев наибольшей компетентности) исключала «приток наверх» минимально необходимого количества одаренных и хорошо подготовленных профессионалов всех специальностей. В частности, как раз это предreshало срыв всех попыток кардинально увеличить производительность сельского хозяйства, а дефицит жизненно необходимых продуктов питания (дабы избежать голодания десятков миллионов и вымирания миллионов самых незащищенных из них, что вполне приемлемо для Гитлера, Гайдара и тому подобных) все же брежневцам удавалось компенсировать с помощью импорта продовольствия.

К счастью для застойно властвовавших правителей, высокие цены на нефть и газ давали возможность ввозить в СССР огромное количество производимых за рубежом нашей страны продуктов сельского хозяйства, и прежде всего — зерна. В результате же Брежнев и большинство членов ЦК КПСС, его поддерживавших, могли чувствовать себя спокойненько. Что же касается нас, рядовых граждан, то мы имели возможность, пусть не без трудностей (очереди, поездки, иной раз — дальние, за обычно тогда дешевой колбасой и т. д.) могли в массе своей питаться так, чтобы в норме не доходить до массового истощения, колоссального скачка неизлечимых болезней и вымирания, что стало закономерным с 1992 года.

Однако как выходили из наисложнейшего положения, скажем, такие наши тогдашние союзники, как ГДР, Чехословакия и Венгрия, не имевшие природных запасов нефти и газа, которые можно было бы использовать для латания бюджетных и прочих дыр? Как ни парадоксально, но ряду стран Восточной Европы помогла неспособность брежневского руководства столь же разрушительно антиленински, как в СССР, «ломать дрова» за рубежом, в первую очередь, в экономике, а «попутно» — в идеологии, пропаганде, руководстве искусством.

В результате, к примеру, состояние дел в сельском хозяйстве, в качественном обеспечении продуктами питания населения упомянутых стран обстояло, видимо, многократно лучше, чем в СССР. К примеру, в немалом числе регионов СССР вполне качественная, хотя и самая обычная колбаса «доставалась» подчас после долгого выстаивания в очереди, или приходилось ездить за ней в не всегда близко расположенный крупный город. В то же время в наиболее рационально руководимых странах Восточной Европы население легко могло выбирать самые желанные ему сорта продуктов, включая и гастрономические.

У нас же все или почти все, затевавшееся на протяжении долгих десятилетий «по этой части», в лучшем случае оканчивалось неудачно, а в худшем — срывом, иной раз — даже полным провалом. Почему? Да все потому же: как нигде, в нашей стране даже не сугубо сталинский, а вроде бы «смягченно» неосталинистский кадровый алгоритм, практически исключал выдвижение минимально необходимого числа полноценных руководящих деятелей, способных не упиваться своим «величием», а делать нечто разумное, доброе, благодетельное для большинства людей и общества в целом.

Чего стоит хотя бы то, что, пожалуй, чудом уцелевший на высшем руководящем уровне, ставший даже главой Советского правительства Алексей Николаевич Косыгин, был, в сущности, «намертво» заблокирован и лишен возможности изменить к лучшему состояние дел отрасли не только в сугубо промышленных отраслях! Почему брежневское большинство так повело себя по отношению к единственному действительно компетентному, предельно трудолюбивому лидеру, способному успешно руководить решением проблем экономического созидания? Только из-за мелочно политиканских, привычно паразитарных соображений, нежелания уступать руководящие кресла тем, кто мог бы работать неизмеримо успешнее.

И виновата в том не социалистическая концепция, гениально разработанная в начале 20-х годов XX века, а ее извращение тоталитарно бесчеловечного, вульгарно своекорыстного типа, по своей глубинной сути органически несовместимого не только с подлинно социалистическими, но и с любыми иными научно обоснованными замыслами. Здесь, а не где-либо кроются «истоки» преступно-аморальнейших поползновений восторжествовавших перерожденцев-рenegатов обогатиться за счет народа и соорудить на костях многих миллионов людей нечто сверхреакционное, дико буржуинское, душегубски криминальное. Такова первооснова всех наших бед, безобразий, уродств в течение всех последних более чем 15-ти пагубных лет.

2 При всех «сельских» и связанных с ними безобразиях, порожденных в теперешнее нездоровое время, ни в коем случае нельзя абстрагироваться от исторических корней подобных уродливых реалий. Разве можно, например, «забывать» о том, насколько дорого обошлись нашей родине тяжкие ошибки и роковые просчеты, (в том числе и по аграрно-крестьянской проблематике) творимые теми, кто определял ее судьбу в пред-революционные десятилетия, а в первую очередь, оценивая деяния Петра Столыпина и, разумеется, последнего императора? Но во многом, возможно, тысячекратно дороже и мучительнее обошлось народу и, конечно, сельским труженикам в первую очередь, то, что натворил по этой части антиленинский, а значит, по истинной сути антисоциалистический, претендент на тираническую власть, бесчеловечность которого по количественному масштабу не имела аналогов во всей многовековой нашей истории.

Потому-то особенно грязны и преступны пропагандистски-идеологические деяния столпов ельцинского режима, наиболее бессовестно проявляющиеся в писаниях, с уголовной бессовестностью настырно, назойливо взваливающих ответственность за чудовищные, пагубнейшие извращения и злодеяния 30-х и иных годов не на кого-либо, а именно на В. И. Ленина! И ведь даже не краснеет и не прячет глаза каждый очердный новоявленный капитализатор, когда порывается создать почву для массового заблуждения, сверхлживо внушая, будто Сталин в своей чудовищной, в том числе — антикрестьянской жестокости, отталкивался не от чьих-то, а от ленинских слов, что «простой рост кооперации у нас тождествен... с ростом социализма!» Зная, что Сталин и в этом был по глубинной своей сущности опаснейшим, зловещим антиподом В. И. Ленина!..

Тут же, естественно, следуют разглагольствования, долженствующие привести читателей к выводу, будто как раз В. И. Ленин вдохновил Сталина на «превращение жителей села в государственных крепостных», на то, что «колхозная барщина» стала эквивалентной свободному труду, что «для первого «ленинца» гибель от голода миллионов сограждан была не более чем досадным эпизодом» и т. п. (Волгогонов, «Ленин». Т. 2. С. 173). Этот бывший руководящий номенклатурный полит-босс вооруженных сил, то есть один из главных лжекоммунистов, не стыдился представить невиданные по своей бесчеловечности деяния Сталина в неисчислимом множестве русских, украинских, белорусских, казахстан-

ских и других деревень в качестве всего лишь «еще одной войны в деревне» (Там же. С. 167). Естественно, гнуснейшим образом намекая, сообщив предварительно чудовищные факты, будто все это было якобы возможно и в досталинские времена: «Страшный Молох по раскрестьяниванию российского мужика благодаря стараниям большевиков работал живо, долго, методично. По моим подсчетам (вероятно, неполным), под раскулачивание попали 8,5–9 миллионов российских мужиков, их жен, детей, стариков. Около четверти погибли в первые месяцы после раскулачивания, еще четверть — в течение года» (С. 169).

Ну до чего же выгодно было ельцинскому режиму руками самых преуспевавших недешно окососоциалистических прохиндеев типа Волгонова вдальблывать в массовое сознание, будто не Сталин и его подручные, а именно большевики-ленинцы «смахнули миллионы людей в небытие», что «крестьянство в основном безропотно приняло на себя тяготы мученичества», так как якобы было подорвано и измучено еще в досталинские времена, что и голод, унесший многие миллионы крестьянских жизней, можно было инспирировать по той же причине! (См. ст. 170–171) И при этом не без «юморка» сообщать, как Сталин морочил голову У. Черчиллю: «Чтобы избавиться от периодических голодовок, России было необходимо пахать землю тракторами... Многие крестьяне согласились пойти с нами. Некоторым из тех, кто упорствовал, мы дали землю на Севере для индивидуальной обработки. Но основная их часть (имеются в виду кулаки. — Д. В.) была весьма непопулярна и была уничтожена самими батраками...» (С. 169). Сталину было выгодно «переключить» собственное душегубство на мнимых батраков-убийц, якобы взявших на себя выполнение штрафных функций сталинского карательного аппарата. Нынешним же погубителям с помощью голода, преступности, болезней и т. п. предпрещавших и предпрещающих безвременную гибель многих сотен тысяч россиян ежегодно, выгодно взвалить ответственность не только за собственные, но и за сталинские преступления на величайшего из числа государственных руководителей создателя-гуманиста, каковым, безусловно, был В. И. Ленин.

С поистине редчайшим, даже по нынешним временам, бесстыдством, Волгонов стремился внушить наивным и дезориентированным ельцинской информационно-пропагандистской машиной десяткам миллионов людей, будто В. И. Ленин был не создателем, а разрушителем. Мало того: он с редкой нахрапистостью порывался «зафиксировать» в массовом сознании сверххлживое «идеологическое клише», что все достижения В. И. Ленина базируются на разнуздывании неких «хватательных» рефлексов, приписывая ему мнимое внедрение даже не анархического, а расчетливо антиленинского, в сущности криминального девиза «Грабь награбленное!» (См. т. 2. С. 155). Ленин же с самого начала действовал диаметрально противоположным образом, причем лежкоммунистические «экспроприаторы» и просто уголовные грабители карались тогда наистрожайшим образом в отличие от «достославных» годков сталинского властвования!

Подобные элементы тогда очень скоро познали это на собственном опыте (в отличие от ельциноидных времен), ибо тогда «прихватизаторов» и заурядно уголовных воров, грабителей и тем более — убийц не поощряли, а привлекали к строжайшей ответственности вплоть до расстрела. Ныне же иные столпы и прихлебатели регрессивнейше антинародного режима не стесняются растленно поощряюще разглагольствовать, что коррупция, взяточничество, «прихватизация» как и все самые зловещие типы уголовщины ради обогащения (и прочее тому подобное, в том числе и бандитски-душегубски «приобретаемое») очень полезно! Дескать, это фактор положительный, ибо способствует т. н. «первоначальному накоплению» в интересах «светлого» бесчеловечного загребущее капиталистическое будущее! А значит, надо жертвенно пережить, причем с рабской покорностью, несколько десятилетий, пока кучка суперворюг, иной раз прямо-таки захлебывающихся в не всегда видан-

ной даже на Западе роскоши, не сумеет закрепиться, «скрутив в бараний рог» и оглупив около 90 % честных тружеников, обрекая на муки и гибель неисчислимое многомиллионное множество из них.

Даже сверхбессовестный Волкогонов вынужден был признать, что при ленинском нэпе имело место улучшение, но приписывал это т. н. кулачеству, действовавшему чуть ли не вопреки экономическому курсу, главным инициатором которого был первый глава Советского правительства. Впрочем, и здесь любой «историк» подобного типа не может не лгать, «забывая», что не только сравнительно богатые крестьяне, но и в первую очередь — гигантская масса т. н. середняков, составлявших подавляющее большинство среди крестьян, обеспечила давно невиданный (спасительный для народа) колоссальный прогресс сельскохозяйственного производства, то есть вполне возможного улучшения жизни всего населения при условии сохранения ленинского типа руководства и формирования руководящих органов.

Все это было подорвано антиленинскими сталинистскими «новациями» — одним из самых отвратных и страшных явлений всей многотысячелетней истории человечества, но ельциноидный режим устами волкогоновых и прочих своих «информационных» и агитационно-пропагандистских прихлебателей из года в год объявляет именно В. И. Ленина, а не Сталина виновником фактического геноцида, нацеленного против народов нашей страны! Причем, разумеется, делается все, чтобы скрыть, к примеру, что в процентном отношении к общему числу, как никакую иную категорию своих жертв, Сталин больше всего загубил истинных коммунистов, а ленинскую гвардию — почти поголовно. В общеколичественном же отношении основную часть загубленных по его вине составляли именно крестьяне. До чего же желательно нынешним дорвавшимся до власти погубителям великой страны и ее народа скрыть что Сталин (тем более — в сельском хозяйстве) делал вопреки ленинской концепции общественного развития практически все, что было в его редчайше разрушительных, по-своему уникальных способностях. А для этого ему, в первую очередь, надо было сначала политически, а затем и физически уничтожить всех тех, кто мог спасти от поругания и уничтожения все имеющее отношение к ленинской концепции развития общества, то есть к истинно социалистическим идеалам и реальным ценностям.

С того момента, когда Ельцин со своими подручными и «серыми кардиналами» дорвался до во многом совершенно бесконтрольной власти, оказалось под жесточайшим запретом и слово подлинной правды о ленинской концепции социалистического созидания и расцвета нашей великой страны. В первую очередь, на телевидении, являющемся наимогущественнейшим рычагом безнравственного, духовно парализующего и мировоззренчески извращающего воздействия на основную массу населения. Ничего, кроме оглупляющей и деморализующей лжи, клеветнических инсинуаций и тому подобного, а в «лучшем случае» — тотального замалчивания! Уж не стоит ли в данной связи поблагодарить тогдашнего председателя Думы И. П. Рыбкина, за то, что он «просто» ограничился однажды хитрованным, но сравнительно тихим вычеркиванием В. И. Ленина из нашей истории? Ох и «тонко» было все им рассчитано в той телепередаче 14.11.1994 года!

Вроде бы открыто не принадлежащий к числу «демократических» да и прочих, наиболее оголтелых халужных невежд, попавший в Думу по списку аграриев как «специалист» в соответствующей области, И. П. Рыбкин восторгался тогда в Ельцине практически всем, вплоть до того, как «бодренько» тот взялся в Германии дирижировать военным оркестром, игравшим «отходную» российским войскам, выводимым из этой страны!... Никаких даже робких критических замечаний, адресованных на «высочайшее имя»! Причем ограничился лишь легким укором в адрес охраны, не разбудившей «спавшего» президента, когда возле самолета по взаимной договоренности его дожидались руководители одной из европейских

стран! Зато не раз «проскальзывала» лицемерно завуалированная антидепутатская демагогия с оскорбительными полунамеками.

Относительно же беды общенародной, наличие которой в связи с какими-то «загадочными» обстоятельствами оказалось вне понимания И. П. Рыбкина, было сказано, что у 10 % населения все обстоит хорошо, а вот еще 10 % — живет неважно! Ах, как «нежелательно» признать правду, что в результате ельцинских грабительски криминальных псевдореформ паразитарное меньшинство обогатилось за счет 90 % честных, разоренных прохиндеями тружеников так, как давно уже не происходило ни в одной хоть мало-мальски цивилизованной стране. А огромные массы вообще низвергнуты за пределы физического выживания, как утверждают известные академики-экономисты, то есть в давно невиданном количестве обречены на все более раннее мучительное вымирание.

Тогдашний глава Думы, правда, оговорился, что надо бы, наконец, позаботиться о самых беспомощных, но не более того! Попутно вдруг трепетно почтительное слово Рыбкин выдал именно о последнем царе, а в то же время в полном соответствии с ельцинскими «правилами игры» ни единым добрым элементарно честным словом не упомянул В. И. Ленина! Уж не пришла ли пора восторгаться тем, что в тот момент не взялся он, как водится, издеваться над Владимиром Ильичом открыто окарικатурирующе? А ведь стоило бы деятелю, причастному в тот момент к партии аграриев, числящемуся тогда специалистом в соответствующей области, добросовестно признать, что ленинская политика была единственно спасительной для крестьянства. Тогда как политика всех остальных наиболее заметных государственных «величин» и около четырех десятилетий до 1917-го, и после 1928 года была в «лучшем» случае — непоправимо бездарной, а в худшем — наипреступнейшей! Не говоря уже о времени «созревавшего» и «цветущего» от Екатерины II до Николая I по-рабски мерзкого крепостничества.

Потому и пошли миллионы крестьян за В. И. Лениным под красными, ныне проклинаемыми властвующими апологетами царизма и буржуизма знаменами, во имя земли, воли и спасения Советской России от иностранных агрессоров и их белогвардейских сателлитов. И никакая сила не могла заставить их сражаться под ныне превозносимыми трехцветными царских времен флагами антисоветских лидеров, вплоть до гитлеровского прислужника генерала Власова. Благодаря ленинскому нзпу крестьяне получили эсе им обещанное, а политика В. И. Ленина в деревне, как и практически во всем, по-прежнему оставалась поразительно умной и созидательной, дававшей уникальные шансы расцвета и триумфа нашей родины и торжества благороднейших замыслов и идеалов. Сталину же надо было очень уж «постараться», чтобы подорвать все это, а растленно ренегатским, корыстнейше бессовестным фактическим его последышам типа Ельцина — доканать, возможно, непоправимо.

И ведь не мучают угрызения совести заправил типа Ельцина и ему подобных, жаждущих продолжать в том же духе! В документе, обнародованном думской фракцией Аграрной партии отмечалось: «В то время как на базах и складах гниют десятки тысяч тонн отечественного масла, мяса и мясopодуlктов», т. к. десятки миллионов наших сограждан потеряли возможность их приобретать в необходимом количестве и питаться нормально, что многих из них обрекает на гибель, тогда как «крестьянин вынужден забивать корову, не имея возможность продать молоко...» Зная обо всем этом, невольно задумываешься: не заправляют ли в нашей многострадальной стране с конца 1991 года натуры заведомо предательские и зоологически криминальные в своей корысти и бесчеловечности?

Даже среди зарубежных поклонников таких лжереформаторов уже немало лет тому назад начинало проявляться что-то похожее на чувство обеспокоенности. В частности, газета «Франкфуртер рундшау», ссылаясь на данные очередного отчета международной организа-

ции ЮНИСЕФ, уведомяла, что «уровень смертности в Восточной Европе столь же высок, каким он бывает в военное время... В России число крайне бедных увеличилось с 2,5 % в 1991 г. до 23 % годом позже!» А так же: «В 1993 г. статистика убийств в России превышала в два раза аналогичные показатели в США, где этот уровень весьма высок...» А тем временем тогда весьма активно превозносившая Ельцина чуть ли не до небес, газета «Московский комсомолец» 10.11.94 г. поместила издевательский фотомонтаж, озаглавленный: «М. К. даст прикурить любому». «Причем тут же изображен откормленный, сыто ухмыляющийся наглец, «дающий прикурить» скульптурному портрету В. И. Ленина... А почему бы не «почудить» самым вульгарным образом, если это так выгодно и так поощряется преступной правящей кликой? Можно даже «порезвиться», объявив В. И. Ленина переодетой женщиной...

Задавал ли когда-либо себе Ельцин вопрос: во имя чего «стараниями» таких как он, многие миллионы россиян обречены на муки, невиданные за последние полвека? Как он оправдывает в собственных глазах развал и фактическое уничтожение того промышленного и сельскохозяйственного потенциала, науки, культуры, образования, медицины, которые все же сохранялись до его прихода к власти на сравнительно терпимом уровне? Не мучают ли его кошмары из-за многих сотен и сотен тысяч людей, ежегодно фактически убиваемых, начиная еще с первого года его господства и в первую очередь именно по его вине? Конечно, нет. Даже когда невзначай даже на телеэкран вдруг случайно прорывается эта зловещая истина! Неопровержимо свидетельствующая, что ничего похожего на по-прежнему рекламируемое «реформаторство», да и вообще ничего не только приличного, но и элементарного путного в ельцинском режиме не было, нет и быть не могло. Сплошная дегенерация, гниль, распад, хапужная низость, грязь и давно невиданная «игра» на трупах!

Очень ли приятно Ельцину и прочим главным виновникам всех наших бед, например, любоваться продемонстрированным телезрителям ночным клубом, процветающим на руинах нашей экономики при необъятном множестве россиян, загубленных нищетой, голодом, болезнями, преступностью? Там расслабляются от трудов «праведных» или, как выражаются телеведущие, «отрываются» те, кто могут «отвалить» на свой день рождения более 60 миллионов, правда, т. н. неденоминированных рублей, а на особо дорогостоящую проститутку, соглашающуюся тут же «поразвлекь» разгулявшегося клиента — 15 миллионов, да и готовых запросто прихватить бутылку вина за три миллиона... Если склонной к капризам даме вдруг в морозную ночь захотелось окрошки, то специальные «шестерки» объедут чуть ли не всю Москву, но достанут, примерно, за миллион, а только чаевые во время стриптиза достигают 300 тысяч рублей.

Швырнуть подобные суммы в ходе «представления» вполне может, как теперь водится, отнюдь не один подгулявший «удалец» в пользу той, которая готова, как выражался «змей трехглавый» — один из давних персонажей песенки Владимира Высоцкого — «показать кой-чаво»... Естественно, подобные «господа» имеют миллионы и для оплаты более чем дорогостоящей личной охраны, хотя впрочем, в подобном ночном заведении имеется и собственная стража, вооруженная до зубов (в том числе и автоматическим оружием с лазерным прицелом). Так кое-кто «вводит» нашу родину в мировую «цивилизацию» и сам «цивилизуется» в соответствии с нею.

А тем временем считается великим счастьем, если честный труженик получает в месяц сумму, составляющую, примерно, десятую часть стоимости окрошки в ночном клубе или одну тридцатую — стоимости бутылки особо «изысканного» вина, не говоря уже о сравнениях иного плана! Впрочем, считаются ныне «везунчиками» частенько и те, кто получает в месяц сумму, которая иной раз означает постепенное, но малозаметное приближение к утрате работоспособности и преждевременной кончине! Что же тогда можно сказать об

участи тех, чей труд «оплачивался» на заре «ельцинской эры» минимальной так называемой зарплатой, то есть о жизни миллионов не упомянутых в той телепередаче рабочих и других труженников с лишь чуть-чуть менее жалким материальным «обеспечением»? Не говоря уже о фактических, в сущности заживо ликвидлируемых ельцинским режимом смертников, которым по президентскому указу и иным документам «положены» гроши по т. н. «прожиточному» минимуму... Да как посмел не только политиканствующий ренегат и обманщик, а погубитель бесчисленного множества людей, клявшийся (и сделавший с «точностью» наоборот...) за годик — другой резко улучшить жизнь всех россиян, но вопреки всему ужасному, им содеянному, многие годы отказываться уйти в отставку! Сколько еще далеко небезуспешно будет проявляться стремление сохранить главное из «укорененного» с конца 1991 года и что приходится квалифицировать как ельцинщину, способную лишь разлагать и губить практически все?

Откуда же взялись номенклатурные оборотни-прохиндеи, предпрешившие под «эгидой» Ельцина нашу, возможно, фатальную катастрофу последнего десятилетия XX века? А из вполне конкретного «источника», о котором В. И. Ленина с первых дней Советской власти упоминал многократно! Надо вновь и вновь вспоминать ленинские слова, в том числе и из доклада о работе и в деревне на VIII-м съезде партии 23 марта 1919 года: «К нам присослались кое-где карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надувают нас, которые полезли к нам потому, что коммунисты теперь у власти...».

Теперь же, когда недавние лжекоммунисты из категории «присосавшихся», превратившиеся во властвующих «демократов-прихватизаторов», в начале марта 2002 года, в очередной раз, творят свое идейно самое грязное дело. И в этот день по их воле снова, как водится, омерзительнее всех других персонажей истории, включая Сталина, был изображен в виде кривляющегося уродца именно В. И. Ленин, самолично хвастающийся тем, что, как будто он сам взял и, как никто другой, да еще с удовольствием «жизнь превратил в ад»...

Конечно же, новые правящие круги ни в коем случае не хотят возрождения ленинского антикриминального, антикоррупционного, антибюрократического кадрового курса! Дабы не допустить ничего похожего на честную и эффективную борьбу против терзающей и губящей нашу Родину вахханалии коррупции, взяточничества, беловоротничковой и всех остальных «ипостасей» преступности, вплоть до изуверски бандитской, «пришлось» продолжить ельциноидную кадровую линию и решено было «наложить длань свою» и на Счетную палату.

В результате из руководства Счетной палаты должны были исчезнуть по-настоящему достойные люди, включая честного, квалифицированного, принципиального Юрия Болдырева, а заправлять здесь поручено Сергею Степашину, более десятка лет бесстыдно помогавшему Ельцину во всех его черных деяниях. Вот и 2 марта 2002 года в ходе передачи «Постскриптум» он самовлюбленно уведомил, что всегда и во всем «был с Ельциным» и по сему играл, по его мнению, общественно позитивную (а вовсе не разлагающе-бесчеловечную...) роль! А чего стоили его лицемерно бесчестные комплименты, адресованные личным качествам и поступкам своего кумира, олицетворявшего все разрушительные, грязно дегенеративные «сдвиги» в обществе, сыгравшего решающую роль в развале великой державы, нуждавшейся в разбросованном, умном оздоровлении!

Почему Степашина по сей день не мучают страшные кошмары хотя бы за фактическое собственное «весомое» соучастие в «созидании» преступнейше пагубного бездушного режима, в условиях которого не только ограбленные старики, но даже огромные массы младенцев погибли и все еще не могут не погибать? Только потому, что у ельциноидного режима, «оказывается», исчезли с 1992 года деньги, жизненно необходимые для операций и лечения больных, ныне обреченных малышей из миллионов ставших бедными семей

только из-за ельцинских грабительски-капитализаторских и процаристски циничнейших гнусностей! Зато у властителей и «избранных» вплоть до зоологически уголовных их приближенных, да и «просто» паханов и прочих преступных «авторитетов» всегда находятся миллионы долларов для покупки в США и других «жирующих» странах (нежно ими любимых) роскошных вилл, замков, резиденций дворцового типа и вообще всего, что душа пожелает! И тем более — наиценнейшей, спасительной медицинской «обслужки»...

Владимир Ильич Ленин вплоть до последних дней своей жертвенной жизни не переставал тревожиться из-за опасности антинародно-бюрократического, злобно-политиканского, криминального и любого иного общественно крайне опасного перерождения властвующих структур, при нем лишь чуть-чуть «проклевывавшихся». В немалой степени по этой причине он, в частности, буквально находясь у последней грани между жизнью и смертью, настаивал на отстранении Сталина, уже тогда, по его мнению, сосредоточившего в своих руках «необъятную власть», с решающего поста в стране и в партии. И даже ему лично адресовал слова, свидетельствующие о его гениальном озарении и в соответствии с той конкретной ситуацией: «Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль». Остается вновь и вновь горько сожалеть, что тогда предостережение Владимира Ильича не было воспринято большинством руководителей по-настоящему всерьез, то есть в качестве определяющей, наиважнейшей директивы. Вместо этого многие тогда, видимо, понадеялись, по выражению Александра Пушкина, «на русский авось»...

Таков лишь первый «шажок» из числа предпринятых, помимо остального, и то, что «обновленное» НТВ 3 марта 2002 года прямо-таки захлебываясь от наигрязнейше бесчеловечного восторга, воспевало «10-летие второго пришествия российского капитализма» и новых «истинно» русских миллиардеров, с удовольствием перечисляя газеты и другие средства массовой информации, им принадлежащие. И как раз в тот же вечер до сведения многих миллионов телезрителей «доводилось», будто Владимир Ильич был самым ужасным руководителем, «превратившим жизнь в ад»!

В чем дело? А в том, что В. И. Ленин не убивал, а спасал миллионы людей, не развалил, а спас гибнущую страну. Да к тому же он, как никто особенно сурово и гневно клеймил безыдейных и бесчестных примазавшихся к коммунистам шкурников, которых при нем в ходе чисток с участием беспартийных масс во множестве гнали вон из партии. Это было основополагающей частью принципиальной ленинской политической и кадровой линии, с которой, на беду народов не только СССР, Сталину удалось покончить, пусть не мгновенно, но за считанные годы после смерти Ленина. Вплоть до выдвижения на важнейший палаческий пост ради уничтожения подлинных ленинцев, например, не только Ежова, но и Вышинского, невзирая на его многолетнее меньшевистское прошлое. Включая «страничку», содержавшую в один из решающих предреволюционных дней лично им подписанный документ, непреклонно требующий неременного ареста В. И. Ленина... Легко себе представить, какими были бы последствия выполнения такого приказа!

Что, помимо многого иного, способствовало грядущему торжеству Ельцина, и ему подобных над их оппонентами, да и вообще над всеми истинными тружениками земли нашей, составляющими гигантское большинство населения? Огромную роль сыграла отмена Сталиным и его подручными т. н. партмаксимума, согласно которому при В. И. Ленине руководитель-коммунист вплоть до наркома и секретаря ЦК партии, должен был получать заработную плату, не превышающую ту, которая полагалась наиболее высококвалифицированному рабочему, инженеру и т. д. Это чуть ли не автоматически отбрасывало от партии множество прохиндеев и карьеристов, способных своей, нередко крайне преступной корыстью, губить иной раз практически все и вся.

Однако и отмена партмаксимума, и множества привилегий, которыми Сталин буквально осыпал работников партийного и государственного аппарата, не привлекли на его сторону наиболее опытных, мыслящих, знающих, честных людей и в первую очередь — истинных коммунистов-ленинцев. Потому-то и жаждал он осуществить их поголовное уничтожение, причем все наши сограждане должны знать, что ни одна другая категория сталинских жертв не уничтожалась (когда удавалось — стопроцентно) с такой злобной яростью и неукоснительностью. Вот благодаря такому «развороту» примерно через пяток десятилетий и «созрели» предпосылки (в том числе в так называемое застойное многолетие) для торжества таких, как Ельцин, в связи с ускоряющимися темпами накопления бюрократических, тоталитарно-паразитарных и иных уродливо отрицательных общесоциальных потенций.

3 Загребущему, по серьезному счету бездуховному, но пробивному при всем его редком антиинтеллектуализме, расчетливо лицемерному приспособленцу для прорыва на вершину власти оказалось вполне достаточным под прикрытием призывов возродить ленинские нормы, покончить с привилегиями партийно-государственной верхушки, забывшей о скромности и чистоте В. И. Ленина, «сорвать» большинство голосов на выборах. Этому особенно помогли, например, и нижеследующие, вероятно, кем-то написанные для Ельцина строки, причем конъюнктурно весьма помогавшие ему «в охоте за голосами». «Да, мы гордимся социализмом, и гордимся тем, что сделано, но нельзя кичиться этим. (...) Вопросы социальной справедливости, конечно, по-крупному на социалистических принципах они у нас решены. Но остались некоторые вопросы, которые не решаются, вызывают возмущение людей, снижают авторитет партии... Должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен в равной степени ощущать каждый без исключения». (Борис Ельцин. «Исповедь на заданную тему». М., 1990. С. 99–100)

Одновременно Ельцин объявил, что «за семьдесят лет мы не решили главных вопросов — накормить и одеть народ...» Мало того: изображая из себя борца против привилегий сей «защитник» народного «блага» оповестил, как ему неприятны собственная пресыщенность и самые изысканные деликатесы вроде осетрины и черной икры, которые он и его родня продолжали поглощать в условиях, когда большинство населения СССР живет недопустимо плохо. Затем, когда он дорвался до вершины власти благодаря той части народа, которая была им обманута циничнейшим образом и проголосовала за него, а не за честных кандидатов, ему противостоявших (например, Н. И. Рыжкова), за считанные месяцы последовало скоростное обращение Ельцина в оголтело буржуазно-процаристскую «веру»! Можно не сомневаться: возглавивший такой переворот с тягчайшими последствиями для нашей Родины и огромного большинства честных тружеников, а в конечном итоге и чуть ли не для всего народа в целом, заслуживает вечного проклятья из поколения в поколение. Нельзя прощать того, кто, изображая себя честным «коммунистом», пролез на вершину власти, привлекая голоса десятков миллионов, которые им же и ему подобными тут же были обречены на давно невиданную нищету, на голод и массовое вымирание в результате давно невиданного почти тотального ограбления!

Абсолютно необходимо, наконец, всем нам до деталей уяснить социально опаснейшую в чем-то органическую взаимосвязь между переворотом 30-х годов, означавшим антиленинский надлом наших общественных и государственных основ, с процаристской и промонархической, капитализаторской катастрофой 90-х годов XX века. В этом плане весьма показательна и антиленинская диверсия по аграрно-крестьянской проблематике, почти беспрепятственно «прокрученная» через считанные годы после кончины В. И. Ленина.

Естественно, более полутора десятка последних лет властвующие ельциноиды, как обычно, преступнейшим образом извращают все относящееся к проблеме «Ленин и крестьянство». В том числе, конечно, даже то, что Владимир Ильич в ходе всей своей политической деятельности на протяжении дореволюционных десятилетий боролся за преодоление крестьянского малоземелья, порождающего нищету, хроническое голодание, смертельно опасную для жизни многих миллионов сельских жителей эпидемию, а в общем итоге — вымирание несчетного множества самых обездоленных из них.

В. И. Ленин был далеко не одинок среди знавших эти реалии царской России. В отличие от современных лжереформаторов и их пропагандистского «обслуживающего персонала», В. И. Ленин мучительно переживал страшную правду слов великого поэта и душевного страдальца за беды народные Н. А. Некрасова: «Родная земля! Назови мне такую обитель, я такого угла не видал, где бы сеятель твой и хранитель, где бы русский мужик не стоял...». Николай Алексеевич со страшной болью переживал тягчайшую долю крестьянскую и в годы после 19 февраля 1861-го. Далеко не случайно он оценивал в своей ныне предаваемой забвению поэме ситуацию в сельской жизни убийственно сатирически. Потому и называл своих персонажей выходцами их «Подтянутой губернии, уезда Терпигорева из смежных деревень: Дырявино, Заплатово, Горелово, Неелово, Неурожайка тож...»

То же самое столь же мучительно переживал Л. Н. Толстой и вообще все достойнейшие величины нашей истории, особенно начиная с А. Н. Радищева! Но что до всего этого нынешнему «избранному» меньшинству!

А вот В. И. Ленин в первой же день после победы в Октябре 1917 года, обосновывая Декрет о земле, непреклонно заявил, что «земля должна быть передана в руки крестьян». А затем сделал все, что было в его силах, чтобы сельские труженики стали «вольными хозяевами на вольной земле», без устали борясь против невежд и властолюбивых экстремистов, извращавших политические и иные нормы подлинно Советской власти. Даже в тягчайшем 1919 году, когда под ударами войск иностранных агрессоров и вооруженных ими белогвардейских армий, казалось бы, все висело буквально на волоске, он просто не мог не заботиться о крестьянских интересах.

Потому-то 23 марта 1919 года в докладе на УШ съезде партии о работе в деревне, Владимир Ильич требовал прийти на помощь крестьянству. Он решительно утверждал: «...При наших нравах, при нашем уровне культурности, при нашем недостатке культурных и технических сил, которые мы могли бы предложить деревне, и при том бессилии, с которым мы часто подходили к деревне, товарищи очень часто проводят принуждение, чем портят все дело...» В данной связи особенно гневно им были помянуты «присосавшиеся» к партии, ставшей правящей, «карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами, и надувают нас...».

Присматриваясь к этой стороне тогдашнего бытия, Владимир Ильич неустанно требовал не допускать даже подобия поощрения злоупотреблений и тем более — насилия по отношению к крестьянству. По его мнению «это будет таким идиотизмом, таким тупоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы. Задача должна быть здесь поставлена совсем иначе... Тут насилием ничего не создашь. Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред... Действовать здесь насилием, значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания».

И далее: «...Коммуны мы поощряем, но они должны быть поставлены так, чтобы завоевать доверие крестьянина. А до тех пор мы — учащиеся у крестьян, а не учителя их... Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехо-

да к лучшему строю и не смей командовать! Вот правило, которое мы себе поставили. (Аплодисменты всего съезда...) Если декреты правильны, то неправильно навязывать их крестьянину силой... Раз сказано, что необходимо добиваться добровольного согласия, значит, нужно крестьянина убеждать и нужно убеждать практически. Словами они не дадут тебе убедить и прекрасно сделают, что не дадут. Плохо было бы, если бы они давали себя убеждать одним прочтением декретов...» (И ведь даже это все было органически неприемлемо для Сталина более, чем для кого-либо!)

Прошло два года. Разгромлены и отброшены иностранные и «вскормленные» зарубежными покровителями белогвардейские армии. Пришла пора и появилась возможность пойти на встречу вековечным чаяниям издавна страдавших сельских тружеников. В. И. Ленин не пропустит ни минуты: вновь и вновь он требует честного по-настоящему человеческого отношения к крестьянству в ходе реализации своего гениально разработанного курса. Вынужденные политика т. н. военного коммунизма и особенно тягостная для крестьян продразверстка должны были устраняться как можно скорее. Это было главным в работе очередного съезда партии и особенно ярко проявилось в докладе В. И. Ленина «О замене разверстки натуральным налогом», сделанном 15 марта 1921 года на X-м съезде РКП(б).

Разве не показательны, например нижеприведенные строки? «Во всяком случае, мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямоком, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно... Это — воля громадных масс трудящегося населения... Вникая в этот вопрос, мы скажем себе сразу: удовлетворить мелкоземледельца, по сути дела, можно двумя вещами. Во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых, нужно достать товары и продукты. Что за свобода оборота, ежели нечего оборачивать и свобода торговли ежели нечем торговать! Это останется бумажкой... Мы в этом отношении очень много погрешили, идя слишком далеко: мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно».

Делается в наши дни и все возможное, чтобы «вымарать» из народного сознания и зашоршающее проявление ленинской гениальности. Не далее как в день очередной годовщины со дня кончины Владимира Ильича 21 января 2001 года по «государственному» каналу РТР был показан наиглупейшее клеветнический фильм Сокурова, изображающий В. И. Ленина злобно-бездумным, дегенеративным типом. Даже невзирая на его последние, но тоже гениальные строки, например, из буквально выстраданной статьи «О кооперации» 6 января 1923 года.

«У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимание на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение... И вот не все товарищи дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России. В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов».

«Мы перегнули палку, переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что недооцениваем теперь

кооперацию, что начали забывать уже гигантское значение кооперации в указанных выше двух сторонах этого значения. ...Нэп представляет из себя в том отношении прогресс, что он приравнивается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего. Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения — вот для этого требуется целая историческая эпоха... Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили и проявили в достаточном количестве и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с умением быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора...»

«...Коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали, должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество». Конечно, лжедемократам, изуродовавшим нашу Отчизну, ненавистны честные ответы и на нижеследующие вопросы. Что особенно характерно для подхода В. И. Ленина к анализу проблематики социально-экономического плана поистине беспредельной значимости? Что здесь наиболее актуально для нынешнего этапа общественного развития? Как Сталин и его последыши вплоть до ельциноидов, подрывали ленинские основы гуманности и прогресса?

4 Параллельно с охаиванием В. И. Ленина, вполне закономерно не просто приглаживание, но и возвеличение Сталина на якобы «ужасном» фоне того, кто как никто другой ненавистен ныне погубителям нашей страны, миллионов наших соотечественников и, конечно, идеалов человечности и прогресса в мировом масштабе. И в данном смысле создатель грязнейшего «киношедевра» «Телец» учитывает ситуацию в лжедемократическом агитационно-пропагандистском ведомстве, ныне нацеливаемом на совмещение преступного охаивания В. И. Ленина с сочувственным «подмигиванием» Сталину. В этом плане вполне типичным является и фильм «Кремлевская принцесса», продемонстрированный по телевидению 24 января 2002 года, через считанные дни после сокуровского охальнейшего издевательства над В. И. Лениным «по случаю» очередной годовщины его рокового для нашего общества мученического ухода в небытие...

Поражает в данном фильме более, чем что-либо иное, просталинская апологетика, особенно в напористых рассуждениях Светланы Аллилуевой. Было бы, конечно, грешно не признать, что, в отличие от Александра Сокурова, она, видимо, не принадлежит к числу совершенно бессовестных людей, руководствующихся только вульгарнейшей корыстью. Пожалуй, С. Аллилуева в основном производит впечатление искренне заблуждающегося, надломленного жизненными неудачами человека. И потому, как хочется верить, возможно, подсознательное (и, к сожалению, небезуспешное) ее стремление дезориентировать, в сущности, невольно обмануть миллионы и миллионы людей, является не столько виной, сколько бедой этой дамы преклонных лет.

Однако не просто плохо, а ужасно то, что это не может не иметь крайне негативных, предельно нездоровых общесоциальных последствий. Ведь ее мировоззренчески порочную одержимость, в основном сугубо личную, непременно используют в своих целях самые темные силы современности. Включая и те, которые открыли, помимо прочего, аналогично зеленую улицу и перед демонстрацией по телевидению тенденциозного, извращающего страшно многое в нашем прошлом, фильма «Кремлевская принцесса».

И ведь у таких, как они, хватает совести популяризировать на всю нашу огромную страну, преступнейшим образом лишаемую честной исторической информации, даже ут-

верждение С. Аллилуевой, будто самоубийство жены сделало Сталина недоверчивым и жестоким, в результате чего он начал массовые репрессии! И ведь далеко не впервые она не стесняется повторять подобную выдумку, выгодную прежде всего как раз тем, кто развалил СССР, подорвал промышленность, сельское хозяйство, оборонную мощь, науку, культуру, народное здравоохранение, образование. Как же лжедемократическим властителем нашего общества не использовать в своих целях подобных «откровений»!

Как ни грустно это констатировать, но немалая часть телезрителей склонна поверить крайне необъективному утверждению, будто Сталин стал жестоким лишь после все еще загадочной гибели Надежды Аллилуевой, правду о которой, возможно, унесли с собой ее родственники, бросившие в огонь письмо, которое она просила прочитать после ее смерти. Как историк по образованию, Светлана Аллилуева не может не знать, что жестокость ее отца проявлялась еще за много, много лет до гибели жены в 1934 году. Чего стоит, к примеру, т. н. дело Алексеева, «организованное» Сталиным еще в 1918 году и приведшее к расстрелу бывших царских офицеров, честно служивших Советской России и совершенно невиновных.

Тогда Сталину с помощью Ворошилова с трудом удалось оклеветать те свои жертвы, без чего ему не удалось бы избежать суровой ответственности за это и иные свои «художества» в царьцынском регионе. С тех пор он вел себя очень осторожно при жизни В. И. Ленина и сравнительно осмотрительно в первый период после его смерти. Свои жесточайшие вожделения он все более необузданно начал развязывать на первых порах лишь для политической (пока еще) расправы с оппозицией. Хотя незавершенность антиленинского переворота мешала ему полностью подорвать традиции человечности, насаждавшиеся именно главой первого советского правительства, он уже тогда обнаружил чудовищную жестокость, а также склонность к им же спровоцированным преступным расправам с честными людьми.

Проявлялось это не только в требовании Сталина расстрелять, например, критиковавшего его ленинца Мартемьяна Рютина, но и в крупномасштабных карательных акциях конца 20-х — начала 30-х годов, от которых миллионами тяжело пострадали русские, украинские сельские жители и множество крестьян других национальностей. Не говоря уже об инспирированных им преступно клеветнических процессах над ни в чем неповинными, пользуясь его терминологией, «интеллигентами». А сколько миллионов наших сограждан погибло в ходе страшного голода (в первую очередь, как тогда выражались, в хлебных регионах) начала 30-х годов! Фактически он был инспирирован преступнейшим изъятием у колхозников «под метелку» тех скромных запасов зерна, без которых мучительнейшая смерть от голода выкашивала почти поголовно жителей несчетного множества деревень.

По требованию того, кто сумел дорваться во многом до диктаторски бесконтрольной власти, все средства массовой информации того времени не просто скрывали страшнейшие беды, обрушенные на многие десятки миллионов наших соотечественников, а шли неизмеримо дальше! Они включились, в том числе, в беспредельно очковтирательскую пропагандистскую вакханалию, начатую лично тем, кто объявлялся уже тогда не просто великим, а гениальным вождем. Вещая о счастливой жизни колхозников, о столь же мнимых недавних «страданиях» крестьян-единоличников, не могли не лгать скованные парализующими оковами руководящей фальсификаторской директивы, все органы печати, радиостанции, множество пропагандистов и агитаторов, тчетцов официальных документов. Все, все, все непрерывно вещало о процветании того, что на само деле было загублено антиленинской коллективизацией, подрывающим сельскохозяйственное производство т. н. раскулачиванием и тому подобным, расплата за что была беспрецедентно тяжелой и мучительной!

В условиях подобного тиранического сталинского руководства сельским хозяйством, при наличии миллионов, погибших от голода, оказался возможным экспорт зерна из СССР иной раз прямо-таки по демпинговому, в сущности — почти бросовым ценам. «Заодно», под расслабляюще-одурманивающий пропагандистский шквал о невиданном «расцвете» колхозного крестьянства, о его, как и всего населения СССР невиданно «счастливой» жизни, якобы начавшейся при чудесно сверхмудром сталинском «водителстве», опровергалась любая информация о тяжелейшем голоде в нашей стране и отвергались предложения продовольственной помощи! И, конечно, эта счастливая жизнь наступила якобы не во времена преступно отброшенного ленинского НЭПа, а именно «по случаю» начавшейся в 1929 году так называемой сплошной сталинской коллективизации в сочетании с раскулачиванием!..

Все более агрессивная жажда тотального обмана населения СССР при наличии миллионов жесточайшим образом загубленных во времена то ли по глупости на грани патологии, то ли по сатанинскому расчету спровоцированного страшного голода, а также в результате далеко не случайных, а целеустремленно задуманных массовых репрессий самого конца 20-х и начала 30-х годов, была вполне закономерной для претендента на тираническую власть. Таков первый и главный реальный итог сталинского вполне «оригинального» курса по руководству сельским хозяйством. Того самого, который полностью исключал использование гениальных установок В. И. Ленина, спасительных для нашего общества в целом и, конечно, для крестьянства. За это народы нашей страны заплатились безмерно дорого, и отнюдь не только на первом этапе поистине антисоциалистического по глубинной сути начатого в те годы переворота.

В данной связи весьма актуально каждому из нас понять истинную цену псевдоисторическим откровениям Светланы Аллилуевой, и отнюдь не только порочнейший смысл ее утверждения, будто Сталин стал жестоким лишь «по случаю» смерти жены и, следовательно, после 1934 года. Трудно придумать что-либо еще более несуразно бесчестное, чем стремление С. Аллилуевой «подвести» к принятию всерьез собственной выдумки, будто Сталин был так надломлен трагедией, связанной с гибелью жены, что полностью потерял контроль над своими эмоциями и способность контролировать себя при решении вопросов о жизни и смерти множества даже лично хорошо известных ему людей. А в результате подобных «свидетельств» его дочери, у наивных, лишенных правдивой информации наших сограждан во множестве случаев возникает впечатление, будто также неосмысленно, а значит «невинно» Сталин предрешал и гибель многих миллионов ни в чем неповинных крестьян и других соотечественников.

В том же направлении, видимо, вполне расчетливо, вопреки даже намеку на честный поиск истины, стремится «подтолкнуть» С. Аллилуева наших современников к восприятию всерьез своего предположения, будто Сталин настолько деградировал по части утраты способности здраво оценивать людей, что Лаврентий Берия, которому, дескать во всем помогал Георгий Маленков, мог уговорить его казнить кого угодно. А потому будто бы отнюдь не Сталин, а Берия был главным виновником массовых репрессий и гибели несчетного множества наших сограждан, особенно с момента его перевода из Грузии в Москву.

С. Аллилуева настолько «увлеклась», что предает сокрытию страшную правду и о том, как Сталин руками своего духовно и этически болезненно неполноценного, абсолютно безвольного, неспособного даже на подобие самостоятельности выдвигенца Николая Ежова, довел репрессии до их наипреступнейшей «вершины», уничтожив наибольшую массу тех, кого он лично пожелал объявить ни за что ни про что «врагами» народа! А ведь именно при Берии все же было решено несколько приостановить эту резню!

По-своему вполне «естественно» Светлана Аллилуева и не думает опровергать появившиеся в печати и на телеэкране документально обоснованные утверждения, что, к примеру, Берия, сменив Ежова, сыграл положительную роль в освобождении из мест заключения определенной части репрессированных и даже осмелился возражать против расстрела тысяч польских офицеров, а в послевоенное время, к примеру, ограждал от демагогов наиболее дееспособных специалистов в сфере ядерной физики. Более того: он, как полагают некоторые исследователи, был первым, кто после смерти Сталина решительно выступил против применения пыток в СССР и прочих подобных безобразий, то есть чудовищно преступных, регрессивнейших «новаций» 30-х годов. Конечно, как исполнитель воли Сталина, Лаврентий Берия несет тяжчайшую ответственность, хотя и меньшую, чем ни в чем не раскаившиеся подручные Сталина высшего ранга типа Молотова, Ворошилова и им подобных, безнаказанно дожившие свой век.

Или все это объективно, документально обоснованно будет опровергнуто, или С. Аллилуева должна признать порочность этих своих предположений, как и им подобных, вплоть до утверждений, будто во всем ужасном виновен не Сталин, а вообще только «чекисты». Ну почему бы ей, окончившей исторический факультет МГУ, а затем — аспирантке, не разобраться, к примеру, честно хоть в чем-то из сказанного Н. И. Ежовым в выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года? Ведь тот открыто заявил, что Сталин лично потребовал, чтобы следствие по делу об убийстве С. М. Кирова было еще тогда сразу же нацелено против, как теперь официально признано, клеветнически обвиненных честных, ни в чем скверном не замешанных коммунистов! Глава НКВД далеко не случайно дословно привел сказанное Сталиным: «Ищите убийцу среди зинovieвцев»... И это не было опровергнуто никем, включая самого «хозяина»!

Л. П. Берия, который, по мнению С. И. Аллилуевой, будто предопределял злодеяния И. В. Сталина по вопросам о жизни и смерти невинных людей, не был в числе особо приближенных функционеров ни тогда, ни годами раньше, скажем, во времена, когда Ежов лично Сталину вручал один за другим списки (всего 383), содержавшие имена многих тысяч партийных, государственных, военных и иных руководителей. А «гениальный» властитель затем сам работал на таких «документами», посылая подавляющее большинство из перечисленных в них на гибель в ежовских (а на самом деле — фактически сталинских) застенках! Реабилитация же обычно оказывалась посмертной десятки лет спустя. Для того, чтобы такого рода чудовищные деяния срабатывали быстро и «без промаха», именно Сталин не раз открыто требовал применения и повсеместного внедрения пыток, вынуждавших признательные показания благодаря их изуверской, подчас на грани ужасов средневековья, бесчеловечности. Как раз благодаря этому выбивали «нужные» именно Сталину признания и у достойнейших людей.

В этом плане была вполне типична, например, трагическая судьба в числе бесчисленной массы других, и Я. Э. Рудзутака, кандидата в члены Политбюро, в ленинские годы — секретаря ЦК РКП(б), члена партии с 1905 года, 10 лет пробывшего на царской каторге. В протоколе судебного заседания Военной коллегии Верховного суда по его «делу» есть его безукоризненно правдивые слова о гнойнике в органах НКВД «...который искусственно создает дела, вынуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными... Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать... невинных, не говоря уже о самом подследственном». Сталин, конечно, не пожелал с Рудзутаком разговаривать, а вопрос о его расстреле был решен в течение 20 минут. Разумеется, не было принято во внимание и то, что этот член ленинской партийной гвардии в свое время был председателем Центральной Контрольной Комиссии, созданной, по мысли В. И. Ленина, в сугубо позитивных гуманных,

способствующих торжеству справедливости целях. (См. книгу «Реабилитация. Политические процессы 30–50-е гг.» Москва, 1991 г. С. 37).

Почему творилось такое? Отнюдь не потому, как утверждает С. Аллилуева, что Сталина якобы надломил и деформировала смерть жены. Задолго до ее загадочной гибели на протяжении очень многих лет он действовал вполне расчетливо и целеустремленно, руководствуясь сугубо личными помыслами и вожделениями, довольно точно прикидывая, что ему нужно для захвата и удержания тиранически бесконтрольной власти. Именно ради этого им была уничтожена, по сути, без остатка, вся ленинская партийная гвардия и большинство сформированных ею рядовых коммунистов и их руководителей, вплоть до т. н. низовых «звеньев». Были репрессированы многие сотни тысяч тех, кто, имея значительный партийный стаж и ценнейший политический опыт ленинского периода нашей истории, органически не мог с «легкой душой» принять и поддержать сталинские новации, по истинной сути глубоко антисоциалистической и антисоветской направленности, ужасающе опасные далеко не только для всех народов, живших на территории СССР.

Важную сторону данной проблематики затронул в свое время и Отто Лацис, который в доельцинские времена, безусловно, был глубоким и объективным исследователем. Его мнение той поры заслуживает самого пристального внимания: «В середине и конце 30-х гг. ...приток новых рабочих стал не столь сильным по сравнению с уже сложившейся за две пятилетки массой рабочего класса. Появилась естественная устойчивость, которую уже не надо было поддерживать особыми мерами — наоборот, особые меры требовались для того, чтобы ее нарушить. Новички третьей пятилетки не могли свалить новичков первой пятилетки одной своей массой. А свалить Сталина нужно было, ибо поколение 20-х годов в рабочем классе и партии к концу 30-х годов уже не было сырым и неопытным. Оно обучилось, запомнило и горький опыт первой пятилетки, через который прошло под сталинским знаменем. Лучшие люди этого поколения начали понимать слишком много — Сталин почувствовал это на XVII съезде, где может быть, не хватило совсем немногого, чтобы сменить его у руля. Поэтому-то он не мог позволить большинству делегатов дожить до следующего съезда...

Приходило понимание отдаленных последствий сегодняшнего решения. А с ним и вопросы: какие сегодняшние обстоятельства сами служат лишь отдаленными последствиями вчерашних решений. И следующий вопрос: было ли необходимым ускорительство в первой пятилетке? Нужно ли было перетерпеть голод в начале 30-х?... Еще нет вождя, который выразит окрепшее новое сознание, но разве мало их, из второго эшелона старых большевиков, занявших место вытолкнутых соперников Сталина по шестерке? Киров, Орджоникидзе, Рудзутак, Постышев, Эйхе, Тухачевский — любой может завтра стать опасен. Может быть, они и сами еще не все это поняли — вот и надо спешить, пока не поняли. Надо убить и их, и тот слой, идеи которого они готовы выразить.

Но победить массовый слой можно только массовым насилием. В этом секрет бессмысленной на первый взгляд массовости репрессий тридцать седьмого. Вот почему наивно говорить, что Сталина обманывали Ежов и Берия, что ему случайно не повезло: ошибся, мол, не тем поверил! Нет, он поверил именно тем, кому хотел поверить, он выбрал тех, кто лучше всего подходил для выполнения поставленной задачи. Чтобы убедиться в этом, нет нужды разглядывать темные фигуры этих бандитов. Они были всего лишь исполнителями, палачами с топором. Работу палачу задает прокурор, а он действовал вполне открыто. Теории Вышинского в сочетании со знаменитой речью самого Сталина об обострении классово-борьбы в ходе строительства социализма доказывают неопровержимо, что установка была именно на массовые репрессии». (О. Р. Лацис. Перелом. Москва. Издательство политической литературы. 1990 г. С. 365–366).

Понимает ли Аллилуева всю степень извращенности своих оценок происходившего в десятилетия пагубнейшего торжества Сталина и его подручных? А какова цена ее «откровений» о том, что тот якобы оказался жертвой, а не виновником, причем именно наиглавнейшим, всего самого нездорового, расчетливо извращенного и ужаснейшего в нашем обществе? По какой причине она демонстрирует свое «непонимание», что, возможно, болезненная жестокость Сталина, его уродливо пагубные деяния в погоне за тиранически абсолютной властью, были органической частью его природы задолго до гибели Надежды Аллилуевой? Как она ухитряется внушать себе и другим, будто ставленники лично Сталина в НКВД, прокуратуре и других структурах, превращенных «хозяином» из правоохранительных в душегубски-карательные, были не рабски послушными орудиями в его руках, а злоуще бесконтрольными и даже абсолютно самостоятельными величинами, якобы определявшими его собственное поведение? А чего стоят ее «свидетельства» о его редчайшей скромности, неприязнательности, желании творить лишь добрые общественно полезные дела? Какова первооснова таких ее умозаключений?

Что касается А. Сокурова, то здесь главное объясняется совсем по-иному, чем у С. Аллилуевой, где, вероятно, основное вытекает из особых сложностей долгой жизни и сугубо индивидуальных, часто эмоциональных «всплесков». У Сокурова же, думается, налицо органически недоброе сознание, нечистоплотный в своей корысти расчет, если можно так выразиться, «от А до Я». Относительно на редкость антиисторических (на грани крайне нездорового отчуждения от политических и морально-этических реалий) срывов С. Аллилуевой хочется верить, что здесь многое определяется, возможно, своего рода «кровнородственным», неизлечимо болезненным, социально и интеллектуально ничем не компенсируемым «синдромом». А вот другие соучастники клеветнических акций прямо-таки не могут не лгать особо корыстнейше циничным образом!

5 В. И. Ленин с того момента, когда в конце 1991 года завершился преступный переворот и Ельцин вскарабкался на возделенную вершину власти (на беду нашу общую), был и остается главным объектом не заурядно криминального, а по-гитлеровски зловещего шельмования. Достоинейшим из его соратников «повезло», по крайней мере, в том смысле, что их «всего лишь» походя бессовестно лягают, а в основном — расчетливо фальсификаторски замалчивают все разумное, доброе, прогрессивное, связанное с их деятельностью. В этом смысле типичной и в то же время особенно яркой личностью является Николай Иванович Бухарин, одно время тяжко заблуждавшийся, но в целом — человек уникальный по своим по-доброму созидательным потенциалам и уникально творческим ресурсам. Именно с этим деятелем связано крушение последней, сравнительно наиболее глубокой, интеллектуально на редкость серьезной попытки спасти хоть что-то из ленинского наследия, дававшей шанс относительно здорового развития СССР по действительно социалистическому пути.

Какой оценки заслуживает выступление Н. И. Бухарина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 18.04.1929 года? Насколько велика степень актуальности данного выступления в современных условиях? Можно ли утверждать, что это выступление неопровержимо свидетельствовало о возможностях по-настоящему успешного развития нашего сельского хозяйства и экономики в целом, не только в условиях осуществления новой экономической политики вплоть до 1927 года, но в перспективе всех последующих десятилетий? Есть ли основания отрицать, что честное и компетентное осуществление ленинского курса означало бы подлинное процветание нашего общества? Правильно ли то, что политическая расправа с Н. И. Бухариным и его сторонниками означала наиболее катастрофическое по сво-

им последствиям уродование ленинизма, как организационной структуры и течения политической мысли? Не это ли предreshало фактическую неотвратимость грядущего осуществления с «помощью» самых грязных методов (включая кроваво-изверские) беспредельно опасного, ужасающего преступного переворота? Какова роль во всем этом сначала отбрасывания от рычагов власти, а затем и массовой физической ликвидации принципиальных и по-настоящему образованных глубоко мыслящих соратников и последователей В. И. Ленина? И все это сочеталось с последовательным и упорным выдвигание вместо них в лучшем случае безликих, творчески бесплодных функционеров — исполнителей. А на самом верхнем ярусе — не только «пробивных» бездарностей, но и заведомо преступных элементов типа Ежова и более крупных подручных Сталина вроде Молотова, Ворошилова и им подобных, духовно и морально-этически наиболее близких «хозяину»...

Из выступления Н. И. Бухарина 18 апреля 1929 года:

«Товарищи, прошу выслушать мою речь с возможно большим вниманием, ибо я полагаю, что в качестве члена Политбюро произношу свою речь перед пленумом в последний раз. А должен, прежде всего, сказать, что нам, трем членам Политбюро, пришлось обрестись в положении, в котором не приходилось быть ни одному члену партии, тем более ни одной группе, которая принадлежала до сего времени к руководящему составу партии. В самом деле: после объединенного заседания президиума ЦКК и Политбюро мы, без решения соответствующей высшей партийной инстанции, были подвергнуты широко развернутому обстрелу. В сущности говоря, это положение напоминало так называемую «гражданскую казнь» дореволюционных времен, когда человека выставляли у позорного столба и под барабанную дробь говорили про него самые клеветнические вещи, запрещая ему в то же время произносить хотя бы одно слово. (...)

Полное право гражданства в партии получила теперь пресловутая «теория» о том, что чем дальше к социализму, тем больше должно быть обострение классово-борьбы и тем больше на нас должно наваливаться трудностей и противоречий. Ее (эту теорию) наметил на июльском пленуме тов. Сталин... Я считаю, что эта «теория» смешивает две совершенно разные вещи. Она смешивает известный временный этап обострения классово-борьбы — один из таких этапов мы сейчас переживаем — с общим ходом развития. Она возводит самый факт теперешнего обострения в какой-то неизбежный закон нашего развития. По этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костьми. (...)

Таким образом, теория, дополненная, углубленная и поднятая на высшую ступень... провозглашает такой тезис, что чем быстрее будут отмирать классы, тем больше будет обостряться классовая борьба, которая очевидно, разгорится самым ярким пламенем как раз тогда, когда никаких классов уже не будет! (Смех). Это тоже относится к одному из многочисленных теоретических «открытий», которые делаются за последнее время и которые, к сожалению, так или иначе определяют нашу политику. (...)

Итак, можно дело формулировать следующим образом: вместо того чтобы в предыдущие годы обратить внимание на положение зернового сектора и через 1–2–3 года получить очень крупное ускорение строительства, и притом на твердой, а не колеблющейся основе, и идти вперед, с прочным международным экономическим положением, с хорошим валютным положением, с золотом, с резервами, с активным торговым и расчетным балансом, с твердым курсом, с перспективой безболезненного перехода на безыскусственный паритет, мы пришли к неизбежным трудностям. (...)

Так вот, товарищи, я считаю, что если бы можно было формулировать в одном пункте положение вещей в сельском хозяйстве, то это можно было бы формулировать так: сейчас мелкий товаропроизводитель превратился из продавца хлеба в сдатчика хлеба. Поэтому нарушена была та основная форма смычки, которая еще долгое время должна быть у нас главной формой, определяющей формой, а именно форма рыночных связей. Так как продавец хлеба все больше превращается в сдатчика, а продажа — в государственную повинность (сдачу), то сам хлеб все больше превращается из товара в объект повинности и одновременно в суррогат денег и в средство накопления. Поэтому он стал «исчезать», ибо он стал «браться на учет». А в это же самое время «издержки аппарата» и издержки по выкачке хлеба чрезвычайно росли, параллельно уничтожению рыночной формы связи. Накладные расходы на каждый пуд собираемого хлеба гигантски возросли — содержание уполномоченных, развозды и вся эта история имеет и свою экономическую сторону, имеет свои экономические «накладные расходы». Распределительный принцип, принцип разверстки — как хотите назовите, — приводил и приводит, несомненно, к тому, что увеличивается опасность дальнейшего суждения производственной базы. Роль денег при таких условиях, их роль в обороте между городом и деревней падала и падает. Отсюда — что совершенно естественно, раз этот рычаг стал ослабевать, — следует, в свою очередь, дальнейшее усиление нажима, прямого администрирования, прямого давления и здесь одно звено цепляется за другое. Именно здесь корень новых форм «чрезвычайщины»: так называемое самообложение, и бойкот, и целый ряд других новых — явных или замаскированных — форм чрезвычайных мер.(...)

Что отсюда вытекает? Отсюда вытекает то, что форма рыночной связи будет у нас существовать еще долгие и долгие годы. Я бы даже больше сказал: форма рыночной связи долгие годы будет решающей формой экономической связи. Решающей! А если это так (попробуйте-ка опровергнуть, что это так), если это так, то отсюда, в свою очередь, вытекает вот что: если развитие социализма идет через рыночную связь, через рыночный товарооборот между городом и деревней, значит, основная линия нашей смычки в нашем хозяйстве — рыночная и наша ведущая экономическая роль должна идти через рыночные отношения, т. е. через развертывание товарооборота.(...)

Если развитие должно идти в решающих пунктах через товарооборот, то скажите, пожалуйста, разные формы некоторого «чрезвычайного» воздействия, которые этот оборот сокращают, что они представляют с хозяйственной точки зрения? Они представляют с хозяйственной точки зрения большой вред, величайший тормоз развития. Это так. Теперь у нас есть целый ряд таких «мероприятий» (я не буду останавливаться на том, как они появились, об этом я уже раньше говорил), которые насильственно сокращают товарооборот, которые представляют собою форму прямого административного нажима, которые являются формой непосредственного административного воздействия и «командования». Поэтому у нас появились нелегальные хлебные рынки, хлеб иногда продают в лесах, продают из-под полы и пр. Это есть нелепое сокращение нашего товарооборота. Есть ли это положительная или отрицательная величина? Я считаю, что величайшая отрицательная величина. Но если это есть величайшая отрицательная величина, то как об этом не сказать в резолюции? Как же на это не обратить внимание? Как же не стремиться исправлять такое положение вещей? Вот этого я никак не понимаю. Так можно поступать только в том случае, если считать, что нэп вообще есть уже пройденная фаза развития.(...)

Новые формы смычки — контрактация, коллективные хозяйства, межселенные тракторные станции, помощь со стороны колхозов и совхозов окружающему индивидуальному хозяйству — все это, разумеется, есть наша ближайшая задача. Но это не отменяет ни капли нэпа,

т. е. отношений через рынок. А если налицо есть отношение через рынок, то величайшей важности задачей является задача стимулирования бедняцко-средняцкого хозяйства.(...)

Итак, что нужно сделать для того, чтобы осуществлять индустриализацию страны в разрезе пятилетнего плана и исходя из той хозяйственной обстановки, которая сложилась в нашей стране? Мне кажется, что из всего предыдущего изложения совершенно ясно видно, что одной из центральных, одной из крупнейших проблем, стоящих перед нами, поскольку речь касается сельского хозяйства как базы для развития промышленности, является проблема сочетания колхозного и совхозного строительства с подъемом индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств.(...)

Теперь посмотрим, как должен рассуждать крестьянин, который не из любви к социализму заключает с нами блок, мы говорим ему: расширь яровой клин. А он говорит: знаю я, я расширю, а придет время — будут введены чрезвычайные меры и все у меня отберут. Вы говорите ему о повышении техники, об очистке семян и т. д., а он говорит: прекрасно, я буду расширять, очищать, а вы приедете и отберете.(...)

Нужно в экстренном порядке обеспечить себе известный маневренный хлебный фонд, в том числе и путем ввоза, что потребует жертв, известного сокращения импортных трат. После этой «пожарной» меры, дальше вести политику на основе решительного отказа от чрезвычайных мер, это есть, мне кажется, первая и самая элементарная предпосылка того, чтобы вести дело вперед. Товарищи, ведь вы должны в конце концов понять, что чрезвычайные меры, возведенные в систему (как о том все мы раньше говорили, как о том говорил раньше и тов. Молотов, как о том говорил и тов. Микоян), запирают нам все входы и выходы.

Этот решительный отказ от чрезвычайных мер, проводимых под псевдонимом или без псевдонима, должен быть непрременнейшим базисом нашей политики. Ибо только так можно оставить систему нэпа. Чрезвычайные меры и нэп есть вещи друг другу противоречащие. Чрезвычайные меры есть отмена нэпа, хотя и временная, конечно, чрезвычайные меры как система исключают нэп.(...)

Экономика требует известных правовых, законодательных мер, и, когда они нарушаются, очень часто экономика не может развиваться. Мы должны понять, что если мы все время говорим: «плановое начало», «решительная рационализация», «калькуляция», «агроническая помощь» и пр., то тем самым, если мы это относим к крестьянству, мы агитируем и пропагандируем, чтобы крестьяне лучше хозяйничали, рационализировали свое хозяйство, калькулировали в нем, лучше считали, чтобы они заранее составляли свой «лапотный» «план», но для этого, прежде всего, крестьянин должен заранее знать, сколько с него возьмут, в какие сроки, по какой календарной программе и т. д.(...)

Итак: революционная законность обязательна, иначе крестьянин сейчас, когда мы сами пропагандируем и агитируем за новые более культурные методы ведения своего хозяйства, нуждается в революционной законности: без нее он не может хозяйствовать. Нужно же понять, что мы сами дезорганизуем его. Не только с экономического конца, но и с конца законодательного, если сегодня будет одно, завтра — другое, послезавтра — третье, если ничего нельзя заранее ни предвидеть, ни рассчитать, то он не может тогда хозяйствовать. Он убежит из этой области, он будет тыкаться куда угодно, но он не будет заниматься хлебом. Требование революционной законности не случайно выплывает на первый план: революционная законность нам необходима, она нам нужна до зарезу именно в реконструктивный период. Она есть предпосылка для того, чтобы у нас так или иначе была известная устойчивость отношений, были так или иначе созданы известные рамки для подъема бедняцко-средняцкого хозяйства.

Я остановлюсь на этом деле потому, что в комиссии по бюрократизму, где я голосовал за тезисы тов. Яковлева, была отклонена моя поправка о революционной законности. Эта поправка гласила: «Важнейшей предпосылкой как надлежащей перedelки государственного аппарата, так и правильного выполнения политики Советской власти является строжайшее исполнение революционной законности, устойчивости законодательных норм, соблюдение которых обязательно для всех звеньев государственного и государственно-хозяйственного аппарата. Частая смена этих норм и отсутствие элементарной их устойчивости, а равно недостаточно строгое их выполнение является одной из главных причин бюрократического произвола, порчи личного состава аппарата и его несоответствия хозяйственным нуждам реконструктивного периода».

Эта поправка была отменена под своеобразным политическим соусом: это, мол, намек на то, что чрезвычайные меры плохи. Да, чрезвычайные меры плохи, нужно от них отказаться! Нам нужно не отмахиваться от проблемы революционной законности, а поставить своей целью ее действительное осуществление.(...)

Нужно обратить внимание на то, что в вопросе о рынке, в вопросе о ценах и кулак, и середняк, и продающий зерно бедняк — занимают позицию как продавца, нельзя нам ввести (или очень трудно, ибо это породит величайший хаос) повсеместно «классовые» цены, в отношении рынка. Если продает бедняк, середняк или продает кулак, который вынужден иногда продавать хлеб, — все они заинтересованы в определенной цене, поскольку они продавцы, они вовсе не в восторге от низкой цены. Это ясно. Одни из них более советски настроены, другие менее — но так называемые идеальные мотивы играют в экономических отношениях, в их массовом масштабе, не такую крупную роль. Далее, теперь по разным кварталам, по разным районам мы держим цены без достаточной их эластичности, без всякого приспособления к количеству рыночного хлеба. Между тем, если мы смогли бы более эластично варьировать цены, мы могли бы привести их в известное соответствие с количеством хлеба, предохранить себя от дикого разрыва цен между заготовительными ценами и «вольным рынком», мы могли бы привести в соответствие рынок и производство...

Наконец, я должен из вопросов, касающихся этой области отношений, остановиться на вопросе о кооперации, гораздо большей выборности в этой кооперации и пр. эта тема достаточно сама по себе ясна, она жевалась неоднократно в наших партийных органах, в наших газетах и пр. Мы должны все-таки сказать, что в значительной мере благодаря чрезвычайным обстоятельствам и чрезвычайным мерам кооперативные органы в значительной мере превратились в то же самое средство государственного нажима, в средство государственного «администрирования». Это совершенно «естественно» получилось благодаря сцеплению всех элементов хозяйственной политики. Такого рода явления нужно точно так же уничтожить вместе с чрезвычайными мерами, вот мне кажется, примерно сумма тех мероприятий, которые должны быть предприняты для того, чтобы несколько по-другому, вернее, совсем по-другому поставить вопрос о наших отношениях с основными массами крестьянства.(...)

Рынок есть, согласно марксову учению, то, что отражает производственные отношения. Если бы, скажем, даже на основании «свободного рынка», т. е. на основании рыночных отношений, не регулируемых никак государством, между бедняками и середняками, с одной стороны, и государственной социалистической промышленностью — с другой, были свободные рыночные отношения, то и тогда этот рынок не был бы капиталистическим. Ибо госфабрика — это предприятие «последовательно социалистического типа», а простой товаропроизводитель вовсе не капиталист. Другое дело, что благодаря рынку могли бы расти (частично) капиталистические отношения, это верно. Но называть этот тип рынка капиталистическим — для этого нужно иметь слишком смелое воображение или не пони-

мать, что рыночные отношения суть отражение производственных отношений. Далее, само собой разумеется, что в наших условиях говорить о «свободных отношениях» — это значит говорить о «сухой воде». Скажите, пожалуйста!

Ведь даже при монополистическом капитализме нет свободного рынка, поскольку есть гигантская концентрация и централизация производства. Так что же у нас, при еще более громадной концентрации нашего производства, при громадной концентрации фабрик и заводов, может быть «свободный рынок»? Для того чтобы он был, нужна «малость»: нужно уничтожить национализацию земли, нужно уничтожить национализацию наших фабрик и заводов, нужно уничтожить диктатуру пролетариата — ни больше, ни меньше! Так что эта «трактовка» покоится на несколько примитивном понимании, мягко выражаясь, того, что называется «вольным рынком». Вольного рынка, повторяю, нет уже в странах монополистического капитализма, в тех отраслях и на тех отрезках хозяйства, где имеется концентрация промышленности. Так что делать ударение на «свободной игре экономических сил» — это значит рассуждать без всякого понимания о предмете, рассуждать о «сухой воде». Само собой разумеется, однако, что у нас и этих факторов недостаточно, этого еще мало. Само собой разумеется, что мы должны и обязаны использовать все мощные регуляторы, которые у нас есть: всю концентрированную мощь нашего государственно-хозяйственного аппарата в целом. Но это — одно, а чрезвычайные меры — совсем другое. Я абсолютно был бы совершенно сумасшедшим человеком и отошел бы целиком от коммунизма, если бы я говорил: не используйте концентрированной мощи своего государственно-хозяйственного аппарата. Конечно, эта мощь есть величайшее наше орудие в борьбе с мелкобуржуазной стихией и со всякими другими силами. Но от этого, как до звезды небесной, далеко до использования чрезвычайных мер, до использования репрессивных мер нашего чудовищно-большого аппарата. Я должен решительно отвести обвинение в том, что я якобы проповедаю «свободную игру экономических сил», вольный капиталистический рынок» и т. д. и т. п. Это все — плод расстроенного воображения. (...)

С другой стороны, в каком положении сейчас находится деревенская беднота? Поскольку мы не можем ей помочь в таком размере, чтобы сразу перевести большую массу на колхозное движение, поскольку она не снабжена достаточным количеством хлеба, где она должна искать элементарного выхода? Ее идеология, безусловно, должна оформляться по линии «комбедовской» идеологии. И очень естественно поэтому, что мы до известной степени можем опираться на бедноту во время чрезвычайных мер. Но это не есть ни в коей мере решение всей проблемы. Т. е. производственной проблемы, потому, что это есть решение на один год, как распределить хлеб, уже произведенный в этом году, но ни в малейшей степени не есть решение проблемы производства зерна, как производить из года в год побольше!...

Ворошилов: ты называл идиотизмом обострение классовой борьбы.

Бухарин: не об этом спорили. Я называл идиотизмом положение, что мы обострение классовой борьбы должны возвести в закон нашего реконструктивного периода и что мы должны разжигать классовую борьбу. Вот что я называл идиотизмом и сейчас так называю. Но факты есть, в деревне даже такие формы классовой борьбы существуют, когда поджигают друг друга, когда увеличивается число пожаров, когда увеличивается число убийств. Не думаю, чтобы мы были заинтересованы в таких формах классовой борьбы, в таком обострении классовой борьбы. (...)

Я за генеральную линию партии, выставленную в пятилетнем плане Госплана, но я решительно против «чрезвычайной» методологии в проведении хозяйственной политики. Что касается так называемых «ошибок» другого порядка, которые мне наклеивают, то этих несуществующих ошибок я признаю не могу по той простой причине, что их не существует.

Я не могу признать несуществующих ошибок, клепать на самого себя еще и потому, что я считаю необходимым отстаивать в нашей партии такой модус, чтобы можно было и думать, и разговаривать.

А между тем у нас сейчас бывают такие вещи, о каких мы, например, читаем в «Правде» от 19 февраля (о 12-ой Выборгской конференции). Заметка гласит: «Ряд четких выступлений по вопросу о правой опасности». Делегаты требуют твердой борьбы с правой опасностью, резкой политики со стороны ЦК к колеблющимся и примиренцам, к раздумывающим». Я полагаю, что мы не особенно далеко уйдем, если наша партия будет давать «четкий лозунг»: «не раздумывай!». Это очень «подходящая» вещь в реконструктивный период, в особенности если вспоминать, что Маркс считал, что пролетарская революция сама себя критикует, Ленин говорил о самокритике...

6 Так ли уж трудно догадаться и объективно оценить то, кому и в каких целях потребовалось исключить ознакомление гигантского большинства коммунистов и, конечно, в целом населения СССР хотя бы в общих чертах с истинными позициями и характером воззрений членов Политбюро ЦК ВКП(б) Н. Бухарина, А. Рыкова, М. Томского и их сторонников? (Один из них, по словам В. И. Ленина, был «ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии»), второй возглавлял правительство страны, а третий — ВЦСПС, то есть руководил самой массовой единой организацией трудящихся, каковой были тогда профсоюзы). Почему в ходе политической ликвидации данной группы своих оппонентов Сталин не допустил общепартийной дискуссии и открытой борьбы различных мнений по ключевым политическим и социально-экономическим проблемам? Ведь это было общепринято при жизни Ленина и в первые годы после его смерти. Чем чревато было «чисто аппаратное удушение в узком кругу» всех инакомыслящих, включая высших руководителей партийных и государственных органов любого уровня? Почему это стало возможным и неизбежным именно к началу 30-х годов?

Можно ли полагать, что здесь таится первопричина исключительной прочности и «живучести» сталинистских структур власти и на протяжении долгих десятилетий после смерти их родоначальника? Не это ли, прежде всего, предreshало в жизни нашего общества все более катастрофические последствия дезориентирующего, парализующего, а в конечном итоге — разрушительного и разлагающего характера к концу 1991 года? Есть ли какие-либо основания, которые можно привести в опровержение данного предположения? Как избежать столь тупиковой в сущности — всепарализующей ситуации?

Какие идеи из вышеприведенного текста Н. И. Бухарина представляются ныне особенно ценными, актуальными и творчески плодотворными? Какие пороки, опаснейшие для интересов прогресса, да и самих основ общенародного бытия, были обнажены им еще в те времена? Что, в частности, означало появление уже в конце 20-х годов не просто порочно-го, а, в сущности, преступно-своекорыстного тезиса о неизбежности возрастания ожесточенности классовой борьбы, трудностей, невзгод всякого рода по мере «достижения все новых успехов в ходе строительства социализма»? (Дескать, раз все идет прекрасно, прогрессивные общественные отношения крепнут, значит, их враги не просто желают, а якобы получают возможность оказывать все более непримиримое и яростное сопротивление). Почему Н. И. Бухарин не мог получить поддержку большинства в борьбе даже против этой опаснейшей «теоретической» нелепости не только в конце 30-х, но и в конце 20-х годов?

Как поражение Н. И. Бухарина по данному конкретному вопросу должно было отразиться на единственной правящей партии в стране и, следовательно, на обществе в целом? На каком этапе «открытие» Сталина о неизбежности обострения и ожесточения клас-

совой борьбы по мере все новых «успехов в строительстве социализма» привело к особенно тяжким, кровавым и почти непоправимым последствиям? Как уродливые, глубоко антисоциалистические догмы такого рода, буквально «вколачиваемые» на протяжении долгих десятилетий в сознание и мировосприятие десятков миллионов людей, начиная не только со школьного, но и нередко — с детского возраста, влияли на общественное здоровье в целом, и особенно — на формирование духовного и нравственного потенциала страны? Почему это неизбежно должно было вести к ослаблению созидательных, творческих стимулов, а, следовательно, и к постепенному отставанию страны, торможению ее развития на грани стагнации?

Чем объяснить вольное или невольное (скорее всего — неосознанное) неприятие большинством членов ЦК партии отчаянной попытки Бухарина и его сторонников спасти ленинский курс в руководстве экономикой вообще и сельскохозяйственным производством — в особенности? Ведь это предreshало не просто ликвидацию нэпа, а подрыв социалистической концепции в самом существенном и решающем и подмену ее поразительно примитивной и пагубной карикатурой на социализм и вообще на все, имеющее хоть какое-нибудь отношение к чему-либо прогрессивному! Разве не за это в первую очередь мы так тяжко расплачивались на протяжении многих десятилетий, и все еще расплачиваемся на современном этапе общественного развития? Можно ли отрицать, что сначала политическая, а затем и физическая расправа с Бухариным и его последователями (как и всеми остальными открытыми и потенциальными антиподами сталинщины в почти полном составе), предreshила чуть ли не фатальное крушение и фактическую ликвидацию ленинизма как организационной структуры и течения политической мысли? А значит — торжество на целый ряд десятилетий сталинской модели кроваво-тоталитарной, бюрократически-паразитарной, то есть антисоциалистической структуры власти. А в итоге — со временем последовал, возможно, фатальный подрыв всего ценного, умного, доброго, и наигрязнейший триумф антинародной, регрессивной, в сущности, идеологии, особенно с конца 1991 года.

Можно ли отрицать, что вышеупомянутый и другие аналогичные антиленинские триумфы, должны были создавать предпосылки для постепенного подрыва, разложения здоровых основ развития советского общества, всего изначально человеческого, разумного, благородного, фрагменты чего сохранять становилось все труднее и труднее как в СССР, так и в других странах, где насаждались сталинистские «нормы»? Разумеется, все это творилось под лозунгами борьбы за идеалы социализма, прогресса, а следовательно, — народного блага, экономического процветания и социальной справедливости! В сочетании с «лагерно-конфронтационной» внешней политикой, с периодически заведомо авантюриными акциями, чреватými тягчайшими последствиями, разорительной милитаризацией общества и гонкой вооружений, все это завершилось пагубнейшим торжеством ельцинщины!

Что в этом неприятии ленинского наследия было основополагающим? Неспособность понять идеи, которыми руководствовался Н. И. Бухарин, боязнь сложностей, связанных с заменой примитивных, но крайне вредоносных командно-аппаратных методов руководства такими, которые требуют умения использовать оптимальные, но подчас очень сложные для обыденного сознания научные обоснованные регуляторы развития общества? Или, быть может, уверенность в своем бессилии, и в невозможности покончить со сталинщиной в тех исторических условиях? Можно ли полагать, что трагедия Н. И. Бухарина, как последнего по-настоящему крупного продолжателя марксистской теоретической традиции и сторонника ленинского плана созидания по-настоящему человеческого общества нового типа, не могла не предreshать в конечном итоге трагедию всех народов нашей страны и многих других стран? Как это в целом отразилось на развитии всемирной цивилизации?

Почему остались «гласом вопиющего в пустыне» поистине пророческие слова Н. И. Бухарина о недопустимости, о гибельности «чрезвычайщины», как и любых других нарушений законности? Особенно (по его словам) в процессе использования «репрессивных мер нашего чудовищно-большого аппарата» да еще в целях деформации общественного сознания с помощью пагубного (тем более в тогдашних условиях) разжигания классовой борьбы. Случайно ли все это, и прежде всего — требования Н. И. Бухарина о строжайшем соблюдении законности как основы основ нормального, здорового развития экономики (а, значит, и общества в целом), было отвергнуто еще в самом конце 20-х годов? Кому это было выгодно, и в каких целях беззаконие использовалось как в то время, так и тем более в такие годы, как 1937-й, в качестве определяющего антиленинского, а значит — органически антисоциалистического тоталитарно-бесчеловечнейшего компонента системы, созданной под руководством Сталина? Как это сказывалось на состоянии дел в обществе не только при его жизни, но и после смерти? В том числе и в последнем десятилетии XX века, когда ельциноидно-хапужный произвол привел к чудовищной стимуляции преступного беспредела, ужаснейшей разлагающей коррупции, а значит и к гибели миллионов соотечественников.

Чем предопределялась ожесточенно непримиримая реакция Сталина и наиболее близких ему личностей в отношении потенциально спасительного для страны и социалистической концепции общественного развития, не только чисто экономического, но и общесоциального по ленински честного и глубокого анализа тогдашней и грядущей реальности? Почему именно этот ключевой аспект деятельности Н. И. Бухарина и группировавшегося вокруг него своего рода мозгового центра, был обречен на осуждение и забвение вплоть до последнего дня многолетнего торжества своекорыстных антиленинцев?

Какую роль в процессе разрушения и подрыва духовного, по-настоящему творческого в подлинно прогрессивном значении этого слова потенциала партии и народа, сыграло подавление попыток Н. И. Бухарина, как он выражался, «отстаивать в нашей партии такой модус, чтобы можно было и думать, и разговаривать»? Причем неприемлемыми оказались и его ссылки на вроде бы официально и тогда абсолютно бесспорные авторитеты! Ведь раздраженно-яростную, а не просто негативную реакцию вызывали у захватившего власть и его подручных той поры и поистине вешие следующие слова Н. И. Бухарина: «Я полагаю, что мы не особенно далеко уйдем, если наша партия будет давать «четкий лозунг»: «Не раздумывай!» Это очень «подходящая» вещь в реконструктивный период, в особенности, если вспомнить, что Маркс считал, что пролетарская революция сама себя критикует, и что Ленин говорил о самокритике...» Не с этими ли «порядками» связана одна из решающих причин успешности сталинского предельно регрессивного, по истинной сути — антисоветского, опаснейше реакционного переворота?

Случайно ли иные современные политики, публицисты, экономисты и т. п. обвиняя во всех смертных грехах отнюдь не Сталина, а Ленина и таких его последователей как Бухарин, в то же время беззастенчиво и воровски пагубно, сверхбездарно «заимствуют» их концепцию о роли т. н. рыночных регуляторов и всего с этим связанного. Это блестяще оправдало себя еще в 20-е годы, но было окончательно изуродовано и изгажено в 90-е. Что таится в основе жажды использования подобных приемчиков, сохраняемых и в наши дни в особо зловеще — душегубских проявлениях?

Сколько блистательно умного было не только сказано, но и сделано тогда как самим Лениным, так и теми, кто сохранял верность его концепции прогрессивно гуманистического обновления общества! Как можно, без намека на серьезную аргументацию, одним махом выбрасывать все это из нашей истории! Провозглашая, к примеру, следующее: «Надо все-таки найти в себе смелость сказать, что не только ленинская теория экономики, но и его

теория советов — несостоятельны». Неужто Г. Х. Попов так никогда и не стыдится этих и прочих подобных слов своих, сказанных в связи с удачей (на беду Родине нашей и сотням миллионов людей) для Б. Ельцина выборами 12 июня 1991 года! (См. «Аргументы и факты». № 22, июнь 1991 г.)

Почему вот уже в течение большей части минувшего XX века и в начале XXI-го? с того момента? как Сталин и его приближенные яростно осудили мнимые «правооппортунистические пороки» Н. И. Бухарина, никто, включая нынешних «ужасно смелых» хапужных ренегатов, так и не взялся за то, чтобы научно обоснованно опровергнуть «откровения» тех, кто тогда и при Ельцине клеймили его правоту? Чем объяснить, что теперешние столь же «смелые» и непреклонные ниспровергатели «ленинской теории экономики», да и вообще всего его величайшего вклада в нашу и всемирную историю (еще сравнительно недавно сплошь и рядом делавшие номенклатурную, научную и иную карьеру, формально похваливая и комментируя ленинское теоретическое и политическое наследие), по капитализаторски свирепо и бездоказательно «опровергают» и клеймят все с ним связанное? Какими последствиями чревато это в тяжелые и сложные наши дни?

Ведь социалистическая концепция В. И. Ленина, которую так стремился спасти Н. И. Бухарин, была незаменима в качестве оптимальной основы для продвижения общества по пути здорового развития и процветания. А честное и последовательное осуществление ленинского курса в целом было бы спасительным и для идеалов общечеловеческого прогресса, и для блага всех народов далеко не только нашей страны! Именно здесь кроется уникальная ценность и актуальность опыта ленинского этапа истории!

Николай Иванович Бухарин мог иной раз тяжело заблуждаться, особенно в сравнительно молодом возрасте, но при этом он никогда не руководствовался корыстью, тем более — личного характера. И все же ошибки остаются ошибками, невзирая на абсолютное отсутствие у этого талантливейшего и честного человека чего-либо похожего на темные побуждения. К концу 20-х годов Н. И. Бухарин вступил в пору всесторонней духовной зрелости, но как раз в этот период было буквально «обрублено» все наивысшее в его интеллектуальных и нравственных возможностях, что имело тягчайшие последствия общесоциального масштаба.

Конечно, по-человечески (тем более — по теперешним временам) весьма и весьма приятен каждый факт, свидетельствующий об умной и принципиальной оценке минувшего и ныне происходящего истинными учеными, все чаще оказывающимися по вине преступного режима в тяжелейшем, а то и безвыходном положении. Но, к сожалению, и самые жертвенные их усилия пока не влияют сколько-нибудь ощутимо на массовое сознание, подвергавшееся и подвергающееся преступно дезориентирующей и деморализующей обработке, в первую очередь, — электронными средствами одурманивания. Когда это нездоровым, нередко — крайне болезненным образом отражается на мировосприятии бесчисленного множества честных тружеников, чудовищно ограбленных, обездоленных, то их осуждать — непорочно, как и любого обманутого из-за своей беспомощности.

Но когда несут заведомую ахинею и тем более — корыстно лгут не просто «прикармливаемые», а буквально купающиеся в роскоши некие сверхпреуспевающие, рвущиеся к политологии литераторы, режиссеры, актеры, звезды эстрады и прочие из числа т. н. избранных, то это тем более должно пробуждать в честных душах, по меньшей мере, отвращение и стремление всемерно противостоять одурманивающему и разлагающему злу. Ведь ужасно, к примеру, то, что Сергей Михалков, «намертво» отключившись от своего былого внешне приличного отношения к В. И. Ленину, использует любую из предоставляемых ему возможностей для восхваления Сталина! А чего стоит то, что его сын Никита во всех бедах последних лет

обвиняет Карла Маркса, Владимира Ленина, во всю возвеличивая даже самых бездарных и недостойных царей-самодержцев, на совести которых бесконечно много корыстного и бесчеловечного! Да неужто так трудно прочесть (или «припомнить») хотя бы частицу честнейших свидетельств Л. Н. Толстого — гениального творца и благороднейшего человека, да к тому же истинно аристократическую личность (в отличие от иных недобросовестных наших современников, кичащихся своим «благородным» происхождением)!

Неужели Н. Михалков так и не пожелает признать величие и уникально человеческую правоту хотя бы только графа Льва Николаевича Толстого в его гениально-надрывных попытках хоть немного помочь многострадальному народу своему, гибнущему в окопах самодержавно-полукрепостнического режима? Вспомните его произведения «Николай Палкин», «Стыдно», «Рабство нашего времени», «Не убий», «Царю и его помощникам». «Письмо царю» 1902 г. «Не могу молчать», «Пора понять», не говоря о многом ином, столь же драгоценным для восприятия правды истории, ныне растоптанной, быть может, как никогда прежде. Произошло это, начиная с конца 1991 года, далеко не случайно, ибо с того момента стало (вполне закономерно) как никогда легко и выгодно не только клеветать на В. И. Ленина, но и отбрасывать подальше объективные подтверждения его правоты со стороны любой из крупнейших, ныне всемерно замалчиваемых наших величин, открыто шельмовать которых (включая Л. Н. Толстого) пока невыгодно.

В результате беды, ныне обрушившиеся на наше Родину, становятся вполне сопоставимыми и с самыми черными из времен дореволюционных, и с теми, которые были характерны для особенно зловещих периодов торжествующей сталинщины. Вот мы и «дозрели» до ельцинских годков, когда вновь стали более чем актуальными слова одного из крупнейших русских фтизиатров профессора Соловьева, сказанные в начале XX-го века: «Туберкулез — это пролетарская болезнь, болезнь трущоб и подвалов». А вот и реалии дня сегодняшнего: «Казалось, что туберкулез ушел в прошлое. А сегодня ситуация угрожающая...» Туберкулез — заболевание социальное: чем хуже живет общество, тем больше больных туберкулезом. В СССР были практически искоренены остро прогрессирующие формы туберкулеза. Но с 1991 г. статистика туберкулеза стала резко прогрессировать. Россия сегодня оказалась на 9-м с конца месте в мире!

Под наблюдением находится 2,2 миллиона человек, в том числе 300 тысяч больных активной формой. Особо тревожно, как считают медики, то, что 8 процентов регистрируемых больных имеют скоротечную форму туберкулеза...». В результате уровень смертности у нас достиг 17 случаев на 100 тыс. человек, «тогда как в Западной Европе от этой болезни умирают 2–3 человека на 100 тысяч населения. Поэтому европейские страны смотрят на Россию с опаской. На всех симпозиумах коллеги говорят нашим врачам, что боятся эпидемического заражения...» (См. «Известия». 20 июня 1998 года). Почему никто из широко известных прославителей царистских, буржуинских «прелестей» не склонен признать, наконец, чудовищность преступления лжедемократического режима, сделавшего вашу страну одной из самых беззащитных жертв далеко не только туберкулеза? Да потому, что так выгодно ныне в этом и во всем остальном из самого скверного, «возрожденного» с 1992 года, винить Октябрьскую революцию и первого руководителя Советской России! Как раз того, кто заложил первооснову обуздания не только туберкулезных смертей, но и всех прочих наших вековых бед и несчастий! И ни слова упрека не услышишь от таких «авторитетов», адресованного Ельцину, как главному виновнику нищеты, голода, эпидемий, преступности и иных подобных «новшеств», уже унесших в считанные годы миллионы и миллионы жизней!

А вот и плоды деяний, точнее — господства (сверхрастлевающего и пагубного) в другой сфере, достаточно удаленной от народного здравоохранения, что тоже вполне законо-

мерно. Из статьи «Мы на первом месте в мире по количеству убийств»: «В США уровень убийств в последние годы — 8–9 на 100 000 населения. Это примерно в 2,2 раза выше, чем в Западной Европе, но во столько же раз ниже, чем зарегистрировано милицией в России...» Кроме того: «В последние годы у нас огромное количество людей пропадает без вести. Ежегодно объявляется в розыск порядка 50 тысяч человек, половину из них найти не могут. Среди не найденных есть сбежавшие от алиментов, рэкетиров, кредиторов. Есть те, кто покончил с собой... А остальные... примерно тысяч 12–13 были убиты» («Труд» 17 июня 1998 г.) И ведь «раскручивается» подобный развал по всем компонентам нашего народного бытия!

В чем дело? Мнение бывшего начальника 1-го главного Управления КГБ (внешняя разведка): «Власть на всех ее уровнях озабочена исключительно своими нуждами. Судьба страны ее не интересует. Нынешняя верхушка своим ядом отравляет все общество». Генерала Леонида Шебаршина в данной связи особенно тревожит все, связанное с «абсолютно прозрачной стратегией Запада в отношении России»: «Раз есть стратегия, значит, есть и ее проводники внутри страны... Я не буду никого называть конкретно. Но за свою работу они получают неплохие деньги в виде платы за лекции, акциями предприятий или гонорарами за книги». Населению еще недавно могучей страны дают понять: «Вымирайте, россияне, и не брыкайтесь». А вот и «квыгрыш» запада от этого: «...результат нынешних реформ — минус миллион русских людей в год» («Московский комсомолец», 18 июня 1998 г. С. 2).

А сколько миллионов еще погибнет? «До нас как-то очень медленно доходит, что коммерческие банки не просто дали денег на выборы Борису Ельцину как спонсоры. А ссудили... под очень большие проценты. По оценке независимых экспертов, именно накануне выборов президента (в 1996 г.) был сделан самый крупный государственный заем, который страна не может «переварить» до сих пор. Если в 1996 г. государственных ценных бумаг было выпущено примерно на 5,9 миллиардов долларов, то в 1997 г. эта цифра практически удвоилась — 10, 8 млрд. долларов! Маховик финансовой пирамиды раскручивался и «легкие» заемные деньги очень быстро образовали огромный долговой массив в 70 млрд. долларов, на обслуживание которого требуется уже треть федерального бюджета(...) Минфин впервые обслужил на прошлой неделе, что таких процентов платить уже не в состоянии... Теперь напуганные инвесторы не хотят покупать ГКО ни под какие проценты!» («Труд-7». 5 июня 1998 г. С. 2). Чем это кончилось в августе 1998-го — всем известно.

Остается пока лишь мечтать, чтобы гибельное банкротство (в том числе и порожденное «утечкой» из России сотен миллиардов долларов) перестало бы, наконец, обрушиваться на десятки миллионов честных наших граждан-тружеников, обрекая из них на смерть неисчислимые массы ежегодно. Таковы лишь некоторые «плоды» торжества с конца 1991 года всего самого черного, грязного, бесчеловечного на руинах всего мудрого, прогрессивного, прежде всего, связанного с посмертной расправой, посмертным надругательством над В. И. Лениным и тягой к забвению вообще всего лучшего в нашем тяжком, но великом, хотя во многом горьком прошлом.

Жаждут непоправимо обмануть народ разнузданно фальсификаторским, сверхлживым образом не только те, кто открыто «срачивался» годами с так называемым «царем Борисом» и его приближенными. Типичным по этой части было и поведение В. Жириновского в ходе заседания Думы 16 мая 2002 г., фрагментики которого промелькнули в «Вестях» РТР. В тот момент этот деятель в очередной раз солидаризировался с гнуснейшей клеветнической грязью Б. Ельцина, когда тот немало лет назад, выступая перед американскими конгрессменами, заявил, будто все в нашей стране, начиная с 1917 года, было «сплошным кошмаром». И «сорвал» аплодисменты...

Вот и Жириновский не устыдился «криком кричать» о том, как русский народ, с 1917 года якобы непрерывно «бомжует», голодает, гибнет! И, разумеется, ни единым словом не упоминает о том, как в условиях ленинского НЭПа население нашей Отчизны, находившееся в наитягчайшем положении было спасено не только от голода и вымирания, но и получило возможность питаться так хорошо, как никогда прежде, избавляясь от таких вековечных бед, как скоротечная чахотка, другие страшные болезни и прочее, уносившее миллионы жизней. Разумеется, Жириновский, как и Ельцин, тоже «забыл», что, например, несчастья 30-х и иных годов были именно следствием разрыва с ленинской концепцией социалистического созидания! «Забыто» и то, что даже в условиях застойных десятилетий наш народ не вымирал от голода, болезней, преступности и т. п., ибо это стало прямым результатом лишь чудовищного властвования Ельцина и ему подобных!

Всемерное поощрение ключевыми фигурами криминально капитализаторского режима таких фальсификаторов истории, как Владимир Жириновский, вполне «естественно». Так же как издевательство над В. И. Лениным, клевета, адресуемая Н. И. Бухарину и т. д. Не случайно этому способствует и подыгрывание Иосифу Сталину. Вот, например, как рекламируется один из фильмов, ему посвященных: «Сталин. Детство, отрочество, юность». Документальный фильм. Малоизвестные подробности юности вождя и легенды, которые из поколения в поколение передавались на Родине Сталина — в селении Гори, о приметах и предзнаменованиях, которые сопровождали появление на свет Сосо Джугашвили. Авторы попытались проследить, какие эпизоды в жизни маленького Сосо обусловили формирование характера Сталина» («Вечерняя Москва, 18.11.2004) Разумеется, ни одного приличного слова «не положено» Н. И. Бухарину и тем более В. И. Ленину...

ГЛАВА VI

«Клевета все потрясает и колеблет шар земной...»

1 15 апреля 2004 года на канале «Российского телевидения», как говорили в некогда минувшие времена, «имело место быть» по-своему знаковое событие. Приходится по сему случаю вспомнить очередную серию широко разрекламированных «Исторических» хроник Н. Сванидзе (возможно, рекордную по своей дезинформационной антинаучности). Грустно это констатировать, но данное явление вполне типично на фоне разнuzданно стимулируемой с конца 1991 г. пропагандистской вакханалии.

Не стоит переоценивать роль данного функционера, которому дозволено в пределах подобных телевизионных хроник множество часов самодовольно маячить перед десятками миллионов наших соотечественников, стараясь не допускать к экранам ни одного честного и глубоко мыслящего исследователя — профессионала, безнаказанно и с огромной выгодой для себя опускаясь при этом и до сверхклеветнической низости. В действительности, любуясь собой и привлекая в свой нескончаемый сериал, как правило, лишь себе подобных, он в основном ограничивается озвучиванием только того, что соответствует вожделяниям столпов криминально капитализаторского режима.

Как раз 15 апреля, как водится, незадолго до очередной годовщины со дня рождения В. И. Ленина, он с особо редким бесстыдством орудовал в угоду преступно обогатившимся «новым» хозяевам России, по вине которых уже загублены самые беззащитные миллионы наших соотечественников. Что прежде всего нужно наиболее зловецим величинам последних полутора десятков лет? Соккрытие собственной разлагающей роли в жизни нашего общества и многих десятков честных тружеников, разумеется, в сочетании с разнuzданно преступнейшим шельмованием своего главного антипода — В. И. Ленина. Именно того лучшего из руководителей за все минувшие века, сыгравшего уникально человечную, глубоко прогрессивную, по-настоящему спасительную роль в истории. В дни текущие нет ни одного сравнительно известного особо загребущего корыстолюбца, который бы не жаждал изобразить Владимира Ильича Ленина «первоисточником» всех зол и, конечно, жестоким человеком! Разумеется, крайне желательно нарисовать его таким, по сравнению с которым все негодяи, включая наиболее ужасных чудовищ всемирной истории, включая Гитлера, могут восприниматься по сути дела аж «меньшим злом», а то и каким-то бледноватым «производным»! Причем вполне «оригинальные», самолично «созревшие» изверги — всего лишь прилежными учениками... Так называемая «историческая хроника», продемонстрированная 15 апреля 2004 г., одна из типичных иллюстраций выполнения такого своекорыстно грязного «социального заказа».

Чего стоит хотя бы клеветническая заведомо фальсификаторская выходка (сравнительно не очень крупная), согласно которой с телеэкрана была провозглашена типичная

ложь, будто В. И. Ленин считал целесообразным уничтожение историков, якобы отныне «не нужных»! Элементарное уточнение, свидетельствующее о мнимой «правдивости» подобного обвинения, возможно на примере такого профессионального историка, как Сергей Петрович Мельгунов. Якобы «наличествовавшая» у В. И. Ленина жестокость, могла бы быть доказанной элементарнейше бесспорно, как раз на этом примере. Но не тут-то было...

Данный весьма известный историк на фоне своих коллег выделялся открытым неприятием Советской власти. Но и это лишь «деталь»: возможно, как никто из них, с неприемимой страстностью боролся он против нее, активно участвуя в действиях членов различных нелегальных организаций и групп. Вследствие этого последовало полдесятка арестов, «отсидки» и дело в конце концов дошло до приговора к расстрелу в 1920 году. Однако в стране, руководимой В. И. Лениным, якобы склонным убивать не только историков, а вообще всех политических оппонентов, и в этом исключительном случае, смертная казнь была заменена тюремным заключением. И более того: в соответствии с ленинской спасительной установкой, как и в бесчисленном множестве других аналогичных ситуаций, С. П. Мельгунова выпустили из тюрьмы уже в 1922 году и выслали в буржуазную страну, где он мог издавать книги, в том числе «бьющие по красному террору».

Главное же на телеэкране 15 апреля, в оголтело фальсификаторской «хронике», было нацелено на то, чтобы внушить десяткам миллионов соотечественников, лишаемых уже полтора десятка лет даже подобия честной информации, будто В. И. Ленин вообще не был способен на что-то умное, общественно полезное, а тем более — человеческое. Всеми своими успехами, вообще всему, чего он достиг, он якобы был обязан только будто бы нигде ранее никогда не виданной жестокости. Оказывается, дескать, В. И. Ленин стал первым, кто создал лагеря массового уничтожения миллионов ни в чем неповинных людей, причем только под Свяжском якобы были истреблены сотни и сотни тысяч, включая малых детей, и это будто бы происходило во множестве мест по всей России! Все, что творилось сначала «цивилизованными» интервентами, а затем, начиная с 30-х годов XX века, отнюдь не только в гитлеровской Германии, а и в условиях восторжествовавшей сталинщины, взваливается именно на В. И. Ленина, хотя это было трудновато реализуемо даже еще десяток лет спустя после его гибели!

Такого рода пропагандистски-криминогенного типа беспредел ведет и к тому, чем «любоваться» приходится все чаще и чаще. Как ни странно, частенько встречаются вроде бы и не самые темные люди, уверенные даже в том, будто все ужасные беды 1937 года — лишь «образчики» закономерного продолжения того, что якобы внедрялось в ленинские годы!. А вот такой страстный оппонент В. И. Ленина, как упоминаемый здесь историк С. П. Мельгунов, стремившийся по возможности честно изучить все отрицательное из связанного с красным террором, видевший своими глазами очень многое из наиважнейшего той поры, констатирует совсем иное.

Не приемля Советскую власть, этот исследователь не считал возможным, подобно теперешним воровски коррупционным капитализаторам, вопить о выдуманных ими многих миллионах жертв якобы «жестокого» В. И. Ленина! Да будто о его «собственных», да еще им первым «изобретенных» лагерях уничтожения, наподобие гитлеровских и прочих, с ними сходных, предназначенных для истребления гигантских масс ни в чем не виновных, вплоть до младенцев! Как честный человек, С. П. Мельгунов говорит не о миллионах, а о тысячах, по его мнению, неоправданных жертв, (между прочим, спасти которых в условиях той поры нередко оказывалось крайне трудно, а то и невозможно). Почему? Прежде всего потому, что подобрать для репрессивных органов безукоризненных сотрудников было очень и очень трудно. При этом нельзя ни на минуту забывать, что основную массу фактов С. П. Мельгунов выбирал из советских органов печати, включая такой, как «Известия»!

Это тоже неопровержимо подтверждает, что В. И. Ленин и лучшие из его соратников делали все для уменьшения числа жертв, активно используя и такой рычаг, как печатные издания того времени! При В. И. Ленине даже в тягчайшие военные годы не было запрета на критику безобразий в любой сфере, ибо Владимир Ильич понимал, что это главный рычаг, предвещающий их искоренение. Потому-то С. П. Мельгунов имел возможность черпать подчас страшный материал для своей книги о красном терроре и со страниц «Известий» — главной газеты Советов всех уровней, что стало совершенно немислимо в сталинскую «эру» с начала 30-х годов.

А при жизни В. И. Ленина легче легкого было найти более чем достаточно острейше критических публикаций даже в самые тяжелые периоды военного противостояния, когда иностранные вооруженные силы вместе с преданным им белогвардейскими армиями делали особо трудно контролируемой ситуацию во многих регионах в первые (военные) годы Советской власти! Но и тогда в общедоступной печати регулярно сообщалось о фактах подчас крайнего неблагополучия в соответствующих структурах, вплоть до чекистских.

В том числе и благодаря этому С. П. Мельгунов узнавал даже о мерах, предпринимавшихся по отношению к особо недостойным элементам, вплоть до расстрела заведомо преступных типов, как и опасных для общества перерожденцев с партийными билетами в карманах. Количественно же особенно большое количество безобразий определялось подчас дремучей необразованностью; а то и беспредельной темнотой, а также психической аномальностью иных аппаратчиков. Ныне только наипреступнейшие элементы могут себе «дозволять» взваливать на В. И. Ленина вину за творившееся в 1937 году и других подобных годах руками ежовоподобных подручных Сталина.

Как водится, в той же телепередаче было сообщено миллионам телезрителей в качестве «ударного» откровения, будто В. И. Ленин был родоначальником концентрационных лагерей еще в 1918 году. Причем первым из многих других лагерей был, дескать, тот, который «заложили» в Свияжске и уже тогда загубили там сотни тысяч несчастных, а в целом еще в те годы таким способом якобы истребили миллионы! Вот так. Перебрасывается «мостик» от термина «концентрационный лагерь» к чудовищно всеобъемлющему в своем изверстве понятию «лагерь смерти». А «виновным» объявлен В. И. Ленин, разумеется, в надежде тотально одурачить сотни миллионов людей!

На самом же деле термин концлагерь по изначальному смыслу означает, что это место предназначено для принудительной изоляции реальных или предполагаемых противников государственно-политических структур (как правило, в военное время и в условиях обострения политического противостояния). Первые концлагеря были созданы задолго до 1918 года и были вполне заурядными, помимо прочих, и для обычных буржуазно-демократических государств, причем не обязательно для ликвидации военнопленных и просто интернированных лиц. Скажем, после 1941 года в США были интернированы все граждане японской национальности и вовсе не на длительный срок.

Обвинители В. И. Ленина, конечно, ни слова не говорят об испанских концлагерях, во времена борьбы кубинцев за свободу в 1895 году, об английских во время Англо-бурской войны (1899–1902 гг.). Тем более они засекречивают все, связанное с концлагерем на острове Мудьюг около Архангельска, сооруженного в 1918 году для сторонников Советской власти — место страшное, в определенном отношении напоминающее лагерь смерти. Зато во всю лгут о мнимом «чудовищном» концлагере в Советской России, который якобы по воле В. И. Ленина был сооружен в Свияжске в 1918 году, хотя там такого или сходного с Мудьюгом «учреждения» в то время не было. Возник же он в конце 20-х годов, а «расцвел» наряду с другими, ему подобными, лишь в годы 30-е!

Такова же цена и преступно лживой спекуляции в той же «исторической» хронике о мнимо жестоком отношении В. И. Ленина ко множеству по его вине несчастных детей. «Основывается» же это на судьбе царских детей, причем четыре дочери были не маленькими девочками, а несчастными, но уже повзрослевшими девушками. Но и по сей день «сходит с рук» отвратительнейшая клевета, будто В. И. Ленин приказал убить царских детей, хотя он старался, но не смог их спасти! Не говоря уже о том, что планировавшийся открытый процесс в отношении их родителей был жизненно необходим руководству Советской России в интересах смягчения военного противостояния, а значит и для многократного взаимного уменьшения количества жертв ожесточенности, когда во многих регионах особо зловеще уродовали иностранные и белогвардейские «воинства».

Курс на тотальное извращение нашей истории не может не отражаться разлагающим образом на формировании сознания юных поколений. 31 марта 2004 года на телеэкранах была честно показана духовно и морально-этически, возможно, непоправимо искаленная группа современных парней и даже кое-кого из девушек, чье мировоззрение и готовность действовать хуже, чем уродливо «специфичны». Причем настолько, что это вполне бы «устроило» даже лично Адольфа Гитлера. Правда, в ходе той вполне добросовестно подготовленной телепередачи эту частицу юных (как и многих других, им в чем-то «родственных») по расчетливо внедряемой «смягчающей» правду привычке называли отнюдь не фашистами, а всего лишь скинхедами.

Данные тенденции, как и вообще все с ними связанное, включая ужасающий рост тяжчайших разновидностей молодежной и даже детской преступности, наркомании (о чем особо тревожно отзывался президент В. В. Путин тоже в конце марта 2004 г.) и тому подобное, не могут не привлекать все более пристального внимания. Сравнительно недавно герой Советского Союза генерал армии Валентин Иванович Варенников твердо и гневно выразил возмущение безобразно разлагающим состоянием дел во всем, связанном со школьными учебниками истории, авторы и издатели которых ухитряются, чудовищно лживо подавать школьникам даже историю Второй мировой войны.

Гражданское мужество проявил и недавний министр образования Филиппов Владимир Михайлович, стремившийся по мере своих возможностей изменить к лучшему ситуацию в данной сфере. Безусловно, дорогого стоит открыто высказанная им правда о появлении абсолютно недоброкачественных явно лжеисторических учебников, как и о том что Министерство образования в современных условиях лишено права запретить использование в школах и самых недоброкачественных так называемых «учебных» текстов! А вот его преемник Фурсенко Андрей Александрович в начале своей руководящей деятельности в ходе встречи аж с самим патриархом, предпочел активно «акцентировать» свое внимание на необходимости повсеместного внедрения в школьных и иных условиях именно религиозно-церковного образования.

Консервативный же президент Франции, министры его правительства, как и левопрогрессистские их политические оппоненты категорически настаивают на сохранении светского характера образования всех степеней! Почему? Да потому, что это способствует по-настоящему полноценному научно-интеллектуальному, культурно-нравственному и любому иному прогрессу. Одновременно это же оптимально помогает преодолению в юном и любом ином сознании фашистских, клерикально бесчеловечных, расистских и любых других общественно опаснейших «выживов». Ведь и «наши» юные фашисты являются продуктом сооруженной в России уголовно загребущей буржуазной системы в сочетании с присутствием ей целеустремленным развалом наиважнейшего из всего прогрессивно-гуманистического в учебно-воспитательной работе!

Очень и очень многое в теперешних наших реалиях просто не может не ужасать. Скажем, в той же Франции президенты Жак Ширак, Жорж Помпиду и уж тем более — лидер социалистов Франсуа Миттеран, не могли бы и подумать об открыто или затаенно поощряющем, быть может — сочувственно покровительственном отношении, например, к телепередачам вроде «ночного полета» 30 марта 2004 года, где В. И. Ленина клеветнически низводили аж до Гитлера! Как же неопоставимы интеллектуально и этически лидеры ряда ведущих традиционно буржуазных стран с иными «всенародно избранными», обладающими огромной бесконтрольной властью должностными лицами, особенно вроде Бориса Ельцина!

Вот и в упомянутой передаче телеведущий Андрей Максимов, привычно выполняя один из наиглавнейших социальных «заказов», как обычно (что для него весьма характерно) особо бесстыдно объявлял Владимира Ильича, в сущности по-гитлеровски, чудовищем из чудовищ! Что же касается собеседника Максимова писателя Юрия Арабова, то он, принципиально не возражая в «основополагающем», ныне обязательном для всех фальсификаторов, проявил нечто для них не совсем обычное. Он вдруг посчитал возможным сообщить, о том, что перед смертью в ходе мучительно неизлечимой болезни, Ленин якобы стал превращаться во что-то совсем другое, чем был в течение всей своей жизни. И потому де становился кое в чем иным, чем Гитлер, т. е. способным кое-что глубже понимать и чувствовать...

Такое «открытие» лишь очередная заведомая ложь: и в последние полтора года жизни, и на протяжении долгих предшествовавших десятилетий, включая, например, наисложнейший период, начавшийся в Октябре 1917 года, В. И. Ленин оставался прогрессивнейше человеком настроенной руководящей величиной гигантского масштаба. Именно об этом неопровержимо свидетельствует вся совокупность конкретных, научно осмысленных реалий той наисложнейшей поры. К примеру, В. И. Ленин проявление чуткости к людской боли и тем более — к смертным мукам, считал обязательным отнюдь не вследствие катастрофического ухудшения собственного состояния здоровья, а потому, что появились дополнительные соответствующие возможности после разгрома иностранных агрессоров и их белогвардейских сателлитов. Решение колоссальной сложности задач такого рода и позволило, в частности, вновь отменить смертную казнь в спасенной стране, осуществить массовую амнистию и т. д.

Но то же самое предпринималось задолго до предсмертной болезни, начиная с Октября 1917 года, причем В. И. Ленин на протяжении многих месяцев не допускал восстановления отвергаемой им смертной казни по политическим мотивам вплоть до момента, когда ситуация стала безвыходной, когда пришлось отвечать столь же сокрушительными контрударами по силам корысти, реакции и мракобесия, сталкивавших нашу Родину в пропасть гибельной непоправимости. И эта правда тоже из числа тех, которые особо ненавидяще уничтожают в ходе криминального «идейного» шаша на миллионах телеэкранов и на бесчисленных тысячах столь же корыстно наигрязнейших страниц и зрелищ наподобие упомянутых.

Порываться же, да еще в таких условиях, к «возрождению» царистских, да у тому, в сущности, сверхэксплуататорских «порядков» в сочетании с требованиями восстановить дореволюционное церковно-промонархическое или «родственное» таковому образованию — значит, докатиться вообще до черт знает чего! Можно понять, на что надеялись после Октября 1917 г. иные псевдогосударственные и церковные антиподы В. И. Ленина той поры. Но ныне рассуждать так же, да еще имея светский или духовный «сан» — значит, заведомо губить немного приличное из того, что еще уцелело. Остается только выкрикивать, наподобие своим «собратьям по духу» почти столетней давности, что вот де сторонники Советской власти строят рай земной без бога! Но ведь и из таких многие прозрели еще тогда, давным-давно признав ленинскую правоту!

Ведь смогли они еще тогда понять, что вольно или невольно, но предали свой народ, фактически прислуживая иностранным агрессорам, белогвардейские лидеры, а немало их подчиненных и раскаялись в своих действиях. Тем более на многое раскрыли глаза первые особо блистательно успешные плоды ленинской руководящей деятельности после победоносно спасительного для народа отражения вооруженных попыток раздавить и, расчленив, закабалить народы России. Потому-то основная часть тогдашнего духовенства во главе с патриархом Тихоном признала по сути дела соответствие Советской власти и ее духовной основы православной нравственности.

Об этом свидетельствует и обращение патриарха Тихона к пастве: «Вознося молитвы наши о ниспослании благословения Божия на труд народов, объединивших силы свои во имя общего блага, мы призываем всех возлюбленных чад Богохранимой церкви российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа рабоче-крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага. Призываем и церковно-приходские общины, и особенно исполнительные органы не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежды на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть — действительно народная. А поэтому прочная и непоколебимая» («Известия», 15 апреля 1925 г.). А вот в теперешние времена та же газета (по названию...) кощунственно наигрязнейше смеет обзывать В. И. Ленина — первым фашистом! Приемлемо ли это лично президенту В. В. Путину? Неужто возможен «положительный ответ»?

Ведь одурманивающая телевизионно-печатная и прочая вакханалия такого рода, начиная с конца 1991 года, воздействует на массовую аудиторию, в смысле безнаказанно надругательской расправы над правдой истории, почти всеохватывающе! Не стыдятся, даже заявляя в очередной «хронике», будто сторонники Советской России победили благодаря своей жестокости, вплоть до использования множества виселиц! Но как раз этим «отличались» ненавистники своего же народа, именно так расправляясь со многими тысячами своих политических оппонентов из числа сторонников Советской власти!

В то же время ныне оклеветанный В. И. Ленин не только не покрывал виселицами огромные просторы нашей Родины, ни в военное, ни тем более — в мирное время, но всегда требовал судить и расстреливать кровожадно бесчеловечных типов, примазавшихся к Советской власти.

Зато за полтора десятилетия последних воровски-капитализаторских «годков» все идет наперекосяк. Тем более, когда дело касается огромного большинства населения России — практически почти всех честных тружеников. Их жизнь стала такой, что хуже некуда! Кого надо привлекать к строжайшей ответственности? Конечно, тех, кто в наибольшей степени виновен в том, что во властвующем все более коррумпированном чиновничьем аппарате (и кому В. И. Ленин не может не быть ненавистен как никто другой) произошло нечто ужаснейшее. Суть этого заключается в том, что невиданно расплодилось во всех управленческих структурах множество таких элементов, которые жаждут ублажать только свои низменные вождения. Причем они твердо уверены, что власть и богатства можно безнаказанно увеличивать только себе на потребу, лишив народ правды истории, то есть прежде всего оболгав и извратив все наилучшее из происходившего после Октября 1917 года в течение ленинских лет. Только так «кое-кто» может удовлетворить все свои ненасытные зоологически грязные поползновения!

Вот и в очередной лжеисторической «хронике» клевета продолжается, получая дальнейшее развитие. Как обычно, живописуя давно выдуманную жестокость защитников Советской власти, 12 мая 2004 г. на телеканалах появилась виселица с немалым числом повешен-

ных. При этом не последовало никаких пояснений о том, кто жертвы, где и когда произошла казнь, кто палачи и т. д. В чем дело? Почему нам известны имена казненных и расправившихся с ними самодержцев XIX и первых десятилетий XX века, да и других столетий, сплошь и рядом давно минувших, а о якобы повешенных при В. И. Ленине — ни единого слова? Да потому, что это типично фальсификаторская игра, сугубо провокационная рассчитанная! Ведь дана установка о якобы использовании Лениным и его соратниками даже виселиц, хотя Владимир Ильич не только гневно клеймил такую жестокую расправу, называя все подобное азиатчиной наиужаснейших времен средневековья, но делал все для внедрения безукоризненно цивилизованных норм в нашем обществе при первой возможности!

Особенно изощренное бесстыдство авторов данного телефрагмента проявилось и в том, что изображение повешенных должно подлейшим образом «проиллюстрировать» якобы наличествовавшие методы расправы тех, кто олицетворял Советскую власть, с неисчислимыми массами будто бы ее совершенно справедливо ненавидевшими. «Попутно» же сообщалось, что устроившаяся сверхкомфортно верхушка безжалостна была и к красноармейцам, которых она с огромными потерями заставляла, например, штурмовать Кронштадт. А ведь очень многие из числа руководителей ленинцев, включая сотни делегатов X съезда партии, добровольно вместе с рядовыми бойцами шли на штурм крепости по уже непрочному льду Балтики под ураганным (в том числе и артиллерийским) огнем восставших. Разумеется ложь о мнимой беспощадности сторонников ленинской человеческой концепции социалистического созидания, сочетается на телеканалах с сокрытием правды о реально чудовищной бесчеловечности иностранных агрессоров и белогвардейских «отморозков».

В числе проблематики, извращаемой немало лет с особым рвением, находится, помимо многого иного, и все, связанное с судьбой Учредительного собрания в самом начале 1918 года, а также личностными качествами очень многих наиболее влиятельных эсеров, их судьбой и т. д. Если можно так выразится, тональность основной массы оценок и комментариев, связанных ныне с данной проблематикой, тоже заурядно бессовестна и примитивна в своей оглупляющей тенденциозности. И такой орган, как Учредительное собрание, оказывается, был «высококачественно полезен», исходя из народных интересов, и правые эсеры, имевшие возможность заправлять в нем, а значит потенциально и в тогдашней России, были прогрессивными, гуманными и просвещенными личностями.

Очень нелегко представить что-либо еще более далекое от истины. Об этом неопровержимо свидетельствуют в сущности все серьезные документы и факты, разумеется, скрываемые в наши дни и в лжеисторических хрониках телевизионного канала «Россия», рекламируемых в качестве «образца» научности, порядочности и интеллектуальной глубины. Делается все, чтобы истина была совершенно недоступна огромному большинству населения России, обманываемому с лицемернейшей изощренностью. Случилось так, что в Учредительном собрании все предрешалось социально-политически крайне нездоровой частью руководителей правых эсеров, противостоять которым оказался не в состоянии даже наиболее известный и уважаемый из руководителей эсеров, главный теоретик на протяжении многих лет В. М. Чернов — человек субъективно на редкость честный и отнюдь не реакционер. Даже в 1925 году он оценивал наиболее влиятельных правых эсеров на страницах эмигрантского журнала своей партии «Воля России» беспощадно честно и точно.

Вместе с себе подобными псевдо-социалистами из других партий, правые эсеры, определявшие истинную суть «Учредительного собрания», по мнению В. М. Чернова, вели себя ужасно, полностью работая фактически на самые черные силы белогвардейщины и ее иностранных покровителей. По словам Чернова: «Это болото с каким-то сладострастием политического мазохизма шло само и тащило всех других в ловушку, поставленную им

тайными и явными сторонниками диктатуры и монархии. Эти планы увенчались успехом и демократия в Заволжье и Сибири либо слепо и бессмысленно, либо «со смертью в душе» подставила свои плечи заговорщикам, облегчила им приход к власти, долгое время служила ширмой, прикрывающей их махинации, а затем, сослужив эту службу, была выброшена за борт как ненужный более балласт, как скорлупа от выеденного яйца» (Журнал «Воля России». Прага, 1925 г. № 3. С. 116).

Кому-то это может показаться совершенно невероятным, но роспуск Учредительного собрания был фактически оправдан задним числом его председателем Виктором Черновым! Просто В. И. Ленин и его соратники сущность правых эсеров, опаснейшую для интересов прогресса, уяснили для себя гораздо раньше, что и определило слова матроса Железнякова, обращенные к делегатам: «Караул устал. Пора кончать заседание...» В народе этот орган прозвали «учредилкой» и мало кто пожалел о его ликвидации, особенно вследствие отказа утвердить основные декреты II съезда Советов.

Заведомо фальшивы утверждения дней текущих, согласно которым роспуск Учредительного собрания предрешил «роковые» перемены во всем и это означало «сплошной захим». Ничего подобного! На протяжении целого ряда последующих месяцев такие активно оппозиционные Советской власти партии, как эсеровская и меньшевистская, функционировали легально, их представители входили в состав советских органов власти, вплоть до высшего, каковым был ВЦИК. Что-то похожее на своего рода либеральность ленинской структуры власти той поры в течение многих месяцев было замечено даже дипломатическим представителем Великобритании в России Локкартом, отнюдь не жаловавшим В. И. Ленина.

А вот член ЦК партии меньшевиков Д. Далин писал в своих воспоминаниях вообще нечто «сверхгреховное» с точки зрения ныне господствующих в России: «Странно вспоминать, что первые 5–6 месяцев Советской власти продолжала выходить оппозиционная печать, не только социалистическая, но и откровенно буржуазная... На собраниях выступали все кто хотел, почти не рискуя попасть в ЧК. «Советский строй» существовал, но без террора». (Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 24–25. Цитируется по: журналу «Диалог», январь 2002 г. № 1. С. 71–72). Сомнений нет: роспуск «Учредительного собрания» тогда воспринимался в основном с безразличием и вовсе не как что-то зловеще тоталитарное и прямо-таки гибельное!

К сожалению, сравнительно «мягкие» времена продолжались лишь около 10 месяцев после Октября 1917 года. Например, эсеровские газеты «Дело народа» и «Воля народа» продолжали легально выходить до июля-августа 1918 года, но были все же закрыты. А депутаты партий меньшевиков и эсеров были исключены из Советов в середине июня 1918-го. В чем дело? Только в связи с активизацией антинародных деяний иностранных агрессоров и внутренней контрреволюции, нацеленных на ликвидацию всего человеческого и прогрессивного «отныне и во веки веков». Окончательно же подтвердили правильность разгона «Учредилки» деяния депутатов этого органа, легко и без каких-либо наказаний поголовно отпущенных ленинцами на свободу. Особенно тяжкую память оставил о себе Комитет Учредительного собрания «КОМУЧ», захвативший власть над огромными регионами Советской России на беду десятков миллионов сограждан.

КОМУЧ, как «новая» власть на огромной территории от хлебного Поволжья до бескрайних просторов Сибири (под «охраной» штыков чехословацкого оккупационного корпуса и таких бешено антинародных частей, которые орудовали, например, под командованием такого жестокого реакционера, как атаман Дутов, и ему подобных «вожаков»), с первых дней поражала своей неспособностью действовать честно и гуманно. В частности, яростно проклиная продовольственную и антиспекулятивную политику Советской власти, нацелен-

ную на спасение миллионов сограждан, которые могли погибнуть от голода, объявляя ее даже антикрестьянским геноцидом, они демагогически провозглашали нечто аналогичное, но фактически не намереваясь на деле свершить что-то доброе!

Чего стоит в данной связи хотя бы декларативное постановление эсеров, распоряжавшихся огромной властью через КОМУЧ, полностью находившийся в их руках! Итак: «Признать, что вполне свободная хлебная торговля и свободное распоряжение частными хлебными запасами противоречат в данный момент, как государственным интересам, так и интересам армии и населения потребляющих губерний, а потому без контроля и регулирующего воздействия государственных органов допущена быть не может». И далее «Продовольственным органам предоставляется право принудительного отчуждения... хлебных запасов и их распределение...» (см. там же. С. 70).

В действительности же правые эсеры и не подумали всерьез затронуть интересы наиболее зажиточных крестьян — основных владельцев хлебных ресурсов. Результаты не замедлили сказаться на режиме КОМУЧа, что стало одним из главных факторов грядущего его крушения и захвата власти колчаковцами. Это кое-кто предчувствовал и робко пытался спасти власть правых эсеров. Порывался сделать что-то путное и такой «проправительственный» орган, как самарская газета «Вечерняя заря»: «Бешеный рост цен на все товары, от которого бледнеет покупатель, в отчаянии опускаются руки, — в главной своей части, несомненно, дело рук спекулянтов. Новая власть должна немедленно коснуться этой проблемы...».

Гораздо острее данную проблему затронула издававшаяся в Уфе меньшевистская газета «Голос рабочего». Еще в сентябре 1918 года там появились следующие строки: «Спекуляция подняла свою голову и царит повсюду. Цены на товары быстро поднялись вверх, жизнь стала дороже, а заработная плата пала. Все это болезненно отзывается на плечах малоимущих классов» (Газета «Голос рабочего», 05.09.1918 г. Цит. по: журнал «Диалог». № 1 2002 г. С. 71). Но ничего вплоть до предупреждений о том, что курс КОМУЧа усиливает массовую оппозиционность по отношению к нему, политическую левизну и рост симпатий по отношению ко все более крепнущей Красной Армии, не влияло на лидеров правых эсеров, в первую очередь на распорядившихся КОМУЧем (Авксентьева, Зензинова и Аргунова). Его самороспуск стал неизбежен в надежде на то, что сменявшая его т. н. Уфимская директория — все же обеспечит укрепление позиций правых эсеров.

Но не тут то было, и по всем данным решающим фактором скорого приближения окончательного краха этой партии было то, что распорядившиеся тогда в ней элементы, оттеснившие В. М. Чернова, были органически регрессивны, антинародны, и докатывались даже до террористического зверства, «адресованного» большинству населения, сочувствовавшему В. И. Ленину и Советской власти. О многом крайне важном неопровержимо свидетельствуют признания не какого-либо заурядного функционера, а самого главы КОМУЧа В. К. Вольского. «Комитет действовал диктаторски, власть его была твердой, жестокой и страшной. Это диктовалось обстоятельствами гражданской войны. Взявши власть, мы должны были действовать, а не отступать перед кровью и на нас много крови. Мы это глубоко сознаем... Мы вынуждены были создать и ведомство охраны, на котором лежала охранная служба, та же чрезвычайка и едва ли не хуже» (см. там же. С. 80).

О степени жесточайшего беспредела режима, созданного правыми эсерами из числа самых влиятельных депутатов ликвидированного Учредительного собрания, свидетельствует очень и очень многое, помимо прочего, исключавшего создание хотя бы подобие сносных вооруженных сил. Ничем не могли помочь даже чудовищно драконовские приказы военного министра Галкина о «беспощадных расстрелах дезертиров». По свидетельству офицера этой так называемой «народной армии» Б. Солодовникова, около 900 новобран-

цев было расстреляно за отказ следовать с отступающей армией. А на станции Чишма полковником Виноградовым был пущен «в расход 21 пленный красноармеец». Они следовали на работу в Тоцкий лагерь, но подвернулись «под вечно пьяную руку этого полковника». Этим и ограничивались «успехи» руководства КОМУЧа. Как свидетельствовал знавший в основном все о положении в той армии бывший командующий «белой» сибирской армией А. Н. Гришин (Алмазов), армия КОМУЧа «терпела жестокие поражения, сдавалась целыми полками... мало-помалу распалась и сейчас (3 ноября 1918 г.) ее вовсе не существует». (ГАРФ, ф. 176. оп. 3, д. 6, л. 185. Цит. по: «Диалог» № 1, январь 2002 г. С. 74).

Всеохватывающая регрессивно-антинародная, бесчеловечнейшая дегенерация правоэсеровского режима т. н. Комитета Учредительного собрания (КОМУЧ) происходила быстро и неотвратимо. Пожалуй, наиболее зловещим проявлением политического, социально-экономического, нравственного и любого иного его распада были именовавшиеся тогда многими не иначе как «поезда смерти» и «баржи смерти», означавшие внесудебное убийство многотысячного множества пленных красноармейцев и других сторонников Советской власти. По сравнению с таким «инструментарием» расправы с неугодными, думается, как бы «меркнет» и все самое ужасное из происходившего даже в концлагерях того же КОМУЧа.

В данной связи, безусловно, имеет смысл обратить самое пристальное внимание на опубликованное, буквально кровью сердца написанное безукоризненно объективное свидетельство сотрудника миссии американского Красного Креста Рудольфа Бьюкели. «То, что я видел в течение двух дней, достаточно на всю жизнь... До того момента, когда мы нашли этот ужасный караван в Никольске, 800 человек из его пассажиров умерли от голода, грязи и болезней. В Сибири ужас и смерть на каждом шагу и в таком масштабе, что потрясли бы самое черствое сердце». И далее: «Я видел трупы людей, тела которых еще при жизни разъедали паразиты до тех пор, пока они не умирали после месяцев ежедневной мучительной пытки от голода, грязи и холода. Клянусь Богом, я не преувеличиваю!.. Жизнь — это самая дешевая вещь в Сибири».

«Прошлой ночью по пути домой я почувствовал ужасную слабость! Если бы кто-нибудь рассказал мне о том, что я слышал и видел, я посчитал бы это ложью. Сегодня я сижу и записываю все это в надежде, что простое описание подробностей облегчит меня, и я смогу разумно слышать и добросовестно работать». Бьюкели знал, что этот поезд узников вышел из Самары около двух месяцев назад, увозя в своих вагонах 2100 человек. «Насколько мы могли сосчитать, вчера в поезде было 1325 мужчин, женщин и детей. За прошлую ночь умерло шестеро. Постепенно они вымрут все, если поезду позволят двигаться дальше в таком состоянии. В течение недели этот поезд из 50 вагонов странствовал от станции к станции, и каждый день все новые трупы вытаскивались из него... Я видел умирающих и слышал их предсмертный хрип.

Они были полуголые, и паразиты кишели на их телах. Другие лежали в полусознательном состоянии. Ничего похожего на санитарное обеспечение в поезде не было. И скопление грязи и нечистот, в которых лежали и умирали эти люди, не поддается описанию». К Бьюкели обратились с мольбой убрать мертвого. «Мы настояли, чтобы дверь была открыта, и вот что мы увидели: прямо у входа лежало тело юноши лет 18–19. На нем не было ничего, кроме тонкой рубашки, до такой степени изорванной, что была открыта вся грудь и руки. Вместо брюк на нем был кусок джутового мешка. Ни чулок, ни ботинок. Какие страдания должен был перенести этот мальчик в сибирские холода, прежде, чем он умер от голода, грязи и болезней».

Колчак и его приближенные отнюдь не склонны были уступить хотя бы часть доставшейся им власти и самым махровым из правых эсеров: при первой возможности они взяли

и разделались с ними, «унаследовав» их власть и огромные территории. Но по отношению к их жертвам из числа сторонников Советской власти они орудовали таким же образом и «еще хлеще». Не случайно теперешние криминально-капитализаторские «гиганты», заправляющие подорванной ими нашей страной, восторгаются и теми и другими.

А кое-кто из них беспредельно бесстыдным манером криком кричит о том, будто в случае победы учредилорцев, или колчаковцев, жизнь нашего народа стала бы распрекрасной! Потому-то и надо срочно ставить памятники и тем и другим, уничтожая музеи и памятники лучшим из лучших сторонников социалистических идеалов и защитникам Советской России.

Как говорится, «свояк свояка видит издалека». Невзирая на многие десятилетия, отделяющие их от нынешних антиленинцев, да и по горячим следам, хотя и поцарапались из-за власти тогдашние претенденты на антинародные лавры, они демонстрировали не без удовольствия взаимопреemptственность. По данным тюремного отделения министерства юстиции правительства Колчака (декабрь 1918 г.), из «городов КОМУЧи» в Восточную Сибирь через Омск одновременно проследовали поезда, в которых находились «тысячи красноармейцев, красногвардейцев и других лиц, арестованных в связи со свержением бывшей Советской власти» (ГАРФ, ф. 827, оп. 7, д. 34, л. 8. Цит.: по «Диалог» № 1 2002 г. С. 75).

В современных условиях весьма актуальна правда о том, какую роль сыграло время властвования КОМУЧа в скором приближении непоправимого краха партии эсеров в целом (силы, в свое время потенциально способной сыграть гуманистическую роль). Но после того, как влиятельнейшая фракция правых эсеров, полностью переродившись, сомкнулась и со страшными иностранными «доброхотами», и с белогвардейщиной наиболее антинародных разновидностей, даже такой совестливый и мыслящий лидер, как Виктор Михайлович Чернов, вместе с теми эсерами, которые его поддерживали, были лишены возможности спасти хоть что-то из бывшего морального авторитета этой партии в глазах масс.

Своего рода последним, в чем-то прощальным «аккордом» политического здравого смысла была попытка ряда серьезно дееспособных членов данной партии взять под контроль Антонова (объявлявшего себя истинным эсером) и обуздать наиболее зловещую суть антоновщины, как явления, уродовавшего страшно многое не только в пределах Тамбовской губернии. Эти люди понимали, насколько черная патологически необузданная в своей кровожадности жестокость такого предводителя одурманенных им крестьян общественно опасна и непоправимо самоубийственна и для самой партии эсеров. Однако хоть что-то изменить к лучшему оказалось невозможным.

Невзирая на введение ленинского НЭПа и отмену продразверстки, в первую очередь умиротворявшую крестьянскую массу и противопоставлявшую ее Антонову и наиболее темным его сторонникам, тот продолжал хуже, чем зверскую «клинику». Вплоть до ужасающих способов распятия коммунистов и сторонников Советской власти, которых по его «повелению» удавалось схватить и истерзать. А вот теперь так называемое Российское телевидение объявляет ужасающе жестокими всех спасавших Советскую Россию и буквально до небес превозносит всех до единого погубителей нашей родины, вплоть до таких ужасных натур, как Антонов и ему подобные. Это в средствах массовой дезинформации криминально-капитализаторского безвременья не прекращается уже около полутора десятков лет все более бессовестно! Как свидетельствуют, например, «исторические» хроники, демонстрируемые по каналу «Россия».

Ужасно одурманивающее «вкрапливается» всенепременно и в сравнительно вроде бы сносно нацеленные телепередачи. Например, и в ту, которая была показана по РТР 17 мая 2004 года в 23 часа 30 минут. Как и положено, все же здесь тоже «промелькнула» преступ-

нейшая клевета, согласно которой по указаниям руководителей Советской России у крестьян будто бы изымалось все зерно, что обрекало на смерть неисчислимые массы земледельцев. Ни слова не было сказано о том, что за исключением нечастых заведомо воровских случаев злоупотреблений, крестьянам оставляли пусть крайне ограниченную, но все же определенную норму для пропитания, а совсем уж несчастным беднякам доставалось немного зерна и из того, которое изымалось для спасения от голодной смерти жителей городов! Зато ныне с телеэкранов довелось понять, что будто бы были по своему чуть ли не оправданы страшнейшие деяния тех противников Советской власти, в ходе которых терзаемым и убиваемым ее сторонникам вспарывали животы и бросали туда горсти зерна, что должно было как будто символизировать уродливую «правоту» даже самых ужасных изуверов. Почему бы не выдувать и такое, если это всемерно поощряется «новыми» хозяевами России?

2 Очередная лжеисторическая т. н. «хроника» обрушилась через «Российский» телеканал в апреле 2004 года на многомиллионную массу телезрителей, вероломно лишаемую в течение полутора десятков лет чего-либо похожего на элементарно совестливую историческую информацию. И как раз непосредственно в связи с днем рождения В. И. Ленина! И снова все, как и в другие подобные вечера, было переполнено преступнейшей ложью в соответствии с подлежащим непременно выполнению «высочайшими» руководящими указаниями!

При этом напечатано было «черным по белому», будто А. И. Деникин был главным действующим лицом не чего-либо, а «Южного фронта сопротивления»! Кому же противостоял этот главный антинародный фронт? Тем, кто из последних сил спасал нашу Родину от распада, гибели и колонизации не просто по своему равному личному усердию, а опираясь на огромное большинство населения огромной многострадальной страны. В число участников спасения Советской России вместе с коммунистами входило немало лучших из бывших царских генералов полковников генерального штаба и многих десятков тысяч глубоко порядочных и мыслящих офицеров, пришедших из рядов дореволюционной армии. Почему так случилось? Об этом еще тогда имел ясное представление даже довольно близкий родственник последнего императора великий князь Александр Михайлович Романов, открыто заявивший, что национальные интересы русского народа выражает именно интернационалист Владимир Ильич Ленин!

В том же направлении мыслил самый знаменитый и талантливый представитель высшего генералитета царской России потомственный аристократ Алексей Алексеевич Брусилов, причем с ним было согласно по множество выходцев из числа бывших царских офицеров, вскоре даже составивших костяк высшего командного состава Красной Армии. Между прочим, среди них было очень много дворян. В «Хронике» же 21 апреля 2004 года превозносились прямо-таки до небес все до единого главы белогвардейских армий, включая наиболее регрессивных и сверхбесчеловечных. Причем тут же уводмлялось, будто они были почти безоружными, а добывали все необходимое для войны, отбивая это только в сражениях с бойцами, командирами и комиссарами Красной Армии! Вот и подобную чушь велено внушать народу!

А ведь налицо безукоризненно точные признания главных врагов Советской России, включая Уинстона Черчилля, о том, как страны Антанты прямо-таки до зубов вооружали белогвардейские армии! И точно известно о том, как много оружия, вплоть до танков, было отнято у белых для выполнения спасительных для страны задач красноармейцами и теми, кто ими руководил. И ни единого звука о том, сколь многие из «белых» вождей были антинародными прихлебателями иностранных агрессоров, включая тех, кто, как теперь расхва-

ливаемые Краснов, Семенов и им подобные, прислуживали даже Гитлеру и прочим самым страшным индивидам из суперубийц, причем даже начиная с 22 июня 1941 года.

Вот и в «хронике», показанной 21 апреля 2004 года, ни слова о чудовищнейшем и творившегося по воле иностранных агрессоров, заправивших оккупированным ими регионом в районе Архангельска и Мурманска, когда река Волхов местами «краснела» от крови, о расправе над 26 Бакинскими комиссарами, о сожжении заживо благороднейшего и отважного народного героя Сергея Лазо и его товарищей на Дальнем Востоке и т. д. Зато все, как водится, переполнено на телеэкране бешеной разнузданно клеветнической злобой, адресованной В. И. Ленину, как ни к кому другому!

И вот кто-то приказывает в наши дни изображать В. И. Ленина человеком, жаждущим развязать необузданную гражданскую войну с многомиллионными жертвами и реками крови! До чего же преступны натуры «при власти» предпрещающие все подобное! Повелев некто «забыть» даже предложение президента США Вудро Вильсона заключить договор о прекращении военных действий на территории России. Как на это реагировал В. И. Ленин, якобы разжигавший непримиримую гражданскую войну? Он ответил на это немедленным согласием во имя сохранения сотен и сотен тысяч жизней! Но такая договоренность была сорвана только по собственному желанию теперь тоже до небес превозносимого адмирала Колчака, объявленного верховным правителем России, и его «коллегами»!

А телеэкран вновь и вновь преступно переполняется фальсификаторской грязью о мнимой жестокости В. И. Ленина, о миллионах, якобы «подлежащих» по его воле уничтожению руками, будто бы дегенеративно кровожадных сторонников Советской власти и социалистических идеалов. В то время, как в нашей печати той поры стремились сообщать обо всех преступно жестоких псевдосоветских элементах и их расстрелах, тогда не было известно о карах, которые должны были бы обрушиваться на иностранных и белогвардейских изуверов. Но ничто не мешает «главноначальствующим по клеветнической части» (даже в связи со 134-м днем рождения В. И. Ленина) шкодливо уродовать наиважнейшее в нашем прошлом, наилучшее изображая наихудшим!

Вот и чуть ли не ежеминутно в «ударной» передаче по «Российскому» телевидению 21 апреля 2004 года приказано было вещать, будто В. И. Ленин и его сторонники жаждали лишь залить Россию реками крови и завалить горами, миллионов трупов в якобы ими, а не иностранными агрессорами и их белогвардейскими прихлебателями разожженной гражданской войне! Разумеется, при этом распространяют сверхпреступную ложь, будто белогвардейские «активисты» долго колебались, «стесняясь» быть жестокими и непримиримыми. Да к тому же они якобы не были вооружены властителями стран Антанты буквально до зубов, а будучи почти безоружными, даже обычное стрелковое вооружение отнимали у неких жалких, легко разваливающихся частей Красной Армии. «Храбрость» же красными в основном, к примеру, проявлялась в предполагаемом фальсификаторами кем-то будто бы приказанном разрубании и иных надругательствах над останками генерала Корнилова, найденными случайно, так как искали в основном драгоценности, улажая лишь свою корысть!

Успехи же Красной Армии, дескать, обычно предпрещались интернационалистами (большой частью китайского происхождения) которых, как было заявлено в ходе той передачи, то ли 300 тысяч, то ли до одного миллиона состояло в рядах «красных» бойцов! Конечно, и они якобы достигали «нужных» результатов только благодаря своей необузданной жестокости, вровень с той, которая была характерна и для других специальных карательных частей. Тех самых, какие в отличие от огромной массы обычных красноармейских батальонов, полков, дивизий, подчас очень плохо вооруженных, обеспечивались наилучшим образом. Для чего? Как правило, только для того, чтобы жесточайшим образом «скручивать» мирное насе-

ление и ненадежные воинские соединения, выполняя выдуманные суперлжецами наших дней желания В. И. Ленина и его соратников по истреблению всех неугодных, объявляемых ныне чуть ли не абсолютным большинством соотечественников той поры.

Такова же цена утверждению, будто в отличие от руководителей советского типа, глава белогвардейцев юга России стремился карать убийц из отделов контрразведки. Однако ни один из них не назван ни в одной из телепередач. Тогда как антисоветский историк С. П. Мельгунов (а не только советская печать) называл еще 80 лет назад много таких преступников, не только отстраненных от руководящей работы, но и расстрелянных Советской властью. Не помешало бы также напомнить, что, узнавая о злоупотреблениях, В. И. Ленин не только требовал беспощадных наказаний, но и употреблял даже словосочетание «чекистская сволочь». Потому-то и не было заурядным применение самых суровых мер, обуздывавших самое ужасное. Но это не мешает ныне, лгать, как в упомянутой «хронике», будто чекисты во множестве (в сущности, как нынешние чинуши) охотно шли по пути обогащения, покровительствовали спекулянтам, брали взятки!!

Но и такая ложь не предел: с экрана звучали выкрики о том, будто Я. М. Свердлов готовился к свержению В. И. Ленина, что в его сейфе почему-то именно во второй половине 30-х годов якобы было найдено огромное количество золота и драгоценностей. Самым же крупным «открытием» особо мерзко типа оказалось то, что все самое чудовищное Гитлер усвоил из ленинских нововведений. В том числе изуверские формирования душегубов СС берут «начало» якобы из примеров советских карательных частей (включая заградительные отряды), орудовавшие будто бы по-фашистски в нашей стране, появившись еще в те времена, а не в гитлеровские и иные им подобные.

Нет ни малейших сомнений: те, которые, возможно, из-за корыстейше политиканских «кулисы» руководят все это чудовищно одурманивающим сверхбезобразием — безусловно, принадлежат к числу социально наиболее опасных преступников современности. Они по-прежнему держат в своих руках разрушительно-разлагающие рычаги страшного воздействия на необъятно гигантские людские массы, парализуя и отбрасывая из жизни общества все человеческое и подлинно прогрессивное. Для чего? Только для концентрации в своих и в руках «родственных» себе элементов все более бесконтрольной власти и все более безграничных богатств на беду многим десяткам, а, вероятно, и сотням миллионов людей.

Именно в этом направлении, подчиняясь курсу на подавление, прямо-таки растапывание всего доброго, умного, бескорыстного, уже много лет работают и страшно многие так называемые «научно-просветительские» (на деле дезориентирующие) телепередачи, из числа иной раз и не самых непристойных. В этом смысле довольно типичен сериал «Не будем проклинать изгнание», показ которого на канале «Культура» был начат 26 апреля 2004 года. Не на словах, а на деле именно проклятия всего имевшего отношение к революции и Советской России первых лет ее существования, «сыпались» как из рога изобилия, причем в основном из уст потомков т. н. первой волны белоэмигрантов. Таким же образом авторы «препарировали» наследие даже такой крупнейшей величины, как на редкость интеллектуальный Николай Алексеевич Бердяев.

Даже этого глубокого и неоднозначного ученого, тяготевшего к объективности свидетеля эпохи, ныне изображают примитивнейшим ненавистником В. И. Ленина и всего, имевшего отношение к революции величайшей значимости и прогрессивности ее идеалов! Ни одного его слова, отдававшего должное величию В. И. Ленина, не прозвучало в данном сериале! А что уж говорить о поведенном с экрана самыми обычными потомками тех, кто первыми покинули Россию. Воистину многие из них, как и ключевые фигуры Франции послереволюционных десятилетий конца XVIII-го — начале XIX века «ничего не забыли и ничему не научились». По

своему показательно сказанное одним из популяризируемых в сериале, отбившем вместе с родителями из нашей страны в двухлетнем возрасте, и утверждавшем, что и его, малютку, тоже «полагалось» расстрелять! В действительности в те годы за разоблаченные такие «художества» да еще за убийство младенца, был неизбежен трибунал и расстрел.

Такого рода заведомая неправда органически сочетается с отсутствием даже подобия честной и серьезной критики в «адрес» главарей иностранной агрессии и белых армий. Настолько, что кажется случайным свидетельство одной очень и очень пожилой дамы на редкость аристократичного облика. Она и страшно много десятилетий спустя не может «отключиться» от факта бешено изуверской групповой расправы с безоружным пленным красноармейцем. Его заживо зарубили саблями, а он после первых ударов только и сказал убийцам: «Братцы, что вы делаете...» Когда же он перестал дышать, на земле лежали не его останки, а какое-то страшное изрубленное кровавое месиво, свидетельствовавшее, что среди «белых» были далеко не только «ангелы»...

Нет совершенно ничего странного и тем более загадочного в том, что дорвавшиеся за считанные годы до бесконтрольной власти, невиданной роскоши и несметных богатств, «новые» властители, их подопечные, псевдонаучная, антикультурная и прочая обслуга, дружно восторгаются черт знает кем, одновременно делая все возможное для посмертного растапывания лучших из лучших! Потому-то теперешними любителями всеохватывающего самоублажения изо дня в день возвеличиваются все цари, включая самых бесчеловечных и бездарных, а также наихудшие из числа царских сатрапов...

Вновь было продемонстрировано с особо редкой нахрапистостью и все наисквернейше клеветническое на телеканале «Россия» 12 мая 2004 года в очередной лжеисторической «хронике». На сей раз преступное фальсификаторство не ограничилось всеизвращающими стонами и воплями по поводу «благородной», «чистой» и прочей подобной «сути» всех до единого вплоть до наиужаснейших главарей тех, кто с оружием в руках (под «крылышком» руководителей главных стран Антанты) губил свою Родину и миллионы своих соотечественников.

Авторы очередной «хроники» в тот вечер порешили не ограничиваться грязными штамповками только подобного типа. Это они «дополнили» еще не очень привычными откровениями, не устыдившись даже адресованных ими В. И. Ленину обвинений, будто он не хотел вводить НЭП и отменять продразверстку! Он, дескать, всемерно задерживал разрыв с политикой военного коммунизма, отвергая соответствующие предложения своих коллег по руководству Советской Россией. В действительности дело обстояло диаметрально противоположным образом: все наиболее компетентные партийно-государственные руководители, включая, конечно, В. И. Ленина, понимали необходимость замены продразверстки стимулирующим рост производства продовольственным налогом и введение НЭПа в целом. «Оттенки» мнений были связаны лишь с выбором оптимального срока осуществления глубоко назревших перемен.

Тем более бессовестны намеки на то, будто В. И. Ленин ввел НЭП чуть ли не «с перепугу», из-за антоновщины в Тамбовской губернии и в наибольшей степени «благодаря» восстанию в Кронштадте. На самом деле положение крестьян на Тамбовщине было изменено к лучшему ранее чем где-либо, что сразу же начало выбивать почву из-под ног Антонова, а проект НЭПа, отнюдь не в качестве черновика, а полностью был разработан и подготовлен для представления делегатам X—го партийного съезда еще до вооруженного восстания в Кронштадте! Все происходило именно так, а не в соответствии с всеизвращающе фальсификаторскими «плодами фантазии» заказчиков, авторов и главного телеведущего канала «Россия»!

«Историческая» хроника, продемонстрированная 19 мая 2004 года, кое в чем почему-то отличалась от целого ряда предыдущих. Конечно, и она тоже была переполнена одур-

манивающими антиисторическими «пассажами». Из числа наиболее непристойных была издавна повторяемая клеветническая штамповка, согласно которой не кто-то, а лично В. И. Ленин дал указание Белобородову совершить убийство «царских детей» в Екатеринбургe в июле 1918 года.

Подобного рода по-геббельсовски изобретенные выдумки сопровождалась словоблудием о том, будто руководство Советской России не так плохо относилось к детям из рабочих и крестьянских семей, как к сверхстраждущим их сверстникам из тех, кто имел несчастье появиться на свет в привилегированных и особо почтенных семьях. Терминология откровений такого рода по своему смыслу и полунамекам была именно такой! При этом объявлялось, что детские дома для несчастнейших из сирот после 1917 года были ужасны и не давали ничего общественно спасительного и даже элементарно полезного! И тут же провозглашалось, насколько прекрасны были приюты царских времен, аж со времен обожаемой авторами ужаснейше бесчеловечной, ультракрепостнически нацеленной узурпаторши Екатерины II.

Такова же цена разглаговольствований о мнимой вине Ф. Э. Дзержинского и даже В. И. Ленина (уже находившегося в полупарализованном послеинсультном состоянии) в бессудном убийстве 15 тысяч священников и других представителей духовенства, причем уже наступивший послевоенный, все более мирный период! На фоне такого клеветнического беспредела, обрушивающегося на В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского то, что инспирировалось по воле Иосифа Сталина, особенно в 30-е годы, как бы «меркнет».

И вдруг в разлагающем болоте ныне типичной, в сущности тотальной лжеисторической мути, проскользнули и слова правды. Причем, перефразируя стародавнюю поговорку, «начали за упокой», а «кончили во здравие»... Начали с теперь заурядно бесстыдной выдумки, будто Ф. Э. Дзержинский, назначенный на ответственный пост председателя ВСНХ, прямо-таки вредоносно заполнил данный аппарат своими ставленниками из числа особо надежных и доверенных чекистов. А завершили признанием, что на ответственные, подчас самые главные посты, Феликс Эдмундович выдвинул целый ряд бывших меньшевиков, вследствие их высокой профессиональной компетентности! Услышав же нечто похожее на недоумение и даже схожее с укорами, он заявил, что этим принципом необходимо руководствоваться и во всех других сферах.

Ф. Э. Дзержинский весьма успешно ранее руководил железнодорожным транспортом, до него находившемся в катастрофически тяжелом состоянии; также много дельного и общественно полезного свершил он, и став во главе Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ). Благодаря чему? В том числе и потому, что он честно руководствовался установкой В. И. Ленина о непременном, широко и всемерно поощряемом использовании знаний и дарований ныне беспартийных «спецов». Разумеется, независимо от их социального происхождения, бывлой партийной принадлежности, прежних политических симпатий, антипатий и тому подобно.

Помимо всего гигантского комплекса общественно спасительных ленинских ориентиров, включая и выше упомянутый, которыми Ф. Э. Дзержинский руководствовался до последнего часа своей жизни, колоссальную созидательную роль играл и сам по себе интеллектуальный и безукоризненно человеческий морально-этический облик Владимира Ильича. Общественно опаснейшая, кое-кем ускоренная страшно ранняя гибель 53-летнего гениального и благороднейшего лидера и в этом плане имела во многом чудовищно непоправимые последствия. Ф. Э. Дзержинский был из числа последних самых крупных величин, способных предотвратить смертельно опасный для десятков миллионов человек и, возможно, фатальный для общества в целом пагубный антиленинский переворот.

Конечно, несколько, вероятно, случайных честных слов о Ф. Э. Дзержинском, не сочтаются ни с единым аналогичным словом о В. И. Ленине, на которого, во всех лжеистори-

ческих хрониках и прочих всех до единой политикански-пропагандистских передачах обрушивается только клеветническая грязь! Странно, но в этой «хронике» упоминается группа бывших меньшевиков, знания и опыт которых считал нужным использовать в народных интересах Феликс Эдмундович. Как говорить, спасибо и на этом... А вот в числе многих других телевизионных зрелищ 5 мая 2004 года («Кремль-9». Молотов. Школа выживания») было провозглашено нечто заурядно извращающее и тоже о меньшевиках.

Как водится, поразительно бессовестно было заявлено, будто большевики, всегда будучи и в РСДРП в меньшинстве, придя к власти в Октябре 1917 года, тут же уничтожили, да еще не кого-то из них, а большинство меньшевиков! И ведь ныне не просто «дозволяется», а всемерно поощряется даже такая, одна из самых бессовестных клеветнических гнусностей! Из врагов Советской России погибали обычно те, кто выступали против нее с оружием в руках. Есть точные факты, неопровержимо свидетельствующие об убийстве меньшевиков и эсеров, подчас изуверски жестоком, именно белогвардейцами. В то же время по сей день не слышно ни об одном из членов этих партий, погибших по вине В. И. Ленина!

Лишь после кончины Владимира Ильича такое происходило, причем во многих, очень многих случаях, особенно в 30-х годах. Как раз тогда массами погибали не только духовные лица, бывшие меньшевики и эсеры, но и в неизмеримо больших количествах именно истинные ленинцы из числа в первую очередь наиболее зрелых партийцев! По-своему очень симптоматично то, что в данной передаче «Кремль-9», нехотя упоминалось о некоторых «перегибах», но отмечалось особого рода «правота» Вячеслава Молотова и Иосифа Сталина, хотя в действительности их вина и, как никого другого — Сталина была ужасающе отвратна и сверхзловеща. Молотов же вообще предстает в передаче в качестве абсолютно честного человека, невзирая на то, что множество неопровержимых фактов и документов свидетельствует об ином! Зато на В. И. Ленина, вопреки отсутствию всего хоть микроскопически обоснованного, преступнейше взваливается вина именно за чужие чудовищные замыслы и злодеяния.

3

Буквально как воздух необходима всем нам правда, только правда и ничего кроме правды. Безусловно, грешно было бы отрицать, что в ситуациях, вырывавшихся из под контроля ленинского центра, могло происходить всякое, включая несправедливое и даже страшное. Более того: по мере фатального, мучительного физически необратимого ухудшения состояния здоровья и повседневного самочувствия В. И. Ленина, иной раз просто не могли не допускаться в основном практически исполнительские, а также чисто стилистические неточности, да и ошибки. Однако даже под угрозой мозгового паралича для этого уникального лидера практически всегда были характерны не только но редкость мудрые, но и гениальные озарения. Что касается политического и социально-экономического курса, то в этом смысле В. И. Ленин с точки зрения российских и общечеловеческих перспектив во всем главном и решающем был прав до последнего часа своей жизни. Бесчестно и преступно отрицать влияние этого гиганта на человеческое бытие в масштабах всего мира в качестве творчески-созидательного, а во многом — просто спасательного фактора оздоровления общества.

Даже касаясь фактологической конкретики периода военного лихолетья 1918–1921 гг., нельзя не признать, что и в самые критические моменты, вопреки неимоверным объективным трудностям и личным физическим невзгодам и страданиям, Владимиру Ильичу удавалось предотвращать постоянно все наиболее опасное и зловещее, параллельно укрепляя все социально созидательное и справедливое во имя блага Отечества и основной массы сограждан. Что же касается белого движения, то оно волею судеб, вопреки действиям и стремлениям даже самых этически и нравственно пристойных участников, развивалось в

диаметрально противоположном направлении. Поэтому-то и вынужден был очень жесткий, но умный и субъективно добросовестный монархист, В. В. Шульгин, (кстати, один из составителей программы белого движения) написать о нем, что начатое «почти святым» оно попало в руки «почти бандитов». А значит — не могло не быть фатально обреченным.

Скорее всего, благодаря тому, что во главе Советской России находилась в самые критические моменты личность, постоянно охранявшая единственную в своем роде (в сравнении с имевшим место на протяжении всех столетий) творчески-интеллектуальную руководящую мощь, крушение белого движения было неотвратимо. Даже если бы против него не срабатывал ни один другой фактор, кроме невозможности не только обуздания, но и введения хоть в мало-мальски терпимые рамки белогвардейского террора.

Вот одна из элементарных иллюстраций: в наши дни принято чуть ли не со слезами на глазах умиляться и восторгаться Колчаком вплоть до требований о возведении ему памятников при непрременном уничтожении тех, которые посвящены В. И. Ленину. И так не хочется принимать всерьез (особенно кое-кому из наших «верхов»), безусловно, вполне реальный, но неприятный факт: ведь Сибирь поначалу отнеслась к адмиралу, как минимум, довольно индифферентно, а нередко и не без некоторого любопытства в сочетании с нежеланием вступать в решительную схватку с силами, им возглавляемыми, а потом «вдруг» буквально запыхала антиколчаковскими восстаниями. Почему? В том числе и потому, что адмирал то ли не сумел, а точнее — не захотел покончить с ужасом свирепевшего с каждым днем все более необузданного, не заурядно антисоветского, а антинародного террора. И тут уж второстепенной исторической «деталью» оказывается и то, мог или не мог он держать в руках таких своих изуверски крутых выдвиненцев как атаман Семенов — бесчестное, своекорыстное, обнажено предательское чудовище.

Предположим, что деяния любого из ужасно-палаческих типов, находившихся «под эгидой» Колчака, как и прочих аналогичных натур, орудовавших при других наиболее крупных лидерах «белого стана», частенько имели место будто бы только вопреки их воле и желанию, а следовательно, оправданным является стремление считать их людьми приличными, заслуживающими доверия и даже симпатии. Но тогда возникает вопрос, почему в сущности поголовно ныне провозглашаемые особо достойными белогвардейские руководители, которые не могли не понимать, «что к чему», оказывались хронически бессильными по части обуздания носителей тенденций, подрывавших морально-политические основы белого движения своими мстительно-террористическими злодеяниями? Да потому, что и беспредельно жестокие элементы имели в своем распоряжении воинские контингенты, личный состав которых пусть не всегда и не во всем доверял им, но все же готов идти за ними в надежде на победу, на деле оказывавшуюся все более туманной.

И вот тут мы подходим к одному из главных фальсификаторски-лживых «узлов», на основе которых функционирует (орудуя ради криминальной капитализации России) вся теперешняя мощнейшая идеологически-пропагандистская машина. Делается практически, как отмечалось выше, все для сокрытия от массовой аудитории роковой и компрометирующей белое движение его практически полной зависимости, прежде всего, от Англии, Франции, США, Германии, Японии, а также от «столпов» дореволюционного режима. А раз так, то в нашей стране оно не имело серьезной по количеству сторонников социальной базы.

Результатом же этого была невозможность крупномасштабного пополнения белых частей «человеческим материалом», готовым и способным жертвенно воевать за его идеалы, в результате чего даже каждый атаман, вплоть до явно бандитски выродившихся типов, имевший поддержку, пусть не сотен тысяч, а просто тысяч и даже сотен «штыков» или «сабель», был буквально на вес золота, и потому приходилось терпеть и самые кровавые,

да и явно криминальные его «рефлексы». И в этом плане судьба участников белого движения, вплоть до наиболее пристойных, была не просто тягостной, а фатально неоправимой в не меньшей степени, чем в связи с антинациональной зависимостью от зарубежных правителей. Когда же это дополняется внутри страны все большей своеволиестью растущего количества, по терминологии В. В. Шульгина, «почти бандитов», то ситуация не могла не оказаться совершенно бесперспективной для всего антисоветского воинства.

А вот и вторая ипостась того же идеологически-пропагандистского «узла», столь же бесчестно фальсификаторская, как и нацеленная на сокрытие правды об отсутствии в России массовой социальной опоры антиленинских объективно антипатриотических сил, изолированных от всего, дающего серьезные шансы на победу. Суть ее сводится к столь же беззастенчивому обману. Дескать, В. И. Ленин, как и его соратники, обладали лишь одним умением: удерживать будто бы бесконтрольную и безграничную власть над якобы ненавидящим их народом с помощью некоего никогда и нигде не виданного порабощения гигантского большинства сограждан с помощью террора, ныне подлейшим образом объявляемого беспрецедентно всеохватывающим. Разумеется, якобы свирепевшим именно по наущению Ленина! А для этого «доказывается», будто большинство россиян было против революции, против обновления страны, да еще симпатизировало царю, ныне объявленному «святым», а потому ненавидело, но боялось руководителя Советской России! И ведь не краснеют, провозглашая даже такое!

До чего же далеки от истины, точнее — органически враждебны ей прямо-таки ставшие «дежурными» абсолютно бесчестные разглагольствования о непримиримом противостоянии В. И. Ленина воле и желаниям народа, о мнимо террористическом навязывании нашей стране якобы «чужеродных» порядков и идеалов! До чего же нахраписто и назойливо (вполне в соответствии с наиболее порочными традициями 30–40-х годов) буквально вдалбливаются в головы большинства наших современников самые лживые и грязные, извращающие все и вся, пропагандистские стереотипы! Вплоть до практически дегенеративных утверждений, будто решающей опорой, обеспечившей триумф большевизма, начиная с 1917 года, был не почти всенародный, гигантский людской массив, а уголовно-деклассированный сброд (в основном де выпущенный из тюрьм после победы еще Февральской революции 1917 года).

А ведь правда, в первую очередь, связана с тем, что В. И. Ленину постепенно удалось именно убедить преобладающее большинство населения России в правильности и благотворности для страны и всех честных тружеников курса на социальную справедливость и восстановление сильной государственности на подлинно прогрессивных и гуманистических началах развития общества. Ныне считается по сути дела «неколебимым» признаком хорошего тона не принимать всерьез завоевание сторонниками В. И. Ленина большинства в Советах. Так хочется «забыть» и «вычеркнуть из истории» все наиважнейшие факты или по меньшей мере извратить их до неузнаваемости (по нормам отнюдь не только «чисто» гитлеро-геббельсовским...).

«Забывается» элементарное: на 1-м Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. участвовало 285 эсеров, 248 меньшевиков и лишь 105 большевиков, а в Октябре 1917 года из 649 делегатов II съезда Советов большевиков было 390, эсеров — 160 (включая левую фракцию этой партии, поддерживающую ленинцев), меньшевиков — 72, меньшевиков-интернационалистов — 14 и т. д. Это неопровержимо свидетельствовало о том, что ленинский курс поддержан был не «деклассированно-уголовным сбродом», а подавляющем большинством социально наиболее активного, хорошо осведомленного политически опытного пласта российского общества той поры (солдат-фронтовиков, среди которых подавляющее большинство составляли крестьяне, кадровых рабочих и т. д.).

Если с июня по октябрь произошел такой гигантский поворот в массовом сознании, обеспечивший подавляющее большинство на 2-м съезде Советов сторонникам В. И. Ленина, то их победа была результатом политики, признанной правильной большинством социально наиболее активного и политически особенно зрелого населения, а не «мертвой хватки» некоей «преступной банды», как подали в сознание лишенных честной информации наших современников пропагандисты-сверхфальсификаторы типа В. Солоухина, В. Волконогова и т. п.

Дабы совсем уж доконать своих оппонентов, капитализаторская машина одурманивания особенно охотно используя сознательно программируемую теперешнюю массовую неосведомленность, внушает, будто результаты выборов в Учредительное собрание, не в пример выборам на съезд Советов, свидетельствуют об изоляции сторонников революции от народа, почти поголовно настроенного будто бы антиреволюционно. Потому-то, дескать, на всеобщих выборах ленинцы будто бы потерпели поражение, удержались же на плаву и сохранили власть вопреки воле народа, отвергавшего все, связанное с революцией, и мечтавшего будто бы о «России, которую мы потеряли». Вот так и формируются взамен совершенно ничего общего с истиной не имеющих псевдореволюционных сталинских мифов, как будто вывернутые наизнанку мифы, полные дикой ослепляющей ненависти к революции!

Прежде всего очень уж хочется нынешним хулителям Владимира Ильича и его лучших соратников, внушить легковерным, будто выборы в Учредительное собрание продемонстрировали поражение революционных идей и моральную победу — антиреволюционных, хотя в действительности все обстояло как раз наоборот. И эти выборы, тоже с заслуживающей доверия убедительностью, продемонстрировали крушение, причем непоправимое, монархических идеалов, да и всего спектра воззрений, враждебных революции, в глазах явного большинства населения не только в крупных городских центрах, но и во всей необъятной деревенской глубинке вплоть до таких мест, которые принято было тогда называть «медвежьими углами». Именно здесь таятся все истоки поистине уникального морально-политического, духовного, идейно-нравственного, а не «силового» ленинского авторитета.

Конечно, кое-что определялось и крупными просчетами, и подчас прямо-таки провальной неинтеллектуальностью противостоявших В. И. Ленину руководителей других партий. В частности, мелкобуржуазно-досоциалистические лидеры, ничтоже сумняшеся, взяли и отвергли поддержанное многими (в том числе и большевиками) предложение лидера меньшевиков-интернационалистов Ю. Мартова в ходе 2-го съезда сформировать общедемократическое правительство из представителей всех революционных партий. Мало того: все меньшевики и правые эсеры взяли и демонстративно покинули съезд!

Меньшевик Н. Суханов в связи с этим так описывал свои переживания по данному поводу: «Итак, дело сделано. Мы ушли неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, связав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам... по собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей «линии Ленина». Примерно, в том же духе продолжали действовать оппоненты В. И. Ленина и в ходе Учредительного собрания. Правда, на сей раз они не ушли капризно-своевольно с заседания, но поразительно наивно обрушились на самые популярные в глазах масс решения о мире, передаче земли крестьянам и т. п., хотя по существу в своих документах немало переняли у Ленина, но многое сформулировали не ахти как удачно.

Не зря один из известных политиков 19-го века утверждал: «Глупость — дар божий, но не следует им и злоупотреблять». И все же главное, как и всегда и в те времена, предешалось умением В. И. Ленина правильно отражать интересы масс и потребности развития общества в конкретно-исторических условиях. Состав Учредительного собрания по-

своему вполне закономерно отражал реальное понимание первых двух (до 1917 года) десятилетий XX века, а значит и сформировавшееся до того момента мировоззрение различных людских пластов той поры. Из 715 депутатов было 412 эсеров (включая «левых», во всем блокировавшихся тогда с большевиками), 183 большевика, только 17 меньшевиков, 8 от национальных групп и всего лишь 16 кадетов. Остальные (десяток депутатов) вообще не могли играть роль хоть мало-мальски заметного политического фактора. Самым же поразительным было то, что и в Учредительном собрании, как и на съездах Советов, не просто доминировали, а практически безраздельно преобладали представители партий, воспринимавшихся массовым сознанием того наисложнейшего времени в качестве не только не враждебных революции, а подлинно революционных. Таков был наиважнейший, ныне скрываемый и до предела извращаемый властвующими ныне уголовно-капитализаторскими элементами главный вердикт народа той поры!

Самым же фатальным для власть имущих дореволюционной России а, следовательно, как лидеров белого движения, так и рядовых его участников, было необратимое поражение всех партий, всевозможных движений и течений, которые в сознании россиян, наших соотечественников той поры, были связаны с силами контрреволюции, с их процаристски-буржуазным «видением» будущего страны. Лишь жалкая группа представителей еще совсем недавно влиятельнейшей буржуазно-промонархической партии кадетов сиротливо терялась в гигантской массе тех, кто на протяжении многих лет на деле (или на словах...) был связан с революционными идеалами. Так на свободных выборах нагрязнула политическая смерть, пытаясь спастись от которой, все ведущие антагонисты В. И. Ленина, включая сравнительно мыслящих авторитетов единственной еще сохранившей какие-то крохи политического «веса» партии кадетов (в том числе и П. Н. Милюкова), бросились на поиски зарубежных властвующих покровителей (поначалу — германских, а затем — стран Антанты).

Почему же нынешние ужасно «храбрые» хулители В. И. Ленина монархического, криминально капитализаторского и прочего толка, вместо того, чтобы отдать ему должное в качестве единственного политического деятеля, сумевшего спасти Россию от развала или по меньшей мере превращения в полуколониальный «обрубок», полностью утративший величие и самобытность, без усталости льют на него грязь? Да потому, что всем им выгодно, удовлетворяя свои вождения по части захвата власти, привилегий и несметных богатств, как раз на эту гигантскую величину российского и всемирного спасительного масштаба обрушивать беспредельно лживые обвинения в мнимой антинациональности, «инородности» и т. д.

Итак, выборы в Учредительное собрание не были поражением сторонников революционного преобразования России, бесспорно свидетельствуя главным образом о полном морально-политическом крушении всех тех, кто открыто стремился противостоять этим народным чаяниям. В то же время, в ходе противостояния в момент выборов, сторонники В. И. Ленина оказались на втором месте, уступив первое партии эсеров, на протяжении многих лет тоже воспринимавшейся массами в качестве силы эффектно непреклонной в своей борьбе против дореволюционных самодержавных «порядков». Но в то же время массы не знали пока еще о перерождении многих правых эсеров, а поэтому тот политический «раунд» оказался для них удачным, что ныне всячески популяризируется, дабы избразить власть, установившуюся после Октября 1917 года, в качестве якобы нелегитимной и даже неполноценной. Трудно представить что-либо более далекое от истины!

Думается, ни в коем случае нельзя игнорировать тот факт, что в Москве за большевиков голосовало почти 50 % избирателей, а за эсеров — 8 %, в Петрограде большевикам отдали свои голоса 45 %, а эсерам 16 %. Весьма симптоматично и то, что за большевиков проголосовал 61 % тех, кто сражался против Германии на Северном фронте, 67 % — на

Западном и 58 % — на Балтийском флоте. О чем неопровержимо свидетельствуют такого рода данные? Прежде всего о том, что политически наиболее активная, просвещенная и опытная часть населения к концу 1917 года — фронтовики и трудящиеся крупных городских центров — полностью отдавала себе отчет в правоте ленинского курса, причем в этом их убедили политические реалии именно 1917 года, особенно после того, как они лицом к лицу столкнулись с путчем, олицетворяемым такой недвусмысленно яркой и антинародно зловещей индивидуальностью, как Л. Г. Корнилов. Очень скоро все это должно было уяснить и большинство крестьян, даже из так называемых «медвежьих углов».

В территориально необъятной стране с огромным большинством по сути дела необразованных, как правило, очень слабенько читающих, а в необъятном множестве и совсем неграмотных тружеников, только непосредственный, лично пережитый опыт мог убедить основную массу населения в правоте или неправоте той или иной партии, объявляющей себя по-настоящему революционной. В 1917 году лишь меньшинство периферийного крестьянства, еще до 1914 года сбитого с толку эсеровским антимонархическим террором, смогло отдать себе отчет в том, что именно В. И. Ленин и его сторонники всерьез относятся к таким лозунгам, как «Мир — народам» и «Земля — крестьянам». Разумеется, далеко не все смогли понять, какими страшными последствиями чревата была жесточайшая непреклонность генерала Лавра Корнилова, как и то, что именно большевики-ленинцы, а не эсеры были реальной силой, способной успешно, с истинной решимостью возглавить борьбу против сил реакции и буржуазно-помещичьего, процаристского регресса.

Для множества крестьян, не имевших рабоче-заводского и фронтового опыта, необходимо было время для размышлений и выводов. Вот и случилось так, что многомиллионная бескрайняя российская провинция и прежде всего — крестьянская масса, издавна привыкшая считать своими заступниками именно эсеров, предрешила их конъюнктурную удачу в ходе выборов в Учредительное собрание, именно потому, что все еще верила в их народолюбие и подлинную революционность. Стоило же правым и центристским кругам эсеровской партии «колебнуться» в своей антисоветской одержимости в сторону, где все решали иностранные интервенты, направившие свои войска в Россию, а также многие из среды высшего офицерства, еще симпатизировавшие тогда дореволюционному режиму, как эта некогда революционная партия оказалась обреченной на гибель, а ее даже наиболее заметные (как и все остальные) лидеры стали политическими трупами. И все это потому, что основная часть крестьянства смекнула, что землю, защиту от помещиков и от иностранных захватчиков гарантирует только партия, во главе которой был В. И. Ленин.

В то же время публичные экзекуции, расстрелы, виселицы и т. п. все более ускоряли крушение антисоветских сил, да к тому же нередко вызывали подчас ужасную в своей крайней неконтролируемости из центра Советской власти ответную реакцию. Аналогично самоуничтожающую роль для эсеров сыграла их попытка изменить свое положение к лучшему, убивая большевистских руководителей. Покушения же на В. И. Ленина и почти удавшееся одно из них, окончательно dokonали в глазах народа некогда очень влиятельную революционную партию. Левые эсеры, блокировавшиеся с В. И. Лениным, имели возможность влиять на развитие событий в России в качестве одной из правящих партий вплоть до своего злосчастного путча в начале июля 1918 года. Физически таким ярким революционным лидерам при Ленине смерть не грозила, но политически в глазах масс, в том числе и крестьянских, даже на редкость яркая и незаурядная Мария Спиридонова по сути дела потеряла все или почти все. Такова глубинная логика развития и крушения политических партий и других социально-политических «организмов», а также торжества ленинского курса. Но, к сожалению, после гибели В. И. Ленина определяющее и важнейшее в подлинно

социалистической концепции было извращено и подорвано, с, возможно, непоправимыми последствиями.

Субъективистский произвол на грани полнейшего бесчестия при оценке нашего прошлого (да и настоящего) приобретает подчас поразительно причудливые, уродливо своиравные формы, напоминающие нечто «родственное» из происходившего в 30–40-е годы, к сожалению, не только в Германии. То в средствах массовой информации инспирируются стенания в связи с крушением всех антисоветских партий, исчезнувших якобы по причине ленинской «иррациональной непримиримости». При этом идеализируются, да к тому же возвеличиваются все, вплоть до необузданно кровожадных, противники Советской власти от крайних монархистов до псевдосоциалистов, убивших Володарского, Урицкого и других большевиков, но возможно, лишь случайно не сумевших покончить с Лениным.

При всем при том из уст теперешних капитализаторов сыплются проклятия по случаю «неправедного» увековечивания якобы недостойных личностей. Проявляется, в частности, пылкое стремление убрать всякое их упоминание в названиях регионов, городов, улиц и т. д. Но при этом, в частности, рассуждая о террористических эксцессах, забывают, к примеру, что из более пятисот повешенных в Москве до революции противников царского режима, в основном по обвинению в терроризме, не было ни одного большевика по той простой причине, что В. И. Ленин и истинные его соратники были категорически против такого метода борьбы. Охотно выражая предельное сочувствие, возможно, наиболее страшноватому представителю семейства Романовых, великому князю Сергею Александровичу, убитому Иваном Платоновичем Каляевым, выполнившим приказ своего партийного руководства, ныне не упоминают, что этот человек был членом боевой террористической организации эсеров, в надежде на его причисление дезориентированными людьми в ряды «ленинцев».

Одновременно охотно объявляется недопустимым наименование чего-либо и в честь таких, как Иван Каляев, «исчезает» Каляевская улица, причем «попутно» скрывается правда о редчайшем благородстве, мужестве, чистоте и жертвенности этого человека, как и множества других борцов за прогресс и справедливость (отнюдь не только эсеровских боевиков), жертвовавших жизнью во имя, как им казалось, величия Родины и народного счастья. При этом на массовое сознание очень сильно влияла и такая практика террористов: кое-кто из них считал для себя морально недопустимым уход с места успешно осуществленного террористического акта, зная о неизбежности виселицы. Кстати, именно память об открытой кровавой схватке с самодержавным преступно антинародным режимом (при отсутствии объективной и всеобъемлющей информации о ее неэффективности) почти во всех губерниях бескрайней России до 1917 года, то есть о сложных и неоднозначных политических реалиях дореволюционной поры, предредила и то, что на выборах в Учредительное собрание эсерам все же удалось опередить большевиков по числу депутатов. Причем в немалой степени за счет воспоминаний о легендарных, пожертвовавших собой боевиках дореволюционного времени.

Между прочим, агрессивная жажда переименований наших дней крайне вредна и непристойна по своей органической безнравственной сущности, особенно когда сочетается с целеустремленно стимулируемой лживостью, насаждаемой в наши дни главными любителями власти, богатств и роскоши. Потому-то, как и во всех подобных случаях, так низкопробно утаивание правды и об Иване Каляеве. Между прочим, общественное мнение (в том числе и в придворных кругах) оказывало на Николая Второго сильнейшее давление во имя предотвращения казни данного террориста, причем этому сочувствовала и вдова убитого великого князя. По той причине, что выяснились некоторые детали: первая, весьма благоприятная возможность привести в исполнение приговор великому князю, вынесенный

руководством партии эсеров, не была использована Иваном Платоновичем с огромным для себя риском по сугубо гуманным соображениям, поскольку рядом с князем были дети.

Думается, только по этой причине вдова Сергея Александровича заявила, что было ей видение, причем покойный супруг сказал ей, что надо простить Ивана Каляева. В результате посещения вдовой террориста и долгой беседы с ним, доживавшим последние дни в ожидании казни, сложилась ситуация, когда обреченному для спасения собственной жизни было бы достаточно обратиться с прошением о помиловании «на высочайшее имя». Иван Платонович Каляев, как и почти все повешенные террористы, сделать это отказался. Обрекая себя на гибель, он, возможно, надеялся если не оправдать, то хоть немного искупить свою вынужденную жестокость, на которую обрекла его злая судьба.

Простила этого человека не только демократическая общественность, но и немалое число представителей высшей аристократии той поры. А ведь при жизни данный великий князь, как и все ему подобные, были самыми непреклонными и, пожалуй, одержимыми сторонниками многократного ужесточения репрессий по отношению к революционерам, будучи наивно уверенными, что лишь постоянное увеличение количества повешенных принесет благо России и решит все ее проблемы! Этим, собственно, главным образом и объясняется смертный приговор, вынесенный эсеровским руководством Сергею Александровичу, на протяжении многих лет бывшему генерал-губернатором Москвы и, начиная со времен Ходынской трагедии, проявившем себя далеко не наилучшим образом.

Последний император был совершенно лишен качеств прогрессивного реформатора, которыми был наделен его дед, Александр Второй, которому у нас по сей день так и не удалось удосужиться по-настоящему отдать должное. На беду себе, своей семье и России, Николай Второй так и не сумел «отключиться» от «внутреннего голоса» и давления людей типа Сергея Александровича, что тысячекратно усугубило трагедию как царствующего дома, так и всего народа нашего. Но в то же время по многим частным конкретным вопросам все же умел проявлять гуманность, что могло сказаться и на судьбе Ивана Каляева. Однако в массовом сознании это не «отпечаталось», а вот крупномасштабные жестокие и роковые срывы типа массового убийства 9 января 1905 года, унижительные поражения времен русско-японской войны, травмировавшие чувство национального достоинства, хроническое неприятие почти всех реформаторских предложений даже таких умнейших деятелей, как граф Сергей Юльевич Витте (многолетний изумительный по эффективности министр финансов, а затем и глава правительства), как говорится, делали свое страшное дело, обрекая на грядущую гибель династию, а народы родной страны на тяжкие беды.

В наши дни иными правителями и их приближенными как-то причудливо возрождается и усугубляется неспособность Николая Второго не только решать крупномасштабные проблемы, стоящие перед страной, но и сколько-нибудь объективно оценивать людей, факты и закономерности событий дней минувших. Любопытно, в частности, сочетание прямо-таки зоологической ненависти к людям типа И. П. Каляева, убого озлобленная реакция на них (даже по сравнению со многими аристократами начала нашего века), с какой-то трепетно-патологической восторженностью по отношению к террористам иной направленности. Вызывает, например, восхищение юноша, убивший Урицкого, и тем более Фанни Каплан, которую охотно укоряют лишь за то, что она «промахнулась», одобряя все остальное, характерное для этой несчастной и заблудшей натуры.

С прямо-таки криминально извращающим правду озлоблением принято ныне рассуждать, к примеру, о том, как неправомерно поступил В. И. Ленин, якобы расправившись с Ф. Каплан! При этом, как водится, «забывают» о том, что в результате тяжелого ранения В. И. Ленин находился в таком состоянии, что ему было не до Каплан, судьбу которой вы-

нужден был решать Яков Михайлович Свердлов. Приговор же после действительно слишком скоротечного разбора дела привел в исполнение комендант Кремля Мальков. Почему решено было действовать с безусловно трудно понятной в наше время поспешностью?

Все наиболее существенное предreshалось обстановкой в стране и особенностями индивидуальности Фани Каплан. После поражения левозсеровского путча набравший все большие обороты маховик антинародного белого террора, буквально переродил ситуацию в обществе, не просто наэлектризовав обстановку, а доведя ее до предела взаимной ожесточенности, чреватого вспышками массового насилия на грани утраты контроля над ходом событий. Потому кое-кто и решил пойти по «тропе», юридически слишком уж упрощенной, используя не только готовность террористки взять вину на себя, но и пойти на самопожертвование.

Ф. Каплан, видимо, не только не воспользовалась благоприятнейшими условиями для спасительного и почти не затрудненного бегства с места трагедии, но и как бы напрашивалась на арест. В ходе первого же допроса ответственность за содеянное она возложила на себя лично, категорически отказалась назвать сообщников, партию, по поручению которой она совершила по ее словам справедливый акт в интересах народа. Других признаний добиться от нее было просто невозможно: как говорится, по сути дела это был принципиально самоубийственный и бесконтрольный «человеческий материал». Обстановка же в стране была чревата опаснейшими социальными потрясениями. Потому в первую очередь и было, видимо, принято юридически далеко не бесспорное решение. Но при всем при том совсем уж неприлично и по данному поводу клеветать на В. И. Ленина, как водится ныне, все более бесчестным образом.

Судьба же социалистов-революционеров в целом, в том числе и невзирая на политически ослепленное самопожертвование Ф. Каплан, была предreshена непоправимо. Партия, отрекшаяся от идеала подлинного народолюбия, не может спасти себя за счет героически-жертвенного прошлого самого начала XX века и имитации его на новых «объектах» после Октября 1917 года. За ошибочный и тем более — порочный с точки зрения прогресса и народных интересов курс, расплата неотвратима, что подтверждается повседневностью любого исторического периода. Впрочем, данная проблема заслуживает специального рассмотрения. А пока стоит основное внимание уделить возведению хотя бы мало-мальски надежных преград на пути фальсификаторского, до крайнего непотребства своеобразного извращения самого важного из нашего мучительно тяжкого прошлого, дерзновенно-трагического, очень часто — полубезумного рокового и явно несправедливого, но столь же часто полного безукоризненно чистых, благородных, истинно гуманных побуждений и на деле светлых героических свершений во имя подлинной человечности и всеохватывающего общественного прогресса.

Просто страшно делается при мысли о том, что в сознании поколений, входящих ныне одно за другим в самостоятельную жизнь, может навсегда зафиксироваться разлагающая практически все в нашем обществе высочайше инспирированная всеохватывающая ложь. Включая, в частности, и все связанное с преступно вколачиваемыми в массовое сознание абсолютно клеветническими утверждениями, будто по воле В. И. Ленина происходило тотальное физическое уничтожение членов ныне безоглядно идеализируемых антисоветских партий, включая, разумеется, всех от монархистов до социалистов-революционеров.

В действительности, пока В. И. Ленин был в состоянии контролировать решающее в развитии событий в стране (это, пожалуй, по-настоящему стало возможным, примерно, с конца 1918 года), ничего похожего на массовую ликвидацию лидеров, кадров среднего звена и тем более — рядовых членов противостоящих партий, не было и быть не могло. Началось это поначалу исподволь и малозаметно, а со временем в невиданных масштабах

(за всю многовековую нашу историю), лишь годы и годы спустя после смерти В. И. Ленина, а особенно беспрецедентно — после политической, а вскоре и физической ликвидации последних из уцелевших очень влиятельных соратников Владимира Ильича, особенно включая Бухарина, Рыкова, Томского. Но что до этого иным теперешним властям и идеологам, кровно заинтересованным в изображении именно В. И. Ленина в качестве мнимого источника всех бед и зол! Отнюдь не слишком затрагивая одного из действительно самых ужасающих злодеев всемирно—исторического масштаба, дорвавшегося до бесконтрольной власти в нашей стране...

До чего же хочется кое-кому с беспредельно всеизвращающим толкованием исторической правды отнюдь не Сталина изобразить крупнейшим преступником-убийцей в нашей истории! А ведь именно им были загублены оказавшиеся в его руках все лидеры и известные члены всех без исключения партий. Например, расстреляна была, как тогда «полагалось» (причем во время фашистского нашествия), абсолютно ни в чем невинная и Мария Спиридонова. Мало того, особенно с середины 30-х годов шло уничтожение многих сотен тысяч истинных сторонников и строителей социализма, среди которых с особой изощренностью шли массовые убийства коммунистов (особенно тех, кто воспринимался в качестве подлинных не только соратников, но и рядовых преданнейших последователей В. И. Ленина). Благоприятствующим же «фоном» для ликвидации духовной политической и нравственной элиты нашего общества, являлось уничтожение миллионов крестьян и преступнейшее репрессирование всех других честных тружеников, включая беспартийных талантливых ученых, крупных инженеров.

Все это стало возможным лишь во времена полного торжества Сталина, когда уже никто не мог помешать завершению антиленинского переворота, итоговим следствием которого стали бандитски-воровские «триумфы» антинародных капитализаторов конца XX и начала XXI-го века. Сокрیتیю и вытравливанию из народного сознания этой правды подчинены основные усилия всех современных фальсификаторов. Такова же цена помимо других аналогичных «игр» и той, согласно которой Сталин отнюдь не являлся инициатором и изобретателем неизмеримо более худшего, в сущности — уничтожающего отношения к политическим заключенным, в сопоставлении со сравнительно сносным отношением даже к махровым уголовникам. Дескать, всему этому его научил некий «душок» ленинского времени, с его якобы наиболее нетерпимым отношением только к политическим и иным подобным оппонентам. В действительности привилегированное, нередко — комфортное положение паханов, воров в законе и их приближенных в местах заключения во всю расцвело именно в ельцинские времена! Между прочим, еще в 30-е годы имело место использование уголовников для добывания политических заключенных, скорейшая гибель которых была важнейшей целью Сталина.

Ситуация в ленинские времена была принципиально иной с точки зрения общегосударственных и политических ориентиров, хотя в наиболее критические моменты военного противостояния могли иметь и имели место подчас тягчайшие срывы, далеко не всегда подававшиеся своевременному обузданию. Но целеустремленное, поощряемое центральными органами власти дискриминационное отношение к политическим заключенным, по сравнению к уголовникам, было при В. И. Ленине совершенно невысказанным. И уж тем более — их использование для расправы с политическими оппонентами. Прежде всего по той причине, что нравственная атмосфера, характерная для Ленина и его окружения, была диаметрально противоположной нравам, присущим Сталину и его ежовоподобным подручным.

В современных условиях охотно напоминают об очень многих наивных обманутых наших согражданах. Зато крайне редко о тех, кто обманывает! Странно, но весьма горазд

по этой части писатель с историческим образованием Эдвард Радзинский. Причем он настолько преуспел, что даже «Литературная газета» (19 марта 1997 года) вынуждена была адресовать ему несколько остро критических строк весьма и весьма ироничного «свойства», как и положено, на странице 16-й в разделе «Клуб 12 стульев»...

Речь шла о презентации известного «творения» Радзинского «Сталин»: «Говорил он, конечно, классно... Сталин, говорит, был гениален, потому, что понял — без бога и царя управлять такими рабами, как мы, русские, нельзя. И стал и царем и богом. И создал великое государство... И никакой он, говорит, не параноик. Великий человек. Хоть и страшный. Дьявол. Но — наше порождение. Тут все как захлопают... Уж лучше пусть дьявол. Хозяин, как Радзинский говорит. Хозяин, он и есть хозяин. При нем и порядок был...»

Невероятно, но насаждению подобных же всеизвращающе пагубнейших и деморализующих «истин» невольно способствовала тоже весьма известная представительница писательского «цеха» Татьяна Толстая. Происходило это не далее как 4 июня 2004 года в ходе популярной передачи «Свобода слова» на НТВ. Эта дама совершенно не склонна к идеализации Сталина, но, как ни странно, она тоже способствует фактически возвеличанию в массовом сознании именно данного вредоносного, самого ужасного персонажа нашей истории.

Происходит такое прежде всего потому, что Татьяна Толстая вольно или невольно, но «подыгрывает» лжекоммунистам, восторгающимся именно Сталиным на погибель всего наилучшего, умного, доброго в нашем обществе. А для этого «всего лишь» достаточно взвалить на В. И. Ленина — величайшую благотворно-спасительную величину нашей и всемирной истории и на его последователей — истинных коммунистов, вину за все преступнейше грязное, запрограммированное в результате антиленинского зловеще кровавого переворота 30-х годов XX века, а затем многолетнего торжества Сталина и его последышей...

4 В так называемых «Исторических хрониках», переполняющих Российское телевидение, в передаче, приуроченной к очередной годовщине со дня рождения В. И. Ленина, опять во всю «педалировалось» особенно громогласно, будто сторонники Советской власти побеждали благодаря своей жестокости, а ее противники терпели сплошные неудачи из-за своей «гуманности», якобы порождавшей нерешительную мягкость, доброту, благородство и все другое из наиболее приятных человеческих качеств.

А вот советские должностные лица, красные командиры и красноармейцы, дескать, вытворяли только все наиужаснейшее и благодаря этому добивались своего! Они, как утверждалось в одной из апрельских «хроник», разыскивая какие-то ценности, не только выставили на показ обнаруженный случайно труп генерала Корнилова, унижая его «светлую память», но и будто бы многими тысячами повсеместно расстреливали и даже вешали им подозрительных и нежелательных! Так и «приписываются» преступнейшим образом В. И. Ленину и его соратникам те ужасные деяния, которые были характерны не для них, а именно для тех «светло»-белых персонажей нашей истории, кто вместе со своими зарубежными покровителями жаждал уничтожить все по-человечески лучшее в пределах нашей Родины!

Между прочим, все из самого своекорыстно дурного (не только обнаженно самодержавно-крепостнического), «продельвавшегося» на Украине, теперь все более активно используется иностранными и местными корыстолюбцами во имя насаждения в миллионах душ антирусских рефлексов на грани психоза! И это все более заметно во вред и на беду нашим братским народам. Кое-кто даже начинает верить тому, что в антиукраинских безобразиях, творившихся по вине иных царей-самодержцев и вплоть до антиленинских преступлений, жертвами которых раньше других стали лучшие украинские коммунисты во

главе с Николаем Скрыпником, а затем и невиданно страшных репрессий конца 30-х годов, виновны не преступные и бездарные заправилы, а русские в целом, которых иные экстремисты даже объединяют под кличкой «москаля»!

Появилось немало и тех любителей власти и роскоши, которые восхищаются прямо-таки безоглядно «дядюшкой Эзмом» и даже объявляют идеальным все происходящее в «верхах» Соединенных Штатов! Мало того: угождая тамошним властителям, направляют своих ребят-военнослужащих в Ирак на подмогу американскому воинству! Возможно, среди них есть и внуки тех парней из Советской Украины, с которыми, к примеру, нам вместе довелось служить в армейских рядах с 1943 по 1949 годы... Неужто, как и в теперешней России, на Украине, тоже начиная со школьных лет, утаивается все лучшее и прогрессивное из минувшего? Включая и отношение достойнейших русских людей к великому Тарасу Шевченко...

Известны ли там массовой аудитории, к примеру, следующие мудрые и честные строки Александра Ивановича Герцена, утаиваемые ныне властвующими «российскими» капитализаторами, бесстыдно обожающими даже Екатерину II? Из работы А. И. Герцена «Крещенная собственность»: «...Екатерина II вводила крепостное состояние в Малороссию. Одержимая ненасытной нимфоманией, запятнанная всеми преступлениями, эта «мать отечества» (звание, присвоенное ей решением сената. — Г. Н.) дала одним своим любownikам более трехсот тысяч душ мужского пола». (Цит. по: «А. И. Герцен о социализме. Избранное». Издательство «Наука». Москва, 1974 г. С. 345).

Каждодневно оскверняя и «выдавливая» из массового сознания память обо всем бескорыстно светлом, лично благородном и наилучшем, властвующая «элита» использует любую возможность для подыгрывания, всему наиболее скверному из главенствовавшего как ныне, так и во времена минувшие. Потому-то, к примеру, в мае-июне 2004 года постоянно, в иные дни — чуть ли не ежечасно, на экране предстал по-свойски благообразно для лишнего честной информации простодушного многомиллионного сознания, интеллектуально убогий, бесчеловечно регрессивный, сильно пьющий и пагубно повлиявший на ход нашей истории царь Александр III, любящий сибирское пиво. И потому-то, когда его вовремя не доставили, и была якобы построена Транссибирская железнодорожная магистраль...

Лев Николаевич Толстой с уникальной глубиной и точностью подвел итог более чем вековому страдальчески жертвенному познанию истины о первопричине всего порочного, жестокого и пагубного, тячайшим образом влиявшего на процессы, издавна дурно влиявшие на ход нашей истории. Между прочим, еще Александр Иванович Герцен очень здраво оценил весь период управления — период между Петром I и Екатериной II в работе «Старый мир и Россия». Он же, в частности, подметил и одну из предпосылок живучести царистки-прокрепостнических компонентов регрессивности российского бытия в сочетании с немощью местной буржуазии: «В России буржуазия пользуется меньшим влиянием, нежели в Европе не только от того, что у нас развитие промышленности было менее значительным, но и от того, что верхушка русской буржуазии легко получает дворянское звание, чиновники, богатые купцы, артисты, лица, награжденные орденами и т. д.» (См. сборник «А. И. Герцен о социализме. Избранное». Издательство «Наука». Москва, 1974 г. С. 387).

Но ничего не желают познавать те, от кого дьявольски многое ныне зависит, даже руководствуясь заурядно совестливыми хотя бы минимально державническими побуждениями! С давних пор достойнейших, по-настоящему умных наших соотечественников мучил вопрос о более чем столетней немощи (после успешной войны с наполеоновским нашествием) царского воинства в схватках с серьезными противниками, немощи, чреватой позорнейшими поражениями. А ведь еще тот же А. И. Герцен растолковывал, почему войска, возникшие в условиях революционной Франции, на протяжении очень многих лет крушили полчища монархиче-

ски-феодальных стран всех вместе и поодиночке. В работе «Старый мир и Россия» он писал «Войска героически сражаются на рубежах страны, только когда дома есть Комитет общественного спасения. Именно он вселил в войска революцию ту удивительную энергию, которая после его гибели продержалась еще двадцать лет» (С. 364).

Всем бы давно пора понять, что даже в 1941 году, уже «на излете», та же закономерность спасительно сработала, условно говоря, и тогда, когда Сталин вместе со своими ежово-подобными и прочими подручными, чуть было не бросил нашу Родину с непоправимыми последствиями под сапоги особо опасной для всего мира, сверхмерзительно душегубской гитлеровской своры. Ведь более сотни лет не прекращавшуюся череду поражений «христолюбивого царского воинства» удалось прервать только благодаря революции Октября 1917 года и ленинскому типу руководящей деятельности. При Сталине же в основном был обескровлен, надорван, деморализован руководящий пласт в огромном, общественно смертельно опасном большинстве с почти стопроцентным «вырезанием» наиболее честных и способных.

Однако оказалось еще невозможным по-сталински «переломить» в антиленинском духе многомиллионные массы честных тружеников в подавляющем большинстве, а значит, сохранялась спасительная для нашей страны позитивная социальная инерция ленинского этапа истории. Более того: в ходе смертельной схватки с фашистскими ордами кое в чем оказались несколько ослабленными общественно пагубные тиски сталинского тоталитаризма. А в результате в ряде отношений стало возможным возрождение победоносных не царских, а ленинских традиций в вооруженных силах СССР. Примечательно и то, что примерно подтвердились и временные количественные характеристики, поразительно точно подмеченные А. И. Герценым. До чего же насущно как можно скорее возродить пытливый и глубокий интерес, ныне подавленный, к мудрым духовным исканиям и открытиям лучших из наших предков!

Впрочем — надеяться на возникновение у главных капитализаторов и их приближенных хотя бы подобия сочувствия к творениям даже наиболее ярких, блистательно великих личностей, нет ни малейших оснований. Те кто, например, решил без зазрения совести даже «чихнуть» на 250-летие А. Н. Радищева, способны на все из наихудшего в процессе своего сверхкорыстно расчетливого забвения наилучшего! В современных реалиях ключевым фигурам ненавистны все, кто нес людям свет правды, добра и справедливости!

Само собой разумеется, в это число помимо Ленина Владимира Ильича, вместе с другими крупнейшими величинами не мог не попасть и Александр Иванович Герцен, сделавший, начиная с полудетской клятвы в память о трагедии декабристов, беспредельно многое ради ослабления и надлома самодержавия и крепостничества — главных многовековых зол, сковывавших и уродовавших все великое, светлое, мудрое, доброе в жизни нашего народа. Чего стоило хотя бы сделанное этим Человеком для издания первого неподцензурного вестника истины — журнала «Колокол» — будившего наиболее достойных сограждан от духовной и нравственной процаристски одурманивающей «спячки», формировавшего множество чистых, жертвенных, глубоко мыслящих душ, способных предрешить огромные перемены к лучшему.

Как же теперешним загребущим регрессивным хозяевам нашей страны, возвеличивающим всех царей, включая самых неумных и бесчеловечных, не «выдавлять» из истории А. И. Герцена и других гигантов, стремившихся жертвуя всем, оздоровить и благоустроить жизнь народную! Еще раньше озлобление (пусть пока не такое, как адресуемое В. И. Ленину) вспыхнуло по отношению к декабристам, «дерзнувшим» выступить с оружием в руках против царизма и крепостничества в столице на Сенатской площади, да еще при этом «взбаламутив» простолюдинов из российских низов.

Тем более теперешние властители России, немалое число из которых (вроде Б. Ельцина) пролезли в руководство партий и государством, изображая себя строителями социализма «высшей пробы», не склонны прощать истинным аристократам почти двухвекковой давности мыслей, которые они жаждут объявить крамольными в теперешнем своем сверхобогатившемся «статусе» оберкапитализаторов! Как же им не только аристократа, а героя Отечественной войны 1812 года, Павла Ивановича Пестеля, не шельмовать как якобы ужасную личность за его кристально чистые убеждения? Ведь поистине не в бровь, а в глаз современных коррупционеров, включая грабительно-воровских «прихвизаторов», бьют убеждения Павла Пестеля, заключающиеся в том, что основной целью государства является благосостояние, благоденствие наибольшего числа людей. Причем выгоды одного должны уступать перед выгодами целого. И потому он высказывался против «аристократии наследства и денег» (см. там же. С. 9–10). Как же любому «современному» обогатившемуся политиканскому ничтожеству не злорадствовать в связи с тем, что Николай I обрек на виселицу и, по терминологии А. С. Пушкина — на «каторжные норы» лучших из лучших наших соотечественников! Как таким типам не подхваливать и такое бесчеловечно царствующее ничтожество и не втапывать в грязь его антиподов? А вот что адресовал этим благороднейшим страдальцам Александр Сергеевич Пушкин:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут.

До чего же загребуще бессовестными и вульгарно недоразвитыми надо быть властвующим индивидам, жаждущим лишь богатства и роскоши, чтобы с тупым пренебрежением относиться даже к таким строкам, с огромным риском вырвавшимся из душевных глубин нашего национального гения! И как же низко надо было пасть и им самим, и их литературно псевдоисторическим прихлебателям, чтобы цинично морочить головы расчетливо обманываемым многомиллионным людским массам, утаивая от них общественно насущнейшую правду истории, без знания которой далеко не только наша Отчизна и народы ее населяющие обречены на самое наихудшее!

Далеко не случайно тот же Александр Сергеевич рекомендовал в тоскливую, горькую минуту не только «откупорить шампанского бутылку», но и перечитывать гениальные страницы Бомарше... А в наши дни стоит порекомендовать загребуще политиканствующим,

дремуче невежественным, криминально-грабительски бесчеловечнейшим капитализаторам ограничиться хотя бы совсем малым. Чем? Взять и послушать гениальную арию Россини о роли клеветы в жизни общества. Тем более, что и теперешние клеветники даже сотни лет спустя настроены также, как и зловеще нарицательный персонаж знаменитой оперы.

Сколько же за последние полтора десятка лет расплодилось на костях миллионов, ими ограбленных и загубленных, «новых» хозяев нашей Родины утробно плотоядного типа! Тех самых, которые вожделенно жаждут того, чтобы посмертная судьба В. И. Ленина и его концепции спасительного оздоровления общественного бытия, вполне соответствовали логике не только оперного персонажа, но и всех негодяев-корыстолюбцев изуродованного и ныне все шире внедряемого шкурного бытия.

Тот же, кто был цель гоненья,
Претерпев все униженья,
Погибает в общем мненьи,
Пораженный клеветой...

5 Пьер Огюстен Бомарше неплохо чувствовал себя в течение долгих десятилетий своей жизни в условиях дореволюционной королевской Франции, но, дожив до революционных нескольких лет, сумел дать им достаточно серьезную и объективную оценку. По его словам «дух Нации переживает некий счастливый кризис: яркий, всепроникающий свет будит в каждом ощущение, что все доступно совершенствованию. Повсюду беспокойство, деятельность, поиски, реформы...» А, например, Наполеон Бонапарт однажды заявил, что «Женитьба Фигаро» — это революция в действии». При этом сам Пьер Бомарше заговорил как-то о едином стремлении в такие времена «возвеличивать мысль полезными изысканиями, добиться всеобщего счастья силами разума».

И в то же время во втором действии своей знаменитой комедии «Севильский цирюльник, или тщетная предосторожность» он вложил в уста своего «специфического» персонажа Дона Базиля по-своему вещие строки. «Клевета, сударь! Вы сами не понимаете, чем собираетесь пренебречь, я видел честнейших людей, которых клевета почти уничтожила. Поверьте, что нет такой пошлой слепоты, на которую в большом городе не набросились бы бездельники, если только за это приняться с умом, а ведь у нас здесь по этой части такие есть ловкачи!... Сперва чуть слышный шум, едва касающийся земли, шелестящий, быстролетный, сеющий ядовитые семена... Зло сделано — оно прорастает, ползет вверх, движется... и пошла гулять чертовщина! И вот уже, неведомо отчего, клевета выпрямляется, свистит, раздувается, растет у вас на глазах. Она бросается вперед, ширит полет свой, клубится, окружает со всех сторон, срывает с места, увлекает за собой, сверкает, гремит и, наконец, хвала небесам, превращается во всеобщий крик... в дружный хор ненависти и хулы. Сам черт перед этим не устоит!»

Нет, далеко не случайно и тем более — не зря наш гениальный соотечественник Александр Сергеевич Пушкин рекомендовал перечитывать произведения Бомарше! Правда, ни оба этих великих человека, лично знавшие, насколько опасна клевета, ни изумительнейший композитор Джоакино Россини, как и вообще никто в те далекие времена, не могли себе представить в полном объеме напугавшие их потенциалы данного «оружия» супермерзавцев последующих веков. Без придания клевете тотального масштаба было бы невозможно уничтожить миллионы, десятки миллионов ни в чем неповинных людей, причем не только тем, кто орудовал в интересах гитлеро-геббельсовской фашистски-палаческой своры...

Ведь для того, чтобы одурманить огромные массы и сделать их «пригодными» для выполнения жесточайше палаческих функций, им надо было сверхклеветнически внушить,

будто члены всех антифашистских партий и прежде всего — коммунистической — скопище всех пороков, исчадие вселенского зла и потому заслуживают поголовного уничтожения и в «обычных» условиях, и в специальных лагерях смерти. Того же «достойны» и целые народы, начиная с грудных младенцев, объявленные «расово неполноценными», «органически преступными» и потому не имеющими права на жизнь!

Оклеветать и уничтожить стало возможным в любых (в том числе и многомиллионных) количествах с 30-х годов XX века, в отношении кого угодно и любой категории населения независимо от социальной и национальной «принадлежности»! Тому же Гитлеру никто не мог помешать объявить врагами германского народа, «достойными» ликвидации, коммунистов, социалистов, евреев, цыган, прочих «расово чуждых» и «просто» недостойных жить и так далее. А затем с той же степенью «обоснованности» он при первой возможности объявил «недочеловеками», то есть существами расово «неполноценными», сотни миллионов славян, которых эсэсовский и прочий сброд был вправе не только вешать и травить в газовых камерах, но и поголовно сжигать заживо вместе с малыми детьми, символом чего стала Хатынь и множество других мест!

А что «сгодилось» в СССР, начиная с фактической реализации «кое-чего» сходного с антикрестьянским геноцидом в ходе так называемого раскулачивания и в сущности инспириации и усугубления наистрашнейшего голода начала 30-х годов? Ведь тогда же попутно с теми, кого объявляли кулаками, клеветнически провозглашали «врагами народа» беспартийных, безукоризненно честных, талантливых инженеров, ученых, организаторов производства, строивших нашу промышленность и науку, позорили и карали их в ходе грязно лживых процессов; также «обходились» и с бывшими дореволюционными офицерами, спасавшими Советскую Россию, сражаясь в рядах Красной Армии. А затем при первой возможности было решено перейти к уничтожению миллионов других вполне достойных соотечественников в годы наиужаснейшего так называемого «большого террора»! Именно для всего этого Сталину необходимо было запланировать и успешно «провернуть» чудовищно преступный и на редкость регрессивный антиленинский переворот, надломивший, а затем постепенно, в течение ряда десятилетий, хотя и в неблизкой перспективе предрешивший в нашей стране крах социалистической концепции общественного развития с 90-х годов XX века.

Благодаря чему все это удалось проделать почти беспрепятственно и совершенно безнаказанно? Прежде всего, благодаря использованию всеизвращающей клеветы гигантского масштаба в качестве базисной предпосылки! Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать протоколы т. н. процессов над теми честными, но истерзанными пытками партийными и государственными руководителями, которые были с разнужданным издевательством невиданно ошельмованы перед гибелью в качестве «предателей», «фашистских шпионов», «убийц» и прочих якобы «врагов народа», каковым кого угодно объявлял Сталин перед расправой.

И эта «частица» была лишь первоочередной «категорией» обреченных на гибель многомиллионных масс, угробленных ни за что ни про что с ужасающе беспрецедентной кровожадностью! Уже в годы антикрестьянских репрессий количество жертв по клеветническим обвинениям исчислялось тысячами еще за несколько лет до 1937 года.

Ленинизм был подорван в решающей степени вследствие того, что стало возможным безнаказанно предъявлять жертвам в ходе массовых репрессий преступнейшие клеветнические обвинения во всех смертных грехах. Итоговым же образчиком наигрязнейшей клеветнической низости стал рекордным в этом смысле сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», вдалбливавшийся во многие десятки миллионов голов... Есть своя уголовная логика и в том,

что наиподлейшая клевета, в последние полтора десятка лет адресуемая В. И. Ленину, ошельмованному ныне как никто другой, осуществляется по сталинской методике, до деталей «отшлифованной» на смертных муках миллионов оклеветанных, истерзанных и загубленных, что ужасающе зловеще сработало, еще начиная с 30-х годов XX века!

Что же касается теперешнего периода (не развития, а жалкого прозябания в результате уголовно капитализаторского переворота), то социально наиболее опасным для нашего общества является наикрупнейшая клеветническая грязь, согласно которой Сталин якобы является не самым опасным антиподом В. И. Ленина, а продолжателем его дел, да еще великим реализатором социалистической концепции, которую в действительности он во многом подрывал во всем наиважнейшем! Симптоматично, но в этом «смысле» наизловетным образом смыкаются махрово всепагубные хапужно-воровские капитализаторы с такими фактически руководящими партийными администраторами, которые беспрерывно вещают о собственной якобы прогрессивно коммунистической, а на самом деле — пагубно простиалинистской «ортодоксальности»!

Невероятно, но по сей день почти стопроцентное большинство населения России в результате его фальсификаторско-клеветнической «обработки» преступными слугами ельциноидного режима совместно с лжекоммунистическими мнимыми их «супротивниками», лишено даже подобия чего-либо похожего на правду истории! Чего стоит, например, уверенность вовсе не в глупых и не дремучих некоторых наших сограждан начала XXI века в том, будто Сталин начал насаждать невиданное никогда ранее уничтожение сотен тысяч честных людей на основе абсолютно клеветнических обвинений лишь после гибели С. М. Кирова в конце 1934 г. — события, все еще всерьез не исследованного.

Истина же состоит в том, что сразу же после гибели В. И. Ленина Сталин взял курс на полный подрыв ленинских норм законности, морали, народовластия и подлинной человечности. «Рывки» в этом направлении начались даже раньше всеодурманивающих воплей о так называемых кулаках и подкулачниках, которых непременно надо было «бить смертным боем»... Ведь именно Сталин в конце 20-х годов предрешил преступнейшие акции вроде Шахтинского «дела», процесса «Промпартии» и многое иное аналогичное!

Разница с тем, что начало твориться со второй половины 30-х годов XX века, заключалась в показушно вынужденном, по сути дела — «липовом» создании видимости соблюдения юридических норм, а особенно в том, что смертные приговоры по клеветническим обвинениям выносились, но еще не приводились в исполнение. Почему? Только потому, что для подрыва уже начавших внедряться подлинно человеческих норм морали и законности, непреклонным поборником которых был В. И. Ленин, у Сталина до поры до времени пока не хватало «запаса прочности», обеспечиваемого только бесконтрольностью тиранической власти. Он, безусловно, жаждал как можно скорее добиться возможности жесточайше преступным образом расправляться с кем ему вздумается и в любых количествах. Однако даже в 1932 года ему не удалось получить большинство в составе Политбюро ЦК, тогда еще необходимое для расстрела Мартемьяна Никитича Рютина, хотя этот ленинец открыто разоблачал преступно антисоциалистическую, бесчеловечно пагубную сущность Сталина. «Пришлось» его истерзать и убить лишь в 1937 году...

Данный факт лишь микроскопически малая «деталь», но неопровержимо свидетельствующая о том, что более десятка лет потребовалось Сталину для непоправимого подрыва наиважнейших нравственно-гуманистических и социально-политических компонентов ленинского духовного и морально-этического наследия. Но все же именно это более, чем что-либо иное со временем и привело в конечном итоге к воровски капитализаторским бесчеловечнейше антинародным «триумфам» ельциноидов с конца 1991 года! В данной

связи особенно удивляет наивная уверенность очень и очень многих в том, что «корешки» всего наихудшего таятся в конце 1934 года с момента убийства С. М. Кирова.

На самом же деле все зоологически наизумительнее было с изощренной расчетливостью задумано, подготовлено и начало осуществляться за годы и годы до 1934-го. По меньшей мере с «отбрасывания к черту» ленинского НЭПа и начала преступнейшего т. н. раскулачивания, в результате полного подрыва плана кооперирования и по-настоящему успешного развития сельскохозяйственного производства, разработанного В. И. Лениным. Грустно это констатировать, но на конце 1934 года как бы «зациклились» даже сотрудники общества «Мемориал» ведущие и юбилейный «подсчет» в связи с 70-летием «1934–2004», подобрав соответствующий фактографический материал.

В целом они не ошибаются, утверждая: «Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1934 г. следствие по делам о так называемых террористических организациях и террористических актах должно было вестись в ускоренном порядке (до 10 дней), судебные слушания — производится без участия сторон (прежде всего представителей адвокатуры. — Г. Н.) и без вызова свидетелей. Закон не допускал ни кассационного обжалования приговоров, ни ходатайств о помиловании. Смертные приговоры приводились в исполнение немедленно. Таким образом, были практически узаконены казни без суда и следствия.

И немедленно на полную мощь «заработала» кровавая машина. Сотни тысяч ни в чем неповинных людей стали «врагами народа» и «шпионами» и, опозоренными, ушли в небытие, превратившись в «лагерную пыль». Пощады не было никому... Страшные приговоры без особых разбирательств подписывались высшим руководством страны не глядя, общими списками, до 500 человек одновременно. Сейчас мы можем только догадываться, сколько гениальных ученых, врачей, актеров, музыкантов, конструкторов потеряла Россия, сколько талантливых детей не было рождено, а сколько осталось сиротами с клеймом «детей врагов народа» на всю жизнь. (...)

20 января 1937 г. Наркомом Н. И. Ежовым подписан секретный приказ, которым предписывалось не указывать мест захоронения жертв массовых расстрелов. (...) 3 марта 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) И. В. Сталин заявил о необходимости массового террора, так как «по мере укрепления основ социализма классовая борьба обостряется»... 5 апреля 1937 г. Народным Комиссаром НКВД назначен Николай Ежов, ответственный за уничтожение сотен тысяч безвинных людей. Расстрелян в 1940 г. 7 июня 1934 г. Опубликовано постановление ЦИК СССР, дополняющее статьи Уголовного кодекса о государственных преступлениях. Отныне наказания за них предусмотрены и для родственников «врагов народа». 12 июня 1937 г. Казнь известных командиров Красной Армии: М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, А. Корка, В. Примакова, В. Путны, Р. Эйдемана и других.

18 июня 1936 г. Умер или убит А. М. Горький, окруженный последние годы жизни агентами НКВД. В день смерти «буревестника революции» И. Сталин обвинил в этом Н. Бухарина, Г. Зиновьева, Л. Каменева и других оппозиционеров, а также «врачей-вредителей» (...) 21 июля 1937 г. Прокурор А. Я. Вышинский награжден орденом Ленина «За успешную работу по укреплению социалистической законности». 27 июля 1937 г. в Кремле М. И. Калинин вручил орден Ленина наркому Н. И. Ежову. 22 августа 1936 г. Застрелился председатель ВЦСПС М. П. Томский. 12 сентября 1939 г. в Ницце (Франция) убит заочно объявленный «врагом народа» и лишенный советского подданства Федор Раскольников (...)

27 октября 1936 г. Начало воркутинской голодовки политических заключенных. Голодающие требовали разделения политических и уголовных, 8-ми часовой рабочий день... питания независимо от выработки, уничтожения «особого совещания» и аннулирования его приговоров. Через 132 дня почти все голодающие были уничтожены спецотрядами НКВД.

7 ноября 1937 г. Двадцать лет Октябрьской революции. Военный парад и демонстрация трудящихся на Красной площади под лозунгами: «Искоренить врагов народа — шпионов и вредителей, наймитов иностранных разведок! Смерть изменникам Родины!» 17 ноября 1935 г. Первое Всесоюзное совещание стахановцев. В этот день И. Сталин сказал свою знаменитую фразу: «Жить стало лучше, жить стало веселей». 5 декабря 1936 г. VIII Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов СССР принял «сталинскую конституцию», текст которой написали «враги народа» Н. Бухарин и К. Радек...

Вышеприведенные фрагменты неопровержимо свидетельствуют о том, что подготовившие данный текст сотрудники общества «Мемориал» имели все необходимое для создания документального сборника, безукоризненного, обнажающего полностью нечто исключительно многозначимое (в роковом смысле) в нашем прошлом еще за «сталинские годы и годы» до 1934-го. Поэтому не может не удивлять немалое число скорее всего невольных или неосознанных «умолчаний», мешающее пониманию сути рассматриваемой проблематики в сочетании с этим предопределяемыми просчетами, а иногда и странными ошибками, вольно или невольно скрывающими глубинный смысл происходившего! В современных условиях крайне важно уяснить истинную подоплеку именно этого, так как случайные или наивные неточности подобного рода чреваты опасными последствиями частного, а то и общесоциального масштаба.

Чего стоит, к примеру, хотя бы то, что лишь «промелькнуло» сказанное Сталиным на пленуме ЦК 3 марта 1937 года о необходимости массового террора, ибо укрепление основ социализма ведет якобы к обострению классовой борьбы! Ведь множество сограждан, лишенных честной исторической информации вполне может в наши дни прийти к выводу, что это случайный словесный «промах», связанный лишь с некоторыми конъюнктурными обстоятельствами! Как можно утаивать, что здесь все продиктовано давними вожделениями Сталина соорудить режим, отдающий на растерзание и смерть миллионы ни в чем не виновных, но достойных соотечественников по личному пожеланию новоявленного «гения всех времен и народов»! «Забытая» при этом о том, что как никто в мире, выгадывали от подобного поворота Гитлер, свора его ближайших приближенных и масса их фашистских последышей...

Как можно умалчивать о том, что упоминаемое сталинское «открытие» — не плод «одномоментного завихрения», а результат давнего преступнейшего замысла природы то ли ужасающе аморальной, то ли патологически аномальной. Обо многом свидетельствуют абсолютно неопровержимые факты. В частности, ни в коем случае нельзя скрывать хотя бы то, что Николай Иванович Бухарин был подвергнут за почти десять лет до 1937 года сначала политическому, а затем в конце 30-х годов и физическому уничтожению. Разумеется, помимо всего остального, также за то, что еще на расправившемся с ним объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), он 18 апреля 1929 года в своем выступлении нанес удар огромной идейной и интеллектуальной силы по сталинским затаенным расчетам и вожделениям, реализация которых, возможно, хоть в какой-то степени была благодаря этому задержана, или самое малое — «приторможена»...

Повторим здесь уже приводивший отрывок из выступления Н. И. Бухарина 18.04.1929 года: «Товарищи, прошу выслушать мою речь с возможно большим вниманием, ибо я полагаю, что в качестве члена Политбюро произношу свою речь перед пленумом в последний раз (...) Полное право гражданства в партии получила теперь пресловутая «теория» о том, что чем дальше к социализму, тем больше должно быть обострение классовой борьбы и тем больше на нас должно навалиться трудностей и противоречий. Ее (эту теорию) наметил на июльском пленуме тов. Сталин... По этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется

классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костьми (...)

Таким образом, теория, дополненная, углубленная и поднятая на высшую ступень, провозглашает такой тезис, что чем быстрее будут отмирать классы, тем больше будет обостряться классовая борьба, которая очевидно разгорится самым ярким пламенем как раз тогда, когда никаких классов уже не будет! (смех в зале). Это тоже относится к одному из многочисленных теоретических «открытий», которые делаются за последнее время и которые, к сожалению, так или иначе определяют нашу политику...».

Вполне закономерно: криминально капитализаторские натуры, власть и богатства «имущие», не отдадут должного Н. И. Бухарину, и тем более — не дают возможности честно и научно обоснованно раскрыть хоть сколько-нибудь порядочно ужаснейше пагубную роль Сталина. В приведенном фрагменте из документов «Мемориала» в том же «духе» срывается и своего рода «гигантизация» Николая Ежова, объявляемого «ответственным за уничтожение сотен тысяч безвинных людей», причем тут же сообщается о его расстреле... «Попутно» данный выдвигенец лично Сталина назван «кровожадным карликом». Все это более чем симптоматично в смысле стремления взвалить на полуграмотного, совершенно не способного мыслить и действовать сколько-нибудь самостоятельно, рабски преданного «хозяину» Н. Ежова, вину за все омерзительно бесчеловечное, что предрешил не какой-либо жалкий функционер, а лично «понимавший что к чему» Иосиф Сталин!

Представляется тоже далеко не случайным стремление дезориентировать, запутать как можно большее количество многомиллионных людских масс, начиная «отсчет» именно с 1 декабря 1934 г., когда будто бы выстрел Николаева предрешил все наихудшее в СССР. Потому-то в тот же момент «вдруг», тут же, еще до поездки Сталина в Ленинград для политикански бесчестного «расследования», было подписано все «документально» необходимое для последующего фактически бессудного убийства многих миллионов ни в чем не виновных граждан СССР. При этом тут же кем-то приказано «не помнить» о том, как Сталин за ряд лет до 1934 года лично давал указания, как допрашивать невиновных и как стряпать клеветнически преступные процессы, добываясь «нужных» признаний, подводя жертвы к «нужным» приговорам, дающим безграничные возможности убивать кого угодно и сколько угодно!

У кого-то из достаточно компетентных и в то же время влиятельных личностей дней текущих, наконец, хватило ума разрешить, обращаясь к массовой, то есть многомиллионной телевизионной аудитории, сообщить правду о первопричине ужасающих поражений, чуть было не загубивших нашу Родину в ходе военной катастрофы 1941 года. Это было документально обоснованно сделано 21 июня 2004 года в передаче «Особая папка» на ТВЦ и в документальном фильме «Потерпевшие победу» по 1-й телевизионной программе. В целом было честно рассказано о пагубнейшей бездарности Сталина, которая чуть ли не фатально «расцвела» на основе его патологически чудовищной себялюбивой кровожадности.

В числе остального была доказана сверхлживость сталинского самооправдания о мнимой внезапности гитлеровского нападения! На самом деле эта «неожиданность» с ужасающими последствиями для нашего народа и его вооруженных сил была целиком предрешена Сталиными и теми его ставленниками (включая наркома обороны), которые были рабски послушными и непоправимо бездарными прихлебателями самозванного «гения всех времен и народов!» В результате за считанные месяцы была буквально раздавлена гитлеровской сворой основная часть кадровой Красной Армии кануна Отечественной войны. Ведь тогда вследствие всеодурманивающих сверхбездарных установок Иосифа Сталина и убожества его главных подручных буквально сгнуло около 4 миллионов бойцов, ко-

мандиров и политработников! Тех, кто были потеряны пленными, убитыми и непоправимо искалеченными настолько, что возвращение их в воинский строй было исключено.

В тот вечер было сообщено и то, что по количеству и качеству военной техники наша армия не только не отставала от гитлеровской, но в ряде отношений ее превосходила. Однако все это было потеряно преступнейшим образом. Чего стоило хотя бы то, что в первые же дни войны была уничтожена огромная часть наших самолетов! Гитлеровская же авиация на долгое время приобрела господство в воздухе и почти безнаказанно наносила тягчайшие потери нашим наземным войскам, почти повсеместно лишенным полноценного авиационного прикрытия.

А ведь под руководством наркома тяжелой индустрии Григория Константиновича Орджоникидзе, благодаря его благотворным качествам, была создана та промышленная база, значение, мощь и результаты работы которой были страшно ослаблены, а не «просто» нейтрализованы в начале войны, но в огромной степени именно благодаря наличию данного фактора Советский народ все же раздавил гитлеровщину.

Надо отдать должное тем передачам 21.06.2004 г. и в связи с тем, что в тех страшных поражениях, чуть было не угробивших наше Отечество, был виновен Сталин (в том числе и в том, что отдал Советские вооруженные силы своим абсолютно бездарным, некомпетентным на грани безграмотности прихлебателям типа Ворошилова, Тимошенко, Кулика, Мехлиса и т. п.). Была также сказана правда о том, что генералы (вроде Павлова), сделанные Сталиным своего рода «козлами отпущения» и расстрелянные, в отличие от него не были виновными! Катастрофа 1941 г. была бы исключена, если бы Сталин фактически в огромной степени не обезглавил Вооруженные силы, истребив ценнейшие военные кадры (по ряду данных, около 40 тысяч наиболее опытных и квалифицированных представителей генералитета, высшего офицерства и даже немалую часть по-настоящему добротного старшего командного и политического состава). Именно это предредило подрыв дееспособности руководящего состава Красной Армии, что со страшными потерями удалось компенсировать в ходе тяжелой схватки с войсками, возглавляемыми гитлеровскими ставленниками...

Грустно это констатировать, но и в фильме «Потерпевшие победу» по 1-й программе 21.06.2004 г. прозвучало кое-что органично порочное, обесценившее ряд компонентов из вполне разумного в его содержании. Подумать только: было даже заявлено о якобы мудром и общественно полезном, предпринятом, дескать, военные успехи и сделанном лично Иосифом Сталиным. Вот взял он и ради победы покончил со знаками различия и обмундированием, характерными для Красной Армии, тут же «вернув» погоны и прочее обязательное именно для царских времен! Трудно представить что-либо еще более несуразное в качестве мнимой «стимуляции» военных триумфов нашей Родины. Как можно, работая над таким фильмом, не знать элементарного?

Ведь перелом в ходе сражений (наиболее крупных и предрешавших все из важнейшего) под Москвой, под Ленинградом, на берегах Волги и под Курском был достигнут Красной Армией задолго до того, как наших воинов «припечатали» погонами и прочим, якобы олицетворявшим царистское «величие» триумфов «христолоубивого воинства»! На самом деле более сотни лет благодаря таким застою регрессивнейшим пагубно антинародным и до непристойности бездарным (но ныне всемерно расхваливаемым) царям, как Николай I, Александр III и во всем наихудшем безвольно следовавший по их стопам последний царь Николай II, Россия хронически терпела крайне унижительные поражения в войнах с действительно серьезными противниками. Как же можно объявлять вдохновляюще победоносными стимулами то, что предрешало позорище войн Крымской, Русско-японской и других, столь же бесславных!

Нет, совсем не случайно, а своекорыстно расчетливо в наше время делается все, чтобы вытравить из народного сознания ту правду, что более чем вековая «полоса» царистско-крепостнической, а затем — полукрепостнически-буржуазной немощи была прервана лишь после прихода к власти В. И. Ленина в 1917 году. Именно его тип руководящей деятельности предreshил победоносное завершение военной схватки гигантского масштаба во имя спасения нашей страны от развала, растаскивания ее («по кускам») с последующей их колонизацией. Потенциал общественно-государственной прочности был настолько укоренен в народном сознании за годы ленинского периода руководства, что даже колоссальный разрушительно-разлагающий надрыв, предreshенный сталинской наипаснейшей для общества тирании, не привел к гибели СССР в 1941 году.

Почему же, вопреки ужаснейшим антисоциалистическим надрывам, мы выжили? Да потому, что гниль и дегенерация, угрожавшие при Сталине Родине нашей и прежде всего верхним «ярусам» аппаратных структур, еще не успели по-крупному воздействовать на сознание по-ленински настроенных огромных масс граждан страны Советов. Если бы сталищина во всей ее антисоциалистически-аморальной сути «втянула» в себя мысли и чувства большинства граждан СССР, то гибель нашей державы с тягчайшими последствиями для всей мировой цивилизации, стала бы неизбежной. Но история тогда предreshала нечто иное: положительная социальная инерция ленинского периода, пусть на сравнительно не очень долгий срок, но все же давала шанс положительных перемен огромной значимости. Но использовать его оказалось совершенно невозможно после снятия Никиты Сергеевича Хрущева и начала при Л. И. Брежневе неосталинистски-застойной дегенерации Советского общества, надлом которого оказался непредотвратимым. Как и грядущее торжество ельцинщины...

И все же, отдавая себе во всем этом отчет, хотелось бы понять: кому и зачем нужно подхваливать Сталина за «возрождение» погон и прочего, тому подобного? Ведь к победоносному перелому в схватке с фашистской мерзостью это не имело никакого отношения! Хребет гитлеровщине был надломлен воинами, в петлицах которых были треугольные, квадратные и другие неброские знаки различия красного цвета, избавляться от которых у бойцов и командиров не было ни малейшего желания. Вручение погон после всех решающих побед абсолютно ничего не прибавляло к страстному стремлению раздавить фашистских нелюдей, а кое в чем даже мешало сосредоточиться должным образом.

Между прочим, почему-то запомнилось приятное чувство, возникшее, когда по старой памяти некоторые офицеры обращались к нам, только что призванным 16–17-летним, со словами «Товарищ красноармеец...». Но вскоре в связи со сталинским «новшеством», к осени 1943 года внедренным, доводилось, к примеру, услышать: «Солдат! Чего ты так подурачки напялил шапку-ушанку...». Почему-то сейчас кажется, что со временем, хотя и не в тот исторический момент, не тогда, погонно-антикрасноармейское «новшество» стало, если можно так выразиться, одной из своего рода «эмбриональных» предпосылок, грядущей, в пусть еще неблизкой перспективе, дедовщины, страшно многое разлагающей в рядах наших Вооруженных сил. А что касается автора, то ему за все шесть лет службы на должностях рядового и сержантского состава (с 1943 по 1949 годы) повидать что-то похожее на дедовщину так и не довелось.

Нам в сущности в мальчишеском возрасте, подчас добровольно вставшим в 1943 году в воинский строй, главное было ясно, а «околопогонная» шумиха и возня в том же духе ничего полноценного нам не добавляла мировоззренчески и нравственно! Между прочим, к моменту завершения учебы в «школе младших командиров» было бы гораздо приятнее получить красные угольнички в петлицы, а отнюдь не матерчатые «лычки» в сержантских погонах. Но все это были лишь сопутствующие детали, а главное было отнюдь не в около-

царистских «бирюльках». Огромное большинство личного состава той поры понимало, что все лучшее определялось не золотопогонным и иным украшательством, а боевым опытом от бойцов до маршалов, приобретенным в ходе гигантской с многомиллионными жертвами схватки не на жизнь, а на смерть. Причем не со «среднестатистическим» противником, а с самым чудовищным, ранее невиданным потенциально-вселенским злом.

Когда же основополагающую правду вольно или невольно растаптывают, точнее — отбрасывают юные поколения от понимания подчас совершенно элементарного, без чего полноценное формирование миллионов, многих миллионов молодых соотечественников становится невозможным, то становится вполне «достижимым» повторение пагубнейших уродств минувшего, да к тому же усугубленных «новоявленными» мерзостями. Особенно грустно видеть, когда насаждением в юные души черт знает чего, подчас крайне бездушно-го, растлевающего, заняты гигантски дорогостоящие мощнейшие аппаратные структуры, вплоть до правительственно-президентских!

И ведь вот что особо показательно: наисквернейшими деяниями, иногда сами того не ведая, начинают заниматься личности вовсе не заведомо дурные и не аморальные, но по каким-то труднообъяснимым причинам «соскальзывающие» на путь фальсификаторски растлевающего воздействия на массу тех, кто по возрасту или по каким-то иным обстоятельствам, не в состоянии выработать в себе способность сеять добро и противостоять злу. Случайно ли все это? Разумеется, нет!

Не могу забыть одного из растлителей, который с крайне редкой откровенностью признался, что это для него единственный способ спасти детей от нищеты и голода!

И все же хочется верить, что вышеупомянутые личности, грешащие в условиях, созданных главными уголовно капитализаторскими «столпами» с заведомо очень скверными последствиями, все же делают это от бессилия, а не по злему умыслу и потому не принадлежат к числу неисправимых греховодников, способных руководствоваться только корыстнейшими, общественно особо зловещими побуждениями. Однако в целом поведение расчетливо орудующих клеветников политиканского типа вполне сопоставимо с деяниями наиболее крупных и ужасных убийц-профессионалов. Странно, но как раз таких типов не только не привлекают к суровой ответственности, но как мало кого другого, всемерно и очень часто поощряют наиболее щедрым образом.

В глубинном же смысле особо «отличаются» по сравнению со всеми другими, во многом между собой сходные по клеветническим «триумфам», времена сталинских и ельциноидных годов, по-своему рекордно всеизвращающе влияющие на души огромнейших людских масс, предрешая (не только духовно-нравственную) гибель немалой их части. Но в то же время между этими лживо-клеветническими «эпохами» есть довольно любопытное несходство: ария «Клевета» из оперы «Севильский цирюльник», скажем, в 30-е и 40-е сталинские годы XX века, передавалась по радио систематически и вовсе не так уж редко, а вот за последние 15 лет капитализаторского «облома» с конца XX века и в начале XXI-го автору этих строк так и не довелось услышать с телеэкрана ни единого раза!

В чем дело? Ведь этот музыкальный по-своему гениальный фрагмент кое в чем с истине «зубодробительной» силой бьет по лживо-клеветнической первооснове любого бесчеловечно корыстного режима, пробуждая в душах мыслящих людей весьма «нежелательные ассоциации!» В этом смысле Сталин и его приближенные по руководству «искусством» были очень бдительны и непримиримы к любым «завихрениям» подобного рода. Но никаких мер в этом случае не предпринималось. Почему? Не потому ли, что «запас прочности» сталинской тирании был таков, что тревожиться не было оснований, а в то же время ария «Клевета», да еще в гениальном исполнении Федора Ивановича Шаляпина вполне

могла как-то стимулировать и гнуснейше «вдохновлять» бурно растущее и без того огромное количество доносчиков и палачей всех рангов, то есть дополнительно усиливать прочность сталинской тирании.

Почему же с конца 1991 года, ельциноиды, дорвавшись до власти, предрешающей их обогащение и роскошествование, вовсе не склонны допускать, чтобы потрясающе талантливая «частица» оперы великого композитора, влияла на очень и очень многих мыслящих людей, способствуя их духовному и нравственному оздоровлению и просвещению. Для криминально-капитализаторского режима это в современных условиях далеко небезопасно. Ведь только всемерно поддерживая и все более усиливая повсеместное влияние клеветнической грязи — этой главной своей «идеологически» и нравственно-всеразлагающей опоры, можно надеяться на все более прочное свое торжество.

Как раз здесь, а не где-либо таятся «корешки» наиклеветнических мерзостей, объявляющих В. И. Ленина «первым фашистом», убийцей да еще самым главным, предателем и т. п., а достойнейших из его последователей — погубителями всего лучшего, а потому, дескать, вполне «справедливо» уничтоженных Сталиным, который якобы «по-праву» убивал «врагов народа», «заговорщиков» и т. п. Что же касается Владимира Ильича, то 6–7 десятков лет тому назад его не крыли последними словами, но в то же время, слащаво-пошло похваливая, изображали по-сталински жестоким.

Теперь этого гениального и редчайше человеческого лидера «положено» изображать, к примеру, в тех же лжеисторических «хрониках», не штампованно недобрым человеком, а переполненным омерзительно жестокосердными пороками! Какими? Именно такими, которые в реальной действительности были присущи тому, кто после смерти В. И. Ленина дорвался не до обычной власти, а до беспредельно тиранической власти и проявил себя натурой беспрецедентно кроваваждной, душегубски разнузданной по отношению к «своему» народу, зловещей, как никто другой!

ГЛАВА VII

Историческая ложь и переворот 1991 года

1 В качестве решающего участника предвыборной компании 2004 года, В. В. Путин 12 февраля с непрекрытой откровенностью сделал некоторые признания. «Развал СССР — общенациональная трагедия огромного масштаба. Рядовые граждане СССР и нынешнего СНГ ничего от этого не выиграли. Люди столкнулись с огромным количеством проблем. Деструктивные процессы разложения государственности при развале Советского Союза перекинулись, а это можно и необходимо было предвидеть, на Российскую Федерацию. За чертой бедности оказалась фактически треть населения страны... Страна впала в унижительную зависимость от международных финансовых организаций и разного рода международных финансовых спекулянтов... Россия стала утрачивать основные признаки единого государства». («Труд», 13 февраля 2004 г.)

Президент также высказался за прекращение «разбазаривания национальных природных ресурсов и за наведение порядка в их использовании». А также: «Но нынешний административный аппарат малоэффективен, структура экономики пока не сбалансирована, а социальные обязательства все еще не имеют адресного характера. Неудовлетворенность вызывает затягивание реформы здравоохранения. Развитой системы медицинского страхования по-прежнему нет». (Это слишком уж «осторожно»...)

И, наконец, президент сообщил: «Необходимо продолжить работу по формированию полноценного дееспособного гражданского общества в стране. Она не мыслимо без подлинно свободных и ответственных средств массовой информации, но такая свобода и ответственность должны иметь под собой необходимую правовую и экономическую базу, создать которую должно помочь государство. Для укрепления политической системы страны абсолютно необходима цивилизованная политическая конкуренция. Опорой в этой работе должны стать влиятельные крупные политические партии, партии, пользующиеся авторитетом и доверием у граждан страны». (Там же. С. 2)

Но как раз это все полностью исключено в условиях непрекращающегося и все более усиливающейся дезинформационно-лжеобразовательной вакханалии, в определенном смысле тотально уродующей все новые поколения. Для хотя бы минимального улучшения общей ситуации в России, прежде всего, необходимо пресечь преступнейшее надругательство над правдой истории. Ведь отнюдь небезопасно в современных условиях, и вовсе не только во времена с кровавадной изощренностью спровоцированной бойни начала октября 1993 года сохранять антикапитализаторские и антицаристские, а значит, неприемлющие одурманивающую бесчеловечность убеждения. Прежде всего, потому, что пропагандистски-дезинформационная вакханалия, смертельно опасная и для нашей Родины, и в общецивилизационном масштабе продолжается и усиливается с тягчайшими последствиями.

Вот и 24 сентября 2003 года один из тележурналистов, вроде бы ранее ничем постыдным не выделявшийся тоже вдруг решил «порезвиться» особо непотребным образом. Уже немало лет, особенно начиная с января 1992 года, стало невозможным преуспеть на «информационной», «образовательной» или иной подобной «колее» (не говоря уже о политической), не продемонстрировав своей зоологической ненависти по отношению к Октябрю 1917 года и Владимиру Ильичу Ленину. Возможно, прежде всего по этой причине тот телеведущий взял и походя не только обрушил на Ленина штампованные сгустки клеветнической рухляди, но и докатился до попытки «опустить» величайшего за долгие века нашего прошлого руководителя далеко не только нашей страны до уровня Бориса Березовского. Легко догадаться, кому это буквально позарез нужно именно в наше время! Не так уж трудно уяснить при желании, почему дезинформационно-пропагандистская челядь разыгрывает преступнейше наигрязнейшим образом в связи с каждой очередной годовщиной Великой революции Октября 1917 года, начавшей кардинально менять к лучшему ход нашей и всемирной истории, и в связи, конечно, с каждой ленинской датой, вплоть до восьмидесятилетия со дня его гибели.

Почему, к примеру, каждый (даже крайне консервативный) президент Франции уважительно демонстрирует очень высокую оценку французской революции более чем двухвековой давности? Да потому, что, будучи большей частью прилично образованным человеком, он обычно не лишен элементарно исторического мышления и понимает, какова истинно великая в своей прогрессивности роль данного события. (Вопреки подчас тягчайшим срывам и бедствиям, предпринятым прежде всего агрессивно реакционнейшими вторжениями армий наиболее крупных феодальных стран той поры.) В данной связи не может не возникнуть вопрос: почему полтора последних десятилетия в нашей стране страшно многое происходит диаметрально противоположным образом?

Ведь ясней ясного: всем нам давно бы пора получить честный ответ на основополагающий вопрос, разъясняющий, почему за последних более, чем 15 лет далеко не только автору этих строк так ни разу не довелось услышать с телеэкрана ни единого объективного, научно обоснованного мнения ни о Великой Октябрьской революции, ни о крупнейшей в своей гениальной благотворности и гуманности за все долгие минувшие века такой гигантской величине, как В. И. Ленин — на деле величайший руководитель беспрецедентного общественного и государственного масштаба. Мало того: автору за немало лет так и не довелось услышать, чтобы кто-то из руководителей Российской Федерации хоть раз уважительно назвал лидера наилучшего за все века давно и недавно минувшие по имени и отчеству!

Мало того: особенно тревожно то, что, по-доброму помяная немало ранее антигуманно и регрессивно властвовавших персон у нас и за рубежом, теперь принято насаждать стремление «выдавить» из истории не только В. И. Ленина, но и вообще все из наиболее прогрессивного, мыслящего, подлинно человеческого! В результате в наши дни все более благоприятные условия возникают именно для торжества всего заведомо корыстолюбивого, хищнозагребущего, бездушного, жесточайшего на грани фатально необратимого социального геноцида! В этом же направлении общественно пагубно срабатывает и своекорыстное нежелание хотя бы сдерживать наиболее зарвавшихся клеветников и самых махровых фальсификаторов!

Безусловно, ныне не только аморально, но и на грани уголовного беспредела продельвается «вкочлачивание» в массовое сознание любой наигрязнейшей клеветы. И даже той, будто не гигантское большинство трудящихся нашей страны во главе с В. И. Лениным и его последователями, а германские деньги предрешили все победы, начиная с Октября 1917 года и вплоть до последнего дня жизни Владимира Ильича. Однако, как раз это, пожалуй, наиболее цинично, как не так уж часто прежде, провозглашалось в очередной всеиз-

вращающей телепередачке по так называемому Российскому телевидению 22 декабря 2004 года: «Кто заплатил Ленину? Тайны века». Особо фальсификаторски шельмующие выпады в тот вечер, конечно, «адресовались» не кому-либо, а кристально чистому лидеру и человеку, сыгравшему уникально спасительную роль далеко не только в нашем трагически сложнейшем прошлом.

Разумеется, Владимира Ильича и в тот вечер оскорбительно клеймили, как ныне стало обязательным, отбрасывая преступнейшим «манером» все его гениальные строки, содержащиеся во всех многих десятках томов его произведений! Тех, которые вдохновили неисчислимое множество прогрессивно мыслящих и высоко нравственных людей на величайшие подвиги и самопожертвование ради счастья всенародного. На такой «основе» ныне проще простого и, конечно, «сказочно» выгодно объявлять В. И. Ленина погубителем Родины и вообще прямо-таки «извергом рода человеческого», извлекая огромные долларовые и политиканские выгоды!

Такова же цена тут же провозглашаемых одурманивающих многие десятки миллионов наших соотечественников и всех других «жестин» такой же бессовестной нацеленности. С одной стороны, Роза Люксембург подлейшим образом обвинялась в аморальности, а с другой — Карл Радек объявляется фактическим убийцей Карла Либкнехта и Розы Люксембург, якобы сообщившим их германским палачам местонахождение влиятельнейших, безукоризненно человеческих и подлинно прогрессивных вождей германского рабочего класса, вполне способных предотвратить грядущие ужасы гитлеровщины. Того же стоит, например, и прозвучавшие тут же с телеэкрана оценки таких безукоризненно порядочных личностей, как Вацлав Воровский, Леонид Красин, да и других достойных последователей В. И. Ленина в качестве ужасных преступников!

Все это и тому подобное, как водится ныне, конечно, проделывалось без фактической и документальной обоснованности. А чего в целом стоит концепция авторов данной телепередачи, давным-давно изобретенная, затасканная и забытая, невзирая на множество ее реакционнейше антинародных создателей! Суть ее одноклеточно примитивна, до убожества непорядочна в своем беспредельном своекорыстии. Вот, дескать, существовала распрекрасная империя, якобы обеспечивавшая и дальнейшее мнимое счастливое существование русского народа под эгидой царей из династии Романовых, но вот появился «ужасный» Ленин, обманувший и взбудораживший народ, в результате чего рухнуло все это чудесное благолепие!

«Естественно», ныне ни единого слова не говорится о страшных муках вплоть до вымирания миллионов из-за крестьянского малоземелья, голодovieк, эпидемий, тяжелейшей участи огромных (не только расстрелянных и повешенных) масс рабочих (далеко не только на Ленских золотых приисках)... Тем более умалчивалось и в этой телепередаче о террористических и прочих ужасах самодержавно бесчеловечного, в ряде отношений полукрепостнического режима, не только паразитарно, но и душегубски губительного для дореволюционной России. В результате ненависть к последней царской чете, чреватая роковыми последствиями, становилась все более всеохватывающей. Причем только одного Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, не говоря обо всем остальном, было вполне достаточно для фатального исхода, не говоря уже о таких «мелочах» (помимо столыпинских военно-полевых судов, тысяч постоянно «функционирующих» виселиц и т. п.), массовых публичных порок плетью, избиений шомполами... И творилось все это уже в начавшемся XX веке по «высочайшему дозволению» царя и царицы, ныне объявленных святыми.

Все это и многое иное, как водится ныне, не мешает властвующим процаристским, дико-буржуинским элементам, с одной стороны, внушать народу, будто ни в чем не винов-

ны царствующие бездарности, фактические «творцы» главных бед редчайшего масштаба, приведшие к краху мнимо могучую, благодатную для народа, будто бы «процветавшую» империю! (теперь уже канонизированные «святостью» хуже чем заведомо липовой). В то же время В. И. Ленин, ныне бессовестно оскверняемый изо дня в день, объявляемый ужасной личностью, якобы их погубил, да еще «с подачи» Парвуса! И во всей этой до отвращения вульгарной фальсификаторской вакханалии активно соучаствует и кое-кто из рекламируемых здесь же в качестве добросовестных историков-профессионалов!

А вот талантливый и честный Николай Бухарин — человек трагически роковой судьбы — с лакейской наглостью объявляется «балаболкой». Всемирная империалистическая бойня, развязанная в 1914 году, причем при активном соучастии последнего царя, стоившая многие миллионы ничем не оправданных жертв, теперь провозглашается не просто «справедливой», а Отечественной войной! Конечно, преданнейший последователь и спаситель В. И. Ленина от пуль террористов, покушавшихся на него 1 января 1918 года, кристально чистый борец против ужаснейшей мировой войны, отважно жертвенный Фриц Платтен, тоже загубленный в годы торжествующей сталинщины, изображен врагом России и германским шпионом!

Авторы той телепередачи докатились даже до клеветы, которой ранее брезговали и самые махровые ненавистники Владимира Ильича, будто он встречался с представителями кайзера Германии Вильгельма и под их влиянием переработал свои Апрельские тезисы! Из той же «оперы» звучала клеветническая грязь, будто враги России «обеспечивали» встречу В. И. Ленина на Финляндском вокзале, а в будущие месяцы он якобы готов был отдать те гигантские территории, которые жаждали захватить германские агрессоры, хотя все факты свидетельствуют о диаметрально противоположном!

Так и дается понять, будто Россия стала второразрядной страной по желанию В. И. Ленина и уж тем более не благодаря тем, кто пресупнейше начал властвовать с конца 1991 года! Сотворившие это и беспредельно многое столь же ужасное уверены, что они должны просто «криком кричать», что Ленин (человек, по выражению Альберта Эйнштейна, обновляющий совесть человечества) — был личностью бездарной, непорядочной, принесшей только беды, разруху и всякое иное зло, прежде всего, нашей стране!

В условиях режима, культивирующего все самое скверное, особенно легко словоблудничать о «чудесном» последнем царе и «жестоком» В. И. Ленине, его якобы сокрушившем. Главное при этом лгать, скрывая, что В. И. Ленин — не такая мелкотравчатая натура, как Парвус, ныне возвеличиваемый на грани демонизации, и уж тем более, что он, находясь вне России, не мог отстранить от власти Николая II. Предрешиено же это было дегенерацией самого николаевского режима, неуклонно распространявшейся в многомиллионных массах отвращением к самодержцу и его клике.

Понимая же все это, фактически свергли царя, а невольно и всю романовскую династию духовно наиболее динамичные монархисты типа Шульгина, Гучкова, Родзянко и других. Осуществлено же это было благодаря прямой поддержке главных фигур военного ведомства, включая ключевую величину ставки Верховного главнокомандующего генерала Алексеева и всех до единого командующих фронтами! В. И. Ленину, стремившемуся к ликвидации царизма, оставалось лишь констатировать: «Залитая кровью и грязью телега романовской династии опрокинулась сразу».

2

Как мало что иное всем нам необходимо до деталей уяснить, какова основа, которая является определяющей в теперешнем лжеисторическом одурманивании наших соотечественников, начиная с совсем юного возраста, касаясь не только XX века?

Ответ ясен: посмертное надругательство над наилучшими времен минувших ради бесчеловечного торжества наихудших из числа ныне властвующих и роскошествующих. Таково одно из наиболее зловещих «знамений» грабительски-капитализаторского озверения дней текущих. Президент В. В. Путин непременно должен открыто признать, что лжеисторическое одурманивание наших соотечественников является одной из решающих первооснов всех наших бед. В том числе «расширенного воспроизводства» во всех структурах безобразно разбухшего, все еще бурно растущего, неэффективного и ужасающе коррумплируемого аппарата подчас самых черных и всеразлагающих властвующих индивидов.

В условиях, созданных с конца 1991 года по-своему более чем показательно то, что тотально всеизвращающие «откровения», уродующие массовое сознание во всем, имеющем отношение к истории минувшей вовсе не только после Октября 1917 года, все чаще скверно срабатывают и когда речь заводится о событиях других минувших веков. Чего стоит, к примеру, насаждение, как правило, инертно безразличного отношения к единственному из царствовавших Романовых, на деле прогрессивному реформатору Александру III! Вполне закономерно это теперь сочетается с возвеличиванием даже вульгарно жестокого, регрессивнейшего Александра III, как и совершенно неоправданным причислением к «лику святых» крайне пагубно властвовавшей последней царской чете! Той самой, которая поражает не только фатальной духовной (а значит и управленческой) недееспособностью, но и агрессивно антинародным бездушием, приведшим ее к сползанию за минимально поправимые пределы жестокости, в сущности, для них самоубийственные...

Стоит коснуться одной из заурядных «иллюстраций» подобного рода. К примеру, в течение июня 2002 года систематически в передаче «Петровка,38» имело место на редкость регрессивное возвеличивание Александра III, его эпохи и всех его ставленников из числа большей частью крайне малопристойных (как и их царствовавший хозяин), а потому парализующих все доброе, умное, сразу же после гибели Александра II, «консервируя» все застоино бесчеловечное. В частности, можно не сомневаться в том, что, скажем, 28.06.2002 г., теперешние телевизионные «агитпроповцы» вполне естественно» восхищались не только одной из самых вредоносных самодержавных «величин» в лице застоино, до патологии парализующе влиявшего на Россию Александра III, но и самых малопочтенных его креатур в руководстве, прежде всего министерства внутренних дел, способных лишь «тащить и не пущать»... И вопреки даже намеку на истину все это объявлялось образцами человеческой и тем более — государственнической мудрости!

Данному царю были приемлемы лишь те, кто готов был уродовать и уничтожать все лучшее, что было сделано его отцом Александром II и его соратниками. Прежде всего «сын» усердствовал по части недопущения элементарной демократизации, способствующей оздоровлению России, в связи с попыткой своего отца — единственного за века прогрессивного и не антигуманного из Романовых царствовавшего реформатора — осуществить по-настоящему приличные, невиданные для страны перемены серьезного, по-своему — конституционного характера (помимо всего остального, единственно спасительные и для династии). Так и был предопределен продолженный и последним царем Николаем II, курс, губительный для всего дореволюционного «порядка вещей», осуществлявшийся вплоть до 1917 года и чуть было «заодно» с монархией не погубивший великую державу, надорвав, развалив ее и предприв иные непоправимые последствия вплоть до ее фактической колонизации.

Но что до этого теперешним погубителям нашей Родины, восхищающимся даже предпоследним самодержцем Александром III, предавшим дело своего отца, отбросившего лучших из его соратников типа Милютин, Лорис-Меликова и других из числа наиболее умных и дельных! Вот и 13.06.2002 г., как водится ныне, была дана свехвосторженная

оценка примитивно утробному самодержцу, органически чуждому хоть чему-либо элементарно прогрессивному и человеческому! Невероятно, но Александр III был «подан» чуть ли не как герой-чудотворец в качестве предводителя тех, кто внедрял т. н. контрреформы, нацеленные против якобы ужасно неполноценных, и «вредящих» России реформ его отца! Разумеется, тут же выразилось одобрение деяний крайне малопочтенных, или в лучшем случае — заурядно убогих приближенных царя-контрреформатора вроде Победоносцева. Тем более похваливались особо преуспевавшие ультрареакционеры — любимцы из числа хуже, чем малопочтенных погубителей всего разумного и светлого в Отечестве той поры.

До чего же, например, прав был не только гениальный поэт, но и великий в своей редчайшей мудрости аналитик российских реалий, Александр Блок! В том числе и когда писал: «В те годы дальние, глухие. // В сердцах царили сон и мгла:/ Победоносцев над Россией/ Простер совиные крыла, // И не было ни дня, ни ночи, // А только тень огромных крыл...». Все же, возможно, самую роковую из своих ошибок Александр II совершил, когда допустил, чтобы воспитателем наследника престола стал как раз тот, самый твердолобый и изощренный реакционер, Константин Победоносцев...

Впрочем: что ныне (с конца XX века господствующим) до этого и всего наиважнейшего в судьбе ими кардинально уменьшенной территориально, обескровленной, надорванной экономически, культурно и во всем остальном Родины нашей и народов, еще живущих в ее пределах! Ну просто не могут воровски обогатившиеся, роскошествующие властолюбцы, не уродовать и систему исторически-мировоззренческого образования!

О многом, очень многом предельно негативном и как раз по «исторической части» на редкость нездоровом, свидетельствуют и опубликованные в 2002 году «Экзаменационные билеты за 11 класс и ответы к ним». Было бы в то же время грешно «не заметить», например, что в разделе, посвященном литературе, порядочно, по-настоящему прогрессивно и гуманно раскрыт вопрос «Чацкий против фамусовского общества (по комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»). Остается, скажем, лишь пожалеть о том, что колоссальной значимости вопросу: «Лелеющая душу гуманность» поэзии А. С. Пушкина, нацеленном и написанном отнюдь не реакционно, но далеко не так, как надо бы, «повезло» гораздо меньше...

Впрочем, на фоне ответов на вопросы по литературе, то что бросается в глаза в разделе, посвященном ответам по истории, страшно тревожит нечто не просто недоброкачественное, а совершенно недопустимое. Когда дело касается учебных тестов, то особенно дорого не может не обходиться их вялость, рыхлость, тусклая расслабленность, расплывчато «кусользающая» от принципиального раскрытия стержневой сути явлений, закономерностей, личностей и вообще всего из наиважнейшего. Далеко не случайно, например, Александр Сергеевич Пушкин с убийственной иронией адресовал одному из историков почти двухвековой давности поистине вещие строки. «В его истории изящность, простота // Доказывают нам без всякого пристрастия // Необходимость самовластья и прелести кнута...» Нелегко припомнить что-либо еще более актуальное для «творцов» околоисторических текстов, а также иных режиссеров и их «продюсеров» начала XXI века.

Возникает желание уяснить: почему ответы на экзаменационные вопросы по литературе в немалой степени по самой «огнедышащей» проблематике, например, довольно отдаленного нашего прошлого, можно квалифицировать как прогрессивно-гуманистические, а ситуация «по части истории» — совсем иная? Скорее всего, беда в том, что, начиная с конца 1991 года и по сей день, «служилая» часть историков находится возможно, как никакая иная, под всеподавляющим прессом хапужно бесчеловечных властителей. Тех самых, которые кровно заинтересованны (ради увековечивания своих властных привилегий и коррупционно-воровски захваченных несметных богатств) в тотально своекорыстном, реакци-

онно бесчеловечном растаптывании правды истории. В то же время материально-карьерно полностью от них зависимые, подчас — нищенски прозябающие историки, вынуждены в сквернейших навязанных им условиях кормить и растить своих детей, а потому и подчиняться требованиям уясных властителей!

Вот уже немало лет — «наименьшее» зло, в котором иные историки вынуждены соучаствовать — обтекаемо формальное, внешне не очень заметное утаивание правды по всем наиважнейшим направлениям исторического процесса. А особенно — о бедах народной жизни, сплошь и рядом до ужаса усугубляемых наиболее преступными режимами и, конечно, их олицетворяющими коронованными и иными заправилами. При все возрастающем обилии антинародных «новаций», одной из первых не могла не стать затеянная вахханалия переименований. Самым же разлагающим и общественно опасным из них был по-воровски сноровисто, с криминально рассчитанной поспешностью проведенный так называемый референдум по кощунственному переименованию Ленинграда. Нельзя забывать хотя бы самой малой части аргументации тех, чей уход из жизни на годы и годы резко и мучительно был ускорен, помимо прочих, и такими деяниями. О тягчайшей не только душевной боли во множестве, в том числе и фактически убитых за более чем полтора десятка последних лет, свидетельствуют и фрагменты из теперь уже довольно давних писем в редакцию.

«С болью и возмущением узнали о намерении Ленсовета провести референдум по переименованию города в Санкт-Петербург. Отвечаем любые призывы к этой акции. Считаем себя вправе, заявить об этом, ибо именно мы, а не кто-то иной под Колпином не позволили ворваться фашистам в город, не щадили своих жизней и во имя спасения Ленинграда, а не Санкт-Петербурга. Призывы к переименованию Ленинграда пестрят на страницах молодежных газет и изданий Ленсовета, звучат с трибуны Марииинского дворца. Как будто сегодня нет более насущных забот у депутатов, у редакционных коллективов. Одумайтесь! Посеянное зло уже дало богатые всходы: разгул порнографии и проституции, матершина в обиходе, наркотики — вот чем пора бы заняться.

По поручению собрания однополчан 43-й дважды Краснознаменной Тартуской стрелковой дивизии А. Соколов — полковник в отставке; П. Бирюков — полковник в отставке; В. Барабанов — зав. кафедрой геохимии Ленгосуниверситета; В. Воротилов — профессор Института социально-экономических проблем АН СССР и другие ветераны дивизии, всего 73 подписи. г. Ленинград» («Правда», 22 мая 1991 года. Письмо озаглавлено: «Не кощунствуйте!»).

«С болью в сердце и негодованием мы, ветераны войны, труда и Вооруженных Сил, участники обороны Ленинграда, проживающие в Узбекистане, услышали из уст председателя Ленсовета А. Собчака слова о том, что если референдум назначенный на 12 июня, примет решение о смене названия города, это для него, дескать, будет самым радостным днем... Такие слова нельзя расценивать иначе как оскорбительные для живых и мертвых защитников города Ленина. Для тех, кто героически сражался с фашистами, кто одолел в жестоких боях захватчиков и спас Ленинград от уничтожения. Нас глубоко возмущает развернувшаяся шумная кампания, к сожалению, поддержанная Ленсоветом, по переименованию Ленинграда, сопровождающаяся шельмованием истории города революционной славы... Мы категорически протестуем против провокационных действий новоявленных политиканов...

Мы призываем народных депутатов СССР и РСФСР, руководство страны и России, всех ленинградцев, ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил, воинов-интернационалистов, коммунистов и комсомольцев, всех людей доброй воли поднять голос решительного протеста, остановить готовящийся акт вандализма, оскорбляющий светлую, героическую память всех советских людей. Уважаемые ленинградцы! Будьте бдительны, не поддавай-

тесь провокационным призывам, проявите мудрость и мужество. Помните тех, кто отдал свою жизнь за спасение города от уничтожения и покоится вечным сном в братских могилах. Принято на собрании республиканского Ташкентского областного и Ташкентского городского актива ветеранов войны и Вооруженных Сил».

До чего же правы были еще много лет тому назад авторы таких писем и их соратники, большинство из которых либо уже лежат в земле сырой, либо вынуждены доживать в приближающих их гибель не только душевных, но и физических муках, многократно усугубляемых нынешними хозяевами России! Неужто и эти преступные «достижения» уголовно-капитализаторских «главноначальствующих» элементов тоже окажутся безнаказанными? Причем этим не очень давним номенклатурным выкорышам ренегатской популяции как раз такими способами обеспечивается узурпаторски гарантированное бесконтрольное господство! И одновременно — невиданное паразитарно-воровски раздобытое богатство, а значит — и беспрецедентное роскошествование.

Давным-давно надо бы всем нам понять, что все пакостное и страшное определяется давно невиданной утратой нравственных барьеров, ограждающих общество от угрозы тотального перерождения. Потому-то ни на минуту нельзя забывать, что ложь, клевета, фальсификаторское шельмование всего разумного, светлого, благородного, всегда были «идейным» инструментарием самых черных душегубски отвратных сил, экономически, политически аморально и даже «эстетически» взаимосращивающихся в процессе уничтожения всего лучшего. Проявляется же все это с наиболее грязной нахрапистостью в посмертном надругательстве над замыслами, свершениями, и, конечно, над личностью В. И. Ленина, как ни над кем другим.

Сомнений нет, исключительно рельефно все это обнажило себя и в ходе не одного — двух, а бесчисленных переименований беспредельно регрессивных в своей сверхбессовестной направленности. Далеко не случайно одной из первых жертв подобного рода не мог не оказаться, разумеется, Ленинград. Это переименование было «прокручено» не просто заурядно-нерепрезентативно, а с на редкость нечистоплотным бесстыдством, маскируемым призывом как можно скорее «вернуться» к своим «корням». Как раз «по этой части» особенно велика и зловеща роль городского и общегосударственного промонархически-буржуински обработанного аппарата, переполненного демагогически-одурманивающими, с дремучим бесстыдством извращающими историю элементами, коим удалось шустро повернуть и переименование Ленинграда. Возможно, и с решающей помощью крупного мошенничества при подсчете итогов т. н. референдума, где страшно многое зависело только от ельциноидных функционеров... Потому-то как ничто иное насущно наискорейшее пресечение клеветнически грязного посмертного надругательства над В. И. Лениным — главного орудия в руках тех, кто нацеливает наше и всемирное зло. До чего же насущно немедленно пресечь возможности новых «хозяев» России по части наипреступнейшей посмертной расправы над их главным антиподом.

Разумеется, в ходе этой операции «Ы!» было скрыто и то, что Петр I (ныне, как и в 30-е годы, культово возвеличиваемый) был отнюдь не только на редкость жестокой натурой, склонной иной раз даже к самоличному выполнению пыточных и палаческих функций. Ведь помимо многого иного, далекого от истинного прогресса, именно он был причастен отнюдь не только к сооружению «Северной Пальмиры» на сотнях тысяч трупов несчастных, сгонявшихся туда крестьян и так называемых рабочих людей, но и к гибели миллионов других соотечественников! А чего стоит его пропомещичьи-крепостнический курс, оказавший ужасающе уродующее влияние на судьбу народа нашего в общеисторической перспективе!

Ныне почти невозможен даже полунамеком на критическую оценку порочных сторон личности и действий Петра I, за что пришлось крайне тяжко расплачиваться в течение очень долгого времени. А сколько «невинного» из последствий деяний данного, по сей день некритически беспринципно возвеличиваемого самодержца, связано, в частности, с таким его «бесчеловечным» документом, как «Табель о рангах» и прочим, аналогично вредном, исходя из народных интересов, да и вообще всего элементарно человеческого и подлинно прогрессивного! Чего стоит, скажем, возможно, невольню, но на долгий период предрешенное именно Петром I по-дамски легковесное и разнузданно своекорыстное властвование весьма и весьма сомнительных особ на престоле! Ведь как раз при них (прежде всего при ныне особо обожаемой Екатерине II) чудовищно расцвели пышным махровым цветом ростки самодержавно бесчеловечного, деградационно-феодального тоталитаризма, посеянного Петром I. Тем самым, которым теперешнее процаристски-капитализаторские верхи понуждают восторгаться чуть ли не коленапреклоненно!

Разумеется, наши дети и внуки тем более не должны иметь «по-собственному желанию» Ельцина, Гайдара, Чубайса и им подобных, даже смутного представления о порочности запрограммированных Петром I самодержавно-тиранических, крепостнически-бесчеловечных порядков, крайне опасных для российского общества и прежде всего — для трудового народа, а значит — для неисчислимого множества миллионов людей, обрекаемых на тягчайшую неволю, на беспросветную нищету и гибельное прозябание! Зато полагается без умолку разглагольствовать о якобы всесторонне прогрессивном реформаторстве Петра I, вплоть до его царистско-крепостнической одержимости, продолженной его наследницами и наследниками, около двух сотен лет «оказывавшимися» на троне. В том же ключе требуется в наши дни самое беззастенчивое сокрытие правды об ужасающей жестокости (на грани подчас патологической кровожадности) Петра I, что «обошлось» многими сотнями тысяч жизней казненных, истерзанных мучительнейшими пытками, заживо сожженных и т. п. Мало того: теперь принято помалкивать даже о том, как сей самодержец самолично с упоением рубил головы стрельцам, которых все же не намеревались казнить его весьма жестокие доверенные лица, как был им загублен страшными пытками, зверки убит невинный сын его Алексей и т. д.

Как ни грустно это констатировать, но именно данный властитель жесточайше тиранического типа, к сожалению, кое в чем «намертво» парализующими общество самодержавными рычагами надолго заложил сковывающий Россию фундамент всевластной аппаратной структуры царистско-крепостнического типа. Как раз это дало возможность его преемникам на троне и их подчас ужасным фаворитам превратить т. н. частновладельческих крестьян фактически в рабов. Таких, кого легко стало возможным вообще не считать людьми и тем более — гражданами, которыми помещики получили право торговать «коптом и в розницу», как ни в одной другой хоть мало-мальски цивилизованной стране! Как же это и прочее аналогичное, надломило, изуродовало, во многом почти «намертво» сковало развитие России на множество лет с наисложнейшими и тягчайшими последствиями! Как водится, в условиях теперешнего бесчеловечного властвования, в ходе переименования Ленинграда все это было отброшено, извращено отвратнейшим «манером» в ходе реализации вероломно рассчитанной жадности перехитрить сотни тысяч горожан в угоду своей наигрязнейшей выгоды...

Остается лишь удивляться тому, что даже в таких условиях удалось лишь немного на мизерные единички процентов «переиграть» тех ленинградцев, которые были категорически против переименования своего города. Все же немало оказалось тех, кто принципиально, по-настоящему честно подошел к вопросу о названии этого великого города-героя, ставшего символом отваги и самопожертвования в схватке с гитлеровскими полчищами,

где погребены многие сотни тысяч наших насмерть стоявших бойцов, командиров и политработников, гибель которых была спасительна далеко не только для успешного противостояния гитлеровщине на Северно-западном направлении советско-германского фронта...

Таким же безнравственным ультра-демагогическим способом было предрешено появление на Урале «Екатеринбурга» — теперь процаристски «прославленного», а на самом деле — легендарного города тружеников-созидателей. Как же можно было таким приемчиком возвеличивать на редкость безнравственную, лицемерно-властолюбивую, разнузданно корыстную узурпаторшу на троне российском! Да ее надо вечно с проклятиями поминать только за то, что именно при ней крепостному праву на многие годы и десятилетия были приданы сверхмерзкие рабовладельческие особенности, на длительный срок задержавшие даже подобие прогресса в развитии нашей Родины. Как можно забывать о том, что она своей бесчеловечнейшей пропомещичьей жестокостью спровоцировала колоссальный по силе взрыв крестьянского негодования с оружием в руках! А чего стоила раздача ею в частнокрепостническую неволю огромных масс государственных крестьян, что лишило их последних элементарно человеческих прав! И кому? Одному за другим в основном паразитарно-бездарным, сплошь и рядом на редкость грязным своим фаворитам, привечаемым только по собственному специфическому вкусу патологически растленной царицы! А чего стоит насаждение ею крепостничества столь же, как и в России, ужасной разновидности и на Украине, что очень мешало формированию наилучшего взаимопонимания наших братских народов и что «аукается» даже в наше время...

Вот и в передаче Швыдкого «Культурная революция» (телеканал «Культура» 10.01.2005 года) происходило нечто типично одурманивающее. «Дозволялось» лишь несколько беспомощно жалких замечаний в адрес Екатерины II, но это буквально тонуло в громогласно антинаучных разглагольствованиях о якобы благотворности ее вредоносного властвования над Россией, темнота, несправие, страшно мучительное прозябание большинства населения которой и именно ею было предрешено на многие последующие десятилетия, чреватые роковыми последствиями.

А ведь не только ее сын (император Павел I) открыто и достаточно резко проявлял свое остро критическое отношение к своей хуже, чем мало почтенной «матушке-узурпаторше», убившей руками своих приближенных подонков своего мужа — законного царя, который даже пытался хоть немного изменить положение в стране к лучшему. Ведь и Павел I, зверски убитый поклонниками Екатерины II, тоже пытался сделать что-то полезное для крестьян. Ведь и внуки Екатерины (цари Александр I и Николай I) тоже стыдились воздвигать ей памятники... Зато теперешние властители-капитализаторы, вопреки ПРАВДЕ, превозносят данную царицу с тошнотворным бесстыдством!

Столь же недобросовестно «подана» псевдоисторическая информация об органически регрессивном и особенно пагубном в XIX веке общественно и государственно порочнейшем властвовании Николая I. А в то же время сделано все, чтобы фактически выбросить из нашей истории великого страдальца и борца за улучшение народной жизни жертвенно благородного Александра Николаевича Радищева! Что уж напоминать об этом великом человеке, первом открыто выступившем против самодержавия и крепостничества, если имеет место ныне отказ от масштабно объективной оценки даже роли Александра III! Да еще в сочетании с фактическим запретом даже подобия честного критического анализа реакционерше парализующей, крайне вредоносной роли его наследника-антипода Александра III и наиболее зловещих приближенных типа Константина Победоносцева, с псевдонаучно бесчеловечной одержимостью обосновывавших все самое бездушно пагубное во времена последнего и предпоследнего царей.

Где таится, с позволения сказать, «идейная» первооснова такого рода вышеупомянутых преступно-наикорыстнейших безобразий? Кому они особенно выгодны и каковы в действительности ключевые фигуры, все это инспирирующие и нацеливающие? И вот здесь особенно насущно знать нашему исстрадавшемуся народу, какова во всем этом истинная роль каждого должностного лица из числа несущих за это главную ответственность. Совершенно необходимо, чтобы каждый из них подтвердил или опроверг, прежде всего, версию о его ненависти к Великой революции Октября 1917 года и к наиболее крупной за все века спасительно-созидательной величине на фоне всех государственных руководителей вместе взятых. То есть честно обосновать подоплеку своего поведения в отношении В. И. Ленина.

Сделать это совершенно необходимо открыто, совестливо, без намека на демагогическое «ускользание» (с помощью самоличного выбора вопросов, отвечать на которые удобно и, главное, выгодно). Благодаря таким приемам есть возможность окончательно загубить все лучшее, умное, светлое, доброе, прогрессивное в сознании народа, пока еще не раздавленное непоправимо с роковыми последствиями для нашего общества. Тем более, что «идейное» уродование мыслительных и нравственных ресурсов гигантских людских масс ведет ко всем без исключения, возможно, непоправимым бедам, ныне терзающим большинство честных тружеников и убивающим многие миллионы из них!

Чего стоит в этом смысле ЧЪЯ-ТО бережная поддержка и всемерное поощрение ради бесчувственно себялюбивых функционеров высшего ранга. Подумать только: почему не устыдились доверить даже властвование над экономикой, финансами, народным здравоохранением и т. д. личностями сомнительными с тягчайшими последствиями, вместо отстранения с любого руководящего поста! И в то же время знаменем страшного времени является то, что ни на один день не прекращается «стимуляция» вывоза в зарубежные буржуазные банки большого количества миллиардов долларов. За чей счет? Конечно, за счет истерзанного и вымирающего неисчислимого множества наших соотечественников!

Вот и 9 января 2005 года было сообщено, что руководителями Минздрава чуть было не был закрыт институт педиатрии, что могло создать предпосылки для окончательного надлома детской медицины в целом. Это в условиях, когда треть новорожденных страдает от «взрослых» болезней, вплоть до сифилиса! А чего стоит, например, то, что ныне гигантски возросло количество психически нездоровых детей и подростков, с недопустимо низкой массой тела в связи с хронической белково-калорийной недостаточностью, преддешенной катастрофически ухудшенным питанием, идет бурный рост количества призывников, по состоянию здоровья не пригодных для армейской службы и т. д.

В данной связи, «кстати» решено было «пробить» нечто «насущное» с целью лишить всех школьников бесплатных завтраков. И уж тем более важно понять, кому из заправил особо выгодно наличие по сути дела гиблых регионов. Таких, где не изучаются данные о средней, ужасающе низкой продолжительности жизни, где невозможно толком определить подоплеку смертельной угрозы для жизни десятой части населения...

3 Само собой разумеется, попрежнему ни на один день не прекращаются телевизионные и прочие дезинформационно-антиисторические «игрища» ради расчетливо-преступно-одруманивания бесчисленной массы соотечественников с, по сути дела, криминальным вероломством, исключая даже подобие правды о нашем прошлом. Подумать только: в экзаменационных билетах по истории много вопросов, посвященных персональному «подыгрыванию» сплошь и рядом не только бездарным и сверхреакционным до неприличия, но и ужасно бесчеловечным царям. А в то же время не проявилась «склонность» привлечь внимание юных к достойнейшим, наиболее благородным величинам нашей истории! И здесь

обнажилось лакейски своекорыстное отношение к подчас очень уж малопочтенным самодержцам, в сочетании со злым неприятием лучших из лучших наших соотечественников современными промонархо-капитализаторами! Чего стоит хотя бы то, что даже В. И. Ленину не посвящение ни одного экзаменационного вопроса, да и вообще считается недопустимым его упоминание в данном, как и в любом другом руководящем мнимо «образовательном», не говоря уже о правительственном официальном документе!

В таких условиях вполне закономерно и подключение к такого рода черным деяниям даже канала «Культура»! Что, скажем, «культивировалось» там еще 17 апреля 2002 г. в претенциозно-фальсификаторской передаче под названием «Кто мы?», с поразительно нечестной назойливостью извращающей все и вся? Мало того, что, как водится, прямо-таки «до небес» превозносились «достоинства» Екатерины II и даже ее лейбпалача Шешковско-го — натуры на редкость зловещей! Не удержались одновременно и от шельмования ставшего жертвой преступной царицы Новикова — отважного и талантливого оппонента Екатерины, борца за идеалы человечности и прогресса. В ходе этой передачи даже возникло ощущение, что ее авторы сожалеют о «неотбытии» им 15-летней кары, на которую она его обрекла. Характерно, что Павел I, взойдя на престол, посчитал необходимым пресечь и это безобразия своей «матушки», одновременно освободив из заточения кристально чистого и безоглядно жертвенного страдальца Радищева...

Столь же типично, как и все прочие ельциноидно-капитализаторские безобразия «исчезновение» с карты России города Горький. Неужто так трудно кое-кому из ныне бесконтрольно властвующих понять элементарное, скажем, то, что сверх-преступно «выдавливает» из истории нашей Ленина, Горького и вообще всех, для кого органически неприемлемы, по выражению (не только поэтического классика) «самовластительные злодеи», нередко лично и общественно до ужаса отвратные? Как ни грустно, но не миновала «чаша» переименований и столицу Отечества нашего. Как ныне положено, с ее карты был убран «Ленинский район» и назван «Хамовническим». Столь же закономерно и то, что переименовали улицу Горького, площадь Маяковского и многое другое, одновременно выбрасывая особо ненавистные капитализаторским ворунам памятники и восхваляя подчас малопристойных, а то и зоологически античеловечных персонажей нашего прошлого. Вот так и живем...

Стоит кстати обратить внимание и на то, что Петр I даже в наши смутные дни все еще не изображен пока властителем, достойным «нимба святости». В этом смысле решено ограничиться причислением к лику святых последних царя и царицу — натур, тем более далеко не безгрешных по отношению к стране и народу своему. Возможно, в немалой степени по этой причине в условиях властвования ельциноидов решено ни единым словом не «касаться» ничего непоправимо порочного, органически присущего последней царствовавшей чете, а потому чреватого непоправимой деградацией российской государственности вплоть до усиления угрозы фатального надлома нашей Родины, все более резко и необратимо нарастающей опасности распада и колонизации ее наиболее мощными империалистическими державами. А шанс спасения на вечные времена от подобной перспективы зависел, в первую очередь, от победоносной Великой революции, очищающей от царистского и прочего полусредневекового хлама (губительного для огромной страны и ее населения). Это начато было при жизни В. И. Ленина поразительно успешно, но как раз теперь второй десяток лет подвергается постоянному шельмованию!

Субъективистский произвол по «исторической» части в условиях криминально-буржуазного режима, восторжествовавшего в конце 1991 года, проявляется практически во всем. В том числе, конечно, в корыстнейшем восторге по случаю торжества антиленинского переворота в оценке сталинских десятилетий, исторической роли Н. С. Хрущева и такого

его «оппонента», как Л. И. Брежнев, а также всего прочего, что сопровождается преступнейшим подыгрыванием всему ужасному, грязному и бездарному в минувшем и ныне происходящем. Разумеется, в центре тотальной лжи и клеветнического шельмования в условиях капиталистического режима был и остается именно Владимир Ильич Ленин.

Любая супергадость, ныне директивно адресуемая по воле столпов капиталистического режима, стала настолько привычной, что отсутствие явно разнужданных ее разновидностей при упоминании В. И. Ленина в вышеупомянутых «Ответах на вопросы экзаменационных билетов», о которых шла речь, удивляет как что-то прямо-таки аномальное. И в то же время отсутствие почти нецензурного словесного беспредела здесь, как и в «исторических» учебниках, а также экзаменационных билетах, сочетается с непристойно расчетливым умалчиванием обо всем, связанном с гигантской человечно-прогрессивной ролью В. И. Ленина в российской и всемирной истории. Происходит лицемерно вежливое, но расчетливо изошренное, по глубинной сущности — преступное выдавливание памяти о его прогрессивной роли как из массового, как и из т. н. «элитарного» сознания.

Далеко не исключительная, а совершенно закономерная деталь: в официальном документе, предназначенном для огромнейших масс юных сограждан, не только не цитируется и тем более не оценивается и, конечно, — не рассматривается, но и не упоминается ни одна из крупных основополагающих (в сущности — эпохальных) работ В. И. Ленина! Лишь мельком, до неприличия поверхностно перечислены лишь несколько продиктованных им предсмертных заметок, без попытки раскрыть их истинную значимость! А вообще-то лицо видимо-невидимо проявлений nepотpeбств, ныне ставших абсолютно обязательными, при аналогично неприемлемом отсутствии раскрытия хоть чего-то, связанного с правдой истории, особенно — благотворно влиявшей на судьбы народные...

Одним из не только остро сатирических, но и социально поразительно мудрых произведений Владимира Высоцкого было песня о том, как кривда перехитрила правду и, восторжествовав, надругалась над ней. Страшно многое, начиная с 1992 года, стало живой иллюстрацией того, как это с каждым годом все более зловеще происходит в условиях капиталистически-грабительского, на редкость бесчеловечного режима. Проявляется это по сей день даже в гораздо более редких, чем необходимо, телепередачах, нацеленных на противостоянию всему связанному с ныне всеохватывающим социальным и иным злом, все глубже погружающим наше общество в пропасть пагубнейшего разложения и дегенерации.

Вот и 18 июля 2002 года в передаче ОРТ «Человек и закон», посвященной разоблачению чудовищно аморального, никогда прежде невиданного паразитарно-уголовного вырождения системы высшего образования, было сказано очень многое безукоризненно справедливое. На основе чехо установленных фактов было показано, как в условиях ельцинского режима новые, сплошь и рядом заведомо криминально вскормленные богатеи получили возможность (в условиях беспросветно разлагающего взяточничества) не только запросто устраивать своих отпрысков в вузы, но и обеспечивать им в условиях растлевающего «комфорта» переход с курса на курс вплоть до получения диплома. Так отнюдь не редко, «блистательно» получают вузовские «корочки» даже подчас дремучие лодыри и невежды. Те самые, кто из сессии в сессию демонстрировали не ум, не знания, не трудолюбие, а долларовые банкноты, в «нужном» количестве...

Однако и в упомянутой передаче, как водится, по «исторической» части процвело и nepотpeбство! Такого рода «загогулины» издавна были особо приятны не только редкостно одиозному персонажу нашей истории почти на «троне» Б. Ельцину, но и в наши дни всемерно стимулируются кое-кем, заправляющим одной из «высочайших» инстанций. Потому что привычно извращающим образом в тысячный раз была заведена речь о трагедии цар-

ской семьи с очередными выдуманнными кем-то «штрихами». Сообщено было на редкость бессовестно, будто царская горничная не погибла от пуль, и тогда ее два латышских стрелка якобы закололи штыками. А ведь это ложь, да еще с расистским «оттенком»!

Разумеется, при этом не был упомянут (хоть мало-мальски по-честному) никто из неисчислимой массы достойнейших персонажей нашей истории из числа легендарно чистых и отважных. Это главными из загребущих капитализаторов с конца 1991 года запрещено. Зато ныне требуется подчас до омерзения бесчестная «информация» (на телеэкране — более чем где-либо), одобряющая злодеяния не только тяжко грешных адмирала Колчака, генерала Корнилова, но и даже таких особо зловещих персон исполнительного ранга, как атаман Семенов, атаман Краснов, «батька» Булак-Балахович и прочих, вплоть до гитлеровского прихлебателя генерала Власова!

Кое-кому из самых скверных ныне властвующих очень выгодно обречь на забвение вместе с миллионами других отцов и дедов наших, например, и такого изумительно благородного латыша, как Ян Фабрициус, беззаветно сражавшегося наряду со многими земляками за спасение Советской России вместе с сотнями тысяч и миллионами русских, как и других сторонников В. И. Ленина, без чего роковые последствия для нашего народа и нашей страны стали бы фактом еще около сотни лет тому назад. Потому-то и выдумывают двух «кровожадных» латышей, якобы убивших несчастную горничную, а заодно скрывают правду о том, что именно два латышских бойца отказались вообще участвовать в той расстрельной операции. Да еще такой, где в числе обреченных были женщины, а также совсем юные девушки...

Конечно, необходимо решительное, но безукоризненно точное противостояние профашистским, иной раз чуть ли не расистским симпатиям иных влиятельных натур, и многому из самого регрессивно недостойного в Прибалтике, включая и Латвию. В данной связи необходим безукоризненно научный анализ прошлого, особенно начиная с конца 1939 года и всех рецидивных, а также иных аномалий ныне происходящего. (В том числе в связи с «настроениями» дамы, ныне президентствующей в Латвии...) Но как можно в связи с этим и тому подобным, руководствуясь собственной фантазией, извращать правду о минувшем, в том числе — более чем 85-летней давности!

Лично автора этих строк судьба сводила с красными латышскими стрелками только во младенчестве, причем одному из них я, возможно, был обязан жизнью. Впоследствии этот человек, спасая бесценную коллекцию хлебных зерен, собранную загубленным Сталиным гениальным ученым академиком Николаем Ивановичем Вавиловым, погиб от голода в блокадном Ленинграде. Хотя этими зернышками он мог спасти свою жизнь, совесть не позволяла ему прикоснуться хотя бы к одному из них... Бывший латышский стрелок, ставший добросовестнейшим и серьезным исследователем во Всесоюзном институте растениеводства, был найден истерзанным голодом, но прислонившимся к двери в хранилище семенных фондов, как бы стремясь и после своей гибели закрыть своим телом доступ туда как стаям крыс, так и тем мыслящим существам, кто мог осознанно руководствоваться недостойными побуждениями. Моя мама была хорошо знакома с женой этого человека, Анной, и обе они отмечали, что красные латышские стрелки в норме были людьми чистыми и глубоко порядочными, но грустными. Возможно, потому, что предчувствовали самое плохое, что могло произойти после ухода из жизни В. И. Ленина далеко не только с ними, почти поголовно обреченными в годы сталинского всевластья на страшные муки и смерть...

В данной связи грешно было бы не вспомнить и не сказать несколько добрых, понастоящему честных слов об упомянутом выше выходце из семьи латышского батрака Яне Фабрициусе. В совсем юном, по сути дела — мальчишеском возрасте еще в 1891 году ушел

он в революцию (ровно за сто лет до ельцинского бесчеловечнейшего и до тошноты реакционно-хапужного торжества). Естественно, на его долю выпали многие годы ссылки и каторги, но во время войны, начавшейся в 1914 году, ему суждено было сражаться в качестве штабс-капитана 1-го латышского полка против германских войск.

После Октября 1917 года Ян Фабрициус отважно защищал Советскую Россию и был в числе самых замечательных героев Красной Армии, о чем свидетельствовало его награждение четырьмя орденами Красного Знамени. После разгрома иностранных интервенционистских войск и белогвардейских армий, тоже служивших правителям стран Антанты, он продолжил службу на ответственных должностях Красной Армии, будучи членом ЦКК ВКП(б). Погиб Ян Фабрициус вследствие аварии самолета. Как заместитель командующего армией он мог бы выжить, но в этом случае ушли бы в небытие женщина и ее ребенок. Как личность благородная, рыцарственная, Ян Фабрициус предпочел сгинуть в пучине морской, отказавшись, прежде всего ради малыша, от варианта, спасительного лично для него.

Разумеется, в теперешних условиях «велено» выбросить из истории все такие факты. Немало лет назад по желанию ельциноидов было даже запрещено награждать современных героев орденом Красного знамени, а тем более — орденом Ленина, учрежденным после кончины несравнимо лучшего руководителя за все века нашей истории, и, конечно, — несопоставимого со всеми его «преемниками», вместе взятыми, не говоря уже о нынешних криминально-капитализаторских заправилах. Именно в таких условиях, уродующих Россию более 15 лет, поощряется разыгрывание и антилатышской «карты», где достойнейшие представители этого народа шельмуются лишь за то, что они были в числе отважных и жертвенных сторонников ленинской концепции прогрессивно-гуманистического преобразования и развития рода людского.

В той же телепередаче, как ныне полагается, с крайне вульгарной в своей сверхлживости спекулятивностью был «затронут» и сын последнего царя, подросток Алексей. Все еще нет точно установленных фактов, неопровержимо подтверждающих версию о его гибели в тот день. Есть и иные версии, требующие честного анализа. Однако с первого дня уголовно капитализаторского торжества и поныне не прекращается наигрязнейший поток крайне нечистоплотных выдумок вполне расчетливой одурманяющей направленности. Не постеснялись и 18 июля 2002 г. заявить, будто юный Алексей умер не сразу и тогда палачи все до единого, толпой принялись его «достреливать», видимо получая при этом патологическое удовольствие... Цена этому такова же, например, как и клеветнической низости, «изобретенной» несколько лет назад и, конечно, не единожды телевидением демонстрировавшейся. Суть ее сводилась к тому, что некий звероподобно изображенный на экране «революционер», да еще якобы по «установке» лично В. И. Ленина добивал несчастного подростка ударами сапога в висок! Так корыстнейше страшные натуры, ныне «присосавшиеся» к рычагам власти, творят «историю»!

Разумеется, главное для подобных грязно-политиканских элементов — гарантировать торжество омерзительнейшей кривды над правдой истории. А значит — помимо всего остального, им неугодного, скрывать то, как В. И. Ленин делал все для спасения множества людей, включая большинство Романовых. И как ему удалось с помощью таких своих человечнейших соратников, как Алексей Максимович Горький, Анатолий Васильевич Луначарский, Михаил Степанович Ольминский и многих, многих других, вообще предельно ограничить количество жертв в условиях навязанного наиболее черными силами той поры тяжелейшего военного противостояния, чреватого гибелью и колонизацией нашей Родины. А в том числе, невзирая на иной раз никому не подконтрольную (особенно в начальный период Советской власти), подчас безумно проявлявшуюся мстительную беспощадность ряда

местных псевдореволюционных экстремистов, ведшую к ничем не оправданным жертвам (например, в ночь на 17 июля 1918 года), ленинцам удалось все же предотвратить гибель и большого числа родственников последнего императора Николая П...

Авторы отвратнейшей лжи, одурманивающей сознание десятков миллионов людей, не редко — большей части населения, обычно остаются анонимными. А потому стоит отдать должное тем из них, кто не стесняется ставить собственную подпись под «плодами» своих «профессиональных» усилий совершенно непристойной нацеленности и к тому же пытается их аргументировать, пусть крайне необъективно, но все же используя некоторые факты. Грустно это констатировать, но поразительно во многом смыкается с самыми махрово всепагубными ельциноидами и Гавриил Попов — возможно, фактографически (если не эрудиционно) более или менее оснащенный из нынешних («подающих голос» особенно громко) агрессивно орудующих капитализаторов ультраэгоцентричного «толка».

Не просто наиболее характерной, а определяющей основу индивидуальности политика-нов, идеологов, пропагандистов данного типа частью мировоззрения, является зоологически необузданная ненависть к подлинно ленинской концепции общественного развития. Спасти же несчетные миллионы гибнущих тружеников и общество в целом можно лишь в условиях по-ленински осуществляемого социалистического оздоровления и обновления России. Без этого немислимо наше общее ограждение от самых страшных язв, расчетливо насаждаемых ельциноидами с первых дней своего преступнейшего властвования только ради беспредельной роскоши «избранных». В том числе и от невиданной коррупции, взяточничества и от самых опасных «разновидностей» преступности, тоже всемерно поощряющихся с первых дней существования ельциноидного режима, о чем, в частности, с предельной убедительностью вел речь генерал Леонов 18 июля 2002 года в телепередаче «Русский дом».

А вот во множестве «страниц», опубликованных в «Московском комсомольце» Гавриилом Поповым с конца мая 2002 года под заголовком «Тридцать седьмой год» органическое неприятие адресовано отнюдь не Сталину и опаснейшим из его подручных, а также, разумеется, не таким погубителям нашей Родины, как Ельцин и его приближенные! Хотя именно сталинские «новации» (особенно внедренный им антиленинский, антидемократический, в сущности, — антисоветский кадровый «алгоритм») запрограммировали грядущий необузданно разрушительный и всеразлагающий триумф «царя Бориса» и ему подобных.

Не может не тревожить и не возмущать привычно лукавое уклонение Г. Х. Попова от прямой и сколько-нибудь аргументированной полемики с наиболее авторитетными идейными своими антиподами, например, такими, как лауреат Нобелевской премии, вице-президент Российской академии наук, академик Жорес Иванович Алферов. В частности 21 июля 2002 года в ходе телепередачи Андрея Караулова «Момент истины» данный авторитетный ученый высказал нечто абсолютно несовместимое с первоосновой ельцинского преступнейшего режима в сооружении которого далеко не малую роль сыграл и Г. Х. Попов. По мнению Ж. И. Алферова, ненавистная Ельцину, Гайдару, Чубайсу и им подобным великая революция Октября 1917 года была предрешена фатально гнилостными процессами, непреодолимыми в условиях чреватого распадом и крушением России дореволюционного царистки-помещичье-буржуазного «порядка вещей».

Столь же объективен и безукоризненно прав Ж. И. Алферов, противопоставляя гигантский человеко созидательный потенциал Великой Октябрьской революции тому, что натворили главные ельциноиды в ходе преступнейшего переворота, начавшегося лицемернейше обнаженным сверхнахрапистым манером с конца 1991 года. Ведь такие, как Гайдар, Чубайс и прочие им подобные, не сделали ничего путного — утверждает Ж. И. Алферов. Как и Ельцин. Они не выполнили ни одного из своих «завлекающих» обещаний

обманутому, а затем тут же ограбленному, невиданно обездоленному ими народу! Именно такова логика омерзительнейшей кривды, торжествующей над обманутой и обесцеленной ея правдой! Такова страшная реальность наша!

Тысячекратно прав Ж. И. Алферов, утверждая, что, не сделав ничего разумного, доброго, созидательного, такие как Ельцин, Гайдар, Чубайс и прочие криминально загребущие капитализаторы чудовищно преуспели, добываясь подрыва нашего общества в ходе его грязно дичайшего обуржуазивания. А в результате Ж. И. Алферов вынужден с горечью констатировать, что технологически наше страна теперь оказалась на уровне 1985 года и отстает от развитых стран лет на 20! Кстати, упомянул он и о мнении своего знакомого, по-настоящему знающего и умного американца, утверждающего, что до 1917 года американские рабочие находились в тяжелейшем положении. Неуклонное, хотя и постепенное улучшение их жизни, стало возможным только благодаря Великой революции в России, испугавшей господствующий класс и вынудившей его пойти на очень далеко идущие уступки.

А вот Г. Х. Попову, видимо, «НЕКТО» поручил буквально навсегда вытравить все доброе, умное и честное из народного сознания, включая, разумеется, и вышеприведенные соображения из сказанного Ж. И. Алферовым — крупнейшим ученым, великим гражданином и достойнейшим человеком. Главное для ненавистников таких людей — исключить возрождение истинно прогрессивного, по-настоящему человеческого мировоззрения у основной массы наших соотечественников. Именно поэтому ельциноиды жаждут навечно парализовать духовно и нравственно-этически всех тех, кого они еще не успели обездолить, «скрутить в бараний рог», лишив не только нормального питания, лечения, образования, а во множестве и самого права на жизнь!

В чем первопричина этого? А в том, что иначе «новые» заправили и «просто» загребущие господа не могут гарантировать себе на «веки-вечные», на беду нашу общую и непоправимую, то самое невиданное роскошествование на костях миллионов ими же ограбленных. Совсем не случайно Г. Х. Попов стремился связать данную многостраничную свою публикацию с приближавшейся 85-й годовщиной Великой революции Октября 1917 года. А в числе первых строк данный автор пристраивает «умозаключение», что злодеи всех времен «выглядят просто детьми на фоне героев революции 1917 года...». В основе же доказательств такого рода откровений используются главным образом антиленинские, антисоциалистические извращения и злодеяния, имевшие место примерно через полтора десятка лет после Октябрьской революции, возглавленной В. И. Лениным, годы и годы спустя после его ухода из жизни, то есть после периода, когда это в норме было абсолютно невозможно!

К примеру, Гавриил Попов «пускает в оборот» давно и довольно широко известные антикрестьянские деяния огромного масштаба, имевшие место через десятков и более лет, минувших после 1917 года, а также годы и годы спустя после кончины В. И. Ленина в 1924 году, разумеется вопреки всем его установкам и произведениям, посвященным аграрно-крестьянской проблематике, и к тому же под аккомпанемент «вкривь и вкось» используемой так называемой антикулацкой вакханалии, от которой и связанных с ней репрессий тяжчайшим образом пострадали многие миллионы ни в чем неповинных, отнюдь не антисоветчиков крестьян-тружеников.

Просто диву даешься социально опасной расчетливости Г. Попова, который не может не понимать того, что огромное большинство (тем более — юных читателей) будет дезориентировано его жадной сбить их с толку, к примеру, нижеследующими ловко расчетливыми словами о, на самом деле, антиленински преступнейшем «терроре против крестьянства» конца 20-х и начале 30-х годов. Г. Попов писал: «Почти два миллиона осужденных, еще два миллиона высланных, не менее 5 миллионов умерших во время организованного в стране

Коммунистической партией и советской властью — голода. Сталин в беседе с Черчиллем, назвал цифру в 10 миллионов. Но скорее был прав А. И. Солженицын, говоря о 15 миллионах жертв» («Московский комсомолец», 31 мая 2002 года. С. 8) И ведь Попов не называет Сталина — истинного виновника ужасающих бед, взваливая ответственность на партию и советскую власть!

Только своекорыстно извращенные или дремуче невежественные личности могут себе «дозволить» возлагать ответственность за это и все тому подобное на Владимира Ильича Ленина! Причем не на кого-либо из преступнейше властвовавших истинных виновников всех наиужаснейших бед, сплошь и рядом негодяев, а на лучшего из лучших за все минувшие века руководителя страны. Так ли уж трудно понять и признать, наконец, что, начиная с рубежа между самым концом 20-х и началом 30-х годов, дьявольски многое творилось именно вопреки ленинской концепции оптимально человеческого развития общества? Ведь как раз по этой причине мы «дозрели» и до годочков дегенеративно разрушительного властвования так называемого «царя Бориса» и вообще всего самого скверного, что все еще, после его ухода, продолжают вытворять его последыши!

Однако главную «лепту», предрешившую все наипагубнейшее в нашей стране, произошедшее, примерно, за полтора десятка последних лет, изловчился внести именно Ельцин, разумеется, благодаря активнейшему, во многом, решающему соучастию главных из особо близких «к телу его» «серых кардиналов». Чего стоит в этом духе хотя бы обещание будущего «царя Бориса» (которому на свою беду поверили многие десятки миллионов честных тружеников) за 1–2 года радикально улучшить жизнь якобы «невыносимо» страдавшего от нищеты, голода, очередей и т. п. будто бы невиданно несчастного народа нашего! А в результате в пропасть ужасающей нужды, катастрофически ухудшенного питания, болезней и даже массового вымирания была сброшена многомиллионная часть населения России!

4 С каким упоением демонстрируется в наши дни неодолимая до поры до времени, в первую очередь, вследствие монополизации темными силами телевидения и других средств массовой дезинформации жажда белоснежное объявлять черным и наоборот! В угоду тем «распронаиглавному» властителям, «предтечь» которых из числа наиболее отвратных стремился навечно «припечатать» наш (не только поэтический) гений почти двухвековой давности...

Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господя!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

Эти строки Александра Сергеевича Пушкина как-то загадочно, но по-своему смыкаются со вполне определенными реалиями дней текущих. Они оказываются поразительно актуальными и при восприятии ряда общественно наиболее опасных идеологически-пропагандистских уродств, пагубнейшим образом влияющих на массовое (прежде всего — юное) сознание. К примеру, чего стоит кое-что из происшедшего «случайно» в ходе показанной в 2004 году 30 декабря предновогодней телепередачи «Народ хочет знать». Как раз

тогда Владимир Жириновский в очередной из сверхщедро предоставляемых именно ему телеэкранных моментов, провозгласил свою «веру».

Что же случилось? Он с присущей ему самоуверенностью заявил: Россия будет спасена от всех неурядиц и бед только при режиме личной беспощадной диктатуры, олицетворяемой тираном типа Сталина и Ивана Грозного в одном лице. Далеко не все были с ним согласны. Некоторые из пытавшихся ему возразить получили такую возможность, но делалось это так беспомощно, что он лишь укоренялся в своей чудовищнейше лживой «правоте»! Остается лишь догадываться, какая часть многомиллионной аудитории, измученная обрушенными на нее за годы, начиная с 1991-го, нищетой, голодом, вдруг ставшими «неизлечимыми» болезнями, а значит, и массовым вымиранием близких и друзей, в отчаянии готова уверовать даже в такой обман!

Невероятно, но никто в ходе той телепередачи хотя бы в нескольких словах не квалифицировал чудовищность социально наиболее зловещих откровений Жириновского! В чем дело? Прежде всего, в том, что с конца 1991 года делается все, чтобы к телеэкрану не подпускались серьезные профессионалы, способные честно и компетентно обнажить гибельную суть таковых и прочих подобных «видений» нынешней и грядущей перспективы нашей страны. Главная же подоплека поощрения, пожалуй, как никого другого из популяризируемых ораторов, сводится к тому, что Жириновский кое в чем особенно выгоден ключевым властвующим «величинам» пагубно капитализаторского типа, ныне господствующим в политике и экономике.

По актерски изощренный экстремист такой нацеленности удобен им даже тогда, когда утверждает, будто бы по миллиону гибнущих ежегодно россиян являются жертвами того, что в стране отсутствует режим сталинского типа! А как раз это помогает сокрытию той страшной правды, которая таится в бесчеловечной сути криминально-капитализаторского режима, где господствуют натуры вроде Ельцина, Гайдара, Чубайса и им подобных. Ведь все наши ужасные беды коренятся здесь, а не вследствие отсутствия открыто изуверской тирании зоологически кровожадного варианта. Особенно выгодно пропагандировать такое в сочетании со злобным шельмованием ленинской концепции общественного развития.

Именно перед таким, с позволения сказать, «идейным» прикрытием, В. Жириновский всю подыгрывает чему угодно грязному, изуверски бездушному, в сущности — наиопаснейше разлагающему, а значит, и душегубскому! Творится же это в сущности по «колодке» 1937 года, а не просто по заурядно загребущему наикорыстнейшему сценарию. Гробить миллионы нищетою, голодом, болезнями, преступностью и прочим тому подобным отнюдь не менее жестоко, чем арестами, «лесоповалом», многолетним заключением, и массовыми расстрелами!

Такой режим, в условиях которого десятки миллионов соотечественников маются в мучительнейшей борьбе за выживание, многие миллионы гибнут, конечно, нуждается в удобных подпорках. В. Жириновский здесь очень удобен: он не только беспредельно не щепетилен, но и выделяется пусть однообразными, но не тусклыми актерскими данными. А это подчас увлекает многих из тех, кто лишен честной общемировоззренческой и прежде всего — исторической информации, а значит, легко поддается «обработке».

То ли осознанно, то ли «стихийно», но такие, как Жириновский, орудя в интересах всемерно их поощряющих главноначальствующих кукловодов, волюн или невольн делают все им посылное для дальнейшего и все усиливающегося торжества сверхрегрессивности и бесчеловечнейшего своекорыстия. А раз так, каким-то почти чудом на телеэкране 28 декабря 2004 года промелькнула телепередача «Под грифом секретно», с документальной точностью уведомляющая о мерзостях, творящегося под шумок просталинстских и прочих лжеисторических одурманивающих «игр», включая процаристские.

В тот вечер вполне обоснованно был «засвечен» особо близкий к так называемой «Семье», все более матереющий в своем своевольном бездушии олигархо-чиновник «высочайшего» ранга М. Зурабов. Показано было, как данная, внешне благообразная индивидуальность, изощренно расчетливо продвигалась вверх, как водится ныне, преуспевая также по части обогащения. Упомянуты были и бесчеловечно наиболее яркие плоды его деятельности по руководству сферами социальной «защиты» и народного здравоохранения, еще не очень давно довольно пристойного, а ныне превращенного в нечто смертельно опасное для очень многих соотечественников.

Как же по-прежнему далеки до реализации мечты лучших из наших предков о торжестве правды, добра и справедливости! Ведь вполне «естественно» можно «сметать» (слово, адресованное Ельциным генералу Л. Рохлину) и самых достойных наших сограждан! Между прочим, Л. Рохлин мог очень многое лично «выиграть». Чего стоит хотя бы то, что этот редчайше совестливый человек отверг Золотую звезду героя, которую ему порывался вручить Ельцин. И понимая, в какую пропасть сталкивает нашу страну ельцинская клика, начал вести против нее решительную борьбу!

Нет, не случайно на редкость актуальны и в наши дни строки благороднейшего человека и великого поэта Николая Алексеевича Некрасова, всей душой сопереживавшего бедам народа нашего и мечтавшем о наступлении лучшего будущего. «От ликующих, праздно болтающих, обгадряющих руки в крови // Уведи меня в стан погибающих за великое дело любви...» Конечно, и этого достойнейшего человека-творца, полного самых светлых устремлений органически не приемлют нынешние власть и богатство «имущие»! За последние лет пятнадцать автору этих строк, видимо, вполне закономерно так и не доводилось ни разу услышать с телеэкрана о Н. А. Некрасове не только ни одного доброго, честного слова, но и ни одной из его поэтических замечательно праведных строк! Зато каждодневно всемерно насаждается духовно парализующая, обольняющая, нравственно деморализующая «попса»!

Так же «объяснимо» и то, что «по случаю» сотой годовщины со дня Кровавого воскресенья невозможно было услышать хотя бы одно разумное, праведное, подлинно человеческое слово об этом роковом событии нашей истории. Зато телеэкран был переполнен одурманивающими, духовно ослепляющими особенно самых юных наших сограждан отвратнейшими и «просто» пустопорожними зрелищами. А как иначе? Ведь десятидневная «щедрость» властителей (для народного «отдыха», как провозглашалось) была затеяна только ради завершения расправы над величайшим в своей спасительности событием Октября 1917 года, «намертво» отменив этот ранее праздничный день! Вот так делается наша история во имя полного изъятия из народной памяти всего наиважнейшего, светлого и спасительного! Так что же всемерно навязывалось юношеской и иной аудитории в программе телепередач, опубликованной в газете «Комсомольская правда»? Именно 9 января привлекалось внимание к черт знает чему! «Интимные дневники: Эммануэль против Дракулы», «Снежный человек и другие монстры», «Проклятие Комодо. Ужасы», «Секс и все такое...» Эротическая программа», «Порнографическая связь», «Интимные дневники Эммануэль: сексуальная жизнь привидений».

Отнюдь не случайно изо дня в день экран тогда был переполнен в основном американской хуже чем сомнительной продукцией, нацеленной отнюдь не на возвышение, не на облагораживание, не на духовное и нравственное оздоровление миллионов телезрителей. Все штампованно-убогие детективы, триллеры, эротическое (точнее — порнографическое) натаскивание и все прочее нужны и нашим промонархо-капитализаторам, и их зарубежным единомышленникам для уничтожения в нашей народной массе всего мыслящего, чистого,

доброе, светлое. В один из тех дней января 2005 года было с телеэкрана сообщено, что школьникам ныне вполне доступны продающиеся тексты, инструктирующие о сексе с животными, с трупами и, конечно, с малышами из начальных классов. Даже Галина Вишневская не выдержала циничного перерождения на грани необузданной цензурной брани иных сценки и даже целого спектакля. С присущей ей откровенной решительностью она вообще заклеила всю так называемую «культурную» политику, ведущую к духовному перерождению и деморализации широчайших народных масс.

Полтора десятка лет творится страшно много скверного и постыднейшего, к примеру, ныне вполне типичное и грязно заурядное: «Мне, русскому человеку, нетрудно назвать претендента на первое место среди антигероев... Я считаю Ульянова-Ленина главным преступником столетия... Не будь октябрьского переворота в России, не было бы и второй мировой войны... И, может быть, это даже хорошо, что тело Ульянова до сих пор не предали земле... Пусть люди идут и смотрят на виновника трагедий. На человека с украденной фамилией — Ленин — главного преступника эпохи». («Вечерняя Москва», 23 апреля 1999 г.) А какой участи, по мнению таких авторов и редакторов, заслуживал В. И. Ленин при жизни? Соответствующие рекомендации, естественно, не заставляют себя ждать. Оказываются, надо непременно внушить всем, всем: Ленин «не мелкий агент, а гигантский провокатор, парализовавший весь фронт. И, конечно же, шпион». Что надо было с ним сделать? В «лучшем» случае то, что десятилетия спустя делали с гитлеровскими агентами. То есть «Ленина расстреляли бы на месте»... («Новые известия», 27 апреля 1999 г.)

Конечно, столь же «естественно» в современной обстановке появилась на газетной полосе заметка под интригующим заголовком: «Ленин маниакально любил детей. Он прославился тем, что насиловал школьниц» («Московский комсомолец», 28 апреля 1999 г.). Лишь внимательно присмотревшись, обнаруживаешь, что в статье идет речь не о Владимире Ильиче, а о современном отвратнейшем негодяе. Ставка в данном случае делается на то, что в памяти не только непоправимо зомбированной, но очень часто и заурядно наивной (не склонной читать почти ничего, кроме заголовков, нередко по-детски верхоглядской), весьма многочисленной части читателей это сработает «как надо». То есть — в душе крайне беспомощного в своей наивности, расчетливо дезориентированного человека в норме неизбежно «зафиксируется» фамилия Ленина в сочетании с наигнуснейшими преступлениями негодяев дней текущих...

Невероятно, но не только расистски-профашистские печатные органы, но и особенно крупномасштабно и изощренно — так называемая «демократическая» пресса, как никого другого втапывая в грязь именно В. И. Ленина, восторгается очень часто крайне нездоровыми, а то и зловещими «величинами», властвовавшими на беду многим миллионам и десяткам миллионов людей. Всемерно прославляются ныне не только все до единого «наши» самодержцы, вплоть до реакционно-пагубных и чудовищно кровожадных, но и совсем уж страшные натуры. Дожили мы и до того, что чуть ли не «приподнимают», наряду с фашистским прихвостнем генералом Власовым, даже Гитлера, нередко без зазрения совести прямо-таки «очеловечивая» его...

Талантливый режиссер, человек с безукоризненной репутацией Татьяна Михайловна Лизюнова просто не могла не выразить чувства горечи и боли в связи с рекламной шумихой по поводу очередного фильма А. Сокурова: «Ведь это же надо додуматься: у нас, в России, снять фильм о Гитлере. Уж сколько зла, горя принес он нашей Родине, нашим людям... И вот в Москве — торжественная премьера фильма о Гитлере, и что самое-то страшное, не против, а за Гитлера... Но ведь фильм же кто-то разрешил к показу, финансировал, рекламировал!» («Правда», 20–21 июля 1999 г. С. 2). И этот кто-то «знает, что делает». Стоит ли

недоумевать по таким поводам? Нет, ибо такое вытворяют как раз те, кто финансирует и обрушивает на массы поистине несметные «емкости» клеветнической грязи, адресуемой достойнейшим величинам нашей истории.

Пропагандистские эксцессы такого рода далеко не первый год являются практически повседневной заурядностью, поистине уродующе воздействующей на многие миллионы в первую очередь юных наших соотечественников. Вполне типичной в этом плане является и публикация на двух полосах «Комсомольской правды» от 25.09.1999. С. 8–9 с подзаголовком: «Вожди были хороши не только на трибуне, но и в постели». Мало того, что Гитлер изображен сочувственно и почтительно как натура совестливая, затем следует восторженное описание в качестве «сексуальных гигантов» Геббельса, Муссолини... Вот так с конца 1991 года приказано заниматься «идейным» и «нравственным» формированием наших сограждан, причем подростков и молодых людей — в первую очередь. Может ли все это не уродовать духовно и нравственно в первую очередь наших детей и внуков? А «демократические» сановные лицемеры, используя в целях массового растления служащую им пропагандистскую мафию, вопрошают: откуда «вдруг» среди молодых людей начали (по терминологии Е. Гайдара) появляться «фашистские хари»? «Забывая», что они сами же деморализовывали и оглуляли их, начиная с самого нежного возраста.

Далеко не случайно не последовало ни единого слова укора даже, когда в «Известиях» 5 ноября 1995 года накануне юбилея Октября 1917-го появился очередной, адресованный В. И. Ленину набор предельно извращающих фраз не только зоологически злобных, но и дремуче невежественных, с привычными для ельциноидных пропагандистов абсолютно бессовестными фальсификаторскими штампами! Ужасно, но такое «выдал» Марк Захаров: «Как удается десятилетиями упиваться не захороненным трупом главного убийцы... Действительно, ни один «людоед» XX столетия на такой антисанитарный беспредел не решился бы». В редакции «Известий» есть сотрудники, уровень компетентности которых более чем достаточен для того, чтобы оценить всю степень такого рода бесчестия. Остается лишь догадываться, почему все это устраивает и их самих, и их руководящих заказчиков!

Просто поражает степень морально-этической дегенерации подобного рода. С конца 1991 года «новыми» властителями, возможно, как никогда прежде, открыто «обосновывалась» некая всеобъемлющая целесообразность любых сверхбессовестных пропагандистских акций, извращающих все и вся ради укрепления хапужно-капитализаторского режима. К примеру, совсем не случайно в «Известиях» 06.04.96 была напечатана по-своему типичная статья, точно отражающая идеологическую направленность курса тогдашнего президента России и его «серых кардиналов». Необычной представляется лишь ее откровенность, отсутствие ставшего, начиная с 1992 года, в последнее десятилетие чуть ли не всеобъемлющим циничнейшего лицемерия, о чем свидетельствует и достаточно симптоматичное словосочетание в заголовке: «Обманули дурака?»... В частности, чем-то до боли знакомым в 30–40-е годы повеяло от прямо-таки клеймящей оценки простодушно невинной первоапрельской шутки Арины Шараловой. Оказывается и в этот день 1996 года было совершенно недопустимо даже полунамеком проявлять что-то похожее на недостаточно уважительное отношение даже к рублю ельцинской «эпохи»! Тем более, что самим Б. Ельциным в тот момент обсуждалась ситуация в Чечне и подобные серьезные темы, которые, кстати, сугубо демагогически тогда вообще «проговаривались» непрерывно и каждодневно, но совершенно бесплодно и бестолково, как и повелось в «счастливые» прокаринские, особо бездушные криминально буржуазные годы...

Далее со ссылкой на известного телевизионного «прикольщика» Сергея Шолохова провозглашалось, что на государственном телевидении, да еще в программе, «которая

всегда воспринималась зрителями как рупор Кремля, шутить недопустимо и опасно!! Более того: «Сейчас, когда общественный строй в России уже устоялся... такие вещи непожелательны для государственных телепрограмм — это разрушает основы государственности, дезориентирует зрителей»... Как говорится, по части придворно-лакейского рвения, дальше катиться, было по сути дела, некуда. Большинство наших сограждан старшего поколения с разной степенью понимания сути такого рода «государственнически»-воровских уловок начинало еще в 30–40-е годы «проходить» все это... До чего же насущно, чтобы разобрались, наконец, в подобного рода псевдодержавнической бесовщине и все зрелые, и сравнительно молодые, и совсем юные поколения!

В то же время в качестве примера полезности и правильности своего поведения тот телеведущий провозгласил свою собственную оскорбительную «шутливость» по отношению к В. И. Ленину в качестве образцовой, внушая, что именно в таком духе можно и нужно безобразничать как угодно! То есть здесь дозволено всё, в том числе и самое непотребное, не говоря уже о «заурядной» лживости. Лишь бы дорваться до вождя триумфа, то есть достичь эффекта, буквально растаптывающего в массовом сознании величайшего из государственных руководителей гуманиста-созидателя всемирно-исторического масштаба! Чем же оправдываются любые деяния подобного рода? Собственно ничем иным, как своей устремленностью «на разрушение прежних ценностей, на смену государственного строя». Сомнений элементарно совестливого характера обнаружить невозможно, ибо та «шуточка» (Ленин-«гриб») была более чем кстати: «Программа отвечала ожиданиям аудитории, которой нужна была новая система ценностей, новая мифология». К чему это сводится на деле? Только к укреплению «новой» власти и насаждению бесчеловечности по отношению к миллионам загубленных жизней в пучине необузданной жадности уголовно капитализаторских грабителей загрести буквально на миллионах трупов как можно больше давно невиданных, воровством и грабежом добытых богатств и привилегий!

Странно, но С. Шолохов восторгался содеянным: «Причем заметьте: я не получил ни одного письма, где бы говорилось — «Не тронь своими грязными руками нашего святого Ленина» (...) Но большинство зрителей поверило и писало мне: «Спасибо за то, что вы открыли нам глаза. Мы всегда подозревали, что Ленин — не человек...» Более чем показательно и кровавое, сущность которого сводилась к утверждению, что подобные (в том числе и «шутливо»-журналистские действия) «в определенный момент становятся способом тестирования общественных настроений — но только тогда, когда происходит смена системы, смена строя». («Известия», 06.04.96.) Вот так: ради «созидания» хапужно-воровской системы с ее «новыми» ценностями и «новой мифологией» дозволено все. Потому и не надо удивляться непрекращающимся клеветническим «откровениям» любой степени преступнейшего ультраклеветнического беспредела, пагубного для духовного и нравственного здоровья многих десятков миллионов людей, прежде всего по-детски, да и по-юношески в особо опасной степени беззащитных перед телевизионной и прочей пропагандистки оболванивающей отравой...

В целом же это ведет к непоправимым последствиям настолько, что даже на страницах далеко не антикапитализаторского органа, кое-кто вынужден задаваться вопросом: «Неужели русский человек в конце XX века навсегда станет... обреченной, контуженной душой, не способной ни к чему, кроме «психологии отчаяния»? Неужели «Викторами» (победителями. — Г. Н.) окажется та мразь, каждый «мерседес» которой стоит тысяч преждевременных смертей нищих старичков?» («Литературная газета», 24 июня 1998 г. С. 11)

Одной же из определяющих первооснов данного и всех прочих гнилостно всеразлагающих, общеразрушительных процессов, губительных для нашей Отчизны, является то, что

коррупция приобрела «распространенный характер на всех уровнях власти», что возникла «ситуация повального взяточничества и всеобщей коррупции» (См. там же. С. 7) «...Если судить по документам, за полгода фирма «Дея» заработала сущие гроши — всего 27 миллионов рублей (неденоминированных). Но в то же время каждый трехмесячный денежный оборот ее имел иной размах — 10–15 миллиардов рублей. (...) Во время обыска обнаружили мешок документов «двойной бухгалтерии» — накладные, квитанции, договора, сертификаты. А на кухне в небольшом сейфе — 1,3 миллиарда рублей и 160 тысяч долларов.» («Литературная газета», 24.06.1998 г. С. 7)

Это одна из публикаций аналогичной направленности. Автор данной статьи, озаглавленной «Задуют ли Россию щупальца коррупции», Игорь Гамаюнов, еще тогда не смог не обратить внимание и на следующее: «Как-то в командировке, попав в курортный город на юге России, я увидел особняк, стены которого были выложены светлой мраморной плиткой. Дом этот с причудливыми балкончиками, обнесенный кованой металлической оградой, сиял на южном солнце, ослеплял, завораживал. Возле него останавливались автобусы с туристами, его фотографировали. Мой спутник, из местных, усмехаясь, объяснил: построил дом начальник городской налоговой инспекции... Стоит огромных денег — никто из здешних «новых русских» не смог бы поднять такой же. (...)

Оформить дом на тетушку, проработавшую всю жизнь библиотекарем («На свои трудовые сбережения построила», так объяснил начальник), не ахти какая хитрость. Новый закон о коррупции, ТРИЖДЫ принятый обеими палатами Федерального Собрания и ТРИЖДЫ отвергнутый президентом, как раз имел в виду подобные хитрости. Но наш уважаемый гарант Конституции (а может, кто-то из влиятельных советников гаранта) усмотрел в законе нарушение гражданских прав (хотя, надо заметить, по мнению известных ученых-правоведов, закон соответствует мировым стандартам). И президент ТРИЖДЫ за 5 лет накладывал на него вето. Последний раз — в начале этого года. Результат? (...)

Сейчас социальная дифференциация подошла к черте, за которой маячит тотальный социальный конфликт. Согласно мировым стандартам, общество оказывается на грани такого конфликта, когда разрыв между заработком бедных и богатых превышает 1 : 10. Сегодня в России он уже 1 : 15. А в Москве этот разрыв вообще зашкалило — 1 : 60. Так не пора ли разбудить гаранта Конституции от летаргического сна, в который погрузили его опьяненные безграничными властными полномочиями советники?!» (Там же. С. 7)

Разумеется, нельзя согласиться с предположением о якобы летаргическом сне Бориса Ельцина. Сущность природы данного правителя отнюдь не мнимое, приписываемое ему чуть ли не постоянное «дремотно-дегенеративное» состояние (как кое-кому представляется, прямо-таки клинического типа). В действительности основа данной индивидуальности — хищно-загребущая, ловко и расчетливо скрываемая до поры до времени, бездушная хапужность, сочетаемая с готовностью во главе самых бесстыжих и шкурно-агрессивных из себе подобных, дорываться до все более несправедливой бесконтрольной власти и преступно добываемых невиданных богатств! Причем торжествуя буквально на костях миллионов, убитых зоологической, преступнейше наигрязнейшей алчностью...

Чего ради все это сооружалось? Только во имя сверхгрязно-паразитарного вложения наворованных и награбленных денег в иностранные банки (сотен миллиардов долларов!) дружно изъятых у народа околоремонтными негодьями для приобретения, например, где-нибудь во Флориде, на Канарах и прочих подобных местах, роскошнейших вилл и дворцов! Воистину: пусть вымрут ради этого десятки миллионов несчастных и обездоленных! Вот бы порадовался Гитлер... Что особенно показательно? В годы всепагубного безвременья

ня, начиная с 1992-го, для фактического уничтожения миллионов сограждан вообще, и особо политически «неприятных» отдельных личностей — в особенности, вовсе не обязательно было открыто по-гитлеровски создавать т. н. лагеря смерти типа Освенцима, Бухенвальда, Майданека, Дахау и т. п.!!

Для достижения в некотором смысле сопоставимых целей ельциноидам оказалось более чем достаточно чуть ли не «бескровно» сбросить в пучину нищеты, голода, болезней и прочего тому подобного, многие десятки миллионов наших соотечественников-тружеников и их детей, подорвать и развалить прежде всего всю систему социальной защиты самой нуждающейся и беспомощной части населения. Для создания же лжедемократического режима, «удобного» для утаенной расправы с политически негодными «единичными» согражданами, потребовалось «всего лишь» из года в год не просто ослаблять борьбу с коррупцией и особо зловещими проявлениями преступности, а всемерно поощрять все это прямо-таки патологически гнусным образом.

В результате же среди массы всевозможных не раскрываемых убийств легче легкого «утопить», сделав совершенно «загадочной», то есть типично «непосильной» для следствия (в смысле честного раскрытия), практически любую смерть с политически грязной, аморальнейшей подоплекой. Разумеется, на радость и убийцам-исполнителям, и прежде всего — заказчикам. Между прочим, подобную «методику» весьма охотно использовали, к примеру, и гитлеровцы, «каких-нибудь» лет 70 тому назад... Неужто и по этой части «новые» хозяева России преуспеют так же, как и во всем прочем, столь же ужасном и отвратительном?

Откуда вылезли и взгромоздились на хребет народный те преступнейшие элементы, которые взялись бесчеловечно помыкать судьбами страшно многих миллионов соотечественников? Прежде всего, из номенклатурно антинародной системы, созданной Сталиным, главным образом, в 30-е годы XX века. Не кто-то, а последыши той тоталитарной, зоологически антиленинской, антидемократической системы «плодились и размножались», в том числе любители монархо-капиталистической роскоши типа Ельцина, Гайдара, Чубайса и им подобным. Это не могло не иметь разрушительно-разлагающих последствий. А раз так, то вполне заурядным оказалось и причисление к лику святых последних царя с царицей, крайне многогрешных перед Родиной и народом нашим.

Столь же закономерно в самом непристойном смысле то, что ельциноидные светские и церковные верхи отказались отменить преступнейшее клеймо столетней давности, обрушенное на поистине святую, подлинно христиански добродетельную личность Льва Николаевича Толстого! Соответственно «тихой сапой» ныне выдавливается из многомиллионного множества душ антисоциальные, глубоко человеческие заветы данного нашего гениального и благороднейшего человеческого творца. То же относится ко всем наилучшим из крупнейших личностей нашего прошлого, особенно начиная с Александра Николаевича Радищева. Безусловно, есть своя чудовищная логика в том, что и в наши дни узурпаторами власти и несметных богатств отбрасывается завет лучших из лучших наших предшественников любить и беречь всю необъятную массу наших благодетельных тружеников — от литературных гениев до миллионов и миллионов земледельцев, веками терзаемых чудовищным гнетом особо зловещего крепостнического уродства общегосударственного масштаба. Вот и получилось, что весь этот становой хребет нашего народного блага и общественного прогресса, по мнению главных ельциноидов, не заслуживает ни малейшего положительного внимания. А ведь это как раз то наследие, которое столь успешно и благотворно вплоть до последнего дня своей праведной жизни стремился оберегать и всемерно улучшать Владимир Ильич Ленин.

А вот те, кто уже более полутора десятка лет тому назад, дорвавшись до бесконтрольных рычагов властвования и несметных богатств, как никого другого именно В. И. Ленина обливает нескончаемыми потоками клеветнической грязи! Вся эта публика не только лжет, лицемерит, паразитирует в сверхроскошных условиях и, конечно, словоблудничает без конца и без края, но и вытворяет ужаснейшие преступления. Причем, у этих бессовестнейших «созидателей» всенародной беды дело не ограничивается «тихим» обречением на голод, нищету и вымирание многих миллионов самых несчастных. Когда у этих новоявленных хозяев России появляются соответствующие возможности, они без зазрения совести «обагрят свои руки в крови». Это наиболее обнажено проявилось в начале октября 1993 года, не говоря уже о совершенно безнаказанных (единичных) убийствах. Наиболее заметным из преступных акций такого рода была организация убийства генерала Льва Рохлина.

ГЛАВА VIII

Поэзия и правда народной жизни

1 Автор этих строк вынужден признаться, что никогда за свою очень долгую жизнь ему не доводилось переживать чего-либо еще более беспросветного, возможно — непоправимого, чем то, начало чему было положено в конце 1991 года. Причем настолько, что каждое разумное и честное слово, крайне редко вот уже второй десяток лет появляющееся на страницах так называемой «демократической» прессы, начинаешь воспринимать чуть ли не как своего рода «манну небесную». И даже сплошь и рядом, казалось бы, самые обычные слова, объективно оценивающие всеразлагающие ельциноидные реалии, срабатывают в условиях регрессивно бесчеловечного режима чуть ли не как почти лекарственно воздействующий бальзам на душевные раны, вот уже полтора десятка лет крайне тяжело страдающих порядочных людей.

Например, когда поэт Евгений Евтушенко резко выступил против «...цензуры равнодушием, которой подвергается сейчас современная российская литература, почти изгнанная с экранов телевидения разнузданной «попсой», отравляющей вкус нашей молодежи позорными для страны Пушкина неандертальскими текстами песен. Нельзя, чтобы зарубежная и не уступающая ей в бездарности отечественная сексуально-политическая пошлость, как вулканическая лава, погребла под собой на книжных прилавках серьезную литературу, без коей страна духовно обречена» («Литературная газета», 2 июля 1997 г. С. 2).

Но в сущности единственным в своем роде, совершенно чуть ли не уникальным, было бы грешно не признать появление в данном печатном органе, тоже деформированном «кое в чем» по части правды истории, следующих строк: «В «Анне Снегиной» спрашивают земляка, приехавшего из столицы: «Скажи, кто такое — Ленин?» Я тихо ответил: «Он — вы». Этого автора справедливо считают самым искренним в русской лирике. У него же: «Я вижу и ясно понимаю, что эра новая — не фунт изюму вам, что имя Ленина шумит, как ветер, по краю, давая мыслям ход, как мельничным крылам».

Разве не пел о Ленине Пастернак? В тон Есенину: «Он управлял теченьем мыслей // И только потому — страной». Появление Ленина на трибуне Пастернак сравнивал с шаровой молнией, «Грозы влетающий комок». («Московская правда», 22 апреля 2000 года. С. 4. Из статьи Владимира Приходько.) Невероятно, но каким-то чудом среди несчетного множества статей, а то и целых газетных полос, именно в этом номере вдруг «проскользнуло» несколько честных, праведных строк! И это в условиях, когда срабатывает по-прежнему всеохватывающая, нацеленная на тотальное, как можно более массовое одурманивание, ельциноидная пропагандистская директива!

По сути дела включен с начала 1992 года рычаг наигрязнейшей сверхфальцификационной направленности. И ведь, как и ранее, бесстыдно роскошествует, наряду с себе

подобными, известная «семейка», когда ее режимом обречены на гибель ежегодно даже несчитанные массы новорожденных, т. к. «исчезли» бюджетные миллиарды и у правительства уже «нет денег», необходимых для спасительных операций, лечения и вообще всего, что не так давно было само собой разумеющимся...

В связи вышеотмеченным, нельзя не затронуть одну из социально опаснейших современных реалий, которую трудноато оценивать, даже вспомнив старинный афоризм «Бывали хуже времена, но не было подлей». Ибо здесь наличествует нечто, пожалуй, патологически нездоровое, чего вроде бы, ныне невозможно не видеть. Прежде всего того, как в конце 1991 года к вершине власти дорвались те, кто обогащаясь на ими же предрешенных давно не виданных страданиях и бедствиях народных, установили сверхпреступный рекорд лицемернейшего, фактически легализованного убийства миллионов соотечественников. Ведь за рычаги фактически бесконтрольной власти ухватились такие лицемерно лживые демагоги бесчеловечнейшего типа, которые ухитрились осуществить уничтожение гигантски неисчислимых масс ни в чем неповинных честных тружеников и их детей без создания специальных лагерей смерти! А также без массовых арестов по лживым политическим обвинениям, без пропагандистской вакханалии в связи с мнимым наличием миллионов «врагов народа» и тому подобного... Они добились этого «всего лишь» ужасающей «новой» нищетой давно невиданного масштаба, голодом, болезнями, поощряемой преступностью и т. п.

Те гигантские массы людские, которых в нашей многострадальной стране убивают «под соусом» торжествующей хапужно-душегубской лжедемократии, гибнут совсем уж «незаметно» для теперешних властителей России, ибо пока еще нет иностранных массивных бомбардировок, принесших смерть тысячам, например, сербов, включая малых детей. Дожили мы ныне и до свержнутого, но все же затаенного изуверства, о чем поведала 15 марта 2002 года по ТВЦ передача «Секретные материалы», сообщив о все шире распространяющихся чудовищных «медицинских» безобразиях. Речь в тот вечер шла об использовании человеческих зародышей, в связи с преступнейшим «запоздалым» прерыванием беременностей и т. п. ради омоложения и многолетнего продления жизни «новых» сверхбогатеев и коррупционеров! Один из участников той телепередачи вынужден был констатировать все более изощренные зоологически бездушные деяния такого рода, творящиеся не без поощрения «свыше». По его словам, после преступнейшего разворовывания общенародного достояния и ограбления большинства россиян сверхбогатеи-прихвизаторы и суперчинуши жаждут теперь на годы и десятилетия продлить свое блаженство за счет «выскобленных» из материнских тел тканей потенциальных младенцев! Это официально запрещено во всех странах Европы, кроме России, причем совсем не случайно тогдашний министр здравоохранения Шевченко даже подписал приказ, фактически стимулирующий нечто подобное! Правда, после публикации разоблачительной статьи Александра Хинштейна в «Московском комсомольце» все же отменил свое решение...

И вот в таких условиях, когда страна и ее население надорваны как никогда ранее, Андрей Вознесенский включился в ряды апологетов поистине страшного режима! В очередной публикации объявленный «самым знаменитым поэтом» России он выразил восхищение содеянным в условиях 90-х предельно непристойных годов в истории нашей страны! И даже провозгласил с восторгом: «В России поэзия — душа народа. Кстати, если раньше Брежнев не сам книги писал, то теперь наши лидеры сами пишут, некоторые даже и стихи...» Мало того: А. Вознесенский не постеснялся с нежностью любоваться «новыми русскими»: «Это очень богатые люди — и с университетским образованием. Профессора. Большею частью молодые. Впервые в истории России молодость и богатство совпали в таком масштабе. Несколько лет назад один банк купил себе «квадрат» Малевича — один

из, кажется четырех. Могли ведь купить футбольную команду, могли купить баб для гарема...» («Вечерняя Москва», 11 апреля 2000 г. С. 5).

Ах, какая прелесть эти «новые русские»: растратили часть своих ничем не оправданных гигантских паразитарно-криминальных доходов на картину вместо того, чтобы все «ухнуть» на приобретение «баб». И не приходит в голову поэта, что такое обогащение на муках десятков миллионов людей, на трупах бесчисленных масс, уже погибших, на деградации и невиданном ослаблении родной страны — сверхаморально! И отнюдь не только потому, что псевдоинтеллигентные «нувориши» получили во время Ельцина легальные возможности приобретать себе на потребу далеко не только «гаремы», роскошнейшие виллы и дворцы в т. н. дальнем зарубежье... Почему-то кажется, что вышеприведенные строки А. Вознесенского могли бы послужить своего рода надписью — эпитафией под помещенным на той же газетной полосе огромным его «лицевым» портретом, а также его же более чем неоправданным странным изображением в военной форме...

В соответствии же со всем этим, как говорится, сам «Бог» повелевает ему отнюдь не ограничиваться антигуманным, реакционнейшим утверждением, будто спасительные для человечества русские революции якобы дурно, разрушительно «сданули по всему миру». Даже «положено», что далеко небезвыгодно в современных условиях, в едином строю с ельцинскими, гайдарами, чубайсами и прочими, им подобными, наносить клеветнически подлые, злобно шельмующие удары именно по В. И. Ленину. Разумеется, только потому, что этому нашему самому великому соотечественнику за все не только минувшие наши века, суждено было одновременно стать крупнейшей в своей человечности и гениальной созидательности величиной среди государственных руководителей за все тысячелетия существования всемирной цивилизации!

И вот здесь Андрей Вознесенский вдруг проявляет желание чуть ли не «дистанцироваться» от ультрареакционной корыстно-лжедемократичной, пропагандистски-политиканской стаи. Эти его строки, возможно, даже свидетельствуют о чем-то справедливом и светлом, каким-то необъяснимым образом еще сохраняющимся в его душе? «Во всем, даже в отношении в Ленину, я следовал Пастернаку. Он считал его гением. Известно, что у гроба Ленина встретились Мандельштам и Пастернак — и не для того, чтобы плюнуть на этот гроб» (Там же). Но, к сожалению, многое побуждает предполагать, что здесь А. Вознесенский всего лишь пытался найти «смягчающие обстоятельства» своей высочайшей оценки В. И. Ленина, данной им в свое время не только в специально написанной ради этого поэме. Как он может от этого скатываться в политиканскую бездну жадности, чтобы смерть Ленина стала фактом еще в 1917 году!

Дескать, иное отношение к В. И. Ленину могло возникнуть у него лишь по причине молодости и под влиянием его кумира Бориса Пастернака! И дабы никто не заподозрил его в ныне «идейно» недозволенном, Вознесенский втискивает сюда же несколько омерзительно вульгарных, всеизвращающих строк, беспредельно оскверняющих память о В. И. Ленине. Возможно, еще более симптоматичны тут же жирным шрифтом выделенные следующие его слова: «Вам телефон поставили как тайную мечту: смерть Ленина и Сталина в семнадцатом году». Сталин здесь упомянут «просто так», ибо автор не может не знать, насколько духовно микроскопические малой, да к тому же в своей темноте и аморальности органически несовместимой величиной он был по сравнению с первым и единственным настоящим достойным руководителем нашей страны, тем более — начиная с 1917 г. А вот гибели в тот момент Владимира Ильича, кардинально бы изменившей к худшему весь ход всемирной истории, не могут и не могли не желать самые скверные и грязные, наипрстрашнейшие в своей бесчеловечности корыстолюбцы...

Сможет ли когда-нибудь Андрей Вознесенский понять и честно признать, что оптимальное, по своему масштабу уникально благотворное, исключительно человеческое совпадение вершины власти с вершиной мудрости в интересах нашего и всемирного человеческого прогресса, за все тысячелетия существования мировой цивилизации, имело место только при В. И. Ленине? Весьма и весьма маловероятно. Ведь для этого надо решительнейшим образом порвать с эгоцентрическими, связанными только с личными и сугубо кастовыми «предпочтениями», в основном нацеленными на сохранение индивидуальных и групповых выгод (материальных, бытовых, «тусовочных») и тому подобных...

Было бы грешно не заметить, что здесь же в тех же нескольких словах Вознесенский ухитрился полностью вольно или невольно, но «слиться в экстазе» со сталинскими подручными от политики и пропаганды, обязанными, начиная с 30-х годов, прямо-таки вколачивать в массовое сознание крупнейшую и социально опаснейшую ложь XX века, будто «Сталин — это Ленин сегодня!» И одновременно он таким «манером» (как говорится, дай бог, чтобы лишь по недомыслию) помогает преступнейшим погубителям нашей Родины и миллионов соотечественников, которые орудуют шесть с лишним десятилетий спустя уже обнажено пробуржуински!

В ходе своего «идейного», так сказать, «развития» Вознесенский дозрел до чуть ли не органического неприятия стремления исстрадавшегося под царским и буржуазно-помещичьим гнетом народа вырваться единственно возможным тогда революционным путем из самодержавно запрограммированной всевластной барски-чиновничьей гнили, голода, вымирания, бесправия, темноты и прочего! То есть «самый знаменитый поэт», как его именуют чуть ли не официально, не стыдится «примыкать» к стае заправил 90-х годов, которые во главе с самозванным «царем» гораздо более пагубны для России, чем даже последняя духовно и этически слабенькая застоино реакционная царская чета, по традиции считавшая себя «хозяевами земли русской»!

Мало того: этот достаточно многоопытный, вовсе не глупый, по-своему исключительно одаренный человек, себе же на позорище силится изобразить из себя прямо-таки гениального пророка редчайше провиденциальной разновидности! Не стесняясь, выдает он нечто до неприличия банально невежественное в заумной словесной оболочке: «А если говорить серьезно, одна из главных вещей, предсказанных мною, — симметрия времени. К примеру, девятьсот пятый и девятьсот семнадцатый годы — русские революции, которые саданули по всему миру. И за пять лет до конца столетия — антиреволюция в России. Помоему, симметрия сработала» (Там же).

Халужно бесчеловечная «публика», дорвавшаяся в конце минувшего века до бесконтрольной власти только потому, что Сталину удалось подорвать ленинскую систему движения интеллектуально и этически оптимальных руководящих кадров, по мнению Вознесенского была лишь орудием изобретенной поэтом какой-то всемогущей «симметрии времени!» В соответствии с такой «логикой» получается так, что ничего не значило даже патологическое бесплодие членов пресловутого ГКЧП, затеявших авантюру вследствие своей неспособности масштабно и глубоко мыслить и тем самым буквально положивших великую страну под ноги Ельцину и компании! В результате сверхдержаву, нуждающуюся лишь в честном и умном оздоровлении, удалось подорвать и развалить. Значит, геккачиписты затеяли свою общественно самоубийственную акцию, которая, вопреки их желанию, объективно носила, возможно, необратимо асоциальный характер, на беду не столько им лично, сколько всем честным труженикам, причем не только всех народов СССР.

Но и эти, и все остальные реалии гигантского исторического масштаба, чреватые страшными бедами для сотен миллионов людей, ничего не значат для Вознесенского, востор-

гающегося с хуже, чем неприличной радостью «антиреволюцией в России». И при этом любующегося своей ныне модной мнимой «правотой», и в подзаголовке крупными буквами провозглашающего свое единение аж с самим всевышним: «Если Бог посылает тебе сигналы, значит, ты правильно живешь!» Как может образованный, эрудированный человек с добротными от природы мыслительными ресурсами опускаться до корыстно бесчеловечного, по объективной сути — примитивнейше растленного ельциноидного «идеологического» уровня?

Остается только призадуматься: как может этот человек, потенциально способный мыслить серьезно, не понимать, к примеру, того, что ясно для талантливой актрисы Нины Руслановой? На вопрос «Что бы вы поручили расследовать Шерлоку Холмсу сегодня?» Она ответила вполне определенно и честно. «Надо начинать в первую очередь с Чубайса, Березовского, Ельцина... Следует подключить не только Холмса, а Пуаро, Мегрэ и Ниро Вульфа. Но думаю, что и они не справятся» («Вечерняя Москва», 14.03.2002). Впрочем — такая постановка вопроса нынешним властителям России совершенно неприемлема. Для них несравнимо желаннее звучит давнее ныне охотно повторяемое, почти не подновленное всеизвращающее словосочетание — «Ленин и Сталин — едино суть», что вполне соответствует гитлеровским пропагандистским «нормативам».

А вот и еще одна «странность»: поэт Вознесенский как бы ненароком, походя, вдруг придает Сталину что-то вроде «поэтического» ореола! Не без сочувствия он поминает некоторые «новаации», немислимые без открытого или завуалированного определяющего соучастия Шеварднадзе в его просталинских восторгах: «Между прочим, сейчас в грузинских школах опять преподают два стихотворения Сталина — грузины говорят, что это хорошие стихи». И уж совсем странными труднообъяснимыми в своем «заигрывании» представляются следующие слова Вознесенского: «К тому же это противостояние — какой-то дьявольский магнит: ведь не только Сталина влекло к Мандельштаму и Пастернаку, но и их к нему. Такая фрейдовская любовь — ненависть» (Там же). Что это: искреннее заблуждение или результат «стихийного» навыка (ставшего неодолимой привычкой) мистифицировать читателей, «глубокомысленно» запутывая элементарное?

Ведь эти великие поэты знали цену Сталину не только как «поэту», но и как правителю! А Осип Мандельштам еще в 1934 г. задолго до большинства профессиональных политиков поразительно точно и объективно оценил нечто наиважнейшее в сути этого властителя, за что и поплатился, как только у того появились соответствующие возможности. Проявилось это в более чем нелицеприятном стихотворении, начинавшимся словами: «Мы живем, под собою не чуя страны // Наши речи за десять шагов не слышны // Только слышно кремлевского горца // Душегубца и мужикоборца...»

Не могло быть, да еще у таких мудрых поэтов, даже подобия «влечения к Сталину» как утверждает Андрей Вознесенский! Тем более, что они знали, как тот без зазрения совести «управляется» с миллионами жизней, включая и определение их личной судьбы. Когда практически все или почти все целиком зависело от желания и настроения того, кто узурпировал необъятную (по терминологии В. И. Ленина) власть, которой он не сможет пользоваться должным, попросту говоря — человеческим образом... Великие коллеги А. Вознесенского по «цеху поэтическому» глубоко понимали Владимира Ильича и естественно, давали, ему совершенно искренне высочайшую оценку. Именно об этом свидетельствуют и адресованные ему их поэтические строки.

В данной связи легко понять и то, что каждое хвалебное слово, адресованное многими представителями творческой интеллигенции Сталину во второй половине 30-х годов, сплошь и рядом могло быть буквально вымучено смертельной угрозой, вполне возможно не только им самим, но и людям из числа самых родных и близких. Несколько сложнее

подоплека просталинских «реверансов» наших дней. В частности для Вознесенского здесь, видимо, характерно крайнее неблагополучие и по части того, что называют подлинно историческим мышлением, как и соответствующей ему прогрессивно-гуманистической мировоззренческой основы. А вот что касается Э. Шеварднадзе, то с его стороны возвеличивание Сталина вообще и его рифмованных личных «исканий» — в частности, вполне может быть связано с сугубо политиканскими побуждениями непристойно расчетливого характера. Прежде всего потому, что подобными способами достигаемая дезориентация сознания особенно наивной части населения дает возможность как можно дольше пробыть на вершине власти, извлекая при этом максимальные (прежде всего — материальные) выгоды...

Одно из общественно наиболее опасных новшеств современного бытия связано с усугубляющейся более чем полтора десятилетия давно невиданной зависимостью тех, кого принято считать и объявлять творческой интеллигенцией, от нынешних «власть и богатство имущих». Угроза нищенски полуголодного, а то и ужасающе голодного прозябания, страшно многих делает легко податливыми перед давлением сверху, вплоть до «позывов» к интеллектуальной, морально-этической и иной беспринципнейшей приспособленности. Чего стоит, к примеру, в числе других, расчетливо запрограммированных, начиная с 1992 года, катастрофически опасный, лицемерно скрываемый, но расчетливо предрешенный неуклонный развал ранее сравнительно приличной системы бесплатного здравоохранения. Ведь именно в результате этого непосильно дорогой оказывается, например, и не бог весть какая сложная операция в гарантированно спасительных условиях, и теперь недоступные из-за бешеной дороговизны лекарства! Каково, скажем, беспомощно наблюдать медленный или скорый уход в небытие бесконечно родного и близкого человека, тем более — малыша, не будучи в состоянии раздобыть непосильно крупную (ныне ставшую «посильной» лишь для аппаратных и прочих богатеев) сумму!

Гарантированная помощь властных структур или «денежных мешков» значит ныне бесконечно многое. А раз так, то и пока даже сравнительно благополучно устроенные личности далеко не все склонны воздерживаться от подчас и самого вульгарного приспособленчества. Сколько скверного происходит в нашей стране только под воздействием данного, все более зловещего социального фактора теперешнего общественного бытия! Но ведь есть достаточные основания для уверенности, что А. Вознесенский в этом плане независим, как мало кто другой, а его эмоции, мысли, стремления определяются чем-то иным. В чем дело? Стоило бы всерьез призадуматься.

Ведь в последние полтора десятилетия немало заметных литераторов, режиссеров, артистов запачкали себя соучастием в стимулировании торжества преступнейшей кривды над правдой истории и народными интересами, что поистине ужасно! При этом было бы крайне грешно утешать себя тем, что немалая часть из них лизоблюдскому выживанию за счет подачек от «новых» хозяев страны, предпочла тихую мучительную смерть от нищеты, предрешаемой «неизлечимости» различных, прежде подчас не самых страшных заболеваний, да и «просто» от элементарного хронического голодания... До чего же нетерпима, социально и нравственно ужасна любая такая гибель на радость наигрязнейше своекорыстному господствующему непотребству! Необходимо каждому из нас хоть в чем-то стремиться противостоять торжествующей низости.

В отличие от многих из тех, кто официально и полуофициально ныне объявлен «входящим в элиту» т. н. творческой интеллигенции, Евгений Евтушенко ведет себя на фоне иных своих коллег весьма достойно. Даже заявил открыто о недопустимости отвратного, гнуснейшего коллективного письма на имя Ельцина, опубликованного 5 октября 1993 года сразу же после грохота танковых орудий в центре Москвы и прочих подобных злодеяний,

унесших многие сотни жизней оппонентов бесчеловечнейшего ельцинского режима и просто случайных людей, включая множество детей и подростков. Между прочим, среди «подписантов» было несколько, как ему долго казалось, особо близких ему по духу личностей, что его очень огорчило. Евгений Евтушенко проявил себя достойно и когда отказался от ордена, которым «пожаловал» его главный виновник и более ранних безобразий, и злодеяний начала октября, запрограммированных в конце сентября 1993 г. чудовищно аморальным указом президента.

Вот и 18 июня 1997 г. Е. Евтушенко провозгласил нечто разумное и справедливое: «Гражданское горе всех тех, кто еще не зомбирован в нашей стремительно ополшающей стране, где правит бал распоясавшаяся эстрадная «попса», в том, что ушел, может быть, самый главный защитник российской песни от пошлости... Все радиостанции и телевизионные каналы передают в эти дни фрагментами или целиком песни Окуджавы. Но размер образовавшейся пустоты сразу обнаруживается, когда вслед за негромким, но пронзительно человеческим голосом, за мелодией, обладающей таинственным секретом запоминаемости, за не усложненными, но умными, тонкими словами, после краткого траурного перерыва на нас отовсюду опять низвергается Ниагара словесного и музыкального беспредела. У нас нет современных песен, которые мы можем запоминать и петь... Нас спасают только старинные народные песни, песни великой Отечествавой...»

Столько десятилетий мы зазнайки говорили, что у нас лучший читатель в мире. Но последняя книга стихов Булата вышла тиражом всего-навсего 5 тысяч экземпляров, а бездарное отечественное и западное чтиво с обложками, размалеванными, как лица папуасов, тиражируется, продается и — что самое страшное — с удовольствием читается в миллионах экземпляров. Для страны Пушкина и Достоевского это позор. Чтобы не позориться и дальше, надо научиться смотреть в глаза своему позору. Булат это умел делать. Как гражданин он ошибся пожалуй, только один раз, подписав одно коллективное поспешное письмо в 93-м году. Но по многим другим его высказываниям можно догадаться, что он сожалел об этом. Окуджава достойно попрощался с двадцатым веком...

У Булата когда-то была ироническая идиллия о кабинетах, которые строятся для его друзей. К сожалению, в этих кабинетах оказалось слишком много людей, равнодушных к отечественной культуре. Вот что говорит Булат в одном из своих последних интервью: «Что меня тревожит всерьез — так это абсолютное засилье ресторанной культуры. В ресторане, конечно, не слушают «Евгения Онегина», но прихлопав и притопав место все-таки там. А сейчас они везде. Вообще говоря, замысел мне понятен: всякого рода притопы позволяют очень хорошо успокоить население, превратить его в толпу идиотов, а с толпой идиотов можно делать все что угодно — они не будут ни сопротивляться, ни задумываться...» («Литературная газета», 18 июня 1997 г. № 24. С. 3).

Все же очень грустно, что ни Окуджавы, ни Евтушенко, «не договаривали» наиважнейшего: компрадорско-хапужный ельцинский режим сверхпреступен, он губит великую страну и уже умертвил миллионы ее граждан. Им «недоступна» даже такая «деталь», о которой говорится в том же номере на с. 6: «Легко ли человеку, привыкшему писать не без гордости в графе «образование» — высшее, признавать факт своего перехода в иное по качеству сословие?.. По данным службы занятости населения Санкт-Петербурга, только за шесть месяцев этого года безработными зарегистрировались 18 тысяч специалистов. Процессы идут. И у нас чрезвычайно высокий образовательный уровень сторожей автостоянок. Нигде во всем мире нет такого высокого уровня образования также и среди продавцов вещевых рынков. А мы, братья мои по классу, все же должны соображать... Что нам выгодно по сословной принадлежности своей — социализм или бандитское безобразие? Ка-

кой шанс у членов нашей семьи в этом новом обществе «равных» возможностей прорваться к золотому эльдорадо разворовываемых ценностей? Не лучше ли было бы откорректировать имевшийся у нас реальный социализм..., чем допускать буржуизм, обернувшийся для интеллигенции нищетой и позором».

И все же главное для каждого достойного человека (в том числе, конечно и поэта) вплоть до любого порядочного главы государства — не личные и сословные «предпочтения», а подлинно общественные интересы. Именно этому учит история.

2 Казалось бы, вряд ли стоит очень уж переживать, когда очень одаренный человек, склонный к честной оценке бед, которые полтора десятка лет ныне терзают наше общество, допускает иной раз тяжелейшие просчеты общемировоззренческого масштаба. Но, к сожалению, в современных условиях и самое добросовестное заблуждение, связанное с отнюдь не злонамеренной наивностью, социально подчас очень и очень негативно. Сплошь и рядом даже простодушно заурядное нежелание задать самому себе вопрос «А все ли так просто?» относительно кардинальных реалий всемирно-исторического масштаба, может и вполне вроде бы бескорыстно по-доброму настроенного человека толкнуть в бездну непонимания наиважнейшего.

Евгений Евтушенко сделал, безусловно, доброе дело, напомнив однажды о такой рыцарственно благородной, отважной, кристально чистой личности, как турецкий поэт Назым Хикмет, о котором дружно «забыли» не только своекорыстнейше властвующие ельциноидные натуры, но и некоторые вполне приличные люди. Особенно многозначимо то, что в данной связи оказался затронутым целый комплекс реалий бытия рода людского в целом и проблем поистине необъятной принципиальной значимости. В то же время Евгений Александрович в ряде отношений взял на свою душу достаточно тяжкий грех. Чего стоит хотя бы то, что широко известный поэт вторгся в политико-идеологическую сферу, вольно или невольно смыкаясь здесь с теми, содействовать кому, да еще в современных условиях, возможно, фатальных для интересов человечности и прогресса, он, безусловно, совсем не хотел...

Статья Е. А. Евтушенко четко обнажает, видимо, нечто весьма существенное в его мировосприятии и совсем не случайно озаглавлена «Гениальная роль в бездарной пьесе» (с подзаголовком: «Коммунизм — убийца коммунизма») («Общая газета», 21–27 мая 1998 г. С. 15). Е. А. Евтушенко, хотя это совершенно не соответствует теперешней политической «моде», по-доброму вспомнил об истинных коммунистах-идеалистах и даже признал, что их ему «смертельно жаль потому, что это были чистейшие люди, преданные собственным иллюзиям». Грустно, но поэт и не подумал доказать свою правоту, фактически объявляя «иллюзией» ленинскую концепцию общественного развития, ради реализации которой во имя общечеловеческого, а не только нашего блага, лучшие из лучших представителей рода людского в муках погибали не только в гитлеровских, но и в сталинских застенках!

Не обосновывая своей главной установки об «иллюзии» относительно общечеловеческой «бездарной пьесы», слишком уж легко все последующее базировать на собственной недоговоренности, да и на чем-то похожем на нейтралитет по отношению к заведомой неправде, в которую так хочется верить очень многим, включая тех, кого ныне принято именовать «шестидесятниками» и кто еще совсем недавно верил в социализм «с человеческим лицом». Странно, но ныне верят весьма и весьма многие бог знает во что и очень многие совсем не темные, не глупые, не бездарные люди. Вот и Е. А. Евтушенко твердо убежден: «Трагедия коммунистов-идеалистов состояла в том, что когда их идея материализовалась в сталинском варианте, то она оказалась кровавой карикатурой мечты. Мечта была изнасилована циниками. Коммунизм стал убийцей коммунизма». Неприятие данной

истины весьма и весьма многими, очень трудно принимать всерьез и так не хочется верить в случайность такого рода заблуждений! Когда кто-то из непоправимо запутавшихся руководящих лжекоммунистов провозглашает Сталина великим создателем социалистического общества, величайшим государственным, да к тому же гением, то здесь уяснить подоплеку подобной позиции не так уж сложно. Но делается просто не по себе, когда с идеологической ориентацией о «сталинском варианте» социализма смыкаются те, кто твердо убежден в своей полнейшей несовместимости с пропагандистскими штампами 30–40-х годов, расчетливо-цинично вбивавшихся в массовое сознание. Зачем это проделывалось в те времена? Только ради того, чтобы сотни миллионов людей не могли выбраться из идеологических пут, так удобных тогдашнему диктатору, который мог пожизненно упиваться совершенно бесконтрольной бесчеловечнейшей властью и всемирной известностью, только подорвав ленинские основы общественно бытия и общественного сознания!

Разумеется, ничего общего с интересами народного блага, то есть подлинного социализма не имели тотально внедряемые преступно бесчестные «откровения» сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», как и чудовищно лживые утверждения, будто Советским Союзом управляет тот, кто является в своем якобы благотворном величии ни с кем не сравнимым «гением всех времен и народов»! Данные пропагандистские стереотипы более чем семидесятилетней и иной давности по глубинной сути фактически смыкаются с тем, что провозглашают и современные криминально-капитализаторские средства массовой (особенно радиоэлектронной) информации, и даже весьма многие из антиельцинских оппозиционеров. Как сговорившись, вроде бы непримиримо противостоящие друг другу силы дружно обманывают основную массу наших сограждан, внушая, будто Сталин органически взаимосвязан с ленинскими заветами и якобы просто осуществил то, что ему «полагалось». Хотя на деле это был подрыв ленинской концепции, предрешивший грядущее торжество ельцинщины.

Ни в коем случае нельзя хотя бы на мгновение колебаться в сторону безоглядно странной уверенности в том, будто идея социализма «материализовалась в сталинском варианте»! Представляется тем более иррациональным предположение, будто «Коммунизм — убийца коммунизма». Неужто так трудно безукоризненно точно понять, что погубителем величайших в своем благородстве идеалов и их живых носителей в почти полном составе мог быть лишь тот, кто дорвался до бесконтрольной власти при всей своей органической несовместимости с ленинскими замыслами и свершениями? Сталин не имел ни малейших шансов сохранить в своих руках узурпированную им все более тираническую власть и все для себя «сверхприятное», с ней связанное, не уничтожив «миллионы тех, кто ему мешал» реализовать объективно социально наипаснейшие вождения. Сталин был обречен на потерю власти, не подорвав ленинских норм законности, морали, истинной научности, а также, конечно, всего того, что было сформировано Лениным в первые годы существования Советской России (особенно после начала мирного этапа ее развития) в сферах советской и партийной демократии, в системе руководства экономическим, культурным, военным и любым иным строительством. «Новации и деяния» Сталина были не социализмом, «материализовавшемся в сталинском варианте», а его погубительством, чем со временем могли воспользоваться и ельциноиды...

Не «Коммунизм — убийца коммунизма», как кажется Е. А. Евтушенко, а нечто не просто чужеродное, но органически несовместимое не только с подлинным коммунизмом, да и вообще с чем-либо по-человечески нормальным. Пусть не открыто доктринально, но по «методике» тотального террора и преступного манипулирования средствами массовой информации, как и кое в чем ином, чуть ли не социально генетически взаимосвязанным со всем самым мерзким, вплоть до гитлеровщины во всей ее карательно-чудовищной наготе... Погубителем величайших в своей человечности и благородстве идеалов мог быть лишь лжекоммунист,

изохренно расчетливо затаивший свою бюрократически-кровожаднейшую похоть, по терминологии умирающего В. И. Ленина, «к необъятной власти». Горько это признавать, но приходится: Сталину, ничего по-настоящему общего с марксистско-ленинской концепцией, а следовательно, и с подлинно коммунистическими идеалами, не имевшему, удалось изохренно лицемерно, нахраписто преступно осуществить задуманное.

Подмена величайших в своей мудрости, доброте и чистоте идеалов низменным своекорыстием диктатора (невиданного по масштабу злодеяний за всю нашу многовековую историю), означала успешное осуществление антиленинского, а значит и антикоммунистического переворота с пагубными, а, возможно, и роковыми последствиями не только в истории СССР... Безусловно, не должен на редкость одаренный от природы, плодотворно мыслящий человек считать все, связанное с творческими свершениями Маркса, Энгельса и Ленина «бездарной пьесой»! И мало того: «Роль, которую сыграл Назым в истории, была ему предназначена. Только роль можно сыграть гениально». Нет! Назым Хикмет не «играл роль», а как настоящий человек с беспрецедентной отвагой и смертельным риском вступил в борьбу с всеразлагающей и губящей наше общество сталинщиной во имя спасения всего ценного из того, что она уничтожала!

Сомнений нет: всем честным, по-настоящему мыслящим людям, считающим спасительные для рода людского идеалы чем-то утопическим, а то и бесконечно далеким от реалий современного мира, стоит глубоко и всесторонне уяснить для себя, почему они вдохновляли далеко не только поэта-коммуниста Назыма Хикмета. С чем, например, связана уверенность гениального Альберта Эйнштейна в том, что такие лидеры как В. И. Ленин, обновляют совесть человечества? Чем, в частности, объяснить, что такой изысканно элитарный великий поэт, как Александр Блок, не просто приветствовал Великую Октябрьскую революцию, но и прямо-таки цитировал в своем творчестве ленинские мысли? Почему такие иностранные физики, как Клаус Фукс, Бруно Понтекорво и другие, со смертельным риском, отказываясь даже от подобия материального вознаграждения, стремились внести и вносили огромный вклад в создание спасительного не только для СССР ядерного оружия, монополия США на обладание которым могла иметь роковые последствия? Почему Ким Филби и его товарищи, вопреки своей классовой принадлежности, блестящим карьерным и иным перспективам своей жизни и работы в Англии, жертвенно и бескорыстно помогли СССР?

Чем объяснить, что гениальный Андрей Платонов не только восторгался ленинскими идеями и первыми замечательными достижениями в ходе их реализации, но и стремился предостеречь наше общество от извращений, связанных с иной раз сверхпорочным, а то и полубезумным экстремизмом и набиравшей силу сталинщиной? Случайно ли наша потрясающая поэтическая и социально-общественная величина, гениально одаренный Владимир Маяковский, не считая возможным в советские времена «открещиваться» от своих «корней» («столбовой отец мой дворянин...»), в то же время не мог не быть одним из самых интеллектуальных, смелых, решительных и принципиальных последователей В. И. Ленина, непреклонным борцом за чистоту социалистического знамени, стремясь огнем сатиры «выжигать» бюрократически-сталинские извращения? За что и поплатился... А как высоко оценивал В. И. Ленина Сергей Есенин! И насколько доброжелательно и доверчиво оценивали В. И. Ленина Борис Пастернак и Осип Мандельштам, причем последний, не дрогнув, сказал страшную правду о Сталине еще в 1934 году.

Совсем не случайно признавал правоту В. И. Ленина великий и мудрый Бернард Шоу, причем его оценка основателя Советской России (как и многих других крупнейших деятелей науки и культуры), была однозначно положительна, совпадая с мнением крупнейшей величины нашей культуры XX-го века Алексея Максимовича Горького, который, давая В. И. Ленину

высочайшую оценку, так и не посчитал допустимым (как того от него требовали) написать о Сталине не только книгу (положительно его оценивавшую), но и самую заурядную статью... Потому и погиб при «загадочных» обстоятельствах! Совсем не случайно выразил активной-ю поддержку идеям о необходимости коммунистического преобразования общества и великий американский писатель Теодор Драйзер. Это достаточно проявилось, например, в строках, посвященных А. М. Горькому (после его ухода из жизни в 1936 г.)

«Горький — представитель мировой плеяды реалистических писателей. Он видел наше настоящее и будущее с тех трудно достигаемых высот, с которых открываются самых широкие и самые ясные перспективы. Только та литература, мастером которой был Горький, литература, видящая великие горести и радости нашей реальной жизни, — только такая литература пробуждает и направляет человеческую мысль. Она открывает человеку пути экономического освобождения и построения счастливой жизни... Я мысленно возлагаю венок на могилу этого великого человека» (Из высказываний писателей Англии и США о Горьком). — «Интернациональная литература». М.—Л., 1942. № 6. С. 120).

«Лично Горький всегда производил на меня впечатление гиганта. Его жизнь — памятник, воздвигнутый в честь человеческих стремлений и человеческого идеализма... Его идеалы были идеалами коммунизма... Он видел, как все прежние революции вырождались в разрушительную, угнетающую тиранию. Но здесь он почувствовал экономические возможности, делающие эту тиранию ненужной». (Цит. по: «Правда-5», 22–29 мая 1998 г. С. 6).

Нет! Социалистическая концепция спасения и гуманистического обновления всемирной цивилизации и многострадального гигантского большинства рода людского, безусловно, была не «бездарной пьесой» А стойкие борцы за осуществление благороднейших идеалов — природы в норме жертвенные и не наивно артистические, даже если они кем-то воспринимаются вдохновенными статистами или гениальными подвижниками гигантской «сцены». О том, что подлинно социалистическое мировоззрение было отнюдь не «пьесой», а невиданно созидательным, крупнейшее спасительным творением величайших по своей доброте и мудрости личностей всемирной истории, свидетельствует бесконечно многое далеко не только в 20-е годы XX века.

Это, пусть частично, вольно или невольно подтверждает и Евгений Евтушенко, вспоминая нечто бесконечно многозначное в своей статье. «В молодости Назым Хикмет оказался внутри конвульсивного постреволюционного ренессанса искусства, которое судорожно спешило расцвести, инстинктивно чувствуя трагическую краткость расцвета. Голодная, но одновременно щедрая на таланты революция из рога изобилия выплеснула на экраны, сцены, на стены галерей, на журнальные страницы столько новых имен — одно талантливее другого. Это был Предлагерный Ренессанс, Энергия этого ренессанса была настолько велика, что дала всему мировому искусству сильнейший импульс на долгие годы, определив направление его развития. Получилось то же самое, что с космосом. Русские взлетели в космос первыми, а вот прилуниться первыми не смогли».

В этих словах много правильного. Однако Евгений Александрович совершенно не прав, оценивая все потрясающе талантливое и великое того времени в качестве «Предлагерного Ренессанса», как ему представляется, фатально неизбежного. В действительности для того, чтобы стал реальностью ГУЛАГ, гибель многих миллионов ни в чем неповинных людей, мучительные невзгоды и страдания десятков и десятков миллионов несчастных, «потребовалось» ужасающе ранняя смерть Владимира Ильича Ленина, антисоциалистический, осуществленный по сути дела расчетливо преступнейшими методами сталинский переворот, особенно жестокое и неукоснительное, злобно-тотальное уничтожение подавляющего большинства принципиальных и компетентных сторонников ленинской концепции общественного развития и многое иное в том же «ключе»...

Тяжко заблуждается Е. А. Евтушенко, полагая, будто деятели культуры чувствовали неизбежность «трагической краткости расцвета» и потому искусство якобы «судорожно спешило расцвести». В действительности политика в области культуры определялась такими, пользовавшимся абсолютным доверием В. И. Ленина, его талантливейшими и разносторонне образованными соратниками, как первый и наилучший нарком просвещения, культурнейший, предельно гуманный революционер-партиец Анатолий Васильевич Луначарский. Да и сам же Евгений Александрович справедливо отмечает кое-что вполне типичное: «Мейерхольд ставил свои взрывные спектакли, не догадываясь о том, что его, великого режиссера революции в скором времени будут бить резиновым шлангом по пяткам и почкам в скользких от крови подвалах Лубянки, ибо в этой стране мог быть только один режиссер революции — Сталин». Грустно, но и в этих строках есть ряд неточностей, да и труднообъяснимых недомолвок.

Прежде всего, надо ясно осознать, что если бы Сталин попытался что-либо подобное «проверить» при жизни В. И. Ленина, то (в случае его разоблачения) дело бы разбиралось в революционном трибунале с соответствующими для него последствиями... Хуже, чем малоприятными для сановного преступника. А разве не грешно называть Сталина единственным «режиссером революции»? Ведь на деле он был ее могильщиком и крупнейшим, опаснейшим погубителем главных ленинских установок о путях созидания подлинно социалистического общества с тягчайшими последствиями не только для всех народов СССР!

Конечно, при жизни Сталина, правда о нем лично и его режиме, скорее всего была недоступна и Назыму Хикмету. Однако можно не сомневаться в том, что по всей своей глубинной сути он был органически несовместим со сталинщиной и противостоял ей вплоть до последнего дня своей жизни. В сущности этот настоящий коммунист идейно был органически взаимосвязан с истинными ленинцами из числа наиболее компетентных, буквально «вырезанными» властвовавшим провокаторски-душегубствующим диктатором почти поголовно. Об одной из хуже чем непристойных предпосылок, предрешивших этот роковой переворот в ходе нашей истории, убедительно повествуется в материале доктора исторических наук З. Л. Серебряковой: «Сталин и охранка: исторический документ в контексте неосталинизма». (Международный общественно-политический и аналитический журнал «АЛЬТЕРНАТИВЫ». № 1. 1998 г. С. 77–82) К сожалению, и эта правда, видимо, будет «расшифрована» слишком поздно!

Но особенно обидно то, что многое, высветившееся почти семь десятилетий тому назад, не было своевременно принято всерьез. В том числе и основное из обращения к коммунистам отважного и жертвенного революционера-ленинца Мартемьяна Рютина: «С помощью обмана, клеветы и одурачивания партийных лиц, с помощью невероятных насилий и террора, под флагом борьбы за чистоту принципов большевизма и единства партии, опираясь на централизованный мощный партийный аппарат Сталин... отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил СССР на край пропасти».

Назым Хикмет не был знаком с М. Н. Рютиным и документами, им написанными, но мировоззренчески был, конечно, близок к людям именно такого типа, а значит ничего «картистического» в его поведении по прибытии в СССР не было и быть не могло. Он был решительным антиподом сталинистско-антисоциалистической деградации на грани, в сущности, фатального перерождения. Это, думается, достаточно объективно упоминает Евгений Евтушенко, хотя общепринципиальная оценка им основных закономерностей развития нашего общества нередко представляется более чем далекой от совершенства.

«Когда после двадцатитрехлетнего отсутствия Назым через Румынию вернулся в Россию, то он оказался идеалистом, приехавшим в цинизм. Его вытянула из-за решетки политическая кампания в его защиту, организованная главным образом французскими левыми писателями и советскими. Страна мечты Назыма Хикмета на самом деле не существовала. Он приехал в совсем другую страну. Был 1951 год — начиналась сталинская предсмертная паранойя, впоследствии закончившаяся арестом его собственных врачей. Советская власть уже вторгалась не только в идеологию, но и в стиль искусства... Буйное экспериментаторство двадцатых и начала тридцатых годов сменилось коммунистическим провинциальным Голливудом.

Тогда господствовала теория «бесконфликтности», согласно которой в счастливой жизни советских людей не могло быть конфликта хорошего с плохим, а только конфликт хорошего с отличным. Вот какую кастрированную драматургию увидел в Москве 1951 г. Назым. Банкет так называемой «творческой интеллигенции» в честь Назыма состоялся в ЦДРИ... Вел банкет Юрий Завадский, талантливый, но насквозь проциниченный режиссер с манерами бывшего дворянина, ставшего метрдетелем. Он долго произносил приветственную речь... Назым терпеливо выслушивал комплименты в свой адрес. Но когда взял ответное слово, лицо его ужесточилось, а в голубых глазах появился металлический блеск.

— Братья... — сказал он по-русски с гортанным акцентом. — Когда я сидел в одиночке, я выжил, может быть, только потому, что мне мнились московские театры. Мне снились Мейерхольд, Маяковский... Это была сама революция улиц, перешедшая в революцию сцены. И что же я увидел в московских театрах? Я увидел мелкобуржуазное безвкусное искусство, почему-то именуемое себя реализмом, да еще и социалистическим. А кроме того, я увидел столько подхалимства и на сцене, и вокруг нее... Разве подхалимство может быть революционным? На днях я должен встретиться с товарищем Сталиным, которого глубоко уважаю, но как коммунист коммунисту, скажу ему прямо, что он должен распорядиться, чтобы убрали его бесчисленные портреты и статуи — это так вульгарно...

Воцарилось мертвое молчание... Некоторые гости чуть ли не на цыпочках начали потихоньку высказываться из зала, чтобы, не дай Бог, не оказаться свидетелями этой речи, неслышанной в то время по дерзости... Коля Экк (в прошлом широко известный режиссер. — Г. Н.) буркнул, довольно тихо, так что его слышали только соседи по столу: — Посидел бы Назым в нашей тюрьме, а не в турецкой, он бы так не говорил... Завадский, стараясь перебить гнетущее впечатление, поднял дрожащими холеными пальцами бокал с шампанским: — Дорогой Назымушка! Я уверен, что товарищу Сталину тоже не нравятся некоторые его портреты. Но откуда взять так много рембрандтов и репиных, чтобы запечатлеть его образ! Разве может товарищ Сталин запретить народную любовь к товарищу Сталину! За товарища Сталина! За коммуниста номер один! — А что, разве коммунистов нумеруют не только в тюрьме? — спросил Назым. Судя по этой реплике, Коля Экк или кто-то еще из старых друзей уже просветили его, куда исчезло столько его учителей... На следующий день Назыму сообщили, что назначенная встреча откладывается в связи с чрезвычайной занятостью товарища Сталина (...)

Турецкой тюремной решеткой Назым был спасен от советской тюремной решетки, и если бы в начале тридцатых он не уехал на родину, то вряд ли бы прожил дольше тридцать седьмого года. За гранью этого года он был так же не представим, как Мейерхольд, Маяковский. Он был напоминанием о неосуществленности стольких революционных иллюзий, живым, неотразимо обаятельным анахронизмом романтики двадцатых годов и запоздалым трагическим свидетелем эпохи Великого Предательства Надежд. Он вел себя в СССР не как иностранец в отличие от многих... смело высказывался по любым поводам, критиковал власти, защищал талантливых и преследуемых. Это надоело начальству. Его

сатиру на советскую бюрократию — пьесу «А был ли Иван Иванович?» в конце концов запретили. (...) Его сердце, изнуренное тюрьмами, в конце концов не выдержало, подвело. Однажды он, как обычно, пошел утром за московскими утренними газетами и, придя домой, умер, прижав их к сердцу, как будто всю нашу планету с ее страданиями и ее столькими надеждами — уже обманутыми или еще надеющимися сбыться... роль, которую сыграл Назым в истории, была ему предназначена. Только роль можно сыграть гениально». («Общая газета», 21–27.05.98 г. С. 15).

Вновь и вновь автор «ускользает» от правды истории на радость лжедемократам, дорвавшимся до власти и богатства, и лжекоммунистам, неспособным понять сколько-нибудь основательно минувшее и позднее происходящее, а потому невольно подыгрывающим погубителям нашей Родины и спасительной для нас и всего человечества ленинской концепции общественного развития. Вместо точного и глубинного раскрытия сути «Великого Предательства» опять «скольжение» в связи с мнимой «бездарностью» социалистической «пьесы», невзирая на гениально сыгранную Назымом Хикметом «роль»...

Как ни странно, но с 1992 года все наиболее влиятельные господствующие, оппозиционные, внешне «нейтральные» и иные силы, делают все возможное для корыстнейшего «включивания» в массовое сознание опаснейшей неправды о том, будто социалистический (а на деле органически антиленинский) строй был создан под руководством Сталина, но оказался утопией («бездарной пьесой», «нежизнеспособной конструкцией» и т. п.) якобы полностью обанкротившейся. Хотя в действительности восторжествовавший в нашем обществе в результате сталинского переворота «порядок» означал лишь появление кроваво-тоталитарной пародии на подлинно социалистическое обновление общественной жизни, «смягченной» преобразованием ее в номенклатурно-паразитарную застойную разновидность псевдосоциализма...

Вопреки всему, имеющему хоть какое-то отношение к истине, объявляющие себя «супердемократами» прямо-таки криком кричат, что вот де Сталин вроде бы заслуживает почтения, но к сожалению, будто бы всем на беду якобы «честно» шел по стопам Ленина... Вот и в расчетливо фальсификаторской (как обычно), корыстно «прихлебательской» передаче «Намедни» (4 июля 1998 г.) телеведущий вновь провозгласил преступнейшую ложь о том, что Сталин, дескать, не главное зло, а вся беда в том, будто он покорно выполнял требования В. И. Ленина!

В то же время субъективно, безусловно, честные, но наивные люди, искренно уверенные в своей коммунистической безгрешности, предпочитают подчас на митингах поднимать портреты не Ленина, а Сталина, проявляя согласие с этой чудовищной ельциноидной криминально-капитализаторской ложью. Нередко они дают «сталинскому курсу» прямо-таки восторженную оценку в полном соответствии со стародавней социальной пагубнейшей агиткой: «Сталин — это Ленин сегодня!», помогая, как никто другой, самым махрово-хапужным, оголтело-душегубским погубителям социалистических идеалов...

Ведь особенно яростно и всеохватывающе Сталин стремился уничтожить все наиболее мыслящее, честное, принципиальное прежде всего в среде истинных коммунистов и антифашистов. Все сколько-нибудь по-настоящему достойное, да и просто приличное в этом смысле, могло уцелеть чуть ли не в результате везения на грани чуда. Прежде всего, здесь кроется главное, дающее основание признать принципиальность и справедливость словосочетания «Великое Предательство». Однако, к сожалению, рациональная сущность сказанного Евгением Евтушенко, во многом как бы перечеркивается прямо-таки «обволакивающей» его статью крайней наивностью в оценке ключевых закономерностей развития нашего общества и человечества в целом. Как ничто другое заслуживает ныне точнейшего

анализа все, связанное с истинной сутью ПРЕДАТЕЛЬСТВА, олицетворяемого восторжествовавшей сталинщиной.

И многомиллионные массы загубленных, и всеоглупляющая по своим целевым установкам, а по практическим результатам — дезориентирующая сотни миллионов людей, причём «попутно» и разлагающая немалую их часть пропагандистско-фальсификаторская лживость, как и прочее, тому подобное, должно было подорвать все наиболее ценное и человеческое в ленинском наследии. Насаждая вместо него нечто по-сталински своекорыстное, уродливо-регрессивное, а в перспективе и политически самоубийственное. В частности, должно было фактически «исчезнуть» гениальное определение Марксом и Энгельсом социализма как общества, в котором свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех. Жажда Сталина «вытравить» из жизни общества, которое он объявлял социалистическим, все, соответствующее данной формуле, и все наиболее благородное, мудрое, прогрессивное в ленинских заветах, и было, увы, далеко не безуспешной попыткой убийства великих в своей человечности идеалов. До чего же не прав Е. А. Евтушенко, полагая, что «Коммунизм — убийца коммунизма!» Страшное торжество Сталина было зоологически агрессивным в своей органически антикоммунистической изощренно затаенной глумливой сути, что особенно роковым образом сработало, начиная с 90-х годов XX-го века...

Для того, чтобы, начиная с 1992 г., могли преступно орудовать восторжествовавшие в сущности неосталинистские (в смысле органической антинародности) последыши-оборотни (из категории самых бесчестных, хапужных и бесчеловечных) крайне «насушно» было наискорейшим образом выбросить из общественной жизни, как можно необратимее, все, что было свято для Владимира Ильича Ленина. В том числе и установки более чем восьмидесятилетней давности, сформулированные через считанные дни после избрания его главой первого Советского правительства, включая следующую: «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности... Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс» (Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 57).

Чтобы «легко и непринужденно», буквально на народных костях в 90-е годы в нашей стране могло твориться и черт знает что, достаточно было с конца 20-х годов шаг за шагом подменить советскую и партийную демократию бюрократически-корыстной вакханалией, даже подобие народовластия — личной тиранией душегубски-кровожадного мнимого борца за народное счастье, причастность трудящихся к власти и собственности — полнейшим отчуждением от них, как и уничтожением даже подобия прав и свобод практически всех социально наиболее активных и компетентных тружеников без исключения. Именно здесь и во всем остальном аналогичном кроется «Великое Предательство» и «убийство коммунизма», что было лично особенно желательно (объективно, независимо от степени осознанности) изощренному властолюбцу, любителю тиранически-палаческого управленческого «алгоритма» и неограниченных привилегий. И ведь есть своя логика в том, что многому из такого рода миновавшего беспредела подражают ренегатствующие антисоциалистические заправилы более, чем кто-либо. Между прочим, как ни странно, поздно вечером по ОРТ 12.06.98 г. вдруг, видимо, случайно, промелькнул фрагмент с заседания одного из партийных съездов, где предстал Ельцин, который с демонстративным усердием участвовал в исполнении Интернационала — действительно коммунистического гимна, священного для целых поколений...

Поражает готовность почти всех номенклатурных «бонз» продать и предать все, что угодно, и, прежде всего, собственные «убеждения». Таково главное следствие долгих десятилетий функционирования бюрократических, до упора самоубийственных для общества антидемократических изловещих, разнузданно преступных сталинских принципов фор-

мирования аппарата. А вот действительно достойные люди, не имевшие подчас ничего общего с номенклатурой и более того — страшно тяжело поплатившиеся сплошь и рядом вместе с истинными ленинцами из ЦК долгими годами заключения по лживым обвинениям, в отличие от Ельцина и ему подобных издавна не «перекрашиваются» и не торгуют убеждениями. На редкость трагична, к примеру, судьба Юлиана Григорьевича Оксмана: «Поразительно, что Оксман, человек невероятного ума и энергии, историк — что очень важно, пройдя через десять лет колымского лагеря... все равно не изменил той вере, той надежде, с которой встретил революцию. В 1967 году в письме Пиксанову он, несмотря ни на что, приветствует революцию, поскольку, по его мнению, это великое событие, изменившее мир» («Независимая газета», 11.06.98).

Думается, в главном прав профессор, доктор философских наук Вадим Семенов «В. И. Ленин — гений, интеллигент, величайший научный теоретик и политический практик, диалектик, действующий в гуще народа, среди рабочих, крестьян, солдат, молодежи, слушающий их и разъясняющий им свою политику, линию партии, человек широчайшей эрудиции, знаток современной ему Западной Европы, самых передовых капиталистических стран, всегда мыслящий самими решающими и главными категориями — народ, человек, демократия, цивилизация, прогресс». («Журнал «Альтернативы», 1998 г. № 1. С. 148). В Сталине В. Семенов отмечает: «...хитрый политик и интриган, преимущественно практик-организатор, в теоретико-культурном плане ограничившийся самым необходимым, даже минимальным, по натуре и характеру грубый (что отмечал В. И. Ленин) жесткий и жестокий, что проявлялось в организованных им репрессиях...» (См. там же).

В ряду многого иного аналогичного, особого внимания заслуживает с каждым годом усугубляющаяся деградация мировоззренческого, духовного и морально-этического потенциала тех, кто вступает по случаю завершения школьного этапа во «взрослый» период своей жизни. Весьма показательна в данной связи публикация в «Известиях» (27 июня 1998 г.) «Групповой портрет в интерьере школы и страны». Опрос группы московских выпускников, только что покидающих школу, которой они отдали десять очень многое предreshающих лет. Особенно тревожит узость мышления и ограниченность кругозора, думается, далеко не самых отсталых и педагогически запущенных ребят, более или менее грамотно формулирующих то, что им ведомо.

Особенно поражают ответы на вопрос о тех, кто особенно привлекает исключительное внимание юных, по-своему становясь их кумирами. Кто-то, походя объявляет исключительно уважаемой одну из зарубежных музыкальных поп-звезд, кто-то утверждает, что делая «кумира из Ленина, мы становимся его рабами». На прямой вопрос о политиках, заслуживающих уважения, ответы хуже, чем просто неумные. Из крупных величин прошлого единственно достойным (разок упомянутым...) оказался лишь Петр Кропоткин — личность действительно чистая, умнейшая, благороднейшая, человечно прогрессивнейшая, во всем исключительно достойная, но сумевшая повлиять по-настоящему лишь на меньшинство современников. Зато сравнительно широко представлены особо малопочтенные, думается, на редкость негативные, нездоровые, корыстные наши современники вроде Жириновского и Чубайса... Возможно ли что-либо еще менее обнадеживающее? Маловероятно. Хуже некуда, хотя это еще не самое страшное из целеустремленно насаждаемого более 15 последних лет в юной среде...

Как и почему поразительно многие наши дети и внуки могли докатиться до такой ужасающей степени неполноценности на грани социальной дегенерации? Ответить сравнительно несложно: подавляющее большинство из них — жертвы наигнуснейшего «инструментария» тотального оглушения и целеустремленной деморализации. Того самого, до деталей продуманного, разработанного и преступно пущенного в ход с конца 1991 года.

Часто и вполне справедливо упоминается ныне пагубная, всерастворяющая и одурманивающая роль основной, наиболее крупнотиражной прессы, телевидения и других особо влиятельных средств массовой информации. Но почему-то гораздо реже в качестве одного из самых зловещих факторов современного бытия упоминается давно невиданная степень подрыва и разложения всей системы гуманитарного, прежде всего — исторического образования и воспитания. Чего стоит в данной связи хотя бы издание одного за другим беспредельно нечестных, крайне реакционных учебников по истории!

Здесь, думается, главное понять при желании не так уж сложно. В то же время нередко сталкиваешься с кое-чем гораздо более труднообъяснимым. К примеру, школьники и другие юные наши сограждане, почти полностью изолированы от мало-мальски честной и прогрессивной, элементарно человеческой информации. Могли бы стать ее источниками ныне заглушаемые просто честные мыслящие люди. Однако в массе своей юные наши сограждане (не только старшеклассники) доведены до такой степени необъективности и примитивности, что и страшно редкие добросовестные, содержательные статьи совершенно не воспринимаются данной аудиторией. В этом плане, наиболее известные, скажем, поэты (в отличие от малоизвестных, но далеко неглупых сограждан), находятся в не столь же изолированном, «безгласном» положении и должны бы ясно осознавать и доводить до как можно более широких масс правду о том, «что есть истина?»... Странно, но и от них в последние годы крайне редко доводится услышать нечто похожее на элементарно объективную и глубокую оценку минувшего и ныне происходящего!

3 Несчетное множество наших юных современников с тягчайшими последствиями для их интеллектуального и нравственного формирования изоциренно, начиная с самого нежного возраста, проведены мимо ряда ценнейших творений А. С. Пушкина. А ведь все до единого наши дети и внуки непременно должны бы соперничать необъятно многозначимым мыслям и чувствам, содержащимся во множестве мучительно выстраданных гениальных пушкинских строк!

Разумеется, все это продлевается в надежде на беду нашу необъятную и непоправимую. Какова, к примеру, цена многостраничного «фолианта», без стеснения озаглавленного «1000 экзаменационных билетов и готовых ответов» (точнее подсказок)! Издан он далеко не «просто так», а в полном соответствии не только с «образовательными» инстанциями, но, судя по всему, с еще более «высочайшими» установками, да еще при участии Министерства образования! И всенепременно с учетом «изменения Базисного учебного плана общеобразовательных учреждений РФ и программ основного общего образования»!

Они кощунственно «не упускают» ничего из наиболее ценного, буквально глазом не моргнув, они пытаются внушить даже старшеклассникам, будто А. С. Пушкин не проявлял суровой, решительной неприязни ни к одному из самых ужасных зол, особенно пагубных для российского общества того времени. Именно ради этого они фактически «удаляют» от восприятия юными согражданами ряд его произведений исключительно прогрессивной направленности, особенно редкой для начала XIX века по своей доброте и человечности.

Та же в своей махрово одурманивающей регрессивности «образовательно-воспитательная» заданность характерна и для очередного аналогичного околпедагогического пухлого тома «1450 экзаменационных билетов и готовых ответов. 11 класс», изданного в 2001 году. Естественно, также нацелены и экзаменационные билеты к выпускным экзаменам «для общеобразовательных школ и классов с углубленным изучением истории. В

обоих случаях билеты охватывают содержание полного исторического цикла — с древности до современности» (см. «Вестник образования», март, 5, 2001 г.).

И здесь проявляется та же постыдно растлевающая закономерность! Ведь мировоззренчески спасительные, исключительно позитивные, тем более — для России того самодержавно-крепостнического бесчеловечного времени, потрясающе светлые и мудрые в своей прогрессивности, благородной нацеленности антицаристские и противокрепостнические строки Александра Сергеевича — ценнейшее наше достояние на веки вечные! Не случайно они были органически неприемлемы самым махровым погубителям нашего Отечества вовсе не только далекого прошлого!

До чего же важно, вопреки потугам ныне властвующих и роскошествующих ельциноидов, чтобы все недавно вошедшие и входящие в современный мир знали, кого из достойнейших наших соотечественников творчество А. С. Пушкина вдохновляло на колоссальной значимости созидательно гуманистические свершения — из года в год, из десятилетия в десятилетия, из века в век! И как «мешает», пушкинский гений, как и все великое, дремуче реакционным временщикам-властолюбцам, и не только обнаженного ельциноидного типа, как и прочим столь же бездушнейшим захребетникам!

Нет, далеко не случайно царский подручный шеф жандармов, ныне подхваливаемый ультрареакционер А. Х. Бенккендорф, выполняя «повеление» Николая I по прозвищу Палкин (теперь, разумеется, тоже «высочайше» одобряемого, невзирая на все его ужасные и бездарные деяния), орудовал вполне определенно. В частности, далеко не случайно он приказал генерал-адъютанту С. С. Стрекалову и флигель-адъютанту С. Г. Строганову обследовать Московский и Санкт-Петербургский университеты для выявления «откуда, как из очага заразы, распространяются по стране запрещенные стихи Рылеева и Пушкина... о нашедшихся виновниках немедленно сообщить... а самому принять меры строгие к полному истреблению последствий» (См. сб. «Декабристы и их время. Материалы и сообщения». М.—Л., 1951 г. С. 232).

«Творческим» регрессивно всепагубным элементам и их подручным, своекорыстнейшим образом прислуживающим самым зловещим силам дней текущих, а значит — склонным подражать своим «предтечам» минувшего времени, просто нельзя не стремиться делать все, им посылное, для того, чтобы изо дня в день обречь на паралич и уничтожение все умное, ценное, человеческое из наследия, народу предназначенного. Потому-то, возрождая и сберегая именно такое наследие в полном объеме, «не забывая» никого и ничего из спасительно благородного, необходимо сделать доступным, трепетно близким и все исключительно актуальное и из завещанного А. С. Пушкиным, хотя бы для тех, кто еще только приближается к взрослой жизни. В том числе и нижеприводимые строки, осознанное восприятие которых тоже поможет тем, кто все еще пытается спасти от вероломно «внедряемых» бед и немощи наше Отечество, расчетливо обречаемое на самое непоправимое...

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.

Мы ждем с томленьем упования
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Деревня

...Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца,
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Вольность

...Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! Куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде несправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть./.../

Владыки! Вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон /.../.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле...

...Друг Марса, Ваха и Венеры,
Тут Луин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось молча обнажал
цареубийственный кинжал

Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, слово «рабство» ненавидя
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Почему А. С. Пушкин и многие другие из истинных аристократов (в отличие от теперешних ельциноидных...) не могли не клеймить из поколения в поколение царистски-крепостнические «основы» и вплоть до конца XIX века составляли большинство политических заключенных, включая тех, кого отправляли не только на каторгу, но и на виселицу? Только потому, что они были благородными чистыми порядочными людьми, а не грязно бесчеловечными хапугами.

А. С. Пушкин и близкие ему по духу люди, включая лучших из дворян, принадлежали к числу не тех, кто подобен нынешним загребуще грабительским капитализаторам, монархистам и прочей такого же рода «публике»: у них душа изболелась из-за невозможности в условиях самодержавного господства «самовластительных злодеев» хоть немного улуч-

шить жизнь гигантского большинства тружеников нашей страны, оградив их, по крайней мере, от части самых ужасных бед. Причем далеко не только тех, которые порождались «правом» продавать на рынке русских крестьян как рабов, а также от вполне возможного изуверства таких монстров, как Салтычиха...

Чего стоила сравнительно «невинная» ситуация связанная, например, с продажей двумя помещицами 380 крестьян Вятской губернии «коптом» заводчику Яковлеву, намеревавшемуся перевезти их на свой завод из родных деревень. Крестьяне отказались покидать землю предков своих и даже разоружили воинскую команду, направленную на их «усмирение», послали царю жалобу в надежде на справедливость самодержца. Они лишь верноподданически просили у него разрешения выкупиться у заводчика и остаться на прежнем месте жительства. Крестьян же объявили «бунтовщиками» лишь за их отказ покинуть свои деревни до получения царского ответа!

Самодержавной «милости» не последовало, а войск у царя тогда было более чем достаточно для того, чтобы силой «перебросить» крестьян на Холуницкий завод и подвергнуть поголовной порке. А самых активных из них по решению покарать типично ужаснейшим образом: «наказать кнутом, каждого 20 ударами и вырезать ноздри, с постановлением на лбу и на щеках указательных знаков, а затем сослать в Нерчинск на каторжную работу». Такова была обстановка в стране, которую так страстно хотели изменить к лучшему все достойнейшие наши соотечественники, особенно начиная с ныне предаваемого забвению Александра Николаевича Радищева и проклинаемых апологетами теперешнего режима декабристов! Столь же закономерным было органическое неприятие самодержавных «порядков» и пережитков крепостничества, порождавших страшные беды России, которым противостояли Лев Николаевич Толстой, Владимир Ильич Ленин и вообще очень многие из числа по-настоящему благородных людей XIX и XX веков.

Вполне «естественно» выбрасывание из истории, гнуснейшее шельмование ельциноидами лучших из лучших наших соотечественников, включая декабристов. И столь же далеко не случайно Александр Сергеевич Пушкин адресовал подвергнутому жесточайшей расправе декабристам отважные, горестно и гневно беспредельно выстраданные свои строки:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Неужто эти строки так и не окажутся пророческими благодаря наигрязнейше вероломному перевороту конца 1991 года и властвованию хапужно бесчеловечных процаристски капитализаторских элементов над ими же разваленной и надорванной Родиной нашей?

4 Разве не «загадочно» то, что крупнейшие наши поэты первых десятилетий XX-го века, несопоставимо масштабнее, чище, человечнее, глубже воспринимали факты, явления, закономерности общественного развития, чем современные их коллеги, не говоря уж о нынешних властвующих лжереформаторах? И их же, по-настоящему мудрых, человеколюбивых, душевных, клеймят за это корыстно нацеленные современные политиканские и околотературные ничтожества! Вот и великого Александра Блока упрекают за резко критическое отношение ко всему скверному, смертельно опасному для общества из творившегося при двух последних самодержцах, на беду подавляющему большинству соотечественников. Кланут его, разумеется, за оправдание спасительной революции, а также, конечно, за позитивную оценку того, кто начал блистательно прокладывать путь к созиданию великой уникально человеческой и прогрессивной страны, под его же руководством спасенной от иностранной колонизации и развала. Вполне закономерно это сочетается с аморальнейшим осквернением В. И. Ленина и великой революции, и с жадной взвалить на него, как и на всех достойнейших людей той поры, ради достижения своих преступных целей, все антиленинские, антисоциалистические бесчеловечнейшие ультрарегрессивные мерзости, связанные с властвованием Сталина. Ведь именно это было не реализацией великих спасительных заветов, а чудовищной силы социальной «взрывчаткой, заложенной подо все, блистательно осуществленное при Ленине»!

Всепрядельно чуткий, талантливейший, умнейший Александр Блок вполне закономерно шел к решающему выбору последних лет своей жизни, ибо с весьма раннего возраста он не мог не сострадать болям всех своих соотечественников из числа несчастливых, обездоленных, истерзанных несправедливым обществом и корыстнейше эгоистичным режимом властвующих бездарностей. Как же ухитряются нынешние недоброжелатели великого поэта, например, «уводить» гигантские массы наших детей и внуков от понимания роковой правды выстраданных им проникновенных строк под впечатлением страшно многого тяжкого, мучительно, пагубного для Отечества и пострадавшего родного народа!

В соседнем доме окна желты,
Скрипят задумчивые болты,
По вечерам — по вечерам
Подходят люди к воротам,
И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.
Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.
Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

Фабрика. 24 ноября 1903 года

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и в гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен.
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!..

Сытые. 10 ноября 1905 года

Вновь и вновь невозможно не поражаться величию поэтических гигантов нашего прошлого, что сочеталось с уникальной их незаурядностью. Тот же гениальный поэт Александр Блок был просто потрясающ в своей редчайшей социально-политической мудрости как аналитик российских реалий. Насколько духовно убоги и нравственно уродливы те нынешние наши «авторитеты», которые во всю расхваливают даже таких погубителей нашей страны, как предпоследний царь и К. Победоносцев! А Блок не мог не поведать страшную правду: «В те годы дальние, глухие // В сердцах царили сон и мгла: // Победоносцев над Россией // Простер совиные крыла, // И не было ни дня, ни ночи, // А только тень огромных крыл...»

До чего же не «заурядно» аморальны, а сверхпреступны те, кто делают все возможное, чтобы оставались вне восприятия юных поколений даже нижеследующие строки Александра Блока!

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!...!

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,

Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

Россия. 18 октября 1908 года

Он говорит умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.

И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел!...!

Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых
Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе!...!

И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал,
И как солдат ружье над мертвым
Наперевес держал.

Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды!...!

И были строги и спокойны
Открытые зрачки.
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штыки.

Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.

Митинг. 10 октября 1905 года

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела. /.../
Довольных сытое обличье
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит времен величье
И розоперстая судьба!
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Все, все — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

3 июня 1907 года

В голодной и больной неволе

И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?!.../
Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного — и нам.

15 февраля 1909 года

Рожденные в года глухие

Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забуть не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.
И пусть над нашим смертным ложем
Взовется с криком воронье,
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914 года

Даже если ограничиться вышеприведенными поэтическими строками, легче легкого уяснить, насколько глубока творческая и общечеловеческая величина, Александра Блока, величина уникальных в своем благородстве познавательных возможностей. Не может не поражать то, как наш великий поэт, оценивал все определяющее из происходившего в стране с конца XIX века и вплоть до 1917 года. И насколько оправданным был его главный выбор! Ведь почти сотню лет тому назад до деталей осозная, насколько мучительна в своей, нередко полной беспросветности, была жизнь подавляющего большинства сограждан, он вполне отдавал себе отчет в неизбежности тягчайших потрясений в ходе неотвратимой революции при всей святости побуждений большинства (хотя и не всех...) ее участников.

...Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...
В зубах сигарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый Туз!...!
Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!
Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!
Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови! /.../
...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...!...!
В очи бьется
Красный флаг.
Раздается
Мерный шаг.
Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
 Дни и ночи
 Напролет...
 Вперед, вперед
 Рабочий народ!
 ...Вдаль идут державным шагом...
 — Кто еще там? Выходи!
 Это — ветер с красным флагом
 Разыгрался впереди...!...!
 — Кто там машет красным флагом?
 — Приглядись-ка, эка тьма!
 — Кто там ходит беглым шагом,
 Хоронясь за все дома?
 Все равно, тебя добуду
 Лучше сдайся мне живьем!
 — Эй, товарищ, будет худо,
 Выходи, стрелять начнем!
 Трах-тах-тах! — И только эхо
 Откликается в домах...
 Только вьюга долгим смехом
 Заливается в снегах...
 ...Так идут державным шагом —
 Позади — голодный пес,
 Впереди — с кровавым флагом,
 И за вьюгой невидим,
 И от пули неведим,
 Нежной поступью над вьюжной,
 Снежной россыпью жемчужной, в белом венчике из роз —
 Впереди — Иисус Христос.

Двенадцать. Январь 1918 года

А как предчувствует Поэт, откуда грядет самая труднопреодолимая угроза нашей Родине и как он мечтает, чтобы «старый мир» (ведущие империалистические державы того времени) удержался от развязывания очередной ужасающей бойни с непредсказуемыми последствиями! Как ни грустно, но никто и ничто не могло удержать «старый мир» от стремления вооруженным путем «решить» (только в интересах собственного своекорыстия!) проблемы Советской России. Разумеется, не ожидая сокрушительного отпора от РККА...

...Вы сотни лет глядели на Восток,
 Копя и плавя наши перлы,
 И вы, глумясь, считали только срок,
 Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда, -
 И каждый день обиды множит,
 И день придет — не станет и следа
 От ваших Перстумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановить, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!...

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!...

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит! /.../

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство! /.../

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Скифы. 30 января 1918 года

Одному из величайших наших поэтов за все минувшие века суждено было уяснить правоту Великой Октябрьской революции, Декретов о мире и земле, а также столь же спасительную роль В. И. Ленина в предотвращении развала нашей Отчизны в ходе военного разгрома иностранных агрессоров и их пособников. Но злая судьба лишила А. Блока шанса оценить дальнейшие великие свершения Владимира Ленина.

Судьба уникального, на редкость популярного по сей день Сергея Есенина была крайне сложна, а на завершающем этапе жизни — фатально непоправима, гибельно трагична. Прежде всего, в связи с крайне нездоровыми сдвигами в СССР вскоре после страшно ранней кончины В. И. Ленина. Очень необычной была редчайшая по глубине (тем более для поэта-лирика «милостивой божией») восприимчивость Сергея Есенина к проблематике общесоциального масштаба. Возможно, исключительно сильно повлияло на него невиданное по своей мудрости и доброте среди правителей за все века нашей истории отношение В. И. Ленина к крестьянству, которому всей душой сопереживал истинно народный поэт, как мало кто другой ощущавший его многовековую боль.

Видимо, совсем не случайно самые восторженные, самые трепетно добрые слова Сергей Есенин адресовал непосредственно Владимиру Ильичу после его ухода...

...Россия —
Страшный, чудный звон.
В деревнях березь, в цветъ — подснежник.

Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.
Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках. /.../
Глядел скромней из самых скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс ...
Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

.....
Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы.

.....
Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И он пришел.

.....
Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить муки,
Берите все в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет —
Как ваша власть и ваш Совет».

.....
И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:

Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...

.....
И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин.
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон...

1924 год

Капитан земли

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир —
Единая семья.
Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.
Не то что мы,
Которым все так
Близко, —
Впадают в диво
И слоны...
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.
Средь рева волн
В своей расчистке,
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил

По-марксистски,
 Совсем по-ленински
 Творил.
 Нет!
 Это не разгулье Стеньки!
 Не пугачевский
 Бунт и трон!
 Он никого не ставил
 К стенке.
 Все делал
 Лишь людской закон.
 Он в разуме
 Отваги полный
 Лишь только прилегал
 К рулю,
 Чтобы об мыс
 Дробились волны,
 Простор давая
 Кораблю...

17 января 1925 года

Трудно представить более несходные творческие индивидуальности, чем Сергей Есенин и Борис Пастернак, а потому тем более разительным представляется какое-то глубинно органичное, чуть ли не природное совпадение их восприятия исторической роли, лидерских и человеческих качеств Владимира Ильича Ленина.

Б. Пастернак. «Высокая болезнь»

Он был, как выпад на рапире.
 Гонясь за высказанным вслед,
 Он гнул свое, пиджак топыря
 И пяля передки штиблет.
 Слова могли быть о мазуте,
 Но корпуса его изгиб
 Дышал полетом голой сути,
 Прорвавшей глупый слой лузги.
 И эта голая картавость
 Отчитывалась вслух во всем,
 Что кровью былей начерталось:
 Он был их звуковым лицом.
 Когда он обращался к фактам,
 То знал, что, полоща им рот
 Его голосовым экстрактом,
 Сквозь них история орет.
 И вот, хоть и без панибратства,
 Но и вольней, чем перед кем,
 Всегда готовый к ней придраться,
 Лишь с ней он был накоротке.

Столетней завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому — страной.

Среди тех, кто восхищается поэтическим даром Бориса Пастернака довольно много тех, кто уверен в его гениальности. Однако к ним вполне могло бы «подключиться» немалое количество и людей с иными поэтическими симпатиями при оценке четырех последних строк данного исключительно серьезного произведения:

Я думал о происхожденье
Века связующих тягот.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

Предчувствовал ли Б. Пастернак поистине страшные последствия гибели В. И. Ленина в возрасте 53 лет и пагубное торжество сталинщины с роковыми последствиями для гигантских людских масс? Трудно сказать. А вот Осип Мандельштам при всей своей «аполитичности», еще в 1918 году давший высочайшую оценку В. И. Ленину, пожалуй, гораздо глубже, чем подавляющее большинство политиков-профессионалов, а не только литераторов, оценил весь потрясающий ужас того, что «воцарилось» в результате переворота, начавшегося с конца 20-х...

Осип Мандельштам. Сумерки свободы. 1918 год.

...Прославим роковое бремя,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть — тот должен слышать время,
Как твой корабль ко дну идет. /.../
Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи.
Как плугом, океан деля,
Мы будет помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

А вот в декабре 1930 г. поэт ощущает страшные перемены.

Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей /.../
Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

После того, как во всю была «раскручена» сталинская коллективизация и «ликвидация кулачества как класса», а как следствие этого — начался страшный голод начала тридцатых годов (тоже с многомиллионными жертвами) весьма многое прояснилось. Как и то, что власть тирана стала бесконтрольной во всем наиважнейшем. Уяснить это было особенно трудно, а Осип Мандельштам оказался также в числе считанных единиц, не только понимавших «что к чему», но и жертвенно рискнувших обнажить страшную правду. Причем поэт отважно бросил Сталину клеймящие его строки за годы и годы до начала 1937-го!

Мы живем под собою не чуя страны,
 Наши речи за десять шагов не слышны,
 А коль хватит на пол-разговорца —
 Сразу вспомним кремлевского горца.

*(Существует более ранний вариант предъюдущих двух строк:
 Только слышно кремлевского горца —
 Душегубца и мужикоборца.)*

Его толстые пальцы как черви жирны,
 А слова — как пудовые гири верны,
 Тараканьи смеются усищи
 И сверкают его голенища.
 Как подковы кует за указом указ,
 Кому в лоб, кому в пах, кому в бровь, кому в глаз.
 А вокруг него — сброд тонкошеих вождей,
 Он играет услугами полу-людей!
 Кто — смеется, кто плачет, кто хнычет,
 Он один лишь бабачит и тычет...

1933 год

Обычно Сталин публично не оглашал от своего имени тех, кого ему лично хочется уничтожить. Это могло «проскользнуть» изредка в основном в записках, адресованных им кому-либо из особо доверенных подручных. Остается только поражаться тому, как мог это уловить О. Мандельштам, здесь же пригвоздивший Сталина также словами: «что ни казнь для него — то малина...»! При оценке антилининской властной структуры, как режима, растаптывающего все подлинно социалистическое, то есть по-настоящему человеческое, а значит труднопоправимо уродующего бесконечно многое, очень важно глубоко воспринять поэтические строки, завершённые О. Э. Мандельштамом в конце 1935 года. Сколько же надо было пережить, повидать, передумать, чтобы вырвались из глубины души уже тогда до такой степени выстраданные слова!

За гремящую доблесть грядущих веков
 За высокое племя людей, —
 Я лишился и чаши на пире отцов,
 И веселья, и чести своей.
 Мне на плечи кидается век-волкодав,
 Но не волк я по крови своей:
 Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
 Жаркой шубы сибирских степей...
 Чтоб не видеть ни труса. Ни хлипкой грязцы,
 Ни кровавых костей в колесе;

Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.
Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

Великие люди, включая крупнейших наших поэтов, глубоко и честно восприняли трагедии и величие нашего прошлого первых десятилетий XX-го века. А вот сверхблагополучно, сверхуточно, в сущности — роскошно, как почти никто из его сверстников, да и из бесчисленной массы гораздо более молодых сограждан, доживший до глубокой старости Сергей Михалков ухитрился «не заметить» типичнейших фактов, явлений, закономерностей. На его глазах из года в год шельмуется все, связанное с возникновением Советской России, с гигантскими усилиями и огромными жертвами спасенной от распада и гибели благодаря Октябрьской революции и прежде всего — благодаря колоссальной по своей созидательности и спасительности, невиданной за все века нашей истории творчески созидательной руководящей деятельности В. И. Ленина. Дошло до того, что, к примеру, в растлевающее безнравственной передачке «Про это», где вполне заурядны и омерзительно грязные «околосексуальные эксцессы», 11.07.98 г. пришлось услышать гнуснейшую клевету, адресованную непосредственно В. И. Ленину...

Казалось бы, все прекрасно понимая, Сергей Михалков с 1992 года так и не подумал опровергнуть хотя бы частично гигантскую ложь, инспирируемую криминально капитализаторским режимом в отношении В. И. Ленина — своего главного и, самого действенного антипода, возглавлявшего первое Советское правительство. Зато он использует любую возможность ради возвеличивания паразитически злобной и пагубной (на фоне очень и очень многих других) властвующей природы в лице Сталина! А его сын Никита, «синхронно», можно сказать — с легкой душой во всех нынешних бедах винит именно Маркса и Ленина, восхваляя в то же время Ельцина и еще более слащаво — даже самых бездарных и бесчеловечных царей. Остается утешаться хотя бы тем, что этот человек, хочется надеяться, не склонен восхищаться Сталиным, как некоторые...

А чего стоило, к примеру, то, что в 2002 году (не в годы, когда на вершине власти находился Борис Ельцин) на экране появилась одна из главных телеведущих ОРТ, которой было щедро предоставлено время не для научно обоснованного, а сугубо личного мировоззренческого самовыражения. Разумеется, не для озвучивания хотя бы одного слова правды о замыслах и свершениях В. И. Ленина, ибо об этом Человеке и Лидере с конца 1991 года «положено» вещать лишь что-то необузданно лживое и клеветническое. Вплоть до низменно криминальной грязи, за которую в условиях полноценной государственной управленческой структуры пришлось бы нести ответственность не только в административном, но и в судебном порядке...

Что касается упомянутой телевизионной дамы, то, расположившись на экране «со всеми удобствами», она провозглашала самоуверенно и напористо лишь то, что кое-кем ныне поощряется: просто она всемерно возвеличивала именно Иосифа Сталина. Все в «норме»: любые фильмы, касающиеся В. И. Ленина и «доводимые» до основной массы населения нашей страны, только клянут и унижают Владимира Ильича.

А вот отнюдь не односерийный, крайне многословный фильм, в котором в основном видна только Светлана Иосифовна Аллилуева, ею и режиссером «до краев» переполнен оправдывающе-реабилитирующей апологетикой Сталина. В сериале, тоже продемонстриро-

ванном в 2002 году и посвященном несчастному Василию Сталину, делается все, чтобы его отец, как никто виновный в бедах сына, выглядел в как можно более благоприятном свете.

Кто все это «внедряет»? Тот, кто «родственен» тем, о которых молодой поэт Евгений Евтушенко с редчайшей честностью и прозорливостью писал, что им «не важно, что власть Советская, а важно им то, что власть...»

5 В наши дни, пожалуй, как никогда трудно назвать кого-либо из наших выдающихся поэтов не очень давнего прошлого, которого бы в той же степени злобно буквально «вытравляли» из народной памяти и, конечно, из литературы, как Владимира Маяковского. Одним этот великий поэт и гражданин ненавистен прежде всего за то, что он, как один из умнейших людей не только своего времени, сумел понять и нашу многострадальную, доведенную до грани краха страну, и уникально спасительную роль Владимира Ильича Ленина. Других (в том числе и некоторых антикапитализаторских оппонентов ельцинского режима) приводит в крайне неприязненное возбуждение роль В. В. Маяковского в противостоянии все более матеревшей антиленински тоталитарной «тяге» во всех ее проявлениях. Тем более в данной связи можно не сомневаться в том, что «внезапная» гибель не просто гениального поэта, а одного из компетентнейших и на редкость могучих борцов за ленинские заветы и идеалы, то есть за истинный социализм, каким, безусловно, был Владимир Маяковский, во многом облегчила реализацию Сталиным наиболее ужасных из своих сверхпреступных, потенциально смертельно опасных для нашего общества, замыслов.

Как же ненавистен (как никому другому) нынешним корыстно-бесчеловечным властолюбцам и любителям богатств (грабительски ими захваченных), роскоши и сверхпривилегий заведомо преступного типа, кристально чистый правдолюбец, борец за народное благо! Гениально прозревавший грядущее еще в ныне одобряемые и расхваливаемые царские времена, юный поэт, со школьных лет ненавидевший тех, кто порождает и множит людские страдания, предостерегая их прошлых и теперешних «новоявленных» виновников от грядущей ответственности за черные деяния...

Я,
 обсмеянный у сегодняшнего племени,
 как длинный
 скабресный анекдот,
 вижу идущего через горы времени,
 которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается куцый,
 главой голодных орд,
 в терновом венце революций
 грядет шестнадцатый год.

А я у вас — его предтеча;
 я — где боль, везде;
 на каждой капле слёзовой течи
 распял себя на кресте.
 Уже ничего простить нельзя.
 Я выжег души, где нежность растили.
 Это труднее, чем взять
 тысячу тысяч Бастилий!

И когда,
 приход его
 мятежом оглашая,
 выйдете к спасителю —
 вам я
 душу вытащу,
 растопчу,
 чтоб большая! —
 и окровавленную дам, как знамя.

Облако в штанах. 1914–1915 гг.

Не мог не отдать В. Маяковский должно и великой правоте революционного народа.

Это время гудит
    телеграфной струной,
 это
    сердце
    с правдой вдвоем.
 Это было
    с бойцами,
    или страной,
 или
    в сердце
    было
    в моем. (...)
 Этот день
    воспевать
    никого не найдем.
 Мы
    распнём
    карандаш на листе,
 чтобы шелест страниц,
    как шелест знамен,
 надо лбами
    годов
    шелестел.

Поэт (в отличие от нынешних властителей и их пропагандистской «обслуги», нежно любящих своих американских и иных подобных друзей), прекрасно понимал, чего желали командующие армиями иностранного вторжения той поры. Как и то, какими реками крови и горами трупов пришлось платить за «аппетиты» правителей ведущих капиталистических держав, кровно заинтересованных в расчленении и колонизации великой страны с помощью т. н. белого движения...

Спросите,
    как —
 Двина-река,
 кровью
    крашенная,

трупы
     вытая,
 с кладью
     страшную
 шла
     в Ледовитый. (...)
 На первую
     республику
                     рабочих и крестьян,
 сверкая
     выстрелами,
                     штыками блестя,
 гнали
     армии,
             флоты катили
 богатые мира,
     и эти
         и те...
 Будьте вы прокляты,
             прогнившие
                     королевства и демократии,
 со своими
     подмоченными
                     «фратэрнитэ» и «эгалитэ»!
 Свинцовый
     лётся
         на нас
             кипяток.
 Одни мы —
     и спрятаться негде. (...)
 Посреди
     винтовок
         и орудий голосища
 Москва —
     островком,
         и мы на островке.
 Мы —
     голодные,
         мы —
             нищие,
 с Лениным в башке
     и с наганом в руке.

Хорошо! Октябрьская поэма. 1927 год

Много добрых слов адресовал Владимир Маяковский Советской власти и, конечно, всем честным труженикам в 20-е годы, но уже, потрясенный смертью Владимира Ильича, он тревожился в связи с угрозой очень и очень опасных деформаций, извращений на грани

непоправимого подрыва его концепции социалистического созидания, которые, по его мнению, далеко не исключены. Потому-то уже в поэме, посвященной памяти В. И. Ленина, немало строк явно противостоят грядущей сталинщине...

Я боюсь,
                                 чтоб шествия
   и мавзолеи,
 поклонений
                                 установленный статут
 не залили б
                                 приторным елеем
 ленинскую
                                 простоту.
 За него дрожу,
                                 как за зеницу глаза,
 чтоб конфетной
                                 не был
   красотой оболган.
 Голосует сердце —
                                 я писать обязан
 по мандату долга. (...)
 .....
 Он земной,
                                 но не из тех,
   кто глазом
 упирается
                                 в свое корыто.
 Землю
                                 всю
   охватывая разом,
 видел
                                 то,
   что временем закрыто.
 Он, как вы
                                 и я,
   совсем такой же,
 только,
                                 может быть,
   у самых глаз
 мысли
                                 больше нашего
   морщият кожей,
 да насмешливей
                                 и тверже губы,
   чем у нас.
 Не сатрапья твердость,
                                 триумфаторской коляской

мнущая
     тебя,
         подергивая вожжи.
 Он
     к товарищу
         милел
             людскою лаской.
 Он
     к врагу
         вставал
             железа тверже. (...)

И ему
     и нам
         одно и то же дорого.
 Отчего ж,
     стоящий
         от него поодаль,
 я бы
     жизнь свою,
         глупея от восторга,
 за одно б
     его дыханье
         отдал?!

Владимир Ильич Ленин. 1924 год

Поразительно: через немногие дни после гибели Владимира Ильича катастрофически опасной не только для нашей страны, но и для всей мировой цивилизации, В. В. Маяковский раньше даже практически всех политиков-профессионалов «высшего руководящего уровня», писал о том, как опасны бездумные, кое-кем корыстно запрограммированные «шествия и мавзолеи, поклонений установленный статут», как враждебна ленинской концепции строительства социализма «сатрапия твердость, триумфаторской коляской мнущая тебя, подергивая вожжи». Конечно, зловещим симптомом было то, что ход событий подтвердил пророческую правоту великого поэта, но это было лишь началом опаснейших для страны крайне нездоровых перемен.

Самым же порочным и роковым для нашего общества был фактический отказ Сталина признать правильность установки В. И. Ленина о том, что бюрократизм с его асоциально пагубной корыстью, чреватой тотально антисоциалистическим перерождением, является главным внутренним врагом строителей нового общества. Что же касается В. Маяковского, то он еще при жизни В. И. Ленина начал непримиримую борьбу против этого зла, и лишь усилил, ожесточил ее после ухода из жизни основателя и первого руководителя Советской страны. За что ему, как наиболее отважному и решительному поборнику ленинских установок, было суждено поплатиться своей жизнью. Ведь он был «неисправим» по части готовности отречься от ленинских заветов, до последнего своего часа борясь за их торжество.

Во второй половине 20-х годов отсутствие В. И. Ленина начало сказываться в жизни страны все более и более негативно, и именно в этот период Владимир Маяковский публикует резко возросшее число все более острых сатирических произведений, обнажающих язвы, с каждым годом все более скверно влияющие на общественно-политиче-

скую ситуацию в стране. Ни один не только литератор, но и политик не сделал по этой части больше, чем поэт, возможно, как никто понимавший страшную угрозу антисоциалистического, антиленинского перерождения. И никто с большей точностью и чуть ли не нокаутирующей силой не обнажал низменно пагубных симптомов принципиально крайне опасного вырождения (в первую очередь — аппаратного) ряда важнейших компонентов нашего общественного бытия. А через долгие десятилетия, по мере накопления пагубно грязных номенклатурных потенций, запрограммированных в ходе фактически антисоциалистического сталинского переворота, ельциноидный надлом могучей страны «вдруг» стал вполне реальным...

Дверь. На двери —
 «Нельзя без доклада».

Под Марксом,
 в кресло вкресленный,
 с высоким окладом,
 высок и гладок,
 сидит
 облеченный ответственный. (...)

Он всюду
 пристроил
 мелкую сошку,
 везде
 у него
 по лазутчику.

Он знает,
 кому подставить ножку
 и где
 иметь заручку. (...)

Все шире периферия родных,
 и
 в ведомостичках узких
 не вместишь
 всех сортов наградных —
 спецставки,
 танъемы,
 нагрузки! (...)

А там
 в приемной —
 сдержанный гул,
 и воздух от дыма спирается.
 Ответственный жмет плечями:
 — Не могу!

Нормально...
 Дела разбираются!

Зайдите еще
 через день-другой... —
 Но дней не дожидаться жданных.

Напрасно
                   проситель
                                   согнулся дугой.

— Нельзя...
                   Не имеется данных! (...)

Мы белым
                   едва обломали рога;

хромает
                   пока что
                                   одна нога, —

для нас,
                   полусытых и латочных,

страшней
                   и гаже
                                   любого врага

взяточник.

Взяточники. 1926 год

Например,
                   начальство
                                   делает доклад —
 выкладывает канцелярской премудрости
   клад.

Стакан
                   ко рту
                                   поднесет рукой
 и опять
                   докладывает час-другой.

И вдруг
                   воплем посредине доклада:

— Время
                   докладчику
                                   ограничить надо! —

Тогда
                   ты,
                                   сотрясая здание,

требуй:
 — Слово
                   к порядку заседания!

Доклад —
                   звезда среди мрака и темени.

Требую
                   продолжать
                                   без ограничения времени! —

И будь уверен —
                   за слова за эти

начальство запомнит тебя
и заметит. (...)

Увидишь:
начальство
едет пьяненький
в казенной машине
и в дамской компанийке.

Пиши
в стенгазету,
возмущенный насквозь:
«Экономия экономии рознь.
Такую экономию —
высмейте смешком!
На что это похоже?!
Еле-еле
со службы
и на службу,
таскаясь пешком,
начканц
волочит свои портфели».

И ты
преуспеешь на жизненной сцене —
начальство
заметит тебя
и оценит.

А если
не хотите
быть подхалимой,
сами
себе
не зажимайте рот:
увидев
безобразия,
не проходите мимо
и поступайте
не по стиху,
а наоборот.

Общее руководство для начинающих подхалим 1927 год.

Напялит
на себя
начальственную маску,
начальственные привычки,
начальственный вид.

Начальство ласковое —
и он
ласков.

Начальство грубое —
и он грубит.
Товарищ Иванов. 1927 год

Парт-комар
из МКК
не подточит
парню
носа:
к сроку
вписана
строка
проф-
и парт-
и прочих взносов. (...)
Коммунизм
по книге сдав,
перевызубривши «измы»,
он
покончил навсегда
с мыслями
о коммунизме.
Что заглядывать далече?!
Циркуляр
сиди
и жди.
— Нам, мол,
с вами
думать неча,
если
думают вожди. —
Мелких дельцев
пару шор
он
надел
на глаза оба,
чтоб служилось
хорошо,
безмятежно,
узколобо.
День — этап
растрат и лести,
день,
когда
простор подлизам, —
это
для него
и есть

самый
    рассоциализм. (...)
Блещут
    знаки золотые,
гордо
    выпячены
                груди,
ходят
    тихо
        молодые
приспособленные люди. (...)
Не наши —
        которые
                времени в зад
уперли
    лбов
        медь;
быть коммунистом —
                значит дерзать,
думать,
    хотеть,
        сметь.
У нас
    еще
        не Эдем и рай —
мещанская
    тина с цвелью.
Работая,
    мелочи соразмеряй
с огромной
    поставленной целью.
                                Служака. 1928 год

Сам себя
    совбюрократ
бьет
    в чиновничие перси.
«Я
    всегда
        советам рад.
Критикуйте!
    Я —
        без спеси.
Но...
    стенгазное мычанье...
Где
    в рабкоре
        толку статья?

Вы
    пишете замечания
и пускайте
    по инстанциям».
Самокритик
    совдурак
рассуждает,
    помпадурысь:
«Я же ж
    критике
        не враг.
Но рабкорь —
    разводит дурость. (...)
Сутки
    сряду
        могут крыть
тех,
    кого
        покрыли свыше,
чтоб начальник,
        видя прить,
их
    из штатов бы
        не вышиб.
Важно
    пялят
        взор спецы
на критическую моду, —
дескать —
    пойте,
        крит-певцы,
языком
    толчите воду. (...)
А рабкор?
    Рабкор —
        смотрите! —
приуныл
    и смотрит криво:
от подобных
    самокритик
у него
    трещит загривок.
Безработные ручища
тычет
    зря
        в карманы он.

Он —
    обдернут,
        он —
            прочищен,
он зажат
    и сокращен. (...)
Граждане,
    вы не врете-ка,
что это —
    самокритика!
Покамест
    точат начальники
демократические лясы,
меж нами
    живут молчаливники —
овцы
    рабочего класса. (...)
Полчаса
    в кутке
        покипят,
чтоб снова
    дрожать начать.
Эй,
    Проснитесь, которые спят!
Разоблачай
    с головы до пят.
Товарищ,
    не смей молчать!
Критика самокритики. 1928 год

Победу
    масс,
        позволивших
            ему
надеть
    незыблемых
        мандатов латы,
немедля
    приписал он
        своему уму,
почел
    пожизненной
        наградой за таланты.
Со всякой массою
    такой
        порвал давно.

Хоть политический,
но капиталец —
нажит.
И кажется ему,
что навсегда
дано
ему
над всеми
«володеть и княжить».
Внизу
какие-то
проходят, семена, -
его
не развлечешь
противною картиной.
Как будто говорит:
«Не трогайте
меня
касанием плотвы
густой,
но беспартийной». (...)
Метлою лозунгов
звенит железо фраз,
метлою бурь
по дуракам подуло.
— Товарищи,
подымем ярость масс
за партию,
за коммунизм,
на помпадуров! —
Помпадур. 1928 год

...По наркомам
с кистью лазя,
день-деньской
заказов ждя,
укрепил
проныра
связи
в канцеляриях вождя.
Сила знакомства!
Сила родни!
Сила
привычек и давности!
Только попробуй
да сковырни

этот
нароет бездарностей!...
Халтурщик. 1928 год

...Ведь это —
                                подрыв,
                                подкоп ведь это...
Критику
                                остороженько
  должно вести.

А эти —
                                критикуют,
  не щадя авторитета,
ни чина,
                                ни стажа,
  ни должности.

Критика
                                снизу —
  это яд.

Сверху —
                                вот это лекарство!
Ну, можно ль
                                позволить
  низам,
  подряд,
всем! —
                                заниматься критиканством?! (...)

Пристали
                                до тошноты,
  до рвот...

Обмазывают
                                кистью густою.

Товарищи,
                                ведь это же ж
  подорвет
государственные устои! (...)

Товарищ Попов,
  оставьте скулеж.

Болтовня о подрывах —
  ложь!

Мы всех зовем,
                                чтоб в лоб,
  а не пятясь,
критика
                                дрянь
  косила.

И это
лучшее из доказательств
нашей
чистоты и силы.

Столп. 1928 год

Этот сорт народа —
тих
и бесформен,
словно студень, -
очень многие
из них
в наши
дни
выходят в люди. (...)

Где причина?
В чем секрет?

Я
задумываюсь часто.

Жизнь
его
идет на лад;
на него
не брошу тень я.

Клад его —
его талант:
нежный
способ
обхожденья. (...)

Все похвалит,
впавши
в раж,

что
фантазия позволит —
ваш катар,
и чин,
и стаж,
вашу доблесть
и мозоли.

И ему
пошли
чины,
на него
в быту равнение.

Где-то
будто
вручены

чуть ли не —
        бразды
                        правленья.
Раз
    уже
        в руках вожжа,
всех
    сведя
        к подлизным взглядам,
расслюнявит:
        «Уважать,
уважать
        начальство
                        надо...»
Мы
    глядим,
        уныло ахая,
как растет
        от ихней братии
архи-разиерархия
в издательстве
        над демократией. (...)
                        Подлиза. 1928 год

Сколько их?
        Числа им нету.
Пяля блузы,
        пяля френчи,
завели по кабинету
и несут
        повинность эту
сквозь заученные речи.
Весь
        в партийных причиндалах,
ноздри вздернул —
                        крыши выше...
Есть бумажки —
                        прочитал их,
нет бумажек —
                        сам напишет.
Все
    у этаких
        в порядке,
не язык,
        а маслбой...
Служит
        и играет в прятки

с партией,
с самим собой. (...)
Кандидат из партии. 1929 год

/.../ «Товарищ Ленин,
я вам докладываю
не по службе,
а по душе.
Товарищ Ленин,
работа адская
будет
сделана
и делается уже.
Освещаем,
одеваем нищ и оголь,
ширится
добыча
угля и руды...
А рядом с этим,
конешно,
много,
много
разной
дряни и ерунды.
Устаешь
отбиваться и огрызаться.
Многие
без вас
отбились от рук.
Очень
много
разных мерзавцев
ходят
по нашей земле
и вокруг. (...)
...Ходят,
гордо
выпятив груди,
в ручках сплошь
и в значках нагрудных... (...)
Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным,
по землям,
покрытым
и снегом
и жнивьем,

вашим,
     товарищ,
             сердцем
                     и именем
 думаем,
     дышим,
             боремся
                     и живем!...»
 Грудой дел,
     суматохой явлений
 день отошел,
     постепенно стемнев.
 Двое в комнате.
     Я
             и Ленин —
 фотографией
     на белой стене.

Разговор с товарищем Лениным. 1929 год.

ПОЭТ во множестве своих строк провозглашает, что верит в неизбежность торжества великих идей и благородных замыслов, но последнее, конца 20-х годов, его обращение непосредственно к Владимиру Ильичу, свидетельствует о мучительной неуверенности и чуть ли не молитвенно заклинающем послании к тому единственному лидеру, гибель которого означала кардинальное изменение перспектив общественного развития. Возможно, Владимир Маяковский, как никто, мучительно ощущал радикальный поворот к худшему в ходе противостояния сил добра силам социально-политического и иного зла. Этот Человек и Творец, зная, насколько опасно для него противостояние мерзости антиленинских, антинародных, антисоциалистических извращений, смертельно рискованных для нашей Отчизны, органически не мог «отсиживаться в кустах» и, вопреки чудовищной травле, шел до конца...

«Оружия любимейшего род, //готовая рвануться в гике, // застыла кавалерия острот, //поднявши рифм отточенные пики». Эти строки из своего рода завещания (не только поэтического), написанного в декабре 1929 года — январе 1930-го, незадолго до гибели, лишь подтверждают лишний раз, что сатирическое обличение «новоявленных» общественных пороков (в перспективе — фатально опасных) было само собой разумеющимся для кристально чистой, рыцарственно отважной и жертвенной личности. Скверные симптомы все усиливающихся нездоровых перемен не прошли мимо внимания Владимира Маяковского буквально через считанные месяцы после кончины В. И. Ленина. Именно этим объясняется неуклонный рост числа сатирических произведений поэта, не прекращавшийся до конца его жизни. Видимо, глубже чем кто-либо из литераторов и политиков, этот великий поэт и гражданин отдавал себе отчет в происходившем, а потому и не молчал...

Процесс бюрократически-паразитарного перерождения партийного и государственного аппарата, которого не допускал В. И. Ленин, борясь против этого из последних сил, вскоре через считанные годы начал развиваться фактически почти беспрепятственно, уже тогда представляя собой по ряду направлений труднопоправимо опасную угрозу для ленинской концепции общественного развития. Владимир Маяковский проанализировал это с уникальной точностью и в сущности, с безоглядной обреченностью, понимая, видимо, что его не может не ожидать роковой финал в ходе острейшей схватки с органически регрессивными сила-

ми в ходе послеленинского развития нашей истории. В том числе за беспощадно обличающие типичные для него строки вроде процитированных выше, бивших, как говорится, не в бровь, а в глаз, в том числе и того, кто уже к началу 30-х годов был потенциально смертельно опасен для каждой по настоящему светлой, принципиальной, мудрой и чистой личности...

Весьма многое дает основания для уверенности, что Владимир Маяковский оценивал свою работу над сатирическими стихами не столько в качестве поэтического творчества, сколько — оптимального способа политического противостояния тенденции, отражающей жажду Сталина и его подручных подорвать социальную активность членов партии и социально наиболее зрелых трудящихся, покончить с позитивно созидательной ролью представительных органов власти снизу доверху, подмяв антиленинским аппаратно-парализующим прессом истинно социалистические, по-настоящему демократические ценности, подменяя их одновременно формально показушным якобы народовластием (по возможности — карикатурно-оболванивающего типа...). Причем все усиливавшееся перерождение основных рычагов власти и влияния, управленческих структур наиболее высоких уровней, ставило крест на Ленином запрограммированной мечте поэта о социалистическом «государстве без элиты»! Вместо этого Сталиным целеустремленно «вскармливался» неподвластный демократическому контролю, разбухавший как тесто на дрожжах плотоядно-чиновничий монстр фактически не правоохранительных, а по-сталински карательных ведомств, регрессивно-душегубские и иные рычаги которых творили все самое ужасное и гибельное...

Предчувствуя усиление самых зловещих сил, Маяковский, видимо, чувствовал, что ему, поэту и гражданину, во что бы то ни стало надо «выстоять среди моря свиста и негодования». Но с каждым годом надежды на успех такого противостояния таяли, и совсем не случайно из глубины его рыцарственно-жертвенной души вырвались гениальные, но мучительно горькие строки: «Я хочу быть нужен моей стране, // а не буду нужен — что ж! // По родной стране пройду стороной // как проходит косой дождь...» Но Владимир Маяковский не мог не продолжать своей смертельно опасной, мучительно тяжелой, скорее политической, чем поэтической деятельности. Уже триумф «Клопа» с огромным общественным резонансом в постановке тоже великого поборника ленинских идеалов, блистательнейшего режиссера Всеволода Мейерхольда, вызвал в решающей из «руководящих душ» весьма зловещие эмоции. Появление же «Бани» да еще с таким главным персонажем, как Победоносиков, с вполне узнаваемыми «главначпупсовскими» чертами, окончательно предрешило не только бешеную травлю, но и фактическое убийство Маяковского.

Такие гигантские величины, органически несовместимые с бюрократически своекорыстным, а затем тоталитарным, целеустремленно осуществляемым перерождением общества, как А. М. Горький, В. В. Маяковский, были обречены. Вместе со всеми другими действительно крупными, по-настоящему принципиальными, честными, мыслящими, творчески уникальными величинами в политике, культуре, а очень часто и в науке, нужны они были Сталину только мертвыми. В том числе и для того, чтобы, извратив их подлинное (в первую очередь — по-ленински чистое и мудрое) наследие себе на потребу, использовать их колоссальный авторитет, их титанические свершения (в интересах общества и большинства его граждан), «развернуть» все это в непоправимо пагубных, во многом лично и, конечно, ассоциально корыстных целях.

В условиях первого этапа, ничего общего не имеющего с интересами народного благо, то есть с интересами по-настоящему социалистического созидания, было возможно многое, но еще не все из самого чудовищного (со временем все более «позволяющего» Сталину, начиная со второй половины 30-х годов). Причем «реликты» сталинщины, ее ключевых фактически антисоциалистических потенций, в основном заложенных в 30-е годы, продолжали разрушительно, в весьма и весьма регрессивной направленности сраба-

тывать даже после антисталинских акций XX и XXII съездов КПСС, нередко с социально опаснейшей силой и непоправимыми последствиями.

На редкость показательна своего рода зловещая «перекличка» даже между последними годами жизни В. В. Маяковского и тем, что подчас происходило лет тридцать — сорок спустя, иной раз с аналогично трагическими результатами. Тогда наш великий поэт и гражданин до деталей понял и обнажил во множестве стихотворных строк, кое в чем интуитивно, антиленинскую сущность концепции, культивировавшейся Сталиным и его последователями. Среди них поначалу, да и по сей день, в большом количестве были заблуждавшиеся (и заблуждавшиеся в наиважнейшем), честные, но простодушно доверчивые, а в иных случаях и чуть ли не по-детски наивные люди. Владимир Маяковский был одним из страшно немногих, кто все понимал и решил идти до конца. Так же, как совсем юным он не мог спокойно реагировать на дореволюционные кровавые непотребства: «Меня не остановите. // ...Я не могу быть спокойней. // Смотрите — // Звезды опять обезглавили // И небо окровавили бойней! // Эй, вы! // Небо! // Снимите шляпу! // Я иду! // Глухо...»

В своем поэтическом (и не только) завещании, завершеном незадолго до гибели, поэт отнюдь не демонстрировал готовности «пасть ниц». Мало того: он совсем недавно, в сущности, сверхнепримиримо, чуть ли не демонстративно игнорировал 50-летие Сталина и тошнотворно непорядочную юбилейную шумиху (кстати — только после смерти В. И. Ленина Царицын был переименован в Сталинград). Если основателю Советской России Владимир Маяковский посвятил буквально кровью сердца написанную поэму и много других произведений, то Сталину не было посвящено хотя бы одно-единственное стихотворение... Решительное «непокорство» зловещим сдвигам продолжалось до конца!

...И мне
                   агитроп
                           в зубах навяз,
 и мне бы
                   строчить
                           романсы на вас —
 доходней оно
                   и прелестней.
 Но я
           себя
                   смирал,
                           становясь
 на горло
                   собственной песне. (...)
 Мы открывали
                   Маркса
                           каждый том,
 как в доме
                   собственном
                           мы открываем ставни,
 но и без чтения
                   мы разбирались в том,
 в каком идти,
                   в каком сражаться стане...

Во весь голос. Декабрь 1929 года – январь 1930 года

Догадывался ли о своей вполне вероятной обреченности В. В. Маяковский? Трудно сказать. В частности, о многом свидетельствовала предельно бесчестная брошюра весьма влиятельного в те годы литератора, критика, председателя Союза поэтов Г. Шенгели «Маяковский во весь рост». Чего стоило хотя бы сравнение великого поэта с хулиганом, который вследствие собственной недостаточности, отсутствия внутреннего содержания и желания самоутвердиться прибегает к таким методам, как задиристый тон по отношению к авторитетам! Оказывается поэзию Маяковского отличает пустота и безыдейность, идущая от его люмпен-мещанского мировоззрения... А чего стоил итоговый вывод: «Значение Маяковского в нашей поэзии отрицательное. ...Бедный идеями, обладающий суженным кругозором... слабый мастер — он вне всяких сомнений стоит ниже своей эпохи...»

Однако все в сущности фатальное было «раскручено» в связи с таким на редкость актуальным и затрагивающим особо «крупные» интересы произведением, как пьеса «Баня». Автор, видимо, осознавал, что в его жизни пришла пора «последнего и решительного боя» во имя спасения от забвения ленинских установок, включая важнейшие — о всем, необходимом для создания демократического государственного аппарата, в том числе о реализации задачи изгнания из него всех следов «излишеств, которых в нем осталось так много от царской России...» (Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 405). Социализм возможен только в условиях всестороннего развития партийной, советской и производственной демократии. «Борьба с бюрократическими извращениями Советской организации обеспечивается прочностью связи Советов с «народом» в смысле трудящихся и эксплуатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи...» (Там же. Т. 36. С. 205, 206)

6 Теперешние лжедемократические, лжепатриотические и прочие фальсификаторы истории лгут не только когда вколачивают в массовое сознание, будто В. И. Ленин был опасен для России, да еще «поболее» Сталина! И к тому же провозглашая, будто они «едино суть», хотя по истинной принципиальной первооснове исключительно трудно встретить во времена минувшие и нынешние более непримиримых антиподов! Ради подобного извращения исторической правды подтасовывается все, имеющее к ней хоть какое-нибудь отношение. К примеру, подвергается сокрытию то, что Сталин уже менее, чем полтора десятка лет спустя после победы Великой Октябрьской революции успел фактически полностью покончить с борьбой против бюрократизма. Это произошло еще задолго до наиболее зловещего 1937 года, «совпавшего» с двадцатилетним юбилеем этого крупнейшего в своей очеловечивающей мир прогрессивности события. И в то же время он внушал сотням миллионов людей, будто, скажем, в ужасном по его же вине 1937-м году главными «врагами» социализма являются свергнутые много лет тому назад эксплуататорские классы, в результате чего по мере укрепления нового строя не может не обостряться классовая борьба! А под прикрытием пропагандистских воплей о т. н. «врагах народа», якобы надеющихся возродить свои привилегии и «вернуть отнятые у них богатства», включил в их число и уничтожил вместе с миллионами крестьян и других соотечественников, тоже вполне достойных, огромное, поистине подавляющее большинство партийных и государственных руководителей. Его жертвами становились, как правило, честнейшие и наиболее опытные, самые принципиальные и компетентные коммунисты, а именно те, кто помнил и всей душой одобрял ленинские времена, то есть на деле был верен ленинским заветам!!!

Когда эту страшную правду скрывают ренегатски криминальные капитализаторы — лжедемократы и лжепатриоты (иной раз расистского типа), тут все легко объяснимо. Но когда с ними смыкаются оппоненты ельциноидов, не просто шествующие с портретами Сталина, но и возвеличивающие его, то это представляется политически самоубийственной

аномалией. Чем объяснить такого рода столь разношерстное стихийное или осознанное сокрытие правды? И прежде всего — того что В. И. Ленин сразу же после победоносного завершения военной схватки с войсками иностранных агрессоров и их белогвардейских сателлитов, (что предотвратило распад и гибель нашей Отчизны), отнюдь не ограничивался решительнейшей борьбой против бюрократизма. Он делал все для того, чтобы полностью и окончательно покончить даже с подобием антикрестьянского, антиофицерского, антиинтеллигентского и любого иного экстремизма, всех без исключений проявлений бездушной репрессивной бесконтрольности, не говоря уже о жестокости. Нельзя игнорировать и то, что даже в разгар военного противостояния, когда непреклонная борьба нацеливалась прежде всего против тех, кто с оружием в руках сражался вместе с иностранными агрессорами против Советской России, делалось все посильное для недопущения карательной необузданности. Именно все это в совокупности и предредило спасение нашего общества.

А как только, начиная с 1921 года, началось мирное строительство, Владимир Ильич тем более непреклонно утверждал, что смертельная опасность исходит не от мнимых врагов, которых иные тогдашние лжекоммунисты «вычисляли» из бывших привилегированных сословий и вообще «социально чуждых элементов», а от типичного бюрократа-перерожденца, которого он считал опаснейшим внутренним врагом. Совсем не случайно в одной из своих в сущности предсмертных статей от 2 марта 1923 г. он отмечал: «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать, отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его...» (Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 389). «Я знаю, что... настойчивость нужно будет проявлять дьявольскую, что работа здесь первые годы, по крайней мере, будет чертовский неблагодарной; и тем не менее я убежден, что только такой работой мы сможем добиться своей цели и, только добившись этой цели, мы создадим республику, действительно достойную названия советской, социалистической...» (Там же. С. 391). По мнению В. И. Ленина, надо решительно брать в расчет, «...что бюрократы имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях» (См. там же). Неоднократно основатель Советской России предостерегал: «Если что нас погубит, то это» (Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 180). На наших глазах преступно дегенерировавшая номенклатура неосталинистски-ельцинского типа, начиная с 1991 г. вновь подтвердила абсолютную его правоту...

Есть, думается, глубинная взаимосвязь между тем, что В. И. Ленин решительно требовал отстранения Сталина с ключевого партийного поста, где ему удалось сосредоточить в своих руках, как выражался Владимир Ильич, «необъятную власть», которой, по его мнению, тот не сможет «пользоваться достаточно осторожно», с прямо-таки уничтожающей оценкой Сталина по результатам его работы в качестве наркома Рабоче-крестьянской инспекции. (Это тем более показательно, что Владимир Ильич именно этому наркомату считал необходимым поручить ответственнейшую роль в антибюрократическом оздоровлении управленческого аппарата страны). Поэтому, разобравшись в сталинской сущности окончательно, он писал в своей работе «Лучше меньше, да лучше», в своих строках из числа самых последних: «Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни теневой авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждений нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать. Нам надо твердо запомнить это...» Можно не сомневаться: если бы не на редкость «удобная» Сталину смерть В. И. Ленина, его уход, вероятно, окончательный, на роль одного из функционеров-исполнителей неизмеримо низшего ранга, был бы неизбежен...

В. В. Маяковский был не только великим поэтом, а также поразительно достойным, важным гражданином-бойцом, но и уникально умнейшим человеком, как мало кто понимав-

шим суть вышеприведенных установок В. И. Ленина, быть может, провидел и ужасное в грядущем... Вследствие всего этого, он, вероятно, считал недостойным и социально вредным «откликнуться» (даже по случаю 50-летия Сталина) хотя бы крохотным хвалебным стихотворением. Вместо этого поэт считал жизненно необходимым реализовать ленинские антибюрократические установки, без чего об истинно Советской власти и социалистическом обществе нечего было и мечтать. В их числе — и требование В. И. Ленина об исключительной важности привлечения внимания трудящихся к решительному противостоянию бюрократизму, волоките, бесхозяйственности и т. п. Совсем не случайно глава Совнаркома еще в 1921 году, обращаясь в Наркомат юстиции, требовал рассмотрения бюрократических и прочих подобных дел без волокиты и как можно строже, а также беспощадного разоблачения «виновных и в прессе». Причем каждое такое дело, по его мнению, нужно было разбирать открыто, превращая его в политическое. И лишь годы и годы спустя после смерти В. И. Ленина, начали многими сотнями тысяч ежегодно, сугубо террористически «стрять» липовые политические процессы с абсолютно лживыми обвинениями в измене, нацеленные отнюдь не против бюрократов-перерожденцев, а безукоризненно достойных советских людей и настоящих коммунистов-ленинцев, в первую очередь! Поначалу же, если можно так выразиться, «для разгона» лично Сталин решил репрессировать честных, компетентнейших беспартийных т. н. буржуазных интеллигентов (Шахтинское «дело», процесс Промпартии и т. д.)...

А вот Владимир Маяковский, вопреки всей этой преступной вакханалии, готовившей «почву» для расправы со многими миллионами крестьян в ходе сталинской так называемой «коллективизации», для массового уничтожения ни в чем неповинных «врагов народа» во второй половине 30-х годов, видимо, предчувствуя в стране зловещие сдвиги заведомо антисоциалистического типа, действовал диаметрально противоположным образом. Своей пьесой «Баня» он продолжил свою смертельно опасную схватку с тем, кто начал катастрофически фатальный для нашей Родины, для ленинской концепции общественного развития, для интересов общемирового прогресса и общечеловеческих норм гуманности, ультрареакционный, зоологически душегубский переворот. Он просто не мог не быть органически антиленинским и антисоциалистическим при всем ужасно «революционным» демагогически лживом пропагандистском прикрытии.

В. В. Маяковский был одной из отнюдь не многих серьезных преград на пути Сталина к сугубо антисоциалистическому торжеству. Готовность поэта к своему роковому финалу ради спасения ленинских заветов, во имя общенародного блага, и спасения СССР от бюрократически-паразитарных, своекорыстно-властолюбивых, кроваво-тоталитарных и иных извращений, превращала его в неизбежную прямую или косвенную жертву главного погубителя великих идеалов.

Дорывающегося до совершенно бесконтрольной власти, отвергающего и извращающего практически все наиболее прогрессивное, человеческое, мудрое в ленинских заветах, включая, конечно, все антибюрократичное и антипаразитарное, просто не мог устроить Владимир Маяковский в качестве живой, и тем более активно действующей творческой и политической величины. Ведь как никто другой, он до деталей обнажил всю антинародную, антиленинскую мерзость, незаметно для большинства, подспудно расползавшуюся по бескрайним просторам СССР через считанные годы после кончины Владимира Ильича, и которую «не замечал», а по сути дела — всемерно насаждал и «культивировал» Сталин. А раз так, тем более после появления «Бани», которая по словам автора, «мыла, просто — стирала бюрократов», то на «самом верху» решено было по сути дела идти напролом.

Сразу же началось противостояние антагонистически непримиримых тенденций, одна из которых, хотя и безукоризненно добросовестно отражала интересы прогресса и народного

блага, все же оказалась обреченной в тех исторических условиях на поражение, катастрофически опасное для всего доброго, разумного, светлого в нашей Отчизне. Причем Владимир Владимирович Маяковский в данной связи был одной из первых, но далеко не единственной жертвой расползающейся и всеподавляющей сталинщины уже в первые годы ее все более непрекращаемого торжества. А внешне все поначалу обстояло далеко не безнадежно и даже чуть ли не многообещающе. Мало кто мог в конце 20-х — начале 30-х годов предположить, что напрочь будет отброшено (под прикрытием призывов к расправе с огромными массами крестьян, объявляемых кулаками, с предпринимателями, названными нэпманами, с интеллигентами — «спецами» и прочими так называемыми «врагами народа») ленинское требование очистить партию от «примазавшихся», «закомиссарившихся», «бюрократившихся» коммунистов, ибо Владимир Ильич был твердо уверен, что самое опасное для интересов социализма — это когда коммунисты превращаются в бюрократов (см. Ленин В. И. Т. 54. С. 180).

Как же хотелось всем честным и мыслящим людям верить, что уж против столь недвусмысленных установок Сталин «не поперет». Дескать, где ему пытаться «обвалить» и растоптать ленинское наследие... Еще когда речь шла о стихотворении «Прозаседавшиеся», политически полностью одобренном В. И. Лениным, он отмечал, что поэт точно определил наиважнейшее, «гвоздь» в политике. «Практическое исполнение декретов, которых у нас больше чем достаточно, и которые мы лечем с той торопливостью, которую изобразил Маяковский, не находят себе проверки». Все большее и большее внимание уделял глава Советской России борьбе с канцелярщиной, проверке деятельности работников и прежде всего фактического исполнения дела, разумеется на основе преодоления бюрократических извращений любого рода. В противном случае тягчайшие последствия, по мнению Владимира Ильича, были неизбежны.

Ныне мы это видим воочию. Все самое скверное было запрограммировано, когда решено было «забыть» о демократическом контроле «снизу» за выполнением своих обязанностей каждой инстанцией, каждым должностным лицом. Социалистическое общество могло полноценно развиваться только при постоянном расширении и углублении подлинной демократии, то есть процесса привлечения масс к управлению общественной жизнью, к партийному и государственному строительству. Далеко не случайно В. И. Ленин был убежден, что уничтожение бюрократизма как главного зла станет возможным лишь, когда будет обеспечено «полное участие в управлении самих трудящихся»... Действуя диаметрально противоположным образом (и тем самым «стихийно» способствуя грядущему торжеству ренегатства конца XX века), Сталин никогда открыто не выступал против ленинского антибюрократического курса. Даже на XVI конференции ВКП/б/ в апреле 1929 г., в соответствующей резолюции отмечалось, что «борьба партии и Советов с бюрократическими извращениями государственного аппарата, нередко заслоняющими от широких масс трудящихся действительную природу пролетарского государства, становится одной из важнейших форм классовой борьбы».

То ли лично Сталин, то ли кто-то из его подручных вставил в «антибюрократическую» резолюцию любимую его лжесоциалистическую идеологическую «штамповку» о классовой борьбе. Разумеется, «ни к селу, ни к городу» с точки зрения интересов дела. Да и в целом данная резолюция была лишь лицемерным «реверансом» по адресу отброшенного ленинского курса. Тем временем 13 февраля 1929 года в театре В. Э. Мейерхольда состоялась очень успешная премьера комедии «Клоп», а уже через полгода Владимир Маяковский закончил работу над новым драматургическим произведением «Баня», убийственно антибюрократическим и по глубинной сути своей — антисталинистским, сыгравшим, пожалуй, роковую роль в судьбе автора. Ведь именно «Банию» удалось использовать как повод для разнузданнейшей травли и гибели Маяковского, кое-кому крайне желательной...

Конечно, В. В. Маяковский отдал «Баню», по его словам, «самому действенному, самому публицистическому Мейерхольду». Талантливейшего автора пьесы и талантливейшего режиссера связывала преданность ленинской концепции общественного развития и ее основе — прогрессивно-социалистической ориентации в процессе оздоровления и гуманизации общественной жизни. Видимо, в тот исторический момент они оба еще верили в возможность изменить к лучшему ситуацию в стране. Художественно-политический Совет театра, высоко оценив пьесу В. В. Маяковского, принял ее к постановке. А В. Э. Мейерхольд в ходе ее обсуждения дал восторженную оценку: по его мнению, пьеса «Баня» «...крупнейшее событие в истории русского театра, это величайшее событие, и нужно прежде всего приветствовать поэта Маяковского, который ухитрился дать нам образец прозы, сделанной с таким же мастерством, как и стихи... Конечно, Маяковский начинает собой новую эпоху» (См. Маяковский В. В. ПСС. Т. 11. С. 673, по стенограмме). Работа над «Баней» продолжалась даже во время репетиций, автор переписывал ее пять раз, в то время как «Клоп» был написан сразу. Ему так хотелось сделать доброе дело! (Цит. по материалам Е. Б. Мальцевой).

Поначалу ситуация была вполне приличной. После премьеры были, естественно, разные точки зрения, высказывавшиеся театральной публикой, журналистами, нередко можно было услышать полярные мнения. Наверное все же тогда не было более острой и сложной проблемы, чем все, связанное с борьбой против бюрократизма в тех условиях. Разногласия были вполне закономерны. В основном же в конце 1929 года в центральных и местных газетах появлялись заметки о проходящих читках, публиковались отрывки из «Бани». В. В. Маяковский выступал в Москве, в Ленинграде, в клубах многих заводов (Русскабель, Котлоаппарат, Красный богатырь). (См. Катанян В. А. Литературная хроника, М., 1961). Рабочая аудитория горячо одобряла «Баню», считала ее показ в рабочих клубах с последующим обсуждением нужным и полезным делом. Например, Самарский «Красноармеец» писал: «Острая сатира то и дело вызывала дружный хохот и шумные аплодисменты...». Даже «Правда» 22 октября 1929 г., будучи уже целиком сталинским официозом, напечатала о «Бане» положительный отзыв Февральского (Там же).

Однако уже в начале 1930 года ситуация «вдруг» изменилась радикально, то есть некто приказал осуществить «разворот» на 180 градусов, попросту говоря — в диаметрально противоположном направлении. Разумеется, невозможно найти документальное подтверждение версии, согласно которой это произошло непосредственно по прямому указанию Сталина. Но в таком случае надо бы аргументировано показать, КТО мог потребовать от средств массовой информации и от пропагандистских структур «цековского уровня» в целом немедленного растапывания «Бани», ее автора, да и переоценки роли сатиры вообще.

Можно, к примеру, не сомневаться: далеко не случайно 8 апреля 1930 года в Политехническом музее была развернута дискуссия по проблеме «Нужна ли нам сатира?». Конечно, кое-что могли принять на свой счет Ильф и Петров, Михаил Зощенко и другие авторы, но все же в центре не мог не оказаться В. Маяковский. Именно к нему, в первую очередь, относилась невыносимая в ленинские времена установка, что сатира не нужна при диктатуре пролетариата и ничего кроме вреда «сатира из себя» принести не может, а один из критиков провозгласил, не мудрствуя лукаво: «Сатирическое произведение широчайшим обобщением наносило удар по чужому классу, чужой государственности... Продолжение традиций дооктябрьской сатиры становятся уже прямым ударом по нашей государственности, по нашей общественности». Участвовавшему в дискуссии Владимиру Маяковскому оставалось лишь сослаться на мнение В. И. Ленина, активно поощрявшего сатирическое разоблачение порочных сторон советской действительности и бюрократических извращений в первую очередь. Однако великому гражданину и творцу уже не могло помочь даже

заявление в свое время В. И. Ленина о «Прозаседавшихся» Маяковского: «Насчет политики, ручаюсь, что это совершенно правильно».

Настали «новые» времена. Уже после премьеры «Бани» в Ленинграде, местная пресса обрушила на нее огульно разгромные рецензии. Типичная оценка: «Острая и жгучая тема эта (борьба с бюрократизмом) не поставлена и не развернута так, чтобы она смогла дать зрителю нужную общественно-политическую зарядку: тема трактована статично, крайне поверхностно и односторонне» («Красная газета», 31.01.1930 г.). Журнал «На литературном посту» пошел гораздо дальше в сугубо «громящем» направлении, напечатав статью критика Ермилова, давая понять, будто автор заражен настроениями мелкобуржуазной левизны, хотя открыто обвинение Маяковского в «троцкистском уклоне» не провозглашалось. Однако чего стоило одно название разгромной статьи Ермилова «О настроениях мелкобуржуазной «левизны» в художественной литературе». Причем другой автор в том же номере журнала с открытой оголтелостью обвинил автора «Бани» в мелкобуржуазном левачестве! Ермилов же утверждал: «Вся фигура Победоносикова вообще является нестерпимо фальшивой. Такой чистый, гладкий, совершенно «без укоризненный» бюрократ... вообще невероятно схематичен и неправдоподобен, а тем более в навязанном ему обличи перерожденца с боевым большевистским прошлым...» («На литературном посту» № 4, февраль 1930 г.— Цит. по материалам Е. Б. Мальцевой).

Естественно, критик озвучивал преступнейшую ложь, утверждая, будто автор «Бани» придает Победоносикову обличье боевого в прошлом большевика. Дело обстояло как раз наоборот, но это кое-кому было очень и очень «кстати» в надежде политически ошельмовать Маяковского, так как помогало Ермилову негодовать: «...а ведь пьеса претендует к тому же на зарисовку типичных, общих явлений!» А также предупреждать об опасности преувеличить, «увеликаничь» «победоносиковщину», бюрократизм, так как в действительности, дескать, Маяковский отражает нетипичные явления. Тяжко, грустно, горько, но в интересах народа, насмерть стоявшему против зла великому поэту и гражданину так хотелось надеяться на лучшее! Ведь еще 22 октября 1929 г. «Правда» положительно оценивала «Баню». И вдруг главный печатный орган партии и страны, повинувшись очередной установке, растапывающей истину, стал провозглашать нечто диаметрально противоположное, перепечатав 9 марта 1930 года ермиловские гнусности!

И пошло-поехало... Вот и годами любившая Владимира Маяковского «Комсомольская правда» «руганула» «Баню» 22 марта 1930 года: «Надо прямо сказать, что пьеса вышла плохая!» А ведь еще в 1928 г. «Комсомолочка» напечатала 46 стихотворений Маяковского, включая сатирические! Видимо, все же В. В. Ермилова мучила совесть и лишь чуть ли не четверть века спустя после гибели Владимира Маяковского (но сразу же после смерти Сталина) критик попытался исправить содеянное им много, много лет тому назад. Лишь в 1953 году В. В. Ермилов написал о великом поэте и гражданине как о классике советской сатиры, у которого нужно учиться «умению морально уничтожать отрицательный тип». Критик признался, что стоял тогда на ложных позициях и не сумел, «находясь в плену у догматизма и сектанства, разобраться в положительном значении «Бани» (В. Ермилов. «Некоторые вопросы советской драматургии». М., Советский писатель, 1953 г. С. 43—44). Сумел ли этот человек уяснить, насколько зловещую роль сыграл сталинский переворот и в истории нашей великой Родины, и в жизни таких гигантов, подлинно прогрессивного и человеческого типа, как Владимир Маяковский? Да и в поведении обычных, возможно, совсем недурных по исходным данным людей, но неспособных с риском для собственного благополучия противостоять корыстным соблазнам и сверхдурному влиянию властителя? Трудно сказать...

Главный из тех, кому была особенно выгодна «ликвидация» Владимира Маяковского (в том числе и физическая...) еще не мог «запросто» отдавать в руки «пыточных дел мастеров» и палачей истинных поборников ленинской правды и подлинного социализма, как это он вытворял во второй половине 30-х годов, в период, по количеству жертв «политического» террора, быть может, невиданный за все тысячелетия всемирной истории. Но уже за несколько лет до наступления этой «блаженной для него поры», он имел такие рычаги власти и влияния, которые давали возможность ему добиваться очень многого из самого скверного. В их числе были не только средства массовой информации и прежде всего печать, находившаяся, по сути дела, целиком в его полном распоряжении. Случайно ли «вдруг» кем-то стали организовываться охально-оскорбительные «эксцессы» в ходе встреч Владимира Маяковского с согражданами, проходившие, начиная с ленинских времен, на протяжении многих лет успешно и с огромным положительным эффектом с точки зрения формирования в массах (в основном молодых людей) истинной нравственности и социалистического мировоззрения?

Помимо многого иного, никак нельзя считать случайным и страшно многое из происходившего в связи с крайне трудной и напряженной работой поэта по созданию выставки-отчета о 20-летней своей работе. «Цель выставки — показать многообразие работы поэта. В назидание молодежи и на страх дуракам... чего стесняться, в самом деле! Предрассудки!... Зато будет явная польза — и для читателей, и для нашего поэтического дела» (См. «Маяковский делает выставку». М., 1973 г. С. 7). Хотя от имени такой организации, как «Революционный фронт искусства» было направлено заявление в Главискусство с просьбой о материальном и организационном содействии, ничего по-настоящему позитивного не последовало. Ни малейшей помощи от издательств и писательских организаций! Вплоть до того, что поэту, например, пришлось заплатить в «Известиях» за экземпляры газет с его стихами... А чего стоило и то, что в Ленинграде, как и Москве на выставке не появилось ни одного писателя! Мало того: администрация Дома печати, где проходила выставка, «случайно» перепутала в афише часы работы выставки, да еще до ее закрытия начала «убирать» экспозицию...

Подумать только: Владимиру Маяковскому во всем, связанном с выставкой, помогала только группа добровольцев-энтузиастов, в основном из числа молодежи! Экспозиция была поразительно интересной, восхищала многообразием свершенного одним человеком за 20 лет, даже тех, кто был основательно знаком с творчеством этой потрясающе талантливой личности. Но ни на открытии, ни на закрытии выставки, не было ни представителей литературных организаций, ни критиков, ни тем более — кого-либо из руководящих партийных и государственных работников высокого ранга! Разумеется, не было ничего похожего на официальные поздравления по случаю юбилея, бесконечно много значившего для Владимира Владимировича. Как говорится, хуже некуда...

Не случайно близко знавшие поэта обращали внимание на его не просто усталость, а крайне необычное тяжелое состояние. Сыгравший гигантскую положительную роль в нашей истории бывший ленинский нарком просвещения, по сравнению с которым все последующие его преемники, да и все секретари ЦК партии по идеологии за все по сей день минувшие десятилетия, были микроскопически малыми, а большей частью — резко отрицательными, а то и пагубными величинами, ничего не смог изменить к лучшему. А ведь он, возможно, был единственным из широко известных деятелей той поры, почувствовавшим всю глубину, всю страшную боль, переживавшуюся тогда В. В. Маяковским. Именно он, Анатолий Васильевич Луначарский, тоже с разнузданной бессовестностью «добываемый» Сталиным, отмечал в поэте нечто совершенно необычное, по сути дела — роковое: «Он был как-то совсем не похож на себя, больной, с запавшими глазами, переутомленный, без

голоса, потухший... Мне показалось, что он очень одинок» («Маяковский делает выставку». С. 60). Культурнейший и на редкость чуткий на фоне послеленинских «высших» кадров руководитель был, конечно, прав.

Следовало бы только уточнить: одиночество среди кого и по какой причине? К примеру, наиболее мыслящая, искренне преданная идеалам социализма молодежь, во всех отношениях самая многообещающая с точки зрения прогрессивно-антибюрократической, по-ленински человеческой перспективы развития СССР, всей душой была на стороне Маяковского, считала его не просто выразителем своих лучших чаяний и надежд, а настоящим поэтом-коммунистом. Не случайно комсомолец-железнодорожник сумел лучше, чем многие «маститые» политики и литераторы, оценить значение своего великого в своем таланте и жертвенной самоотдаче современника. Он был уверен: «Выставка — неполные вехи славного, большого и тяжелого пути борца, художника и поэта революции. У многих ли такой путь? Нет, не у многих... Учитесь же, писакса и подлинныне писатели, у Маяковского работать на революцию и для революции... а выставку вытасците на окраины, в клубы, в дома комсомола. Там, а не здесь — истинныне ценители искусства». (Там же. С. 24). Ал. Безыменский, один из тех немногих, кто пытался после гибели В. Маяковского популяризировать его творчество, вспоминал: «Почти все вечера приходилось организовывать с боем. Нет, мол, распоряжения пропагандировать Маяковского... А вечера наши (все без исключения бесплатныне) проходили с успехом...» (Там же. С. 77. — Цит. по материалам Е. Б. Мальцевой).

Между прочим, и в последние дни жизни поэта и в первые недели после его гибели, среди целого шквала инспирированной «свыше» чуть ли не погромной критики в его адрес (прежде всего в связи с постановками «Бани») в порядке редчайшего исключения «мелькнули» почти чудом несколько добрых слов. Например: «Враждебная реакция, которую «Баня» вызвала у некоторых лиц, доказывает лишь, что пьеса попала в точку...» («Революция и культура», 1 мая 1930 г. № 9–10). Есть все основания полагать, что эта публикация готовилась еще до самоубийства (или убийства...) поэта, но... «опоздала». При жизни же Владимира Владимировича была предпринята отчаянная при всей своей осторожности попытка смягчить последствия наносимых ему ударов «ниже пояса», к сожалению, только в единственном числе. Но зато в «Правде» 8 апреля 1930 года в статье В. Попова-Дубовского, считавшего, что «Баня» — политическая сатира широкого размаха, прицел которой взят правильно. Когда 10 апреля 1930 г. А. Февральский поделился с В. В. Маяковским своей радостью по этому поводу, поэт ответил: «Все равно, теперь уже поздно» (А. В. Февральский. «Встречи с Маяковским». М., 1971 г.).

Сестра поэта, Людмила Владимировна вспоминала: «Володя знал, что нападки на «Клопа», «Баню», как и на другие его произведения, идут со стороны именно той мещанско-обывательской шайки, которую он обличал, против которой боролся. Но так как им удавалось для своих нападков использовать ответственные советские и партийные издания, эти нападки жестоко ранили его сердце» («Маяковский делает выставку». М., «Книга», 1973 г. С. 54). Остается сомнительное утешение: великий поэт и гражданин не дожил до официозно-«энциклопедической» гнусности, «кем-то» явно инспирированной. Дальше катиться было в сущности некуда: «Выпячивание своего «я», столь характерное для Маяковского бунтаря-анархиста как пережиток прошлого, явно ощущается в его творчестве и до сих пор» («Малая Советская Энциклопедия». М., 1930 г.). Сомнений нет: великий поэт против бюрократически-паразитарного и прочего уродования ленинской концепции созидания социалистического общества стоял действительно насмерть. И потому извратителям и погубителям всего лучшего в нашем обществе, включая «распронаиглавного», он был нужен только мертвым! Как и великое множество честнейших и талантливейших его совре-

менников, как миллионы и миллионы истинно достойных, по-настоящему совестливых тружеников и жертвенных борцов за счастье родной страны, за торжество великих, самых благородных идеалов...

Считаю своим долгом отдать дань глубокого уважения выпускнице исторического факультета пединститута им. В. И. Ленина 1986 года Екатерине Борисовне Мальцевой, свершившей очень много общественно полезного в своей дипломной работе «Сатира В. В. Маяковского конца 20-х годов и антисоциалистическая сущность бюрократизма», посвященной оценке великой созидательной, общественно полезнейшей роли Владимира Владимировича Маяковского. Автор этих строк использовал очень многое из того, что содержится в этой дипломной работе. Остается лишь пожалеть, что в современных условиях делается все, чтобы исключить такую нацеленность вдохновения юных. Зато ныне делается страшно многое для продолжения и усиления самых нездоровых тенденций минувшего из числа особенно скверных!

Доктор философских наук, профессор Ричард Косолапов, до сегодняшнего дня утверждает, что Сталин был абсолютно прав во всем главном и решающем, включая карательный «комплекс» его господства, представляя собой «могучую фигуру настоящего патриота, государственника, коммуниста» («Советская Россия», 13 августа 1998 г. С. 5). Вплоть до того, что он сочувственно цитирует, к примеру, книгу, в которой утверждается буквально следующее: «на одном из совещаний конца войны Гитлер, оправдывая свои неудачи на Восточном (советско-германском) фронте, говорил, что одной из главных причин этому было то, что Сталин в 1937 году расстрелял его «пятую колонну» в России» (Там же. С. 6). А ведь в действительности военная катастрофа 1941 года, чуть было не положившая нашу Родину под ноги гитлеровщине, была предreshена (в числе прочих аналогичных сталинских деяний) и тем, что по его воле тысячами уничтожались не «шпионы в военных мундирах», а честнейшие представители генералитета и высшего офицерства, включая талантливых и компетентнейших высших руководителей советских вооруженных сил!

Совсем не случайно в ходе Нюрнбергского трибунала особо близкий к Гитлеру генерал-фельдмаршал Кейтель сообщал о реакции того на предостережения относительно целесообразности нападения на СССР. «Фюрер» же его переубедил, заявив, что в ходе массовых репрессий Красная Армия обезглавлена и удар по Советскому Союзу надо нанести как можно скорее, «пока не выросли новые умы»... Невероятно, но нет таких преступных, объективно предательских акций Сталина, которые бы не оправдывал Р. Косолапов! Чего стоит хотя бы следующий (из многих подобных) «пассаж»: «Что касается кары, которая постигла в начале Отечественной войны «военные кадры, прошедшие Испанию», то это как раз те, кто допустил ликвидацию нашей военной авиации прямо на аэродромах, — был застигнут фашистами врасплох» (Там же). Как же можно утаивать ту правду, что подавляющее большинство этих кадров было отброшено от руководства и арестовано еще до 22 июня 1941 года!

Грустно, но есть и другие «ученые мужи», таким же образом возвеличивающие роль Сталина буквально во всех сферах, включая и все, связанное с отечественной культурой. В частности, они охотно вспоминают, как Сталин дал положительную оценку В. В. Маяковскому, но усердно «забывают», что эти слова произнесены были лишь через несколько лет после гибели великого поэта, а не когда «раскучивалась» его травля на грани иезуитски расчетливой внесудебной расправы над ним! Ведь Сталину тогда было достаточно произнести хотя бы нескольких добрых слов, подтверждающих великую правду Поэта и Человека, за которую до последнего вздоха сражался Владимир Владимирович, чтобы спасти его! Для этого можно было (но лишь при личном желании «хозяина») признать правоту автора «Бани», показав, что он следует лишь заветам В. И. Ленина, включая и тот, что только «по-

головное участие в управлении самих трудящихся» ведет к полному уничтожению бюрократизма. Однако Сталин тогда не просто промолчал, а действовал диаметрально противоположным образом, предрешая тем самым фатально необратимое, отнюдь не только в судьбе расчеловеченного и загубленного В. В. Маяковского!

Ни единым словом и не подумал Сталин в тот критический момент о том, чтобы огрadyть поэта, хотя сделать это ему было легче легкого. В том числе, конечно, можно было не допустить безобразных слов, адресованных Владимиру Маяковскому, и в энциклопедии, изданной в условиях его все более укрепляющегося единовластия... Впрочем — если бы Сталин заявил, что являются лживыми обвинения Маяковского в мелкобуржуазно-левацком уклоне, в бунтарско-анархических склонностях и в том, что вообще он, дескать, является «пережитком прошлого», то он просто был бы не погубителем социализма, а честным, настоящим последователем В. И. Ленина и вовсе не его затаившимся антиподом. Но это было бы заведомо фантастическим, вариантом на грани чуда... Потому-то из учебника современной литературы, рассчитанного на 1935 год, были исключены поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо»! Что же касается драматургии, то она была просто «раздавлена» на долгие годы и десятилетия! Только после смерти Сталина в 1953 году тут же удалось вернуть на сцену «Баню». В том числе В. Плучеку, который еще совсем юным артистом, вместе с уже тогда великим режиссером В. Мейерхольдом отважно выступал в защиту «Бани» и ее автора, положение которого становилось все более безнадежным. Сталинский алгоритм властвования бил неугодных наверняка!!!

Одно из «дежурных» сверхлживых обвинений гласило, что для Владимира Маяковского было якобы характерно выпячивание своего «Я». Но поэт прекрасно отдавал себе отчет в том, что тогда проделывалось по отношению к нему: «Они ведь, эти господа-радетели коллективизма, ей богу, не против местоимения «я». Но их бесит — как обращается поэт с тем или иным, милым душе этих господ явлением. Да пусть я трижды помянул себя, написав, к примеру, такое: «Я! Я сам! Я, Маяковский Владимир, за бюрократизм и прочие вредные для народа вещи — они бы пальцем меня не тронули, наоборот, по головке бы погладили...» Однако великий поэт и гражданин был безукоризненно честным человеком и потому поощрялись всемерно гнуснейшие выпады против него вроде следующего: «Значение Маяковского в нашей поэзии отрицательное... Бедный идеями, обладающий суженным кругозором... слабый мастер — он вне всяких сомнений стоит ниже своей эпохи, и эпоха отвернется от него». И уж если глава партии и страны не пресекал все это и тому подобное, значит В. В. Маяковский был обречен...

Пройдут считанные годы, в ходе которых антиленинский переворот подорвет все антибюрократические, демократизаторски-человечные, уникально прогрессивные установки основателя Советской России и первого главы Совнаркома. Пусть не сразу после кончины В. И. Ленина, а в 30-е годы пришла пора, когда можно было кого угодно схватить, предъявить сверхлживые штампованные обвинения, подвергнуть на «законном» основании подчас более ужасным, чем средневековые, пыткам, а затем немедленно расстрелять или поиному быстренько доконать в одном из лагерей уничтожения. Так были загублены гигантские людские массы, включая тысячи и тысячи ученых, писателей, журналистов, десятки тысяч офицеров и генералов, рабочих, инженеров, колхозников из числа наиболее активных и самостоятельно мыслящих. В том числе и почти всех из тех «чудаков», которые в свое время пытались спасти Владимира Маяковского и других достойнейших людей, возможно, зная, кто их главный погубитель...

Поэт наступал на социальное зло и его носителей как говорится, «с открытым забралом», иной раз обнажая до предела свою органическую несовместимость с погубите-

лями великих и спасительных идеалов: «Я люблю сказать до конца, кто сволочь» (В. В. Маяковский. Т. 12. С. 380). Главный и наиболее последовательный творческий и политический соратник Владимира Маяковского, изумительно талантливый и прогрессивный режиссер Всеволод Мейерхольд решительно отверг единственное предъявленное ему обвинение в том, что он якобы виновен лишь в том, что поставил пьесу заведомо «слабого» автора. В ответ великий режиссер взял на себя вину лишь за то, что не смог вполне соответствовать Маяковскому: «Маяковский был подлинным драматургом, который не мог быть еще признан, потому что он прихватил на несколько лет вперед» («Маяковский в воспоминаниях современников.», М., 1963. С. 284). Есть, думается, основания для уверенности в том, что Мейерхольд вполне отдавал себе отчет в том, что автор «Бани» продемонстрировал бюрократизм в действии, обнажил всю его подноготную, все зло, наносимое им делу социализма и широчайшим массам трудящихся.

Умнейший и безукоризненно порядочный человек, каковым, как и Владимир Маяковский, безусловно, был Всеволод Мейерхольд, мог оказаться «виновным» лишь в принципиальной и безоговорочной поддержке самого вдохновляющего его из современников. Режиссера же при первой возможности арестовали как «врага народа», «предателя» и загубили, предварительно истерзав самыми изуверскими пытками в одном из сталинских застенков конца 30-х годов, как и необъятное множество ни в чем неповинных сограждан, включая тысячи и тысячи деятелей культуры. А вот, например, Р. Косолапов уверен, что в число сталинских жертв ныне якобы включают всех, «кто подвергся в 20–50-х годах хоть какому-то наказанию — от профсоюзного или комсомольского выговора, критической заметки в стенгазете до расстрела» («Советская Россия», 13 августа 1998 г. С. 6.).

Не так уж сложно представить себе, как все более зловеще из года в год свирепствовала сталинская цензура, постепенно и у Владимира Маяковского «выбившая из рук» единственное его поэтически творческое и драматургическое оружие борьбы против антисоциалистических, зоологически бесчеловечных, антидемократических рычагов общественной дегенерации все более матеревшей сталинщины. До чего же мучительна была для него потеря возможности мудрым и добрым словом положительно влиять на ход событий в его родной стране и во всем мире!!!

Ты посмотри, какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию.

И вот такому Поэту властолюбивая, переполненная палаческими поползновениями, в творческом плане — десятиразрядная, злобно разнузданная натура, не дала возможности довести до человечества те благотворнейшие слова, сказать которые другим было не по силам!

Я знаю силу слов, я знаю слов набат
Они не те, которым рукоплещут ложи.
От слов таких срываются гроба
Шагать четверкою своих дубовых ножек.
Бывает выбросят, не напечатав, не издав
Но слово мчится, подтянув подпруги,
звонят века и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки.

И ведь хватает совести у иных нынешних политиканских околотитературных и прочих современных «авторитетов» утверждать, будто Маяковский был чуть ли не любимцем Сталина и помогал ему творить его черные дела! На самом деле Поэт был решительным и последовательным антиподом Сталина и тот прекрасно отдавал себе в этом отчет. В том числе и после того, как огромные, почти неисчислимые людские массы стихийно приняли участие в похоронах трагически погибшего многими, очень многими любимого достойнейшего творца и человека. Чтобы обеспечить «порядок», пришлось использовать годами невиданное огромное количество милиционеров, включая конных, что свидетельствовало о неожиданно для властей грандиозном масштабе события. Похороны В. Маяковского свидетельствовали о том, что происходило нечто совершенно необычное.

Лиля Брик свидетельствовала: «...Это все было стихийно. Не было специальной организации похорон. Никакой. Ведь никто не ожидал самоубийства Маяковского. Там были десятки, сотни тысяч людей. Я не могла пробиться в крематорий. И мать Маяковского сказала, что она не допустит, чтобы Володю похоронили без Лили Юрьевны. А там конная милиция и все такое! Тут начали кричать: «Брик! Брик! Брик!» И меня на руках перенесли через забор». («Литературная газета», 9 сентября 1998 года. С. 11)

Сталин настолько четко уяснил свою органическую несовместимость с Владимиром Маяковским, причем задолго до его гибели, что каждая и самая малая публикация стоила поэту тяжелейших усилий все последние несколько лет его жизни, о чем до завершающего дня своего хорошо помнила Лиля Брик. Как и том, что после трагедии «Маяковского» совершенно не печатали. Шесть лет! Я не знала — что мне делать? В издательстве меня считали истеричкой. Каждый раз я уходила оттуда в слезах. Все были врагами Маяковского!» (См. там же). Это, разумеется, вполне соответствовало воле «хозяина»...

И вдруг совершенно неожиданно ситуация изменилась кардинальным образом. По той простой причине, что Лиля Брик пришла к убеждению: «Сталин? Все было под его пятой. Вообще все. Обратиться кроме как к Сталину, было нельзя никуда. Был только один адрес. Если бы я захотела позвонить Молотову или Маленкову, это было бы бессмысленно. Через них можно было получить разрешение на заграничный паспорт, на визу, но не на то, чтобы издавать Маяковского». (Там же). Письмо Лили Брик на имя Сталина с просьбой помочь «реализовать огромное революционное наследство Маяковского» к всеобщему удивлению побудило Сталина резко изменить отношение к загубленному и потому не опасному теперь для него поэту, годами обрекавшемуся на забвение. Решено было вновь хвалить и издавать, но только не драматические произведения, «реабилитированные» лишь сразу после смерти Сталина...

Мог ли Владимир Маяковский предположить в начале 1930 года, что антиленинский бюрократически-всеподавляющий и тиранически-репрессивный переворот даст возможность к 1937 году чудовищно кровожадному диктатору, опирающемуся на клику своих особенно бесчеловечных подручных, вытворять против «своего» народа многое такое, чему по количественному масштабу не было аналогов за все тысячелетия существования мировой цивилизации? Чего стоило хотя бы то, что по нескончаемым, необъятным по числу несчастных, обреченных на страшные муки и смерть, спискам, по требованию Сталина представляемых Ежовым, месяцами чуть ли не каждодневно, без суда и следствия, уничтожались многие сотни и тысячи ни в чем неповинных людей? Для чего требовалась лишь подпись Сталина и кого-либо из особо приближенных, как правило, под угрозой собственной смерти, обязанного ставить и свой смертельно аналогичный «автограф» по воле «хозяина»!

Однако Владимир Маяковский был одним из первых, кто уяснил, что благороднейшие свершения и замыслы ленинского этапа развития нашего общества подрываются вполне

осознанно с вполне возможными тяжчайшими последствиями прежде всего для народов СССР. Его гениальность проявлялась и в данной, по сути дела заведомо политической сфере. И подобной перспективе великий поэт и гражданин противостоял, жертвуя практически всем и не щадя собственной жизни. Об этом, а не о чем-либо ином в первую очередь неопровержимо свидетельствуют и его сатирически-разоблачительные стихотворения, и его драматургия. Есть все основания для уверенности, что столь же осознанным, принципиальным, как и Владимира Маяковского, было противостояние антиленинскому перевороту великого, тоже беспредельно преданного подлинно социалистическому преобразованию общества, блистательнейше прогрессивного режиссера Всеволода Мейерхольда, особенно изуверски загубленного считанные годы спустя.

Пожалуй, особенно непреклонно выразил Маяковский свое органическое неприятие сталинских «новаций», подрывающих основы социалистической человечности, демократичности, прогрессивности, в некоторых своих предсмертных строках. Сколько боли и последней надежды на перемены к лучшему кроется в считанных словах: «Явившись в ЦКК грядущих светлых лет // над бандой поэтических рвачей и выжиг...» Великий поэт уже тогда был в числе немногих, понимавших, что «наползают» и в перспективе — господствуют именно темные, для спасительной ленинской концепции пагубные, по сути дела черные времена, а о светлых приходится мечтать лишь как о грядущих! По этой же причине он начинает не бодренькими, а то и восторженными «словесами», заполнявшими тогда средства массовой информации: «Уважаемые товарищи потомки! // Роясь в сегодняшнем окаменевшем дерьме, // наших дней изучая потемки, // вы, возможно, спросите и обо мне...» (Декабрь 1929 — январь 1930 года).

Почему великий поэт и гражданин говорит о том, что (вопреки официальной пропаганде сталинской нацеленности) времена в те годы были далеко не светлые, что приходится говорить о «наших днях» «потемках», а о чем-то лучшем приходится лишь мечтать? Да потому что бюрократически-паразитарные антиленинские извращения, пропагандистская лживая «алилуйщина» и т. п. были уже дополнены преступно провокационными расправами над честными людьми (эксцессы в связи с т. н. Шахтинским делом, процессом «Промпартии» и всеми последующими, столь же мерзкими). А сколь многое из чуть ли не фатального еще тогда было предreshено чудовищно антиленинской коллективизацией с жесточайшими расправами над погубленными миллионами крестьян в связи с раскулачиванием, массовыми высылками, инспирированным голодом и т. д.! А чего стоило то, что привело к преступной ликвидации нэпа со всеми тяжчайшими последствиями этого — башеная (поначалу «всего лишь» политическая) расправа с «инакомыслящими» и «инакоподходящими» к делу, против чего так страстно предостерегал В. И. Ленин.

7 Сфера, о которой ведется речь, показательна во многом, как мало что иное. Поведение здесь ключевой фигуры любого режима предreshает дьявольски многое в судьбе необъятного количества людей и общества в целом, ибо от этого зависит нередко в колоссальной степени формирование и развитие его духовного и нравственного потенциала. Когда однажды Сталину робко пожаловались на творческую слабость многих из опекаемых его режимом членов союза писателей, тот, ответил в присущей ему манере, руководствуясь специфически личной собственной логикой. То есть «просто и мило», как «отрезал»: «У меня нет других писателей!» Разумеется, промолчав о том, как он сам лично и его политически-идеологические «шестерки» травили, не только духовно парализуя, но и физически терзая, а затем во множестве случаев обрекая на мучительную гибель чуть ли не всех, наделенных редчайшими талантами, да и «просто» исключительной одаренностью.

После безвременной (кое-кем, вероятно, резко ускоренной) кончины Владимира Ильича, великие наши поэты С. А. Есенин и В. В. Маяковский были лишь первыми жертвами общественно-политического уродства, ловко задуманного и осуществляемого именно Сталиным. Данный наипугающий персонаж нашей истории, вероятно, был органически неспособен испытывать что-либо подобное угрызениям совести. В том числе, конечно, когда обрекал на смерть и лично известные ему тысячи ценнейших для общества личностей из сотен ежовских списков, лично им «изученных» и одобренных. После чего начинали свою работу пыточных дел «авторитеты», сталинские внесудебные «тройки», расстрельные команды, надсмотрщики в нацеленных на массовое уничтожение фактически лагерях смерти и тому подобная интеллектуально и нравственно непоправимо изуродованная «публика»...

А ведь любого морально-этически и мыслительно неаномального властителя должны бы мучить если не кошмары, то хоть мало-мальски тревожащие угрызения совести, когда давались указания обречь на нищету, голод, болезни (неизлечимые, без полноценной медицинской помощи); «установки» на превращение «в лагерную пыль», на гибель под пытками, в расстрельных казематах и рвах! Именно так уничтожались и миллионы честных тружеников, и сотни тысяч наилучших руководящих и рядовых профессионалов своего дела, и несчетное множество уникально дееспособных творцов — созидателей! За что страшно, непоправимо дорого расплачивались все народы СССР, а значит и борцы за социальный и любой иной прогресс, за торжество норм человечности и прогресса во всем мире ...

Есть своя чудовищная закономерность в том, что Иосифу Сталину было затаенно, но зоологически ненавистно все характерное для ленинского типа руководства, в том числе и сферой культуры, и что он исключил из общественной жизни при первой возможности почти сразу после гибели Владимира Ильича. И прежде всего то, что первый руководитель Советской России не отверг ни одной просьбы (даже в самые тяжкие военные годы) о спасении, в том числе и социально «чуждых» жизней! Исходившей особенно часто от таких гуманнейших, цивилизованнейших людей, как Алексей Максимович Горький и первый единственно достойный нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, блистательнейше, спасительно в тягчайшие годы руководивший сферами образования, науки, культуры, включая и все относящиеся к литературе и искусству. Потому-то далеко не случайно Сталин и этих изумительно благотворных деятелей по очереди «убрал» с политической арены, физически изолировал величайшего писателя-гуманиста, расправляясь со многими сотнями тысяч истинных коммунистов-ленинцев!

Не может не поражать то, как иные широко известные натуры ныне числящиеся «гигантами» политики, экономики, культуры, ухитряются и по сей день «в упор не видеть» ужасающую органически несовместимую противоположность руководящих стилей И. В. Сталина и В. И. Ленина. «Хозяин» в 30-е годы соорудил систему, в условиях которой в многомиллионной массе должны были сначала творчески «сморкнуться», а затем и погибнуть крупнейшие величины нашей культуры. Например, изумительнейшие, уникальные поэты Марина Цветаева, Осип Мандельштам, такого же масштаба творцы Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Михаил Зощенко, Всеволод Мейерхольд, Сергей Эйзенштейн, как и многие сотни, а то и тысячи менее известных созидателей нередко исключительно высокого уровня. Скажем, чтобы сразу же, пользуясь криминальной терминологией, «вырубить» в творческом плане, а затем и обречь на постепенную смерть гениального Андрея Платонова, Сталину достаточно было начертать в качестве резолюции словечко «сволочь», в связи с рассказом, пробудившем озлобление «хозяина» ...

А к чему сводился до озверения ненавистный Сталину так называемый ленинский либерализм? К примеру, вряд ли был прав Владимир Ильич в своем безразличии к ред-

чайшему поэтическому дару Владимира Маяковского и восхищенном отношении только к сугубо политической его правоте. Он даже резко спорил с А. В. Луначарским, в связи с изданием в условиях дефицита бумаги, огромным по тем временам тиражом одной из поэм В. В. Маяковского, считая достаточным популяризацию ее в сравнительно небольшом количестве экземпляров для «чудаков». Однако, первый глава Советской России был настолько осторожен в своих оценках явлений литературы и искусства, что, признаваясь в том, что не является поклонником таланта Владимира Маяковского, одновременно говорил о том, что «вполне признает свою некомпетентность в этой области». Более того, побеседовав в общежитии студентов художественного училища (ВХУТЕМАС) с юными сторонниками социально-человеческого обновления общества, восторженно читавшими стихи В. В. Маяковского, глава Советского правительства усомнился в правильности своей оценки уникального поэтического дарования этого замечательного человека и гражданина ...

Именно здесь кроется сущность Ленинского типа руководящей деятельности и объективно душевного отношения к людям, характерная для данного лидера более, чем для кого бы то ни было из лиц, находившихся на вершине власти. Естественно, сверхаморальные адресованные В. И. Ленину лжедемократами-ельциноидами обвинения в его мнимой партийно-классовой жесточечности. Например, когда он узнал об угрозе свободе и жизни многолетнего члена партии эсеров писателя Ивана Вольнова, о чем сообщил ему Алексей Максимович Горький, оно принял решительные меры по спасению человека, оказавшегося в тяжелейшем положении. В результате Вольнов при жизни В. И. Ленина мог спокойно жить и работать. Но не после его смерти...

Владимир Ильич весьма настороженно относился к ряду деятелей партии меньшевиков, но это не мешало тем из них, кто перешел на сторону Советской власти, вступить в коммунистическую партию и работать в ее рядах. Правда, среди них были не только достойнейшие личности, например, первый нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин, и вполне приличные люди типа будущего известного дипломата и академика Ивана Майского, но здесь же оказался и один чудовищно скверный человек, горько памятный подручный Сталина — Вышинский. Тот самый, который до революции подписывал документ об аресте В. И. Ленина, а в 30-е годы стал одним из самых зловещих «столпов» псевдоюридического обоснования массовых репрессий против миллионов честных людей!

В отличие от этого преступнейшего карьериста-приспособленца, один из самых крупных лидеров меньшевизма Юлий Мартов не только не вступил в большевистскую партию, но и после Октября 1917 года оставался страстным и непримиримым, но открытым оппонентом В. И. Ленина! Хотя и по-иному, чем Сталин, заблуждавшимся, но честным политиком и человеком... И вот когда его положение в условиях военного времени становилось все более опасным, предельно осложняемым тяжелейшей болезнью, не кто-то, а Владимир Ильич посчитал необходимым дать ему возможность выехать из страны, находившейся в ситуации предельно опасного, крайне тяжелого вооруженного противостояния так называемым белым армиям и войскам иностранных агрессоров. Ведь в условиях непримиримой военной схватки далеко не все можно было контролировать из ленинского центра...

А разве не о ленинской человечности и абсолютной неприемлемости для этого человека сведения партийно-классовых счетов, свидетельствует и судьба вдовы родного брата последнего царя Михаила, и его сына, который мог бы стать бесспорным претендентом на престол? Ведь не случайно была дана им возможность покинуть Россию, буквально пылающую в огне гигантской по масштабу военной схватки. Столь же закономерным было спасение жизни великого князя Гавриила Романова Горьким, только благодаря поддержке главы Совнаркома, как и, к сожалению, неудачные попытки Советского лидера спасти цар-

скую семью и целый ряд других великих князей. И по «этой части», гнуснейшим образом шельмующие В. И. Ленина процаристские капитализаторы и им подобные, орудуют вполне по сталинским клеветническим «образцам» 30-х годов!

Считали обязательными для себя действия, соответствующие нормам гуманизма, практически все наиболее крупные деятели ленинского периода нашей истории (из числа нравственно близких по-настоящему к личности № 1 далеко не только той поры).

Совершенно несправедливо извращать правду и о Л. Д. Троцком, который не только совершал ошибки, но и сыграл огромную созидательную роль, особенно находясь на высшем военном посту председателя Реввоенсовета Российской республики. Более семи десятилетий делается все для извращения правды об этом человеке. Чего стоит, помимо многого иного, сталинская ложь, будто Л. Д. Троцкий был гитлеровским подручным! Ведь таковым невозможно было стать, не смыкаясь, прежде всего с гитлеровским расизмом.

Симптоматично, между прочим, то, что Л. Д. Троцкому кое-кто приписывает, и по сей день, самую расистски озлобленную ненависть ко всему русскому — от российских военных традиций и вплоть до тех, кто был олицетворением лучших образцов нашей культуры. Но ведь и это вполне соответствует сталинским «образцам» 30-х годов, таким, которые нельзя оценивать иначе, чем пропагандистски и юридически беспредельно преступные! Чем, как не стремлением, причем исключительно решительным и самоотверженным, во имя народного блага и спасения Родины от развала и колонизации под руководством В. И. Ленина, можно объяснить главное в деятельности Л. Д. Троцкого с 1918 по 1921 годы на высшем посту по руководству нашими вооруженными силами? Ведь как раз он тогда практически повседневно реализовывал главную ленинскую установку той поры о сочетании жертвенно-беззаветного революционного энтузиазма широчайших трудящихся масс со всем лучшим патриотически нацеленным и высококомпетентным, что было в составе Российского дореволюционного офицерского корпуса, без чего победа была исключена.

Все лучшее и оптимально дееспособное в российских, а не каких-либо иных воинских традициях, олицетворялось тогда в той части дореволюционных генералов, наиболее яркой и значимой фигурой среди которых был блистательнейший среди всех лучших из своих коллег, бывший командующий Юго-Западного фронта, а затем и Верховный главнокомандующий Алексей Алексеевич Брусилов (между прочим, посмертно оклеветанный в сталинские времена), вместе со многими десятками тысяч бывших царских офицеров, тоже честно пришедших служить в Красную Армию. Роль Л. Д. Троцкого в их привлечении в РККА и создании для них наилучших условий для выполнения командных и штабных обязанностей в ходе плодотворного контакта с комиссарами и большевистскими командными кадрами, имела исключительную и в тех условиях — незаменимую, особенно благотворную ценность. В том числе и в борьбе против губительного для Советской власти преступно пагубного антиофицерского экстремизма.

В частности именно во времена руководящей деятельности в РККА Л. Д. Троцкого Сталину не удалось расправиться с бывшими царскими генералами Снесаревым и Сытинным, честно и талантливо служившими Советской России, была пресечена, хотя и не сразу, его жажда казнить многих бывших офицеров, ложно им обвиняемых. Но при этом, конечно, нельзя «забывать», что и данный спасительный вклад в судьбу Родины и народов, населявших ее огромные просторы, как и фактически все остальное из благотворно наиважнейшего, можно было осуществить только при жизни В. И. Ленина.

Трудно не поражаться клеветнической непристойности также по сей день непрекращающихся наветов, согласно которым Л. Д. Троцкий и другие руководители ленинской поры, якобы люто ненавидели и уничтожали русскую культуру и наиболее талантливых ее

выразителей. Не так-то просто представить что-либо еще более далекое от истины, чем отрицание неопровержимой реальности того, что В. И. Ленин и лучшие из его соратников (в данной связи особенно много значил первый советский нарком народного посвящения А. В. Луначарский) были олицетворением по мудрому бережному отношению к сохранности всего человеческого, в прогрессивном плане — наилучшего, содержащегося в русской и любой иной культуре.

В данной связи заслуживает самого пристального внимания, например, проблема, среди других аналогичных, которую стоило бы сформулировать, хотя и не слишком уж всеохватно-расширительно:

К чему, в частности, сводится основной смысл строк, приводимых ниже и посвященных Сергею Есенину? Можно ли считать случайностью то, что именно Л. Д. Троцкий оказался единственным из тогдашних представителей высшего руководства, кто с такой впечатляющей горечью и глубиной отзывался на гибель великого поэта? Нет ли здесь, возможно, подсознательного предчувствия общенародных бедствий?

«Мы потеряли Есенина — такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И так трагически потеряли. Он ушел сам, кровью попросившись с необозначенным другом, — может быть со всеми нами. Поразительны по свежести и мягкости эти его последние строки. Он ушел из жизни без крикливой обиды, без позы протеста, не хлопнув дверью, а тихо прикрыв ее рукой, на которой сочилась кровь. В этом жесте поэтический и человеческий образ Есенина вспыхнул незабываемым прощальным светом.

(...) Наше время — суровое время. Может быть, одно из суровейших в истории так называемого цивилизованного человечества. Революционер, рожденный для этих десятилетий, одержим неистовым патриотизмом своей эпохи, своего отечества во времени. Есенин не был революционером. Автор ПУГАЧЕВА и БАЛЛАДЫ О ДВАДЦАТИ ШЕСТИ был интимнейшим лириком. Эпоха же наша не лирическая. В этом ГЛАВНАЯ причина того, почему самовольно и так рано ушел от нас и от своей эпохи Сергей Есенин.

(...) Корни у Есенина глубоко народные... Но в этой крепости крестьянской подоплеку причина личной не крепости Есенина; из старого его вырвало с корнем, а в новом корень не принялся ... Есенин интимен, нежен, лиричен, — революция публична, эпична, катастрофична. Оттого-то короткая жизнь поэта оборвалась катастрофой.

(...) Его лирическая пружина могла бы развернуться до конца только в условиях гармонического, счастливого, с песней живущего общества, где не борьба царит, а дружба, любовь, нежное участие. Такое время придет. За нынешней эпохой, в утробе которой скрывается еще много бесплодных и спасительных боев человека с человеком, грядут иные времена, — те самые, которые нынешней борьбой подготавливаются. Личность человеческая расцветет тогда настоящим цветом. А вместе с ней и лирика. Революция впервые отвоюет для каждого человека право не только на хлеб, но и на лирику. Кому писал Есенин кровью в свой последний раз? Может быть, он перекликнулся с тем другом, который еще не родился, с человеком грядущей эпохи, которого одни готовят боями, а Есенин — песнями. Поэт погиб потому, что был несроден революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его...

(...) Пусть же в чествовании памяти поэта не будет ничего упадочного и расслабляющего... Умер поэт. Да здравствует поэзия! Сорвалось в обрыв незащищенное человеческое дитя! Да здравствует творческая жизнь, в которую до последней минуты вплетал драгоценные нити поэзии Сергей Есенин!» («Правда», 19 января 1926 года).

Где здесь ухитряются некоторые идеологи и в наши дни обнаруживать у Л. Д. Троцкого его кое-кем придуманную ненависть к русским и к русской культуре? Очень и очень насущно каждому из нас разобраться в том, что из вышеприведенного было особенно актуально в 20-е

и последующие годы, а что не потеряло значения и в условиях современного этапа общественного развития с учетом специфики процессов, происходящих в последние годы.

Не менее важно понять и объективно оценить все, связанное со столь же многозначимой проблематикой, и в том числе была ли случайной высокая оценка творчества замечательного поэта Осипа Эмильевича Мандельштама Николаем Ивановичем Бухариным. Чем объяснить, что и сам, оказавшись буквально на краю пропасти, став очередным объектом преступной ненависти Сталина, Н. И. Бухарин делал все, что было в его силах, для спасения поэта, для которого уже в конце 20-х годов были фактически блокированы почти все возможности публикации, и он уже тогда был отброшен на грань нищенства? Почему тогда это было вполне закономерным, а в 30-е годы вообще было невозможно спасти от преследований и гибели множество талантливых и ни в чем не повинных работников литературы и искусства? Случайно ли Н. И. Бухарин погиб даже раньше того, кто был в числе тех, кому он пытался помочь? Не были ли в равной степени пророческими и для самого О. И. Мандельштама, и для того, чьим подзащитным он был, следующие его строки:

За гремучую доблесть грядущих веков,
Я лишился и чаши на пире отцов, и свободы, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше как шапку в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...
Уведи меня в ночь
Где течет Енисей,
Где сосна до звезды достает.
Потому что не волк я по крови своей
И неправдой искривлен мой рот...

У наркома народного просвещения Анатолия Васильевича Луначарского был колоссальный объем обязанностей, которые он выполнял неизмеримо лучше, чем все его преемники на данном посту вместе взятые. Этому деятелю удавалось оказывать поразительно благотворное влияние на всю подведомственную ему сферу, причем круг его обязанностей был таков, с которым десятилетиями не могло сколько-нибудь успешно справиться большое число «отпочковывавшихся» позднее министерств и государственных комитетов. Одновременно ему удавалось оказывать многообразную поддержку и создавать наиболее благоприятные условия для творчества очень и очень многих деятелей науки и культуры, вплоть до своего изгнания с поста на рубеже 20-х и 30-х годов. Причем свершения А. В. Луначарского как бы по инерции положительно сказывались на состоянии наших дел еще довольно долгое время, в чем-то даже вопреки неуклонно приближавшейся все более черной «полосе» в жизни народов нашей страны в результате того, что наше общество поразительно круто поворачивалось под давлением сил регресса все далее к пропасти антиленинского вырождения.

Одним из впечатляющих проявлений на редкость созидательного влияния А. В. Луначарского было его отношение к такому блистательному поэту, как Владимир Маяковский, проявившему себя и в качестве достойнейшего, великого гражданина, готового на все жертвы ради блага своей страны. Далекое не случайны вырвавшиеся из глубины его души в особенно тяжкий период из числа тех, которые после кончины В. И. Ленина становились все более частыми, мучительными и беспроблемными с каждым годом, следующие его строки: «Я хочу быть нужен моей стране! А не буду нужен — что ж, по родной стране пройду стороной, как проходит косой дождь ...»

Какая бездна непонимания, и какие шквалы ненависти обрушивались на этого великого поэта и замечательного, готового к беспредельной самоотдаче сына своего Отечества, и в течение всей его жизни, и после его ухода в небытие!

От скольких искренне заблуждающихся и осознанно недоброжелательных (нередко — люто озлобленных) политиков, а также чиновников «от литературы» приходилось защищать и ограждать А. В. Луначарскому Маяковского! Как много и часто приходилось помогать ему в ходе его трудной и небезопасной далеко не только поэтической деятельности. Трудности всякого рода в огромной степени возросли после смерти В. И. Ленина, причем в самые ближайшие годы! Именно тогда и не месяцем раньше!... Ведь, помимо многого иного, вскоре весьма и весьма возросло число тех, кто стремился, как говорится, вкривь и вкось трактовать сложное отношение к Маяковскому В. И. Ленина, который, целиком поддерживая общественно-политическую направленность творчества поэта, иногда колебался в оценке некоторых сугубо стихотворных сторон его таланта. Хотя с присущей ему беспощадной самокритичностью оговорился о своей некомпетентности в сугубо поэтической сфере ...

Хватало охотников «играть» и на однажды высказанной В. И. Лениным уверенности в том, что при определении размера тиража надо думать об экономии бумаги в условиях тогдашней нашей нехватки практически всего... Легко представить, сколь много после 1924 года находилось желающих спекулятивно принижать значение творчества поэта, опираясь даже на это!

Разумеется, слепая и осознанная озлобленность против Владимира Маяковского весьма многих из власть имущих, особенно с конца 20-х годов, неуклонно нарастала в первую очередь в связи с наиважнейшими социально-политическими ориентирами в его не только поэтическом творчестве. Прежде всего, в связи с мужественной, можно сказать — отчаянно смелой борьбой против того, что вело к целеустремленно преступному перерождению ленинской системы управления страной, формирования руководящих кадров и аппарата в целом. В том числе против того, что можно было наиболее точно определить ленинскими словами: «Самый худший, самый опасный у нас внутренний враг — бюрократ».

Думается, вряд ли трудно понять, почему непременно должна была, как бы накапливаться самая насыщенная, в сущности зоологическая, ярость против поэта в связи с публикацией таких его сатирических стихов, которые не могли не казаться «потрясением основ» определенной части чиновничества различных уровней независимо от ведомственной и иной принадлежности. Так же срабатывали и его пьесы.

Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать следующее: «Клоп», «Баня» и хотя бы некоторые из сатирических стихотворений, например, «О дряни», «Прозаседавшиеся», «Взяточки», «Протекция», «О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки», «Общее руководство для начинающих подхалимов», «Товарищ Иванов», «Служака», «Критики самокритики», «Общее и мое», «Трус», «Помпадур», «Столп», «Подлиза», «Мразь». Есть ли основания для утверждения, что, помимо многого другого, творчество Владимира Маяковского дает по сути дела чуть ли не полностью исчерпывающую информацию о возникших и прямо-таки матеревших в ходе сталинского переворота коренных пороках нашего общественного и государственного устройства?

Так ли уж трудно понять, почему именно смерть В. И. Ленина была решающим фактором, предпрешавшим катастрофически опасную направленность развития важнейших компонентов и нашего общественного бытия и общественного сознания? (Как и степени гигантски возросшей актуальности сатиры В. В. Маяковского в условиях восторжествовавшей ельцинщины...).

Случайно ли то, что вслед за уходом из жизни лидера, возглавившего невиданно позитивный, благородно человеческий в основе своей и поразительно успешный процесс об-

новления общества, стало происходить нечто диаметрально противоположное? Не с этим ли связаны были казавшиеся тогда необъяснимыми и даже загадочными сначала гибель Сергея Есенина, а затем — Владимира Маяковского, и из года в год возраставшего числа многих других аналогичных трагедий более или менее широко известных и малоизвестных людей. Включая политиков весьма и нередко исключительно серьезного уровня вроде Николая Скрыпника, Михаила Томского, Яна Гамарника... вплоть до того момента, когда Сталин решил, что можно начать массовое уничтожение по собственному желанию не только, к примеру, «нежелательных» крестьян, рабочих и других безвестных сограждан, но и бесчисленного множества почти всех мало-мальски компетентных политиков-марксистов, военачальников, беспартийных и партийных руководителей промышленности, инженеров, поэтов, прозаиков, режиссеров, артистов, ученых, преподавателей и т. д. ...

Случайно ли то, что невзирая на все свое доверие к Маяковскому, глубочайшее понимание значения его творчества, А. В. Луначарскому не суждено было спасти великого поэта от гибели, невзирая на все усилия? Как же насушно всем понять: какого рода асоциальный «механизм», сооруженный с изощренным вероломством и целенаправленный бесчеловечностью, в тех условиях исключал возможность пресечения чудовищных злодеяний времен «расцвета» сталинщины? В то же время как объяснить причины своего рода «канонизации» Маяковского вопреки его мужественной, можно сказать — отчаянно смелой борьбе против пороков системы порождаемых и усугубляемых в первую очередь сталинской структурой власти, пороков, разрушающих и разлагающих страшно многое действительно разумное, доброе и вечное?

Симптоматично и то, что особого рода канонизация произошла вопреки как слепой, так и осмысленной озлобленности множества тех, кто не желал принимать творчество Маяковского, не понимал его или «просто» ненавидел все или почти все им созданное. Какую роль сыграла здесь конъюнктурная «игра» Сталина, похвалившего поэта, правда, лишь спустя четыре года после его трагической гибели, предрешенной атмосферой охаивания и самой разнузданной травли, которая не могла быть развязана помимо «высочайшего» дозволения? Чем в данном случае руководствовался Сталин? Можно не сомневаться: для «хозяина» важна была лишь возможность использовать в своих интересах огромную популярность творчества, политический и моральный авторитет Владимира Маяковского. В условиях же чреватого физической расправой запрета театральных постановок «Бани», «Клопа», ограничения популяризации его сатиры вообще, было вполне реально недопущение влияния на массы опасных для сталинской тоталитарной тирании сторон его творчества...

8 Каков истинный смысл утверждений иных нынешних «смелчаков», дающих понять, будто Сталин, его поклонники, подручные (как и ельциноидные последыши) — не качественно новая в своей беспредельной регрессивности, бесчеловечности, во многом корыстно всепагубной преступности, не глубоко антисоциалистическая реальность, а якобы закономерное и неотвратимое проявление истинной сути ленинизма в ходе практического осуществления его концепции оздоровления и обновления общества? Как и заверений, будто Сталин — не ужаснейший антипод В. И. Ленина, а его верный последователь, то есть прямо-таки вообще очередной и типичный продукт «нового» марксистского анализа в ходе «дальнейшего» общественного развития... Чего стоят в данной связи и беспредельно клеветнические утверждения, будто истинные, наиболее одаренные соратники В. И. Ленина из его ближайшего окружения, поголовно убитые по воле Сталина, могли только губить все и вся, включая, естественно, и поэзию, и национальную культуру в целом? Кому и зачем нужно внушать уверенность, будто никто из них не был способен на

благородство и бескорыстие помыслов и дел, да и вообще на что-либо по-настоящему созидательное и умное?

Каков реальный социально-политический смысл подобного извращения фактов нашего прошлого? Какова конкретно-прагматическая подоплека демагогически-свокорыстных «упражнений» такого рода, все более громогласных и беззащитных именно в последнее десятилетие? Действие каких факторов на самом деле предрешало в период сталинской тирании вплоть до начала 50-х годов гибель, или, в лучшем случае, — творческий паралич множества тех, кто мог внести ценнейший и ни чем незаменимый вклад в нашу духовную сокровищницу? Почему именно со второй половины 20-х годов сначала как бы подспудно и постепенно, а затем в 30-е годы все более нахраписто и быстро стала нарастать волна нетерпимости, затем — клеветнически инспирируемой озлобленности и, наконец, жесточайших репрессий? Она полностью или почти полностью исключала нормальную жизнь и трудовую самореализацию отнюдь не только упомянутых трагически завершивших свой жизненный путь великих поэтов, но и политиков, как и вообще редчайшей одаренности профессионалов экстракласса в любой сфере! Разумеется, аналогичная доля не могла миновать огромные, насчитывающие многие миллионы массы тружеников всех других сфер...

Как можно, руководствуясь общепринятой житейской, а еще лучше — диалектической логикой, объяснить невиданные во всемирной истории масштабы чудовищной (на грани социального геноцида) расправы с неисчислимым множеством тех, кто мог внести ценнейший вклад в развитие общенародного интеллектуального, нравственного и любого иного созидательного потенциала? Почему по сей день так трудно поддаются изживанию смертельно опасные для нашего общества рецидивы сталинщины не только в сфере, о которой идет в данном случае речь? Почему, в частности, и годы спустя после смерти Сталина столь мучительно тяжелым оказалось завершение жизненного и творческого пути, например, Бориса Пастернака и Александра Твардовского? Пока население нашей страны в огромном большинстве не в состоянии получить честные ответы на множество вопросов, аналогичных выше сформулированным, никаких серьезных позитивных сдвигов в нашем обществе мы неждемся. Потому-то жизненно необходимо научно обоснованное изучение правды истории хотя бы за последние сотню лет, полное преодоление свокорыстно-фальсификаторских безобразий на грани криминального беспредела с начала 90-х годов XX века.

«Методологию» того, как кривда разделалась с поверженной ею правдой, пожалуй, лучше, чем кто-либо раскрыл в одной из своих песен Владимир Высоцкий. В основном на «материале» 30–40-х годов, когда Сталин всем своим тогда жившим и грядущим последышам продемонстрировал «как это делается»... Такого рода социальная «инфекция» втянула в свою порочную «воронку» и кое-кого из широко известных и вовсе не бездарных личностей, вроде бы жаждущих противостоять этим последышам, но подчас «работающих» именно на них...

К примеру, Александр Солженицын сделал много полезного, когда художественно и публицистически нанес по Сталину сильный, хотя и не очень точный удар. Но он же помог во многом самым черным и страшным силам, стихийно или осознанно оклеветав таких гигантов спасительного созидания и благородства, как Владимир Ильич Ленин и такого его сторонника, последователя в главном, как Алексей Максимович Горький — величин, уникально человеческих и прогрессивных не только на фоне всей нашей многовековой, но и всемирной истории. Особенно дурно и социально опасно то, что А. Солженицын и в наши дни порывается внушить сотням миллионов людей, будто такие жертвенно облагораживающие род людской подвижники, как В. И. Ленин и А. М. Горький — «едино суть» с таким наизлоуещим погубителем очень многих миллионов людей, как Сталин.

Социально не менее опасны деяния лжедемократических главарей — практиков не только по части грабежа народа, «насаждения» голода, преступности, а, значит, и массовой смертности. Крайне черным и преступно выигрышным для Ельцина и ему подобных было параллельно и нахраписто бессовестное, антиисторически порочное переименование Ленинграда. А чего стоят такие «мелочи», как исчезновение с карты Москвы Ленинского района, переименованного в Хамовнический и множество других подобных «свершений»? А тем более — издание клеветнически всеизвращающих учебников... «Стерт» с карты России не только город Горький, но и улица Горького в столице. А сколько еще содеяно аналогично грязного ради улаживания 6–8 процентов населения России и зарубежных правителей держав, кровно заинтересованных в деградации и порабощении Родины нашей! Что и проделывается с конца 1991 года... Тут уж не только В. И. Ленин, но и А. М. Горький непременно должны быть залиты грязью отныне и навсегда в интересах бесчеловечнейших корыстолюбцев!

Безусловно, прав честный ученый Вадим Баранов: «Люди из ближайшего горьковского окружения, знавшие о нарастании конфликта между художником и вождем, не могли не задумываться... Спустя годы решится коснуться этой тайны Луи Арагон в романе «Гибель всерьез». В сюрреалистическую ткань повествования вторгается документально-биографический сюжет о смерти Горького и его похоронах. Ключ к пониманию причин горьковского ухода содержит постоянно сопровождающий сюжет зловецкий, символически обобщенный образ убийцы. (...) Предчувствовал Горький приближение не только своей, но и другой катастрофы. Той, что сотрясет всю страну. Кровавый 37-й раскручиваться начинал раньше. 1 декабря 1934-го — убийство Кирова в Смольном. Оно потрясло Горького: погиб очень близкий ему человек, политический лидер, ориентировавшийся на послабление режима. Вскоре, в декабре же, арестованы Зиновьев и Каменев, на которых взвалит вину за организацию невиданного преступления». («Независимая газета», 19 июня 1998 года. С. 9). Вряд ли данное преступление можно квалифицировать как невиданное. Были смертельно опасные для нашего общества попытки убить В. И. Ленина, убийства Урицкого, Володарского, фактическое убийство М. В. Фрунзе на операционном столе, наиболее «удобная» Сталину и столь же опасная для нашей родины смерть Ф. Э. Дзержинского, «загадочное» убийство Г. И. Котовского накануне его вступления в должность заместителя М. В. Фрунзе, аналогично «непонятная» гибель Тер-Петросяна (Камо) и многое иное в том же «смысле»...

Как ни странно, но нынешние хулителы и ниспровергатели А. М. Горького кто по недомыслию, а кто-то и по вероломно преступному умыслу, орудут целиком в «русле» сталинских криминальнейших расчетов! Люто ненавидя великого писателя за нежелание посвятить ему книгу или хотя бы статью, да еще переполненную лакейскими дифирамбами, всемерно приближая его гибель, Сталин одновременно вколачивал в массовое сознание преступнейшую ложь о мнимой близости Горького к собственному чудовищно бесчеловечному мировосприятию и соответствующему «нравственному» облику. Хотя крайне трудно было в то время найти большего антипода тогдашнему тирану, чем Алексей Максимович, который, пусть не одним «рывком», иной раз заблуждаясь, но шел к бескомпромиссно критической и решительно отвергающей оценке того, что все более изощренно, лицемернейше живо и зловеще вытворял Сталин...

Трудно представить что-либо не просто более далекое от истины, но и разнузданно аморальное, чем разглагоствования кое-кого из наших современников, провозглашающих в качестве «кistiны» откровения о мнимой абсолютной покорности Горького Сталину вплоть до готовности «воспеть и кровавый 1937-й!» (Если бы писателю довелось дожить до «пика» наипреступнейшей кроваво-изуверской вакханалии, во всем до деталей инспирированной преступным, объективно антикоммунистическим заправилкой). В действительности

А. М. Горький был одной из последних серьезных преград на пути к главному из самых омерзительных сталинских «триумфов». В ряду других светлых, достойнейших людей типа Надежды Константиновны Крупской, которой тоже суждено было «неожиданно» погибнуть в «удобное» для Сталина время, ибо и ее вряд ли удалось бы открыто причислить к «врагам народа», арестовать, истерзать сверхизверскими пытками и приговорить к расстрелу...

Но до чего же выгодно нынешним властвующим фальсификаторам утаить от общественного мнения все более решительное, хотя и скрытое от народа по воле господствовавшего в СССР тогда диктатора, противостояние Сталину А. М. Горького! Проявлялось это, в частности, и в нижеследующих деталях:

«Горький высоко ценил литературное дарование Каменева и добился согласия Сталина назначить Льва Борисовича директором издательства «Академия», а также руководителем только что созданного Всесоюзного института литературы (впоследствии ИМЛИ). В середине января публикуются обвинительные заявления... А спустя еще несколько дней в «Правде» появляется статья Л. Заславского «Литературная гниль» с разносной критикой той самой «Академии» за попытку издать «контрреволюционный пасквиль» Достоевского «Бесы». Только Горький отбилась от атаки, как буквально на другой день — новое выступление «Правды», уже прямо против Горького и его позиции. Еще через три дня — грубое «Открытое письмо А. М. Горькому» Федора Панферова... Вряд ли случайно статья автора «Брусков» появилась 28 января 1935 года, в день открытия VII Всесоюзного съезда Советов, на котором присутствовал Горький. Как не случайно оказалась и беспрецедентная ситуация, возникшая следом: Мехлис отказал Горькому в праве выступить с ответом Панферову. И это всего лишь малая часть того, что вызывало тревогу, гнетущее ощущение надвигающейся опасности» (Там же).

Только смерть избавила А. М. Горького от еще более разнузданной открытой травли, которая, была, конечно, невозможна помимо «собственного желания» Сталина. Теперь наступило время «удушения в объятьях» усопшего и использования его огромного влияния во имя укрепления торжествующей сталинщины... «...20 июня 1936 года. Похороны. Ритуал с воистину государственным размахом. Траурный митинг на Красной площади. Речи Молотова, Булганина, французского гостя Андре Жида, Алексея Толстого. (Неплохо сказал этот рабоче-крестьянский граф: у великих нет даты смерти. Есть только дата их рождения. Вот пусть теперь Алексей Максимович и живет новой жизнью). Траурную процессию выноса урны с прахом возглавил сам вождь с выражением неподдельной скорби на лице.

1938 год. Политический процесс над лидерами право-троцкистского блока и центральной фигурой одного Бухариним. Именно его-то, самого близкого Горькому человека из политиков, обвинили в убийстве Горького и его сына, тем самым окончательно уничтожив нравственно. (Поднял руку на самого любимого народом писателя!) Тот же 1938-й. Трехсоттысячным тиражом с молниеносной скоростью выходит книжка первого журналиста страны и друга Горького Михаила Кольцова: «Буревестник. Жизнь и смерть Максима Горького». Помимо идеи о неоченимом значении Ленина и Сталина в жизни Горького, автор, чувствуя надвигающуюся угрозу, был вынужден принять официальную версию об убийстве Буревестника бандой троцкистско-бухаринских двурушников. После выполнения соцзаказа автор был немедленно арестован и исчез навсегда». («Независимая газета». 19 июня 1998 г. С. 10).

Естественно, даже столетний юбилей со дня гибели А. С. Пушкина без зазрения совести использовали в тех же политиканских, заведомо грязных целях: «Появляются статьи, в которых сопоставляются имена двух гениев российской словесности и подчеркивается разительное несходство их кончины. Поэта убил кровавый царский режим. Пролетарского писателя режим окружил невиданной заботой, помогал избавиться от ошибок, и именно этим обязан

Горький своими невиданными достижениями». (Это, как и все прочее тому подобное, «подвело» массы к «пониманию» того, почему мнимые «враги народа», которыми были объявлены и практически все не умершие своей, естественной смертью ближайшие соратники В. И. Ленина, непременно жаждали как можно скорее расправиться с А. М. Горьким по причине своей «фашистской ненависти» к коммунистическим идеалам... — Г. Н.)

«1944 год. Господствует святой лозунг «Все для фронта, все для победы». А живописец В. Ефанов пишет полотно явно заказного характера «И. В. Сталин, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов у постели больного А. М. Горького». Комментарии не требуются. Впрочем, кроме одного. За работу Ефанову была пожалована Сталинская премия... 1951 год. К 15-летию со дня смерти писателя на площади у Белорусского вокзала воздвигается величественный монумент с надписью: «Великому русскому писателю Максиму Горькому от правительства Советского Союза. 10 июня 1951 г.» (...) 1938 год. Выходит книга молодого (27 лет) литературоведа Бориса Бялика на тему «Горький и драматургия». Нет, в ней не было ничего, к примеру, о борьбе Горького за постановку пьесы Михаила Булгакова «Бег», которой он предрекал «анафемский успех». Или — о прохождении остропублицистических пьес Александра Афиногенова (только названия которых чего стоили: «Ложь», «Страх»)... В 1947 году тот же автор открое наконец тему, образного воплощения которой вождь так и не дождался от первого писателя: «Горький и Сталин». Фактов не хватало, поэтому использовалась «гипотеза». (По сути дела чуть ли не рекордно-фальсификаторского типа. — Г. Н.)

В 1892 году будущий Буревестник революции и будущий великий вождь могли не то чтобы встретиться — хотя бы оказаться в одной толпе на площади Тбилиси, где судили преступников. Сердца будущих друзей бились в унисон при виде торжества насилия над угнетенными. А если бы писатель сумел все-таки реализовать замысел своей книги о Сталине, то не могло быть никаких сомнений: родился бы шедевр, который не только украсил бы творчество Горького, но и всю литературу. (...) Поощряя канонизирующие Горького сочинения, прерывали подлинно научные, основанные на реальных фактах жизни Горького и эпохи исследования, как, например, книгу Ильи Груздева «Горький и его время».

Отковывался, шлифовался, монтировался в цехах сталинского пропагандистского ведомства миф о Горьком — певце режима. (...) Неужели А. И. Солженицын не знал об этом не только год и годы тому назад, но и по сей день? (Так и не отказавшись, не раскаявшись в своих чудовищно ложных обвинениях! — Г. Н.) Критику Горького Солженицыным подхватывает журнал «Континент» и выносит на обложку призыв начать суд истории над многими явлениями и лицами советского прошлого, и в первую очередь над Горьким. (...) Солженицын... вонзал копьё своей критики не в реального врага прогресса и демократии, который якобы аж воспел бы и кровавый 1937-й, а в того двойника, который был взращен под личным руководством гениального мистификатора-риксоносителя» («Независимая газета», 19 июня 1998 года. С. 10). «Продолжение парадокса: последователями Солженицына в ниспровержении Горького оказались в первую очередь демократы...» (См. там же). Конечно, прав честный и серьезный ученый Вадим Баранов. Однако надо бы ему отметить и следующее: властвующие лжедемократы вместе со своей пропагандистской челядью про сталинистски уродуют массовое и в первую очередь — юное сознание вместе с иными наивными оппозиционными путаниками и непоправимо закосневшими догматиками...

В данной связи нельзя не поражаться «жизнеспособности» общественно разлагающих потенций антисоциалистического переворота, постепенно, но неуклонно начавшего набирать темп, к величайшему сожалению, в исторически крайне недолгий период спустя после кончины Владимира Ильича Ленина. Весьма многое начало было меняться к лучшему после смерти Сталина и особенно — после XX съезда КПСС, но и это все было в огромной, по сути

дела — фатальной степени надорвано, а затем и непоправимо парализовано в результате неосталинистски-номенклатурного реванша застойно-брежневских долгих лет. «Апофеозом» же всего этого в своего рода итоговом смысле стало преступно пагубнейшее во всем, все еще не прекращенное торжество ельцинщины 90-х годов XX века! Очень и очень показательна при этом и живучесть методов (берущих начало в 30-е годы) по части на первых порах внешне «бескровной» расправы (особо часто — посмертной) с великими и «просто» выдающимися нашими соотечественниками не только давно миновавшего времени...

Чего стоит, в частности тихое, но вероломное ельциноидно-«демократическое» прямо-таки выдавливание из истории и народной памяти изумительного поэта, политически мудрого, на редкость светлого человека и великого гражданина, Александра Трифоновича Твардовского! Все еще незабвенного для наиболее мыслящих и порядочных людей... Почему же происходит то самое «демократическое», в основном изощренно молчаливое выдавливание? За что? Не за то ли, что изо всех поэтов, деятелей культуры и политиков, как минимум, второй половины XX века, А. Т. Твардовский стал решающей величиной, олицетворявшей наиболее глубокое и масштабное противостояние силам властвующего своекорыстия и бездарности? И за то, что он следовал лучшим примерам своих предшественников, включая Владимира Маяковского, в первую очередь.

9 Не только изумительному поэту, но и великому гражданину, замечательному человеку, особенно в годы редактирования им журнала «Новый мир», суждено было стать наиболее крупным из созидательно, бескорыстно и благородно настроенных деятелей постсталинского и последующих десятилетий, сделавшего поразительно многое доброе и разумное. А партократически пагубная расправа с А. Т. Твардовским стала одним из тягчайших по своим последствиям фактором, разрушительно повлиявшим на весь ход дальнейшего развития нашего общества. Особенно после снятия его с поста главного редактора журнала «Новый мир» и «разгона» наиболее одаренных и принципиальных из его сотрудников. Можно не сомневаться в «закономерности» того, что властвующие ельциноиды и не подумали удостоить его хотя бы памятником на одном из самых заметных мест в столице нашей Родины — Москве...

«Виновен» же Александр Трифонович лишь в том, что в ходе мучительных многолетних поисков истины (правды нашей советской истории — прежде всего), он не только познал ее, но и, как никто другой из деятелей культуры и известных политиков, с жертвенной отвагой начал борьбу за реализацию ее благотворных потенций. А для этого необходимо было решительно выступить против смертельно опасного для нашего общества паразитарно-бесчеловечного, антисоциалистического перерождения прогрессивно гуманистических идеалов, которыми, вопреки преступнейшим их извращениям, продолжали руководствоваться многие миллионы людей и в самые черные времена.

По сей день хуже, чем грешно «забывать» о чудовищно разрушительной не только в сугубо личном, но и в общесоциальном плане, «неосталинистской» травле с последующим выдавливанием главного редактора «Нового мира» (единственного печатного органа, боровшегося за полное изживание из нашего общества оголтело преступных и «заурядно» паразитарных антисоциалистических уродств, заложенных в 30-е годы). Формально не карательная, а политически будто бы не жестокая расправа с Александром Трифоновичем, приведшая к его крайне преждевременной кончине, помимо всего прочего, была связана и со все усиливающейся сатирической направленностью его поэтического творчества. Ведь, невзирая на его профессионально-литературное отличие от Владимира Владимировича Маяковского, данный замечательный поэт был на редкость близок с ним по

своему политическому, мировоззренчески подлинно социалистическому и антитоталитарному нравственно человеческому потенциалу.

Наиболее ярко об этом свидетельствует такое блистательное сатирическое произведение А. Т. Твардовского, как «Теркин на том свете», в котором автор продолжал борьбу, начатую В. В. Маяковским, против пагубнейших антисоциалистических уродств:

Тридцати неполных лет —
Любо ли не любо —
Прибыл Теркин на тот свет,
А на этом убыл.

Убыл-прибыл в поздний час
Ночи новогодней.
Осмотрелся в первый раз
Теркин в преисподней (...)

Не спеши с догадкой плоской
Точно критик-грамотей
Всюду слышать отголоски
Недозволенных идей.

И с его лихой ухваткой
Подводить издалека —
От ущерба и упадка
Прямо к мельнице врага.

И вздувать такие страсти
Из запаса бабьих снов,
Что грозят Советской властью:
Потрясением основ. (...)

Видит парень, как туда,
К станции конечной,
Прибывают поезда
Изо мглы предвечной.

И выходит к поездам,
Важный и спокойный,
Того света комендант —
Генерал-покойник (...)

Позади Учетный стол,
Дальше — влево стрелки.
Повернул налево — стоп,
Смотрит:

Стол проверки.

И над тем уже Столом —
Своды много ниже,
Свету меньше, а кругом —
Полки, сейфы, ниши;

Да шкафы, да вертлюги
Сзади, как в аптеке,
Книг толстенных корешки,
Папки, картотеки.
И решеткой обнесен
Этот Стол кромешный
И кромешный телефон
(Внутренний, конечно).

И доносится в тиши
Точно вздох загробный:
— Авто-био опиши
— Кратко и подробно (...)

Видит Теркин, что уж тут
И беда, пожалуй:
Не напишешь, так пришьют
От себя начало.

Нет уж, лучше, если сам.
И у спецконторки
Примостившись, написал
Авто-био Теркин.

По графам: вопрос — ответ.
Начал с предков — кто был дед.

— Дед мой сеял рожь, пшеницу,
Обрабатывал надел.
Он не ездил за границу,
Связей также не имел.
Пить — пивал. Порой без шапки
Приходил, в ночи шумел.
Но, помимо как от бабки,
Он взысканий не имел.
Не представлен был к награде,
Не был дед передовой.
И отмечу правды ради —
Не работал над собой.
Уклонялся. И постольку
Близ восьмидесяти лет
Он не рос уже нисколько,
Укорачивался дед...

Так и далее — родных
Отразил и близких,
Всех, что числились в живых
И посмертных списках (...)

Строгий свет от фонарей,
Сухость в атмосфере.
А дверей — не счесть дверей,
И какие двери!

Все плотны, заглушены
Способом особым,
Выступают из стены
Вертикальным гробом.

И какую ни открой —
Ударяет сильный,
Вместе пыльный и сырой,
Запах замогильный.

И у тех, что там сидят,
С виду как бы люди,
Означает важный взгляд:
«Нету. И не будет».

Теркин мыслит: как же быть,
Где искать начало?
«Не мешай руководить» —
Надпись подсказала.

Что тут делать? Наконец
Набрался отваги —
Шасть к прилавку, где мертвец
Подшивал бумаги.

Мол, приписан к вам в запас
Вечный — и поскольку
Нахожусь теперь у вас,
Мне бы, значит, койку...

Взглядом сонным и чужим
Тот солдата смерил,
Пальцем — за ухо — большим
Указал на двери
В глубине.

Солдат — туда,
Потянул за ручку.
Слышит сзади:
— Ах беда
С этою текучкой...

Там за дверью первый стол, —
Без задержки следуй —
Тем же, за ухо, перстом
Переслал к соседу.

И вели за шагом шаг
Эти знаки всеу,
Без отрыва от бумаг
Дальше указуя. (...)

И уже хотел уйти,
Вспомнил, что, пожалуй,
Не мешало б занести
Вывод в книгу жалоб.

Но отчетлив был ответ
На вопрос крамольный:
— На том свете жалоб нет,
Все у нас довольны.

Книги незачем держать. —
Ясность ледяная.
— Так, допустим. А печать —
Ну хотя б стенная?

— Как же, есть. Пройти пустяк —
За угол направо.
Без печати — как же так.
Только это зря вы...

Ладно. Смотрит — за углом —
Орган того света.
Над редакторским столом —
Надпись: «Гробгазета».

За столом — не сам, так зам, —
Нам не все равно ли, —
— Я вас слушаю, — сказал,
Морщась, как от боли.

Полон доблестных забот,
Перебил солдата:
— Не пойдет. Разрез не тот.
В мелком плане взято.

Авторучкой повертел.
— Да и места нету.
Впрочем, разве что в отдел
Писем без ответа... (...)

Он отечески согретым
Увещаньем изведет.
Прах от праха того света,
Скажет: что еще за тот?

Что за происк иль попытка
Воскресить вчерашний день,
Неизжиток пережитка
Или тень на наш плетень?

Впрочем, скажет, и не диво,
Что избрал ты зыбкий путь.
Потому — от коллектива
Оторвался — вот в чем суть.

Задурил, кичась талантом, —
Да всему же есть предел, —
Новым, видите ли, Дантом
Объявиться захотел.

Как же было не в догадку —
Просто вызвать на бюро
Да призвать тебя к порядку,
Чтобы выправил перо.

Чтобы попусту бумагу
На авось не тратил впредь:
Не писал бы этак с маху —
Дал бы планчик просмотреть.

И без лишних притязаний
Приступал тогда к труду,
Да последних указаний
Дух всегда имел в виду. (...)

Сбился с ног, в костях ломота,
Где-нибудь пристать охота.

Галереи — красота,
Помещений бездна,
Кабинетов до черта,
А солдат без места.

Знать не знает, где привал
Маеты бессонной,
Как тот воин, что отстал
От своей колонны.

Догони — и с плеч гора,
Море по колено.
Да не те все номера,
Знаки и эмблемы. (...)

И запомни, повторяю:
Наш тот свет в натуре дан:
Тут ни ада нет, ни рая,
Тут — наука, там — дурман...

Там у них устои шатки,
Здесь фундамент нерушим.
Есть, конечно, недостатки, —
Но зато тебе — режим.

Там, во-первых, дисциплина
Против нашенской слаба.
И, пожалуйста, картина:
Тут — колонна, там — толпа.

Наш тот свет организован
С полной четкостью во всем:
Распланирован по зонам,
По отделам разнесен.

Упорядочен отменно —
Из конца пройди в конец.
Посмотри: Отдел военный,
Он, понятно, образец. (...)

Миновал костяшки эти,
Рядом — тоже не добро:
Заседает на том свете
Преисподнее бюро.

Здесь уж те сошлись, должно быть
Что не в силах побороть
Заседаний вкус особый,
Им в живых изъевший плоть.

Им ни отдыха, ни хлеба, —
Как усядутся рядком,
Ни к чему земля и небо —
Дайте стены с потолком.

Им что ведро, что ненастье,
Отмеряй за часом час.
Целиком под стать их страсти
Вечный временем запас.

Вот с величием натуральным
Над бумагами склонясь,
Видно, делом персональным
Занялися — то-то сласть.

Тут ни шулки, ни улыбки —
Мнимой скорби общий тон.
Признает мертвец ошибки,
И, конечно, врет при том.

Врет не просто скуки ради,
Ходит краем, зная край.
Как послушаешь — к награде
Прямо с ходу представляй.

Но позволь, позволь, голубчик,
Так уж дело повелось,
Дай копнуть тебя поглубже,
Просветить тебя насквозь. (...)

Отвернувшись от болвана
С гордой истовостью лиц,
Обсудить проект романа
Члены некие сошлись.

Этим членам все известно,
Что в романе быть должно
И чему какое место
Наперед отведено.

Изложив свои наметки,
Утверждают по томам.
Нет — чтоб сразу выпить водки,
Закусить — по домам.

Дальше — в жесткой обороне
Очертил запретный круг
Кандидат потусторонних
Или доктор прахнаук.

В предуказанном порядке
Книжки в дело введены,
В них закладками цитатки
Для него застолблены.

Вперемежку их из книжек
На живую нитку ниже,
И с нее свисают вниз
Мертвых тысячи страниц...

За картиною картина,
Хлопцы дальше держат путь.
Что-то вслух бубнит мужчина.
Стоя в ящике по грудь.

В некий текст глаза упрятал,
Не поднимет от листа.
Надпись «Пламенный оратор» —
И мочалка изо рта.

Не любил и в жизни брэнной
Мой герой таких речей.
Будь ты штатский иль военный,
Дай тому, кто побойчей.

Нет, такого нет порядка
Речь он держит лично сам.
А случись, пройдет не гладко,
Так не он ее писал.

Все же там, в краю забвенья,
Свой особый есть резон:
Эти длительные чтенья
Укрепляют вечный сон...

Вечный сон. Закон природы.
Видя это все вокруг,
Своего экскурсовода
Теркин спрашивает вдруг:

— А какая здесь работа,
Чем он занят, нам тот свет?
То ли, се ли — должен кто-то
Делать что-то?

— То-то — нет.
В том — то вся и заковыка
И особый наш уклад,
Что от мала до велика
Все у нас руководят.

— Как же так — без производства, -
Возражает новичок, —
Чтобы только руководство?
— Нет, не только. И Учет.

В том-то, брат, и суть вопроса,
Что темна для простаков:
Тут ни пашни, ни покоса,
Ни заводов, ни станков.
Нам бы это все мешало —
Уголь, сталь, зерно, стада...

— Ах, вот так! Тогда, пожалуй,
Ничего. А то беда.
Это вроде как машина
Скрой помощи идет:
Сама режет, сама давит,
Сама помощь подает.

— Ты, однако, шутки эти
Про себя, солдат, оставь.

— Шутки!

Сутки на том свете —
Даже к месту не пристал.

Никому бы не мешая,
Без бомбежки да в тепле
Мне поспать нужда большая
С недосыпу на земле.

— Вот чудак, ужели трудно
Уяснить простой закон:
Так ли, сяк ли — беспробудный
Ты уже вкушаешь сон.
Что тебе привычки тела?
Что там койка и постель?...

— Но зачем тогда отделы,
И начальства корпус целый,
И другая канитель?

Тот взглянул на друга хмуро,
Головой повел:

— Нельзя.

— Почему?

— Номенклатура. —

И примолкнули друзья.

Теркин сбился, огорошен
Точно словом нехорошим.

Все же дальше тянет нить,
Развивая тему:

— Ну, хотя бы сократить
Данную Систему?

Поубавить бы чуток,
Без беды при этом...

— Ничего нельзя, дружок.
Пробовали. Где там!

Кадры наши, не забудь,
Хоть они лишь тени,
Кадры заняты отнюдь
Не в одной Системе.

Тут к вопросу подойти —
Штука не простая:
Кто в Системе, кто в Сети —
Тоже Сеть густая.

Да помимо той Сети,
В целом необъятной,
Сколько в Органах — сочти!
— В Органах — понятно.

— Да по всяческим Столам
Список бесконечный,
В Комитете по делам
Перестройки Вечной...

Ну-ка, вдумайся, солдат.
Да прикинь, попробуй:
Чтоб убавить этот штат —
Нужен штат особый.

Невозможно упредить,
Где начет, где вычет.
Словом, чтобы сократить,
Нужно увеличить...(...)

Так-то близко, далеко ли
Новый видится квартал.
Кто же там во власть покоя
Перед вечностью предстал?

— Любопытствуешь?
— Еще бы.

Постигаю мир иной
— Там отдел у нас Особый,
Так что — лучше стороной...

— Посмотреть бы тоже ценно.
— Да нельзя, поскольку он
Ни гражданским, ни военным
Здесь властям не подчинен.

— Что ж, особый есть Особый. —
И, вздохнув, примолкли оба.

... Там — рядами, по годам
Шли в строю незримом
Колыма и Магадан,
Воркута с Нарымом.

За черту из-за черты,
С разницею малой,
Область вечной мерзлоты.
В вечность их списала.

Из-за проволоки той
Белой — поседелой —
С их особою статьей,
Приобщенной к делу...

Кто, за что, по воле чьей —
Разберись, наука.
Ни оркестров, ни речей,
Вот уж где — ни звука...

Память, как ты ни горька,
Будь зарубкой на века!

.....
— Кто же все-таки за гробом
Управляет тем Особым?

— Тот, кто в этот комбинат
Нас послал с тобою.
С чьим ты именем, солдат,
Пал на поле боя.

Сам не помнишь? Так печать
Донесет до внуков,
Что ты должен был кричать,
Встав с гранатой. Ну-ка?

— Без печати нам с тобой
Знато-перезнато,
Что в бою — на то он бой —
Лишних слов не надо.

Что вступают там в права
И бывают кстати
Больше прочих те слова.
Что не для печати...

Так идут друзья рядком.
Вволю места думаю
И под этим потолком
Сводчатым, угрюмым.

Теркин вовсе помрачнел,
— Невдомек мне словно,
Что Особый ваш отдел
За самим Верховным.

— Все за ним, само собой,
Выше нету власти.

— Да, но сам-то он живой?

— И живой. Отчасти.

Для живых родной отец,
И закон, и знамя,
Он и с нами, как мертвец, -
С ними он и с нами.

Устроитель всех судеб,
Тою же порою
Он в Кремле при жизни склеп
Сам себе устроил.

Невдомек еще тебе,
Что живыми правит,
Но давно уж сам себе
Памятники ставит.

Теркин шапкой вытер лоб —
Сильно топят все же, —
Но от слов таких озноб
Пробежал по коже.

И смекает голова,
Как ей быть в ответе,
Что слыхала те слова,
Хоть и на том свете. (...)

Прибедняться нет причины:
Власть Советская сама
С малых лет уму учила —
Где тут будешь без ума!

На ходу снимала пробу,
Как усвоил курс наук,
Не любила ждать особо,
Если понял что не вдруг.

Заложила впредь задатки
Дело видеть без очков.
В умных нынче нет нехватки,
Поищи-ка дураков.

— Что искать — у нас избыток
Дураков — хоть пруд пруди,
Да каких еще набитых —
Что в Системе, что в Сети...

— А куда же их, примерно,
При излишестве таком?
— С дураками планомерно
Мы работу здесь ведем.

Изучаем досконально
Их природу, нравы, быт,
Этим делом специальный
Главк у нас руководит.

Дуракам перетасовку
Учиняет на постах.
Посылает на низовку,
Выявляет на местах.

Тех туда, а тех туда-то —
Четкий график наперед.
— Ну, и как же результаты?
— Да ведь разный есть народ.

От иных запросишь чуру —
И в отставку не хотят.
Тех, как водится, в цензуру —
На повышенный оклад...

Редчайше многозначимой, можно сказать великой исторической заслугой Александра Трифоновича Твардовского было то, что в своей поэме «Теркин на том свете» он сумел обнажить конкретные результаты переворота, подрывающего основы ленинской концепции общественного развития, спасительной не только для народов нашей страны, но и для человечества в целом. Именно этот Человек сумел поэтически комплексно раскрыть все-сторонне уродующую наше общество, органически антисоциалистическую объективную суть замыслов и деяний Сталина, его подручных и последышей вплоть до самых регрессивно-пагубнейших из них.

Сначала политическая, а затем физическая гибель А. Т. Твардовского на беду нашу общую предельно облегчила самое пагубное для прогресса и величия нашей Отчизны и всех народов СССР, «тихое» паразитарно-бездарное «догорание» тогдашних верхов номенклатуры. А затем и антинародный уголовно-капиталистосркий переворот Ельцина и компании — наиболее опасный во второй половине XX века, означавший всеразлагающий «обвал» всего лучшего, человеческого и прогрессивного в нашей истории. Тот самый, ради предотвращения которого первым начал насмерть стоять Владимир Маяковский, гениально предчувствовавший страшные последствия антиленинского безобразия гигантского масштаба на грани фатального общесоциального надлома, предрежденного Сталиным. Завершением же всего этого на беду нашу и всего рода людского, возможно, станет преступнейшей бесчеловечное, хапужно регрессивнейшее торжество ельциноидов...

ГЛАВА IX

Православная церковь: реалии и мифы

1 Общественно далеко не безопасна ложь не спасения, а корысти ради. Нацелена она на сокрытие правды о том, кто уничтожал и гигантские людские массы, включая множество священников, и храмы, и многое иное. Вопреки фактам в наши дни по-прежнему делается практически все, чтобы изобразить В. И. Ленина погубителем всего и, конечно, религии, церкви, и многих тысяч ее служителей. На самом же деле реальность была совсем иной. Скажем, после переезда правительства из Петрограда в Москву военно-политическая обстановка побудила принять меры по превращению Кремля в чисто управленческий закрытый центр, где, помимо многого иного, не разрешались и акции религиозного плана (разумеется, продолжавшиеся в обычном порядке в любом другом месте Москвы). Тут же было принято решение о запрете в Кремле пасхального богослужения уже в 1918 году. Это болезненно затронуло чувства верующих. Но чуть ли не все должностные лица той поры решили не обращать на это внимания. Кроме... «ужасного» Ленина, настоявшего на проявлении чуткости, деликатности и, конечно, разрешившего «запретное богослужение».

Беззастенчивые фальсификаторы нашего прошлого не могут не повторять и «околорелигиозных» обвинений в адрес Ленина. Не стесняются заверять неискушенных читателей даже в том, будто Владимир Ильич стремился обречь на смерть массу духовных лиц (желательно после долгих и мучительнейших истязаний...) по обвинениям «за проповеди», «за колокольный звон», за «отказ сражаться в армии красных против белых войск»... Антилининская вакханалия стала ныне настолько само собой разумеющейся, что поражаешься, когда вдруг каким-то чудом «приходит» крохотная крупичка правды истории. Так, в ночь с 7 на 8 апреля 1997 г. вдруг прозвучало по телевидению признание того, что в 1919 году (в один из самых критических периодов нашего трагического прошлого) Ленин подписал декрет, освобождающий от участия в боевых действиях тех, кто не считает это возможным по религиозным соображениям. (Между прочим, ныне у нас пока решено почему-то «обходиться» без серьезно продуманных нормативных документов о неармейской альтернативной службе!).

Утверждают, будто даже после завершения самого тяжкого этапа борьбы против иностранных агрессоров и белогвардейских армий, было якобы загублено «по суду и без суда» около 25 тысяч лиц духовного звания, включая около трех с половиной тысяч монахинь и послушниц! Да если бы в 1921–1923 годах имела бы место хотя бы сотая часть чего-либо подобного, то тогдашний глава российского православия патриарх Тихон во весь голос сообщил бы об этом всему миру! Почему же никто не приводит подобных цифр со ссылкой на него? Просто нет у него подобных цифр: ошибаться он мог, но лгать не мог органически! Но это, конечно, не мешает кое-кому из власть (и телеканалы) имущих извращать все в

наследии этой яркой, совестливой, но не лишенной противоречивости личности. Бывало и так, что патриарх Тихон в своих остро полемических выступлениях способствовал распространению среди верующих настроений, мешавших их переходу на позиции подлинного прогресса и жизненно необходимой просвещенности.

Что касается заблуждений и срывов патриарха Тихона, то они определялись не преступной злонамеренностью, а исключительно искренними заблуждениями. Но неужто наивностью можно объяснить, например, то, что теперешний патриарх отказывается гневно осуждать заведомо преступных фальсификаторов? Ведь они в наши дни бессовестнейшим образом винят В. И. Ленина в гибели даже не десятков, а сотен тысяч духовных лиц! Как можно примиренчески относиться, скажем, к бесстыднейшему утверждению Игоря Чубайса, провозглашавшему: «Большевики физически уничтожили более 200 тысяч священников» («Книжное обозрение». № 27, 8 июля 1997 г. С. 17).

А каков бывший член Политбюро ЦК КПСС Александр Яковлев, 29.12.97 г. в поздней передаче «Ночной гость» решивший вообще перецегиголять всех лжецов, без зазрения совести объявив, будто было уничтожено 300 тысяч священников! Вот так «сливаются в экстазе», как и в ходе президентских выборов, вроде бы натуры, отнюдь не схожие между собой...

«Брать с потолка» цифры с одним или многими нулями, ныне (как и начиная с 30-х годов XX века) почти «законно», изображая из этого «статистические данные» для обмана десятков и сотен миллионов людей — не просто аморально, а губительно для общества. В отнюдь не меньшей степени, чем предьявление ни в чем неповинным людям лживых обвинений по горько памятной 58-й статье уголовного кодекса той поры, чтобы выбивать у них с помощью изуверских пыток «чистосердечные» признания, самооговоры и «разоблачительные» показания против других, столь же невинных... На деле это даже означает лишь затаенную жажду возродить те или иные из общественно пагубных компонентов сталинщины. Симптоматично, что это до сих пор «прорывается» у политически как будто несовместимых, хуже, чем сомнительных натур, провозглашающих вроде бы совсем разные цели...

Социально столь же опасно, разлагающе для необъятного множества людей, «переклечение» на В. И. Ленина всех злодеяний и мерзостей, сотворенных по «собственному желанию» того, кто запрограммировал и осуществил сверхпреступный антиленинский переворот. В частности, думается, все же не сотни тысяч, а «всего лишь» многие, страшно многие тысячи священнослужителей были убиты в 30-е годы по воле Сталина без всяких юридических «излишеств» вместе с миллионами других наших сограждан. С ленинским, как выражался Сталин, «либерализмом», было покончено в считанные годы практически полностью. Настолько, что, к примеру, в наиужаснейшем 1937 году, на руинах ленинских и общечеловеческих норм морали и законности, «обрубленных», когда они не задолго до того только-только начали укореняться и давать первые благотворные плоды, уже можно было направить, скажем, в Ишимскую тюрьму приказ уничтожить «всех лиц в духовном сане» даже без списка с фамилиями (См. «Литературная газета», 11.06.97. С. 3). В годы и десятилетия торжествовавшей сталинщины, то есть в условиях кроваво разнузданного уголовного беспредела, и такое стало совершенно «законным» и повсеместно поощряемым!

Есть своя страшная, но поразительно стойкая и мощная как бы взаимопереплетающаяся аномалия симпатии к Сталину (что проявляется даже в рекламных роликах, демонстрируемых на «демократическом» телеэкране), сочетающейся с яростно «лающей» зоологической, оскорбительно-пошлой ненавистью, нацеленной, как ни на кого другого, именно на В. И. Ленина! Невероятно, но здесь смыкаются многие так называемые демократы, монархисты, полуфашисты и даже такие, кто объявляет себя истинными коммунистами! А в

результате В. И. Ленин, свершивший бесконечно необъятное, невиданно спасительное, доброе, светлое, чистое (который, между прочим, приказал освободить даже группу контрреволюционно настроенных офицеров, чуть было не убивших его в ходе одного из покушений) объявляется убийцей тысяч и тысяч священников, угробленных именно по воле Сталина! Того самого, кто явно решил «выпестовать» духовенство, полностью совместимое с его преступным режимом...

Что-либо подобное было абсолютно невысказуемо для В. И. Ленина, хотя и в мирное время двух последних лет его жизни пусть единичные, но все же были потери среди духовных лиц. Однако их количество — не тысячи, не сотни и даже не десятки, а единицы. Имели место и совершенно несправедливые судебные приговоры. К примеру, в Петрограде большую часть неправильно приговоренных к расстрелу спасти все же удалось, а вот четверых — нет. Причем дело не только в том, что решительно насаждаемые В. И. Лениным нормы подлинной законности были крайне непривычны в еще недавно самодержавной, а потом крайне надорванной войной с иностранными агрессорами и их белогвардейскими пособниками стране. Но все же главное в той беде, постигшей считанных единиц, предreshалось тем, что в том 1922 году В. И. Ленин вследствие катастрофически опасной болезни, в огромной степени парализовавшей его властные полномочия, фактически был полностью отстранен от решения всех повседневных практических проблем. Тем более — вне его контроля находились судебные органы, оказавшиеся под почти непреодолимым уже тогда прессингом сталинского требования карать беспощадно так называемых «врагов», сплошь и рядом по заведомо липовым обвинениям. (А со временем и почти стопроцентно грязно клеветническим на грани беспрецедентной хуже чем уголовщины).

В данной связи невозможно не испытывать, дипломатически выражаясь, чувства крайнего недоумения по поводу того, что теперешний патриарх ухитрился «забыть» многое из наиважнейшего в нашем прошлом. И прежде всего того, что уже в самом начале 20-х годов XX века святейший патриарх Тихон оценивал власть большевиков принципиально иначе, чем прежде. Как можно «отключиться» от того, что он был искренне опечален кончиной Ленина и именно в те скорбные дни объяснил, почему глава общества, возникшего после Октября 1917 года, заслуживает глубокого уважения, да к тому же лично не был осужден церковью той поры вовсе не по «недосмотру».

Главное здесь предreshалось не перипетиями личной судьбы тогдашнего главы православия, а честным анализом событий того исторического периода, о чем надо бы честно задуматься и в наши дни. Почему, например, несмотря на то, что с 1918 года патриарх Тихон противостоял многому из того, что было бесконечно дорого Владимиру Ильичу, данный церковный лидер оказался в качестве арестованного в распоряжении ГПУ (в течение 38 дней) только в 1923 году, когда В. И. Ленин из-за болезни находился на положении почти полной изоляции? Причем, патриарх Тихон и в наисложнейших ситуациях ясно осознал, что советский лидер не только не уничтожал религию и церковь, но и, безусловно, был готов к компромиссу с теми, кто склонен отказаться от вооруженной борьбы, к которой нередко оказывались прямо или косвенно причастными и иные духовные лица. В том числе и это имел в виду патриарх Тихон, произнося добрые слова после кончины первого руководителя Советского общества.

Грех на душе Ленина был связан только с его письмом 1922 года в связи с восстанием верующих в городе Шуя. Тогда ему, мучительно страдающему от болезни, это событие было «подано» чуть ли не как «начало крушения», будто реакционная часть духовенства представляет прямо-таки ужасающую угрозу для Советской России и даже может подорвать усилия по спасению огромных людских масс, которым угрожала «смертельная петля

голода». Свою роль сыграла, вероятно, и весьма тенденциозная информация о воззвании патриарха Тихона, нацеленного будто бы лишь на то, чтобы «поднять миллионы верующих» на борьбу против изъятия церковных ценностей. А «заодно», якобы, и во имя торжества контрреволюции... Впрочем, и оказываясь — по состоянию здоровья — в чем-то беспомощным перед необъективной информацией, Ленин все же большей частью умел удерживаться от опасных крайностей. К примеру, думается, он ошибся, полагая, «что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент». Однако тут же оговаривается: «Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев...».

Владимир Ильич по-прежнему стремился избежать акций, заведомо ожесточающих массу тех, кто ему противостоял. Фактически в тот момент степень бескомпромиссности части руководства приближалась к той, которая была характерна для периода, когда приходилось из последних сил отбиваться от иностранных и белогвардейских армий. Видимо, и в изменившихся условиях болезненно сработала прямо-таки «вчерашняя» память о горьком опыте 1918–1920 годов, когда значительная часть церковнослужителей вплоть до ряда иерархов, была настроена жестко антисоветски и действовала соответствующим образом. Но ведь в 1922 году каждый из советских и церковных руководителей вроде бы должен был понять, что под давлением большинства верующих, настроенных в пользу Советской власти, церковные инстанции неизбежно встанут на путь сотрудничества.

Между тем неясностью в восприятии церковных аномалий той поры не преминули воспользоваться экстремистские элементы в партийно-государственном аппарате, действовавшие подчас с вульгарной бестактностью и грубостью при изъятии церковных ценностей. А тем самым, компрометируя благую цель спасения от смерти голодающих, провоцируя кровавые столкновения с верующими и в выгодном для себя духе «препарируя» информацию, предназначенную для Ленина. В результате в ряде мест произошли столкновения, в ходе которых погибли люди. Самая известная беда такого рода произошла в Шуе, где погибли четыре человека. Иные руководители не только соответствующим образом «информировали» Ленина, но и «стреляли» громкие процессы, стремясь возбудить страсти, создать «базу» для массового антирелигиозного и антицерковного психоза. Вот и в Петрограде изъятие церковных ценностей происходило до такой степени «топорно», что начались столкновения с возмущенными верующими. И хотя никто из милиционеров серьезно не пострадал, десять из 87 привлеченных к суду во главе с митрополитом Вениамином, были приговорены Петроградским губернским трибуналом к расстрелу. 26 июля 1922 года приговор был оставлен в силе кассационной коллегией Верховного трибунала ВЦИК.

И все же, при всей сложности ситуации, шестерых участников той вспышки стихийного недовольства при изъятии церковных ценностей все же удалось спасти от смерти. Исключительно благотворная роль в этом принадлежала революционеру-марксисту директору института К. Маркса и Ф. Энгельса Давиду Борисовичу Рязанову (1870–1938 гг.). Будучи членом ВЦИК, он так страстно выступил в защиту митрополита Вениамина и его соратников по несчастью, так убедительно доказывал правоту своего мнения, что жизнь шестерых из десяти смертников была спасена.

Из стенограммы выступления Рязанова на заседании ВЦИК с обоснованием отмены всех десяти смертных приговоров: «По моему мнению, весь приговор по этому делу подлежит кассации. Приведу примеры, как составлялось это дело, и приведу факты. В протоколе говорится, что при изъятии ценностей в одном месте было выбито у представителей мили-

ции 18 зубов, а оказался только один выбитый зуб. Ни одного смертного случая по Петрограду при изъятии церковных ценностей не было. (...) Если вы посмотрите кассационное заключение, то увидите, что обвинитель, докладчик трибунала писал его, зная о директиве. Распорядительное заседание Петроградского трибунала превратило без всяких поправок обвинительное заключение следователя в обвинительный акт. (...)

Кто же такой, например, Семенов? В обвинительном акте сказано: спекулянт. Оказывается, что он член партии, солдат, наборщик, полнейший инвалид, эпилептик. Его, когда он возвращался к себе домой, в сумятице задержали. Он оказал сопротивление. Я просмотрел доклад начальника губ. милиции, и он нигде не говорит, чтобы кого-то избивали. Да и кого мог избить этот инвалид? Спекулянтом он был квалифицирован потому, что, когда его арестовали, у него из кармана выпало несколько катушек ниток. Оказалось, что этот человек занимается продажей ниток. В конце концов он появляется на суде. Но если он фигурирует еще в обвинительном акте, он из приговора исчезает, т. к. привлечен к суду зря и выяснилась вся необоснованность возведенных на него обвинений. Затем священник Соколов. По показаниям какого-то агента ГПУ он обвиняется в том, что бросал слова против большевиков. На вопрос: где же он бросал эти слова, был получен ответ, что «у себя дома». Указывалось, что он эсер, что также оказалось неверно. Это 62-летний старик.

Я приведу второй пример, чтобы показать, что составлялся обвинительный акт. Происходит изъятие ценностей из Путиловской церкви. Здесь же в докладе начальника милиции указано, что допущена полнейшая глупость. Церковь построена на вычеты из зарплаты и взносы рабочих. Значит, церковь рабочая, там собрались женщины и дети. Там летели камни. То, что бабы и дети умеют бросать камни, это немудрено, но фактически никаких избиений не было. Там были аресты за агитацию. Кого же арестовали за агитацию? Арестовали одного парня, который оказался глухонемым! Итак, у одного милицейского выбит зуб, некоторые получили по голове, а это в Питере при изъятии колоссальных ценностей. Ни одного смертного случая. И в результате за один зуб — 10 смертных приговоров. Каким образом, как это сделали?

Была получена соответствующая директива. Это было первое дело после получения директивы. Дело построили так, что устроили внутри церковных приходов тайную организацию, которая под руководством Тихона, Вениамина и других устраивает агитацию по всей России, и получается таким образом, общая для всей России организация. В чем обвиняется Вениамин? То, письмо, которое он прочитал 5 марта, ему вменяется в вину. (В этом письме митрополит Вениамин потребовал доказательства того, что правительство действительно исчерпало все возможности помощи голодающим, а также надежных гарантий использования этих ценностей лишь для покупки продовольствия. К тому же он отказывается от этой акции без благословения патриарха Тихона). Комаров, бывший член ЦК и представитель Петроградского исполкома Канатчиков разрешили прочитать его письмо священнику Зубаровскому на собрании на Михайловской улице, где было несколько тысяч человек. Теперь Канатчиков говорит, что разрешение давалось прочитать только на том собрании, а не в отдельных церквях. Но ведь разрешение было дано, и если можно было оглашать письмо на многотысячном собрании, то почему же нельзя оглашать и в других церквях? (...)

По-моему, надо заменить 10 смертных приговоров другими наказаниями. Я приведу пример с Тульским епископом Ювеналием. Он приговорен к десяти годам за то, что подстроил новоявленную икону, которая должна была доказать, что никаких ценностей брать нельзя. Я предлагаю помиловать всех, заменить расстрел другим наказанием и потом, пользуясь тем, что у нас скоро пятилетие, ликвидировать это дело, потому что там имеются люди, совершен-

но зря осужденные». («Поиск». № 30, 1992 г.) К сожалению, Рязанову удалось спасти лишь шестерых из десяти, а четверо оказались обреченными прежде всего потому, что некто очень влиятельный имел возможность с помощью собственной директивы обречь их на смерть. Можно лишь предположить, кто «к сему руку приложил» — не тот ли, о ком Ленин в одном из предсмертных писем написал, что этот руководитель «сосредоточил в своих руках необъятную власть», которой он не сможет пользоваться достаточно осторожно?

Итак, произошло действительно нечто нетерпимое: погибло четверо, безусловно, не заслуживавших смертной казни. Это противоречит элементарным нормам нравственности и законности. Но, «отталкиваясь» от гибели нескольких неправедно осужденных, обвинять Ленина в мнимой «испепеляющей» ненависти к церкви, «необузданной непримиримости» к церковнослужителям и тем более — в том, что по его приказу якобы были убиты тысячи и десятки тысяч священников и монахов, значит извращать историческую правду. Не раз объективно оказывавшийся на стороне белого движения, патриарх Тихон в немалой степени благодаря честному анализу политики В. И. Ленина постепенно перешел на позиции не только признания, но и поддержки Советской власти. Разумеется, отнюдь не по соображениям беспринципно конъюнктурного характера.

В свое время в послании, адресованном Совнаркому в октябре 1918 года, патриарх Тихон искренне обвинял Ленина во всех грехах, говоря «о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях». Но как только обнаружилась в начале 20-х годов несправедливость той роли, которую ему суждено было сыграть в судьбе России, патриарх Тихон осуществил переоценку очень многого. И это вполне закономерно для личности по-настоящему крупной и глубоко порядочной. Исключительную роль в переходе патриарха на новые рубежи сыграло и неприятие им возможного «крена» православной церкви в сторону экстремистской антисоветской политизации, опасной для России.

Значимым было и то, что Советская власть проявляла готовность к сотрудничеству с верующими и их пастырями, не приемлющими военного противостояния, тяготеющими (особенно после введения НЭПа) к взаимопониманию с десятками миллионов сограждан, относящимся с полным доверием и сочувствием к человечности ленинских замыслов и дел. Тем более, что как раз после завершения военного противостояния, церковные структуры и массы верующих получили все необходимое для религиозной самореализации. Причем именно при Ленине свобода совести стала вполне реальной, вплоть до периода установления сталинской диктатуры, когда диктатор, узурпировавший всю полноту власти, не только начал с разнузданной оголтелостью орудовать, используя «Союз воинствующих безбожников», но и развернулся террор, втянувший в свою страшную орбиту и просто верующих, и тысячи духовных лиц.

При жизни патриарха Тихона не было ничего подобного. Да, в разгар военных действий нередко и на церковной «почве» происходило немало недопустимого, хотя и вовсе не по «наущению» главы Совнаркома. Но при переходе к мирной жизни ситуация и в этом смысле в основном нормализовалась, что тоже побуждало патриарха перейти на платформу признания Советской власти. Огромный грех на душу берет тот, кто подобно Волконову, склонен разглагольствовать: «Не знаю, чем объяснить особенно лютую ненависть В. И. именно к церкви и духовенству». Не было у него ни ненависти, ни нежных чувств ко всему, имеющему отношение к религиозным верованиям. Была лишь продуманная политическая линия, нацеленная на принципиальный компромисс, облегчающий успешное выполнение задач, стоящих перед нашей Родиной.

К сожалению, к взаимопониманию с церковью и ее главой путь был далеко не легким, о чем свидетельствует и нижеследующий документ: «Обращаясь с настоящим заявлением в Верховный суд РСФСР, я считаю по долгу своей пастырской совести заявить следующее: будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 году, анафемствование в том же году власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 году. Все мои антисоветские действия за некоторыми неточностями, изложены в обвинительном заключении Верховного суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного Кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный суд изменить мне меру пресечения, то есть освободить меня из под стражи. При этом я заявляю Верховному суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отказываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархии чешко-белогвардейской контрреволюции. 16 июня 1923 года. Патриарх Тихон (Василий Белавин)». («Известия», 27 июня 1923 г.).

Решением Верховного суда от 25 июня 1923 г. патриарх был освобожден.

Однако более сложной оказалась для него ситуация, возникавшая в среде церковных иерархов: «27 июня в Троицком подворье состоялось экстренное собрание благочинных и настоятелей приходских церквей Москвы, членов Московского и Высшего церковного совета, под председательством епископа Георгия Добронравова в числе 97 лиц. Собранием принята следующая резолюция: «Усматривая из обращения б. патриарха Тихона на имя Верховного суда полное подтверждение предъявленного к нему поместным собором 1923 года обвинения в том, что свой патриарший авторитет, свое патриаршее достоинство и то доверие, которым он был облечен русским верующим православным народом, он использовал для политической борьбы против государственной власти своего отечества и этим вовлек руководимую им церковь во внутреннюю гражданскую войну, а потому и является в полной мере и всецело ответственным за церковное разорение и то тяжелое положение, в котором находится православная российская церковь в настоящее время, — признать совершенную правоту современного обновленческого движения, совершенную сприведливость и историческую заслугу перед церковью за теми людьми, которые в минувшем 1922 года выступили против б. патриарха Тихона, потребовали от него отречения от управления, движимые любовью к церкви и верующему народу, взявши власть церковную в свои руки и довели церковь до поместного собора, осудившего б. патриарха Тихона... и просто как человека и христианина, призвали публично и определенно покаяться перед российской православной церковью и тем самым положить конец тому церковному раздору, той внутренней борьбе, которая раздражает церковь в настоящее время и угрожает опасностью ее дальнейшему существованию...» («Известия». № 142, 28.06.23.)

Из беседы, опубликованной в «Известиях» от 29.06.23.:

«Бывший патриарх Тихон был освобожден в среду, 27-го июня... В беседе с сотрудником РОСТА он очень хорошо отозвался о своем содержании под стражей:

— Первое время после ареста я находился в Донском монастыре. Никаких стеснений я здесь не испытывал, кроме, конечно, одного — мне, как находящемуся под стражей, не позволяли совершать богослужения. В моем распоряжении находились две комнаты, в одной из которых я жил, а в другой обедал. Был ли я доволен этой обстановкой, вы можете заключить из того, что теперь, будучи на свободе, я поселился в тех же самых комнатах.

Как видите, комнаты хорошо обставлены... Так же хорошо Тихон отзывается о своем пребывании в ГПУ, где он провел 38 дней. (...) Содержание было самое хорошее. У меня была в ГПУ прекрасная светлая комната. По моей просьбе для меня готовили обед, ибо скоромного не ем. Разрешали мне гулять. Тихон подчеркивает в беседе, что он решительно отмежевывается от внутренней и заграничной контрреволюции:

— Я целиком стал на советскую платформу. В то же время я думаю, что церковь должна быть аполитичной, и во всей своей деятельности я буду твердо стоять на этом. Я проверю сведения о контрреволюционной деятельности Антония Храповицкого и других заграничных иерархов, и если обнаружится, что эти сведения верны, я предложу им прекратить контрреволюционную работу, как несогласованную со званием пастыря. ...Ну, а если они меня не послушаются, я их предам церковному суду... Мне предоставлена свобода и, следовательно, право совершать богослужение. Я буду служить в Донском монастыре и в других местах, куда меня пригласят верующие. Если народ захочет, он будет ходить ко мне на молитву. Если же не захочет, ничего не поделаешь, — буду молиться один. Если у меня найдется достаточное количество приверженцев, то наше церковное объединение примет какие-нибудь организационные формы. Решение Поместного Собора о лишении его патриаршего сана Тихон не признает, считая его не каноничным. — Собор осудил меня за контрреволюцию, но он не мог этого делать, ибо судить меня за контрреволюцию может только Советская власть...».

В «Известиях» от 29.06.23. была опубликована также беседа с А. И. Новиковым (Управделами ВЦС и представитель СОДАЦ): «Покаяние Тихона не было для нас неожиданностью. Зная Тихона как верующего человека, мы были убеждены, что чувство христианского долга восторжествует над политическим заблуждением. Глубоко уверенные в том, что Тихон являлся контрреволюционным знаменем для всех зарубежных белогвардейцев, мы, однако, голосуя на Соборе за лишение его сана, судили его не за политику, а за преступления церковного характера. По нашему мнению, Тихон является косвенным виновником смерти всех, кто шел за ним для борьбы против Советской власти. Всякий же виновный в убийстве, согласно церковному канону, подлежит извержению из церкви на 20 лет. Для нас не менее ясно то, что, выступая против Советской власти, Тихон подвергал опасности самое бытие церкви, внося разложение в ряды верующих и натравливая одну часть православных против другой. Наконец, уже само неподчинение власти является преступлением в церковном смысле. (...) По мнению группы древнеапостольской церкви, Тихон в дополнение к своему покаянию перед гражданской властью должен публично покаяться перед народом православным и просить прощения в тех злодеяниях, которые совершены им по отношению ко все верующим. Для нас нет патриарха Тихона, — для нас есть гражданин Василий Белавин. Как управляющий делами высшего церковного совета, я официально заявляю, что никаких разрешений Тихону на служение не давалось и дается, и все, которые допустят Тихона к богослужению, будут подвергнуты церковной каре».

Но все оказалось не столь однозначным...

«В воскресенье, 1 июля, б. патриарх Тихон совершил в Донском монастыре первую службу после освобождения из-под стражи... Ожидания «непримиримых», что народ после повинной Тихона и заявления о полном его отмежевании от внутренней и внешней белогвардейщины отшатнется от него, — не оправдались. Верующих пришло на первую службу много. Храм, коридоры и паперть его и весь монастырский двор были усеяны народом. Так как в церковь попала только незначительная часть верующих, то по окончании обедни Тихон отслужил молебствие на монастырском дворе, после чего в течение нескольких часов благословлял верующих. В церкви Тихон обратился к собравшимся с кратким словом. Он

говорил о необходимости для церкви совершенно отмежеваться от политики, считая крупной ошибкой то, что представители церкви не могли этого сделать раньше». («Известия», 3 июля 1923 г.)

Такова правда...

В «Известиях» опубликован очень корректный и доброжелательный репортаж о богослужении патриарха в Донском монастыре: «Задача церкви сеять учение Христа о мире всего мира, о братстве, о всепобеждающей любви. Взбаламученное страстями человеческое море особенно теперь в этом нуждается. И церковь должна выполнить эту свою основную задачу. (...) В заключение он выразил радость, что верующие собрались на первое его богослужение в таком большом количестве. (...) Когда в церкви шла служба, на монастырском дворе верующие, разбившись на группы, оживленно комментировали заявление Тихона в Верховный суд. Отдельные лица развивали ту точку зрения, что заявление Тихона — крупная непоправимая ошибка. (...) В большинстве же кружков, групп слышалось иное. Заявление Тихона считалось в высшей степени своевременным и мудрым актом. Посмотрите, сколько здесь народа, подлинной демократии, и все это потому, что Тихон принял целиком советскую платформу. Теперь расхождения между народом и церковью нет... Поверьте, когда Советская власть убедится, что в лице церкви она не имеет контрреволюционной организации, она совершенно изменит свое отношение к ней. Тем не менее все же говорили, что некоторые епископы недовольны Тихоном и решили от него отмежеваться. А один из видных профессоров богословия, прочитав заявление Тихона, будто бы разрыдался и сказал — «Все кончилось!»... И уехал на родину в Смоленскую губернию...» («Известия», 3 июля 1923 г.)

В целом процесс нормализации не прекращался. Есть все основания полагать, что и компромисс с патриархом Тихоном и его последователями являлся очередным позитивным фактором общесоциального оздоровления и умиротворения (который, к сожалению, был очень быстро прерван). Наиболее авторитетный из лидеров российского православия не согласился бы на это, если бы развитие событий в стране, запрограммированное Лениным, не пошло по пути социального и иного прогресса, гуманизации общества и национального возрождения. Введение НЭПа, ликвидация голода и поразительно быстрое решение продовольственной проблемы, массовое освобождение политических заключенных, амнистия, запрет органам ВЧК выносить смертные приговоры, стремление Ленина и его истинных соратников ввести жизнь страны в рамки подлинной законности — все это не могло не переубеждать патриарха Тихона, как и каждого мыслящего оппонента, не потерявшего способности объективно оценивать людей, факты, явления.

Успел ли почувствовать патриарх, что смерть Ленина означала вероятность подрыва самого ценного из задуманного и начатого им, а значит, и всего самого светлого и человеколюбивого? Трудно сказать. Но первые ощутимые зловещие симптомы «руководства» жизнью церкви, изменение курса и в этом плане заметны, например, в документах, связанных со смертью патриарха всего лишь через год с небольшим после смерти Ленина... Формально вроде бы (по крайней мере на «бытовом» уровне) вплоть до кончины, отношение к церковному лидеру не менялось к худшему, но по существу в материалах «Известий» от 15 апреля 1925 года колесо истории как бы повернулось вспять. Разве не кошунственно звучит даже название одного из них «По поводу Тихоновского завещания»? Только что умер патриарх, который за несколько часов до кончины, уже теряя силы, подписал то, что в обычном состоянии он бы отверг. Подписал то, что кое-кому было особенно желательно. Хоть бы элементарную совестливость проявили... Куда там: не ограничившись паразитическим заголовком, вставили немало злобных, прямо-таки распинающих слов и выделили

жирным шрифтом, будто патриарх Тихон «...был моральным средоточием реакционных происков против Советской власти и пытался... — возглавить контрреволюционное движение». Тут же намекалось, будто в своей антисоветской одержимости он был чуть ли не против «спасения голодающих людей от смерти»!

От только что скончавшегося человека «выжали» практически все, что было кое-кому желательно, но все равно не постеснялись объявить всю его деятельность не только антисоветской, но и антинародной. Подумать только: «Это было венцом и вместе с тем концом его активных контрреволюционных выступлений против Советской власти. Последняя по отношению к Тихону выказала большое благодушие и терпимость. Только после того, как его призывы привели к кровопролитным столкновениям, вызванным оголтелыми фанатиками, покорно исполнявшими приказы своего духовного главы, правительство увидело себя вынужденным принять репрессивные меры против этой не только контрреволюционной, но просто человекоубийственной деятельности Тихона». Здесь же соседствует что-то вроде намека на то, что патриарх не столько искренне осознал правоту свою, сколько как бы оробел и на него, дескать, «...подействовало очевидное укрепление Советской власти и несомненные симпатии к ней широких трудящихся масс». Кое-кому (кто начал рваться к «необъятной власти») сразу же после смерти Ленина) явно особо желательно было внушить большинству сограждан, что не разум и воля побудили патриарха изменить свою позицию, а бессилие...

«Предсмертное завещание Тихона» оставляет какое-то несколько «загадочное» впечатление. Умиравший человек почему-то провозглашает: «Ныне мы, с милостью божией, призываем вас, возлюбленные братья-архипастыри, осудив еще раз всякое сопротивление власти, злонамеренные против нее умышления, мятежи и всякую против нее вражду, разделить наш труд по умиротворению паствы нашей и богоустроению церкви божией». («Известия», 15 апреля 1925 г.) Почему в текст завещания как бы «втиснуты» интонации, характерные для угодливых пропагандистов 30-х годов? Откуда здесь же прямо-таки несдержанно «взрывная», да и не по-христиански непримиримая ожесточенность против «врагов церкви», нацеленная против сектантов, католиков и т. д.?

Думается, в данной связи имеются достаточно обоснованные предпосылки для тревожных выводов не только о предсмертной и в чем-то посмертной личной беде патриарха Тихона, но и о приближавшейся катастрофе, в ходе которой гибель многих тысяч «лиц духовного звания» станет лишь частицей многомиллионной массы жертв сталинщины. Сталинщина не могла не противостать самым злокозненным образом всему, к чему стремился и что совершил ради всеобщего блага первый руководитель Советской страны. Созидательность, благородное величие целей Ленина, любой мыслящий и объективный человек мог уяснить уже в первой половине 20-х годов, каким бы тяжкими сомнениями не был он охвачен в предшествующий период и каким бы страстным оппонентом не довелось ему быть по отношению ко всему, что делал величайший лидер нашей многовековой истории в наисложнейших условиях начала XX-го века.

Патриарх Тихон принадлежал к числу тех, кто честно прошел этот тернистый путь от непримиримо страстного противостояния до глубоко осознанного и выстраданного признания правоты В. И. Ленина во всем эпохально значимом для России. И далеко не случайно через несколько дней после смерти В. И. Ленина патриарх Тихон заявил следующее: «По канонам православной церкви возвращается служить панихиду и поминать в церковном служении умершего, который был при жизни отлучен от церкви... Но Владимир Ильич Ленин не отлучен от православной церкви высшей церковной властью и потому всякий верующий имеет право и возможность поминать его. Идейно мы с Владимиром Ильичем

Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нем как о человеке добрейшей и поистине христианской души» («Вечерняя Москва», 25 января 1924 г.).

Мнение патриарха не противоречило высшей коллегиальной церковной инстанции: «В Центральный Исполнительный Комитет СССР. Председателю М. И. Калинин. Священный Синод Российской православной церкви выражает Вам искреннейшее сожаление по случаю смерти великого освободителя нашего народа из царства великого насилия и гнета на пути полной свободы и самоустроения. Да живет же непрерывно в сердцах оставшихся светлый образ великого борца и страдальца за свободу угнетенных, за идеи всеобщего подлинного братства и ярко светит всем в борьбе за достижение полного счастья людей на земле. Мы знаем, что его крепко любил народ... Грядущие века да не заглядят в памяти народной дорогу к его могиле, колыбели свободы всего человечества. Великие покойники часто в течение веков говорят уму и сердцу оставшихся больше живых. Да будет же и эта отныне безмолвная могила неумолкаемой трибуной из рода в род для тех, кто желает себе счастья. Вечная память и вечный покой твоей многострадальной, доброй и христианской душе. Председатель священного синода митрополит Евдоким». («Известия». № 20, 25 января 1924 г.)

Стоит подумать и над следующими словами из беседы с митрополитом Евдокимом, касающимися отношения Ленина к религии: «В заграничной, главным образом, белогвардейско-эмигрантской прессе Ленин изображался как неистовый гонитель и ненавистник православной церкви и религии вообще. Это в корне неверно. Ленин относился к верующим в высшей степени справедливо и беспристрастно и боролся только с преступниками в рясе». («Вечерняя Москва», 25 января 1924 г.) Те, кто ныне клеветуют на Ленина сейчас — не оригинальны: они просто повторяют давным-давно «выплеснутое» и тогда же опровергнутое... 1922 год. Апрель. Пасхальный праздник. Если бы православная вера была бы действительно ненавистной, то легко и просто можно было бы «не заметить», что этот праздник дорог очень многим из сограждан. Но, как ныне принято выражаться, «ужасная» Советская власть приняла решение, согласно которому рабочий день накануне Пасхи на предприятиях и в учреждениях заканчивался в пятницу, 14 апреля, в 12 часов, а возобновлялся во вторник, 18 апреля.

2 В последние полтора десятилетия становится почти общепринятым и обязательным в средствах массовой информации «разыгрывать» в интересах уголовно капитализаторского режима и то, что вполне можно назвать «религиозной картой». Дескать, все теперешнее зло, все беды, обрушенные ельциноидами на абсолютное большинство соотечественников и прежде всего — на гигантские массы честных тружеников, якобы порождены не преступно грабительским, в сущности всеразрушительным и всеразлагающим, душегубским курсом, реализуемым вполне целеустремленно с конца 1991 года, а неким «богоборчеством», «уничтожением религии» и тому подобным, якобы «вдруг» приведшим в современных условиях к губительным для миллионов людей последствиям.

К примеру, Никита Михалков утверждает, что ныне творящееся и давно невиданное по своим страшным результатам, это то, к чему «мы шли и чем жили в течение семи десятилетий» и теперь «хлебаем», а вовсе не следствие «тех лет, которые Ельцин был у власти». «Это плоды безбожия и насилюющего души атеизма». «В конце концов почему я должен верить Карлу Марксу или Владимиру Ленину?» (См. «Российская газета», «Московский комсомолец», «Труд». Михалков получил возможность дать пропагандистский свой «залп» вроде бы в «разных» газетах одновременно 09.04.96.! И это лишь один из удачных для него и, конечно, для нежно полюбившемуся ему Ельцина, денечков! Случайно ли?) Безусловно, во всем этом есть

своя заведомо малопочтенная «логика», облегчившая очередной предвыборный обман десятков миллионов людей.

Можно не сомневаться: Н. Михалков в полном соответствии с образцами давно минувших 30-х и других лихих годов осознанно, вполне по-сталински извращая все и вся, как водится, некомпетентно и субъективистски произвольно, но все же решал поставленные перед ним «идейно»-пропагандистские задачи вовсе не случайно в ходе тогдашней предвыборной игры Ельцина. Примерно, в том же духе, скажем, действовал и автор программы «До и после» 10 июня 1996 г., изображая мерзости сталинщины истинным коммунизмом, «попутно» совершенно голословно обвинив В. И. Ленина в ненависти к религии и мнимом уничтожении им десятков тысяч священнослужителей! «Обосновывал» же он это информацией о чудовищных антирелигиозных эксцессах, действительно имевших место в сталинские времена, что было совершенно невыносимо при жизни В. И. Ленина, да еще по его желанию...

Так же несколько ранее действовал и тогдашний «патриарх» апологетов нынешнего режима Д. Волгогонов, не сказавший в своем пухлом двухтомнике «Ленин» ни единого слова, не искажая правду истории по всему наиболее важному из нашего прошлого. Не мог он не коснуться в том же духе и религиозно-церковной проблематики, утверждая, будто В. И. Ленин думал лишь о том, чтобы сначала «подрезать крылья», а затем и «физически ликвидировать» служителей культа. (Т. 2. С. 205) Не постеснялся бывший ответственныйший номенклатурный популяризатор совсем недавно прославлявшегося им ленинского теоретического и политического наследия обозвать В. И. Ленина «Антихристом с прищуренными глазами». (Т. 2. С. 212) А затем снова повторил ту же словесную грязь — будто В. И. Ленин стремился сыграть и «блистательно исполнил роль Антихриста XX века» в трагедии церкви. (Т. 2. С. 226) Несложно понять, какова истинная цена и следующего, как обычно совершенно бездоказательного выпада: «Разве могла рассчитывать церковь, что Ленин сохранит ее святость? Удивительно лишь то, что смертельный удар по церкви Ленин нанес так поздно, лишь в 1922 году, когда у него уже начали иссякать собственные силы». (Т. 2. С. 204) Свое «удивление» Волгогонов «рассеивал», как обычно, совершенно непорядочно: дескать, В. И. Ленину до 1922 года было просто некогда!

А ведь на самом деле и в тяжчайшие моменты военного противостояния, не говоря уже о мирном периоде, Владимир Ильич (в отличие от лжекоммунистических и иных экстремистов) и помыслить не мог о физической ликвидации людей только потому, что им суждено было стать священнослужителями! Утверждая, будто именно в 1922 г. Ленин задумал и нанес «смертельный удар по церкви», Волгогонов лгал, прекрасно зная, что в это время он находился не просто в прединсультном состоянии, но месяцами из-за мозговых аномалий был не в состоянии решать простейшие арифметические примеры на умножение и т. д., что вело к страшным последствиям, вплоть до паралича и потери дара речи...

Грустно, но нелегко припомнить время, когда правда была бы так же ненавистна, как теперешним власть имущим. Ложь непрерывно «раскручивается» по всем направлениям, включая и то, о котором идет речь. Поэтому вполне типичным, к примеру, является утверждение, будто В. И. Ленин не просто де «преследовал» христиан, а, будучи крещеным человеком, делал это «хуже древнеримских императоров-язычников!» (См. «Аргументы и факты». № 16, 1997 г. С. 9). Естественно, автор и редактор и не подумали раскрыть, что же означает в данном контексте слово «хуже», ибо и малыши-школьники знают, что христиан той поры по воле императоров подвергали не только наимучительнейшей казни — распятию на кресте, но и бросали на растерзание хищным зверям прямо на арене цирка... Что же еще худшее мог придумать и сделать В. И. Ленин?

Из аналогичных «игр»:

6 апреля 1997 года Евгений Киселев в «Итогах» «помянул» события, примерно, 80-летней давности, стремясь внушить многим миллионам телезрителей, будто именно тогда было запрограммировано все самое жестокое и скверное в жизни нашего общества на протяжении всех последующих семи десятилетий. Разумеется, Киселев (образованный, мыслящий, но крайне зависимый от властителей человек) просто не мог в данной связи не провозгласить, насколько «ужасен» был В. И. Ленин, не предпринимая, как водится, даже подобия попытки обосновать это аргументацией, базирующейся на фактах. Особенно же охотно данный телеведущий обрушил на Владимира Ильича все, к чему он был совершенно непричастен, в основном то, что начало твориться после его смерти в результате преступно антиленинского переворота, возглавленного Сталиным. А вот этого наиужаснейшего по количеству жертв заправилу за все века нашей истории, как водится, решено было не упоминать, «переключая» его злодеяния по другому адресу.

В частности, Киселев акцентировал особое внимание на «крови тысяч» якобы загубленных при В. И. Ленине священников, включая сбрасываемых с колоколен... Как же можно было давать понять миллионам и миллионам, систематически обманываемым соотечественникам, будто подобное могло твориться только по воле основателя Советской власти! Само собой разумеется, этот автор не привел ни одного аргумента в подтверждение и обоснование своих чудовищных обвинений: ведь для ельцинского «агитпропа» стало общим местом нескончаемое повторение клеветнической мерзости о том, будто В. И. Ленин только и мечтал, как бы поскорее уничтожить все лучшее в нашей стране, включая, конечно, православную веру! Совсем не случайно именно по этой части орудовал, к примеру, не очень давний «честный» партизц литератор Солоухин, издавший с американской помощью свою невежественно-бесчестную книгу о В. И. Ленине. Именно по его стопам шел и вышеупомянутый главный ельцинский «историк» Волкоганов (в прошлом — один из влиятельнейших номенклатурных «столпов-идеологов»).

Можно ли себе представить, что когда-то где-то какой-нибудь негодяй действительно сбросил с колокольни священника, стремясь возродить такого рода казнь, применявшуюся во времена средневековья не так уж редко в ходе страшных междоусобных «разборок»? К сожалению, нельзя с гарантией дать отрицательный ответ на такой вопрос. Где-либо такое могло случиться и в XX веке в разгар страшного военного противостояния, предрешиенного вторжением иностранных войск. Но теперь стало обязательным, изображая это чем-то обычным и само собой разумеющимся, реализовывать жажду лишь в очередной раз сбить с толку массовое сознание, самым циничным образом стремясь воздействовать на чувства многих миллионов наивных людей (особенно юных), вот уже немало лет преступно лишаемых честной исторической информации. «Забывая» при этом сообщить элементарное: если такое чудовищное преступление и имело где-либо место, то лишь там, где органы Советской власти теряли контроль в той или иной волости...

Внушить же, будто что-либо подобное могло происходить по воле и желанию В. И. Ленина, может лишь непоправимо надломленное должностное лицо дней текущих, выполняющее преступно корыстную, всеразлагающую и гибельную для нашего общества «пропагандистски-информационную» директиву тех из нынешних властителей, на ком просто «пробу ставить нгде»... В действительности же и в разгар гражданской войны за подобные преступления следовала суровая кара вплоть до расстрела на месте. Более того: даже во времена сталинского торжества, когда шло целеустремленное (абсолютно нетерпимое при В. И. Ленине) уничтожение не только большинства самостоятельно мыслящих иерархов, но и многих тысяч рядовых церковнослужителей, легальное сбрасывание с колокольни было

исключено. Сталин, безусловно, стремился ликвидировать целое поколение «служителей культа», в лояльности которых он не был уверен, но при всей своей кровожадности, он предпочитал уничтожать неугодных «по-тихому» в «недрах» ГУЛАГА. Особенно — принципиальных и неподкупных иерархов. В ленинские же времена даже единичные случаи подобного рода могли иметь место только вследствие преступного нарушения норм и установок Советской власти.

Что особенно характерно для безвременья ныне торжествующих бесчеловечно-своекорыстных заправил? Помимо много иного — возвеличивание не просто сомнительных, а до омерзения грязных и жесточайших из властвовавших некогда в прошлом, в сущности, в чем-то патологически аморальных индивидов. Вот и находится довольно часто «на слуху» в последние годы «вдруг» вновь появившийся на карте нашей, еще недавно мощной, а ныне надорванной и все более труднопоправимо разваливаемой страны, город, вновь названный во славу именуемой теперь, как правило, «Великой», Екатерины II. Разумеется, одновременно осуществляются переименования, разрушаются музеи, памятники, ведется по телевидению и в печати непрекращающееся осквернение памяти о действительно великих и благородных деятелях, делавших все возможное не ради гибели Родины и миллионов ее граждан-тружеников, а во имя их спасения от угрозы порабощения и массового уничтожения.

Предположим, что степень духовной недееспособности олицетворяющего все такого рода духовно и морально-этически растлевающие перемены Ельцина такова, что он не имеет представления об элементарном, даже когда дело касается его «родного» города. Например, о том, что «развратная государыня развратила государство», как выражался А. С. Пушкин, или того, что царица-узурпаторша руками сблизившихся с ней негодяев убила своего мужа — законного императора и тут же ошельмовала его! Ведь наши соотечественники обычно до сих пор не знают, что по сравнению со своей вероломной, аморальной и крайне жестокосердной женой, он был, по меньшей мере, общественно гораздо менее пагубно корыстным и в чем-то даже прогрессивно и гуманно настроенным человеком. Вероятно, таким, как Ельцин, и впрямь неизвестно даже то, что данная царица придала крепостному праву в России нигде в Европе невиданную, в сущности, до ужаса рабскую разновидность, что она направила в крепостную неволю гигантскую массу государственных крестьян, «раздарив» их своим до бесконечности «разнообразным» «избранникам» деликатно до сегодняшнего дня именуемым фаворитами? Ельцин, видимо, почему-то также не знает и того, как по-своему «жалостлива» Екатерина была по отношению, скажем, к такому изуверскому чудовищу, как Салтычиха, и как жестока к достойнейшим людям, включая Радищева и Новикова...

Ну почему в связи со всем этим «помалкивают в тряпочку», хитрят, расчетливо «темят» и так называемые влиятельнейшие оппозиционеры? Неужто и они не знают, сколько монастырей было при ней разорено, до какого лакейского состояния довела эта «великая» царица верхушку православной церкви, с какой ужасающе злобной необузданностью управлялась она с достойнейшими церковнослужителями? Как и вообще со всеми, кто не считал допустимым восторгаться такой до растленности аморальной и бесчеловечной натурой, преступно дорвавшейся до вершины власти. Причем кое-кто полагал, что как раз достойнейшего из оппонентов царицы из числа духовных лиц, а не последнего царя с царицей надо бы причислить к лику святых!

Безусловно, заслуживает серьезного внимания мнение, например, профессора истории Д. В. Поспеловского: «...Почему до сих пор не прославлен мученик XVIII века митрополит Арсений (Мацеевич), по приказу Екатерины II замурованный живьем в каменном мешке Ревельской крепости лишь за то, что смел хлопотать перед нею о восстановлении патриаршества и отказался давать присягу из-за того, что «крайним судьей» в ней назван монарх, а не

Бог? Не из-за позора ли беспрекословно подчиняющийся императрице Синод предал его анафеме, которая снята была лишь собором 1917–1918 годов? Данных в пользу канонизации мученика Арсения несравнимо больше, чем в пользу канонизации Николая II. Не потому ли он до сих пор не прославлен, что замучила его императрица, а признание этого разрушает миф о «благочестивых государях» и «золотом веке» Церкви под их крылышком?» («Церковно-общественный вестник» № 9, 13 февраля 1997 г. С. 4. Приложение к еженедельнику «Русская мысль». Из рубрики «Навстречу Собору».) Между прочим, курс на забвение по отношению к такой ныне заведомо бесспорной личности, как митрополит Арсений, означает, видимо, безграничную степень далекой от истины беспринципности ряда ключевых фигур оппозиции и православия. Можно ли рассчитывать в таких условиях хотя бы на подобие объективности, тем более, когда речь заходит о В. И. Ленине? Конечно, нет...

На самом же деле курс В. И. Ленина по отношению к религии был настолько здравым и умным, то есть общественно полезным, что, в конце концов, наиболее серьезная часть верующих и служителей церкви, независимо от их ранга, просто не могла не понять важнейшего. А именно: в ленинский период было неизбежным решительное противостояние не церкви в целом и тем более не религии вообще, а тем церковникам, которые стихийно или осознанно, вместе с силами иностранной агрессии и абсолютно непримиримой внутренней контрреволюции, наносили колоссальный вред процессу созидания нового гуманистически-прогрессивно запрограммированного общества. Особенно опасным это было в период открытого военного противостояния, а потому и контрудары руководства Советской России, возглавляемого В. И. Лениным, соответствовали по силе ударам тех, кто делал все возможное, чтобы довести нашу Родину до, как минимум, полукOLONиальной деградации, а если удастся, то и до непоправимого распада.

Сразу же после отражения вторгшихся иностранных войск и их пособников, был поистине блистательно начат великий созидательно-спасительный, по-настоящему человеческий процесс никогда ранее невиданных благотворнейших перемен. Который был надломлен в результате органически антиленинского переворота, возглавленного Сталиным, а отдаленным следствием этого со временем и оказалось и то, что мы имеем в конце XX века и начале XXI. Что же касается религиозно-церковной сферы, то смерть В. И. Ленина уже через считанные годы бесконечно дорого обошлась и здесь, особенно начиная с самого конца 20-х годов, причем людские потери православного и иного духовенства и других истинно верующих людей тогда действительно стали массовыми, исчислявшимися тысячами, а быть может и десятками тысяч, тем более — во времена «расцвета» ГУЛАГА. Это, конечно, не могло не сопровождаться страшным морально-этическим и иным уродованием множества душ уцелевших церковников и прежде всего — молодой их по тем временам «поросли», что до сих пор сказывается во многом роковым образом на том, что можно считать позитивно-функционирующим православием...

В. И. Ленин, даже если бы он не был гениальным, а просто по-настоящему умным и высокообразованным лидером, понимал, что бороться надо отнюдь не с церковью и, конечно, не с религией «вообще» (как это было во времена Бисмарка в Германии или при Сталине, когда поощряемый им, орудовал т. н. союз воинствующих безбожников). Действовать так не только неумно, но крайне вредно во всех отношениях и тем более — исходя из норм, обязательных для успешного созидания подлинно прогрессивного и человеческого социалистического будущего. По меньшей мере потому, что таким способом можно лишь усилить и максимально расширить сферу распространения религиозных предрассудков, придав им к тому же совсем уж ослепляющую, подчас опасно экстремистскую направленность, всегда и во всем крайне негативно сказывавшуюся на развитии общества.

Вопреки клеветнической грязи, чуть ли не ежечасно обрушиваемой ныне на Владимира Ильича в наши дни, он прекрасно понимал, какими будут последствия административно-карательных мер, нацеленных на то, чтобы надломить ту или иную церковь, ту или иную религиозную конфессию. Одно дело наказывать того или иного церковнослужителя, к примеру, за призыв к верующим начать вооруженную борьбу против Советской власти, и совсем другое — порываться силой «искоренить» религиозные убеждения «нежелательной» разновидности. В. И. Ленин, разумеется, не мог не понимать, насколько вредоносной была, к примеру, политика Петра I в этом плане, буквально надломившего хребет официальному православию, полностью подчинив его после ликвидации патриаршества назначаемым самодержцем по сути дела чиновникам из рабски покорного ему Синода. А чего стоила России в сущности преступная его жажда уничтожить старообрядческую церковь! И ведь не стыдился посылать против т. н. «раскольников» воинские части, а те, если не удавалось скрыться где-нибудь в таежной глуши, предпочитали рабскому «преклонению» массовые самосожжения! Какая чистая и светлая по духу людская масса была загублена по воле этой страшной самодержавно бесчеловечнейшей природы, способной на любое изуверство! «Староверы», вопреки всей самодержавной мерзости, так ныне восхваляемой, сохранили свои верования, влиявшие на них и связанных с ними людских масс весьма позитивно...

Есть, между прочим, своя закономерность в том, что старообрядческие духовные лица, в отличие от официальных церковнослужителей, пристроившихся под царским «крылышком», веками удерживали свою паству от пьянства и прочих особо пагубных пороков. Одно это достаточно симптоматично. В целом же «подмятая» самодержавием православная церковь была бессильной далеко не только с борьбе с пьянством: именно ее безоглядное сращивание с порочным государственным строем, рабская покорность чуть ли не всех иерархов даже самым недостойным из династии Романовых, не могли не способствовать краху всего дореволюционного «порядка вещей». Ох, и многое предreshалось на протяжении столетий утратой полупарализованным православием России духовного и нравственного авторитета!

Чего стоило фактическое предание анафеме Синодом такого великого писателя-гуманиста и безукоризненно светлого, доброго человека, как Лев Николаевич Толстой! И как еще непристойнее «попахивает» поведение иных теперешних столпов церкви во главе с патриархом в связи с их нежеланием отменить порочное решение иерархов царского времени, клеймящее гениального творца и правдолюбца, во всем следовавшего человеческим побуждениям Иисуса Христа! А как можно опуститься, да еще в наши дни, до бесчестного прославления даже так называемой «Великой» Екатерины II, не только обобрававшей православную церковь, но и творившей очень многое особо страшное и мерзкое! И тем более как можно до сих пор «не замечать», что по ее приказу был замурован живьем отважный и кристально чистый мученик митрополит Арсений!

Германский канцлер Отто фон Бисмарк до чего-либо подобного не докатывался не только потому, что был совсем не глупым политиком-прагматиком, но и тем более в связи с тем, что правил в условиях эпохи, когда средневековая кровожадная тяга к душегубству откровенно обнаженного типа воспринималась как нечто совсем уж неприличное. Однако и он все же споткнулся на собственном влечении к решению религиозно-церковной проблемы «топорным» способом настолько, что аналогично неумное «решение» церковно-религиозных вопросов стало оцениваться марксистами ироническим словосочетанием «перебисмаркил самого Бисмарка». Связано это было в основном с тем, что под видом «Культуркампа» (борьбы за культуру) Бисмарк выступил против клерикальной оппозиции в надежде легко «скрутить» служителей церкви, недовольных его политическим курсом, с

помощью репрессий и гонений. Однако самоуверенно-пришибеевское вмешательство в деятельность церкви, в ее внутреннюю жизнь, обошлось считавшемуся всемогущим Бисмарку весьма дорого и привело к малоприятным для него результатам.

В. И. Ленин, конечно, прекрасно понимал суть дела и писал: «Такой борьбой (за «культуру». — Г. Н.) Бисмарк только укрепил воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических» (Соч. т. 15. С. 372) Немало времени прошло с начала 80-х годов XIX века, когда Бисмарк после своего неудачного противостояния церкви вынужден был пойти на примирение с католическим духовенством, отменив почти все из законов, направленных против него... В связи с имевшимся у него колоссальным теоретическим «багажом», знанием людской психологии, необъятной по объему политической и иной информации, В. И. Ленин, конечно, полностью исключал даже подобие репрессивных мер против верующих.

Религиозные убеждения как таковые, сами по себе не представляли опасности для дела его жизни, хотя Владимир Ильич понимал, что противоречия между верующими в бога и далекими от религиозного мировоззрения, были, есть и будут. Но разрешаться они должны на подлинно человеческом, а не примитивно ожесточенном уровне. В основном такого рода противостояние имело место в ходе публичных диспутов между блистательнейшими интеллектуалами, идеалистически-религиозного и материалистического мировоззрения. Не более того.

Эти публичные дискуссии имели место и в первые годы после смерти В. И. Ленина, считавшего их полезными для духовного и нравственного совершенствования наших сограждан. Сталин же запретил это, как и практически все, связанное с подлинно ленинскими нормами общественного бытия, при первой возможности. По мере того, как его власть становилась все более безграничной и никем не контролируемой настолько, что повседневной реальностью стал, наряду с моральным и духовным террором «без конца и без края», в качестве базисного и такой, который давал кроваваднейшему из тиранов возможность убивать сколько угодно и кого угодно...

Зловещий «перелом» 30-х и последующих лет был явлением ужасающе исключительным в гигантской необъятности всей нашей многовековой истории. Прежде всего в связи с тем, что после осуществления антиленинского переворота, преступный властолюбец мог совершенно безнаказанно отправлять в страшных муках в небытие никогда и нигде в мире невиданную многомиллионную массу граждан «собственной» страны. Беспрецедентность этого в решающей степени связана с тем, что узурпатор бесконтрольно тиранической власти получил возможность за «просто так» палачески убрать несчитанные миллионы несчастных в порядке злодейски расчетливой ликвидации! И оклеветать чуть ли не каждую из жертв своего режима, обрекая ее на подчас хуже, чем средневековые пытки и смерть с клеймом «врага народа», «предателя», «шпиона», «диверсанта», «террориста», «предателя-отравителя» и т. п....

В данной связи огромнейшую, подчас сверазлагающую роль играла возможность в полном соответствии с «пожеланиями» Сталина, извратить все, что угодно в нашей истории. В результате невозможно подсчитать, сколько достойнейших, честных, талантливых людей было не только истерзано и загублено, но буквально залито грязью. Субъективистский произвол в оценке личностей, фактов, явлений был беспределен, в результате чего наше общество понесло страшные, во многом непоправимые потери, что роковым образом сказывается и в современных условиях. Невероятно, но многое из тех нравов и пропагандистских «приемчиков» используется по сей день, все активнее «внедряется» в политикан-

ских целях самой различной направленности. Причем вот уже полтора десятилетия в центре клеветнической низости по образцам сталинских «показательных» процессов, направленных в основном сначала против честных беспартийных интеллигентов конца 20-х годов, затем против миллионов крестьян, а вскоре наиболее злобно в 30-е годы, главным образом, против столь же честных коммунистов, находится В. И. Ленин и его гениально спасительная концепция общественного развития.

Нет преступно лживых обвинений, которые бы не использовались ныне во имя такого рода ублажения корыстно-криминальных рефлексов. Вполне закономерно и то, что в ряду всего прочего, столь же аморально бесчестного, В. И. Ленин изображается необузданным ненавистником религии вообще и православного духовенства в особенности, причем даже готовым уничтожить почти все храмы и чуть ли не всех служителей церкви поголовно! И, разумеется, ничего похожего на факты, документы, то есть даже подобие обоснованности! Сплошная вакханалия разнузданно-непристойных обвинений в полном соответствии со сталинистской «логикой», примерно семидесятилетней давности! К примеру, 23.07.97. в 22 часа 15 минут по НТВ было оглашено утверждение В. Лусканова, будто церковные проблемы в 1917 году были решены просто: взяли и перестреляли священников, причем была приведена «точная» цифра — всего 110 тысяч якобы точно убитых служителей культа!

Довольно известный Ал. Баркашов в своей газете «Русский порядок» (№ 3, 1997 г.) объявил Ленина палачом русского народа, погубителем всего истинно национального «будь то традиции политические, экономические, религиозные, культурно-бытовые»... И, конечно, тоже объявил об уничтожении ста тысяч священников! Просто как бездоказательную иллюстрацию мнимого уничтожения всего лучшего в России в результате революционного 1917 года!

Никто и никогда не привел ни единого факта, свидетельствующего, что В. И. Ленин дал указание разрушить хотя бы один-единственный храм. Ныне же делается все возможное для того, чтобы «провернуть» огульное и деморализацию многих десятков миллионов людей (особенно самых юных и неосведомленных), внушив им, будто и в этом отношении Сталин был не антиподом В. И. Ленина, а верным учеником и последователем! Хотя именно Сталин абсолютно во всем наиважнейшем и решающем делал все, чтобы подорвать ленинскую концепцию общественного развития, сомкнувшись в конце концов полностью с гитлеровскими методами сохранения и укрепления собственной власти руками особо близких себе по духу, точнее — по аморальности, подручных типа Ежова...

Но что до всего этого современным псевдопатриотическим, лжедемократическим, ультрамонархическим и прочим подобным пропагандистским последышам преступных идеологических и прочих «нормативов» 30-х и иных подобных годов, разумеется, способным практически на все самое скверное и непристойное... Вот, помимо всего прочего аналогичного, и внушают народу, будто по части уничтожения, например, церковных зданий, все было предрешиено именно В. И. Лениным! Хотя в действительности дело обстояло диаметрально противоположным образом и мы должны быть вечно признательны В. И. Ленину, его блистательному наркомму А. В. Луначарскому и его преданному другу, величайшему нашему писателю А. М. Горькому, за бесконечно разумное и доброе, свершенное ими в важнейших сферах науки, культуры и народного просвещения.

«Комсомольская правда» 25 октября 1997 г., как водится, не сказала, разумеется, ни одного честного и умного слова ни о В. И. Ленине, ни о революции. Зато огромный заголовок, соседствующий с очередной подлейшей адресованной Владимиру Ильичу карикатурой, гласит: «Уничтожая храмы, коммунисты за Христа выдавали Ленина!» Конечно, ни одного слова, раскрывающего кто, когда и зачем действительно уничтожал храмы, а также

подтверждения той истины, что ни одна церковь или хотя бы часовня, не была разрушена по воле В. И. Ленина, здесь не содержится... А вот такой компетентный краевед (кстати, очень плохо относящийся к В. И. Ленину), как Лев Колодный, в свое время неопровержимо свидетельствовал: «Ленину адресуются такие вот слова: «Производство кирпича по рецепту Ильича». Это не анекдот, что-то вроде рифмованной поговорки. Она подразумевает, что при жизни Ленина кирпич добывался якобы путем разборки церквей... Из мемуаров множества современников Ленина, документов известно, как относился он к памятникам, как распорядился срочно произвести починку Спасской башни, церквей, ворот, пострадавших при артобстреле Кремля... Но чтобы Ленин содействовал кому бы то ни было в сносе церквей или проявлял в этом отношении собственную инициативу — это абсурд. При нем в Кремле восстанавливали собор 12 апостолов, велась научная реставрация Успенского и других соборов, отправлялись экспедиции по стране для спасения икон, многое было сделано такого, что никогда народ не забудет... Храмы в Москве не рушили» («Московская правда», 20 марта 1991 г. С. 7).

Иной раз торжество тотальной, чуть ли не всеохватывающей лжи, особенно по части воздействия на самых юных, вплоть до малышни из начальной школы, просто ужасает. Даже 7–9-летние дети, выспрашиваемые об Октябрьской революции, оказываются объектами корыстного пристального внимания, естественно, «лопоча» бог знает что, чем страшно радуют сверхперезрелых в определенном смысле и далеко не молодых «просветителей». Например, Слава В. уверен: «Это было восстание во главе с Лениным. Ленин уничтожил много удивительных построек, таких, как Храм Христа Спасителя и водонопорная башня (Сухарева). Но осталось что-то вроде гроба, Мавзолеем называется» («Общая газета», 6–12 ноября 1997 г. С. 4). Легко представить, до какой степени духовной неполноценности и этической запущенности будет доведено это поколение к своему совершеннолетию!

Вполне закономерна именно эта реакция ребенка, который сам, конечно, ничего подобного выдумать не мог, и лишь «озвучил» услышанное от кого-либо из взрослых, возможно, даже в школе... Однако трудно обвинить в чем-либо осознанно корыстнейше бессознательном и того взрослого, который, скорее всего сам того не ведая, оказался под каждодневным нацеливаемом на него прессом заведомо лживой информации. Он, скорее всего, сам тоже беспомощная жертва официальной и мнимой оппозиционной пропагандистской челяди дней текущих, хозяевам которой правда истории, возможно, ненавистна как никогда прежде в наисложнейшем двадцатом веке. Взваливание на В. И. Ленина вины за порушенные и оскверненные в десятилетия сталинщины, видимо, тысячи церквей, за уничтожение и других памятников прошлого — лишь малая часть того, что является тотально преступным обманом народа.

В современных условиях все чаще и чаще встречаешь тех, кто прямо или косвенно склонен оправдывать свои действия стародавним словосочетанием «ложь во спасение», причем далеко не только в случаях, когда мучительно трудно сообщить точный диагноз обреченному на скорую гибель онкологическому больному... Действовать же аналогичным образом, когда дело касается «болезней» общесоциальных, могут только лгущие корысти ради, то есть рвущиеся к власти и богатству буквально по трупам миллионов ими же преступно обездоленных. Страна, где годами, причем именно с конца 1991 года, буквально все запачкано и парализовано корыстнейше низменной ложью, обречена на деградацию и всеразлагающий, всеразрушительный распад.

Между прочим, иной раз тяготееют к обману желающие оправдать своих подчас страшных предков... К примеру, один из таких наших современников накануне 80-й годовщины Октября, как говорится, «не моргнув глазом» провозгласил, что самым, дескать, кро-

вавым периодом было время с 1917 по 1922 годы, когда якобы унесено было «жизней гораздо больше, чем сталинскими репрессиями, поскольку ни белые, ни красные в плен не брали». («Труд-7», 6 ноября 1997 г. С. 7) Возможно, здесь таится желание внука спасти репутацию деда, бывшего беспощадным особо приближенным соучастником сталинских злодеяний, которые так хочется «переключить» именно на В. И. Ленина? На самом же деле в ходе смертельной схватки ради спасения нашей Родины, разрываемой на куски иноземными захватчиками и во всем зависимыми от них «белыми» армиями, потери были весьма и весьма тяжкими. Но они были, как минимум, десятикратно меньшими, чем в мирные 30-е и военные 40-е годы, когда Сталин и его подручные погубили много миллионов ошельмованных, измученных, истерзанных, преданных ни в чем неповинных людей!

Справедливости ради надо также отметить, что, скажем, такой крупный лидер белого движения, как А. И. Деникин, не призывал, как Л. Корнилов, к убийствам пленных, не только не поощрял необузданных, зоологически кровожадных расправ, но и пытался предпринимать меры для обуздания наиужаснейших типов из числа своих подчиненных, однако ему это не удалось. А вот В. И. Ленин вместе со своими истинными соратниками сумел обуздать жестокосердных экстремистов, причем за расстрел пленных наказание было очень суровым. К сожалению, далеко не всегда удавалось полностью исключить подобные эксцессы, но в целом в рядах красных бойцов, командиров и политработников обстановка была вполне достойной, что и стало одной из решающих предпосылок политических и военных триумфов Советской власти, а следовательно, и спасения нашей Родины от распада и гибели. До чего же омерзительны теперешние устремления скрыть, что такой любимец ельциноидов, как генерал Корнилов, запрещал брать пленных, и приписывать это даже В. И. Ленину! Разглагольствования же о том, будто в плен вообще не брали, являются ложью, причем ложью крайне корыстной...

3 Имелись ли среди ведущих иерархов православной церкви той поры те, кто не исключал ухудшения ситуации в стране и в церковной жизни в случае скорой смерти Владимира Ильича? Трудно сказать. Тем более вряд ли тогда могли возникнуть у кого-либо из них предположения о том, что кому-то удастся осуществить антиленинский переворот, практически полностью ликвидирующий десяток лет спустя, казалось бы, твердо и решительно внедрившиеся в тогдашнюю общественную жизнь насущнейшие нормы законности и морали. И уж, конечно, никто, видимо, даже на минуту не мог предположить, что уже намечено нанесение кошмарных по масштабам ударов по крестьянству, уничтожение множества ученых и других интеллигентов, честно и плодотворно работавших во имя блага советского народа, истинных коммунистов-ленинцев, полных энтузиазма и готовых на любые жертвы во имя великих спасительных идеалов, а вместе с ними со всеми и массы преданных заповедям Христовым честным священнослужителей... Разумеется, все это было до такой степени «укрыто», что лишь В. И. Ленин почувствовал опасность сосредоточения в сталинских руках «необъятной власти» и попытался ее у него изъять...

Было ли во всемирной истории государство, правитель которого умудрился задумать и осуществить «заодно» уничтожение поистине рекордного количества соборов, церковей, монастырских зданий и других памятников истории? Нет. Ничего похожего тому, что творилось и в этом плане в нашей стране (особенно в 30-е годы XX века), припомнить не удастся. Думается, есть все основания утверждать, что произошел преступнейший погром творений нередко величайших зодчих. Беспрецедентно и то, что средства массовой информации дня сегодняшнего всячески утаивают от народа имя крупнейшего последователя Герострата в XX веке, стараясь ни в коем случае даже мельком не упомянуть, что большего

разрушителя драгоценнейших зданий, чем Сталин, не было за всю более чем тысячелетнюю историю Отчизны нашей. Хуже того: делается все, чтобы внушить народу уверенность, будто погубителем, разрушителем всего, связанного с религиозными верованиями вообще и православием в особенности, включая уничтожение храмов, растаскивание их «по камушку, по кирпичику», является, дескать, не кто-то, а именно В. И. Ленин.

Чтобы узнать правду достаточно уточнить, при чем «властвовании» и когда были разрушены сотни ценнейших зданий, подчас многовекового возраста. Тогда любой непредубежденный человек уяснит, что величайший и спасительно благородный по отношению к людям, ко всем народам нашей необъятной страны за все минувшие столетия ее истории глава Правительства В. И. Ленин и блистательный нарком А. В. Луначарский не только ни одного храма не «подвели» к уничтожению, но и по мере возможностей сберегали и восстанавливали все, что было в их силах и по средствам. Для того, чтобы потребовать взрыва храма Христа Спасителя и других аналогичных, конечно, не мешавших Москве зданий, как это делал Сталин, надо быть натурой диаметрально противоположного типа. Со всеми вытекающими последствиями, включая не только груды разбитого кирпича, строительного и прочего мусора, что не очень сложно убрать для имитации показного благополучия, но и многое другое, гораздо более труднопоправимое...

Что было уничтожено в Кремле? Собор Спаса на Бору был разрушен 1 мая 1933 года. Чудов монастырь был разрушен в 1929 г. Вознесенский монастырь был разрушен в том же году вместе с Екатерининской церковью. «Исчез» собор, кельи, храмы... Вместе с Чудовым и Вознесенскими монастырями обрели на слом и Малый Николаевский дворец. Благовещенскую церковь снесли в 1932 г. В 1928 году была разрушена летом церковь св. Константина и Елены. Это место разровняли и засеяли зеленой травой... В 1933–34 гг. не были «разрушены до основания» Андреевский и Александровский парадные залы, но были ликвидированы ради объединения этих «помещений» в большой зал заседаний. Итак, монастыри, храмы, церкви Кремля были уничтожены и развалены «по кирпичику» вовсе не при жизни Владимира Ильича Ленина, а лишь через годы и годы после его кончины по мере укрепления власти Сталина, то есть все основные разрушения здесь были следствием именно этого, а не чего-либо иного. Остается лишь утешать себя тем, что не появилось «пылкого желания» разрушить и другие святыни в Кремле нашей столицы...

Китайгородский погром вполне «гармонировал» с кремлевским. Чего стоило хотя бы одно уничтожение потрясающе ценного памятника истории, такого уникального архитектурного сооружения, как Китайгородская стена с ее четырнадцатью башнями! Пока еще сохранялись ленинские традиции бережного отношения к храмам, другим зданиям и сооружениям седой старины, пока еще не утратил «по инерции» свое влияние в сфере культуры, всемерно оберегавший ее при самой решительной поддержке В. И. Ленина с первых дней Советской власти нарком А. В. Луначарский, ситуация практически была идеальной. То есть использовались все материальные и иные возможности не только для спасения всего ценного, исторически значимого, но и для восстановления, для реставрации того, что через считанные годы начало уничтожаться по воле и желанию самозванного «гения все времен и народов» и его прихвостней.

К примеру, до начала «счастливых» времен сталинского всевластья, немало было сделано и для реставрации Китайгородской стены под непосредственным руководством такого серьезного специалиста, как Н. Д. Виноградов. Однако уже в 1934 году в прессе начали появляться «откровения» такого рода: «Китайгородская стена обратилась, по меньшей мере, в никому не нужный археологический хлам, не имеющий даже ценности исторического памятника, примера оборонительной техники того времени» («Строительст-

во Москвы». № 8, 1934 г.). Тогда же тысячи людей в «добровольно-принудительном порядке» брошены были с кирками, ломami и прочими «орудиями труда» для того, чтобы с предельным напряжением сил «в ударном порядке» крушить окаменевший кирпич во имя выполнения директивы по уничтожению исторического «хлама»!!

После тщательной реставрации Казанского собора конца двадцатых годов, проведенной на редкость незаурядной и отважно-рыцарственной натурой, каковой просто нельзя не считать П. Д. Барановского, его тут же закрыли и начали использовать для «хозяйственных нужд» (например, в качестве склада, а также столовой). А в 1936 году собор вообще снесли, чтобы со временем кощунственно устроить «на пустом месте» общественный туалет! Одновременно с Китайгородской стеной «исчезла» и Воскресенская или Иверская башня. Еще в 20-х гг., ныне вероломно проклинаемых временах В. И. Ленина и А. В. Луначарского, временах поразительного расцвета и умного, всестороннего поощрения истинной культуры и сохранения всех достижений прошлого, были реставрированы и Иверские ворота. Но уже в 1931 году не стало и в помине Иверских ворот вместе с часовней...

А сколько еще превосходнейших храмов и зданий было уничтожено в стенах Китай-города! Не в «ужасные», как нас каждодневно уверяют ныне, ленинские, а в «добрые», как кое-кому кажется, сталинские времена здесь было порушено страшно многое. Такая участь постигла, скажем, один из самых древних в Москве Никольский монастырь, включая монастырский собор, построенный по проекту М. Ф. Козакова — произведение классического типа, снесенный в 1935 году. Вместо него остался лишь пустой двор за зданием под № 11 по Никольской улице. В этом же районе было «подчистую» снесено много зданий, включая церковь святой Троицы «на Старых Полях». Вместе со стеной Китай-города, с Никольской или Владимирской крепостной башней, была уничтожена летом 1934 г., помимо много иного, и церковь Владимирской Божьей Матери. В том же 1934 г. была так же «убрана» находившаяся поблизости часовня святого Пантелеймона (великомученика и целителя), сооруженная по проекту архитектора А. С. Каминского. Данное творение, находившееся как бы на выходе Никольской улицы к Лубянской площади никому и ни в чем не мешало, на оставшейся пустоте ничего не возвели, кроме малозаметного скверика... И это лишь одна из множества иллюстраций той правды, что в 30-е годы и аналогичные им последующие времена «великой сталинской эпохи» уничтожались храмы отнюдь не вследствие какой-то рациональной необходимости, а в соответствии с целеустремленным, преступно реализуемым курсом.

Летом 1933 г. была снесена одна из красивейших церквей святителя Николая Чудотворца, находившаяся на стародавней московской улице Ильинке и прозванной в народе «Никола Большой крест». Ныне и здесь всего лишь газончик! Еще в конце 40-х годов начался снос церкви св. Ипатия мученика и чудотворца. Правда, немало лет еще как-то сохранялась алтарная часть данной церкви, окончательно исчезнувшая лишь в 1965 г. Казалось бы, по мере нарастания угрозы невиданно опасной для нашей Родины войны, было чем заняться в ходе подготовки к отражению фашистской агрессии. Однако не тут-то было: наряду с невиданными за тысячелетия всемирной истории пытками и расстрелами, обрушенными по воле и желанию Сталина на многие миллионы наших сограждан, вплоть до уничтожения на радость Гитлеру нашего генералитета и высшего офицерства в почти полном составе, продолжалось и разрушение ценнейших храмов и иных сооружений! В числе многого иного, в 1938 г. снесли и целый квартал (между Кремлем и Москворецкой улицей, по спуску от Храма Василия Блаженного к Москва-реке). Включая, конечно, и наиболее выдающееся тогда здесь здание — церковь св. Николая Чудотворца Москворецкого, причем «исчез» и уникальный мраморный иконостас. В 1947 году была уничтожена и большая

часть Китай-города, входившая в ликвидированное полностью Зарядье со множеством бесценных зданий.

По чуть ли не всеуничтожающему «образцу» погрома в Китай-городе в 30-е годы, тогда вытворялось бесконечно многое, включая и все, что проделали с храмом Христа Спасителя. Даже в тяжелейшие годы с первых дней существования Советской власти, ни В. И. Ленину, ни его соратникам и в голову не могло прийти что-либо похожее не только на уничтожение данного храма, но и на то, чтобы помешать верующим сбросить его в сложных условиях. И в разгар военного противостояния не было и не могло быть ничего похожего на стремление помешать такого рода инициативам, да и вообще что-либо, напоминающее антирелигиозный ажиотаж. Поэтому никто и не подумал воспрепятствовать возникновению еще в начале 1918 г. «Братства Храма Христа Спасителя», целью которого было поддержание и сохранение его. Вполне лояльно был встречен призыв патриарха Тихона: «Прошу русских православных людей прийти на помощь храму Христа Спасителя и призываю Божье благословение на жертвователей». И это тоже была ленинская норма, подорванная лишь годы спустя после его смерти.

Лишь к началу 30-х годов Сталин решил взять на себя инициативу по уничтожению и этой святыни. А вообще-то ни одному из коммунистов-ленинцев лидирующего уровня на протяжении немало числа лет, в том числе и после ухода из жизни В. И. Ленина, не пришло в голову предложить разрушение храма Христа Спасителя, хотя еще в 1924 г. нечто подобное посчитал целесообразным лишь недавний выпускник ВХУТЕМАСа. Данный художник посчитал, что это вполне допустимо: «Как исторический и художественный памятник, храм не представляет никакой ценности». К сожалению, старый революционер-марксист, редактор «Правды» И. И. Скворцов-Степанов, отвергая и осуждая подобные поползновения, все же оказался пророком: «Боюсь, мы покажемся заслуженно смешными, если будем печатать такие декламации с планами сноса целых кварталов... и таких громад, как храм Христа. Снести-то, пожалуй, хватит силенок...» Со временем произошло наихудшее.

Из воспоминаний архитектора Б. М. Иофана: «1931 г. тов. Сталин вместе с Советом строительства Дворца Советов, во главе с его председателем тов. Молотовым, посетил предполагавшееся место постройки — на участке храма Христа Спасителя... В этот день место строительства Дворца Советов было выбрано... Тов. Сталин с большой тщательностью ознакомился с участком, внимательно выслушивал и разбирался в мнениях архитекторов...» Далее неизбежно должно было происходить нечто ужасное, омерзительно скверное и, конечно, беспредельно преступное. Впечатление очевидца кинооператора Владислава Микоши: «Тогда все, что я должен был снимать, было как страшный сон... Через широко распахнутые двери выволакивались с петлями на шее чудесные мраморные творения. Их сбрасывали с высоты на землю, в грязь. Отлетали руки, головы, крылья ангелов, раскалывались мраморные горельефы, порфирные колонны дробились отбойными молотками. Стаскивались стальными тросами при помощи мощных тракторов золотые кресты с малых куполов. Погибала уникальная живописная роспись на стенах собора. Рушилась привезенная из Бельгии и Италии бесценная мраморная облицовка стен. Стивнув зубы, я начал снимать...»

Думается, особенно показательны и следующие строки свидетельства Владислава Микоши: «Рабочие батальоны в буденновках начали грызаться в стены, но стены оказали упорное сопротивление. Ломались отбойные молотки. Ни ломы, ни тяжелые кувалды, ни огромные стальные зубила не могли преодолеть сопротивление камня. Храм был сложен из огромных плит песчаника, которые при кладке заливались вместо цемента расплавленным свинцом. Всю зиму работали военные батальоны и ничего не смогли сделать со стенами. Тогда пришел приказ. Мне сказал под большим секретом симпатичный инженер: —

Сталин был возмущен нашим бессилием и приказал взорвать собор». Газета «Вечерняя Москва» сообщила 6 декабря 1931 г. «Ровно в 12 часов дня раздался первый взрыв: рухнул один из 4-х пилонов, на которых держался большой купол здания. Через полчаса другим взрывом был обрушен второй пилон, а еще через четверть часа и остальные. Последующими взрывами были обрушены внутренние стены и части наружных. Остатки здания будут снесены через несколько дней».

Из протокола Комиссии по изъятию музейных ценностей от 17 августа 1931 года: «из ранее намеченных к сохранению 4-х картин Сурикова, 4-х картин Семирадского и по одной картине художников Маковского, Прянишникова, Басина, Верещагина и Сорокина» комиссия решила оставить лишь по одной картине Сурикова и Семирадского. От многих замечательных работ комиссия решила отказаться: беломраморная инкрустированная алтарь-часовня представила для комиссии «интерес лишь научно-технический», «бронзовый золоченый паранет с подсвечниками и висящими над ним паникадилами художественной музейной ценности не представляет», «в передаче Коломенскому музею резных деревянных входных дверей отказать». (Цит. по книге С. Романюка «Москва. Утраты». М., 1992 г.)

На фоне подобного чудовищного преступного варварства почти «незаметно» осуществилось уничтожение только в Москве, особенно беспрепятственно начиная с 1929 и с необузданно бешеным размахом в 30-е годы сотен храмов и других подчас неповторимо ценных зданий и сооружений. Впрочем уже и во второй половине 20-х годов, все более «контролируемый», но еще не снятый с работы Сталиным ленинский нарком (единственный по-настоящему одаренный и высоко культурный за последние 80 лет) А. В. Луначарский, мог все меньше делать что-либо доброе и спасительное. Хотя официально возглавляемый им наркомат народного просвещения и в данной сфере блистательно проявлявший себя при Ленине, вроде бы все еще выполнял функции, которые с тех пор поразительно бездарно «направлялись в епархиях» министерств народного образования, культуры, кинематографии, высшего образования и ряда других ведомств с бурно растущими огромнейшими штатами...

Типичным примером почти стопроцентной невозможности спасения после кончины В. И. Ленина даже уникальнейших по своей ценности памятников культуры, является судьба церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Столешниках. Еще недавно всесильный по этой части нарком А. В. Луначарский благодаря безоговорочной поддержке со стороны В. И. Ленина во всем наиважнейшем, пока находился на своем ответственной посту, но ситуация в СССР уже начала меняться кардинально. Мнение Главнауки Наркомпроса, с которым ранее в этом плане согласовывалось все до деталей, теперь уже ничего не значило. Категорическое возражение данного ведомства против сноса этой изумительной церкви было без зазрения совести «оставлено без внимания», хотя первоклассные специалисты буквально умоляли не уничтожать этот храм.

Ведь снос этого церковного здания никаких проблем не мог разрешить, ибо оно ни в малейшей степени не мешало движению, тем более, что совсем недавно была осуществлена, как и многое иное в годы нэпа, его реставрация. В глубоко мотивированном письме утверждалось, что Рождественская церковь в основной своей части «...весьма миниатюрна и большого пространства не занимает. В начале XIX века здание было испорчено толстой штукатуркой, скрывавшей древние декоративные детали; при обследованиях, начатых в 1925 г., было обнаружено, что почти все древние детали сохранились, и часть их была открыта, выявив очень изящный облик сооружения». К протесту Главнауки присоединились и Московское архитектурное общество, и общество «Старая Москва», и Государственная академия материальной культуры, и Академия наук. Под письмом, прямо-таки заклинав-

шим не сносить церковь, стояло 1345 подписей! Но 15 сентября 1927 года с церковью, стоявшей на углу улицы Петровки и Столешникова переулка, было покончено. Зато появилась кафе для быстрого «насыщения» (См. там же).

Другой одной из «первых ласточек» разнузданно наглого злодейства подобного же рода было уничтожение церкви святого Алексия митрополита. Авторитетнейшие художники, олицетворявшие тогда еще не уничтоженную культурную общественность, игравшую огромную созидательную роль при В. И. Ленине и в первые годы после его смерти, не смогли промолчать, невзирая на радикально ухудшившуюся ситуацию в стране. По их мнению, «в настоящее время возникает опасность для замечательного памятника конца XVII в., церкви Алексея митрополита в Глинищах. В целях разгрузки движения Моссовет поднял вопрос о сломке этой церкви, единственной в Москве, сохранившей свое первоначальное изразчатое покрытие глав, столь типичное для древней Руси. Не только в Москве, но и в других старых городах подобных покрытий до настоящего времени не уцелело, за редчайшим исключением, и уничтожение этого памятника равносильно уничтожению картины знаменитого художника». Под этим обращением стояли подписи крупнейших величин нашей культуры И. Грабаря, М. Нестерова, А. Васнецова, К. Юона, А. Архипова, В. Бакшеева, С. Малютина! (См. там же).

Действительность и подобных документов в конце 20-х и тем более — в 30-е годы могла ограничить по сути дела с единственным в своем роде чудом. Однако, как водится, чуда не произошло. Церковь святого Алексия митрополита, стоявшая в Глинищевском переулке (названном в 1943 г. улицей Немировича-Данченко) была уничтожена в 1930–1931 гг. А вслед за этим храмом была снесена и находившаяся неподалеку на Большой Дмитровке церковь преподобного Сергия — тоже ценнейший памятник нашей истории. И. Э. Грабарь предпринял отчаянную попытку спасти уже частично отреставрированные совсем недавно ценнейшие голицинские палаты и церковь св. Параскевы Пятницы. Он писал: «В последнее время ходили слухи о чудовищном проекте сломки обоих зданий и постройки на всем протяжении от Дома Союзов до Тверской гигантского небоскреба для Госбанка. Слухи эти встревожили всех любителей московской старины. Действительно, что может быть ценнее с точки зрения азбуки целесообразного городского строительства, как это ненужное строительное уплотнение и без того уплотненного центра, с неизбежным затемнением окружающей местности. Не застраивать небоскребами надо этот центр, а, наоборот, раскрыть его следует... На месте грязных, позорных для мирового города задворков появится чудесный уголок, достойный Москвы, кующей новую жизнь, но сохраняющей старину». (См. там же) В 1928 году и палаты Голицына, и церковь Параскевы были снесены. И в древнем Охотном ряду делалось все вопреки мнению и мольбам истинных художников и ученых, включая И. Э. Грабаря...

Между прочим, симптоматично, что еще в 1925 г. Наркомпросу, возглавлявшемуся А. В. Луначарским удавалось противостоять вандализму. Например, Московский совет народного хозяйства 8 августа 1925 г. обратился за разрешением о сносе великолепной церкви святых Флора и Лавра (на Мясницкой), как будто бы ветхой и «малоценной», для очистки места для здания машиностроительного треста. Но в этот момент Главнаука Наркомпроса еще могла делать добрые дела и сорвала хуже чем скверные замыслы. В соответствующее подготовленном письме обоснованно утверждалось, что здание церкви «отлично сохранилось во всех почти деталях», особо отмечались фигурный портал со старинными дверями, низкие шлемовидные купола и отличная по форме колокольня. Главнаука настаивала на сохранении церкви, отмечая, что она вместе с соседним зданием бывшего училища живописи, ваяния и зодчества составляет «чрезвычайно интересную группу».

Однако уже в начале 30-х годов превосходный храм стали использовать «для хозяйственных нужд», а в 1934 г. уничтожили «просто так», по сути дела только для того, чтобы покрыть асфальтом то место! (См. там же)

Уже в 1928 г. мнение влиятельнейшего при В. И. Ленине Наркомпроса фактически ничего не значило. Задумали уничтожить колокольню церкви св. Феодора Студита, роскошно украшенной святейшим патриархом Филаретом Никитичем, и, конечно, сделали свое черное дело. В том самом 1928 г., невзирая на решительный протест Наркомпроса... В том же 1928 г. начался фактический грабёж церкви святых Космы и Дамиана, имевшей драгоценнейшие иконы и многое иное. В связи с этим Главнаука народного комиссариата просвещения обратилась в административный отдел Моссовета: «...получены сведения о разрушении музейного иконостаса в церкви Косьмы-Демьяна на Б. Полянке вопреки данных вам специальных указаний Главнауки. Ввиду этого срочно сообщите подробности, сопроводив надлежащими материалами...» В ответ, как говорится, ни единого слова в свое жалкое оправдание, а к 1933 г. церковь вообще снесли! (См. там же).

После разнузданно наглой «административной» расправы Сталина с А. В. Луначарским, ни о каких серьезных протестах со стороны обезглавленного Наркомпроса и речи быть не могло. Скажем, когда «кое-кому» из аппаратчиков захотелось построить жилой дом в на редкость удобном месте в центре города поблизости от Кремля, помешала такая «малость», как церковь святого Иоанна Предтечи, что в Староконюшенной. Моссовет чисто формально обратился по этому поводу к ученым. А те, уже вполне подобострастно, ответили, что «здание церкви «Иоанна предтечи» по Староконюшенному пер. стоит на учете Сектора науки Наркомпроса как архитектурный памятник 1653 года...» Вывод отнюдь не такой, какой был обязателен во времена В. И. Ленина и А. В. Луначарского: «Учитывая большую необходимость в застройке этого участка под кооперативные дома, Сектор науки Наркомпроса допускает снос вышеуказанной церкви с предварительным фотографированием и производством обмеров». Сделано ли было хотя бы это, неизвестно, но церковь разрушили в 1933 г. и дом построили. (См. там же)

Разумеется, не приходится удивляться и тому, что в 1935 г. был полностью уничтожен древний Никитский монастырь, включая все три его церкви, причем без возражений со стороны кого бы то ни было. Тогда же были снесены с аналогичной «тишиной» храмы бывшего Георгиевского монастыря. В 1933 г. ради постройки домов для сотрудников ОГПУ был уничтожен Златоустовский монастырь, включая, конечно, главный монастырский собор — святого Иоанна Златоуста. К 1934 г. был окончательно разрушен Зачатьевский монастырь, включая снятие купола с церкви Сошествия св. Духа и уничтожение главного собора — интереснейшего творения М. Ф. Казакова. К середине 30-х годов, невзирая на мольбы музейных работников, после серии взрывов ряда построек и стен, перестал существовать древний, один из красивейших в Москве Симонов монастырь. В подобном же «стиле» в 1936–1937 гг. было покончено, наконец, и со Страстным монастырем, включая храмы и другие строения. Не пощадили даже те, в которых был устроен антирелигиозный музей... Просто мучительно трудным не может не быть перечисление всего загубленного, разрушенного из нетленного и прекрасного в период преступно антиленинского торжества сталинщины!

О том, кто и почему стал наиглавнейшим погубителем всего самого прекрасного и ценнейшего также в сфере, о которой идет речь, с абсолютно безукоризненной документальной точностью свидетельствует все, связанное с уничтожением такого, нигде более невиданного, уникально драгоценного сооружения, как некогда знаменитейшая Сухарева башня. Совсем не случайно еще совсем юный М. Ю. Лермонтов писал о ней: «На крутой

горе, усыпанной низкими домиками, среди коих изредка лишь проглядывает широкая белая стена какого-нибудь боярского дома, возвышается четверугольная, сизая, фантастическая громада — Сухарева башня. Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее мшистом челе!» Именно здесь Петр I разместил математическую и навигацкую школу, астрономическую обсерваторию, где размещались ценные научные инструменты, добротная библиотека, многое иное вплоть до большого медного глобуса...

Пока А. В. Луначарский мог действовать в соответствии с ленинскими нормами предельно бережного отношения не только к миллионам и миллионам своих сограждан, но и ко всем другим ценностям, включая, конечно, и культурные, все, связанное с судьбой Сухаревой башни, шло наилучшим образом. При всей ограниченности, точнее — крайней бедности ресурсов, имевшихся в распоряжении совсем юной тогда Советской власти, это единственное в своем роде сооружение в 1923–1925 годах было реконструировано и отремонтировано, чтобы десяток лет спустя в соответствии с «гениальными» сталинскими установками, оказаться уничтоженным без зазрения совести (См. «Тверская, 13», 24–30 июля 1997 г. С. 10). Так были буквально раздавлены добрые деяния и благородные замыслы, связанные с созданием музейного центра, лектория и всего иного, столь же нужного.

Вполне понятны полные горечи и душевной боли строки, адресованные В. А. Гиляровским дочери в связи с расправой, учиненной над Сухаревой башней: «Ее ломают. Первым делом с нее сняли часы и воспользуются ими для какой-нибудь другой башни, а потом обломали крыльцо, свалили шпиль, разобрали по кирпичам верхние этажи и не сегодня-завтра доломают ее стройную розовую фигуру. Все еще розовую, как она была! Вчера был солнечный вечер, яркий закат со стороны Триумфальных ворот золотил Садовую снизу и рассыпался в умирающих останках заревом. Жуткое что-то! Багровая, красная, Солнца закатным лучом освещенная, В груди развалин жирных превращенная. Все еще вижу ее я вчерашнюю — Гордой Красавицей, розовой башней...» К сожалению, в 30-е и все прочие подобные же годы, такие чувства и мысли ровным счетом ничего не значили...

Расправа над Сухаревой башней, думается, особенно рельефно обнажает суть Сталина и сталинщины, далеко не только «применительно» к данной конкретной проблематике. Даже если в порядке редчайшего исключения дело не доходило до арестов, пыток, расстрелов и прочих компонентов системы уничтожения неугодных и просто «нежелательных», здесь проявилось нечто тоже дьявольски злое и в случаях «невинного» растапывающе-парализующего воздействия на все разумное, честное, доброе и высококомпетентное. Остается лишь поражаться, что все еще находились отважные и достойнейшие в своей редчайшей чистоте и мудрости люди, готовые рискнуть всем (включая не только собственное благополучие сугубо бытового плана...) ради спасения того, что жаждал уничтожить властвующий погубитель беспредельно многого из всего наинужнейшего, доброго, светлого и бесконечно ценного.

Из умоляющего письма непосредственно Сталину от исключительно крупных авторитетов того времени, заслуживавших полного доверия, И. Э. Грабаря, И. А. Фомина и И. В. Жолтовского: «Уважаемый Иосиф Виссарионович! Газетное известие о сломке Сухаревой башни заставляет нас, пока еще не поздно, сигнализировать Вам об ошибочности принятого решения, в твердом убеждении, что наши голоса не случайны и не единичны, а являются выражением мыслей и чувств, разделяемых всей научной и художественной советской общественностью, независимо от направлений, убеждений и вкусов. В самом деле: 1 — Сломка башни нецелесообразна по существу, ибо если цель ее — урегулирование уличного движения, то тот же результат с одинаковым успехом может быть достигнут иными путями, не идя по линии наименьшего сопротивления. Для этого достаточно пропус-

тить движение одного направления (Сретенка — Мещанская) сквозь башню, открыв в ней все 5 сквозных широких пролетов, ныне заложённых, а для другого направления (кольцо Садовой) уширить площадь путем ломки ветхих домов, окружающих башню.

Одновременно должен быть установлен автоматический светофор, который в течение двух минут, без помощи человека, будет пропускать то одно, то другое направление, как это делается в больших городах Америки. Группа архитекторов берется в течение одного месяца разработать проект реорганизации Сухаревой площади, с идеальным решением графика движения, окружив ее кольцом новых сооружений, которые превратят эту площадь в одну из красивейших в Москве. 2 — Сухарева башня есть неувядаемый образец великого строительного искусства, известный всему миру и всюду одинаково высоко ценимый. Несмотря на все новейшие достижения техники, она все еще не утратила своего громадного показательного и воспитательного значения...

Адресованное Сталину письмо в надежде спасти хотя бы эту жемчужину отечественного зодчества завершалось словами: «Просим приостановить бесцельную сломку башни, недостойную наших славных дней построения социализма и бесклассового общества, и пересмотреть постановление, если таковое существует». Даже заправлявший тогда в Москве такой особо преданный сталинский подручный, как Каганович, слегка заколебался, получив копию письма защитников драгоценного памятника нашей истории. И даже мельком предложил, что «возможно, Сухаревскую башню мы и оставим»... Но у тогдашнего первого секретаря МГК ВКП(б) Кагановича была телеграфная связь с Сочи, где в те дни находился Сталин. Глава коммунистов Москвы получил сталинскую директиву, не допускавшую ни малейших сомнений: «Мы изучили вопрос о Сухаревой башне и пришли к выводу, что ее обязательно нужно снести. Предлагаем снести Сухареву башню и расширить движение. Архитекторы, возражающие против сноса, — слепы и бесперспективны». (См. «Российская газета», 11 июня 1997 года. С. 25)

Крупнейшие деятели культуры, конечно, понятия не имели о том, кто «дергал за ниточки» своих особо «ответственных» марионеток и потому полгода спустя после первого обращения, с середины апреля 1934 года, все еще пытаюсь повлиять на мнение Сталина с целью недопущения очередного преступно бессмысленного вандализма, вновь направили письмо диктатору, дорвавшемуся до бесконтрольной власти. Теперь к И. Габарю, И. Фомину и И. Жолтовскому присоединились К. Юон, А. Щусев, А. Эфрос и другие достойнейшие представители культуры. Как можно было отвергнуть и это обращение: «С волнением и горечью обращаемся к вам, как к человеку высшего авторитета, который может приостановить дело, делающееся заведомо неправильно, дать ему другое направление...»

Сталин среагировал с присущим ему циничнейшим лицемерием: «Письмо с предложением не разрушать Сухареву башню получил. Решение о разрушении башни было принято в свое время Правительством. Лично считаю это решение правильным, полагая, что советские люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества, чем Сухарева башня. Жалею, что, несмотря на все мое уважение к вам, не имею возможности в данном случае оказать вам услугу». (См. там же) Очередная мерзость в числе множества других аналогичных и еще худших, просто не могла не иметь места в условиях уже тогда почти совершенно бесконтрольного властвования того, кто получил возможность безнаказанно реализовывать все свои зловецкие уродливые потенции. Правда, до завершения, причем с помощью фашистских методов, к 1937 году чудовищного сталинского переворота, в ужасающей степени подорвавшего ленинские нормы партийной и советской демократии, нормы законности и морали, оставалось еще несколько лет. А раз так, то Сталину в 1934 году еще приходилось маскироваться и даже создавать впечатле-

ние, будто не он лично, наряду с храмами и другими изумительными памятниками, пред-
решал уничтожение Сухаревой башни и всего другого из ценнейшего, а рабски покорное
ему Правительство, возглавляемое его подручным Молотовым...

4 24 августа 1917 года было принято очень многозначимое решение Поместного Со-
бора: «Церковь православная не принимает участия в борьбе политических партий». По
официальным данным эта установка не отменена до сих пор и даже подтвержде-
на в 1995 году заявлением Архиерейского собора, запретившим священнослужителям за-
ниматься практической политикой, то есть создавать собственные политические движения
под эгидой церкви и от имени церкви (См. «Континент». № 23, 5–11 июня 1996 г. С. 4). Ка-
залось бы, особенно ревностно должны придерживаться такого курса высшие церковные
иерархи и в первую очередь — лично патриарх Алексей II. Однако он действует диамет-
рально противоположным образом, жестко и однозначно вторгаясь именно в сферу прак-
тической политики, безоглядно возвеличивая одних (особо угодных) и стремясь заклеить
других, отнюдь не руководствующихся вульгарной корыстью...

Мало того, что патриарх Алексей (скажем, в отличие от такой крупномасштабной, от-
важной и в то же время безукоризненно совестливой натуры, как патриарх Тихон), не толь-
ко не сказал ни одного не то, чтобы доброго, а и элементарно объективного слова о
В. И. Ленине, но и без намека на серьезную доказательность, необузданно хулит даже
наиболее прогрессивные и гуманные свершения, замыслы, идеалы, связанные с его со-
циалистической концепцией общественного развития. Но он не нашел одновременно воз-
можным осудить хотя бы самое ужасное из того, что творилось «по воле и разумению»
Ельцина, да еще и стал фактически одним из главных функционеров нынешней пропаган-
дистской машины, его возвеличивавшей! Скажем, он 14.04.96 назвал президента подвиж-
ником за сооружение храма Христа Спасителя, о чем поведали «Вести» в передаче, на-
чавшейся в 23 часа. И ни слова сомнения в целесообразности растрачивать народные
миллиарды в момент, когда миллионы голодают, а десятки миллионов еле-еле сводят
концы с концами на грани беспросветного нищенства! Разве это по-христиански? Даже
самые великолепные храмы грешно возводить за счет пусть лишь одного ребенка, обре-
ченного на медленное умирание от хронического голодания и болезней, с ним связанных!
Это же смертный грех!!!

Столь же преступно растрачивать столь же колоссальные финансовые и иные ре-
сурсы на любые другие помпезные здания в Кремле и близости от него, на их нескон-
чаемые ремонты, перестройки и т. п. Ведь все это делается прямо-таки на костях
гигантской массы измученных и загубленных людей! Сколько несчастных можно было бы
спасти за счет ограничения помезно амбициозных сооружений, радующих «руководящие
взоры» и создающих видимость созидательной инициативы и процветания! Так могут себя
вести лишь те, для кого нет ничего святого, кроме ублажения собственного преуспеяния, а
иной раз по глубинной сути сугубо «утробных» вождельний... Патриарх же не стыдится
фактически поощрять многое подобное, а то еще многократно худшее! Совсем не случай-
но он, к примеру, по случаю 65-летия Ельцина пришел к нему прямо-таки на поклон с дра-
гоценным подарком. Да еще объявил его великим властителем, якобы осуществившим
«второе крещение Руси» и возродившим, дескать, «великие духовные и нравственные
ценности»... И это тоже передавалось по телевидению 01.02.96.! Как же можно так отзы-
ваться о том, кто сыграл решающую роль в развале великой страны, подрыве ее экономи-
ки, науки, культуры, нравственности, довел огромную часть населения до нищенства,
деморализации, а многих — до мучительной и преждевременной кончины! Как можно

изображать чуть ли не праведником того, кто стал самым бездарным и бесчеловечным руководителем нашей страны за период, начиная с 1953 года? До какой степени отчуждения от истинных христианских ценностей должен дойти тот церковный иерарх, который дошел до уверенности, что можно без зазрения совести называть черное белым и наоборот?..

Степень вовлеченности главы российской православной церкви и его приближенных в активнейшую и недобрую по истинной сути своей политическую деятельность, начинает бросаться в глаза и мыслящим наблюдателям т. н. дальнего зарубежья. «Голос Америки»: Александра Стэнли, статья которой помещена в газете «Нью-Йорк таймс», в числе сторонников нынешнего президента называет Русскую православную церковь. Она пишет: «Недавно сам патриарх Алексей II подчеркнул, что Борис Ельцин сыграл важную роль в объединении народа и указал, что если вернется прежний режим, стране грозят новые потрясения. Патриарх, который подобные высказывания допускал неоднократно, почти явно нарушает внутреннее церковное положение, согласно которому священнослужителям запрещается официально участвовать в предвыборных кампаниях. (...) В провинции же, где авторитет церкви вновь на подъеме, к его словам прислушиваются еще внимательнее. В Ивановской области архиепископ Амвросий прямо и открыто призывает прихожан не голосовать за коммунистов». («Рабочая трибуна», 04.06.96.)

Ставка, причем не имеющая ничего общего с нормами христианской морали, на Ельцина, сочетается у иных иерархов современного православия с чем-то аналогичным, когда дело касается любого из бесчисленных близких или дальних родственников любого из царей, а особенно последнего... В частности, и церковными, и «светскими» нынешними «сильными» фигурами, делается все, например, для восхваления и почтительного поминания даже душевно сверхчеловеческого, в сущности — до патологии жестокого, аморального великого князя Сергея Александровича (генерал-губернатора Москвы), крайне дурно влиявшего на Николая II почти в течение всего первого десятилетия его царствования. Кстати, последний царь, видимо, был единственным из всей своей многочисленной родни, доверявшим ему долгие годы по сути дела практически безоглядно. Настолько, что до последнего дня держал того на посту командующего Московским военным округом — важнейшим и крупнейшим в стране. Хотя Сергей Александрович был совершенно равнодушен к военной службе, военного дела толком не знал, видимо, даже в пределах, обязательных для полноценного строевого унтер-офицера...

Репутация Сергея Александровича была такова, что после его гибели в результате террористического акта, совершенного Иваном Платоновичем Каляевым по приговору руководства партии эсеров, москвичи, явно недолюбливавшие своего генерал-губернатора за реакционность, упрямство, неумное решение основных вопросов, проявили полнейшее равнодушие. Свою роль в этом играла и его нравственная неполноценность. Так что ни о чем, имеющем хоть что-либо общее с общественными симпатиями, не могло быть и речи. Более того: даже родные братья не приехали из Петербурга на похороны дяди царя, великого князя Сергея Александровича! Это все предreshалось целым комплексом причин, но все же самым зловещим пятном на его репутации была происшедшая прежде всего по его личной вине ужасная трагедия на Ходынской поле, после чего к нему намертво приросла кличка «князь Ходынский»...

Серьезного внимания заслуживает свидетельство Василия Краснова (мастерового из фотоателье), которое он показал Льву Толстому, и что было опубликовано в «Русском богатстве», редактировавшемся В. Г. Короленко, над которым грех не призадуматься и сейчас... В том числе и следующие фрагменты: «...Говорили, что на завтрашние представления привезли ученых слонов и птиц. Что устраивают бездонные фонтаны пива и вина,

только успевай подставлять кружку. Это будоражило и подстегивало идти скорее все дальше и дальше вперед... Целыми семьями, с малыми детьми, с седыми стариками. (...) Было тесно, и тошная духота угнетала всех и вся... И все мы были пленниками друг друга. Некоторых мутило и рвало тут же, в человеческой гуще. Поднимался бессильный вой отвращения и озлобления... Многие уже давно были полумертвы и волочились вместе со всеми, плотно сжатые теснотой. (...)

Люди ходили по людям, смешивали их с землей, уродовали сапогами их лица. И я ходил, добывая их вместе со всеми. Чувствуешь, что стоишь на ноге, на груди — весь дрожишь, а податься некуда. (...) Спереди несутся вопли: «Православные, мы погибаем — ради Бога, не напирайте!» Мы передаем это дальше в глубину, и это на разные голоса несется с плачем, как приговором по самим себе. По головам и плечам идут и ползут с плачем дети, выравнявшиеся из бескрайнего котла с человеческим варевом. Они ползут к будкам, оглядываясь: их родители застряли там, сзади — кипят в котле. (...) Не один раз протискивались над головой женщины и старики. Их щадили и давали дорогу по своим головам. Они были измяты, внутренности их были взбудоражены и сочлились вонючей слизью на наши лица. Они стонали и ползли как раненые с поля битвы. И детей щадила толпа, передавала их с головы на голову, словно раскаиваясь в своей вине, что привлекли их сюда. А чуть кто помоложе да поздоровее выберется кверху, его почти голого злобно сдергивали вниз, срывая последние остатки платья. (...)

Артельщики стали забрасывать узелки далеко вперед. Это усилие было напрасным и только создавало новые жертвы. Люди стали стеной с поднятыми руками под дождем узелков, хватали их на лету, вырывали их друг у друга. Но вот я у входа в воронку. Слышно, как хрустят кости, ломаются руки, хлюпают внутренности и кровь. Воронка давилась жертвами и медленно их пережевывала. Дальше я ничего не помню. Упал... Опомнился весь в крови по ту сторону от будок, на лужайке. Оглянулся назад. Все пространство до будок усеяно павшими. У многих лежали под головами узелки с гостинцами. А дальше у будок еще крутился вихрь ужаса и смерти. Иные здоровяки, получившие уже по узелку, снова устремлялись к будкам, работали кулаками, локтями, плечами. А то просто вырывали... (...)

...Уже явилась полиция. Она яростно обрушивалась на фотографов, которых гнали прочь. Явились и пожарные с обозами. Они обращались с раздавленными и полуживыми обморочными людьми как с бревнами на пожаре. Хватали за руки и ноги и подкидывали над обозом, тела падали шумно и грузно, хлюпая вздувшимися животами. Я шел вдоль шоссе. Москва услышала про давку, и теперь поднялись, кажется, все и с плачем устремились к полю разыскивать своих. Одна толпа из таких полуживых, как я, шла на Москву, а другая, сильная, встревоженная, валила из Москвы, сбивая нас с ног. Давка подходила вплотную к самой Москве — Ходынка неудержимо ширилась...» (Газета «Сегодня», 30 мая, 1996 г. С. 5)

Невероятно, но факт: превозносимый и ельциноидными идеологами, и церковными иерархами во главе с патриархом, Николай II в качестве умного, доброго, гуманного, чуткого, культурнейшего властителя, неусыпно заботившегося о всенародном благе, зная о Ходынском ужасе, как ни в чем не бывало продолжал без малейшего изъятия все праздничные торжества, посвященные собственной коронации. «Это ужасное событие не могло не набросить грустной тени на сегодняшнее торжество, но когда в пять минут третьего на Императорском павильоне взвился Императорский штандарт и Их Императорские Величества изволили выйти на балкон верхнего этажа павильона, раздались салют из пушек, взвились шары, полетели вверх шапки и раздались восторженные крики толпы в несколько сот тысяч человек.» («Русские ведомости», 19 мая 1896 г.)

«Его величество обошел все депутации и милостиво принял поднесенные Ему хлеб-соль. Вечером во французском посольстве был дан бал, который удостоили своим присутствием Их Величества... Убранство зал поражало роскошью, изяществом и изысканным вкусом. (...) Во время бала дамам предложены были изящные веера — букеты привезенных из Франции цветов. Вообще бал оставил впечатление изящества, роскоши, тонкого вкуса, непринужденного оживления, изысканного гостеприимства. После ужина, в третьем часу, начался разъезд». («Русские ведомости», 20 мая 1896 г.) «После катастрофы на Ходынском поле трупы погибших людей в течение целого дня перевозили в полицейские участки и больницы. (...) Родственники и знакомые ходили между рядами гробов и отыскивали своих погибших. Происходили тяжелые сцены» («Московские ведомости», 20 мая 1896 г.).

«По последним официальным сведениям, 20 мая было зарегистрировано 1341 человек, погибших на Ходынском поле и умерших от полученных там увечий. Большинство погибших принадлежало к рабочему классу... Жертвой катастрофы сделались целые семьи по 3–5 человек» («Московские ведомости», 21 мая 1896 г.). «По велению Государя Императора всем лицам, находящимся на излечении из числа пострадавших на Ходынском поле, выданы коронационные кружки». («Московские ведомости», 24 мая 1896 г.) «23 мая на Ходынском поле в присутствии иностранных Августейших Особ состоялась джигитовка казаков Собственного Его Величества конвоя». («С.-Петербургские ведомости», 24 мая 1896 г.)

В своем выступлении вскоре после отречения Николая II от престола В. Г. Короленко, в частности, отмечал: «Известно было, что высшее распоряжение праздником было поручено, помимо городской Думы и даже прежним полицейским, приближенным любимцам нового царя, и те распоряжались, не спрашивая опытных людей, самонадеянно, уверенно и глупо... Когда это торжество с царскими подарками кончилось, на площади оказалось множество трупов. Их уложили рядом. Родные узнавали своих, и над Ходынкой, над прилегающими к ней местами, над всей Москвой вставали плач, стоны, отчаяние... Ждали, что будет наряжено строгое следствие, что будет установлено по чьей вине случилось это великое несчастье. Конечно, погибших этим не воротить, но народное чувство нашло бы некоторое удовлетворение в сознании, что и царь тоже огорчен и разгневан невнимательностью и беспечностью распорядителей, виновных в гибели стольких людей...

Но, так же, как и у его отца после холерных бунтов, настоящих виновных не нашлось... Ходынское бедствие бросило мрачную тень на начало нового царствования. Люди суеверные видели в нем пророческое предзнаменование и дурную примету. Но и люди, не верующие в приметы, тоже качали головой, читая о продолжающихся придворных торжествах. Да, — говорили они — это знак: как и его отец, новый царь глядит только глазами вельмож и знати и из-за них не видит и не слышит Россию. И тогда же новое царствование назвали «кровавым»» («Сегодня», 30.05.96.).

Немаловажно также обратить особое внимание и на то, что еще в конце XIX века даже многие монархисты, наблюдая поведение царя после Ходынки, не могли не констатировать «бессердечия Николая II перед лицом народного несчастья». Не были отменены развлекательно-увеселительные мероприятия. Состоялись балы у французского посла, затем у германского и даже у главного виновника Ходынской катастрофы, генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича. Уже тогда на пути на очередной бал царь услышал малоприятные для него крики из толпы: «Ступай на похороны!» и «Накажи виновных!». Тем не менее, назначенное расследование велось поверхностно, необъективно, в сущности, непорядочно. Закончилось оно лишь «наказанием» оберполицеймейстера Власовс-

кого, которого тогдашний министр финансов С. Ю. Витте считал «сущим Держимордой». Он отправлен был всего лишь в отставку с назначением ему весьма высокой пенсии, причем император не постыдился уведомить «пострадавшего» Власовского, «что он на него не сердится!» (См. газета «Культура», 08.06.96. С. 7)

Тяжек, неискупим грех на совести иерархов православной церкви той поры, предавших анафеме, отлучивших от церкви высоко нравственного, совершенно безвинного, великого и благородного Льва Николаевича Толстого и не выступивших даже с робким словом укора ни в связи с Ходынккой, ни по случаю запланированной преступной бойни 9 января 1905 года и иного, столь же ужасного по адресу сверхгрешных из членов «августейшей фамилии». Тем более непροстительно поведение тех нынешних «отцов церкви», которые неправедно осуждают достойных и восхваляют малопочтенных не только из числа ныне здравствующих... Ведь хуже, чем грешно, и по сути дела чудовищно непорядочно возвеличивать и Ельцина, и последнего царя, и его ужасного дядюшку Сергея Александровича, как это непрерывно проделывают соответствующие функционеры, выполняя директивы почти сросшихся между собой светского и церковного центров властвования! Подумать только: делается это и все остальное в том же духе чуть ли не каждодневно только для того, чтобы извратить все и вся, утаив правду, возвысив недостойных и одновременно обогатить тех, кто стремился делать и делал только добрые дела, спасительные для колоссальных масс и для общечеловеческого прогресса. Для чего? Лишь для ублажения собственных по глубинной сути безоглядно корыстных вожделений, реализуемых хищно-грабительски с конца 1991 года «сказочным» обогащением и роскошеством!

Только для этого прямо-таки выбивают из массового сознания ту истину, что последнему царю, отнюдь не жертвуя ничем сколько-нибудь ценным и разумным, можно было спасти себя, своих близких и необъятное количество соотечественников, всего лишь удалив сверхреакционных своих любимцев и с открытой душой, честно и недвусмысленно прислушавшись к мнению хотя бы непреклонных монархистов из числа наиболее компетентных. Понимавших хотя бы то, что самодержавную монархию необходимо срочно превратить в конституционную с реальной, а не фиктивной демократизацией общественной жизни, что крайне важно пойти навстречу крестьянской мечте избавиться от губительного малоземелья, резко изменить к лучшему положение рабочих и что надо покончить с национальной дискриминацией, не говоря уже о расистски зловещих срывах. Все это обычно после не очень долгих раздумий либо отвергалось, либо — «спускалось на тормозах» или навсегда «клатось под сукно». Ни одна из поистине огнедышащих проблем общероссийского бытия Николаем II не была решена. Хуже того: он даже не подступался к этому, ибо был антиподом своего деда, великого реформатора Александра II — вот все и рухнуло...

Из «всеподданейшего доклада» тогдашнего главы царского правительства графа Сергея Юльевича Витте царю, опубликованного на одной странице со знаменитым Манифестом 17 октября 1905 года и подписанным самодержцем в связи с угрозой крушения режима еще в те времена: «Первую задачу Правительства должно составлять стремление к осуществлению... основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собрания, союзов и личной неприкосновенности... Уравнение в правах всех подданных Вашего Императорского Величества, независимо от вероисповедания и национальности...» С. Ю. Витте был единственным не просто крупнейшим, а и действительно дееспособным реформатором России после гибели Александра II-го, т. е. за почти четыре последних десятилетия. К сожалению, последний царь отверг и его, и всех других масштабно и прогрессивно мыслящих соотечественников, чем предопределил отнюдь не только свои личные беды. Остается лишь удивляться фатальному ослеплению этого чело-

века, вздохнувшего с облегчением, а, быть может, и с радостью, когда он узнал о смерти своего спасителя Витте!

Первый президент т. н. «новой» России без зазрения совести открыто восторгался практически всеми царями, включая не только реакционно-бездарных, но и до омерзения кровожадных, включая Ивана IV, Екатерину II, Николая I. Тем более ельциноиды возвеличивают двух последних антинародно крайне многогрешных Александра III и Николая II, с крайне неумной примитивностью «порубавших» и сковывавших все даже для них лично и династии в целом спасительное...

Далеко не случайно Максимилиан Волошин в своей поэме «Россия» с убийственной иронией писал: «Чем царь добрей, тем больше льется крови. А всех добрей был Николай Второй, зиявший непристойной пустотой...» До чего же приятно было такому властителю, как Ельцин буквально втаптывать в грязь практически всех наших подлинно великих гуманистов-созидателей, «забывая» обо всем ужасном, связанном с роковыми просчетами, срывами и даже, возможно, неосознанными злодействами Николая III! Как можно восторгаться тем, кто, узнав о тысячах загубленных и искалеченных на Ходынском поле, вместо объявления всенародного траура, вместо немедленного увольнения в отставку главного виновника генерал-губернатора Москвы (великого князя Сергея Александровича), «дозволил» продолжить балы и прочие «увеселения» по случаю собственной коронации! А чего стоит преступно-авантюристическая установка на провоцирование русско-японской войны с ее невыносимо позорными поражениями на суше и на море и ничем не оправданной гибелью огромной массы россиян, завершившейся унижительным Портсмутским миром, условия которого могли оказаться еще несравнимо худшими, если бы не тот же Витте.

Как же можно не только светским, но иным церковным властителям «забывать» и о преступной бойне Кровавого воскресенья 9 января 1905 года со множеством жертв, включая детей, предпринявшей первую русскую революцию, ее необузданно жестокое подавление, а затем страшную вакханалию реакции с ее т. н. военно-полевыми судами, мгновенно «ставившими к стенке» и отправлявшими на тысячи виселиц необъятное множество несчастных из числа «особо нежелательных»! Между прочим, и тогда срабатывал своего рода социальный механизм, ожесточавший, превращавший во врагов самодержавно-монархического режима и самых поначалу нейтральных людей. Не случайно Александр Федорович Керенский, к примеру, писал из Петербурга родителям о трагически роковых событиях 9 января 1905 года буквально следующее: «Я сам лично 9 января был у Дворца, был в толпе и обошел весь район, где началось сражение блестящих гвардейцев с безоружным врагом. И могу утверждать, что никогда не видел такой дисциплинированной, тихой, серьезной, даже религиозно настроенной толпы — стояли сплошными массами десятки тысяч рабочих и ни одного пьяного, ни одного ругательства не было слышно — они стояли, веря, что их никто не обидит. (...) Газеты насчитали около 4600 убитых и раненых» («Вечерний клуб», 18.05.96. С. 3).

Трудно придумать «новым» властителям нашей страны, включая церковно-православных, что-либо еще более несправедное до крайнего неприличия, чем причисление к лику святых последнего царя и царицы при всей их многогрешности и перед нашим народом, да и перед самыми близкими им людьми...

Но что до этого было ключевой фигуре ельцинского бесчеловечно всеразлагающего режима. Вот и «отгрохали» последнему царю гигантский памятник, невзирая на страшную правду, ныне тщательно скрываемую! «На церемонию открытия памятника приехали особы, не менее «коронованные» — Наина Ельцина и тогда «особо приближенный» Николай Егоров. Сам император — фигура в поле огромнейшего роста — держался дос-

тойно, скипетр и державу в присутствии двух сотен почитателей не уронил» («Комсомольская правда», 28 мая 1996 г.). Заслуживает внимания и поведение иных особ, не отказавшихся от претензий на российский престол: «Великая Княгиня Леонида Георгиевна, мать нынешней главы Российского Императорского Дома Великой Княгини Марии Владимировны: «В эти дни я много общаюсь с простыми людьми и стараюсь убедить их в том, что Борис Ельцин — настоящий русский человек (...) Он не побоялся бросить вызов коммунистической системе, возвратил россиянам историческую правду, религию. Благодаря ему в России проводятся реформы.» (Там же. С. 3) Вот и все «сложности»: оказывается, «августейшее» семейство, далекое от России, все «хорошо понимает» и вместе даже с патриархом творит якобы все наилучшим манером...

А вот мнение о ельцинских реформах тех, кто испытал их на своем «горбу»: «Если свести происходящее к упрощенной схеме, можно сказать: с одной стороны идет расхищение народной собственности, за счет чего набивают карманы так называемые «новые русские». С другой — все более нищает простой народ. Многие находятся просто на грани отчаяния. И все это называется реформами. К тому же утверждается, что эти реформы необходимо продолжать» Л. Виноградова. Поселок Сурское Ульяновской области. («Достоинство». № 22, 27.05–02.06.96. С. 4). И это лишь одно из бесчисленного множества свидетельств самых различных, но честных наших сограждан дня сегодняшнего о том, насколько преступен псевдореформаторский курс, с конца 1991 года разваливающий, превращающий в жалкую полуколониальную страну нашу великую родину, губящий сотни тысяч и миллионы людей ради достижения паразитарно-криминальным меньшинством грязно-своекорыстных целей. Как же далеки от правды, даже от подобия совестливости все прислужники ельцинского режима и все его зарубежные «друзья и союзнички», включая ту часть «клана» Романовых, которая до сих пор подумывает о восшествии на российский престол, да еще и восхищается такими, как Ельцин...

Стоит привести мнения хотя бы микроскопически малой части умных и порядочных сограждан наших, дающих тому, что сейчас творится, добросовестную оценку. В частности, в ночь на 07.06.96 крупнейший и талантливейший из современных композиторов Георгий Свиридов в связи со 197-й годовщиной со дня рождения А. С. Пушкина, заявил, что т. н. культурная политика дня сегодняшнего является антикультурной, нацеленной на превращение народа во что-то еще худшее, чем просто человекоподобное. Академик Георгий Арбатов тоже с болью душевной констатирует: «Мы многое подрастеряли за последнее время, и, если упадок продолжится еще 2–3 года, почти все придется воссоздать заново, на что потребуются целые поколения. А сегодня еще кое-что можно спасти» (Из статьи «Нас призывают смириться с упадком», посвященной проблеме деградации нашей науки, опубликованной в «Общей газете» № 22 от 6–12 июня 1996 года. С. 9).

Вот мнение генерала Александра Лебедея: «Из России вывозится сырье и капиталы. Кому это выгодно? Тем, кто не умеет руководить производством, но хочет обогащаться. Что им нужно? Держать в своих руках власть и брать взятки. (...) Государство без души, с одним огромным дряблым телом... Государство, как куча жадных, копошащихся чиновных мух! (...) Мы обязаны его очистить от грязи предыдущих властей. Мы должны сделать его человечным» («Труд», 04.06.96.). По-своему, но также болел душой за происходящее в стране и ярко одаренный артист Семен Фарада, чему отнюдь не помешало то, что он в свое время окончил Бауманский институт и восемь лет проработал инженером. «Я скучаю по всем своим работам в кино, в театре на Таганке, на ТВ. Скучаю и по тому времени, которое принято теперь ругать. Мне не кажется, что сейчас стало лучше. Вот недавно мне позвонили из института, приглашали на вечер встречи выпускников. Спрашиваю: как у вас дела? Гово-

рят, конкурс — восемь десятых человека на место! А когда я поступал, было 15 целых претендентов на место... Если мы сбросим за борт технику и науку, то превратимся в Африку, чирикающую на всех языках. Я человек старый. Мое поколение не разъезжало на «мерседесах»...» («Центр плюс». № 22 1996 г.)

Как же может не только Ельцин, но и «глава императорского дома» столь же бездушно, вульгарно эгоистически реагировать на страшную беду народную, как и последний царь сотню лет тому назад! Когда впервые, как и многократно впоследствии, обнажилась «душевная глухота верховной власти, продолжавшей, под аккомпанемент народного сто-на, выполнять запланированную программу коронационных развлечений...» (Газета «Сегодня», 30.05.96. С. 5) Симптоматично мнение далеко не самого решительного оппонента ельциноидного режима, каким является Григорий Явлинский. «Говоря о необходимости своего участия в выборах, Явлинский назвал режим Ельцина «самым кровавым после окончания Великой Отечественной войны». «Если в 91-м году погибло три человека, в 93-м полтора, в Чеченской войне 30 тысяч, то что же будет в 97-м?» — риторически спрашивал он.» («Московский комсомолец», 07.06.96. С. 2) Малопонятно только, почему, давая объективную и в то же время — справедливо уничтожающую оценку ельцинскому властвованию, Г. Явлинский не упоминает о сотнях и сотнях тысячах самых ограбленных и обездоленных, ежегодно обрекаемых этим страшным режимом на гибель от голода, болезней и преступности.

Нечто весьма существенное и довольно серьезное Явлинский затронул накануне 16.06.96 в своем обращении непосредственно к избирателям. «Нужны годы, чтобы искоренить взятки. Но произвол и коррупцию чиновников победить можно уже сейчас, если отменить льготы частным компаниям и банкам. Эти льготы будут отменены — немедленно. Сегодня, когда уровень жизни большинства населения постыдно низок, государство расходует непомерные деньги на содержание президентской администрации, службы безопасности, правительственных чиновников. Эти расходы будут сокращены в 2 раза, а отчеты об использовании казенных средств будут регулярно публиковаться. Казенные деньги — наши с вами деньги. Их тратят на войну, их разворовывают, дают налоговые льготы богатейшим корпорациям, сквозь пальцы смотрят на неуплату налогов и дают капиталам уплывать за рубеж. Теперь понятно, почему нет денег, чтобы повысить зарплату учителям, врачам, ученым, повысить пенсию ветеранам, стипендию — студентам. И зарплату бюджетникам, и пенсии, и стипендии можно увеличить в два-три раза, если жестко контролировать все расходы, отменить налоговые льготы и привилегии монополистам, собирать все налоги. Рост зарплат и пенсий не повлечет за собой рост цен, инфляцию и дефицит. Этого не произойдет, потому что не придется печатать новые деньги, нужно те, которые уже есть, отдать людям.» (Из листовки Явлинского «Я выбираю свободу»).

Все вышеприведенное как будто совершенно не тревожит патриарха, не единожды давшего понять, что он является непреклонным сторонником того, безусловно, губительного курса, который олицетворяет Ельцин. Даже накануне дня выборов глава русской православной церкви с нежным усердием (и это, естественно, было особенно эффектно продемонстрировано телевидением...) проявил чуть ли не восторженно ласкающее отношение к хуже чем «просто» многогрешному властителю! Казалось бы, иерарх, непрерывно и громко-гласно декларирующий свою пылкую приверженность Христовым заповедям, должен как никто другой чутко реагировать на предreshенные Ельциным и компанией беды и страдания десятков и десятков миллионов разоренных и ограбленных сограждан, многие из которых обречены на вымирание. Но не тут-то было: как раз между патриархом и самыми страждущими — пропасть!!!

Как можно быть равнодушным к таким несчастным и поощрять их погубителя: «Я получаю талоны на питание. За апрель не дали. Пособие за февраль — надо 53 тысячи, а получила 33. То, что добавили, то и отобрали. Я это понимаю так. Все эти партии говорят, что болеют за народ, а такие застолья устраивают. Они едят... и еще утверждают: не в колбасе дело. Конечно, они уже отъелись. А я с внуками не вижу картошку с хлебом. Да, прилавки красивые, но мы уходим, чтобы не смотреть. Дочь безработная. У нее 4 детей: 16 и 11 лет — девочки, 13 и 5 лет — мальчики. То, что дает государство, не хватает даже на хлеб и картошку. Так что прошу, добрые люди, помогите. Заранее благодарю и низкий поклон. Стенина Лидия Петровна. Адрес: 443083, Самара, Физкультурная, 2–24.»

«История нашей Родины показывает, что после окончания гражданской войны первыми действиями Советской власти были ликвидация разрухи и развитие отечественной промышленности, забота о детях, борьба с преступностью, подъем культуры и образования, поддержка спорта и пр. А что делает теперешняя власть? Все наоборот. Мы понимаем так политику и действия этих господ: уничтожить старшее поколение («Нужно дать людям старшего поколения достойно уйти» — Черномырдин); развратить молодежь; американизировать общество; создать приближенную элиту, с помощью и опираясь на которую управлять разобщенным, неграмотным, одураленным народом. Мы (я говорю о нашей рабочей бригаде в 14 человек) отвергаем эту политику, ведущую к гибели нашего Отечества и нашего народа... От бригады — Гущин, г. Москва» («Правда»).

5 Почему теперешние, так называемые «свободные», «честные», «демократические» средства массовой информации в почти полном составе, подчиняясь соответствующим командам, утверждают нечто, диаметрально противоположное истине? Например, тому, что посчитал для себя обязанным сказать о В. И. Ленине патриарх Тихон и многие, многие другие достойнейшие люди того времени. Почему в последние годы хуже чем сомнительные личности могут при сверхщедрой материальной и иной поддержке властей буквально издеваться с помощью лживых телепередач, статей, карикатур над памятью Ленина, в том числе и когда речь заходит о его курсе по отношению к религии, духовенству, храмам и т. д.? К примеру, в «Московском комсомольце» еще 23.07.92. В. И. Ленин изображен был карикатурным, бродяжно-преступным, крайне отталкивающим субъектом с мрачно чадающим факелом в руке. «Противостоял» же ему на газетной полосе с нежной, слегка шаржированной симпатией изображенный Ельцин в виде пожарника с огнетушителем (из которого выглядывает физиономия Шахрая), произносящий ужасно остроумную фразу: «Фитилек-то прикури, коптит...» А сколько тысяч подобных и еще более бесстыжих акций годами проделывалось на телевидении и во множестве печатных органов!

Так кто же прав? Скорехонько изменившие (нередко — в пенсионном возрасте) свои «убеждения» на диаметрально противоположные, а до того усердно делавшие номенклатурную карьеру, руководя беспартийными массами и рядовыми членами партии, разумеется, прославляя Ленина и социалистические ценности? Или истина на стороне, как теперь точно известно, выдающихся и достойнейших участников всего определяющего судьбу России и человечества в целом в самый критический период всемирной истории? А также тех честных и умных оппонентов В. И. Ленина, совесть которых, как у патриарха Тихона, потребовала от них признания его по-настоящему доброй правоты.

Конечно, в условиях иностранного вторжения и предопределенных им тяжелейших внутрироссийских и иных конфликтов далеко не все происходило безошибочно и «безукоризненно нежно». Отнюдь не всегда удавалось обуздывать экстремистов по обе стороны баррикад. И все же: почему высшие иерархи православной церкви, непримиримо, реши-

тельно, страстно, опираясь на поддержку немалой части лиц духовного звания, противостояли Ленину и его последователям, начиная с 1917 года и на протяжении военного лихолетья, но в скором времени начали постепенно, последовательно менять отношение к новой власти и к личности, ее олицетворявшей? Ключевые фигуры, представлявшие наиболее точно эту тенденцию, в отличие от немого числа дорвавшихся до власти наших современников, не были беспринципными приспособленцами и корыстолюбцами, но вот ошибиться они могли. Не заблуждался ли, в частности, патриарх Тихон и его коллеги (из числа наиболее честно и масштабно мыслящих), придя к выводу, что Ленин — человек доброй, истинно христианской души, делающий все, что в его силах для блага народа? Можно ли было, в частности, понимать и принимать всерьез пронизанные горечью, болью и тревогой слова В. И. Ленина (презрительно отвергаемые тем, кто прорвался на вершину власти после его смерти, но умевшего с лицемерной изощренностью скрывать свои истинные цели): «от нас, от руководящей партии зависит сколько бедствий падет на пролетариат и сколько на крестьянство»? (Произнесенные на X конференции РКП(б)) Можно и нужно было во имя спасения своей Родины и народа своего!!

Были ли основания у радикально изменивших к лучшему отношение к руководителю Советской страны верить его словам и делам? Почему были правы они, а не те из современных правителей, которые буквально науськивали будто бы несущие «правду», якобы свободные и демократические средства массовой информации, на пропаганду лживых, разнузданно клеветнических утверждений и о ставших теперь им крайне «нежелательными» идеалах, и о наиболее достойном, по-настоящему великом за все века нашей истории руководителе, потрясающе успешно начавшем их реализацию? И, возможно, «хихикая в кулачок» почитывающим или «берущим с экрана» ими же всемерно поощряемую лживую от первого до последнего слова «информацию» о том, что Ленин якобы был злодеем, «нанесшим церкви смертельный удар», убийцей сотен тысяч духовных лиц и вообще преступно-аморальным типом, вражеским агентом, злобным дегенератом и т. п. До чего же удобно иметь под рукой такую «правдивую», «свободную», «демократическую» пропагандистскую службу!

Чем же все-таки руководствовались высшие церковные иерархи, коренным образом пересмотревшие свою оценку Ленина вскоре после окончания военного противостояния и столь недвусмысленно огласившие это сразу после его кончины? Однажды довелось услышать, что они будто бы руководствовались заурядной трусостью, ибо смерть Ленина, по их мнению, должна была немедленно означать конец периода связанных с ним человеческо-демократических тенденций и де тут же настала пора бесконтрольной сталинской резни всех неугодных и в любом количестве. Это, конечно, глубочайшее заблуждение: Сталину для полного сверхзловещего триумфа своего потребовалось более десятка лет после гибели того, кто был единственной непреодолимой преградой на пути к его вождельной цели — неограниченной и бесконтрольной власти над жизнью и смертью любого из своих сограждан и даже целых социальных, а со временем и национальных «пластов». Для этого ему надобно было сначала расправиться в течение нескольких лет с наиболее мыслящими соратниками и последователями Ленина политически, а к концу 30-х годов и физически, заложить основы качественно совсем другого, антиленинского, тиранически-репрессивного, якобы обеспечивающего государственную безопасность аппарата, установить абсолютный личный контроль, в первую очередь, над его непосредственно карательными структурами.

Это означает, что в первые несколько лет после смерти Владимира Ильича Ленина расправа над руководящими кругами православной церкви была Сталину еще не по силам, да и поначалу не нужна, так как в ходе острейшей внутривластной борьбы предстояло

решить гораздо более «срочные» для него задачи. Высшим иерархам российского православия тогда смертельная опасность еще не угрожала, да и не могла бы сломить такого принципиального человека, каким был патриарх Тихон. Об относительной непрочности некоторых позиций Сталина даже в начале 30-х годов свидетельствует, в частности, и факт, связанный с судьбой Мартемьяна Рютина, осмелившегося с марксистско-ленинских позиций разоблачить Сталина, клику его подручных и создаваемый им режим. После ареста М. Рютина Сталин потребовал от им же «очищенного» от самых активных политически и духовно людей Политбюро ЦК, принятия решения о применении к нему смертной казни. Но большинство этой уже почти, хотя еще и не совсем «ручной» коллегии сочло это вроде бы неудобным и, возможно, лишь вынуждено, согласилось с тем, что стоит ограничиться тюремным заключением. Так и пришлось Сталину еще пять лет дожидаться 1937 года, чтобы, наконец, прикончить М. Рютина, разумеется, вместе со многими сотнями тысяч членов «собственной» партии, то есть по сути дела покончить с ее большинством и в первую очередь — почти со всеми, имевшими большой партийный стаж и потому — совсем «нежелательный», в сущности органически неприемлемый ему опыт ленинского периода.

О том, что Сталин и его подручные в 1924 году еще не имели возможности запугивать церковных иерархов могущей их ужаснуть угрозой массовых, по существу бессудных репрессий по отношению к служителям церкви, свидетельствует и приведенная 22.07.92. в программе «Черный ящик» запись признания одного из самых осведомленных работников НКВД. По его словам глубоко засекреченные, постепенно увеличивающиеся по количеству жертв без намека на юридическую обоснованность, расстрелы, начались лишь с самого конца 20-х годов и далее шли «по нарастающей», особенно начиная с 1937 года. В середине 20-х годов «просто так» расстреливать еще было невозможно.

Впрочем — имелись иные возможности, о чем свидетельствовал целый ряд фактов, когда «вдруг» смерть обрушивается на кое-кого из «нежелательных» Сталину деятелей как раз в самый подходящий для него момент. К примеру, М. В. Фрунзе умирает «своевременно» как будто только для того, чтобы во главе военного ведомства, предпринявшего бесконечно многое, Сталин мог поставить удобное ему преступно некомпетентное, до неприличия бездарное, рабски покорное ничтожество, оказавшее губительное влияние отнюдь не только на вооруженные силы (Имеется в виду небызвестный Клим Ворошилов). Патриарх Тихон, конечно, был для него духовно и нравственно совершенно неприемлем: для Сталина неизмеримо предпочтительнее были последующие сталинские ставленники из духовной иерархии, занимавшие благодаря его покровительству ведущие посты, вплоть до наивысшего... И вот патриарх Тихон тоже «вдруг», тоже «вовремя» умирает вскоре после смерти В. И. Ленина...

Высочайшая оценка Ленина, обнародованная ключевыми фигурами российской православной церкви в момент его кончины — не плод трусости или политической конъюнктуры. Это результат глубокого и объективного анализа личности и деятельности того, кто возглавил Россию после Октября 1917 года, причем самое пристальное внимание, желание правильно понять и оценить его было характерно не только для патриарха и других высших иерархов, но и для мыслящих представителей духовенства всех уровней без исключения. Для понимания того, кто был прав в оценке Ленина, думается, есть самый прямой смысл рассказать кое-что и о человеке редкого ума и благородства, наделенного к тому же немалыми знаниями и на редкость широким кругозором. Он был в течение всей своей жизни бескорыстным и последовательным правдоискателем, сознательно и непредубежденно воспринимавшим российские реалии на протяжении многих десятилетий. Мало того: он был готов ради истины пойти на все, вплоть до самых тяжких и смертных мук.

Курский протоиерей отец Антоний Романов был одним из первых священнослужителей, удостоенных патриаршей митры в качестве исключительного знака поощрения особо крупных заслуг. Между прочим, в начале его деятельности довелось этому человеку в молодости быть личным духовником фельдмаршала князя Барятинского, под командованием которого суждено было русским войскам поставить «точку» в войне против долго и героически сопротивлявшихся горцев северного Кавказа. Все было кончено, когда имам Шамиль был взят в плен. Позднее он бывал в гостях в одном из имений Барятинских в Курской губернии. Отец Антоний в течение всей своей долгой жизни был горячим сторонником веротерпимости и подлинного, по-настоящему глубокого уважения к людям любой национальности. Он решительно выступал против любых проявлений межнациональной розни, высокомерия, неравноправия и тем более — погромных тенденций и вообще любых проявлений шовинизма. До конца дней своих он с удовольствием вспоминал, например, что не без его участия удалось все же добиться крупных «послаблений» для Шамиля, которому (что имело особое значение) было разрешено даже совершить самостоятельное посещение Мекки.

Думается, есть основания для уверенности в том, что в прогрессивной части общественного мнения тогдашней России преобладало уважительное отношение к противостоявшему русским войскам до донкихотства отважному и жертвенному народу. Отдал должное ему и будущий генерал-фельдмаршал, а тогда полковник Дмитрий Алексеевич Милютин, описывая бой одного из августовских дней 1839 года. «Трудно изобразить все сцены этого ужасного фантастического боя! Горцы, несмотря на неминуемую гибель, ни за что не хотели сдаваться и защищались с исступлением: женщины и дети с камнями или кинжалами в руках бросались на штыки или в отчаянии кидались в пропасть на верную смерть...» («Щит и меч», 26.12.96. С. 10) Автору этих строк суждено было стать впоследствии, пожалуй, лучшим военным министром за все дореволюционные столетия существования этого поста, блистательно разумным и прогрессивным реформатором данного ведомства. Остается лишь сожалеть, что крайне малоспособным сыну и внуку Александра II — да к тому же реакционерам до мозга костей, по-настоящему честно преданные Родине, широко мыслящие и тем более — талантливые люди типа фельдмаршала Д. А. Милютина были абсолютно неприемлемы. А жаль: при таком военном министре, как минимум, удалось бы, конечно, избежать унижительно позорных поражений, скажем, в той же русско-японской войне.

Ситуация, сложившаяся в России к началу XX века, тревожила отца Антония Романова с каждым годом во все большей степени и особенно потому, что последний император был начисто лишен качеств не только великого, но и просто мало-мальски умелого реформатора. Отец Антоний понимал это как мало, кто из современников, и потому его десятилетиями мучили тяжкие предчувствия того, какой бедой не только для династии, но и для всего населения огромной многонациональной страны, чревата застойно-инертная регрессивность как сына, так и внука истинного среди всех царей в своей прогрессивности реформатора на троне. Остается лишь пожалеть о том, в каких руках оказалась самодержавная, никем и ничем всерьез не контролируемая власть после гибели Александра II. Особенно же пагубной для России была кадровая линия последнего царя...

Всем мыслящим, действительно совестливым людям, в том числе и духовным лицам, в определенной степени несшим ответственность за настроения своей паствы, было весьма нелегко выполнять все положенное по должности. Тем более — пастырям из числа тех, кому множество прихожан верило практически безгранично, в последние предреволюционные десятилетия становилось все труднее и труднее. Нелегко представить, как отцу Анто-

нию Романову удавалось примирять себя внутренне с царствовавшей четой, действовавшей предельно неразумно. Тем более, что этот человек на редкость ясно осознавал, насколько самоубийственной была аграрно-крестьянская и национальная политика, как и все, имевшее отношение к рабочему вопросу (чего стоило одно Кровавое воскресенье!).

Стремление же царя и его ближайшего окружения сохранить самодержавно-архаичный политико-идеологический курс, попросту ужасало. А как мыслящие люди должны были реагировать на провокационно безоглядную военную политику и ее пропагандистскую подготовку? Каково было, к примеру, читать в верноподданнически-промонархической прессе инспирируемые влиятельными силами (в том числе и близкими ко двору) «откровения» вроде следующего: «Как японские макаки нас увидят в Нагасаки...» Тем более, что вскоре предстояло переживать вместе с прихожанами чувства горечи и душевной боли из-за бездарнейшим образом проигранных по вине николаевского режима сражений на суше и на море, множество бесплодно загубленных в их ходе жизней, подписание летом 1905 года унижительного мирного договора с Японией, казавшейся территориально и во всем остальном такой крохотной и слабенькой по сравнению с поверженной ею гигантской державой, глава которой оказался в плену шапкозакидательских расчетов, построенных на песке, и жадно обуздать революцию с помощью небольшой победоносной войны...

Отец Антоний понимал, что в результате всего этого национальное достоинство россиян страшно травмировано и что непоправимо тяжкая ответственность ляжет и на последнего императора, и на династию в целом. Не менее ясно было ему и то, как всеми политически активными и мыслящими гражданами страны будет воспринята и оценена самоубийственная для режима расправа над в основном тогда промонархически настроенными жителями столицы 9 января 1905 года, умолявших царя о милости и сочувствии, как и другие последующие эксцессы аналогичного характера. Кровь и смерть, воцарившиеся в тот момент на улицах Петербурга, гибель множества ни в чем неповинных горожан, среди которых были и дети, конечно, не могла не «отозваться» жестокостью, тоже нередко страшной и в годы грядущие. В том числе и в июле 1918 года...

Как бы то ни было, но весь ход событий на протяжении долгих десятилетий и особенно тех лет, которые предшествовали событиям 1917 года непосредственно, не мог не убедить всех серьезно и нестереотипно мыслящих людей в неотвратимости катастрофического, мучительно тяжелого поворота в ходе российской истории. Отец Антоний Романов, как и все россияне той поры, был, естественно, бессилён в смысле возможности сколько-нибудь масштабно повлиять на общий ход событий, тем более, когда непреложным фактом стала иностранная интервенция и в огромной степени predeterminedная ею по сути дела всеохватность и во многом не поддающаяся контролю взаимная ожесточенность гражданской войны. Единственное, что было по силам таким людям — точное понимание происходящего и противостояние беде хотя бы в узких пределах.

Важно при этом понять и учесть, что в местностях, охваченных очень часто крайне жестокими схватками огромных людских масс, положение лиц духовного звания было особенно сложным и легко уязвимым. Тем более, когда кто-то из них почитал себя обязанным изо всех сил противостоять крайней непримиримости, которая как бы «захлестывала» многие души и красных, и белых. Если, скажем, офицер из дворян мог, не появляясь в своем имени, найти сравнительно легко свое место по ту или иную сторону баррикад, разделивших страну на два непримиримых лагеря, то положение духовного лица было совсем иным. К примеру, священник практически любого прихода был, как правило, бессилён перед теми, кто стремился втянуть его в борьбу на своей стороне. Именно в этом суть трагедии русско-православия как идеологической концепции и церкви, как духовной и организационной

структуры, неразрывно связанной множеством нитей с массами верующих, которых священник не мог покинуть, не порывая с саном и делом всей своей жизни.

Справедливости ради надо отметить, что красных в норме вполне устраивал честно соблюдаемый нейтралитет служителей церкви, а вот белым, как правило, этого было совсем недостаточно и они требовали от них безоглядной и активной преданности своим целям. Легко себе представить поэтому, в каком положении оказывалось нередко духовное лицо, открыто выступающее против взаимоуничтожения, против жестокости, проявляемой как той, так и другой из воюющих сторон. Отец Антоний Романов был именно из таких пастырей, причем отказывался проклинать, предавать анафеме, призывать к полному уничтожению не только бойцов «белого стана», но и бойцов, готовых на смерть во имя ленинских идеалов. Было немало сложностей у него во взаимоотношениях с красными, а вот горячие головы из числа белых сторонников поголовного уничтожения своих политических противников, чуть было не расстреляли его. Ему оставалось лишь прочитать предсмертную молитву, что он и сделал с христианским смирением. Спасло отца Антония лишь доброе отношение к нему огромных масс верующих, бросившихся на его защиту, а, быть может, и позиция кого-либо из умных белых командиров, понимавшего, что расстрел духовного лица самого преклонного возраста и колоссального авторитета в массах не прибавит популярности белому движению...

А скольким священникам приходилось буквально «снимать» перед таким давлением и занимать позицию жесткого противостояния Ленину и его сторонникам! И как тяжело пришлось поплатиться за это многим из них, как негативно отразилось это на положении русской православной церкви в целом, как трудно было впоследствии избавиться от непродуктивной и духовно бесплодной инерции отнюдь не христианской нетерпимости и как это помогло после смерти В. И. Ленина гонителям и «сокрушителям» православия. Отец Антоний был из числа тех представителей духовенства, которые помогли уберечь авторитет церкви от падения, способствовали смягчению нравов в кризисный период нашей истории. Действуя по зову сердца, он творил благое дело, по мере своих сил и возможностей стремясь умиротворяюще повлиять на заблудшие в своем ожесточении души соотечественников.

Сугубо личные переживания никогда не были определяющим фактором замыслов и действий отца Антония. Да и не могли дойти до него так и оставшимися не поддающимися точной проверке слухи о том, будто старший его внук погиб в рядах белого движения. Трудно сказать, было ли ему известно в то смутное время что-либо о судьбе самого младшего внука, лихого штабс-капитана царской армии Виктора Никанорова. Автору этих строк и то лишь совсем недавно удалось узнать, что молодой офицер 535 Липецкого полка сохранял верность присяге и даже еще в начале 1918 года вместе со своей ротой был направлен в город Орел. А вот после, если можно так выразиться, несколько запоздалого распада своей части, штабс-капитан ринулся отнюдь не на Дон и вообще не в южном направлении в ряды, скажем, Добровольческой белой армии, тоже роковым образом действовавшей на потребу иностранным агрессорам... Им был сделан сознательный диаметрально противоположный выбор: он вступил в ряды РККА и стал красным командиром, пополнив весьма качественно влиявшие на ход борьбы с силами интервенции и контрреволюции, ряды, как тогда говорились, беспартийных военных специалистов. Служил он в Красной армии определенное время и после окончания гражданской войны.

Впрочем — данная проблематика заслуживает специального как можно более подробного рассмотрения... А пока стоит продолжить анализ данной проблемы: какие явления и факты побудили отца Антония, возможно, уже с конца 1917 года твердо, страстно, непримиримо противодействовать по мере сил стремлению втянуть православную церковь в

политическое и военное противостояние ради уничтожения одной из противоборствующих сторон, изнемогавших в непримиримой схватке. Этот человек не мог, естественно, руководствоваться только чисто абстрактным, пусть лично выстраданным на протяжении очень долгой жизни, пониманием того, в чем заключается истинное по-настоящему гуманистическое предназначение православия: более чем преклонные лета не помешали ему сохранить поразительную ясность и нестереотипность ума, редкую наблюдательность и способность анализировать происходившее у него на глазах, начиная с юных лет и вплоть до последнего дня его жизни. (Даже незадолго перед кончиной в начале 20-х годов он прямо-таки потряс юную внучку точностью и глубиной понимания процессов, начавшихся после завершения основного этапа гражданской войны вплоть до деталей ленинской новой экономической политики и характера внутривластной борьбы, включая значение дискуссии по вопросам о роли профсоюзов...).

Честное и внимательное отношение к жизненным реалиям не могли и священнослужителей не побуждать к тревожнейшим размышлениям о будущем страны. Наиболее дальновидные из них понимали, что предание анафеме В. И. Ленина и его последователей означало бы необратимый по своим последствиям переход православия на сторону тех сил и лидеров (включая и вполне приличных из них), которые вольно или невольно оказались заложниками правителей наиболее мощных тогда иностранных государств (независимо от субъективных побуждений). В результате не только многократно возросло бы и без того огромное количество жертв, но поражение сил, возглавлявшихся Лениным, неизбежно привело бы к распаду страны, чреватому тягчайшими, возможно, необратимыми последствиями для русского, да и для других народов. Ведь сугубо колонизаторские «рефлексы» с подчас ужасающей беспощадностью неприкрыто продемонстрировали еще в 1918 году иностранные войска в различных регионах нашего отечества. Могли ли игнорировать это гуманно, прогрессистски, патриотически настроенные люди (в том числе и лица духовного звания)? Нет!

Ведь понимали же они почему рухнула дореволюционная Россия, почему за многие десятилетия и даже более чем за сотню лет до того, как революция разразилась, стремились к ней, готовили ее задолго до Ленина сначала дворянские революционеры, затем революционеры-разночинцы! Осознавали и то, что революционный взрыв все равно произошел бы даже независимо от воли, желаний и личного участия В. И. Ленина... Но Ленин был непреложной и гигантской по значимости реальностью и наиболее активная часть народа поддерживала его беззаветно, а основная масса перешла на позиции благожелательного к нему нейтралитета, или (в худшем случае) терпела, так как кроме него некому было остановить хаос, распад и междоусобицы на грани, быть может, всеохватывающей резни. И чем более тяжко, мучительно «раскручивалась» своего рода роковая «спираль» нашей истории, тем все большее количество честных мыслящих людей и целые социальные пласты приходили к выводу, что Ленин руководствуется не чужими абстрактными догмами, а стремлением практически спасти Россию и народы, населяющие бескрайние просторы огромной страны. При этом он прекрасно отдавал себе отчет в том, что спасти великую страну от грозящей катастрофы невозможно, не изменив в гуманистическом плане обстановку в тогдашнем мире в целом. Остается удивляться, как он сумел преуспеть в этом, хотя восторжествовавшая сталинщина подорвала через считанные годы страшно многое из наилучшего!

Не всем даже очень крупным и нестереотипным личностям удалось понять миссию Ленина в целом, но то, что он единственный способен возглавить выход из чудовищно тяжелой ситуации, что больше некому предрешить спасение России и достижение ею рube-

жей подлинного прогресса, еще в ходе военного противостояния начали понимать многие. Не могли они не ценить то, что, пусть не сразу, но в основном к концу 1918 года в большей части центральных губерний, где ситуация контролировалась Лениным и его соратниками, было покончено с усиливавшейся еще с Февральской революцией страшной стихией сведения счетов. (Жертвами ее были не только представители многочисленного рода Романовых и других аристократических фамилий, но и генералы, адмиралы, полковники, нередко даже младшие офицеры, вплоть до ротных и взводных командиров.) Мог ли нормально мыслящий и чувствующий человек не оценить то, что Ленину (в отличие от лидеров белого движения) удалось приостановить, а затем обуздать в основном этот страшный процесс? Конечно, нет! Можно ли было пройти ему мимо того, что на первых порах в разгар восстания амнистировались почти все контрреволюционеры от рядовых юнкеров и вплоть до генерала Краснова? Нет! Только спящая душу ненависть, основанная сплошь и рядом на чисто меркантильных соображениях, могла исключить честное отношение к происходившим тогда событиям. Такова же подоплека поведения и многих теперешних «храбрецов»...

Тем более непонятно, как ухитряются многие, вернее — чуть ли не все наиболее влиятельные правители теперешней России, «в упор не видеть» и правильно оценивать прошлое хотя бы на уровне наиболее ярких и умных оппонентов Ленина из числа его современников! Не по их ли наущению, зависящие от власть и богатство имущих, руководители всех наших средств массовой информации, идеологи, главные редакторы наиболее влиятельных и многотиражных газет, модные публицисты и т. д. искажают, «перелицовывают» по сталинской методике 30-х годов, извращают до неузнаваемости главное из нашего прошлого и страшно многое из ныне происходящего? Случайно ли самые бесчестные, самые лживые печатные органы наших дней кое-кем объявляются не только свободными, но и раскрывающими «правду нашей истории»? Почему они особенно поощряются за беспрдельно бессовестное обливание грязью прежде всего В. И. Ленина?

Множество из самых темных и ожесточившихся оппонентов, а сплошь и рядом политических антиподов Ленина, очень многое пересмотрели в своих позициях сразу после окончания наиболее тяжелого периода гражданской войны и победоносного отбрасывания с территории родной страны всех иностранных интервенционистских войск. Патриарх Тихон назвал В. И. Ленина добрейшим человеком не «просто так», а когда точно уяснил, куда он ведет народ родной страны. Начал ли он понимать его уверенность, что в разгар чужеземного нашествия, внутреннего хаоса и неумолимого ожесточения сил внутренней контрреволюции и угрозы растаскивания России «по кускам», нельзя не отвечать ударом на удар, нельзя «пронять» кротостью тех, кто ведет борьбу на уничтожение? Трудно сказать. Но когда наиболее страшная опасность миновала, Ленин на глазах всей России тут же покончил даже с подобием красного террора, была объявлена широчайшая амнистия всем, включая самых «крутых» и непримиримых контрреволюционеров, находившихся в камерах смертников. Органы ВЧК снизу доверху были немедленно лишены права не только приводить в исполнение, но и выносить приговоры (тем более — смертные). Это было полностью выведено из сферы их компетенции, не говоря уже о том, что, как и после 25 октября 1917 года, решено было начать осуществление курса на полную отмену смертной казни по политическим мотивам.

Патриарх Тихон, как и другие иерархи православной церкви, все это не могли не оценить самым сочувственным образом. Тем более совесть не позволяла им не отдать должного гениально разработанной спасительной для народов нашей страны ленинской новой экономической политике, первые поразительно успешные и глубоко обнадеживающие результаты которой они успели заметить еще при жизни В. И. Ленина. Что же касается отца

Антония Романова, то он просто сказал перед своей кончиной: «Если Господь поможет завершить В. И. Ленину начатое дело, то за будущее России можно быть спокойным...» А сколько еще миллионов и миллионов людей поняли, что с таким лидером, как Ленин, можно не только найти подлинное взаимопонимание, но и действительно прийти к светлому будущему! Однако ленинское наследие было вскоре непоправимо изуродовано, извращено предельно. Смерть Ленина означала в конечном итоге переход во многом из самого ужасного за нашу многовековую историю в жизни народов нашей страны. От антиленинского переворота не спасли нас ни люди, ни сам Господь...

Начиная с конца 20-х годов, когда Сталин получил возможность безнаказанно начать на первых порах антиинтеллигентские процессы и в основном антикрестьянский геноцид, в скором времени трансформировавшийся в антинародный, то есть без «изъятия» нацеленный против всех наций, классов и социальных групп, шло всеохватывающее извращение и подрыв наиважнейшего из всего задуманного и свершенного под руководством В. И. Ленина и в соответствии с его идеями. Вполне логично в соответствии с этим с 1992 года взят курс не на подмену и извращение ленинизма, а на полное его обнаженно бесстыдное уничтожение. Потому-то столь многие в полном соответствии с руководящими «пожеланиями» и могут шельмовать В. И. Ленина, извлекая огромные политиканские и вождельно материальные дивиденды. В том числе и сваливая на него без зазрения совести всю вину за то, что на беду общенародную вытворяли и вытворяют самые бездарные, своекорыстно-беспринципные, да и подчас заведомо преступные правители (в основном в 30-е, 40-е и с 90-х годов) из числа дорывавшихся до бесконтрольной власти. Особенно охотно винят Ленина за «художества» сталинского времени...

Вот и «резвятся» политически преступнейшие элементы криминально бесчеловечного типа себе и еще кое-кому на потребу, вероломно направляя стихию слепой ярости (в том числе и за теперешнюю свою же преступно злодейскую корысть) именно против Ленина! Естественно, самые пробивные и изощренно хитрые корыстолюбцы делают все, чтобы народные массы не были бы ныне способны понять, что смешивают с грязью и растаптывают Деятеля и Человека уникально благородных созидательных ресурсов, многократно превосходящего в этом плане всех, кому выпало счастье (или несчастье...) жить и действовать далеко не только в условиях мучительно тяжкого недавно минувшего XX века! Как и того, что деяния нынешних бесчеловечно властвующих ради самообогащения заправилов опасны и для самого существования мировой цивилизации...

Фактов, подтверждающих якобы «вредоносность» В. И. Ленина, как и мнимую неправоту патриарха Тихона, придерживавшегося в отношении Владимира Ильича диаметрально противоположной нынешним правителям точки зрения, конечно, нет. Но это ни самих фальсификаторов, ни их открытых и скрытых покровителей не волнует: главное для них для всех — обмануть как можно больше народу, фактически чуть ли не полностью снимая ответственность даже с чудовища из чудовищ. То есть с ключевой и дьявольски многого, по сути дела все основное предопределявшей тогда в стране (30-е-начало 50-х годов) преступной натуры и ее последышей, включая нынешних! А значит — перекаладывая вину на того, кто ни малейшего отношения к геноциду, надломившему и ныне надламывающему наше общество, не имел и не мог иметь.

Главное — растоптать Ленина, подлинно социалистическую концепцию развития общества, пообещав ограбленному народу «светлое», а на деле — душегубски-хапужное будущее, и, парализовав почти все население, установить бесконтрольную власть. А блин годаря ее «рычагам» — совсем уж мерзко упиваться невиданной роскошью буквально на костях ими же миллионов и миллионов загубленных, на руинах подорванной и разваленной

оборотнями еще недавно великой и могучей страны... Неужто, подобно иным «светским» и церковным лидерам, Владимир Путин не понимает всего этого? Если ответ на данный вопрос окажется утвердительным, то поистине страшное будущее ожидает далеко не только многострадальное население нашей Родины!

6 Мнение множества обычных граждан, истерзанных ельцинщиной, по-своему смыкается с позицией известного философа (и многолетнего диссидента не только застойных времен), Александра Зиновьева, тоже обнажающего губительную и отвратную суть ельцинского режима. «Как в западной, так и в российской пропаганде без устали твердят о том, будто перед Россией стоит выбор — демократия или коммунизм. Это пропагандистская ложь. Такого выбора нет. Демократия — это кусочек западной политической системы, кусочек показной, предназначенный в основном для оболванивания масс и не исчерпывающий сущности западной политической системы. Коммунизм же — это социальный строй общества, включающий в себя политическую систему, социальную организацию населения, экономику, идеологию, культуру и образ жизни... выбор в России есть. Но не между демократией и коммунизмом. Коммунистический социальный строй в России разрушен. Грабят Россию, рвут на куски, прикрываясь ложными лозунгами демократии. В перспективе — полное разрушение и расчленение России, превращение ее в зону западной колонизации. В перспективе — истребление русского народа как великого народа. Выбор есть: с кем ты, молодой русский человек? С теми, кто грабит и разрушает Россию, кто убивает твой народ, или ты против них — вот в чем твой выбор!» («Правда», 15 июня 1996 года)

А разве не стоило бы патриарху хоть мало-мальски честно и объективно подойти к мнению талантливого артиста Юрия Назарова — человека на редкость доброго, умного, чистого и совестливого: «Коммунизм — величайшая идея, мысль, осознание, что смысл жизни — да и счастье! — только в служении людям, обществу. Не самому себе. Самому себе — скучно, бесперспективно. И приводит в тупик. Веселился, юноша, в юные года, — с безысходной грустью замечали древние, — пока не пришли годы, когда ты скажешь: «Нет мне от них удовольствия...» А в коммунизме-альтруизме — простор! Никаких тупиков! (...) Да этой мысли..., этому открытию служила и служит вся мировая художественная культура! А мы ее нынче, идею эту, предали — вот и результат.

«Миф», «утопия» — твердят о коммунизме и «демократы», и консерваторы, и православные, и кому только не лень... А что же вы, господа хорошие, не устаете миф этот, эту утопию топтать? (...) К чему звали и марксисты, и большевики, и вся мировая классика: к просвещению, к образованию, к пониманию, что нельзя жить в обществе и быть свободным от общества, от обязанностей перед ним. Пользоваться всем, что общество дало, но жить только для себя. Нечестно это. Непорядочно, несправедливо. Да и неразумно. (...) Я не приемлю всеми фибрами души меркантильность и вообще превозношение ценности денег, капитала над человеческими ценностями. Да во всей мировой классике назовите хотя бы единственный пример сочувствия автора интересам денежного мешка, а не интересам и устремлениям души человеческой. Побеждали интересы денег? Побеждали, почти всегда. Праведно побеждали? Да никогда! Случайно нарекли их, деньги, «желтым дьяволом»?

Стало быть, я исповедую советскую идеологию. Советскую, социалистическую, коммунистическую. То есть ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ. Не звериную, не эгоистическую, не индивидуалистическую. И альтернативы этой идеологии никакой не вижу. Меня коммунизм как идея, как мирообъяснение и миропонимание привлек к себе когда-то своей РАЗУМНОСТЬЮ и бесспорной НАУЧНОСТЬЮ. Чего у антикоммунистов не наблюдается. Ни разумности, ни научности. (...) Иисус Христос пошел на крестные муки ради спасения человечества в рус-

ле этой же идеологии. Ведь главное в христианстве не просто жертвенность... Подвигом считалось служение Богу, значит — Разуму, Согласию, Правде, Миру, Справедливости. Ближнему своему — стало быть, людям, обществу! (...) Я за коммунизм. За философский, научный коммунизм, который единственный представляется мне целью, перспективой, направлением куда-то к жизни, к творчеству, к развитию. К продолжению жизни. Не моей — так внуков, правнуков и дальше! А звериный антикоммунизм — это гроб. И детям, и будущему, и России. А возможно, и миру» («Правда», 15 июня 1996 г.).

Почему патриарх «в упор не видит» даже то, о чем свидетельствует американский журнал «Тайм»? «С первой и до последней остановки Ельцина сопровождали (в Ярославле. — Г. Н.) резкие выкрики. «Да, в магазинах продукты есть, но кто их может купить?» — кричала старушка, тыча пальцами президенту в лицо; «Где наша зарплата?» — спрашивал молодой заводской рабочий; «Наши вклады обесценились!» — заявил электрик средних лет. Человек в приличном костюме произнес более тихо и спокойно: «Вы нас только обещаниями кормите, но ничего не происходит». Жалобы на преступность, безработицу, коррупцию и растущий разрыв между богатыми и бедными составили дружный хор недовольных голосов. (...)

«Различные аспекты того, что мы называем реформой, у многих россиян ассоциируются не с лучшим будущим, а с трудностями», — поясняет заместитель госсекретаря США (и бывший редактор журнала «Тайм») Струоб Тэлботт, отвечающий за политику администрации Клинтона в отношении России. «И преступность, и коррупция пустили широкие и глубокие корни, — говорит Тэлботт. — Они крайне мешают России оставаться верной курсу реформ. Поэтому россияне нередко отождествляют реформу не только с трудностями, но также с физической угрозой и вопиющим неравенством». (...) Такова ситуация, в которой Ельцин борется за переизбрание. Он навлек на свою голову многочисленные проблемы — допустив расцвет преступности и коррупции, позволив узкой группе людей обогатиться на приватизации, вторгнувшись в Чечню. (...) В то же время российское телевидение день за днем рисует блистательный образ Ельцина» («Правда России», 13.06.96.).

Неужто и впрямь вновь восторжествует очередная омерзительно грязная кривда? Делается просто не по себе при мысли о том, что могут оказаться обреченными на забвение десятки миллионов голосов россиян, поданных против Ельцина в июне 1996 г., как и сказанные в конце 1993 года слова горькой правды человеком, искренне пытавшимся помешать торжеству кривды во имя торжества истины. «Я был на всех митингах под балконом Белого дома. Видеокамера сохранила мне сотни лиц и орущих ртов, я, как человек, плохо ли, хорошо ли, но всю свою жизнь поставивший поперек коммунистической идеологии, берусь утверждать, что видел перед собой людей ВЕРЯЩИХ, СТРАДАЮЩИХ за осквернение идеалов, оскорбленных откровенным, вызывающим хамством новых хозяев жизни и их интеллигентноречивых холуев... Передо мной была наиболее доверчивая, простосердечная часть МОЕГО народа, которая до конца, до самого последнего дня верила в то, что можно построить на земле государство всеобщей справедливости, что именно такую попытку сделала Россия руками большевиков, что, наконец, в последнее время (или в предпоследнее) близки мы, дескать, были к построению нормального национального государства, идущего МИРНО по пути социального новаторства, что преданные разложившейся партийной верхушкой, обязаны они, ВЕРЯЩИЕ в реальность осуществления вековой мечты человечества, отстоять ее, мечту, против запродавцев мирового капитала, разваливших страну, повергнувших в нищету и беспросветность трудового человека» (Журнал «Москва». № 11 1993 г. С. 5 из статьи Леонида Бородин «Советский интеллигент в интерьере мятежа»). Могли ли власть имущие, олицетворяемые Ельциным, прислушаться к таким словам? Нет!!!

Неужто патриарх навсегда обречен остаться в их числе? Сомневаться не приходится: совсем не случайно подчас бесконечно много перестрадавшие бывшие диссиденты из числа наиболее самобытных, за редкими исключениями, ведут себя тысячекратно честнее, совестливее, порядочнее, чем их многолетние политические антиподы периода застоя типа Ельцина, главных его соратников номенклатурного или почти номенклатурного происхождения, примыкающих к ним самозванных «властителей дум», именующих себя духовной элитой. Столь же закономерно и то, что главным оружием этих «новых» хозяев жизни являются не только танки, БМП и прочее, «укомплектованное» особо доверенными «кадрами, решающими все»... Но и одурманивающие массовое сознание вообще (и в сущности целеустремленно оболванивающие молодежь — в особенности), гигантские по «охвату» информационно-пропагандистские «сгустки» гнуснейшей лжи, приписывающей опаснейшие для общества пороки очередных заправил их политическим оппонентам!

Нет, не случайно тысячи защитников Дома Советов 1993 года были объявлены фашистами, заслуживающими по этому случаю беспощадного уничтожения! (Один из «демократических» функционеров даже заявил, что всех там находившихся надо было «раздавить как клопов», ни одного живым не выпуская...) И это — только потому, что, ничего общего с фашизмом не имея, они настаивали на одновременных выборах и парламента России, и президента, преступно антинародный курс которого не вызывал у них сомнения, тем более — после издания 21 сентября указа, неопровержимо свидетельствовавшего о жажде еще более бесконтрольной и пагубной для многих миллионов обездоленных, власти. Разве не те же праведные, благородные побуждения владели, например, молодым офицером, вместе с несколькими десятками совсем юных, необстрелянных солдат, которых он решил возглавить, в попытке прорваться к Белому дому для его защиты? Окруженный многократно превосходящими силами, он застрелился, чтобы не попасть в руки тех, кто командовал заградотрядами то ли из ведомства генерала Грачева, то ли Ерина. Звание Героя надо бы присвоить именно этому молодому офицеру посмертно вместо осквернения его памяти фальшиво-лицемерными обвинениями в предательстве народных интересов. А отнюдь не Ерину — ничем не рисковавшему тогдашнему главе МВД!

Вновь старшие поколения вынуждены любоваться воистину фарсовым «повторением истории» с элементами болезнетворной, всеразлагающей «новизны!» Помимо всего прочего, проявляется это и в абсолютно бессовестном восхвалении, возвеличивании, награждении никудышных, а то и зоологически жестоких функционеров (по принципу личной преданности), и в столь же беспринципном сбрасывании (в полном соответствии с личной корыстью властителя) любого из них. Это не может не сочетаться с абсолютно аморальным отношением к нуждам и чаяниям народным, к судьбе родины нашей, вообще ко всему, заслуживающему самого бережного отношения! Остается лишь надеяться, что подобного рода губительный для общества «синдром» духовной и морально-этической неполноценности светских и церковных иерархов, будет хотя бы нейтрализован (если не ликвидирован) как можно скорее...

В этом плане заслуживает внимания и мнение такого жесткого и непреклонного антикоммуниста, как Александр Минкин. «Людей обольщают рейтингами Ельцина. Еще недавно были стабильные 6 %... Чем же так быстро смог он завоевать десятки миллионов сердец? Танцует с девушками, покупает матрешек и воблу, дарит десятки миллиардов то на конфетную фабрику, то на новую казарму. (...) А... на совести Чеченская война (80 тысяч убитых), и ежедневно летят домой цинковые ящики — «груз 200». Производство разорено, наука разорена. Преступность беспредельна. Коррупция... Смертность... А кто виноват? Плохие министры? Зачем же... взял их на работу? И почему не гонит в три шеи, не сажает в тюрьму? (...)

А кремлевский режим неизлечимо болен. У него нет никакой политики, у него есть только предвыборная агитация. Пять лет подряд падает рубль, сбережения уничтожены, Чубайс всю страну обманул ваучерами (не ошибся, а сознательно обманул). Кремлевский режим доказал, что не может спасти экономику. Он занят только спасением самого себя. Помните, гордый собою Ельцин 15 февраля, объявляя себя кандидатом, восклицает в Свердловске: «Я нашел деньги! На выплату всех долгов! В марте!» (...) Откуда же свалились эти десятки триллионов, что Ельцин «нашел» на погашение всех долгов? В алхимию сейчас никто не верит. Значит, опять или золото продали, или фальшивых бумажек напечатали, или в долг взяли. Это не экономика, это даже не латание дыр (латка по бедности — вещь неплохая). Это типичное поведение пропойцы, который или тащит из дому на продажу что попало, или стреляет трешку до среды, потому что ему «сейчас нужно». Это — судороги. Кремлю «сейчас нужно» — вот он и дергается. (...) Все к выборам: и выплаты, и подарки, и мирные планы. Но это не политика — это показуха. К визиту начальства в гарнизонах красят траву в зеленый цвет.

Так и Кремль. Он красит траву к визиту граждан на избирательные участки. А в это время чуть ли не ежедневно «неопознанные бомбардировщики» бомбят территорию России. Верховный главнокомандующий приказывает: «Мир!» Армия слышит «Пли!» А мы удивляемся, что это за верховный? Как же так? А так. Режим болен. Он не отвечает за свои слова, за свои поступки. Он просит трешку до среды, он красит траву, он симулирует борьбу с коррупцией, и одиозный министр обороны будет уволен не за то, что в его армии солдаты умирают с голоду, не за воровство, не за кавказскую катастрофу, а когда станет выгодно и удобно. И несмотря на все это, газеты и ТВ, гайдары и шумейки, лирики, сатирики и народные артисты настаивают: «Выбери Ельцина!» Какой же безответственностью, каким цинизмом надо обладать, чтобы в нашей тяжелейшей ситуации навязывать стране старого, тяжелобольного, часто совершенно неадекватного человека, который в последнее время оживает лишь по торжественным дням при виде молодух в кокошниках. Ведь это точная копия брежневского застоя, когда сама мысль о смене генсека — будь он хоть в параличе — казалась преступной (...)

Когда Чубайса выбросили из правительства, президент проводил его унизительным пинком, сказав: «Убрали бы Чубайса раньше — блок Черномырдина получил бы на выборах не 10, а все 20 процентов». Но приватизатор — как истинный чиновник — не обиделся. Чубайс сообщил, что займется обработкой самых богатых предпринимателей, чтобы сосредоточить огромные средства и ни при каких условиях не допустить победы коммунистов... Энтузиазм очевиден. Неочевидна причина чубайсовского энтузиазма. Может, Чубайс искренне верит, что Ельцин — демократ, а может, Чубайс догадывается, что любой другой режим возбудит уголовное дело о ваучерной приватизации. Первая часть плана удалась. Средства Чубайс собрал огромные: по разным оценкам, от 500 миллионов до миллиарда долларов. (Порядок суммы сопоставим с расходами на чеченскую войну.) Можно огорчаться, что солдаты мрут с голоду, что чернобыльские ликвидаторы подыхают без лекарств... Можно и гордиться: Президент России минимум в двадцать раз дороже американского. (...) Какие бы тысячные съезды ни собирали в 1993–1995 годах гайдары и черномырдины; сколько бы знаменитых артистов ни торговали лицом в Кремле; сколько бы икры ни скамливали делегатам «ОЛБИ» и «Газпром»; сколько бы ни торчали в телевизорах предводители партии власти, нарушая законы и нормы... — результат получался катастрофический. Но команда Ельцина, веря в силу денег и преданность чиновников, наступила на те же грабли. А во что им еще верить? Бог не может быть на их стороне — это понимают даже кремлевские атеисты, ибо лгут, воруют, проливают кровь (одобрение Патриарха тут не поможет). (...) (Подчеркнуто мною. — Г. Н.)

Сделав свой выбор, они хотят и себя, и нас убедить, что это по принципу, по совести. И, значит, любой, кто не сделал так же, — враг. Ибо его неучастие раздражает: ишь, чистеньким хочет остаться. А ведь это естественное желание. Заметьте, в чем укоряют грязные: в чистоте. Заметьте, чем укоряют дураки: шибко умный... Посмотрите, что сделал с собой Гайдар. А ради чего? Ради принципа? Этот принцип известен: любой ценой остаться в политике. Провалился в Думу, и нет чтобы присмиреть от такого откровенного народного отношения, стал пытаться выдвигать президентов и решать: кто подходит России — кто не подходит. И началось: Черномырдин, Немцов, Солженицын, Ульянов, опять Немцов. И вот после торжественной клятвы, что расстался с Ельциным навсегда, всего лишь через два месяца Гайдар приполз обратно. Приполз, хотя вряд ли его звали (во всяком случае Ельцин ни слова благодарности Гайдари не сказал). Приполз, подтвердив убийственные слова Ельцина: «А куда они денутся? Все равно за меня будут». Покорно приполз к Ельцину и Б. Федоров, уж не клеймит более ни правительство, ни Черномырдина, но это значит, что он обманул всех, кто по наивности голосовал за него...» («Новая газета», 10.06.96. № 21).

А вот режиссеру Марку Захарову «приползать» к Ельцину не приходилось и не приходится, ибо он ни на телеэкране, ни в прессе никогда ни в чем тому не возражал. Предпочитая восхищаться его натурой чуть ли не во всем, включая и многое, хуже чем сомнительное, вплоть до чего-то вроде номенклатурно-гипнотических навыков прямо-таки парализующего действия... Захаров рассказывает, вспоминая, как тот на съезде «смотрел людям в глаза, а все были как кролики перед удавом, заморожены его силой и мощью»?! Почему-то именно такая сценка, видимо, навсегда лишила совести бывшего «коммуниста», с самокламным упоением уничтожившего свой партбилет.

Вполне может даже растрогать в поведении заведомого грешника способность проявлять хотя бы подобие элементарной совестливости. Впрочем, возможно, всего лишь по какой-то необъяснимой наивности Марк Захаров все еще не стесняется восхищаться собственной беспринципностью: «...когда мне сказали — если хочешь получить театр — вступи в партию, я вступил. И через два месяца меня назначили главным режиссером — так-то были условия игры. Те, кто умел и хотел работать, очень часто должны были входить в номенклатуру» («Труд» 28.06.96. С. 10). «Сколько же таких «пролаз» должно было заполнить, начиная со времен сталинского всевластия, номенклатурные «ниши» вплоть до уровня ЦК и Политбюро, чтобы подорвать ленинскую концепцию общественного развития, а со временем — нанести, возможно, смертельный удар по СССР и великим идеям!

Чтобы это удалось, ренегаты подобной «модификации» должны были стать мощнейшей силой. Запрограммировано же все это, как и гибель многих, страшно многих миллионов сограждан (включая и огромную массу, которую буквально сжили со света в годы торжествующей ельцинщины), было тогда, когда положили «под сукно» ленинское требование принимать в партию и тем более — выдвигать на ответственные посты только на основе соблюдения демократических норм, отбрасывая все шкурно-грязное, хапужно-своекорыстное, преступно властолюбивое. То есть, как писал В. И. Ленин, «проверяя беспартийными работу партийцев», причем даже чистки партии от переродившихся и коррумпированных элементов на предприятиях и в учреждениях проводились на общих собраниях с непрерывным активным и полноправным участием беспартийных масс...

Владимир Ильич раньше и тверже, чем кто-либо предостерегал от ловко перекрашивающихся проходимцев, жаждущих «теплых местечек», тех, кто, дорвавшись до них, будучи изошренными приспособленцами, становятся комбюрократами. Как же ненавистны были ему бесчестные, паразитарно-бюрократические элементы, жаждущие только власти и привилегий! Как настойчиво предостерегал он от ликвидации партмаксимума, радикально

обуздывавшего неумные аппетиты прохиндеев карьеристского, то есть глубоко антисоциалистического типа! И как точно рассчитал выгоду свою и себе подобных Сталин, отменивший партмаксимум при первой возможности. Так было покончено с установкой В. И. Ленина о зарплате аппаратчиков и всех им подобных, не превышающей заработка высококвалифицированных рабочих...

Столь же не случайно неустанно требовал В. И. Ленин беспощадного изгнания лишних чиновников, сокращения «разбухающих» штатов, смещения коммунистов, не склонных учиться управлению всерьез во имя общественного, а отнюдь не собственного корыстного блага! Как же он был прав, утверждая, что худший из врагов Советской власти — бюрократ! И какой неиссякаемой настойчивости требует борьба с ним. Как это важно и насущно! Именно здесь таится решающая подоплека зоологической ненависти, как ни к кому иному, именно к Владимиру Ильичу Ленину, таких, как Б. Ельцин и ему подобных. Это поистине смертельно опасно для нашего общества.

Исключительное тревожное впечатление производит и то, что эти элементарные вещи «вдруг» оказались вне понимания даже церковного иерарха № 1, тоже начавшего подерживать подчас крайне дурное, а то и ужасное из происходившего прежде и происходящего ныне. Если же станет необратимым соучастие во всем этом руководства российского православия в полном составе, то гибель России станет фактом. Симптоматично, что более чем за семь последних десятилетий в православной церкви России, пожалуй, не было более политизированного патриарха, чем нынешний, хотя в качестве церковного главы он без тени смущения постоянно дает понять, будто он сам и его приближенные ничего общего с политикой не имеют... В действительности на протяжении начала 90-х, вплоть до 02.07.96., когда предвыборная агитация была уже (за сутки до 2 тура) официально категорически запрещена, все факты свидетельствуют о диаметрально противоположном! Как раз в этот день «Известия» (проельцинские во всем определяющем) опубликовали «Слово Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II», обращенное к многомиллионной массе избирателей, ситуация вновь обнажилась вполне определенно. А глава церкви, вопреки всем своим декларациям о «невмешательстве», «объективности», заботе «о благе народном», предстал ловким, расчетливым мастером пропаганды.

Нет, патриарх не нарушил формальных «канонов», запрещающих накануне дня выборов агитировать, скажем, за Ельцина, столь любезного его сердцу. Он «просто» на 1-й и 2-й газетных полосах призывал «в этот очень судьбоносный момент в жизни России» сделать «правильный выбор». А это означало, что миллионы верующих и других наших сограждан, помнящих, как на протяжении многих месяцев и патриарх, и действующий в «русле» его установок огромный и бурно растущий церковный идеологический аппарат, превозносили Ельцина, просто не могли не отдать ему свои голоса... Трудно сказать, насколько велик «церковный» вклад в результаты выборов 3 июля 1996 года, но можно не сомневаться в том, что он колоссален, а, возможно, и решающ. Со всеми вытекающими отсюда роковыми последствиями для духовного, нравственного, да и физического здоровья десятков миллионов россиян и прежде всего — самых ограбленных и обездоленных!

Делается совершенно не по себе, когда видишь, как патриарх систематически демонстрирует свои непорядочные политикански ангажированные пристрастия к буржуазно-монархическим «прелестям», сочетая это с проявлениями агрессивной необузданной ненависти к социалистической концепции общественного развития. При этом он, как и «светские» псевдодемократы, не брезгует объявлять истинными проявлениями социализма самые чудовищные извращения и злодеяния 30-х — 40-х годов — явления органически антисоциалистического характера.

Любопытно, что патриарх за долгие месяцы ни разу не коснулся критически реальных зол прошлого и дня сегодняшнего. К примеру, он ни разу не осудил конкретно Сталина, хотя именно его было надо критиковать, чтобы попытаться «выправить» опасные мировоззренческие «вывихи», кое в чем политически самоубийственно противостоящие гуманистически-прогрессивной концепции общественного развития. Почему бы патриарху, скажем, не возразить тем политикам разной ориентации, кто систематически восхваляя Сталина, умалчивает о губительно разлагающих последствиях его владычества, ставшего к концу 30-х годов совершенно бесконтрольным? Не связан ли отказ от восстановления исторической правды патриархом с уверенностью, что хуже чем субъективистски ослепленное (а кое-кем и воровски извращенное) «видение» нашего прошлого «работает» именно и только на пользу Ельцину? Во всяком случае гигантская информационно-идеологическая машина «партии власти» прямо-таки «до упора» использовала просталинистские «завихрения» своих оппонентов, внушив многим миллионам людей, будто КПРФ только и мечтает возродить массовые аресты, пытки, расстрелы по политическим статьям, голод и прочие «прелести» сталинщины...

Зато молчаливо поощряя самое злое в нашем прошлом, патриарх и 2 июля не отказался от активнейшего самоличного участия в вынесении политического приговора мировоззренчески «нежелательным» согражданам дня сегодняшнего и дней минувших. До чего же ему, как и всем активным сторонникам ельцинского режима, хочется раз и навсегда уничтожить великие и благороднейшие в своей истинной человечности социалистические идеалы, отнюдь не противоречащие Христовым заповедям! Без намека на подобие чувства неловкости, патриарх из своих покоев в Свято-Даниловом монастыре вещал, что каждый голосующий «выбирает дальнейший путь России» и тревожно вопрошал, «не вернемся ли мы к трагическому прошлому, которое пришлось пережить», «когда были и репрессии, и гонения...»

Упомянув о совсем уж недопустимом, имевшем место в нашей стране в 30-е и иные подобные годы, патриарх упомянул и о бедствиях, пережитых церковью. Но при этом ни единым словом не обмолвился о том, что все это практически целиком было неразрывно связано с десятилетиями уродовавшего страну тиранического властвования Сталина, что после смерти диктатора многое (в том числе и в церковной сфере) начало меняться к лучшему. Конечно, немалая часть служителей церкви в материальном отношении беспрецедентно выгадала благодаря приходу к власти Ельцина, но разве честно умалчивать об улучшении общественной ситуации еще и в послесталинский период, после устранения самых опасных извращений в целом общественно позитивного хрущевского периода, и во времена М. С. Горбачева! До чего же хочется патриарху «пристроиться» к сверхбесчестной ельцинской установке о мнимом «сплошном кошмаре» вообще всего, имевшего место после Октября 1917 года! Вопреки даже полунамеку на правду истории...

Для чего? Главным образом для того, чтобы «обелить» все ужасающе бесчеловечное, всеразлагающее и всеразрушительное, что с омерзительным своекорыстием внедрялось в нашу жизнь с конца 1991 года! Как можно, зная о десятках миллионов, сброшенных в пучину бедствий, нищеты, голода, деморализации, о сотнях и сотнях тысяч, ежегодно вымирающих по этой причине, хитренько рассуждать о том, будто все обстоит как обычно, в сущности — нормально! Дескать, «у людей при любой власти возникают трудные моменты в жизни. Кажется, что твой, собственный крест настолько тяжел, что выше сил человеческих». Что делать? Оказывается надо всего лишь «оглянуться на окружающих», которых еще тяжелее, но они реагируют «с терпением» и «без ожесточения»... И всего делов-то! Даже массами вымирая от нищеты и голода, от бедности, исключавшей хотя бы сносное лечение, за которое надо платить суммы теперь колоссальные, непосильные для огромного большинства честных тружеников, надобно вести себя робко и покорно!

Патриарха вроде бы совершенно не тревожит даже несправедливо-паразитарное обогащение хуже чем сомнительного аппаратно-коррупционно-криминального меньшинства за счет преступно разоряемого большинства, причем буквально на костях немалой его части! Как же можно равнодушно любоваться все шире разрезающейся пропастью между «новыми» богатыми и бурно растущей гигантской массой бедняков! Вот и в таком новшестве патриарх не видит ничего плохого! Так и должно быть: и в прекрасные дореволюционные времена все обстояло так же в общем-то «благополучно», что авторитетно подтверждено патриархом. Черным по белому: «И в дореволюционной России люди делились на бедных и богатых. Но богатые были благотворителями и осознавали как свой долг творения блага для ближних. До сих пор мы пользуемся и больницами, и приютами, и богадельнями, которые были построены на деньги богатых для бедных» («Известия», 2 июля 1996 г.).

Сплошное благолепие! Да неужто патриарх не знает о регулярно обрушивавшихся на бедняков дореволюционной России голодных годах, сочетавшихся со смертоносными эпидемиями с миллионными жертвами? Разве ему не ведомы страдания огромных крестьянских масс от малоземелья, от помещичьей кабалы, им предприняемой, об ужасном медицинском обслуживании бедняков города и деревни, о потрясающе короткой средней продолжительности жизни «низов»? А чего стоит до сих пор «незамеченная» патриархом в России до 1917 года безграмотность огромного большинства населения, безграмотность, в основном ликвидированная только при Советской власти! Да как может патриарх не знать, что сразу же после победоносного завершения спасительной для страны борьбы против иностранных агрессоров и их белогвардейских ставленников руководящего ранга, полностью от них зависевших, обстановка в Советской России начала кардинально меняться к лучшему во всех жизненно насущных отношениях. А как нынешний глава церкви может помалкивать о том, кто с конца 20-х годов возглавил и осуществил пагубнейший антиленинский переворот с наипачайшими последствиями.

Само собой разумеется, последние полтора десятка лет «по церковной части» тоже, как и во всем, извращается наиважнейшее. И здесь, к примеру, массовое сознание парализуется и уродуется так же, как и во всем, связанном с гениально спасительным курсом В. И. Ленина в сферах конкретной экономики. Скрыто и то, что благодаря ленинскому НЭПу начался расцвет сельского хозяйства и других отраслей экономики. Люди начали питаться невиданно хорошо, и это было подорвано лишь преступно проведенной по-сталински коллективизацией, раскулачиванием и многим иным, аналогично гибельным. Однако до чего же нужно кое-кому извратить историю!!! Из нынешних бед теперешний патриарх видит лишь такой выход: «Если наши современные состоятельные люди тоже воспримут дух благотворительности, дух помощи нуждающимся, то тем, кому трудно сегодня, завтра легче будет переносить трудности. То, что было отличительным свойством российского предпринимательства — меценатство, — оно должно возвращаться в нашу жизнь». (Там же.) Вот и вся, с позволения сказать, «спасительная» установка патриарха! Главное — облить грязью революцию, спасшую страну, Советскую Россию и ее великого лидера, а также, разумеется, подлинно социалистические идеалы! И слава «новому» дико-криминальному капитализму, с наипреступнейшей бесчеловечностью обрушенному на многие десятки миллионов наших соотечественников, фатально «завершив» жизненный путь неисчислимого множества из них!

Вот, к примеру, в очередной (из множества других) раз нынешний патриарх 15 мая 2004 г. по телеканалу «Культура» яростно провозглашал, будто все зло в России вплоть до дней текущих берет начало с революции, как якобы первоосновы всего наихудшего в стране и мире!

Вполне «естественно» в связи с таким курсом и личным «настроением», видимо, не мог не оказаться и визит патриарха Алексия к Борису Ельцину с поздравлением, выражением глубочайшего почтения и драгоценным подарком. В связи с чем? Всего лишь «по случаю» 71-го года рождения Б. Ельцина: произошло это 1 февраля 2002 года... Как могло случиться такое, невзирая на беспредельное, страшное зло распада и деградации, обрушенное на Родину нашу, в огромной степени предрешенное тем, кого патриарх не стыдился возвеличивать?

Между прочим, теперешний глава русской православной церкви иногда примечает и кое-что очень скверное, но винит в нем отнюдь не «царя Бориса» и наиболее зловещих из его прихлебателей. Например: «В западных странах работает мощная индустрия растления, в невероятных количествах поставляющая в Россию порнографические издания, пособия по программам так называемого полового воспитания, которые рекламируют разврат во всех его видах, явочным порядком легализуют жизнь по образу Содомы и Гоморры. Патриарх Алексий II» (Газета «Труд», 22.12.2000 г.). Но ведь все это «по-тихому» не просто допускается, но и всемерно стимулируется с конца 1991 г., то есть с момента прихода к бесконтрольной власти Бориса Ельцина, очень желанного таким, как патриарх!

И данная, и любая другая корыстнейше пагубная, всеразлагающая грязь, буквально как воздух нужна для дальнейшего укрепления криминально капиталистического режима, обогащающего коррупционно-воровские элементы, вплоть до явно бандитских, способных на все из самого ужасного! Даже на всемерную стимуляцию ради беспредельного самообогащения вымирания многих миллионов особо беззащитных честных тружеников и их детей! Но как раз об этом помалкивает уже многолетний руководитель православной церкви нынешнего «этапа»! Разумеется, его вполне устраивает, по всем данным, непрерывное шельмование революции 1917 года и ее гениального, человечнейше спасительного лидера, при котором было немислимо поощрение всей теперешней бесчеловечнейше регрессивнейшей грязи, включая и ту, о которой мельком упомянул патриарх в вышеприведенных строках.

Лично автору этих строк не доводилось прочитать сколько-нибудь научно обоснованного патриархом Алексием II объяснения подоплеку его органического неприятия на грани агрессивнейшей ненависти по отношению к революции Октября 1917 года и хоть чего-то аналогичного, адресованного непосредственно Владимиру Ильичу Ленину. В данной связи я не мог не припомнить информации, полученной весьма давно из очень надежного источника о позиции по проблемам гигантской значимости человека на редкость мудрого, многоопытного и исключительно объективного, скончавшегося на 103-м году жизни в начале 20-х годов XX-го века.

Речь пойдет о мнении Курского протоиерея отца Антония Романова, узнавшего и поведавшего бесконечно многое особенно после того, как ему суждено было стать личным духовником фельдмаршала князя Бярятинского. (Того, которому довелось победно завершить еще ту нескончаемо долгую Кавказскую войну, взяв в плен Шамиля...) Думается, отец Антоний имел немалые заслуги и непосредственно перед православной церковью, за что ему была вручена патриаршая митра во времена, последовавшие после того, как на пост главы православия был избран по реальным заслугам святейший патриарх Тихон — натура очень сложная, но, безусловно, честная.

Думается, весьма многое довелось почерпнуть младшей внучке отца Антония, Наташе, в ходе ее доверительных бесед с ним незадолго до его кончины. Особенно неожиданными для совсем еще юной девушки были слова глубоко религиозного деда о том, что В. И. Ленин не только человек редчайших способностей, но вершащий дело в сущности богоугодное, то есть доброе и уж точно на благо народа нашего и, конечно, ради спасения России от распада... Этот совсем, совсем старый человек, доживший до обнародования и

первых шагов по непосредственной реализации НЭПа и ленинского же курса на всестороннюю гуманизацию общества и решительного внедрения подлинных норм законности, ставших возможными в условиях наступившего мирного времени, умиротворенно принял приближающуюся кончину, до последнего часа сохраняя ясность ума.

Этому совсем, совсем тихо, но мудро уходящему в небытие безмерно доброму и всесторонне осведомленному священнослужителю было с кем сравнивать В. И. Ленина. И с крайне жестоким примитивно и беспросветно, страшно многое реакционно всепарализующим в нашей стране Николаем I (по прозвищу Палкин). Тем самым, которого Фридрих Энгельс совершенно справедливо квалифицировал в качестве «самодовольной посредственности с кругозором ротного командира», доведшего Россию до крепостнически окаменевшего режима особо зловещего типа и до на редкость непристойного позорища по результатам Крымской войны. И с подстать ему чуть ли не во всем его внуком Александром III, парализовавшим все лучшее, что было сделано и общественно позитивно спасительно для династии задумано Александром II — единственным прогрессивным и перспективным реформатором за всю 300-летнюю династию Романовых!

А до чего же беспросветным и в сущности самоубийственно всеразлагающим было все, происходившее на глазах у отца Антония, в действиях несчастного последнего царя Николая II, с детства мировоззренчески изуродованного Александром III и К. Победоносцевым! Сколько же при последней царской чете произошло не только патологически бездарного, но и ужасающе пагубного по ее вине. В основном начиная с ужасной бойни 9 января 1905 г., прозванной Кровавым воскресеньем, а особенно в связи с массовыми убийствами времен столыпинских военно-полевых судов и тысяч виселиц, невиданных в цивилизованных странах уже в то, еще очень сложное время.

Возможно, в немалой степени, вследствие таких деяний к последнему самодержцу из династии Романовых «приросло» прозвище Николай Кровавый. Можно догадаться, как бы оценил поведение теперешнего патриарха, видимо, сыгравшего первостепенную роль в причислении к лику святых последних царя и царицу, отец Антоний...

В современных условиях, думается, отнюдь не лишне призадуматься и над нижеследующей публикацией Георгия Никанорова в «Независимой газете» от 23 января 1999 г. (С. 8.), озаглавленной: «С Лениным борются, Ленина шельмуют, на Ленина молются».

«На страницах «Независимой газеты» начало появляться нечто недопустимое для настоящего добротного печатного органа. Например, в приложении, посвященном религиозной проблематике, 23.01.1998 г., очень тревожит немало строк, крайне тенденциозных, органически не совместимых с правдой истории. Появилось это «по случаю» 80-летия «Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществ» от 20 января 1918 г. Чего стоит хотя бы то, как «звучит» название данной публикации и ее подзаголовок: «Скорбный юбилей ленинского декрета. С первых дней советской власти государство выступило жестоким и коварным врагом Церкви. Физическое истребление Церкви и уничтожение ее влияния на население входило в «первоочередные задачи советской власти».

Разумеется, ничего подобного в декрете не было и быть не могло! До чего же это и многое иное на данной газетной полосе поражает своим всеизвращающим субъективистским произволом сугубо сталинской «модификации». Здесь же, как водится с конца 1991 г., во множестве печатных органов и на телевидении, в качестве оскверняемого объекта специфически пропагандистского «внимания» помещена фотография В. И. Ленина не в связи с 74-й годовщиной его мученической кончины, а ради шельмования наиболее действенного за все века нашей истории поборника спасительных перемен в жизни отнюдь не только народов России.

Есть своя на редкость зловещая закономерность в том, что ныне почти всеохватывающе срабатывает преступнейшая в своей корысти руководящая установка: всегда и во всем (в том числе и по «религиозно-церковной» части) обвинять именно Владимира Ильича! А отнюдь не истинного виновника душегубного беспредела, то есть Сталина. Будто при Ленине происходило то, что творилось многие годы спустя после его смерти в результате преступнейшего, по сути дела, антисоциалистического, переворота! Ленину приписывают то, что ему не доводилось видеть не только наяву, но и в кошмарнейшем сне. Гнусно, что после начала крайнего обострения фатально непоправимого и неизлечимого заболевания В. И. Ленина, в ходе ряда процессов пострадали некоторые наши сограждане, причем неоправданно были приговорены к расстрелу несколько человек, включая и духовных лиц, но до какой же степени бессовестно «подталкивать» массовое сознание к восприятию сверхаморальной «информации» о том, будто тысячи священнослужителей, загубленных, да и открыто расстрелянных в 30-е годы, пострадали по воле Ленина!

Да, после мучительнейшего физического и психологического надлома в результате неизлечимой болезни В. И. Ленин просто не мог разобраться в ходе антицерковных судебных «разборок», а потому были вынесены неоправданные смертные приговоры нескольким духовным лицам, но как же можно «обыгрывать» это так, что у людей, расчетливо лишенных ныне честной исторической познавательной основы, возникает впечатление, что В. И. Ленин виновен в смерти десятков и десятков тысяч верующих и их пастырей, загубленных в 30-е годы. А чего стоят ставшие чуть ли не «дежурными» разглагольствования, будто по вине и по воле основателя Советской России разрушались и уничтожались тысячи церковных зданий! Хотя ничего подобного не происходило при участии лично Владимира Ильича.

А вот доктор исторических наук А. Зубов в ходе своих монотонно реакционных (на двух полосах!) рассуждениях клеветнически утверждает, будто ленинцы «старый мир» разрушили «до основания», «сравнивая с землей не только церкви» («НГ-сценарии» от 08.07.98.).

Примечание редакции: «От «Н. Г.» Публикуемые на полосе фотографии, надеемся, не покажутся Г. Никанорову очередным поводом для антиленинской пропаганды».

ГЛАВА X

Ленинизм и сталинизм

1 Грустно это наблюдать, но на радость самым черным силам современности использует свои весьма добротные литературные способности, к примеру, и Борис Васильев. Вот и 17 апреля 1999 года в передаче «Итоги. Ночной разговор» он заведомо ложные обвинения предъявил отнюдь не главным погубителям Родины и их преступным функционерам-выдвиженцам различного уровня. Наоборот, этот человек в тот день сделал все от него зависящее, чтобы неисчислимое множество телезрителей, с конца 1991 года вероломно лишенных честной исторической информации, дали систематически внушаемую им уничтожающую оценку именно В. И. Ленину и его истинным последователям.

Как ни странно, но в тот поздний вечер довелось услышать из уст известного писателя слова всеизвращающей неправды, ставшие в 90-е годы одной из заурядных пропагандистских штамповок, в сущности по-геббельсовски нацеленных на дезориентацию и оглупление, в первую очередь, юных поколений, ныне входящих и уже вошедших в зрелые годы. Именно на это были направлены утверждения Бориса Васильева, будто после Октября 1917 года началась война двух культур — плебейской и истинно «благородной», в ходе которой было якобы полностью уничтожено дворянство, да еще вместе с интеллигенцией! Не постеснялся он заявить, будто в этом проявилось «безумство» социалистических идей и посему надо прямо-таки до бесконечности продолжать ельцинские «реформы».

Вот и примерно месяц спустя Борис Васильев продолжал таким же образом воздействовать на массовую аудиторию, то ли осознанно, то ли по непониманию элементарного, продолжая ее обманывать. Как? Внушая миллионам и миллионам, много лет лишаемым честной исторической информации, будто «большевики и Советская власть совершили величайшие преступления перед собственным народом (...) Они истребили дворянство и старую интеллигенцию, уничтожили церковь...» (См. «Труд», 22.06.1999 г. С. 2). Именно так Борис Васильев продолжал по стереотипным «канонам» воздействовать на массовую аудиторию, то ли осознанно, то ли по удивительной своей неосведомленности, продолжая черное дело.

И ведь такое позволяет себе одаренный и вовсе не глупый человек! Неужели, он не знает о бесчисленных фактах, неопровержимо свидетельствующих о неустанной, повседневной заботе В. И. Ленина об истинно дееспособных и достойных людях, а тем более — серьезных профессионалах в той или иной сфере созидания? Ведь удалось спасти при выполнении его директив далеко не только основную массу дореволюционных офицеров, в том числе и из рядов бывшей аристократии! А как гневно он реагировал на каждый (тем более — с трагически непоправимым исходом) случай травли тогдашними лжекоммунистами людей по причине их дворянского или какого-либо иного

«чуждого» происхождения (как считали те, кого В. И. Ленин называл «комбюрократами»)!) В каждом таком случае Владимир Ильич требовал применения самых суровых мер отнюдь не только партийного наказания, не говоря уже о необходимости клеймить в печати каждого виновного «партийновника».

Типичной реакцией на такого рода безобразия В. И. Ленина была та, которая последовала после гибели главного инженера Московского водопровода Владимира Васильевича Ольденбергера. Нескончаемые невежественные «поучения», обрушиваемые на известного специалиста-профессионала экстра класса, безукоризненно достойного человека, но, как кое-кому казалось, «недоброкачественного» классового происхождения, довели его до самоубийства с использованием крюка в своем служебном кабинете. Возмущенный Владимир Ильич реагировал с гневной и принципиальнейшей непримиримостью. Разумеется, вопреки адресованной ему ныне «новыми» хозяевами России клеветнической вакханалии...

Из его записки для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 4 января 1922 года: «Ввиду полной недостаточности (или недоговоренности?) заметки в «Правде» от 3.1.1922 о самоубийстве Ольденбергера и расследовании этого дела предлагаю Политбюро постановить:

- 1) поручить Московскому Совету ходатайствовать перед Президиумом ВЦИКа о передаче всех перечисленных в заключении комиссии лиц суду;
- 2) поручить Президиуму ВЦИКа немедленно удовлетворить это ходатайство и
- 3) — распубликовать об этом во всей советской прессе;
- 4) поручить Наркомюсту особо заботливо и умело и внушительно провести это дело...
- 5) поручить Оргбюро создать особый партсуд. Предать этому суду всю комячейку водопровода. (Часть исключить из партии навсегда или на срок, части объявить строгий выговор, смотря по мере вины)...
- 6) Директива «Известиям» и «Правде»: осветить это возмутительное дело в ряде энергичных статей. Ленин» (Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 354).

Естественно, Владимир Ильич не мог ограничиться гневной констатацией: «Дело возмутительное: надо бить в большие колокола». Ведь лишь безукоризненно точный и глубокий научный анализ давал шанс исключить подобные безобразия в будущем. Тем более, что кое-где даже бывали случаи, по словам В. И. Ленина, «убийства инженеров (и спецов)»... Мало было привлекать к строжайшей ответственности совершенно темных экстремистов: необходимо было раскрыть принципиальную суть данной проблематики исключительной значимости перед работниками всех инстанций, выполнявших руководящие и направляющие функции в советском обществе той поры.

Из проекта тезисов В. И. Ленина о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики: «Речь идет сейчас не об установлении меры политической вины, а об определенных политических выводах. Если все наши руководящие учреждения, т. е. и компартия, и соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя и бы совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи. Мы еще не скоро сможем осуществить, но во чтобы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой степени развития коммунистического общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном, и правовом, и в деле товарищеского

сотрудничества с рабочими и крестьянами, в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов. Никто не согласится признать поставленным сколько-нибудь сносно такое ведомство, в котором не ведется планомерно поставленной и дающей практические результаты работы по всестороннему обеспечению спецов, поощрению лучших из них, защиты и охраны их интересов и т. д.» (Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 350–351. Подчеркнуто мною. — Г. Н.).

Вот так Владимир Ильич Ленин якобы «уничтожал» руками неких «плебеев» все благородно интеллигентное наследие, тем более — дворянско-буржуазную и иную научно-культурную элиту, якобы подлежащую «искоренению». Как это утверждают подрывающие все и вся, губящие нашу Отчизну и многие миллионы честных тружеников «новые» хозяева и их окололитературная-пропагандистская обслуга, тоже жаждущая обогатиться и роскошествовать на костях народных... Как же бесстыдно данная публика скрывает то, что и в данной сфере замыслы, целевые установки и все действия В. И. Ленина были не просто «сродни прогрессу», а благотворно спасительны для нашей страны и человечества в целом! Ленинское наследие в той части, о которой здесь упоминается, приносило обществу колоссальной значимости пользу даже после его безвременной кончины, когда началась постепенная подмена его концепции общественного развития тем, что олицетворял Сталин, его подручные и последыши любых разновидностей.

Крупное везение наше (хотя и не означавшее подлинный и тем более — окончательный триумф сил социализма и прогресса) связано было в немалой степени и с тем, что новоявленному «самодержцу» удалось лишь во второй половине 30-х годов буквально вырезать партийцев-ленинцев в гигантском большинстве. И лишь только это давало ему возможность надломить ленинский курс и по отношению к первоклассным, очень часто — стихийно непартийным, но высококомпетентным и честным труженикам-«спецам», как любил называть их в предельно уважительном смысле В. И. Ленин.

К счастью, лишь начиная особенно пагубно с 1937 года, Сталин получил возможность почти полностью отбросить все наиценнейшие установки В. И. Ленина. В том числе и относительно бережного и умного использования каждого (даже классово якобы «неприемлемого») специалиста. Самое же ужасное началось после гибели Г. К. Орджоникидзе (в период наипреступнейшего «расцвета» так называемого «большого террора»), спасавшего ценнейшие научно-промышленные кадры от хуже чем паталогической бесчеловечнейшей жестокости Сталина и его разнузданно палачествующих подручных. Тогда только в Москве на протяжении многих месяцев 1937–1938 годов в иные недели ежесуточно погибало от многих сотен до более чем тысячи человек, среди которых оказывалось великое множество как достойнейших партийцев-ленинцев, так и ценнейших специалистов во всех отраслях науки и народного хозяйства, литературы, искусства и т. д.! Катастрофа 1941 года стала бы скорее всего фатальной, если бы все это удалось «раскрутить» не с 1937 года, а лет на 6–8 раньше и тем более — с 1929 года...

Поистине бесчисленны факты, неопровержимо свидетельствующие о сверхкорыстной злонамеренности множества теперешних хапужно бессовестных, органически бесчеловечных хулителей Владимира Ильича. В том числе глущих напрапалу о его якобы недобром и необъективном отношении к партийно и классово будто бы ему «нежелательным» и особенно — по-настоящему интеллигентным людям... В действительности же просто невозможно подсчитать количество тех сограждан, которые, вопреки своей былой партийности, социальному происхождению, былым политическим пристрастиям именно при жизни В. И. Ленина имели благоприятнейшие возможности для пол-

ноценной жизни и прежде всего — для творческой самореализации ради блага Родины и народа своего.

В частности, Николай Дмитриевич Кондратьев был не только блистательным экономистом-профессионалом, особенно по части глубочайшего знания сельского хозяйства России еще в предреволюционные времена, но и членом партии эсеров. Ряд сотрудников ВЧК относился к Н. Д. Кондратьеву с подозрением и считал целесообразной его высылку за границу. Они полагали, что этот профессор, активный сотрудник «Вестника сельского хозяйства», по их мнению — органа антисоветски настроенных агрономов. Особенно резко ухудшить положение Н. Д. Кондратьева могла информация не только о его недавней принадлежности к партии эсеров, но и о том, что он привлекался по делу Тактического Центра и за участие в Союзе Возрождения был приговорен к расстрелу, замененному тюремным заключением, да и ныне в 1921 г. будто бы поддерживал контакты с эсерами...

Это происходило в 1922 году, когда при жизни В. И. Ленина органы ВЧК сразу же после разгрома сил иностранной агрессии и сомкнувшихся с ними белогвардейских армий, были лишены права выносить и тем более — приводить в исполнение «расстрельные» приговоры. В крайнем случае активных противников Советской власти можно было попытаться лишь выслать за границу... В отношении профессора Кондратьева предложение сотрудников ВЧК и в таком плане было признано неправильным. Мало того: данный профессор Московской сельскохозяйственной академии с 1920 по 1928 годы был директором Конъюнктурного института при Наркомфине РСФСР, возглавляя одновременно, думается, наиважнейшее из главных управлений — экономики и планирования сельского хозяйства Наркомзема РСФСР. Вряд ли есть основания сомневаться в том, насколько велика была созидательная роль Н. Д. Кондратьева в практическом руководстве сельским хозяйством огромной страны на благо народа и Советской власти...

Видимо, огромная положительная результативность работы этого великого ученого в лучшие за всю нашу многовековую историю годы развития нашего сельского хозяйства, до сих пор не оценена должным образом. Такова типичная судьба для общества одного из тех (объявленных «врагами» народа в 1937 году), кого якобы не ценил и «карал» В. И. Ленин за мнимо «опасную» белую партийную принадлежность в прошлом и тому подобное... Именно при жизни величайшего не только в XX веке, но и за все до единого столетия нашей истории руководителя страны могли появиться при Советской власти ценнейшие книги Николая Дмитриевича Кондратьева «Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта» (1922 г.), а еще через год была создана им книга столь же уникальной ценности «Перспективы развития сельского хозяйства СССР». Не случайно ныне признается: «Кондратьев — автор широко известной в мире теории больших циклов конъюнктуры, смена которых связана с качественными изменениями в хозяйственной жизни общества. Эта концепция сформировала целое направление в мировой науке» (См. «Вечерняя Москва», 28.03.2001).

Черные дни для великого ученого и кристально чистого человека, думавшего только о благе народном, настали, когда Сталин, ничего не понимавший в сельскохозяйственном производстве, «заклеймил» и Н. Д. Кондратьева. 19 июня 1930 года он был арестован по лживому обвинению в руководстве якобы некой антисоветской, а на деле — мифической «Трудовой крестьянской партией» и приговорили его тогда к 8 годам тюремного заключения. А когда власть Сталина стала совсем уж бесконтрольной, он «приказал пересмотреть «гуманный» приговор. Кондратьев вместе с таким, тоже великим ученым, как А. В. Чаянов и другими умнейшими специалистами, был приговорен к высшей мере наказания и расстре-

лян 17 сентября 1938 года... Владимиру Дмитриевичу тогда было только 46 лет» (См. там же. Из публикации по материалам архива ФСБ).

Какова основополагающая первооснова крестьянски-сельскохозяйственных, как и несчетного множества других тягчайших бед наших? Кому и зачем было «желательно» сострадать, помимо необъятного количества аналогичных, и дело так называемой «Трудовой крестьянской партии», по которому «проходили» сотни людей, якобы возглавляемых (как утверждали следователи, вынужденные «организовывать» и данный процесс) 16 московскими профессорами-экономистами во главе с Н. Д. Кондратьевым? Далеко не случайно этот гениально созидательный специалист экстра класса еще в 1928 году снимается с поста директора ценнейшего для СССР Конъюнктурного института, в 1929-м — изгоняется из него, в 1930-м арестовывается, а в 1937-м — фактически бессудно убивается вместе со множеством своих коллег, столь же честных советских ученых-патриотов...

«Вина» же их общая по сути дела сводилась к тому, что они всей душой восприняли ленинский курс, полностью перешли на сторону Советской власти, олицетворявшей первым ее руководителем, невзирая на прежние свои сомнения и колебания. Как честные и умные люди они просто не могли не согласиться с тем, что подлинный социализм можно успешно создать «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденно-го великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете» (Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 151).

Естественно, профессионалы редчайшей глубины и масштаба просто не могли не принять всей душой ленинские установки вроде следующей, одобренной XI партконференцией в декабре 1921 года: «Основной задачей РКП... в области хозяйства является руководство хозяйственной работой Советской власти в том направлении, чтобы, исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения» (См. резолюцию «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства». С. 588; «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7-е издание. Ч. 1, М., 1954 г.).

Такая направленность ленинского курса социалистического созидания была понята глубочайшим образом и всемерно одобрена многими, в прошлом страстными оппонентами Владимира Ильича. Их беда, как и всех лучших его соратников, предreshена была тем, что, как честные прогрессисты и борцы за народное счастье, они не могли отречься от В. И. Ленина и после его кончины... Лучший за все столетия истории руководитель нашей страны был изначально готов к творческому сотрудничеству (непреренно уважительно товарищескому) и самыми яростными своими бывшими оппонентами даже из числа в прошлом монархистов, кадетов, разумеется, также, конечно, когда-то самых непримиримых меньшевиков, эсеров, анархистов и т. д.

Владимиру Ильичу были органически омерзительны властолюбиво-«сребролюбивые» заправилы хапужно бесчеловечного типа, ублажающие лишь собственные утробные рефлексы. Даже если это с изощренно гладеньким лицемерием (что особенно «выигрышно» в современных условиях) маскируется с помощью лжедемократического псевдодуманного и даже «государственного» словоблудия... Первому (единственно достойному) лидеру Советской страны претила ложь, сочетаемая тем более с озлобленностью по отношению к «не нашим», отбрасывающая реальные творчески созидательные ресурсы оппонентов, которые потенциально могли быть полезны, исходя из интересов народного блага.

Между прочим, еще в 1908 году, задолго до революции и своего избрания на пост главы Советского правительства Владимир Ильич писал, что «профессора политической экономии» способны «давать самые ценные работы в области фактических специальных исследований», что задача марксистов — «суметь усвоить... их завоевания и при этом уметь вести свою линию» (См. Ленин В. И. ПСС. Т. 18. С. 363–364). Именно поэтому не сразу перешедший на сторону В. И. Ленина, активный эсер Н. Д. Кондратьев, избранный в Учредительное собрание по обязательному списку VII съезда партии эсеров (См. «Дело народа», 1917 г., 23 сентября), только благодаря ленинской атмосфере в Советской России, вместе со своими коллегами самой различной классовой и партийной принадлежности смог немало содействовать невиданному за все века нашей истории подъему и расцвету сельскохозяйственного производства. Этот подъем был подорван именно Сталиным и его последышами, в том числе криминогенно капитализаторскими лжедемократами дней сегодняшних...

Бывший «очень заметный», но талантливейший и добросовестнейший человек Н. Д. Кондратьев смог делать много разумного и доброго только благодаря ленинскому типу руководства нашей Родиной, отброшенному во многом уже к 1929 году после политической расправы с Н. И. Бухариным и его сторонниками в руководстве партией и Советским государством. До этого рокового этапа было еще немало лет. И потому пока еще был жив и работал В. И. Ленин, еще в 1921 году Н. Д. Кондратьев был назначен на многое тогда решающий ответственный пост начальника управления сельскохозяйственной экономии и плановых работ, представителем Наркомзема в сельхозсекции и на другие важнейшие должности. При этом Николай Дмитриевич не прекращает выполнять обязанности профессора сельскохозяйственной академии и директора Конъюнктурного института (См. «Встречи с историей». Вып. 3. М., 1990. С. 23).

Н. Д. Кондратьев смог сделать потрясающе многое общественно полезное прежде всего потому, что его позиции полностью соответствовали ленинской концепции общественного развития. В том числе отразившейся и в нижеследующих строках в материалах XII съезда партии, указывавших на нечто исключительно многозначимое, но «отброшенное» на нашу общую беду через считанные годы после кончины В. И. Ленина: «План социалистического хозяйства не может быть установлен априори, теоретическим или бюрократическим путем», миссия плановых и хозяйственных органов заключается прежде всего в том, чтобы приспособиться к рыночному механизму и использовать его с пользой для социалистического строительства, изучать и регулировать рынок (См. там же).

И далее: «Главкратическое администрирование сменяется хозяйственным маневрированием», — отметил съезд основное отличие текущей ситуации от периода военного коммунизма, и ведущим методом планирования в этих условиях должно было стать «хозяйственное предвидение», которое должно предвдвять всякую конкретизацию, всякую «примерную календарную директиву» (См. «КПСС в резолюциях...». Ч. 1. С. 690–692). Китайские руководители (отбросив маоистские извращения), в отличие от многих других хорошо, обстоятельнейшим образом изучили ленинское духовное и политическое наследие и потому добились огромных позитивно спасительных результатов. Чего стоит хотя бы то, что под их руководством Китай вышел аж на второе место в сфере экономики, далеко опередив и нашу Родину, подорванную ельциноидами преступнейшим образом...

Необходимо констатировать, что и сталинский опаснейший переворот антиленинского типа особенно в сфере руководства сельским хозяйством, был в определенном смысле «сродни» ельцино-гайдаровско-чубайсовскому безобразию, ужасно отразившемуся «заодно» и на всех отраслях промышленного производства, куда Сталин, к счастью, «вторгнуть-

ся» так же пагубно не получил возможности с конца 20-х годов... Но Н. Д. Кондратьев и многие другие творчески-созидательные величины гигантского масштаба уже с 1929 года оказались в сфере, где Сталин еще тогда посчитал себя «гением всех времен и народов». И потому были обречены в числе первых на мучительнейшую гибель.

Антиленинский общественно опаснейший рычаг расправ над бесчисленным множеством ценнейших для подлинно социалистического, спасительного для десятков и сотен миллионов людей созидания был примитивен и в то же время чудовищно эффективен в своей бесчеловечно-разлагающей сути. 27 июля 1930 года в Политическом отчете ЦК ВКП(б) XVI съезду партии было заявлено: «Репрессии в социалистическом строительстве являются необходимым элементом наступления». (См. И. Сталин. Соч. М., 1949 г. Т. 12. С. 309) Тогда еще никто не подозревал, что эти слова означают грядущую пыточно-палаческую резню, унесшую жизни почти всех делегатов партийных съездов ленинских и послеленинских времен и многих миллионов честных партийцев и беспартийных.

А для начала даже знаменитых ленинцев, десятилетиями жертвенно служивших интересам прогресса и блага народного, но осмеливавшихся возражать против сталинских «новаций», шельмовали заранее науськиваемые выдвигенцы «хозяина», срывали их выступления оскорбительными выкриками и фактически сгоняли с трибуны партийного съезда, что было совершенно немислимо при жизни В. И. Ленина. Н. Д. Кондратьев как беспартийный ученый на таких съездах не бывал, но ненависть псевдосоциалистического типа, адресованная ему и таким как он, все более бесконтрольно распоряжавшегося в СССР Сталина, не могла не проявляться самым непотребно жестоким образом. Отнюдь не ограничиваясь лишь «идейно-теоретическими внушениями» затаенной, но органически антиленинской направленности...

Еще не пришла пора «наивысшего», возможно, психически аномального самоублажения того, кто обосновал лично им выдуманным «обострением классово-борьбы при социализме» «необходимость» убийства миллионов невинных с клеймом так называемых «врагов народа». Даже в начале 30-х годов Н. Д. Кондратьеву удалось «припаять» всего лишь 8 лет заключения по заведомо клеветническим обвинениям, а его расстрел по тому же «делу» удалось осуществить лишь 17 сентября 1938 года, как и миллионов других, столь же чудовищно несправедливо лишенных права на жизнь... А вот в 1929 году пришлось начинать «либерально»: дремуче невежественная (не только в проблемах сельского хозяйства) бесконтрольно властвующая натура «всего лишь» могла организовать гнуснейшую травлю гениального ученого, объявляя его не только «буржуазным профессором», но и «идеологом кулачества». Разумеется, поощряя издание после Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (декабрь 1930 г.) грязно невежественных брошюрок типа «Против кондратьевщины», «Завершим разгром кондратьевщины» и т. п.

Смертные муки, предназначенные по воле «хозяина» Н. Д. Кондратьеву, А. В. Чайнову и многим другим великим ученым, были лишь последними точками в процессе безмозгло-преступнейшего уничтожения ценнейших научных школ, исследований творчески-спасительной направленности. В числе многого иного и это вело к срывам и безобразиям в развитии нашего сельскохозяйственного производства, усугубленным современными пагубнейшими деяниями ельциноидных «авторитетов» не только от науки, но и прочих «новаций» прихвизаторски-воровской, как и прочей аналогичной бесчеловечно антинародной направленности...

Поразительно, насколько «загадочно» повторяется история! К примеру, в 30-е годы бывшие члены Политбюро ЦК ВКП(б) Николай Бухарин, Алексей Рыков, Михаил Томский, основываясь и на открытиях великого ученого Николая Кондратьева, пытавшиеся не допус-

тить антиленинского надлома Сталиным сельскохозяйственного производства и в целом политики по отношению к крестьянству, были оклеветаны и убиты. Причем, как и многие сотни тысяч честных коммунистов — истинных сторонников социалистических идеалов, были не просто загублены, а объявлены при этом фашистскими диверсантами, террористами, шпионами! Такова была преступнейшая сущность сталинской диктатуры.

И вот много десятилетий спустя в главных капитализаторских газетах без зазрения совести, используя сталинскую «методику», глава Советского правительства (наилучший, гуманнейший руководитель страны за все века ее истории), сыгравший невиданно спасительную роль, вместе с лучшими из своих соратников шельмуется по «образцам» 30-х годов как никто другой! Именно их теперь провозглашают убийцами, террористами, германскими агентами и прочей «нечистью», разумеется, изменниками Родины и погубителями своего народа, а то и вообще «первыми фашистами»!..

А тем временем «новые» правители процаристски-буржуински-криминальной «популяции» под шумок клеветнической вакханалии, нацеленной прежде всего против В. И. Ленина, продолжают свое черное дело, сплошь и рядом корыстно подрывая сельскохозяйственное производство, во все более труднопоправимой степени ухудшая питание населения и тем самым увеличивая смертность. В данной связи заслуживает внимания и статья «На импортной игле», основанная на беседе с председателем аграрного комитета Государственной думы Владимиром Николаевичем Плотниковым.

«За последние 10 лет производство зерна в стране сократилось в 1,8 раза, мяса — в 2,3, молока — в 1,7 и яиц в 1,4 раза. Согласитесь, что при таком спаде производства дефицит производства и его восполнение за счет импорта неизбежны. В результате общая калорийность питания одного среднестатистического россиянина упала с 3350 килокалорий в 1990 году до 2200 килокалорий в 2000-м. А это уже уровень африканских стран» («Труд», 14 июля 2001 года). Мало того, что африканская теплота облегчает решение проблемы питания и одежды: ведь катастрофически упавшее количество килокалорий «насчитано» в среднем, а это означает, что самые малообеспеченные пласты граждан тихо вымирают огромными массами!

И далее: «Сегодня мы расходуем на закупки продовольствия за рубежом огромные средства — до 225 миллиардов рублей в год! Эти деньги из нашего с вами кармана поддерживают западноевропейских и заокеанских фермеров, тогда как российские крестьяне еле-еле сводят концы с концами или же вообще разоряются. (...) Запад старается избавиться от некачественных продуктов питания, а наши недобросовестные бизнесмены, которым в погоне за прибылью наплевать на все и вся, скупают их по заниженным ценам за рубежом и наводняют ими российский рынок. Но уже не по низким ценам» (См. там же).

А вот за то, что многие сотни тысяч наших сограждан, включая несчетные массы детей из бедных семей ежегодно вымирают, никто из властвующих и «невинно» богатеющих преступников ответственности не несет. Вот уже много лет... Зато лишь в 2000-м году вывоз капитала из России составил более 11,5 миллиардов долларов! (См. «Труд», 24 июля 2001 г.) И тут же помещена апологетическая статья «Наша страна — полноправный член «восьмерки» с подзаголовком: «Точка отсчета — интересы России!» Вот и Юрий Афанасьев вынужден был констатировать: «Я не могу принять то, что утвердилось в России с появлением ваучеров и залоговых аукционов. Называется это по-разному: бандитский капитализм, олигархический капитализм, приватизация по Чубайсу... Все двигается в одну сторону — от нас, из России. Утекают доллары, причем чуть ли не по 40 миллиардов долларов в год. Утекают мозги... Какая свобода слова? Для кого? И от кого? Свобода от государства?

От Березовского с Гусинским? Такой свободы у нас пока нет... Свобода слова оказывается никому не нужной мишурой» («Московский комсомолец», 18 июля 2001 г. С. 2).

Почему именно В. И. Ленина ельциноидам «позарез» надо не только «закопать подальше от Москвы», но и облить словесной грязью как никого другого? Да, потому, что иначе невозможно непорочно осквернить и исключить перспективу истинно социалистического развития. А чего еще мог «возжелать» главный виновник подрыва и развала великой страны, гибели миллионов, давно невиданных страданий десятков миллионов? Тот самый, который еще в 90-м году призывал к возрождению ленинских норм социалистического оздоровления общества, а как только смекнул, что это ему выгодно, через считанные месяцы тут же отрекся от идеалов, которым «ревностно поклонялся», «истово служил» в ходе всей своей долгой бесстыдно лицемерной, карьеристски беззастенчивой сверхпривилегированной жизни... Личность подобного типа, само собой разумеется, не могла не быть ради собственной выгоды способной на все самое не только сомнительное, но и крайне скверное и зловещее.

Следовательно, нет ни малейших оснований удивляться тому, что Ельцин, к примеру, не постыдился 6 июня 1997 года (См. «Правда-5», 07.06.97.) еще раз лично оболгать В. И. Ленина гнуснейшим образом! Конечно, главе режима торжествующих погубителей миллионов ограбленных, обездоленных, измученных голодом и болезнями наших сограждан крайне необходимо соответствующее пропагандистское «сопровождение». Потому-то в средствах массовой информации (особенно — радиоэлектронных) и даже в учебниках не могла не быть «раскручена» особенно массивно прямо-таки тотальная пропагандистская вакханалия, вполне соответствующая гитлеровским и иным «образцам» 30-х годов. Она не может не тяготеть к монополюно всеохватывающей в своей преступной лживости, по-фашистски сработанной, мировоззренческой бездне, нацеленной на то, чтобы изобразить именно В. И. Ленина виновником в сущности всех бед за все время существования Советской власти, а также «постсоветского времечка», включая как сталинские, так и ельциноидно-буржуинские мерзости, изображаемые как «демократические издержки»... И ведь не совестно всю бездарность, все злоупотребления, все преступления всех негодяев и хапужных тупиц XX века «объяснять» влиянием на них ленинских идей и неких его «указаний!» Хотя как раз В. И. Ленин и в нечеловечески тяжелых условиях сумел сделать потрясающе многое для спасения миллионов жизней и всестороннего оздоровления общества.

Нескончаемые потоки фальсификаторской грязи в «демократической», профашистской и иной прессе стали настолько привычными, что поражаешься, когда вдруг видишь на газетной полосе нечто объективное: «В истории на различных этапах развития всегда появлялись люди, которые по своей психической организации, по своему характеру, по условиям воспитания воспринимали страдания определенных слоев населения как свои собственные. Настоящих революционеров, которые целиком и полностью посвящают себя обществу, — единицы. Что бы ни говорили и ни писали о Ленине — это пример людей такого типа» («Комсомольская правда», 11.12.1996 г.) Сказано это было известным востоковедом, профессором-индолгом, лауреатом премии имени Джавахарлала Неру, автором более 300 научных работ Г. Г. Котовским. Он является одновременно заместителем генерального секретаря и руководителем Московского регионального центра Всемирной Федерации научных работников (ВФНР) и инициатором обращения генеральной ассамблеи этой организации к нынешнему руководству страны о бедственном ныне положении науки в России.

О предельно человеческих побуждениях Владимира Ильича невольно, неосознанно поведал однажды даже яростно антиленински нацеленный еженедельник «Континент». Из заметки, мелькнувшей там в январе 2001 г. (№ 3. С. 8): «23 января 1919 года. Президент

США Вильсон от имени Антанты предложил всем правительствам, существовавшим тогда в охваченной гражданской войной России, собраться за столом переговоров. На время переговоров все военные действия должны были быть приостановлены. Ленинское правительство ответило нотой согласия, к нему присоединились правительства Советской Украины и Белорусско-Литовской республики. Колчак (Сибирь), Деникин (юг России) и другие «белые» лидеры ответили отказом... Конференция не состоялась».

Так ли уж трудно и в данной связи понять, насколько спасительной для несчетного множества жизней могла стать и данная позиция В. И. Ленина, но в то же время насколько бесчеловечными, пагубными для народов не только нашей страны, были, к сожалению, реализованные устремления белогвардейских лидеров. В. И. Ленин был чистой личностью во всех отношениях и в том числе, конечно, в морально-этическом плане. Однако почти беспросветно тяжкие времена, ставшие неизбежными в результате уродливо неполноценного, непоправимо уродливого бытия России в течение почти четырех десятилетий двух последних царствований сделали ту ситуацию в сущности тупиковой настолько, что В. И. Ленину удалось начать оздоровление нашей Отчизны не такими темпами, к каким он стремился.

Казалось бы, давным-давно должно быть ясней ясного: В. И. Ленин, как оценил его в конечном итоге (по заслугам причисленный к лику святых) патриарх Тихон был человеком добрейшей души. Более того, невзирая на свои на первых порах острые идейные разногласия с основателем и первым руководителем новой России, патриарх отказался, вопреки надеждам интервенционистско-антисоветского лагеря, благословить белое движение. Далеко не случайны в данной связи глубоко выстраданные слова князя Григория Трубцего: «Я помню, как нас, стоявших тогда близко к Добровольческой армии, огорчило... послание Патриарха (где он отказался благословить белое движение), но впоследствии я не мог не преклониться перед его мудрой сдержанностью» («Вечерняя Москва», 8 сентября 1999 года. С. 4).

Чем объяснить такую позицию тогдашнего главы российской православной церкви в отличие от всех влиятельных «власть и богатство имущих» элементов не только последнего десятилетия XX века, но и теперешних лет века XXI, с бешеной злобой шельмующих В. И. Ленина, как никого другого, и восхваляющих даже наиболее кровавых и предательски своекорыстных главарей белого «воинства» типа Краснова, Семенова и т. п.? Достойнейшим образом вел себя патриарх Тихон, во-первых, потому, что, в отличие от полтора десятка лет ныне властвующих любителей процаристски-буржуински-воровских «основ», был честным, добрым и бескорыстным человеком. А, во-вторых, как и многие глубоко мыслящие люди той поры, он сумел понять, что В. И. Ленину вместе с наиболее достойнейшими из своих соратников, удалось в катастрофически наитруднейших обстоятельствах, да еще в условиях инспирированной извне внутрироссийской смуты и иностранного нашествия, свершить почти чудо. То есть не только спасти от развала гибнущую Родину, но и сберечь жизни несчетного множества наших сограждан независимо от их классового прошлого.

В результате созданный под руководством В. И. Ленина СССР получил возможность успешнейшим образом развиваться по пути всестороннего прогресса и подлинной человечности. Но это, к величайшему сожалению, было постепенно подорвано после его безвременной кончины.

2 В современных условиях как мало что иное актуально восстановление правды о, если можно так выразиться, ленинском кадровом алгоритме в смысле его оценки с точки зрения его спасительности, исходя из интересов не только нашего общества. В том числе исходя из курса В. И. Ленина по отношению к выходам из социальной среды, подчас органически чуждой Советской власти и особенно на первых порах ее существова-

ния в тяжелейших условиях. Безусловно, есть своя отвратительная логика в поведении душегубствующе загребущих корыстолюбцев, непрерывно клеветующих на В. И. Ленина, обвиняя его преступнейшим образом в якобы жестокости вообще и прежде всего по отношению к «классово-инородным» выходцам из числа ценнейшим высокоинтеллектуальными «пластов» дореволюционной России. И это лишь одно из главных направлений клеветнического «наката»! А ведь можно не сомневаться: лучший за все века руководитель нашей многострадальной страны тем более бережно (конечно, независимо от их классового и иного происхождения) относился к тем, кто мог совершать умные и добрые дела во имя прогресса и блага народного.

В этом смысле вполне типична, например, судьба Николая Николаевича Кутлера — бывшего царского министра, весьма влиятельного члена руководства партии кадетов (в том числе и в период начала ее ожесточеннейшей борьбы против Советской России). Со всем не случайно на первом после свержения монархии заседании Совета съездов представителей промышленности и торговли 7 марта 1917 года Н. Н. Кутлер избирался его председателем, а затем активно взаимодействовал с Временным правительством, систематически выступая в защиту интересов предпринимателей в условиях роста рабочего движения во «взрывоопасных» условиях 1917 года.

Все это органически сочеталось и с тем, что этот активный политик первых десятилетий XX века был потомственным дворянином-аристократом, чьи предки, начиная с 1812 года, связывали свою судьбу большей частью с воинской службой, участием в боевых действиях, отмечались боевыми наградами и т. д. Но особенно многозначимо, помимо многого иного, например, то, что он вскоре после Октября 1917 года принимал участие в заседаниях кадетского ЦК, одно из которых (в день юнкерского контрреволюционного выступления в Петрограде) происходило у него на квартире... Обо всем этом и многом другом можно узнать из работы старшего научного сотрудника Государственного Исторического музея М. Г. Николаева «Царский министр делает советские деньги. Страницы биографии Н. Н. Кутлера — одного из творцов денежной реформы 1922–1924 гг.» Москва, 1999 г. Работа эта привлекательна прежде всего основательностью документальной базы.

Бывший царский министр, да еще с такой «родословной» и «грузом» политического прошлого, а также активно антисоветских настроений на первых порах, вполне мог погибнуть. Почему же он, как и подавляющее большинство его коллег по происхождению, симпатиям и ряду конкретно антисоветских действий, не только уцелел, но и смог войти в послеволюционную историю как крупная величина благотворно созидательного плана для своего народа и по-новому нацеленной страны? А ведь имели место в его жизни и аресты, и иные невзгоды... Почему же при Ленине и это не обернулось для него и подавляющего большинства ему подобных, бедой непоправимой? Это стало типичным лишь во второй половине 30-х годов, когда решено было покончить с так называемым ленинским либерализмом по отношению к т. н. «врагам».

Просто ужасает по-гитлеровски бесстыжий обман политиканствующих корыстолюбцев с конца XX века, обвиняющих В. И. Ленина даже в том, будто он стремился «вырезать» интеллигенцию (прежде всего — аристократическую) и вообще все мыслящее и благородное! Хотя именно Владимир Ильич вместе с лучшими из своих соратников и в сверхтяжелые годы после 1917-го, сберегал несчетное количество соотечественников, включая, конечно, каждого из тех, порядочность побуждений и ум которых были благотворны для страны и всех исстрадавшихся народов, населявших ее бескрайние просторы. Потому-то уцелел и блистательно раскрылся Н. Н. Кутлер, которого, возможно, В. И. Ленин в ходе личной беседы убедил, пусть окончательно и не перейти на сторону Советской власти, но

по меньшей мере отказаться от активно антинародной, проантантовски-белогвардейской деятельности, которая могла еще тогда непоправимо надломить и погубить нашу Родину.

Конечно, в то наисложнейшее время было более чем достаточно как случайных недоразумений, так и тягчайших, иной раз — злонамеренных срывов, к числу которых относился и последний арест Н. Н. Кутлера. В связи с ним крайне негативны и следующие строки из чекистского «Заключения по поводу переписки гр-на Кутлера»: «Письма выявляют мещанский быт семьи Кутлер, ее контрреволюционное (вернее антисоветское) настроение. Письма переполнены шпилек и уколов по поводу Советского строя, сожаления о прошлом и религиозными настроениями (пестрят фразы: «спаси тебя Христос», «благодарю тебя», «крещу тебя» и проч.) Дочери много заботятся о своем брате Николае, который сидел в МЧК и за которого сам Кутлер, очевидно, усиленно хлопотал. Однако ничего существенного, никаких упоминаний и намеков на контрреволюционные связи, на сношения с заграницей и пр. в письмах нет» (См. вышеупомянутую книгу М. Г. Николаева. С. 76).

Скажем, в 1937 году буквально нескольких первых слов данного официального текста было бы более чем достаточно для осуждения Н. Н. Кутлера, вплоть до «расстрельных» пунктов печально известной 58-й статьи. Однако дело происходило при жизни В. И. Ленина в условиях внедрения им в общественную жизнь норм истинной законности и морали. Допросили Николая Николаевича лишь один раз 17 сентября 1921 года, в день, когда было составлено заключение по его делу и дано предписание о его немедленном освобождении из помещения Внутренней тюрьмы ВЧК на Лубянке. (Там же)

Очень важно уяснить также, как относились тогда к решению вопросов о людских судьбах высшие партийно-государственные инстанции, возглавляемые В. И. Лениным. Если при всевластии Сталина стали смертельно опасными даже робкие сомнения в «вине» любого из арестованных, да еще обвиняемых по горестно памятной 58-й статье, и тем более — попытка спасти любого из подозреваемых и «привлекаемых», то при Ленине обстановка была кардинально иной. Как правило, при арестах по политическим мотивам и простые граждане, и ответственные партийные и государственные деятели, и различные общественные организации, и все ведомства имели право и очень часто делали все возможное для освобождения невиновных. А то и людей, возможно, по своим настроениям «небезгрешных», но ценных специалистов... Это было в порядке вещей в обществе, руководителем которого стремился только к тому, чтобы оно развивалось на основе норм человечности и прогресса.

Судьба Н. Н. Кутлера в этом плане была вполне типичной, когда ради его освобождения ходатайствовало руководство Наркомфина, ключевой величиной которого был такой талантливый и образованнейший соратник В. И. Ленина, как Г. Я. Сокольников и его ближайшие сотрудники. В частности, член коллегии НКФ РСФСР академик О. Ю. Шмидт писал: «В последнее время я приложил много усилий, чтобы сделать советскую (Наркомфин) основной работой Н. Н. Кутлера... Мне это удалось, и Н. Н. Кутлер стал во главе одного из основных учреждений по проведению новой экономической политики — КОМИТЕТА ЦЕН, учрежденного Совнаркомом» (Там же. С. 77).

А вот какова была позиция давнего партийца-ленинца Н. Н. Крестинского... «Я говорил о Кутлере с Владимиром Ильичем, он отнесся к предложению об его освобождении с интересом и, казалось мне, сочувственно...» (Там же). 14 сентября 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в присутствии В. И. Ленина одним из пунктов отдельно стоял вопрос «О работе Кутлера» и после обсуждения было принято решение о его освобождении. Вот так В. И. Ленин вместе со своими соратниками занимался «поголовным уничтожением» представителей т. н. «аристократической породы», включая бывшего царского министра

Н. Н. Кутлера и других «бывших», не предававших Родину, не смыкавшихся с иностранными интервенционистскими войсками и их белогвардейскими сателлитами в жажде развалить и колонизировать нашу Родину.

Исключительно многозначимым необходимо признать и то обстоятельство, что условия реализации такого гуманного курса были тогда предельно сложными, иной раз — на грани невозможности. Ведь, скажем, было крайне трудно разобраться до деталей хотя бы в том, что заседание ЦК партии кадетов на квартире у Н. Н. Кутлера еще не означало, что этот человек безнадежно неисправим, исходя из интересов послереволюционной России. Тем более в связи с тем, что руководство кадетской партии все более непримиримо готовилось к смертельной схватке с Советской властью на стороне войск вторжения агрессивно враждебных империалистических держав... Причем это «совпадало» с тем, что бывший царский министр не пошел на открытый разрыв с верхушкой кадетской партии, которая начала смыкаться с корниловщиной практически во всем.

Имели место и другие «поводы», вполне способные пробудить в душах особо темных и необузданных псевдосоветских экстремистов жажду поставить Н. Н. Кутлера «к стенке». Особенно после того, как было опубликовано письмо генерала М. В. Алексеева лидеру кадетов П. Н. Милюкову, обнажившее прочную связь ряда влиятельнейших членов этой партии с самыми жестоко антинародными корниловцами, что дало дополнительное основание объявить кадетов партией врагов народа. А «Известиям» от 12 декабря 1917 г. провозгласить: «Шайка генералов, вожди помещичьей партии кадетов, миллионеры, ворочающие в банках, — вот, кто составлял... Корниловский заговор. Эта же банда врагов народа ведет теперь атаку против рабочего и крестьянского правительства. Банда эта должна быть обезврежена» (Там же. С. 40). Не так уж трудно представить положение в тех условиях такого влиятельного кадета, как Кутлер, в достаточно «весомой» степени связанного с финансами этой партии...

Не был Кутлер в стороне от дел, рискованных для его репутации в глазах нового руководства страны и весной 1918 года, когда возглавляемый им Совет съездов руководителей промышленности и торговли, взялся оценивать значение Брестского мира с точки зрения интересов России. А тут еще было перехвачено направленное ему из Коленагена письмо... Да еще «сомнительное» по содержанию... Но только на неделю был арестован бывший министр, т. к. руководитель Петроградской ЧК М. С. Урицкий, по словам Кутлера, «немедленно освободил меня, признав... что за письмо отвечает тот, кто его писал, а не тот, кому оно адресовано» (Там же. С. 43).

Мог крайне дорого обойтись Н. Н. Кутлеру и его арест в 1919 году в связи с делом о передаче в свое время миллиона рублей участвовавшим в забастовке банковским чиновникам, чей саботаж был нацелен против совсем недавно победившей и еще во многом легко уязвимой Советской власти. Этот саботаж был сломлен лишь к апрелю 1918 года. В ходе расследования Кутлер отрицал предъявленное ему обвинение. В выписке из протокола заседания Коллегии Следственного отдела от 24 мая 1919 года сообщалось: «Слушали: Банковский саботаж... Кутлера освободить с подпиской отказаться заниматься политикой и дело прекратить и сдать в архив» (См. Там же. С. 46).

Через считанные дни он был трудоустроен в качестве заведующего сметным отделом Народного банка. А в 1921 году бывший царский министр и один из самых влиятельных членов руководства партии кадетов был назначен членом Правления Госбанка. Работал он настолько плодотворно, что Г. Я. Сокольников попытался добиться его введения в состав Коллегии Наркомата финансов. Это ему не удалось, но когда Ю. Ларин бездоказательно совершил выпад против Н. Н. Кутлера, это рассматривалось даже на Политбюро, где было

отмечено, что «тов. Ларин в своем выступлении по финансовому вопросу сделал совершенно неуместное замечание относительно одного из специалистов — сотрудников Наркомфина» (Там же. С. 64). Реформа была решительно одобрена В. И. Лениным и дала неповторимо благотворные, в сущности невиданные блистательные результаты. А на выпущенных в обращение советских червонцах — одной из прочнейших валют в тогдашнем мире, среди других стояла и подпись Н. Н. Кутлера...

Думается, особого внимания заслуживают следующие слова профессора Н. Н. Шапошникова, сказанные после кончины Н. Н. Кутлера: «Всякая наука, а наша в особенности, должна служить жизни, но для этого надо уметь претворить в жизнь отвлеченные положения чистой науки. Покойный Н. Н. Кутлер обладал всеми необходимыми для этого свойствами. Человек широкого кругозора и глубокой мысли он видел отдаленную связь между различными явлениями социальной жизни и в то же время, обладая большим практическим чутьем, был чужд всякого догматизма, которым так часто страдают, как кабинетные ученые, так и практические деятели. Он знал жизнь и понимал науку, поэтому в своей практической деятельности мог научно рационализировать различные мероприятия экономической политики. Н. Н. Кутлер является соединительным звеном между наукой и жизнью. Каждый, кто понимает, как легко создается разрыв науки и жизни, не может не сознавать тяжести утраты такого человека... В его суждениях меня всегда поражала оригинальность его точек зрения, в каждом явлении благодаря своему громадному практическому опыту и сильной интуиции, он усматривал такие стороны, которые не были доступны его собеседнику...» (Там же. С. 67).

Владимир Ильич, конечно, не мог не ценить редчайших способностей и уникальных профессиональных качеств, а, значит, и исключительной профессиональной компетентности Н. Н. Кутлера. Потому-то, естественно, просто не мог не относиться особенно бережно к нему, как и ко всем исключительно одаренным и высокоинтеллектуальным людям, способным приносить большую пользу обществу. В упор «не видеть» этого способны лишь беспробудно темные или наредкость непорядочные люди. Странно, но 6 февраля 2000 года вечером (после 23 часов) доктор исторических наук Владлен Сироткин не постеснялся заявить, выступая на ТВЦ, будто В. И. Ленин положительно относился лишь к тем, и вообще «терпел» только тех, кто интеллектуально был ниже его на целую голову! В подобного рода обвинениях всегда таится нечто вероломное непристойное. Тем более, если исходит от недавнего номенклатурного историка и администратора, долгие годы «профессионально» прославлявшего В. И. Ленина!

Недавно мне было сказано, что доброе отношение Владимира Ильича к бывшему революционному министру было чем-то единственным в своем роде, а потому-то Н. Н. Кутлер уцелел совершенно случайно. Ложь!!! Такова была первооснова личности основателя и первого руководителя Советской России. При его жизни максимально возможное бережное отношение к людям (тем более — к общественно особо полезным), было абсолютно закономерным и обязательным. Примеров тому — неисчислимо множество. Вполне типична судьба Н. В. Некрасова (1879–1940 гг.). В свое время он тоже играл весьма заметную роль в партии кадетов, в ряде составов буржуазного Временного правительства занимал пост министра путей сообщения и финансов. Но после Октября 1917 года, в отличие от немалой части других влиятельных лидеров партии кадетов, не эмигрировал, не сотрудничал с иностранными оккупантами и белогвардейцами. А работал статистиком в центральном рабочем кооперативе города Казани, причем под другой фамилией...

Когда все это стало известно В. И. Ленину, он настоял на приглашении Н. В. Некрасова в Москву для личной беседы. В конце ее последовал вопрос: «...Николай Виссарио-

нович, где бы Вы желали работать?» «Не задумываясь, — вспоминал Н. В. Некрасов, — я ответил, что хотел бы работать в кооперации». «Вот и мы предварительно обсуждали с товарищами и решили рекомендовать Вас в Центросоюз для ответственной работы» (XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 11, М., 1926. С. 9). И это особенно отличало Владимира Ильича от того, кто изловчился дорваться до тиранической власти после его кончины. Ведь тем более В. И. Ленин знал, что родной брат Н. В. Некрасова — М. В. Некрасов в качестве члена «Петроградского союза георгиевских кавалеров» участвовал в подготовке январского (1918 г.) покушения на его жизнь! И в этом тоже таится суть единственного по-настоящему достойного руководителя нашей страны далеко не только, начиная с 1917 года. Остается лишь порадоваться провалу покушения, чуть было не закончившегося роковым образом для нашего общества, а не только лично для первого главы Совнаркома. Между прочим, В. И. Ленин, объявленный ныне «жестоким», счел необходимым отказаться от кары виновных и принял решение об освобождении чуть было не убивших его офицеров под честное слово...

Николай Некрасов имел возможность полноценно жить и работать даже в течение нескольких лет после смерти В. И. Ленина. Однако уже на XVI-й (в сущности уже во многом практически сугубо сталинской) конференции ВКП(б) все же была дана установка о проведении чистки государственного аппарата «на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхождения» («КПСС в резолюциях...» 9 изд., М., 1984. Т. 4. С. 470—471) Казалось бы, интересы общества требовали ленинской концентрации именно на качестве работы и ни на чем ином, но не тут-то было: новый руководитель партии и страны (отнюдь не деятель ленинского типа, а совсем наоборот) посчитал выгодным нацелить «чистку» не по-людски, а прежде всего как раз по бюрократически-классовым «принципам», что не могло не иметь разлагающих, крайне вредоносных последствий.

В числе «вычищенных», а попросту говоря — фактически выброшенных чуть ли не с «волчьим билетом» оказался и Николай Виссарионович Некрасов, достойным трудом которого в соответствии с квалификацией и безукоризненными нравственно-этическими качествами занимался лично Владимир Ильич Ленин! Причем делал он это, естественно, отнюдь не в соответствии с любезным иным лжекоммунистам сталинско-классовым «критериям» 30-х и иных годов... Что означало попасть в «жернова», например, новой полосы сталинских чисток, прокатившейся давящим «катком» по стране в 1928 г. после ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), поставившего в своих решениях вопрос о мнимом засорении госаппарата «враждебным элементом»? Очень многое тяжкое, нередко непоправимое влекло за собой «вычищение» по «первой категории». Поначалу это означало лишение права находиться на руководящей работе, а со временем и вообще работы по специальности. А в конце 30-х годов клеймо «вычищенного» очень часто могло оказаться той «гирей», которая в ходе массовых арестов миллионов вполне могла «потянуть» на многолетний срок заключения и даже довести до расстрельного «пункта» 58-й статьи! ПРИ «УМЕЛОМ» РАССЛЕДОВАНИИ...

Только с 1929 по 1931 гг. (и лишь по первой категории) за эти два далеко еще не самых по-сталински страшных года по стране было «вычищено» около 23 тысяч человек. Сколько всего пострадало людей (в том числе и «классово чуждых», а тем более — объявленных заведомо «враждебными элементами») предстать просто невозможно. Н. В. Некрасов, бывший министр Временного правительства, был лишь одной из бесчисленного множества человеческих «песчинок», раздавленных сталинщиной. А ведь еще в 1924 г. ЦК и ЦКК ВКП(б) направили всем местным партийным комитетам и контрольным комиссиям циркулярное письмо с разъяснением нецелесообразности и несвоевременно-

сти массовых чисток советского аппарата («За темпы, качество, проверку», 1932. № 21–22. С. 9). Даже еще в 1926 г. Президиум ВЦИК отправил письмо всем краевым, областным и губернским исполкомам с предупреждением о несвоевременности такого рода чисток личного состава государственных учреждений. Но это были лишь последние, по крупному счету совсем немощные попытки сохранить хоть что-то из недавно действовавших ленинских норм...

Разумеется, утверждать, будто при Ленине никто не мог неоправданно погибнуть в ходе ожесточенного противостояния войскам стран Антанты и так называемым белым армиям, было бы несправедливо. Ориентироваться надо только на факты и документы. Можно не сомневаться: судьба каждого расстрелянного человека да еще того наисложнейшего времени (включая, конечно, и аристократа) заслуживает серьезного внимания, а также, естественно, как можно более объективной оценки. Такой, которая исключает даже подобие расчетливых подтасовок, то есть заведомой неправды. В частности, аристократом трагически завершившейся судьбы был и последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов, проживший немногим более 50 лет и расстрелянный осенью 1918 года по приговору ВЧК, ибо сотрудники этого органа были уверены в том, что он активно боролся против Советской власти. Такова причина гибели этого человека, а отнюдь не аристократическое его происхождение и то, что до революции он был крупнейшим помещиком-землевладельцем и вообще богатейшей личностью, имевшей только в Симбирской губернии 4,6 тысяч десятин земли...

Безусловно, он был умен, о чем свидетельствует его вполне компетентная, можно сказать — высококвалифицированная оценка дореволюционной обстановки в России и не исключена возможность — закулисные, робкие, но все же попытки позитивно повлиять на последнего императора. Столь же бесплодные, как и то, что и все предпринимавшее в этом плане не только другими царедворцами из числа далеко не безнадежных в интеллектуальном отношении, но и весьма многими ближайшими и иными родственниками данного самодержца... Почти все из здравомыслящих так называемых «приближенных к особе его величества» были уверены, что царя просто парализует на пагубу династии чуть ли не рабская его подчиненность воле духовно и этически аномальной императрицы.

Этого «злого гения в юбке», видимо, ненавидели не только особо влиятельные столпы режима типа главы Госдумы М. В. Родзянко, но и, вероятно, большинство многочисленного «клана» Романовых. Далеко не случайно многие из них подписали письмо Николаю Второму, возможно, предрешившее безнаказанность убийц «протеже» царицы Григория Распутина (среди которых был и великий князь Дмитрий Романов...) А председатель последней Государственной думы М. В. Родзянко свидетельствовал, к примеру, о том, что великая княгиня Мария Павловна Романова считала необходимым «устранить императрицу» и даже выразилась однажды — «уничтожить»!

А. Д. Протопопов был, безусловно, далек от подобного радикализма, но зато продемонстрировал свою способность к прямо-таки научному (хоть и запоздалому) анализу дореволюционного управленческого «алгоритма», обнажая его органическую порочность. В частности, он писал: «Если разбирать положение страны в последние годы (в особенности в последний год), мы увидим картину полного государственного несчастья. Финансы разстроены. Товарообмен нарушен, производительность страны — на громадную убыль; необходимость полного напряжения сил страны сначала не признана властью, а когда не замечать этого стало нельзя — не было умения сойти с «приказа» старого казенного трафарета (...) Упорядочить дело было некому. Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много, но направляющей воли, плана, системы не было и

быть не могло при общей недееспособности исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля работы министров» (См. «Московская правда», 23 мая 2000 года. С. 5).

Расстрелянный в 1918 году А. Д. Протопопов по своим духовным ресурсам мог бы с пользой для дела проработать немало лет, как и многие бывшие министры царского и Временного правительства из числа тех, кто не уехал из Советской России. Ведь у В. И. Ленина и истинных его соратников не было и намека на желание уничтожить кого бы то ни было из-за аристократического или какого-либо иного «чуждого» происхождения, как утверждают лжецы «от пропаганды»! Между прочим, подавляющее большинство многолетних особенно близких к В. И. Ленину его последователей было как раз «не того» происхождения и тоже не могли быть «приятными» псевдореволюционными экстремистам...

Так что роковую роль в судьбе А. Д. Протопопова сыграло не его классовое происхождение, а прежде всего — как бы «обволакивающая» его на протяжении многих лет атмосфера глубокого недоверия и неприязни. Ведь и вышеприведенные на редкость мудрые его слова написаны были им не просто «позновато», а лишь в августе 1917 года (после краха императорской четы, к которой он был особенно близок), когда он был вынужден давать показания Чрезвычайной следственной Комиссии Временного правительства. Мало того: еще задолго до Февральской революции такой влиятельный монархист, как глава IV Госдумы М. В. Родзянко относился к А. Д. Протопопову с таким органическим неприятием, что не подавал ему руки «нигде и никогда». В том числе и потому, что тот дорывался до поста министра внутренних дел с помощью такой одиозной фигуры, как вскоре убитый монархистами Григорий Распутин.

А лидеры реакционнейшей партии октябристов и аналогичной направленности т. н. «Прогрессивного блока» не простили Протопопову то, что, присоединившись к ним, он не только вошел в число министров вопреки их разрешению, но и стал ближайшим особо доверенным подручным царя и царицы, «подыгрывая» их слабостям и тем самым предельно ослабляя и приближая к краху дореволюционную Россию. Между прочим, его считали мракобесом не только активные оппозиционеры, считавшие необходимым отстранение от власти Николая II и командовавшей самодержцем его жены, но и умеренное большинство монархистов, уверенное в том, что основанная и руководимая Протопоповым в сущности черносотенная газета «Русская воля» не укрепляла, как казалось царю и особенно — царице, «монархические основы», а подрывала их, приближая и делая неизбежным революционный взрыв непреодолимой силы. Когда же он произошел, данный министр внутренних дел, конечно, как полагалось «по должности», попытался подавить его (к счастью, неудачно) с помощью вооруженной силы. В немалой степени он еще до Октября 1917 года и по этой причине был арестован и заключен в Петропавловскую крепость не революционерами, а буржуазным Временным правительством...

В норме же В. И. Ленину удавалось успешно предотвращать все наиболее трагичное и непоправимое. Казалось бы, совсем плохо должны были обстоять дела у бывшего, причем военного министра Временного правительства генерала Александра Ивановича Верховского. Потомственный военный, выходец из дворянской семьи, в совсем юном возрасте участвовал в русско-японской, а впоследствии — и в первой мировой войне. В 1911 году закончил Академию Генерального штаба. Но особенно тяжелые для него последствия могли иметь место из-за того, с чем была связана его деятельность в 1917-м и 1918-м годах. Ему суждено было стать командующим войсками Московского военного округа, он сотрудничал с эсерами и меньшевиками, а значит, был настроен антиленински и даже подавлял революционные выступления солдат и явно далеко не случайно был

назначен военным министром эсеро-меньшевистского, а по сути дела — буржуазного Временного правительства.

Мало того: в ноябре 1917 года А. И. Верховский вместе с эсеро-меньшевистскими лидерами попытался создать так называемое «демократическое общесоциалистическое правительство» заведомо антисоветского типа, а в 1918 году был арестован за участие в деятельности эсеров. Казалось бы, его жизни должна была угрожать смертельная опасность. Но ленинское руководство Советской России тем и отличалось от псевдореволюционеров той поры и аналогичных, тоже тяготевших к жестокости деятелей других переломных эпох тем, что делало все возможное для предельного уменьшения числа жертв, стремясь объективно оценивать каждого из политических оппонентов в надежде повлиять на его убеждения и использовать его духовный и профессиональный потенциал в интересах Родины и общенародного блага.

В ситуации в связи с делом А. И. Верховского было принято оптимальное решение типично ленинской общественно полезной и человеческой нацеленности. Было учтено его выступление против смертельно опасной для страны корниловской авантюры, его убеждение в необходимости выхода России из мировой войны, постепенное изменение мировосприятия бывшего военного министра после Октябрьской революции, его личная порядочность. Уже с 1919 года он воевал в составе Красной Армии, с 1920 года был членом Особого совещания по обороне Республики, а в 1921–30-х годах в качестве профессора преподавал историю военного искусства и тактику в Военной академии имени Фрунзе. В 1930–1932 годах Александр Иванович служил в качестве начальника штаба Северо-Кавказского военного округа, затем служил на курсах «Выстрел», в Генштабе и Академии Генерального штаба. (См. Советская историческая энциклопедия. Т. 3. С. 390).

К концу 30-х годов А. И. Верховский имел высокое воинское звание (комкор), присваиваемое тогда в Красной Армии. Им были созданы и опубликованы очень полезные произведения. В том числе: «Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX веков», М., 1921 г., «Общая тактика», М., 1927 г., «Огонь, маневр, маскировка», М., 1928 г. и другие. Но жизнь этого достойнейшего человека, как и десятков тысяч других честно служивших в Красной Армии военных руководителей высшего и старшего ранга «оборвалась» в 1938 году, когда ему было лишь чуть больше 50 лет. На радость Гитлеру и его своре, а также на тягчайшую беду народам не только нашей страны...

Во многом типичной была и судьба бывшего царского генерал-лейтенанта Владимира Федоровича Джунковского при всей необычности и незаурядности его в чем-то уникальной личности. С одной стороны, этот человек входил официально в состав т. н. свиты последнего императора, но оставил очень серьезный позитивный вклад в качестве губернатора Москвы, сделав немало дельного и общественно полезного в этой должности. (Насколько это было возможно в условиях властвования последнего самодержца.) В январе 1913 г. царским указом В. Ф. Джунковский был назначен товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов. Однако из-за своего организационного неприятия Распутина и распутинщины, после доклада царю соответствующего содержания, последовало его отстранение от исключительно ответственной должности и поспешная отправка на фронт. Там однако он проявил себя в качестве командира 15-й Сибирской стрелковой дивизии настолько достойно, что был 4 октября 1917 года назначен командующим 3-го Сибирского корпуса.

Однако дни Временного правительства были сочтены, и вскоре после победы Октябрьской революции уже 17 декабря 1917 года появился приказ об увольнении В. Ф. Джунковского «с мундиром и пенсией». И все же после ареста в сентябре 1918 года,

он оказался в тюрьме. Возможно, только потому, что, будучи в качестве одного из высших руководителей Министерства внутренних дел и главы корпуса жандармов, он не предупредил руководство партии большевиков о том, что пробравшийся в состав ЦК РСДРП(б) и избранный депутатом IV Государственной Думы (благодаря в основном своим ораторским и организаторским способностям) Р. В. Малиновский, являлся на редкость зловещей личностью. Он был платным агентом охранного отделения, творившим беспредельно черные дела, выдавая, предавая, обрекая иной раз на самое непоправимое своих товарищей.

И все же в 1921 году В. Ф. Джунковский был не только освобожден, но и получил возможность на протяжении 20-х и даже начала 30-х годов полноценно жить и работать над своими мемуарами — исключительно ценным свидетельством (на основе своего уникального домашнего архива) о многом из происходившего с 1865 по 1918 годы. Благодаря чему? Прежде всего потому, что обстановка в стране в ленинский период сразу после победоносного завершения войны с мощнейшими силами, жаждавшими обескровить и надломить нашу Отчизну, дала возможность кардинально изменить к лучшему и все, связанное с объективизацией и гуманизацией при решении вопросов о судьбах людских, независимо от их классового происхождения, партийности и т. д.

Естественно, это не могло не сказаться и на оценке В. Ф. Джунковского — одного из высших сановников предреволюционной России. Ведь он считал органически порочной для страны деятельность охранных отделений, особенно все, связанное с их провокационно-растлевающей практикой, как проявлением тактической первоосновы их «охранительного» курса. Конечно, даже будучи главой корпуса жандармов, В. Ф. Джунковский был лишен возможности изменить ситуацию в целом и тем более стать осведомителем руководства одной из партий, ведущих борьбу против всего дореволюционного «порядка вещей». Но недостойно было бы не признать, хотя и с опозданием, правду о редчайших личных достоинствах этого человека. Ведь он прервал опаснейшую для революционной партии преступнейшую «игру» Р. В. Малиновского, считая тем более недопустимым наличие депутатского мандата у секретного агента охраны. Он совершил исключительно порядочный поступок, уведомив о личности и деяниях Малиновского председателя Думы М. В. Родзянко, чем вынудил махрового провокатора подать в отставку с последующим отъездом из России...

О многом на редкость благородном в личности и деятельности Джунковского свидетельствует и категорическое требование шефа корпуса жандармов запретить привлечение к «осведомительству» несовершеннолетних, например, гимназистов, информация о чем тоже могла обозлить кое-кого в 1937 году в ходе всемерно раскручиваемых невиданно массовых репрессий...

Нельзя не отметить в данной связи поразительного благородства и отваги одного из ближайших и наиболее доверенных соратников В. И. Ленина Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. Через десяток лет после кончины Владимира Ильича Ленина обстановка в СССР изменилась коренным образом. В условиях все усугубляющегося по своим социально опаснейшим последствиям всевластия Сталина произошло нечто заурядное для той поры. В ходе т. н. «перетряхивания» Академии наук СССР вплоть до ее библиотек, кое-кто из сотрудников ОГПУ провозгласил незаконным хранение, как им казалось, «всего того, что враждебно советской власти, советской общественности». Оказались изъятыми и все плоды усилий В. Ф. Джунковского, которые незадолго до этого В. Д. Бонч-Бруевичу удалось отстоять в ходе «контактов» с такой исключительно влиятельной инстанцией, как Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Теперь обстановка стала еще более сложной. Владимир Дмитриевич пишет лично Н. И. Бухарину: «Вы сами просматривали эти материалы и знаете им цену. О «личности»

самого «генерала» вряд ли во всех этих 8 томах наберется более 5 печатных листов... Большое значение мемуаров Джунковского заключается в том, что он ни к кому не подъезжает, пишет в своей старой манере и потому наиболее искренен. Когда эти мемуары будут издаваться, то я сумею всегда доказать, что эти мемуары будут эпохой в мемуарной литературе нашего времени о старой России» (См. «Независимая газета», 02.07.1998 г.).

Позиции Николая Ивановича Бухарина, хотя тогда он еще не был снят с последнего своего «заметного» поста главного редактора газеты «Известия», были подорваны настолько, что он уже был не в состоянии делать что-либо по-настоящему доброе и мудрое. В наитруднейшем положении (не только в связи с добывающей его смертельно мучительной болезнью) находился тогдашний руководитель ОГПУ В. Р. Менжинский — человек умнейший, образованнейший и по сути своей глубоко порядочный.

И все же истинный, вернейший, культурнейший соратник Владимира Ильича Ленина, при его жизни исключительно близкий к нему человек — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич сумел успешно завершить начатое им доброе дело, о котором идет речь. Немалую роль в этом сыграло и его письмо, направленное в ОГПУ 22 апреля 1934 г. (Не сыграло ли здесь свою роль то, что этот день был связан с очередной годовщиной со дня рождения В. И. Ленина?). Тем не менее требование о возврате изъятых материалов, включая вышедших из-под пера В. Ф. Джунковского, было выполнено, что уже тогда было редкостью...

А вот спасти жизнь бывшего дореволюционного генерал-лейтенанта и на редкость совестливого человека В. Ф. Джунковского — в период, когда Сталин достиг предела, дающего ему возможность ликвидировать кого угодно и в любом, «желанном» ему количестве, было совершенно невозможно. В конце ужаснейшего 1937 года этот замечательный человек был схвачен, а через 2 месяца по приговору «тройки» УНКВД по Московской области — расстрелян. В полном соответствии с типичными тогда преступнейше лживыми провокационными обвинениями, с помощью которых в тот «исторический» момент только в Москве и Подмоскovie нередко убивалось ежесуточно более тысячи ни в чем неповинных людей...

С конца 1991 года даже это аморальнейшим образом «переключается» именно на В. И. Ленина! Безусловно, есть своя преступная, но вполне объяснимая логика проведения подобного рода главных прокапитализаторски-криминогенных политиканов и тех, кто им прислушивается, извлекая из этого, как водится, максимальную выгоду для себя лично, просящая готовность продать и предать все, что угодно, не говоря уже о подлинных интеллектуальных и нравственных ценностях.

Потому-то более 10 лет во всевозможных вариантах с особой охотой «прополаскивается» абсолютно бессовестная и крупнейшая, пожалуй, во всемирной истории ложь о том, будто В. И. Ленин не спас страну от развала и гибели, а повинен во всех ее прошлых и теперешних бедах! А вовсе не Сталин, не самые скверные порождения его системы отбора и выдвижения (вплоть до ежовоподобных) кадров, приведшие в конечном итоге к катастрофе 90-х годов. Оказывается, не социально опаснейший антиленинский узурпатор неограниченной и бесконтрольной власти с начала 30-х годов, а именно В. И. Ленин был якобы душегубом наподобие Гитлера и особенно люто ненавидел умных, образованных, талантливых, то есть по-настоящему достойнейших людей и всеми возможными способами громил и уничтожал их! Он, дескать, предпочитал иметь дело только с властвующими «кухарками» и «кухаркиными детьми» из числа якобы лишь «собственных» однопартийцев, предрешил ужасы сталинских десятилетий, как и все то, что в годы ельцинщины привело на край пропасти наше истерзанное Отечество...

А отсюда, мол, и все наши беды вплоть до дня сегодняшнего... В частности, именно это в первую очередь внушала и телепередача «Куклы» (14.09.1996 г.) И ведь ни один

компетентный человек не был и не будет допущен к телевизору, никому не будет «дозволено» рассказать о том, как оболгали нашу историю далеко не только авторы той передачи. Ведь и страницы псевдодемократической и иной прессы тоже обычно недоступны честным историкам, способным показать, как изолгались, какую всеизвращающе грязную цензуру установили «новые» заправилы.

В условиях этой липовой гласности и соответствующей ей «демократии» с ее всепроникающей коррупцией и невиданной по необузданности и жестокости преступностью невозможно ответить и совершенно распоясовшемуся Алешковскому, چه интервью напечатано было в «Аргументах и фактах» № 36 (сентябрь 1996 г.) под заголовком: «Хочется плюнуть в дуло «Авроры»...» До чего же прав был В. Даль, писавший: «Одна только гласность может исцелить нас от гнусных пороков лжи, обмана и взяточничества и от обычая зажимать рот обиженному и доносить, что все благополучно». До чего же актуальны в наши дни слова Владимира Даля более чем полуторавековой давности! Остается лишь недоумевать в связи с тем, насколько легко пробуржуазно-воровской режим возродил это и все прочее из самого скверного в нашем многострадальном прошлом!

Стоит, пожалуй, уделить достаточно пристальное, серьезное внимание тому, что ныне воспринимается обычно в качестве привычной «мелочевки», но все же по глубинной сути является ныне зауряднейше аморальным, а не «просто» непорядочным. Хотя вроде бы еще с 1992 года пора привыкнуть и к самому худшему, но все же настырно расплзавшаяся по всем направлениям из властного центра морально-этическая дегенерация, иной раз свидетельствует о чем-то социально совсем уж уродливом. Еженедельник «Московские новости» еще не очень давно (во времена Лена Карпинского до его «удаления» с поста главного редактора) был на редкость достойным и подлинно демократическим печатным органом, на страницах которого не было и намек на что-либо целеустремленно бесчестное, да и мало-мальски непорядочное.

Однако очень скоро и этот печатный орган начал постепенно, но все более радикально меняться к чему-то совсем уж худшему. Несколько слов из вроде бы малозначимой публикации, причем слов как бы там случайных, но в то же время целеустремленно «вкрапываемых» вместе со столь же лживым повседневно в печати и на телевидении, целью чего является превращение десятков миллионов людей в непоправимо дезориентированную массу, которой легче легкого манипулировать во имя достижения предельно недостойных целей. Вот эти слова, в ельцинскую «эпоху» ставшие само собой разумеющимися: «...Ленин считал социал-демократов главными врагами и стрелял их в первую очередь» («Московские новости». № 26, 30.06.-07.07.1996 г. С. 31). Здесь целый клубок преступнейшей неправды. Невозможно предположить, что ключевые фигуры данной редакции были не в состоянии этого понять, ибо в таком случае надо бы вести речь о крайней степени некомпетентности.

Ведь нет и в помине ни одного случая, когда по вине В. И. Ленина или кого-либо из его истинных ближайших соратников, погиб бы хоть один российский социал-демократ даже из числа самых яростных оппонентов-меньшевиков. К примеру, Юлий Мартов, систематически выступавший против Ленина в 1917-м и в последующие годы, не только не был расстрелян, хотя и был самым авторитетным из оппонентов главы Совнаркома, но и продолжал делать эти вполне официально в качестве члена ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов вплоть до того момента, когда он решил уехать из Советской России. Никто не смел и подумать о запрете отъезда, не говоря уже о его аресте, зная твердую установку Владимира Ильича не только не свирепствовать, но и настойчиво привлекать и бывших меньшевиков, и членов всех других партий, готовых вместе с

народом идти к лучшей жизни, отдавая этому свой опыт, знания и способности. В то же время, отпуская тех, кому это было совсем уж невозможно...

В. И. Ленин считал ценнейшим, добросовестнейшим, исключительно одаренным и уникально компетентным специалистом Георгия Васильевича Чичерина — меньшевика с давних пор, ставшего по его настойчивой рекомендации наркомом иностранных дел РСФСР. Этот человек не просто оправдал ленинское доверие, но и внес огромный вклад в осуществление курса главы Советского правительства на спасение державы, буквально разваливавшейся вследствие многолетней недееспособности двух последних царей и всех главных их ставленников, и под ударами агрессивного вторжения войск мощнейших империалистических стран той поры, и деяний их яростно белогвардейских сателлитов. Мало того: Георгию Чичерину суждено было стать самым блистательным главой нашего внешнеполитического ведомства, как минимум, за последнюю сотню лет. Немало разумного сделал и такой заметный дипломат из числа бывших меньшевиков, как И. Майский.

В. И. Ленин не только не расстреливал социал-демократов, да еще «в первую очередь», как утверждалось в «Московских новостях», а стремился исключить даже единичные факты такого рода. В результате во всех наших послереволюционных ведомствах дипломатического, научного, хозяйственного и иного типа работало весьма много этих некогда активных политических антиподов В. И. Ленина. Симптоматично, что и А. Вышинский, чья подпись стояла на директиве об аресте В. И. Ленина в самый критический период 1917 г. абсолютно ничем не поплатился за это. А вот на фоне других бывших меньшевиков, он действительно был фигурой единственной в своем роде по части аморальности и преступной жестокости, что обнажилось, к сожалению, лишь когда он был «вознесен» Сталиным в число особо доверенных и приближенных к себе лиц, управлявших (кто практически по-ежовски, а кто «теоретически», как обосновывавший репрессии Вышинский) непосредственно процессом массового уничтожения гигантских людских масс. В первую очередь, конечно, большевиков-ленинцев, а также, конечно, бывших членов других партий, включая и социал-демократов, перешедших в ленинские времена на сторону Советской России...

3 Историческая истина в наше время извращена, быть может, так, как никогда прежде. Восстанавливать правду необходимо практически по всем направлениям. Иначе спасти от пагубнейшей деградации наш народ и нашу Родину невозможно. Вопреки всеохватывающему обману дней текущих, есть все основания утверждать с абсолютной уверенностью: при жизни В. И. Ленина и в первые годы после его смерти (пока ещё не всё из обязательных при нём норм законности, нравственности и совестливости было подорвано и изуродовано), безусловно, в норме были вполне реальными почти повсеместно доступные для всех возможности успешного, творчески незаурядного служения Родине и благу всех народов, живших на гигантских просторах огромной страны. Как правило, независимо от бывлой партийной и классовой принадлежности, политических симпатий и антипатий. В условиях же сталинщины чем незауряднее были творчески-созидательные возможности той или иной преданной своему народу и благу страны личности, тем нередко более роковыми для неё оказывались и «не то» социальное происхождение, считавшееся в 30-е годы фактически криминальным, и прежняя партийная принадлежность, и бывлые политические пристрастия.

В этом смысле вполне типичной была и трагическая судьба человека, о котором многие годы спустя после гибели не только его самого, но и самых близких к нему людей журнал «Советское здравоохранение» напечатал статью «С. М. Никаноров — выдающийся

советский учёный-эпидемиолог» (1976 год. № 12). Он был не только директором института, но и возглавлял противочумную службу страны на самом опасном юго-восточном направлении, причём был первым из советских медицинских работников, удостоенных тогда высшей государственной награды. Сергей Михайлович Никаноров принесил огромную пользу стране и её гражданам не только при жизни В. И. Ленина, но и в течение 20-х годов вплоть до того момента, когда активно поощрявший и поддерживавший его ленинский нарком здравоохранения Н. А. Семашко был «отстранен» по воле Сталина. (Почти одновременно с такими блистательными нарками, тоже работавшими поразительно успешно с 1917 года, в ряду многих других, как, например, руководивший комиссариатом народного просвещения А. В. Луначарский, иностранных дел — Г. В. Чичерин, финансов — Г. Я. Сокольников).

С началом сверхпреступно, с многомиллионными жертвами «раскрученной» сталинской сплошной коллективизации, особо пагубно повсеместно сочетавшейся с т. н. раскулачиванием, а затем и голода — самого страшного в нашей стране, видимо, не только сверхпреступно «маскируемого», но и расчетливо усугубляемого, да к тому же на редкость бесчеловечно использованного общественно наиболее опасным узурпатором тиранической власти, обстановка в нашей стране начала меняться коренным образом. Во все большей степени в 30-е годы «матерели», становились все более бесконтрольными сталинские «новации», причём не какого-либо, а органически антиленинского типа, предпринятые общественно особенно опасные, крайне пагубные перемены. Разумеется, реализовываться это могло не по-человечески нормально, как все первые годы во времена ленинского нэпа, а диаметрально противоположным образом, вплоть до всё более частого применения, особенно начиная с 1937 года, ужасающих пыток из «арсеналов» гестапо и инквизиции наиболее черных периодов средневековья.

Как и для великого множества других ни в чём неповинных советских людей, в числе десятков ведущих микробиологов нашей страны, настали чёрные дни и для Сергея Михайловича Никанорова. Арест, лживые обвинения, в перспективе — пытки и гибель, а много лет спустя — посмертная полная реабилитация. В любой подобной ситуации огромную (как правило — решающую) роль играли не только «сомнительное» социальное происхождение, давние партийно-политические симпатии, но и более позднее инакомыслие. Всё это было вполне терпимым при В. И. Ленине, но становилось смертельно опасным даже на первых этапах хитро завалированного еще в конце 20-х и в сущности паталогически сверхпреступно с миллионами жертв завершённого в 30-е годы сталинского переворота. Беспредельно опасного, естественно, и для благороднейших идеалов, и благотворно-спасительно начатой реализации ленинской концепции общественного развития...

Тому, кто хотел бы глубоко и объективно оценить сравнительно ранний рубеж в ходе преступнейшего, по сути своей — антисоциалистического переворота (предопределившего в перспективе и самое ужасное из творившегося с конца 1991 года), необходимо комплексно проанализировать очень и очень многое. В том числе обратить особое внимание и на архивно-следственное дело № 553900 в 36 томах и материалы его проверки в двух томах. Именно на основании анализа этих материалов главный военный прокурор генерал-майор юстиции А. Горный потребовал 26.01.1959 года отменить постановление коллегии ОГПУ от 30 мая 1931 года в отношении всех 47 обвиняемых и дело прекратить по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР. Таков финал так называемой «контрреволюционной организации микробиологов», якобы проводившей «вредительскую работу в области микробиологии, в производстве биопрепаратов, в медицинско-профилактических мероприятиях и подготовке бактериологических кадров». (МГБ СССР. Центральный архив. Особый фонд. Дело «Вредительско-диверсионная шпионская контрреволюционная организация «Микробиологи» 1930 год». Архив № Р-24822)

О том, как добывались «желательные» показания, можно узнать из текста Протеста (в порядке надзора) Главного военного прокурора А. Горного от 26.01.1959 г. Об этом, в частности, свидетельствовали некоторые, возможно, чудом уцелевшие из числа 47 микробиологов, привлекавшихся по тому делу: «Колпиков, Николаевский, Фейгина и Крестовникова заявили, что допрашивавшие их следователи путём применения незаконных методов ведения следствия принудили их оговорить Коршуну и других, а Комкова пояснила, что показаний, записанных в её протоколе допроса она на предварительном следствии вообще не давала».

Об оклеветанном таким способом Коршуне С. В. в деле содержится, в частности, следующее: «Коршун Степан Васильевич, 1868 года рождения, уроженец д. Глухов Черниговской области, бывший директор Московского института им. Мечникова, а затем директор Харьковского бактериологического института, сын чиновника из дворян, служил в армии Деникина...» «Анкетные сведения», как говорится, хуже некуда. Исключительно же многозначимо в данной связи то, что, вопреки, страшноватому по сталинским временам социальному происхождению и ряду основных биографических «особенностей» времён гражданской войны, этот человек и учёный во времена В. И. Ленина, как ныне преступно утверждается, якобы жаждавшего «уничтожить людей такого типа» жил в приличных, чуть ли не идеальных условиях. В числе множества амнистированных сразу же после завершения основного этапа военного противостояния (когда даже из камер смертников освобождались и самые ожесточённые противники Советской власти), С. В. Коршун не просто очень успешно работал по специальности, но и занимал ответственные посты. Чтобы оказаться обречённым, этому человеку пришлось дожить до сталинского всевластия 30-х годов...

Аналогичных фактов, подтверждающих коренное отличие сталинщины не только от всего, связанного с В. И. Лениным, но и чего угодно, связанного с приличной человеческой нормой, поистине видимо-невидимо. В данной связи, конечно, заслуживает внимания и судьба Сергея Михайловича Никанорова. В том числе и многое из показаний, данных им, видимо, вскоре после ареста, явно сделанных добровольно, написанных собственной рукой, вероятно, до «применения незаконных методов» и заслуживающих осмысленного интереса в ряду неисчислимого множества других в качестве абсолютной объективных документов того времени. И здесь поразительно многое опровергает по сути дела всё из клеветнического антиленинского вала, инспирированного ныне влиятельнейшими и молниеносно ставшими «ужасно храбрыми и внезапно прозревшими» политиками, идеологами и в ранге бывших членов ЦК КПСС и даже Политбюро вроде Б. Ельцина, Э. Шеварднадзе, А. Яковлева и прочими...

Из дополнительных показаний С. М. Никанорова от 21 августа 1930 года: «Система моих политических взглядов изменилась как и всё во времени. В период Февральской революции я идеологически примыкал к партии кадетов, одновременно интересуясь литературой социалистов-революционеров. Вместе с тем, я стоял за идеи Учредительного собрания, как форму народовластия, через которую народ может проявить свою волю и продиктовать принципы государственного правления. Октябрьский переворот я воспринял как такую-то «сумятицу», как факт насилия над большинством народа, как факт грубой узурпации, а разгон Учредительного собрания я трактовал как проявление произвола и насилия над избранниками народа.

Моему мировоззрению были присущи национально-патриотические элементы, так как я всегда считал себя русским человеком. При Временном правительстве я занимался общественно-политической работой в буржуазно-демократическом духе. Диктаторская политика большевиков и пораженческая линия на Брестский мир поставили меня идеологически

против революции. В дальнейшем мои первоначальные воззрения отрицания Советской власти развивались в сторону медленного, постепенного её принятия. (...) Дальше «сменовеховскими» путями я стал считаться с самим фактом существования Советской власти и во многих пунктах не разделял политику партии и власти, так как для меня были неприемлемы пути этой политики в связи с принципиальным отрицанием классовой борьбы. Отсюда, следовательно, я признавал линию демократического мирного развития, отрицая необходимость политической формы диктатуры. (Так называемый лозунг ликвидации кулачества, как класса — я воспринял отрицательно. Я вообще трактовал проблему кулачества как проблему всего крестьянства, для меня весь крестьянский массив был равен самому себе...)» (Дело «Микробиологи», 1930 г. Т. 11. С. 80).

Думается, особенно пристального внимания заслуживают следующие слова, лично написанные С. М. Никаноровым в одной из камер «Лубянки»: «Однако реконструктивный период знаменует сдвиг, который в известной мере отразился и на моём политическом сознании. По своему укладу я люблю и уважаю творчество... Политически я был за цель развития, но одновременно против линии развития; — тех путей, по которым это развитие прокладывало себе дорогу. Причина: обострение борьбы классов, я опять стоял на демократической точке зрения, — мирного движения вперёд. Таким образом, формула моих политических разногласий с Советской властью может быть выражена в следующем виде: Советская власть минус диктатура.» (Дело «Микробиологи», 1930 г. Т. 11. С. 81). Остаётся лишь удивляться, насколько ближе был к истине беспартийный учёный микробиолог, которого «со временем» начнут пытаться в сталинских застенках, по сравнению с дорвавшимся до абсолютно бесконтрольной власти опаснейшим «самоублажителем», с беспредельной живостью изображавшим из себя «продолжателя дела Ленина».

Его редкая для того наисложнейшего времени правота проявлялась не только во всём, связанном с осуждением сталинской коллективизации и т. н. ликвидации кулачества С. М. Никаноров уже тогда был решительно против опаснейшего для общества, аморальнейшего «раскручивания» классовой борьбы (да ещё в период мирного развития страны). Тогда по своему масштабу невиданный в истории преступнейший властитель проявил готовность обречь на мучительнейшую гибель многомиллионные массы своих сограждан только во имя собственного «укоренения» на вершине власти! Ради чего всё более агрессивно пропагандировал собственное «открытие» себе же на потребу «о неизбежности обострения классовой борьбы по мере роста успехов в строительстве социализма». С. М. Никаноров был абсолютно честен, предельно откровенен. А ведь так легко и далеко небезвыгодно было крупнейшему учёному-микробиологу с международной известностью от молчаться хотя бы сидя в камере!

Самый прямой смысл привести и как бы обобщающий фрагмент показаний, раскрывающий политическое кредо Сергея Михайловича Никанорова: «О моей политической установке. Февральскую революцию я принял с восторгом. В Октябрьской многого не понял, многому не сочувствовал. Годы военного коммунизма и разрухи рассматривал как тяжёлый, неудачный эксперимент, но как учёный экспериментатор присматривался к нему с большим интересом. Белому движению не верил, не видел в нём идейности; интервенции боялся, опасаясь рабства. Реконструктивный период в самом его начале принял с увлечением, видя в творческой работе решение и своего личного и политического вопроса. Этот период примирил меня с Советской властью и работая с энтузиазмом в это время «Микроба» (микробиологического института, директором которого С. М. Никаноров был назначен в 1921 году. — Г. Н.), создавая противочумную организацию и т. д., я искренне

считал себя преданным Советской власти, в то же время диктатуру пролетариата считал ошибкой... Раскулачивание принял с болью, придерживаясь теории мирного вранения кулака в социализм. В этом, повидимому, сказалось моё увлечение в студенческие годы толстовством. С этим взглядом не покончил и до сих пор, однако считаю, что до слияния с Советской властью мне остался один и уже небольшой шаг... Иду осторожно, с сомнениями, медленно, но раз вступив, назад не возвращаюсь». (Дело микробиологов. Т. 11. С. 206) Можно не сомневаться: в ленинский период система политических и гражданских воззрений С. М. Никанорова не только не была «криминальной», но и, безусловно, не исключала, точнее — предreshала оптимальный расцвет его нравственного, патриотического и, разумеется, творческого потенциала на благо родины, подлинного прогресса и социалистического идеала. Однако после смерти Владимира Ильича, а особенно после 1929 года он, как и несчетное множество других мыслящих, честных, исключительно одаренных людей, был обречён на муки и гибель.

Рубежом, окончательно означавшим поэтапный, но в общеисторическом плане — быстрый переход от запрограммированного В. И. Лениным общества прогресса и гуманности к кроваво-тоталитарной, смертельно опасной для СССР, в чём-то по сути дела, крепостнически-тупиковой сталинской пародии на социализм, был именно 1929 год. Проявилось это и, пользуясь терминологией Сталина, в «отбрасывании нэпа», и в сознательно создаваемой в СССР атмосфере «охоты на ведьм» в ходе процессов, основанных на «выбитых» из честнейших российских беспартийных технических специалистов, истинных интеллигентов «признаний» в страшных злодеяниях (т. н. Шахтинское дело, процесс «Промпартии»), и в начатой во всю преступной антиленинской коллективизации и вакханалии т. н. раскулачивания (разумеется, на руинах ленинского кооперативного плана, так блестяще оправдавшего себя и оправдывающего по сей день в весьма различных условиях).

Как бы заключительным аккордом на этом рубеже была политическая ликвидация на пленуме ЦК ВКП(б) 1929 года до того времени ведущего теоретика ВКП(б) и главы Коминтерна Н. И. Бухарина, Председателя правительства СССР А. И. Рыкова, возглавлявшего Советские профсоюзы М. Томского и их сторонников в составе высшего партийно-государственного руководства. Именно в тот момент началось беспредельное извращение и при показном «почтении» — фактическая компрометация и подрыв великих истинно социалистических ленинских идеалов.

Каждый, кто, как Сергей Михайлович Никаноров, да ещё находясь в лапах сталинских карателей-прислужников, открыто солидаризировался с позицией Николая Ивановича Бухарина (да ещё в 30-е годы!), признаваясь, что «раскулачивание принял с болью, придерживаясь теории мирного вранения кулака в социализм», был обречён. Иной раз одного этого было более чем «достаточно» для смертного приговора. «Страна была превращена в огромный лагерь». Чудом уцелевший, хотя и посаженный ни за что ни про что в почти мальчишеском возрасте на пять лет, академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, в данном случае имел в виду, конечно, лагерь концентрационный... Если во второй половине 20-х годов Соловецкий лагерь вскоре после смерти В. И. Ленина начал использоваться в качестве своего рода испытательного полигона, то в 30-е годы самое страшное (из «наработанного» там, а вскоре и многократно «усовершенствованного» опыта) было внедрено во многих десятках, а затем и сотен лагерей, где были загублены многие миллионы честных, понастоящему достойных соотечественников...

Судьба творчески наиболее одаренных и по-человеческой чистоте необычных индивидуальностей, включая и С. М. Никанорова, как ни парадоксально, типична и вполне, если можно так выразиться, репрезентативна в процессе познания подлинных закономерностей

развития истории 30–40-х годов. Вполне закономерным был, в частности, и выбор множества высококомпетентных, блестяще образованных, творчески незаурядных личностей в пользу своего народа, вслед за В. И. Лениным вступивших на неизведанный, но многообещающий путь к благодатному будущему, что проявилось на деле, к сожалению, лишь с 1922 по 1928 годы, а затем было загублено ужасающе быстро и, возможно, непоправимо. Вопреки всему мучительно тяжкому из пережитого в годы иностранной интервенции и гражданской войны, и тогда курс, олицетворяемый Владимиром Ильичом Лениным, великому множеству умнейших и честнейших людей вполне закономерно представлялся, как минимум, неизмеримо меньшим злом, чем угроза рабства колониальной или полуколониальной разновидности, приносимого на иноземных и прислуживавших интервентам так называемых «белых» штыках, ведущих к распаду.

Тысячекратно правы были поначалу далекие от высокой оценки значимости Октября 1917 года те подлинные интеллигенты-патриоты, которые после мучительных раздумий и колебаний, пришли к признанию правоты В. И. Ленина во всем наиважнейшем. Причем, в первую очередь такие, как С. М. Никаноров далеко не случайно обратили внимание на то, что т. н. белое движение не заслуживает доверия вследствие «отсутствия в нем идейности», а «опекающие и вооружающие» его иностранные правители и их войска дают все основания их «бояться, опасаясь рабства», в которое те стремились низвергнуть Россию. Ведь именно это означало фактическую колонизацию Родины, парализуемой «огнем и мечом», а попутно прямо-таки разрываемой на куски...

В наши дни в массовое сознание буквально вколачивается лживый стереотип, согласно которому почти все образованные и мыслящие россияне всей душой сочувствовали иностранным и «родным» борцам против народов России, сплотившихся вокруг Ленина и его сторонников. В связи с этим делается всё, чтобы сформировать у наших современников уверенность, будто бы единственно достойным делом была вооружённая борьба против Советской власти, а затем (после поражения) якобы делом чести могла быть только эмиграция. В действительности большинство российских интеллигентов, причём самой различной прежней партийно-политической ориентации (как говорится, от монархистов до анархистов) со временем пришло к убеждению, что именно в ленинские времена налицо имелись все возможности не только для творческой самореализации, но и для успешного служения народному благу.

Более того: считалось сплошь и рядом (по крайней мере вплоть до конца 20-х годов) неприличным покидать Россию по доброй воле, да ещё в такое время, ради любых, в том числе — ради лично наивыгоднейших предложений и соблазнов. К примеру, в связи с частыми вспышками опаснейших эпидемий, включая эпидемии чумы, холеры и т. д., возникали которые обычно в колониальных владениях, правящие круги Великобритании были кровно заинтересованы в привлечении в Англию микробиологов международного класса (то есть профессионалов исключительной квалификации). Аналогичный «интерес» был и в ряде других держав. Во время довольно длительной заграникомандировки, естественно, и С. М. Никанорову были сделаны наредкость заманчивые предложения, причём не только в сугубо материальном плане, но и с точки зрения прямо-таки идеальных условий работы, о которых в нашей стране тогда оставалось только мечтать. Но Сергею Михайловичу представлялась кощунственной даже мысль о возможности разрыва со своим народом, которому жизненно необходим был буквально каждый совестливый и творчески дееспособный интеллигент, и он, конечно, отверг все подобные предложения.

К счастью, гигантское большинство наиболее серьёзных специалистов всех отраслей, среди которых было немало уникальных интеллектуалов и творцов, нередко рискуя очень и очень многим (иной раз — всем), посчитало невозможным пойти на разрыв с родиной.

(Хотя и в период гражданской войны, и в первые годы после её окончания такого рода возможностей было видимо-невидимо...). Страшно даже подумать, что случилось бы со страной, со всеми нами, если бы основная масса интеллигентных и мыслящих людей не сумела бы понять ленинскую правоту в главном и решающем и, подавляясь эмоциями отчуждения, стремлению к лучшей доле в сугубо индивидуальном плане, покинула бы свою родину. В этом случае страна погибла бы давным-давно и самое позднее — сразу же после начала фашистского вторжения в 1941 году. Даже сталинская машина подавления и уничтожения всего наиболее мыслящего и достойного, невзирая на самые чудовищные во всемирной истории масштабы и темпы геноцида против народов нашей страны, не смогла обескровить её по-настоящему фатально...

Думается, одним из самых впечатляющих проявлений признания ленинской правоты является переход на сторону Советской власти почти половины российского офицерского корпуса, без чего победа над интервентами и теми, кто оказался на их стороне из наших бывших соотечественников, была бы невозможна и тогда держава наша рухнула бы ещё более, чем восемь десятилетий тому назад. Были даже моменты, когда в Красной армии оказывалось бывших офицеров больше, чем под знамёнами белого движения! Только на призыв самого знаменитого русского генерала периода первой мировой войны, ставшего в сущности легендарным, командующего Юго-западным фронтом, а затем и Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова, не предавать свой народ, откликнулось около 14 тысяч бывших офицеров, как и он понимавших, что гибель Советской власти будет означать и гибель России. Не случайно десятки тысяч офицеров служили в Красной армии задолго до соответствующего обращения А. А. Брусилова и других генералов. Среди них был и младший брат С. М. Никанорова, бывший штабс-капитан царской армии, Виктор Михайлович Никаноров, ещё в начале 1919 года твёрдо решивший защищать Советскую Россию вместе с красными бойцами и командирами. (Бывший боевой, хотя и очень молодой штабс-капитан, провоевавший всю гражданскую войну, защищая свой народ и свою родину, закончил свой жизненный путь так же трагично, как и многие миллионы его сограждан, включая десятки тысяч представителей высшего офицерства и генералитета Красной армии, включая бывших «комиссаров в пыльных шлемах»... В. М. Никаноров был расстрелян 12 декабря 1937 года по решению «тройки» по обвинению в антисоветской агитации. Виновным себя, вопреки «нормам» того времени так и не признал. Как водится, полностью реабилитирован посмертно, а где могила — тоже, естественно, неизвестно...)

Если в годы интервенции и гражданской войны немалая часть тех, кто противостоял силам внешней и внутренней контрреволюции, воспринимали нередко В. И. Ленина и его последователей лишь в качестве своего рода меньшего зла, но всё же единственной реальной силы, гарантировавшей в тот момент спасение России от расчленения, разграбления и распада, то после завершения периода военного противостояния начала срабатывать кардинальная закономерность, означавшая единственный в своём роде триумф ленинской концепции общественного развития. Здесь уж, начиная с 1921 года, кардинальный поворот к лучшему предрешило практически всё прямо или косвенно связанное с новой экономической политикой, быстрой и полной ликвидацией всего, связанного с террором, и началом реализации курса, нацеленного на создание подлинно правового общества, где должны восторжествовать нормы законности и гуманности, привлечением всех, наделённых творчески-созидательными ресурсами, знаниями и трудолюбием к вдохновенной деятельности во имя блага народа и всестороннего общественного прогресса. Вот когда всемирно-историческая правота В. И. Ленина стала доступной и для основной массы тружеников, и для подавляющего большинства истинных интеллигентов!

Открывшиеся после завершения периода жесточайшей борьбы за выживание общества, оказавшегося на краю пропасти под ударами в основном внешних сил, по сути дела практически безграничные возможности для труда на благо народа, не могли не вдохновить всех мыслящих и честных людей. Одним из великого множества соиздательно и патристически настроенных интеллигентов был и С. М. Никаноров. Кое-что о его гражданской и творческой самоотдаче из опубликованного в печати много лет спустя после его гибели: «С. М. Никаноров стал первым кавалером ордена Трудового Красного Знамени среди врачей. На торжественном заседании, организованном Наркомздравом РСФСР 7 февраля 1926 года в связи с этим событием, нарком Н. А. Семашко характеризовал С. М. Никанорова как учёного, счастливо сочетающего в своём лице глубокие знания специалиста с неутомимой энергией общественного работника». Нарком здравоохранения подчеркнул, что «впервые этот высший знак отличия, установленный для выдающихся работников на фронте труда, вручается представителю медицины как борцу за культуру и народное здоровье, являющиеся базой народного благосостояния».

Советская печать отмечала награждение С. М. Никанорова как важное событие, имеющее большое общественное значение: «Пусть отличие трудящихся воодушевляет этого научного деятеля на новую работу на пользу трудящихся, пусть Герой Труда — профессор Никаноров явит пример для всех деятелей науки в их работе по установлению связи науки с трудом... Привет трудовому краснознаменному профессору!» — писала газета «Известия». Благодарность С. М. Никанорова и его ответ на многочисленные поздравления опубликованы в этой же газете. Деятельность С. М. Никанорова, его вклад в науку о чуме и практику противочумной борьбы в нашей стране мало изучена.» («Советское здравоохранение», 1976 год. № 12, статья «С. М. Никаноров — выдающийся советский учёный-микробиолог.» Авторы: кандидаты мед. наук Э. Ю. Гольд, И. Д. Ладный.)

Небезынтересен и характер аргументации, содержащийся в документе о награждении: «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих Депутатов награждает директора государственного института микробиологии и эпидемиологии в Саратове — профессора Никанорова С. М. орденом Трудового Красного Знамени — высшим знаком отличия, установленным для выдающихся работников на фронте труда, как признание их заслуг перед трудящимися и революцией в ознаменование самоотверженного, упорного труда, широкого и смелого почина, мощного организаторского размаха, неусыпного рвения, блестящей плодотворной деятельности, направленной на восстановление и развитие народного хозяйства республики.

Трудовой подвиг профессора Никанорова выразился в том, что он проявил исключительную энергию и самоотверженность по организации успешной борьбы с чумой в Киргизии, Туркестане и Юго-востоке РСФСР. Награждая в лице профессора Никанорова — настойчивость, энергию и ревностное исполнение долга, Рабоче-Крестьянское Правительство ставит деятельность эту в пример другим работникам на общественном поприще народного хозяйства республики, дабы ряды сознательных самоотверженных борцов за великое дело укрепления и развития коммунистического строя ширились и множилось с каждым днём». № 153 февраля 6 дня 1926 года. Председатель ВЦИК М. Калинин. Секретарь ВЦИК Киселев».

Впрочем, хорошо известно, как умело Сталин манипулировал общественным мнением, инспирируя в собственных целях выдвижение и прославление приятных или нужных ему заведомо дутых величин в науке, литературе и культуре. Не был ли С. М. Никаноров всего лишь одной из его креатур до начала 30-х годов, после чего почему-либо впавшей в

немильсть? Нет. Все факты свидетельствуют о диаметрально противоположном. Бескомпромиссность в отстаивании своих научных выводов, основанных на объективном анализе и обобщении колоссального экспериментального материала, открытость в изложении своих политических воззрений, проявившаяся даже после ареста, не могли не делать этого человека, как и бесчисленное множество честных и мыслящих людей, абсолютно несовместимым с атмосферой всё более матеревшей сталинщины.

Ну а о том, что Сергей Михайлович не был сомнительной величиной в сугубо научном плане неопровержимо свидетельствуют бесчисленные факты и документы, достоверность которых просто невозможно поставить под сомнение.

«В начале двадцатых годов во главе наших чумологов становится оригинальный учёный и блестящий организатор научных исследований, профессор Сергей Михайлович Никаноров. (...) Революция застала Никанорова на Рын-песках. В полутёмном саманном сарае, служившем ему лабораторией, он ставил смелые и фантастические опыты с участием верблюда, сусликов, песчанок, кумарчика и верблюжьей колючки. Весь этот зверинец и гербарий должен был изображать круговорот чумы в природе... Но случайно в эксперимент могли быть втянуты другие персонажи, и почти ничем не защищённый исследователь легко мог погибнуть, обрвав собой цепь циркуляции чумы.

Неожиданно Никаноров был вызван в Москву к наркомку Семашко. В стране ещё шла гражданская война. Существовавшая до революции противочумная служба развалилась. (...) Летом 1918 года в Саратов прибывает баржа с оборудованием «чумного форта», а осенью Совет лабораторных работников города принимает решение о создании здесь первого в нашей стране противочумного института «Микроб». Профессор Бердников становится руководителем этого института. Но проходит немногим более года, и Бердников бежит за границу. Нарком Семашко предлагает Никанорову возглавить противочумную службу. Сергей Михайлович становится директором института «Микроб» и особым уполномоченным по борьбе с чумой на юго-востоке республики. (...) Его судьба трагична. В тридцатых годах он стал жертвой грязного доноса и следственного произвола, и было сделано много жестокого и позорного, чтобы забылось его имя.» («Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке.» Сборник третий. «Советский писатель», Москва, 1963 год. С. 307–313. Из публикации Александра Лина «Людям всей планеты».) Быть может, писатель в чём-то не совсем точен?

Если действительно возникают сомнения, то их стоит сопоставить с мнением медицинских работников, опубликованном в официальном печатном органе союзного Минздрава долгие десятилетия спустя после гибели С. М. Никанорова. «Окончив в 1912 г. медицинский факультет, С. М. Никаноров по инициативе выдающегося отечественного учёного Д. К. Заболотного, руководившего в то время работой, связанной со всесторонним изучением эндемичности чумы на юго-востоке России, возглавил противочумную лабораторию, незадолго до того (1909) открытую в Ханской ставке (Урде). (...) Руководимая С. М. Никаноровым лаборатория быстро стала одним из ведущих центров по изучению чумы и борьбы с ней на территории Астраханской губернии и Уральской области. С. М. Никаноров был в числе первых учёных, обнаруживших (1913) больных чумой сусликов и доказавших это бактериологически. В 1915 году в экспериментальных условиях он показал высокую восприимчивость сусликов к чуме и их роль как хранителей в природе и её источника для человека. (...)

Сергею Михайловичу принадлежат фундаментальные эпидемиологические и экспериментальные наблюдения о роли верблюдов как источнике чумной инфекции. В конце 1917 г.— начале 1918 г. во время вспышки чумы в Киргизской степи он выделил культуру чумного микроба из мяса павших верблюдов. (...) В конце 1917 г. он проводил меро-

приятия по ликвидации очага чумы среди кочевников так называемой внутренней Киргизской орды Астраханской губернии. В декабре того же года им был установлен очаг лёгочной формы чумы в Приморском округе, представлявшей опасность для Астрахани и Саратова. ...1-е краевое противочумное совещание юго-востока России (1920) по предложению его председателя, организатора и первого руководителя института «Микроб» проф. А. И. Бердникова отметило, что «единственной лабораторией, живущей полной жизнью, оказалась лаборатория Ханской ставки, обслуживавшая в последнее время большинство вспышек, собравшая очень ценный эпидемиологический материал и поставившая научные эксперименты по ряду эпидемиологических вопросов чумы». Учитывая всё это, совещание сочло необходимым выделить ей дополнительное помещение, улучшить снабжение... В июле 1921 г. С. М. Никаноров был назначен директором института «Микроб» и оставался на этом посту до 1930 г.

(...) С. М. Никаноров чрезвычайно много сделал для развития института «Микроб» и превращения его в центр научных исследований по чуме и организации противочумной борьбы в нашей стране. Один из первых сотрудников института, впоследствии известный советский учёный-эпидемиолог проф. Е. И. Коробкова вспоминала о С. М. Никанорове: «Этот человек, обладавший сокрушительной энергией и инициативой, в короткий срок превратил маленький институт в солидное научно-исследовательское учреждение, занявшее одно из первых мест среди других институтов этого профиля... Об институте «Микроб» заговорили везде, им заинтересовались не только в СССР, но и в далёких зарубежных странах. Его научный авторитет сильно вырос». В 1922 г. в соответствии с постановлением 2-го краевого противочумного совещания в ведение института «Микроб» были переданы 5 противочумных лабораторий, функционировавших в то время на юго-востоке РСФСР. В 1923 г. Наркомздрав РСФСР утвердил постановление 3-го краевого противочумного совещания о создании на базе института краевого противочумного центра, который возглавил С. М. Никаноров, назначенный уполномоченным Наркомздрава по борьбе с чумой. (...)

В 1924 г. на 4-м краевом противочумном совещании в Саратове С. М. Никаноров впервые обосновал принцип перехода от борьбы с уже возникшими вспышками чумы к их профилактике. Предложенная им система противочумной профилактики полностью оправдала себя и позволила обеспечить устойчивое эпидемическое благополучие по чуме в природных очагах этой инфекции. С. М. Никаноров был инициатором издания (1922 г.) и первым редактором «Вестника микробиологии и эпидемиологии», пользовавшегося широкой популярностью и в нашей стране и за рубежом, создателем в институте «Микроб» научной библиотеки... и уникального противочумного музея, открытого в марте 1924 г. (...)

С. М. Никаноров был не только признанным руководителем единой противочумной организации юго-востока СССР. Он во многом способствовал созданию противочумных организаций в Забайкалье, на Северном Кавказе и в Средней Азии. По его инициативе на базе института «Микроб» были проведены 2–5-е краевое (1922–1925) и первое Всесоюзное (1927) противочумные совещания. Подчёркивая значение обсуждавшихся на этих совещаниях вопросов борьбы с чумой, Д. К. Заболотный говорил: «Этот наш чумной уголок — самый интересный во всём мире, здесь много своеобразного, много загадок, и здесь на месте работа ценнее, чем в больших удалённых лабораториях. Последние работы «Микроба» стоят как раз у источника новых изысканий и достижений». Немецкий учёный В. Ноллер, посетивший институт осенью 1929 г., говорил на заседании Берлинского микробиологического общества: «Проф. Никаноров создал для юго-востока России организацию, которая работает первоклассно». Институт «Микроб» в 1927 г. был удостоен благодарственной грамоты ВЦИК. Такие люди, как Сергей Михайлович Никаноров, и теперь остаются нашими

современниками: его дела, мысли и опыт, присущий ему стиль научно-практической работы и руководства противочумной борьбой — бесценное достояние советской медицинской науки и здравоохранения». («Советское здравоохранение», 1976 год. № 12. С. 68–69.)

Показательно, что в ходе всех допросов, всего «дела» С. М. Никаноров ни словом не обмолвился о своих в сущности уникальных заслугах перед отечеством и множеством своих сограждан. Видимо, считал это не соответствующим некоторым этическим нормам порядочного человека, находящегося к тому же в лапах тюремщиков. Думается, аналогичными соображениями руководствовался он, ни словом не упомянув о своих систематических контактах, например, с практически во всём поддерживавшим его наркомом здравоохранения Н. А. Семашко, опасаясь хоть чем-нибудь поставить под удар этого добросовестного человека, болеющего всей душой за интересы всего, связанного с народными нуждами и прежде всего — охраной здоровья своих сограждан. И всё же тюремщики и их хозяева, безусловно, не были кем-то дезориентированными людьми из числа неосведомлённых о вышеприведённых данных. Инициаторы «дела» и исполнители знали это всё до деталей...

В том числе и потому, что жена С. М. Никанорова, Вера Николаевна, в отчаянной попытке спасти обречённого мужа, подготовила и направила, как ей казалось, все имевшиеся у неё документы, беспорядочно свидетельствующие в пользу узника. (Кстати, они по сей день хранятся в конверте, прикреплённом к одному из листов «дела».) В том числе и вырезку из газеты «Известия» «Профессору — орден Красного Трудового Знамени», содержащую, в частности, следующее: (Беседа с наркомом Н. А. Семашко) «Присуждение профессору Саратовского университета С. М. Никанорову высшего отличия, которое только возможно в трудовой Республике... представляет собой событие имеющее большое общественное значение. В ряду героев, которых отметила Рабоче-Крестьянская Власть этим отличием, в ряду рабочих, крестьян, красноармейцев, встала фигура профессора — человека чистой науки. Нарком здравоохранения... обрисовал вкратце биографию и научную деятельность нового краснознамёнца. Профессор Никаноров — сравнительно молодой учёный сразу выдвинулся своими ценными научными работами и организаторскими способностями... Он приобрёл себе европейскую известность своими научными трудами о чуме. Ещё в студенческие годы он принимал участие в практической борьбе с чумой в астраханских степях и с тех пор непрерывно работает над изучением этой болезни и борьбы с ней. Все бывшие за последние годы вспышки чумы были ликвидированы под непосредственным руководством профессора Никанорова. В 1923 году чума захватила четыре губернии: дала 80 очагов, 473 заболевания и 434 смертных случая. Профессор Никаноров сам направился на чумной фронт, принимая непосредственное участие в борьбе, и сравнительно быстро ликвидировал эту опасную вспышку. Профессор Никаноров по всей справедливости должен быть признан одним из сильнейших работников Республики на культурном фронте...» (См. «Известия» 31 января и 9 февраля 1926 года).

Другой документ из того же, хранящегося в деле конверта: «Грамота уполномоченному Совету Народных Комиссаров РСФСР по борьбе с эпидемией чумы в Нарынском кантоне Киргизской АССР профессору С. М. Никанорову. «Президиум Центрального Исполнительного Комитета и Совет Народных Комиссаров Киргизской Автономной Советской Социалистической республики с удовлетворением констатирует, что, несмотря на чрезвычайно неблагоприятную обстановку оторванности и культурной отсталости населения заражённых чумой районов, благодаря Вашей, Сергей Михайлович, исключительной энергии, опытному руководству и умелой организации советской общественности и широких масс населения, эпидемия чумы не приняла больших размеров народного бедствия и была доведена до полной ликвидации. Президиум Центрального Исполнительного Комитета и Совет Народных Комиссаров Киргиз-

ской АССР ставит проделанную Вами, Сергей Михайлович, работу по борьбе с эпидемией чумы как одну в ряде огромных заслуг перед Советской властью и трудящимися Киргизской АССР. Вместе с тем выражаем Вам искреннюю благодарность за данные Вами указания относительно дальнейших мероприятий по предотвращению новых вспышек заболевания чумой в Киргизии». № 477, 25.X.1928 г., г. Фрунзе.

И вот, зная практически всё и об этом человеке, об исключительной ценности его знаний и умений для народного самосохранения и благополучия (как, видимо, и обо всех остальных 47 обвиняемых микробиологах), решено было с помощью пыток добиться «чистосердечных» признаний в контрреволюционной и антинародной деятельности. А раз приказано было, как и в бесчисленном множестве других аналогичных дел, «выбить» желательные кое-кому такие признания, то, естественно, «благая» цель и была достигнута! Как и положено было во всех подобных случаях в соответствии с изуверски-кровавыми «нормами», всё ещё милой сердцу некоторых наших сограждан, сталинщины. Во всей её ужасающей и отвратительной наготе... Не берусь судить, были ли следы крови на листах многотомного дела микробиологов, как, например, на «допросных» листах дела, по которому «проходил» маршал Михаил Николаевич Тухачевский, но все же целевой «ориентир» и «почерк» были аналогичными...

Программировать всё более бессовестное и бесстыдное, в сущности — невиданно преступное «раскручивание» подобных процессов без всякого риска для себя, Сталин, судя по некоторым данным, получил возможность лишь с конца 20-х годов (начиная, в основном, с так называемых «дел» Шахтинского и «Промпартии»). Решающей предпосылкой этого была политическая ликвидация всех наиболее известных и влиятельных соратников В. И. Ленина в ходе подавления и уничтожения всего, имеющего хоть какое-либо отношение к инакомыслию даже умеренно антисталинистской направленности. «Обеспечить» после этого почти поголовный обман населения огромной многонациональной страны с помощью «подручных» и абсолютно единообразных средств массовой информации, а также за счёт разлагающей и оглуляющей ломки всей системы гуманитарного образования и воспитания снизу доверху, оставалось лишь вопросом времени и «техники». А раз так, то и тотальный, практически всеохватывающий террор, загубивший гигантские массы сограждан и в первую очередь — всё или почти всё самостоятельно мыслящее и незаурядное, оказался для Сталина чем-то само собой разумеющимся. Лишь за счёт этого, то есть двух упомянутых главных «китов», только и мог с конца XX века восторжествовать режим, столпами и последышами которого были сплошь и рядом коррупционеры, хапуги и уголовники заведомо палаческого типа, губившие всё, имеющее отношение ко всему лучшему и светлому.

При жизни В. И. Ленина ничего подобного не было и быть не могло, причём каждый, намеревавшийся «раскрутить» дело на клеветнической основе (да еще приказывающий применять пытки, как это со временем делал Сталин), подвергал себя не просто риску, а подчас риску с фатальными для него последствиями. Потому-то и можно считать либо крайне невежественными, либо преступными элементами тех (особенно из числа недавних «ленинцев» из партбюрократического «истеблишмента»), кто объявляет самым первым и ужасным «монстром» отнюдь не Сталина, а именно В. И. Ленина. И ведь не стыдятся лгать миллионам сограждан, заверяя, будто всю свою кровожадность Сталин «перенял» у того, продолжателем дела которого он якобы являлся, хотя в действительности был опаснейшим из его погубителей...

Расправа с наиболее известными в то время микробиологами в ряду всех других аналогичных акций была одним из бесспорных симптомов возникновения на смену «выдавливаемой» ленинской концепции общественного развития, кардинально иного и вообще несопостав-

вимого ни с чем во всей многовековой не только нашей истории, режима, где судьбы десятков и десятков миллионов людей в решающей степени предопределялись одним из самых крупномасштабных преступников-убийц за весь период существования мировой цивилизации и вообще рода людского. Преступники менее крупного масштаба и просто подонки-прихлебатели, готовые выполнять самые грязные и страшные функции, были лишь своего рода инструментами, суть которых предопределялась тем, кого они подбострастно начали вскоре именовать «хозяином»... Этим, собственно, и предreshалось, а отнюдь не действием каких-либо других факторов, появление и закрепление на самом веру таких индивидов, как Ежов, Вышинский и прочие, им подобные. Таково одно из главных следствий возглавленного Сталиным преступного антиленинского, антисоциалистического переворота.

Жертвы типа С. М. Никанорова и его коллег, были, если можно так выразиться, лишь крупными того человеческого «материала», который на погиль, ставшую почти неизбежной, нашего общества, «перемалывался» на потребу в основном того, кого действительно нельзя не считать монстром за всё, что он натворил, особенно за последние четверть века своей жизни. Приговор главным обвиняемым из 47 микробиологов, как и в отношении миллионов других невинных жертв, был, хотя поначалу и не самым фатальным, но уже тогда вполне закономерным для сталинского режима: «расстрел с заменой заключением в концлагерь сроком на десять лет». Там и произошло, как принято было выражаться одно время, бесследное «исчезновение» С. М. Никанорова. На многократные обращения (в результате долгих «проверок») на вопросы где, когда и как погиб С. М. Никаноров, ни органы МГБ, ни органы МВД ответить так и не сумели. А жаль...

Начиная с 30-х годов, начали инспирироваться «сведения», будто Сталин не ведал, что творилось под руководством его палачествующих подручных. В действительности ни одна из наиболее заметных, тем более — широко известных личностей, обречённых на превращение в «лагерную пыль», не проходила мимо внимания Сталина. Даже когда, «работая» со списками, подготовленными для него руководителями НКВД, обрекал на смерть нередко более тысячи невинных людей за один день, он не просто читал, но и делал «необходимые» пометки.

Сталин, естественно, не мог пройти мимо дела микробиологов; о С. М. Никанорове не только знал, но и помнил даже в 40-е годы, когда решил развернуть кампанию по борьбе с так называемым космополитизмом. К. М. Симонову в данной связи было поручено написать пьесу соответствующего содержания, за которую он испытывал чувство неловкости до последних дней своей жизни. Отозвавшись впоследствии о ней, как о «дурном и печально памятном сочинении», он отказался включить её в собрание своих произведений. А вот в сталинские времена это «сочинение», названное «Чужая тень», было поставлено на главных сценах Москвы и Ленинграда, в «ударных» спектаклях были заняты лучшие актерские силы и вознаграждено было такого рода усердие сталинской премией. Иначе и быть не могло. Тем более, что секретарь Сталина Поскребышев загодя потребовал от К. М. Симонова позвонить в Кремль, после чего пришлось с готовностью «принять» все пожелания диктатора. (См. «Книжное обозрение». № 38, 24 сентября 1996 года. С. 19) Материал же для данного «сочинения» К. М. Симонову было «высочайше» рекомендовано «собрать» в том самом микробиологическом институте, директором которого с лета 1921 года и вплоть до 1930 года был именно Сергей Михайлович Никаноров...

Ко времени постановки пьесы не было в живых ни его самого, ни единственного сына Бориса, погибшего на фронте (с трудом добившегося отправки в действующую армию, вопреки тому, что он был сыном «врага» народа, которому «нельзя» доверять оружие), ни вдовы, покончившей с собой после того, как она узнала о гибели самых близких людей...

По масштабу подрыва и максимально возможного уничтожения того, что можно считать своего рода генофондом духовной, а также гражданской результативности, да и элементарного нравственного здоровья тех, кто проживал на необъятных просторах гигантской страны, сталинщина не имеет аналогов за все тысячелетия всеобщей истории. Назойливо, нахраписто, причём ежедневно и ежечасно, буквально вколачивать в массовое сознание крупнейшую и самую пагубную ложь за весь многовековой период существования нашего Отечества могут лишь люди предельно аморального, часто — преступнейшего типа, а также в определенном смысле — темные, крайне невежественные люди. Причём решающую роль здесь играют не заурядно тёмные элементы, а зоологически своекорыстные, рвущиеся к власти и беспредельному обогащению за счёт основной массы соотечественников или обездоленных и обрекаемых на самое непоправимое. Суть этой разлагающей и губящей наше общество лжи всемирно-исторического «охвата» сводится к извращающему всё и вся пропагандистскому штампу, будто сталинщина это и есть не что иное, как практическая реализация того, что будто бы завещал и к чему якобы стремился В. И. Ленин, а значит, даже в годы вроде 1937-го «цвел» самый настоящий, истинный социализм...

А ведь понимание того, что из себя представляет сталинский режим, насколько он враждебен интересам народного блага и, конечно, ленинским заветам, ещё в 30-х годах было доступно не только почти поголовно истребленным марксистам-интеллектуалам (как и другим истинным интеллигентам того времени), но и подчас самым обычным, но кристально чистым труженикам, знавших цену крупнейшим в истории антисоциалистическим преступлениям 30-х и иных «лихих» годов... Именно об этом свидетельствует бесчисленное множество архивных документов НКВД и других ведомств. Они обнажают не только механизм надламывающе тоталитарного воздействия на всех, понимавших, что с конца 20-х годов полноценная, успешно, начиная с введения ленинского нэпа, развивавшаяся страна, быстро была превращена в нечто диаметрально противоположное. До чего же насущно сейчас обнажить, к чему сводится истинная сущность того, что и пять-шесть десятилетий тому назад, и в наши дни (с «подачи» ряда бессовестнейших «распроинаглавных» идеологических авторитетов ельциноидной «волны») изображалось и ныне сверхлживо изображается социализмом и последовательной реализацией ленинизма!..

Насколько же были чище, честнее, благороднее, глубже были те т. н. «простые» люди, кто в самые страшные, глухие годы делал все посильное, чтобы хоть немного, пусть на «микроуровне», но все же ослабить воздействие «вселенского зла» на души людские. До последнего часа своей жизни не смогу забыть своего очень пожилого и мудрого учителя Николая Ивановича Сороченко, работавшего в школе поселка никелевого комбината города Орска, стремившегося подчас со смертельным риском обнажить в 1942 году нам, старшеклассникам правду о недавно минувшем и в тот исторический момент происходившем... Сверхнедостойно было бы с моей стороны забыть такую столь же светлую личность, как парторга 1-го дивизиона 22 Отдельного гвардейского минометного Краснознаменного Полоцкого полка, капитана Иванова, помогавшего понять правду мне, мальчишке-сержанту, ушедшему в солдатский строй со школьной скамьи.

А как в сущности по-своему не нравственно величественно предстают в памяти те очень многие рабочие (не только железнодорожники), которые систематически разыскивали в конце 30-х и в 40-е годы записки, выбрасывавшиеся заключенными на железнодорожные насыпи из бесчисленных эшелонов, вызволивших миллионы страдальцев (иной раз прямо «поближе» к смерти)! Для того главным образом, чтобы положить записку в конверт и направить его по назначению, переписав адрес... Невероятно, но сейчас находятся так называемые творче-

ские «интеллигенты», которые уверяют, будто «нация доносчиков» некогда якобы существовала и по «собственному желанию», дескать, поддерживала и восхваляла Сталина!!

Надо, наконец, отдать должное Надежде Яковлевне Мандельштам, в тягчайшую пору увидевшую и не скрывающую ту правду, что «в рабочих семьях в то суровое время разговаривали гораздо более прямо и открыто, чем в интеллигентских». В частности, поведала она и о настоящей рабочей супружеской чете, по соседству с которой ей довелось жить. «Татьяна Васильевна не без гордости объясняла: Мы — потомственные пролетарии... К процессам оба относились с полным осуждением: «Нашим именем какие дела творятся», — и хозяин с отвращением отбрасывал газету... Что все это называлось диктатурой рабочего класса, приводило обоих в ярость: «Заморочили вам голову нашим классом». Или: «Власть, говорят, за нашим классом, а пойдешь, сунься — покажут тебе твой класс»... У обоих было понятие пролетарской совести, от которой они не желали отказываться».

Более, чем просто показательно воспоминание Надежды Яковлевны о рабочих поселка Струнино, где она работала на текстильной фабрике. Там знали, что она принадлежит к числу репрессированных, которым запрещено приближаться (не только к Москве) на расстояние меньше, чем 100 километров... Она вспоминала: «Относились ко мне хорошо, особенно пожилые мужчины... На каждом шагу я замечала дружеское участие — не ко мне, а к «стопятнице». То есть люди, конечно, понимали, насколько велика опасность, ей угрожающая. Особенно после ареста мужа...

Однажды ночью (завод работал в три смены) в цех явились двое молодых людей, приказавших Надежде Яковлевне следовать за ними в отдел кадров. Путь туда пролегал через несколько цехов. По мере того, как Мандельштам в сопровождении энкаведешников двигалась по цехам, рабочие выключали машины и шли следом: они знали, что из отдела кадров нередко уводят прямо в НКВД. «Чего от меня хотели, я так и не поняла, но в ту ночь меня отпустили, быть может, потому, что во дворе толпились рабочие... Когда кончилась ночная смена, один за другим к нашему окну стали приходиться рабочие. Они говорили: «Уезжай», — и клали на подоконник деньги. Хозяйка уложила мои вещи, а хозяин с двумя соседями погрузили меня на один из первых поездов. Так я ускользнула от катастрофы благодаря людям, которые еще не научились быть равнодушными. Если отдел кадров первоначально не собирался меня арестовывать, то после «проводов», которые люди мне устроили, мне, конечно бы, не уцелеть». («Юность», 1989. № 8. С. 37–39)

Видимо, все же в основе своей убеждения мыслящих, по-настоящему сознательных труженников из так называемых «низов» той поры, были органически взаимосвязаны с тем, что заявил на следствии блистательный писатель и умнейший прогрессивно мыслящий человек, каковым был, конечно, загубленный Борис Пильняк. По его словам «Мы пришли к одной мысли, что политическое положение чрезвычайно тяжелое, ощущается невиданный гнет государства над личностью, отсутствуют минимальные права выразить свое мнение, что мы живем на осадном положении. Социализма нет, так как социализм подразумевает улучшение отношений между людьми, а у нас культивируются волчьи отношения» (Шанталинский В. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 200) Если бы эту, как и любую другую правду о подлинном социализме, было бы обнародовать тогда же!!!

4 Суть режима, с изощренной расчетливостью сформированного в основе своей в 30-х годах, как чудовищно бесчеловечного, разлагающего, а в перспективе — самоубийственно-преступного феномена, смертельно опасного для Родины нашей, как ни в чем другом, с особой рельефностью обнажается именно в том, как функционировал «механизм» массового уничтожения ни в чём неповинных гигантских масс наших сограждан. Про-

являлось это практически в каждом из несчетного множества поистине сфабрикованных так называемых «политических» дел. Тех самых, которые в ленинские времена обычно не «возникали», ибо за это полагалась очень суровая кара...

Из одного дела, во многом — типичного (в ряду миллионов аналогичных): «Никаноров Виктор Михайлович с 1914 по 1918 г. являлся офицером в старой армии, а последнее время был штабс-капитаном в белой армии (Хотя на самом деле был командиром в РККА... — Г. Н.). В марте 1931 г. Никаноров был арестован ОГПУ и осужден тройкой по ст. 58–10 на пять лет лишения свободы, где находился под стражей до декабря месяца 1934 г. В апреле месяце 1935 г. Никаноров прибыл в село Нееловку и поступил в Вязовский питомник на работу старшим бухгалтером. В данное время среди населения проводит антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий партии и правительства и выборов в Верховный Совет СССР». Дата — 4 декабря 1937 года, а уже 8 декабря того же года в выписке из протокола заседания судебной тройки сказано: «Обвиняется в том, что по отношению к Советской власти настроен враждебно-контрреволюционно, среди населения проводил антисоветскую агитацию». Приговор: «Никанорова Виктора Михайловича — расстрелять». Просто и без юридических «излишеств».

«Выписка из акта. Постановление Тройки УНКВД по Саратовской области от 8 декабря 1937 года о расстреле Никанорова Виктора Михайловича приведено в исполнение 10 декабря 1937 года в 22 часа. Помощник Начальника УНКВД по Саратовской области капитан Г. Б...» Как говорится, «на всё про всё» потребовалось лишь несколько дней: под стражей Виктор Михайлович Никаноров содержался с 5 декабря 1937 года, то есть пяти дней оказалось более чем достаточно, чтобы оболгать, облить грязью с головы до ног и прикончить человека редкой душевной чистоты, совестливости и отваги. Показания всех трёх свидетелей (по социальному статусу объявленных бедняками, включая мельника) совпадают не только по основной направленности, но в чём-то и прямо-таки дословно: «Мне известно, что Никаноров Виктор Михайлович... враждебно-контрреволюционно настроен против Советской власти, систематически среди рабочих питомника проводит антисоветскую агитацию». Удивительно, но факт: примерно с такой фразы, буквально как под диктовку, начинаются показания всех свидетелей! (НКВД СССР. Управление по Саратовскому краю. Дело № 18662).

Впрочем, наряду с заведомо фантастическими показаниями свидетелей и утверждениями следователя вроде того, что В. М. Никаноров «высказывал повстанческие настроения», в деле есть и фраза, вполне соответствующая умонастроениям Виктора Михайловича. Вот эти слова: «В конце ноября 1937 года Никаноров говорил, что «Колхозники со дня коллективизации не видели хорошей жизни, их разорила Советская власть и сейчас массы насыщены недовольством...» Эти слова, пожалуй, с документальной точностью соответствуют тому, что произошло с момента начала сталинской «сплошной коллективизации», «ликвидации кулачества как класса», т. е. «раскулачивания». Происходило полное уничтожение всего, характерного для периода резкого улучшения условий жизни основной массы населения, то есть начавшегося процветания нашего общества в связи с реализацией ленинского курса, основой которого была новая экономическая политика и закладка фундамента подлинно правового государства. Было в такого рода надломе всего прогрессивного и разумного нечто «загадочное и недоступное пониманию» любого по-настоящему мыслящего и честного человека? Разумеется, нет. В том числе и для В. М. Никанорова. Гибель многих миллионов таких людей была в тот по-сталински «исторический» момент ужасающе преступным, но фактом рокового надлома в ходе истории нашей страны.

Видимо, Виктор Михайлович отдавал себе в этом полный отчет и понимание такого рода закономерности помогло ему умереть с достоинством, в чем-то, пожалуй, исключи-

тельным. Виновным себя не признал, отверг утверждения, будто он участвовал в белом движении, ибо на самом деле сражался в рядах Красной Армии, спасая от гибели родную страну. Одновременно заявил, что ни в настоящий момент, ни ранее ни в каких партиях не состоял, был и остается беспартийным. Из множества родственников не назвал никого, кроме жены, которая скончалась еще в 1930 году, естественно, ни слова не сказал, что есть дочь-подросток, живущая у тетушки... Мало того: не только никого не оговорил, но и не попрекнул, вообще ни словом не упомянул даже доносчиков и лиц, клеветнически свидетельствующих против него. Видимо, понимал, почему они так себя вели в условиях, сложившихся в стране к 1937 году, но сам абсолютно ни в чем не погрешил, уходя из жизни, ни против родных, ни против чужих. По наивности? Конечно, нет: по долгу чести, наличие которого у великого множества наших сограждан только и могло еще спасти общество если не от страшных бед, обрушившихся на него с момента установления сталинской диктатуры (ничего общего с подлинно Советской властью не имевшей), то от полного краха СССР, уже тогда не исключённого...

Каждая из многих миллионов аналогичных судеб не просто показательна, не просто заслуживает самого пристального внимания, а неопровержимо *доказывает*, что Сталин мог закрепиться и удержаться на вершине власти, только создав систему, в условиях которой любой из его сограждан мог быть легко оболган, а затем в случае «надобности» и уничтожен. Причем данная система возникала не одновременно, а своего рода рывками, последовательно и очень методично, расчетливо намечавшимися один за другим, и это проявлялось как в очень крупных и широко известных преступных акциях, так и «мелочах», вроде дел безвестных одиночек, о максимально возможном количестве которых тоже, конечно, надо бы поведать. Сталинские злодеяния такого рода были ужасающи, но возможны лишь по мере постепенного, расчетливо-последовательного подрыва и уничтожения ленинских юридических и нравственных установок, то есть норм законности и морали, без чего никаких шансов не было бы у бесчеловечнейшего властолюбца, которого Булат Окуджава однажды далеко не случайно квалифицировал в качестве «пахана» уникальных данных и возможностей.

К примеру, только после политической ликвидации наиболее влиятельных и широко известных лидеров внутривластной оппозиции, у Сталина появилась возможность «стрять» крупно-целенаправленные провокационно-лживые акции, вроде процесса «Промпартии». В то же время в связи с тем, что еще только приближался час политической расправы с Н. И. Бухариным и его сторонниками, до поры до времени приходилось проявлять что-то вроде некоторой сдержанности. Уже «можно» было терроризировать очень многих и, например, выбивать признания в злодеяниях, в выдуманных Сталиным и его подручными у честнейших беспартийных интеллигентов, верой и правдой служивших Советской власти и своему народу. Но еще «неловко» было немедленно их убивать без намека даже на подобие юридической обоснованности. «Приходилось» на первых порах приговаривать к расстрелу, но тут же заменять его 10-летним заключением...

Совсем уж необузданный, тотальный беспредел, столь желанный Сталину был еще впереди, для чего предварительно надо было политически ликвидировать всех наиболее влиятельных ленинцев вообще, включая, разумеется, противившихся насильственной «сплошной коллективизации» и уничтожению так называемого кулачества. А далее вполне «закономерной» оказалась жажда буквально физически истребить в полном соответствии с оголтело палаческой «методикой» как можно больше истинных честных и наиболее компетентных партийцев. Вот и последовало убийство Кирова и на этой «основе» — немедленное «юридическое» оформление механизма внесудебного уничтожения всех, кого вздумает

ется. С повсеместным применением легализованных лично Сталиным пыток... По-настоящему развернуться удалось, правда, лишь к 1937 году, когда «очищенный» от всех самых честных и компетентных ленинцев, в сущности опустошенный, радикально «поредший» и надломленный, парализованный окончательно ЦК ВКП(б) одобрил все до единой сталинские «новации» изуверски-чудовищного, аморально сверхгнуснейшего типа, по сей день кое-кем «приписывающиеся» убогой палаческой марионетке Николаю Ежову...

В этом смысле весьма показательна и публикация в «Известиях» 5 июня 1998 г. «Враг народа» Ежов остается врагом народа». Особенно завершающая ее часть: «Вдумайтесь в эти цифры: в 37-м расстреливали каждого третьего арестованного, в 38-м — уже каждого второго. Страшная статистика! Но вопреки исторической правде Главная военная прокуратура рассматривает приказы Ежова лишь как личную инициативу, вне исторических реалий и контекста времени. Отсюда по меньшей мере странная ссылка ГВП на то, что нарушение Ежовым «революционной законности» осуждено еще в те годы... постановлением Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 7 ноября 1938 года. Приходится напомнить, что, подписанное Молотовым и Сталиным, оно появилось на свет, когда Ежов еще командовал НКВД. Но хозяину он уже не требовался — как мавр, сделавший свое дело. Показательные политические процессы проведены, оппозиция уничтожена или брошена в ГУЛАГ. Теперь можно было сбавить темпы репрессий, даже лицемерно посетовать на некоторые нарушения в «работе» НКВД и прокуратуры.

Главная военная прокуратура считает недоказанными шпионаж и убийство жены, однако не видит оснований обвинений по вмененным Ежову статьям 58–7, 19–58–8 и 58–11 — вредительство, покушение на совершение терактов и участие в организации по осуществлению этих преступлений, учитывая тяжелейшие необратимые последствия, которые повлекла за собой его деятельность на посту начальника НКВД, и урон, понесенный нашей страной.

Но Ежов не был контрреволюционером или вредителем в том смысле, как это трактуется текстами соответствующих статей Уголовного кодекса в редакции 1926 года. В том-то и дело, что при всей чудовищности содеянного он был истинным и истым сталинцем, верным учеником вождя, неуклонно проводившим в жизнь его личные указания, линию партии и правительства (а сама эта линия была преступной). И когда в последнем слове на процессе Ежов просил передать товарищу Сталину, что «будет умирать с его именем на устах», он вовсе не лицемерил.

Трудно не согласиться с падчерицей Ежова Натальей Николаевной, которая в своем заявлении в прокуратуру пишет: «Ежов — продукт господствовавшей тогда системы кровавого диктаторства. Вина его в том, что он не нашел в себе сил отказаться от рабского служения Сталину, и вина его перед советским народом ничуть не больше, чем вина Сталина, Молотова, Кагановича, Вышинского, Ульриха, Ворошилова и многих руководителей партии и правительства». Но и не меньше, добавлю я от себя.

Непоследовательность ГВП и в том, что, когда несколько лет назад она обратилась в Верховный суд с протестом о пересмотре дела министра МГБ Абакумова, то в отличие от заключения по делу Ежова просила тогда переквалифицировать антигосударственные преступления Абакумова на злоупотребление властью, совершенное военным служащим. Но ведь с правовой точки зрения между деяниями Абакумова и Ежова по осуществлению массовых репрессий нет принципиальной разницы.

После публикации статьи «Реабилитация ГУЛАГа» («Известия». № 78) пришло много писем. Читатели поддерживают высказанную в газете мысль — нам обязательно нужен суд народа, чтобы рассмотреть преступления времен «великого сталинского террора» и опре-

делить конкретную ответственность всех исполнителей сталинской воли, в том числе Ежова, Берии, Абакумова. Результаты заседания военной коллегии лишь подтверждают необходимость такой акции. Нашего очищения от прошлого».

Как ни парадоксально, но этот перелом в стране в равной степени «впечатляюще» бросается в глаза как в судьбе и гибели крупнейших в свое время соратников В. И. Ленина по руководству страной и партией, так и в муках погибшего безвестного беспартийного российского патриота, бывшего штабс-капитана... Скажем, по первому процессу Л. Б. Каменив и многие другие члены ленинской партийной гвардии, были по лживым обвинениям приговорены кто к 5, кто к 10 годам заключения, а по второму вскоре последовавшему судилищу по тем же в сущности обвинениям последовал приговор к расстрелу. Бывший штабс-капитан Виктор Михайлович Никаноров по первому приговору «получил» пять лет концлагеря за мнимо антисоветскую агитацию (1931 год), а в 1937-м за то же самое — расстрел, причем найти могилу тоже невозможно...

Данное «мелкое» и безвестное дело в ряду многих миллионов аналогичных, стало со второй половины 30-х и в 40-е годы вполне типичным, причем совершенно не обязательно было расстреливать официально: сплошь и рядом было гораздо «сподручнее» либо доканать в ходе применения ничем не ограниченных наиужаснейших пыток, не просто «рекомендованных к исполнению», а с необузданной кровожадностью повсюду внедренных Сталиным вполне официально, либо — сгубить в любом из концлагерей, сплошь и рядом превращавшихся в лагеря массового уничтожения, то есть лагеря каждодневно торжествующей смерти. Именно в этом прежде всего и проявлялись в сталинский период кардинальные, по масштабу — беспрецедентные во всей мировой истории перемены и, возможно, роковая для России, характернейшая «специфика» сталинщины, ни до, ни после невиданная. Остается только утешать себя тем, что сталинистско-изуверская система в своем целостно-завершенном виде не смогла продержаться после смерти Сталина в 1953 году: Н. С. Хрущеву все же удалось успешно возглавить по крайней мере ликвидацию сталинского геноцида, нацеленного против многих, страшно многих миллионов граждан СССР, причем не только в ходе массовых репрессий.

Не стоит забывать и о том, что, к счастью для нашего общества, сталинская машина уничтожения была не в состоянии выполнить все, что задумывалось ее создателем, достаточно неукоснительно. К примеру, к 1937 году должен был во всю срабатывать сталинский «законодательный» акт (на уровне царя Ирода...), согласно которому смертная казнь начала применяться и по отношению к якобы «преступным» детям, начиная с 12 лет (в первую очередь из семей «врагов народа»). Кстати, и к этому Сталин еще не мог приступить, скажем, в 1931 году, когда сама мысль об аресте и тем более — казни ребенка, еще была бы воспринята в качестве, чего-то невообразимо преступного. Между прочим — даже в 1937 году эта каннибальская директива в основном срабатывала против лично известных Сталину семей и подчас самой юной их «поросли». Рядовым же жертвам частенько везло хоть в этом...

Так, следователь как бы сквозь пальцы посмотрел на то, что в 1937 году В. М. Никаноров утаил наличие у него дочери-подростка, которая была ограждена от страшной сиротской доли ее тетушкой, причем и она в результате тоже ничем за это не поплатилась. Чтобы разоблачить и пресечь это «преступление» следователю было достаточно использовать соответствующие данные, имевшиеся в деле, по которому В. М. Никаноров «проходил» в 1931 году и с материалами которого он был знаком до деталей. Хорошо, что хоть эта «деталь» прошла мимо внимания судебно-следственных органов... А вот широко известному Л. Б. Камениву страшно не повезло и в этом: истерзали, подвергнув по «высо-

чайшему» указанию ужасающим пыткам, и прикончили не только его самого. То же сделали и со старшим сыном — смелым и умелым летчиком, удостоенным поощрений и правительственной награды, и с младшим — мальчиком-девятиклассником, больше всего увлекавшимся историей и во всех отношениях производившим самое благоприятное впечатление, но признавшегося бог знает в чем. Не удивительно: если сталинские застенки были таковы, что «ломали» даже маршалов, ибо таких страшных пыток как там, уже давно в России «в официальном порядке» не было и в помине...

Немаловажно обратить внимание и на отличия Гитлера от Сталина: если у германского заправили его необузданная в своей чудовищности жестокость, в первую очередь была направлена против других народов, то у «нашего» — главным образом — против «собственных» сограждан. Проявлялось различие и по отношению к детям: Гитлер директивно требовал поголовного уничтожения «расово чуждых» (но не германских), даже младенцев, начиная с грудных, не говоря ни слова об их «виновности», Сталин же считал целесообразным официально требовать расстрела так называемых «преступных» советских детей, лишь начиная с 12-ти летнего возраста... Между прочим, в данной связи, видимо, нашему властвующему «гению» в этом плане было труднее перестроить сознание своих сограждан в «нужном» духе. Думается, именно поэтому, вопреки всему «выплеснутому» тогда на его оклеветанного и расстрелянного отца — Л. Б. Каменева, вопреки страшной атмосфере того времени, к младшему сыну-школьнику заклеянного «врага народа» пришли и поздравили с последним перед арестом днем рождения одноклассники во главе с классным руководителем. Даже сейчас страшновато подумать о том, что могло тогда произойти и со всеми, кто не мог позволить себе топтать обреченного мальчика!

Все же к горькому, но общему для всех нас везению можно отнести то, что было невозможно — тем более, одним махом — изуродовать и растлить как нравственно, так и духовно весь наш человеческий потенциал в полном составе, что и было одним из решающих факторов спасения в конечном итоге почти загубленного сообщества народов нашей страны. Даже только, чтобы сделать безотказным орудием в собственных руках органы государственной безопасности, Сталину потребовалось уничтожить десятками тысяч почти полностью прежний кадровый состав данного ведомства, неформально помпильный нравственные и профессиональные установки Ф. Э. Дзержинского. Покончив одновременно со всем, что чем-то напоминало хотя бы видимость законности, еще кое в чем сработавшую в конце 20-х и начале 30-х годов, когда уже, казалось, было целиком надломлено все, имевшее хоть какое-то отношение к ленинским нормам. В этом смысле и самое начало 30-х годов уже было страшным временем, но все же, когда сравниваешь два дела одного и того же человека, репрессированного по ложному обвинению в антисоветской агитации и в 1931-м, и в 1937-м годах, невозможно не заметить происшедшего за считанные годы качественно деградационного «скачка». Причём «скачка» ужасающего, в чем-то общесоциального, ставшего фактом за исторически кратчайший срок с потрясающе разлагающим и пагубным эффектом.

Анализируя «дело» 1937 года, видишь, как буквально за каждой страницей маячит образ не юриста-законника, а целеустремленно заурядного функционера-убийцы, стремящегося как можно быстрее оболгать и обречь на смерть очередную ни в чем неповинную жертву. И вот ведь что тоже мучительно горько: где-то в подсознании возникает мысль, что и этот следователь, выполняющий в сущности чисто уголовные (пожалуй, точнее — легально палаческие) обязанности, все же, как и многие из его коллег, не является подонком по своим изначальным данным. Таковым его сделала ставшая к тому моменту непреодолимой сталинщина, обязывающая его, забыв все совестливое, доброе и разумное, беспре-

кословно и ревностно соучаствовать в выполнении дьявольской директивы о массовом уничтожении невинных, объявляемых врагами народа. Доводились соответствующие «плановые задания», за невыполнение которых казнили «нерадивых» сотрудников...

Раз в ведомстве установлен «железный порядок», согласно которому нормальный и тем более — приличный человек сам гибнет под пытками, в случае отсутствия особого рвения по части уничтожения невинных сограждан, то дело, естественно, не ограничивается страшной и отвратительной своего рода «селекцией» кадров на всех уровнях, вплоть до появления на «вершине» таких индивидов, как Ежов (видимо, легко обрезаемого на психический и нравственный надлом...). Неизбежно и следующее: даже если в порядке, пожалуй, чуда, кто-то из данного аппарата еще сохранял в душе что-то нормально человеческое, то проявляться это могло только в исключительнейших случаях, когда риск оказывается минимальным, а лучше — вообще полностью отсутствующим... Вот и девочке-сироте повезло потому, что не только погибающий отец скрыл ее наличие, но и потому, что следователь счел возможным «не заметить» этого «лукавства» смертника, уходящего в небытие. И тут уже не до переживаний из-за невозможности узнать точно, было ли это результатом доброго колебания в душе следователя в связи с отсутствием серьезного риска расплаты за это, или заурядного ведомственного формализма, выгодного для невинно поверженных... Как не столь уж важно и то, что невозможно точно установить, чье умалчивание во имя спасения ребенка от еще более горькой доли, сделало его судьбу менее тяжелой и трагичной.

Итак, 1931 год был в числе первых из только что «нагрязнувших» после политической ликвидации Н. Бухарина, А. Рыкова, М. Томского и их сторонников, действительно страшных годов. Уже развернулся, поначалу далеко не всеми замеченный антикрестьянский геноцид, сочетавшийся с первыми ударами, которые были тем же Сталиным нанесены по интеллигенции и по культуре. Разрушение храма Христа Спасителя, которое ныне многими воспринимается как самое крупное злодеяние, было лишь одним из симптомов переворота, успешно начатого ужаснейшим правителем под личиной сторонника социализма, основы которого были им подорваны неизмеримо фатальнее, чем кем бы то ни было. Несравнимо опаснее для общества было начавшееся тогда уничтожение не величественного храма, а миллионов и миллионов крестьян, объявленных кулаками и подкулачниками. А посему гигантскими массами переселяемых вместе с малыми детьми в подчас совсем гиблые места, где выжить могли далеко не все, а кое-где и вообще лишь единицы, не говоря уже о фактическом геноциде с помощью голода.

И все же творилось все это в основном во внесудебном порядке. В. И. Ленину в ходе начатого им пресечения и искоренения террора, сочетавшегося с насаждением норм подлинной законности, удалось сделать многое из весьма существенного, сказывавшегося не только при жизни, но и в течение нескольких лет после его гибели. Настолько, что кое-что из его наследия и в данной сфере, пусть в надломленном варианте, но еще до поры до времени продолжало сказываться даже в ситуации, начавшей совсем уж труднопоправимо меняться после 1934 года. Сохраниться в 30-е годы, ленинские юридические и моральные нормы в кардинально изменившейся обстановке триумфа сталинщины, естественно, шансов не имели, но какое-то тормозящее воздействие на приход этапа полностью восторжествовавшего беспредела преступности, возведенной Сталиным в ранг государственной политики, они все же до поры до времени оказывали. Сохраняясь до поры до времени даже в душах немалой части сотрудников и данного аппарата.

Так в самых различных сферах, вопреки всему скверному и ужасному, в той или иной степени все еще продолжала немало лет срабатывать позитивная, во многих очень многих

случаях — по-своему гуманистически проявлявшаяся угасавшая социальная направленность ленинских лет. И сказывалась она не только в том, что за одно и то же «преступление» в 1931 году приговаривали к пяти годам заключения, а в 1937-м — к расстрелу: при изучении дел самого начала страшнейших в нашей многовековой истории 30-х годов XX-го века, бросается в глаза то, что в отличие от второй половины того же десятилетия, и у самых нещепетильных следователей еще нет «благоприобретенного» сверхпреступного навыка. Суть его сводится к абсолютному игнорированию правды фактов во имя как можно более свирепого выполнения директивы о массовом уничтожении всех «нежелательных»! Даже прямые установки того, кого вскоре стали сверхпочтительно именовать «хозяйном», нацеленные в данном направлении, вплоть до 1936–37 гг., срабатывали еще далеко не так, как тому хотелось. Пусть цель, поставленная перед карательным аппаратом, была чудовищно несправедливой (уже вскоре после смерти В. И. Ленина, за любую разновидность инакомыслия, начали «привлекать» как за антисоветскую пропаганду, нацеленную на свержение Советской власти), но еще не было принято слишком уж бессовестно лгать, клеветать, безоглядно извращая факты во имя осуществления массовой резни.

При реализации беспросветно жестокой, по сути дела — преступно-антиобщественной директивы времен еще только набиравшей силу сталинщины, и в репрессивных органах во множестве случаев сохранялось стремление знать конкретные факты и только на их основе делать по возможности юридически обоснованные выводы, в результате чего большей частью и выносился приговор. Следовательно, до поры до времени темпы разложения основ нормального здорового общества и превращения его в объект совершенно бесконтрольного господства клики, возглавляемой одним из двух крупнейших злодеев всемирной истории, представлялись тому слишком медленными. Он жаждал всемерно ускорить антиленинский переворот в связи с тем, что мог ощутить чувство спокойно-безоглядного упоения господством над обществом только полностью завершив создание с помощью сопоставимых с гитлеровскими методов кроваво-тоталитарного режима буквально на костях десятков миллионов сограждан.

В результате даже надломленный им до непристойно зависимого состояния нарком внутренних дел Генрих Ягода, казалось бы, полностью находившийся в руках у Сталина, оказался не в состоянии окончательно переломить себя и убивать «без конца и без края», а значит, угодить ему по-настоящему... Потому-то и должна была прийти пора, когда «хозяйин» сначала заявит, что НКВД «отстаёт от требований времени» на несколько лет, то есть, в сущности, фактически саботирует, затем снимет Ягodu с поста и через некоторое время прикажет арестовать и казнить («убрав» одновременно свидетеля, который «слишком много знал»). Раз для создания атмосферы всеобщей подозрительности, шпиономании, страха, для формирования режима, в условиях которого можно оболгать кого и что угодно и расправиться с любой личностью, группой людей, целым социальным пластом и даже иным народом в полном составе, то и должна была наступить пора, когда Сталин мог с легкой душой отдать все классы, все социальные группы, все народы нашей страны на растерзание совершенно невиданному до тех пор аппарату. Все до единого «ярусы» которого (особенно верхние) были не просто перестроены, а фактически почти полностью «обновлены» ранее невиданным «человеческим материалом» ...

Слагаемые сталинщины и самых чудовищных ее триумфов, не были, конечно, чем-то упрощенно однозначным. В частности, колоссальнейшую роль играла ничем не ограниченная монополия Сталина и его подручных в определении до деталей всей деятельности средств массовой информации и основы как гуманитарного образования всех уровней, начиная с детского сада, так и всей системы воспитания. Но все же решающим фактором

торжества Сталина было его повседневное и неусыпное личное господство над всеми карательными аппаратными структурами. Конечно, невозможно было самолично надзирать над многими десятками и сотнями тысяч обычных функционеров всех уровней, да в этом и не было надобности: более чем достаточно было «держатъ в горсти» ключевые фигуры. И вот тут-то в наибольшей степени могли удовлетворить сталинские «запросы» сначала безоглядно покорный палач «высшего» уровня, возможно, духовно и психически аномального плана, каковым был Николай Ежов, а затем — тоже «податливый» исполнитель сталинских требований, но не лишенный организаторских способностей, Лаврентий Берия.

Здесь, естественно, не мог не оказаться совершенно неприемлемым руководивший отнюдь не уголовно-преступными рефлексам, а высоконравственными и глубоко принципиальными побуждениями человек такого типа, как Феликс Эдмундович Дзержинский, пришедший к тому же к выводу, что в лице Сталина на вершине власти оказался могольщик ленинизма. Только современные закоренело преступные «специалисты от пропаганды» и их с 1992 года властвующие «шефы» могут сравнивать Ф. Э. Дзержинского со Сталиным и его ставленниками 30-х годов. К примеру, далеко не случайно именно за подписью главы ВЧК еще в 1920 году, когда победа Советской России над интервентами и их «белыми» сателлитами стала неотвратимой, появился документ, предлагавший отменить смертную казнь по политическим обвинениям. Основная же энергия Ф. Э. Дзержинского была нацелена на решение наисложнейших задач не репрессивной, а мирно созидательной направленности. Можно не сомневаться: его «неожиданная» гибель в нужный Сталину момент, как и немалое количество других аналогично «загадочных» и очень желанных кровавому диктатору смертей, думается, вряд ли была случайной.

Столь же «своевременной» не могла не оказаться и тоже достаточно загадочная смерть Вячеслава Рудольфовича Менжинского. Который, видимо, являлся достаточно труднопреодолимым «тормозом» на пути насаждения Сталиным «нового порядка» в ведомстве, которое он нахраписто превращал в страшный органически антиленинский рычаг установления режима собственной совершенно бесконтрольной душегубски-террорестической власти. Назначенный наркомом Генрих Ягода, казалось, полностью переродившийся под влиянием Сталина, и тот не мог не пробудить у «хозяина» смертельно опасных тогда для каждого сомнений и подозрений. И его судьба тоже была предreshена. Если, к примеру, он «заколебался» в связи с тем, что Сталин потребовал от него, чтобы самым ужасным пыткам начали подвергаться прежде всего давние члены партии, включая переживших тюремные сроки, каторгу, застенки и все подобное подчас еще задолго до 1917 года...

А ведь было для Ягоды ясней ясного: самым недопустимым, с точки зрения «хозяина», был фактический отказ Г. Ягоды от выполнения его установки на уничтожение не сотен, не тысяч, а сотен тысяч и миллионов обреченных на физическую ликвидацию. Еще в начале 30-х годов Сталин делал ставку на Ягоду. В 1934 г. тот был назначен на пост главы НКВД, а в 1935 г. ему было присвоено звание генерального комиссара госбезопасности. Однако за два года пребывания на посту наркома, обязанного стать палачом миллионов, Ягода «сплоховал». Сталину в середине 30-х годов и в последующих ежегодно «требовались» сотни тысяч загубленных. А раз так, то за «саботажем», последовали арест и расстрел... (См. «Комсомольская правда», 02.02.99.)

От Ежова, к примеру, «непокорства» ожидать, конечно, не приходилось: такого рода «сподвижники» легко и просто программировались на геноцид против своих сограждан любой направленности, любого масштаба и любой степени жестокости, что и было основой основ прижизненной неуязвимости Сталина и его режима, существование и «расцвет»

которого был бы невозможен без попрания всех человеческих норм законности и морали. К достижению такой степени преступного беспредела «творец» этого режима шел на протяжении немалого числа лет через последовательное уничтожение ленинской концепции общественного развития и всех тех живых ее носителей, которые, по мнению диктатора, могли оказаться препятствием на этом кроваво-грязном пути. Только уничтожив, в первую очередь, все наиболее честное, живое, умное, талантливое и доброе в стране и в партии, Сталин мог, наконец, ощутить безоглядное упоение возможностью безгранично удовлетворять свою похоть к власти, к бесконтрольному господству над жизнью и смертью кого угодно в «своей» гигантской стране. 1937 год означал, возможно, окончательный надлом всего, что могло с шансами на успех противостоять гниению и распаду.

Подобная тенденция могла взять верх только в результате всеохватывающей кровавой «чистки» прежде всего во всем, связанном с НКВД, и тогдашним личным, прежде всего — руководящим, составом данного ведомства.

Потому-то даже в начале 30-х годов самое страшное и отвратительное еще не было возможно в желательном Сталину масштабе при всем уродстве и преступности основной направленности его дьявольски многозначимых и осознанно запрограммированных определяющих тенденций. Потому-то и оказываются на удивление контрастными в массе своей расстрельные дела 1937-го и, к примеру, типичные дела 1931 года, свидетельствующие нередко о чем-то еще не совсем изуродованном. Перелом к концу 30-х годов был настолько разительным (причем не только по жестокости приговоров по одним и тем же «статьям»), что, знакомясь и с самыми несправедливыми делами начала 30-х годов, вдруг чуть ли не отдыхаешь душой. В основном только потому, что в поведении следователя еще не чувствуется желания до неузнаваемости извратить факты или «изобрести» их только для того, чтобы поскорее загубить как можно больше невинных людей и отчитаться о преступно-карательной, так называемой «общественно-полезной работе»...

В 1937-м году все было «одноклеточно»-просто: «Обвиняется в том, что по отношению к Советской власти настроен враждебно-контрреволюционно, среди населения проводил антисоветскую агитацию». А посему «Никанорова Виктора Михайловича — расстрелять». Из дела возникает о нем лишь впечатление человека принципиального, отважного, безукоризненно совестливого по отношению к людям, в результате чего никто вместе с ним не пострадал, но нет фактического обоснования «преступности»: главное — оклеветать... В 1931-м году в сущности за то же самое он получил совсем иное наказание. В выписке из протокола заседания «тройки П. П. ОГПУ» сказано: «Никанорова В. М. заключить в концлагерь сроком на пять лет». Конечно, ничего утешительного нет в том, что покарали только за инакомыслие, только за слова правды человека, являвшегося истинным патриотом своей родины и всей душой сострадавшего многомиллионной массе своих соотечественников-тружеников, на которых (по мере разрушения здоровых, прогрессивных, гуманных основ развития общества, блистательно запрограммированных в начале 20-х годов) обрушивались все новые и новые беды. Но все же некоторое душевное облегчение приносит то, что налицо было тогда лишь политическое и этическое ослепление ведущих дознание и судивших, но не чувствовалось еще зоологически-кровожадная «тяга» лишь оклеветать и прикончить как данного, так и как можно большее число других столь же «липовых» «врагов».

Между прочим, симптоматично и то, что в упомянутом «деле» 1931 года даже по отношению к тем, которые готовили и вершили несправедливый суд, по сути дела — судилище, еще есть нечто, если не оправдывающее и тем более — не располагающее, то в какой-то степени смягчающее чувство неприязни. В основном только по той причине, что на этих

страницах во всем, что касается фактов, содержится не примитивно штампованная ложь, а более или менее субъективистски предрешенное, но все же не палаческое стремление к фиксации того, что действительно имело место. Потому-то и оказалась документально засвидетельствованной и мучительная боль бывшего штабс-капитана (именно на эту деталь из прошлого подсудимого, как полагалось в то время, делался «упор» чуть ли не на каждой странице) за муки крестьян и других усердных тружеников-соотечественников, и многое другое, не менее существенное. В том числе и понимание В. М. Никаноровым того, как с конца 20-х годов (с момента «отбрасывания нэпа» и первых «шагов» сталинской коллективизации, ликвидации «кулачества» и прочего) начала непоправимо уродоваться жизнь многомиллионной массы сограждан и великой страны в целом.

Данная «руководящая линия» означала «всего лишь» ликвидацию (по терминологии Сталина) бесчисленного множества не только зажиточных, но и обычных, тоже работающих и хозяйственных крестьян. Такова «вершина» подрыва всех ленинских установок о добровольном кооперировании крестьянских хозяйств без намека на разрушительнейшие «хватабельные» эксцессы, ради подлинно социалистического подъема сельскохозяйственного производства и благоденствия общенародного. Наисльственная же сталинская коллективизация плюс «раскулачивание», а затем преступнейшая депортация многомиллионных масс сельских тружеников, иной раз — в заведомо гиблые места с неисчислимым множеством жертв (в том числе и детских) были настрашнейшей бедой народной.

Грустно это констатировать, но такой же степени понимания и способности к сопереживанию не оказалось не только у большинства по-сталински изуродованного, «перекроенного» и обрубленного «подчистую» ЦК ВКП(б) конца 30-х годов, но и до сих пор нет у очень многих из наших современников. Преступно-фальсификаторски направляемые в последние годы средства массовой информации сумели им внушить, будто во всех бедах повинны В. И. Ленин, его соратники и социалистическая концепция общественного развития, а отнюдь не наиболее крупномасштабный, на деле кроваваднейший в истории фактический антикоммунист, клика его главных подручных, а затем и последышей любой паразитарно-бюрократической (вплоть до открыто душегубски-дико-буржуазной) модификации... Думается, все же настанет время, когда «механизм» и чудовищного по своим последствиям сталинского переворота, начавшегося с конца 20-х годов, и причины живучести его последствий будут понятны всем.

При этом крайне ошибочно было бы «забыть», что самоцелью все же было не погитлеровски «осмысленное» не только политическое, но и физическое уничтожение бесчисленных миллионов людей под прикрытием тотально дезинформирующей, духовно и морально-этически парализующей лжи, а нечто гораздо более сложное и в то же время менее всеохватывающее, в чем-то «лично-индивидуалистическое». Суть сталинского режима и вызванного им перерождения общественно-политических и государственных структур, а также всего прочего скверного и ужасного, неразрывно с ним связанного, — в установлении диктатуры личности, ловко замаскированной, можно сказать, — талантливо завуалированной от основной массы населения «масками» псевдодемократии под сугобо формально декларируемыми социалистическими целевыми ориентирами. Что давало, и по сей день нередко дает возможность обманывать многие миллионы людей с тяжчайшими социальными, общественно-политическими и прочими особо опасными последствиями...

Пока же грех не отдать должное каждому из тех, кто еще шесть-семь десятилетий тому назад, исключительно честно, мужественно и точно оценивал реалии той поры. В том числе и бывшему штабс-капитану, расстрелянному в особенно роковом 1937 году,

чья гибель была лишь микроскопически малой частицей миллионов других обреченных. Стоит, безусловно, восстановить все, что еще возможно из того, что понимали и чему пытались противостоять лучшие из наших отцов и дедов, которым было неизмеримо труднее познать истину и бороться за ее торжество, чем нам... Потому-то и надо как можно бережнее сохранить и обнародовать каждую крупницу в муках познанной правды и в порядке исключения не унесенной с собой в, как правило, безвестную могилу. Дело отнюдь не только в том, что не сделать этого — значит страшно согрешить перед ними, но и в том, что таким способом особенно легко «пособить» тем политиканам дня сегодняшнего, которые, обрекая народы нашей страны на новые «незримые» муки и массовое вымирание, стремятся лишь к власти и обогащению за счет честных тружеников. А для этого им так важно и «полезно» залить грязью и растоптать благородных создателей, скрыв на веки вечные все лучшее, все умное, доброе, чистое и светлое, что выстрадали и чего добивались (и на короткий момент — добились ради народного счастья) те, которые понимали, что такое общественное благо, что есть истинно социалистическое будущее и как отвратительны все те, кто губил его, с изощренным лицемерием спекулируя на этом вполне реальном идеале, начало которому было положено еще мечтами первых христиан...

В неисчислимом множестве семей имеются в наше время однотипные справки. Вероятно, в сотнях тысяч таких документов содержится то же самое, что и в той, которая лежит у меня перед глазами: приговор «тройки» в отношении Никанорова В. М. «отменен и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления. Тов. Никаноров В. М. по данному делу реабилитирован.» Слова правды, конечно, никогда не лишни при всем своем непоправимом опоздании, ибо не был совершенно невинно погибший ни противником Советской власти, ни врагом народа, не сомневался он, естественно, и в благородстве, как и в доброй разумности социалистической концепции. И все же и не для самого ужасного, допустим, 1931 года были все-таки уже вполне закономерными слова из постановления о производстве обыска и ареста («на гражданина Никанорова») уполномоченного Окружного отдела ОГПУ. Так как данный гражданин «...Подозревается в том, что, являясь бывшим офицером царской армии, систематически проводил среди населения контрреволюционную агитацию, преследуя целью срыв основных хозяйственно-политических компаний, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 58 п. 10 УК РСФСР». Все просто, ясно и уже тогда — непоправимо... (По приговору ОГПУ Нижне-Волжского края — заключение в концлагерь сроком на пять лет. Дело 4338, начато 29 марта 1931 года).

Пожалуй, несколько удивительно даже то, что «дали» всего лишь пять лет. Конечно, это не декабрь 1937 года, когда за то же самое человека расстреляли через пять дней после ареста, а весна 1931-го... Но все же и тогда, вероятно, уже невозможно было понять, что подследственный, а затем и подсудимый Никаноров был честным беспартийным, но вполне советским интеллигентом, мечтавшим о благе своей родины и родного народа. Это было возможно только при честной политической линии, нацеленной на созидание подлинного социализма, а не кроваво-тоталитарной пародии на великую идею. Виктор Михайлович не только не мечтал о возрождении дореволюционных порядков и своего офицерского прошлого, но, наоборот, всей душой был устремлен в будущее: он просто видел преступно-антинародное вырождение режима при Сталине с конца 20-х годов и не мог молчать по этому поводу, не мог мириться тихо и безропотно с разрушением уже почти вполне сложившихся в связи с введением нэпа и связанных с ним правовых норм здоровых основ общественного бытия и сознания.

Следственный материал, на основе которого В. М. Никанорова сначала «всего лишь посадили», неопровержимо свидетельствует, что подсудимый не только всей душой сочувствует крестьянам и вообще всем труженикам, страдающим от политиканской злобы, жестокости, своекорыстия тирана и его приближенных, но и мечтает о создании общества на подлинно гуманных началах социальной справедливости. Потому и говорил открыто то, за что постепенно матеревший преступный режим Сталина непременно должен был его прикончить при первой возможности. За то, что он говорил правду и по мере сил пытался противостоять страшным бедам, обрушившимся на Отчизну, начиная с 30-х годов, и которые он лично, к сожалению, предотвратить шансов не имел. Но почитал себя обязанным хоть чем-то, пусть без надежды на успех, но все же противодействовать. Потому и стоит мысленно отдать должное следователю той поры за то, что он эту боль человеческую зафиксировал, не извратив до неузнаваемости...

Разве не о понимании еще в 1931-м году рядовым российским интеллигентом до сих пор многим непонятного из наиважнейшего, свидетельствуют нижеприводимые строки, обрекающие его в 1937 году на гибель: «...В начале января месяца 1931 года Никаноров... по вопросу о политике партии в деревне говорил: политика партии в деревне исключительно направлена на разорение и оголение крестьянства, все мероприятия, которые сейчас проводятся Советской властью насыщены голым администрированием по отношению к крестьянству. Коммунисты малейшие попытки крестьян критиковать их действия пресекают методом репрессирования... По вопросу о пятилетке и угрозе Советскому Союзу он заявил так: если всмотреться в то обстоятельство, какими путями проходит строительство, то можно с полной уверенностью сказать, что из рабочего сейчас при всей его материальной необеспеченности, выжимаются последние соки. Для того, чтобы держать рабочего в покорности, партия везде и всюду восхваляет рабочий класс, кричит о нем...» (Из показаний одного из свидетелей).

Другой свидетель отмечает: «20 февраля 1931 года в ходе собрания... во время доклада Никаноров вышел и я вышел покурить. Он на вопрос, что Вы так резко уходите, ответил, что такую чепуху я давно слышал и удалился с собрания. Больше ничего показать не могу». Резкая отчужденность от новых политических реальностей начала 30-х годов проявилась и в ходе компании по сбору средств для кооперативных организаций: «Все граждане к этой задаче относятся сознательно. Но только был один вызывающий случай и то со стороны интеллигента, это вновь прибывшего из Саратова тов. Никанорова», который заявил: «Вы как кооператоры ни к черту не годитесь. Вы только этой принудительной всех от себя разгоните». Есть основания полагать, что в своем политическом диссидентстве В. М. Никаноров был не одинок, он лишь гораздо откровеннее других выражал свои убеждения. В ходе одной из доверительных встреч коллег по работе выяснилось, например, что большинство присутствующих выразило сочувствие «правым оппортунистам». (То есть в первую очередь таким большевикам-ленинцам, как Николай Бухарин, Алексей Рыков, Михаил Томский...).

Обвиняемый вышеприведенных показаний не отвергал и поэтому следующие строки из обвинительного заключения по ст. 58–10 были по тем временам вполне закономерными: «Бывший офицер царской армии, находясь во враждебном отношении к Советской власти, систематически среди населения, в равно своих сослуживцев проводил контрреволюционную агитацию, направленную к дискредитации хозяйственно-политических кампаний... Систематически дискредитировал политику партии в деревне и ее генеральную линию по хозяйственно-политическим вопросам на индустриализацию страны и пятилетний план строительства народного хозяйства, как факт его контрреволюционной деятельности». Остается лишь удивляться, что тогда «дали» всего 5 лет...

Отдавал ли себе отчет В. М. Никаноров, что преступная политика, начало которой было положено в конце 20-х годов, означала крушение ленинского курса на создание общества социальной справедливости на основе не просто рыночной экономики, а такой, которая впервые в мире была социально-ориентированной? Трудно сказать. Но антикрестьянский геноцид и все остальное, злое и пагубное, обрушившееся на страну с 1929 г., он видел, понимал. Как и антинародный, пагубный для общества характер псевдосоциалистической сталинской коллективизации, антидемократический, тоталитарный, органически враждебный ленинским нормам и принципам тип управленческого «инструментария», оформившийся к началу 30-х годов. Потому и доносили, потому и свидетельствовали вольные или невольные прислужники того режима о каждом факте инакомыслия, а по существу — подлинно человеческой боли за горькую судьбу народа своего, объявляя это антисоветскими и антисоциалистическими происками «непримиримо враждебного элемента». А в 1937 году в этих целях, дабы легче было добить человека, фиксировалась в деле и заведомая ложь, будто В. М. Никаноров служил не в РККА, а был офицером не только царской, но и белой армии...

В 30-е годы официальные инстанции непреклонно декретировали, чтобы выражался восторг только по отношению к тем, кто воевал в рядах Красной армии, а после 1991 года всячески поощряется восхищение участниками только белого движения. В той же степени, как ранее грязно-черными красками изображались «белые», ныне еще более необъективно, сплошь и рядом — абсолютно бессовестно принято оценивать «красных». В такого рода идеологических «играх» с равной степенью энтузиазма участвуют и публицисты, изображающие себя сверхортодоксальными «демократами» и их, к примеру, столь же сомнительные, промонархические, «заодно» восторгающиеся Сталиным мнимые «антиподы».

В этом смысле считается модным с «легкой» руки Звездинского оценивать участников борьбы против иностранных интервентов, готовых разорвать Россию на куски, и против в основном заблудших их пособников из числа наших бывших соотечественников, не иначе как «красной сволочью»... Между прочим, когда одна из престарелых родственниц Звездинского проговорила, что его родной дед, бывший полковник царской армии, перешел на службу в Красную армию, тот промолчал и даже ни словом не обмолвился в связи с тем, что дед был расстрелян в 1937 году. Уж не считает ли он и этого человека чем-то вроде «красной сволочи»? Почему бы не разобраться хоть мало-мальски объективно по крайней мере в этой трагедии? Не был ли по-настоящему прав тот, с кем Звездинского связывают узы родства? Как может «внучек» не задумываться об этом хоть мало-мальски честно?

До чего же бездумно принято гордиться ныне родственниками из числа участников белого движения и «застенчиво» стыдиться тех из них, которые сражались в Красной армии, сплошь и рядом думая не о социалистическом будущем, а частенько лишь попросту спасая Россию от развала, от гибели и понимая, что в этом плане В. И. Ленин был совершенно незаменим! Ведь угроза крушения России была вполне реальной уже тогда и, видимо, около половины дореволюционного офицерского корпуса в первую очередь именно по этой причине оказалось в Красной армии, без чего победа Ленина и его последователей в схватке с внешними и внутренними погубителями отечества была бы невозможна. Именно в этом была историческая правота и самого прославленного, самого талантливого генерала времен первой мировой войны А. А. Брусилова, и деда Михаила Звездинского, и многих десятков тысяч других бывших офицеров.

В этом смысле судьба молодого штабс-капитана В. М. Никанорова, была, безусловно, типичной и в то же время безукоризненно достойной. В 1915 году он окончил Киевское военное училище и в чине прапорщика направлен в 225 Ливенский полк, где уже в начале

1916 года получил чин подпоручика, затем вместе со своей ротой был переведен в 535 Липецкий полк и в том же 1916 году получил чин поручика, а затем — штабс-капитана. Так в течение одного календарного года в ходе боев недавний юнкер Виктор Никаноров, успешно и быстро прошел четыре офицерских «ступени», приобретая одновременно исключительно ценный боевой опыт. Естественно, в 1917 году юному штабс-капитану было над чем задуматься, но верность присяге сохранял до января 1918 года, пока существовала его воинская часть. Судьба в тот момент забросила его в город Орел, откуда легче легкого было перебраться на юг, где формировались силы контрреволюции... Была возможность направиться туда не только в январе, но и немало месяцев спустя «под крыло» французского экспедиционного корпуса, но как раз это было органически неприемлемо и для Виктора Никанорова, и для великого множества других офицеров дореволюционной армии. Причем решающим фактором было появление на территории России интервенционистских войск США, Англии, Франции, Германии, Японии и других стран, приведшее к радикальному размежеванию также и среди офицерства.

Потому-то в первую очередь и не могли позволить себе примкнуть к белому движению и немало представителей генералитета и высшего офицерства и, вероятно, основная часть офицерского корпуса в целом. Более того: появление опасности утраты подлинной независимости и угроза развала России не могло не привести в ряды Красной армии огромное количество достойнейших, нередко — самых компетентных, как их стали тогда называть «старых военных специалистов». Потому-то был заслуживающим глубокого уважения и дед Михаила Звездинского, бывший полковник, и более чем бессовестно подводить таких людей, как это становится все более модным, под рубрику «красных сволочей». В том же плане отнюдь не меньшего уважения заслуживают и «комиссары в пыльных шлемах», и многие миллионы красных бойцов и командиров. Потому-то и не могу не только «бросить камень», но и не гордиться бывшим офицером В. М. Никаноровым, сделавшим безукоризненно правильный выбор и уже в начале 1919 года пришедшим в ряды Красной армии, чтобы помочь своему народу и своей Родине в грозный час смертельной опасности. Все-таки очень хорошо, что так много достойных людей, сплошь и рядом вопреки своим личным интересам, симпатиям и антипатиям, не отреклось от своего народа.

Победа над иностранной интервенцией и теми соотечественниками, для кого Советская власть была органически неприемлема, действительно открыла поистине светлые перспективы перед всеми народами нашей многонациональной страны и одновременно обеспечила в конечном итоге возможность глубоких, благотворных перемен для всего человечества. Ленину и его соратникам не только удалось с помощью нэпа спасти страну от голода, но и впервые заложить фундамент социально нацеленной, мудро использующей рыночно-стоимостные регуляторы экономики. Бурный хозяйственный прогресс для блага народа, не только ликвидация массового террористического взаимного противостояния, но и внедрение норм правового общества, норм истинной законности, массовая амнистия политических заключенных, радикальное сокращение количества узников по сравнению с дореволюционной Россией, широчайший простор для технического, литературного, художественного и любого иного творчества — все это было осязаемейшей реальностью нашего общества даже в течение нескольких лет после смерти В. И. Ленина. О чем еще можно было мечтать? Правда, первые зловещие симптомы в жизни партии и страны уже начинали сказываться, особенно после 1927 года, но это было поначалу малозаметно для большинства и надежды на лучшее будущее еще сохранялись...

Ситуация, запрограммированная В. И. Лениным в обществе сразу же после завершения тяжелейшего этапа военного противостояния, навязанного России мощнейшими капи-

талистическими державами, привела к глубочайшим прогрессивно-созидательным, примиряюще благотворным сдвигам. Мог ли не вдохновиться и не обнадеться этим верный и мыслящий объективно сын своего Отечества? Конечно, нет: многие миллионы и десятки миллионов людей, включая основную массу интеллигентов, признали и поддержали ленинский курс на создание гуманного, по-настоящему процветающего подлинно социалистического общества. Довольно скоро из страны ушло основное из напоминающего непримиримое классовое противостояние. Казалось бы, возникли все условия для демократической консолидации общества, для вдохновенного труда во имя общего и личного блага. В этом было трудновато усомниться и самым непреклонным скептикам.

Не приходится удивляться и радостной вере в лучшее будущее России того бывшего офицера, который не только не «рванул» в ряды тех, кто сомкнулся с интервентами в своей ненависти к Советской власти, но, вопреки всем сомнениям, обидам и невзгодам, с января 1919 года, защищал родину вместе со своим народом. Возможно, годы, примерно, с 1922-го по 1927-й, были самыми счастливыми в жизни В. М. Никанорова, ибо, тогда как ему представлялось, вера в лучшее будущее своей страны и своего народа была вполне оправданной, повседневно подтверждаясь обнадёживающими реалиями тех лет. Понимал ли он, что сталинский курс на сокрушение и уничтожение (поначалу — политическое, а затем и физическое) всех и всяческих внутрипартийных оппозиций, таит в себе перспективу смертельно опасного для общества кроваво-тоталитарного переворота ради личного тиранического торжества?

Имелись ли у него достаточные данные для уверенности в том, что все, включая самое скверное и страшное, было возможно в огромной степени потому, что ежедневно маскировалось псевдосоциалистической демагогией Сталина и его подручных? То есть, что именно такого рода пропагандистская «вуаль» предредила и безнаказанность невиданно крупномасштабного террора, обрушившегося на все народы нашей великой страны с тяжчайшими и почти непоправимыми последствиями...

Была ли у этого честного мыслящего человека основа для вывода, что это означало подрыв всего, имеющего отношение не только к ленинской концепции общественного развития, но и к нормальным условиям человеческого бытия? Трудно сказать. Точно утверждать можно лишь то, что ничего похожего на «антисоветскую пропаганду» и вообще на всё, что в 30-годы объявлялось «враждебными выпадами против социализма» у него не было и быть не могло...

По всей видимости, как и на бесчисленное множество партийных и беспартийных советских людей, на В. М. Никанорова обнадёживающе воздействовали воззрения Н. И. Бухарина и его сторонников. Политическая ликвидация данной внутрипартийной фракции (последней из имевших возможность сдерживающе влиять на Сталина), вероятно, воспринималась в качестве чего-то похожего на предгрозовую молнию перед самой страшной бурей из числа тех, которые обрушивались когда-либо на страну за многие столетия ее наисложнейшей и многострадальной истории. Последствия данной расправы (пока еще не физической) Сталина над последними из сколько-нибудь влиятельных оппонентов, не заставили себя ждать: насильственно-разрушительная коллективизация, антикрестьянский геноцид в виде «раскулачивания», расчётливо чудовищное использование голода невиданно душегубского масштаба, разлагающее и резко ослабляющее советское общество насаждение шпиономании и психоза классовой ненависти — все это не могло иметь фатально тяжчайших последствий в начале 30-х годов.

Мало того: после «неожиданно-загадочного» убийства С. М. Кирова, отталкиваясь от задела конца 20-х-начала 30-х годов, особенно после предоставления по воле «хозяина»

чрезвычайных полномочий, наступил с нетерпением приближаемый Сталиным 1937 год. И настала такая чудовищно антинародная, антисоциалистическая пора, радоваться которой, как никто другой, мог именно Гитлер и вся его фашистская свора супердушегубов...

Помимо много иного из самого труднопоправимого, все это делало открытыми или скрытыми диссидентами миллионы людей, которых тоже гигантскими массами «полагалось» терзать и убивать в соответствии с «гениальными» сталинскими «предначертаниями». Моральные и физические муки таких наших мыслящих, честных и отважных соотечественников, как Виктор Михайлович Никаноров, а затем и гибель каждого такого человека — лишь одна из многомиллионной массы аналогичных иллюстраций сущности антинародного, антигосударственного сталинского «руководящего алгоритма» в действии... Того самого, который изощренно, иезуитски лицемерно, расчетливо был разработан лично Сталиным до невиданных, бессовестно показушных лжедемократических и псевдосоциалистических, по существу, антинародных «высот». Именно это давало возможность обманывать многомиллионные массы, начиная с 30-х годов и даже немалую часть сограждан — в 90-е годы с, возможно, фатальными в своей колоссальной общественной пагубности результатами далеко не только узко национального масштаба...

Одно из социально всеразлагающих, одурманивающих в особо труднопоправимой степени, можно сказать — преступнейших знамений последних лет — неукротимая жажда влиятельных сил дня сегодняшнего сочетать массированное и всеохватывающее осквернение всего, связанного с замыслами, свершениями и личностью Владимира Ильича Ленина, со стремлением «намертво увязать» это со сталинщиной. При этом — снять с самого зловещего антипода В. И. Ленина, органически с ним несовместимого, ответственность за все общественно опаснейшие извращения и злодеяния, направленные прежде всего против народов нашей страны.

Остается с горечью недоумевать: как могут поборники сталинских «открытий» и «свершений» 30-х годов, чуть было не приведших к реализации гитлеровских вожделиний кануна 1941 года, поклоняться своему кумиру? Чего стоит хотя бы то, что Сталин — главный виновник гибели многих миллионов достойнейших людей в ходе репрессий, тех, кто в нормальных условиях стал бы непреодолимой преградой для фашистских орд уже в первые месяцы войны. А как можно оставаться равнодушными к ничем не оправданной гибели десятков миллионов наших бойцов и обычных граждан вплоть до малых детей только потому, что наиболее компетентная часть генералитета и старшего офицерского состава была загублена на радость гитлеровской своре?

Именно в извращении правды истории, возможно, с роковыми последствиями отнюдь не только для России, как ни в чём другом, смыкаются все пагубные и особенно разрушительные потоки мощнейших «разнородных» сил. Тут орудует и пропагандистская «информационно-образовательная» машина лжедемократических «раскрученных» натур, жаждущих лишь власти и богатства за счёт миллионов, ими же ограбленных и убитых (в первую очередь — голодом, нищетой, болезнями, преступностью и т. п.) И вот этой своре на пользу вольно или невольно действуют шовинистические, сталинистско-лжепатриотические и прочие, хуже, чем заурядно непристойные, фактически подыгрывающие злу «оппоненты» тех хапужно-прихвизаторских элементов, кто дорвался до власти и всех выгод, с нею связанных, с конца 1991-го года! С всё более тяжчайшими последствиями, чреватými, возможно, фатально-непоправимым крушением всего умного, доброго, светлого. Причём не только в пределах ныне невиданно подорванной, преступно изуродованной и ослабленной России...

Согласно утверждениям сановных представителей современного «агитпропа», В. И. Ленин — погубитель России, германский агент, бесчеловечный монстр, тысячекратно

худший, чем Гитлер. Что же касается того, кто почти дорвался до бесконтрольной власти уже к концу 20-х годов, то он повинен, дескать, лишь в том, что будто бы поддался некоему в кавычках «тлетворному» влиянию Маркса, Энгельса и особенно — Ленина, вернейшим учеником и последователем которого он якобы был. Для чего возводится это очередное «здание» тотальной низости, лжи, лицемерия? В том числе и для того, чтобы скрыть, что Сталин с помощью изуверски изощренных методов совершил антиленинский, антисоциалистический, антинародный переворот, означавший мучительнейшую гибель миллионов и неисчислимы страдания десятков миллионов людей, а также то, что он и тираны любого «природного» и социально-политиканского происхождения — родственные натуры не только по своей жестокости, но и зоологической похоти к власти...

Именно здесь таится не просто один из «сопутствующих» факторов, усугублявший наши беды, а, можно сказать, базисный комплекс, предрешивший все самое ужасное в 30–40-е годы и сохраняющий свое пагубное воздействие вплоть до нынешних псевдодемократических уголовно-капитализаторских лет. Теперь вновь подавляющее большинство честных тружеников ограблены, обречены на голод, болезни, преступный беспредел и т. п. Теперь номенклатурные последыши, как и прочие «прихвизаторы» опять по-сталински обрекают на смерть обездоленных (но «по-новому», тихой сапой), а себя объявляют «бескорыстными» строителями капитализма.

Одна из миллионов жертв последних лет, но вполне закономерная и типичная: в Астрахани в присутствии начальства прямо на открытом уроке умерла от сердечного приступа 28-летняя учительница Елена Иванищева. Молодая учительница, как сообщил директор школы, преподавала здесь 4 года. Оклад 350 рублей в месяц. Несколько лет назад у нее возникли проблемы с сердцем. Ей нужны были лекарства и лечение, но из-за крохотной зарплаты она не могла это позволить. Две недели до трагедии Елена ходила из дома на работу на довольно значительное расстояние пешком потому, что не могла позволить себе поездки в общественном транспорте. После гибели Елены Иванищевой в школах Астрахани выплатили зарплату за сентябрь... (См. «Труд-7», 26.02.–03.03.99. С. 3)

Ради захвата бесконтрольной, чуть ли не «царской» власти, обогащения (не только собственного) и роскошной жизни, бывший номенклатурный «борец» против привилегий, довел до нищеты и голодного прозябания десятки миллионов тружеников, подорвав «заодно» сравнительно сносную систему народного здравоохранения, свершив многое иное в том же духе. И при этом смерть миллионов несчастных не пробуждает в нем даже подобия угрызений совести! И в этом, и ни в чем ином этот новоявленный поклонник самого бесчеловечного монархо-буржуазного перерождения России вместе с себе подобными, готовясь продолжать в том же духе, по-своему похож на того, кто в начале 30-х годов предрешил гибель многих миллионов наших сограждан под шум разглагольствований о строительстве ради счастья народного светлого социалистического будущего... Совсем не случайно и Ельцин в течение большей части своей долгой «околополитической» жизни клялся в верности социализму, но в пенсионном возрасте вдруг мгновенно «прозрел». И тут же возглавил развал страны, подрыв экономики и вообще всех систем жизнеобеспечения большинства населения.

«Перестроился» же он, разумеется, только во имя «светлого» капиталистического будущего. Разумеется, заботясь о собственной выгоде, как ни о чем другом... Смерть молодой учительницы с зарплатой, обрекающей на медленное умирание, а при ослабленном здоровье — на смерть, — типична. Это касается не единиц, а миллионов, и что особенно страшно — в огромном количестве погибают и младенцы из бедных семей! Как это ужасно! И насколько «неожиданно» ассоциируется с тем, какой была судьба тех крестьян,

которых эшелонами вместе с детьми «удаляли» в подчас гиблые места в начале 30-х годов! А также с тем, как в 1944 году целые народы объявлялись «предательскими» и так же грузились эшелоны со страшными потерями в ходе «переселения»... Остается вздохнуть с облегчением в связи с тем, что подобное невозможно повторить 5–6 десятилетий спустя, как и все, творившееся во второй половине 30-х годов и иных подобных лет. Сейчас же главное — не допустить продолжения «тихого» геноцида 90-х годов, разрушения производственной, культурной, образовательной, здравоохранительной, правоохранительной, управленческой и иных сфер. А ведь именно за счет этого кое-кто получил возможность «сказочно» обогатиться, да и за счет ограбления народа «умыкнуть» из нашей страны многие сотни миллиардов долларов в надежде сделать нашу Родину разваленной, разрушенной, деморализованной полуколонией. И тем самым — обречь на гибель всех достойных людей, а остальных поставить на колени, доведя до полурабского состояния.

Нынешним лжедемократам вся современная информационно-пропагандистская игра, переключающая вину за наихудшее в XX веке на В. И. Ленина, в первую очередь, нужна для приобретения и, конечно, сохранения навсегда бесконтрольной власти, невиданных привилегий и богатств. Нет сферы общественного и иного бытия в минувшие времена и в дни текущие, которая бы не «обволакивалась» в теперешних условиях преступнейшей ложью. Вот и «вдалбливается» в массовое сознание омерзительно-бессовестная клевета, к примеру, о том, будто В. И. Ленин, одержав победу с помощью многомиллионного крестьянства, затем обманул его и ограбил, «заодно» развалив сельское хозяйство. Ему приписывается и это ужаснейшее сталинское деяние, хотя именно по воле В. И. Ленина крестьяне на деле стали «вольными хозяевами на вольной земле» и вместе со всем народом вплоть до сталинского «перелома» в 1929 году жили так хорошо, как никогда прежде. Особенно же преуспели нынешние заправилы по части распространения столь же гнусной клеветы, будто В. И. Ленин ненавидел русскую и вообще всякую интеллигенцию и подавлял, даже уничтожал её всеми доступными ему способами. Хотя на самом деле он действовал противоположным, то есть спасительным образом. Степень распространения этой клеветы особенно широка и потому данная проблема заслуживает специального рассмотрения.

Далеко не случайно, настаивая на отстранении Сталина от ключевых рычагов власти и влияния, В. И. Ленин одновременно вполне осознанно адресовал будущему тирану слова о том, что «озлобление в политике вообще играет обычно самую худую роль». В данной связи неопровержимым подтверждением органической несовместимости сталинщины со всем, по-настоящему связанным с идеями и свершениями В. И. Ленина, является практически любая судьба из многомиллионной массы людей, загубленных страшной машиной сталинского кроваво-тоталитарного режима.

Они были надломлены, во многом — парализованы тем, что на все классы и социальные группы обрушен ужасающий террор, невиданный по количеству жертв за все века существования всемирной цивилизации. Тем более, что это сочеталось со столь же безмерными потерями из-за преступных и в то же время редчайших по бездарности срывов, приведших к беспрецедентным по масштабам, прежде всего людским потерям.

5 Одну из московских газет совершенно не устраивает мнение известнейшего германского ученого Оскара Фохта, с 1926 по 1933 годы работавшего в Москве и даже руководившего Институтом мозга. Только потому, что он утверждал, что большое число пирамидальных клеток в мозгу у В. И. Ленина, «свидетельствует о безусловной гениальности». Зато автора и редактора данной газеты вполне устраивает мнение неких иностранных

и отечественных «авторитетов» (разумеется, без упоминания их фамилий), утверждающих, что «пирамидальные клетки скорее свидетельствуют о слабоумии, чем о наличии какого-то особенного ума!» Особенно же приятно подобным «авторитетам» чье-то утверждение, будто «уже в 1914 году в мозге Ленина произошли необратимые изменения, а в 1917-м умственная деятельность давалась ему с огромным, нечеловеческим трудом. Возможно, что революцию он делал почти ничего не соображая» («Московский комсомолец», 24 мая 1996 г.). Мало того: вновь здесь же повторяется давно опровергнутые, в сущности криминально непристойные вымыслы о некоей «постыдной» болезни В. И. Ленина!

Чем грязнее клевета — тем настырнее ее повторяют: не могут вести себя иначе номенклатурные оборотни и прочие любители власти и богатства. Вот и «приписывают» они гнуснейшие стороны своей натуры, свои собственные пороки не кому-либо, а именно В. И. Ленину!

Проходит в «рукотворно» пагубных условиях год за годом, дожили мы и до начала XXI века, но ситуация в пропагандистском пространстве все еще принципиально не изменилась. По-прежнему реализуется тот курс, начало которому было положено в конце 1991 года: ни на один день не прекращается фальсификаторски-клеветнический «накат», нацеленный на дезориентацию и фактическое оглушение максимально возможного количества наших сограждан и прежде всего — многомиллионной массы самых юных из них... Такова первооснова все еще орудующего, социально наиболее опасного, наиболее разлагающего ельциноидного «агитпропа».

Казалось бы, еще к середине 2000-го года многое должно бы было свидетельствовать о начале глубоких перемен к лучшему, но не тут-то было. По-прежнему, даже в связи с 55-й годовщиной Победы, можно было услышать кое-что «приподнимающее» даже о самых ужасных персонажах прошлого. Но зато самому великому за всю многовековую нашу историю, самому человечному и спасительно созидательному лидеру все еще предназначена только преступнейшая, клеветнически разнузданная, беспредельно лживая стряпня. Именно потому, что Владимир Ильич был кристально чистым, уникально мудрым, добрым, жертвенным Человеком (тем более на фоне Ельцина и ему подобных), первому главе Советской России с конца 1991 года просто не может не адресоваться только преподлейшая фальсификаторская грязь.

Есть, конечно, своя вульгарно материальная заинтересованность в том, что, дающим полную волю своей грязной фантазии в жажде раз и навсегда ошельмовать того, кто по сей день служит им «живым укором», совсем «не интересно» самое актуальное. Например, то, что стараниями Ельцина, его «серых кардиналов» и обычных подручных, превративших в руины, помимо всего остального, и бесконечно многое в системе образования и воспитания, только в России уже в первые годы торжества преступно антинародного режима «появилось» два с половиной миллиона подростков, которые не работают и не учатся! (См. «Рабочая трибуна», 25.05.96. С. 3) Сколько таких мальчиков и девочек уже тогда было духовно и нравственно надломлено, вероятно, непоправимо, сколько сброшено в бездну алкоголизма, наркомании, преступности, разврата, проституции? Почему бы многотиражным «демократическим» газетам не заняться данной проблематикой хоть мало-мальски серьезно и конструктивно? Почему бы не сказать правду, по меньшей мере совестливо не потакая тем, у кого с 1992 года «вдруг» стало «недостаточно» средств для спасения ими же обездоленных целых поколений? Ведь одновременно благодаря и этим бедам, сотворенным в «распрекрасные» ельцинские годы, поощряемые режимом коррупционеры и прочие ворюги «сплавили» в зарубежные банки сотни миллиардов долларов (как вынужден был признать один из высококомпетентных экономистов в «Итогах» еще 26 мая 1996 г.)! Не

считая тех колоссальных финансовых ресурсов, которые «вложены» в приобретение в «прекрасном» зарубежье роскошных вилл и т. п. недвижимости или просто «прожираются» совсем уж непотребным образом...

А тем временем «около 8 миллионов детей и подростков не посещает школу; отток из средних школ за год увеличился в России в 1,3 раза; а помнится, когда-то был всеобуч» («Труд», 9–15 февраля 1996 г.). Впрочем теперь нельзя быть спокойным и за тех, кто еще не выброшен из школы. «В подвале родного дома компания привязывала к железной кровати по очереди то Аню, то Лилю. И начинались «игры»: порка ремнями, избиения и, разумеется, изнасилования. Иногда, шутки ради, о девочек тушили сигареты» («Комсомольская правда», 26 апреля – 5 мая 1996 г. С. 3). Девочки были 12 лет от роду, а свора юнцов состояла из 17–18-летних...

Все это, естественно, совершенно «не колышет» ни хозяев упомянутых пропагандистских функционеров, ни их самих, как и сверхкриминальную «братву» из числа им подобных! Куда как «дозволительней» и самое главное — выгоднее осуществлять установку посмертно унижать и оскорблять В. И. Ленина, до сих пор остающегося главным и в сущности все еще живым укором индивидам вроде Ельцина и его подручных! Казалось бы, (в средствах массовой информации ранее, чем где-либо) надломлено и изгажено все или почти все, так хотя бы не лги слишком уж бессовестно. Но не тут-то было, и главный виновник всего пагубного, грязного и лживого Ельцин самолично провозглашал: «Свободные средства массовой информации в России стали реальностью»... «Важно сохранить и передать это завоевание тем, кто придет за вами. Но для этого нужно довести до конца наши преобразования!» (См. «Российская газета», 14 мая 1996 г.) Этому беспределу лживости и лицемерия, как ни странно, противостоял тогда же Эдуард Сагалаев: «И сейчас существует тот пресс, которым можно перекрыть кислород лю-бо-му, если он делает категорически не то, что хочет власть (или деньги) имущий». («Комсомольская правда», 14.05.96.)

Отнюдь не только десятки миллионов детей, подростков и молодых людей, но и множество взрослых, доведены до такой «кондиции» за 90-е годы, что оказываются не в состоянии воспринять, да и элементарно понять даже те редкие крупницы правды, которые еще иногда проскальзывают на страницы некоторых печатных органов. Из публикации в «Московских новостях». № 18, 5–12 мая 1996 г. С. 23: «Сталин сам диктовал протоколы будущих допросов. В письме в ОГПУ — Т. Менжинскому. Только лично. От Сталина» — он излагал свои предложения: «Сделать одними из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, «Промпартии» и особенно Рамзина. Если они получат подтверждения и конкретизацию в показаниях других обвиняемых... то это будет серьезным успехом ОГПУ... Понятно? И. Сталин». (Фонд 558, оп. 1, дело 2276)

И это были лишь первые особо опасные для СССР и великих ленинских идеалов «ростки» фабрикуемых Сталиным дел против невиновных! Более чем симптоматично то, что из немалого числа юных моих собеседников, ознакомленных с этим документом, никто не сумел не только сколько-нибудь серьезно проанализировать его, но значительная часть из опрошенных вообще не поняла «что к чему»! А ведь эти строки с юридической точностью свидетельствуют не только о том, что лично Сталин — натура исключительная по своей аморальности, но и о том, как этот властитель преступно тиранического типа (с, возможно, болезненными психическими отклонениями) формировал «под себя» антисоциалистический по своей гулаговски-кровожадной извращенности режим. Разумеется, за счет постепенно превращаемой в руины уже начавшей было блистательно реализовываться ленинской концепции прогрессивно-гуманистического преобразования общества, из кото-

рой выдергивались лишь некоторые показушные «обрубки», под прикрытием которых орудовал и он сам, и наиболее зловещие его ставленники...

Больше, чем многое иное, обращает внимание на себя одна из определяющих идеологических установок современных капитализаторских властителей, задающая сравнительно «предусмотрительное», а нередко и почитительно-комплиментарное отношение к этому вероломному и кровожадному диктатору, по глубинно объективной сути — антисоциалистического типа. Далеко не случайно иные властители, включая Ельцина, иной раз склонны были называть Сталинградом город на Волге, оправданно переименованный несколько десятилетий тому назад... И в то же время делается все возможное, чтобы лживо причислить, вопреки даже намеку на историческую правду, к числу истинных сторонников социализма и ленинской концепции общественного развития, самого опасного и зловещего из антиподов не только благороднейших идеалов, но и вообще всего сколько-нибудь человеческого по истинной сущности...

Есть своя логика и в том, что, когда в электронных и иных «демократических» средствах массовой информации Сталина за что-то критикуют, то делают это довольно осторожно, а нередко и документально обоснованно. И в то же время в процессе реализации установки об отнюдь не критическом анализе, а бесцеремонном, по сути дела — наиподлейшем шельмовании В. И. Ленина, «дозволяется» вытворять все, даже без подобия соблюдения нравственно-этических норм. В том числе, и потому, что каждый, порывающийся обрушиваться на В. И. Ленина, используя действительно имевшие место факты, явления, закономерности, непременно «садится в лужу». Зато есть возможность, полностью порывая с правдой, извратить массовое сознание, каждодневно повторяя заведомую клевету, выдавая ее за нечто, якобы кем-то доказанное! Особенно опасна оглуляющая ложь, срабатывающая на ассоциативной основе.

Вот одна из многих акций подобного рода, централизованно декретированных по случаю дня рождения В. И. Ленина и, как по заказу, появившихся на газетных полосах огромным тиражом. И ведь не постеснялись в грязных политиканских целях «обыграть» одну из страшных бытовых трагедий, назвав заметочку «Приключения Ульяновых-Лениных в Казани!» Ленин здесь упомянут не просто всуе, а по привычному для приближенной «к телу» политиканской группировки омерзительно бессовестному расчету: «Казанец Владимир Ульянов казнил гражданина Романова! Свершилась кровавая драма за вполне дружеским поначалу застольем. Романов, продав за сорок тысяч рублей татарский приватизационный чек, пригласил соседа обмыть выгодную сделку. Коварный Ульянов, выждав, когда хозяин уронил хмельную голову в закуску, ткнул по ней топором. Сей ужасный поступок Владимир Ульянов объяснил классовой ненавистью к царской фамилии, которую, к несчастью, носил его пролетарствующий сосед» («Труд», 24 апреля 1996 года).

А тем временем, вновь возжелав на 4 года взгромоздиться в президентское кресло, Ельцин 6 апреля 1996 года без зазрения совести, без намека на что-то похожее на раскаяние за содеянное, взял и заявил, будто теперь «в нашей стране самый главный закон — это закон правды!» И, конечно, как обычно, рекламировал себя в качестве спасителя и обновителя России... А вот Н. М. Римашевская, директор Института социально-экономических проблем РАН, вынуждена была с горечью констатировать, что ныне лишь 10 % выпускников школ практически здоровы, что именно за последние годы количество детей-инвалидов увеличилось более, чем в шесть раз, что треть новобранцев по состоянию здоровья неспособна служить в армии, что не только нынешнее, но и будущее поколение обрекаются на болезни и преждевременную смерть! (См. «Правда», 21.05.96.) Подумать только: несущий главную ответственность за эти и все

остальные беды наши из года в год обеспечивал «оптимальные» условия для гнуснейшей клеветы на того, кто в отличие от него, не губил, а как никто успешно спасал миллионы, буквально вырывая их из лап смерти!!!

Если нашей стране суждено будет все же иметь нормальное будущее вопреки «достославным» годам ельцинского торжества, то историки той грядущей поры, помимо многого иного, будут удивляться безропотности основной массы наших сограждан в связи с развалом системы здравоохранения и созданием сверхроскошных клиник для коррупционно-паразитарных, хапужно-воровских и прочих подобных элементов. Из статьи «Больницы для богатых»: «Там никто не кричит. Не хлопают двери. Не слоняются по коридорам старики в синих пузырьчатых трико. Нет даже привычного кислого запаха лекарств. Только бесшумные медсестры и ослепительная чистота. Это частная клиника, или «больница для богатых» (...) Есть там массажный кабинет, тренажеры, одно-, двух- и трехместные палаты, в каждой — телевизор и отдельный санузел. Всего в больнице 21 койка, но особенного ажиотажа среди желающих подлечиться не наблюдается — еще бы, ведь за сутки в стационаре платить самое меньшее сотню «зеленых». (Легко догадаться, кто способен платить огромнейшие суммы за излечение. — Г. Н.) («Независимая газета», 13 мая 1996 г. С. 6)

Все просто и ясно: единицы из числа ельциноидных аппаратчиков и нуворишей будут жить очень долго и сверхкомфортно, а огромные массы доведенных Ельциным и его приближенными до туберкулеза, дистрофии, рака и т. п., должны лишь побыстрее вымирать, не доставляя беспокойства «власть предержащим»... На языке у бывшего президента, жаждущего продолжить преступный курс, это «самокритично» звучит: «Не все получили возможность воспользоваться плодами реформ!» Потрясающе беспомощно ведут себя не только сотни тысяч вымирающих детей (при робком молчании родителей), но и, казалось бы, те совсем пожилые люди, которым нечего уже бояться и нечего терять... Ну почему, как и гигантские массы детей, молча умирали и последние из участников Октябрьской революции? Почему не осудили отнюдь не только лично своего «могильщика», без проклятий и даже без укоров уходя «в последний путь»? Почему не смогли хотя бы словом «грохнуть» по главному виновнику гибели несчетного множества младенцев из ограбленных семей, которым надо бы «жить и жить, сквозь годы мчась»?

Возможно, здесь свою роль играет старческое бессилие, ощущение своей неспособности спасти Россию, «пущенную под откос»? Однако возможно и иное: боязнь укоров в том, что вот «задергались», когда лично их лишили не ахти каких медицинских льгот, хотя, чтобы Ельцин им посочувствовал, «пожаловал» хоть сотую, тысячную толику от того, чем обеспечил себя и своих подручных! Одно предположение такого рода вполне может заставить «закнуть уста» и в безмолвии уйти навсегда, унеся с собой свои мысли и чувства... А жаль! Ведь можно же и крайне нужно было, пусть из последних угасающих сил, но бросить в лицо дорвавшемуся вероломнейшим способом до почти ничем не ограниченной власти погубителю великой страны и миллионов ее граждан, непреклонное слово правды!!

Все это лишь одна из множества «частиц» необъятного (для миллионов — губительно-го) ужаса, терзающего огромные массы в «нормальных» условиях, целенаправленно созданных на всей территории бывшего СССР. По-своему вполне закономерна информация, содержащаяся и в заметке «Самосожжение» (из «Рабочей трибуны» от 25.05.96): «На столе он оставил три записки: одну милиции, вторую — родителям, третью — жене. — Дальше все «просто»: ушел в лес, собрал охапку сухих веток, соорудил из них что-то вроде шалаша, облил себя бензином, прикрутил ноги проволокой к дереву (видимо, чтобы не передумать в последний момент), достал спички...

Известен текст записки, адресованной самоубийцей милиции... «Я (фамилию по известным причинам не называем) 1957 года рождения, находясь в полном здравии, заявляю: в моей смерти никого не винить, разве что то общество, в котором мы живем. Расследование не проводить. А если начнете, то лучше напишите (на выбор): сошел с ума, или доведен тяжелой социально-экономической обстановкой в стране. В мафии не состоял. Просьба оказать помощь сыну в получении наследства».

Сегодня самоубийства стали обычным явлением в Донбассе. Лишившись средств к существованию и не видя возможности что-либо изменить к лучшему, люди добровольно уходят из жизни. Недавно 27-летняя дочанка, попавшая под сокращение, выбросилась с балкона своей квартиры. Пенсионеры и инвалиды вешаются, отравляют себя газом или тихо умирают в своих клетушках.

Ельцин же и его приближенные заботятся лишь о том, чтобы взвалить вину и за собственные, и за сталинские преступления именно на В. И. Ленина. Дошло до того, что, шельмуя величайшего созидателя-гуманиста всемирной истории, внушают ими же обездоленным и дезориентированным десяткам миллионам людей, будто даже самые чудовищные злодеяния времен сталинского всевластия и безвременья самого конца XX века, якобы предreshались В. И. Лениным. Вот и публикуя статью об ужасающих фактах, связанных с бурно распространявшейся во внутренних войсках дедовщиной, даже это как бы «привязывают» к ленинским временам, к основателю Советской России и к честнейшим его соратникам! Для чего статья называлась «Солдаты Дзержинского» (с подзаголовком — «Пытки и издевательства во внутренних войсках МВД России»), где раскрывается правда о том, что все это там стало «обыденной вещью». («Независимая газета», 30 мая 1996 г. из «Независимого военного обозрения». С. 8)

Надо при любых обстоятельствах не хитрить, а восстанавливать подлинную правду. Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах, тем более — в теперешние времена не должны «лукавить», да и просто легкомысленно отмалчиваться, например, те, кто знает, что 7 апреля 1935 г. в СССР был опубликован закон, допускающий расстрелы 12-летних детей и, к примеру, то, что в тот же день, но в 1937 году было официально запрещено принимать прошения о помиловании, связанные с делами о т. н. «вредительстве», «измене» и т. п. (См. «Вечерняя Москва», 6 апреля 2000 года). Здесь довольно симптоматично и то, что запрет 1937 года обращаться за такого рода помилованиями (невиданный ни в дореволюционные, ни в ленинские, ни в послесталинские времена) не является чем-то случайным или экстраординарным...

Это лишь повтор кое-чего из по-сталински преступнейшего «законодательного» акта от рокового дня 1 декабря 1934 года, когда тиранически властвовавший в СССР «генсек» получил весть об убийстве С. М. Кирова. Невероятно, но в тот же день, ничего еще «не зная» о подоплеке террористического акта, Сталин с чудовищно преступной расчетливостью предreshил появление чрезвычайного судопроизводства, чудовищно «упрощенного» по особо зловещей 58-й статье. Обвиняемые по ней отныне в массе своей были лишены права кассационного обжалования приговоров, слушания дел с участием как бы состоящих сторон (особенно адвокатов), а не только права на подачу ходатайств о помиловании! Так были обречены на ничем не оправданную «встречу» со смертью многие сотни тысяч ни в чем не повинных людей, осужденных в 30-е годы с клеймом «врагов народа»... Не столь уж трудно догадаться, почему это так «устраивало» Сталина...

Грустно, но вместо того, чтобы восстанавливать правду истории, в том числе и по затронутой выше проблематике, на телеэкранах и в прессе властвует всеоглупляющая ложь, расчетливо деморализующая страшно многих из наших сограждан. Потому-то вполне зако-

номерно и Евгений Киселев в своем фальсифицирующем наиважнейшее фильме, издавательски именуемом «Самый человеческий человек» тоже опустился до заурядно клеветнического уровня. Совершенно закономерно по нынешним временам это «творение» появилось на экранах телевизоров именно в день 130-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина 22 апреля 2000 года. В основном только для того, чтобы в очередной раз, руководствуясь аморальнейшими побуждениями, объявить главным виновником всего самого ужасного, вплоть до убийства многих миллионов людей, не антисоциалистического по истинной сути тирана, а В. И. Ленина!

Разумеется, все подобное проделывается в соответствии с абсолютно безнравственной лжедемократически изощренной расчётливостью вместо того, чтобы заняться исследованием того, как и почему стал возможен только за 1937–1938 годы арест свыше полутора миллионов человек, из которых почти семьсот тысяч было расстреляно. (См. «Вечерняя Москва», 5 апреля 2000 г. С. 3) А сколько из «ущелевших» от официального расстрела было сотнями тысяч замучено пытками, голодом, холодом, непосильным трудом и стимулируемыми всем этим болезнями, конечно, «неизлечимыми» в условиях сталинского ГУЛАГА? Тогда как после разгрома интервентов и белогвардейцев при В. И. Ленине количество арестованных по политическим мотивам составляло не многие миллионы, как в 30-е годы, а лишь несколько десятков тысяч, в норме же при этом самой «ужасной карой» была высылка за границу... И ведь не могут не знать соучастники подобных пропагандистских «игр», что «опрокидывая» на В. И. Ленина мнимую вину за все самое ужасное, они соучаствуют в крупнейшей и грязнейшей фальсификации всемирной истории!

Нет, никто не должен с гордым безмолвием уходить из жизни. Тем более — это не должны были делать участники великих свершений, включая и тех, кто внес свой вклад в Великую Октябрьскую революцию 1917 года.

До чего же прав был отважный и кристально чистый писатель-фронтовик, Вячеслав Кондратьев, который перед тем, как застрелиться, высказал, в том числе и в печати, кое-что из выстраданного и продуманного им в связи с содеянным преступными корыстолюбцами, захватившими «бразды» в конце 1991 года! Вячеслав Кондратьев не из тех, кто способен и в самые черные дни «прибережь» пулю для кого-либо, кроме самого себя, а значит, и по этой причине каждый из порядочных людей должен с исключительной серьезностью и вниманием отнестись хотя бы к некоторым из числа особо многозначимых предсмертных его строчек. «Националистические идеи возникают в обществе, в котором уязвлено национальное самосознание народа... И причина тут не только в распаде великой страны, но и в действиях наших демократических властей, словно бы совсем забывших, что существуют они в огромном этносе, имеющем и свой менталитет, и свои традиции, и свою тысячелетнюю историю. Резкий бросок на рынок, да еще дикий, спекулянтский и криминальный, появление разных «шопов» с иностранными названиями, заполненных заграничными шмотками по недоступным ценам, тысячи ларьков-«комков» с мордастыми продавцами, в общем, все гримасы и безобразия первоначального накопления капитала, дополненные глупейшей и ненужной для большинства населения рекламой всяких там «сникерсов», американских сигарет и водок, занявших на телеэкранах чуть ли не треть телевизионного времени, засилие на том же экране дебильных американских детективов, где драка, постель и стрельба разнообразятся только последовательностью этих действий, — все это, несомненно, вызывает и раздражение, и недоумение — за кого же нас считают, что имеют наглость подавать нам это «варево», изготовленное, кстати, для стран третьего мира?

И такой пошлятиной потчуют народ, имеющий искусство и литературу мирового уровня, воспитанный на Пушкине, Достоевском и Толстом... В Европе хоть борются с засильем

американского кино, у нас же все пущено на самотек — «гуляй, рванина, от рубля и выше», дурей от идиотской рекламы, лакай спиртягу «Рояль», валяй на фильмы для недоумков... А разве не ведают наши власть предержащие, что уязвление национального самосознания чревато расцветом национализма, ну и крайним его проявление — фашизмом?» Тем более симптоматичны следующие слова В. Кондратьева, сказанные еще до «замешанной на большой крови» спровоцированной властителем и его подручными трагедии 3–5 октября 1993 года, предшествовавшей все более необузданному стремлению кое-кого довести Россию до грани очередной разновидности тоталитаризма: «Приемом «лома», которым всегда начинают орудовать тоталитарные режимы, сегодня ничего уже не сделаешь, никакой хирургии Россия больше не вынесет, ей нужна тщательно продуманная и профессиональная терапия. Надеюсь, что это понимает достаточное количество людей в стране, которые и не позволят России скатиться к диктатуре любого толка».

А разве заслуживают «забвения» нижеследующие предсмертные слова? «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина! 23 сентября 1992 года. Зинатов Тимерян Хабулович, город Брест» (Из его письма сотрудникам музея). Он все рассчитал перед тем, как броситься под поезд. При нем нашли несколько предсмертных писем, семь тысяч рублей. Он просил похоронить, в чем был, в Бресте. Больше так жить он уже не мог. Союз распался, сбережения «сгорели», молодежь стала корить стариков за исторические ошибки. «...Я хочу умереть стоя, чем на коленях просить нищенское пособие для продолжения своей старости и дотянуть до гроба с протянутой рукой!» («Труд», 25 апреля 2000 года).

Слова горькой правды далеко не случайно вырвались из глубины души истинного героя (защитника Брестской крепости), Тимеряна Зинатова, приехавшего туда из Сибири, чтобы полвека спустя после той трагической эпопеи, именно там свести счеты с жизнью. Видимо, в надежде, что это заставит властителей хотя бы призадуматься... Не исключена, впрочем, возможность и догадки, а то и осознания, что тех ничем не проймешь, и надеялся он лишь просто хоть немного облагородить, по-доброму оживить обстановку в обществе...

Думается, гораздо раньше, чем гигантское большинство наших сограждан, уловила сущность того, что сотворили с Отчизной и народами, жившими и живущими на ее бескрайних просторах, Ельцин и компания, и безукоризненно совестливая, на редкость умная поэтесса Юлия Друнина. Не исключена возможность и того, что она, как поразительно чуткий в своей редчайшей чистоте человек, пришла к роковому для себя выводу, о том, что подорвано, возможно, все, ради чего беззаветно жертвовали собой миллионы тех, кто, как и она сама, сражались с фашистскими захватчиками. Из ее предсмертной записки: «Почему ухожу? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно только, имея крепкий личный тыл... (...) Оно и лучше — уйти физически неразрушенной, душевно не составившейся, по своей воле. Правда, мучает мысль о грехе самоубийства, хотя я, увы, неверующая. Но если Бог есть, он поймет меня...» («Культура», 08.05.96.)

О многом свидетельствуют и строки последнего стихотворения (боль, безмерная тоска, буквально рвущаяся из него, обращена к родной, надорванной стране):

Покрывается сердце инеем —
Очень холодно в судный час...
А у вас глаза, как у инока, —
Я таких не встречала глаз.
Ухожу, нету сил. Лишь издали
(Все ж крещеная!) Помолюсь

За таких вот, как вы, — за избранных
Удержат над обрывом Русь.
Но, боюсь, что и вы бессильны,
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!

Эти потрясающие строки, как некогда принято было выражаться, Поэта милостию божией, не являются чем-то «изысканно отчужденным», а каждым словом своим органично, неразрывно связаны с думами, чаяниями и терзаниями народными. В том числе и со сказанным перед смертью ветераном Великой Отечественной войны Смолиной-Королевой Р. А.: «Мне больно уходить из жизни, оставляя свое Отечество поверженным и терзаемым. Нас никто не мог одолеть в бою. Но предатели открыли наши тылы и нас убивают подло и трусливо, лишая стариков, больных необходимых лекарств и питания, отбирая работу у здоровых и молодых, обрекая их семьи на голод и вымирание». («Правда», 16.01.96.)

6 Особо влиятельный современный официоз однажды провозгласил нечто, более чем актуальное по нынешним временам: «Пора, наконец, соединить историю и мораль, политику и нравственность. Надо назвать вещи своими именами. Необходимо окончательно сказать, кто был подлинным, а кто мнимым героем России, кто творил историю, а кто совершал преступления. (...) И восстановить связь времен, вне зависимости от того, были они героическими или смутными...» («Российская газета», 22.12.2000 г. С. 2).

Однако, невзирая на любые торжественно провозглашаемые подобные призывы, лозунги и т. п. вот уже более чем почти полтора десятилетия изо дня в день наигрязнейшая политиканская ложь стала чем-то само собой разумеющимся. Вот и 24.12.2000 г. Н. Сванидзе в передаче «Зеркало» восторженно оценил одного из им же приглашенных ораторов, не постеснявшегося с каким-то, пожалуй, болезненным озлоблением рассуждать о том, что де, к сожалению, чудесный, по его мнению, Б. Ельцин не раздавил до конца «марксистскую гадину». А, к примеру, в предназначенной для школьников передаче ОПТ «Умники и умницы» 17.12.2000 г. старались в очередной раз незаслуженно возвеличить тягчайше грешного А. В. Колчака, подручные которого истерзали, расстреляли, повесили и заживо сожгли неисчислимые массы людские в интересах собственной корысти и в угоду своим иностранным хозяевам!

Любая же правда истории из года в год, из месяца в месяц, изо дня в день буквально растаптывается с беспредельным непотребством по сей день! А почему бы не поиздеваться даже над останками величайшего в своей спасительности лидера, если это сверхвыгодно и материально всемерно поощряемо? Вполне закономерно, например, то, что один из главных «прихватизаторов», ограбивших и доведших не только до нищества, но и массового вымирания несчетное множество честных тружеников, А. Чубайс взял и «похода» потребовал «вынести с Красной площади труп Ленина». («Комсомольская правда», 06.12.2000 г.)

Телеведущий передачи «Однако» (ОПТ) 13.12.2000 г. в том же «духе» взял и обозвал хранящееся в Мавзолее тело «чучелом»... Разве допустимо даже для псевдодемократа так обозвать останки того, кто, как никто ненавистен капитализаторски-бесчеловечным элементам, кровно заинтересованным в преступнейшем шельмовании своего главного антипода? Используя «ресурсы» своего «природного» или «благоприобретенного» словоблудия... Не

мог не «блеснуть» еще лживее, еще наглее Константин Боровой, представленный в качестве редактора журнала «Америка»: «Стыдно, что в нашей стране в самом ее сердце, хранится мумия преступника, повинного в гибели миллионов». («Московский комсомолец», 18.12.2000 г.) Ну не может не клеветать на В. И. Ленина тот, кто типичен среди тех, кто на деле «сказочно» обогатился буквально на костях миллионов!

Только беспредельно корыстнейшие сверхаморальные натуры могут клеветать столь грязно и с такой даже по нынешним временам сверхнепристойной уверенностью в своей абсолютной безнаказанности! И ведь как раз таких бесчеловечнейших «сребролюбцев», не имеющих ни стыда, ни совести, изо дня в день почтительнейше рекламно «провожают» на телеэкран и бесчисленные страницы так называемых «демократических» печатных органов, не требуя от них ничего похожего на хоть мало-мальски обоснованную фактами и документами аргументацию! И в то же время без зазрения совести «отбрасываются» научно, всесторонне обоснованные материалы, раскрывающие правду о том, как Владимир Ильич обуздывал террор, спасая миллионы жизней...

Конечно, далеко не случайно в числе первых жертв ельцинского режима оказались упомянутые зоологически ненавистные главным антигероям нашего времени совершенно немощные старцы. Они были лишь микроскопически малой частью тех, кого бесчеловечнейшие временщики «заказали» в числе миллионов своих первоочередных жертв. Целеустремленность такого курса проявлялась многообразно и «комплексно»: в том числе и всемерным «содействием» асоциальной деградации любых разновидностей. Вполне закономерно и то, что обнажается в таких «деталях»: «Областная статистика называет одну из причин вырождения: за последние четыре года отравились алкоголем и покончили жизнь самоубийством до одиннадцати тысяч человек. Александр Федосов. Брянск» («Труд», 5 мая 2000 года. С. 2).

Но неизмеримо более масштабное проявление целеустремленно «внедряемого» в нашу общественную жизнь процесса общесоциальной дегенерации бросилось в глаза Камий Кайоль из Франции (где живут ее родители), которая немало лет работает в Москве. Ответ ее на вопрос «Что здесь не нравится?»: «...Какое-то очень большое хамство, когда дело касается важных вещей. Например, попасть в нормальную больницу, если заболел, можно только по блату или за немалые деньги. Во Франции системы блата нет. Существует система страхования, и к больным относятся хорошо только за то, что они люди. Здесь за это надо платить» («Аргументы и факты». № 15, апрель 2000 года. С. 22).

Все это и прочее, тому подобное, не проходило и не могло обойтись без ужасающих последствий, что и должен был признать президент В. В. Путин в своем докладе 8 июля 2000 года. «Нас, граждан России, из года в год становится все меньше и меньше. Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек... Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой... Сегодня демографическая ситуация — одна из тревожных. Другой серьезной проблемой продолжает оставаться экономическая слабость России. Возрастающий разрыв между передовыми государствами и Россией толкает нас в страны третьего мира» («Российская газета», 11 июля 2000 года. С. 3). Такова горькая правда...

Дожили: пропагандистская машина (беспредельно дорогостоящая и в то же время всеразлагающая по своему влиянию на общество) систематически «похваливает» всех главарей реакционнейше бесчеловечных сил, включая самых аморальных и преступных. Нередко «запросто» возвеличивают даже тех, чьи руки были буквально по локоть в народной крови и кто вплоть до 40-х годов ухитрился прислуживать германским фашистам или японским милитаристам! Да как можно превозносить таких, как Краснов, Семенов и им

подобных, зная хотя бы то, что именно по вине таких чудовищно жестоких предводителей непосредственно и их зарубежных «поводырей» еще в 1918–21-м годах погибли сотни и сотни тысяч наших сограждан, включая бесчисленное множество детей! Мало того: появляются фильмы и статьи, где «рулевыми» ельциноидного идеологического аппарата стимулируется появление «комплиментов» даже в адрес Гитлера, предрешившего мучительнейшую гибель многих десятков миллионов людей!

Применительно к наиболее крупномасштабному и наиужаснейшему из душегубов за все тысячелетия существования рода людского, к самому кровавожадному из фашистских главарей применяется даже термин «гений»! В. И. Ленина же все еще «цветущие» ельциноидные идеологические функционеры (при беспомощном попустительстве немалого числа влиятельных т. н. оппозиционеров) из года в год «не удостаивают» ни единым уважительным словом, не допуская, чтобы его называли хотя бы просто полноценно мыслящим человеком... На том мучительнейше тяжком, почти неодолимо гибельном «витке» всемирной истории, чреватом параличом, а, быть может, и крахом человеческой цивилизации, Владимир Ильич сыграл уникально спасительную роль за все тысячелетия ее зарождения, существования и развития. И вот этого величайшего по своей человечнейшей благотворности государственного руководителя объявляют современные заправила-сребролюбцы и их дезинформационная служба духовно и этически недееспособным человеком! Даже виновником гитлеровских и сталинских деяний!! Мало того: они же (люди бесчеловечнейшие, бездушные) как раз его без зазрения совести обвиняют в жестоких поступках, которых он никогда не совершал и совершить не мог!

В действительности же первый руководитель Советской России всегда делал все возможное для спасения тем более невинно обреченных, хотя и далеко не в каждой ситуации это ему удавалось. Разумеется, из года в год в первую очередь с особым рвением утаивается от народа то, что он стремился, но так и не смог предотвратить трагедию, происшедшую в Екатеринбурге июльской ночью 1918 года. Как и ряд других тягчайших срывов подобной же «разновидности»... Но истина современным прихвизаторам всего и вся никогда не была нужна даже в порядке редкого исключения, раз есть «высочайшее» стремление распотать ее без зазрения совести. Вот и почти в день очередного ленинского юбилея одна из газет вещала, будто «вскоре после въезда в резиденцию царей, вождь приказал расстрелять семью царя, уничтожить всех попавших в руки большевиков Романовых, десятки женщин, детей, стариков!» («Московская правда», 25.04.96. С. 5).

В том же номере есть столь же лживые «дежурные» разглагольствования, будто Ленин виновен в «красном терроре» и в «закладывании основы Гулага». Хотя правда заключается как раз в том, что сразу же после победоносного завершения борьбы с иностранными агрессорами и полностью зависевшими от них белогвардейскими армиями был взят курс на невиданную гуманизацию нашего общества. Помимо многого иного, была проведена широчайшая амнистия, а количество политических заключенных стало тысячекратно меньшим не только по сравнению со временами восторжествовавшей сталинщины, когда их число возросло с нескольких десятков тысяч до миллионов, но и сопоставляя это с царскими временами. Когда по сравнению с началом 20-х годов политических арестантов, а также ссыльных по аналогичным обвинениям насчитывались хотя и не миллионы, но все же их было многократно больше, чем в ленинские времена... А «обрублено» все это было через считанные годы после кончины Владимира Ильича!!

Клеветническое «зомбирование» масс, обрушиваемое на них отнюдь не только в связи с памятными датами, просто не может ныне не сочетаться с оскорбляющими, ополшляющими «шуточками», подло воздействующими на сознание, в первую очередь — молодых

людей. В норме наивных, неосведомленных, начисто лишенных, начиная со школьных лет, даже подобия честной исторической информации. Вот и приличная, еще лет за пять до 1992 года, центральная газета «резвится» на другой день после ленинского юбилея: «Миллиция задержала В. И. Ленина», а рассказывается в этой заметочке о слесаре по фамилии «Ленин», попавшемся на воровстве, и который будто бы «по-ленински» провозгласил, что «Мы пойдем другим путем»... («Известия», 23 апреля 1996 года). А вот другая центральная газета опубликовала статью, посвященную ИТК-5 строгого режима, издевательски внося в заголовок имя Володи Ульянова. А в тексте ему посвящена лишь фраза: «Лучшим волейболистом зоны был признан здоровяк из Братска, Володя Ульянов, мотавший второй срок за кражу госимущества» («Комсомольская правда», 26 апреля-5 мая 1996 г.).

Вот и А. Солженицын тоже вновь внес свою, ставшую с 1992 года чуть ли не обязательной для всех открытых и «завуалированных» капитализаторов, «лепту» в шельмование В. И. Ленина, утверждая, будто он «говорил о русском народе — «великорусская шваль!» («Комсомольская правда», 23 апреля 1996 г. С. 3) Казалось бы, предъявляя поистине страшное обвинение (тем более — тому, кто давным-давно ушел из жизни и потому более восьми десятилетий не в состоянии разоблачить ни одного из огромной своры набглевших с конца 1991 года, всемерно поощряемых клеветников), Александр Исаевич должен был непременно указать где и когда это было сказано! Однако Солженицын расчетливо уклонился от такого рода конкретизации, ибо тут же обнажилась бы правда-матушка... Ведь буквально «с кровью» выдернутое им из контекста словосочетание содержится в продиктованной Лениным 30.12.1922 г. первой части гневно антисталинских записок «К вопросу о национальностях или об «автономизации». И при не то, чтобы научно обоснованном, а заурядно честном цитировании, Солженицын (да и редакция упомянутой газеты) обязаны были бы признать, что В. И. Ленин «шовинистической великорусской швалью» назвал не русский народ, а «типичного русского бюрократа!» Однако так хотелось, как обычно, залить грязью того, кто по сей день остается главным антиподом вселенской мерзости, насаждаемой у нас с конца 1991 года...

Дорвавшиеся до бесконтрольной власти в конце 1991 года номенклатурно-лжедемократические прихвизационно капитализаторские элементы довольно скоро проявили свою прямо-таки дегенеративную жестокость! С редчайшими, и как раз для них более, чем для кого-либо, закономерным бесстыдством, сочетающимся с прямо-таки зоологической беспощадностью, вели себя Ельцин и компания по отношению к еще не умершим, но почему-то воспринимавшихся ими в качестве своих опасных врагов совсем старым, больным и совершенно беспомощным людям. Например, еще 17.11.92 московское телевидение уведомило сограждан, что незадолго до очередного юбилея Великой Октябрьской революции 125 оставшихся в живых ее участников были лишены всех «послаблений», в том числе по медицинскому обслуживанию. Неизвестно, сколько из этих беспомощных людей на радость тогдашнему властителю и его подручным быстренько скончалось просто потому, что им был со злобной радостью нанесен оскорбительный удар «сагогом в душу». Однако при желании можно с достаточной степенью достоверности выяснить, сколько из горстки этих людей в целом было «ликвидировано» таким нехитрым и по «демократическим» временам вполне легальным способом.

Проявляется же бесчеловечнейшая сущность антинародно-капитализаторских властителей каждодневно зловеще разнообразным образом. В том числе и в письме в редакцию доктора экономических наук Сергея Георгиева, озаглавленного «На пороге взрыва»: «Я считаю, что в нашей стране сложился чудовищный разброс в размерах оплаты труда между различными категориями работающих. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмот-

реть объявления... Например, замдиректору по коммерческой работе предлагается оклад в размере 3000 долларов, главному бухгалтеру — 2500, секретарю-референту — 500. В то же время учитель получает 1500 рублей, ученый, доктор наук — 2000 рублей... Дифференциация в оплате уже достигла немислимых размеров и выражается соотношением 1 : 50 и более. К сведению, во Франции, где сильны позиции профсоюзов, дифференциация в оплате выражается соотношением 1 : 6. Причиной сложившегося в нашей стране этого громадного разрыва в уровне оплаты труда стал подписанный еще в 1991 году президентом Б. Ельциным указ «Об отмене ограничений на заработную плату и на прирост средств, направляемых на потребление».

Таким образом, государство самоустранилось от контроля за заработной платой в стране... Между тем исторический опыт показывает, что гипертрофированная дифференциация в оплате труда создает взрывоопасное расслоение общества. В международной практике для определения степени имущественного расслоения общества применяется так называемый «децильный коэффициент», отражающий соотношение между доходами 10 % наименее обеспеченных граждан к доходам 10 % наиболее состоятельных. Зарубежные ученые-социологи считают, что при соотношении доходов этих групп 1 : 10 наступает критическое положение, чреватое социальным взрывом. (...) Ведь... сегодня минимальная заработная плата поднята до 132 рублей, а прожиточный минимум трудоспособного москвича мужчины составил в сентябре 3298 рублей...» («Вечерняя Москва», 20.11.2000)

Самое уродливое, абсолютно нетерпимое «новшество» последнего десятилетия XX века, корыстно привнесенное в наше общество, отразилось и в письме одной из особо несчастных соотечественниц. «Пишу вам и отвлекаю себя от очередной попытки уйти из жизни. Трое детей, младшему из которых восемь месяцев, безработный муж и ноль денег. Вчера кормила малыша Димку засохшими хлебными крошками. Размочила в воде — получила несколько чайных ложек... Я, молодая женщина, выгляжу, как старуха. Мои черные когда-то волосы уже наполовину седые (...) Я уже забыла, как пахнет суп с мясом. Для меня роскошь — яйца, масло, гречка. Мы едим дешевые крупы и картошку, которой нас подкармливают моя единственная подруга.

Но она тоже живет почти впроголодь. Поддерживает нас 65-летняя тетя мужа. А выдachu детских пособий в нашей области задерживают на несколько месяцев. В райсобесе на меня все время кричат: «Сама виновата, что столько нарожала!» Последнее время приходят мысли о самосожжении перед Домом правительства...» А. Пятёркина. Ульяновская область» («Аргументы и факты». № 49, декабрь 2000 г. С. 20). Могут найтись желающие упрекнуть несчастную мать семейства и в том, что не сумела удержать мужа от пьянства, от пропивания даже того небольшого, что ему удастся «подработать». И прочего, столь же «оправдывающего» чиновников всех соответствующих аппаратных инстанций. Но ведь преступно «не замечать», что уж дети-то вообще ни в чем неповинны! И в то же время в современных условиях торжествующей бесчеловечности их никто не обязан спасать от гибели! Невзирая на наличие гигантски возросшего роскошествующего паразитарного, да к тому же невиданно коррумпированного всевластного аппарата...

Как ни странно, но все неисчислимые беды десятков миллионов людей от самых зурядных до чудовищнейших были закономерными и, возможно, predeterminedными с изуверской расчетливостью. Хотя не допустить, исключить наихудшее было не так уж сложно. Даже Гавриил Попов решил уведомить о вполне реальной альтернативе «руководной» российской катастрофе 90-х годов, о чем поведала доктор экономических наук профессор Э. П. Пивоварова в своей работе «Социализм с китайской спецификой». Итак: «В свете нового этапа послесоветской истории интерес представляет опыт страны, которая с самого

начала решила проводить реформы под руководством компартии и в рамках социализма... Китайские реформы сразу обернулись лицом к нуждам населения, к обеспечению его дешевыми товарами и продовольствием... За период 1978–1997 годов в КНР среднедушевой чистый доход жителя деревни увеличился почти в 4,4 раза, города — больше, чем в 3 раза. Рост розничных цен — от максимума 18 % в 1993 году до 0,8 % в 1997-м. Отсюда — поддержка масс с первых же шагов реформ.

Реформы в Китае исходили из особенностей своей страны, а не из рецептов зарубежных знатоков... Другая из особенностей — забота о величии китайской нации, о превращении страны из отсталой в современную державу. В стране практически не было приватизации, а частный сектор создавался не взамен государственного, а методом заполнения пустующих участков экономики. (...) И самое главное — никаких штурмов, скачков, обещаний успеха через 100 или 150 дней... Постепенность, этапы, десятилетия — все это черта китайских реформ» («Московский комсомолец», 8 декабря 2000 г. С. 6).

Исключительно показательно следующее признание Г. Попова: «Ведь сейчас в России, уставшей от власти союза партократов и либералов и отчаявшейся найти хоть что-то созидательное в вакханалии разделов и переделов собственности, таможенных квот и льгот, ренты от вывоза природных ресурсов и т. д. явно начинается своего рода период возрождения хотя бы того элементарного, формально-бюрократического порядка, который был в советской системе» (См. там же). Конечно, данный автор и говоря правду, пока не может «не договаривать»...

А вот в письме за подписью 1286 граждан на имя депутата Госдумы Е. К. Лигачева, в частности, есть следующие строки: «Опомнитесь, депутаты, как можно вводить платную медицину! Это значит, вводить закон о вымирании граждан России». («Ветеран». № 45, декабрь 2000 года. С. 1) В том же номере есть и такие строки: люди испытывают «...пагубные последствия разорения единого государства, насильственной капитализации общества. В семьи пришли нищета, горе, неисчислимыя беды, преднамеренно уничтожается научный и культурный потенциал. В стране формируется класс хищных буржуев, новых хозяев жизни... Повсюду разгул преступности, разворовывается народное добро, пышно расцветает коррупция, всюду правит криминал. В России, других республиках СНГ нет никакой демократии, а по существу, установилось господство мафиозно-тоталитарного режима». (Там же. С. 6)

Все это лишь фрагменты общесоциальной деградации, осознанно «запущенной» в конце 1991 года и предвещающей все несчастья, все беды последнего десятилетия XX века! С, возможно, непоправимыми последствиями, обрушенными на все народы нашей страны, все еще огромной, но бьющейся в тисках преступно политиканского беспредела... Микроскопически малой частицей уже немало лет происходящего давно невиданно скверного на грани паталогического общенационального уродства, «сотворенного» лжереформаторами бесчеловечнейшего типа и была упомянутая душегубская «новация». Во всей ее смертельной неодолимости фатальной для униженных и ограбленных совсем уж немощно дряхлых людей, караемых за Октябрь 1917 года, Ельцин, Гайдар и т. п., конечно, понимали, что для старцев, ими убиваемых особенно нужна льгота, дававшая надежду хотя бы на смягчение предсмертных мук, то есть на сколько-нибудь сносную медицинскую помощь, которая стала по-настоящему доступной с 1992 года лишь для «приблизженных к трону» подручных и для всех т. н. «новых русских», изловчившихся сказочно (хотя и, как правило, преступнейшим образом) разбогатеть, форсируя развал российской экономики и всех других сфер с помощью приватизации, спекуляции, коррупции, криминализации и т. п. Ведь в норме отнюдь не на честных людей «работает» такая медицина!..

Не грех бы все же узнать, остался ли в живых хотя бы один из тех, кого, возможно, в сталинском ГУлаге не успели добить тогдашние палачи и охранники за приверженность ленинским идеалам правды, добра, прогресса, социальной справедливости, дружбы и братства между народами? Можно не сомневаться: вероятно, каждый из них, вопреки всем личным бедам и страданиям, безмолвно уходя в небытие, больше всего болел душой из-за того, что по воле очередного временщика хапужно-душегубской модификации сброшены в пучину нищеты, голода, болезней и прочего тому подобного, десятки миллионов людей, что гибнут гигантские людские массы, не прожив положенного времени и среди них — сотни и сотни тысяч детей! Видимо, были все же они в состоянии понять, что виновники разрушения наиважнейшего и подрыва великой страны, мечтавшие сбросить то, что от нее осталось после воровских «реформ» на полуколониальную обочину всемирной истории, непременно жаждут наигрязнейшим фальсификаторски-клеветническим способом разделаться в первую очередь именно с Владимиром Ильичом! Впрочем — горстка чудом тогда еще уцелевших участников великих событий была бессильна добиться перемен к лучшему. Ныне же наиважнейшее зависит прежде всего от того, будет ли восстановлена основополагающая истина в сознании большинства честных и мыслящих граждан Отчизны нашей...

Наиболее ужасна участь юных, включая и тех, в первую очередь, кто особенно беспомощен вследствие своего совсем, совсем нежного возраста. И отнюдь не только потому, что в 90-х годах непоправимо подорвано здоровье многих миллионов недавних детей и подростков из особенно преступно обездоленных и ограбленных семей честных тружеников. Особенно же страшна участь многих сотен и сотен тысяч из них, из года в год убиваемых на «колее», проложенной ельцинским режимом с помощью вероломно обрушенных на наше общество голода, болезней, развала здравоохранения, межнациональной и иной розни, шквала систематически поощряемого преступного беспредела, тотального растления, то есть всемерного стимулирования особенно губительных форм аморальности! Однако и это далеко не все из самого страшного и скверного! Чего стоит хотя бы то, что целые поколения превращаются в своего рода духовных и морально-этических «манкуртов»!

Если и впредь будет торжествовать всеохватывающий обман о наиважнейшем из происходившего в XX-м веке, то ситуация ухудшится непоправимо и Родина наша просто сгинет не только как нечто сравнительно все еще цивилизованное хотя бы в некоторых отношениях... К примеру, весьма многие взрослые уже начали воспринимать как само собой разумеющееся, да к тому же «правильное» все более частый ожесточенный лепет о В. И. Ленине на грани «вмонтированного» во множество юных голов, изуродованных средствами массовой дезинформации и «обновленной» «образовательно-воспитательной» системой, оглуляющих и деморализующих детей и внуков наших! Скажем, из передачи РТР 19.05.96.: «Я бы голосовала за Ельцина, чтобы спасти Россию от того, что с ней сделали, начиная с 1917 года, а потому так важно продолжить теперешние реформы». «Наш теперешний капитализм испорчен только что уничтоженным социализмом». «Я посмотрела фильм «Утомленные солнцем» и поняла, какую чудовищную систему создал Ленин. (Заметьте: не Сталин, осуществивший антиленинский переворот, а именно В. И. Ленин, еще в 1922 году требовавший его смещения с ключевого поста, давшего тому возможность сосредоточить «в своих руках необъятную власть»... — Г. Н.) «Ленин все время развязывал всевозможные войны и заставлял всех голосовать за себя, а кто с этим не хотел соглашаться, то всех таких он убивал!» Как же ужасны те, кто доводит ребятню до такого состояния!

7 С конца 1991 г. произошла преступнейшая своего рода регенерация наихудшего в нашем прошлом, включая и многое из бесчеловечнейше тоталитарных «изобретений» 30-х годов. Накануне же XXI века это «своеобразно» «возродилось» и «повновому» продолжалось страшным разорением подавляющего большинства честных тружеников России в 90-е годы с помощью преступнейше грабительской «прихватизации» и разрушения, фактического уничтожения огромной части общенародного достояния. И, конечно, столь же чудовищного «изъятия» сбережений всей, у подавляющего большинства — крайне нелегкой трудовой жизни многих десятков миллионов людей, подрыва системы бесплатного здравоохранения, образования и вообще всего жизненно насущного для населения нашей страны. В результате же в страшных муках, начиная с 1992 г. ни за что ни про что погибли миллионы наших соотечественников. Прежде всего для того, чтобы сотни миллиардов украденных у них долларов «осели» в зарубежных банках на личных счетах отвратнейших из любителей власти, богатства, роскоши...

Насколько же бесчеловечны не только по сравнению с В. И. Лениным и истинными его последователями того наитруднейшего времени, Б. Ельцин и прочие ему подобные! Например, накануне одного из самых крупных своих преступлений — ограбления около 70 миллионов вкладчиков Сбербанка, что предрешило ускоренную гибель миллионов честных тружеников, лжереформаторы гайдариодного и прочего типа заблаговременно сняли свои сбережения и спешно взялись буквально опустошать прилавки ювелирных и других подобных «источников» драгоценностей, зная о «скоропостижном» и неизбежном тысячекратном падении стоимости советских денег!

В то же время лишенные ельциноидными властителем вкладов десятки миллионов честных людей были обречены на вымирание, а коррупционное и прочее ворье — на сказочное сверхобогачение за счет гигантских масс ими загубленных! А ведь давным-давно можно было бы многократно уменьшить жатву смерти, «гуляющую» по России, возвращая вклады хотя бы еще уцелевшим старым инвалидам I и II группы! Но это и по сей день «ни к чему» уголовным капитализаторам, уверенным, что гибель по их собственному желанию многих миллионов честных тружеников и их детей — всего лишь «очищение» России от «никчемного» и никому уже не нужного «человекообразного балласта»! То есть от просто обаянного вымирать неисчислимыми массами «отработанного материала», разумеется, на радость криминально-капитализаторским, да к тому же процаристски высокомерным «новым» хозяевам нашей многострадальной страны...

Безнаказанности данного и всех подобных деяний служит и почти все то, что творится сплошь и рядом повседневно на телеэкране, в лжедемократической, лжепатриотической, промонархически-ретроградной да и по-расистски оголтелой «печатной продукции». Все это взаимосвязанные звенья цепи тотального одурманивания и деморализации, далеко небезуспешно срабатывающие с конца 1991 года после всепагубного антинародного переворота. А в результате честные люди со страшной душевной болью вынуждены вновь и вновь констатировать, насколько чудовищны результаты олицетворяемого новыми хозяевами России «околоцарского» буржуинства, начиная с последнего десятилетия XX века.

«Беспризорность, безработица, преступность, проституция, наркомания — таков удел миллионов юношей и девушек, такова поистине удручающая картина нынешней молодой России. Сокращается рождаемость, на глазах падает образовательный уровень молодежи. Мутный поток масс культуры ведет к деградации духовности и нравственности» («Ветеран» № 2 (598), 2000 г. С. 8). И это лишь одно из множества преступнейших деяний совершенно бесконтрольно господствовавших элементов!

Ключевые фигуры власти 15 последних лет и те, кто им особенно близок, добились вроде бы всего им «желательного», как по части невиданного, и в сущности, как правило, абсолютно бесчеловечного, разнузданно криминального самообогащения, так и в смысле почти монопольного господства над рычагами дезинформационного «оскопления» десятков и десятков миллионов наших соотечественников... Ох и многое предпринималось по этой части, включая даже такую недавно сравнительно добротнo функционирувавшую, отлаженную еще со времен А. В. Луначарского и Н. К. Крупской, «тихую заводь», как библиотечное дело. Уж здесь-то можно было решительно и быстро изменить обстановку к лучшему, но не тут-то было.

Из письма в редакцию: «В Башкортостане списывают книги и сдают в утиль. Так из республиканской юношеской библиотеки списаны сочинения В. И. Ленина и другая политическая литература. Так же списана в утиль и художественная литература, касающаяся революции и гражданской войны. Мы удивляемся, что преступность среди молодежи растет. С этим надо бороться, а у нас «борются» наоборот. С чьего указания это делается, не знаю, но думаю, что такой процесс нужно остановить» («Ветеран» № 23, июнь 2000 г. С. 7). Можно не сомневаться: и это составная часть курса, целеустремленно направленного на доведение до, по меньшей мере, духовно полупарализованного состояния гигантских людских масс, начиная с самого юного и потому особенно беззащитного возраста.

Для достижения максимального эффекта общесоциальной и прочей дегенерации нашего общества дезинформационно-пропагандистская вакханалия органически сочетается с расчетливо «внедренными» в жизнь России нищетой, голодом, всемерно поощряемыми преступностью, наркоманией, алкоголизмом, аморальностью и т. п.

К примеру, хуже, чем просто преступно «не замечать» страданий никогда прежде невиданного количества беспризорных и безнадзорных детей и внуков наших (тем более — безобразничая по части хапужного самоуслаждения). Прежде всего, в результате как обнищания десятков миллионов соотечественников, так и запрограммированного уголовно властвующими хозяевами страны развала всей системы образования и воспитания, ныне по-прежнему усугубляемого! Не когда-то, а в дни теперешние в той же столице нашей продолжает бурно увеличиваться масса беспризорников, пытающихся выжить в невиданно бесчеловечных (особенно для них) условиях дней текущих, о чем 29.06.2001 г. поведала и телевизионная передача «Петровка, 38»! Причем вновь пришлось констатировать, что по-прежнему бурно «разбухающий», невиданно дорогостоящий чиновничий аппарат паразитарно-коррупцированного типа, по-прежнему не предпринимает ничего серьезного и по данному направлению своей «титанической» деятельности... Из той же «серии» и «деталь», свидетельствующая о том, что по сравнению с 1987 г. более, чем в 60 раз увеличилась к дням текущим количество заболевших сифилисом. Включая подростков и даже детей («Труд» 30.05.2001 г. С. 6). В России на 01.06.2001 г. насчитывается уже более миллиона больных СПИДом, 80 % из них — молодые люди (См. «Труд», 04.07.2001 г.). И это лишь бесконечно малая частица проблематики колоссальной, поистине беспредельной значимости!

«Увы, не первый год демографы бьют тревогу. Директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН академик Наталья Римашевская на недавней пресс-конференции сказала, что «пока» Российская Федерация входит в десятку великих стран с численностью жителей свыше ста миллионов. По последним, майским данным, у нас сейчас 144,5 млн душ. Но специалисты из ООН прогнозируют: ко второй половине века россиян на Земле останется лишь 55 миллионов. Измученная многолетними экономическими невзгодами, двумя чеченскими войнами, истощенная морально и

физически, наша родина-мать уже не в силах рождать столько сыновей и дочерей, сколько нужно для естественного замещения одного поколения следующим. Вместо необходимых 2 миллионов детей в год у нас рождается всего лишь 1,2 млн. За десять последних лет, по словам Римашевской, «детское население» сократилось на 4 миллиона. Поэтому сегодня главная задача государства — сохранить каждого новорожденного. И вот тут у нас много проблем.

Материнская смертность в России в четыре с половиной раза выше, чем в странах Западной Европы, младенческая — в два раза. По данным генерального директора ассоциации «Планирование семьи» Инги Гребешовой, у нас из десяти беременностей более шести прерывается абортom. Обследования беременных показывают: сорок процентов из них страдают анемией. Для большинства будущих мам такие важные продукты рациона, как рыба и мясо, просто недоступны.

Не получая жизненно необходимых питательных веществ, малыши уже в первый год жизни начинают болеть. Среди учеников младших классов абсолютно здоровыми можно назвать лишь 10–12 процентов, в средних таковых еще меньше — 8 процентов, а в старших классах и вовсе 5. К окончанию школы молодой человек имеет набор хронических заболеваний, в прошлом характерных в основном для стариков. Хотя СПИД и венерические заболевания, наоборот, значительно «помолодели».

А можно ли назвать здоровым потомство, которое уже сегодня бродит по улицам России? По данным академика Натальи Римашевской, в России около трех миллионов детей — беспризорники. Их называют «дети улиц». Но маленькие бродяжки встречаются не только в больших городах и не только на улицах. В одной из командировок в маленьком захудалом поселке на берегу реки Амур мы как-то разговорились с местными старожилками и удивились отсутствию в деревне молодежи. В ответ одна старушка тяжело вздохнула и махнула рукой в сторону густых зарослей: «Молодежь наша с утра в коноплю уходит, а поздно вечером по дому расплзается...» Это тоже беспризорники при живых родителях. «Дети конопля».

Откладывать решение всех этих проблем на отдаленное «потом» просто преступно. Возможно, какие-то объективные демографические процессы не остановить одними лишь властными указами. Но неужели в нашем государстве жизнь ребенка так и не станет абсолютной ценностью?» («Труд» 01.06.2001 г. С. 2.)

Из статьи «Минздрав предупреждает: здоровье детей и подростков в России катастрофически ухудшается»: «Тревожно нараставшие в последнее десятилетие тенденции ухудшения психического и физического развития детей и подростков, учащихся средних школ и техникумов приобрели, считают специалисты, угрожающий характер. Перейдена критическая черта. Речь уже идет о выживаемости нации, в конечном счете — о будущем России, ее безопасности. Медицинская статистика за 2000 г. (обработка данных завершилась недавно) подтверждает худшие опасения.(...) Сегодня среди пяти-шестилетних малышей только 6 процентов вполне здоровы, две трети имеют функциональные отклонения и около 30 процентов — больные. По мере взросления ребят число страдающих разными недугами увеличивается. 40 процентов выпускников школ имеют такие серьезные отклонения по здоровью, что не годны к службе в армии.

Словом, поговорка «молодость плечами крепка» сегодня, к сожалению, не соответствует нашим реалиям. Что же происходит с ребятами? Чем объясняется такой рост заболеваемости? Этой актуальной теме была посвящена наша беседа с заместителем директора Научно-исследовательского института гигиены и охраны здоровья детей и подростков, доктором медицинских наук, профессором Л. Сухаревой...

Среди причин я бы выделила несколько главных: обвальное падение уровня жизни в последнее десятилетие, неблагоприятную экологическую ситуацию, непродуманные реформы в сферах образования и здравоохранения, свертывания профилактической работы. О какой, спрашивается, сбалансированности питания может идти речь, если у миллионов семей не хватает денег не только на необходимые детям фрукты, овощи, рыбные и мясные продукты, но порой даже на самое элементарное — картофель, крупу, сливочное масло? С одной стороны — перекокс рациона в малообеспеченных семьях в сторону углеводов (хлеб, мучные продукты), с другой — просто недоедание. Врачи с тревогой констатируют: удельный вес низкорослых подростков увеличивается в 9 (!) раз. В целом нынешнее молодое поколение все больше отстает в физическом развитии от школьников прошлых десятилетий.

Помните, еще не так давно мы говорили о таком явлении, как акселерация, — ускоренном развитии детей? Они были не по возрасту рослые, физически сильные, носили обувь и одежду большого размера. Сегодня мы наблюдаем противоположный процесс — децелерацию, отставание в физическом развитии. Уменьшаются рост, размеры грудной клетки, таза, то есть, как говорят специалисты развивается процесс «грациализации» телосложения.

У 17-летних юношей сила, с которой кисть сжимает динамометр, снизилась по сравнению с аналогичными исследованиями в 60-х годах в среднем на 10 килограммов, у девушек — на 7. От 15 до 25 процентов школьников не могут подтянуться на перекладине даже один раз. Четверо из пятерых учащихся не в состоянии выполнить стандартные в 60-е годы нормы БГТО («Будь готов к труду и обороне»). Жизненная емкость легких сократилась на 15 процентов. Словом — явный регресс. Многие ученые, правда, считают, что цикличная смена процессов акселерации и децелерации является объективной закономерностью. Но если и так, то в нашей стране из-за неблагоприятных социально-экономических и других факторов ситуация несомненно усугубляется.(...)

Число инфицированных детей растет лавинообразно. 1998 год: ВИЧ обнаружен у 100 мальчишек и девочек. 1999-й — у 320. 2000-й — у 567. О том, как происходит заражение, рассказывает эпидемиолог Российского федерального центра по профилактике и борьбе со СПИДом Екатерина Дубицкая: «Примерно половина детей рождается с вирусом от инфицированных матерей, остальные (за малым исключением) получают его через шприц. 1 процент ребят заражается половым путем».

Не менее тревожная картина с распространением венерических заболеваний среди подростков. Если в 1990-м было выявлено только 40 мальчишек и девочек до 14 лет, подхвативших сифилис, то в 1999-м — 2598. В возрастной группе 15–17 летних оказалось еще больше заразившихся — почти 14 тысяч. А десять лет назад таких случаев было зарегистрировано 350. Рост — в 40 раз! И хотя с 1996-го идет снижение количества подобных диагнозов, все же уровень заболеваемости среди тинэйджеров остается непомерно высоким: 196 человек на 100 тысяч населения. Представить невозможно: каждый пятисотый сифилитик.

Статистика, однако, дает еще один неожиданный «срез». Распространенность этой болезни среди подростков-девушек (15–17 лет) в 3,2 раза выше, чем у юношей, и в полтора с лишним раза больше, чем в целом по стране. Можно предположить, что среди 12 тысяч зараженных девочек немало тех, кто подрабатывает «на жизнь» первой древнейшей профессией.(...)

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что без сочетания энергичных экстренных и долгосрочных мер невозможно остановить разрушительные процессы. Времени на дискуссию не осталось.

...Трудно не согласиться с профессором Сухаревой. К сказанному ею можно еще добавить недавно полученные редакцией данные Госкомстата о распространении в детской, подростковой среде туберкулеза и алкоголизма. За один лишь год туберкулезом заразилось почти 5 тысяч ребятишек — от грудников до 14 лет. В этой же детской возрастной группе за 5 лет заболеваемость алкоголизмом увеличилась в 2,6 раза. Куда уж дальше? В пору подавать сигнал «SOS» («Труд», 6 июня 2001 года. С. 3).

Нельзя не повторить лишний раз, казалось бы, общеизвестное: ведь и упомянутые беды являются производным общебазисной катастрофы. Причем порожденной кое-кем очень ловко «прокрученным» воровски-хапужным подрывом закономерности настоящего прогрессивной, да и притом элементарно человеческой. Происшедшее в 90-х гг. XX века в нашей стране потрясло даже потомка белых офицеров Павла Хлебникова (далеко не случайно убитого в Москве неизвестными летом 2004 г....) «Преобразование России из мировой сверхдержавы в нищую страну — одно из самых любопытных событий в истории человечества. Это крушение произошло в мирное время всего за несколько лет. По темпам и масштабу этот крах не имеет в мировой истории прецедента». Так считает гражданин США Павел Хлебников, доктор наук престижной Лондонской школы экономики, старший редактор американского журнала «Форбс».

В Москву его привела презентация его книги.(...)

«Я сторонник рыночной экономики и частной собственности. Всегда им был и всегда буду. Когда начинал изучать Советский Союз, было это в 1989 году, то ожидал, что произойдет великий всплеск энергии, ведь страна двинулась к рынку и к частной собственности. Когда же оказалось, что эти «рыночные реформы» в кавычках, проведенные Гайдаром и Ельциным, привели к развалу и катастрофе в демографическом, экономическом и социальном смыслах, я начал искать причины. Обнаружил, что все богатство страны попало в руки горсточки людей — коррумпированных чиновников и приближенных к ним бизнесменов» («Труд», 01.06.2001 г. С. 7. Из статьи «Как ограбили Россию»).

В сходном направлении развивается и восприятие Александром Солженицыным российских реалий последнего десятилетия: «...Какая «свобода слова» была у нас недавно, когда «Россию раздели донага?» «Нас ограбили Ельцин, Гайдар, Чубайс...». Но тогда пресса либо отмалчивалась, либо поддерживала приватизацию по Чубайсу. Воры и были тогда главные «звезды» телеэкрана. «Народные богатства были розданы узкому кругу практически за бесплатно», но — «невозможно основать государство на грабительстве... В народе — сознание неправды. Неправду нельзя пережить, а не только грабеж недр» Солженицын отмечает, что все же и на телеэкране иногда заметно что-то приличное. «Но в целом все это капля в море базара, беспредела и дурно пахнущего политзаказа» (см. «Труд-7», 14 июня 2001 г. С. 19).

Странно, но никто из самых гневных, непримиримых критиков ельцинщины не выходит за пределы анализа физического вырождения и вымирания миллионов самых юных наших соотечественников. А ведь одновременно осуществляется их целеустремленное оглушение и фактическое растрение. При этом срочно «выдавливается» из народной памяти единственный в своем роде и наиболее успешный пример решения данной проблемы в первый период становления Советской России.

Ныне это представляется чуть ли не сказочно невероятным, но в нечеловечески тяжелых условиях была создана система эффективнейшего духовного, нравственно-го и, конечно, физического оздоровления не просто основной массы, а гигантского большинства населения. От этого, разумеется, второй десяток лет «отмахиваются» ельце-ноиды, отказываясь спасать миллионы ими же на гибель обрекаемых! А вот оклеветан-

ный ими В. И. Ленин еще 31 декабря 1917 года подписал декрет, в котором все дети нашей Родины признавались детьми республики, а забота о них признавалась прямой обязанностью Советского государства. В мучительно же тяжком 1919 году глава Совнаркома подписал декрет о бесплатном питании для всех детей до 16 лет и при первой возможности в скором времени сумел на деле обеспечить его успешную реализацию. А вот в современные душегубски грабительские, наигрязнейшие капитализаторские годы, властвующие, богатеющие, жиреющие «демократические» чудовища просто не могут не «резвиться», преступно обвиняя гнуснейше клеветническим образом во всех смертных грехах именно В. И. Ленина, спасшего миллионы детей! Ради собственного самообогащения ежегодно без зазрения совести, продолжая обрекать на муки и смерть неисчислимые массы юных вплоть до грудных младенцев!...

Кто же выгадывает от душегубски предрешенных ельцинским режимом муках десятков миллионов и гибели «всего лишь» миллионов, включая подростков и детей вплоть до грудных младенцев? Немало весьма симптоматичного в этом плане можно узнать и из «Литературной газеты» от 22 апреля 1998 года, с. 7 (статья Игоря Гамаюнова). Грустно, все же, но вполне порядочная публикация появилась в день рождения В. И. Ленина, о чем, конечно, редакция не вспомнила...:

«Пятый год в нашем парламенте идет работа над законом о коррупции, трижды его принимали обе палаты, и трижды Президент накладывал на него вето. Странно затянувшийся «импульс», не правда ли? Только не знаю чей: самого Президента? Или все-таки его ближайшего окружения? А может сама коррупция за эти годы выветрилась, ушла, и такой закон уже не нужен?! (...)

Прочные чиновничьи и бандитские «крыши» поражают своей жизнеспособностью. Почему они так легко возникают и так благоденствуют? На этот вопрос проливают некоторый свет два высказывания двух известных в России людей. Бывший министр внутренних дел Анатолий Куликов в одном из своих интервью сообщил: от 40 до 50 процентов доходов организованных преступных групп уходит на подкуп чиновников.

А начальник Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД РФ генерал-лейтенант милиции Александр Дементьев дополнил это высказывание: коррумпированность всех ветвей власти обеспечивает «откачку» из госбюджета такого количества не облагаемых налогом денег, что из них образовалась теневая «Бюджет», именуемый в противоречии «черным налогом». Определить его объем сейчас не представляется возможным. Остается лишь догадываться. Какие полноводные реки нелегализованных денег текут из одного безразмерного кармана в другой. И как эти реки размывают и без того непрочную финансово-экономическую основу нашей страны.(...)

Вспомним январь 1992 года. Мы решили немедленно перейти к рынку. Начали реформу. Обвальную! Обесценились накопленные (в том числе и честным трудом) деньги. Реформаторы призывали: развивайте предпринимательство! А как? Где взять начальный капитал? Молодые люди с предпринимательской жилкой были без средств. Их пожилые родители, потеряв накопленные деньги в течение одного-двух месяцев, оказались нищими, ничем помочь не могли. Но тем не менее появились кооперативы, товарищества с ограниченной ответственностью, акционерные общества и коммерческие банки. Как? И на этот вопрос ответил генерал лейтенант милиции Александр Дементьев: «В стране не найти честного миллионера, потому что преступна сама экономика, которая не позволяет нажать капитал честным путем»...

Об этом я беседовал в Институте проблем укрепления законности и правопорядка с доктором юридических наук, президентом Ассоциации кримиологов А. М. Долговой, руко-

водителем рабочей группы ученых, подготовивших два законопроекта — «О борьбе с организованной преступностью» и «О борьбе с коррупцией»... — Сама концепция реформ, — утверждает Азалия Ивановна, — изначально была, мягко говоря, криминалистические не проработана. А если сказать точнее, то она, эта концепция, несла в себе огромный криминальный потенциал.

...В книге Егора Гайдара «Государство и эволюция», вспоминает А. Долгова, эта концепция ясно выражена: у партийно-хозяйственной номенклатуры, по мнению Гайдара, власть можно было лишь выкупить. А, как известно, в переводе с латыни «коррупция» — это подкуп. Вот подкуп и стал официальным орудием преобразования социальных отношений в России. Бывшей советской номенклатуре дали возможность обрести разной величины куски госсобственности. Но не только государственной. Было заявлено, что один из резервов переустройства общества — это теневая экономика и теневые капиталы. То есть подпольные цеха, открытые на бандитские «общаковские» деньги, где они отмывались. Эта черная криминальная собственность тоже стала источником подкупа бывшей, а затем и новой номенклатуры, быстро превращавшейся из «старых» в «новых русских».(...)

Криминологический анализ приводит к выводам: оргпреступность, проникающая через коррупцию во все структуры общества, — это отнюдь не побочный продукт реформ, а неизбежный результат их ориентации на коррупционный характер перемен. Да, власть у старой номенклатуры выкупили, но ведь ценой криминализации государства!.. И новые собственники, чтобы упрочить свое положение, в свою очередь покупают новую власть. То есть коррупционные процессы продолжаются...

Как-то в командировке в небольшом южном городке милицейский «жигуленок», в котором я ехал к местному начальству, притормозил на повороте. «Вон, смотрите, — кивнул сидевший за рулем молодой лейтенант милиции, — ничего домик?!» На холмистом склоне среди пальм и магнолий лицом к морю стоял трехэтажный особняк. Его трудно было не заметить. Небедные дома вокруг него, принадлежавшие «Новым русским» — из красного кирпича современной постройки, с арочными окнами и островерхими крышами, — тускнели рядом с ним. Дело не только в зубчатых башенках по углам, узорчатой ограде из кованого металла и журчавшей посреди уютного дворика фонтане. Стены особняка, облицованные светлой мраморной плиткой, источали на южном солнце спящей свет. Особняк был немалого выше окружающих его коттеджей, но казался дворцом арабского шейха рядом с хижинами своих подданных.

— Чей? — поинтересовался я. — Начальника налоговой полиции, — усмехнулся лейтенант, выворачивая руль. — Но по документам, конечно, хозяин не он, а его любимая тетушка. Дом этот так и называется — «особняк любимой тетушки»... Как потом выяснилось, он был в этом городе архитектурной достопримечательностью. Возле него останавливались автобусы с туристами, его фотографировали на память отдыхающие из окрестных санаториев. Сам хозяин, время от времени выходивший на балкон покурить и попадавший в кадр, похоже, не смущался таким вниманием. Оно, видимо, тешило его самолюбие.

Этот российский шейх не боится, что кто-то спросит его, на чьи деньги построил он тетушке сверхающий особняк. Все тщательно оформлено: строила тетка, всю жизнь проработавшая библиотекарем, «на свои сбережения», он же только советовал. Но он уверен: никто не спросит, на такой вопрос нет «законных оснований», во-первых. А во-вторых, и без вопроса все в городе знают: за укрывательство доходов он берет с каждого «нового русского» примерно половину той суммы, которую предприниматель должен заплатить в государственную казну. И бизнесмену выгодно, и начальнику, у которого дети взрослые, — им тоже, как и тетушке, помочь надо. Невыгодно лишь госбюджету.

А вот еще несколько выразительных фактов из нашего нынешнего бытия: лидер преступного мира по кличке Пудель, трижды судимый держатель воровского «общака», создал в Хабаровске фирму-ассоциацию под названием «Свобода», а оказавшись в Москве, стал (неизвестно каким образом) членом Комиссии по правам человека общественной палаты при президенте РФ. В этом качестве побывал в Женеве и в США. (Его я как-то видел в одной из передач Центрального телевидения.) В Курской области зам. прокурора Курчатовской межрайонной прокуратуры попался на взятке 10 тысяч долларов — брал за прекращение двух уголовных дел (таких же, наверное, Пуделей?).

Кажется, предельно ясно: в политику реформ нужно вносить коррективы. К таким коррективам, кроме упомянутого налогового кодекса, относится и работа над двумя законами — «О борьбе с организованной преступностью» и «О борьбе с коррупцией». Закон о коррупции дважды был принят Госдумой и утвержден Федеральным собранием, а затем, попав на стол президенту России, возвращался обратно. Первый раз — в августе 94-го. Второй — в декабре 95-го. В конце 97-го этот закон пошел на третий круг. Сейчас он снова принят Госдумой и Федеральным собранием. И — снова отвергнут президентским вето.(...)

На вопрос: «Можно ли разбогатеть в казино?» — пока ответ примерно такой: да, можно. Если вы, разумеется, крупный чиновник, живущий в сто раз богаче, чем позволяет вам ваша зарплата... Потому что — в отсутствие закона о коррупции — всегда можете сослаться на удачно проведенный в казино вечер... Ну представьте, говорите вы компетентным органам, поставил я на черное!.. И вот результат: счет в швейцарском банке, вилла в Ницце и так далее. Не поверят? Это их проблемы. Вот в чем дело: у «них», пытающихся остановить процессы коррупции, «свои проблемы», а у беловоротничковых преступников и движущейся к власти братвы в оранжевых пиджаках — «свои»... («Литературная газета», 22 апреля 1998 года. С. 7).

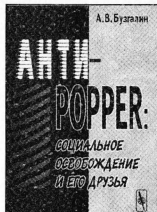
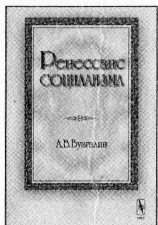
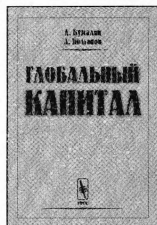
Об авторе

Георгий Львович НИКАНОРОВ

Автор этой книги родился в 1926 г. В 1943 г., в возрасте 17 лет, добровольцем вступил в действующую армию и воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Его воинская служба закончилась в 1949 г. В послевоенное время Г. Л. Никаноров вплоть до выхода на пенсию работал учителем истории в одной из московских школ. Многие его ученики до сих пор поддерживают с ним теплые отношения.

В последние пятнадцать лет Георгий Львович был крайне обеспокоен потоком лжи и клеветы, вымышленных, ничем не обоснованных обвинений, обрушившихся в средствах массовой информации на В. И. Ленина. Такой беззастенчивое пренебрежение правдой истории, проникшее даже в школьные учебники, не могло оставить его равнодушным. Он пытался бороться с этим мутным потоком, неоднократно выступал в печати со статьями, в которых разоблачал наиболее мерзкие клеветнические выпады. В конечном счете у него созрел замысел дать наиболее полную и широкую картину кампании дезинформации, обрушенной на жителей России, противопоставив ей правду о В. И. Ленине, глубоко аргументированную фактическим материалом. В результате семилетней работы и появилась эта книга, которую мы предлагаем вашему вниманию.

Наше издательство рекомендует следующие книги:

Надрыз: Правда и ложь отечественной истории
XX века Изд.3 Никаноров Г.Л.

9 785484 012602

ID: 115187

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (495) 135-42-16

Тел./факс: 7 (495) 135-42-46

URSS

E-mail:
URSS@URSS.ru

Каталог изданий
в Интернете:

<http://URSS.ru>